

Пантелеймон

КУЛІШ

ПОВНЕ ЗІБРАННЯ ТВОРІВ

Пантелеймон
КУЛІШ

ЛИСТИ

Том I
1841–1850

Критика
Київ 2005

ББК 84.4УКР1
К 90

Редколегія:

Григорій Грабович (голова)
Віктор Дудко
Степан Захаркін
Василь Івашків
Андрій Мокроусов
Євген Нахлік
Олесь Федорук
Володимир Яцюк

Упорядкування, коментарі
Олесь Федорук

Підготування текстів
Олесь Федорук, Наталья Хохлова

Відповідальний редактор
Степан Захаркін

Видання побачило світ завдяки фінансовій підтримці
Українського наукового інституту Гарвардського університету

ISBN 966-7679-69-1
ISBN 966-7679-70-5 (т. I)

© Олесь Федорук, упорядкування,
підготування текстів, коментарі, 2005
© Наталья Хохлова, підготування текстів, 2005
© Видавництво «Часопис "Критика"», 2005

ЛИСТИ

1841

1. До Михайла Максимовича

Луцьк, 25 березня 1841 р.

Милостивый Государь Михайло Александрович!

Марта 15 я послал Вам письмо, и намерен был писать к Вам не прежде, как по получении «дражайших Ваших Киевлянинов»[1]; но вдруг один случай заставил меня, не дождавшись Вашего ответа, за первым луцким письмом моим[2] послать вдогонку это письмо – в виде прибавления. Узнал я, что у смотрителя[3] хранится библиотека, принадлежавшая Олезару[4] и заключающая в себе до двух тысяч книг, большею частию на польском и французском языках. Каталог этих книг отослан к «высшему начальству», и уже два года смотритель ожидает резолюции – куда девать их. Между теми книгами (говорил мне учитель истории[5], сам я не имел счастья даже видеть эту библиотеку) есть все польские историки и хроникары, много рукописей и – что всего важнее – рукописное подробное описание польских сеймов; сверх того много книг исторических разного рода, есть романы Вальтер-Скотта и пр. Я просил смотрителя позволить мне порыться в этой библиотеке, но он, невзирая на все мои мольбы, не дал мне ни одной книги, отговариваясь единственно тем, что он давал в прошлом году на вакациях книг три учителю истории, который, завезши их в деревню, продержал у себя целою неделею долее положенного сроку, что он, смотритель, очень этим встревожился, думая, что они пропадут, и с того времени поклялся не давать никому ни под каким видом. Вот и выходит на деле, что собака лежит на сене, сама не ест и другому не даёт! Это глупое упрямство очень меня огорчает, лишая меня редкого случая – читать в уездном городе превосходные книги; и я решился беспокоить Вас моею просьбою: устроить дело как-нибудь так, чтоб – или Михайло Владимирович написал смотрителю о свободном пропуске меня в Олезаровскую библиотеку, или что-нибудь иное, может быть, Вы придумаете, только покорнейше прошу Вас доставить мне право беспрепятственно рыться в тех книгах, сколько моей душе будет угодно[6]. Может быть, я отыщу в польских хрониках и рукописях что-нибудь и для Вашего «Киевлянина».

Я за 6 р. сребром в месяц имею квартиру прекрасную со столом: три комнаты на втором этаже; с балкона видны лавки и базар как на лодоне. Спокойствие всевозможное, потому что нижний

этаж со сводами, сквозь которые ничего не слышно. В одной комнате моя спальня и кабинет, в другой я принимаю гостей, а в третьей спальня для моего слуги и кладовая. Слуга мой хотя и поляк, но не так глуп, как Ваш Доминик; жалованья же ему всего – два рубля сребром в месяц на его платьи. Обзавёлся я также, по Вашему наказу, самоваром, чашками (хотя здесь во всех домах, кроме Данилова, пьют чай мужчины и дамы стаканами!), обзавёлся ложечками, сахарницею и пр., – словом, устроил чай точно так, как у Вас, не достает ещё только Васьки. – Впрочем, бывает иногда грустно: здесь все меня любят и ласкают, но как-то ни к кому сердце не лежит, и не отраду, а какую-то усталость чувствуешь, отвечая этим людям на знаки дружества.

На безрыбьи и рак рыба, а на безлюдьи и Хома человек; так и я здесь, в Луцке, занимаю очень видное место и пользуюсь едва ли не таким уважением, как, например... нет примера на этот миг. Особенно Ваше письмо к Зеновичу подняло меня в общем мнении целым аршином выше. Даже сам смотритель стал ко мне почтительнее, так что даёт мне руку, чего ни один подчинённый от него ещё не удостоился. Ксензы же, между которыми Зенович стоит как бы главою и с которыми он меня познакомил, принимают меня с знаками величайшего уважения[7]. Но меня больше всего этого радует то, что я перед учениками сумел повести себя так, что без всяких наказаний заставил их повиноваться мне безусловно: уроки выучивают отлично, а в классе во время моей лекции так тихо, как в университетской аудитории, чего другие учители не могут добиться никакими строгостями.

Ожидая с нетерпением решения моей просьбы, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1841 года, марта 25.
Луцк.

2. До Дмітрія Бібікова

Луцьк, 6 травня 1841 р.

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь!

Занимаясь несколько уже лет с особенною любовию русскою историею и древностями, я воспользовался случаем пребывания моего в Луцке, чтоб сделать здесь топографические и письменные изыскания для Киевского Общества любителей истории и древностей словенорусских[1]; но при осмотре мною древних башен Луцкого замка[2] здешний казначей[3], по великому своему невежеству в науках, не только не позволил мне обозреть внутри ту башню, в которой лежат его архивы (не запертые, впрочем, даже на замок), но ещё осыпал

меня самыми нелепыми и обидными подозрениями. Посему я, надеясь встретить подобный приём и от других здешних чиновников, решился прекратить на время свои изыскания и обратиться к Вашему Высокопревосходительству, как к покровителю наук, с покорнейшею просьбою – соизволить выдать мне открытый лист, по которому бы луцкие чиновники допустили меня свободно пересмотреть городские здания и архивы.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею пребыть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1841 года, мая 6. Луцк.

Адрес: Пантелеймону Александровичу Кулешу, учителю Луцкого дворянского училища, в Луцке.

1842

3. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 14 вересня 1842 р.

Милостивый Государь Николай Данилович!

Ваша предупредительность налагает на меня приятную обязанность отвечать Вам с должною благодарностию. Присылка от Вас экземпляра Кониского Летописи[1] тем более доставила мне удовольствия, что Вы почтили меня своим вниманием, не будучи со мной знакомы. – Братец Ваш Василий Михайлович говорил мне, что Вы, по просьбе Г. Устрялова о указании ему, где можно достать верных списков Кониского Летописи, указали ему на меня. Мне очень приятно было бы способствовать Г. Устрялову в прекрасном его предприятии[2], но как я, при своих исторических занятиях, очень часто имею надобность в своих рукописях, то покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить Г. Устрялову, что список, с которого я сделал свой, принадлежит инспектору училищ Киевского учебного округа Михайлу Владимировичу Юзефовичу[3], живущему в Киеве, и что Г. Юзефович, как истинный любитель истории, пришлёт свою Летопись Кониского Г. Устрялову, по первой его просьбе.

Надеясь на Вашу добрую ко мне расположенность, обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею моею просьбою – собрать для меня, с помощию Ваших знакомых, сколько можно, малороссийских песен и прислать на моё имя в Киев, чем одолжите меня чрезвычайно. Я намерен заняться изданием наших народных песен[4], не полагаясь на обещания некоторых литераторов, которые откладывают исполнение своего предприятия с каждым годом и, вероятно, намерены оставить свои коллекции песен в наследство детям своим[5].

Прошу ж Вас, почтеннейший Земляк, отныне считать меня давним своим знакомым; я ж постараюсь оправдать делом Ваше доброе обо мне мнение.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1842, сент[ября] 14.
Киев.

4. До редакції «Москвитянина»

Київ, 29 травня 1842 р.

В Редакцию журнала – «Москвитянин».

Предпринимая важный труд для истории Малороссии, я разослал объявления об этом к известнейшим мне малороссийским фамилиям, приглашая их содействовать мне своими документами; но как много малороссиян живёт и в Великой России, то покорнейше прошу Редакцию поместить в своём журнале приложенное здесь объявление, для всеобщей известности[1].

Пантелеймон Кулеш

1842 года, мая 29.
Киев.

5. До редакції «Москвитянина»

Київ, 9 жовтня 1842 р.

В Редакцию журнала – «Москвитянин».

Ведая, что «Москвитянина» занимает всё, что произвела в обширной Руси народная фантазия, посылаю для напечатания в нём народный рассказ, слышанный мною в Малороссии[1]. В нём народные понятия о Боге и злом Духе выражаются особенным, очень интересным образом.

При переложении этого рассказа на бумагу я старался тщательно сберечь не только подробности самого сюжета, но и посторонние мнения, какие в подобных случаях ум простолюдина любит выводить из своих преданий и верований. Впоследствии могу ещё доставить несколько подобных этюдов, если это будет угодно Редакции.

Другая статейка, приложенная при сем, списана с точностью с задушевного рассказа одного моего знакомого. Рассказ его поразил меня странным стечением обстоятельств и дивным проявлением душевного чувства, посреди прозаического, холодного застоя нынешнего века. Я сперва хотел было написать на этой основе нечто вроде романа, но никак не мог примирить своевольного вымысла с живым сознанием истины этого происшествия; и потому передаю его свету, как оно есть. Может быть, кто-нибудь более способный, если не теперь, то впоследствии, употребит этот сюжет с успехом[2].

За поправки в словах, какие Редакция сочтёт нужным сделать, в претензии не буду.

П. Кулеш

1842, октября 9.
Киев.

1843

6. До Міхаїла Погодіна

Київ, 25 січня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Петрович!

Долгом считаю представить Вам, как просвещённому ценителю, экземпляр изданной мною книги – «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад»[1]. Покорнейше прошу удостоить её благосклонного приёма и Ваших замечаний, которыми не премину воспользоваться при будущих моих трудах.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843 года, января 25.
Киев.

7. До Григорія Квітки

Київ, 25 січня 1843 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

Чтоб возблагодарить Вам хотя несколько за то удовольствие, которое доставляло нам чтение Ваших прекрасных сочинений, имею честь предоставить Вашему Превосходительству экземпляр изданной мною книги – «Михайло Чарнышенко». Прошу принять благосклонно этот ничтожный дар как слабый знак моего глубокого к Вам почтения и преданности. Мы в Киеве готовимся к изданию малороссийских летописей, и если Ваше Превосходительство имеете хороший список какой-нибудь летописи, покорнейше прошу Вас прислать его мне для сличения. Я продержу его такой срок, какой Ваше Превосходительство назначить изволите, и потом возвращу во всей целости и сохранности. Если Ваше Превосходительство удостоите меня ответа, покорнейше прошу объявить Ваше мнение, как об издании летописей, так и о другом моём предприятии, изложенном в объявлении при моей книге[1], чем обяжете меня живейшею благодарностию.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843 года, января 25.
Киев.

Адрес на обороте.

Адрес: Его Бл[агородию] Пантелеймону Александровичу Кулешу, в Киев, на Старом городе, на Житомирской улице, в доме полковницы Михеевой.

8. До Пєтра Плєтньова

Київ, 25 січня 1843 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

Считаю долгом представить Вашему Превосходительству, как просвещённому ценителю, экземпляр изданной мною книги – «Михайло Чарнышенко». Покорнейше прошу Ваше Превосходительство удостоить её благосклонного приёма и Ваших замечаний, которыми постараюсь воспользоваться при будущих моих трудах.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843, января 25.
Киев.

9. До Міхаїла Погодіна

Київ, 2 березня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Петрович!

Письмо Ваше весьма меня обрадовало, ибо я до сих пор не знал, как думать о своём романе. Хотя некоторые из моих знакомых и хвалили его, однако ж я их похвалам не совсем доверял, думая, что всё это делается, как говорят поляки, przez grzeczność. Ваше ж одобрение столько уверило меня в небесполезности моих занятий, что я осмеливаюсь приступить со временем и к другому роману, если почувствую себя достаточно к тому приготовленным.

Все Ваши замечания совершенно справедливы. Не удивительно, что сие моё детище родилось с значительными недостатками. Я писал его при самых неблагоприятных для меня обстоятельствах. Меня мучили жестоко, и моя душа редко могла приходить в то спокойное состояние, которое (по крайней мере в моей природе) необходимо для самодовольного творчества.

Я теперь не занимаюсь ничем, а сижу у моря да жду погоды. Яснее сказать: роман этот употреблён мною как вспомогательное только средство к другим моим делам. Надобно Вам знать, что я имею все атрибуты великого поэта, т. е.: 1) денег ни гроша, 2) порядочные долги, 3) должность самую ничтожную (меня, не знаю

почему, держат в чёрном теле те самые люди, которые мне трубят в уши о моих способностях[(a)]), 4) мне тяжелы и ступеньки чужого крыльца, 5) у меня, если угодно, есть и injusta patria[1]; словом, ничем из принадлежностей поэта судьба меня не обделила. Но все эти преимущества пред обыкновенными смертными вместо того, чтоб заставлять меня (как водится, говорят, у других поэтов) бряцать без умолку на сладкогласной лире, производят на меня совершенно противное действие: я не могу ни за что взяться и чаю денег, аки воды живыя, чтоб отбиться от кредиторов да обзавестись удобным жилищем и необходимыми для меня книгами. Одно утешает меня иногда в моей низкой и горестной доле: это – переписка с малороссийскими панами по поводу *Истории малороссийских фамилий*, о составлении которой объявление напечатано в Вашем журнале. Верьте, иногда я получаю из блаженной Малороссии такие письма, что смеюсь даже во сне. Для образца я сделаю здесь небольшую выписку; только покорнейше прошу Вас не выносить сору из избы, а то Боже упаси! всё пропало, если мои земляки узнают, что я иногда и смеюсь над ними:

«У меня (пишет один вельможный пан) 9 февраля родился сын Фортунат, которого 16 числа вывел из язычества благорасположенный ко мне генерал-лейтенант П. В. О. Сего нового пришельца в мир встретили и другие почтенные мои соседи, из которых майор и разных орденов кавалер П. сказывал мне, что он сам видел документ у И. Г. С[олонины], могущий изумить всякого, именно: что на распятие Право-Учителя, Бого-Человека, Иисуса Христа определение в числе других подписано и предком фамилии Солонин, Солониною[2]. Сего И. Г. Солонину я знаю. Я с ним познакомился в то время, как я был хорунжим, исправлявшим должность предводителя (дворянства), и ездил по командировке начальства в г. К.[3], где я сего Солонину и видел у судьи Н., и не мог налюбоваться его костюмом, состоявшим в парчевом фраке битого золота, как луб..... Сказанный Солонина имеет, сверх документов, и такие редкие штофные материи, начиная от двухличного сукна, что Вы удивитесь, и не требуя доказательств на дворянское достоинство, и самая Герольдия, не сомневаясь, признала бы его в дворянском достоинстве. Он чрез высокомерие впал даже в Гепохондрию (sic), чему доказательством служит то, что он показывает черни жупаны за сто, двести, триста и более лет, носимые (sic) его предками, хранит их и только из несшитой парчи сделал себе фрак, да и то, когда его избрали в поветовый (ныне уездный) суд подсудком».

Замышляю я так много, что иногда боюсь, не слишком ли я самонадеятелен? Во-первых, я хочу издать (с помощью некоторых особ) все малороссийские летописи с возможно полными коммента-

---

[(a)] Я уже два года служу учителем русского языка в уездном дворянском училище, в Киеве, на Подоле, и никому из моих протекторов до этого нет нужды![4]

риями; во-вторых, издать малороссийские песни, которых много собрано лично мною в народе; в-третьих, издать народные предания, легенды, мифологию, пословицы и всякую мелочь; в-четвёртых, издать историю малороссийских фамилий, как огромный сборник материалов для истории; и, наконец, в-пятых, написать на основании всего этого *историю Малороссии*, если почувствую, что буду к тому годен. Молю Вас осчастливить меня присланием тех драгоценных материалов, о которых Вы изволили писать[5]. Я продержу их у себя такой срок, какой Вы сами назначите. Но пока не получу, не буду спать спокойно.

Воспитывался я в Киевском университете[6], на Святой же Руси до сих пор не сподобился ещё бывать, и потому я почти брежу Вашею Московиею, изучая русскую старину. Верую, что судьба не до конца будет меня преследовать, и я облетаю со временем те страны, по которым тоскует душа моя, и я нагляжусь и на Русь беспредельную, и на всю славянскую нашу родню.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843, марта 2.
Киев.

P. S. Намерен был я послать 50 экземпляров на комиссию в книжную лавку при конторе «Москвитянина» чрез купца Губкина, но как Губкин оставил свои товары в Киеве ждать лучшей дороги, то начальник типографии[7] обещал отправить мои книги чрез почту, как казённые тюки. Вот причина, что оне посланы на Ваше имя. Внимание Ваше ко мне даёт мне смелость беспокоить Вас следующею просьбою: нельзя ли Вам от имени моего сделать сделку с книжною лавкою, чтоб она взамен моих книг выслала мне немедленно в Киев следующие книги (ибо с нашим Литовым нет способа иметь дело):

1. Сочинения Николая Гоголя[8].
2. Новое издание «Истории государства Российского» Карамз[ина] на лучш[ей] бум[аге] (в 4^{x} т.)[9].
3. «Русская история» Устрялова (на лучшей бумаге)[10].
4. «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (на лучш[ей] бум[аге])[11].
5. «Описание Украйны» Боплана, перевод Устрялова (на лучшей бум[аге])[12].
6. «История Малой России» Бантыш-Каменского[13].
7. «История Малороссии» Маркевича[14].
8. Сочинения А. Пушкина (на лучшей бумаге)[15].
9. Романы Вальтер-Скотта во французском переводе, самое роскошное парижское издание.
10. «Одежды и вооружения русских, издаваемые по Высочайшему повелению»[16].
11. Полное собрание русских летописей[17].

12. Шекспир, перевод Кетчера[18].

13. «Сказания князя Курбского» (последнее издание)[19].

14. «Устное повествование бывшего запорожца Коржа». Одесса, 1842[20].

15. «О народной поэзии славянских племен» И. Бодянского[21].

Когда я увижу на своём столе все эти книги, я не знаю, какова будет моя радость! Покорнейше прошу Вас и о точном, и о скором исполнении моей просьбы, чем одолжите меня несказанно.

10. До Михайла Юзефовича

Київ, 15 квітня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Честь имею поздравить Вас с праздником Воскресения Христова[1]. Я болен, и это причиною того, что я до сих пор не могу явиться ни у Вас, ни у Князя[2]. Не умею сказать, чем именно я болен: чувствую себя как бы разбитым, но особенно мучит меня несносная боль в груди[3]. Боюсь, чтоб это не заставило меня умереть. Не могу ничего делать: вот что всего мучительнее. Получил я из книжной лавки Погодина книги: Шекспир Кетчера (12 выпусков) и Сочинения Ник[олая] Гоголя. Это меня утешило несколько в моей невыразимой скуке. Гоголь, под влиянием Гомера, дополнил своего «Тараса Бульбу» и возвысил его достоинство. В описании битв он совершенно подражает манере гомеровской, и это ему чудесно удалось. Жаль только, что, вычисляя, как и в «Илиаде», множество ратующих героев, он сочиняет их имена. А я в этом случае взял бы все их или из народных песен, или из старинных бумаг. Это необходимое условие исторической поэмы. Гоголь больше теперь вчитался в малороссийскую старину, глубже вгляделся в душу южных руссов и выразил в «Тарасе Бульбе» многие новые черты народного характера, быта и военных «звыча́ев козацких»[4]. Я желал бы, чтоб Вы прочли. Каково будет Ваше мнение. О квартире моей человек Ваш может узнать в училище. Письма же от Погодина ещё ожидаю.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843, апр[еля] 15.
Киев.

11. До Стєпана Корабльова

Київ, 22 квітня 1843 р.

Милостивый Государь Степан Петрович!

Весьма благодарен Вам за присланные мне книги. Жаль только, что я получил их подмоченными и изуродованными страшно (неис-

правно были заделаны в тюк). Прошу ещё в счёт денег выслать мне с первою отходящею почтою следующие книги, без которых я – как без рук:

1. «Polska do połowy XVII wieka» przez Maciejowskiego[1].
2. «История Малороссии» Маркевича.
3. «Ист[ория] Малой России» Бантыш-Каменского (последнее издание).
4. «O wojnach Chmielnickiego»[2].
5. «Устное повествование бывшего запорожца Коржа».

Прочие же деньги, какие выручите за мою книгу, прошу Вас прислать мне в Киев наличными, а не книгами.

С должным уважением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1843, апр[еля] 22.
Киев.

Да ещё в счёт денег прошу дослать имеющие выдти выпуски *Шекспира* и остальные томы русских летописей, которых я получил (к удивлению) только III[й] том[3].

П. Кулеш

О сбавке с цены я уже писал Михайлу Петровичу. Как ему угодно будет распорядиться, так и извольте продавать, меня не спрашиваясь.

12. До Міхаїла Погодіна

Київ, 27 квітня 1843 р.

Милостивый Государь, Михайло Петрович!

В ожидании благосклонного ответа на мои, может быть, докучливые письма, решаюсь ещё раз беспокоить Вас моею просьбою. Если я отнимаю у Вас время, которое Вы употребили бы, конечно, на дела гораздо важнейшие, то надеюсь, что Вы, Милостивый Государь, извините меня во имя литературы. Я забеременел новым романом[1] и, нося его в своей душе, чувствую особенный аппетит к некоторым книгам, без которых моё чадо или вовсе не созреет в моём уме, или же родится с какими-нибудь неприятными недостатками: и то, и другое для родителя горестно. Итак, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не поставить себе в тягость сделать с книжною лавкою такую сделку, чтобы она прислала мне (в счёт имеющих выручиться за мою книгу денег) следующие книги: 1) «Polska do połowy XVII wieka» przez Maciejowskiego; 2) «История Малороссии» Маркевича; 3) «История Малой России» Бантыш-Каменского; 4) «O wojnach Chm[i]elnickiego» и 5) «Устное повествование бывшего запорожца Коржа». Сверх того, надеюсь, что Вы не откажете сообщить мне свои малороссийские летописи, которые, под этот час, когда же-

лезо ещё горячо, «стали бы мне въ великой пригодѣ». Да ещё позвольте повторить Вам мою покорнейшую просьбу о напечатании моей критической статьи. Об этом вместе со мною просит Вас и мой добрый благодетель, помощник попечителя Киевск[ого] уч[ебного] округа Михайло Владимирович Юзефович, который сожалеет, что случай не позволил ему иметь удовольствие познакомиться с Вами во время проезда Вашего чрез Киев[2]. В рецензии моего романа Сенковский ещё бессовестнее уродует историю Малороссии и без церемонии делает нас поляками, чем мы ни в каком случае быть не желаем, и молчать на его выходки значило бы соглашаться с его суждениями, не основанными ни на исторических документах, ни даже на здравом смысле[3].

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою.

П. Кулеш

1843. апр[еля] 27.
Киев.

13. До Михайла Юзефовича

Київ, 27 квітня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Я не запечатал письма к Погодину для того, что, может быть, Вы, прочтя его, найдёте в нём что-нибудь неладное и, переправивши, возвратите мне для переписания вновь. Идея нового романа, о которой я ему пишу, родилась у меня ясно именно в то время, когда я испугался, чтоб не умереть от боли в груди. Мир, представлявшийся мне дотоле мрачным скопищем людских недостатков, вдруг, при одной мысли о смерти, явился в моей душе со всем тем, что только она находила когда-нибудь в нём поэтического, – и это явление неожиданно озарило для меня художественным колоритом несколько страниц *нашей* истории. Я, кажется, пишу темно: нельзя ясно высказать того, что ещё душевные силы ворочают в неопределённом хаосе, доколе творение не явится уму возведённым в ту степень[а] ясности и целости, после которой поэт может уже смело выражать себя письменно. Опять темно, и потому оставляю: может быть, и ничего не выйдет из этого хаоса, и я наперёд боюсь, чтоб Вы не журили меня за детское болтанье. Правда, Шиллер не иначе создавал свои творения, как разболтавши сперва своим знакомым всё, что было у него на душе, и наговорившись досыта о будущем своём детище. Обещание Ваше посетить когда-нибудь мою обитель весьма меня обрадовало, тем более, что я вовсе не заслуживаю такой чести, разве, при помощи Божией, заслужу её в будущем. Но когда уже дома я вспомнил, что Вы може-

---

[а] *Далі закреслено*: полноты

те застать меня одетым не так, как бы следовало к принятию столь почтенного посетителя, то пришёл в большое затруднение; ибо, привыкши жить на свободе, не связанным ни с каким семейством, не могу одевшись работать. А потому наперёд покорнейше прошу извинить меня в этом, во имя литературы и живописи.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843, апр[еля] 27.
Киев.

P. S. Посылая Вам Гоголя[1], покорнейше прошу не поставить себе в тягость приказать Бурченку переплесть его на мой счёт точно в такой переплёт, как и Ваши книги; ибо жаль смотреть, что бедный Гоголь совсем разбит от далёкого и неудобного путешествия в почтовой телеге[2].

14. До Михайла Юзефовича

Олександрівка, 31 липня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Я теперь хожу как пчела по сотам: где только встречу седую бороду, не отойду от неё без того, чтоб не выжать из неё пахучего цветка народной поэзии или в предании, или в песне. Изучение этих малороссийских антиков так же меня совершенствует, как совершенствует живописца изучение антиков скульптуры. Но меня смущает посреди моей лаборатории то, что я не имею средства, возвратившись в Киев, пополнить, что я издержу из данной мне казённой суммы денег, а не издержать лишнего сверх 1 ½ рубля асс. в сутки мне в дороге решительно невозможно. Почему обращаюсь к Вам, моему всегдашнему покровителю и заступнику, с покорнейшею просьбою разослать сколько можно по округу мои книги, чтоб я вырученными чрез то деньгами мог пополнить казённую сумму, а иначе – я найдусь Бог знает в каком положении. Это иногда сильно меня тревожит. Здесь познакомился я с известным М. Грабовским и нашёл в нём человека весьма умного и чрезвычайно трудолюбивого[1]. Он пригласил меня провесть у него в деревне несколько дней и предоставил в моё распоряжение свою библиотеку и все свои бумаги, которых у него множество. И теперь я посреди книг и бумаг чувствовал бы себя как в раю, если б не сказанное обстоятельство. Отсюда я буду углубляться в разные места Украины для изыскания развалин народной поэзии – дело великой важности, как я увидел после нескольких опытов. Михайло Александрович[2] написал о Колиивщине сущий вздор, который я советовал бы ему предать забвению: я только теперь это увидел[3]. Я сам думаю написать о Колиивщине, нужды нет, что Скальков-

ский пишет историю гайдамак[4]. Я Грабовскому сообщил много такого, что его удивило, но зато у него нашёл такие материалы для истории Малороссии, о которых нам, заднепрянам, и не снилось. Теперь Грабовский пишет роман из старины, но более нравоописательный, чем исторический[5]. Умная, светлая голова. Он очень пригодился бы в нашей Археографической комиссии[6]. Он, между прочим, советует мне заняться сочинениями, подобными «Огненному змею», а с романом пока обождать для лучшего познания человека. Моего «Мих[айла] Чарнышенка» переводит кто-то под его руководством на польский язык[7]. Он говорит, что я первый постиг элементы души запорожской и что со временем я напишу что-нибудь равное «Ваверлею», «Пуританам»[8] и пр. А мои народные легенды (в «Киевлянине») он ставит единственными в русской литературе.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843 года, июля 31.
Д. Александровка.

15. До Михайла Юзефовича

Умань, 14 серпня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

У меня родилась такая дерзкая мысль, что я даже не смел и говорить Вам о ней прежде её осуществления, – мысль выразить жизнь малороссийского народа в *эпопее*! Я избрал для этого язык и форму народных наших дум, которые изучал долго и прилежно, и так как *думы* наши суть отрывки народной эпопеи, то я и вставлял их целиком, приблизясь к воспеваемой в них эпохе. Я довёл таким образом свою необычайную композицию до смерти Остряницы. Тут поляки доходят до величайшего варварства, души мучеников возносятся к Богу и просят отмщения. Отмщение готовится в страшном для Польши Хмельницком. Может быть, я и совсем не показал бы Вам этого труда, предпринятого не с полною уверенностью в своих силах, но Грабовский, которому я читал, превозносит его такими похвалами, что и я сам начинаю веровать в его достоинства. Он выпросил у меня два отрывка и послал Крашевскому в «Атенеум»[1]. Советует издать эту первую часть в Киеве, а он перепечатает польскими буквами, и уверяет, что она разойдётся по всему славянскому миру. Предоставляю это на Ваше усмотрение. В стихах моих Вы найдёте ямб подле хорея, дактиль подле ямба; может быть, это поразит неприятно Ваш слух; но стопосложение дум (отменное даже от стопосложения малороссийских песен) имеет свои законы, и когда глубже в него вчитаетесь, найдёте в нём такой такт, которого не заменит ни амфибрахий, ни гекзаметр.

Здесь я надеюсь собрать окончательные сведения о гайдамаках и потом поеду через Корсунь на другую сторону Днепра.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843, авг[уста] 14.
Умань.

16. До Михайла Юзефовича

Київ, 7 жовтня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Имею честь препроводить к Вам при сем перевод полученного мною на днях от Грабовского письма[1], которое считаю достойным Вашего внимания во многих отношениях.

Позвольте вместе с этим беспокоить Вас покорнейшею просьбою, чтобы Чуйкевич определён был на русский язык, а мне бы позволено было преподавать историю и географию после Ланге, ибо учитель истории и географии имеет только 8 лекций в неделю, а учитель русского языка – 12.

Да ещё покорнейше прошу Вас сделать распоряжение, чтобы деньги, вырученные за рассылку 50 экземпляров моей книги по гимназиям, отданы были мне, а не начальнику типографии, ибо я много должен и крайне нуждаюсь в деньгах.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Пантелеймон Кулеш

1843 года, октября 7.
Киев.

17. До Міхаїла Погодіна

Київ, 15 жовтня 1843 р.

Киев, 1843, окт[ября] 15.

Уже с год сидит у меня в голове роман, почти совсем готовый, но я не хочу писать его, во-первых, потому, что в Киеве большой книги печатать не стоит, а во-вторых, потому, что хотелось бы глубже изучить историческую эпоху, а материалов для изучения нет (Вы, напр[имер], поманили только меня своим письмом да и замолчали). Если б кто купил его на наличные деньги, то я, пожалуй, написал бы. Но для этого нужно иметь великий авторитет. Пожалуй, купите Вы; я напишу для Вашего журнала, если ему нужно порядочное литературное произведение, ибо, судя по тем статьям, какие

до сих пор в нём помещались, он, кажется, не слишком об этом хлопочет, а этого-то и не достаёт ему для ходкости. (Извините мою прямоту: мы ж списываемся не для комплиментов.) Его называют у нас историческим сборником. Одне рецензии Шевырёва сильно его поддерживают. Имя моего романа: «Сотник Шрамкó и его сыновья» (Шрамкó значит – Balafré), – картина того чудного и загадочного времени, которое наступило по смерти Богдана Хмельницкого. На сцене будут действовать Бруховецкий и Самкó. Пришлите, Бога ради, хоть теперь своих материалов. Этим романом, кажется, я нечто сделаю для истории Малороссии. Если Вы в самом деле захотели бы его приобресть, то вот условия: 1) от печатного листа по 50 р. сребром, 2) никаких перемен и пропусков не делать: за всё отвечает моё имя, о котором я должен заботиться больше, чем кто-либо, 3) деньги за 10 листов выслать вперёд, и с того только времени начнётся изложение его на бумаге, 4) право отдельного издания остаётся за мною.

Совершил я летом двухмесячное путешествие по Малороссии[1] и извлёк великие результаты, между прочим записал из уст народа множество превосходных преданий (в особенности о гайдамаках) с такою точностию, что они вполне могут назваться отрывками изустной народной литературы. Удивительные вещи! что за красота слова! что за дивный полёт фантазии! Приготовил к печати томик в 200 страниц, in-8, под заглавием: «Малороссийские предания, легенды, поверья и разные заметки, касающиеся местных примечательностей народного быта и т. п. (Материалы для изучающих народную историю и поэзию). Собрал П. Кулеш. Книжка первая»[2]. Пусть кто-нибудь у Вас на Москве купит. Я уступлю её за 500 р. асс. наличными, вперёд высланными деньгами. Эта книжка сильно пойдёт. Перед нею «Рассказы Коржа» – бледная копия перед оригиналом. Она более сделает для истории нашего края, чем 4 тома «Истории» Маркевича, и более даст светлых мыслей о поэзии, чем иная глубокоучёная теория. Мне ж она доставит более известности, чем самый удачный роман, какой я могу написать.

Ещё Вам похвалюсь одним подвигом. Давно лежала у меня на душе мысль, нельзя ли соединить в одно целое малороссийские наши думы новыми рапсодиями, как сделал, говорят, когда-то с греческими думами Гомер. Долго я готовился к этому делу, изучал то, другое, десятое, наконец исполнился духа премудрости, сел – и в 5 дней поэма готова. Написавши пять-шесть новых дум да несколько отрывков, я спаял ими народные песнопения до Богдана Хмельницкого, и из этого составился отдельный эпос, ему же имя «Украина». Когда я прочитал её известному М. Грабовскому, он уговорил меня печатать как можно скорее, с тем, что он с моего издания печатает немедленно другое издание польскими буквами в Вильне, и уверяет, что это будет подарок для всего славянск[ого] мира. Итак, я уже печатаю свою «Украину» в Киеве[3]. Посмотрим, co to będzie. А ведь cicho wszędzie[4]. Эпос войн Хмельницкого откла-

дывается на несколько лет, до новых сил и свежего вдохновения. А там в перспективе ещё один виднеется.

Если можно, велите прислать мне «Историю Малороссии» Маркевича. У нас во всём Киеве – ни одного экземпляра. Литов, мошенник, ждёт, пока станут продавать на толкучих рынках.

Да, в Малороссии мой роман имел великий успех, только не денежный. Панам нашим пришёлся он очень по вкусу, особенно восхищаются запорожцем[5]. В новом моём романе будет также запорожец, только уже не один, а целая ватага.

Повести у меня нет никакой. Я в это время больше учился, чем писал, и слава Богу!

П. Кулеш

18. До Тараса Шевченка

Київ, 20 жовтня 1843 р.

Милостивый Государь Тарас Григориевич!

Писал я к Вам два раза из Украины, но, верно, Вы не получили ни одного моего письма[1]. Я написал первую часть «Украины». Это составит отдельную малороссийскую поэму до Богдана Хмельницкого, Хмельницкий составит вторую, междоусобия третью, Мазепа и шведчина четвёртую[2]. Знающие люди восхищались первою частью и уговорили меня скорее печатать, что я и сделал[3]. «Украина» печатается в Киеве и скоро выйдет в свет. Посылаю вам 30 билетов[4]. Раздайте, *пожалуйста*, в Петербурге, а я Вам экземпляры немедленно вышлю. Из своей поездки извлёк я величайшие результаты. Вы это со временем увидите. О гайдамаках я записал прекраснейшие рассказы, которые вместе с другими составили том и будут изданы под заглавием «Малороссийские предания etc». Вашего дідуся я не нашёл в Чигирине[5]. Напишите, пожалуйста, что хорошего видели и слышали Вы в Малороссии. Шкода, що не будете в Киев[е].

А мне бы очень пригодилось поговорить с Вами кой о чём.

С истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

П. Кулеш

1843, окт[ября] 20. Киев.

P. S. Пишу это письмо прихватком. По получении от Вас ответа напишу Вам кой о чём подробно.

19. До Міхаїла Погодіна

Київ, 2 листопада 1843 р.

Киев. 1843, ноября 2.

Желая всегда здоровья и долгоденствия «Москвитянину», я готов снабжать его мелкими моими работами скорее, чем всякой иной журнал на Руси. Взяла меня досада, что всякий суётся писать о Малороссии, тогда как во всём Русском царстве не насчитаешь и пяти человек, которые занимались бы постоянным её изучением. (А она этого стоит. После моей поездки, я смело скажу, что это для нас другая «Одиссея» в натуре. Что это за удивительная сторона, что это за чудный народ!) Напр[имер], Кузьмич какой-то написал целый роман[1], но весь этот роман есть ничто иное, как повторение Б[антыша-] Каменского и Маркевича да передразниванье Гоголя и Загоскина. Ни мысли самобытной, ни чувства поэтического, ни знания страны, ничего этого нет в его «Казаках». Посылаю Вам рецензию[2]. Да благоволено будет поместить её *немедленно* в «Москвитянине». Поэма моя выдет из печати через две недели. Буду благодарен, если предварительно известите об этом публику в своём журнале[3]. Я печатаю 400 экземпляров только. «Чарнышенко» поселил обо мне, видно, очень выгодное мнение в Малороссии: паны очень охотно разбирают билеты на «Украину», так что когда Вам пришлю 50 экземпляров, то мало останется от целой эдиции.

П. Кулеш

20. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 17 листопада 1843 р.

Возвращаю вам[1] с великою благодарностию два тома (2-й и 3-й) Гоголя[2]. Прочёл я их с неописанным удовольствием. Во втором томе прочёл я с тем же наслаждением, как и прежде, небольшую повесть: «Старосветские помещики»[3] – с тем самым наслаждением, но с сильнейшим чувством изящества этого чудного создания; а вторичное чтение есть проба, которую выдерживают только немногие произведения. Третий том также мне очень понравился[4]. Не могу согласиться с вами, чтобы Гоголь сбился с своей дороги, перестав брать предметы для повестей из жизни малороссийской. Видно, что явление естественное и необходимое. Главное, важнейшее свойство таланта Гоголя есть *тонкая наблюдательность*[5] и сильное уразумение поэзии действительности. Это свойство сопутствует ему верно на жизненной дороге, переносит он его с собою всюду, и как в последнее время потерял из глаз родную свою Малороссию, то изучает и изображает предметы чужие – что, конечно, имеет менее привлекательности для его земляков, однако ж это не есть добровольное совращение таланта с надлежащей дороги. В некотором отношении можно даже сказать, что исключительные предметы провинциального быта малороссийского доставили бы ему содержания слишком мало или, по крайней мере, это содержание было бы слишком однообразно. Без сомнения, в высоком роде исторической поэзии рудники малороссийские неисчерпаемы; но, судя по «Тарасу Бульбе», это не род Гоголев: вдав-

шись в него, он должен был бы сильно мучить свой талант, и не создал бы тех высокоизящных произведений, которые теперь составляют его славу. А потому, какие бы ни избирал предметы для своих сочинений Гоголь, это не должно нам препятствовать восхищаться чудным выражением его необыкновенного гения: в противном случае мы будем так несправедливы, как тот хозяин дома, что рассердился на художника, зачем он пишет портрет с своего Ивана, вместо того, чтоб намалевать какого-нибудь генерала со звездою[6]. По моему мнению, чем предмет менее поэтичен, сам в себе, тем он лучше для Гоголя. Мне кажется, что он больше извлёк бы поэзии из пилипона, скупающего щетину, нежели из самого поэтического момента Илиады малороссийской. Странный, однако ж, высокий талант! И поэтому всё, что только эта рука обделает согласно с природным своим вдохновением, будет драгоценность. Из собрания его повестей больше всего понравилась мне «Шинель», и, может быть, потому, что содержание её самое простое. Этот бедный чиновник, пьяница-портной, и закоулок, в котором гнездятся эти бедняки и который бы француз назвал: le tableau de son pauvre interieur[7], это такие вещи, которыми никогда не налюбуется истинный знаток. Я мало знаю равных Гоголю, и никого выше из писателей, составляющих в литературе школу, которая соответствует фламандской школе в живописи. Только здесь средства поэзии во сто раз выше средств кисти и палитры; ибо если мы с истинным наслаждением всматриваемся в сцены повседневной жизни, куда нас переносит живописец, то, благодаря чародейству поэта, как несравненно глубже в них проникаем! какую бесконечную новость и разнообразие представляет нам эта душа человеческая, равно драгоценная во всех своих состояниях и положениях! сколько находим поэзии в этих зрелищах повседневной прозы! В последнем отношении не знаю писателя, который бы лучше Гоголя умел самый обыкновенный предмет обвеять дыханием поэзии – и это даёт ему высокое место между поэтами всех веков и народов. После «Шинели» очень понравился мне эпизод влюблённого живописца, в «Невском проспекте». Эта противоположность чистой любви с недостойным её предметом прекрасна – и тем более, что Гоголь умел в нескольких чертах, но пластически изобразить свою погибшую девушку. Я, впрочем, не ставлю этой повести Гоголя наряду с множеством, по-видимому, подобных вымыслов французской школы[8]. Здесь любовь живописца есть потребность молодого сердца, которое может тем более увлечься своим чувством, если молодой человек, живя в большом городе, удалён от всяких общественных связей, – и потому драма повести Гоголя имеет колорит истины и действительности. В повести «Нос» есть также множество отличных мест. «Портрет» вообще хорошая повесть, кое-где обставленная несравненными сценами и везде исполненная высокого разума и возвышенных мыслей. Наконец, в эскизе «Рим» Гоголь является совершенно с новой стороны: это уже наблюдатель не мелких и юмористических сторон нравов, но великих задач общественных и вопросов, занимающих умы нашего века. Естественная и истинная картина, в которой он представил сперва упоение молодого человека шумною цивилизациею Запада, потом скорое его пресыщение, открытие суетности и мишуры под этою блестящею наружностью, и предпочтение, данное им вечному элементу итальянцев пред театральною выставкою французов, сообщает высокую цену этому отрывку. Вообще в 3-м томе Гоголь является человеком более развитым и зрелым, нежели был прежде. Глядя на него как на писателя, имеющего значение европейское, нужно было этого желать ему от всей души. Я радуюсь, что он вышел из круга пред-

метов малороссийских, и вы меня в том простите. В последнее время, по известным вам причинам, я очень мало читаю, и потому во втором томе прочёл только «Старосветских помещиков», равную, а если вам угодно, то и высшую всех прочих повестей Гоголя; да прочёл ещё «Тараса Бульбу», которого, впрочем, не сравнивал с прежним изданием[9]. Вы желаете, чтоб я на полях книги записывал свои замечания, какие представятся мне во время чтения. Я это вспомнил на половине уже повести и сделал кое-где заметки, которые, по надлежащему, нужно бы стереть, потому что это сотая часть того, что нужно бы ещё сказать. Отрывочные мои замечания могут казаться странными и даже смешными. Распространяться же о «Тарасе Бульбе» нет охоты, ибо скажу вам коротко, что это весьма слабая повесть, и кто не знал бы прочих сочинений Гоголя, тому она не дала бы о них никакого понятия или же дала бы понятие самое ложное. Характер произведений Гоголя состоит, как я уже сказал, в особенной меткости наблюдения и в строгой истине живописи. Везде у него видим руку, изучающую живую натуру, черпающую краски из великой их сокровищницы – из действительности, и потому его сочинения вообще состоят, как и у каждого хорошего писателя, из частностей, которые и порознь имеют свою безусловную цену. Взявши же для сочинения предмет из исторического минувшего, он в первый раз создавал по воображению рисунок и колорит, бился без дороги и делал погрешности на каждом шагу. Одним словом – повесть его «Тарас Бульба» принадлежит к числу тех созданий, которые – ни поэзия, ни история. Вы, конечно, подумаете, не потому ли я ставлю «Тараса Бульбу» ниже всех произведений вашего малороссийского поэта, что эта повесть мне неприятна как поляку. Совсем нет! В вашей эпопее[10] козаки дышут во сто раз большею ненавистью к ляхам, однако ж я отдаю ей должную справедливость[11]. В «Тарасе Бульбе» заметил я, что когда автор приступает к изображению мук козацких, то старается предупредить возражения, ссылаясь на грубость века и обычаев. Но для исторического повествователя мало иметь одно благородное желание беспристрастия; нужно к тому ещё достаточное изучение дела, а без того и возражения, и оправдания будут ничтожны. Высокий род исторического романа, чадо нашего века, есть произведение глубокой учёности. Мало того, что я возьму какое-нибудь историческое событие, представлю его в картине и буду подбирать к ней черту за чертою: нужно мне сперва так хорошо уразуметь исторический факт, чтоб он представился моему уму в поэтических красках; тогда только *действительность* и *поэзия* станут одно, и картина известного события будет иметь оба эти условия. Из нескольких общих мыслей, выраженных в «Тарасе Бульбе», видно, что Гоголь ошибочно понимает историю Малороссии, даже самое происхождение украинского народа и козачества, а потому и не мог уразуметь отношений их к Польше. Далее, опираясь главным моментом драмы на жестокостях поляков, он подвергает её, в отношении художественном, великой опасности. Вы в своих думах[12] повторяете также все предания о жестокостях поляков, и я первый утверждаю, что без потери поэтических красок опустить этого вы не могли. Почему ж я порицаю то у Гоголя, что хвалю у вас? Потому что различны законы романа и эпопеи. Эпопея представляет мне *один* народ, со всеми его чувствами и понятиями, которые в нём действительно образовались в течение исторической его жизни; а роман есть картина разносторонней действительности, картина, которая не будет иметь гармонической пропорции и прелести, коль скоро в ней что-нибудь переступит границу строгой истины. Каковы были – и были ли – жестокости поляков в отноше-

нии к Руси? Были, без сомнения, и были великие; ибо в такой смертельной борьбе, какая происходила между Речью Посполитою и Войском Запорожским, не могло обойтись без взаимного ожесточения. Однако ж уже одно то, что это происходило в запале отчаянной борьбы, даёт им иной характер, нежели когда мы представляем одну сторону постоянно торжествующею, а другую попранною, когда представляем жестокости, совершаемые с хладнокровием и т. п. Если б исторический роман изобразил самым верным образом какую-нибудь казнь, но не предупредил этого изложением причин, справедливых или ложных, которые истолковали бы это действие, то он пренебрёг бы важною тайною своего искусства, тайною, составляющею существенную принадлежность рода: ибо роман исторический есть игра самой истории пред нашими глазами, и потому нужно, чтоб драма его совершалась в условиях естественных и правдоподобных. Ввесть в роман историческое происшествие или имя не значит ещё ничего; они известны нам уже в летописи: представь это натурально – вот искусство! Гоголь в «Шинели» вводит портного – предмет, кажется, ничтожный; но когда он мне изображает его как портрет, я любуюсь этим родом искусства. Пусть же он представит мне точно так в историческом романе живую натуру исторического события; тогда и он будет картиною – иначе это будет ничтожная оперная декорация, которая понравится только дитяти и невежде. Наконец – что такое эте повести о быке Фалериса[13], о детях, варенных в котле, и проч. и пр.? легко, кажется, можно отгадать. Лет тридцать с небольшим назад в английской литературе не было книги популярнее истории Наполеона, в которой этот корсиканец представлен был творением отвратительнейшим, оскорбителем девиц, пожирателем маленьких детей и т. п. Плимутские матросы, манчестерские и ливерпульские ремесленники свято этому верили: такими баснями питались ненависть и месть народная. Так точно и во время продолжительной вражды поляков с козаками взаимные клеветы беспрестанно кружились в народе с той и другой стороны. Одне из них пущены были в ход с умыслом, другие рождались от преувеличенных рассказов и повестей; а народ, с таким баснословным воображением, как украинский, легко составил себе из всего этого ужаснейшие страшилища – раскалённых быков, ксензов, ездящих в колесницах, запряженных девками, и т. п.[14] Может быть, из царства описательной поэзии исключать этого не следует; но представить это в драме с признаками правдоподобия никто не будет в состоянии. Для этого нужно бы исказить все обычаи; а в вымышленных обычаях никогда нет колорита: истинные же обычаи будут противоречить драме. Не зная польских обычаев даже касательно отношений козаков к полякам в XVII веке, Гоголь не мог утвердить своей картины на широком основании, и сделал только парафразу и амплификацию происшествия, взятого из летописи: дело, недостойное такого художника! Я думаю, и вы заметили, какая у него бедность в обстановке этой сцены казни козаков! как он не знает места казни, обычаев и века! Что за марионетки – эта толпа варшавских жителей на месте казни? этот шляхтич с Юзысею и пр. и пр.? Точно также в важнейшем месте, при описании осады Дубна, как некстати юморизм этих эпитетов (очевидно, за недостатком лучших): *маленький полковник, длинный, длинный хорунжий.* Если б исторический поэт умел только означить разницу между рыцарством польским и восстанием козаков, то уже одним этим нашёл бы богатейшие краски для обеих сторон. Вы читали Паска[15] и потому можете себе представить, каков был польский жолнер XVII века. Наконец, и вы сами делаете кое-где (на полях книги) замечания, что Гоголь ино-

гда противоречит обычаям украинским. Что ж после того сказать об обычаях польских? Можно ли поверить этой сцене знакомства Андрия с дочкою воеводы? Полька XVII века, девушка знатной фамилии, амурится с мальчишкою, который влез к ней сквозь камин! Для этого нужна не *ветреная* полька, а разве нынешняя воспитанница госпожи Занд – и то вряд ли ещё![16] Я заметил на полях книги, что Гоголь не знает даже местоположения той страны, где происходит действие его повести, и потому недостаёт ему важного условия романа – исторической видописи. Характеры действующих лиц, даже и Тараса Бульбы, тоже плохо выдержаны и ненатуральны: странный, однако ж справедливый упрёк тому Гоголю, который в этом отношении является таким несравненным художником, когда возьмёт для повести сюжет из обыкновенной жизни! Что же касается до отделки некоторых эпических частей повести, то в них, бесспорно, есть красоты высшего разряда: но это не украшает целости создания. Соединение родов поэзии никогда не может быть удачно. У эпопеи свои принадлежности, у романа – свои: незаконнорождённое дитя обоих всегда будет безобразно; и тем более мне жаль этех эпических прядей, что Гоголь посягнул некоторым образом на вашу собственность. Эти чудные описания принадлежат по вечному праву украинским думам; а потому искренне вам советую перенесть их на надлежащее место. Не бойтесь упрёка в похищении; прекрасна мысль французского писателя:

Je prends mon bien partout ou je le trouve[17].

Тем более ещё вам это советую, что жаль мне этих гомерических прыжков Гоголя; их стоит перенесть на такое место, где они будут жить вечно, ибо в «Тарасе Бульбе» они приданы трупу, или вернее набитой соломою чучеле, которая рано или поздно, а должна обратиться в сор. Так как я всё это говорю с намерением обращать внимание ваше чем далее, всё на высшее и чистейшее понятие поэзии исторической (без этого побуждения я даже не стал бы и распространяться о слабом произведении писателя, перед которым в других его сочинениях благоговею и готов бить ему челом), то прибавлю ещё нечто. Картины единообразных битв рыцарства козацкого, по примеру героев Гомеровых, как я сказал уже, чудесны; нужно, и непременно нужно, присвоить их вашей эпопее – ибо оне там совершенно придутся даже к общему складу; но не должно забывать, что вообще характер этех войн был не таков. Не отвергаю вовсе единоборной воинственности козаков; однако ж образ войн XVII века, а ещё больше образ войн козаков с поляками не основывался на рукопашном бою. Тогда уже были битвы масс, а не индивидуумов.

Вот как я расписался! Надобно вам сказать, что в течение последних трёх месяцев я едва написал несколько писем, и ни одного такого длинного, как это. Я теперь живу как Гоголевы *Старосветские помещики*, только ем менее Афанасия Ивановича и хозяйничаю лучше Пульхерии Ивановны.

1843, ноября 17. Александровка.

М. Грабовский

21. До Стєпана Шевирьова

Київ, 20 листопада 1843 р.

Милостивый Государь Степан Петрович!

Я очень благодарен Вам за рецензию моего романа «Михайло Чарнышенко», не потому только благодарен, что Вы отозвались об нём весьма для меня лестно, но за то, что Вы обратили на него так много внимания, что вникнули так глубоко в его внутренний состав[1]. Теперь посылаю Вам новый мой труд, меньший по объёму внешнему, но далеко больший по внутреннему. Это результат всего моего изучения поэзии и жизни малороссийского народа, или, лучше сказать, результат всего, что я до сих пор изучал для создания малороссийской эпопеи. Из послесловия Вы увидите, что для выражения малороссийской жизни вполне предполагается написать ещё три таких книжки, но исполнение следующей за этою поэмы я откладываю надолго, пока прилежным и долгим изучением предмета не соберу в свою душу всех стихий тогдашнего исторического момента; а третья и четвертая поэмы виднеются мне очень, очень далеко. Не знаю, что Вы увидите в моей «Украине», но во всяком случае Ваш суд для меня дело очень важное и я ожидаю его с нетерпением. Об одном толь[ко] буду просить Вас, если позволите: удостойте «Украину» скорейшего отзыва, чем «М[ихайла] Чарнышенка», особенно если этот отзыв будет так же снисходителен, как оный[2].

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1843, ноября 20.
Киев.

22. До Михайла Юзефовича

Київ, 23 листопада 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Я наперёд знал, что значит сказанное Вам Николаем Эваристьевичем: *Подумаю*. Я до сих пор не имею денег, и это во многих случаях связывает мне руки. Билетов на «Украину» Николай Эваристьевич не раздавал по той причине, что не надеется, чтоб кто-нибудь читал эту книгу. – «Ваше дело, – говорит он мне, – было бы перевесть её на русский язык». Перевесть на русский язык то, что решительно *непереводимо*! Видя, что мы так далеко расходимся в своих понятиях о народной поэзии, я уже не хотел беспокоить его просьбою о разрешении мне печатать Предания, тем более, что он с некоторого времени сделался для меня суров и недоступен.

Имею честь препроводить к Вам при сем экземпляр «Украины» собственно для Вас и 50 экземпляров для употребления, какое Вы заблагорассудите из них сделать. Покорнейше прошу Вас не предла-

гать их Вашим знакомым, а отдать на комиссию (или же продать) в лавку. Кто купит в лавке, тот, верно, её уразумеет и не будет бранить автора.

Вы велели мне напомнить Вам о Вашем обещании войти в переговоры с каким-нибудь журналом, который бы назначил мне постоянную плату от листа. Я готов доставлять в журнал всё, что напишу, но только не за бесценок, ибо в таком случае я соглашусь лучше жить одним жалованьем и не браться за перо, чем обогащать бездушных столичных писак, умеющих разглагольствовать только в программах да на журнальных обёртках.

Я больше всего просил бы Вас об одном благодеянии. Киев мне страшно опротивел. Здесь моя деятельность застывает в бесплодных усилиях. Я года два уже помышляю о том, как бы из него вырваться, но, при всём моём желании его оставить, чувствую необходимость прожить в нём ещё до 18 февраля 1845 года: тогда, получивши чин[1], я буду вольный козак. Одно могло бы освободить меня из этой тесной темницы: если б я получил в Петербурге такое место, на котором бы дослужил до получения чина. Шевченко хвалился мне добрым к нему расположением тамошнего попечителя[2] и обещал доставить мне место учителя в дворянском училище в Петербурге; но кто, зная Шевченка, может в чём-нибудь на него положиться? Потому-то я обращаюсь к Вам с покорнейшею моею просьбой доставить мне это место. Живя в Петербурге, я без всяких препятствий издал бы и малороссийские летописи, и историю малороссийских фамилий (на один том набирается уже материал), и всякое самое грузное издание. Там посещал бы я Академию художеств и чрез то одно образовал бы свой слог до высокой степени совершенства, чего в этой тюрьме, при всех усилиях, кажется, не достигну; а может быть, живопись, [к] которой я с самого малолетства имел страсть, пошла бы мне впрок и кисть моя сказала бы со временем больше о Малороссии, чем перо. Нужды нет, что в Петербурге воздух нездоровый: в Киеве тоска убьёт меня скорее, чем самый нездоровый воздух.

В типографии остаётся ещё 350, что ли, экземпляров моего романа. Продать бы их в Петербурге все разом какому-нибудь книгопродавцу за такую сумму, чтоб расплатиться с типографиею? (т. е. за 400 р. сребр.). Можно включить в то число и те, что отданы в Москве и в Петербурге на комиссию, лишь бы долг уничтожить.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1843, ноября 23.
Киев.

P. S. Богородский напал в Совете[3] на начальника типографии за то, что он напечатал мою «Украину», не имея форменного поручительства в уплате издержек. Дело состоит в том, что в Вашей записке к Коломийцеву нет *Милостивый Государь*, и он воспользовался этим

случаем, чтоб раскричаться в Совете во имя точного исполнения законов. В счёте за «Украину», представленном Вам, не положены деньги за обёртку и сшивку. Теперь ещё набралось 18 карбованцев[а] сверх 80[ти] р. сребром. На эти деньги нужно дополнительное поручительство, ибо ректор, по словам Коломийцова, запретил выходить для «Украины» за пределы 80[ти] р. ср. Посему покорнейше прошу Вас в письме ко мне приложить поручительство на все издержки для «Украины» вообще, т. е. за печатание, за бумагу, за обёртку, за брошюровку и за переплёт 5[ти] экземпляров в сафьян и 20[ти] в папку. Общий счёт должен быть менее 98[ми] рб. ср., ибо Коломийцов рассчитывал в смете на 7 печатных листов, а вышло только 6; значит, нужно вычесть 6 р. 50 к. ср., итого останется 91 ½ р. ср.

23. До Міхаїла Погодіна

Київ, 28 листопада 1843 р.

1843, ноября 28. Киев.

Покорнейше прошу Вас уведомить меня, может ли эта книга[1] иметь какой-нибудь ход в Москве, или она подвергнется ещё большей холодности москвичей, чем «М[ихайло] Чарнышенко». Если может, я вышлю немедленно в лавку при конт[оре] «Москвитянина» сколько назначите экземпляров.

Истинно Вас уважающий

П. К.

24. До Михайла Юзефовича

Київ, 10 грудня 1843 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

В течение короткого времени, со дня отправления к Вам первого моего письма, низошла на меня особенная деятельность, так что я теперь работаю беспрестанно и, кажется, с успехом. План романа давно у меня готов, эпоха представляется уже ясно воображению с своим особенным колоритом и характеры уже заданы, но боюсь писать, чтоб после не раскаиваться, да и где я его подену? Начал писать «Повесть о старых временах и обычаях малороссийских»[1], в которой утешает меня то, что ни один человек не умрёт. Я не буду давать ей большого объёму, опасаясь того, что называется exagération[2], а заключу в кругу самых обыкновенных событий. Повесть эта, может быть, готова к 1[му] января к услугам того журнала, который мне хорошо заплатит, т. е. не менее 50[ти] рб. ср. за печатный

[а] в том числе 7 карб[ованцев] за переплёт книг для подарков, без чего обойтись нельзя.

лист. Вместе с этою пишу ещё другую на малороссийском языке[3], чем, конечно, я не должен бы Вам хвалиться, и большую историко-философо-топографо-филолого-поэтическую статью под заглавием: «Поездка в Украину»[4]. В ней я хочу представить характеристику заднепровского народа, отменного от малороссийского, описание местности замечательных городов и урочищ, способ выражения народного, его домашние обычаи и предания. Предания, которые составили у меня известную Вам особую книжку, я разложу здесь так, как я выспрашивал и изыскивал, причём сами рассказчики их обрисуются читателю и представят много замечательных частностей. Все ж предания я здесь буду писать уже по-русски, сохраняя только местами характерные черты.

Занимаюсь живописью[5]. Всё мучусь над тою картиною, котора[я] достана для меня у Б[арона] Шодуара и которая мне по своей (как справедливо Вы заметили) фарфорной живописи очень не нравится; но как уже я сделал подмалёвок, то жаль бросить. Позвольте беспокоить Вас покорнейшею просьбою купить на книжные деньги в Петербурге красок: баканов, жёлчи, ультремарину и других лучших; простые же есть и в Киеве, да дюжину хороших щетинных кистей, которых недостаток подвергает меня ежеминутно в досаду[6]. Если купит какой журнал или книгопродавец мой роман: «Сотник Шрамко и его сыновья», то я напишу.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1843, дек[абря] 10.
Киев.

1844

25. До Міхаїла Погодіна

Київ, 4 лютого 1844 р.

1844 года, февраля 4. Киев.

Потому я так долго не отвечал на Вашу записку, что она не застала меня в Киеве: я провёл праздники в Малороссии[1].

«Москвитянину» я готов содействовать более, чем всякому другому журналу, но предложенная Вами плата так мала, что я скорее стану печатать свои сочинения даром, чем соглашусь за неё работать.

Есть у меня готовая уже к печати «Повесть о старых временах и обычаях малороссийских», роман под заглавием «Сотник Шрамко» пишется, многое другое затевается, но всё, что пишу, складываю в портфель и ни строчки нигде не печатаю. Сочинения мои нимало не потеряют, если пролежат у меня 10 лет, а может быть, когда-нибудь они, говоря по-малороссийски, станутъ мнѣ въ великой пригодѣ. Это прошу принять к сведению, и если Вам сильно понадобится для «Москвитянина» моя повесть или роман, присылайте по 50 р. ср. за лист, и Вы получите нужное количество листов немедленно.

Михайло Александрович «Киевлянина» не издаёт; а угрожает целым журналом[2], но это, кажется, он делает только для своего утешения. О периодическом издании в Киеве ещё рано думать.

Печатайте ж, ради Бога, летопись малороссийскую[3].

Предания мои пропущены цензурою[4] и я мог бы прислать Вам их для продажи какому-нибудь книгопродавцу, но не хочется: во-первых, так как оне писаны почти везде по-малороссийски, то их в Москве изуродуют безбожнейшим образом, а во-вторых, право, и жаль, и совестно бросить такое сокровище за бесценок. На лето я затеваю путешествие по всем тем местам, где обитали запорожцы, для собрания преданий о могилах, урочищах и т. п., а потом еду к черноморцам[5], чтоб увидеть в лицо остаток чубатых головорезов, оставивших нам после своей безалаберной жизни в наследство такую яркую и глубокую поэзию. Странствуя по их прежним кочевьям и меж ними самими, я всё буду записывать, и тогда составится из этих преданий единственная и неоценённая книга.

«Украина» моя принята здешними читателями очень дурно. Для иных она служит предметом смеха, другие ничего в ней не понимают и говорят даже, что она написана не малороссийским языком, и только сотый из читателей видит в ней то, что я вижу. Это, впрочем, меня не огорчает. Взяты давно небранные струны. Малороссий-

ская наша публика слишком ещё мало чувствует законы изящного. Чрез несколько лет «Украина» моя найдёт себе более ценителей. У Вас на Москве также, я думаю, никто её читать не станет. Моя к Вам покорнейшая просьба. Если Степан Петрович Шевырёв не даст ей надлежащего значения и намерен в нескольких общих выражениях изложить о ней своё мнение в «Москвитянине», то попросите его лучше вовсе о ней умолчать. Грабовский уведомляет меня, что пишет о ней большую эстетико-критическую, а вместе с тем и критико-историческую статью[6].

П. Кулеш

26. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 24 березня 1844 р.

Милостивый Государь Николай Данилович!

Имею честь поздравить Вас наступающим праздником Светлого Христового Воскресения[1], который Вы проведёте, без сомнения, гораздо приятнее, чем мы. На меня напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигде быть; бываю счастлив, если голова и душа сильно действуют, но едва деятельность меня оставляет, является скука самая мучительная. Все предметы теряют свои цвета; пустота, безжизненность внутри и вне. Но зачем это писать? – Утешает меня одна только благочестивая беседа с Вашим дорогим Васею. Он часто меня оживляет. Очень часто теперь видимся, читаем вместе Слово Божие, трактуем, замышляем многое в будущем; дай Бог всему доброму исполниться! Написал я повесть из малороссийского быта и послал в журнал[2]; составил ещё статью под заглавием: «Поездка в Украину» и послал в «Журн[ал] Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]»[3]. Теперь перечитываю множество старинных бумаг и, кажется, не без пользы. Один из заочно знакомых моих корреспондентов, Мих. Ив. Ханенко, прислал мне огромный дневник своего прадеда, генерального хорунжего[4]. В нём всё записывано кратко, но зато упоминается о всякой домашней мелочи, и чрез то я ознакомился получше с бытом наших панов во времена Петра Великого.

Вот Вам и все литературные мои новости. Читаю Литовский статут[5] и отмечаю малороссийские слова, которых там множество, хочу составить особый из них словарик[6]: он покажет состояние малороссийского или, лучше сказать, древнерусского языка до того времени, когда он начал ополячиваться.

Праздники проведу не выходя из квартиры: как ни скучно бывает иногда дома, но ничто не может сравниться с скукою, поселяемою надолго в душе пустословием большого общества. Люблю только такие собрания, где соберётся три-четыре человека, связанных любовью родственною или любовью к науке и добродетели.

Извините меня за небрежность и несвязность моего письма. Может быть, оно, вместо того, чтоб занять Вас несколько, прибавит Вам мину-

ты две лишних скуки. Но во всяком случае верьте, что меня побудило писать к Вам истинное моё к Вам уважение и любовь. Прошу передать мой усердный поклон милому и коханому Виктору Николаевичу. Мы хотели заехать к нему попрощаться[7], но, право, мы не сами собою управляем; вышло так, что никак нельзя было. Не знаю, скоро ли увидимся.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844, марта 24.
Киев.

27. До Олександра Ханенка

Київ, кінець 1843 р. ... березень 1844 року

Милостивый Государь Александр Иванович!

Для человека, столь сильно занятого Малороссиею вообще, как я, никакое письмо не может быть приятнее Вашего. По истине, Вы владеете целым скарбом материалов для моих исторических изысканий[1]. Некоторые из поименованных Вами рукописей суть вещи просто неоценённые! Они, я уверен, развяжут нам не один гордиев узел, которых ещё так много в истории малороссийской, несмотря на труды наших историков. Пользуясь Вашим столь любезным предложением, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, на первый раз выслать мне точные копии со следующих бумаг:

1. Рукопись Генерального Хорунжего Николая Даниловича Ханенка на латинском языке: Переписка Орлика с иностранными державами[2].
2. Дневник Вашего прадеда во времена пребывания его в Петербурге Депутатом от нации и по частным делам в отлучках[3].
3. Диариуш всех дел, происшествий и церемоний, при Канцелярии отправуемых.
4. Особенный дневник, ведённый Вашим прадедом во время пребывания его в Петербурге при гетмане Скоропадском до самой кончины сего Гетмана[4].
5. Переписка Вашего прадеда с сыном Василием, находившимся за границей[5].
6. Аттестаты от академий и иностранных университетов Василию Ханенку.
7. Частная переписка Николая Даниловича Ханенка на польском, русском и латинском языках.
8. Грамота Царя Алексея Михайловича к Гетману Ханенку.
9. Челобитное письмо Гетмана Ханенка к Царю Алексею Михайловичу.

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за сообщённые мне копии и в особенности за историю Вашей фамилии. Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить мне ещё герб Вашей

фамилии[6] и те источники, из которых Вы почерпнули два весьма интересные предания о Ваших предках: 1[е] о Стефане Ханенке, отбившем у татар себе невесту, и 2[е] о Данииле Ханенке, с его романическим луком, и смелой украинке[7].

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

P. S. Извинение Ваше в неопрятности письма совершенно напрасно: при множестве дел нельзя выдержать эту статью так, как бы требовало приличие. Я давно уже разрешил себе писать письма во всю руку и, как бы иногда не испачкал, посылаю не переписывая: важна душа, а не тело.

При сем имею честь препровадить к Вам экземпляр моего романа на память заочного знакомства, которое считаю одним из приятнейших в жизни.

28. До Олександра Ханенка

Київ, 20 квітня 1844 р.

Милостивый Государь Александр Иванович!

От всей души Вам благодарен за Вашу посылку. Журнал Вашего прадеда есть истинная драгоценность[1]. Я отдал его переписывать, и так как в нём в иных местах слова пропущены, а вместо их оставлены пробелы, то, возвративши Вам копию, буду просить у Вас на самое короткое время подлинника для сверения и дополнения моего списка. Прочие Ваши бумаги также более или менее любопытны. 1-го мая выезжаю по поручению начальства из Киева для положения на карту и описания древних курганов, валов и городищ Киевской губернии[2]. Не известно, сколько времени пробуду в отлучке; но если б Ваша вторая посылка и не застала меня в Киеве, то она будет принята и сохранена неприкосновенно до моего возвращения: об этом я распорядился как следует. Пишу это для того, чтоб Вы не были в недоумении, не получая от меня своевременного ответа. Как только ворочусь в Киев, немедленно к Вам напишу.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844 года, апреля 20.
Киев.

29. До Тараса Шевченка

Київ, 5 червня 1844 р.

Коханий земляче!

Спасибі за книжечку – «Тризну»[1]. Дещо в їй промовляє до самого серця. Ще жду «Гамалії», «Кобзара» і «Гайдамак»[2]. Де хоч бери, а не пришлеш, то й на очі міні не показуйсь. Ой, як же я зрадів, довідавшись з твоєї супліки, що ти не марниш[3] дармо часу у тій Петровой бурсі! Нехай тобі, приятелю, Господь помагає на все добре, а об міні будь певен, що вже я не грітимусь даром коло твого куреня; чи дровець, то й дровець принесу; чи пшона на кашу, то й пшона придбаю; сказано – що Бог послав! Аже ж недурно ведеться поміж людьми та гуторка, що колись Бог посаджав людей кругом ваганка[4] з кашею, да й подавав такії ложки, що держало[5] довше руки (а треба за самий конець держати); то премудрий Салимін і сказав: «Будете, – каже, – ви всі голодни, як кожен об собі тілько промишлятиме; а годуйте один одного сими ложками, то не загинете з голоду»[(а)]. Розумни були стародавні люде! Багацько в їх було таких приказок, що буцім так собі, витребенька, а розмізкуй лиш, до чого воно йде, так ой, ой, ой! Оттак же й нам, що взялись протирать очі своїм землякам, треба один одному пособляти, один одному радити; а то не буде добра з нашого писання. І латини добре знали, що робиться од конкордії, а що од дискордії[6]; да й батько козацький, старий Хмельницький, не згірше того латиша Саллюстия промовив, умираючи:

«Тим і сталась, каже, страшенная козацькая сила,
Що у вас, панове молодці, була воля й дума єдина!»[7].

Тепер не така вже година на[с]тала, щоб брязкотать шаблюками. Ляхів і татарву мов дідько злизав, усе втихомирилось; пришла пора поорудовать ще головою. Нуте ж робить усе так, щоб і Богу була хвала за те, що дав нам розум, і людям темним було видно кругом, як од свічки, що стоїть на високому ліхтарі. Не протів чого ж то й читається в Євангелії: «Тако да просвѣтится свѣтъ Вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ»[8].

Їду знов на три місяці на Вкраїну[9]. Присилайте Ваші картинки в Чигирин з надписом: *Михаилу Грабовскому*. Я в його буду, і він знатиме, куди міні їх переслать, да розтолкуйте міні хорошенько, що і як ви хочете робить; а то не второпаю, що для вас компоновати[10]. Бувайте ж здорові!

Щирий земляк П. Куліш
Рука власна[11]

РѢ 1844. іюня 5 дня,
з Києва.

Їду через три дні.

[(а)] Се вже опісля перевернули його старосвітську гуторку на запорожців, що буцім їх так годовала Матушка.

30. До Миколи Даниловича Білозерського

Переяслав, 11 липня 1844 р.

Милостивый Государь Николай Данилович!

Торжествуйте! Сделаны великие открытия для науки. На месте Переяслава была в древности богатая греческая колония. Вырыл я восемь мраморных урн, украшенных барельефами превосходнейшей работы. На некоторых есть надписи. В следующем письме пришлю Вам со всех их факсимиле. – А вы й рады! Де воно въ ката! Хоть бы тобѣ одинъ черепочокъ найшовъ! Вырыл ров длиною в три сажени, глубиною в сажень с четвертью, и ничего нет, хотя хозяин уверяет, что находил на том месте горшки с пеплом. – В городе ж мне говорили, что этот господин помешан на отыскании у себя в саду клада и морочит всех языческим кладбищем, думая воспользоваться разысканиями правительства, ибо сам денег для рытья не имеет. Я просил его показать мне хоть черепки с найденных им горшков (которых сперва он говорил, что нашёл множество, а под конец оказалось, что только два, да и те были разбиты), но и того он не мог сделать, говорит: «Не знаю, где они поделись». Как бы то ни было, но кладбища здесь, кажется, нет, а может быть случайно зарыт был пепел каких-нибудь захожих купцов языческих, если только правда тому, что Неронов (имя владельца) нашёл два горшка.

Теперь перееду прямо на ту сторону Днепра и начну исследования существеннейшие, чем воображаемое языческое кладбище.

Прошу Вас свидетельствовать моё почтение достопочтеннейшему Григорию Тимофеевичу[1], а также и Фёдору Семёновичу[2].

С глубоким уважением Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1844, июля 11,
Переяслав.

31. До Михайла Юзефовича

Київ, 22 серпня 1844 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович!

Озабоченный своею новою поездкою, я сегодня забыл сказать Вам, что у Графа Свидзинского есть превосходный список древнейшей малороссийской летописи[1]. Он уже и дал было мне его на время, но узнавши, что тут есть и Ваш интерес, удержал у себя. Он имеет к Вам просьбу о возвращении каких-то монет и ожидает, пока Вы будете просить его о летописи.

Иван Иванович сказал мне, что Вы отыскали уже и идола, чему я от души радуюсь, но на всякий случай сообщаю здесь подробности о скелете, при котором оный найден. – В селе Осоте, Чигиринского уезда, возле плотины было провалье, в котором иногда

долго стояла летом вода. Брали из этого провалья глину и нашли скелеты человеческий и конский. Человеческий скелет лежал *ниц*; на голове у него железная шапочка, покрытая железным щитом; шаровары (или ноги с обеих сторон) и грудь были покрыты рядами пуговиц золотых; кроме пуговиц, на груди найдено 5 золотых «дудочек», вершка в два длиною; на ногах золотые шпоры; возле него лежало копьё, золотой молоток и идол; на руках[а] два золотые перстня с печатками; на месте пояса 27 стрел; у коня по бокам головы две золотые бляхи, а на лбу золотая звезда. После найдена на том месте золотая медаль. Скелет человеческий лежал головою на юг[2].

Покорнейше прошу Вас прислать мне на время чрез подателя сего письма доставленную мною Вам летопись, а также и остающиеся у Вас экземпляры «Чарнышенка» и «Украины».

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за все Ваши благодеяния; чувствую глубоко благодарность в сердце, но не умею выразить словами.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844 года, авг[уста] 22.
Киев.

32. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 24 серпня 1844 р.

Добрейший и почтеннейший Николай Данилович!

Как я рад случаю доставить Вам некоторое удовольствие. Посылаю Вам собственноручный манускрипт благородного нашего соотечественника, покойного архимандрита Авксентия[1]; прошу только копию с этого манускрипта прислать мне в Киев: таково бо было моё обещание тому, от кого я получил оный.

Мне едва дали перевести дух и опять посылают на месяц в северную часть губернии. Еду через час[2].

С истинным уважением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844, авг[уста] 24.
Ки[ев].

[а] *Було*: паль[цах]

33. До Михайла Юзефовича

Сквира, 10 вересня 1844 р.

Милостивый Государь Михайло Владимирович, добрый мой Благодетель!

В библиотеке Графа Свидзинского нашёл я две важные для истории Малороссии книги: автограф летописи Ерлича[1] и печатную книжицу in 4°, содержащую в себе три отдельные статьи на польском языке: 1ª под заглавием: «О козаках, должно ли их истребить или нет?» (напечатанная в 1618 году), занимает 9 листков[2]; 2ª статья (рукописная) под заглавием: «Совет об истреблении татар» (сочинение Симона Старовольского), занимает 7 листков[3]; 3ª статья (без первого листка), содержит в себе подробное, чрезвычайно занимательное и важное во многих отношениях описание войны поляков с гетманом Павлюком[(a)] (в 1637 году) и занимает 43 листка[4]. До сих пор у нас о войнах до Хмельницкого и о гетманстве Павлюка писали весьма мало, и то в общих выражениях, или же повторяли вымыслы Конисского; из этого дневника (это ведь дневник самовидца и участника в войне с Павлюком) мы наконец узнаем и тогдашнее устройство козацкого войска, и отношения его к своим начальникам, и козацкую тактику, и способ писания тогдашних универсалов и войсковых ордеров (все они сохранены здесь, хотя в переводе; однако ж в переводе, видно, весьма близком, ибо оставлены даже некоторые русские выражения, как например: *доброго здоровья од Господа Бога* и т. п.); словом, эта статья прольёт свет на тёмную эпоху состояния и устройства козаков до восстания Богдана Хмельницкого. – Летопись Ерлича (которая в печати составила бы том страниц в 400) также весьма важна как свидетельство современника войн Хмельницкого, равно предыдущих и последующих. Сам он, будучи православным, но пиша и глядя на всё по-польски, может служить для нас представителем малороссиян, противодействовавших Хмельницкому.

В Киеве я не имел удобного случая поговорить с Вами об одном весьма важном литературном предприятии или намерении, лучше сказать. Политическая жизнь Малороссии давно кончилась; та жизнь, которая выражается в языке, костюмах, обычаях и пр., – назову её хоть поэтическою, – также с каждым годом теряет свою выразительность. Малороссия скоро сольётся совершенно в одно тело с Россиею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, расцветая около двух веков такою сильною, такою пышною народной жизнью, при слиянии с[(b)] народом русским, мало привнесла в него новых элементов, выработанных собственными силами во время отдельного своего существования. Было время, когда мы, малороссияне, в соприкосновениях

[(a)] Или *Павлом Михновичем Бутом,* как называет он себя здесь в своих универсалах. (Замечательно, что поляки и козаки называют его в этой статье просто *Павлюком*, под которым именем он и нам известен был до сих пор.)

[(b)] *Далі закреслено*: Россиею

с русскими, могли бы, так сказать, напитать их запахом своих степей, придать им богатства колорита своими народными красками, осиять их блеском своей поэзии; но в то время и мы не были ещё так просвещены, чтобы знать себе цену, и они были слишком невежественны, чтоб не пренебрегать нашим языком, поэзиею, нравами и обычаями. Если б мы до сих пор сохранили вполне свою народную характеристику, о! я уверен, что, после влияния, произведённого на русских романами Вальтер-Скотта, мы сделались бы для них предметом особенного изучения; но в нынешнем своём состоянии, когда мы так обрусились и оставили в удел одним мужикам свой родной язык и свои обычаи, мы не можем вносить в бедное жизнью общество русских никакого нового элемента. Русский поэт, возвышенный до всеславянской идеи, если б захотел, посредством изучения, пережить богатою жизнью нашего народа и таким образом дополнить и усилить свою русскую душу, то почти не имеет для этого средств: Малороссия в нормальном своём состоянии представляет почти бесцветный обломок прежней Малороссии; а литература наша, по недостатку народной эрудиции в литераторах, выразила в себе жизнь нашего народа тоже весьма слабо (кроме народных песен, которых, впрочем, издано весьма мало). И потому, чтоб доставить возможность и русским изучать наше отжитое прошлое, да и самим нам основательнее познать себя, нужно бы предпринять такое издание, которое бы обняло своими томами всё, в чём выразилась жизнь малороссийского народа. Краеугольный камень этому изданию Вы уже положили намерением напечатать наши летописи. Это будет первое. Если, кончивши летописи (со всеми примечаниями, приложениями и выписками из иностранных писателей о Малороссии), в следующих томах напечатать: 2) свод малороссийских узаконений и историю законодательства в Малороссии; 3) географию Малороссии в древние и в наши времена (причём показать порядок или историю заселения края, переход владения землями и сёлами из одних рук в другие, отмены почвы с описанием местоположений, урочищ и пр.); 4) описание старинных церквей, зданий, утварей, домашних принадлежностей, костюмов, народных праздников, обычаев, домостроительства, хозяйства, торговли, ремёсел и пр. в древнем и новом состоянии Малороссии; 5) народные предания, как переход от истории к поэзии, от положительной, существенной жизни к жизни идеальной и фантастической (а моё собрание народных преданий просто – superbe[5]!); 6) народные сказки, пословицы, загадки и пр.; 7) народные песни с критическим разбором замечательнейших, наконец 8) написанную, после глубокого изучения всех этих источников, историю Малороссии; если издать всё это с любовью малороссиянина, славянина и просвещённого человека, приложить множество разного рода рисунков и чертежей и назвать одним общим именем «Жизнь малороссийского народа», то это была бы достойная жертва любви к родине и важная услуга Малороссии, России, всему славянскому миру и всем учёным вообще. Издание это можно совершить в течение 10 или 15 лет, по мере того, как будут пополнять-

ся и обрабатываться материалы; а потом тот, кто издаст всё предыдущее, кажется, довольно ознакомится с предметом, чтоб решиться писать историю Малороссии. Вот программа патриотического подвига, для которого мне приятно было бы посвятить те годы, когда способности наши бывают в цвете своих сил и деятельности. Итак, не угодно ли будет Вам начать издание летописей под заглавием: «Жизнь малороссийского народа»? (Можно написать небольшое предисловие.) Этим мы придадим своим летописям значение важное для подписчиков. Между тем я в следующем году предприму поездку в Малороссию и соберу материалы для географии. А составлением свода узаконений и историею законодательства займётся один просвещённый и почтенный человек, служивший долго судьёю и знающий дело это как нельзя лучше.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844, сент[ября] 10.
Сквира.

34. До Василя Білозерського

Мотронівка, 11 червня ... вересень 1844 року

Коханый Вася!

Нельзя ли сегодня приехать? Не говорите никому, ради Бога, что я здесь, по секрету только маменьке

П. К.

На звороті: Тайна

35. До Олександра Ханенка

Київ, 20 жовтня 1844 р.

Милостивый Государь Александр Иванович!

Приношу Вам покорнейшую мою благодарность за сообщённые Вами мне бумаги. Переписка Орлыка с разными особами весьма важна для истории малороссийской; семейная корреспонденция Ваших предков также очень интересна для изучения взаимных отношений их к соседям, вельможам и пр. Но не буду греха таить, что меня, как романиста, больше всего заняли реестры приданого, описи движимого имущества и т. п. Только по таким источникам можно воскресить картину старосветского нашего быта. Мой «Чарнышенко» был бы гораздо полнее, если б я имел прежде Ваши бумаги. Впрочем, я надеюсь исправить сделанные в нём промахи, написавши новый роман из той эпохи, когда жил Ваш почтенный предок, Генеральный Хорунжий Николай Данилович Ханенко. Что касается до сохранения Ваших бумаг в целости, то об этом не беспокойтесь. Во время своего путешествия по Украине в прошлом и в нынешнем году я собрал

столько истинно драгоценных сведений и бумаг, что потеря всего этого была б великим несчастьем не только для меня, но и для литературы. А потому я поселился (может быть, Вам это покажется несколько смешным) возле самой полиции, так что пожарная команда может немедленно подать помощь. Уезжая иногда на время из Киева, я обыкновенно даю своим домашним приказание, в случае пожара, прежде всего спасать бумаги, потом книги, а потом уже прочие вещи. Итак, от пожара Ваши бумаги безопасны, вор на них не польстится, а *въ позы́ку* я никому не даю.

Предостерегаю Вас насчёт дневника Вашего предка. Если только он останется в Москве, то можете считать его пропавшим, по крайней мере до тех пор, пока он будет издан; а когда он будет издан? – это вопрос особый. Погодин и Бодянский давно хвалятся каким-то дневником секретаря Богдана Хмельницкого, не печатают его и никому не позволяют списать копии[1]. Ну, не подлость ли это в такое время, когда с каждым годом, на основании источников, уясняются и разрабатываются исторические истины? Между тем пишет ко мне Погодин, что он желал бы иметь со мною сношения. В чём же будут состоять эти сношения, если он только хвалится, что у него есть то-то, а не печатает и не выпускает из рук? Боюсь, чтоб не было того и с Вашим дневником, что с записками секретаря Хмельницкого. Если не отыщете подлинника, то ради Бога, не лишите меня возможности снять копию с вашего дневника, посланного в Москву.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1844, окт[ября] 20.
Киев.

На звороті: Его Высокоблагородию Александру Ивановичу Ханенку. *В Погар*, Черниговской губ[ернии][2].

36. До Стєпана Корабльова

Київ, 28 жовтня 1844 р.

Милостивый Государь Степан Петрович!

Причитающиеся мне 49 р. 85 к. асс. за проданные экземпляры «Михайла Чарнышенка» покорнейше прошу выслать на моё имя в Киев с первою почтою. Остальные экземпляры я готов заменять за книги и уступаю их по 2 р. сребром, с тем только, чтоб Вы ничего не полагали за пересылку книг, ибо в таком случае мне выгоднее менять здесь у Литова. Если Вы согласны на это, то прошу выслать в счёт этой мены в Ровно (Волынской губ[ернии]) на имя учителя гимназии Николая Кастомарова книгу: «Памятники XII века»[1], а на моё имя в Киев следующие книги:

1. Четырнадцатый и дальнейшие (сколько их вышло) выпуски Шекспира[2].

2. Второй том Полного собрания русских летописей, а если есть 1[й] и 4[й], то и те также[3].

3. Если Кетчер издал уже перевод какого-нибудь романа Вальтер-Скотта, то выслать[4].

4. «Мёртвые души» Гоголя[5].

5. «Историю государства Российского», издание пятое[6].

6. Ключ к пятому изданию «Ист[ории] гос[ударства] Российского»[7].

7. Полное собрание сочинений Пушкина на веленевой бумаге[8].

8. «Всеобщ[ая] ист[ория]» Лоренца[9].

9. «История русского нар[ода]» Полевого[10].

10. «Русская ист[ория]» Устрялова на веленевой бумаге.

11. «Народне Српске Пјесме» В. Караджича[11].

12. Сербский словарь В. Караджича[12].

13. «Славянские древности» Шафарика на чешском языке[13].

14. Чешский словарь.

15. Английско-русский и русско-англ[ийский] лексикон Бенкса.

16. Сочинение Н. Гоголя[14].

17. «Ист[ория] Малой России» Бантыш-Каменского, изд[ание] последнее[15].

В Киеве у меня есть ещё экземпляров 300 «Чарнышенка», а вся эдиция состояла из 800 экземпляров.

Покорнейше прошу отвечать немедленно.

С должным уважением Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга

П. Кулеш

1844, окт[ября] 28.

Киев.

37. До Тараса Шевченка

Київ, 31 грудня 1844 р.

Милостивый Государь, Тарас Григориевич!

Вы получили бы ответ гораздо скорее, если б я не отлучался из Киева. Теперь опять выезжаю и возвращусь в Киев в первых числах февраля. Михайло Владимирович довольно охотно раздал Ваши билеты[1], и если Вы не получили денег, то это потому, что он не знал Вашего адреса, о котором спрашивал как-то у меня, да, верно, и забыл. Вы можете прислать часть на его имя, а часть (назначенную для передачи книгопродавцам) на имя Алексея Фроловича Сенчиллы-Стефановского[2] или лучше на имя *Осипа Дмитриевича Иванишева*[3] для передачи Сенчилле. Иванишев – смотритель училища. Этот же адрес может Вам служить и для сношений со мною.

Мне досадно, что Вы, не списавшись со мною, объявили моё имя в числе сотрудников, тогда как я понятия не имею о Вашем литературном предприятии[4]. Объявление Ваше пахнет так сильно спекуля-

циею, что я решился было, как только выйдет в свет Ваша «Украина», написать рецензию и указать все ошибки, каких, без сомнения, будет бездна в тексте Вашей скороспелой книжки. Но время уменьшило моё негодование. Вы, господа, принимаясь с ребяческим легкомыслием за Малороссию, без советов людей, серьёзно занятых этим предметом, вредите во мнении публики самому предмету и компрометируете нас. Выбачайте за сю мову!

В Харькове предположено издавать «Записки о Южной Руси» по славянах. Издатели: Н. Костомаров (он же и И. Галка), П. Кулеш, А. Метлинский (он же и Могила) и И. Срезневский. Там будут помещаться, кроме статей учёного содержания, и статьи в прозе и в стихах по-малороссийски. Неизвестно, сколько издадим в год книжек. Если Вы имеете что-нибудь новое, просим до гурту. Ваше имя также поставим в числе издателей на заглавном листке[5]. Присылайте в Киев на моё имя, по известному адресу.

Чи в Вас там на столиці всі такії дурні, як Подберезкий? Разом з Вашим и от него получил я письмо[6].

С должным уважением Ваш покорнейший слуга

П. К.

1844, дек[абря] 31,
Ки[ев].

В Киеве обо мне можете справиться в училище. Вместе с картинками пришлите Сенчилле для меня «Кобзаря» Вашего. Это одно из Ваших сочинений, которое я уважаю.

Не купит ли какой-нибудь книгопродавец у меня рукописи под заглавием «Повести П. Кулеша». Тут помещены напечатанные некогда в «Киевлянине» и одна нигде не напечатанная, под заглавием: «Самое обыкновенное происшествие». Том этот составит около 250 страниц in-8[7]. Цена рукописи 80 р. сребр. Я желал бы, чтоб эта книжка предшествовала моему новому роману, которым, наконец, я благополучно разрешаюсь от бремени. Упомянутая рукопись уже процензурована киевским цензором[8].

1845

38. До Пєтра Плєтньова

Київ, 28 січня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

В знак уважения моего к памяти Пушкина и к Вам, достойному преемнику его журнала, давно желал я поместить что-нибудь из своих сочинений в «Современнике»[1], который у нас служит образцом благородных литературных подвигов. Знакомство с почтеннейшим Павлом Петровичем[2] было для меня новым к тому побуждением. Если прилагаемые при сем пять глав из нового моего романа окажутся достойными занять место в журнале Вашего Превосходительства, то покорнейше прошу напечатать их со всеми моими примечаниями, из которых одни написаны внизу страниц, а другие приложены особо[3]. Как только моя рукопись будет получена, покорнейше прошу меня уведомить: это мой брульон, не переписанный ещё набело. Прошу мне его, по напечатании, возвратить вместе с несколькими печатными экземплярами, из которых один покорнейше прошу приказать отиснуть на писчей бумаге.

Павел Петрович говорил Вашему Превосходительству о «Пане Канёвском». Романа этого написана Грабовским только половина, которая мною и переведена[4]; но не знаю, нужно ли для «Современника» это сочинение, тем более, что неизвестно, как скоро окончит его автор: иные он оставляет неоконченными, удовлетворив желанию выразить некоторые свои идеи.

В случае, бы мои пять глав оказались ненужными для «Современника», покорнейше прошу возвратить мне рукопись немедленно.

С глубоким почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, янв[аря] 28.
Киев.

Адрес: В Киев. Пантелеймону Александровичу Кулешу. Доставить в квартиру Осипа Дмитриевича Иванишева.

39. До невстановленої особи

Київ, 29 січня 1845 р.

Киев. 1845. генваря 29.

[...] шении; прошлый год я нашёл одну головку, которая показалась мне очень похожею. Впрочем, возвратившись в нынешнем году из Малороссии, я не нашёл в ней никакого сходства. Видно, мне остается довольствоваться тем портретом, который находится в моём воображении. Пусть будет и так! По крайней мере, не сердитесь на меня за частые мои письма. Я постараюсь дать им такой тон, который будет для Вас сносен. Опишу Вам один вечер, проведённый мною совсем не так, как предполагалось. Жаль только, если Вы прочтёте сперва письмо Васи. Впрочем, каждый человек смотрит на вещи по-своему, и потому всё-таки письмо моё представит Вам [...]

40. До Олександра Ханенка

Київ, 6 лютого 1845 р.

Милостивый Государь Александр Иванович!

Надеюсь, что Вы извините меня в том, что письмо это написано не моею рукою. Целый день я трудился и так устал, что в состоянии только диктовать. Весьма Вам благодарен за обещание Ваше прислать мне копию дневника Вашего предка[1]. Ожидаю её с нетерпением, тем более, что я не сделал себе даже выписок из этой драгоценной рукописи. Я рад случаю воспользоваться пребыванием Вашим в тех местах, в которых иногда гуляет моё воображение. Я теперь пишу исторический роман, которого действие простирается от Батурина до Борзны, Нежина, Переяслава и Зинькова. Если будете иметь случай побывать в Зинькове, то покорнейше прошу Вас дать мне понятие о местоположении этого города. Кроме того прошу Вас написать мне, как можно проехать просёлочными дорогами из Батурина в Зиньков. Если на этом пути знаете какие-нибудь замечательные местоположением, именами или преданиями места, то потрудитесь описать мне их подробно. С портретов, о которых Вы пишете, я желал бы иметь очерки, сделанные карандашом. Может быть на них есть какие-нибудь оригинальные надписи, и в таком случае прошу их для меня списать со всею точностью. До сих пор мне не случалось видеть на портретах козаков молящимися. В таком положении помню только два изображения: одно – полковницы Палеихи, принадлежащее Н. И. Танскому[2], а другое – какой-то Покорской[3], хранящееся в Новгород-Северской монастырской Троицкой церкви. Я собираю эскизы всех подобных изображений с намерением издать их в свет впоследствии вместе с рисунками принадлежностей малороссийского быта и проч. Вам, без сомнения, любопытно будет узнать, что народные наши песни переводятся на французский и немецкий языки. Рукопись французского перевода прошла чрез мои руки, и я не мог налюбоваться родною на-

шею поэзиею на общеевропейском языке: она является в новом блеске и свежести. Издание выдет в Париже[4].

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, февр[аля] 6.
Киев.

На звороті: Его Высокоблагородию Александру Ивановичу Ханенку. Полтавской губернии, Зеньковского уезда в м. Опошню, а оттуда в с. Млины, в дом помещицы Корицкой[4].

41. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 13 лютого 1845 р.

Киев. 1845, февр[аля] 13.

Покорно благодарю Вас за готовность Вашу содействовать моему предприятию. Ваши труды будут моему журналу краеугольным камнем. Только Вы меня не совсем поняли. Чем большую область знания мы захватим своим журналом, тем труднее будет нам достигнуть своей цели. Если мы не будем «из него исключать ничего русского, будь оно хоть сибирское», как Вы пишете, то согласитесь, не будет ли это другой «Москвитянин»? Ограничимся лучше одною южною Русью; тогда наш журнал будет иметь своё значение в славянском мире. Чтоб заглавие не возбуждало никаких подозрений, мы решились избрать самое простое: «Киевский сборник». Выходить он будет только 4 раза в год.

«Литераторы, уже известные в нашем литературном базаре», мало нам помогут своими трудами, а имена их нам совсем не нужны. В том и будет состоять преимущество нашего издания, что оно будет чуждо всяких спекулятивных расчётов: средства для издания будут зависеть не от числа подписчиков, а от патриотического усердия одного богатого человека, для которого понесённый изданием убыток (если б это случилось) ничего не значит, и он каждый год готов терять на нём столько же[1]. Этот редкий и, может быть, единственный между нашими богачами (которые все пошлые эгоисты) человек теперь желает, чтоб издание печаталось в Киеве, потому что он и сам намерен здесь жить почти постоянно. Итак, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить мне что-нибудь из Ваших трудов. Только за этим и стало дело.

С истинным почтением

П. Кулеш

На звороті: Благородному Пану Измаилу Срезневскому
до рук прошу подати.

42. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 13 березня 1845 р.

Киев. 1845, марта 13.

В третьей книжке первой части «Зап[орожской] ст[арины]» на стр. 151 Вы говорите, что о бороде Сагайдачного есть предание[1]. Покорнейше прошу сообщить мне оное. Я теперь пишу роман, в котором оно нашло бы себе приличное место.

Теперь прошу Вас ещё объяснить мне, что значат слова летописей о Самке: *лыцар* Его Ц[арского] Пр[есветлого] Вел[ичества] *товарищ статный*? Маркевич прибавляет ещё *вызволёный кавалер*, но, по обыкновению своему, не делает ссылки. Вы давно уже занимаетесь изучением старины украинской: может быть, Вам всё это хорошо известно, и в таком случае покорнейше прошу сообщить мне свои объяснения. Да не знаете ли ещё чего-нибудь о Самке, Васюте и Бруховецком? Не знаете ли какого-нибудь предания или песни? Вот была бы для меня драгоценная находка!

Амвросию Лукияновичу мой почтительный поклон

П. Кулеш

Не знаете ли, что значит: *Господар Гадячский*?

Первые пять глав будут напечатаны в «Современнике». Плетнёв пишет, что первая уже набирается[2]. Когда прочтёте, то покорнейше прошу сообщить мне критические свои замечания. Это для меня будет тем более важно, что, продолжая писать, я могу изменить план, выбросить что-нибудь и т. п., принявши оные во внимание.

43. До Пєтра Плєтньова

Київ, 20 березня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Будучи ещё так недавно почтён знакомством Вашим, я бы не решился беспокоить Ваше Превосходительство своими просьбами, если б не надеялся, что Вы, как Поэт, извините моё простодушие. Я решился не печатать более в Киеве своих сочинений, ибо они здесь не окупаются, и потому, посылая Вам мои *Повести*, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уступить их за какую бы то ни было сумму которому-нибудь из петербургских книгопродавцев, если это не затруднительно для Вас[1].

Вторая просьба моя гораздо важнее. Я желал бы служить в Петербурге, чтоб руководствоваться, при своих литературных занятиях, советами опытных писателей. Я имею чин 10 класса[2] и желал бы занять такую должность, которая бы доставила мне тысячи две рублей ассигнациями годового жалованья, не отнимая всего моего времени. Итак, если есть возможность, покорнейше прошу Ваше Превосходительство доставить мне такую службу. Я был бы Вам вдвойне обязан,

и за место, и за то, что Вы доставили бы мне возможность избавиться от почтенных киевлян.

Во время моих путешествий по Малороссии, я записывал разного рода народные рассказы, стараясь изучить простую речь, чуждую того влияния, какое потерпел язык образованного нашего общества от языков западных[3]; записывал я эти предания с такою ж точностью, как и песни, и иногда встречал такие рассказы, которым, кажется, немногого недостаёт, чтобы сделаться гомерическими рапсодиями. Посылая Вам одну тетрадь моих записок, покорнейше прошу Ваше Превосходительство передать её Василию Андреевичу Жуковскому[4]: не пригодится ли она ему для каких-нибудь соображений при его занятиях «Одиссеею».

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, марта 20.
Киев.

44. До Пєтра Плєтньова

Київ, 5 травня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Покорно Вас благодарю за оттиснутые для меня экземпляры моих «*Пяти глав*». Что же касается до выпусков и перемен, то они так незначительны, что авторское моё самолюбие остаётся совершенно спокойным. Мне весьма приятно слышать похвалы моему сочинению от такого почтенного Писателя, как Ваше Превосходительство. Я и сам думаю, что этот роман будет лучше «Михайла Чарнышенка», ибо со времени окончания «Чарнышенка» я довольно потрудился над изучением своей родины.

Касательно переезда моего в Петербург, Ваше Превосходительство предлагаете весьма трудную для меня задачу. Собрать какую бы то ни было сумму денег для существования в столице в продолжении трёх месяцев для меня невозможно, как по совершенному неумению моему обходиться с деньгами, так и потому, что доходы мои весьма не велики и едва позволяют мне держаться в Киеве. Притом же выпустить синицу из рук для журавля в небе, заискивать благосклонности вельмож наперерыв перед другими, без сомнения, гораздо опытнейшими в этом деле, и вверить свою судьбу одним надеждам – для меня и подумать страшно. Я испытал уже немало превратностей в своей жизни, и – говоря откровенно – так боюсь вельмож и так напуган мучениями бедности, что осмелюсь сойти с одного прочного места только тогда, когда ступлю ногою прямо на другое. Итак, несмотря на всё моё желание жить в столице, мне только остаётся мечтать о тамошних библиотеках, об Академии художеств и об обществе таких почтенных,

преданных искусству людей, как Ваше Превосходительство. Прошу ж принять уверение в моей искренней к Вам признательности за Ваше во мне участие, в моём истинном, глубоком к Вам уважении и совершенной преданности.

Имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

Мая 5, 1845.
Киев.

45. До Пєтра Плєтньова

Київ, 10 червня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Так как Ваше Превосходительство решительно принимаете во мне участие (что навсегда останется в памяти моего сердца), то считаю нужным уведомить Вас обстоятельнее о своём положении в свете, чтоб Вы знали, что можно и чего нельзя для меня сделать. Я слушал лекции в здешнем университете только полтора года и должен был его оставить по домашним моим обстоятельствам[1]. (Вот что значат те мучения бедности, о которых я намекнул в прежнем своём письме). К счастью моему, нашлось ещё у людей столько доброты, что мне дали должность учителя в уездном училище, где я и служу уже пятый год. Не знаю, почему так долго держат меня в чёрном теле. Впрочем, Михайло Владимирович Юзефович обещает в августе сделать меня старшим учителем истории или словесности в одной из киевских гимназий. И если это исполнится, тогда я немедленно беру от Директора копию формулярного моего списка и, приложив её при прошении, прошу попечителя С. Петербургского учебного округа о перемещении меня в одну из Петербургских гимназий. Кажется, таким образом, дело может пойти на лад? Ах, как бы я желал проститься с матерью городов русских!

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, июня 10.
Киев.

46. До Василя Білозерського

Київ, 11 червня 1845 р.

Подражая одной прекрасной душе, кладу тебе в карман эту иконку для самого лучшего употребления.

Добрый Вася! Ты вполне заслуживаешь того, что тебя все так любят. Не торопись же для меня в Киев, оставайся у коханых столько, сколько можно.

П. К.

1845, июня 11,
Киев.

47. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 17 червня 1845 р.

Милостивый Государь Николай Данилович!

Короваев, Козлов и другие разъехались, почему и клиника на время вакаций закрыта[1]. Вася, в ожидании, пока совет университета решит его судьбу[2], уехал дня на два из Киева в деревню своего хозяина, и там, видно, принят с особенным радушием, потому что до сих пор не возвращается. Вот почему я уже взялся отвечать Вам за него.

Посылаю Вам один экземпляр моих бардов, которых украинские физиономии порядочно, впрочем, пострадали от петербургского климата[3].

Хотел было ехать с одним добрым человеком в Одессу поглядеть на Чёрное море, да щось не весело на душі, – так і на море дивиться не хочеться.

Ой пійду ж я да до моря – синє море грає,
Ой рад би я утопиться – море не примає!
Прими ж мене, синє море, бо й так мені горе...

Я думаю, однако ж, Чёрное море не долго б заставляло себя упрашивать. Я начертил было огромнейший план путешествия: поехать в Одессу, а оттуда переплыть через море к черноморцам и там, исследовавши вся сокровенная, ехать сухим путём в Екатеринослав в гости к Григорию Тимофеевичу; потом всё это показалось таким вздором, для которого не стоит тратить ни денег, ни времени. Итак, остаюсь в Киеве и готовлюсь к переезду в Петербург, куда призывает меня Плетнёв, обещая доставить мне место. Я же задал ему сперва задачу приискать мне место, чтоб я знал наперёд, куда еду. Он обещал, и я жду сего великого события. Между тем читаю кое-что, и в таком прозаическом положении проходят как-то, слава Богу, дни за днями.

Не думаю, чтоб этот *Гетман Остряница*[4] был что-нибудь путное.

Прошу свидетельствовать моё почтение Виктору Николаевичу.

С истинным уважением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, июня 17,
Киев.

48. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 2 серпня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Я получил известие от М. Вл. Юзефовича, что он определил меня старшим учителем истории в Ровенскую гимназию[1]. По приезде в Ровно, я немедленно пошлю к попечителю Петербургского учебного округа прошение, при котором приложу и формулярный свой список. Теперь же, уведомляя Вас об этом, покорнейше прошу Ваше Превосходительство похлопотать о моём переводе в Петербург. Ах, как я буду рад, когда наконец увижу столицу!

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, авг[уста] 2.
Борзна.

Адрес: В Ровно, Волынской губ[ернии]. Учителю гимназии такому-то. Не можете ли Вы, Ваше Превосходительство, уведомить меня, скоро ли могут перевесть меня в Петербург?

49. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 21 вересня 1845 р.

Киев. 1845, сент[ября] 21.

Причиною моего долгого молчания была неизвестность, как устроятся мои служебные обстоятельства, от которых частию зависят и литературные мои занятия. Я надеялся получить место в Первой киевской гимназии, а вышло, что должен ехать за 400 вёрст от Киева, в Ровно, где был Кастомаров[1], переведённый теперь в Первую киевскую гимназию[2]. Разумеется, я не жалею, что обещанное мне место дали ему, но жаль, что моё перемещение из Киева замедлит на некоторое время исполнение нашего предприятия. Есть, впрочем, надежда, что я скоро буду вызван из ссылки: Кастомарова обещают сделать в непродолжительном времени адъюнктом Киевского университета[3], и тогда мне предоставится нынешнее его место. Итак дело о журнале должно остаться пока что в неопределённом положении. Между тем надеюсь, что Вы, почтеннейший Измаил Иванович, при-

готовите что-нибудь достойное Вашего имени. Трудно назначить Вам, чего бы именно я желал от Вас. Всё, что Вы ни напишите о Южной Руси, будет иметь место в нашем журнале; напр[имер], что общего всем славянским племенам есть в свадьбе южнорусской и что принадлежит собственно южноруссам? У меня есть записки об украинской свадьбе, составленные мною в Черниговской, а одним священником в Киевской губерниях[4]. Если Вам угодно, я сообщу Вам их чрез почту.

Признательно Вас благодарю за предлагаемую мне честь – участвовать в «Московском учёно-литературном сборнике»[5], но не могу исполнить Вашего желания, во-первых, потому, что этот сборник существовать не будет, ибо задумавшие его писатели отчасти присоединились к «От[ечественным] зап[искам]», а отчасти к другим журналам, во-вторых, потому... но что ж тут во-вторых? Я вспомнил ответ одного офицера на вопрос генерала: «Почему вы не стреляли?» – «Во-первых, не было пороху, – отвечал он, – во-вторых...» – «Довольно, довольно! – закричал генерал, – что ваше *во-вторых*, когда не было пороху?» – Так и я, при всём моём желании оправдаться перед Вами, оставляю в покое свои *во-вторых*, *в-третьих* и т. д.

«Чёрная рада» моя приближается к концу. Хорошо ли я делаю, обременяя её страницы множеством примечаний (разумеется, не таких пошлых, как в «Михайле Чарнышенке»)? Не будут ли оне подобны засохшим комам грязи, облепившей колёса чумацкой мажи? Что ж делать, когда в тексте всё не потóвпиться, или когда иной может подумать, що человѣк бреше, а тут сама́ щира правда?

Прошу передать мой почтительный поклон Амвросию Лукьяновичу Метлинскому и попросить, чтоб он наказал мне о себе «хоть чорною вороною». Что он делает? каково его здоровье?

Адрес: *Учителю гимназии, в Ровно, Волынской губернии.*

Истинно Вас уважающий и преданный

П. Кулеш

Я выезжаю из Киева завтра.

50. До Михайла Юзефовича

Рівне, 6 жовтня 1845 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

Позвольте ещё раз принесть Вам искреннюю мою благодарность за определение меня учителем в гимназию. Я постараюсь быть достойным Вашего покровительства. Директор принял меня по-начальнически, впрочем внимательно[1]. Мне очень много работы, но я рад, что принятая мною на себя обязанность заставит меня наконец изучить историю в полном объёме. Квартира в замке, о которой я имел

неблагоразумие беспокоить Вас своею просьбою, так невыгодна, что я и сам от неё отказался.

Правду Вы говорили, что не пройдёт месяца, как я возопию к Вам о переводе меня в Киев! Здесь мне такая тоска, что я почти болен. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня в Киев! Я готов даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднее читать в гимназии, чем историю. Киев теперь ещё привлекательнее для меня, потому что там есть Кастомаров, которого сообщество для меня так много значит. Сделайте одолжение, не позабудьте обо мне!

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, окт[ября] 6.
Ровно.

51. До Пєтра Плєтньова

Рівне, 9 жовтня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Предлагаемое мне Вашим Превосходительством место лектора русского языка в С. Петербургском университете я принимаю с искреннею благодарностию[1], только не знаю, сейчас ли должен я ехать в Петербург или дождаться определения меня к исправлению оной должности. Я думаю сделать вот что: взять у своего директора на 28 дней отпуск, ехать в Киев, просить Михайла Владимировича Юзефовича об увольнении меня из Ровенской гимназии и ехать в Петербург. Почему покорнейше прошу Ваше Превосходительство адресовать свой ответ *в Киев* на имя *Василия Михайловича Белозерского, учителя Киево-Подольского дворянского училища (на Подоле, в доме дворянского училища)*. Если бы что-нибудь помешало мне ехать в Киев (по крайней мере до первого ноября), то письмо Вашего Превосходительства будет переслано мне в Ровно немедленно. Денег для переезда в Петербург я имею теперь довольно. Примите мою искреннюю благодарность за Ваше участие во мне.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, окт[ября] 9.
Ровно.

52. До Пєтра Плєтньова

Рівне, 9 жовтня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Получив Ваше страховое письмо, я тотчас отвечал Вашему Превосходительству страховым же, и только по отправке письма на почту рассмотрел, что письмо Вашего Превосходительства писано ещё 27 августа, следовательно, Вы уже более месяца ожидаете моего ответа; почему я, чтоб более не медлить, завтра же выезжаю в Киев, а оттуда, как можно скорее, в Петербург.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, окт[ября] 9. Ровно.

Уже я получил отпуск в Киев от своего директора.

53. До Пєтра Плєтньова

Київ, 15 жовтня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Едучи в Петербург без слуги, я больше всего боюсь за свои бумаги, и потому отправляю их вперёд по почте на имя Вашего Превосходительства. Сам я выеду из Киева 17 числа[1]. Михайло Владимирович принял мою новость без удовольствия: по его мнению, мне лучше бы держаться Киева, но я не знаю, чего бы я дождался в этом городе, где все смотрят на меня гордым оком и несытым сердцем, и где один он принимал во мне участие. Я взял у него отпуск на 28 дней и подам в отставку уже из Петербурга.

Ваше Превосходительство получите ещё несколько писем для передачи мне, ибо я теперь обратил всю свою корреспонденцию на Ваш адрес, что Вы мне простите, как литератору.

Переехавши в столицу, я намерен принять самое деятельное участие в издании Вашего «Современника», и не только я, но и некоторые из моих друзей, между которыми особенно замечателен магистр Харьковского университета Кастомаров, трудящийся разумно и неутомимо для истории Южной Руси. Если будет угодно Вашему Превосходительству, я помещу в «Современнике» всю «Чёрную раду», о чём можете даже объявить подписчикам. Пять глав, помещённых уже в «Современнике», несколько мною исправлены и даже изменены, а потому не худо бы отпечатать их вновь для тех подписчиков, которые не получали «Современника» за 1845 год. Мы с Кастомаровым готовы трудиться всеми силами, чтоб представить в «Современнике» противуположность этим эгоистическим, меркантильным, антихудожническим журнальным партиям, которые так безжалостно терзают русскую литературу и замедляют её развитие.

Я думаю ехать на Москву, которую давно жажду видеть, и потому буду в столицу несколько позже, чем был бы без того.

После того, как страховое письмо Вашего Превосходительства, будучи получено в Ровно 8 сентября, доставлено мне через месяц, я перестал верить точности почтового сообщения, и потому уведомляю Вас, что я отвечал Вашему Превосходительству из Ровно немедленно по получении письма, что предлагаемое мне в С. Петербургском университете место я принимаю с искреннею благодарностью.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, окт[ября] 15.
Киев.

54. До Опанаса Марковича

Київ, 15 ... 18 жовтня 1845 р.

Намерение моё принялось и пустило корни. Сегодня ожидаю Вас в обещанный час на пораду. Великий Християнин[1], о котором Вы пишете, как будто предвидел эту поездку: с месяц назад прислал мне «Новороссийский календарь»[2], в котором я обрёл теперь все нужные для нашей поездки сведения.

П. К.

За хустину дякую.

55. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 26 жовтня 1845 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Я выехал из Киева в назначенный мною день, но некоторые обстоятельства задержали меня несколько дней в одном из хуторов, окружающих Борзну[1]. Отсюда я выеду 28 числа и уже не буду нигде останавливаться до Москвы, где проживу, может быть, день или два. Обо всём этом я почёл нужным уведомить Ваше Превосходительство, чтоб Вы не удивлялись, почему меня так долго нет в Петербурге.

С глубоким уважением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, окт[ября] 26.
Борзна.

56. До Міхаїла Погодіна

Москва, 4 листопада 1845 р.

П. Кулеш свидетельствует Вам своё почтение. Позвольте посетить Вас завтра в 9 часов утра. (На всякий случай) остановился в гостинице Шевалдышева[1], в 29 №

П. К.

57. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 13 листопада 1845 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

Вы давно уже ждёте моего письма и, вероятно, порядочно меня браните, но я виноват в своей медлительности только тем, что, заехавши в Борзну, прожил там целую неделю, чтоб ехать в Петербург вместе с братом[1] известного Вам Белозерского, служащим здесь по Министерству внутренних дел. После того я до самой Москвы нигде уже не останавливался, но дорога была так затруднительна от замёрзшей грязи, что я решительно не мог ехать быстро. В Москве я прожил трое суток, во-первых, для того, чтоб отдохнуть, а во-вторых, для того, чтоб сделать извлечения из летописи Велички, принадлежащей Погодину. Летопись эта написана в 1720 году[2] и замечательна в особенности тем, что автор её, кроме других источников, пользовался (как говорит он сам) дневником Зорки, секретаря Богдана Хмельницкого. Она заключает в себе множество писем гетманских к запорожцам и запорожских к гетманам, объясняющих значение Запорожья в козацкой истории и отношения низовцев к городовому правительству украинскому; кроме того, в ней нашёл я много таких подробностей о разных лицах, которые по сих пор не были известны мне ни из русских, ни из польских источников. Погодин принял меня весьма радушно, я у него прожил двое суток и открыл в нём больше достоинств, чем предполагал доселе. Летопись его (состоящая из трёх больших томов) так меня заняла во всё время пребывания моего в Москве, что я не имел возможности посмотреть даже Оружейную Палату[3]; но сама Москва с своими домами, с своим Кремлём и храмами, после Киева, поразила меня своим великолепием. Я спрашивал себя: что же я увижу там в Петербурге? и не мог вообразить себе, чтоб после Москвы Петербург так сильно занял моё любопытство, как занимает он его теперь. В дождь и в ветер я не могу ехать по нём спокойно, закутавшись в воротник своей шинели; я беспрестанно поворачиваю голову то в ту, то в другую сторону, и если б ходил пешком, то, вероятно, простаивал бы по получасу пред каждым великолепным зданием, перед каждым памятником. К сожалению, я должен ездить, потому что деятельность, которою кипит северная столица, охватила уже и меня своими волнами. Я рад бы от всей ду-

ши исписать Вам несколько листов и таким образом вполне исполнить Ваш наказ, но впереди предстоит мне столько работы, что поневоле должен ограничиться уведомлением Вас только о том, что существенно нужно Вам обо мне знать.

Плетнёв принял меня с таким вниманием, с таким дружелюбием, которого ожидать невозможно[4]. Через полчаса он повёл меня в университет и представил попечителю[5]. Мне, кроме лекторства, дают место старшего учителя словесности в Пятой гимназии[6], чрез что годовой доход мой здесь будет состоять из тысячи рублей сребром. Пятая гимназия, недавно открытая, состоит теперь ещё только из трёх первых классов. Это для меня благоприятно, потому что я не буду готовиться к лекциям. Плетнёв надеется, что лекторское моё место со временем сделается равнозначительным месту адъюнкта, и советует мне приготовить вступительную лекцию о русском языке так, чтоб дать о себе попечителю хорошее мнение. Этим-то я теперь и занят в особенности.

Журнал не приносит Плетнёву никакой выгоды[7], почему покорнейше прошу Вас приказать директорам и смотрителям Киевского округа непременно его выписать. – Я буду определён завтра или послезавтра к должности, и тогда отсюда сделают в Ровно отношение о моём перемещении. Ещё раз осмеливаюсь напомнить Вам о Малавском, который вполне заслуживает и по своим способностям, и, по своему трудолюбию, занять моё место в Ровенской гимназии[8]. – Примите ещё раз уверение в моей вечной Вам благодарности за все Ваши благодеяния.

С глубоким уважением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, ноября 13.

С. Петербург.

Пока приищу себе квартиру, я живу у Плетнёва[9], почему покорнейше прошу теперь, да и после, я думаю, адресовать ко мне письма на его имя.

58. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 24 листопада 1845 р.

Милостивый Государь, Михайло Петрович!

Мне очень совестно перед Вами, что я не мог доставить Вам для «Москвитянина» письма Грабовского о Гоголе[1]; а не мог я доставить Вам его потому, что лишь только перевёл и показал Петру Александровичу, Пётр Александрович послал его в типографию и велел набирать; после уже он хоть и узнал, что это письмо обещано мною Вам, но брать назад из типографии было неловко. В замену того посылаю Вам отрывок из моего романа[2], замечательный в том отношении, что представляет картину старинных украинских обычаев, основанную

на прилежном изучении старины. Покорнейше прошу Вас не выпускать ни одного примечания. Пусть меня упрекают в педантизме, но я имею свои резоны (ах! извините за иностранные слова!). По напечатании, покорнейше прошу оттиснуть для меня два экземпляра, в том числе один на писчей бумаге. Будьте так добры, Михайло Петрович, велите переписать означенные мною в летописи Велички места и сообщите мне. Это послужит мне и для романа[3], и для многих других занятий. Если хотите, я напишу статью об украинских летописях для «Москвитянина»[4].

В Петре Александровиче я нашёл почтеннейшего и добрейшего человека. Меня, кроме лекторства в университете, сделали ещё старш[им] учит[елем] словесности в Пятой гимназии. Получая 1000 р. ср. в год жалованья, я теперь совершенно обеспечен и могу предаться своим занятиям с полным спокойствием.

Примите уверение в глубоком моём к Вам почтении и совершенной преданности.

Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга

П. Кулеш

1845, ноября 24.

С. Петербург.

Адрес на имя Петра Александровича.

P. S. Рукопись мою покорнейше прошу возвратить мне.

Не купит ли кто из Ваших московских книгопродавцев права на первое издание «Чёрной рады»? Я скоро окончу. Условий я никаких заключить не могу; а за наличные, в один раз, при отдаче рукописи отданные мне деньги готов уступить. Цена 1000 р. сребром.

59. До Миколи Гулака

Санкт-Петербург, 8 грудня 1845 р.

Милостивый Государь Николай Иванович!

Я давно подумываю о том, что ещё не писал к Вам ни разу и откладываю, пока увижу некоторые чудеса искусств, чтоб сделать их предметом своего письма: обстоятельства петербургской моей жизни Вам, вероятно, известны из писем к Василию Михайловичу. Теперь, узнавши, что Вы намерены переехать в Дерпт, осмеливаюсь предупредить Вас просьбою избрать своим местопребыванием вместо Дерпта Петербург[1]. Здесь Вы можете достигнуть всех своих целей ещё лучше, нежели в Дерпте, а между тем можете многое сделать для литературы украинской. Подумайте об этом, и если нет каких-нибудь особенных препятствий, то приезжайте в северную столицу. Во мне Вы найдёте здесь самого преданного Вам человека, и, соединивши свои силы, мы с Вами приведём в исполнение многое... Ещё раз говорю: подумайте. Нужно Вам сказать, что Василь Михайлович, мо-

жет быть, также сюда переедет; а в Дерпте что Вы найдёте ему подобное? не правда ли?

Из бумаг моих, остающихся в Киеве, предоставляю Вам выбрать для себя и увезти в Дерпт, что Вам угодно[2].

С глубоким уважением Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1845 г., дек[абря] 8.

С. Петерб[ург].

На конверті: Его Благородию Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гулаку. *В Киев.*

60. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р.

С. Петербург. 1845, дек[абря] 10.

Вы, вероятно, виделись с Кастомаровым, который теперь в Вашей стороне[1], и знаете уже, что я в Петербурге. Он, однако ж, имеет основание сомневаться, получил ли я то, за чем сюда ехал; так скажите ему, что я оба места уже занял и проповедую своё учение с порядочною скукою для себя и для своих слушателей, учение бо моё ограничивается грамматическими правилами русского языка.

Теперь, казалось бы, удобнее всего приступить к осуществлению известного Вам литературного нашего предприятия; но когда я попытался начать своё дело, то встретил важные препятствия. Периодического издания нам не позволят, а повременное, видимо, не предвещает никакого успеха. Что Вы на это скажете? Не обождать ли нам, пока мои связи здесь пустят поглубже корни и окрепнут? а я об этом стараюсь по-своему, как истинный украинец.

Народные предания свои я уже нашёл средства издать без убытку, и в новом году они появятся в свет. Если у Вас есть любители такой поэзии, то напишите, сколько прислать Вам экземпляров. Вы, конечно, не поставите себе в тягость предложить одному-другому приобресть книгу, у которой нет таких ног, чтоб разойтись повсюду, и которую оценят весьма немногие.

Вам, без сомнения, говорил Кастомаров об украинских песнях. Соединив свои сборники, мы составим значительную коллекцию. Не угодно ли будет и Вам сделать вклад в нашу сокровищницу? Я песнями занимаюсь с благоговением: ни один стих, ни одно особенное слово не будет в моём издании потеряно. Я отмечаю, кто и где записал, чтоб представить самый точный[(а)] источник для изучающ[их] народную поэзию и украинский язык. Где только могу, буду делать исторические, топографические и другие примечания. Касто-

---

[(а)] *Було*: лучший

маров напишет введение. На Вас полагаем надежду касательно песен обрядных, которыми Вы теперь занимаетесь. Напишите, не прислать ли Вам своих материалов для описания украинской свадьбы? Заглавие думаю напечатать так: *Украинские народные песни, собранные таким-то, таким-то и т. д.* Если Вы согласны, то присылайте немедля: я займусь вписыванием их по местам в нашу коллекцию. Метлинский, надеюсь, также не отстанет[2].

«Чёрную раду» свою я оканчиваю. Второй том её будет помещён в 1, 2 и 3 нумерах «Современника» на 1846 год[3].

П. А. Плетнёв свидетельствует Вам своё почтение. Что Вы от него отстали? Ведь все прочие журналы, кроме «Москвитянина», или шарлатаны, или сумасшедшие!

Прошу передать мой почтительный поклон А. Л. Метлинскому.

Нельзя ли достать повестей Основьяненка, написанных по-украински и ещё не напечатанных в подлиннике?[4] Я бы взялся издать их в пользу его жены. Да и все украинские сочинения Основьяненка стоило бы издать вместе и тщательно как прекрасный памятник нашего языка, обычаев и поэзии. Что Вы на это?

С глубоким почтением

П. Кулеш

Адрес: Андрею Степановичу Воронову[5], инспектору Пятой гимназии, для передачи П. А. Кулешу, в С. Петербурге.

P. S. На всякий случай прилагаю записочку на имя Кастомарова.

61. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р.

С. Петербург. 1845, дек[абря] 10.

Добрый мой Николай Иванович!

Уведомите меня поскорее о состоянии своей души.

Я писал к Изм[аилу] Ив[ановичу] о песнях. Напишите, что он?

Достаньте повести Основьяненка.

Достаньте летописей и пришлите мне для означения вариантов. Я нашёл случай издать их. А это очень важно![1]

«Чёрная рада» близка к концу. «А жоны козацькіи стали жонами шляхетскими»[2].

Ваш П. Кулеш

Предания выдут в свет в новом году.

Оба места я получил без всяких затруднений.

На звороті: Николаю Ивановичу Костомарову

62. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 20 грудня 1845 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель Михайло Владимирович!

Я утверждён учителем словесности в Пятой гимназии, и этим обязан, вероятно, Вам, потому что мои бумаги из Ровно не получены ещё, а не получены потому, что Иванишев выслал их туда без аттестации с своей стороны о службе моей в Киево-Подольском училище, почему дирекция ровенская должна, препроводив их обратно, требовать от Иванишева объяснения, почему он не аттестует. Так мне пишут из Ровно, и я иначе не могу этого себе истолковать, как только ошибкою Иванишева[1].

Вечер, проведённый мною недавно у Александра Васильевича, чрезвычайно был для меня занимателен. Там между прочим узнал я, что Сенковский, т. е. Барон Брамбеус, изобрёл клави-оркестр, инструмент подобный фортепьяно и заключающий в себе 240 духовых и струнных инструментов. Он издержал на эти инструменты, пробуя их и переделывая, тысяч 30 и ни о чём не может теперь говорить, кроме своего клави-оркестра. Теперь он занимается устройством в нём человеческих голосов; Александр Васильевич говорит, что уже видел два горла.

На этом вечере сподобился я видеть и Полевого, которого хозяин, ко всякому весьма приветливый, усадил со словами: «Воссядьте как патриарх русской словесности». Полевой сел и начал говорить с смиренно-кичливым видом сперва о Ж[орж] Занде, потом о Шекспировых драмах и наконец о себе. «В этом году, – говорил он, – я много имел работы, но в новом году напишу такую драму, от которой заревёт всё, от партера до райка».

Теперь я должен сказать Вам, как человеку, так долго державшему меня на свете, что [в] Александре Васильевиче я не нахожу того, что Вы мне обещали[2]. Он ко мне весьма внимателен, но это внимание совсем не то, что было Ваше. Между тем его более сердечная расположенность весьма бы пригодилась мне здесь, потому что я намерен держать летом экзамен на кандидата. Пётр Александрович истинно мне предан, но живёт в разладе с профессорами; а Александр Васильевич лучше всякого другого мог бы меня с ними сблизить и расположить их в мою пользу.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, дек[абря] 20.

С. Петербург.

P. S. Позвольте ещё раз напомнить Вам о Малавском, который, занявши в Ровенской гимназии моё место, будет его вполне достоин, потому что изучает историю беспрестанно.

Когда Вы будете в Петербурге?

63. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 24 грудня 1845 р.

С великим удовольствием прочёл я Ваше письмо, ибо признаюсь, что я не был свободен от некоторого беспокойства касательно того, как вы примете мои замечания на «Чёрную раду». В течение моей критической деятельности не раз я убедился, что искреннего суждения о сочинениях не выслушивают без морщин на лбу даже и знаменитые писатели. Прочитавши ваше письмо, исполненное ума и чуждое самолюбия, я обрадовался невыразимо, ибо, во-первых, доволен был тем, что не оскорбил вас, и, во-вторых, – это убедило меня в давнишнем моём мнении, что вы по голове и по сердцу принадлежите к особой категории писателей. – – Ничего так не желал я, как навести вас на размышление о своём сочинении, ибо что по большей части губит нашу литературу, если не уверенность молод[ых] писателей в непогрешимости их вдохновения. – – Я утвердился в высоком мнении о характере и уме Г. ректора унив[ерситета] по одному уже тому, что он советует вам не торопиться печатать тотчас всё, что выдет из-под вашего пера. Только таким способом вы усовершенствуетесь и приобретёте истинную славу. – – Что касается до желания П[етра] А[лександровича], чтоб поместить ещё несколько биографических известий обо мне, не думаю, чтоб это было занимательно для русской публики. – – Статья моя о Пушкине[1] может быть любопытна для вашей публики как доказательство, что и у нас знают ваших писателей, что ничто нам не препятствует их справедливо ценить. Эти две статьи мои, о Гоголе[2] и о Пушкине, могут служить вступлением к дальнейшему ознакомлению русских с нашею литературою, о котором Вы пишете. Меня очень занял проект помещения таких статей в «Современнике». О подобном предприятии я давно уже мечтаю, но мои мечтания не могли осуществиться, пока не воспринял их человек, занимающий высокое место в Вашей литературе, разумею П. А. Пл[етнё]ва[3]. Сообщал я этот проект и Скальковскому[4], и Добровскому (издателю варшавской «Денницы»)[5], но это выше их сил; потому-то переезд ваш в Петербург может составить особую эпоху; и если вы действительно станете осуществлять свою идею, то я всеми силами буду вам содействовать. Знакомство русских с польскою литературою было бы для них открытием нового света, о котором они и не думают. Может быть, я буду следующие письма к Вам писать так, чтоб Вы могли печатать их в переводе, и они могут составить картину современной литературы польской. Боюсь только, чтоб появление моих статей в русском журнале не возбудило у нас новых возгласов и подозрений, которые и без того уже я претерпеваю за свои литературные и политические мнения[6]. Потому-то не вдруг приступаю к содействию Вашим трудам; нужно сперва хорошенько это обдумать и сообразить.

Я уже рекомендовал Вас Головинскому[7]. – – Головинский и несколько других писателей польских в Петербурге, его приятелей, каковы граф Ржевуский, Штирмер, Пшеславский, составляют чело народа польского в правительственном отношении. Это люди не только с высокими умственными способностями, но и с высокими достоинствами характера. Они вполне достойны покровительства Правительства за поддержание своими трудами идеи порядка, поколебанной, к несчастью, во всей почти Европе и поколебанной по большей части недоваренною литературою. Потому-то очаг петербургских писателей в глазах людей здравомыслящих достоин величайшего почтения. От всей души желаю вам сойтись с этими замечательными людьми[8].

64. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 25 грудня 1845 р.

Милостивый Государь, почтеннейший мой Благодетель Михайло Владимирович!

Стыдно мне признаться Вам, что я до сих пор не видел картины Брюлова. Я видел в Казанском соборе его «Вознесение Божией Матери»[1] и не понял. Это уменьшило во мне желание видеть «Последний день Помпеи»[2]; я не хотел оскорблять великого художника невежественным своим любопытством и решился идти к его великому произведению только тогда, когда почувствую, что в состоянии понять его. Исполнению до сих пор этого обета способствовало то, что здесь нет Шевченка, который бы повёл меня к земляку нашему Григоровичу и показал мне картину Брюлова. Впрочем, кажется, мне скоро представится удобный случай видеть Академию художеств, и тогда я напишу Вам о своих впечатлениях.

Конями Кло[д]та[3] я восхищался. Для того, чтоб вполне оценить фронтоны Исакиевского собора, недостаёт солнечного освещения. Сквозь туманную атмосферу они для моих близоруких глаз теряют свою изящную отчётливость и выразительность.

Современная наша литература представляет печальное зрелище. Представителями её, кроме весьма немногих истинных жрецов поэзии, всё народ *развратный*: другим словом я не могу определить этого коммерческого духа, который равно заражает старые и молодые сердца, этой жизни суетной, какой все они предаются, этих дерзких суждений о великих писателях, которые беспрестанно слышишь в обществе и читаешь в книгах, этого, наконец, неблаговоевйного взгляда на мир как на дело творчества Божия, с каким они трактуют обо всём, что подлежит их чувствам и уму! Молчаливый зритель всех этих грустных явлений, я здесь заключаюсь сам в себе глубже, нежели в Киеве, и благодарю Бога, что я не раньше попался в этот хаос. Уединённая[а] жизнь и долговременное изучение таких писателей, как Гомер, Данте, Шекспир, вместе с изучением истории и народной поэзии своей родины, поставили меня так крепко на ноги, что меня не может увлечь с собою неистовый поток краевщины и других литературных партий. Я теперь желал бы ещё одного для полного своего развития: желал бы быть посланным для изучения славянских языков, с тем чтоб после держать экзамен на магистра и занять кафедру в Петербургском или Киевском университете. Пребывание в Праге дало бы мне возможность воспринять в свою душу все элементы западноевропейской образованности, сгармонировать их в себе с элементами духа славянского и потом действовать сложностью всех этих сил на молодое поколение, которого если ничто не спасёт от нынешнего эфемерного направления, то горе, горе русской лите-

---

[а] *Було*: Одиноко

ратуре! Я слышал, что Ваш университет хочет послать за границу бездушного Страшкевича[4]. Ради Бога, употребите все усилия, чтоб это не состоялось! Довольно уже и того, что посланы ничтожные Тутковские, Вигуры и пр.[5], которые, возвратясь, будут только играть в карты и пускать пыль в глаза.

От Погодина насчёт летописи Величка узнать что-нибудь наверное было трудно. Он скоро будет здесь[6]. О летописи Конисского я не узнал ещё[7]. Летопись Самовидца я хочу издать здесь. Покорнейше прошу прислать мне из Вашего экземпляра окончание от 1667 года. – Оканчиваю «Чёрную раду». В «Современнике» будет помещён 2й том в 1, 2 и 3 нумерах. В 1 нумере я напечатал письмо Грабовского о Гоголе[8].

Я очень желал бы сойтись с художниками: к ним более лежит душа моя, нежели к здешним литераторам; но не знаю как.

Познакомился я с бароном Корфом[9]. Он хочет изучить и написать в течении пяти лет «Историю России от смерти Грозного до Петра». Советовался со мною касательно изучения источников ист[ории] Малороссии.

Когда Вы будете в Петербурге?

С глубоким уважением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1845, дек[абря] 25.

С. Петерб[ург].

Прошу сказать моё почтение Анне Максимовне.

Во 2-м номере детского журнала «Звёздочка» (и в следующих) будет моя статья «Повесть об украинском народе»[10].

У Вас есть где-то перевод ещё одного письма Грабовского[11]. Покорнейше прошу отыскать его и прислать мне. Он писан не моею рукою.

Позвольте, Михайло Владимирович, попросить Вас об учителе Красковском[12], несчастливейшем из коллежских советников. Во время пребывания моего в Киеве, я в его семействе был совершенно домашним человеком. Нельзя ли чего-нибудь для него сделать? Он человек весьма основательно учёный и старательный на службе. Если нельзя сделать его в Чернигове или в Нежине инспектором, то по крайней мере нельзя ли представить его к денежной награде?

1846

65. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 10 січня 1846 р.

С. Петербург. 1846, генв[аря] 10.

Первую главу своего романа я местами исправил и значительно усилил примечаниями; вторую почти всю уничтожил. Шрамко, выехав из Паволочи, не встречает теперь никаких ляхов и достигает Хмарища только в обстановках местными очерками и некоторыми разговорами, необходимыми для первого подмалёвка его характера. Оные же ляшки, торча на первых страницах[а] и не принимая никакого участия в дальнейших событиях романа, вредили гармонии впечатлений, какие нужно поселить в воображении читателя. В пятой главе я уничтожил сравнения с нынешними женщинами: это, как говорит Грабовский, psnie słudzenie. Не так ли? Две следующие главы я послал в «Москвитянин», но Погодин, кажется, сердится на меня за то, что я не напечатал у него письма Грабовского о Гоголе; и потому не думаю, чтоб он поместил эти главы, которые, признаться, посланы только лишь бы отделаться и которые сами по себе представляют что-нибудь занимательное разве для археолога-украинца. Потом вы будете читать продолжение «Чёрной рады» в трёх первых нумерах «Современника» на 1846 год. Это составит второй том. А третий том, заключающий в себе окончательное развитие идеи романа и значение каждого характера, не будет напечатан нигде. Если цензура его общиплет, то я совсем не буду его печатать или привезу к Вам в Харьков: у Вас, кажется, цензор добрый человек[1].

Мне весьма приятно было сойтись с вами в следующей выраженной Вами в своём письме мысли: «Об этом искусстве, кажется, и не снится нашим критикам, занятым всё ещё одною азбукой портретистики». Я всегда с презрением смотрел на этих господ, которые, ведя во всех отношениях развратную жизнь, хотят быть законодателями, пророками для пророков, хотят заключить чистую мудрость в своей нечистой, злохудожественной душе; трактуют о Гомере, Данте, Шекспире, не испытавши во всю жизнь ни одного момента той жизни, какою жили эти гении. Теперь я гляжу на них вблизи, и они стали для меня отвратительнее, по своим побуждениям, целям, средствам и т. д., не говоря уже о детских полемических толках, какими они наполняют свои истинно *нечестивые* журналы.

[а] *Було*: первом плане

О драме я не скажу Вам теперь ни слова. Я считаю себя стоя́щим ещё только у порога школы искусства вообще, я ещё только толку добиваюсь, чтоб мне отворили. До сих пор я, от всех удалённый, не имел почти никаких средств для моего литературного образования. Переезд в Петербург много для меня значит. С моею жаждою совершенствования себя я здесь много могу сделать; но тут представилось другое препятствие. У меня мало времени. Кроме трёх лекций в университете, я имею 13 уроков, по 1½ часа каждый, в гимназии. Это меня утомляет и прерывает развитие многих моих идей в такой ранней молодости, что оне гибнут навсегда как маленькие цыплята от холоду. Чтоб избавиться от гимназии, мне нужно получить место адъюнкта русской словесности в университете (к чему теперь представляется прекрасный случай), а чтоб получить место адъюнкта, нужно иметь учёную степень. Экзамен на магистра выдержать мне легко, но на кандидата так трудно, что я никогда не возмогу к нему приготовиться, ибо кроме того, что я не знаю древних языков, удержать в голове целый короб голых фактов (которые лежат у меня в кабинете, но считаются слишком грубыми вещами, чтоб загружать ими голову) я решительно не в состоянии. Кастомаров говорил мне, что харьковский профессор греч[еского] или лат[инского] языка соглашался проэкзаменовать меня снисходительно[2]. Если бы Вы могли составить потихоньку в мою пользу заговор против Постановлений об экзаменах, так чтобы каждый профессор назначил мне известные вопросы, то Вы бы сделали доброе дело, и я уверен, что впоследствии я не заставил бы Вас в этом раскаяться. Я могу приехать в Харьков к 1-му июля или впоследних числах июня с приготовленными по вашей инструкции вопросами, выдержать экзамен, получить аттестат, сделать ещё путешествие по Малороссии (козацкий азовский отаман Гладкий просит меня в гости до свого коша[3]) и, возвратясь в Петербург, занять место адъюнкта, а может быть и быть отправленным за границу, что ещё лучше.

Едучи в Петербург, я думал прежде всего заняться здесь внесением в мой сборник песен Кастомарова; но первый месяц я был подобен здесь куску мяса, вброшенному в клокочущий котёл. Как вскипячённые волны воды переворачивают и кружат его в котле, так и меня волны новой жизни кружили и ворочали целый месяц. Наконец я кое-как освоился с этой неугомонной машиной и сосредоточился в себе, но всё-таки не для песен, а для романа. Две недели я писал его почти ежедневно, написал третий том и кончил. Теперь – вольный козак! Примусь теперь за песни и как скоро перепишу, то пришлю Вам, согласно с Вашим желанием, все исторические и обрядные песни. Только скажите, не думаете ли Вы *думы* собрать в особый отдел, а песни историч[еские] в особый? Мне кажется, тут лучше всего принять в основание хронологию. Кроме того, мне кажется, лучше поместить все варианты, нежели составлять из вариантов одну думу. Когда я сообщу Вам свои варианты дум об Иване Коновченке, о трёх братьях из Азова, о Черноморской буре и пр., составляющие

отдельные и по духу, и по поэтическим краскам творения, то Вы увидите явную невозможность составлять из них целые рапсодии. А не лучше ли так? целую рапсодию таки составить, а варианты напечатать с точным означением, где была записана, кто пел и кто записал. – Одним человеком введение написано быть не может – это правда, и потому напишите вы введение к историч[еским] и обрядным песням и передайте Кастомарову для дополнения или возражений; пусть он, не марая вашей рукописи, напишет сам, включив туда всё, в чём с Вами согласен; а потом передаст мне; я сделаю то же и приеду нарочно в Харьков на совещание с Вами и Метлинским. Каст[омаров] также приедет. Разногласий больших у нас, без сомнения, не будет, и мы обделаем своё дело превосходно. Словарь уже составляет у меня один весьма дельный молодой человек[4]. Он также будет представлен Вам на рассмотрение. В нашем триумвирате больше всего падает труда на Вас, но нельзя иначе, потому что Вы обоих нас обширнее развиты. Вы поэтому должны всему этому делу сделать основу, а мы истощим всю свою специальность, чтоб заткать её как следует. Что Вы на это скажете? Может быть, Вы начертите сперва программу введения? Прекрасно! В таком случае, зная первоначальный ход Ваших идей, мы с Кастомаровым можем написать назначенные нам Вами части введения.

П. А. Плетнёв свидетельствует Вам своё почтение, будет высылать Вам «Современник» и покорнейше просит Вас сообщать ему новости славянского литературного мира и разбор книг, касающихся Западной Славянщины вообще, выходящих у нас или за границею[5]. Причём нельзя ли сделать так, чтоб читатели не только воспользовались Вашим взглядом на предмет, но ознакомились бы и с самим рассматриваемым сочинением, если в нём есть жизнь. П[ётр] А[лександрович] хочет сделать свой журнал тем, чем журнал должен быть, а не вместилищем повестей и романов, назначаемых, как водится, для людей поверхностно образованных. При разборе книг не худо обличать ошибки и опровергать нелепые мнения о них наших журналистов. «Современник» хотел бы играть роль правдивого посредника между надувателями, шарлатанами-журналистами и читателями, обманываемыми их наглым важничаньем. Это П[ётр] А[лександрович] покорнейше просит Вас иметь всегда в виду.

С глубоким уважением

П. Кулеш

Прошу кланяться Амвр[осию] Лукьяновичу, да уведомить меня, где пропадает мой Николай Иванович, кажется позабывший о моём существовании. Он к Вам уехал из Киева[6].

Я скоро перееду на Васильевский Остров и потому прошу писать на имя П. А. Плетнёва.

66. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р.

С. Петербург, 1846, генв[аря] 17.

Милый мой Афанасий Васильевич!

Вы не пишете, получили ли Вы моё письмо в Переяславе. Ваше же послание оттуда или из Пирятина, града равно любезного душе моей, я получил[1]. Всё, что только возможно будет, я употреблю для освобождения Вашего брата от тягостных его обстоятельств[2], и как только дело сколько-нибудь будет подвинуто вперёд, немедленно Вас уведомлю.

Вася поверг меня в невыразимую горесть: с 7 декабря он ко мне ни слова. Если он не существует, то это ужасно! Но если он жив, если даже болен так, что не может ходить, то ничто не может извинить его молчания, и он этим сильно уронил себя в моём мнении. Я получаю письма через П[летнё]ва, у которого обыкновенно бываю два раза в неделю на вечерах[3]. Иногда я и не поехал бы, но еду только для того, чтобы получить письмо от Васи. Приезжаю: «Есть?» – «Нет!» и всегда одно «Нет!». Когда же он молчит? – нужно Вам знать. Тогда, когда я просил его немедленно, по приезде домой, писать ко мне, когда мне нужны некоторые книги и бумаги, которых от него ожидаю, и когда к нему в деревню посланы подробнейшие письма на двух и трёх листках![4] Я не пишу к нему уже больше недели, жду, какая же развязка будет этой загадке! Верно, самая пошлая. Он заболтался и закружился дома так, что я совсем потерял для него своё значение!

Вам доставят Красковские записочку от меня[5]. Не полагаясь на верность почты, ещё раз прошу Вас взять из банка немедленно 600 р. ср. и вручить им *без всякой расписки*. Проценты Вы от меня будете получать как нельзя исправнее[6]. Пожалуйста ж, не неисполните. Я имею важные причины так настоятельно просить Вас об этом.

Роман мой кончен. Всё идёт хорошо. Спешу на лекцию.

Ваш П. Кулеш

Никитенко берётся устроить продажу моего романа. Кажется, получу рублей 1000 ср. Желал бы очень, чтоб обеспечить Красковского, который всё беспокоится о том, как он выстроит дом, и, кажется, не доверяет, что Вы меня послушаете и дадите ему денег[7]. Я сам Вам дам вексель, но от него брать не буду, чтоб он был совершенно спокоен.

Совершаются мною в тишине дела, чреватые важными следствиями. Вы узнаете это со временем[8].

67. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р.

С. Петербург. 1846, генв[аря] 17.

«Паны» мои, как называете Вы «Чёрную раду»[1], окончены накануне нового года. Впрочем, тут не одни паны, а пополам с мужиками, и из этого-то вся и беда вышла! Я боюсь, чтоб цензура не обрезала третьего тома, где весьма очевидны становятся главные мои идеи. Что же Вы посоветуете мне делать с этим романом? Я думаю уступить его какому-нибудь книгопродавцу за тысячу рублей сребром. Других условий заключать с этим народом невозможно. Если не дадут мне 1000 р. ср., то и печатать не буду. Что Вы на это?

«Чарнышенко» скоро приедет из Малороссии. У меня вместе с теми экземплярами, что в лавке «Москвитянина», – 369 экземпляров[2], и я охотно уступил бы их за 400 р. ср., – сумма, которую должен я в киевскую университетскую типографию. Пусть лавка «Москвитянина» заплатит мой долг, я уступлю ей.

Как я буду Вам благодарен за выписки из Летописи Величка, которая и без того мне уже много помогла, как это Вы увидите из 3го тома моего романа, отложенного до знакомства с сею достопочтенною госпожею![3]

С истинным почтением Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

Адрес: П. А. Плетнёву, а Вас прошу передать П. А. Кулешу *или хоть и так*: П. А. Кулешу, учителю Пятой С. Петербургской гимназии.

Не благоволите ли Вы присылать мне «Москвитянин» на 1846 год?

68. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 25 січня 1846 р.

С. Петербург, 1846, генв[аря] 25.

Добрый мой Афанасий Васильевич!

Благодарю Вас за письма. Они имеют теперь для меня двойную цену, потому что от Васи нет ни слова с 7 декабря! Меня немного успокоили слова Ваши: «напишу и о Васе». Значит, он существует ещё на свете и даже, может быть, писал к Вам; но почему ко мне не пишет, этого я постигнуть не могу. Что бы там ни произошло (а я всегда готов ожидать повторения и над другою сестрою той же пошлой и пакостной истории, какая произошла с Надею[1]), в какие бы заботы, в какие бы неприятности ни был он повержен, мне кажется, тем более он должен писать ко мне. Или это только я так сделал бы в отношении к нему, а он ко мне совсем иначе расположен. Ну, так и быть! Верно, мне придётся наконец убедиться, что моя душа одарена способностью лю-

бить преимущественно пред всеми моими ближними. Жаль мне Васи во всяком случае. Я представлял его себе всегда выше маменькина сынка, а теперь вижу, что он не более как легкодушный ребёнок! Жаль! Грустно! Менее всего я мог ожидать такого события. Моя душа одинока в мире. Она со многими связана самыми нежными чувствами дружбы; но бывают минуты, когда она, мужественная и расширяющаяся за пределы обыкновенной жизни, ищет души тоже мужественной и угрюмо стремящейся к своему великому. Вася был для меня всегда в таких случаях избранным сосудом, в который я полагал самые дорогие и тайные свои чувства[2]. Теперь он для меня потерян, а другого существа, ему подобного, я не имею. Вот почему я придаю такую важность его глупому, хуторскому молчанию и той покорности, с какою он поддался мотроновскому духу, никого, кроме своих, не терпящему, эгоистическому в высшей степени духу. Но довольно об этом.

У меня в университете есть особенный кабинет, в котором я иногда пишу и читаю. Это – комната ректора, который мне её предоставил в распоряжение. О Васе писано было перед лекциею в университете, а теперь продолжаю дома.

Напрасно Вы думаете, что я «не пойму того удовольствия, какое ваш брат вкушает в доброй семье» и пр.

Я не люблю собраний шумных,
Холодных знати вечеров,
Ни юношей пиров безумных,
Ни сходки буйных игроков;
Но я люблю в семье радушной
Провесть весёлый вечерок,
Куда спесь знатности бездушной
Не переходит чрез порог.
Семейный круг, семья простая,
Отец и мать, и в той семье
Их радость – дочка молодая, –
Вот что пленяет сердце мне!

Доказательством этому может служить дружба моя с Красковскими, людьми без претензий на высший тон и пр. Кстати, о них. Я очень рад, что Вы столь торжественно обещаете дать им всё, *что я ни потребую*. Если моя дружба даёт мне право от Вас чего-нибудь требовать, то Вы меня истинно обяжете, дав им ещё рублей 600 ср. Они изъявили было сомнение, что меня очень огорчило, и я в письме к ним приложил на Ваше имя записку о доставлении им 600 р. ср. Теперь Вы сделайте иначе. Если Вася жив, то немедленно пошлите его к ним. Пусть спросит, желают ли они вдруг получить всю эту сумму или сперва только часть оной, и какую часть они пожелают получить от Вас, такую и доставьте через Васю. Если же он умер (что я со страхом иногда думаю), то сами к ним отправляйтесь. Пункт о процентах Вам известен. По доставлении им денег прошу меня уведомить.

Странны мне Ваши извинения вроде следующего: «Мне совестно, что я отрываю Вас от занятий и пр.». Вы мне своими письмами доставляете столько удовольствия и извиняетесь! Кажется, я Вам не тем кажусь, что в самом деле есть. – Благодарю Вас за песни[3]. Срезневский пишет, что он все свои песни, равно как и Метлинский, предоставляет в моё распоряжение, рассыпается в самых приязненных и почитательных ко мне выражениях, – одним словом, так, как будто мой благодетельный дух поселился в его душе и управляет ею для моей радости. Слава Богу! Всё идёт удивительно хорошо! Что я ни задумаю, всё исполняется во благих, а многое творится ранее, о чём не успел я ещё и подумать. Со временем узнаете.

69. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 29 січня 1846 р.

С. Петербург. 1846, янв[аря] 29.

Вы, я думаю, получили ответ на моё письмо. Обещанные песни посылаю. Пишу и к Амвросию Лукьяновичу о песнях. Прошу Вас присылать мне немедленно свои семейные и любовные песни вместе с песнями Амвросия Лукьяновича, которого я просил передать Вам исторические и обрядные, а мне прочие. Нам нужно покончить эти труды к маю месяцу. Я во всяком случае буду летом у Вас в Харькове[1]. Тогда решим все вопросы и определим, как издавать. Возвратясь в Петербург, я немедленно приступлю к изданию. Кастомаров наконец откликнулся ко мне из Киева.

Истинно Вас почитающий

П. Кулеш

70. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 9 лютого 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Покорно благодарю Вас за предлагаемую мне честь[1]. Постараюсь прочесть эти листы как нельзя внимательнее и возвращу Вам их у А. О.[2]

На акте[3] я не был по уважительной причине, о которой смешно говорить. Вы, впрочем, и без того можете догадаться.

С совершенною преданностию Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1846, февр[аля] 9.

С. Петерб[ург].

71. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 29 січня ... 27 лютого 1846 р.

Я позабыл послать Вам вместе с песнями эту тетрадку.

П. К.

1846, февр[аля].

72. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 28 лютого 1846 р.

1846, февр[аля] 28. С. Петерб[ург].

Покорнейше прошу Вас, Измаил Иванович, отправить один экземпляр сербских песен Караджича в *библиотеку Александровского университета в Гельсингфорсе*[1]. Деньги оттуда будут Вам немедленно высланы; назначьте только цену. Об этом просит меня тамошний профессор Грот[2], сотрудник «Современника».

А что Вы ничего мне не пишете? Получили ли мою посылку? т. е. песни? Скоро пришлю Вам ещё часть свадебных песен, которые в тот раз я позабыл отправить. Получил ли Амвросий Лукьянович моё письмо?

С истин[ным] почтением

П. Кулеш

Было ли ещё издание сербских песен после венского? Если было (в Лейпциге?), то им нужно сие последнее.

Куда адресовать деньги за песни? Об этом, при посылке книг, прошу уведомить университетскую Гельсингфорскую библиотеку.

73. До Миколи Гулака

Санкт-Петербург, 4 березня 1846 р.

Милостивый Государь Николай Иванович!

Ещё раз решаюсь убеждать Вас переехать вместо Дерпта в Петербург. Вы это должны бы сделать даже для пользы своей родины[1], ибо не добро Вам быти едину посреди немец. В Петербурге так умеют ценить всякое достоинство, что Вы везде найдёте себе свободную дорогу; и то, что Вы можете сделать здесь, никогда не будет сделано в Дерпте. Здесь между Москвою и Петербургом решаются два великие современные вопроса[2], а Дерпт – сбоку припёка. Когда приедете сюда, то сейчас увидите, как важно и для Украины и для нас, друзей Ваших, и для Вас самих пребывание Ваше в Петербурге[3]. Немцы холодны к тому, от чего у нас, русских, головы трещат и сердца разрываются; и зачем же ехать в страну отвлечённых знаний вместо того, чтоб спешить принять участие в водовороте совре-

менной русской жизни?[4] Многое, многое Вы здесь узнаете, о чём писать не подобает![5]

С истинным почтением имею честь быть Вашим покор[нейшим] слугою

П. Кулеш

1846 г. марта 4,
С. Петерб[ург].

74. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 7 березня 1846 р.

С. Петербург. 1846, марта 7.

Пётр Александрович восхищён Вашею статьёю, совершенно *современною* (а это-то и важно для «Современника»), и искреннейше благодарит Вас за Ваше усердие к его журналу[1]. Я с своей стороны от всей души Вам благодарен. Если бы ещё несколько человек таких, как Вы, соединили свои труды для издания «Современника», то этот журнал взял бы решительный перевес над прочими; а это важно потому, что в прочих журналах по пяти пятниц в неделю. Они бессовестно морочат невежественную публику и останавливают развитие русской образованности. Я надеюсь в Москве приобресть двух важных сотрудников[2]. Тогда можно будет увеличить объём книжек и поднять «Современник» на ноги. Пётр Александрович охотно нам его уступит, потому что для него становится тягостно издавать самому. Если захотим, он удержит за собою имя редактора. Это, мне кажется, и лучше[3].

Бедный Прейс очень, очень болен; догорает, как лампа. Все решили, что он умрёт[4]. Надорвал себя занятиями. У него чахотка.

О драматическом поприще ничего ещё Вам не скажу. Посмотрим. Мне ещё многое нужно изучить. Поговорим об этом в Харькове, где я буду, может быть, в августе, на возвратном пути из Малороссии.

Роман не знаю как скоро издам. Впрочем, я не спешу. Может быть, я его совсем переделаю. Между прочим, хочу написать «Чёрную раду» по-украински. Ведь я украинским языком гораздо лучше владею, нежели русским, – разумеется, в прозе. Стихи – не наше дело. Что вы на это скажете? Есть люди, которые почти бранят меня за это намерение[5]. А мне русский язык кажется иностранным.

Конечно. Это правда. Обойдёмся пока что и без экзамена[6].

Посылаю Вам ещё песни и прошу прислать мне свои. Я должен приготовить к печатанию свой отдел заблаговременно, а не так, що *шити, бѣлити, завтра Великъ-день*! Это нужно тем более, что в Харькове я покажу вам готовую рукопись и буду с Вами и с Амвросием Лукьяновичем о многом советоваться. – Касательно дум я готов покориться большинству голосов, как бы ни был убеждён в основа-

тельности[а] своего мнения. *Коли два кажуть пьяный, то лягай спать.* – Получили ли Вы мои песни?

С истинным почтением

П. Кулеш

75. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 14 березня 1846 р.

С. Петербург. 1846 марта 14.

Добрый мой Афанасий Васильевич, драгоценное чадо моей дружбы!

Очень рад, что Вы, наконец, в Киеве[1]. Теперь только объявлю Вам, что я испугался, узнав о Вашей болезни[2]. Вы смотрите героем, а между тем расположены к недугам: это меня очень беспокоило и, если правду сказать, живое моё воображение не поскупилось угостить меня картиною вроде – кого бы-то сказать? Ну, кого бы-то ни было, недоговоренные фразы в Вашем же ведь вкусе. Я говорю, впрочем, о прошедшем, а теперь Вы, может быть, совершенно преобразились, тем более, что совершили не один юридический подвиг[3], причём нельзя быть небрежным в выражениях. Итак, благодарю Бога! – Вы в Киеве.

Касательно моих друзей Красковских Вы совершенно удовлетворили меня, тем более, что получить все деньги вдруг для них тягостно: не пользуясь ещё всеми деньгами, они должны бы были платить проценты с 1го марта или, по-Вашему, с 29 февраля, которого не существует. Сия бо есть дата вашего письма. Некоторые выраженья Вашего письма меня удивляют, напр[имер], заткнуть скважину в сердце, может быть, для меня не столь полном уже любовью. Чтоб написать это, нужно предположить во мне недоверчивость, ибо только при этом условии я сердился бы на Вас за невыполнение моей просьбы касательно Красковских. Я же, напротив, так Вас знаю и так в Вас верю, что если бы Вы написали, что не можете дать им ни рубля, то и тогда я остался б к Вам одинаков: моё сожаление о горе моих друзей нимало Вам не повредило бы.

О себе скажу Вам, что я обретаюсь хорошо. Дела мои идут как следует. Мало только у меня времени для задушевных своих занятий. Теперь читаю только что вышедшую летопись Нестора[4]. Она мне тем интереснее, что я, как Вам, может быть, известно от Васи, слушаю домашние лекции её издателя, академика Бередникова[5], глубоко постигнувшего тайну летописных хартий. Для него читать грамоту XIII века едва ли не так же легко, как для Вас это письмо; для него всё сокровенное в ветхих словоизвитиях отверсто яко день очесам нашим.

[а] *Було*: справедливо[сти]

Купил я себе «А[й]венго́»[6]. Перевод, кажется, хорош, но слог не изящен. Правда, теперь его у нас почти и нет в литературе. Пушкин и Жуковский величайшие художники языка и слога. Мы по надлежащему должны бы знать их наизусть, если хотим стоять у них на плечах[7]. А то ведь мы по большей части тащимся, уцепившись[(а)] за их полы. И то ещё хорошо: нередко мы блуждаем Бог знает по каким дорожкам и воображаем, что удивительно как далеко ушли вперёд; а в самом-то деле мы далеко от них отстали в развитии вкуса и идеи изящного.

Занялся я переплётом своих книг украинских. Отдал по книге к двум переплётчикам: кто лучше сделает, тому и всё отдам.

Украина и украинский язык сделались теперь моею истинною святынею. Если кто-нибудь из наших земляков здесь не отучился говорить *нэ*, то это уже имеет для меня приятность. Що ж би, коли б заспівав так, як та пані, що живе між св. Софією і Варварою! Може б, здурів од радості! А то ж було колись зо мною, що як заспівав Чуйкевич «Гомін-гомін», сидячи в карцері[8], а була тоді непогодь, на душі було якось смутно, так би, здається, або плакав, абощо, і от як заспівав він сю пісню, то таки справді я думав, що я вже спантеличився. От то-то був правдивий, як-то кажуть, extase!

Добре робите, що заводите біржу[9]. Се Вам Господь на розум таку думку послав. Як уже справите, що слід, то й мене не забудьте оповістить, щоб я знав, як Вам ведеться.

Ваш П. Куліш

76. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р.

Милостивый Государь Михайло Петрович!

Вы, видно, не получили моего адреса: уже и 2 книжка «Москвитянина» вышла, а мне от Вас всё ничего нет. Прошу адресовать: *П. А. Кулешу, учителю 5ій С. Петербургской гимназии.*

Вы по почерку догадались, что рецензия «Кочубея» моя, и выставили букву К. Мне этого не хотелось, во-первых, потому, чтоб не вооружать против себя малороссийских писателей, людей для меня полезных, вне их творчества; а во-вторых, потому, что мне хотелось подшутить над одним знакомым, которого по имени города Борзны все тамошние читатели сочли бы автором этой рецензии[1].

Видел я чтения Вашего общества Истории[2]. Прекрасное дело. Не понимаю только, зачем исторические малороссийские источники начаты с Летописи Конисского[3], тогда как мы имеем источники в более строгом значении этого слова, т. е. сочинения не прагматические. Нельзя ли мне как-нибудь примкнуть к Вашему Историческому об-

---

[(а)] *Було*: схватившись

ществу? Я приготовил бы для печати один украинский современный мемуар о войнах Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Украине по его смерти. Эта летопись, напечатанная вслед за Кониским, была бы лучшим объяснением «Истории руссов». На основании этих двух сочинений можно будет многое сказать не только о фактах истории Украины, но и о направлении, принятом этою историею в смысле науки...[4]

Ожидаю с нетерпением выписок из Вашей Величковской летописи. Романа не печатаю и не знаю, как напечатать. Не хотите ли напечатать в «Москвитянине» эпизод или, лучше сказать, один день из жизни Кирила Тура? Он составляет цельную картину обычаев запорожских и займёт листа 2 печатных с лишком[5].

С истинным почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, марта 23.
С. Петерб[ург].

77. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

Я до сих пор не написал к Вам о впечатлении, сделанном на меня «Последним днём Помпеи». Я вошел в академические галереи боковою дверью, так что налево тотчас увидел картину Брюлова. Разумеется, я проникнулся благоговением к такому могуществу таланта, но с первого разу я не постиг всей высокости этого произведения и оценил его только тогда, когда, прошед по всем залам, опять к нему возвратился. Тогда я вдруг, как бы каким откровением, увидел, во сколько раз картина Брюлова выше всего, что дотоле я видел. Я провёл перед нею около часу, и трудно определить то чувство, каким чтение её (нельзя сказать рассматриванье) наполнило мою душу. Когда ушёл я из галереи, то долго чувствовал в груди какое-то томительное и сладкое волнение.

Скоро будет выставка[1]. Теперь пускают в Академию только частным образом. Из пейзажей замечателен на выставке «Лес»[2] Кукука. На первом плане два старые дуба, покрытые мхом, по которому играет солнце. Между ними ходят и лежат коровы. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, играет в рыжей шерсти одной из них и чудесно отделяет этим ярким цветом синюю даль, состоящую из ветхой хижины и деревьев, синеющихся под зелёными сводами первого плана. «Переход через Березину»[3] Гесса хвалят многие, но меня он не поражает. «Швейцарские горы»[4] Калама – восхитительны. «Разбойники» Вернета[5] хороши по движению, но не по строгому исполнению. «Виды Палестины» Чернецовых прелестны, особенно Иордан и Иерусалим[6]. «Венера» Тыронова[7]

отличается тщательною отделкою, но красота не божеская, а бесстыдная, чего я никак не могу совместить с моим идеалом греческой Венеры. В ней и самое сладострастие должно являться чувством возвышенным[а]. Ещё заняли меня эскизы Рисса для Исакиевского собора[8]. Из эскизов Брюлова для Ис[акиевского] соб[ора] поразителен своим величием и простотою апостол Павел, читающий книги[9].

Я здоров, и климат петербургский мне нисколько не вреден. Теперь нашёл я себе такую квартиру, на которой учусь говорить по-французски и по-немецки. П[ётр] А[лександрович] предполагает провесть меня неучёною дорогою, и это, по его словам, для меня необходимо.

Мне прислали несколько тюков с разрозненными листами «Чарнышенка», а остальных вот уже с месяц не получаю[10]. Пускай бы Коломийцев прислал сперва сшитые экземпляры, доставленные ему Белозерским. Ещё прошу Вас приказать ему прислать для всех экземпляров обёртку, потому что она поставлена в счёт.

Михайло Владимирович, столь добрый для меня и столь равнодушный к участи моих друзей! услышьте мою покорнейшую просьбу: сделайте Хильчевского штатным смотрителем даже в Малороссии, а Красковскому тоже как-нибудь поблагодетельствуйте.

Прошу передать мой почтительный поклон Анне Максимовне.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, марта 23.
С. Петербург.

Не получая из Ровно жалованья, я вошёл с прошением к своему попечителю[11], чтоб он разрешил выдачу мне жалованья в 5 гимназии со дня исправления мною здесь должности, т. е. месяцем раньше моего утверждения в ней[12]. Он разрешил, и я теперь оставляю Аврамова в покое.

78. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 31 березня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Наслаждаясь наконец свободою, я почувствовал справедливость слов Шиллера, который говорит: «Благородные люди близки уже к счастию, если душа их может свободно действовать. Свобода эта может быть стеснена обществом, но уединение возвращает её». – Впрочем, Вы выразили это проще, сказавши мне однажды, что «самое на-

---

[а] Ещё обращают на себя особенное внимание художников портреты Штейбена.

дёжное счастье есть то, которое человек создаёт в душе своей». Если бы мне помог Господь удалить от себя некоторые неприятно возмущающие меня обстоятельства, я, кажется, был бы способен вкусить ещё и на земле блаженство. Это я теперь ясно чувствую. Теперь –

...от суетных оков освобождённый.
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещённой
. . . . . .
Оракулы веков! Здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине...[1]

Нельзя ли, Пётр Александрович, переслать мне первых томов оракула веков Жуковского?[2] Теперь душа моя как нельзя более расположена к его поэзии.

С глубоким почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1846, марта 31.
С. Петербург.

79. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 13 квітня 1846 р.

С. Петерб[ург]. 1846, апр[еля] 13.

Справлялся я о «Москвитянине» в газетной экспедиции, но там сказали мне, что чрез газ[етную] эксп[едицию] только один петербургский подписчик получает «Москвитянин». Из этого я заключаю, что Ваш прикащик, чтоб воспользоваться 5[ю] рубл. с каждого экземпляра, пересылает их чрез книгопродавцев, а от этого и Пётр Александрович иногда получает книги не все, а почти всегда поздно. Итак, прошу Вас покорнейше распорядиться о доставлении мне Вашего журнала.

Кроме крошечной записки чрез Петра Алекс[андровича], я от Вас никаких писем, ни ничего письменного, ниже печатного до того, на которое отвечаю, не получал.

О Летописи Велички, как я и прежде Вам говорил, не могу написать ничего, пока не буду иметь выписок. Ожидаю с нетерпением.

Кониский печатается хорошо. Я жалею, что во время пребывания моего в Москве Вы не познакомили меня с Бодянским. Мы могли бы потолковать о многом, взаимно нам полезном.

Зачем спрашивать у меня, как говорят о «Москвитянине»? Одни так, как «От[ечественные] зап[иски]», а другие, как «Совр[еменник]». Что касается до меня, то я от всей души желаю, чтоб этот журнал процветал вовеки. Я на Москву смотрю с отрадными упованиями, а Петербург мне не по́ сердцу.

Роман мой долго лежал у Никитенка, как у цензора. Наконец я взял у него с намерением отослать для цензуры в Киев[1]. Он сперва обещал мне продать его кому-нибудь, но потом позабыл, а я напоминать об обещаниях не люблю. Не знаю, когда удастся мне его напечатать. Согласитесь, что тяжело иметь облечённую уже в слово идею и молчать!

Что я делаю? Я делал бы много, если б не служба. Теперь изучаю источники русской истории. Может быть со временем я напишу роман из допетровского периода.

Живётся мне недурно. Скучаю только за Малороссиею. Хочу ехать летом, а все называют это крайнею глупостью. Я согласен, но что мне в этом *умном* городе заменит звуки родного моего языка и вид моей родины? Вальтер-Скотт не шутил, когда говорил Вашингтону Ирвингу: «Я умер бы, если б долго не видел Шотландии». Итак, может быть, я сделаю в этом году глупость.

С глубоким почтением

П. Кулиш[(a)]

Адрес: Учителю 5й С. Петербургской гимназии. В Коломне, в Торговой улице[2], в доме Вагенгейма, в квартире под № 20.

80. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 21 квітня 1846 р.

С. Петерб[ург]. 1846, апр[еля] 21.

Мы увидимся не скоро, а может быть и совсем в этом году не увидимся; так откладывать дело нечего, а нужно взяться за него немедленно. Попросите Метлинского прислать мне свои женские песни. Я эту часть обработаю и, пожалуй, назвавши вторым и третьим томами, могу начать с него издание.

Если Ваш Сементовский человек надёжный, то я согласен передать ему материалы для свадебных песен[1]. Пусть только не пускается в отвлечённые рассуждения, а пишет то, что важно как факт для свадебных обрядов. Если же этот господин так себе, то лучше сам я займусь и свадебными песнями. Мне свадьбы хорошо известны.

Цель нашего издания состоит в доставлении изучающим народную поэзию средства собрать материалы, следовательно повторять напечатанное галичанами[2] не для чего. У нас не станет денег для из-

---

[(a)] *Було*: Кулеш

дания свода всего, что известно о южнорусской песенности. Мы повторим только Вас, Максимовича, Лукашевича и кн. Цертелева.

С Прейсом гораздо приличнее говорить о его requiem, нежели об издании песен. Он едва дышит, или лучше сказать *дыше на ладанъ*. Смерть написала уже на нём своё страшное имя, и если он останется в живых, так это будет чудо! Мне кажется, он в последнем градусе чахотки. – Он из Петербурга не может в этом году выехать. – Страдальческий вид его так меня поразил, что я совсем позабыл об Иордане, и о статье в «Ж[урнале] М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения]» он говорит, что она теперь в корректуре[3].

«Illustration» стоит 12 р. ср. с пересылкою и 10 без пересылки в книжном магазине Louri на Невском проспекте.

Я написал уже две трети «Чёрной рады» по-украински. Что Вы на это скажете? Русский язык меня не удовлетворяет, особенно когда герои мои разговаривают. Я страдаю за каждую фразу. А здесь приволье!

С истинным почтением

П. Кулеш

81. До Вацлава Ганки

Санкт-Петербург, 28 квітня 1846 р.

Вельможний і Високоповажний Пане!

Чуючи про вас, чехів, як ви щиро працюєте, радуємось ми серцем. Розложили ви серед Славянщини таке огнище, що за Вами да й нас стало трохи виднійше. Не знаючи, як Вас дякувати, посилаємо вам од себе гостинчик[1]. Не здивуйте, Панове, що такий убогий. Чим багати, тим і ради.

З правдивим ушанованнєм Вашої Милости прихильний слуга

П. Куліш
рукою власною

РѢ 1846,
мц҃а квітня 28 дня.
С. Петербург.

Адрес: Пантелеймону Александровичу Кулешу, старшему учителю 5[й] С. Петербургской гимназии, в С. Петербург.

82. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 2 травня 1846 р.

Н. И. Костомарову

С. Петерб[ург], 1846, мая 2.

Странно, что Вы записку о посылке Вам (из Петербурга? из Ровно я не посылал) Ваших песен получаете от Чуйкевича![1] Песни Ваши в два приёма отправлены Вам из Петербурга, именно февр[аля]

2 и марта 7[2], в последний раз Вам посланы выписки из Лет[описи] Величка и первая глава Вашего Хмельницкого[3]. Если оне пропали, то, разумеется, жаль, но они мною переписаны. Я Вам писал, что Срезневский также прислал мне свои женские песни, а от Метлинского не получал.

Ивась Коновченко[4] препростодушно мне пишет, что деньги «оддав неимущему». Это всё равно, если б я украл у кого денег, чтоб помочь бедняку. Растолкуйте ему, что благодеяния не должны превышать средств и что в иной юной республике его бы за этот поступок предали смерти или изгнали остракизмом[5].

Второй том украинской «Чёрной рады» окончен, но я не посылаю для переписки, потому что не знаю, угодно ли будет моим великодушным друзьям переписать первую или нет[6]. Пришлю, получив известие, что первая уже у цензора.

В Малороссию в этом году не еду. Мои домашние дела приняли самый дурной оборот, разумеется, не здесь, а в Украине, так что и ехать нет позыву[7]. А денег я столько не имею, чтоб совершить путешествие вдоль и поперёк en vrai piété[8]. Итак, остаюсь и работаю.

Что вы делаете? Каково идут Ваши дела?

П. Кулеш
рукою власною

Уведомите меня, ради Бога, о Шевченке. Неужели он в самом деле навеки умочив морду?[9] Это ужасно!

Напишите мне свой адрес. В гимназии может пропасть.

Что же «Повесть об укр[аинском] народе»?

Зачем Вы говорите, что вы не украинец? что только из гуманической идеи вертитесь между нами? Мы даём Вам права гражданства, притом же маменька Ваша украинка. Я не могу Вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем. Можно ли так отвергать столь драгоценное для нас имя?[10]

83. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 23 травня 1846 р.

Милостивый Государь Осип Максимович[(а)]!

Посылаю Вам начало *Летописи Самовидца*[1]. Следующие тетрадки Вы получите немедленно, как только начнётся её печатание. Я должен удержать их на некоторое время у себя, пока ещё моя «Чёрная рада» лежит у меня в брульоне: иногда понадобится заглянуть в этот источник.

Я хочу издать украинский альманах[2] (придумайте заглавие). Шевченко прислал удивительные четыре стихотворения. Он делает чудеса с языком украинским. Надеюсь, что и Вы не откажетесь украсить

[(а)] *У автографі помилково*: Иванович

моё издание Вашим именем. Нет ли у вас какого-нибудь небольшого стихотворения, или рассказа, или чего-нибудь учёного на украинском языке. Задача в том, чтоб украинский язык поднять на степень литературного. Шевченко переложил 136 и 149 псалмы[3] с блистательным успехом (не одни только эти, но другие у него). Я написал «Чёрную раду» по-украински и помещу в альманахе несколько глав. Странно думать, чтобы народ, так деятельно участвовавший в событиях рода человеческого, не в состоянии был рассказать о своей жизни в историческом романе! – Чужбинский также прислал два стихотворения. Метлинский (Могила) и Костомаров (Галка) тоже.

О Шевченке рассказывают чудеса. Он, говорят, написал поэму «Иоанн Гусс»[4] и множество стихотворений, которые малороссияне знают уже наизусть[5]. Вы, я думаю, знаете, что он теперь в Киеве. Служит при Арх[еографической] комиссии, получает 1000 р. ср. жалованья[6]. Этому нужно радоваться, потому что комиссия посылает его беспрестанно в разные места Южной России для снятия старинных памятников, а это должно со временем доставить ему шекспировское знание людей, обычаев и проч.

С истинным почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, мая 23, С. Петерб[ург].

Я позабыл Вам сказать, что *Летопись Самовидца* переписана мною с двух списков. Один принадлежал митропол[иту] Евгению (переписанный, впрочем, небрежно и разными почерками), а другой Н. Э. Писареву старинный, писанный лет 80 или 100 назад.

84. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 28 травня 1846 р.

Мая 28, 1846.

Добрый мой Аф[анасий] Вас[ильевич],

Я теперь ничего Вам не пишу о себе. Узнайте от Белозерского. Я отвечал на каждое ваше письмо и вкладывал в письма Белозерского, он вам не адресовал потому, что не надеялся, чтоб вы получили. Денег не посылаю потому, что теперь мне нужно все счёты в Петербурге окончить, а в Киеве посчитаемся. Предложите Н[иколаю] И[ванови]чу обождать меня в Киеве. Нам нужно поговорить о делах, только ему да мне известных; также и к прочим я имею надобность. Желал бы я, чтоб перед отъездом моим за границу вы были все вместе, чтоб поговорить и проститься хорошенько[1].

Спросите у Н[иколая] И[вановича], неужели он не получил посланной на его имя 1[ій] части «Чёрной рады», написанной по-украински? Что она действительно отправлена, в том удостоверяет меня расписка из почтовой конторы. Именно записана под № 70 апреля

11, 1846. Пусть справится в конторе, то есть пусть подаст объявление. Если она пропала, то я третьей части и переводить не стану. Да от чего он ко мне не пишет[2].

Вообще меня приводят в недоумение жалобы ваши, что я к Вам редко пишу, тогда как никогда не проходило, может быть, недели, чтоб я не написал о себе или к Белоз[ерскому], или к Красковскому, или к Н[иколаю] И[вановичу], или к вам. У меня все письма записаны в особой книжке, и к одному Белозерскому послано их с 4го генв[аря] до 13 апреля – 15, тогда как он со времени моего выезда из Киева до 13 апр[еля] прислал мне только 10.

85. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 30 травня 1846 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

То, что Вы замышляли в Киеве, исполнилось в Петербурге. Второе отделение Академии наук, нуждаясь в человеке, знающем славянские языки, посылает меня на 2 с половиною года за границу; а как профессор славянских языков Прейс (которому предполагалось предложить и место в Академии) недавно умер, то князь Ширинский-Шихматов предполагает поручить мне и кафедру в университете[1]. На содержание моё за границею определяется мне 4000 р. асс. в год. Академия, лишившись Прейса, торопится отправить меня поскорее, так что в первых числах июля я, может быть, буду уже в Киеве. Я намерен взять с собою Чуйкевича, который будет мне весьма полезен как переписчик и исполнитель разных надобностей, на что он охотно соглашается. Содержание его мне не дорого будет стоить, тем более, что он будет получать несколько сотен рублей и от своего отца, человека зажиточного. Чуйкевич скоро приедет в Киев и подаст в отставку. Покорнейше прошу Вас исходатайствовать ему не только увольнение, но и выезд без платы за границу *для учёной цели.*

Итак, не одни Вы, добрый Михайло Владимирович, потворствовали моей охоте беспрестанно переменять место; судьба также меня балует. Теперь, пошлявшись года три между Львовым, Прагою, Веною, Сербиею, Венециею, Парижем, Берлином и Варшавою, я или совсем потеряю охоту к бродяжничеству, или сделаюсь настоящим Ходаковским[2].

Прошу свидетельствовать моё почтение Анне Максимовне.

С глубоким уважением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, мая 30.

С. Петерб[ург].

P. S. Ещё просьба. Белозерский держит экзамен на кандидата. Вам очень возможно теперь послать его в славянские земли, а здесь за-

молвит о нём словцо министру Пётр Александрович, который через меня его уже знает и любит. Это достойнейший юноша. Путешествуя вместе, мы были бы взаимно один другому чрезвычайно полезны[3].

86. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 22 червня 1846 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

Я получил известие, что Кастомаров сделан адъюнктом[1], а Белозерский получил степень кандидата. Если Вы дорожите талантливыми людьми, то покорнейше Вас прошу воспрепятствовать Белозерскому переместиться в Полтавский кадетский корпус[2], а определить его на место Кастомарова в первую гимназию; между тем Вы можете сделать министру представление об отправлении его за границу для изучения славянских языков. Теперь это самое горячее желание моего сердца. Прошу Вас, и да будет моя просьба стоить тысячи.

Так как в июле, по случаю вакаций, общего собрания Академии не будет, то дело обо мне пойдёт на утверждение министру в августе, а выехать я могу не раньше сентября[3]. К этому времени может решиться и дело о Белозерском. А здесь у министра похлопочет за него Пётр Александрович, который через меня знает его и любит.

С глубоким почтением и преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, июня 22.

P. S. Ещё просьба. Из Чуйкевича ведь вышел прекрасный учитель. Вы сделали бы для него великое благодеяние, а для меня одолжение, если бы перевели его в Белую Церковь. Не забудьте, сделайте милость! – Если Белозерский будет отправлен за границу, я в Чуйкевиче не буду иметь надобности.

87. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 26 червня 1846 р.

Милостивый Государь Осип Максимович[(а)]!

От всей души благодарю Вас за вклад[1] в альманах, хотя, может быть, я им и не воспользуюсь: Академия наук хочет послать меня за границу для усовершенствования в славянских языках, и ожидание конца этого дела заставляет меня ничего не предпринимать.

[(а)] *У автографі помилково*: Иванович

Посылаю Вам *Летопись Самовидца*, сколько у меня переписано. Этого станет для октябрьской книжки, а, между тем, я распоряжусь, чтоб Вам дослали из Киева.

Посылаю ещё *летопись,* как думаю, *священника Максима Плиски*, а может быть, она только повторена Плискою[2]. Во всяком случае она после «Истории откуду козаки и пр.» или «Истории о начале проименования козак»[3] (которой начало напечатано в «Зап[орожской] стар[ине]») из известных мне старшая. *Летопись Грабянки* (которой начало также посылаю[4]) уже по ней написана. Эту последнюю Маркевич называет *Писаревскою,* по имени того, кто ему сообщил[5], но это не годится, когда известно имя летописца[6].

Ещё есть у меня в Киеве небольшая, но замечательная летопись о первых годах гетманства Хмельницкого[7]. Доставлю и ту. От Ваших подвигов я в восторге и готов сделать вам в помощь всё, что в состоянии только сделать. Если дело моё о поездке за границу решится, то в сентябре я буду проездом в Москве, и тогда поговорим о многом. Между прочим, Вы мне позволите заглянуть и в открытые для Вас архивы.

Если Общество ист[ории] и др[евностей] делает вознаграждение экземплярами каждому вкладчику, то позвольте и мне этим воспользоваться. Я думаю, что бумага стоит недорого в Москве и что я не отягощу Общества, если попрошу оттиснуть для меня 300 экз[емпляров] Летописи Самовидца. Я Вам скажу, для чего они мне нужны.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, июня 26.
С. Петерб[ург].

Ещё раз благодарю Вас за рідну мову: аж на серці полегшає, як почуєш, що наші письменні (а в їх то і вся сила) не забувають і не цураються рідного слова.

Прошу передать г. Козачковскому[8] мой почтительный поклон.

88. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, бл. 26 червня 1846 р.

Эта летопись в начале основана на «Истории проименования козаков», которая есть у М. П. Пог[о]дина; почему, может быть, и не нужно сей последней печатать особо, а только при летописи Грабянки указать варианты. Грабянка руководствовался также, или, лучше сказать, повторил и летопись священника Киевского Фроловского монастыря[(а)]. Поэтому, может быть, лучше напечатать сперва его ис-

---

[(а)] *Далі закреслено*: (как называет её Маркевич)

точник, а из его труда только варианты и прибавления, напр[имер], стихи на герб малор[оссийский][1] и проч.

89. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, Нова Дєрєвня, 27 червня 1846 р.

С. Петербург, Новая Деревня[1],
1846, июня 27.

Молодые люди, вдаваясь в изучение Малороссии, нисколько не лишают себя этим возможности усвоить себе[(a)] образованность европейскую. Зачем брать крайности? Можно любить свой буколический хутор и восхищаться блеском столицы ещё больше, нежели человек, никогда в хуторе не живавший. Можно знать наизусть все наши песни, предания и летописи и усвоить себе образованность европейскую в высшей степени. Я не понимаю, как Вы одним решительно исключаете другое! Но если на нашем языке невозможно писать того, до чего не дожил наш народ, то неужели следует из этого, что не нужно писать на нём и того, до чего он дожил? Вы восхищаетесь огромными деревьями и оставляете без призрения самородные ростки, из которых будут впоследствии такие же. Удивительно! Ваше мнение, что для изучения своего языка нужно удаляться от образованного общества, совершенно ошибочно. Для этого стоит только заглянуть вам в те дома, из которых выходят образованные люди, живущие в просвещённом обществе, напр[имер] Белозерский, и посмотреть, как воспитываются там дети и как они изучают родной язык. И я теперь живу не всегда посреди невежд (хотя по большей части эти просвещённые меньше имеют знаний и ума, нежели украинские поселяне), однако ж знаю украинский язык. Вы говорите, что можно писать на этом языке только мужицкие повести. Но у вас перед глазами Шевченко, который выражает на этом языке и псалмы Давида, и чувства, достойные уст самого высшего общества:

«Обідрана, сиротою, понад Дніпром плаче;
Тяжко-важко сиротині, а ніхто не бачить!»[2]

Зачем вы говорите, что у нас, украиноманов, идеалы в голове – мужики, свинари, чумаки и т. п. рабы? Я в этих словах не узнаю вас. Это брань и больше ничего. Украинец сочувствует и Ахиллесу, и Александру Македонскому, и крестовым походам, и Генрихам, и Людовикам и прочее, но следует ли из этого, чтобы он, оставив своё, писал о них? Пусть пишут о них греки и немцы: нам довольно знать это – и мы знаем. Но оставить своих полуобразованных Гекторов и Ахиллов потому только, что мы не имеем Периклов, Сократов, Наполеонов, – верх безрассудства. И вы ли, Н[иколай] И[ванович], вы ли можете говорить эти

[(a)] *Було*: изучить

ужасные слова: «Я не обвиняю тех, которые холодны к своему родному. Человек стремится к лучшему, а чужое лучше!». Нет, у вас засохла живая струна, без которой никогда не будет гармонии в ваших учёных и поэтических действиях. Я обвиняю строго! и учить не быть холодным к своему – значит то же, что сказать мёртвому: воскресни! Если увянут подобным образом все действующие на литературном поприще малороссияне, то и тогда я спокоен и о них не жалею. Явятся новые из народа, явятся сердца свежие, которым сама природа без науки внушит любовь к своему родному, и они примутся работать и приносить жертвы с таким жаром, какого, может быть, ещё и не видано![3] Если чужое лучше (в чём я и согласен), то следует ли из этого, что наше ничего не стоит, не стоит усилий целой жизни таких ничтожных существ, как один человек сам по себе? Чужое лучше потому, почему обременённая вкусными плодами яблоня лучше слабого и недоставляющего ни прохлады, ни красоты, ни плодов дубчика. Следует ли из этого, что мы должны прилагать свои усилия к усилиям иноземцев, более нас способных для своего поля сделать, и оставить наше, вовсе недоступное для иностранцев и ожидающее только наших трудов? Повторяю: довольно нам изучить иностранное, руководствоваться опытами веков, но действовать у себя дома.

Христианство же никак не должно охлаждать наше стремление к развитию своих племенных начал, ибо не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубоко корень[4]. Потеря нашего языка и обычаев есть худшее, что может случиться, а вы говорите, что лишь бы мы были отличными христианами, это ещё не несчастье. Не забудьте, что наш украинец (простой) только до тех пор и христианин, пока все его обычаи и верования при нём. Вы говорите о нас, людях высшего полёта, а для массы такое превращение невозможно. Ей нужны деды, батьки, обычаи, чтоб быть твёрдыми в добродетелях. Вот П[ётр] Великий онемечил часть русских. И что ж? Только те и близки к идее христианства, которых не коснулось его преобразование. А вы равнодушно говорите, что потеря нашего языка и обычаев не будет для нас несчастьем!

Что же касается до развития, а не стояния, то оно совершается сперва в действователях, а потом (особенно при лучших внешних обстоятельствах) перейдёт и к народу[5]. Наши писатели своими учёными и поэтическими трудами многих заставили подумать, как бы спасти то, что ещё уцелело. И литература малороссийская, какова она есть до сих пор, должна продолжаться своим порядком для просвещённых невежд, а для неграмотных невежд нужно писать учебники, наставительные – практические книги и по возможности заводить школы[6]; но делать возгласы об этом крайне безрассудно. Надобно делать так, что будто бы это произошло случайно: помещик увидел в книжной лавке книжку и купил для своей сельской школы, а туда для науки могут отдавать своих детей и козаки. Обо всём этом мы поговорим в Киеве. А теперь напишите мне, неужели Вы, забыв своё обещание, оставили существенно необходимое средство для успехов литературы? Напи-

шите мне об этом немедленно и, что следует, пришлите не через кого-либо другого (ибо я ни от кого ещё ни копейки не получил), а сами, дабы я перед выездом из Петербурга это дело покончил без всяких недочётов. Альманаха на эти деньги я печатать не буду[7]. Вы пришлите по 1[е] октября. То же скажите и Н[иколаю] И[вановичу][8].

Бодянский уже печатает в «Чтениях» Московского Общества Летопись Самовидца. По получении этого письма прошу с первою почтою выслать на его имя остаток этой летописи с 1668 года[9]. Пожалуйста ж, не сделайте ему остановки. Будьте точны хоть раз в жизни. Клянусь, я прихожу в отчаяние от безладицы всех вас в исполнении ваших обещаний и моих просьб. Три маленькие гимназиста аккуратнее исполнили бы свои обязанности в отношении к отсутствующему другу, нежели все вы. Я не знаю, что мне с вами делать! Видно, мне придётся от камени сотворити себѣ други[10].

Адресовать на имя Плетнёва.

Ну как таки вам не сообщить мне своего адреса?

90. До Михайла Юзефовича

Нова Дєрєвня, 8 липня 1846 р.

Милостивый Государь, Почтеннейший мой Благодетель, Михайло Владимирович!

Посылаю Вам 100 экземпляров детской Истории Малороссии[1]; может быть, Вам удастся разослать часть их по библиотекам, а остальные раздать желающим приобресть эту книгу. Цена 50 к. ср. Вырученные деньги прошу бросить в широко разверзтую для меня пасть университетской типографии. Может быть, этот глоток остановит её голод хоть столько, сколько останавливает его стакан воды у человека, имеющего несчастье лечиться голодом. – Бодянский уже печатает сообщённую мною *Летопись Самовидца.* Покорнейше прошу, по получении сего письма, немедленно отправить на его имя конец вашего списка этой летописи, именно с 1668 года. У меня не вся была переписана. На основании одного пункта устава Исторического общества Бодянский отпечатает для меня особо от «Чтений» 300 экз[емпляров] этой летописи. Сколько прислать Вам для сбыта в пользу типографии?

Рад бы душевно побеседовать с длиннобородым Вашим Чижовым[2], но я писал уже Вам, что выеду из Петербурга только в сентябре; а он до тех пор, верно, улетит куда-нибудь, в Рим или в Лондон. Если он в самом деле таков, как Вы пишете, то он не откажется для Вас написать мне пространную инструкцию, что, где и как изучать, к кому или куда обращаться, как путешествовать и пр. и пр. Как человек учёный и бывалый, он сделает этим для меня истинно доброе дело.

В Киеве, кажется, долго нельзя мне будет оставаться, потому что я должен прожить дня два в Москве и несколько дней на родине, где предстоит мне возня даже с крючкодеями для устройства небольшого, но всё же наследства после отца, который ещё жив, но которого не на-

деюсь найти в живых, возвращаясь из-за границы. Впрочем, я к Вашим услугам. Боюсь только, что Вы найдёте меня очень тяжёлым и скучным. Плетнёв сделал меня ещё бóльшим нелюдимом, нежели каким я был прежде. Я ведь почти всё свободное время проводил только в его маленьком семейном кругу и – поверите ли? – не видал ни Брюлова, ни Кн. Вяземского, ни Одоевского, ни Григоровича, одним словом, никого из тех, кого желал видеть, едучи в Петербург! Теперь я живу на даче; мы оба свободны; он мог бы повезть меня в мастерскую Брюлова (о прочих я не забочусь[а]); но он об этом и не думает. Он, как истинный поэт или, лучше сказать, пустынник[3], везёт меня в какой-нибудь далёкий загородный сад, оставленный странствующим, Бог знает где, хозяином, и там бродит со мною по целым дням, слушая шум вод и шелест листьев. Его дочь с какою-нибудь девочкою-подругою и А. О. Ишимова бегают с нами (П[ётр] А[лександрович] ходит обыкновенно скоро) как дикие лани, никогда не уставая. Дача Плетнёва находится подле саду *Ку́шелевки*[4], устроенного Екатериною II в пустом лесу для поправления здоровья Ланского. Здесь по праздникам играет музыка и собирается многолюдное общество обитателей окрестных дач. Пётр Александрович никогда в такое время туда не пойдёт, напротив, старается уехать из дому, чтоб не слушать музыки (он любит, впрочем, слушать фортепьяно), или уходит в лес. Вы помните, может быть, его иным, и он говорит, что при жизни Пушкина, Дельвига, Гнедича и других он был не тот. Однажды он сказал: «Вот я стал теперь каков! прежде я тотчас бы повёз вас к Пушкину, к Вяземскому, а теперь и не думаю». Его молчаливый, открывающийся только для немногих, характер совершенно пришёлся по моему вкусу, и мы сердечно один другого полюбили. Когда мы молчим, или говорим, или читаем вдвоём, нам больше никого и не надо. Со стороны можно бы подумать, что мы скучаем без общества, а мы всегда так рады, когда в урочные часы воскресенья и середы у П[етра] А[лександровича] нет никого! Тогда является на сцену какой-нибудь поэт и мы перечитываем его, как студенты. Так провёл я весь мой досуг в Петербурге.

Я очень рад, что Костомаров будет в числе Ваших университетских оракулов. По крайней мере, теперь Вы будете иметь в словесном отделении хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднейшая, руководимая чистейшими побуждениями, и если только хотя несколько студентов уразумеют его и пойдут его дорогою, благо им будет! Можно ли ждать чистого энтузиазма к науке в студентах, когда их профессоры не похожи нисколько на пророков? Личность профессора – великое дело! Я знаю не одного юношу, в котором Ваш Новицкий сегодня поселял возвышеннейшие помыслы философиею Сократа, а завтра уничтожал их своим ничтожным, мелочным, чуждым всякого самопожертвования характером. Какую же пользу могут принесть юношеству Иванишевы и другие, холодные

[а] *Було*: думаю

и на кафедре, и в жизни? Странно! эти господа воображают, что довольно профессору изложить ясно свой предмет, и просвещение возьмёт своё! Для всякого просвещения нужен восторг[а] как солнечная теплота для растений; а могут ли эти профессоры внушить восторг юношам, совершенно в них не верующим? Вот почему вступление хорошо мне известного Кастомарова на кафедру так меня радует! – Та же самая идея побуждает меня беспрестанно просить Вас и о Белозерском. Он много сделает для Вашего университета!

Глубоко Вас почитающий Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1846, июля 8.
Новая Деревня.

О Чуйкевиче (которого нужно перевесть, если можно, *старшим* учителем латинского яз[ыка]), о Хильчевском (которого нужно сделать, и достойно, штатным смотрителем) и о Красковском (которого нужно сделать инспектором или улучшить как-нибудь иначе финансовое его состояние) до тех пор не перестану Вас просить, пока у меня будет перо или голос. В Киеве я стану повторять Вам каждые 5 минут свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: Хильчевский, Чуйкевич, Красковский! и подарю его Вам.

Так как есть надежда, что Белозерский поедет за границу, то Чуйкевича я увольняю от пожертвования для меня тремя годами службы; почему он и будет ожидать в Ровно ниспослания Вашей милости.

91. До Олександра Ханенка

Нова Дєревня, 10 липня 1846 р.

Милостивый Государь Александр Иванович!

Академия наук, желая иметь во 2[м] своём отделении члена, знающего славянские языки, посылает меня для изучения их за границу на два с половиною года. В сентябре я буду мимоездом в Киеве и оттуда пришлю Вам письма Орлика и другие бумаги, если Вы их ещё не получили. Посылаю Вам 30 экземпляров детской истории Малороссии; из них 15 покорнейше прошу передать Вашему брату Михайлу Ивановичу. Деньги, вырученные за эти книги, прошу выслать в Петербург на имя *Петра Александровича Плетнёва, ректора С. Петерб[ургского] университета.* Если я тогда уже и уеду, он вышлет мне их за границу. Дневник Вашего прадеда также прошу выслать на имя П. А. Плетнёва. – Я буду проезжать чрез местечко Воронеж, где живёт мой отец. Приятно было бы завернуть к Михайлу Ивановичу или к Вам[1], чтоб увидеть, что за добрые люди, которые, не будучи знакомы со мною лично, так много меня одолжали! но не знаю, будет ли возможность это сделать. Зато уже, когда буду возвра-

---

[а] *Було*: нужны чудеса, а чудеса могут ли быть без

щаться из-за границы, непременно с Вами повидаюсь, – вот Вам моё козацкое слово!

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, июля 10.

Новая Деревня, возле Петербурга.

92. До Осипа Бодянського

Нова Дєрєвня, 16 липня 1846 р.

Милостивый Государь Иосиф Максимович!

Я думаю, Вы получили отправленное Вам продолжение *Летописи Самовидца* вместе с некоторыми другими рукописями. Теперь посылаю Вам написанную мною для детей историю Малороссии[1]. Посредством этой детской книжки я имел намерение предложить знатокам нашей истории несколько мыслей, извлечённых из изучения источников исторических и самого украинского народа. Я желал бы возбудить ею pro и contra, чтобы, таким образом, окончательно решились некоторые вопросы, определяющие значение украинцев в нравственной деятельности славянского мира. Я уверен, что никто лучше вас, почтеннейший Осип Максимович, не может судить о достоинствах и недостатках этого сочинения; почему покорнейше прошу Вас сделать ему полный разбор и напечатать в каком-нибудь журнале или, по крайней мере, сообщить мне[2]. Как в том, так и в другом случае прошу Вас иметь в виду одну истину и не щадить меня нимало. Вступив в храм исторической правды, я чувствую в душе такое благоговение, что совершенно забываю о своей личности. Говорю искренно, верьте мне. При Ваших благородных усилиях обнародовать все наши исторические источники, книжка моя может служить проблемою того великого труда, какой должен исполнить будущий историк Украины. Знаю хорошо, что я коснулся не всех ещё тезисов: отчасти обстоятельства сделать это мне не позволили, отчасти это не совмещалось с объёмом и назначением (кроме сказанного уже) моей книжки. Рецензенты могут распространить объём украинской истории, если только мой труд будет иметь действие камня, брошенного на подвижную поверхность воды.

Ожидаю Вашего ответа с нетерпением.

С глубоким почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, июля 16.

Нов[ая] Деревня, возле Петерб[урга].

Адресуйте на имя Петра Александр[овича] Плетнёва в университет.

93. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 20 липня 1846 р.

1846, июля 20. С. Петерб[ург].

Посылаю Вам «Повесть об украинском народе», написанную в виде проблемы для истории Украины. Сделайте мне на неё Ваши замечания, нимало не женируясь[1] в отношении ко мне: дорога мне одна истина.

Академия наук посылает меня за границу для изучения слав[янских] языков. В конце сентября надеюсь выехать. Покорнейше прошу Вас составить для меня подробное наставление, как, где и что изучать. Я знаю хорошо польский язык, а чешск[ий] и сербский отчасти. (Не удивляйтесь небрежности моего писания. Пишу на даче, где мухи выпили все чернилы).

Прошу также уведомить меня обстоятельно, намерены ли Вы ждать моего возвращения (через 3 года), или без меня приступить к изданию первого тома (т. е. историч[еских]) песен? Я знаю, что это дело столько же близко лежит к Вашему сердцу, как и к моему, и потому совершенно согласен на всё, что бы Вы ни решили. Я только прошу Вас: 1) Употребить правописание Максимовича, которое я принял для издания преданий, моей «Чёрной рады», словаря, пословиц, грамматики украинской и всего, что предположено издать. Второй том песен я также буду печатать по правописанию Максимовича. 2) Не разделять дум от песен, а расположить по хронологии. Довольно упомянуть о разнице в предисловии. – Если Вы обождёте до моего возвращения, то я надеюсь получить тогда и от Максимовича весь его сборник; притом же на издание песен у меня будет сумма, не зависящая от подписчиков. Ожидаю обстоятельного ответа.

Ваш П. Кулеш

Адресуйте на имя Плетнёва.

94. До Тараса Шевченка

Петербург, 25 липня 1846 р.

Милостивый Государь Тарас Григориевич!

Перечитывая несколько раз здесь в Петербурге Вашего «Кобзара» и «Гайдамаки», я от души восхищался ими и многие места заучил наизусть; но в то же время заметил осязательнее, нежели прежде, и их недостатки. Одни из этих недостатков происходят от Вашей беспечности, небрежности, лени или чего-нибудь подобного; другие от того, что Вы слишком много полагались на врождённые Ваши силы и мало старались согласить их с искусством, которое само по себе ничтожно, но в соединении с таким талантом, каким Бог одарил Вас, могло бы творить чудеса ещё поразительнее тех, какие оно тво-

рило в соединении с талантом Пушкина. Ваши создания принадлежат не одним Вам и не одному Вашему времени; они принадлежат всей Украине и будут говорить за неё вечно. Это даёт мне право вмешиваться в семейные дела Вашей фантазии и творчества и требовать от них настоятельно, чтобы они довели свои создания до возможной степени совершенства. Вы можете мои замечания принять и отвергнуть; по крайней мере, я исключу себя из общества толпы, которая восхищается Вами безусловно и которой восхищение для сознающего своё достоинство поэта должно быть так же ничтожно, как и «гоненье низкого невежды»[1].

Самое мужественное из Ваших произведений, в «Кобзаре», самое оконченное и самое народное по складу и простоте есть «Тарасова ночь» (без пропусков)[2]. С ним могут поспорить «Тополя» и «Думка», но здесь история важное дело! – Потом нужно поставить «Перебендю», как превосходную характеристику поэта вообще и украинского в особенности. – Оба Ваши введения к «Кобзарю» и к «Гайдамакам»[3], как бы ни противоречили тому другому, но это, по живости чувств и речи, такие огненные создания, на которые ни один эстетик не осмелится наложить руки. Я только замечу, что начало введения к «Гайдамакам» до стиха: «І про вашу долю любила співать» следовало бы поставить эпилогом после «Гайдамак», два следующие стиха уничтожить[4], а начать просто: «Сини мої, гайдамаки!» и пр.

Первая часть «Ивана Подковы» пришлась бы введением к «Гамалѣѣ», вторую же часть нужно уничтожить, потому что в ней и отдельно нет поэтических красот[5] (кроме стиха, нигде Вам не изменяющего; но, вспоминая великого Пушкина, не щадите стиха для целости создания), а после «Гамалѣи» она совсем становится неинтересною. – В послании «До Основьяненка» нужно исправить на стр. 92 стих: «На степі казачій». К рифме *плаче* придётся и украинский род: *на степу казачім*[6]. Далее на 93 стр. вы превозносите Головатого, – лицо не очень важное и мало известное народу и историкам. Не лучше ли напечатать:

Наша пісня, наша дума[7]
Не вмре, не загине;
От де, люди, наша слава,
Слава України!

(NB. На стр. 8 нужно переставить стих 19 так: Тілько сльози за *Вкраїну*, а не за Украйну).

Добираюсь теперь до двух самых трудных для Вас переделок «Катерины» і «Кобзара»[8]. Если Вы возможете пересоздать вторую половину «Катерины» совсем, да поможет Вам Бог[9]; если ж нет, то её можно усилить только исключениями. По-моему, следовало бы затереть следующие стихи: на стр. 45–46 от стиха: *Правда ваша, правда, люди!* до ст[иха]: *З Івасем мандрує*. Эти стихи ослабляют то чувство, какое вложено в душу читателя предыдущими. Пушкин в этом отношении должен служить всем нам образцом. Как только

он тронул в душе читателя желанную струну, тотчас останавливает себя с удивительною властью над своею фантазиею: иногда он бросит только зерно в наше сердце и отходит к другим трудам, уверен будучи, что собственные наши силы его раскроют и возрастят в мысль или образ. – На том же основании нужно исключить на стр. 48–50 от стиха: *Люди гнуться, як ті лози* до стиха: *Де ж Катруся блудить?* (везде нужно разуметь включительно). А следующие за тем стихи написать так:

Попідтинню Катерина
Не раз ночувала.

Стихи, осуждённые здесь на исключение, могли бы сделать честь иному поэту; но вы, Тарас Григориевич, должны быть подобны богачу, который, наслаждаясь только лучшим в яствах, бросает то, что другие охотно бы съели. На стр. 50–56 исключить от стиха: *Полетіла, зострілася* до стиха: *Що москаля кличе*. Тут есть некоторые частности, годящиеся к делу, но вообще эти страницы замедляют драматическое движение, потому что нет здесь равносильных предыдущему черт, а слов много. Шекспир так умел располагать заманчивейшие вещи в своих пьесах, что нигде оне не навалены грудою в ущерб другим местам, и новые впечатления у него следуют в скрытом механизме драмы со скрытою рассчитанною последовательностью. На этом основывается равновесие частей, целость, единство впечатления и вообще гармония во всяком эпическом и драматическом произведении. – После означенного пропуска нужно на 57 стр. переправить 3-й стих так: *Зупинилась серед шляху*[10]. – Чтоб усилить сцену между любовниками, нужно выпустить на стр. 58 стихи: 1–4[11], и на стр. 59 стихи: 11–18[12], а 20 стих переправить так:

«Куди ж ти помчався?»[13]

На стр. 62–63 вы скажете больше, если исключите стихи 9–12[14] и потом от стиха: *Що осталось...*? до конца главы. Глава V превосходна!

Теперь «Гайдамаки». О введении я уже сказал. На стр. 26–27 исключить от стиха: *Вибачайте, люди добри* до стиха: *Що там робиться*. Из последнего стиха слово *жидюга* должно остаться; чтоб составить полный стих, Вы что-нибудь к нему прибавьте. – На стр. 40–41 исключ[ить] от ст[иха]: *Аж обридло слухаючи* до стиха: *Обнявшись сумує*. На стр. 42 в стихе 23 вместо *в углу* нужно напечатать: *в кутку*[15]. На стр. 50 исключ[ить] от начала до песни Волоха[16]. Оставить только в скобках слова: *Кобзар співає*. – На 51 стр. уничтожить стихи: 7–11[17]. – На [стр.] 54 уничтож[ить] от начала до слов: *Ляхів, бачиш, різать*[18]. Потом написать так: *Гайдамак. Добре, єй-богу добре*! и пр. В словах этого гайдамака исключить тёмную пословицу: *нехай стара в'язне* и пр. – На [стр.] 72–73 исключ[ить] от ст[иха] *Кругом пекло; гайдамаки* до ст[иха] *Гайдамаки; йде Ярема.* На [стр.] 78 исключ[ить] от ст[иха] *А Залізняк гайдамакам* до конца страницы[19]. Потом уничтожить всю главу *Гупалівщина.* Повесть любви

в ней не развивается, а драма Коліївщини не выигрывает ни одной новой черты. Вам хотелося сохранить предание о червонце Залезняка. Такие вещи нужно говорить мимоходом или основать на них часть драмы, а делать эпизод во вред драматическому ходу не нужно. Вообще она слаба, и её не жаль уничтожить. – Освобождение Оксаны весьма слабо и темно. Нужно переделать, если можете. А мотив тут прекрасный, и во 1-х: *Шкода муру! старосвітська штука*; во 2-х, противоположность весёлости с бедствием ляхов и мучением Галайды за свою Оксану; в 3-х, опасение читателя, чтоб козаки не вздумали рано пойти на приступ; в 4-х: *через греблю повалили.* Воспользуйтесь переходом через греблю в моём переводе с польского[20]; заставьте ляхов, не выпросивших пощады, решиться на отчаянное предприятие пробиться. Заставьте Ярему найти свою Оксану или на мосту в руках ляха, или в пылающей крепости. Это будет лучше. А то ведь заметьте, что в вашей драме нет борьбы сил: ляхи везде трусы, никакого отпору, везде гибнут. От этого читатель не сочувствует торжеству победителей, ибо это торжество мясников, а драма ваша – кровавая бойня, от которой поневоле отворачиваешься. Вспомните стих: «На беззащитные седины не поднимается рука»[21] – у кого же? у разбойника по ремеслу! Следовательно, кровь здесь должна быть только следствием борьбы, а не предметом жажды. Дайте побольше человечества вашим гайдамакам. Посмотрите у Шекспира: одно лицо в слепоте зверской ярости проливает кровь своих врагов, а другое говорит голосом человечества; иногда то же самое лицо содрогается и тем доказывает истину, что человеческое начало никогда не подавляется зверским. Постигните, Тарас Григориевич (не в гордости мнимого превосходства это говорю, а в простоте сердца художника-брата), постигните соотношение между созданием поэта и душою читателя; тогда вы будете истинно великим! Не полагайтесь на природные силы. Задача всякого смертного – заслужить наслаждение совершенством. Вам много дано от природы; нужно много и потрудиться; а вы часто впадаете в совершенно ошибочные мнения о творчестве. Не одне книги даю я вам в руки: читайте целый мир, но пусть Ваша душа беспрестанно бодрствует. (NB. Для этого нужно отвергнуть многие знакомства или, лучше сказать, препровождение времени с людьми будто бы образованными). – Но это другое дело. Обратимся к «Гайдамакам». Если вы не возгорите желанием переделать эту часть поэмы, то исключите по крайней мере на стр. 86 стихи: 15–18, на стр. 87 стихи: 2–5; на стр. 95–97 от стиха: *Як була я молодою приподобницею* до ст[иха]: *Да пошукай броду, броду*; на стр. 104 исключить ст[ихи] 12–23; на стр. 106–107 от ст[иха]: *Пекла мало! люди, люди*! до стиха: *Лягли ляхи трупом.* На стор. 124 конец от ст[иха]: *Тілько часом увечері.* После торжественного стиха: *На те Божа воля* никакой стих не годится. (NB. Если не до ладу вам покажется поставить эпилогом начало введения, – как эпилог уже, можно сказать, есть, – то можно оставить это поэтическое мечтание особою думою; но в начале введения она нейдёт ни к делу, ни к тону).

Вот Вам голос человека, от всей души желающего, чтоб Украина имела поэта, который бы всему свету сказал за неё своё могучее, гармоническое слово. Примете вы его или нет, по крайней мере надеюсь, что вы не усомнитесь в благородстве моих побуждений к строгой рецензии ваших несравненных созданий и к решительному тону советов. – Прошу вас не уничтожать этого письма, а спрятать его, так чтоб оно вам могло попасть в руки лет через 5, когда вы насытитесь курениями всеобщих похвал и внутренний ваш человек возжаждет иных наслаждений поэтических, наслаждений глубоким сознанием красоты творчества, недоступной для публики. Может быть, тогда они наведут вас на такие мысли, которые мне никогда и не приснятся! – Если же Вы согласитесь теперь исправить «Кобзара» и «Гайдамаки», то я бы желал во время моего пребывания за границею напечатать их для славянского мира с немецким переводом, со введением и комментариями на немецком языке: да славится украинское имя во всех языках! А ви б намальовали свою персону, то й персону вашу я б штихом німецьким ізобразив. Гроші на ізданіє я знайду, коли захоче Н[иколай] Ів[анович][22] да ще дехто; а коли й ні, то от Вам козацьке слово, що своїм власним коштом надрукую, хоч би не виручив опісля ні копійки![23] Як же б якому німцю продав, то не взяв би собі й копійки, а доставив би вам.

Року 1846, іюля 25 дня.

З С. Петербурга.

П. Куліш, рука власна

Я желал бы, чтоб это осталось между нами, так чтоб дома и не знали, каким образом явились Ваши сочинения в Нѣмеччинѣ!

95. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 5 березня ... липень 1846 року

Покорнейше прошу Вас, Пётр Александрович, прислать мне 2ю часть «Истории Новой Сечи». Здесь много есть для меня нового против первого издания[1].

Ваш покорнейший

П. К.

Я должен оставаться здесь, не выходя из комнаты до завтра.

На звороті: Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву

96. До Алєксандри Ішимової

Санкт-Петербург, 14 серпня 1846 р.

Милостивая Государыня Александра Осиповна!

Имея жительство в отдалённых местах от обеих столиц Российской империи, в коих наиболее науки процветают, и не имея при том знакомства с столичными сочинителями, нередко я, касательно получения оттуда книг или иных учёнаго человека потребностей, в большом затруднении бываю; но никогда ещё таковое столь великой мне жалости, как ныне, не причиняло. Затруднение же сие в нижеизъяснённом обстоятельстве заключается. Горестное современных умов и сердец, по отношению к возвышающим человеческое достоинство чувствованиям, состояние побудило меня, вспомнив старину, явить из событий, на моих глазах совершавшихся, высокаго натуры человеческой благородства примеры, дабы чрез то известное обманчивое мнение, к несчастью повсеместно распространившееся, опровергнуть, якобы с того токмо времени так ныне названная *гуманность* роду человеческому явлена, когда сочинители кафтаны короткие, а волосы длинные носить начали. А сия гуманность есть не иное что, как токмо людей, полезными делами не занимающихся, ребяческая словоохотливость; в сущности же дела мне никогда ещё видеть не случалось, чтобы сочинитель, множество бумаги сквозь очки гуманностью исписывающий[a], хотя бы в половину против того[b] жизнью и делами[c] об оправдании своего толкования старался, сколько он новейшим европейцем везде в компании казаться тщится. Сия-то смехотворная и некоторыя другия, плача достойныя, причины давно засохшее в наполненной поколениями мух чернильнице сочинительское моё перо снова к деятельности побудили; а некий потаённый внутренний голос убеждать меня начал, что моя деятельность не вотще останется; ибо, сколько бы люди от истиннаго пути к просвещению не совращались, никогда все от него удалиться совершенно не возмогут. На тех же, кто[d] сего пути из глаз не потерял, самою справедливостию священная обязанность возлагается, по сему пути протекая, всех, кто ещё не в великом отдалении от онаго блуждает, слова языком громким истины призывать и на правый путь обращать. Ничто, мню, в настоящем превратном о прежних временах и добродетелях понятии толико к пользе юным умам служить не может, как поставление на всеобщее позорище[e] несомненных деяний, тогдашним людям честь приносящих; и ничто[f] поколику разуметь могу, столь нынешнее поколение к дальнейшему преуспеянию в усовершенствовании своих помыслов

---

[a] *Було*: исписавший
[b] *Далі закреслено*: об оправдании
[c] *Далі закреслено*: своего толко[вания]
[d] *Далі закреслено*: ещё
[e] *Було*: зрелище
[f] *Далі закреслено*: сколько

и чувствований (а сие-то и долженствует быть нашей жизни целью) не утвердило бы, как возвращение их к покорности тем наставлениям, кои прежние[a] высокаго разума люди в своих сочинениях и в событиях своей жизни, очевидцам ведомых, как драгоценное, многий плод дать обещающее наследство, им оставили: ибо и всё в мире таким образом до всяческаго величия доходило, что новое[b] поколение, плодами умственных и вещественных трудов своих предшественников воспользовавшись, к оным новые труды с благодарственными чувствованиями прилагало. Сию всякому здравому уму ясную истину внушать – всякаго просвещённаго человека, желающаго дни видети благи, есть важнейший долг, и для перваго оной выражения я избрал воспоминания свои о некогдашнем в Пермской губернии моём пребывании и с одним почтенным старцем приятном знакомстве, а купно с тем чрез оное знакомство о Графе Строганове, яко о человеке высоких чувствований осведомлении. Изложив с надлежащею рассмотрительностию[c], после долговременнаго[d] размышления, сей предмет на бумаге, я, дабы видеть онаго действие на новое поколение, прочитал[e] внуку своему, в Киевском университете науки проходившему, юноше, хотя стремительному и легко новыми выдумками воспламеняющемуся, однако ж, при усильных моих попечениях, не совсем ещё очконосной братии уподобившемуся. К немалому моему удовольствию, которое впротчем от него было скрыто, он изъяснёнными мною на сей раз мыслями восхитился[f], только всячески меня упрашивал, дабы я слог свой старинный на новый переправить потщился. Но как трудно человеку, в старом доме обжившемуся, из онаго в новый перебираться, и всякую мелочь, которая уже с давних пор надлежащее себе место присвоила, на новых местах[g] располагать и самому к новым стенам привыкать; так трудно было и мне из старых правил опытной элоквенции, где каждое слово на месте, ему свойственном, как давняя вещь в доме, удобно помещается, выходить и к новому строению речи приобыкать. Внявши, однако ж, моего внука убеждениям, что и самой преотличной книги, по конструкции Сумарокова написанной, читать ныне не станут, что чрез то я своей цели токмо отчасти достигну и что, ежели сие для меня столь затруднительно, он сам берётся все мои Цицероновские периоды на новый манер перестроить, – я согласился нечто из своих убеждений молодому поколению уступить, дабы таким образом сигнал к воссоединению стараго с новым собственным примером подать. Впротчем, своему внуку я слишком своевольствовать в моей рукописи не позволил и все слова, речь человека степен-

---

[a] *Далі закреслено*: люди
[b] *Було*: одно
[c] *Далі закреслено*: сей пред[мет]
[d] *Було*: нескольконевного
[e] *Далі закреслено*: оный
[f] *Було*: пленился
[g] *Далі закреслено*: распределять

наго означающия, в ней удержал. Сим-то способом явилась моя книжка в таком виде, в каком Вы, Милостивая Государыня, видеть оную изволите. Но теперь новое беспокойство, котораго я в приятностях труда вовсе не воображал, так как и всякаго родителя, меня обременило: каким образом, жительствуя в таком отдалении от обеих российских столиц, книжку мою тиснению предать и в свет на пользу общую пустить. Обращая мысли свои то на однаго, то на другаго столичнаго сочинителя[a], я ни в ком столько соответствия, сколько в Вас, Милостивая Государыня[b], своим чувствованиям найти не мог, и ни на кого столь много, сколько на Вас, положиться не осмелился. Хотя же я и с Вами быть знакомым чести не имею, однако ж по духу Ваших сочинений заключаю, что Вы ко всему доброму чувствительною душею обладаете. Почему, препровождая при сем к Вам мой манускрипт под заглавием: «Карманная книжка для помещиков, или Лучшее, извлечённое из опыта средство управлять имением», покорнейше прошу Вас, по надлежащем от цензуры одобрении, оный тиснению предать и сколько на то употребится денег, уведомлением меня не оставить, смелость же мою великодушно мне простить, приняв во уважение общую душевную пользу, к коей рвение столь меня дерзновенным соделало.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою

П. Гладкий

1846 года, августа 14 дня
Г. Борзна[c].

97. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Здоровье моё в сомнительном состоянии, так что я подвергаюсь большой опасности. Впрочем, Хр[истиан] А[ндреевич] обещал у меня бывать, и я надеюсь ещё, что он поправит дело[1]. – Я скоро пришлю Вам выписки из письма Грабовского[2], на которые Вы, может быть, заблагорассудите отвечать сами; и он может писать к Вам по-французски. Он совершенно предан «Современнику» и Вам.

Покорно благодарю за присылку письма.

Ваш П. Кулеш

1846, авг[уста] 20.

Я должен рапортоваться в университет больным. К кому мне писать?

---

[a] *Було*: писателя
[b] *Далі закреслено*: найти не мо[г]
[c] *Було*: *а)* Чернигов; *б)* Г. Любеч

98. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Сообщаю Вам любопытные для Вас выписки из письма Грабовского от 5 августа.

1. «Очень жаль, что Пётр Александрович не знает по-польски; я много воспользовался бы его суждением[a] о моём романе[1]. Критика "Современника", несмотря на то, что излагается слегка и без претензий, поразила меня уже несколько раз самыми здравыми мыслями именно касательно искусства романиста. Перечитывая эти мысли, я чрезвычайно радовался[b], что Вы, посвятив себя этому роду, находитесь у очага такой прекрасной теории и что Ваши произведения будут выдерживать пробу такого суда».

2. «Я должен вам признаться, что всякий раз, как получаю с почты "Современник", чувствую некоторый стыд и угрызение совести. С каждым нумером возрастает мой долг, а между тем чувствую, что вот-вот объявлю себя несостоятельным. Для выполнения же ваших пунктов, кроме моей деревенской лени, недостаёт мне и самих материалов. Лермонтова я едва в руках держал; Жуковского читал по изданию, вышедшему[c] лет 20 назад, а о следовавших затем произведениях этого знаменитого писателя не знаю ровно ничего. Русских книг у нас в соседстве совсем нет; иногда разве случится купить что-нибудь в негодных киевских лавках. Так же точно не в состоянии я говорить о современной[d] английской литературе, за которою слежу через десятое в пятое».

3. «Не нужно уверять Вас, что участие в таком журнале, как "Современник", считал бы я истинным наслаждением и вменял бы себе в честь. С каждым нумером он нравится мне всё более и более. Сперва находил я его слишком наполненным переводами, но потом и выбор статей, и содержание их очень меня занимают. В стихотворениях, напр[имер], Глинки встречаю я с чрезвычайным любопытством оттенок мистицизма[2]; даже статью об Овербеке[3] прочёл я с большим увлечением, несмотря на то, что кое с чем в ней я не согласен. Наконец, все литературные и нравственные понятия, на котор[ых] основан "Соврем[енник]" и которые выражаются в каждом слове издателя везде, где только он выходит с своим мнением, суть мои собственные понятия. Поэтому весьма естественно, что я со всею охотою готов трудиться для этого журнала, считая за честь и одно приглашение к тому. Если это не будет для вас тягостно, пришлите мне несколько русских книг, напр[имер] Лермонтова, Жуковского (пошлите ему, Пётр Александрович, и Муравьёва[4]), или какой-нибудь

---

[a] *Було*: замечаниями
[b] *Далі закреслено*: восхищался
[c] *Було*: сделанному
[d] *Було*: современном состоянии

журнал, о котором, по Вашему мнению, следовало бы поговорить[a] по случаю какой-нибудь статьи, в нём помещённой; а я эти книги, перечитавши, отправлю Вам обратно».

Не написать ли ему, чтоб он писал свои статьи для «Современника» по-французски?

П. К.

Авг[уста] 20, 1846. С. Петерб[ург].

Болезнь моя не так опасна, как я думал.

99. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 21 серпня 1846 р.

Милостивый Государь Иосиф Максимович!

Принимая в соображение Вашу необыкновенную деятельность, я боюсь, чтоб Вы слишком скоро не израсходовали своей жизни. Поэтому прошу Вас экономничать ею так, чтоб ещё Вы могли прожить двадцать лет, а остатком, пожалуй, можно хоть и пожертвовать.

Я давно уже написал в Киев, чтоб дослали Вам конец Летописи Самовидца; но Костомаров ездил в Крым и должен возвратиться только в начале августа[1]. Сегодня я опять писал к нему[2] и надеюсь, что он скоро Вам доставит. А может быть, Вы ещё прежде получите от Юзефовича, которому я также писал, да и сегодня напишу[3]. В списке Юзефовича, переписанном с Евгеньевского и другого старинного[4] под моим руководством, Вы найдёте отметку, до которых именно пор летопись писана Самовидцем[5].

Оттиски мои явятся в широких и тонких брошюрах. Если это не составит особого затруднения, то нельзя ли разложить набор букв в страницы небольшие, напр[имер], в 12 или в 16 долю листа. Тогда вышли бы книжки приятного вида. Впрочем, не придавайте большой важности этому желанию.

О летописях Плиски, Грабянки и других мы потолкуем в Москве. А Вы, между тем, собирайте всё к себе. Некоторые из них весьма простые компиляции с добавкою или переменою некоторых фраз. Зачем же каждую печатать? Нужно только перечитать вместе и убедиться, что это одно и то же. Тогда указать варианты да и всё тут. Моя летопись Плиски, видно, ближе к подлиннику, а может быть, и верная с него копия. У Маркевича есть отмены в фразах, но порядок изложения совершенно тот же. Грабянка (это не родственник Гребінки) основал свои *Действия о презельной брани*[(b)]) также на этой летописи. Итак, когда получите от Маркевича летопись *Плиски* или *Фроловскую* (он называет её по обыкновенной своей безалаберности и так, и так), Вы можете убедиться,

---

[a] *Далі закреслено*: касатель[но]

[b] Маркевич назыв[ает] эту летопись Писаревскою. Он не знал, кто написал её.

что некоторых летописей вполне печатать нет необходимости. Впрочем, прошу Вас не стесняться моими замечаниями, а действовать вследствие собственных исследований[6].

О Плиске я ничего не знаю, кроме того, что он был священником Фроловского монастыря, следовательно, писал не прежде 1712 года, когда этот монастырь перенесён был с Печерска на Подол[7] и по имени церкви, при которой устроен, назван Фроловским. Впрочем, может быть, Плиска был священником и в девичьем Печерском монастыре, или был только продолжателем этой летописи. Если можно, займите свои станки какою-нибудь другою работою до 1го ноября. Я познакомлюсь с Бантыш-Каменским и у него и чрез него достану ещё несколько летописей[8]; кроме того, я выпишу Вам несколько летописей из Киева и Харькова, а проезжая чрез Москву, проживу в ней неделю и составлю род исследования о летописях, на котором основываясь, можно будет приступить к систематическому печатанию летописей. По инструкции я должен ехать сперва в Варшаву[9]. Там у Стороженка ещё достану несколько летописей[10]. Есть ещё у меня готовый для печати перевод с латинского польского историка Грондского[11], пользовавшегося изустною беседою Ивана Выговского по удалении этого последнего от гетманства. Это большой том. Напишите, входит ли в круг Вашей деятельности издание редких печатных книг в переводе? В Киеве, по моему распоряжению, переводится также и Пасторий[12]. Ещё нужно перевести Рудовского[13] и Коховского[14]. Потом я намерен собрать все польские мемуары и издать в переводе. Не выслушав обеих сторон, нельзя знать истины. А до сих пор историки заглядывали в источники мало.

Вы ещё не знаете, что я, Срезневский, Метлинский и Кастомаров соединили свои сборники укр[аинских] песен в один, и теперь занимаемся указанием всех вариантов по разным спискам, так чтобы ни одно слово не погибло. На Максимовича мало надежды. Он и сам не издаёт, и своей коллекции из рук не выпустит. Но вы, я уверен, присоединитесь к нам. В таком случае под каждою песнею прошу вас означить уезд, в котором она записана, и кем, если можно, и прислать Ваши песни мне. Я одне из них пошлю Срезневскому, который взялся приготовить к печати исторические песни, а другие одному весьма дельному молодому человеку, которому, отъезжая за границу, я передаю хранение и продолжение своего труда[15]. По возвращении из-за границы я пересмотрю всё издание, прибавлю свои объяснения, напишу введение и издам под именем пяти издателей, разумеется, если Вам угодно будет с нами соединиться. Для славян и то уже будет здесь явлением отрадным, что пять профессоров различных университетов, разделённые друг от друга огромным пространством, действуют, как одна душа!

Вы не могли придумать ничего приятнейшего для меня, как отделение в журнале Общества для славянских произведений[16]. В таком случае я сообщу Вам сокровища, о которых существовании Вы и не думали. Это народные исторические и фантастические предания, за-

писанные мною стенографически и представляющие образцы высокой красоты простого слова. Оне уже пропущены цензурою[17] и составляют такой том, что в одном номере, при вашей мелкой печати, займут значительное место. Кроме того, если хотите, я напечатаю в Вашем журнале и свою «Чёрную раду» на украинском языке. Для славян она должна быть интересна как по языку, так и по изображению нравов и обычаев украинских. – Теперь опять пришла мне на мысль 12 доля листа. Хорошо было бы, если бы и предания мои, и «Чёрная рада» явились в таком формате. Напишите мне, возможно ли это? – О прочих вкладах в мой альманах ничего любопытного не скажу. Шевченко прислал три превосходные стихотворения, хороши и Чужбинского стихи, но прозы нет. Я надеюсь достать неизданные украинские повести Квѣтки[18], а после него никто не писал хорошо в прозе, хотя после него можно бы сделать важный шаг вперёд. – Предания мои Вы получите очень скоро. Я возьму их на днях из цензуры[19].

Оттиски «Летописи Самовидца» покорнейше прошу Вас разделить так: 150 прислать в Петербург на имя Плетнёва[(a)], 100 экз[емпляров] послать в Киев на имя Его Высокор[одия] Михайла Владимировича Юзефовича, а 50 экз[емпляров] – в Харьков на имя Срезневского. Если Общество не может рассылать безденежно, я за пересылку заплачу. Если общество имеет право рассылать безденежно, то покорнейше прошу из числа 50 харьковских экз[емпляров] послать 5 экз[емпляров] в Чигирин на имя Михайла Антоновича Грабовского.

Летопись Грабянки Вы получите полную. Герб малороссийский на печатях, а портрет Хмельницкого известен. В подлиннике, с которого я списывал, этих рисунков не было[20].

В Тифлисе польский поэт Лада-Заблоцкий переводит украинские песни на французский язык. Я сообщил ему, какие мог, материалы для введения и для текста. Если можно послать за печатью Общества, пошлите ему на известный срок: 1) Вашу книжку о славянской поэзии[21], 2) Том «Арабесок», в котором есть статья о малор[оссийских] песнях[22], 3) «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (Лукашевича)[23], 4) Первое издание песен Максимовича и 5) Вацлава с Олеска. Он человек вернейший и за исправное возвращение книг я отвечаю головою. Его издание выйдет в Париже и сделает нашу поэзию и историю (введение будет обширное) известною в целой Европе, что непременно нужно.

Ваш от всей души П. Кулеш

1846, авг[уста] 21[24]
С. Петерб[ург].

Адрес: Ивану Васильевичу Росковшенку, инспектору Тифл[исской] гимназии, для передачи Ф. И. Ладе-Заблоцкому, *в Тифлис*.

[(a)] *Було*: Его Высокор[одия] Павла Петровича Максимовича, на Васильевском Острову, в 12 линии, в собственном доме

100. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 22 серпня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

О Грабовском я не скоро буду иметь случай говорить с Вами, потому что болезнь моя продолжится по крайней мере две недели; и потому действуйте лучше по собственному усмотрению. «Искупуйте время, яко дние лукавы суть»[1].

Не угодно ли Вам присылать ко мне корректуру «Современника»?

Штаб-лекарь Гладкий просит меня письменно – осведомиться о судьбе его «Карманной Книжки». Если она пропущена, так он просит А[лександру] О[сиповну] действовать сообразно с его письмом к ней[2].

«Современника» у меня недостаёт XV тома[3].

Ваш покорнейший

П. Кулеш

1846, авг[уста] 22.

С. Петерб[ург].

На звороті: Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву. На Спасскую Мызу, на дачу Беклешова, недалеко от конторы Спасского дилижанса.

101. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Имею честь поздравить Вас с днём Вашего Ангела![1] Не так хотелось бы мне поздравить Вас, но что делать? Впрочем, мне час от часу лучше. Вчера я послал к Вам на дачу по городской почте записку.

С глубоким почтением

Ваш покорнейший П. Кулеш

1846, авг[уста] 24.

С. Петерб[ург].

На звороті: Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву. В университете, на Вас[ильевском] Остр[ову].

102. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р.

С. Петерб[ург]. 1846, авг[уста] 24.

Я послал Вам свою новую книгу: «Повесть об украинском народе». Если Вы не получили, то скоро получите. Вместе с тем я писал к Вам, что Академия наук посылает меня за границу для изучения славянских языков. Я думаю, это Вас порадует.

В Тифлисе польский поэт Лада-Заблоцкий переводит на французский язык наши украинские песни. Я доставил ему все материа-

лы как для текста, так и для введения. Теперь нужно ему ещё иметь те думы, которые нигде не напечатаны. Я свои отправил к Вам, не оставив у себя экземпляра. Почему покорнейше прошу Вас велеть переписать их вместительно и чётко (без разделения на стихи) на тонкой бумаге, включив туда и собранные Вами ненапечатанные, хотя бы это были варианты уже известных дум, и прислать мне или в виде письма (но отнюдь не посылки) отправить просто в Тифлис по следующему адресу: *Его Высокобл[агородию] Ивану Вас[ильевичу] Росковшенку, инспектору Тифлисской гимназии, в Тифлис, для передачи Ф. И. Ладе-Заблоцкому.* Сделайте одолжение, не замедлите исполнением моей просьбы. Он многое уже перевёл и хотел издавать, но я остановил его, представив ему, что как издание это выдет в Париже, то нужно, чтоб Европа увидела в его книге полную картину нашей жизни. Как только отправите ему, с тою ж почтою прошу вас уведомить меня об этом, чтоб я не беспокоился мыслью, что обманул человека, которому обещал доставить все материалы[1].

Бодянский действует деятельно касательно приведения в известность источников истории Малороссии. Теперь у него печатается Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого. В конце октября или в нач[але] ноября я буду ехать чрез Москву и проживу там неделю, чтоб рассмотреть и сличить некоторые летописи и потом решить, в каком порядке и виде их печатать. Покорнейше прошу Вас все, какие у вас есть, летописи отправить немедленно к Бодянскому, дабы я мог вместе с ним их пересмотреть, и потом оне послужат для вариантов или для самого текста[(a)]. Это случай единственный, и терять его грешно. На это нужно смотреть как на дело, всем нам общее. Я уже всё отправил Бодянскому, что только у меня было. То же сделает, надеюсь, и Кастомаров. Бодянский откроет в журнале общества новый отдел для современных произведений славянских писателей[2], и я пошлю ему свои предания, а летом и «Чёрную раду» на укр[аинском] языке.

Ваш П. Кулеш

Не сомневаюсь, что Бодянский также соединит с нашими свой сборник песен, а может быть ещё до отъезда за границу я в Малороссии добуду и у Максимовича всю его коллекцию. У Лукашевича также должны быть[(b)] вновь собранные песни. Пишите к нему, если знакомы; а я тоже постараюсь с ним увидеться и, если получу, все исторические доставлю Вам.

Воротился ли из Крыму Амвросий Лукьянович? Передал ли он Вам свою коллекцию? Если передал, то и оттуда новые думы прошу Вас послать в Тифлис, а мне пришлите все неисторические, чтоб я, до выезда за границу, включил их в свои и означил варианты. Я выеду в нач[але] ноября.

[(a)] *Було*: поступят в печать как варианты или подлинники
[(b)] *Далі закреслено*: новые

P. S. Меж нашими малороссийскими литераторами господствует какая-то недоверчивость. Один другому боится дать в руки свой сборник или какую-нибудь рукопись. На это даже смотреть со стороны стыдно. Ник[олай] Ив[анович] представлял мне Вас и Метлинского самыми недоверчивыми людьми, но Вы присылкою своих песен доказали противное. Впрочем, может быть, Вы вздумаете быть более осторожным в отношении к Бодянскому, и я мучусь уже при одной мысли, что Вы ему не вышлете ни одной своей летописи. Если бы у меня чёрт попросил что-нибудь для издания, я и ему дал бы охотно, если б только был убеждён, что он не бросит моей рукописи в адский огонь; а вы боитесь литераторов, всю жизнь свою посвящающих распространению полезных книг. Из того, как Бодянский принял мою *Летопись Самовидца,* как он ничего, ни одного примечания не хочет присвоить себе, как он благодарит меня за другие летописи, я заключаю, что он самый благородный литератор и что ему можно вручить самый драгоценный материал с такою ж доверчивостью, с какою мать передаёт дитя на руки своему мужу.

П. Кулеш

103. До невстановленої особи

Санкт-Петербург, 28 серпня 1846 р.

1846, авг[уста] 28.

Вельможний і високоповажний Пане!

Не дивно те, що доля людей з одного села по кінцям світу розкидала: розкида́ла вона колись багацько чубатих голів по полях і по морях несходимих; а дивно і весело те, що тепер земляк земляка, не бачивши зроду в вічі, знає і кохає і з привітом до його через степи, і через ліси, і через гори озивається. Шановний лист ваш, мій любий добродію, з великим уподобаньєм ми до рук своїх одібрали, і серцем своїм потішались, що таки недаремна була і наша праця письменам і тисненію українську старосвітчину предавати. А найбільш те нам до серцю припало, що книжки наші людей, як кажете*, ще і до доброго розуму доводять. Не про що ж бо ми і б'ємося, як не про те, як би правду Божу поміж людьми посіяти; а як же* що инше, то лучче б нам зроду і граматки в руках не держати. А що Ви, Добродію, про татарчат пишете, то і вони в мене забвенні не будуть, хоч перша думка в мене не про сих недовірків, як і написано: «Остави, да первѣе насытятся чада». Тілько чи так, чи сяк, а недовго вже мені їм тут «Блажен муж»[1] проказувати. Побачивши деякі столичнії людці, що і в нашій Палестині дещо шуплять, шлють мене аж у Німещину, щоб ще більшого розуму (хоч і так уже лихо мені з ним тяжке) доходив. Притьмом бажа Академія наук, щоб їхав да побачив, як живуть і розмовляють слов'яне, да щоб потім працьовав і в Академії, і в університеті. Так оце вже то мазничку*, то батожки* скуповую, да в дорогу лагожусь, да прошу Бога милосердного, щоб Бог поміг між чужими язиками без лихої халепи прохожати і додому

благополучно повертатись. Оттака-то нашому братові чумакові у сій столиці припала робота!

Бувайте ж здорові! Може, коли ще і побачимось, да ще саме б так, щоб у Воронежі. Я там мало кого знаю, бо сидів у своїй стрісі, не виставляючи носа на Божий мир. Тим-то всякому дивно, що як таке дурне хлоп'я своїм розумом у світі проживає! Да чи знаєте, яка там у Воронежі кумедія робиться? Там ніхто віри не йме, щоб я у столиці на що-небудь здався*; кажуть, що притьмом людей морочу. Будьте ласкаві, коли посилаєте туди листи, то напишіте, щоб не казились. Я виїду у декабрі і через Вороніж буду проїжджати; то справді боюсь, щоб ще в мене бумаг не одняли, яко хвалшивих, і мене самого у холодну, поки розправа буде, не посадили. Із них же станеться! Да таки скажуть, щоб такий нікчемний хлопець, що і коней* добре пасти не вмів, да оце щоб їхав з Государською грамотою за границю! Хвалш! прямо хвалш!

З правдивим ушанованьєм Ваш приязний* земляк

П. Куліш рукою власною

З С. Петербурга.

P. S. Ми з Бодянським друкуємо літописи. Так коли є в вас щонебудь про козаків, то не тратьте сього случаю. Скорій присилайте або мені, або Бодянському. А коли знаєте в Малоросії такого чоловічка, що має літописей, то тілько благайте, щоб не сумнясь слав до Бодянського (Иосифу Максимовичу Бодянскому, в университет, в Москву).

104. До київських «братців»

Санкт-Петербург, 28 травня ... серпень 1846 року

Як приїду, або лучче *заїду*, в Київ, так привезу й трейтю часть. Зовсім перероблюю. – Будьте ласкави, братці, перепишіте оці шпарґали, а то як загубляться або згорять, то й поминай як звали. А вже я не Трейтяковський, щоб по пять раз компоновать свою історію.

105. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, травень ... серпень 1846 року

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Покорнейше прошу Вас взять с собою на дачу овец Жуковского[1]. Я три раза приходил к Вам, чтоб переписать их. Они мне не дают покою.

Нельзя ли как-нибудь известить меня, можно ли быть мне сегодня у А[лександры] О[сиповны], а завтра у Вас на даче?

106. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 31 серпня – 1 вересня 1846 р.

С. Петерб[ург]. 1846, авг[уста] 31.

Милостивый Государь Иосиф Максимович!

Вверяю Вам моё сокровище с таким чувством, с каким мать передаёт своё дитя на руки мужу. Знаю, что Вы оцените его по достоинству, сбережёте и в дело употребите как нельзя лучше. Если хотите напечатать все эти предания в одном нумере, печатайте; если в нескольких – и на это я согласен, только бы оттиски для меня были сделаны в том порядке, в каком эти предания расположены в рукописи. Ударения, если можно, нужно означить на каждом слове. При сравнительном изучении славянских языков это будет важным пособием для иностранцев. При том же этим резче означится физиономия нашего языка. В некоторых пьесах я не успел поставить ударений: перечитывая их, вы сами потрудитесь поставить. Если нет важных препятствий, прошу Вас соблюсть моё правописание – даже в случае бы оно противоречило Вашей системе – с оговоркою, что оно употреблено только по желанию моему. Рукопись моя почти вся переписана весьма тщательно. Я сохранял частности выговора, свойственные разным провинциям, поэтому, если где будет казаться и ошибка, лучше печатайте так, как в рукописи, кроме таких случаев, когда бы явно было, что это недосмотр. Значки (^) у меня расставлены везде, и Вы нигде их больше не прибавляйте. Наконец, пользуясь обыкновенно вашею снисходительностью к Вашим сотрудникам, я покорнейше прошу Вас: 1) если нет важного затруднения, для моих 300 оттисков велеть разложить набор в небольшие страницы в один столбец (об этом см. в конце письма); 2) поспешить печатанием моих преданий, чтобы я мог захватить их несколько экземпляров с собою в Малороссию и за границу, где, посредством этой книжки, мне удобнее будет знакомиться с разными лицами; 3) перечитать их по получении и объявить мне ваше мнение о них.

Сборник мой заключал ещё один отдел, *религиозный,* но цензор[1] не пропустил без духовной цензуры. Прилагаю этот отдел и прошу Вас покорнейше, если можно, найти светского или духовного цензора хоть для статьи: *Путешествие по другому свету,* замечательной по сродству её с легендами, вошедшими в «Божественную комедию» Данта[2].

Я написал ещё раз 29 августа в Киев о доставлении Вам *Летописи Самовидца,* и если они Вам скоро не вышлют, то я не знаю, что делать: придётся ждать до тех пор, пока я сам достигну Киева, исторгну её из рук нечестивых и пришлю Вам. Люди ужасно неверны! Это ведь друзья мои, которые для меня делают всё, когда я с ними (может быть, из одной робости), а за глаза совсем другие люди. Между тем считают себя любителями истории, даже деятелями на историческом поприще. Это просто фарисеи, которые *глаголют и не творят.* Впрочем, ещё я надеюсь, что Вы получите около 20 сентября.

Если же не получите к концу сентября, это значит, что только я могу доставить вам эту летопись из Киева. Видите ли, Кастомаров получил кафедру русской истории в университете, так считает себя вправе, готовясь к первым лекциям, быть глухим и немым ко всем людям. Настоящая квочка-курица или, лучше сказать, *седуха*!

Ваш П. Кулеш

Под именем *перевёрстки* я не разумею удлинения строк. Строки должны остаться такие же, только из каждого столбца особая страница, а не в два столбца. Разумеется, столбцы нужно разрывать по величине страницы.

Прошу Вас, как только получите *Лет[опись] Самов[идца]*, тотчас меня о том уведомить. Сделайте это для моего спокойствия. Мне очень совестно перед Вами за моих друзей. Я не таков и презираю людей, так действующих.

Сент[ября] 1, 1846.

Уже посылка Ваша была зашита, как я, начавши рыться зачем-то в своих бумагах, нашёл ещё две вещи. Одна неважная: отрывок записок Шафонского[3], могущий служить Вам для какой-нибудь поверки (он списан со списка, принадлежащего Харьковской университетской библиотеке); другая довольно курьёзная вещь: полемическая поэма в разговорах, защищающая малороссиян от нападков чиновников великороссийских, которые, с учреждением в Глухове Коллегии, налезли в Малороссию и делали нашим дедам множество прижимок и оскорблений[4]. Стихи поспорят с Тредьяковского борзописанием.

П. К.

Я буду в Москве около 1го ноября. *Адрес* мой смотрите на пакете моего письма. Этак я скорее буду получать Ваши письма.

1846, сент[ября] 1, после обеда.

Распечатываю ещё раз своё письмо, чтоб отвечать Вам на сейчас только полученное. Я не помню, чтобы я сделал какой-нибудь пропуск, кроме *гетманских статей.* Это дело важное, и, конечно, пропуск нужно пополнить[5]. Иначе я и сам никогда бы себе не простил такого поступка. Я давно писал и совсем не помню. – Прочие летописи издавайте, как знаете. Конечно, нам, не зная Ваших обстоятельств, трудно судить. – О переводах я похлопочу и распоряжусь, как следует, в Киеве. – Отказ ваш в сообщении мне песен не только не огорчает меня, но восхищает. Печатайте! (Только, ради Бога, отмечайте, где какая песня записана, и не составляйте из двух одной). Может быть, и я склоню Срезневск[ого] и Кастомарова передать Вам наш сборник. – Нельзя ли составить смету в типографии, сколько потребует денег перевёрстка моих преданий в небольшие страницы? Я заплачу из своего кармана при проезде чрез Москву. – Пожалуйста, вышлите Ладе-Заблоцкому, что можете. Этого человека нужно ободрить. Великое дело сообщительность между писате-

лями! – О моих преданиях прошу вас отвечать, не откладывая, когда вы будете их печатать. Да ещё, уведомьте меня, какие Вы имеете летописи и другие материалы.

Вчера был достопамятный день совершенного окончания первого на украинском языке исторического романа «Чёрная рада», который к Вашим услугам[6].

107. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 4 вересня 1846 р.

За що ганка – ганка, а за що дяка – дяка

Приязний мій Добродію Миколай Іванович!

Ненавидяй обличения скончаваеться срамно[1].

Нехай буде такий епіграф до мого листу.

Що, якби якому темному грішнику сказано на тім світі: «Вернись, чоловіче, назад да попрацюй годків з десяток, то, може, лучче завершиш свої вчинки. А то, бач: поки був молодий, да поки батька й матері й старих людей боявся й соромився, то таки й геть-то добре жив, а вже як убивсь у літа, що і в самого посивів волос, то й розопсів, розліновавсь, спустив усе на волю Божу, а сам тілько з кумами да з сватами горілочку попивав. Отже вернись, небоже, да зачни од четвертого чи що десятку так наново робить, як Божий страх научає; то, може, чи не луччим сюди другим разом покажешся». Що, кажу, якби так сказано на тім світі якому бідному нетязі, що і сам не схаменувсь, як із глузду зсунувсь і не знать, у які тенети вплутався? О, дякував би, дуже дякував тому, хто б простер до його таке благе слово!

Оттак же я дякую Вам, мій любий Добродію, за Вашу щиру пораду. Може, пам'ятаєте, як колись зимою писали до мене лист про «Чорную раду» і що було добре, то вже хвалили так, що й вище міри, а що негаразд, то так-таки по-козацьки на всякий гріх щиро і вказали. От я, взявши до серця й до мислі ваше розумне слово, знов, – слідом того грішника, – зачавши од того, як попадали Кирило Тур із Шрамченком, у голові усе наново пережив і перекомпоновав (тілько запорозця з матір'ю да січовий суд не ворушивши зоставив) і до самого конця все по вашому жаданью і совіту допровадив. І коли хочете знать, то ще тілько на тім тижню з сею працею вгомонився. «Чорна рада» (у главі XXI) вже тепер не з літописця виписана, а таки самі козаки зійшлись да й учинили її між собою із великим галасом і бучами, що аж міні між ними було страшно. А потім бачить Шрамко, що вже *одрізана скиба од хліба, не притулиш*, своє власне діло закінчав, і душу свою за ближніх по-християнськи (хоч би й нас так Господь сподобив) положив. І все, що треба, зведено тепер, дякуючи Богу да й Вам, гарненько; так як от майстрі зáчнуть церкву мурувати, то як-то широко розведуть! що, бацця, й ладýть там ніякого не знайдеш; отже, дивись, вони знають, що роблять: і зало-

ми виведуть, і кришу, й баню збудують, ще на самому версі й святу да одрадну ознаку – хрест золотий поставлять, щоб кожному було розумно, на́ що така важка праця піднята. Маючи ж у голові собі за правило таких майстрів, і сам я із своєю працею так мірковав, щоб гарненько вгору її вивести і всякому до толку подати, на́ що отті широкі стіни вимуровані і супротив якої-то думки, уся ота буча й заверуха й «несталость нашого люду»[(a)2] тут так гірко, по щирій правді виписана. Переговоривши вже все – і про те, що пало в смутні руїни, і про те, що знову принялось й зацвіло, мов квітки на зруйнованім старосвітському мурі, – сіми словами закінчав я свою книжку. Подаю Вам їх до сподоби, чи вподобаєте: «Отже я й скончив, любиї мої Земляки, свою історію розумному на науку. Похилиться, може, од смутних думок і не одна, так як моя, голова, проходячи по тій нещасливій старосвітчині; що скілько-то було добра в серці в нашого українського люду, да як-то все те ні на́ що обернулось од безладья, – що не зуміли, як заповідав батько Хмельницький, «усі у одно стояти!»[3].

Ще доложу одно слово. Не буди убо Вам чтущу разумѣти, яко суетного гордостью єсли обольщаемъ, і вже тепер свою книжку за непогрішиму ні в чім уважаю. Ні, Добродію, мало нашого й віку, щоб яким словесно-письменним своїм ділом до конця вдовольнитися! Добре знаю, що ще б треба міні до своєї історії праці доложити, да вже тепер більш невмоготу. Дайте ще хоч годків зо́ три у розумних да великих людей поучитися.

З тим Вашій ласці приязно кланяюся.

До всякої послуги Вам, моєму любому Добродієві, по всяк час готовий

П. Куліш
рукою власною

Р. Б. 1846,
мцa септемврія у 4 день.
З С. Петербурга.

108. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 5 вересня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

Наконец я здоров. Как приятно небо после потолка! с каким удовольствием я дышу даже городским свежим воздухом! Сегодня начну и в университете свои занятия.

Вчера я был у Я. И. Бередникова[1]. Он простудился, возвращаясь из Тифина водою.

Прилагаю при сем докладную записку для князя[2]. Если можно,

[(a)] «Літ[опис] Самов[идця]».

покорнейше прошу Вас представить ему её. Прейс целый год готовился к отъезду, получая гимназический оклад жалованья.

С глубоким почтением Ваш покорнейший

П. Кулеш

1846, сент[ября] 5.

С. Петербург.

109. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 7 вересня 1846 р.

Милостивый Государь Пётр Александрович!

«Повесть об украинском народе», раскупленная украинскими панами, даёт мне возможность возвратить Вам взятые у Вас в долг во время оно 38 р. ср. Покорно Вас благодарю за одолжение. Это последний мой долг в Петербурге. Теперь я достиг с одной стороны проповедуемой Вами свободы и чувствую, как она сладостна. Постараюсь и вне Петербурга устроить таким образом свои дела. Для этого, если состоится моя поездка за границу, мне нужно ехать на Киев. Есть и другие к тому побуждения, но я о них на этот раз умалчиваю[1].

С глубоким почтением Ваш покорнейший

П. Кулеш

1846, сент[ября] 7.

С. Петерб[ург].

110. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 11 вересня 1846 р.

1846, сент[ября] 11, С. Петерб[ург]

Вы облегчили мою душу известием, что «Летопись Самовидца» послана Бодянскому. Если Вы послали не всю, то отправьте немедленно: нужна вся. Проезжая чрез Москву, я возьму её и привезу Вам в Киев. Впрочем, думаю, что Вы ещё прежде получите печатный экземпляр. Я знаю, что вы плените сердца и души своих слушателей лекциями о малороссийской истории, но, ради Бога, взвешивайте хорошо Ваши заключения. Не всё то можно безвредно для них сказать, что пишете Вы ко мне. Меня не смущают такие выводы, как, напр[имер], следующий: «Горькая, ничтожная судьба Украины происходит от ничтожества души народа». Меня не смутит эта бойкая, подобная пущенному сильною рукою кацапа булыжнику, фраза, потому что я в груди своей ношу эту народную душу и знаю, что она не ничтожна; но многих может сбить ваша фраза с толку, а других заставить опустить руки; у нас же и без того делателей мало. Если Вы говорите, что в моей новой книжке[1] «историческая истина высказана с такой смелостью, с таким благородным чувством, как ещё не было на Руси», отчего же Вам не проповедывать бы в моём духе на кафед-

ре? Зачем нападать на душу народа, за которую ещё вам слабо говорит единственная в новой Европе поэзия украинская и которая так сильно напряглась, когда ей её Моисей говорил: «Тим і сталась по всьому світу страшенная козацькая сила, що у Вас була воля й дума єдина»?[2] В ни во что ей вменяете вы потопление «губителя мучителя фараона»[3]. Вы в нетерпеливой досаде на продолжительное её странствование в пустыне поражаете её последним проклятием, называя *ничтожною*. Погодите! Будет, может быть, время, когда от одного звука труб её падут стены и твердыни, для разрушения которых Вы считаете необходимым оружия[4]; будет время и царей-поэтов, которые всё покорят своему божественному могуществу; будет время и воздвижению храма, в котором поклонятся и чуждые народы; будет время и пророкам, искупителям многих...[5] Вы так поспешно поражаете её своими «историческими правилами», как будто для чудес Божиих есть правила! (А почему ж не совершиться Божественным чудесам там, где есть души божественные!) Разделения Вашего на *избранных* и *неизбранных* я не принимаю и боюсь, чтоб Вы не зашли с таким взглядом на историю в глубокий мрак... Благодать Божия всем дарована, и в каждом народе муж светлого ума и чистой воли может сделать много для его чести и будущего могущества (нравственного или вещественного). До сих пор в Малороссии являлось их мало. Все наши лучшие умы обращали свою деятельность для пользы своего семейства, для ложно понимаемого спасения своей души, для науки, отвлечённой от тока настоящей жизни; теперь только, именно теперь, когда вы раскрыли рот, чтоб сказать *с кафедры*: «душа этого народа ничтожна», самые горячие чувства малороссийских деятелей сосредоточиваются на народе. Браните низость представителей его, но не называйте ничтожною его душу. Это непростительное богохульство! Смотрите от Сагайдачного, прилагавшего попечения об утверждении просвещения в отечестве, до Хмельницкого, каким являлся народ Украины? А когда потом, при губительном влиянии невежественного моск[овского] правительства, на гетманстве удержались только *холопы* и *подножки* Е[го] Ц[арского] П[ресветлого] В[еличества].

Прошу Вас взять все мои письма, положить перед собою в хронологическом порядке и отвечать на все пункты. Так делают не только основательные, но и просто веж[ливые] люди.

111. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 16 вересня 1846 р.

С. Петербург, 1846, сент[ября] 16.

Я не знал, что Общество ваше пользуется благодетельным правом собственной цензуры[1]. Прошу ж освободить из-под лапы Никитенка: 1) заглавие рассказа *об унии*[2], заменённое поневоле другим, 2) в рассказе о Степане Плахе и царе Петре[3] освободите всё зачерк-

нутое им, а потом уже, для складу, и мною. Окончание этого предания прекрасно, но как Никитенко некоторые строки замарал, так я уже с досады и всё его зачеркнул. Вы же воскресите. 3) В «Очаковской беде» не упустите поставить ряд точек на всех тех местах, после которых следуют восклицания: «О, як же не гарно лається!» или: «Так і ляпнув на всю губу» и т. п. Да нельзя ли вместо поневоле вымышленного *Верходумова* напечатать везде: *Потёмкин*? – ибо этот рассказ к нему относится. Известно, что Потёмкин любил загинать по-московски. Вместо *вельможного* нужно в таком случае напечатать: *светлейший.* Не исключены ли там и слова: «Тут проклята москва як вискочить да за нас»? или: «Що за народ паскудний!»[4]. Прочие предания зачеркнуты мною по особенным причинам, и их печатать не надо. Я думаю, цензура ваша позволит напечатать и «Путешествие по другому свету». Очень буду рад. Я ценю его высоко. Из прочих религиозных преданий напечатайте, что можно, и в таком случае поместите их по оглавлению, которое поневоле переправлено.

Милутинович мне очень понравился, но как я живу в одной комнате, то не мог поместить его у себя. Я надавал ему только книг для сербских библиотек[5].

Летопись Юзефовичева действительно доведена до конца, но я уже не писал к нему, потому что писал об этом два раза и сказал всё, что только мог. Если он так беспечен, или холоден, или бесчувствен, или глуп, что не исполнит моей просьбы по тем двум письмам, то напрасно больше и писать к нему. На него можно подействовать разве дубиною.

Прошу меня уведомить, какая гостиница ближе других к Вашей квартире? Я, может быть, проживу в Москве месяц и два. Хочу у вас кое-чему поучиться и прочитать, по вашему указанию, всё, что мне необходимо прочитать. Да ещё хочу поработать в вашем архиве для своей «Чёрной рады». Хочется мне, чтоб это был не вымысел, а истина, до чего я уже и достиг значительно.

Что Вы на это скажете, если б я из Москвы отправился в Харьков для доставления Вам оттуда всего, что у харьковцев есть? Если они так малодушны, что не решаются передать Вам своих рукописей, то не думаю, чтобы были так низки, что не позволят списать их человеку, нарочно для того приехавшему. Может быть, я там решу вопрос о песнях. Как гнусна такая недоверчивость, необщительность и какая-то бессмысленная любостяжательность!

Ваш П. Кулеш

Прошу Вас сообразить, сколько места займёт в Вашем журнале «Чёрная рада» на укр[аинском] языке. Она объёмом равна «Михайлу Чарнышенку» без примечаний; но вспомните, что «Чарнышенко» разгонисто напечатан. Может ли она быть помещена в одном нумере? Её хотел бы я напечатать во время пребывания в Москве. Не-

сколько экземпляров этого романа проложили бы мне путь в самые суровые харьковские души, и многое устроил бы я на пользу истории и словесности нашей.

112. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 8 жовтня 1846 р.

С. Петербург, 1846, окт[ября] 8.

Что это Вы замолкли, почтеннейший Иосиф Максимович? Мне нужно знать, открыли ли Вы в Вашем журнале новый отдел и может ли «Чёрная рада» быть напечатана в нём вся вдруг и немедленно по приезде моём в Москву, т. е. около 15 ноября? Если нет, то я отдам её заблаговременно здесь в цензуру и, по приезде в Москву, немедленно приступлю к изданию её на свой счёт. Для меня это сделалось вопиющею потребностью. Не могу долее переносить, что после повестей Основьяненка мы, малороссияне, совсем уснули со своею литературою. Откладывать же до возвращения из заграницы слишком долго. Итак, покорнейше прошу Вас обстоятельно меня обо всём уведомить.

Кстати: оттиски мои «Летописи Самовидца» покорнейше прошу разослать не так, как я прежде писал, а следующим образом:

1) 50 экземпляров передать в лавку «Москвитянина».

2) 100 экземпляров отправить в Киев М. Вл. Юзефовичу.

3) 50 экземпляров в Петербург Его Высокородию Павлу Петровичу Максимовичу, на Васильевском Острову, в 12 линии между большим и средним проспектом, в собств[енном] доме.

4) 30 экз[емпляров] в Харьков профессору Амвросию Лукьяновичу Метлинскому.

5) 5 экз[емпляров] в Чигирин Михайлу Антоновичу Грабовскому.

6) 10 экз[емпляров] в Екатеринослав губернский, Григорию Тимофеевичу Мизко.

7) 40 экз[емпляров] в Чернигов Фёдору Андреевичу Китченку, инспектору гимназии.

8) 15 экз[емпляров] оставить для меня.

Если нужно будет дать несколько экз[емпляров] в цензурный комитет, то прошу Вас отделить нужное число от 4[й] посылки, т. е. от 30 экз[емпляров], назначенных Метлинскому.

Когда оттиснутся предания, покорнейше прошу поступить с ними точно так же.

На обёртке «Летописи Самовидца» и «Преданий» прошу напечатать: *цена 1 р. сер.*

Ваш П. Кулеш

Дело моё вот-вот окончится в Комитете министров[1]. Я пробуду здесь для приготовительных занятий ещё с месяц.

Ещё прошу послать два экземпляра «Летописи Самовидца», а потом и преданий в Богуслав, Киевской губ[ернии], священнику

местечка Стеблева отцу Симеону Левицкому, да 2 экземпляра в Канев священнику о. Александру Андреевскому. Всё это добрые люди и полезные. Прилагаются письма к обоим священникам[2]; Вы вло́жите в книги.

Уже готов был отправить письмо это, как получил от Вас книжку «Чтений». Предисловие Ваше мне нисколько не мешает, тем более, что оно необходимо[3]. Любопытно знать, когда выдет конец Летописи Самовидца. Меня сильно занимают варианты и дописки. – Спасибі ж вам, да й вельми спасибі!

Пише й до мене Срезн[евський] те ж саме, аж нудно читать[4]. Дещо розкажу про його дуже погане, як побачимось.

За Самовидца я виноват; во-первых, я не знал, что список Кастомарова неполон и неточен, во-вторых, – я давно уже просил Юз[ефовича] о присылке мне своего, и нимало не сомневался в том, что ещё успею доставить Вам конец.

Бант[ыш-]Кам[енский], видно, добрый человек; спаси його, Господи, за се!

Ожидаю ответа, должен ли я идти к цензору с «Чёрною радою»? О Линовском я уже знал. Горе![5]

П. К.

Зам[етки] о Лет[описи] Самов[идца]. На стр[анице] 27, столб[ец] 1, стр[ока] 35: *Яко молодою лета Хмельницкаго.* Смотрите, не *молодолета* ли? Выше строка 30, вместо *лживость* нужно *хтивость*[6].

Приложенное при сем примечание надобно припечатать в «Преданиях» в начале. Прошу Вас, при корректуре, ввести везде Ваше *є*. Да ещё нужно ставить апостроф в таких словах, как *пан'отець, ка'зна що* и т. п.

Примечание к преданиям. Буквы â, ê, ѝ, î, ô, ŷ со значками должно читать как русское *и*; букву *е* должно читать как французское *е*, а букву *є* как русское *е*; букву *ѣ* должно читать как русское *и*; окончание *ться* должно читать *цьця*.

113. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 11 жовтня 1846 р.

В этой книжке «Современника» можно бы в *Разном* с маленьким предисловием от Вас напечатать письмо Гладкого, писанное к А[лександре] О[сиповне] по случаю издания «Карманной книжки»[1]. Там есть несколько мыслей, развивающих Ваше учение; и как Ваш голос в «Современнике» скоро умолкнет[2], то пусть и эти звуки раздадутся вместе с ним в финале.

П. К.

1846. Окт[ября] 11.

114. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 12 жовтня 1846 р.

С. Петербургъ. 1846, окт[ября] 12.

Удивляюсь, отчего Вас столько беспокоит моё мнение о Вашей недоверчивости и необщительности. Стоило ли возражать против него, если Вы можете сказать: *дѣла, яже азъ творю, та свидѣтельствуютъ о мнѣ*?[1]

Что касается до моей недоверчивости, то я и не таюсь, что боюсь, как бы Вам не пришла охота издавать песни, не дождавшись меня из-за границы. Но если бы Вы захотели этого непременно, то я не буду препятствовать Вам ни своим правописанием, ни своим мнением о Вашем разделении песен по форме. До сих пор я лучшего правописания придумать не мог. Грамматика, которую я написал и напечатаю за границею[2], совершенно его оправдывает, и всё, что я издам по-малороссийски, буду печатать по правописанию, в котором вижу филологический смысл; а Вам как угодно; не только противиться, но даже и осуждать Вашего правописания не буду.

Вместо отправки Ладе-Заблоцкому написанных моею рукою песен, прошу Вас прислать их мне, а я отдам их переписать и пошлю ему. Я своими списками дорожу, а он пишет, что оттуда трудно пересылать рукописи, и просит меня избавить его от этой обязанности. Да это теперь мне и без того нужно. Я хочу взять песни с собою за границу. Итак, во всяком случае, прошу вас, оставив для себя копию, возвратить мне хоть к 1[му(a)] ноября мои списки. Ваши песни я уже для себя переписываю и возвращу вам, как только окончу. Бог знает, что может со мною случиться в эти три года. Зачем же рысковать таким сокровищем, не оставив другого экземпляра здесь?

О книге Вашей, оставшейся в библиотеке Прейса, должно[(b)] обратиться к профессору истории Куторге.

По нелюдимости своей, я не видел никогда ни Дершау, ни других господ журналистов, и потому не мог с ними трактовать. Знакомые же мои, которых всего, может быть, два человека, не находятся с ним в сношениях[3]. Итак, извините. Да вы же теперь и сами едва не петербургский житель. Я удивился, узнавши, что Вы так хлопочете о месте в здешнем университете, и хотя это место обещано князем мне, но я рад, что Вы его ищете[3]. Тогда не будет между нами никаких недоразумений и толков о недоверчивости.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

П. Кулеш

1846, окт[ября] 12.

Дорога моя чрез Варшаву, Берлин, Прагу, Вену и т. д.

[(a)] На имя Плетнёва и в настоящем, и в будущих случаях.
[(b)] *Було*: нужно

115. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 18 жовтня 1846 р.

С. Петербург, 1846, окт[ября] 18.

Дней через пять Вы получите от меня критический разбор Летописи Самовидца, который покорнейше прошу Вас оттиснуть в конце и при отдельных 300 экземплярах.

Ожидаю от Вас известия о том, открыли ли Вы новое отделение в журнале?[1] Скоро ли может выдти 2-й № «Чтений»?[2] Сколько нужно денег за перевёрстку преданий в маленькие страницы, которых бы из каждого столбца вышло две? Может ли поступить в печать «Чёрная рада» к тому времени, как я приеду в Москву? В противном случае я хочу печатать её на свой счёт и потому должен заблаговременно обратиться к цензору. Ожидаю от Вас известия.

Дело моё подписано наконец Государем, и я скоро надеюсь получить от Академии бумагу[3]. Может быть, не долго потом проживу здесь: мне нетерпеливо хочется видеться с Вами.

Вместе с критическим разбором Вы получите ещё две вещицы: 1) проект об уничтожении греко-российской веры в польских областях, представленный польскому правительству в половине XVIII века одним ксендзом иезуитским[4]. (Может быть, и подложный, но тем не менее любопытный, как орудие, к каким прибегали преобразователи Польши.) 2) Об устройстве панских домов, дворов и земель в северной части Черниговской губернии в половине XVIII века, статья, составленная мною по бумагам, полученным от А. И. и М. И. Ханенков.

Недавно я послал Вам заметки при чтении печатной Летописи Самовидца, для помещения в число опечаток.

Ваш П. Кулеш

116. До о. Симеона (Левицького)

Санкт-Петербург, 20 жовтня 1846 р.

Що оце Ви, Отець Симеон, замовкли, мов Вас татарва вхопила? Посилаю Вам два екземпляри «Літописі Самовидця», один для Вас, а другий для того батюшки[1], що в Квітках. Ще получите Ви з Москви й другу якусь книжку; так тож один екземпляр передайте тому батюсці, із моїм низьким поклоном. Я скоро поїду за границю років на два чи на три, так коли що напишете або гостинця якого пришлете, то так надписуйте: *Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву, в университет. В С. Петербург.* Він міні Ваш лист доставить, де б я ні оборочувався.

Прихильний Ваш слуга

П. Куліш

1846, окт[ября] 20
С. Петерб[ург].

117. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 21 жовтня 1846 р.

Окт[ября] 21, 1846.

Пожалуйста, не удивляйтесь моим странностям. Недостаток некоторых материалов и скудость времени, которое употребляю на занятия, необходимые для моего путешествия, заставили меня отложить разбор *Лет[описи] Самовидца.* Итак, печатайте без разбора. После можно будет потолковать о ней основательнее, когда напечатаются другие источники.

Ваш П. Кулеш

Двух обещанных статей не посылаю, потому что сам могу привезти их. Торопиться не для чего.

118. До о. Олександра (Андрієвського)

Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р.

Отець Александер, шановний мій пан'отче!

Із низьким моїм поклоном посилаю Вам два екземпляри «Літописі Самовидця», один для Вас, а другий для того учителя, що мене по-земляцьки привітав[1], нехай вибачить, забув його святе ім'я. Ще одну книжку получите з Москви, так і йому дайте один екземпляр. Я скоро поїду за границю, так коли схочете до мене писать або переслать міні яку старосвіцьку покидьку, так ось як надписуйте же Ваш лист: *Его Превосход[ительству] Петру Александровичу Плетнёву, в университет. В С. Петербург.* А сей так перешле міні за границю, де б я ні оборочувавсь.

Ваш прихильний слуга

П. Куліш

1846, окт[ября] 22
С. Петерб[ург].

119. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р.

С. Петербург, 1846, окт[ября] 22.

У меня тут есть давний мой знакомый и соученик, некто Сердюков, человек неизвестный, но великий любитель и знаток украинской истории. Он-то заохотил было меня к критическому разбору некоторыми своими замечаниями, весьма дельными. Когда ж я, увидев, что эта работа поглотит последние дни пребывания моего в Петербурге, отложил её, он взялся сам за это дело и готовит обширную статью, в которой, между прочим, на основании «Синб[ирского] сборника»[1] и других источников доказывает, что сочинитель *Лет[описи] Самов[идца]* был Ра-

кушка, сотник, а потом протопоп[2]. Мне кажется, Вам лучше всего – напечатать её без истолкования; а я с ним поговорю, и, может быть, он согласится напечатать свою статью в «Чтениях»[3]. Если согласится, то я напишу Вам, когда именно Вы получите от меня его рукопись.

«Раду» постараюсь поскорее доставить цензору. Не можете ли Вы мне сказать, во сколько времени могут у Вас в Москве напечатать её? Соображаясь с этим, я отниму несколько дней от Петербурга, чтобы пробыть подолее в Москве.

Не сделают ли мне препятствия паэрки (^) и ударения? Есть ли они для букв й, ў, ê, и пр.? Если бы у Вас нашёлся исправный в поставлении бумаги и типографских пособий книгопродавец, то я уступил бы ему роман за известное число экземпляров. Он должен только обязаться поставлять в неделю столько-то печатных листов, чтоб не задержал меня в Москве. Чем больше даст он мне экземпл[яров], тем лучше; впрочем, я согласился бы за $3^{\text{ю}}$ часть завода. Экземпляры должны быть брошюрованы на его счёт и к сроку. Если угодно, потолкуйте с кем-нибудь. Ещё условия: хорошая бумага, какой мне угодно формат и хороший шрифт.

Если же Вы найдёте, что с книгопродавцами невозможно будет уладить этого дела, то я вас покорнейше буду просить взять для меня в долг бумаги на 1200 экз[емпляров], а я вам для расплаты с купцом деньги вышлю через полгода. На печать же у меня деньги есть.

Покорнейше прошу Вас выслать мне прежние номера «Чтений». Я думаю, Вы можете сделать это бесплатно. Да если б ещё немедленно!

Ваш П. Кулеш

P. S. Под именем «Исторіи о презѣльной брани» Кастомаров разумеет летопись Грабянки, которой автор ему был неизвестен. Я ему сообщил его имя. Итак, если Вы получили от кого-либо полный список, то и можете там отыскать его ссылку.

120. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 28 жовтня 1846 р.

С. Петерб[ург], 1846, окт[ября] 28[(а)].

Наконец я уволен от службы[1]. Думаю скоро ехать к Вам в Москву. Что Вы на это скажете? Здесь я, не имея руководителя, буду биться в чтении, как путник в снегах без дороги; а в Москве Ваши указания облегчат мне приготовительные занятия. Не правда ли?

В цензуру «Чёрной рады» отдавать теперь уже некогда. Не лучше ли будет, если я поручу её вам для напечатания в «Чтениях»? Зачем хлопотать мне самому, когда у меня есть такой славный изда-

---

[(а)] *У автографі помилково*: 18

тель? Экземпляр русской «Чёрной рады», совершенно готовый к печати, я оставил у Плетнёва[2]. Если бы Вы нашли охотника купить право первого издания за 1000 р. сребр., наличными деньгами, то пусть обратится к Петру Александровичу. Ожидаю от Вас известия и спешу к Вам; впрочем, буду не раньше, как через 2 недели.

В предыдущем письме я просил Вас о присылке мне сюда первых заседаний Ваших «Чтений». Несмотря на мой скорый выезд, я прошу Вас не откладывать присылки оных. Также и оттиски «Лет[описи] Самов[идца]» желал бы я получить до отъезда, почему можно выслать их прямо на моё имя.

Ваш П. Кулеш

121. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р.

С. Петербург. 1846, ноября 2.

Готовлюсь к отъезду. Если не начали печатать преданий, то перемените правописание так: выбросьте все *â, ê, ô, ŷ, ѣ* и на место их поставьте *û*, также окончание *ться* перемените на *цьця*, *нья* на *ньня* и т. д. Ваше *є* остаётся во всей силе. Не удивляйтесь такой внезапной перемене веры. Я давно подумывал об этом. Ах, да! Ещё нужно выбросить везде *ы* и на место его поставить простое *и*. Звук *ы* не украинский.

Ваш П. Кулеш

122. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р.

С. Петерб[ург]. 1846, ноября 2.

Возвращаю Вам с благодарностью Ваши песни. Я раздумал брать свой сборник за границу и потому не списывал и Ваших. Тех, которые у Вас, также мне не нужно. Печатайте их. Я буду рад. Прочие я передам Бодянскому для напечатания в его коллекции, которую всю он надеется втеребить в «Чтения». Буду убеждать Кастомарова, чтоб он на то же согласился[1]. Не лучше ли и Вам передать ему Ваш сборник? Ему это ничего не будет стоить, а Вы напечатаете за дорогие издержки и вряд ли окупите издание.

Подумавши хорошенько о Ваших замечаниях на правописание, которого я до сих пор держался, я принял Ваше. Итак, торжествуйте: роман мой явится с Вашим правописанием, то есть ни одного *â, ê, ô, ŷ, ѣ, ы, ться, нья, лья* и пр. и пр. Разница от Квиткиного[(a)] та, что я отвергаю *ы*, как звук великорусский, но никогда украинский.

[(a)] *Було*: Квѣткиного

На днях выезжаю из Петербурга. Промедлю несколько в Москве. Временный адрес: *Его Высокобл[агородию] Никол[аю] Данил[овичу] Белозерскому, В Борзну, Черниговской губ[ернии].*

С совершенным почтением

Ваш П. Кулеш

123. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 7 листопада 1846 р.

С. Петербург, 1846, ноября 7.

Покорно Вас благодарю за первые четыре №№ «Чтений». В то же время я получил тюк из гимназии и нашёл в нем: 1) экземпляр заседания 28 сентября[1] и 2) 4 экз[емпляра] четырёх сочинений Венелина[2]. Письма при тюке не было, и я не знаю, для меня ли присланы эти книги, или для какого-нибудь употребления. По крайней мере знаю, что один экземпляр для меня. Покорно благодарю!

Я уже писал к Вам, что украинскую «Чёрную раду» напечатаю у Вас. Что касается до русской, то оставлю до возвращения из-за границы. Не хочется напрашиваться с своим добром к Погодину. Над Летописью Самовидца Вы потрудились славно! Благодарю Вас от лица всей чувствующей себя Малороссии. – Я уже две недели свободен от своих должностей, но Академия действует чрезвычайно медленно. А всё дело только в том, чтоб выдать мне бумаги. Придётся просидеть здесь до конца ноября[3], что очень скучно: ни то дома, ни то в дороге.

Ваш П. Кулеш

124. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 8 листопада 1846 р.

С. Петербург. 1846, ноября 8.

Вы хорошо сделали, Измаил Иванович, что прислали мне мои песни. Я хочу передать их Бодянскому для напечатания вместе с его коллекциею в «Чтениях». Кастомарова надеюсь также убедить, чтоб он позволил печатать и его песни, находящиеся в моём собрании. Если согласится Кастомаров, то мы втроём будем просить Вас и Амвр[осия] Л[укьяновича] сделать то же. Издание Бодянского будет вроде материала для систематического издания, которое можно будет совершить со временем великолепно и со всевозможными объяснениями.

Я пробуду в Петербурге до конца настоящ[его] месяца. Пишите ко мне в Киев на имя Кастомарова.

Покорно благодарю Вас за то, что Вы писали обо мне к славянским знаменитостям[1].

О правописании, после моих возражений, написанных к Вам сгоряча, я крепко думал и по разным и разным причинам принимаю Ваше,

т. е. *ы*, заменяю везде простым *и*,

ѣ —й̂,

â, ê, ô, ŷ —й̂,

везде пишу *ця, ся, ля, ня* и пр., одним словом подражаю безграмотности чешского и других правописаний. Этим лучше отделится физиономия украинского языка. «Чай теперь твоя душенька довольна?»[2] Бога ради, за́ що оце ви сердитесь? Зроду я не думав, щоб міні пришлось із вами змагаться! Угамуйтесь, Бога ради! Чи все ж те й переймать, що по воді пливе? Я з простоти блявкнув там деяке нечумазне слово, а ви вже й заходились! Кланяйтесь Амвросію Лукьянов[ичу]. Із Києва напишу до вас, коли жив буду.

З великим пошанованнєм

Прихильный вам слуга

Панько Куліш
рукою власною

Одно *е* обыкновенное, а другое *є* мягкое: *синє море.*

125. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 17 листопада 1846 р.

Вот ещё две песни из Вашей коллекции. Покорнейше прошу Вас мои и Кастомарова думы, остающиеся у Вас, переслать Бодянскому, которому я решительно передаю свой сборник; надеюсь убедить и Кастомарова. – Из Петербурга я выезжаю через неделю[1]. Как бы хорошо было, если б Вы здесь ещё меня застали или в Москве! Хоть бы я подывывсь, якіи Вы!

Прощайте на три года.

П. Кулеш

1846, ноября 17. С. Петерб[ург].

126. Від Амвросія Метлинського

Харків, 4 грудня 1846 р.

4 дек[абря] 1846. Харьков.

Благодарю Вас, Пантелеймон Александрович, за последнее письмо: я здесь, как в пустыне. Посланное Вам для *Зборника* не худо прислать ко мне, ежели некуда употребить: быть может, что-нибудь из того для чего-нибудь пригодится. Срезневский предложил мне приняться вместе с ним за издание хрестоматии из старого и нового украинского и червонорусского. Вы, конечно, найдёте случай доставить, что можно, для этого. Он пишет к Вам, и я своё письмо и замечание о *правописании* посылаю по следующей почте в Киев на имя Н. И. Костомарова[1]. Считая полезным

кое-что сообщить Вам для принятия в соображение, спешу переговорить и через доброго нашего земляка О. М. Бодянского, которому передайте мой усерднейший поклон.

Радуюсь изд[анию] «Чорной рады», ежели оно состоится. Много и старого, и нового пропало в рукописях по нашей медлительности, и недружности, и беспечности.

Я раньше отвечал бы, но болел горячкою, и теперь ещё плох. Подписку *на «Раду»* предложил студентам и знакомым, доставивши им случай ознакомиться с нею в лучших отрывках[2], и писал о том же к Боровиковскому и Белозерскому в Полтаву[3]: у нас на такие покупки скупы; бедняк не может, богач не хочет. Не мешало бы печатное объявление об издании. Не дурно бы напечатать экз[емпляры] похуже и подешевле для небогатых, брать книги на комиссию друг от друга и сменяться. (Для того составить список, кто с кем к мене приступить намерен, и выставить, сколько кто чего за своё получить хочет, а другой дать может). Я желал бы иногда наделить бедняка достойного твоею, а ты моею книжкою, *хоч щоб слава не пропала, що є на світі, і ми, і наше*. И ещё список, где что достать и купить.

Песни у мене не на *чердаку*[4]; ти сам лучче се знаєш, коли можеш найти кожний листочок, то я тобі сього зроду ніколи не писав. А де у кого може чердак лучче моєї скрині, про се не спорю. Летописей у меня никогда не бывало: вот и причина неприсылки[5]. Песни переписываю медленно, потому что иногда месяц-другой и некогда, и не могу приняться по слабости здоровья, а писец не разберёт и не сумеет при несуществовании однообразного правописания...

Бога ради, не вымышляй ещё нового: это беда! Не много, и те врозь. Овцы без пастыря, и разделились! Що книжка, що стишки, то и правописание! Не лучше ли держаться древнего, умного, Святого письма с небольшою уступкою народному выговору, и когда уже многие из любви к согласию и единству отреклись от своего и согласились на одно общее, – пристать к братии, а не выдумывать расколы. Квѣтка-Основьяненко, Гребѣнка, Срезневский, Костомаров, Метлинский, Корсун – изд[атель] «Снопа», Бецкий – изд[атель] «Молодика», Щоголев, я в «Молодике» и другие согласились печатно и публично, – см[отри] малороссийская часть «Молодика», – употреблять писанье, близкое к Св[ятому] Пис[анию] и народному выговору, и обыкновенному русскому[6] – не далёкое от максимовичева и червонорусского, – без *ô* и *ê*, заменённых *û*, принятое Котляревским в рукописях и первых изд[аниях] «Энеиды»[7], принятое Срезневским, поправленное[(a)] им при изд[ании] «Наталки» и «Чарівника»[8] – он отличил от *и* дебелого (бивъ), *û* тонкое из *ô* и *ê* (рикъ) – а *ы* и *ѣ* нетронуты... Легко разрушить старину, создать лучшее трудно. Писанье не разделять, а сближать должно века и племена. *Ъ*I защищал *Гусс*[9] как признак народности... Принято то же писанье в «Думках і піснях», но *имъя*[(b)], *зûльля*[(c)], *насѣньня*[(d)] приближены к выговору. Червонороссы и у нас Бодянский не тронули *ять* (*ѣ*), эту древность нашу, и воскресили *є* (собственно Ѥ), необходимое[10]. – Достоинства грамоты: древность, народность, привычка, удобство, несбив-

---

(a) *Над рядком*: улучшенное
(b) *Зверху над* «ъя» *дописано*: я
(c) *Зверху над* «ьля» *дописано*: ье
(d) *Зверху над* «ьня» *дописано*: ье

чивость, постоянство. Что древнее (и умнее!) и почтеннее Библии (старосветской – Остромира). Народ не стесняется ни читать, ни писать по древнему, произнося это по-своему, як даже и московцы. В церковных книгах в своём писаньи, в книгах новейших народ произносит ѣ за *йи*, *и* – за *ы* почти. Иной, правда, ошибётся в различии *ы* и *и*, но это не беда. Да лучше *одна* грамота плохая, нежели *сотня* хороших (англичане, французы). К старой грамоте все привыкли, а новой для новой книжки не всяк станет учиться. Принимая старое, будем постоянны; выдумка тяжела для самолюбия (не говоря о других её недостатках), и родит новую выдумку (тарабарщину). Удобно читать слова и фразы, к виду и начертанию которых издавна все навыкли; иначе придётся писать и читать по буквам и складам, и не узнавать своё в чужом кафтане.

Насчёт *сбивчивости* приведу примеры из *некиих* писаний[11]. Максимовичево письмо несбивчиво, но мудрено и трудно для обыкновенного читателя[12]. При том писать по словопроизводству – мечта! Ежели сохранять корни, то большая часть букв, а иногда и все почти, будут рознить с выговором. – При других писаньях слова походят то на церковные и свои, то на русские другого значения. В *купаеться, купаеся* видно значение (а *тс* само по себе *ц*), а *биця*[(a)] (*биться*) похоже на *быця, биця* (*бык*), *лиця*[(b)] на *лиця* (*литься, лица*), *водиця* (водиться) на *водиця* (водица). Да и по какому произношению писать буквы? Разве всё-таки по древнему: азбука богата, составлена *разумно* (дебелые а, о, у, ε, и – н; тонкие – ѧ, ю – ѭ, ѥ, ѣ – ы?; очень дебелая – ъ). Артемовский первый печатал по новому великорусскому выговору[13], сам указавши его неудобство; не выдумывать же было ему грамоты, печатая по нескольку стихов в «Укр[аинском] вестнике»[14]. Основьяненко, Гребѣнка и, помнится, ещё кто-то отреклись от этого писанья в «Молодике» (см[отри] объявление)[15]. Да и как писать по новому выговору? Во $1^{х}$, мы неодинаково говорим слова. Черниговцы ѝ т. е. ô. ê, ŋ произносят за *у* или *юи* (нельзя выразить...) *кюинь*, а ѣ как все. В Карпатах различается церковное или русское *ъі* предебелое, наше *и* дебелое, и ѣ (йи). Во $2^{х}$, нет единств в *общерусском* или *российском* или просто *русском* произношении букв (не говорю о грамматиках; там Востоков[16] и Греч[17] может целый мир заставить говорить одинаково). Основьяненко и другие писали по какому произношению? По московскому? Так, *ходывъ* читай *хадыф*, *несетъ* – *ньесьотъ* & &. По новгородскому? У новгородца: ѣ – *йи*, *и* – *ы*, *ч* – иногда *ц* &. По владимирскому? Чит[ай] *хоозяйка* вм[есто] *хозяйка*. Но есть один выговор у людей образованных? – В грамматике, а не на самом деле. Здесь всякий молодец на свой образец, да и нельзя иначе (в точности). *Одын каже*: *парасьонок*, другий каже: *поросёнок*; один – *вьерьофка*, другий: *вэрэвка* & &. Один: *добро*, другий: *добрло*, на подобие *Parlis* вм[есто] *Paris*. Употребить[(c)] буквы[(d)] по чужому выговору – столько же логики, сколько в произношении слов по чужому произношению: *пîшоф* (*пîшов*), *пойды* (*пайди*). Держитесь средины между неподвижным древним образом слов и новою изменчивостью говора, не раболепствуя ни перед

(a) *Зверху над* «биця» *дописано*: ц
(b) *Зверху над* «лиця» *дописано*: ц
(c) *Було*: печатать
(d) *Було*: слова

чужим говором, ни перед сокрытыми в глубине слов корнями, не вытаскивая их на цветник *із-під споду,* и уверяю по опыту, после 2, 3 замечаний и южный русин будет читать верно (впрочем, ему довольно молвить *читай по своему*!), и северный прочтёт (человек, впрочем, образованный) правильно и удивится, что всё ему понятно.

А то какая сбивчивость! Написали вм[есто] *и* (издревле дебелого, как *а, о*) – *ы* (собств[енно] *ъі,* предебелое, – свойственное часто москвичам и кое-где, согласно с древностию, карпатским русинам, не слышное в Украине, – некрасивое, исковерканное – без носика, не логическое по изм[еничивости] *ъ* на *ь*, – *ъі* – *ы*). Что же? Быть (бить), выть (вить), вышня (вишня), мыло (мило), пыта (пита), сынивъ (синълъ, сыновъ) &. *И* вм[есто] *ѣ*. Что же? Лиса (лѣса), ними (нѣмые), рисъ (росъ), иду (ѣду), окрипъ (окрѣпъ, окропъ) &. Употребим *и* вм[есто] *и* (из *о, е*): вилъ (вол), видъ (отъ), винъ (онъ), пилъ (полъ), кинь (конь), китъ (котъ), кисъ, китка, миръ (мѣръ), пикъ, пиръ, тикъ &. Срезневский стал печатать *û* вм[есто] *ѣ* («Зап[орожская] ст[арина]»)[18]. А что? Двоетолку меньше и сходства несходных слов, а таки есть: била (бѣлая), лйса, нйми, обйдъ, пйнка, тйсне &, а особенно *рѣкъ* и *рйкъ* (рйкъ), *сйкъ* и *сѣкъ* (сйкъ), засѣвъ и засйвъ (засйвъ). Выкинешь *ы*, шо буде зъ того? – Вить (выть), гризне (грызне), лижу (лыжу), лиса (лысая), пита (пита и пыта) &. Отличишь двусмысленности значками? *О Боже мій, Боже мій,* як той казав, либонь у «Раді»!.. Нащо значки, коли є *старі, міцні, добрі, готові* та к тому і посв'ящені. Доки нам переряжуваться та штрикать у вочі значками. Для немногих выражений в русской печати не худо бы отличить слова и выражения южным шрифтом (напр[имер] староцерковным).

Прощай и будь здоров.

А. Метлин[ский]

127. До Міхаїла Погодіна

Москва, 9 грудня 1846 р.

П. Кулеш свидетельствует Михайлу Петровичу своё почтение. – Я думаю, Вас можно застать сегодня часа в 4 с половиною. 1846, дек[абря] 9.

128. До Міхаїла Погодіна

Москва, 10 грудня 1846 р.

Ваше приглашение на вечéру было для меня истинно соблазнительно, но поездка к Вам расстроила бы мои дела. Во-первых, я уже назначил завтра утром час для ямщика с лошадьми, а от Вас – знаю по опыту – раньше десяти часов утра я не мог бы уехать. Во-вторых, в Малороссии я назначил съехаться со мною в определённые дни некоторым приятелям, желающим со мною проститься. Опоздавши лишние сутки, я обманул бы их и поплатился б двойным огорчением за удовольствие, какое доставила бы мне Ваша беседа. Итак – до свиданья, достопочтеннейший Михайло Петрович, на три года! Да ниспошлёт Вам Бог все блага жизни. – Покорнейше прошу

прислать обещанные Вами письма в Киев на имя Юзефовича. Я пробуду там больше недели.

С глубоким почтением

П. Кулеш

$\frac{10}{XII}$ 1846.

На звороті: Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину &&

129. До Міхаїла Погодіна

Москва, 10 грудня 1846 р.

Автор статьи *об открытии памятника Екатерине II*[1] желает, чтоб его статья была напечатана как можно скорее, т. е. в книжке ещё нынешнего года.

Извините, Михайло Петрович, что я не в точности исполнил Ваше поручение[2]. Извощику, видно, выгоднее было не понять меня, и он завёз меня сперва в почтамт, а потом в Вашу лавку.

П. К.

1846, дек[абря] 10.
Москва.

На обёртке в «Москвитянине» лавка предлагает продавать книги всех авторов с уступкою в её пользу по 10 процентов; а теперь с меня требуют по 15, да ещё за брошюру, продающуюся в пользу бедных![3]

П. К.

Вместе с письмами покорнейше прошу Вас разрешить этот вопрос и приказать выдать мне расписку из лавки, с означением, по скольку процентов возьмут.

На звороті: Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину

130. До Пєтра Плєтньова

Москва, 11 грудня 1846 р.

Москва, 1846, дек[абря] 11.

Мой добрый, мой единственный Пётр Александрович!

Я уверен, что Вы понимаете, как приятно мне теперь писать к Вам. Я не тоскую о Вас. Я так счастлив, что никакая тоска не может войти в моё сердце. Но вся моя душа стремится к Вам и к Вашему милому семейному кружку, в котором так много протекло для меня тихих, сладких часов. Опишу ж Вам всякое своё дорожное приключение и всякое своё чувство, чтобы, отсутствуя телом, находиться[(а)] словом посреди Вас.

[(а)] *Було*: присутствовать

Всё благоприятствовало моему отъезду из Петербурга. Зная, что на почтовой станции в больших городах трудно достать сразу лошадей, я велел гимназическому солдату, весьма проворному и услужливому человеку, нанять вольных. Но он привёл мне почтовых. Он наговорил станционному смотрителю, что я очень важный человек, что еду за границу по Высочайшему повелению и пр.

– Да зачем он едет? – спрашивали его.

– Оне едут, – отвечал солдат, – для малороссийского языка, отыскать от начала веков. Оне издатели малороссийского языка.

– Да где ж он там его отыщет?

– Да уж оне знают, где. Приказал Государь отыскать от начала веков!

После этого всяк согласится, что не дать лошадей было невозможно.

От Четырёх Рук до Ижор[1] подвёз я одну старушку, которая «ходила-ста, батюшка, в Питер к сынку». Сынок её там в скорняках. Разговорившись с нею, я узнал, что немцы народ хитрый. «Какие эти немцы хитрые! – говорила она, толкуя о железной дороге. – Поди русский это сделай»! Она с Чичиковскою любознательностью расспрашивала меня, женат ли я, есть ли у меня родители, братья, сёстры? Когда я сказал, что я у отца один, она сказала: «Красные дети – один сын!»

– Отчего красные?

– Меньше болит сердце за одним. А то вот и я, сколько о детях сохну!

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса[2];

но, вместо всяких взоров, вспомнил, что пора обедать. Здесь, вприбавку к обеду, меня угостили одним словцом, которого, может быть нет и в Вашем Академическом словаре[3]. – Отчего у Вас так холодно? – Спросил я.

– *Су́грева*[4], батюшка, нет. Всё тепло вверх идёт.

В Новгород я приехал перед рассветом, благодаря торопливости одного ямщика, который предложил мне ехать две станции сряду. На вопрос мой, зачем он торопится в Новгород, он отвечал: «Ночное дело, домой хочется».

Хотел было я посмотреть Корсунские ворота[5], но для этого нужно было ждать часа два. Итак –

Оставляю град любезный
и качу[(a)] далее.

Дорогой я ещё подвозил пешеходов и беседовал с ними о всякой всячине. Простой склад русской речи имеет для меня особенную прелесть. Один старик, узнав, что я еду в разные государства, дивился моей отважности и сказал: «Что́ наш брат говорит, что господам легко! Через какие-то народы надо проехать! Вот и теперь – поедете на Киев: ведь там народ – хохол!»

Но вот уж близко. Перед нами
Уж белокаменной Москвы,

[(a)] *Було*: спешу

Как жар, крестами золотыми
Горят соборные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг.
Открылся предо мною вдруг[6].

А я, так не был доволен: передо мною горели только фонари, а вместо полукруга садов и чертогов[(a)] открылась гауптвахта с часовым, останавливающим и вопрошающим почти так же грозно, как и полициймейстер у Нади в институте[7].

Я достиг гостиницы Шевалдышева[8] ровно в 6 часов 8 числа. Умыванье, обед и сон были вещи, весьма занимательные для меня, но не для Вас, и потому их не описываю, а перехожу прямо к Бодянскому, к которому на другой день я поспешил прежде всего.

Я вознамерился приветствовать Бодянского по-малороссийски, как человек, едущий за границу для отыскания малороссийского языка от начала веков. Слуга его сказал мне, что он болен, однако ж предоставил мне свободу идти прямо к нему. Вхожу и застаю учёного мужа с пиявками на руке: ушиб как-то руку. Я воображал его очень худощавым и притом безобразным: такое понятие о его физиономии составил я по рассказам тех, кто его видел. Но не нашёл ни того, ни другого. Бледное и довольно полное лицо его не лишено приятного выражения; даже один Кутузовский его глаз, который притом смотрит в сторону, не безобразит великого славянофила, напротив, придаёт его физиономии какое-то поэтическое выражение, так что когда с ним беседуешь, то кажется, будто левый его глаз вникает в современность, а правый устремляется в начало тех веков, в которых я должен отыскать малороссийский язык[9].

Не успел ещё я поклониться, как Бодянский, с совершенным спокойствием при появлении незнакомого лица, сказал мне по-малороссийски: – Добры́дэнь!

Я отвечал ему на том же языке и спросил, догадывается ли он, кто я?

– Ни, нэ знаю.
– Хиба́ ж нэ ба́читэ, що козацького ро́ду.
– Та вже я до́брэ ба́чу, та нэ вгада́ю. Зви́дкы оце́ вас Бог прыни́с?
– Та аж из Питинбурха.
– А давно?
– Учо́ра ввэ́чери.
– Э, тепер знаю: Кулиш?
– Як там булы́!

Тут уж и пошёл бесконечный разговор о летописях, об истории и пр. Просидевши у него с час, я обещал ещё быть вечером, и был,

---

(a) *Було*: колоколен

и опять мы много и с наслаждением говорили о Малороссии, и всё по-малороссийски. Ах, если б тут был Павел Петрович!

Бодянский показывал мне бесценные сокровища для истории Малороссии, при виде которых, сердце моё затрепетало от восторга. Всё это будет напечатано в «Чтениях».

Завтра я обещал[а] быть вместе с ним на публичной лекции Шевырёва[10]. Завтра же думаю и уехать из Москвы.

Ваше письмо найдёт меня ещё в Киеве, где я пробуду гораздо долее, нежели в Москве.

Адрес: П. А. Кулешу, близ Софийского Собора, за развалинами церкви св. Ирины, в доме учителя 2-й гимназии Юскевича-Красковского[11].

P. S. В Москве фраков почти не носят, даже в публичные собрания являются в сюртуках и с фуражками. Бодянский уверил меня, что завтра на лекции один Шевырёв будет во фраке, и что если я надену фрак, то на меня все станут смотреть и спрашивать, что́ это за птица.

Ваш П. Кулеш

131. До Осипа Бодянського

Москва, 9 ... 11 грудня 1846 р.

Петру Яковлевичу Сердюкову, в С. Петербург, в университет.

Я напишу к нему, чтоб он, в случае надобности, уведомил Вас о перемене своего адреса.

Позаписуйте, Бога ради, до одного словечка усе, що Ригельман розказував про того маляра-самоуку і про все инше. Багацько з тих кусочків може зробити романопис і історик, а всякому доброму чоловікові їх так схочеться знати.

Прощайте, мій добродію любий!

П. К.

На Ваше имя придут для меня книги. Передайте их Михайлу Петровичу. То будет роман Кузьмича[1].

На звороті: Осипу Максимовичу Бодянскому

132. Від Івана Вернадського

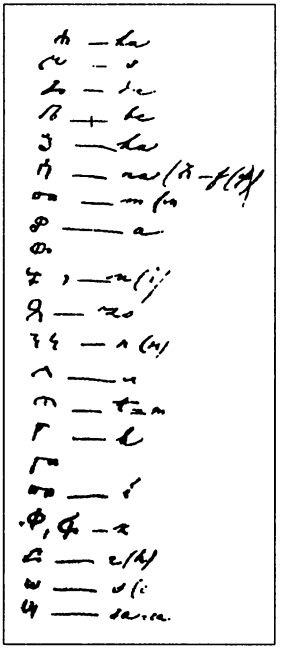
Санкт-Петербург, 13 грудня 1846 р.

1846 г., дек[абря] 13 дня, С. П[етер]бург

Вы, верно, не ожидали от меня письма, но ведь мало ли что происходит, чего мы совершенно не ожидаем. Не знаю, напр[имер], и я, исполнятся ли мои ожидания – письма от Вас: вы сами это решайте, а пока прочитайте вот

[а] *Далі закреслено*: ему

это. Дело в эфиопской грамоте, которую я забыл сообщить Вам. Вот она сравнительно с глаголитскою[1] (хотя за безукоризненную верность начертаний я не ручаюсь. За границей вы можете поверить[2] её с книгой или рукописью эфиопскою в руках. Я думаю, таковы найдёте в Берлине даже, не говоря о др[угих] знаменитых библиотеках. Загляньте в киевскую.

Начерт[ания] и знач[ения] ставлю только эфиопские, полагая для Вас глаголитские излишними.

Вы видите, что некот[орые] буквы им[еют] *совершенно* глаголитскую форму, хотя ни одна почти не имеет одинакого значения. – Против некоторых начертаний я не выставил их значения потому, что, видавши их в рукописи, я не мог приискать в азбуке. Ещё одно замечание: кроме некоторых букв во второй графе, означенных без соединения с гласными, все прочие суть уже слоги, а не простые буквы, и произошли из соединения согласных с гласными. Впрочем, если Вы полюбопытствуете, то сами лучше меня разберёте этот вопрос. Теперь прощайте! Пишите, если Вы не мстительны.

Вчера я был у Плетнёва, подписался в лотерею, где видел и ваше имя[3]; познакомился с Як[овом] Карл[овичем] Гротом, приехавшим сюда на праздники. Прощайте!

Ваш друг Вернадский

Благодаря трудности для иностранцев русской фамилии многие из знающих меня, может быть, не сохранили ненарушимо чисто имени моего в своей памяти. Если подобная история случится с кем-нибудь из людей, в коих имеют[ся] мои карточки, то Вы опишите моё назначение, занятие и время моей бытности за границею, тогда припомнится им моя личность.

133. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 18 грудня 1846 р.

Борзна. 1846, дек[абря] 18.

Я раздумал быть на лекции у Шевырёва. Я[(а)] не способен был слушать никаких лекций. Для этого надобно человеку удосужиться и быть спокойным, а я торопился выездом из Москвы и был занят разными и разными мыслями и мечтами.

Ещё раза два был у Бодянского. Там застали меня двое малороссиян, которые приехали в Москву на зиму, и изъявили свою радость в таких восторженных словах, что я удивился[1]. Один из них просил у меня позволения перепечатать вторым изданием «Повесть об укра-

---

[(а)] *Було*: Теперь

инском народе»[2]. Я обещал исправить её (т. е. смягчить некоторые резкости) и прислать ему из Киева.

О пребывании моём в Туле я пишу к Александре Осиповне[3].

Декабря 14 и 15 был на родине в м[естечке] Воронеже и испытал самые тяжёлые чувства. Родительский дом мой почти пуст. В нём живут мои родственники, люди злые и развратные. Отец мой, будучи не в состоянии жить вместе с ними, заключился навсегда в своей хуторской пасеке, где я нашёл его в самом жалком положении. Я привёз ему некоторые подарки, я хотел устроить его домашний быт иначе, поручив его заботливости моей кумы и крестницы, простых козачек, весьма добрых и усердных ко мне[4]; в дополнение к его доходам я думал было высылать ему ежемесячно несколько денег; но увидел, что все мои усилия к улучшению его жизни останутся безуспешны. Он не может расстаться с гнусною женщиною, к которой привык и которая сделала его самым жалким существом[5]. Итак, я оставил его в немощи, в болезнях, посреди самых низких и развратных людей. Он скоро, кажется, умрёт. Тяжело, очень тяжело!

Моею отрадою в Воронеже была моя крестница, прелестная семнадцатилетняя девушка, дочь козака Вовка. Она с матерью терпела крайнюю бедность. Я помог им деньгами и обещал дать им во владение хутор моего отца по его смерти.

Теперь приготовьтесь узнать от меня нечто чрезвычайное. Может быть, Вы рассердитесь на меня, почему я не был с Вами искренен, почему не сообщил Вам всей этой истории и не укрепился Вашими советами. Но Боже мой! я действовал так, как внушало мне сердце, и Вы слыхали от меня иногда только озлобленные выражения. В самом деле я был озлоблен, и это-то заставило меня просить Вас о перемещении меня в Петербург: иначе я никогда не расстался бы с Малороссиею. Вы понимаете, о чём я говорю. Года три назад я познакомился с семейством друга моего Белозерского. Меньшая сестра его, которой тогда было 15 лет, очень понравилась мне своею наружностью и добрым сердцем. Я продолжал знакомство, мы сдружились и были очень близки; но матери вдруг вздумалось, на всякий случай, отдалить нас. Дочь, по её желанию, начала так странно со мной обращаться, что я не вытерпел и наговорил матери самых горячих упреков. Я решился оставить их и предать вечному забвению. В Петербурге я было и достиг этого, так что иногда по целому месяцу не думал о них. Ваша святая дружба наполняла и успокаивала мою душу. Я был уверен, что и проезжая чрез Малороссию, я сохраню своё спокойствие, но произошло иначе. Довольно было мне увидеть свою Александру Михайловну, чтоб в сердце моём совершилось то, что написал Жуковский:

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;

Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор[6].

Многое, многое было тут узнано и почувствовано. Я убедился, что никто уже не даст моей душе таких нежных чувств, как эта девушка, столь кроткая, столь добрая, столь возвышенно-чистая, и вследствие этого убеждения я решился удержать её за собою. Итак, я объяснился с матерью, и решено, чтобы, по возвращении из-за границы, я на ней женился. Прошу у Вас, мой единственный Пётр Александрович, Вашего отеческого благословения. Я Вас признаю своим отцом; другого отца у меня нет[7].

П. Кулеш

На это письмо ответ на имя Ник[олая] Данил[овича] Белозерского в Борзну, Черниговской губ[ернии]. Во всяком случае он мне доставит его.

134. До Надії Забіли

Київ, 21 грудня 1846 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна!

Посылаю Вам одну из книг, принадлежащих моей Саше[1]. Вы прочтёте её с великим удовольствием; только нельзя ли окончить до нового года, потому что я уеду в Малороссию[2] 1го генваря и возьму с собой эти книги.

Ваш П. Кулеш

1846, дек[абря] 21[(a)]
Киев.

135. До Олександра Ханенка

Київ, 24 грудня 1846 р.

Милостивый Государь Александр Иванович.

С величайшею благодарностию возвращаю Вам Ваши бумаги. Письма Орлика позвольте передать Бодянскому для напечатания в «Чтениях», а подлинник Вам возвратит он[1]. Извините, извините, извините! Всему причиною рассеянность моего приятеля[2].

Ваш П. Кулеш

1846, дек[абря] 24. Киев.

Писать ко мне на имя Бодянского в Москву, а он меня везде отыщет и перешлёт. Покорнейше прошу передать это и М[ихаилу] И[вановичу].

[(a)] *Було*: 22

136. До Пєтра Плєтньова

Київ, 26–27 грудня 1846 р.

Киев. 1846, дек[абря] 26.

Я знаю, как Вас огорчило второе моё письмо. Что же Вы почувствуете, прочитавши это? Воображаю, как Вы будете ходить по комнате и повторять: Глупец! глупец! Это одно омрачает мою душу, которая посреди всех затеянных мною превратностей сохраняет чудное, светлое спокойствие. Не знаю, бессмыслие ли это, или ясное предчувствие счастливой будущности, но только –

Гляжу вперёд я без боязни![1]

Постараюсь изложить историю последних дней моего пребывания здесь так, чтобы в ней было хоть сколько-нибудь смысла.

По возвращении моём из-за границы, я должен буду ввести свою жену в лучшее столичное общество. Провинциальный её язык, обращение и недостаточность умственного образования заставили бы её в таком случае играть незавидную роль. Это побудило меня взять её с собою за границу и довершить там её образование. Как ни отважною казалась мне первоначально эта мысль, но теперь я так с нею сжился, что готов рисковать для неё всем, лишь бы только не отняли у меня главного средства к её осуществлению. Итак, я приехал в Киев на несколько дней, чтоб устроить свои типографские и другие дела; 1-го генваря я возвращусь в Борзну; после Крещения будет свадьба, а потом мы уедем в Варшаву. Брат моей невесты[2] едет с нами. Ему даёт мать на путешествие по 2,000 асс. в год. Кроме того даётся нам 10,000 р. асс. приданого наличными деньгами, из которых можно будет, в случае надобности, отделять понемногу, если бы не стало нам троим 6 тысяч в год (а я излишеств не люблю)[3]. Пока мы будем жить в Варшаве, для жены моей и для её брата выхлопочут заграничный пашпорт.

Добрый Пётр Александрович! я знаю, что эти новости сильно огорчат Вас, потому что Вы меня любили, но не думаю, чтоб я за своё безрассудство потерял Вашу священную для меня дружбу. Я по себе сужу, что когда я в Вашем мнении сделаюсь несчастным, Вы ещё сильнее станете любить меня.

Декабря 27.

Дивно, что́ делается с моим сердцем! От холодности я опять обратился к самой нежной, хоть и спокойной, привязанности. Понимаю, как много моя жена должна иметь благоразумия, чтоб я опять не охладел к ней. Ах, что́ мне в эту минуту угрожает!

Я много испытал в последние дни сладостных минут, но они не рассказываются. Сколько поэзии заключено даже в чувственных связях мужчины с женщиною! Я очень ясно разумею, что́ нас влечёт взаимно: мы повинуемся уставу природы; однако ж в этом акте ещё больше музыки, нежели в небесном ходе звёзд и в универсальном

движении всего сотворённого. Кажется, будто природа собрала в фокус моего сердца все лучи бытия и заставляет меня трепетать ощущением в себе миллионов жизней[4].

Ваш П. Кулеш

Писать на имя Никол[ая] Данил[овича] Белозерского, в Борзну. Черниг[овской] губ[ернии].

137. До Пєтра Плєтньова

Київ, 29 грудня 1846 р.

Киев. 1846, дек[абря] 29, воскр[есенье].

Биржи в Киеве расположены глупейшим образом, так что от одного сборища извощиков до другого версты полторы. При гористом местоположении и при дурном устройстве тротуаров это в высшей степени неудобно. Вышедши из одного дома и идучи до биржи, я вспотел и простудился так сильно, что вот уже трое суток кашляю и никуда не выхожу. К счастью, я живу у людей[1], которые обо мне заботятся с таким усердием, как жиды о проезжем архи-раввине. Киевская знать, как, напр[имер], Фундуклей и Писарев, приняла меня с особенным вниманием, даже университетские профессоры здешние переменили обо мне своё мнение и, как я слышал, отзываются обо мне с уважением. Так чародейски действует на провинцию слово Петербург. В здешней молодёжи, окончившей университет, я нашёл страшное волнение умов и готовность на самые эфемерные затеи. Они думали, что я не только приму участие в их предприятиях, но сделаюсь даже главою их литературной корпорации. С этим намерением они собрались у одного моего знакомого, где я обещал быть на вечере. Я увидел себя посреди задумчивых лиц, потупленных лбов и нахмуренных бровей. Я внутренне смеялся и досадовал. Холодность моих суждений поразила их, и они, кажется, сочли меня столичным эгоистом[2]. Но Кастомаров и Шевченко по-прежнему ко мне привязаны. В Шевченке я нашёл большую перемену[3]. Он сделался образованнее и солиднее. Поездки его по Малороссии обогатили его ум множеством весьма важных замечаний. Он, между прочим, смотрит на панов так, как должно на них смотреть. Вчера он рассказывал презабавную характеристику одного Переяславского помещика[(а)], у которого он был в гостях. – Помещик этот так изображает свою молодость. «Вообразите себе обширное зало; посреди зала стоит руаль; за руалем сидит прелестнейшая блондына; возле блондыни подушка; на подушке вышит зверь-барс; на этого вышитого барса склонил безбоязненно голову прелестнейший брунет. Вы думаете, кто это? Это я!» – А вот картина домашнего быта пана Горкуши[4] (так его фамилия). «Малчик! поди достань мне в кладовой та-

---

[(а)] *Було*: пана

баку, да не того, что висит под сволоком в *бурдюжку́* (род мешка), а того, что стоит в углу за сундуком в зелёной бутылке; да пускай пани возмёт ложечку или две чайной воды, смотря по количеству, да и разотрёт табак, да не твоими погаными пальцами, а сама пусть разотрёт, да пускай найдёт пани кабаты́рку, да не ту, що панночка в жёлтом платьи и в шляпке намалёвана, а ту, що[а] пастушок с овечкою лежит, що пани купила в Лубнах на ярмарку, как ездила с аптекаршею. Да подать мне сюртук, не серый, а драдидамовый синий, в котором я губернатора встречал, да панталоны подать жёлтые и красный кашемировый жилет. Да ещё пускай пани достанет чистый носовой платок; да когда будет давать платок, то пускай помнёт его в руках, чтоб носа не поцарапать».

В дороге пан Горкуша тоже держит себя сообразно помещицкому своему достоинству. «Когда ездила моя жена в Киев, то, известно, коляска у нас хорошая, кони добрые, орловские, и кучер в армяке; воротник обшит кожею, чтоб бородою сукна не тёр. Я велел рессоры подпереть подставками, бо то 80 вёрст, но всё-таки видно, кто едет! Правда, пани моя не вытерпела и велела выбросить подставку под тем боком, где сама сидит. Ну, приехала в Лавру, известно, видят монахи, что приехала помещица, так едва не задушили! Вот малчик при том был. Малчик!»

На этот зов является оборванный лакей.

«Вот он там был, не даст збрехать. Пошёл вон, дурак! – Потом, после обеда поехала она на Подол в пушные лавки. Там купцы завели в такую темноту, что ничего не видать. Где ни лапнёт рукою, то всё зверь! Ну, если б это я был, так я бы не испугался; хоть и зверь, да уже не живой; а то ведь дама! А потом ещё нужно было купить маслин. А маслины славная вещь! Уже для этого не пожалейте дров, да велите истопить печь добре; да возьмите новый горшок и положите *шар* (слой) капусты, а шар маслин, шар капусты, а шар маслин, а потом шар вьюнов, а сверху опять капусты да и поставьте в печь, так маслины додадут соку, а вьюны вкусу. И это надобно есть со свежею ситницею. А у меня ситницы пекут славно. Явдоха Паламари́вна у меня печёт. Малчик! позвать Явдоху Паламаривну!»

Мальчик бежит на другой конец деревни и призводит пекарку.

«Ведь ты печёшь у меня ситницы?»

– Я, паночку!

«Да, вот она печёт у меня ситницы. Пошла вон, дура!»

И проч. и пр. и пр.

П. Кулеш

P. S. Один украинец купил на ярмарке новые чо́боты и отправился в них домой, но когда прилёг[б] на дороге соснуть, солдаты стащили с него чоботы. Между тем начали разъезжаться с ярмарки земляки, и один,

---

[а] *Було*: что

[б] *Було*: лёг

разбудивши его, сказал: «Убери с дороги ноги, а то переедут». Но тот посмотрел на свои ноги и отвечал: «Се не мои: мои в чобо́тях!»[5].

Недели через две явится к Вам молодой человек благородной наружности, Гулак, кандидат Дерптского университета. Он воспитан одним учёным немцем, знает основательно греческий, латинский, немецкий, французский и английский языки, и одарён нежною и глубокою душою[6]. Я очень обрадовался поездке его в Петербург, потому что в нём доставлю Вам отличного гостя. В нём один только недостаток – излишняя скромность, которая даже речь его делает тихою и невыразительною. Он будет держать экзамен на магистра юридических наук и желает сперва найти место старшего учителя, а потом адъюнкта в университете. Он же притом хороший археолог и желал бы служить при Археологической комиссии. Одним словом – да будет ему по его достоинствам, а он соединяет в себе достоинств более, нежели кто-нибудь из известных мне молодых людей.

138. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 1846 рік

Что касается до «Современника», то всего прежде прошу я Вас поблагодарить Почтенного Издателя за пересылку мне его, я получил уже два номера, маловажные статьи мои едва ли заслуживают эту вежливость. Я согласен с Вашим мнением, что неуместно исполнять журнала польскими статьями, это дало бы ему вид Бог знает какой. Ничто не препятствует этому, чтобы в отделении Беллетристики помещены были статьи, переведённые из польского языка, если они только будут занимательны, на что именно главным образом надобно обращать внимание. Ежели переведённые статьи будут интересны для публики, совершенно будет ровно, откуда Вы их, господа, почерпаете? наконец, может быть это нехудая мысль Редактора – обратить там своё внимание, тем более что польская литература, имеющая теперь также свои великие недостатки, превосходит многие другие развивающимся поэтическим элементом своим, и так журнал, почерпающий из этого источника, может сделаться гораздо более блестящим и новым, нежели иные, питающиеся единственно французскими и другими западными исчерпнутыми уже материалами. Когда же публика познакомится уже с некоторыми произведениями польской литературы и найдёт их достойными своего внимания, тогда будет пора познакомить её с этою литературою вообще, с её настоящим состоянием и движением. Предмет этот может иметь существенный интерес в том только случае. Преждевременное помещение в журнале общего отчёта не принесло бы никакой пользы, даже могло бы в некотором отношении повредить журналу. Итак, теперь всего лучше помещать иногда какие-нибудь переводы из польского языка, после же, когда наступит пора написать общее известие о польской литературе, то и я могу Вам быть полезен. Вы говорите, что я мог бы быть русской литературе полезен, внёсши в недра её мой критический взгляд. Я не привязываю к этим дружеским словам совершенного правдоподобия; между тем,

как это не подлежит сомнению, что я неравнодушно смотрю на ход русской литературы, тем более, когда я вижу, что кроме многих других, собственному развитию её неполезных влияний вредит ей неописанно, – это направление критики, которое дали ей Сенковский и ему подобные. Но не я наверно в состоянии предупредить этому!!! – Вы говорите, что я могу в моих окрестностях получать русские журналы и взять из них меру нынешнего состояния Вашей критики. Да, в самом деле, журналы получать я могу, но кто же даст мне время и силу для новых занятий при этих, в которых я и так не нуждаюсь?! Однако ж прошу я Вас указать мне на те в нынешнем году вышедшие журналы, которые стоит прочесть, и что собственно прочесть я должен? – Я постараюсь исполнить это. Равным образом, если бы появилось какое-нибудь новое сочинение, новый талант, новое направление русской литературы, об котором Вы, господа, хотели бы знать моё мнение, могущее иметь значение мнения человека, спавшего из Луны, прошу я Вас указать мне на оное, а я нарочно изготовлю статью для помещения её в «Современнике». Что касается того, чтобы я статьи мои, предназначенные для русского перевода, публиковал единовременно на польском языке, удовлетворяя тем мысли сделать польско-русский журнал, уведомляю Вас, что я её давно уж бросил, окупивши её дорого; ибо некоторые журналы, вспоминая обо мне, говорят без церемонии, *что я запродан врагам отечества*[1]. Хотя я смотрю на это равнодушно, однако ж не вижу нужды раздражать несправедливую, между тем заслугивающую снисхождения подозрительность моих несчастных единоземцев.

Сделайте милость, обращайте внимание, чтобы вы помещали в «Современнике» переводы тех только статей, которые достойны этого, потому что это важно как для славы самого журнала, так и для славы польской литературы. С большою нетерпеливостию ожидаю, как приймет публика сии нашие творения. Не знаю, *н[а]пр[имер]*, нравится ли ей «Жизнь моей матери»?[2] У нас это очень занимательно, потому что дело идёт о матери священника Холовинского, и это даже прибавляет какой-то нравственной красоты этому творению, что человек, сегодня высоко стоящий, рассказывает историю своего бедного рода и своего младенчества. Имеет ли вещь сама собою без этих посторонних видов высокую беллетристическую цену!!? – Я бы огорчился, узнав, что её у неё отняли. Перевод «Истории Савки» с другой точки зрения беспокоит меня[3]. Опасаюсь, чтобы этого рассказа не почитали (как обыкновенно у Вас) доказательством притеснения и преследования шляхты. Не достиг бы он вовсе первобытной цели потому именно, что представление нашими писателями таких картин служит доказательством усилия нашего общества исправить отношения классов между собою, и я вовсе не похвалю угнетения подданных, напротив, почитываю их жестокостию. Таким образом, почитать обидою доказательство чувства справедливости было бы очень неосновательно. Нужно Вам сказать, что ничего нет так обыкновенного в нашей литературе, как рассказы, заправленные ненавистию к шляхте и панам, это плод демагогического духа, к несчастию истощающего наше общество. Такие рассказы обыкновенно фальшиво и чудно представляют отношения народа к высшему классу. Крашевский поступил иначе, списал картину с природы, и как везде, где есть правда, картина эта исполнена красок вместе с моральным существенным влиянием, потому что, говоря кому-нибудь об существующем, мы делаем на нём впечатление, но страстным пашквилом только презирается. Чтобы лучше объяснить сказанное мною, выписываю Вам из журнала моей корреспонденции то, что я

говорил Крашевскому тотчас после появления изъятия из «Савки» и рассказа «Уляна»[4]. «В "Уляне", а более ещё в "Истории Савки" ты представляешь весь образ жизни селян, власть помещиков и участь подданных, предмет самого существенного интереса в отношении общественном, нравственном и религиозном, я же скажу тебе, что ничто не в состоянии заступить твои отличные картины, ибо в оных мы видим как бы в зеркале всё окружающее нас, и что именно по причине обыкновения и освоения не обращает в существенности нашего внимания. Нужно нам было это представить, а польза из сего могла бы быть преогромная. Ничто лучше не могло соответствовать цели, как форма рассказа, ибо в рассказе представляется нам драма человеческих занятий и чувств; очень было бы полезно, если бы мы вникнули в душу тех ближних, коих участию управляем, и узнали, как они переносят следствия нашей власти? ибо очень обыкновенно, мы не видим в этих важных отношениях ничего за предел нашего собственного интереса. Владелец, арендный содержатель, смотрит на своё количество рабочих дней, посредством которого он надеется получить ту или другую прибыль. Но вместе с этою главною поверхностною целью сколько в этой же самой деревне несчастий, беды и страданий, взаимных поводов жалоб, вообще всякого рода происшествий в жизни всякого отдельного, душею и чувством одарённого существа. Потому необходимо представлять нам, что наши крестьяне столь чувствительны, как и мы, что в самых убогих хижинах существует жизнь, не чуждая ни страстям, ни понятиям; наконец[a], привязать наше внимание на драму внутреннего их бытия.

Познание этого взгляда могло бы произвесть неожиданные следствия, советуя много умеренности в применении самой достойной власти и самых справедливых требований, ибо как часто вещь маловажная для одной стороны есть главное происшествие, решающее об участи жизни и смерти другой. Я уже выше сказал, что вместо занимания себя воображаемыми несчастиями героев[b] Balzaka i Georga Sand, лучше было бы взглянуть в наши бедные хижины, где столько находится истинного страдания, и ещё раз повторю, что очень спасительно посмотреть на те картины, которые приучат нас видеть происходящее перед нашими глазами, что, однако ж, часто встречается и чему мы неоднократно сами виновны, не зная об этом, на что во всяком случае имеем справедливое влияние. Ты заслужен, вводя этот важный предмет в нашу литературу, однако ж это нелёгкое дело; у нас много рассказов и поэзии в этом духе, но все погрешают, изображая неправду, представляя много противного, оклеветывая ими нелюбимых, выставляя идеальные сцены и отношения, следовательно, не могут иметь ни малейшего влияния. Догадаешься, что я здесь говорю про Семинского и всей школе поэтов-рассказописателей, настроенных демагогическим духом, отличительный признак которых, что они не могли основательно понять состояния обстоятельств государственных.

Ты, верно, не удивишься, что я сперва расширился над нравственною пользою твоих новых рассказов и не противоречу, что ты, нисходя к списыванию нравов и характера нашего простого народа, производишь и в литературном отношении что-то занимательное и любопытное» и т. д.[5]

Я выписал это для Вас, ибо может быть, что, помещая перевод рассказа Крашевского, ничего не повредило бы прибавить какое-либо замечание.

---

[a] *У рукопису помилково*: наконец, наконец
[b] *У рукопису помилково*: Geroja

1847

139. До Пєтра Плєтньова

Київ, 4 січня 1847 р.

Киев. 1847[(а)]*, янв[аря] 4.*

Вот тот Гулак (Николай Иванович), о котором писал я к Вам от 29 декабря. Достоинства его не вдруг можно увидеть: он принадлежит к числу тех людей, в которых чем больше всматриваешься, тем больше открываешь добрых качеств. Павлу Петровичу можно рекомендовать его, как отличного малороссиянина, знающего историю своего народа, а хозяйке моей – как отличного постояльца, что я и сделал. Он, кажется, займёт и там, и там моё место. Примите ж его, добрейший Пётр Александрович, с Вашим обыкновенным дружелюбием[1].

П. Кулеш

140. До Осипа Бодянського

Борзна, 9 січня 1847 р.

Коханий і шановний наш Осип Максимович!

Пан Юзефович ісказав, що за тим не можна теперечки перевести Вашого брата на друге місце, що там учитель має свій двір і оселю; дак жаль зруйновати чоловіка; а скоро лучиться, зараз переведе[1].

Ригельмана нема в Києві.

Про портрет Ригельмана старого написав у Чернігов[2].

Про письма Орлика пам'ятаю, та постривайте: тут лихо трапилось, – може й минеться. Коли б то минулось!

Грондський іще не ввесь перетлумачений, та ще і Костомара не перегледів, чи так переведені технічні слова.

Грабянки не дають; сами друковатимуть.

Може, достану Вам Єрлича: написав до Свидзінского[3]. Штука важна, як і Самовидець.

Прошу Вас:

1) Вислати (і ціну назначить) у Борзну Никол[аю] Дан[иловичу].

(а) *Було*: 1846

Білозерському: а) Народописание Ваше[4] и карту, б) особий одтиск Конисього (нехай се буде exceptio)[5].

2) Костомарі тож вислать і ціну означить, 5, 6, і 7^{й} випуски «Чтений», да і далш висилати, а він платитиме.

3) Як не одослали ще Ханенкові 50 екз[емплярів] «Самовидця», дак одослать їх Юзефовичу окроме сотні.

4) Юзефович просить вислати йому усі «Чтения» з самого початку і надалш висилати, а він платитиме.

Костомарині пісні друкуйте. Я казав, що він не зуперечиться![6]

Люблю вже я давно одну гарну дівчину на Вкраїні. Знаю добре, що нікого, опріч єї, не візьму за себе, вернувшись із Німещини. Дак щоб їй не було у столиці якось моторошно, що, бачите, не зна язи́ків, беру з собою за гряницю. А в єї й грошеняти є, – буде за́ що жити у Німещині. І брат її їде з нами; дак коли мині треба буде одлучитись у який дикий народ, дак він при їй зостанеться на той час чи у Празі, чи у Віні, чи деинде. Не судіте ж мене і не коріте за се. Без серця я б нічого в світі не врадив – така моя натура[7].

Ваш П. Куліш рукою власною

Р. Б. 1847, стичня 9.
Борзна.

Николаю Даниловичу Белозерскому, в Борзну, Черниговской губ[ернии], для передачи П. А. Кулешу.

141. До Осипа Бодянського

Борзна, 10 січня 1847 р.

Осип Максимович!

Сей панич суть предобрий і предорогий наш земляк; дак будьте ласкави – приміте його так, як і мене самого.

П. Куліш рукою власною

1847, ст[ичня] 10,
Борзна.

На арк. 43 а: Его Высокоблагородию Осипу Максимовичу Бодянскому, против Арбатского съезжего дома Дюма, Дзыма albo coś podobnego. Узнать в лавке «Москвитянина» или на обёртке «Чтений»[1].

От П. Кулиша.

142. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 10 січня 1847 р.

10[а] янв[аря] 1847. Борзна.

Ваше замечание заставило меня отложить печатание вторым изданием «Повести об украинском народе». Переправлять против своего убеждения не могу[1]. В Малороссии эта книжка, несмотря на толки помещиков, имела большой успех, так что теперь перепечатывается в «Губернских Полтавских ведомостях»[2].

Добрый Пётр Александрович! я ожидал от Вас выговора в ответ на II моё письмо[3], а Вы с таким прекрасным чувством ко мне обращаетесь! Но что Вы скажете на III письмо![4] Я никак вообразить себе не мог, чтобы дело зашло так далеко и – знаете ли? мне иногда бывает очень, очень грустно. Впрочем – я счастлив. Невеста моя – девушка с отличным характером и – что всего важнее, действительно с характером. Это обеспечивает мою судьбу более, нежели что-либо другое.

Я почти не смею писать к Вам. Мне бы следовало уже быть далеко, а я должен просидеть здесь ещё недели три. Но не по одному этому я не смею писать к Вам. Я благодарю Вас от всей души за Ваше благословение, но скажите откровенно, есть ли в вас ко мне теперь то чувство, которым мы так восхищались в «Вакфильдском священнике»?[5] Если оно есть, то я с прежнею свободою буду обращаться к Вам; иначе – сердце моё стесняется.

П. Кулеш

Ольге Петровне[6] и Александре Осиповне усерднейший поклон.

Адрес прежний.

Нельзя ли прислать для меня сюда экземпляр «Писем» Гоголя?[7]
Совет Ваш о путевых записках исполню.
Венчанье недели через две.

143. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 14 січня 1847 р.

Вт[орник]. 14 янв[аря] 1847, Борзна.

Ответ Ваш на III моё письмо, добрый мой папенька Пётр Александрович, обрадовал меня невыразимо. Итак, я за своё безрассудство не лишился Вашей дружбы. Потеря эта ничем не могла бы вознаградиться. Вы это хорошо знаете. Благодарю Вас за Ваше благословение; сохраню его в сердце, как драгоценный подарок души Вашей. Перечитываю Ваше письмо и не нахожу ни тени гнева. Это меня глубоко тро-

---

[а] *Було*: 12

нуло. Теперь-то я Вас понимаю! А мне казалось, что я Вас уже совершенно понял. Благодарю ж Вас с горячо бьющимся сердцем!

Душа моя теперь возмужала вдруг несколькими годами. Собираю[а] все свои силы и готовлюсь жить сосредоточеннее и деятельнее, нежели прежде. Кажется, я буду счастлив!

Жертва Гименею до сих пор не принесена. Старший брат моей Александры Михайловны, служащий в Петербурге, есть вместе и её крёстный отец, и потому её *да* произнесено было не иначе как с условием: «если согласен будет Виктор». К нему тотчас было написано, но он до сих пор, неизвестно почему, не отвечает. Ожидаем его самого домой. Все торопятся с венчаньем; не торопимся только мы: она из какого-то суеверного страха, что без благословения крёстного её папеньки она не будет счастлива; я – из уважения к этому детскому чувству[1]. Кроме того, я знаю, что́ впереди вряд ли будет что-нибудь лучше того, что теперь в моей душе совершается. С каждым днём убеждаюсь (дай Бог, чтоб мои чувства меня не обманывали!), что имею дело с благороднейшим существом. Мне за многое перед самим собою стыдно. Я живу под одной с нею кровлею в уединённом хуторском затишьи. Общество наше составляют: её мать, добрая, умная от природы женщина, брат её, который едет с нами за границу, да сестра, недавно вышедшая замуж[2]. Разговор наш состоит из воспоминаний о разных прошедших происшествиях, которые для меня и для них казались загадочными, из старинных семейных преданий, из толков о читанных нами книгах. Часто поются украинские народные песни, иногда раздаётся и музыка. Только фортепьяно здесь так расстроено, что ни у них нет охоты играть, ни у меня слушать. Особенно мне жаль незабвенной Фенеллы[3]. Отец этого семейства был образованнейший во всём уезде человек, служил до смерти предводителем дворянства и отличался необыкновенным даром слова как анекдотист и остряк[4]. Его влияние отразилось на его жене, которая рассказывает необыкновенно увлекательно. Особенно это увлекательно для меня, потому что она в своём семейном кружке иногда откладывает в сторону русский язык и повествует чисто по-малороссийски. Вальтер-Скотт здесь очень любим и почти вытвержен на память. Обе дочери говорят по-французски, но ничего французского не читают, потому что мать считает расточительностью покупать книги, а тем более французские. Я ей за это благодарен. Жуковского здесь обожают, и мать знает наизусть его баллады.

Одним словом, хорошо, по крайней мере для такого человека, как я. Кажется, я буду счастлив!

Ваш П. Кулеш

Невеста моя просила свидетельствовать Вам её глубокое почтение.

[а] *Було*: Призываю

P. S. Николай Данилович Белозерский свидетельствует Вам своё почтение. Третьего года он послал для передачи Вам несколько бутылок наливки и варенья, но Вы, кажется, не получили?

В *Известиях Российской Академии 1820 года* напечатана Краледворская рукопись[5]. Если Вам не стоит никакого труда, Ник[олай] Дан[илович] покорнейше просит отыскать её и передать Павлу Петровичу для пересылки в Борзну.

Нельзя ли выслать для меня в Борзну один экземпляр последнего издания Крылова?[6]

144. До Михайла Юзефовича

Борзна, 14 січня 1847 р.

Милостивый Государь, мой незабвенный благодетель, Михайло Владимирович!

Будучи в Киеве, я не нашёл случая открыть Вам одну тайну, именно, что я женюсь на сестре известного Вам Белозерского, с тем, чтобы взять её с собою за границу. Впрочем, это к лучшему. Вы, конечно, стали бы бранить меня, а это очень неприятно в таком деле, которого я ни за что в мире переменить не согласился бы. Теперь же, обдумавши дело, как оно есть, Вы, без сомнения, найдёте лучшим осыпать меня такими похвалами, как и добрейший Пётр Александрович, от которого я получил три письма, одно другого милее. Эту девушку я люблю три года и женюсь на ней, как истинный романист, то есть без всякого расчёта. Впрочем, у неё есть 10 тысяч, которые могут, если бы понадобились, пригодиться нам за границею. С нами едет также и брат её, которому из дому будут выдавать до 2 тысячи в год. За 6 тысяч, кажется, можно прожить троим. Какова моя новость?

Венчанье и жертвоприношение Гименею будет 19 числа[1], а через неделю мы выедем в дорогу. Если Вам не в тягость, покорнейше прошу писать ко мне в Борзну на имя Её Выс[окородия] Матроны Вас[ильевны] Белозерской.

Анне Максимовне мой почтительный поклон.

С глубоким почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, янв[аря] 14.
Борзна.

145. До Миколи Костомарова

Мотронівка, 16 січня 1847 р.

Милый Николай Иванович!

Если Вы желаете услышать несколько анекдотов, рассказанных гениально, если хотите взглянуть на то, что составляет представителей украинского народа, если хотите, наконец, видеть обряд венчанья, то прошу Вас приезжать накануне пятницы следующей недели, т. е. 23 числа вечером. Для этого Вы должны выехать 20ю часами ранее 5ти часов вечера 23 числа. В Борзне на станции сделано распоряжение, чтоб дали Вам лошадей до хутора Николая Даниловича Белозерского (3 версты). Он вас уважает и, как образованный человек, сердечно рад такому гостю. Вы у него проведёте вечер и ночь в обществе несравненного рассказчика Забелы (который живёт подле) и Шевченка, а на другой день вместе с хозяином приедете в церковь. Оттуда к нам обедать. Потом проведёте вечер у нас и спасёте меня от скуки, какая готовится мне посреди множества людей, у которых со мною нет ничего общего. Мы окончим наш диспут о христианстве[1], если это будет дозволено комнатами. Если же нет, то я расскажу Вам подробно о Петербурге и его обществах.

Ваш Кулеш

1847 [(а)] г., янв[аря] 16.

Борзна или, лучше сказать, Мотроновка.

Когда же я уйду к жертвеннику, Вы уедете ночевать к Ник[олаю] Даниловичу; в субботу мы Вас посетим, а потом Вы возвратитесь в Киев, хваля и славя Бога.

П. К.

Грабовский в Киеве. Отыщите его квартиру и предложите ехать с собою. У него свои сани! Он обещал в письме своём от 8 генваря быть у меня на свадьбе[2].

146. До Олександри Білозерської

Мотронівка, 18 січня 1847 р.

То, что я прочёл, написала не будущая супруга *Кулеша*, а рассерженная девочка. На детей сердиться я не могу, а только жалею о них; впрочем, утешаюсь надеждою, что дети будут в своё время взрослыми.

Несмотря на то, что для Вас так легко потребовать от меня кольца, я не возвращу его Вам никогда. При всех Ваших недостатках, я всё-таки люблю Вас, как родное дитя, и не только не отрекусь от Вас добровольно, но буду противустоять до последней возможности всем

[(а)] *У автографі помилково*: 1846

тем, которые окружают вас туманом. Да не смущается сердце Ваше. Веруйте в Бога и в меня веруйте.

Мне жаль вас, очень жаль. Вы дитя моего сердца, и я испытываю от вас такие страшные противоречия! Впрочем, не Вы виновны.

Истинно вас любящий

П. К.

1847, янв[аря] 18.
Мотроновка.

P. S. Записочку Вашу сохраню для своих будущих детей. Она для них будет очень наставительна, в противоположном смысле.

147. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 29 січня 1847 р.

1847, стичня, 29.
Хутор Мотроновка, коло Борзни.

Посилаю Вам, шановний Осип Максимович, письма гетьмана Орлика, переписанії рукою Генерального Хорунжого Ханенка[1]. Та з тим укупі і розписаніє, кому послати «Украинскии предания». Прошу Вас надруковати на обгортках ціну: 50 копеек серебром, щоб усяке знало, по чім продавати. Одвіту на мій лист із Борзни[2] од Вас іще не одобрав.

Оженився я 24 числа. Гарна і разумна дуже в мене жінка. Знає добре нашу історию, а пісні так співає (та все наськи), що аж серце радується.

П. Куліш рукою властною

РАСПИСАНИЕ,
кому послать «Украинские народные предания»
(*NB. 600 экземпл[яров]*)

1. Его Высокородию Мих[айлу] Владим[ировичу] Юзефовичу, в Киев ..... 200 экз.
2. Его Высокор[одию] Павлу Петровичу Максимовичу, в С. Петербург, на Васильевск[ом] Острову, в 12-й линии, между Большим и Средним проспектом, в собственном доме ..... 170[(a)] экз.
3. Его Высокор[одию] Мих[айлу] Ив[ановичу] Ханенку, в Новгород-Северск ..... 52 –
4. Его Высокобл[агородию] Михайлу Ант[оновичу] Грабовскому в Чигирин ..... 5 –
5. Его Высокобл[агородию] Ивану Вас[ильевичу] Росковшенку, инспектору гимназии в Тифлисе..... 2 –

[(a)] *Було*: 200

6. Его Превелебию отцу Симеону Левицкому, в Богуслав, а оттуда в м. Стеблов ..... 2 –
7. Его Высокобл[агородию] Фёдору Андреевичу Китченку, инспект[ору] гимназии в Чернигове ..... 101 –
8. Его Превосход[ительству] Осипу Мих[айловичу] Гладкому, Таврич[еской] губернии в г. Бердянск, а оттуда в Петровскую крепость ..... 2 –
9. Фёдору Християновичу Гренбергу, в Канев ..... 1 –
10. Николаю Семёновичу Гукову, в Глухов ..... 4 –
11. Его В[ысокоблагородию] Никол[аю] Дан[иловичу] Белозерскому в Борзну ..... 10 –
12. Его Высокопреподобию отцу Игнатию Головинскому, Г. ректору Католической духовной академии, в С. Петербурге ..... 2 –
13. В книжную лавку «Москвитянина» ..... 20 –
14. Его Высокобл[агородию] Амвросию Лукияновичу Метлинскому, профессору университета в Харькове .... 1 –

П. Кулиш

На обёртке прошу Вас, Осип Максимович, приказать напечатать: *Цена 50 коп. сер.*

Ещё:

15. Его Превелебию, господину пробощу Изопольскому, в Белую Церковь, Киевской губ[ернии] ..... 1 экз.
16. Григорию Николаевичу Кулешу, ученику Новгород-Северской гимназии, в Новгород-Северск .. 1 –
17. П. А. Кулешу в Варшаву ..... 24[а] экз.
18. Льву Ивановичу Боровиковскому, учителю гимназии в Полтаве ..... 1 экз.

148. До Михайла Юзефовича

Мотронівка, 29 січня 1847 р.

Милостивый Государь, Незабвенный мой благодетель, Михайло Владимирович!

Благодарю Вас за Ваш привет и за наставления. В Киеве я буду около 15 февраля[1]. Извините, что пишу кратко. По случаю женитьбы я так запустил свою корреспонденцию, что теперь едва успеваю отписываться. Не нужно и говорить, что я теперь по шею окунулся в счастье.

Теофипольский смотритель Люби выехал в Киев с намерением не возвращаться. Ради Бога, дайте его место моему Хильчевскому!

Анне Максимовне мой почтительный поклон.

Письмо Ваше получено в день свадьбы, через час после венчанья. Жена моя свидетельствует Вам своё почтение.

[а] *Було*: 25

С глубоким уважением имею честь быть, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, янв[аря] 29.
Хутор Мотроновка, близ Борзны.

149. До Пєтра Плєтньова

Мотронівка, 4 лютого 1847 р.

Вт[орник], 4 февр[аля] 1847. Хутор Мотроновка.

Из писем моих к Александре Осиповне и к Ольге Петровне Вы уже знаете, что свадьба наша совершилась. Много было шуму и, следовательно, скуки, но это только для меня; прочие преусердно веселились. Во время бала, впрочем, я имел вокруг себя несколько образованных и умных людей, с которыми мог хоть немного отвести душу. Самым дорогим гостем у меня был Шевченко, который держал и венец мой при венчаньи[1]. Я старался оказывать ему всевозможное уважение для того, чтоб показать малороссийским панам, что не чины и богатство, а личные достоинства я ценю в человеке; а жена моя подарила ему на память цветы, которыми были украшены её волосы[2]. За столом я пил за здоровье нашего поэта, а при прощаньи сказал, что присутствие его на моей свадьбе я считаю величайшею для меня честью. Все наши полюбили от души Шевченка за его простодушный характер, за его ум и песни, которые он поёт превосходно.

После свадьбы он провёл у нас однажды ещё около суток и был как дома, что меня восхищало.

Не нахожу слов, как благодарить Вас, мой добрый Папенька, за книгу Гоголя[3]. Я должен Вам признаться, что в Петербурге она не совсем меня удовлетворяла, но теперь, когда я прочёл её всю, по Вашему завету, своему другу, она поразила меня какою-то неотразимою силою. В некоторых местах я был принуждён прерывать чтение; так чувства мои были потрясены. Многое стало мне теперь ясно, что́ до сих пор было в тумане; душа моя посвежела и как бы обновилась. Ожидаю великих последствий от этой книги. Когда я прочитал своему другу письмо: *Женщина в свете*[4], оно ей так понравилось, что она вознамерилась переписать его для себя; но я подарил ей всю книгу[5]. Маменьке её письма Гоголя тоже чрезвычайно понравились, и она велела ей читать каждый день по одному письму. «Если б я была знакома с Гоголем, сказала она (т. е. маменька), то я не знаю, как бы я перед ним благоговела»!

Через несколько дней мы выезжаем в Варшаву[6]. Пока сообщу Вам оттуда адрес, покорнейше прошу писать на имя Ник[олая] Дан[иловича], который перешлёт мне, куда следует. Впрочем, в дороге я пробуду не долго. Ради Бога, будьте спокойны насчёт моих заня-

тий. Я и здесь не совсем без дела, потому что имею с собою от Бодянского некоторые книги. Я понимаю, к каким неприятным опасениям подал повод развязкою своего романа; но законы общества теперь для меня сделались гораздо святее, нежели прежде. Я знаю, чем ему обязан, знаю, что в самом себе должен искать средств поддержать хорошие с ним отношения и потому бесстыдная праздность никогда не заступит у меня места энергии к деятельности. Есть у меня и силы и способности, чтобы оправдать общественную ко мне доверенность, и я не пожалею никаких трудов, чтоб оправдать её. Умоляю Вас, будьте покойны! Спокойствие Ваше тесно связано со спокойствием собственной души моей.

Александре Осиповне и Ольге Петровне усерднейший поклон.

Ваш П. Кулеш

Жена моя и её маменька свидетельствуют всем Вам своё почтение.

150. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 7 лютого 1847 р.

Р. 1847, лют[ого] 7, хутор Мотроновка.

Сердюков, мабуть, не получив ще од Вас тих книжок, що мині, з Вашей ласки, слідують. Ось його адрес: *Петру Яковлевичу Сердюкову, в С. Петербург. Доставить в университет швейцару, для передачи по адресу.* Прошу Вас довідатись, чи одослано йому, що треба[1].

Орлика вже послав Вам. А тепер посилаю Ексцерпт з прав малороссійских[2]. Тут єсть преважниї речі, для внутреннього биту українського. Коли надрукуєте, то 20 екземпл[ярів] отпечатайте для Ник[олая] Дан[иловича] Білозерського (бо се його книжка), а 20 для мене, да до його усе й одошліте при малесенькім листику. Як же не надрукуєте, так верніте йому рукопись. Вона принадлежала генералу Простоквашину, коменданту Глуховському, за Розумовського[3]. Так список хороший, мабуть, у Коллегії[4] написанний.

А Єрлича не дають, бо там єсть против Петра Могили каверзи[5], так бояться, щоб не пропустили, друкуючи. А ляхам того-то й хочеться, щоб те було надруковано. А важна штука! Жаль, да нічого робити! У Києві побачусь із Грабовським, так іще попробую благати. Чи Ви можете усе друковать, щоб ні написано було на попів?

Коли послали лист на ім'я Юзефовича, то одберу у Києві, а тут ще нема його[(a)].

Тепер же до Вас от яка просьба. Пише нам Плетнев, що кн. Шихматов звелів одправить на моє ім'я у Берлин лист «касательно распо-

---

[(a)] *Далі закреслено абзац*: Тепер до мене треба писати на ім'я Кастомарова (*закреслена прим.*: Один раз, а потім у Варшаву на ім'я Петра Никол[аевича] Очкина, товарища министра финансов) (квартира його на Старом Києві, в Рейтарській улиці в домі Клименовой), бо днів через три їду звідсі.

ряжений департамента, из каких миссий я могу требовать своего жалованья»[6]. Дак тепер треба мині дать знать Берлинській міссії, щоб те письмо вислали мині в Варшаву на ім'я Петра Никол[аєвича] Очкіна, товарища министра финансов. А я не знаю, як писать (адрес) у ту міссію, да й чи на ім'я секретаря (а як його зовуть, чи що, не знаю), чи може як инше. Дак будьте ласкави, напишіте лист од мого імени і внизу зробіте мій факсіміле: П. Кулеш[а], да і одправте в Берлин, щоб вислали мині той лист у Варшаву. А то, каже Плетнев, «может вытти неприятное для Вас недоразумение», як та міссія одрапортує, що й не бачила й не чула про такого чоловіка. Коли ж так не можна, то прошу Вас написати мині адрес і один екземпляр його послать у Київ, на ім'я Кастомарова, а другий у Варшаву на ім'я Очкіна, щоб я зараз іспысався з Берлином; бо я в той Берлин зараз не поїду, а поїду у Прагу чеську, як ви мині пораяли.

Жінка моя Вам кланяється низенько.

Занотуйте, що один екземпляр «Преданій» треба послати у Полтаву Боровиковському Леву, учителю гімназії. Одорвать же сей екз[емпляр] од тих, що назначені Н. Д. Белозерскому.

Ваш П. Куліш

Іще, в середині приписка адресу. Дивись ізбоку.

Адрес: Помпею Михайловичу Белозерскому, поручику Е. В. Короля Нидерландского гусарского полка, для передачи П. А. Кулешу. Царства Польского, в г. Бяли[7].

В рукописі лежать пісні, записанні Білозерським. Про Йвася Коновченка сама краща[8]. Іще один варіант пришлю.

151. До Пєтра Плєтньова

Мотронівка, 7 лютого 1847 р.

Пятн[ица], февр[аля] 7, 1847. Х. Мотроновка.

Покорно благодарю Вас, мой неусыпный добродей Пётр Александрович, за известие о письме ко мне в Берлин[1]. Сегодня же я пишу туда, чтоб то письмо переслали ко мне в Варшаву. А в Варшаве я буду скоро. Князя[2] моё долгое пребывание там (предполагая, что я там уже давно) не должно удивлять, потому что в Царстве Польском и Герцогстве Познанском я должен (как сказано в инструкции моей) «заняться изучением древнего периода польской литературы и особенно цветущего её состояния в XVI веке и обозрением варшавских и познанских библиотек»[3]. А для этого немало нужно времени. Правда, польская литература мне и теперь уже хорошо известна, но князь этого не знает.

[а] А дата нехай хоч така буде: Варшава. 1847, февр[аля] 7.

До сих пор я оставался здесь не потому, чтобы этого желал, но потому, что нужно было дать время брату моей жены съездить в Полтаву, где он служил учителем истории при кадетском корпусе, и получить отставку[4]. Вчера он возвратился, и мы выедем дня через три. В Киеве, в канцелярии Бибикова, есть бланки для заграничных пашпортов, и я надеюсь, что ему выдадут пашпорт чрез несколько дней по приезде нашем туда, якобы больному (другого средства нет ему выехать с нами)[5].

Покорно благодарю за Крылова[6]. Я перечитал написанную Вами биографию с истинным наслаждением, учась, как и всегда, Вашему способу излагать мысли. На другой день после свадьбы у А[лександры] М[ихайловны] моей сделался на губе огник, что ли. Это дало прекрасный предлог не выезжать никуда и заняться чтением поэтов. Родные, которых множество, почти все приписали это тому, что вот, дескать, наш круг уже для неё скучен, и никто почти, кроме Никол[ая] Дан[иловича], у нас не бывал. Я этим доволен как нельзя больше. Мы всё это время читали Вальтер-Скотта, Гоголя, Пушкина и Шевченка. Жуковского, кроме баллад прежнего издания, известных наизусть, в домашней здешней библиотеке нет. Перечитаем в Киеве и в Варшаве. А[лександра] М[ихайловна] любит поэзию больше, нежели я думал. Многого она не может слушать без слёз; многое любит затвердить[a] наизусть. Одним словом, я ею, как подругою своей жизни, доволен.

И я и она свидетельствуем своё почтение Вашим домашним.

Благодарю за письмо Мурзакевича[7].

П. Кулеш

Адрес. Помпею Михайловичу Белозерскому, поручику Е. В. Короля Нидерландского гусарского полка, для передачи П. А. Кулешу. Царства Польского, в город Бялы.

Нельзя ли Вам приказать[b] написать кому следует от моего имени прошение о снабжении моей жены заграничным паспортом? (Разумеется бесплатно, потому что есть в Св[оде] Зак[онов] статья, по которой жёны мужей, отправляющихся за границу по распоряжению Правительства, не платят за паспорты). Для прошения прилагаю бланкет[c] и формулярный список, в который вписано священником имя моей жены. Ах, добрый Пётр Александрович! когда и чем отблагодарю я Вас за всё, что Вы для меня делаете?

---

[a] *Було*: заучить

[b] *Було*: передать

[c] Дата должна, я думаю, быть из Варшавы.

152. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 13 лютого 1847 р.

Шановний і Високоповажний наш Осип Максимович!

Колись, швендяючи по Вкраїни, натрапив я на одного дяка та й знайшов у його старосвіцькі бурсацькі псальми[1]. Посилаю Вам їх, чи не згодяться, буває, Вам вони до друку? Коли ж ні, то дарую їх у Ваше книгохранилище.

А для того пана[2], що колись у Вас бачив увечері, – забув як його зовуть, – посилаю кусок автографу Грабовського із його «Literatury i krytyki»[3].

Завтра вже їду[4] з сього зачарованого куточка! А куточок гарний, нема чого сказати. – Коли читали «Чорну раду», то напишіте. Може, по Вашему, треба які словця підправити. То напишіте, які і як би Ви підправили, то я, може, й скажу: «добре, переправте». Я чоловік погідливий. А що? чи ще «Преданія» не друкуються?

Ваш П. Куліш
рукою власною

1847, февр[аля] 13.
Мотроновка.

Як будете пересилать листи до мене од моїх знакомих, то разпечатуйте усі, щоб дурно не платить вісових за конверти.

153. До Пєтра Плєтньова

Київ, 18 лютого 1847 р.

1847, февр[аля] 18. Киев.

Спешу уведомить Вас, добрейший П[ётр] А[лександрович], что я наконец в дороге. Может быть, в Киеве я пробуду не больше трёх дней[1]. Я приехал сюда вчера вечером и ещё ни у кого не был, почему и не сообщаю Вам никаких новостей. Правда, вот новость: Костомаров женится[2]. Я не знаю его невесты. Он любит её два года и тщательно ото всех это скрывал. Что касается до меня, то я своею женою счастлив. Перед самым отъездом из дому она восхищалась «Теоном и Эсхином» Жуковского[3]. Это в моих глазах много значит.

С следующею почтою буду писать больше.

Ваш П. Кулеш

P. S. Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала[4].

Что это за чудное создание у Жуковского!

Я распечатал письмо, чтоб поблагодарить Вас за приговор картёжной игре, сделанной Вами в биографии Крылова[5]. Он не давал

мне покою до тех пор, пока я не выписал его в свои выписки. Кого встречу, тотчас и читаю.

Александре Осиповне и Ольге Петровне мой усердный поклон.

154. Від Павла Максимовича

Санкт-Петербург, 18 лютого 1847 р.

18 февр[аля] 1847 г., С. П[етер]бург.

Не знаю, где это послание настигнет Вас, почтеннейший Пантелеймон Александрович, но где бы то ни было, оно несёт Вам наши искренние поздравления с важным событием в жизни Вашей и сердечные желания всех благ, которых можно ожидать в жизни с доброю преданною Вам супругою. По какому-то предчувствию мы гадали, что брак Ваш должен был совершиться 24 генваря, и в этот вечер, сидя дома, вспоминали о Вас с Алекс[ан]дрою А[лександро]вною – значит и мы присоединялись к Вам в этот торжественный день; полученное же мною 25 генв[аря] письмо Ваше подтверждало наши предположения. Я больше всего в этом деле радуюсь тому, что Вы избрали себе подругою на жизнь – малороссиянку... Как я обрадовался и тому, что в бытность свою в Киеве нашли Вы в нём таких драгоценных людей, как Шевченко, Костомаров и эта прелестная певица малороссийская[1]; конечно, я радовался эгоистически и у Ив. В. Верн[адско]го выведывал об имени её и о месте жительства – для своих видов, которые, дай Бог, чтоб осуществились[2]. Великая моя благодарность Вам за посещение моего панотця[3] и за вести о нём, но мне совестно теперь, что вторичное посещение его, обещанное Вами, может Вас стеснить и виною этого я никак не хотел бы быть. Здесь, кажется, ничего не переменилось с отъезда вашего, по-прежнему по середам мы бываем у Петр[а] Ал[ександровича] и встречаем у него тот же люд; по-прежнему он бывает у нас по субботам, приходит к нам также И. В. Верн[адский] и вступает в бесконечные разговоры с Ивгою[4], к прочим (т. е. и к Элькану) присоединился ещё Ив. М. Вигура, торопящийся теперь отправиться на родину; всё это увлекается, спустя час после обеда, Петром Ал[ександровичем] к Ал. Ос. Иш[имово]й, – видите, что и это тоже не переменилось. – Около месяца я возился с отчётом по управлении округом, в который не вписал теперь литерат[урных] трудов Ваших, – другие скрижали должны теперь говорить о них; эта работа совершенно поглощала моё время, и я не мог писать Вам раньше. От Бодянского я получил недавно 30, а не 50 экз[емпляров] «Истории очевидца», отдал 1 экз[емпляр] Савичу[5], удержал себе один с благодарностию к Вам за него, а прочие раздал книгопродавцам.

В свете говорят теперь много об уничтожении чинов, для чего составлен особый комитет из товарищей министров. – В «Сев[ерной] пч[еле]» прочитал я недавно объявление о новой книге под названием «О бунтах Хмельн[ицко]го и войне с татарами и против царств[ования] Владислава и Казимира в продолж[ении] 12 лет, начиная с 1647 г.», перев[од] с польского, Москва, 1847 г.[6] – Бодянскому я отвечал, что получил книги[7]. У нас бесконечное множество снега и холодно. Ивга Казачка (собственные слова её) кланяется П. А. Кулешу и *супруге его*, желает знать, где Вы теперь и скоро ли Вы приедете *посмотреть* её. – Ал[ександ]ра Ал[ександро]вна тоже кланяется Вам с супругою, да пере-

давайте ей и моё почтение. – Вернадский начал уже свой экзамен. Не стесняйте себя письмами к нам, прийдёт охота, пишите, а нет, то мы довольны будем и тем, что услышим о Вас иногда от Петра Ал[ександровича]. Вам предстоят теперь большие труды и работы, в которых да поможет Вам Бог и к Вашей пользе, и к нашему удовольствию; Он же да хранит Вас с супругою и в пути. – Это искреннее желание вашего преданнейшего П. Максимовича.

На звороті: Его Высокоблагородию Пантелеймону Александровичу Кулешу

155. Від Петра Сердюкова

Санкт-Петербург, 21–22 лютого 1847 р.

Пантелеймон Александрович!

Либонь Бога не боїтесь Ви, либощо: за сього П[етра] А[лександровича] – хай йому!.. – Присікались до мене таким москалем, що Боже!.. Галас такий підняли, що я з переляку ледви дух переводив: того й дивись – ось-ось молодий князь заціде в ухо!.. Та вже – мерщій навтікачи!.. Ухопив каламара, згарбав аркуш – кланяюсь і лепортую:

Отже ж, коли П[етро] А[лександрович] навсправжки чоловік цнотливий – як там кажуть – чоловік-друзіка, дак нехай же міні абищо, коли в мене в самого не одлягне на серцю!.. Що ж робитимеш? – Панове миряне чимдуж допікали й допікають тебе, мов той шершень бджолу, попавши в лапи. Кожний так і нататуриться, щоб тобі шваби дати!.. Дак тут прямує діло: як тілько хто бельк-не про кого яку-небудь каверзу – уже чи по волі, чи по неволі, а прудко ймеш віри, але похвальна рація – зараз тебе в губу вколе!.. Така вже, бачите, людська натура божевільна!.. Се, признаться, навздогад буряків, щоб капусти дали!.. Про П[етра] А[лександровича] – батечки! – скільки то міні наговорено й нагуторено!.. й дітись нігде було з осудами!.. Плавузкано таке, що гай-гай!.. Сам же я його не знав та й не знаю. Може, я тут винен?.. Хіба тим, що про се не держав язик за зубами, як балакав з Вами? (Вибачайте за рифму!) Уже на що, на що, а на теє у мене достало глузду, щоб ув очевидьки чоловіку не ганити того, кого він поважає, якби тільки я не приймав себе за Вашого приятеля, да не мізковав собі з лихом, що і з моїх речей Вам дещо здасться, що Вам треба роззирати в обоє, де, може, Ви були не вельми осторожливі...

Я помилився: і слава тобі, Господи!.. Правда, міні таки й самому – нічого гріха таїти! – не горнулась до серця поведенція П[етра] А[лександровича], тільки ж тепер, як я поміркую, дак воно на те виходе, що якби він себе інше показував – не добрався б туди, де й по сей день вештається, а розумні люде кажуть, що риба шукає глибче, а чоловік, де лучче... Господь з ним, нехай панує!..

Шевченко, його милость, у Вас вінця держав!.. І там-то, мабуть, винця дмухнув!.. Може й у самого Бахуса на тім світі волосся дибом стало!.. Уже запевне:

Із Кулішового пуздерка
Утер не раз він з піввідерка![1]

На те ж бо він мочиморда!..[2] Навдивовижу міні сей чоловік, да й годі!.. Як читаєш його компонування, чуєш якусь вищу силу поезії; да тілько в його якось їй не до шмиги!.. Подивіться лиш: стих у його – кажу про «Гайдамаків», бо се послідня його праця, – завжде не шкандований, завжде не-

вмивака, якийсь жилавий, луб'яний, дублений, таке м'яло, такий каплоухий, такий нечумазний!.. А треба б, щоб стих був жвавий, порський, сторожкий, зальотний, хльосткий! (тільки не гнучкий!..) Правдабак, інколи трапляється в його й стишок щуплий, завзятий – але в рідку стежку, да й то якось ненароком, спотиньга! Мабуть, поет пише знічев'я, як Основ'яненків маляр-шахрай, причитуючи: «Ничаго... Для хахлов и такой стих бряде!»[3]. Або вже він почитає себе за прездоровенного поету, да може ще утовк собі у кабак, що як тілько поет – і даровитий поет, дак уже йому й байдуже на все й про все – ухопе перо, да дриг-дриг! – от тобі й поема!.. Хіба тілько рифми й прибирає, а там, що до мислей, до чуствія, до художества – хоч вовк траву їж!.. Але Горацій був поета немаленький, а те і не знав, що твердив: Saepe stylum vertas![4] Я недавно бачив рукопись Мицкевичову: крий Мати Божа, як вона ізчеркана, ізхирена!.. Поезія Шевченкова – се дівчина ліпоти такої, що не здумать, ні згадать, да і в казці не збрехать; але як вона вихожає? – Нажлухтившись чиколдихи[5], затьопана, задрипана, волосьє їй розпатлане, одежі їй розхристані, розкуйовджені – шльондра шльондрою, по коліна в твані, з сулією[6] під мишкою, навіжена, скаче халяндри[7] або гедзається по багну, а інколи пану читателеві з реготом пускає в ніс тимфи!.. Се не богиня – де ж там! Се й не яка-небудь цьохля[8] дзигльована; се – осоружна, нікчемна, гидкая, бридкая, хвиндюрка, да й годі!..

Ніхто не прохатиме, щоб поезія чепурилась чепурухою, але кожний бажає, щоб вона була розсудлива, уродлива, охайлива, улеслива, гречна. Щоб вона галилась[9] до читателя, а не брикалась, як скажена кобила; щоб вона не скакала по калюжах та по шеритвасах[10] з дьогтем і не бризкала на людей усяким нечистим калом...[11] Лепськая, сутая, притаманная поезія – се – спілоє, дужоє воображениє, путеводиме моцними мислями, гарними, погожими чуствіями, щирим уподобаньєм до всього цнотливого, до всього істого, до всього ліповидного і тією дотепою, тією хистію, що не швиргає куди-здря жодної краплі слова, жодної крихти мислей, жодної гаріли чуствія, що в три вирви пхає до себе усякий розгардияш, що не пускає поетичного злаженья збиватись із толку, а притьмом доглядає, щоб воно виглядувало скусно, а не абияк компановано, нешпетно, натурально, вірно, щоб воно гармонічно додавало часть до часті, кінець до початку, і мудро виходило усе цілеє. Воображения не здобудеш, коли його не маєш з пупку, та й мислей, або чуствій не позичиш, як буває кабак та серце не туди дивлються; але з однією художою хистію чого то чоловік не зробе!.. І от сяя ж то хисть і добувається через розсудливе чтеніє Міцкевічів, Пушкіних (про чужих мовчу; а Шиллер, Гете, Шекспір, Байрон, або й Гюго, Гейне – тут би в великій пригоді стали!), через бесіди з людьми розумними, через мислительні розмови з самим собою: от єї ж то й Бог дасть у пана Шевченка!.. А Костомаров тим-то й гору бере над ними, що вона в його є, хоча й його талан поетичний не досягне до Шевченкового!.. У Костомарова знайдеться десяток або й більш стихозложеній безз'яну, а у Шевченка ні одного, дарма, що у одного там іскорка мріє, де у другого жевріє полим'я!.. Для поети мало самого заятренья: тут ще – глузд треба!.. Се не живопись або музика, де й без сього дива можно геть-геть майнуть, а тут – ні! Ув одних куншткаx кохатимешся!.. А де в поети моцний глузд – там і художество поезії – се вже безпремінно! Іначе буває й так, що глузду й не вельми – то й не художого хиста до ката: вона тоді за все про все надолужає, хоч тут уже нічого великого зроду не вийде. Так і глузд – сам у поезії не втне нічого путящого; теж і воображеніє, й чуствія – самі нічого не вро-

дять!.. Бо ще за царя Горошка люде дошли щосили, поки вкупі, тяжке лихо коють, а скоро пішли врозтіч – пуття не буде!.. В кожного великого поети сила поезії була вкупі, хоч не у кожного одна другу не переважували: може бак у во всіх, опріч одного Шиллера. У Гете перемагали усе мислі, у Байрона – вображениє, у Гюго – художня хисть. Тим-то примірно сказать, Гете або Байрон не кожного проймуть до серця, як пройме Шиллер: дарма, що той мислями, а сей воображеніем візьме гору над Шиллером.

Шевченко – художник у живописі, да ще й, як іде чутка, мастак художник: чом же він не *хоче* зробитись художником у поезії? Кажу: не *хоче*, бо в його тілько за *охотою* й діло стало!.. Чи вже ж таки йому не втямку, що який би здоровенний геній у мозку не розгніздивсь, а того зроду не було й не буде, щоб сей геній зхопив пензель і – сусиль! – так зразу і вчистив «Последний день Помпеи», ніколи й не нюхавши, що то таке за скуство – живопись!.. А поезія – теє ж скуство, та ще й розумне скуство: коли ж там треба наука довга, щира, працьовита, дак тутечки й поготів!.. В Петербурсі йде прочутка, що Шевченко ні на що не вважає, що йому ні кажи, і, заткнувши уха, верзе свої теревені-вені, да й годі... Скажіть, будласка, чи сьому ж правда? чи вже ж Шевченко такий сподар бушний та бундюшний, що ти йому кажи – смалене, а він усе стриже стрижене!?. чи вже ж чоловік такий здатний, такий тямущий, такий неквапний та гонний, несеться так високо, що носом аж хмари оре – веде себе таким дундуком запеклим, що з кобезистою ганьбою та пихою гне кирпу на всіх і на все?!. Щось не йметься віри!.. А коли се неправда, дак Ви, як жичливий його приятель, роздовбайте йому, що поезія – нехай вона буде й чулая, й мисливая! – нізащо в світі не буде художеством, не розколише як слід нічийого серця й незабаром згине без сліду, без прослідку, поки не розцвітатимуть, як квітки на весняному сонечку, поки вона не вишколе себе так, що як заговоре – як у дзвони дзвоне; а як засміється – Дунай розільється!.. А не зробите сього, – великий гріх на душу примете!.. Буде Вам каяньє, да вороття не буде!.. Може Ви й губки на мене ододмите за Шевченка – силькісь? Що буде, то буде!.. У мене ж, кажу Вам, як перед Богом – серце щимить, мліє та ниє, що він топе свій талан і запропастить, зведе його на не на що!..

Тут ходе поголоска, що Шевченко тлумаче псалми. Шкода! Уже коли тлумачить, дак тлумачить пророків, або Соломона лібо Іісуса Сираховича – се тож гарні книжки. Соломон – се жидівський Байрон: не ймете віри? – прочитайте його Екклезіаста, його Пісню Пісней! Ну, да Бог з ними!..

А от жона Ваша дак нехай на чужу поезію очей не пориває, бо своя під боком, та ще й не кирпата... Правдабак!.. поцілуйте її од мене, жону, а не поезію, – не жахайтесь, не жахайтесь! – Не в губки і не в твар зовсім, а в ручку: хоч мода вже на се й минулась, да моя парсуна, як і самі знаєте, держиться не за остатню моду, а за першу, – дак чому ж би мині не покоштовать гарненької ручки? Хоч тепер і піст, тілько ж у сьому скорому нема ніякого... Колись, –

Когда я юн и молод был!

а було се в Петрівку, – у Тарутині[12], – мині прип'яли до посту проказну таки трішки смальцьолизу; а може ви тепер говієте?.. дак воно про смалець... теє... Да запевне Ви її знаєте на *практиці*: у мене вона була в *натурі*...

А на що Ви *унизили* дом Дьяконової?[11] Ет же він не в один ярус, а в три! Знизу – погріб, а зверху – горище, а на горищу – дітська. Якби він був ув один ярус, дак я б сюю зиму ніс не одморозив!.. а то ж скандальна москальва так умудрилась, що в хаті завсігди на дві степені було холоднійш, чім

на дворі. Знаєте, на дворі вогкий вітер подме з моря або припече сонечко, дак там і потеплійшає, а тут з погреба такії вітри сівернії дують, що й сам Василь Кирилович не сказав би – гулять не пойду, хепинув би може уво всі лопатки. Хай йому халепа, як же то холодно: перо замерзає в атраменті...

Од Бодянського книжок не бачив ні й-ока...[14]

А як ся має, як живе висок[об]лагородний пан Юскович-Красковський, його милость, Іван Данилович? Як навідаєтесь до його милості, дак, будласков, привітайте його од мене низеньким поклоном да ублагайте його жону, щоб вона дозволила йому хоч на тей раз нанюхаться кабаки досить. На тім тижні почав я злагати «Похожденыя батурынського Одиссея»[15] – там і Йвану Даниловичу містечко буде...

Змаганьє було невелике, що се за змаганьє! але вельможний пан Імрек журиться та позирає сторч та зашморгом... Що було, те бачили, а що буде – те побачим...

Срезневський викинув штуку: узяв та й заломив Прейса! Я слухав його лекцій зо три[16]: видно, що чоловік читав чортову пропасть. Усі студенти ув один голос гудуть, що він заткнув би Прейса за пояс, і що Прейс против його і в хлопці не годиться: от такая ловись!.. Правда, Прейс таки в'ялий був на лекціях: (тілько ж куди було удку закине, дак уже вицупе рибки!!. Та се не всякому було у прикмету...). А сей – такий дзиндзивер-зух, що хоч «в оренду на танець»[17].

На акті (8го февраля) читали рацію Сенковського – здається, «О значении слова Русь»[18]. Панове професори аж за животи брались да реготали: нехай би вже хто, хто – нехай би реготали Соколови, Рождественськії і прочії, і прочії, і прочії, які тілько сунься до исторической критики, дак тут зараз вони в першу голову лізуть, а то й Топчибашев туди ж, що й досі вірує у сім кліматів Птолемея, і Грефе туди ж, що по-московськи й тяме одно тілько слівце: «*пошол*», да й теє заповзло до його якось зненацька, як писав о зродстві руского язика з санскритським. Отце чтець скаже: *Георги*, – Грефе зараз у хохот. *Гилеї* – він аж репається од реготу. Мабуть, він причвалав на акт по воєнному звичаю, з горілкою напившись чаю...[19], бо хоч він і не був у «статних воїнах», але пунш жмуле на взаводи... Якийсь петербурзький мартопляс злапав половину Демидівської премії за те тілько, що гарно, до смаку пунш робе, а приклепом були якісь мізерні пісеньки.

Сенковський говоре, що слова «Рус», «Гот» і «Скиф» – одно значненьє. Про «Рус» і «Гот» ми з Вами колись самі балакали і в нас теж виходило, що «Рус» – теє ж, що й «Гот»[20]; про се хоч до ста бабок іди питаться, дак воно так і є. Правда, Сенковський щось тут дуже корнесловив: за чужим реготом не можна було дослухаться, але що правда, то правда. Коли де він уже загострився вельми, дак се коло вудинів: їх він оселя на Волині (Волинь у його йде од *волів*, – хіба од *волі*? – так як *жаринь*, *теплинь* – од жар, тепло), тоді як у Геродота вони ген-ген пробираються на схід сонця[21]. Ну да се дарма: а то вудинський город Гелон він уже переносе на Волгу!.. Уже ж коли перед береш із Геродота, дак бери й зад: коли береш ім'я і корнесловиш над ним, дак уже не цурайсь і того, що він додає отут, бо се певне буде справедливійш, чим коверкане та перековеркане ім'я; не знаю тілько, чи добре я вслухавсь.

Ох, прощайте! Утомивсь – утомивсь так, що крий мати Божа! Очі злипаються – спать хочуть. А тут же то ще книжку треба зашить.

Февр[аля] 21го. С. П[етер]б[ург],
Трёхярусный дом Дьяконовой.

Лист Ваш дошов до мене на 13[й] день, а перший – уже на 10[й] був у мене в руках: от чого б се? – Основ'яненко коли не в Вас, дак у Борзні.

Зроду міні не було такой приведенції, як з Вашими книжками – із Основ'яненком[22] та й з Шевченком[23]: нехай їм осина горька! Тепер мовчу, бо на дворі світ, і я вже 40 часов як спав, а в 8[м] часу треба з двору чухрать. От побачите!

Ну їй-богу все, як на сміх, або в наругу... Приходжу сьогодні до почтамту – питаю: чи можна лист не запакований уложить у посилку? Можно, кажуть, чому не можно? Тілько хто прийматиме, той штрафу 90 коп. сріблом заплате!.. А нехай же Вам триста погибелей з вашими штрафами!.. чкурнув додому – ближній світ! – од почтамта до Дьяконовой!.. Підбігаю до Неви, дивлюсь – стежка, о, слава тобі, Господи, тут навпростець буде ближче! Й пійшов, й чимчикую собі гарненько, зир! – аж се до ополонки!.. божевільна москальва, мабуть, невод тягнула либощо!.. Вертатись назад далеко! Я й попхався по снігу: плиг-плиг-плиг! (Чи легко ж се міні було?) Що скокнеш, так по пояс у сніг і в'їдеш!.. Напослідок таки доплигав до берегу: батечки! В голінищах снігу повнехінько! Тут уже, підібравши поли й задубівшу кирею, драпака такого дав, що аж москальва жахається, де ж бо, як по приску біг!.. Прибігаю запихавшись додому, хочу розпечатати книжку – сургуч пристав! Я ножиком його ковир! а ножик – хрусь! Й остались наші не в сих, не в тих. Зараз перепечатую і знов потяну до почтамту – тільки вже не по гіпотенузі – нехай їй цур!.. Ох, сії гіпотенузи – в мене в шлунках сидять: ще з Москви вони мені дались знаться!..

(Февраля 22го, 12 часов вранці)

Над літерами ніяких поличок не ставлю, бо пишу до чоловіка письменного, який добре тяме – де, що і як.

На звороті: Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Костомарову, Господину профессору Императорского университета Св. Владимира, для передачи Пант[елеймону] Ал[ексанровичу] *Кулешу. В Киев.* Квартира на Старом Киеве в Рейтерской улице в доме Клименовой.

156. До Пєтра Плєтньова

Київ, 25 лютого 1847 р.

Вт[орник], 25 февр[аля] 1847. Киев.

Сегодня в час я выезжаю из Киева. Сперва я был намерен прожить здесь дня три только, но старые и новые знакомые приняли меня здесь с таким радушием, что я невольно замешкался[1]. Я к Вам писал уже, что даже киевские профессоры переменили обо мне теперь своё мнение[2]; а как я посредством женитьбы связал себя теснее с обществом и должен приспособляться к его требованиям более прежнего, то я сделал некоторым из них визит; они были у меня; итак между нами поселилось согласие.

На всяком благородном человеке лежит обязанность узнавать достойных людей и приобретать себе в них на всякий случай орудия для добрых дел. Это заставило меня сойтись с несколькими *почтенными* молодыми людьми, глядящими на жизнь внимательно.

Между прочим, я познакомился с родственницею Вашего Франклина Балабина, Варв[арою] Никол[аевною] Репниною. Это девица с сильным характером, с деятельною душою и человеколюбивым сердцем. В ней я увидел женщину-христианку такою, какою она должна быть: возвышенное стремление мыслей, поэтический взгляд на мир и благородная простота в жизни и в обхождении с людьми[3].

Жена моя познакомилась здесь с польским семейством Марцинковских, и польки так её полюбили, так с нею сошлись, так обворожили её своею образованною беседою, что она рассталась с ними со слезами на глазах. Ей стало теперь понятно, что значит образованный ум и согретое высокими чувствами сердце. Действительно, это одно из лучших семейств, какие только я знаю[4].

Итак, я прожил первый месяц своей семейной жизни довольно эстетически; но не думайте, чтоб я срывал розы без шипов. Моя философия жизни во многом расходится с понятиями моей подруги, особенно я это чувствовал, когда она была окружена своим деревенским миром. Февраля 13[(а)] я записал следующее в своём дневнике: «Однажды несравненный мой П[ётр] А[лександрович] сказал на даче: "Женщины созданы для того, чтоб сделать нас Сократами". Действительно, никогда в жизни я не имел столько власти над своею досадою, сколько после женитьбы. Иногда молчать – для меня истинное удовольствие. Мелочность женских желаний и неудовольствий чудным образом обращают мою душу к идеалу благородной деятельности и высокого терпения»[5].

Ваш П. Кулеш

157. Від Миколи Ріґельмана

Київ, 24 ... 25 лютого 1847 р.

Покорнейше прошу на прилагаемые при сем 5 золотых полуимпериалов купить для меня книг: чешских, словацких и сербских по Вашему собственному выбору из вышедших с 1846 г. учёного содержания или по изящной словесности. Эти книги прошу адресовать в Киев, в канцелярию военного губернатора Николаю Аркадьевичу Ригельману через г-на Зубрицкого в Львове, который может поручить эту доставку купцу Гартенштейну[1]. – Книги же прошу доставить следующим лицам:

Ганке в Праге – «История христианства в России до Владимира»[2];

Штуру в Пресбурге – «Описание московской Оружейной палаты»[3] и стихотвор[ения] Кольцова[4];

Вуку Стефановичу Караджичу в Вене – «Московский сборник»[5].

[(а)] *Було*: однажды

158. До Михайла Юзефовича

Київ, кінець грудня 1846 р. ...
друга половина лютого 1847 р.

А. В. Маркович желает оставаться в Немирове и занять место учителя русского языка, которое занимает теперь Борщевский, имеющий родителей в Киеве и потому желающий сюда перемещения.

Из Марковича был бы также хороший учитель словесности. И это место ж мог бы занять в Немировской гимназии, потому что тамошний учитель словесности Сорокин чувствует особенное желание преподавать историю и рад бы был переместиться в какую угодно гимназию.

159. До Осипа Бодянського

Київ, Рудненська станція (?), 20–26 лютого 1847 р.

1847, февр[аля] 20. Киев.

От же я вже в Києви. Скоро буду і в Варшаві. У Юзефовича од Вас листу не знайшов, а єсть тілько «Летопись Самовидца». Напишіте, що Ви там писали?

Юзефович казав мині, що Плетнев писав до його про Вашего брата[1]. Не знаю, що то він тепер зробить?

Бачився я і з Свидзінським і уговорив його передати Вам Єрлича. Буде скоро він сам писати до Вас[2]. Ще багацько дечого обіцяв Вам прислати. Я рад, що Ви оце почнете з ним листоватись. Він такий же бібліограф, як і Ви, поздоров Вас Боже!

Ваш П. Куліш

Познакомився я з молодим Ригельманом[3]. Хороший чоловік, хороший. О «Чтениях» каже, що вони Судденку послали з Москви на ім'я М. Максимовича, которого тоді не було в Києви, як вони пришли[4]; а можна про них довідатись тілько тоді, як Максимович приїде в Київ; а коли він приїде, сього ніхто не скаже; а сам він хоч би й сказав, то збреше. (Се вже од себе я приписав.)

Станція за Радомислом[5],
верстов 120 од Києва,
1847, февр[аля] 26.

Не послав я Вам листу, дожидаючись од одного землячка пісень[6], которі тут приложені. Тепер же, щоб знали Ви, що я вже в дорозі пишу на станції, а пошлю, може, з Житомира. А гарни варіянти! поцмокаєте, як прочитаєте! Ще прошу [...][7]

160. До Пєтра Плєтньова

Острог, 27 лютого 1847 р.

1847, февр[аля] 27. Острог.

Наконец я почти на половине дороги между Киевом и Варшавою. В этой стране поражают путешественника остатки старого порядка вещей и начала нового. Следы древних укреплений, развалины вельможеских замков, запустевшие костёлы и множество каменных обветшавших домов свидетельствуют о существовании здесь некогда цивилизации довольно цветущей, хотя созданной и не всеми сословиями совокупно[a]. В то же время вы замечаете на каждом шагу, что в настоящее время многие пружины общественности здесь переломаны и устранены; жизнь стала подобна мелководию, наступившему после разрушения плотины, и, судя по возбудительным средствам к её улучшению, можно предсказать безошибочно, что Волыни долго предопределено ещё глохнуть в виде печальных пустырей.

Подъезжая к Радомыслю, всяк, у кого есть глаза, чтобы видеть, спросит: «что это чернеет громадное между домами? остаток ли это какого-нибудь укрепления или развалины какого-нибудь дома без кровли?». Нет, это не остаток, а начало соборной католической церкви. Можно подумать, что в этой стороне жили люди огромные и сильные, – всё, что они делали, в размерах громадных; но вдруг подул смертоносный ветер, и людей этих не стало, – остались только полусозданные дела рук их. Это и не развалины. Как назвать развалиною здание, которое не достигло ещё и полного своего возраста? Под именем развалин мы разумеем то, что уже существовало в полноте своего образа; а здесь торчащие колонны огромного портика хоть и напоминают столбы руин и пепелищ, но противоречат этому сходству своею новизною, и не молчат под осыпавшимся сверху прахом и тлением[b], а как будто вопиют об обещанной им жизни.

Мы, впрочем, только проехали мимо Радомысля, а в городе не были. Следующий за тем город был Житомир. Он представляет мало характеристического, может быть потому, что здесь новый порядок вещей выразился во всём так громко (употреблю это слово в наглядном и вместе нравственном значении), что заглушил почти совсем дряхлую умирающую старину.

Я вспомнил, что здесь живёт Ваш Ш.[1], и, оставивши своих спутников на почтовой станции, отправился к нему на минуту. Он мне показался человеком, который не вдруг разговорится, но зато каждое его слово имеет вес. В его наружности и тоне разговора я прочитал какое-то грустное выражение[c]. По-видимому, он чувствует своё одиночество в этом полудиком городе. Особенно я это заметил, когда он

---

[a] *Було*: этой страны
[b] *Було*: мусором
[c] *Було*: чувство

заговорил о Пушкине, о Вас, о Жуковском и о Гоголе. Ш. говорил, что иногда он описывал Вашему поэтическому кружку явления степной[а] природы, которую любил и Пушкин, хорошо знакомый с Бес[с]арабскими степями. Гоголь, говорил он, в это время сидел молча и всё мотал себе на ус; после смотрю – мои степи уже и очутились в «Тарасе Бульбе»[2]. Я просидел у Ш. минут с десять. Мне было приятно слышать от него Ваше имя, произносимое почти с таким же чувством, с каким и я произношу его.

161. Від Осипа Бодянського

Москва, 28 лютого 1847 р.

Року 1847, хвевр[аля] 28 дня, у Мóскві.

Дякую Вам, пане Добродію, і за ексцерпт з прав малоросийских, і за псальми: і те, і друге, коли можна, надрукую, а не можна, – верну перве до його хазяїна, а остатне зіставлю у себе, з Вашої ласки, на пам'ятку. Жалко, що Вам не дають *Єрлича*, бо, коли вже ми не пустимо їх по світу швендаться, хто ж те зробить з ним інший? А обіщати попереду, не читавши, чи вже ж то можна? Як не можна буде, верну, до кого зволите, яким дістану. Жалко не меньше і *Грабянки*: бозна-що дав би, тільки б мині його надруковати. Чи не маєте там, на Україні, кого ще іншого, щоб він його нам позичив, бо кияне ні за що в світі не дадуть нам його. А постривайте лишень: я їм незабаром гарну дулю піднесу під самісенький ніс. Далебі що так![1]

Сердюкову Вашему й досі нічого не відсилав, бо не знав добре, де він там в божоньки витає; а тепер, маючи його адрес від Вас, зараз же скажу все післати йому.

«Раду» Вашу читав уже, але дуже швидко, нічого не вважаючи на мову; після праці рокової перечитаю ще разиночку і, коли що надибаю не по нутру собі, зараз напишу Вам, а Ви як сам здоров там знаєте. Бацьця, в апрілі чи в маї надрукую перше всього Ваши «Предання», а там і за «Раду» візьмуся, а після єї – за пісні; і все то остальне новими, дуже хорошими і вгліднимі буквами. Ось побачите!

Давненько-таки лежить у мене два письма до Вас, одне Метлинського[2], а друге якогось там Гудими-Левковича з Чернігова[3]; але боюсь післати їх Вам навгад, аж поки не напишите мині з Праги – туди на другий день майнуть вони ік Вам.

А що, пане, наколотив, як кажуть-то, гороху з капустою, попався в черет, що ні взад, ні вперед? Ось як вернуть Вас, да ще з чорнобривою і хорошою жінкою восвояси, що то сорому, сорому буде, за всі голови сорому?! Але не такий то чорт, як кажуть-то, страшний, як його малюють; пострівайте лишень, не лякайтесь. Плетнєв пише Вам теє, чого й сам не дуже тямить[4], бо не бував в тому, а я бував якраз у тім нестеметно пеклі, у якім Ви теперички, по його, маєтесь[5]; і що ж? Ось що Вам поражу, як я сам зробив. Прочитавши одце моє письмо, зараз-таки напишіте, де б Ви ні були, у Берлин, що Ви такий-то і такий, посланий тим-то по розказу самого Царя туди-то, кончивши своє діло, що треба було, у Варшаві, збираєтесь теперички не

[а] *Далі закреслено*: жизни

в Берлин, але у Прагу (або, коли буде[те] у сій, що вже у їй маєтесь), де пробудете-таки чималенько; дак от ті гроші, котри мині будуть слати з того Петербурга до їх, нехай вони вишлють зараз у Прагу (в чехах), або в *poste restante* на Ваше йменя, або ж просто на Ваше йменя, але спитати про Вас у пана *П. Й. Шахварика*[6], котрий є цензором книжок і бібліотекаром у Королевсько-царської бібліотеки, а його вже кожний знайде, де він живе. А щодо титулования Берлинського посольства, напишіте просто, як я все писав у Віну: «*В Императорское Российское Посольство при Берлинском Королевском Дворе*» такого-то і т. д. Біди ніякої не буде, хоч би Вас почали до Вашого одзиву шукати. Ви були у Варшаві і не виїжджали за границю ще, як уже до їх прийшло звісття об Вас. Те ж було і зо мною; але нічогісінько. Писать же мині за Вас туди не йде; подумайте, що на письмі стоятиме «з Москви», а то не дуже гарно; інше діло «з Варшави», або чим ще дальше. – Бувайте живеньки, здоровеньки, цмокніте гарненько свою любу жіночку, та й згадайте, кри[м] сього меду, і Вашого щирого земляка

І. Бодянського

162. Від Петра Чуйкевича

Кам'янець-Подільський, 1 березня 1847 р.

Каменец-Подольский, 1 марта 1847 г.

С отъезда твоего я не имею о тебе никаких известий. Просил Костомарова дать мне какие-нибудь о тебе сведения[1], но Костомаров столько же знает, сколько и я, где ты и что ты. Шевченко, кажется, до сих пор не воротился в Киев, а в нём главный источник сведений[2].

Это обстоятельство заставляет меня обратиться прямо к тебе самому и попенять за то, что ты, кажется, начинаешь забывать старого приятеля. Из Петербурга ты так часто писал ко мне, а теперь в продолжение двух месяцев ни слова, ни полслова.

Женился ли ты? Об этом запрашивают меня воронежцы. Я думаю отвечать им «да». От чего ж не удовлетворить любопытство земляков? Только спрашивают мои родные, а не твои, потому что у тебя теперь, кажется, не остаётся ни роду, ни племени: недавно ты потерял то, что сколько-нибудь связывало тебя с недостойными твоими родными, именно отца, о смерти которого мой отец пишет так:

«Он» (т. е. ты) «ему» (т. е. отцу), «оставив денег на его надобности 15 р. сер., которые по отъезде Пантелимона на другой день уворовано кем-то семь рублей, а последние не могу знать, на что он их издержал. Сам же он приказал вам долго жить: генваря 8-го числа умер без призрения и три дни не говорил до смерти, только ревел, а речи не было. Но Пантелимон просил меня, дабы я его на щот отца уведомлял почаще через тебя или в Москву чрез профессора Бодянского с передачею ему, Кулешу, где он находится. Брат же его горбати хотит на меня искать, что якобы я их имущество перевёл, но покойни Кулеш положил было под сохранение ко мне казан и трубу, но казан продал Гусаковскому, а труба не его, а заложена ему Василием Кащенком за 50 руб., то он говорил, пускай до приезду Пантелимона остаётся, то пускай Пантелимон у своём письме об ней напишет, как с нею распорядиться. Мы слыхали, что якобы Пантелимон, едучи, в Борзне женился на ком-то, правда ли это или нет, уведоми нас».

Если ты счастлив в новом твоём состоянии, то я благодарю Бога; ты достоин всего, что есть лучшего на земле. Скажу, между прочим, что твой пример заразителен: Костомаров также женится, да и я не знаю, удержусь ли от этого искушения. – Это, однако ж, ещё гипотеза, а если она не исполнится, то я непременно со временем [хочу] приехать к тебе заграницу.

Меня обещали перевесть летом в Киевскую 1[ю] гимназию.

Жаль, как подумаешь, что ты, я думаю, теперь никогда не заглянешь в Воронеж, который остаётся для тебя дорог по одним разве воспоминаниям. Правда, ты отдал уже ему дань[3], как родине, но всё же жаль: без тебя, без твоего пера пруды его заглохнут, берёзы и вербы с горя ещё плачевнее опустят свои ветви. И скоро ли их оживит чья-нибудь рука.

Пожалуйста, не скупись на письма, хоть в несколько присестов да намахай огромнейшее письмо с подробностями о заграница.

Твой Чуйке[вич]

163. До Пєтра Плєтньова

Бяла, Варшава, 3–5 (15–17) березня 1847 р.

Понед[ельник], 3 марта. 1847. Бялы.

К Новоград-Волынску мы подъехали ночью и не могли полюбоваться смелым местоположением этого города на крутом, высоком, каменистом берегу реки, которой берега влево от города украшены прелестными рощами, уходящими в глубокую даль. В пятый раз уже я проезжаю через эти города и всегда с новою переменою в судьбе моей. Благодарю Провидение и чувствую, как много должен я потрудиться для ближних, чтоб оправдать Его необыкновенную благость ко мне.

Спутница моя великая охотница до развалин, и в Корце она налюбовалась ими вдоволь. Там на горе, окружённой глубоким лесистым оврагом[(a)], печально возвышаются стены и трубы некогда великолепного замка князей Чарторыйских. Передовая башня красивой готической архитектуры далеко превышает всю массу здания и сообщает ему характер мрачно-торжественный. Князья Чарторыйские были потомки древних русских князей и, совратившись во времена унии с пути патриотизма и родной религии, пострадали вместе с другими панами от козаков Хмельницкого. Замок их козаки взяли приступом и сожгли так, что уцелели только стены. Мы ходили по двору и по развалинам, стараясь угадать назначение комнат и восстановить в воображении своём игравшую когда-то здесь жизнь. Но воображение нам не повиновалось. Казалось, будто эти развалины так и созданы развалинами; до такой степени запустение и неподвижная смерть[(b)] здесь воцарилась[1]. Особенно это почувствовал я теперь, зимою.

За Корцем следует ещё несравненно богатейший по развалинами город Острог. Мы увидели его утром, сквозь туман, в розовых лучах

[(a)] *Було*: яром
[(b)] *Було*: жизнь

восходящего солнца. Он весь слился в одну гору, увенчанную тяжёлыми, широкими зубчатыми башнями. В нём издали было что-то царственно-великолепное. Очарование это исчезло, когда мы подъехали к самому городу. Жидовские лачуги и деревенская нечистота на улицах низвели наше восхищение до равнодушия. Но это было как бы для того, чтобы приготовить для нас миг ещё торжественнейший. Вдруг, вправо от нас, из-за грязных, бесхарактерных лачуг, из-за развалившихся ворот, из-за бедной толпы собравшихся на рынке поселян и жидов, выступил величественный готический фронтон иезуитской церкви, давно сгоревшей и запустелой[2]. Сквозь туман эта пышная развалина показалась нам необыкновенно живописною. Кирпичные столбы стоящих несколько впереди ворот с подгрызенными непогодою основаниями, занимая первый план, придавали широкой и громоздящейся смело в высоту архитектурной массе лёгкость и игру необыкновенную. Я сильно здесь почувствовал красоту разрушения, хотя и всегда – пустые окна, зияющие тёмною глубиною двери и покрытые трещинами, как морщинами, стены старого здания делали его для меня говорящим какую-то дивную, таинственную повесть.

От церкви и огромного, также разрушающегося здания иезуитских школ[(a)3] дорога поднимается на гору мимо громадной башни, принадлежавшей к укреплениям Острожского замка[4]. Отсюда открываются глубокие и прелестные виды на город и окрестности. Не теряя времени, мы тотчас отправились со станции смотреть развалины церкви князя Острожского, беднейшую или, лучше сказать, богатейшую (в живописном смысле) руину, какую я когда-либо видел[5]. Время, дождь и ветры крошат здания с необыкновенным вкусом. Я не мог налюбоваться высокими высеченными из дикого камня, с розетками вверху, окнами, в рассыпающихся вдоль трещин стенах; дверями, снизу потерявшими их первобытную форму; башнями, вполовину отколотыми, вполовину уцелевшими; узкими обломками стен, возносящимися выше всей громады, как будто для того только, чтоб намекнуть живописцу о форме окон, которые на их боках едва оставили часть своего рисунка. Все башни, уцелевшие от замка князя Острожского и построенные в венецианском вкусе, необыкновенно живописны; даже та, которая превращена в уездный суд[6] и подверглась некоторым переделкам, сохранила[(b)] в себе что-то почтенное и поэтическое. Виды с этого пункта едва ли не самые лучшие во всём городе. Как жаль, что теперь не лето.

Отсюда мы спустились к иезуитскому монастырю, который видели мимоездом, и прошли почти по всем его частям. Там – сколько торжественна красота разрушения снаружи, столько жалок и горестен для души вид разрушения внутри здания. Первый предмет, поразивший наши взоры, был вход в подземелье, в нескольких шагах

[(a)] *Було*: коллегий
[(b)] *Було*: имеет

от церковного порога. Нечистая вода, стекающая с городских возвышенностей, видно, нарочно направлена в запустелую церковь, и льётся прямо в этот погреб. А в погребу, по обычаю католиков, стоят гробы дворянства и духовенства. Вообразите себе теперь ужасную картину подземного потопа, которая представилась бы тому, кто бы спустился в это отвратительное жилище мёртвых иезуитов и панов католических! Кастомаров был там в 1844 году[7]. Тогда вода не была ещё направлена в подземелье, но гробы фанатиков потерпели уже страшно от противоположного им фанатизма. Русские солдаты, квартирующие в Остроге, опрокинули всё, что могли опрокинуть, выбросили вон мёртвые тела и многие растерзали на части, а свежие ещё доски гробов разобрали для отопления своих казарм, находящихся в одном из отделений иезуитского коллегиума, здания, построенного прочно и богато.

В церкви уцелели только места алтарей с признаками стенной живописи и с остатками гипсовых статуй, обезглавленных и оббитых кругом, видно, также солдатами. Своды обрушились; только несколько арок боязливо держатся, перегнувшись со стены на стену. Над алтарями сохранились почти заново надписи на голубых и красных щитках. Не знаю, отчего этот остаток прежнего благоустройства поразил так горько мою душу. Мне показалось, что в эти отверстия (щитки с надписями кажутся с первого взгляда отверстиями в стенах) кто-то вечный и неумолимый смотрит быстро, весело и смеётся злобно над всем, что воздвигнуто здесь с такою уверенностью в свою власть и силу, и долголетие, а теперь так бедно, так жалко, так молчаливо и беззащитно разрушается. Чтобы дорисовать страшную картину *мерзости запустение на месте святе*[8], я скажу ещё, что церковь эта служит ночью загоном для жидовских коров. Они толпятся, повидимому, поближе к стенам, при которых уцелели нижние своды, – и кто бы не проникнулся чувством негодования, глядя, как поруганы подножия алтарей, где прежде совершались набожные коленопреклонения и курились жертвенные фимиамы! Бродя по корридорам обширного коллегиума, мы слышали какие-то отдалённые восклицания, в которых мне невольно чудились отрывистые звуки церковного католического пения. Я мог бы вообразить, что это жалобные звуки, несущиеся по пустым кельям и корридорам, выходят из церковного склепа, и что несчастные усопшие, захлебаясь нечистою водою, силятся призвать кого-нибудь в защиту от поругания святыни церковной и святыни гробовой. Но не долго я мог бы предаваться такой благочестивой фантазии. Скоро увидели мы вправо перспективу корридора, затянутого дымом, который выходил из солдатской кухни, устроенной где-то сбоку. В глубине корридора, ведшего в обширную залу, ворочались, как адские тени, один за другим солдаты, и они-то, командуя, издавали те восклицания, которые акустика полуразрушенного здания превращала в жалобные вопли. Всё очарование странствия по жилищу мёртвых вдруг для нас исчезло при виде этих живых мертвецов, и мы тотчас оставили развалины; но никогда наше

воображение не оставит их жалкой, печальной, но живописной и поэтической картины.

Варшава. 1847, марта 5/17.

С дороги мне не удалось послать это письмо. В Варшаве я не был ещё ни у кого, но имею рекомендательные письма к здешним учёным. Завтра начну знакомства. Адресовать прямо на моё имя в Варшаву, с припискою: *оставить до востребования в отделении zależałych listów.*

После письма, на которое я отвечал, больше не получал я от Вас писем. Может быть, они у Белозерского[9], который ожидает варшавского моего адреса. А в городе Бялы не оказалось. Если же[(а)] посланы туда письма, то уже сделано о них надлежащее распоряжение.

Мне часто бывает грустно, что не могу видеть Вас, мой истинный друг и отец, и Вас не надо уверять в этом: Вы меня понимаете.

164. До Осипа Бодянського

Варшава, бл. 6 (18) березня 1847 р.

Варшава. 1847, марта 7/19.

Нема од Вас ані словечка. Будьте ласкави, пишіте, щонайшвидше, чи посилали ви до мене куди листи? бо після того, як я писав до вас, нічого не одобрав іще з Москви. То вже тепер треба Вам про все написати. Адрес у Варшаву на моє ім'я, тілько приписати: *Оставить до востребования в отделении zależałych listów.* Ще ні в кого не був.

Ваш П. Куліш

Може не розберете, од кого. Так от же: *Куліш.*

На конверті: Его Высокоблагородию Осипу Максимовичу Бодянскому, Г. профессору университета в Москве.

165. До Осипа Бодянського

Варшава, 17 (29) березня 1847 р.

Варшава. 1847, марта 17/29.

Шановний мій Пане-брате Осип Максимович!

Нема та й нема од Вас ні слуху, ні духу. Не буду ж писати й я до Вас ні про що, поки не одберу од Вас листу, щоб уже вам одвітовати. А що теперечки я до Вас пишу, так се ось для чого. Єсть тут у Варшаві один лях Микуцький[1]. Служив він у москалях, будучи взятий у некрути,

---

[(а)] *Далі закреслено*: будут

да як зробили його через чотири роки офицером, так він зараз і покинув службу да й давай учиться. А вже йому літ за 30. У славяньских язиках він знає силу, не учить їх, а їсть; із такою охотою пережовує усякий коренець і виточку. Маційовський[2] його поважає і уповає, що з його виде колись значний филолог. Вже й тепер він посилав у Академию наук одну филологичну розправу, і Академия через Плетнева із'явила йому своє благоволениє (шкода, що тілько словами!). От же цей Микуцький жада докінчати свою науку у Московському університеті под Вашим руководством да, сердешний, не знає, чи примуть його на казенний кошт; то не сміє одважитись іти в Москву. Як же б, каже, хто впевнив його, що іменно він знайде там на казенному кошті притулок, то я б, каже, пішком оце по весні і пустився і хоч спокволя, а добрався б до Мóскви. Так коли маєте ви там таку міць, щоб його в тому запевнити, так пишіте, нехай, сердега, йде до вас у Мóскву. Може, з його буде який Юнгман абощо! тоді вам на землі дяка, а в царстві небеснім радость.

Із щирою приязню Ваш П. Куліш
рукою власною

А що преданія? А що «Чёрная рада»? Чи писав до Вас Свідз...?[3] Як ні, то я його понукатиму, бо він іде од коліна Фабія Кунктатора[4].

На звороті: Его Высокоблагородию Осипу Максимовичу Бодянскому, Г. профессору университета в Москве.

166. До Пєтра Плєтньова

Варшава, 18 (30) березня 1847 р.

Марта 30/18, 1847. Варшава.

От всей души благодарю Вас за Ваши старания, мой бесценный Папенька! Одни Вы могли это для меня сделать. С этою ж почтою отправлено письмо к Ник[олаю] Данил[овичу], чтоб поскорее высылал паспорт[1], а потом не буду терять и трёх дней: мне давно хочется оставить Варшаву.

О пребывании своём здесь напишу подробно с границы, а теперь пишу только для того, чтоб известить Вас о получении от Вас важного для меня известия. Александра Михайловна свидетельствует Вам своё почтение и называет Вас своим благодетелем за то, что Вы избавили её от страшного для неё возвращения в область тьмы, откуда она избавлена таким нежданным для неё образом. Час от часу ей становится понятнее, чтó значит оставить прежнее её общество для такого общества, в каком существую я. Благодарим, благодарим от всего сердца! Чудно Провидение обо мне печётся, поручая меня заботам таких людей, как Вы, мой добрый, мой единственный Пётр Александрович!

Ваш П. Кулеш

167. До Осипа Бодянського

Варшава, 30 березня (11 квітня) 1847 р.

1847, марту 30 / апреля 11. Варшава.

Насилу одобрав я од Вас лист. А в Києві Юзефович не давав мині жадного. А що в Варшаву, то я сам виноват, що послухав Чижова. Очкин давно виїхав, то й лист пропав[1].

Добре, посилайте й тиї Юзефовичові екземпляри, що Ханенко не взяв.

Листи вкладуйте розпечатавши.

Рад я, дуже рад, що преданія вже друкуються. Прошу Вас вислать у Варшаву в Цензурний комитет на ім'я Петра Павловича Дубровского[2] (він там членом) 5 екземпляров «Преданій», а коли можна, то й десять *для передачі Василию Белозерскому*. А мині особне прошу вислати у Прагу десять, а коли можна, то й більш екземплярів, на ім'я Ганки або Шафарика.

А коли друкуватиметься «Чорная рада»?

Із Варшави виїду скоро, так пишіте на моє ім'я у Познань. Працюю над українською граматикою, а мій товариш Білозерський над лексиконом[3]. Чи не передасте ви йому своїх матеріалів на словар? Він хлопець зацний і працьовитий, а вам же й ніколи? То коли що, так присилайте у Прагу на ім'я Шафарика.

Про Маціевського і про инших напишу вже з Прус[4]. Він теж їде на тим тижні у Прагу.

П. Куліш

А мій товариш зостанеться ще трохи у Варшаві.

168. До Петра Чуйкевича

Варшава, 31 березня (12 квітня) 1847 р.

Варшава, 1847, апр[еля] 12 / марта 31.

Не забываю я старых приятелей, а молчу потому, что нет особенной надобности писать к тебе, тем более, что сведения о моих приключениях ты мог получить и от[ов]сюду, и притом за меньшую цену, как это докажет тебе, или, лучше сказать, доказало уже письмо это.

Хоть не так скоро, как думалось, но я таки женился и переехал, наконец, за грань родной земли. Уже с месяц живу в Варшаве и цвенкаю з ляхами так, как тот, о котором сказано:

«Ой п'є Сава і гуляє,
ляхом вирубає!»[1]

Скоро перееду в Пруссию. Если тебя переведут в Киев, то у Костом[арова] прочитаешь мои письма, в которых «пространно и ясно и удивительно показано», что я видел и чувствовал, «и явствует всё»[2].

Повторять же всё то было бы тратою времени, хотя для тебя и приятною, но с моей стороны неблагоразумною.

Да, я счастлив своею жинкою: такая украи[н]ка, что просто восхищение! Шевченка наизусть знает, а в истории заткне за пояс иншого й скубента. Женщина разумная, твёрдая в намерениях, чувствительная к бедствиям человечества, одним словом, достойная самой высокой ступени в обществе. Костомаров намерен был жениться после святок. Может быть, уже и женился. Я этому радуюсь. Но тебя умоляю не жениться. Ты погубишь себя и разрушишь мои блистательнейшие надежды. Ведь ты читал последнее моё сочинение, подаренное тебе Костомаровым?[3] Подумай об этом. Да если б не то, то тебе совсем не следует теперь жениться. Тебе прежде всего нужно побывать за границей и пройти сквозь полный курс гидропатии; а женившись, это не так будет удобно, да и поздно в отношении к детям[4]. Кроме того, посмотри на будущую свою жизнь в провинциальной тьме. Не лучше ли, вкусивши плодов просвещения европейского, жить и действовать вместе с такими людьми, как я и другие твои друзья? Подумай об этом крепко и побереги свою долю, которая ещё в твоих руках покамест. Мне – иное дело, Костомарову – тоже, но тебя – да сохранит Господь от женитьбы!

Благодарю тебя за известие о смерти человека, жалкого в высшей степени. Теперь мне на свете ещё свободнее и светлее. Я уже написал в Воронеж о том, как поступить с моим наследством, а верительное письмо Гукову послано ещё из Борзны[5]. Хочу осчастливить бедную мою Оленку и её мать, которые никогда не знали, что значит домашнее довольство и изобилие. Гуков водворит их в моём хуторе по словам Давида: «*На мести злачнѣ водвори мя*, на водѣ спокойнѣ основа мя»[6]. Кажется, так? Начинаю опять забывать Псалтырь, а в Киеве я было вытвердил его почти вряд наизусть. Воронеж теперь не будет для меня чужбиною, как ты видишь. Теперь-то я могу сказать, вспоминая о нём: Есть в мире память обо мне. Есть в мире сердце, где живу я[7]. Хутор свой я постараюсь устроить так, чтоб можно было и мне прожить в нём с неделю, когда случится проезжать через Черниговскую губернию. А кто знает? Может быть, под старость мне не захочется нигде жить, кроме этого пустынного уголка, под которым, по вое Божией, взошла звезда моя! По крайней мере, нигде вечерние и дóсвіточнії казки не представляются мне такими очаровательными, как под тамошними соломенными стрихами. Прощай!

Твой П. Кулеш

Прошу тебя и ещё прошу, и да стоит моя просьба тысячи: собирай украинские слова на Волыни и списывай густо на бумаге почтовой для вручения Костомарову, который перешлёт мне; особенно мне нужны названия земледельческих орудий и их принадлежностей и вообще названия предметов из домашнего быта. Хочу приступить в Праге к переводу «Одиссеи» на украинский язык из Жуковского[8] и иностранных переводов.

169. До Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 9 квітня 1847 р.

Милый, добрый мой друг Саша!

Я здоров и спокоен, со мной обходятся хорошо, и я думаю, что это загадочное приключение кончится ничем. Прошу тебя подать прошение генерал-губернатору о снабжении тебя свидетельством на проезд в Петербург в сопровождении брата Василия Михайловича. Если ж ему ехать с тобой не позволят, то проси дать одной тебе свидетельство и возьми место в дилижансе, который ходит до самого Петербурга. Для этого ты постарайся сперва узнать, едет ли в Петербург какая-нибудь почтенного звания дама в одной карете с тобою, и с этою дамою ты познакомься и поручи себя её опытности[1]. По прибытии в Петербург ты прежде всего поезжай к П. А. Плетнёву и поручи себя его покровительству. Если он не предложит тебе жить вместе с О[льгой] П[етровной] (я этого желал бы не для денежной, а для нравственной выгоды), тогда ты поезжай на Гороховую улицу к Московской съезжей в дом Доливо-Добровольского к Льву Семёновичу Кармалееву, у которого живёт брат Виктор. О том, можно ли тебе видеться со мною и как, скажет тебе Пётр Александрович. За место в дилижансе ты заплатишь около 55 рубл. серебр. Кроме того, ты должна взять с собою рублей 50 серебром. Здесь меня поместили весьма удобно. Я почти совершенно спокоен. Да, вот ещё что: скажи Петру Александровичу от меня, что я ничем не постыдил его высокой дружбы и не сделал ничего законопреступного.

Твой П. Кулиш

1847, апреля 9.

Да не смущается сердце твоё. Помни, что без воли Божией и волос не падёт с головы нашей. Целую тебя и надеюсь встретиться на свободе.

Надо купить складной чемодан, в котором бы поместились все твои вещи. Одну подушку не забудь взять к себе в карету[2].

На звороті: Её Высокоблагородию Александре Михайловне Кулеш в Варшаве, на Краковском предместии, во 2 этаже дом под № 429.

170. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 13 квітня 1847 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Так как вы, по доброте своей, предоставляете мне все средства оправдаться[1], то позвольте, в доказательство своего хорошего мнения о великороссиянах[2], указать Вам на последнее печатное моё сочинение: «Карманная книжка для помещиков», изданная под псевдонимом штаб-лекаря Гладкого. Её можно найти в здешних книжных лавках.

С глубоким почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, апр[еля] 13.
С. Петербург.

171. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 22 квітня 1847 р.

Пётр Александрович, мой добрый, мой бесценный Папенька!

Если мой несчастный друг, моя Саша, не здесь уже, то через день, через два или через три она будет. Но, может быть, Вы и в этом году переедете очень рано на дачу[1]. В таком случае прошу Вас сделать распоряжение, чтоб ей не было невозможно Вас тотчас видеть. Видеть Вас для неё значит видеть нечто из моей личности. О, утешьте её, если у Вас и в настоящем случае найдётся какое-нибудь утешение! А главное – облегчите ей доступ ко мне. Генерал Леонтий Васильевич Дубельт понимает моё горе и сам обещал просить Графа, чтоб позволил видеть меня жене моей. К нему-то я Вас прошу обратиться, лишь только моя бедная подруга к Вам явится. Сама она не в состоянии никого отыскать в Петербурге. Если швейцар скажет Вам, что она у Вас была и, не застав Вас дома, уехала, то вот как отыскать её. В Гороховой улице, возле Московской съезжей, в доме Доливо-Добровольского живет родственник наш, Лев Семёнович Кармалеев. Потрудитесь послать туда за нею лошадь, и она тотчас к Вам приедет. Боже! до сих пор я не знал, что есть на свете такие горькие страдания! Утешьте её на время хоть обманом. Я желал бы сойти с ума и забыть, что она существует.

Ваш неизменный П. Кулеш

1847, апр[еля] 22.
С. Петербург.

Прилагаю письмо для вручения ей[2].

Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву & & на Васильевском Острову, в университет.

172. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 24 квітня 1847 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Так как Вы из человеколюбия обещали принять во внимание всякое моё оправдание, то позвольте доложить ещё Вашему Превосходительству, что «Повесть об украинском народе» написана мною случайно, а не с злым намерением возмущать умы земляков моих[1]. Это было именно вот как. Приехавши в Петербург, я был очень радушно принят в домашнем кругу Александры Осиповны Ишимовой, издательницы

детского журнала «Звёздочка». Не зная, как выразить ей мою благодарность, я написал для её журнала эту «Повесть об украинском народе», и в типографии оттиснули для меня только *двесте* особых экземпляров. Если бы я имел намерение возмущать моих земляков против законного их правительства, то судите сами, Ваше Превосходительство, такое ли ничтожное количество экземпляров я бы напечатал? Оглядываясь на прошедшее, я теперь с ужасом вижу, что, увлекаясь ложным взглядом на вещи, я сам стремился и, может быть, вёл других к величайшим бедствиям; но клянусь всем для меня священным, что я стремился слепо, и только теперь вижу, какие ужасные последствия могли бы иметь мои умствования. Из человеколюбия, из сострадания к моему семейству возьмите, Ваше Превосходительство, на себя труд склонить ГОСУДАРЯ к великодушному прощению моего безрассудства. Я же, помня, что для меня сделано, все силы свои и способности употреблю на то, чтобы будущими моими сочинениями загладить вред, происшедший от моих безрассудных действий[2].

С глубоким почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, апреля 24.
С. Петербург.

173. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 27 квітня 1847 р.

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Я болен и нуждаюсь в пособии медика; именно – у меня сделалось воспаление в одном нежном органе, и может кончиться дурно, если не остановить его вовремя. Сделайте одолжение, Ваше Превосходительство, не откажите мне в этой просьбе.

С глубоким почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, апреля 27.
С. Петербург.

174. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 24 травня 1847 р.

Добрый мой Папенька Пётр Александрович!

Александра Михайловна моя писала ко мне, что Вы были у неё несколько раз. Благодарю Вас от всей души! Вы всегда делаете больше моих ожиданий. С Вашей стороны это значительная жертва, потому что Вам с Александрой Михайловной, как с женщиной не Вашего круга, не может быть очень весело; но уверяю Вас, что Вы, делая для неё это, приносите жертву душе благороднейшей и характеру

истинно возвышенному. Прошу Вас, если можно, сделать Ваши посещения регулярными. Ожидание Вас в известный день и час значительно облегчит её тоскующую душу: нет ничего томительнее времени без граней. Разумеется, чем чаще будут Ваши визиты, тем лучше; но я не смею просить Вас об этом. Вашего сердца довольно для побуждения Вас к делам сострадания.

Музыкой она заняться теперь не в состоянии[1]. Это я понимаю. Она в музыке не перешла ещё за трудности механизма; а можно ли заняться систематически каким-нибудь трудом, когда душа беспрестанно напоминает о своих лишениях? – Как она не притворяется в своих письмах спокойною, но я знаю её очень хорошо: она страдает ужасно! Да как и не страдать женщине, которая взросла посреди самого благоустроенного семейства, которая знала одни ласки, пользовалась ото всех своих особенною любовью за свою кротость и преданность каждому из них до самоотвержения – и вдруг очутилась женою человека, недостойного свободы! Судьба, лелеявшая её до сих пор, одним разом нанесла удар в самые чувствительные места души её; и хоть прекрасное её здоровье не обнаружит вдруг, что происходит в её сердце, но я боюсь, чтоб это тяжкое время не имело пагубного влияния на всю остальную её жизнь физическую и духовную. Потому-то Ваши свидания с нею для меня драгоценны, и, как мне ни совестно перед Вами в настоящем моём положении, которому один я причиною, но я решаюсь просить Вас об этой жертве.

Мне кажется, что чтение хорошо выбранных книг могло бы иногда рассеять тоску её. Так, например, я бы желал, чтоб она прочитала повести Диккенса: «Битва жизни»[2], напечатанную в 3[м] № «Современника», и *Записки* нашего старинного приятеля *Вильчирского Священника*[3]. Она поймёт их, не бойтесь. У неё чудный такт к изящному; ей недостаёт немногого, чтоб приблизиться к тому идеалу семейной женщины, о котором мы когда-то рассуждали; и, если Бог поможет мне пережить мою неволю, я твёрдо надеюсь довести её до той степени развития. – Прощайте, незабвенный Пётр Александрович! а как надолго – тяжело сказать – не знаю!

Ваш П. Кулеш

1847, мая 24.
С. Петербург.

175. До Алєксєя Орлова

Санкт-Петербург, 29 серпня 1847 р.

Ваше Сиятельство Милостивый Государь!

Как ни тяжки были мои душевные и физические страдания, но я благодарю Провидение за всё, что произошло со мною. Теперь по крайней мере остаток жизни я проведу спокойно в отношении к себе и достойным образом в отношении к обществу. Этого спокойствия до

моего ареста и суда надо мною я не знал: я был исполнен мыслей, горьких для самого меня и вредных для моих слушателей или читателей. Пересматривая теперь в уме все прошедшие свои действия, я удивляюсь великодушию ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Ни одно правительство в Европе не поступило бы так милосердно с вредным фанатиком, каким я, к стыду моему, являлся в своих печатных сочинениях и письмах. Верьте, Ваше сиятельство, что после того, как суд ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА надо мною был кончен[1], я нашёл в собственном сознании судью самого неумолимого. Известие о решении дела Белозерского, сообщённое мне женою в крепости, в особенности меня поразило[2]. Я увидел, что действовал преступным образом в отношении к великодушнейшему и человеколюбивейшему в мире ГОСУДАРЮ. Действительно, с этим прекрасным, но неопытным ещё юношею мог бы поступить подобным образом только отец, а не ГОСУДАРЬ! Попечение о моей жене во время моего ареста, внимание, которым она пользовалась у исполнителей МОНАРШЕЙ воли, наконец, облегчение меня переводом в госпиталь, сокращение срока моего ареста и милостивая заботливость даже об удобствах переезда моего в губернский город[3] – всё это наполнило мою душу глубочайшею благодарностью к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Для полного моего спокойствия недостаёт одного: чтоб ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР забыл о моих проступках и считал меня новым подданным, которого возродило ЕГО великодушие. По крайней мере я стану всеми средствами стараться доказать, что теперь понимаю здраво и исполняю свято обязанности верноподданного.

Позвольте ж, Ваше Сиятельство, от всей души принести Вам глубокую мою благодарность за Ваше предстательство обо мне у Престола и за бесценное покровительство, которого Вы удостоивали мою жену. Верьте, Ваше Сиятельство, что Вы своими действиями внушили мне неизгладимые и отрадные для всей моей жизни чувства!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, августа 29.
С. Петербург.

176. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 1 вересня 1847 р.

Добрый мой земляк и друг Осип Максимович!

Письмо это вручено Вам родным братом моей жены, Виктором Михайловичем Белозерским. Я уже в Туле на службе, а он будет ехать через Тулу домой. Прошу Вас вручить ему «Чёрную раду»[1] для доставления мне. Да ещё одна просьба. По некоторым обстоятельствам я должен был отказаться от всех «Чтений», какие до сих

пор мне высланы. Если можно, прошу Вас выслать мне их в Тулу с самого начала и впредь высылать. Я не теряю надежды, что мне опять позволят печатать[2]; тогда я Вас отблагодарю. Уведомите меня о всех запутанностях книжных наших дел. На мне должен быть денежный долг; я хочу его очистить. Если у Вас есть для меня какие-нибудь книжные гостинцы, Виктор Михайлович мне доставит. Даже и самые «Чтения» не худо бы теперь же вручить ему для передачи мне. Да ещё просьба. Ваше общество издало недавно драгоценную «Книгу Большому Чертежу»[3]. Не можете ли снабдить меня одним экземпляром? Вообще, сколько может общество дарить мне своих изданий, прошу Вас снабжать меня ими. Я буду ему и вам благодарен впоследствии своим сотрудничеством и доставлением материалов. – Не пишу Вам ни о каких посторонних обстоятельствах: всё это вам расскажет Виктор Михайлович, которого вам рекомендую как умного и доброго человека, независимо от того, что он мой родственник.

Ваш П. Кулеш

1847, сент[ября] 1.
С. Петерб[ург].

На звороті: *О весьма путных делах*[4]. Осипу Максимовичу Бодянскому, профессору Московского университета. О квартире узнать в книжной лавке «Москвитянина» возле дома генерал-губернатора и на обёртке каждого № «Чтений в Обществе истории и древностей российских». Я думаю, эте книги есть во многих книжных лавках. Смотрите на последнем нумере.

177. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 2 вересня 1847 р.

1847, сент[ября] 2.

Прошу Вас, бесценный друг наш, Пётр Александрович, передать Виктору Михайловичу мою пор[т]фель и «Чёрную раду»[1].

Ольге Петровне и Александре Осиповне мой сердечный поклон. Буду писать из Тулы.

Ваш П. Кулеш

Его Превосходительству Петру Александровичу Плетнёву & &

178. До Ніколая Муравйова (Амурського)

Тула, 12 вересня 1847 р.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать мне честь определением меня к службе в Вашей канцелярии. Я не смею выразить здесь, какое именно штатное место желал бы я занять, будучи уверен, что Ваше Превосходительство не оставите меня своим

вниманием по мере того, как я покажу себя способным к этому новому для меня роду службы. При сем имею честь представить копию моего формулярного списка.

Бывший старший учитель 5-й С. Петербургской гимназии

П. Кулеш

Квартира в гостинице Царское Село, № 11.

179. До Олександри Куліш

Тула, 14 вересня 1847 р.

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать,
Томленья горького разлуки
Мой взор молил не прерывать.
Но ты от нежного лобзанья
Свои уста оторвала,
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья,
Под небом вечно голубым,
В тени аллей, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».
Но там, увы![1] .....

Пушкин

1847, сент[ября] 14; 5 часов вечера
Тула.

Дюся, красота моей жизни! Я тебя отпускаю любящую и нежно любимую. Возвратись ко мне ни лучше, ни хуже.

Твой
П. К.

180. До Осипа Бодянського

Тула, 15 вересня 1847 р.

Милостивый Государь Осип Максимович!

Издаваемый Вами журнал «Чтения в Обществе истории и древностей российских», следующий мне по моей подписке на него несколько месяцев назад, покорнейше прошу Вас высылать на имя моего хозяина Оружейного Мастера Авинира Яковлевича Салищева-Жучкина, в Туле, на Посольской улице, против часовни Николы,

в собственном доме. На его же имя, для верности, прошу высылать и прочие книги, издаваемые Историческим обществом, на которые я подпишусь впоследствии.

Примите уверение во всегдашнем почтении, с которым имею честь быть, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою

П. Кулеш

1847, сент[ября] 15.
Тула.

181. До Пєтра Плєтньова

Тула, 16 вересня 1847 р.

1847, сент[ября] 16. Тула.

Вы могли бы получить от меня письмо почтою раньше, бесценный друг наш Пётр Александрович, но мы были так сильно заняты собою, что спохватились слишком поздно узнать о почтовых днях. Прежде всего – моя глубочайшая Вам благодарность за мою Старушку, которая не нахвалится Вашими ласками. Потом мой усердный поклон Ольге Петровне и Александре Осиповне. Вы все для нас обоих ныне то, что прежде были для одного меня. Ещё раз благодарю Вас.

Я здоров. Приняли меня здесь хорошо, но я жалею, что Муравьёв скоро уезжает в Сибирь генерал-губернатором. Кто на его место, этого здесь не знают. Я, впрочем, ни от кого другого не ожидаю столько доброго, сколько дал мне надеяться его вид и способ обхождения со мною. Я был однажды у полковника жандармов и у вице-губернатора Барановича, как человек, обязанный засвидетельствовать им своё почтение, а потом не был ни у кого. Почтенный Муравьёв, которого я полюбил с первого взгляда, предоставил мне свободу в употреблении моего времени, пока я здесь устроюсь. Он мне сказал, что по моему «чину и образованию» мне нельзя предложить места ниже чиновника особых поручений и что новый губернатор, вероятно, даст мне это место. Вакансия откроется месяца через два; до тех пор я охотно согласился служить без жалованья.

А[лександра] М[ихайловна] моя уехала в Малороссию с 14 на 15 число ночью в 10 часов. Мы были с нею несколько дней необыкновенно счастливы. И теперь я не тоскую. Я занят устройством небольшого хозяйства. Каждую вещь я покупаю, советуясь с эстетическим вкусом и обращая внимание на долговечность. Квартиру нам удалось нанять превосходную, а именно:

1. Хозяин наш зажиточный мещанин, ремеслом оружейник, человек прямой и учтивый. Я боялся нанять у кого-нибудь из того сословия или общества, с которым я должен иметь разные соотношения по службе и пр.

2. Мы занимаем весь второй этаж каменного нового, чистенького домика, состоящий из пяти весёлых комнат с мебелью и кухни, прекрасно устроенной.

3. Дом этот на широкой улице, играющей здесь второстепенную роль после *Киевской*, которая – здешний Невский проспект.

4. У нас есть сарай для дров, хлев для коровы, конюшня для лошадей (если б мы их держали) и погреб. Всё это устроено весьма хозяйственно и отделено от хозяйских сараев и прочего.

5. Очень близко от губернаторской канцелярии и от главного пункта города, т. е. Киевской улицы и её магазинов и тротуаров.

6. Напротив нас церковь и развалины, с которых можно учиться рисовать.

7. Во дворе колодязь.

8. Мать хозяина – великая искусница солить огурцы и пр., и пр.

Ваш П. Кулеш

182. До Пєтра Плєтньова

Тула, 27 вересня 1847 р.

27 сент[ября] 1847. Тула.

По уезде Александры Михайловны я воображал, что очень спокойно дождусь её возвращения; но теперь одолела меня такая скука, такая тоска, что я написал уже несколько раз к ней: «Приезжай поскорее»[1]. – Вчера заехал ко мне на один час Вернадский[2] и оживил мою душу рассказом о Вас и о Ваших домашних и приятелях. Но появление его с образованною речью и с живым сердцем в этой пустыне дало мне ещё больше почувствовать бедность окружающих меня людей по его уезде. Я здесь ни с кем ещё не знаком, потому что с теми, которых знаю, нет возможности быть знакому, а с другими боюсь знакомиться, чтоб после не каяться. Кроме родных, я прервал со всеми переписку; читать нечего; за перо нет силы взяться; служба моя – страшная проза. Довольно Вам сказать, что мне не дали никакого штатного места, а заставили заниматься *в столе* в виде мельчайшего крючкотворца! Муравьёв, которого я застал на выезде, принял меня как нельзя внимательнее, но вице-губернатор[3] обходится со мною с непостижимою гордостью и холодностью. О месте чиновника особых поручений правитель канцелярии[4] изъявил нисколько не радостное для меня удивление. Одним словом – сослуживцы смотрят на меня косо, а начальники никак не смотрят. Вот Вам, мой отец и друг, печальная повесть о новой моей жизни, на которую я обречён непонятною судьбою. С этою ж почтою я, в скромных выражениях, пишу и к Леонтию Васильевичу Дубельту о том, как меня приняли начальники и что я получил в удел по службе[5]. Я не прошу его ни о чём, но письмо моё, может быть, наведёт его на мысль сказать обо мне несколько слов новому губернатору[6], который, вероятно, у вас в Петербурге.

Желал бы писать и к А[лександре] О[сиповне], и к О[льге] П[етровне], но лучше молчать, когда невесело. Напишу к ним немедленно, лишь только почувствую себя снова счастливым.

От Вас я не получил ещё ответа на первое письмо и прошу Вас не принуждать себя к нему, если Вам хочется молчать. Как бы Ваше сердце ко мне ни поворотилось, я всегда верую в законность его чувств и уважаю их.

Ваш П. Кулеш

183. До Пєтра Плєтньова

Тула, 2 жовтня 1847 р.

Окт[ября] 2, 1847. Тула.

Название *чиновника 9го класса*, данное мне в бумаге[1], которою я назначен в Тулу на службу, принято здесь как основание для места, какое можно предложить мне, – по крайней мере Муравьёв так это принял и высказал мне в разговоре, покамест ещё единственном по приезде моём сюда. (Со мной никто не вступает в разговор; я тоже молчу, не замечая ни в ком охоты со мной беседовать. Прихожу в канцелярию, поработаю несколько часов и ухожу молча, не обменявшись с добрыми людьми ни одною фразою. Чудо, как весело! Ещё одна черта: сперва я, увидя вошедшего в нашу комнату правителя канцелярии, приподнимался с своего места и очень почтительно ему кланялся; но видя, что он не обращает ни малейшего внимания на мои поклоны, перестал и я вставать и кланяться. Но это всё в скобках.) Поэтому покорнейше прошу и Вас, Пётр Александрович, как в бумаге к управляющему губерниею, так и в заглавии формулярного моего списка назвать меня чиновником 9го класса.

Здоровье моё едва-едва мне служит. Не знаю, как я снесу эту службу, которую судьбе угодно было взвалить на мои совсем негодные для неё плечи. Посидевши за антиэстетическими, странно вяжущимися фразами часов пять, я выхожу из канцелярии с жестокою болью в груди и в животе, так что не могу скоро и за обед приняться. А тут ещё тоска! Грустно так рано разрушаться! Никогда ещё мне смерть не была так ужасна! А надо, вижу, будет и умереть: уже я испытал всякие горечи, одной недостаёт ещё! Простите, Пётр Александрович, что я своими жалобами заставляю, может быть, и Вас чувствовать себя в эту минуту несчастным. Но это в последний раз. С этого времени стану писать к Вам только о том, что существенно для меня сказать, а для Вас знать нужно. Благодарю Вас ещё раз от всей души за Александру Михайловну и за самого себя. Вы – самое отрадное явление в моей жизни. Если только «с ризой гробовой не брошу всех чувств земных и не будет мне чужд мир земной»[2], то и за могилою воспоминание о Вас будет для души моей отрадно.

Ваш П. Кулеш

184. До Осипа Бодянського

Тула, 7 жовтня 1847 р.

Тула, 1847, окт[ября] 7.

Милостивый Государь Осип Максимович!

Во избежание всех засвидетельствований для почтовой конторы, где меня не знают, я послал Вам адрес моего хозяина, оружейника Авинира Яковлевича Салищева-Жучкина, в Посольской улице, в собственном доме, и просил Вас высылать на его имя следующие мне экземпляры издаваемого Вами журнала. Теперь меня на почте знают и Вы можете высылать книги на моё имя. Мне здесь очень, очень скучно. Вообразите, что я не имел возможности до сих пор ни с кем познакомиться хоть столько, чтоб бывать у него в доме. Так все или недоступны, или слишком ниже того образования, при котором знакомство было бы приятно, а не тягостно. Жена уехала в Малороссию отдохнуть от своих горестей, которые злая наша судьба слишком щедрою рукою посеяла при самом начале её жизненного поприща. Я живу один и, не заметив ни в ком из моих сослуживцев той человечности, которая понимает состояние души несчастного пришельца и сама подаёт ему руку, не заметив до сих пор ни в ком к себе участия и желания вступить со мною в приятельские отношения, а напротив, видя и чувствуя, как все приметно устраняются от меня, я служу молча и едва знаю, как зовут по имени правителя канцелярии. Прочих совсем не знаю, кто они, независимо от их должностей. Думаю, что это так будет и во всё время пребывания моего в Туле. Теперь книги только да бедная моя подруга будут моими собеседниками. Поэтому-то прошу Вас, добрый Осип Максимович, распорядиться, чтоб мне поскорее выслали Ваш журнал.

Вас от всей души почитающий

П. Кулеш

Часто хвораю. Здоровье моё сильно расстроено.

185. До Віктора Білозерського

Тула, 9 жовтня 1847 р.

9 окт[ября] 1847. Тула.

Любезнейший брат Виктор Михайлович!

Что Вы желаете Саше и мне добра, в этом я не сомневаюсь; что я Вас уважаю от всей души и потому люблю сердечно, в этом Вы также не сомневаетесь; но Вы не хорошо сделали, вмешиваясь в такие дела, как сердечный разговор между мною и женой моей. Она одна может меня понимать, она одна в состоянии исполнить всё, что следует. Прошу Вас никогда моих писем к ней не вскрывать. Я знаю, что я делаю, и сейчас Вам докажу, что Вы поступили очень нехорошо.

Я уже более недели не в состоянии ходить в канцелярию; я большую часть времени не встаю с постели; один раз я думал, что скоро умру, – так мне было худо. Теперь мне немного лучше, но всё-таки я не в состоянии ходить на службу. А Ваше письмо меня просто сразило. Умоляю Вас: предоставьте *Саше* свободу рассуждать собственною головою и чувствовать собственным сердцем. Она найдёт средства и *деньги* для[1] экипажа и всяческие другие, и через три дня после того, как Вы развяжете ей руки, она будет здесь и спасёт меня от смерти. К этому позвольте присовокупить, что хотя бы Вы вонзили мне нож в сердце, то и тогда я на Вас не сердился бы: я уважаю побуждение, хоть и порицаю действие. Итак, не думайте, что последние мои минуты будут отравлены горькою мыслью, что Вы жестокосердый человек. Вы по душе и сердцу – ангел, но, ради Бога, на этот раз предоставьте мне и Саше действовать по своему. Вас от всей души почитающий брат

П. Кулиш

В Орловской губернии есть преопасные горы. Умоляю тебя настаивать, чтоб непременно тормозили коляску всякий раз[2].

186. До Пєтра Плєтньова

Тула, 15 жовтня 1847 р.

15 окт[ября] 1847. Тула.

Письмо Ваше, несравненный друг наш Пётр Александрович, получено мною в то время, когда я потерял было уже надежду, что Вы ко мне отзовётесь. Разными причинами я объяснял себе Ваше решение не писать ко мне, и мне было тем более грустно, что, по-моему, не следовало бы этому быть: осудить человека на отчуждение, не выслушав его оправданий, казалось мне несогласным с Вашими понятиями о справедливости, и теперь я за себя и за Вас радуюсь.

Я, помнится, написал в первом письме, что квартира моя ***в Посольской улице, в доме оружейника Жучкина***, и прибавил в скобках: «куда и адресовать ко мне письма». Если же нет, то винюсь в великом преступлении против законов корреспонденции.

Перечитываю римских поэтов и в ответ на одно место письма Вашего отвечаю словами одного из них: Pourquoi t'étonner si une femme dirige à son gré ma vie; si elle traîne après elle un homme enchaîné à ses lois? T'imaginerais-tu lire sur mon front de honteuses faiblesses, parce que je ne puis ni briser mon joug, ni rompre mes liens? Le cocher présage mieux que tout autre la tempête qui menace, et ses blessures apprennent à craindre au soldat. Moi aussi, dans ma première jeunesse, j'avais cette jactance de paroles. Que mon exemple aujourd'hui t'apprenne à te tenir sur tes gardes[1]. Последние слова показались мне смешными в отношении к Вам, но я вспомнил, как Вы однажды, гуляя со мной по Смоленскому кладбищу, сказали: «Это ещё вопрос,

кто из нас моложе!». Итак, берегитесь, чтоб Ваше юношеское сердце не позабыло о Ваших неюношеских летах.

Тоска моя об отсутствии моей Дамаянти[2] была, впрочем, как вижу, только прицепкою для разных недугов души и тела. Скоро по отправлении последнего письма к Вам я заболел по всем правилам медицины и перестал ходить на службу, а в одну ночь мне сделалось так худо, что я на другой день отправил к Александре Михайловне эстафету[3], боясь умереть без неё. Теперь одна мысль, что она скоро приедет, возвратила мне бодрость души и силы. Впрочем, я всё-таки ничего не в состоянии есть, кроме супу. Несчастья не делают человека ни хуже, ни лучше, а только показывают, каков он есть. Я после всех своих злоключений опустил несколькими градусами вниз гордое о себе мнение. Теперь я вижу ясно, что для борьбы с жизнью я не гожусь и, если надеюсь ещё прожить десяток или больше лет на свете, то не иначе, как забравшись в такое захолустье, где бы меня никто не трогал, и если можно, не знал. Возвращение в Петербург, признаюсь Вам, перестало быть отрадною моей мечтою. К регулярному труду на службе я не способен; он убьёт последние мои силы. Притом же жизнь в этаком столплении народа без удобств (а с какой стати дать мне жалованье, обеспечивающее все домашние мои нужды?), разные неприятности, неизбежные в новой для меня службе, и пр. и пр., всё это как раз меня уничтожит. Иное дело – деревня и свобода деятельности. Меня занимает теперь проект обзавестись небольшим имением возле Тулы[4], и если всё уладится, как я думаю, то я совершенно примирюсь с своею участью.

Ваш П. Кулеш

Вашим дамам[5] мой сердечный поклон. А[лександра] М[ихайловна] в письмах из Малороссии просит свидетельствовать им и Вам своё глубокое почтение.

187. До Пєтра Плєтньова

Тула, 25 жовтня 1847 р.

Суббо[ота]. 25 окт[ября] 1847. Тула.

На письмо Ваше, отец мой, от 7 окт[ября] я отвечал 15го: теперь Вам адрес известен.

Покорно благодарю Вас за дело о формуляре[1].

Удивляюсь, как Вы много меня любите! Неужели я мог одним отсветом своим на новых для Вас лицах, А[лександры] М[ихайловны] и В[иктора] М[ихайловича], заставить Вас полюбить их так нежно? Или они сами внушили Вам это чувство? Их ещё нет, и, судя по некоторым обстоятельствам, они будут в Тулу ещё не скоро, хотя прошло уже три срока, означенные в письмах А[лександро]ю М[ихайловно]ю и В[икторо]м М[ихайловиче]м. Письмо, полученное от них в минувший четверг, отбросило границу моего ожидания

на несколько дней далее; то, которое получу в следующий понедельник, кажется, отбросит её ещё на несколько же дней и т. д., если судить a posteriori[2].

Я не малодушен, а болен. В этом удостоверит всех близкая смерть моя. Теперь этого никто не знает, кроме моих хозяев, и никто этому не верит, кроме тех, кто видит, что я не ем, не сплю и похож на мертвеца. В[иктор] М[ихайлович] написал ко мне, что он перехватил мою эстафету, но, судя по некоторым обстоятельствам, А[лександра] М[ихайловна] знает её содержание. После эстафеты я не пишу, потому что ни о чём писать не могу, кроме об одном: «я болен, я скоро умру, бросай всё и приезжай». А В[иктор] М[ихайлович] написал ко мне, что он ни одного письма моего с этим известием не допустит к ней. И так они назначают своему замолчавшему корреспонденту сроки за сроками, а сами всё-таки не едут. У них все здоровы и веселы; это я знаю; я один болен, но я не их. Не судите меня так строго, Пётр Александрович. Если я бросаюсь туда, куда мечет меня отчаяние, пускай никто не упрекает меня в безумии и неблагодарности. Вам издали не видно моих чёрных туч, не слышно вихря, который терзает мои чувства; гром, который здесь ударяет[(a)], для Вас только блестит. Пускай обо мне судит один Бог так решительно, как Вы: чтобы судить меня в теперешнем моём положении, надобно быть не вдали от меня и даже не со мною, а во мне[3].

Я писал в известном уже Вам письме к Леонт[ию] Васильевичу[4] между прочим и о том, что я жалованья не получаю и что надежда моя на нового губернатора, который, может быть, даст мне место, соответствующее моим семейным нуждам. Впрочем, денег теперь мне не нужно, а служить я больше не в состоянии.

Благодарю Вас, отец мой и единственный верный словом и делом друг Пётр Александрович, за Вашу любовь ко мне. Не то бы расцвело у меня в душе от неё без того да другого, но и теперь умру без ненависти к современному человечеству.

О[льге] П[етровне] и А[лександре] О[сиповне] от сердца кланяюсь.

П. Кулеш

188. До Леонтія Дубельта

Тула, 1 листопада 1847 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Возвратясь из Малороссии[1], Александра Михайловна моя прежде всего сказала мне, какую радость произвело в её семействе известие брата Васи о том, что Ваше Превосходительство собственноручно к нему писали[2]. Этим я был и обрадован и удивлён: признаюсь, я не думал, чтобы Вы простёрли до такой степени Вашу отеческую к нему

[(a)] *Було*: гремит

любовь. Когда ж на другой день я получил сам от Вашего Превосходительства письмо[3], радость моя была невыразима! Во всё отсутствие моего друга в Малороссию я хворал, и – не скрою – более от нравственных, нежели от физических причин. Теперь её возвращение и Ваше бесценное письмо восстановили в моей душе ясность чувств, больше всего необходимую для моего здоровья. Обрадованный и успокоенный, я, кажется, оправлюсь очень скоро. – Мне как нельзя более понятно, почему Ваше Превосходительство назвали себя истинно счастливым: иметь в руках средства распространять везде добро, свет, радости, и чувствовать, как это прекрасно, – есть величайшее счастье. Если Вы можете вливать блаженство в другие души, то, без сомнения, Вы сами вполне блаженны, и у Провидения за все Ваши добрые дела нет лучшей награды, как собственная душа Ваша!

Новый губернатор найдёт во мне истинное усердие к общему благу и – смело скажу – неподкупную честность. Не знаю, до какой степени мои способности будут соответствовать его потребностям, но желание быть достойным орудием благодетельного ко мне даже после моих проступков Правительства – во мне велико.

Пользуясь убеждением Вашего Превосходительства в том, что я теперь имею в виду новый, указанный мне Вами путь жизни, осмеливаюсь покорнейше просить Вас исходатайствовать мне ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение печатать мои сочинения. Не говоря о том, что пятимесячное пребывание моей Александры Михайловны в столице, поездка её для утешения матери в Малороссию и обзаведение наше в Туле кой-каким хозяйством уменьшили значительно небольшое наше состояние, не говоря о том, что служба в Туле, при здешних окладах жалованья, не может доставить мне средств для безнуждной жизни и что, приобретя источник доходов литературных, я мог бы дополнить ими своё будущее жалованье и не бояться прожить последнюю тысячу рублей маленького моего капитала, – я горю нетерпением доказать, что я теперь иной человек и что лучшею литературною заслугою считаю согласие моих идей с благодетельными заботами Правительства. Мне случалось здесь уже в Туле слышать от молодых людей похвалы моему «героизму», что было горьким для меня упрёком. Я знаю, что личность моя приобрела теперь во мнении многих странный, унизительный для меня смысл. Поэтому я желал бы показать всем, что мой идеал возможной на земле справедливости, здравомыслия и практической любви к человеку заключается в русском Правительстве, что на старое время русское вообще, и в особенности на украинское, я смотрю с ужасом и жалостью и что, по моему мнению, для России теперь только наступило время полного развития прекрасной государственной жизни, начатой Петром Великим. «Чёрная рада» моя, вновь исправленная и местами переделанная, представляет как нельзя яснее всю беспорядочность украинской старины и, будучи основана на долгом изучении исторических источников, докажет всем рассудительным людям, что старина наша похожа на страшную ночную сказку и что светлый день спокойной

жизни настал для Малороссии только в новейшее время. Если б я был так счастлив, чтобы Правительство возвратило мне свою доверенность позволением печатать, я бы выступил на новое литературное поприще с этим романом. Я уверен, что он заставил бы думать иначе обо мне и тех, которые негодуют на безрассудство проповеданных мною прежде мыслей, и тех, которые делают меня каким-то ламаншским *героем*. То и другое тяготит мою душу, и Ваше Превосходительство понимаете, как было бы для меня радостно, если бы все верили в моё перерождение по-Вашему!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, ноября 1.
Тула

189. До Пєтра Плєтньова

Тула, 1 листопада 1847 р.

Субб[ота]. 1 ноября, 1847. Тула.

Я никогда не думал, добрый наш друг и отец Пётр Александрович, чтобы одиночество, болезнь и тоска могли до такой степени помрачить ясность души моей. Вспоминаю теперь об этом, как о страшном сне. Я опять счастлив и почти здоров. Вчера я получил от Леонтия Васильевича необыкновенно ласковое письмо. Сегодня я отвечал ему и, между прочим, написал следующее: «Пользуясь убеждением В[ашего] Пр[евосходительства] в том, что я теперь имею в виду новый, указанный мне Вами путь жизни, осмеливаюсь покорнейше просить Вас исходатайствовать мне Высочайшее разрешение печатать мои сочинения. Не говоря о том, что пятимесячное пребывание моей А[лександры] М[ихайловны] в столице, поездка её для утеш[ения] матери в Мал[оросию] и обзаведение наше в Туле кой-каким хозяйством уменьшили значительно небольшое наше состояние, не говоря о том, что служба в Туле при здешних окладах жалов[анья] не может достав[ить] мне средств для безнуждной жизни и что, приобретя источник доходов литературных, я мог бы дополнять ими своё будущее жалованье и не бояться прожить последнюю тысячу маленького моего капитала, – я горю нетерпением доказать, что я теперь иной человек и что лучшею литературною заслугою считаю согласие моих идей с благодетельными заботами Прав[ительства]. Мне случалось здесь уже в Туле слышать от молод[ых] людей похвалы моему «героизму», что было горьким для меня упрёком. Я знаю, что личность моя приобрела теперь в мнении многих странный, унизительный для меня смысл. Поэтому я желал бы показать всем, что мой идеал возможной на земле справедливости, здравомыслия и практической любви к человеку заключается

в русск[ом] Правительстве, что на старое время русск[ое] вообще и в особенности на укр[аинское] я смотрю с ужасом и жалостью и что, по моему мнению, для России теперь только наступило вр[емя] полного развития прекрасной государств[енной] жизни, начатой Петр[ом] В[еликим]. «Чёрная рада» моя, вновь исправленная и местами переделанная, представляет как нельзя яснее всю беспорядочность украинской старины и, будучи основана на долгом изучении истор[ических] источн[иков], доложит всем рассудительным людям, что старина наша похожа на страшную ночную сказку и что светлый день спокойной жизни настал для Мал[ороссии] только в новейшее время. Если б я был так счастлив, чтобы Пр[авительство] возврат[ило] мне свою доверенность позволением печат[ать], я бы выступил на нов[ом] лит[ературном] поприще с этим романом. Я уверен, что он заставил бы думать обо мне иначе и тех, которые негодуют на безрассудство проповеданных мною прежде мыслей, и тех, которые делают меня каким-то ламаншским *героем*. То и другое тяготит мою душу, и Ваше Прев[осходительство] понимаете, как было бы для меня радостно, если бы все верили в моё перерождение по-Вашему».

О[льге] П[етровне] и А[лександре] О[сиповне] от меня и от А[лександры] М[ихайловны] усердные поклоны. Много посылаю с этою почтою писем к родным, и потому мы не успели отозваться к ним особенно.

Ваш П. Кулеш

190. До Надії Забіли

Тула, 6 листопада 1847 р.

6 ноября, 1847 [а]. Тула.

Добрая наша сестрица! целую каждый пальчик прелестных ваших ручек. Николаю Николаевичу прошу свидетельствовать моё почтение. У нас так весело, так весело, что меня тревожит одна только мысль: как бы это не переменилось! Мы заняты с утра до вечера, да как! Тут у нас и картины, и музыка, и гальванопластика[1], и чтение! Ещё не всё: я занимаюсь столярным искусством[2], которое постигаю в совершенстве, и учу ему Семена[3]. Когда-нибудь вы получите от меня образец моей гальванопластики или столярного искусства. Мы вас очень любим; мы вспоминаем о вас не иначе, как с нежным чувством родственной дружбы. Прошу вас уведомить Сашу обстоятельно о ваших занятиях и вообще обо всём, что нам любопытно знать.

П. Кулешик

[а] *Було*: 1846

191. До Віктора Білозерського

Тула, 8 листопада 1847 р.

8 ноября, 1847, Тула.

Бесценный брат наш Виктор Михайлович!

Прежде всего о самом нужном. Послал я 15 октября *в редакцию «Современника»* 17 р. сер. в совершенной надежде получить от неё все вышедшие уже и имеющиеся выдти книжки «Современника» на 1847 год. Но оная злокачественная редакция до сих пор хранит в отношении ко мне самое варварское спокойствие. Нельзя ли спросить у неё, получила ли она мои деньги и когда вышлет мне книги?

Процесс гальванопластики уже начался. Вольтова столба здесь и в помине нет. В купоросный раствор опускается форма, прикреплённая к деревянной дощечке. В дощечку воткнуты четыре палочки, на которых утверждена перегородка немножко выше формы. На перегородку кладётся погружённая до половины своих деревянных боков обтянутая пузырём ситка; в ситке немножко выше волосни – также перегородка. На неё кладётся квадратный кусок железа. Четыре проводника из медной проволоки одним концом прикреплены к самой форме и тщательно запаяны при ней воском и замазаны графитом, которым натирается и вся форма, а другим загнуты в ситку, положены на железную плитку и прижаты другою плиткою, поменьше первой. В ситку наливается вода и купоросное масло. От этой кислоты железо потихоньку растворяется, электрический ток стремится от него по проводникам в купоросный раствор и привлекает медь на форму. Весь процесс осаждения меди на форму совершается в течение недели. Опустили в раствор форму вчера, и я уже имел удовольствие видеть, как она начала покрываться ярко красною медною кожицею. Об окончательных результатах не замедлю уведомить вас.

Семён занедужав: голова, руки и ноги болят, ничего не ест, целый день не вставал с постели. Это нас очень тревожит. Но медика звать я не намерен. Как истинный сын природы, Семен должен выздороветь сам, а медик может разорить его организм так, что и в месяц не справится. Вчера живописец[1] принялся опять за мой портрет[2]. Сегодня, может быть, начнёт Сашин[3]. Саше не нравится, что я в халате: говорит, что нельзя поставить такого портрета в гостиной. Однако ж не отстаёт от меня и желает быть написанною в утреннем уборе. Я сочинил позицию и всю обстановку, а живописец выполнит мой эскиз в картине. Холеры у нас в Туле вовсе не слыхать[4], а грязюка так – так настоящая Малороссия!

Льву Семёновичу и Наталии Алексеевне прошу свидетельствовать моё глубокое почтение; Авдотьи Матвеевне[5], Невестке[6] и Нежным Ручкам – тоже; Григорию Григориевичу и Клавдию Игнатьевичу прошу передать мой низкий поклон.

П. Кулешик

192. До Пєтра Плєтньова

Тула, 8 листопада 1847 р.

8 ноября. 1847. Тула.

Благодарю Вас, мой добрый Наставник, за письмо Ваше от 3 ноября. Кругом виноват перед Вами. Не знаю, когда же я стану мужем? неужели я из тех, кто до старости и смерти остаётся мальчиком? Чтó делать? будем жить, как в состоянии. Счастье моё ещё, что я не придаю большой важности тем или другим обстоятельствам, – счастье моё,

Что жизнь мне не блеском и счастьем,
А тайной тоской хороша;
Что в мир и его обаянья
Недолго вдаваться я мог,
Но все его понял страданья
И чувство для них уберёг;
Что дня не проходит и часу,
Чтоб внутренним слухом не внял
Я смерти призывному гласу
И слух от него уклонял.

Всего мучительнее для меня не видеть друга, к которому я привык, как ребёнок к матери. С возвращением А[лександры] М[ихайловны] я сделался спокоен; здоровье моё ещё годится для любимых занятий; я читаю, она рисует[1]; между тем один молодой художник[2] посвятил меня в таинства гальванопластики. Это занимает всё моё время. Я уже больше не тоскую и не скучаю. Только всё-таки из жизни не ожидаю и не добиваюсь ничего путного. Пока во мне живо сердце, до тех пор жизнь мне хороша, хоть бы я доведён был до необходимости вырабатывать кусок хлеба молотком и долотом. Несчастья мои сделали меня очень беспечным. Я наслаждаюсь чудным спокойствием касательно своей будущности. Что же касается до А[лександры] М[ихайловны], которая должна входить в расчёт моей жизни, то пускай только позволят мне печатать. Тогда я доставлю ей ежегодно по 1000 р. асс., а этого весьма довольно для её туалета и кухни в глуши провинции, в каком-нибудь безымянном хуторке. Она не честолюбива. Ей нужна только моя любовь, да любовь родных и друзей, а в этом недостатка никогда не будет.

В способе сохранения здоровья я действительно оставил Вашу методу[3]; этому, впрочем, причиною пять месяцев невольной привычки. Теперь я по целым неделям не выхожу на улицу; но пора опомниться. Постараюсь употребить в дело Ваши советы.

Уже и в предпоследнем письме я заговорил другим языком и мне стыдно, очень стыдно перед Вами, перед ними, а ещё больше перед самим собою.

К Леонтию Васильевичу я писал недавно, как я уже сказал в предыдущем письме. Я буду писать к нему регулярно в известные промежут-

ки времени, даже и тогда, когда не буду в службе. А[лександра] М[ихайловна] также написала к нему несколько строк и возвратила свой заграничный паспорт, который она нашла дома[4]. Мы его истинно любим и уважаем. Это будет доказано тогда, когда мы не будем более ничего от него желать. Я всё ещё не хожу на должность: у меня от сиденья над столом тотчас возобновляется пугающая меня боль в груди. Хотел бы я и совсем от неё отказаться, да боюсь огорчить тех благодетельных Особ, которые так доверчиво меня к ней допустили. Притом же, может быть, новый губернатор даст мне такое место, где потребуются мои правила, моя честность, моё усердие к страдающему человеку более, нежели материальный канцелярский труд; для изнуряющей меня бюрократии я считаю безрассудством пожертвовать остатком своих сил. Они для меня становятся тем драгоценнее, чем я чувствую их у себя меньше. Иное дело, если б я ни к чему более не был способен. Тогда было бы бессовестно провести дома остаток жизни. А теперь, сидя в квартире, я могу выработать для своего имени, для чести моего семейства и материального его благосостояния более, нежели в канцелярии. Итак, не корите меня за моё своенравие. По моему рассудку, я поступаю прекрасно, и я доволен. Буду ли я довольнее, поступая по совету других, тогда как моё собственное убеждение беспрестанно будет осуждать мои действия?

А[лександра] М[ихайловна] свидетельствует Вам и Вашим дамам[5] своё душевное почтение, я – тоже.

Ваш П. Кулеш

193. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 10 листопада 1847 р.

Его высокоблагор[одию] П. А. Кулешу

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Письмо Ваше от 1 ноября я имел честь докладывать Г. генерал-адъютанту Графу Орлову; Его Сиятельство был доволен Вашими превосходными чувствами, но при всём том изволил признать ещё рановременным ходатайство о разрешении печатать Ваши сочинения. Впрочем, Его Сиятельство отозвался, что просьбу Вашу будет иметь в виду и чтобы между тем Вы продолжали Ваши литературные труды, руководствуясь тем направлением, которое ныне приняли.

Уведомляя вас об этом и искреннейше желая содействовать успеху дел Ваших, покорнейше прошу Вас окончить предпринятые Вами сочинения и доставить их ко мне, дабы я мог представить на уважение Его Сиятельства самое содержание оных и тем удобнее ходатайствовать в Вашу пользу.

Примите уверение в истинном и проч.

Подписал генералейтенант Дубельт

Верно: Ноября[(а)] 10 дня
1847 года.

[(а)] *У автографі помилково*: Октября

194. До Віктора Білозерського

Тула, 15 листопада 1847 р.

15 ноября, 1847, Тула.

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс,
Гальванизмом утешайся,
Подымай повыше нос![1]

Опущенная 7го числа форма покрылась медью как нельзя лучше, вчера вынута. Получилась богато разрисованная арабесками чернильница. Саша к этому торжественному дню велела испечь пирогов, и мы праздновали день рождения гальванопластической чернильницы со всевозможным торжеством. От Васи получена на мои 56 страниц записка с обещанием писать с следующею почтою, но этих почт прошло уже две[2]. Зачем было торопиться с ответом только для того, чтобы солгать? Портрет мой окончен, Сашин подмалёван[3]. Подмалёвок обещает не так много сходства, как обещал мой; впрочем, ещё всего можно надеяться.

В 45 № «Тульск[их] вед[омостей]» напечатано следующее: 8 генваря 1848 г. в Губ[ернском] Правлении будет продаваться за неплатёж долга Московскому Опекунскому Совету покойным Александром Темятовым, в числе прочих деревень, деревня Уваровка, находящаяся в 12 верстах от Тулы; в ней налицо крестьян 25 мужского и 21 женского пола, земли разного рода 61 десятин, состоит в единственном владении, крестьяне платят оброку 550 р. асс., а цена этому имению 5500 р. асс. – Мы хотим купить Уваровку. Для этого я съезжу туда и познакомлюсь с управляющим имением Темятова. Как вы посоветуете? покупать ли или искать более обширного поместья?

Прошу свидетельствовать моё почтение Льву Семёновичу и Наталии Алексеевне, также и семейству Бакуновых. Вас искренно почитающий брат

П. Кулиш

А что же кисти? Я хотел бы взяться поскорее за живопись. Семен начал учиться столярному искусству. Один старичок прилаживает инструменты мне, а он под его руководством тешет доски для разных будущих работ. Он изъявляет совершенную охоту поучиться чему-нибудь.

195. До Пєтра Плєтньова

Тула, 22 листопада 1847 р.

Субб[ота]. 22 ноября, 1847. Тула.

Бесценный друг наш, Пётр Александрович! благодарим Вас от всего сердца за Ваши драгоценные заботы о нас[1], а я сверх того благодарю и за маленькую проповедь Вашу, которая стоит большой. –

Службою постараюсь заняться так прилежно, как романом или повестью в самом разгаре драмы. Теперь уже не одна собственная выгода будет меня побуждать к этому, а желание оправдать внимание, какое имеете ко мне Вы и Царские приближённые. Недавно я получил от Леонтия Васильевича Дубельта письмо, очень меня обрадовавшее[2]. Он уведомляет меня, что Граф Орлов был доволен моими чувствами, выраженными в письме к нему, Леонтию Васильевичу, и хотя признал ещё рановременным позволение печатать мои сочинения, однако ж советует мне продолжать литературные[(a)] занятия и изъявил желание, чтобы я прислал в Канцелярию Его Величества для рассмотрения новые мои сочинения. Я переписываю теперь первую часть стихотворного романа своего: «Евгений Онегин нашего времени»[3], начатого мною для удовольствия домашних моих. Теперь я кое-что в нём переделал, кое-что исключил и привёл в такое состояние, что он может явиться в печати. Однако ж, взявшись впервые за стихи, я не доверяю себе и не пошлю своего Онегина прямо к Леонтию Васильевичу[4], а пошлю (в следующий вторник) сперва к Вам. Вкус Ваш и суждение будут для меня законом. Если Вы решите, что эта поэма произведёт выгодное для меня впечатление на умы моих покровителей и что для Вас удобно передать её кому следует, то покорнейше прошу Вас сделать это. Если же напротив, то – как знаете. Вторая часть ещё не написана, и я долго за неё не примусь[5]. Мне сперва нужно убеждение, что я делаю дело; потом я вновь перечитаю старых и новых писателей, соберусь с мыслями и займусь делом не шутя. Кроме того, ожидаю лета и деревни. Они меня подкрепят.

Я писал к Ольге Петровне о молодом художнике[6]. Можно ли надеяться на сбыт его картин в общество поощрения художников?[7]

Гальванопластика удалась мне как нельзя лучше. Я отлил медную чернильницу. Теперь делаю заведение в несколько большем размере и хочу устроить машину так, чтоб она всегда имела на что действовать.

Александра Михайловна рисует и читает Ж.-Ж. Руссо[8]. Вам и Вашим дамам[9] она, равно как и я, свидетельствует сердечное своё почтение.

Ваш П. Кулеш

196. До Леонтія Дубельта

Тула, 25 листопада 1847 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Не нахожу слов для выражения глубокой благодарности моей великодушному Графу[1] и Вам за милости ко мне. Не словами, а делом желал бы я оправдать внимание и доверенность ко мне высоких пред-

---

[(a)] *Далі закреслено*: мои

ставителей Правительства, но не знаю, достаточно ли моих слабых сил для выражения в делах тех чувств, какие они мне внушили. Имею честь представить Вашему Превосходительству на рассмотрение поэму мою: «Евгений Онегин нашего времени». В ней местами высказаны эти чувства[2]. Светлые мои упования на осуществление благородных целей Правительства, без сомнения, разделят многие из читателей и станут по моему смотреть на всё, что в нашем Отечестве поражает ещё неприятно любящую душу человека-гражданина.

«Чёрной рады» я теперь не могу ещё представить Вашему Превосходительству, потому что окончательная отделка и в особенности переписка набело этого романа требует продолжительной работы, а я почти после всякого присеста у письменного стола чувствую нестерпную боль в груди. Обожду весны, которая всегда для меня живительна, и тогда, с укреплением сил, перепишу и представлю свой роман на благосклонный суд Вашего Превосходительства.

С глубочайшим почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1847, ноября 25.
Тула.

На конверті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту & &
В С. Петербург.

197. До Пєтра Плєтньова

Тула, 25 листопада 1847 р.

25 ноября, 1847. Тула.

Посылаю Вам, несравненный друг наш Пётр Александрович, «Евгения Онегина нашего времени». Поступите с ним, как Вам будет угодно. Я уже писал к Вам об этом.

Александра Михайловна свидетельствует Вам своё почтение. При моей рукописи пришиты ею для А[лександры] О[сиповны] [и] О[льги] П[етровны] две крошечные стальные вещицы, которые покорно прошу Вас вручить им через пять минут после письма. Дощечки, в которые вложен «Евгений Онегин», я выстрогал собственноручно, и мне было бы приятно, если бы Ольга Петровна сделала из них какое-нибудь полезное употребление при картонных, например, работах.

Ваш П. Кулеш

198. До Віктора Білозерського

Тула, 6 грудня 1847 р.

6 дек[абря] 1847. Тула.

Бесценный брат Виктор Михайлович!

Не будете ли вы иметь случая зайти в Опекунский Совет и справиться, отчего до сих пор не высылают *мне билета на 700 р. сер., посланные от моего имени 1го ноября*, под № 54 (если это Вам нужно)? Что это Вы к нам не пишете? Здоровы ли Вы? Кисти ещё не получены. Гальванопластика идёт чудесно! Я слепил орнаментик для картинных рам и опустил сам. Пошло ещё удачнее и сильнее прежнего. Так-то вже, як пощастить чоловіку, то й чорт діти колише! Совершенствуюсь в английском языке. А. О. Ишимова прислала мне книг[1]. Начал делать для Саши пяльцы собственной композиции в грееском вкусе[2]; будут такие, что годились бы и какой-нибудь Менелагихе. Столяра отпустил вчера: теперь я обладатель самого благоустроенного верстака и множества и множества стамесок и пр. – Отделка инструм[ентов] с верстаком стоит лишь 26 р. асс. Прошу Вас купить мне в английском магазине[3] два терпуга для дерева, один с колючими зубцами, а другой с нарезными. В Туле все дрянные, а эти вещи в наибольшем у меня употреблении, и если они хороши, то работа горит в руках, а дрянные только досадуют человека.

Саша нарисовала[4] чёрным карандашом юного троянца, которого она назвала рыцарем; рисунок вышел препорядочный, обещает впереди твёрдые шаги к совершенству. Теперь примется за голову действительного рыцаря. Барельеф мой ещё не опущен в раствор, потому что сей последний, сделанный в большом количестве в особом сосуде, ещё не готов. Время тут играет свою значительную роль и не позволяет нарушать своих прав. От маменьки наконец получено письмо, которого каждую букву мы купили листком, исписанным вокруг: мы с самого приезда Саши пишем и будем писать к ней с каждою почтою. Для Помпейка я создал пилку с вычурною ручкою. К этому присовокупится садовничий нож и пошлются обе штуки в имеющемся создаться футляре для возбуждения в нём охоты к садоводству. Это занятие благородное и как раз по нём. Грех же оставить его в жертву деревенской праздности и сну!

Обнимаю ваших кадетов[5]. Брат ваш

П. Кулеш

Мы записываем всё, что выходит из моей мастерской и назначаем приблизительную каждой вещи цену. До сих пор гальванопластика и столярство произвели вещей и вещиц на 60 р. асс. К концу года мы сложим все издержки, тогда определится выгода.

199. До Віктора Білозерського

Тула, 10 грудня 1847 р.

10 дек[абря] 1847 г. Милый брат Виктор Михайлович! Благодарю Вас за кисти. Билет из Опек[унского] Сов[ета] получен. Портрет мой Васе отправлен сегодня. Гальванопластика идёт. Я, кажется, довольно ясно описал механизм. Если бы вы вздумали сами заняться, тогда можно бы приложить чертежи. В присутствии Любовь Ивановны[1] опущен в раствор мой бюст. А в другой котёл я сегодня опущу тарелочку, которую отлил с хорошего образца. Пяльцы подвигаются вперёд, хотя медленно[2]. Ваня не стоит мне никаких хлопот: письмо Половцова[3] сделало всё. Он будет принят[4]. За живопись примусь не вдруг. Много неконченных работ, а это для меня тяжело, когда я, не окончив одного, принимаюсь за новое. Но за кисти Вам очень благодарен. Если б я получил их ранее, то начал бы портрет (так как пяльцы и проч. не были начаты ещё) и теперь бы живописал по целым дням. Мы здоровы. Нам весело. Мы счастливы. Благодарю Вас за *Ваши* увещания. Виноват, да нечего делать. Авось ещё и это не совсем худо. Ваше замечание о тягости отказа для самих отказывателей меня поразило. Коли б то в нас той розум спереду, що буває ззаду! А рашпиль и подпилок, если не в тягость, купите и вышлите: я одроблю вам. Целую кадетов[5], кланяюсь батьку и матери.

П. К.

100 р. сер. получил болея!

200. До Надії Забіли

Тула, 15 грудня 1847 р.

15 дек[абря] 1847. Тула.

Милая, бесценная сестра и друг наш Надежда Михайловна! Дайте мне поцеловать свою ручку, дайте уверить Вас, что, пока живу, я сохраню в душе к Вам самое светлое чувство. Нас связывают, или по крайней мере меня привязывают к Вам воспоминания, бесценные для души моей. Вы были моим добрым гением в эпоху моих тяжких сомнений и сердечного горя[1]. Вы сами и, может быть, Вы одни знаете, как много для меня Вы сделали! Потому-то я и думаю о Вас и обращаюсь к Вам всегда с особенною нежностью. Пишите к нам почаще, дайте нам ясное понятие и о состоянии души Вашей, и о Вашем домашнем и общественном быте. Всякое известие о Вас для нас драгоценно. Мы желали бы вечно жить с Вами и видеть Вас, как в то незабвенное время, когда мы ужинали втроём и я играл роль, принадлежавшую Вам. О себе, слава Богу, мы что бы Вам ни сказали, всё будет самое приятное для Вас. Начать с того, что мы совершенно здоровы. Нам всегда весело; мы любим друг друга, как только можно ожидать. Мы ссоримся только так, как Саша ссорилась некогда с Помпейкой. А занятия наши – чудо как

хороши! Наша гостиная есть вместе и мастерская художников. У одного окна вы увидели бы портрет Саши, на мольберте ещё: это труд здешнего живописца[2], очень милого и простодушного молодого человека; у другого окна – мольберт с лепною работою: это мой труд. Я сделал очень удачный шаг от рисованья к скульптуре и теперь леплю большой кронштейн к настенным часам по рисунку Жюльена; на третьем окне лежат образцы моих гальванопластических работ, ожидающие ещё окончательной отделки; далее Вы увидели бы неконченые пяльцы собственного моего сочинения: рама ещё не выпущена из чёрнорабочей моей мастерской, а станок, состоящий из двух античных лир с комодиком внизу, получил уже право на гражданство. Всё это покроется лаком и оденется гальванопластическими барельефами. Стены нашей гостиной украшены картинами то собственной моей работы, то подаренными мне на память любимых мест; но все обделаны в картон мною собственноручно. Самое же почётное место занимают здесь книги и журналы. Недостаёт фортепьяно, но и он скоро будет. Саша много рисует, и как много уже ушла вперёд! Теперь накатать тушевальным карандашом голову для неё такое ж привычное дело, как и спечь каких-нибудь кренделей. Я враг той методы, по которой ученик долго корпит над одним рисунком, выделывая всё самым нежным тушеваньем. Я учу её выражать только выпуклость, освещение и характер предмета; это ведёт к развитию живописных идей и делает взгляд ученика широким и многообъемлющим. С наслаждением, с восторгом думаю о том времени, когда Саша начнёт работать en maître, и оно не очень далеко. Тогда я стану, кажется, любить её ещё больше нынешнего, – стану любить как создание души моей, одарённое прелестями, не увядающими от влияния лет, и богатствами, которых расточить нет никакой возможности. Мы много читаем, но не для препровождения только времени, а для усовершенствования душ и умов своих. Поэтому все плохие или посредственные книги нами отвергнуты. Мы положили за правило читать только великих писателей. У них заключается всё то в первоначальной эссенции, что у посредственных – в растворённом водою состоянии. Саша час от часу приобретает больше вкуса к красотам поэзии и больше сведений энциклопедических о разных неизвестных ей предметах. Я знаю, я твёрдо уверен, что нам суждено впереди жить в таком обществе, где от мужчины требуется не богатство только или звание, а от женщины не красота только и обыкновенная любезность. К этой-то вожделенной поре готовимся мы: я сам по себе, а она сама по себе[(а)]. Я не хвалился Вам ещё новым своим приобретением: английский язык скоро будет для меня так же употребительным, как и французский. Вы, верно, читали повести и романы Диккенса? Вообразите ж, что Ваш покорнейший слуга читает их в подлиннике! Да и сам Диккенс, оправленный в картон, постоянно живёт в нашей гостиной и иногда страшно морщится, слушая мой английский выговор. Саша от английского язы-

---

[(а)] *Далі закреслено*: Иначе – для чего б нам

ка отказалась, и даже от немецкого, но во французском постоянно совершенствуется. Впрочем, новейшие французские романы в стороне: мы читаем с нею писателей, произведших решительное влияние на Францию и Европу, напр[имер] Жан-Жака Руссо, Мольера и проч.[3] Ай, ай! уже конец листку, а я до сих пор не написал главного! Посылаю вам клясню сьольоцю. Я сам не знаю, отчего мне пришла страшная охота именно теперь сделать вам такой подарок. Целую ваши ручки.

Брат ваш П. Кулешик

Милый и добрый брат наш Николай Николаевич! примите от меня уверение во всегдашнем моём к вам почтении и любви; приезжайте-ка к нам вместо Одессы. Москва Одессы стоит!

201. До Надії Забіли

Тула, кінець листопада ... перша половина грудня 1847 року

Милая Сестрица Надежда Михайловна!

Помните, прошу вас, и обо мне, грешном и недостойном рабе вашем. Но, кажется, у Вас в Киеве[1] свирепствует теперь вредное для памяти поветрие! Жалеем о Вас! Тульская же атмосфера, напротив, улучшила мою и Сашину память. Просим Вас передать наши поклоны милым и добрым друзьям вашим Państwu Marcinkowskim i Państwu Alińskwu[2]. Добрый и милый брат Николай Николаевич, примите уверение в моей искренней к вам любви и уважении.

П. Кул[еш]

202. До Віктора Білозерського

Тула, 16 грудня 1847 р.

16 дек[абря] 1847. Тула.

Милый брат и друг наш Виктор Михайлович!

Я хотел было послать к Вам эстафетою следующее известие: Семен так усовершенствовался в русском языке, что на вопрос мой: «Чи ще не закрывав юшки?» отвечал: *Ыще-с*. Этого мало: Спрашивает Саша у него о чём-то, и он отвечает: *Ась*? Или: «Кто там?» – *Я-с*! После этого я руки врозь от удивления! Гальванопластика идёт вперёд. В присутствии дам[1], художника[2] и Семена[3], которого рукам предоставлена честь погружаться в кислоту, я произнёс речь, и когда вынули из раствора форму и нужно было разогнуть проводники, я потребовал у Семена нарочно купленные для этого щипцы, но он принёс свечные. Вынули и торжественно отправились все в кухню для разнятия меди с воском. Успех был, впрочем, не столь торжественный, как прежде. Новый раствор пошёл хорошо, но дал почувствовать свою молодость несколькими впадинами на меди; почему бюст отольётся из воску вновь и опустится опять. Был я сегодня в первый раз у Крузенштерна. Он предложил мне место смотрителя

больницы; жалованья 1500 р. да и квартира. Я принял с удовольствием[4], тем более, что предложение сделано очень внимательно и прочая. Крузенштерн очень мне понравился. Должен быть благородный человек. До свиданья. Если вы не послали ещё подпилков, то купите в аглицком магазине *двойной рубанок*. Он мне очень нужен, а здесь хорошего нет, ибо эта вещь требует и уменья в работе, и доброты стали. Пяльцы Сашины представляют уже нечто целое; остаётся сделать раму с колёсцами. Столярная работа доставляет мне ощутительную пользу. Аппетит и сон мой в цветущем состоянии. Художник наш учился архитектуре. Я учусь у него и поражаю его быстротою и чистотою своих чертежей. Я и забыл, что Саша просила оставить для неё место на этом листе, итак – до свиданья.

П. Кул[иш]

203. До Пєтра Плєтньова

Тула, 16 грудня 1847 р.

16 дек[абря] 1847. Тула.

Вы правы, добрый наш друг Пётр Александрович. «Онегина» не должно печатать. Это желание и во мне уже охладело. Но удивление Ваше, почему я не напишу комедии в прозе, меня удивляет больше Вашего. У меня никогда не было позыва на комическое. Я люблю или увлекаться восторгом, или говорить сарказмы. Впрочем, обождём. Каждый год жизни, говорит Гёте, делает нас иными. Я это чувствую. Что бы я ни написал, напишу с удовольствием. Потому и хочется трудиться на литературном поприще. «Онегин» усладил мне самое тяжкое время жизни: потому я и люблю его, и, верьте, если бы он был действительно достойное произведение, мне было бы равно жаль предать его на суд холодной[(а)] критики. Ваше письмо успокоило меня с этой стороны. Но до какой же другой поры хотите Вы оставить рукопись? Лучше примите её от меня в подарок, на память того светлого времени, когда Вы так доверчиво меня к себе приблизили.

Сейчас я был у Крузенштерна. Он показался мне особою весьма достойною. Он предложил мне должность смотрителя больницы с 1500 р. асс. жалованья и с казённою квартирою. Это предложение сделано было так ласково, так внимательно, что я остался совершенно довольным. Местность больницы мне нравится: при ней есть сад, она близко к полям, в конце лучшей во всей Туле улицы. Благодарю Вас за Ваши бесчисленные обо мне старания. Я и теперь живу очень спокойно и радостно. Обеспеченный квартирою и жалованьем, я буду ещё довольнее своею участью. Самая лучшая моя радость – быть беспрестанно вместе с моею подругою и употреблять наше время и способности достойным образом. Чем больше она от меня кое-чего

[(а)] *Було*: [на] растерзанье

принимает, тем сильнее я к ней привязываюсь. Мы рисуем, лепим из глины, много читаем, много рассуждаем; недостаёт музыки, но и она будет. До сих пор я не решался купить фортепьяно, теперь куплю. Итак, будьте спокойны, мой бесценный друг: мы счастливы. Вот Вам и награда за всё, что Вы для нас делали. Здоровье моё в наилучшем состоянии. А[лександра] М[ихайловна] свидетельствует Вам своё сердечное почтение. Поклоны наши Вашим Дамам[1].

Ваш П. Кулеш

204. До Віктора Білозерського

Тула, 20 грудня 1847 р.

Дек[абря] 20, 1847, Тула.

Милый брат наш и друг Виктор Михайлович!

Обнимаем Вас и целуем, обнимаем и целуем также Олимпия, Колю и Сашка, а батьку и матери отвешиваем пренизкие поклоны[1]. Новостей замечательных у нас с минувшей почты не произошло. Я не получил ещё бумаги об определении меня смотрителем больницы. Вася не пишет. Портрет мой отправлен к нему. Сашин портрет решительно никуда не годится. Чтоб не обескураживать художника, я скажу ему, что отправил в Малороссию, а в самом деле скатаю в трубку и положу в кладовую лет на 20. Тогда можно будет украсить им какой-нибудь экономический домик или контору. Так-то гении опережают век, в котором живут! Я, однако ж, художника не брошу: закажу ему написать с натуры какую-нибудь семейную картину. Но это – собравшись побольше с деньгами. Теперь же мы на некоторое время оставим живопись и займёмся скульптурою, т. е. я стану учиться у него. Он лепит очень порядочно. Саша читает со мною Жан-Жака Руссо: что вы на это скажете? Рисованье её приостановлено было ридикюлем и некоторыми хозяйственными обязанностями. Теперь она снова к нему приступит. Фортепьяно купим здесь, если, осмотревши, найдём хорошим; а не то выпишем из Москвы. Вопрос: как скоро Григорий Григорьевич будет ехать в Малороссию? Можно ли и есть ли ещё время поручить ему письменно купить для меня кой-какие книги, краски и гравюры?

Ваш П. Кулеш

Покорно прошу Вас передать лично или отослать к А. О. Ишимовой моё письмо, мой пакетец при письме и Сашину работу, т. е. ридикюль и три закладочки. Всё это для лотереи в пользу бедных, и потому надо поспешить, чтобы там успели с этими вещами распорядиться[2].

Маму и папу целую в ручку и их диток обнимаю. Клавдию Иг[натьевичу] и Григорию Григорьевичу мой поклон прошу передать.

205. До Осипа Бодянського

Тула, 22 грудня 1847 р.

Дек[абря] 22. 1847. Тула.

Достопочтеннейший и любезнейший Господине мой Осип Максимович!

Не писал я к Вам по некоторым курьёзно-неприятным обстоятельствам; я считал себя похожим на зачумленного, который не должен прикасаться к тем, кого любит. Теперь же, когда Вы столь радушно ко мне отозвались, я с истинным удовольствием Вам отвечаю. И, во-первых, благодарю Вас за все вообще и за каждую в особенности книги «Чтений». Я получил их от первой и до последней, и в сладость мне было их чтение и перечитыванье. Во-вторых, как малая частица тех, для кого вы трудитесь, приношу Вам за себя и за всех добрых людей, их же люблю воистину, мою душевную благодарность. В-третьих, молю Бога, да укрепит Ваш дух и да хранит неугасимым чистый пламень, горящий на жертвеннике души Вашей.

Срезневский грустно подтвердил моё невыгодное о нём мнение. Не знаю, что с ним и делать. Писать к нему не хочется, во-первых, потому, что на него письма действуют только теми строками, которые затрогивают его самолюбие, а во-вторых, потому, что я для людей его сорту теперь совсем не то, что был во время оно. Попробуйте ещё раз потребовать у него моею рукою написанных и сообщённых ему для переписки песен. Приятно иметь дело с литераторами, которым не попадайся ничто в руки![1]

Я, слава Богу, благоденствую, поколику это возможно в Туле. О занятиях своих не скажу ничего особенного. Читаю, учусь – вот и всё. Новый губернатор, спасибо ему, обратил на меня своё милостивое око и хочет сделать меня смотрителем какой-то больницы. До сих пор я служил без всякого жалования.

Вопрос: не знаете ли вы в Москве честного, знающого дело и притом вам коротко знакомого человека, к которому можно бы обратиться с просьбою купить и выслать в Тулу хороший фортепьян для моєї старої?

Другой вопрос: не могу ли я чрез вас или чрез кого-нибудь другого выписывать из Москвы книги русские, французские, немецкие, польские и английские так, чтоб прилагать на пересылку столько, сколько весят все вместе?

Третий вопрос: что Вы думаете делать с моими преданиями?[2] и сколько я должен выслать вам денег за бумагу?

Просьба: не можете ли достать и выслать мне печатного объявления об иностранных журналах, с означением цен и адресов, по которым можно выписывать. Хочу расширить вокруг себя узкий тульский горизонт и наперекор судьбе стать с веком наравне[3].

За сим – целую Вас мысленно

Ваш П. Кулеш

Адрес: просто *в Тулу*: меня почтари знают.

Сейчас познакомился с одним образованным человеком, Шаманским[4], у которого есть роспись иностранным журналам: итак, не трудитесь присылать.

206. До Пєтра Плєтньова

Тула, 23 грудня 1847 р.

23 дек[абря] 1847. Тула.

Я поторопился извещением Вас, добрый наш друг Пётр Александрович, о назначении меня к должности смотрителя. Должность эта на деле превратилась Бог знает во что. Начать с того, что жалованья всего только 950 р. ассигн., а квартира, состоящая из двух чуланов со сводами, так темна, пуста, грязна и ужасна, что я решился бы переехать в неё только тогда, когда б лишился последних средств к существованию. В том же корпусе медик занимает прелестную и обширную квартиру; квартира смотрителя – ужасна. И не удивительно: смотрителем был до сих пор отставной капельмейстер, выслужившийся из солдат[1]. Ему это и подобало. Но я, как бы ни был разжалован, всё же не могу быть разжалован из образованных людей в необразованные и из достойных в ничтожные. Я был у губернатора и сказал ему, что он, без сомнения, воображал мою должность с такими удобствами, которые могут меня успокоить, и я считаю долгом довести до его сведения, в каком состоянии я нашёл её. Он удивился, но спросил меня, переехал ли я в новую квартиру. Я отвечал, что я ужасаюсь переехать в такую квартиру, и прошу позволить мне оставаться в наёмной. Он согласился, обещал посмотреть сам больницу, обещал дать мне другое место, если представится возможность, и с тем мы расстались. Равнодушие, с каким он принял мой печальный рапорт, ничего не пророчит мне приятного. Кажется, ему не слишком хорошо меня здесь рекомендуют. Впрочем, я не виню его: он – новый человек и сам не знает, до какой степени мог бы меня возвысить. – Я хотел было писать к Леонтию Васильевичу и благодарить за полученное место, но теперь моя благодарность была бы упрёком, которого он не заслуживает: его, видно, не так поняли, иначе мне не предложили бы такой должности: доказательство – мой шурин Василий Белозерский, который при самом начале службы сделан уже старшим помощником правителя канцелярии[2]. Мне надоело просить; когда мне не дадут ничего лучшего сами, так я предпочитаю уволиться совсем от службы. Жаль мне, что Ваши старания остаются бесплодными[3] и что я не один страдаю.

Александра Михайловна свидетельствует Вам и Вашим дамам[4] своё почтение.

Ваш П. Кулеш

1848

207. До Лєонтія Дубельта

Тула, 3 січня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Грудная болезнь моя так усилилась, что я потерял всякую надежду на успехи по службе. Не желая вводить в напрасные обо мне хлопоты доброго губернатора Крузенштерна, я подал ему прошение об отставке. Теперь я нахожусь в самом затруднительном положении касательно насущных потребностей жизни, потому что всё моё состояние заключается в пяти тысячах рублей ассигнациями. Единственная моя надежда на позволение мне печатать мои сочинения. Позвольте, Ваше Превосходительство, надеяться, что Вы не перестанете быть моим покровителем и исходатайствуете мне у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА эту милость. Я же, пока жив, останусь верен тем чистым идеям об общественном благосостоянии, которые вы мне внушили.

С глубоким почитанием имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, января 3.
Тула.

208. До Пєтра Плєтньова

Тула, 3 січня 1848 р.

1848, января 3. Тула.

Я вижу, добрый наш друг Пётр Александрович, что гражданская служба – не моя стихия. Я был бы хорошим чиновником только под начальством человека Вашего сорту. По разным и разным причинам, о которых бесполезно распространяться, я подал Крузенштерну прошение об отставке[1]. Не браните меня, не хлопочите обо мне и предоставьте меня избранной мною участи. Бедность меня не пугает. Я буду счастлив наперекор всем постигшим меня бедствиям. Если позволят мне печатать, хорошо; если же нет, и это меня не обескуражит. С этою ж почтою пишу к генералу Дубельту, что усилившаяся грудная болезнь моя лишила меня всякой надежды на успех по службе и проч.; прошу его исходатайствовать мне

позволение печатать, прошу продолжать его покровительство. Александра Михайловна Вам и Вашим дамам[2] свидетельствует своё почтение. Я тоже.

Ваш П. Кулеш

209. До Осипа Бодянського

Тула, 6 січня 1848 р.

1848, янв[аря] 6. Тула.

Драгий мой Господине Осип Максимович!

Благодарю Вас душевно за новую книжку «Чтений»[1]. Благодарю и за известие, как выписывать книги из Москвы. Теперь же позвольте обратиться к вам вот с какою просьбою. Как давний сожитель московских учёных людей и как человек, набгавший в голову себе всякого добра московского и немосковского, Вы должны знать Ивана Грозного, як ридного батька, и что только о нём есть где напечатано, то вы уже давно усе вынышпорылы и записали или в памяти закарбовали. Так сделайте милость, добродию, напишите мне, какие книги, кроме Курбского[2], который у меня есть, подобает мне выписать, чтоб узнать Ивана Грозного по-Вашему. Видите ли, *вспала ми ум похоти*[3], у добрий час поговорить, а в лихий помовчать, написать про Івана Грозного роман, а перше романа історию. Я його не ненавижу по-карамзински, а жалею о нём, і він у мене у душі сидить із своїми крутими норовами і гарячим серцем. Ох, лишечко! Оце ж я не встерігся, та й почав по-свойому уряд писати. Ще довідаються старшиї, то битимуть. Ну да вже – сім бід, а один одвіт! Да ще поіменуйте такії книжки, по которим би я взнав так добре Москву, як Київ. Да іще і ціна яка тим книжкам, той і того не забудте. А пісні вже я як-небуть вицапаю у Срезневського, а коли будете пічатать, то не друкуйте мого грішного іменья і К[остомарова] не друкуйте, а видавайте пісні под своїм власним прізвищем[4]. А що К[остомаров] не буде на Вас за се сердиться, то я порука: не ищетъ бо винъ суетнои славици, а тілько пользи душевної добрим людям. Коли ж хочете, то поставте під моїми піснями П. К., а під його – Н. К. З нас і сього буде.

Ваш П. Куліш

210. До Лєонтія Дубельта

Тула, 6 січня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Добрый губернатор Крузенштерн, снисходя к тому, что здоровье моё крайне расстроено, предложил мне заниматься только теми делами, которые он даст мне на дом, и считаться чиновником особых поручений без жалованья, до тех пор, пока представится возможность дать мне какое-нибудь место с жалованьем. О чём имею честь доне-

сти Вашему Превосходительству и ещё раз повторяю мою просьбу продолжать Ваше ко мне покровительство. Пока я убеждён в нём, до тех пор смело надеюсь на лучшую будущность.

С глубочайшим почитанием имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

[1848], янв[аря] 6, Тула.

211. До Пєтра Плєтньова

Тула, 7 січня 1848 р.

1848, января 7. Тула.

Считаю нужным уведомить Вас, бесценный друг наш Пётр Александрович, что губернатор, призвавши меня к себе, предложил мне считаться сверхштатным чиновником особых поручений и освободил меня от хождения в канцелярию: делами, которые он из своих рук будет давать мне, я буду заниматься дома. Я на это согласился. Но то, чту он обещал для меня сделать, нимало меня не радует. Он хочет доставить мне место секретаря статистического комитета с жалованьем[1]. Об этом он сделает особое представление министру. Как бы министр ни расщедрился, секретарю оному нельзя дать жалованья более тысячи или 1500 р. асс.; а с таким жалованьем что за житьё в городе? Губернатор говорит, что этот комитет протянется год или два, а потом, может быть, представится лучшее место: славное утешение! Обождём немного, а потом буду проситься в отставку и, если не позволят мне уехать в Малороссию, куплю именийце здесь, возле Тулы. В деревне с сотнею рублей серебром я проживу довольнее, нежели в городе с 2000 асс. – Я уведомил уже генерала Дубельта об этом[2].

Ваш П. Кулеш

212. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 14 січня 1848 р.

Его высокоб[лагоро]дию П. А[(a)]. Кулешу
14 января 1848 г.

Милостивый государь Пантелеймон Александрович[(b)]!

Письмо ваше, которым вы известили меня, что Вами представлена Г. тульскому военному губернатору просьба об увольнении Вас от службы, я даже не осмелился докладывать Г. генерал-адъютанту Графу Орло-

---

[(a)] *У автографі помилково*: Н
[(b)] *У автографі помилково*: Николаевич

ву, ибо письмо это произвело бы на Его Сиятельство неприятное для Вас впечатление.

Долгом считаю объяснить Вам, что в Тулу Вы отправлены по Высочайшему повелению на службу, и правительство от Вас ожидает, что на этом поприще усердием и деятельностию Вы заслужите оказанное Вам снисхождение. – Сверх того Вы должны были удержаться от подачи прошения Г. тульскому военному губернатору и потому, что он определил Вас в смотрители больницы по неимению другой вакансии, и обещал при первой возможности доставить Вам место, соответственное Вашим способностям и Вашему образованию.

Передавая Вам мысли сии и будучи уверен, что Вы употребите старание достигать улучшения Вашей участи усердием по службе продолжительным терпением и покорностию обстоятельствам, долгом считаю присовокупить, что моё расположение к Вам нимало не изменилось и что я преподал Вам вышеизложенные советы единственно от искреннего желания быть Вам полезным.

Примите уверение и пр.

Подписал Л. Дубельт

213. До Осипа Бодянського

Тула, 17 січня 1848 р.

Как мне возблагодарить Вас, почтеннейший из земляков, за всё, что вы для меня делаете? Поистине: Prodesse qui vult, nec potest aeque, est miser[1]. Да вже ж коли-небудь і як-небудь виплатимо і ми вам свій довг.

Справедливо всё, что Вы изрекли об Иване IV, но согласитесь, что он представляет собою любопытный и поучительный пример, как несчастен человек с горячим характером, с испорченным сердцем и с неограниченною властью делать худое! Кроме того, интересуют меня в его эпоху некоторые вопросы касательно отношений низших сословий к высшим: нос мой чует тут издали романтические комбинации. Как бы то ни было, всякое новое знание делает голову светлее и способнее к узнанию неизвестного ещё ей. Благодарю Вас за каталог изданий Исторического общества.

На это письмо Вам нечего отвечать, а при новой книжке «Чтений» потрудитесь написать всякой раз хоть по две строчки о своём благоденствии и ещё о чём-нибудь, что для меня было бы полезно знать.

Ваш П. Кулеш

1848, янв[аря] 17.
Тула.

214. До Пєтра Плєтньова

Тула, 17 січня 1848 р.

1848, янв[аря] 17. Тула.

При всей моей аккуратности в корреспонденции, отвечаю на *два* письма Ваши, бесценный друг наш, Пётр Александрович: так они скоро пришли одно за другим. Старания Ваши о нас велики[1]. Дай Бог, чтоб мы были действительно их достойны. Я не виню оных господ за равнодушие к моей участи. Можно ли ото всех требовать одинакового знания истины, одинаких понятий о справедливости? Они убеждены, что действуют как нельзя лучше: за что ж на них роптать мне и чего больше от них требовать?

Отречение моё от должности в больнице имело важные причины. Предшественник мой был большой плутяга, наживший в несколько лет службы при больнице собственный дом и запутавший дела страшно. Все вещи, которые я принял бы от него, потребовались бы от меня при сдаче должности в таком количестве и качестве, как они долженствуют быть, не говоря о том, что многого я и не досмотрелся бы и после должен отвечать за чужие плутни своим карманом и даже именем. Кроме того, в моё отсутствие в больнице происходили бы разные хищения и злоупотребления, которые можно отвратить, только живя там. Служители и приставники набирались туда человеком не моего сорту. Как же я мог вверить часть своей личности такому сброду черни? Всё это ни губернатору, ни иным не придёт в голову, и я хорошо понимаю, что своими поступками не расположил никого в свою пользу, хотя они-то и должны были показать всякому, какого закалу я человек. Видя в обхождении губернатора самую холодную официальность и оскорбясь его предложением ходить в канцелярию, пока он доставит мне какое-нибудь место, я увидел, что ничего хорошего от такого человека ожидать нельзя, и решился заблаговременно пощадить себя от начальства – грубияна правителя канцелярии, которого распоряжениям я бы подлежал, ходя в канцелярию. Теперь по крайней мере я имею удовольствие не знать другого над собою начальника, кроме самого губернатора, хотя он, обещав прислать за мною, когда будет во мне нужда, до сих пор не даёт мне никакого поручения. Это пишу, предполагая, что Вы получили уже моё письмо о том, что я снова числюсь служащим.

Второе письмо Ваше показало, что Леонтий Васильевич заботится обо мне более, нежели обязан по службе. Я благодарен ему всей душой. А уж как я благодарен Вам, об этом и говорить нечего! Мы живём хорошо и можем сказать, что «низвели» хоть маленький уголок «неба на землю». Неудачи мои по службе обратились мне в пользу. Я в полезных занятиях с утра до ночи. А[лександра] М[ихайловна] тоже. У нас на сцене история, языки и поэзия. А[лександра] М[ихайловна] в это время сделала большие успехи в рисова-

ньи. Всё это чего-нибудь стоит! А главное: мы не знаем скуки. Время наше имеет полное значение и навсегда останется для нас памятным, потому что имеет самые утешительные факты. Нужды наши ограничены, мы не знакомы ни с одним человеком в Туле, живём как на необитаемом острову и проживаемся очень мало. А[лександра] М[ихайловна] свидетельствует Вам своё почтение.

Ваш П. Кулеш

215. До Лєонтія Дубельта

Тула, 24 січня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Увещание Ваше в письме от 14 января я принял с таким почтением, каким обязан сын отцу. Оно служит мне новым доказательством превосходства Вашего сердца, понимающего болезненные движения сердец человеческих и снисходящего к их слабостям.

Я уже имел честь уведомить Ваше Превосходительство, что Г. тульский военный губернатор, призвав меня к себе, предложил мне остаться на службе и считаться сверхштатным чиновником особых поручений. Я на это согласился и служу по-прежнему без жалованья. Я чувствую, что своими необдуманными сочинениями заслужил гораздо худшую участь, и потому терпеливо должен сносить своё удаление из столицы, понижение звания, холодное обращение со мною людей, которые, казалось бы, должны считать меня себе равным, и всеобщее от меня отчуждение прочих тульских жителей; я сознаю всё это в отношении к прежним моим проступкам заслуженным. Но я не одарён такою крепкою натурою, чтобы, страдая, не испустить иногда сердечного стона. И всяк, имеющий Ваши чувства к человечеству, простит меня, если я иногда забываю благоразумие, когда припомнит, что вместе со мною осуждена на страдания женщина невинная и достойная лучшей участи. Не предвидя своей будущности, я предложил ей разделить с собою то, что есть радостнейшего в жизни, и теперь вид грызущей её скорби удваивает боль моего сердца. Вот где источник того безрассудства, в котором Ваше Превосходительство с такою трогательною отеческою кротостию меня упрекаете. Как бы то ни было, веруя свято в попечительность Вашу о судьбе моей, вооружусь новым терпением, если не внутренним, то хоть наружным.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

Января 24.
Тула.

216. До Надії Забіли

Тула, 2 лютого 1848 р.

1848, февр[аля] 2. Тула.

Дорогая, добрая до молчаливости, до безответной молчаливости сестрица Надежда Михайловна! может быть, Вам любопытно будет прочитать, в виде газетной публикации, что где-то в Туле живёт и здравствует человек Кулеш и с ним человечица Кулешиха, что они веселы по мере возможности, что семейство их увеличилось небольшою копиею человечицы, которую копию и назвали во святом крещении Надею[1]. Какова новость! Кажется, стоило труда увеличить тяжесть почтовой брички одним лотом? Вы, может быть, пожелаете знать подробнее свойства и достоинства своей тёзки, этой истинно несчастной девочки... Чем же она несчастна? А это разве мало, что она – о, ужас вымолвить! – что она – ох! – что она – скажу уже! – Пантелеймоновна!.. А сверх того она – Кулешивна! Ой, лучше было мне совсем не являться на свет Божий, нежели явиться под такою дикою фирмою! Признаюсь Вам, добрая до безответной молчаливости сестрица, что во времена оны я приходил в отчаяние всякой раз, когда подумывал серьёзно о женитьбе. «Какая, говорил я, порядочная девушка, или женщина, или просто старуха согласится огласить себя Пантелеймонихою, а попросту Паньчихою, да ещё вдобавок – Кулешихою?» Оказалось, что я мало знал натуру прекрасного прибавления к человеческому роду. Сие прибавление, подобно модной картинке, залезающей во всякий журнал с равным удовольствием, не пренебрегает и таким чортякою, каков был Отелло, лишь бы у сего чортяки был складно болтающий язык. Вы сами были свидетельницею, как глубоко забыто было смехотворное моё прозвище в оны блаженные дни, когда бессмысленная суета перемешалась с самыми сладкими восторгами и сделала из них *бочку мёду да ложку дёгтю*. Этого мало: оно показалось даже гармоническим, – по крайней мере Вася клялся в этом греческим словарём и грамматикою. Но всё это от того, что чувства сер[д]ца и прочего были очень сильно разогреты. А каково-то будет бедной нашей Наде слышать по двадцати раз ежедневно от самих низких слуг название Пантелеймоновны! Тут никакие ни прочие, ни не прочие чувства не присластят уродливо длинного её отчества. Вот о чём, драгоценнейшая по ангельской молчаливости сестрица и Вы, многоуважаемый, восхитительно лаконический братец Николай Николаевич, вот о чём сокрушается моё родительское сердце. И посудите сами: мало ли причины сокрушаться?

Но довольно об этой поучительной материи. Надобно ещё уведомить Вас о повседневных наших занятиях. У Саши теперь почти одно занятие, если не считать десятков писем и дюжин рисунков, которые она производит еженедельно. *Кувá, кувá* порядочно мне надоедают, и я исправляю свой слух стуком молотка в долото. На днях

пошлю Помпейку табачницу из красного дерева. Семен научился строгать правильно доски и облегчает мне механизм работы. Он же теперь у меня и шлифует пелцою. Я надеюсь сделать из него со временем настоящего столяра. Аминь.

Ваш и Ваш П. Кулеш

217. До Міхаїла Погодіна

Тула, 2 лютого 1848 р.

Тула. 1848, февр[аля] 2.

Милостивый Государь, Почтеннейший Михайло Петрович!

Несмотря на грозную тучу, помрачившую дни мои, Вы, уповаю, не перестали считать меня человеком ещё живущим, и не бесплодно живущим. Может быть, со временем засияет и надо мною солнце и позволит мне явить на свет то, что ныне пишется, но не смеет показаться[a] в печати. Может быть, не раз ещё явимся мы с грубоватою, мужиковатою моею музою и в «Москвитянине». Чего не может быть? В этом-то отрадном уповании дерзаю вознести к Вам глас свой, в качестве бывшего и, по закону вероятностей, будущего сотрудника «Москвитянина» и просить Вас бросить ко мне в Тулу несколько лучей Вашего разума, а попросту сказать – распорядиться о высылке мне по-прежнему Вашего «Москвитянина». А как я не видал его с 8 книжки 1846 года, то покорнейше прошу выслать мне сперва кончик 1846 и весь 1847[1], а потом уже освещать мою темницу в урочное время каждою новою книжкою.

Я в Туле принят как нельзя хуже; незнаком ни с одной душою; живу с женой как на необитаемом острову; учусь, читаю, пишу и – сказать ли Вам удивительную вещь? – предоволен своею участью!

Ваш П. Кулеш

Адрес: Такому-то, в Туле.

218. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 19 лютого 1848 р.

1848, февр[аля] 19. Тула.

Милая Сестрица Надежда Михайловна и Вы, многоуважаемый Братец Николай Николаевич,

Доселе я думал, что купец всего охотнее говорит о своей торговле, военный человек о сражениях и разводах, а писатель о сочинениях. Теперь убедился, и притом убедился приятнейшим образом, что для всех их без изъятия есть предмет, для которого рады

---

[a] *Було*: являться

они оставить самые сладкие толки о ремесле своём. Вы догадываетесь, что я говорю не о чём ином, как о детях. Да, милая сестрица и Вы, достойнейший братец, да, да, да! Усердные Ваши, то есть именно Ваши, Надежда Михайловна, вопросы о драгоценной нашей малютке не могли быть предложены удачнее. Родительское моё сердце размягчается подобно воску от нежного участия, которое Вы так прекрасно выразили в письме своём. Если бы мне случилось читать до женитьбы подобные строки, я от души посмеялся бы. Чувствую, что эти смешно для людей, не посвящённых в сладостные тайны семейной жизни. Но кто раз услышал несравненный ни с какой музыкою крик своего крошечного подобия, тот чувствует и смотрит на эти вещи иначе. Не скрою, что в то время, когда наше дьобльое, наша бесценная Саша ходила подобная кораблю с надутым парусом, как выражается Шекспир[1], я не очень радовался новому претенденту на близкие с нами связи; но когда услышал первое *кува*! – я вдруг сделался иным человеком. Удовлетворяя Ваше драгоценное любопытство, расскажу подробно, как всё это происходило. Вы, без сомнения, слыхали о благодетельном открытии новейшей медицины, *серном эфире*, посредством которого облегчаются до невероятной степени страдания пациентов, подверженных трудным операциям. Счастливы мы, что живём в такую благодетельную эпоху! Об этом открытии я с радостью узнал ещё до женитьбы. Какова же была моя радость, когда мне сказали, что в Тулу приехал из Москвы молодой лекарь, который знает употребление ещё новейшего медикамента, называемого *флороформом*[2], и делает с ним чудеса! Ещё за несколько дней до известного вам обстоятельства я познакомился с этим лекарем и пригласил его поступить против слов Библии: *в болезни родити чада твоя*[3]. Мы с ним славно сошлись, и он (да будет над ним благословенье Гип[п]ократа[(а)]!) удружил нам так, что мы никогда этого не забудем. Штука вся в том, что они дал Саше понюхать платок, намоченный флороформом. Она тотчас же задремала и уснула самым глубоким сном. В это время – Няденька – позялюйте! Саша минуты через две просыпается и, не чувствуя ни малейшей боли, спрашивает, что ещё с нею будут делать? Стыд – вы это знаете – мучил её сильнее всякой боли. Ей приносят Няденьку, и она едва верит, что это её произведение. После полусуточной слабости, весьма, впрочем, лёгкой, Саша как ни в чём не бывала: здорова, весела и беспрестанно возится с ребёнком. Но странно: она до сих пор не решалась написать ни к Маменьке, ни к Вам об этой новости. Она говорит, что ей стыдно глядеть на свет Божий после того, что с ней делали. Материнская гордость не имеет на эту минуту никакого влияния. Самое сильное в ней чувство – стыд! Вы её знаете, и это Вас не очень удивит. О Няденьке нашей приятно мне Вам

[(а)] *Було*: Ганимеда

доложить, что она похожа на меня, и все, кто видел, восхищаются её красотою. Может быть, это заученная лесть, но я от души согласен, что прекраснейшего ребёнка я в жизни не видывал. Я думал, что способен любить только сына; но, видно, природа сильнее наших умствований. Няденьку свою я люблю больше самого себя. Это очень много, потому что я себя люблю таки порядочно. Я собственными руками сделал для неё из красного дерева колыбельку и так украсил её гальванопластическими барельефами, что для царского дитяти не нужно пышнее колыбельки. Но Саша превзошла меня до невероятности. Когда она ехала в Малороссию[4], я сделал ей между прочим платье во сто рублей ассигнациями. Материя – просто очарованье! Что же? возвращаюсь однажды с прогулки, смотрю: платье очутилось уже на занавесках к колыбельке! Я и сердился и смеялся вместе. Такой привязанности к ребёнку я вообразить не мог в женщине молодой и не отвыкшей ещё краснеть от ласок мужа. Она без всякой нужды не спит над ним по целым ночам, и если б Вы слышали, какими нежностями она осыпает свою Няденьку! Я часто смеюсь, просыпаясь ночью. Ещё вот что достойно замечания. Меня пугало ожидание детского крику. Я воображал, что он не даст мне ни читать, ни спать. А теперь я не более обращаю на него внимания во время сна или при учёных занятиях, как на стук дождя, ударяющегося в кровлю. Иногда я так сладко засыпаю под куваканье Няденьки и колыбельные песни Саши, как будто покоюсь в благоуханном саду под яблоней, а вокруг меня жужжат по цветам пчёлы. Я никак не думал, чтобы это крошечное создание, носящее Ваше милое имя, прибавило мне столько счастья в жизни. Всё вокруг меня сделалось как-то светлее и поэтичнее. О, Господи! как ты премудро устроил человека! Юноша думает, что нет блаженства выше ответного взгляда или пожатия руки любезной; молодой супруг воображает, что сами боги позавидовали бы его удовольствием; но как всё это ещё ниже тех сладких ощущений, какими дети наполняют отцовское сердце! Одно только немного меня огорчает, если только я способен в это время чем-нибудь огорчаться. Саша оставила для Няденьки даже музыку. Я, кажется, не писал ещё к Вам, что недавно купил фортепьяно, да ещё очень хорошее. У одного помещика умерла молодая жена при первых родах (он, к несчастью, не верил в флороформ и позвал обыкновенную акушерку); он с отчаянья бросил службу и уезжает в крымское своё имение. В этих обстоятельствах он продал мне за 1000 р. фортепьяно, за которое сам заплатил в Вене полторы тысячи. Итак, вот вам подробный отчёт о Вашей ненаглядной тёзке. Когда-то она увидит свою тётеньку, которая так её любит!

Целую Ваши прелестные ручки. Николая Николаевича сердечно обнимаю.

П. Кул[еш]

219. До Міхаїла Погодіна

Тула, 7 березня 1848 р.

Милостивый Государь Михайло Петрович!

От всей души благодарю Вас за «Москвитянин». Я получил два первые №№ 1848[1]. Жалею, что не могу принять участия в отделе изящной словесности. Я не получил ещё позволения печатать свои сочинения и не получу его до тех пор, пока не представлю в III отд[еление] Канцелярии Е. И. В. такого произведения, которое бы показало Правительству, что современные политические вопросы для меня, как для писателя, не существуют и что одно безотносительно прекрасное сделалось моею целью. С этим намерением я приступил к роману из времён Самозванца Отрепьева и завязываю его в Северской Украйне[2], где скопище сподвижников Косолапа, вместе с людьми опальных бояр, вместе с бессильными командами воевод и их чиновников, и жизнь приграничная, всегда отличная от жизни стран центральных, представляют довольно романтических концепций (люблю я очень это слово, да не могу перевести; оно у нас покамест ново, и вряд ли быть ему в чести[3]). Я по возможности намерен избегать известных исторических картин, а больше буду стараться ловить такие случаи, где историк и рад бы что-нибудь сказать, да не смеет в важном своём параде своротить с большой дороги на просёлочную, неизвестную, не означенную верстами. Всё это пишется к Вам, Вы уже и сами знаете для чего. Во-первых, для того, чтобы воспомнить старину, когда молодые писатели уважали своё дело и не иначе к нему приступали, как с одобрения людей опытных и[(а)] почитаемых. В этом отношении Вы для меня бесценный кодекс русской истории и старины, равно как и наставник, восприявший от рождения не один талант нашей литературы и видевший собственными глазами зачатие, образование и творение не одного великого произведения. Во-вторых, для того, что Вы обладаете материальными средствами для поддержания моего сочинения. Многое Вы сами издали, многое Вы имеете. Я же здесь в Туле, отчуждённый от общества какою-то непонятной ко мне неприязнью везде, где я ни пробовал показываться, имею под рукою весьма немного книг. Поэтому, если бы предположить, что Вы благоволите снабдить меня на известное время кой-какими материалами, то я с радостью принял бы на свой счёт пересылку их из Москвы и доставил бы их обратно в назначенное время. Скупить же все книги, из которых я могу заимствовать сведения о данной эпохе, не позволяет мне рассудок, потому что я до сих пор считаюсь на службе без всякого жалованья и не знаю, сколько месяцев и лет буду без жалованья. Губернатора я не вижу, и он обратил на меня не больше внимания, как на самого обыкновенного канцелярского чиновника. Вот-то какие обстоятельства: истинно поэтические!

Глубоко вас почитающий

П. Кулеш

1848, м[арта] 7.
Тула.

[(а)] *Далі закреслено*: уважаемых

P. S. У меня есть Карамзин, «Сказ[ания] соврем[енников]»[4], и «Чтения Общ[ества] ист[ории] и др[евностей] р[оссийских]».

220. До Віктора Білозерського

Тула, січень ... 14 березня 1848 р.

Любезный или лучше сказать милый брат Виктор Михайлович! На краткое письмо ваше со вложением 100 р. сер. отвечаем кратко. Это значит, мы сердимся за то, что вы не уведомили нас, как дошло до вас чадо работ наших, т. е. шкатулка с разными вещами. Оправдалась ли тщательность нашей закупорки и не перепортили ли её внутренности медные вещи? В ожидании обстоятельного рассказа обо всём этом и о том, как примут наши подарки Плетнёвы, откладываем обстоятельное уведомление Вас о нашем здоровьи, о погоде и других и других любопытных и поучительных предметах. Благословение же Вам на предпринятые Вами подвиги, хотя и со вздохом, но посылаем. Ох, да й только! Целуем вас и кадетов[1]

Ваш П. Кулиш

P. S. Вы догадались, без сомнения, что затея о путешествии выдумана для развлечения Саши, которой скучно в Туле. Протяните эту историю с самым серьёзным видом как можно долее и кончите ничем. Я буду отвечать Вам тоже очень серьёзно и умно[2].

221. До Пєтра Плєтньова

Тула, 14 березня 1848 р.

14 марта, 1848. Тула.

Я в восхищении, что Вам подарки мои понравились, и рад, что Вы хвалите этот способ развлечения после трудов умственных. Да, мы по возможности хорошо употребляем своё время. Будучи свободны от всяческих гостей, мы беспрестанно читаем и учимся. Чтение наше разнообразно[1]: в одно время нас занимает беллетристика, в другое – история, в третье – естествознание. В последний, например, месяц мы прочли сплошь VIII, IX, X, XI и XII томы Карамзина. Я перерыл все здешние книжные лавки, и что в них нашёл хорошего, всё это нами перечитано, а иное и навсегда приобретено. С губернатором я не вижусь. Оставляя меня на службе в качестве чиновника особых поручений без жалованья, он обещал прислать за мною, если мои труды ему понадобятся, но до сих пор ни разу в них надобности у него не оказалось. Я живу в таком уединении, что не вижу решительно ни одного человека из чиновного сословия Тулы. Брат нынешнего правителя канцелярии однажды ночью постучался в ворота, вызвал к себе хозяина и спросил «по секрету»: какой лекарь меня лечит? (а я даже не считаюсь, т. е. не рапортовал-

ся больным). Хозяин отвечал, что он редко меня видит и ничего не знает. «Вам бы, – сказал чиновник, – лучше искать другого жильца, потому что К. *в большом подозрении*». На это хозяин очень умно отвечал, что это до него не касается, что у него такого жильца никогда ещё не было и что он со мной ни за что не расстанется. Из этого Вы видите, что я окружён глупцами и подлецами, что каждый мой шаг готовы перетолковывать и делать меня таким, каким я никогда не имел расположения быть. Это ещё больше внушает мне отвращение к каким-нибудь знакомствам в Туле. Я должен жить решительно молча, тем более, что в этом образе жизни ничто не смущает спокойствия души моей и не препятствует мне наслаждаться любыми трудами.

Александра Михайловна свидетельствует Вам и Вашим дамам[2] своё сердечное почтение. Я – тоже.

П. Кулеш

P. S. Вам, без сомнения, будет приятно узнать, что я в Туле, между прочим, сделал такие успехи в английском языке, что теперь могу читать книги, очень редко прибегая к лексикону.

После уничтожения вопроса об отставке и приличных с моей стороны извинений я не писал к генералу Дубельту и не знаю, должно ли писать к нему. Он очень хорошо знает всю тягость моего положения из прежних моих писем. Повторяя то же самое с примесью новых – как бы сказать? – сладких словец, тогда как на душе очевидная горечь, я боюсь унизить себя в его мнении. Гораздо лучше терпеть молча, тем более, что он сам показал Орлову моё письмо, назначенное только для Вас и сообщённое ему частным образом[3], и этим прибавил мне Бог знает сколько лет изгнания.

222. До Осипа Бодянського

Тула, 21 квітня 1848 р.

1848, апр[еля] 21 Тула.

Шановний мій Добродію Осип Максимович,

Вже коли Ви до мене озиваєтесь рідною мовою, дак і я не втерплю, одгукнусь до Вас, хоч і оглядуючись, батьковою та материною річчу. Не знаєте Ви, пане мій любезний, що мині за мука із моїми родичами та приятеля́ми. Чи я ж то не написав тиєї ж години на столицю, щоб якомога боржій простовав мій шурьяк до того скаре́дного Срезневського та і взяв би історичеські думи українськи хоч силою![1] Дак що ж! Поки перед очима, дак ці родичи да приятелі́ наче і на людей здаються, а тількі за́ очи, так наче їм лисий дідько до потилиці голову поверне. Мовчить як стіна, ось уже місяців зо три, та не тількі про думи, та про дещо й друге – ні же, що вже б таки і Бога побоявсь, і людей посоромився. Вже я його й понукав: та ну бо, одвітуй уже щонéбудь, чи ти живеш іще на світі, чи тебе лихий злизав? Так де-які ба-

ляси розпустить, а що як про що путне просиш, дак наче йому заціпить. До самого ж Срезневського мині так мило та любо писати, наче йти до собаки у куми. Мерзене, істенно мерзене порожденіє! Як вам оце здасться: що як пришла раз до його в столиці пані-матка бідахи Костомари, несчаслива невіста, удовиця безпомошна, неміщна́ бабуся, дак він із жінкою перед нею снідає, а їй хоч би на сміх сказав: чи не призволитесь і ви, пані-матко, з нами?[2] Не знаю, де він таких звичаїв понаучувавсь; мабуть, у німців. Ще ж треба пам'ятать, що Костомара колись за щасливих ча́сів частенько з їм хлібом-сілью ділився, приятелем його звався і не одну, може, послугу йому вчинив. Дак чого ви хочете од такого злиденного перевертня? Я не приберу і слова, як до його писати, і чи жидом, чи поганином його величати, а більш од великого пересердя гидую до його й річ оборочувати. Ще раз напишу до шурьяка, нехай іде та вимагає думи у того ницого поганця.

А я отут, сидячи без діла, – бо й досі мині жадної служби не дають, – вертів, вертів у свому мізкові того Івана Мучителя, щоб висновать з його царования роман історический; далі бачу, що ні, не втну, дуже гидкий, – нехай йому тяжко икнеться на тім світі, – та мах, і перескочив з пів чоловічого віку. Тепер сновидаю розумом коло Новгородка Сіверського, я́к він був у ту чудну Самозванщину, та повидумував тут про його дещо багато. Я ж бо там і сам колись учився і по тим *зубровським* ровам швендяв, утікаючи од алгебри да од риторикі. Дак повиймавши дещо з книжок, компоную оце роман саме з того моменту, як Отрепьєв підступа[а] од Чернігова до Новгородка, та ще так хочеться, щоб не дуже історії чепляти, а тілько поміж ярмарком історичним ізвертатися; дак тут такого накомпонував, що може й лаятимете, як колись надрукую. Хочеться так скомпоновати, щоб і москалі не сердились, та і своїм землякам не золжить, дак і не знаю, чи потраплю. А зоветься роман: «Дружина Сіверяк»[3], і вже аж три глави написано. Та чи нема в вас часом *Сказаний русского народа Сахарова*[4] і *пословиць Снегирева*[5]? Коли ласка ваша, вишліть, я прочитаю, дещо повиписую і книжки поверну назад у цілости. Писав я до Погодіна, щоб він мині сім удружив, і на свій щот брав я пересилку сюди книжок, та він, видно, уважа мене за жида, не йме віри ні на копійку. Мовчить – стіна стіною.

Бувайте ж здорови! Готовий до услуг П. Куліш

Спасибі Вам, добродію, за «Чтения». Істинне сокровище оце Ви нам даруєте. Як книжка, то все вам дякую.

[а] *Було*: підходить

223. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 26 квітня 1848 р.

Целую Ваши ручки и пальчики, милая сестрица, и Вас обнимаю, милый и добрый братец Николай Николаевич. Наденька наша украшена волосами чёрными, или лучше сказать, тёмнорусыми, и глазками, подобными Вашим, Надежда Михайловна, следовательно такими, лучше которых и сам Магомет не выдумает. А что? ага! А вы? Эх, вы! Ну, да что? каждому своё! Нам одно любо, а вы от другого в восхищении. Итак, хвала Аллаху!

Ваш П. Кулеш

224. До Віктора Білозерського

Тула, 27 квітня 1848 р.

Милый брат Виктор Михайлович, на множество моих вопросов Вы не отвечаете ни слова, хотя бы, казалось, не для меня только, а из любви к добру Вы должны бы отвечать на них. Теперь Бодянский пишет об исторических думах ко мне: «Что же думы?». Я без вины виноват перед ним и должен позычать очей у собаки, так стыдно смотреть ему в глаза. Сделайте одолжение, сходите к Срезневскому и получите от него собственноручно думы или отрицательный ответ[1]. Тогда мы будем считать их украденными у себя невозвратно и Бодянский приступит к изданию тех, которые не попались в когти Срезневского. Мы здоровы. Погода прекрасная. Пренизко вам кланяюсь.

П. Кулиш

Миша[2] и Ваня здоровы и, по-видимому, счастливы. Льву Семёновичу, Наталии Алексеевне, Григорию Григорьевичу, Клавдию Игнатьевичу и Сашку поклоны.

225. До Лєонтія Дубельта

Тула, 12 травня 1848 р.

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич,

Я убеждён, что не ошибаюсь в своём чувстве, обращаясь к Вам по-прежнему с уведомлением о своей участи: Ваше Превосходительство, делая добро всем, без сомнения, расположены оказать его человеку, которого Вы не раз уже удостоили драгоценного Вашего внимания и покровительства. Если до сих пор участь моя не облегчена, то это даёт мне только понятие о великости огорчения, какое причинил я своими проступками благодетельному нашему Правительству. Я и ожидаю терпеливо, пока исполнится мера справедливого его гнева ко мне; но, зная, что имею дело не с неумолимым приговором закона, а с живым сердцем человеческим, осмеливаюсь

питать надежду, что оно, если не ради моего счастья, то ради собственного удовольствия, отменит предположенное для меня наказание и переменит его на божественную милость. Эта надежда тем сильнее в душе моей, что я обращаю к нему мольбы мои как человек, глубоко раскаявшийся и, следовательно, по самому духу христианства, заслуживающий милосердия.

Жизнь в Туле оказалась для меня на деле гораздо большим бедствием, нежели обыкновенное удаление из столицы. Я в восемь месяцев не встретил здесь человека, который бы протянул ко мне дружески руку. Равные меня чуждаются, старшие пренебрегают. Я до такой степени всем здесь опасен или противен мнимым своим духом, что мне запрещено даже брать к себе из корпуса на дом двух кадетов, из которых один внук П. А. Плетнёва, а другой – сын петербургских друзей жены моей[1] и которые своими детскими играми могли бы сколько-нибудь разогнать наше уныние. До сих пор я не получал в Туле никакого жалованья и, считаясь чиновником особых поручений при Г. тульском военном губернаторе, не имел от него ни одного поручения, следовательно, не мог показать ни своего усердия, ни своих способностей, ни своей честности. Но сохрани меня Бог осуждать такого почтенного человека, как Г. Крузенштерн! Напротив, я скорее думаю, что он сам не знает, что делать с моими познаниями, годными для Академии наук и бесполезными для бюрократии, и какое дать мне здесь место, которое могло бы обеспечить домашние мои нужды. Безмездных же поручений он, может быть, не делает мне потому, что, видя болезненное состояние моего здоровья, щадит меня и действует так, как и я на его месте действовал бы. От Вас одних как ближайшего представителя Верховной Власти я должен ожидать облегчения судьбы моей и потому умоляю Ваше Превосходительство помнить обо мне и исходатайствовать мне чрез великодушного Графа Орлова ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение возвратиться в столицу.

С глубоким почитанием и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, мая 12.
Тула.

226. До Осипа Бодянського

Тула, 19 травня 1848 р.

Шановний і високоповажний мій Земляче Осип Максимович!

Коли б тілько Ви знали, як засмутив мене отой харцизяка, що заїв наші пісні![1] От уже іродова душа, дак так! Гляньтесь: хто б же то ждав такого паливоди з того ученого панича, що так звичайненько пише було до нашого брачика простака листи? Нічого сказать, стóїть Виговського! Як же то нам буде огидно колись, як він з

нашого ж хворосту та нам і карлючку загне! Вилаяти вразького пройдисвіта печатно! сказати правду на ввесь світ! Що більше з таким чинити?

Дякую Вам щиро за «Сказания русского народа», котори з низьким поклоном Вашій милости і назад поворочую ув усякій цілости. Вже я трохи не всю першу часть написав свого романа[2]. Ви мині саме в гарячу минуту допомогли – за се дуже вам дякую.

Ще ж одна дяка єсть у мене Вам за те, що Ви того дуросвіта Брамбеуса до позорного стовба прив'язали. Оттак їм і треба, безсовісним шарлатанам, що звикли людей дурити! Залили ж Ви йому за шкуру сала. «Ні неня в бразі не купала»[3], як мовляв той Котляревський! Бажав би я подивитись, як позичатиме той Брамбеус тепер очей у собаки, йдучи між люде. Чи, може, такий уже на все готов заздалегідь: да ще б собаку навчив дивиться людям у вічі? Що ви думаєте! Дарма, нехай собі, – горбатого могила справить; а ваша критика великого стóїть миру хрищеному: не нятимуть більш віри тим перевертням бездушним. Шкода, що Ви де-небудь у сій критиці[4] не приткнули, що у Брамбеуса давній се звичай; що от, мов, він усю свою «Коллектанею» («Collectanea z dziejopisów tureckich») прошпиґував брехнею[5]. Да об сьому можно пропечатати особо артикул. Коли хочете, пришліте мині ту польску книжку, що показували[6], я вам витягну з неї саму силу (бо вам, добре знаю, ніколи), а ви що знаєте, припишете та й надрукуєте. Тількі ні, – як подумаю, то й мині тепер не до того: треба вже свого «Сіверяка» до розуму доводить, щоб не зосталась на зиму хата без криші. Не присилайте, – нічого пустовать обіцянками.

Я, Богу дяка, здоров, – тілько так скушно в сій Тулі, що нехай їй біс! Ні душі не знайшов собі по нутру. Живу, мов у лісі.

Бувайте ж здоровенькі та не забувайте й мене, сіромаху.

П. Куліш

1848, Мая 19.
Тула.

227. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 20 травня 1848 р.

Его Высокоб[лагоро]дию П. А. Кулешу
№ 957. 20 мая 1848.

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Письмо Ваше от 12 мая, в коем Вы, изобразив затруднительное положение Ваше в Туле и присовокупляя, что познания Ваши, годные для Академии наук, бесполезны для службы гражданской, просите о дозволении Вам возвратиться в столицу, я имел честь докладывать Г. генерал-адъютанту Графу Орлову, и Его Сиятельство при всём желании облегчить Ваше положение изволил признать невозможным ходатайствовать по означенной Вашей просьбе.

Уведомляя о сем Вас, м[илостивый] г[осударь], и искреннейше сожалея, что просьба Ваша не могла быть исполнена, имею честь удостоверить в истинном моём почтении и проч.

Подписал Дубельт

228. До Надії Забіли

Тула, 31 травня 1848 р.

И я ожидаю Вашего ответа, милая сестрица, с нетерпением: вместе с письмом к Вам отправлено было письмо к почтенному архимандриту Братского монастыря, отцу Феофану[1]. Если ваше потеряно, то и он не получил. Поэтому прошу Вас отвечать нам с первою почтою: я повторю к нему послание своё. У нас всё благополучно, только Няденька страшно капризничает. Я намерен был воспитать её по методе Жан-Жака Руссо, предложенной в книге его: «Emile, ou De l'éducation»[2], и воображал, что всё будет идти как по маслу; но теперь чувствую справедливость слов Шекспира: «Я скорее научу десятерых, как поступать, нежели буду одним из десяти наученных». Правда и то, что Саша сильно вредит моей методе, исполняя над Наденькою всё, что видела у Любочки и у других матерей, которые – сказать вам на ушко – столько ж имеют понятия, – я не говорю о нравственном, нет, просто о физическом воспитании, – сколько я о... о чём бы вам сказать? Право, ничего не придумаю, что бы я так плохо и превратно понимал, как эти достопочтенные, впрочем, дамы – воспитание! Я с большим трудом добился от Саши одного: чтоб она ничего не делала для дитяти потому только, что оно плачет, – а потому, что это нужно. Дитя таким образом приучается требовать только необходимой ему помощи и не порабощает себе окружающих криком. Что можно ему дать или сделать, то даётся или делается по первому понятному его знаку; но чего нельзя, того никакими слезами оно у меня не добьётся. У *меня*, – но я не всегда дома, а без меня Жан-Жак бросается к чёрту и выводится на сцену теория воспитания мартыновская, николаевская и как угодно её назовите: всё равно она будет значить отсутствие всякой системы. Впрочем, Наденька всё-таки премилая девочка и вместе со мною целует ваши ручки.

Обнимаю милого брата Николая Николаевича.

Ваш П. Кулеш

229. До Надії Забіли

Тула, 7 травня ... 16 червня 1848 р.

[...] являли прежде? Тогда мы не знали друг другу цены, не знали, какое сокровище потеряем один в другом, когда расстанемся. Боже мой! как это случалось, что мы, то есть некоторые из нас, даже ссорились? Неужели мы всегда будем чтить только далёкое и не ценить близкого? Справедливо сказано где-то: «Мы встречаемся с ум-

ным – и не беседуем с ним, встречаемся с учёным – и не научаемся от него, с путешественником – и не узнаём от него ничего, с человеком любезным – и не стараемся угодить ему». Но эти размышления менее могут быть любопытны для вас, нежели прямые ответы на предложенные в Вашем письме вопросы. Итак, отвечаю.

Занятия наши теперь сделались довольно однообразны. Я пишу историю Самозванцев в начале XVII столетия и занят ею с утра до вечера каждый день, а Саша из дружбы взялась переписывать мои черновые листки набело. Книгу свою я назвал «Московскою трагедиею»[1] и хочу сделать из неё историю, да не историю, а нечто среднее между историею и историческим романом, ближе, однако ж, к строгой истории, нежели к роману. Уже написано страниц 100, а ещё надо написать втрое больше. Роман свой я оставил на первой части. Вася очень хвалит (ему послана черновая рукопись), но я, углубившись в историю, сделался им недоволен и, кончивши «Московскую трагедию», начну его совсем иначе, так что войдут из прежних глав только две первые.

Радуюсь за Вас, что Вы читаете все журналы, и благодарю доброго Николая Николаевича за прекрасное употребление денег, назначенных на Ваши удовольствия.

Вы плачете над письмом Васи? цевозь, цевозь? Если б мы были с Вами, мы не дали б Вам плакать, а все бы вас забавляли, так как свою воображаемую Няденьку. Неужели Вы серьёзно поверили, что у нас есть дитюся? Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!.. и проч. и проч. Де нам! іще й нам! Не знать чого захотіли! Тут и так некогда иногда бывает дохнуть, а то ещё с Няденьками возись! Вы будете нашею Няденькою, когда съедемся. Мы вас, если угодно, будем и сповивать, и колыхать, и котка спивать. Хольосьо?

Ещё один ответ: я служу чиновником особых поручений при здешнем военном губернаторе, то есть служу только титулярно, а в самом деле, так и коту хвоста не завяжешь по службе.

Мы оба совершенно здоровы и счастливы. Пишет ли к Вам Виктор? а кадеты[2] пишут ли? и часто ли? Мы давно, очень давно не получаем от них ни слова. – Прошу Вас, милая сестрица, отвечая на письма, класть их перед собою и отвечать на каждый требующий то пункт: это самое лёгкое средство приискать содержание и удовлетворить донельзя корреспондента. Положите себе это за правило. – Ещё прошу уведомить нас, что хорошего прочитали вы в журналах? Когда вам попадётся в руки «Современник» 1847 или 1848 года, то обратите внимание на небольшие рассказы путешественника *Габриеля Ферри*[3]: очень занимательно и мастерски пишет, а главное – это не вымысел, а картины с действительности. Хороша также статья Ламартина в V № «Совр[еменника]» 1847 [года] под заглавием: «Шарлотта Корде́»[4]. Ещё рекомендую приложенные особенною книжкою при «Современнике» (№ 1) 1848 года «Записки Бенвенуто Челлини»[5]. – Да ещё в «Современнике» ж 1847 [года] в № IV: «Каталина де Эрайсо»[6], перед которою наша Дурова[7] – ничто! Если ж хотите чте-

ния тихого, но очень изящного, то возьмите в VII и VIII нумерах «Совр[еменника]» 1847 [года] роман Гёте: «Оттилия»[8]. Из «Записок охотника», рассеянных в разных нумерах этого журнала, есть некоторые штучки прекрасные[9]. Но, может быть, Вы всё это читали? Нынешний год «Современника» что-то плох; прекратился даже роман Диккенса «Домби и сын»[10], так увлёкший в минувшем году всю читающую публику. Я думаю, и у вас в Киеве о нём говорили. – Просим уведомить нас, что будет замечательного носиться по Киеву о Гоголе, иже во святых[11]. Я думаю, небо и земля подвигнутся с места. – Напишите о своём здоровьи и о том, что сказал Николай Николаевич о предложении Саши ехать в Умань, где в бывшей Софиевке открыто водолечение, как извещают об этом в конце V[й] книжки «Современника» 1848 [года][12].

До свиданья. Доброму и милому нашему брату Николаю Николаевичу усердный поклон.

Ваш П. Кулеш

230. До Осипа Бодянського

Тула, 16 червня 1848 р.

Шановний Земляче і добродію Осип Максимович,

Коли ще я Вам не остив із своїми докуками, дак благаю Вашу милость іще раз підсобити мині у моїй роботі. Чи не можете Ви позичити мині на якийся час: 1) Сказание о осаде Троиц[кого] монастиря, *Авр[аамия] Палицына*[1]; 2) *Летописи о* многих *мятежах* и о разорении Московского государства[2] и пр. да ще 3) Восьмого тому Руских летописей по *Никонову Списку*?[3] Я б їх Вам одослав ік такому урем'ю, ік якому Вам завгодно назначити. А треба, дуже треба. Знаєте, тут ось яке діло лучилось. Як почав я митиковати про свій роман, так нитка за ниткою убравсь у саме потканьє і в основу того часу, да й думаю собі: чого ж оце мині брехати, коли правду можно ось-ось намацати? Ке лиш я перш начертаю собі усю картину того часу, так як вона справді була, то потім чи не буду я сущим хазяїном, як трапиться дещо для роману вибрати! А то я й сам не звідав своїх скарбів, а гайную дороге й дешеве на роман. От, поміркувавши сам із собою, і почав писати справжню історію того смутнóго урем'я, як я її порозумів, щоб усяк час і усяк старосвіцкий лицарь пройшов через мою голову, і щоб одним поглядом обняти ту дивовидную ігру людських страстей, замешаннє люду православного од того пройдисвіта Самозванця і всякі біди, які тоді склались землі Московській. Зачав же я не од Самозванця, а од самого скону Івана Мучителя, та вже довів аж до року 1600. І вподобалась мині дуже ся праця. Єсть про що змовити поважне слово. І буде то книжка геть-геть товста[(а)], може не де і притулимося з нею як не в «Чтениях». Тілько чи приме-

---

[(а)] *Було*: дужéнька

те таке мізкованнє, що критики того-то, бачте, *ізслідования*, як у вас оглавлено, немає; а єсть тілько оповідь, а з оповіді вже й само ізслідованиє виходить, що инколи й натюкнеш читателю, а инколи й сам здоров збагне. Дак чи годитиметься ще для Вас така штука? І чи надрукуєте Ви її, як у їй буде страниць 400 ваших без розділу на стовбці? А вже мині дано певну надію, що друковать позволять, аби б що небрикливе не написав. Дак от уже таке їм покволе, доморосле московське, а не наське степне, що й водою нікóму не замутить.

Чи був у Вас Вернадський? Як він Вам здався? і як його Ваши професори, чи ласкою привітали, чи може гордим оком, що таке молоде та хоче доктором величатися?[4] А гарний хлопець, як би не дуже пофранцузився! Та ще, може, з літами похолодіє до всього иноземного, німецького, до того вразького *прогресу,* що тілько руйнує старовину, а нового нічого не збудовав віковішнього.

Жду не дождусь Ваших «Чтений»: роздратовали Ви мене московськими піснями, що так хвалите[5]. Вже коли Ви хвалите, так видно справді скарб, а не пісні. А чи скоро ж наські? Яких то там немає скарбів? Господи! Зросте ж такий квіт серед степу, що ніхто його й не пересажує, не обполює й не поливає!

Спасибі Вам за 8 книжку «Чтений»[6]. Тоді дякую, як прочитав. Спаси Вас, Боже, за Вашу працю: що за дорогу ви мостите нею історикам і поетам! Тілько з чого се ви взяли, що б то я гримав, що все наське да наське! Де ж йому більш появитись? Хто б його без Вас видав на світ? Так би, може, й попропадало, якби всі були такі фертики, як оті петербурські книжники, що тілько вміють з чужого хворосту карлючки загинати. Скорійш іще витягуйте із Архиву иностранної коллегії та друкуйте, а ми за всяку книжку єй же ради б вам у сами ноги уклонитися, так ви нас запомогаєте усякою письменською худобою!

З щирою приязню до послуги готовий земляк Ваш

П. Куліш

1848, іюня 16.
Тула.

231. До Надії Забіли

Тула, 22 червня 1848 р.

22 июня, 1848. Тула.

Милая сестрица Надежда Михайловна, вот мы, не дождавшись от Вас ответа, опять к Вам пишем, так вас балуем. Сказано: «Не тлогайте, бо її «іголенька», вона нездолова!», – вот мы вас и не трогаем; молчите себе, сколько душе угодно, а мы к вам будем писать. Я хотел отправить Сашу во сопровождении старого служивого в Малороссию, но теперь ещё больше облегчилось для нас это дело непредвиденным обстоятельством. Саша непременно будет в Малороссии,

но с условием: чтобы Вы ехали туда прежде. Письмо Ваше из Мотроновки будет знаком выезда её из Тулы. Она и в прошлом году ездила больше затем, чтоб с вами видеться, а теперь, согласитесь сами, было бы слишком опрометчиво пуститься в другой раз наудачу в такой далёкий путь. Итак, чем скорее выедете вы в Малороссию, тем раньше увидите Сашу. – Мы переменили квартиру и живём теперь посреди зелени, тихо и свежо кругом. Я сделал палатку в саду и намерен там жить с утра до ночи. Со временем переезда сюда, а этому дня три, на меня напала такая лень, что ничего не делаю; с завтрашнего дня исправлюсь. Вот адрес наш: В Новой Дворянской, в доме титулярной советницы Параскевии Ивановой. Холеры у нас в Туле почти нет, а у вас?[1] – На днях мы начали получать «Русский инвалид». Редактором этой газеты сделан мой знакомый, барон Корф[2], и высылает нам её безденежно. – Истории своей[3] я написал уже много и послал начало Плетнёву. Он очень хвалит (а «Евгений Онегин нашего времени» ему не нравился) и берётся устроить издание этой книги. У нас есть белая голубка Няденька, которую мы сами выкормили; такое ручное, что подбросить вверх, – она сделает круг в воздухе и спускается на руку. Если Вы приедете в Малороссию, то получите её от меня в подарок; Саша повезёт на руках или на плече. Вообразите, что за прелесть: всё белое, крылья длинные до земли, хвост чёрный, а головка розовая с чубком. Глаза чёрные, прелестные, как у вас. Тут есть голубятня и нашим сожителям очень привольно. Я надеюсь развести даже пасику в саду, только бы купить один улей. Из нашего дому видна в поле конская скачка, тотчас за садом, – впрочем, в таком отдалении, что ни крик, ни пыль сюда не долетают.

Целую Ваши ручки. Ваш П. Кулеш

232. До Осипа Бодянського

Тула, 4 липня 1848 р.

4 іюля, 1848. Тула.

Високоповажний Пане Земляче!

Щиро дякую Вам за позику книжок: Аврамия Палицына и Летописи о Мятежах. Що то таки, як є своє на чужині, то й допоможе при нужді! Що ж мині в світі робити, що немає в Вас Никона VIII книги?[1] Купити, кажете, її не можна? А чи не знаєте, що пан Бередников надрукує у четвертому томі Полного Собр[ания] Русск[их] Летописей?[2] Чи ще сей том не вийшов! Лихо та й годі нашому брачику на одшибі од такого місця, як Петербург або Москва! – «Сказания современников», ізданнії Устряловим, маю, а Арцибашева[3] і Бутурлина[4] прочитав би з великою охотою, та не знаю, де взяти, а куповать для одного разу не хотілось би, бо, може, вони й не дешеви. Чи немає в Вас? то вже не полінуйтесь і не поскупітесь запомогти мене ними на який схочете час; та тут же скажете, чи скоро вертать вам Палицина і о Мятежах. Коли скоро, то, покинув-

ши все, пороблю зараз виписки та й одішлю. А Соловйова читав я з великою увагою[5]. Після його, може б, нашому брату, чоловічку простому, не годилось би й мізковати, та подумаєш одно те, що це критика історична, а не істория, а друге, що який би той пан професор ні розумний чоловік був, а всього не збагне: є дещо в московській історії таке, що наш брат українець инше міркує; дак от і візьме охота, а ке лиш восписнем словом нехитрим, та всякому розумним, – що з сього буде! – Хапаться мині нічого, бо за шию не тече, та я таки й не вмію нічого робить швидко. Хоч же б я й написав цю історию скорійш, ніж треба, то і то їй не завадить. Нехай се буде підмальовок, а як знайдемо фарби правдивійши, то й наложимо, де подобає; тим часом око привикне сягати ширше, дак дещо збагнем опісля таке, що може б не пришло й на думку, прокладуючи[(a)] зразу битий шлях. А за Ваши по́битки об моїй книзці і за Вашу раду благую щиро вам дякую. Як знаєш, що є під боком чоловік з добрим до тебе духом, то й на душі якось теплійше, і діло лучче спориться. – Об козацтві я таки чималеньку річ розвів і зв'язки їх з московськими голодранцями-бурлаками познаходив, і козацтво в мене не послідня закарлючка в цій мудрій та химерній історії. А от як би Ви були добри та надослали мині на часину отту польску книжку Дзялинського о Лісковчиках[6], то б ще лучче воно в мене на картині заграло. Тут уже без сорома казка: коли що можна, то допоможіте мині, во ім'я того світу, котрому служите і покланяєтесь. А поки приде та осень, то багацько ще можна наробити діла. Я ж тепер так любо собі квартеру спорядив, що в саду й днюю, мов циган під шатром сижу та все читаю та пишу, – дак шкода таке дороге врем'я упускати. – За 9 книжку «Чтений» велике таке, як вона сама, спасибі. Нічого мовити, огрядна таки пані! Заглянув я оком у неї разів ізо три: усе смашне та й дуже смашне; а що вже стихи Кірєєвського, то істинно ласощи![7] – До Срезневського направлю ще одного та вже презавзятого козарлюгу, – коли знаєте – Петра Сердюка. (Об московських же піснях дам Вам, бо бажаєте, одповідь, як усі прочитаю). А ректор[8] не знаю, чи візьметься за Срезневського так цупко, як треба; бо він хоч чоловік уже й куди який добрий! та великий пан, дак не потурбує себе так, щоб аж офіціально приструнити Срезневського; а хиба чи не візьме він їх у його соромом. Проситиму, щоб при всіх поров йому очи, поки не оддасть; та все-таки скажу, що не знаю, як він за се візьметься і чи візьметься. Тепер же, як на те, і час не гарний до сього: люде мруть, дак рідко всі між себе бачаться; а ще як порозлазяться по дачах, то до осени мов жаби з болота ледве носи витикають. А на Сердюка певнійша надія: ось побачите!

Вернадский поїде в Петербург, то настройте й його од мого ймення, а я писульку Вернадському посилаю для передачи тому гаспиду[9]. – Посилаю ще листок пісень. Достав я їх аж у Варшаві, і ось тілько тепер вони мині впали в руки після того розруху, що поставив усе моє книжництво ногами догори[10].

[(a)] *Було*: ідучи

Чи не будете часом їхати коли через Тулу? То от як знайти моє шатро циганське. Треба йти або їхати Новою Дворянською вулицею вгору трохи не до самого поля, та як доїдете до остатнього перехфестя, то по ліву руку буде дерев'яний в два п'ятра дом, жовтий із білими стовпами, на ріжку, а по ліву на ріжку поганенькі будинки чорномазиї, чи дикі, чи попеляści; за сі будинки за ріжок повернуть управо і іти або їхати просто з пів-гоней; от на лівій руці перший домок – три оконця з зеленими виконничками на вулицю – моя кватера. Домок дерев'яний поганенький, попелястий, над хвірткою написано: Титул[ярной] Советницы Параск[евии] Ивановой. А уличка все-таки зоветься – кат її знає зачім – Нова Дворянська, як і її сусідка-пані: мабуть, родичі.

Обіймаю Вас

П. Куліш

233. До Ізмаїла Срезневського

Тула, 5 липня 1848 р.

Милостивый Государь Измаил Иванович,

Медлительность Ваша в возвращении мне сообщённых Вам мною некогда песен, переписанных моею рукою и собранных мною и Костомаровым, делает большую остановку в литературных моих делах. Сделайте одолжение, возвратите их мне через Г. Вернадского, подателя этого письма; он явится за получением их в такой день и час, какой только Вам угодно будет назначить.

С совершенным почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, июля 5.

Тула.

На арк. 77: Его Высокоблагородию Измаилу Ивановичу Срезневскому

234. До Надії Забіли

Тула, 11 липня 1848 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна,

Ответ мой на последнее Ваше письмо не будет как следует обстоятелен, потому что мы пожертвовали его Васе, который очень беспокоится о Вашем здоровье и удивляется, зачем Вы молчите на его письмо[1], посланное к Вам давным-давно. Неужели Вы его не получили? – Кстати заметить, что Вы не совсем справедливо обвиняете Вашего милого братца за то, что он пишет к одним длинные письма, а к другим короткие. Писание гласит: Котузі по заслузі. Мы к нему писать не ленимся, и он изо всех сил старается, чтобы его письма соответствовали своим объёмом нашим. Пишите к нему

и Вы подробно обо всём, что с Вами или у Вас перед глазами происходит. Этим Вы доставите ему живейшее удовольствие и, без сомнения, уравномерите его корреспонденцию выгодно для себя. Радуемся от всей души, что Вы здоровы и счастливы. Впрочем, если б было и напротив, то неужели Вы будете так жестоко добры, что скроете от нас Ваше положение? Не дайте вкорениться подозрению: тогда переписка будет только игра слов, в которой не станешь искать истины. Гораздо лучше знать, что страдают, нежели подозревать, что в отдалении делается с Вами в тысячу раз больше, нежели в самом деле есть. Как бы то ни было, мы охотно верим, что Вы совершенно здоровы и по возможности счастливы. Зачем Вы так боитесь холеры?[2] А мы так едва знаем, что она есть в России. Гораздо лучше умереть один раз, когда настанет час, нежели миллион раз чувствовать предсмертную агонию. Что вам сказать о нашей жизни? Самое важное наше несчастье в том, что хозяева чрезвычайно, невообразимо подлы. Вот мы нашли было по своему вкусу летнюю квартиру, но здесь столько нам насолили, что мы, не проживя месяца, должны бросать её и подобно диким птицам перелетать в другое гнездо. Это, однако ж, не должно останавливать Вашей корреспонденции. Вы можете надписывать (разумеется, не по-арабски) такому-то *в Туле*, и больше ничего. Почтальйоны знают меня очень хорошо; я часто получаю письма, журналы и газеты.

Странно мне показалось, что Вам больше всего понравились романы Диккенса и Вам же, той же самой особе, нравится всё более и более роман Поля Феваля! Конечно, о вкусах не спорят. Есть люди, с удовольствием читающие и Булгарина; но всё-таки это куда как странно! Попробую изъяснить Вам Ваше очарование. Вы читаете Поля Феваля в подлиннике и не замечаете, что Вам нравится занятие языком, а не поэзия книги. Нет у П. Феваля здоровой поэзии[3]. Если можете, я Вам советую его бросить и заняться лучше шитьём, коли нет других книг. А впрочем – о вкусах не спорят: есть, повторяю, люди, закусывающие Пушкина Булгариным.

А мы с Сашею так всё бывало читаем то Жан-Жака Руссо, то Бюффона[4], то Мольера. Но теперь история развратила нас обоих. Я целый день занят чтением исторических источников, а она своё свободное время употребляет на переписывание. Мы написали уже 200 страниц, но это составляет только две трети первого тома, будет ещё и второй, а может быть, и третий[5]. – Здоровье наше в вожделенном состоянии. Просим Вас писать к нам почаще. Николаю Николаевичу мой поклон.

Ваш П. Кулеш

1848, июля 11.
Тула.

235. До Осипа Бодянського

Тула, 16 липня 1848 р.

16 іюля, 1849. Тула.

Ще раз спасибі тобі, щирий пораднику мій, за твою підмогу. Арцибашев підоспів якраз у саму робочу годину. Як узяв я його в руки та як заглянув, що воно є, – бо зроду вперше цю книжку й бачу, – дак думав, що за таке густе та дрібне друкування вимай з кишені по малій мірі жменю грошей. От і поліз до леєстрику, що колись, спасибі тобі, мині надіслав; як же зу́здрів, що за таке сокровище тілько три рублі положено од Вашого шановного Товариства, то зараз до гамана, та оце й посилаю три рублі у сьому таки листі – оддай, будьласко, та ще й подякуй своє високоповажнеє Товариство за таке добре діло, що й дешево, і ситно. А шановного, любязно́го мого дідуся, Аврама Палицина, і «Летопись о мятежах» вертаю тобі, добродію мій милий, із великою подякою. Та ще, щоб то, як водиться, оддать позику з верхом, шлю тобі деякі шпарґалики, що повишкрібував у своїй скрині. Може вони тобі й геть-то знадобяться, не казав би, як хазяїну на всю губу.

Перший шпарґалик. Може видав – де вже не видати? – деінде по Вкраїні голеного запорозця намальованого, що седя, підобгавши ноги, грає на кобзі та ще й промовляє. А що промовляє, те внизу й підписано. Ляхи зовуть його в своїх книжках *козаком Мамаєм.* Есть коло Су́ботова, чи що, і дуб *Мамаїв,* де він вішав їх, брачиків, та жидову. Було в мене воно десь і записано, та вже запам'ятав. От же я колись був у Мошнах і знайшов там сього козарлюгу із такою підписсю, що краща й просторніща од усіх инших; та й саме мальовання вже старе дуже, що аж полупалось, дак тим-то я й не розібрав одного слова на кінці – чи *головатий,* чи *бородатий.* Сам уже домізкуєшся[а]. – Моє діло тілько списати.

Другий шпарґалик. Колись я був запознавсь із запорозьким кошовим Гладким і випрохав у його деякі звістки про козацьке життє під турком. Посилаю тобі їх. Дещо єсть тут дуже цікаве: до того Міллера та Рігельмана воно й геть-то під стать.

Третій шпарґалик – акт про те, як дуже козацтво в кості грало.

Четвертий шпарґалик – казка, записаная в Подольскій губернії, цікава покидька щодо язика. Коли надрукуєте, то благоволіте припечатати: «списанная Евгением Малавским»[1]. Буде рад чоловічок. Воно ж і то правда, що «достоинъ дилатель мзды своея»[2].

Четвертий шпарґалик – вариянтики до пісень.

П'ятий шпарґалик – пошкрибок із моїх колишніх студій над весілля́ми[3]. Чи в тебе бак писана брошюрка о малороссійских свадьбах із піснями, а писав її стеблевський попик? Коли б ще не в того дуросвіта Срезневського![4]

[а] *Було*: сами вже домізкуєтесь

Шостий і сьодмий шпарталик. Се вже так щось; я й сам добре не знаю, на що воно треба кому.

Ще ж є в мене тобі, пане Земляче, цяцька – козацький леєстр 1741, чи що, року, та не в мене, а аж у Петрозаводському. Як бухне він тобі на стіл, дак знай, що це од мене гостинець[5]. Друковати його, може, й залишнє, а що так держати, дак і геть цікаво. Побачиш, які так призвища: Микита *Не-їж-сало*! Семен *Урви-хвіст*: що за кумедний народ був ці козаки! От же тобі дарю сей леєстр навіки вішні, не з тим, що «на тобі небоже, що мині негоже», а для того, що ти його збережеш і до пуття доведеш лучче од мене. Тепер прошу одвітовать мині: як іменно писать у Вільну до книгопродавця Завадського і що коштує і як зоветься книжка Дзялинського про Лисовчиків?[6] – Що коштує Бутурлин? і чи не продається у розбивку, як Арцибашев? Іще ж, будь ласкав, перекинь мині екземпляр українських моїх преданій, а коли нельзя, то хоч одну «Орисю» з них[7]. Жинка моя забажала їх, мабуть, на новину; а з хати нікому не дам, будь певен. Іще ж не все: ти, добродію, надруковав колись «Історию Галицької Русі, чи Червоної»[8]. А ке лиш сюди одну книжку по-приятельськи да по-братерськи! – Історія моя[9] вже дойшла до вшестя Отреп'єва в Сіверню од Литви, і вже книжка страничок із 200, як невеликих, а ще, може, буде два рази стількі до кінця. О, буде мене шпиґати під боки учений люд! Та вже ж! Нехай вони пишуть для таких, як сами, а я для своєї рівні. – Я був хотів прислати тобі часточку на прогляд, чи благословиш так сміливо про історични речи глаголати? та не знаю, чи до того тобі! Там, може, самому ніколи дихати. Дак чи не лучче писати та писати, як Бог послав на розум, а трудящих людей дурницями не турбовать? Бувай же здоров, шановний мій Земляче, а я поки жив, зостаюсь у щирій приязні твоїм найприхильнищим слугою

Панько Куліш.

236. До Осипа Бодянського

Тула, 11 серпня 1848 р.

Коханий мій пане Осип Максимович, добре, що оце доля злучила мене якось із тобою: од тебе, як чого треба, зараз доб'єшся товку, а вже мині отиї столичні паничі! Сердюк мовчить, як стіна; може, його нема й на столиці, а може, й є, та збожеволів; а гарний був колись хлопець. А родичі мовчать і поготов. Я б тобі, добродію, ось що порадив. Написать би тобі до самого владітеля тих пісень, що заграбив Срезневський (бо найбільш його пісні залягли в того харцизяки), щоб прислав тобі до друку історицькі пісні, – коли то вони в його оціліли у ту нещасливу заверюху. – Я б і сам написав до його, та боюсь, щоб ізнов не попастись у біду: скажуть, що тут «не література, а політицькі каверзи», щоб вони їм пропали – так мині хотілось у них плутаться! Ти ж, яко чоловік чистий як скло, пиши і проси, чого хо-

чеш, – коли б тілько той панич з переляку не зарікся одвітовати на всякі листи. Да вже ж не куди йшло прописати до його слово чи друге. От його й адрес: Никол[аю] Ив[ановичу] Кастомарову[(a)], в Ростове[1]. Коли не пропав його зборник, то не можна, щоб утерпів він не послати тобі, які в його знайдуться, історицьких пісень, тілько напиши, який у тебе скарб готов до друку, і що тілько за тим не друкуєш, що Срезневський заграбив тиї пісні, що виписані з його, Костомариного, зборника. Пиши ж, пане земляче, до сього панича по-московськи, а то злякається та й замовкне. Ще лучче, коли одзовешся до його яко секретарь Общества истории и древностей на друкованому листі за казенною печатью – тоді не буде жадного сумления.

Ні, пане-добродію, «Орися» моя була добре виправлена: не було в їй таких промахів, бо чи раз же то читав я її приятелям?[2]

Історию свою я поділив на дві части, щоб не одним духом написати, і оце перша часть нехай буде «Історія Бориса Годунова і Димитрія Самозванця», а друга ще без імення[3]. Знаєш, треба дещо позбирати та розчовпати перше, да тоді вже й за другу книжку, а се нехай буде опит, чи годиться такечки писать історию. Днів через п'ять і скончу. Плетнев постарається, шоб там у столиці пропустили її через цензурне митарство, да тоді вже треба думать, як її й на світ випустити. Поки ж се буде, бувайте здорови. – Оце зождавши неділь зо три, хочу прохаться, чи не дозволять мині осісти в рідному хуторі коло містечка Вороніжа. Плетнев дає надію, що вже на цей раз змилуються[4]. Так оттам знов, може, де знайду яку літопись чи що до твоїх «Чтений», щоб запобігти сього щасливого часу, поки ти редакторуєш. Чи не чував ти про Іллю Тимковського, що був директором у Новгородку? Кажуть, він колись думав писать історию Малороссії і, будучи ревизором архівів, повитягав звідти цілком, що тілько похотів, та й держав у себе, мов та собака на сіни. Тепер чи не вмер лиш старий кулак, а Тураповка його звідти недалеко[5], – то от [чи] не одкопаємо ми нового колодязя до історії рідного краю? Так-то, бач, мізкую собі, як то там весело буде мині проживати на тій Україні, а як не дозволять, то й терпи отут горе!

Кланяємось тобі з жінкою да просимо не забувать нас серед твоїх хлопот литорацьких.

Прихильний до послуг

твій земляк П. Куліш

1848, авг[уста] 11.
Тула.

[(a)] *Далі закреслено*: чиновнику (так я думаю) Г. служащему в канцелярии

237. До Надії Забіли

Тула, 11 серпня 1848 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна,

Позвольте поцеловать Ваши ручки. Каково Вы поживаете в богоспасаемом Киеве? а мы в Туле nie źle, как говорит Пани Марцинковска. Прошу передать мой поклон Ник[олаю] Николаевичу.

П. Кулеш

Примечание к предпоследним словам Сашина письма. Что это за барышни! ведь выбрала ж, что похвалить! Оно-то, пожалуй, хорошо, и даже очень хорошо, даже, если позволите, прекрасно, но... но... как бы не задеть за живое вашего брата? – Одним словом – *но*...! А вот разговор[а] Кутля с Флоренсою[1] перед появлением на сцене Вольтера – вещь сладкая и без приправы сантиментальности! но барышни, хотя бы оне были и «высокорождённые барышни-девицы», как говорит Кутль, не слишком вникают в сущность дела: им было бы бланманше да бисквиты! – Кстати здесь объяснить, что под именем барышень я разумею особ, похожих на Александру Михайловну, которая напрасно уверяет меня в дамском своём достоинстве: ни одно бо чадо того не свидетельствует. Говорят, есть и в Киеве такие особы, которые несправедливо присвоивают имя madame, frau, mistress и как бы оно ни было. Впрочем, я рад поцеловать у всех их ручки, предполагая, что оне так хороши, как у вас.

238. До Осипа Бодянського

Тула, 20 серпня 1848 р.

Вибачай, шановний мій приятелю, що я такий на тебе звів покліп. Ні, бачу, шо ти отаман-характерник голінний: свого діла не проспиш і не програкаєш! Це, бач, мині з великого жалю так у голові завернулось, що я шкоду свого чури-писарчука зложив на такого щирохороброго лицарюгу![1] О, щоб же йому там на Вкраїні галушки́ та вареники в пельку не лізли, як він оце ударав мині таку швабу! Двійчи шваба: перше, що вийшла несенітниця в друку, а друге, що зневажив так необачне тебе, мій добродію, которого шаную і поважаю щонайбільш у світі! Еге! та вже ж нехай воно на сухий ліс іде, а ми з тобою через таку пакость приязні не одмінятимемо: чи правда?

Добре, дуже добре оце ти виметиковав, як видрать з лап у того козолупа Срезневського наші пісні. Шлю тобі і свидітельство[2]: нехай

[а] *Прим. Олександри Куліш*: Я говорила о последней главе, но не собственно об изъяснении Флоренсы с Вольтером. Что я и вчера доказывала на деле, что поступки Кутля все прекрасны и благородны; я вчера, [когда] еще не писала к тебе письма и не упоминая Флоренсы, хвалила Кутля. *Дописка Куліша*: – Да! гм!..

воно поре йому тиї собачи очи. Та вже як видереш, то, будьласко, зараз і мині посилай звістку, щоб і я радовався.

А я саме оце скончив свою працю[3], що розділив на́двоє. Воно ж і по матерії дуже одно од другого різниться, хоч друге у першому має починки. Дай же, Боже, час добрий, коли б мині оця історія помогла умилосердить столичних панів, щоб дозволили й нашому брачику держати перо за ухом! Жінка моя, спасибі їй, що напишу, то й перепише; от воно мині й покволнійше; і тепер ще докончує писаннє, та потім уже й по́шлемо на столицю.

Тепер, мій щирий пораднику, спитаюсь я в тебе ще про одне діло. Колись було я принюхуюсь до «Одиссеї», чим воно пахне; аж воно пахне правдиво тими гуторками, що от инколи поведе старий дід із молодшими чоловіками, сидючи на колодці в свято або коло лушника у довгі зимні ночі. От не раз спадало мині на думку, що то якби взять оту «Одиссею» та й перелицьовать як-небудь по-наськи або слово до слова розказати нашою річчу? Та подумаю, подумаю так, та й занедбаю знов таку хіть. А тепер от пришлось мині сидіть без уряду, зложивши руки, – то чи не взяться б до тиї праці? Тількі треба дечим цупко до того запомогтись. Як тобі здається? – Чи, може, нічого й розхожуватись? бо, як там кажуть, се праця «неблагодарна», нікому непотрібна! – Ге?[4]

Оттаку тобі карлючку загнувши, шлемо поклон разом із жінкою – бувай здоров, щаслив, а ми тобі до послуг на всяк час готові.

П. Куліш

1848, авг[уста] 20.
Тула.

239. До Лєонтія Дубельта

Тула, 28 серпня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич,

Отказ на просьбу мою о позволении возвратиться в столицу[1] я принял с благоговением к Верховному Правосудию, которого Вы служите благотворным органом. Не дерзая теперь простирать так далеко своих надежд, я осмеливаюсь питать желания самые умеренные и покорнейше прошу Ваше Превосходительство представить прилагаемые при этом мою просьбу и рукопись моего сочинения на благоусмотрение Его Сиятельства Графа Орлова, моего милостивого благотворителя и ходатая у Престола[2].

В других обстоятельствах я бы не осмелился представить таким высоким Лицам рукописи, так небрежно переписанной, но при теперешней моей бедности я не мог нанять хорошего писца, а грудная болезнь не позволила мне самому переписать своё сочинение, и без усердия жены, которая взяла на себя этот труд, я бы вовсе не имел возможности составить чистый список.

В просьбе моей к Его Сиятельству я бы желал присовокупить ещё одно обстоятельство, но боюсь, чтобы желания мои не показа-

лись неумеренными, и потому доложу его только Вашему Превосходительству, в совершенной уверенности, что внушение доброго Вашего сердца займёт место моих убеждений и Вы не преминете представить Его Сиятельству мою просьбу, если её удовлетворение возможно, или оставите без доклада, если она не сообразна с обстоятельствами. Именно: я чрезвычайно дорожу милостью ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, благоволившего мне дозволить даже продолжать службу, и только бедность и расстройство здоровья заставляют меня желать перемещения в деревню. Но я надеюсь, что деревенский воздух поправит мои силы, и тогда я бы желал принесть их на службу моему ГОСУДАРЮ. Поэтому покорнейше прошу Ваше Превосходительство, если возможно, исходатайствовать мне ещё такую милость, чтобы служба моя не прерывалась до тех пор, пока представится мне где-нибудь место, которое я был бы в состоянии занять, и чтобы перемещение моё в деревню считалось временным отпуском для поправления здоровья и во внимании, что крайняя бедность не позволяет мне жить в губернском городе.

С глубоким почитанием имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, августа 28.
Тула

240. До Алєксєя Орлова

Тула, 28 серпня 1848 р.

Ваше Сиятельство Милостивый Государь,

Милости, которых я был удостоен по Вашему ходатайству от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, дают мне надежду, что Ваше Сиятельство обратите внимание на мою покорнейшую просьбу. Я уже год состою на службе при Г. тульском военном губернаторе без жалованья. Обзаведение первым хозяйством домашним (так как я женился перед самим моим арестом) и содержание себя и жены в губернском городе в течение года истощили небольшое её приданое, и теперь мы дошли до состояния, близкого к крайней бедности. Расстроенное моё здоровье при удручающей меня горести и недостатке удобств жизни не только не поправилось в Туле, но ещё более расстроилось. Глядя в будущее, я вижу нищету со всеми её ужасами, потому что, при моём болезненном организме, не в состоянии буду ни исправлять какой-нибудь должности по государственной службе, ни снискивать себе пропитание трудами рук. Мои преступления, которые не перестану чувствовать кающимся сердцем до конца моей жизни, отнимают у меня всякую смелость надеяться от Правительства какой-нибудь чрезвычайной поддержки; поэтому и настоящую просьбу приношу Вашему Сиятельству, при всей моей надежде, с великим страхом. Мне не осталось никаких средств к существованию в Туле; последнее имущество моё

заключается в небольшом куске земли, которую обрабатывал собственноручно отец мой, в Глуховском уезде Черниговской губ. Умоляю Ваше Сиятельство исходатайствовать мне ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение – не освобождаясь от надзора, в каком я ныне состою, переместиться на отцовский участок земли и питаться обрабатыванием её.

При этом, пользуясь милостивым Вашим ободрением, изъявлённым мне некогда чрез Его Превосходительство Леонтия Васильевича Дубельта[1], имею честь представить Вашему Сиятельству написанную мною в Туле «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца» с покорнейшею просьбою исходатайствовать ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение напечатать её. Издание этой книги доставило бы, может быть, мне средства к заведению сельского хозяйства. Но при теперешней моей бедности я и думать не могу напечатать её на свой счёт. Поэтому умоляю Ваше Сиятельство, щадя меня от совершенной нищеты, исходатайствовать мне заимообразное вспоможение, которое я немедленно возвращу казне от продажи первых экземпляров. Касательно же средств существовать следующий год, я их только и вижу в перемещении на свой наследственный участок земли, находящийся в 7 верстах от местечка Воронежа, и ещё раз умоляю Ваше Сиятельство сжалиться над бедственным моим положением и исходатайствовать мне у ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА милость, которой я мало заслуживаю, но зато приму с величайшею благодарностию.

С глубоким почитанием имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, августа 28.
Тула

241. До Міхаїла Погодіна

Тула, 1 вересня 1848 р.

Милостивый Государь Михайло Петрович,

От души благодарен Вам за Вашу подельчивость, но ложка нужна только во время обеда. Не получая от Вас ответа, я прибегнул к другим средствам и кой-как достал нужные для моего дела пособия. Но дело моё приняло странный оборот: вместо романа «вспало ми ум похоти»[1] написать историю, и вот я принимаюсь и произвожу «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца». Книга вышла страниц в 300; за вкус не отвечаю, а состряпано горячо. Я послал её на цензуру в III Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии и буду очень рад, если она отворит мне дверь в типографию. Роман между тем я начал, и хотя историческим трудом проложил себе дорогу сквозь трущобу тёмной старины, но не знаю, как скоро его окончу: дело не лёгкое вызвать из гробов чужих праотцев! свои послушнее.

Ещё раз приношу сердечную мою благодарность за «Москвитянин». Как мне нравится его солидный тон и религиозно-философ-

ский характер! Всякая книжка его непременно заронит в душу несколько мыслей, которым оставаться там вечно. Спасибо Москве: она многое отстояла и отстоит ещё в будущем.

Душевно почитающий Вас покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, сент[ября] 1.
Тула.

242. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 22 ... 30 вересня 1848 р.

Его Благородию П. А. Кулешу
№ 1762. Сентября 1848 г.

М[илостивый] Г[осударь] Пантелеймон Александрович!

Письмо Ваше от 28 августа я имел честь докладывать Г. генерал-адъютанту Графу Орлову, изобразив подробно Ваше затруднительное положение, по которому Вы просите о дозволении Вам оставить на время службу и отправиться в небольшое имение Ваше, находящееся в Черниговской губернии; но Его Сиятельство, признавая невозможным исполнить ныне последнее ваше желание, тем не менее вошёл в Ваше положение и с сим вместе отнёсся к Г. тульскому военному губернатору, прося его изыскать средства к поспешнейшему назначению вам жалованья в таком количестве, чтобы Вы могли прилично содержать себя с супругою Вашею и продолжать службу в Туле[1].

Уведомляя о сем Вас, Милостивый Государь, и присовокупляя, что на счёт представленного вами сочинения под названием «История Бориса Годунова и Димитрия Самозванца» Вы получите уведомление впоследствии, покорнейше прошу Вас принять уверение в истинном и проч.

Подписал Л. Дубельт

243. До Лєонтія Дубельта

Тула, 2 жовтня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Только крайняя необходимость относительно нездоровья моего и бедности заставляла меня просить позволения жить в Черниговской губернии. Милостивое участие Его Сиятельства к судьбе моей и великодушная заботливость о доставлении мне должности с приличным жалованьем оживляют меня надеждою, что я рано или поздно выйду из горестного положения, в которое вовлекло меня моё безрассудство. Не смея беспокоить Его Сиятельство особым письмом, покорнейше прошу Ваше Превосходительство передать милостивому моему Покровителю выражение благодарных чувств моих. Вместе с этим позвольте уверить Ваше Превосходительство, что попечения об улучшении судьбы моей, прилагаемые Вами в течение

полуторагодового моего бедствия, останутся в моём сердце незабвенными до конца моей жизни.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, октября 2.
Тула.

244. Від канцелярії III відділу

Санкт-Петербург, 15 жовтня 1848 р.

Его Высокоб[лагородию] П. А. Кулешу
№ 1880. 15 октября 1848.

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александров[ич]!

Представленное вами к Г. генерал-адъютанту Графу Орлову при письме от 28 августа сочинение под названием «История Бориса Годунова и Димитрия Самозванца» Его Сиятельство препровождал на рассмотрение к Г. министру народного просвещения.

Ныне товарищ Г. министра, тайный советник Князь Ширинский-Шихматов, уведомляет, что означенное сочинение Ваше было подвергаемо должному рассмотрению в учёном отношении, но не одобрено[1].

Сообщая о сем Вам, м[илостивый] г[осударь], имею честь присовокупить, что после упомянутого отзыва Граф Алексей Фёдорович Орлов отнёсся к Князю Ширинскому-Шихматову, дабы сочинение Ваше не было подвергаемо рассмотрению в цензурном отношении[2].

Примите увер[ение] и проч.

Подписал Граф Орлов

245. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 20 жовтня 1848 р.

Его высокоблагор[одию] П. А. Кулешу
№ 1901. 20 октября 1848 г.

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александрович!

Препровождая при сем возвращённое Г. министром народного просвещения сочинение Ваше под названием «История Бориса Годунова и Димитрия Самозванца», имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности[1].

Подписал Л. Дубельт

246. До Осипа Бодянського

Тула, 23 жовтня 1848 р.

Октября 23, 1848. Тула.

Я всё ожидал разрешение оставить Тулу, чтоб похвалиться своим благополучием Вам, почтеннейший Земляк; но ожидание моё не исполнилось, и я по другой причине продолжал своё молчание: не хотелось и уведомлять Вас о том, что неприятно ни говорить, ни слышать. Теперь из одной крайности перехожу в другую: сбираюсь купить дом в Туле и зажить в нём так спокойно да мирно, чтоб не хотелось и на родину. Меня сперва сильно мучила неприветливость и грубость туляков, но нет зла, с которым не возможно бы было сжиться, и я на это смотрю теперь, как суровость климата или другое физическое зло. Есть что-то даже приятное в совершенном отчуждении от окружающего нас народонаселения: делаешь, что хочешь, распоряжаешься с собою, как заблагорассудится. Службы мне до сих пор не дали, и будущность с этой стороны не представляет мне ничего утешительного. Я не приобрёл ни единого знакомого в течение целого года, а врагов и ненавистников знаю, что приобрёл очень довольно, и если мне удастся быть счастливым здесь в своём уединении на зло обстоятельствам и людям, то я буду истинный герой жизни.

Благодарю Вас за здравый совет об «Одиссее». Сбившись с дороги обычных трудов и не зная, за что схватиться, чтоб не обветшать в бездействии, я без Вашего совета навязал бы, может быть, себе долгий и бесполезный труд.

Об «Истории Бориса Годунова и Димитрия Самозванца» я не получил ещё ответа из III отделения Царской канцелярии.

Теперь не занят ничем в особенности, и большая часть моих помышлений устремлена на покупку или постройку дома.

Пишет ко мне мой шурин из Петрозаводска, что старинный реестр козацкий отправлен к Вам давно. Нашли Вы что-нибудь годное для «Чтений» из доставленных мною Вам материалов?

В Вашем университете проходит теперь по мытарствам праведная душа, именующаяся на земле Петром Яковлевичем Сердюковым. Это человек истинно fato profugus[1], и если Вы имеете средства облегчить для него получение учёной степени, то сделаете дело истинного благочестия. И разумный, и учёный, и добрый, и в высочайшей степени честный человек этот Сердюков, но на беду себе горяч, и отсюда все его университетские злострадания![2] Ради Бога, обласкайте, усладите его душу Вашею дружбою, если можно утвердите даже его в Москве доставлением какой-нибудь службы! Вы в нём приобретёте для науки неутомимого, благородного и, без всякого сомнения, полезного труженика. До свиданья.

Весь Ваш П. Кулеш

247. До Лєонтія Дубельта

Тула, 27 жовтня 1848 р.

Ваше Превосходительство Леонтий Васильевич!

Как ни грустно мне было расстаться с последнею надеждою на поправление моих обстоятельств посредством литературы, однако же уведомление ваше о неодобрении моей «Истории Бориса Годунова и Димитрия Самозванца» учёным ведомством я принял с совершенным смирением и покорностью судьбе своей. Я вижу, что причина всех настоящих моих бедствий заключается во мне самом. Если бы я не страдал постоянной болью в груди, я бы давно воспользовался милостью благодетельного даже и к своим преступникам Правительства и имел бы в службе способ улучшить своё положение в свете и средства к содержанию себя и своего семейства. Может быть, даже моё сочинение вышло бы тогда сильнее и удовлетворило бы требованиям науки; но, убитый горестью, колеблясь между желанием помочь своей беде и страхом приближающейся ко мне быстро нищеты, и платя за всякий присест к работе новыми припадками моей болезни, что мог я произвесть удовлетворительного и стоящего внимания моего Покровителя? Отзыв Г. товарища министра народного просвещения о моей книге оправдывается собственным моим сознанием, и мне остаётся только принести мою покорнейшую благодарность Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову, что он сделал для меня в этом случае всё возможное и без сомнения не оставил бы моего труда без поощрения, если б только он оказался того достойным. Итак, покорнейше прошу Ваше Превосходительство взять на себя труд – засвидетельствовать пред Его Сиятельством, что как бы ни пришлось мне тяжко жить на свете, я до конца сохраню в душе смирение кающегося преступника, и как ни ужасна для меня бедность, которую я уже испытываю и должен, по-видимому, испытывать больше и больше, однако ж буду покоряться ей в молчании, как высшему определению судьбы.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1848, октября 27.
Тула.

248. До Осипа Бодянського

Тула, 6 листопада 1848 р.

1848, ноября 6. Тула.

Дякуємо твоїй ласці, шановний пане Земляче, за новую книжку «Чтений»[1]. Сподівались знайти при їй і писульку твоєї руки, да, мабуть, тобі, як кажуть, тепер не до соли. І не одривайсь таки од свого діла, як немає пилкої потреби до нас листовати. Лучче нехай та хви-

ля пійде на підмогу науці. Ми й так знаємо, що ти про нас пам'ятаєш, як і ми про твою милость.

З «Історією» нам не пощастило: не можна друковать, бо погано скомпонована. Сам товариш міністра її читав да й одвітовав тим великим гетманам, що негарно написана, – дак нічого таке й друковати[2]. Таке-то лихо! Дак оце вже треба знов браться за граматку та вчитись так компоновати книжки, щоб[(а)] варти були друку. Ти, може, спитаєш: а що ж цензура? Цензура – скраю, вона нічого не знає; вона, бач, за мою книжку й не приймалась, бо, сказано, нащо марне й час тратить на таке писання, що й друку не варте? Е!

Кланяємось твоїй милости обоє.

П. К.

Будьласко, пошли щонайборзій хлопця з приложеною тут писулькою, щоб того чоловічка захопить іще в Москві, бо він виїжджа[3].

249. До Віктора Білозерського

Тула, 13 листопада 1848 р.

Любезный брат Виктор Михайлович,

Мы покупаем дом за 2000 рублей асс., и недостаёт нам 500 р. для этой покупки, почему покорнейше просим Вас, если это для Вас возможно, выслать нам с первою почтою эту сумму; остальные же деньги, которые Вам угодно было назвать своим долгом, могут оставаться у Вас до тех пор, пока понадобятся нам. Мы только считаем нужным уведомить Вас, что мы от Вас процентов не возьмём, потому что *вы для нас издержали больше денег, нежели стоят эти проценты*. Просим свидетельствовать наше почтение Вашей супруге[1]. Примите уверение в неизменной любви и уважении

П. Кулиш

13 ноября, 1848. Тула.

250. До Осипа Бодянського

Тула, 13 листопада 1848 р.

13 ноября, 1848. Тула.

Письмо Ваше, бесценный друг Осип Максимович, было для меня аки темна вода во облацѣхъ воздушныхъ[1]. Объясните, пожалуйста, что с вами произошло? Посланных Вами мне книг через Сердюкова я не получил, потому что Сердюков у меня не был. Несмотря на то, я от души Вас благодарю, как и за все прочие одолжения. В ожидании Вашего ответа, напишу более.

Ваш П. Кулиш

[(а)] *Було*: сто́яли друко[вання]

251. До Осипа Бодянського

Тула, 17 листопада 1848 р.

17 ноября, 1848. Тула.

Получил я наконец Ваши «Славянские древности»[1] и «Историю русов», почтенный друг мой Осип Максимович. Не нужно и говорить, сколько раз я облизался после таких лакомств, да и долго ещё буду облизываться. Это всё равно, как если в борщ попадёт хороший масол: снаружи вкусно, а внутри ещё вкуснее, лишь бы достало уменья туда добраться. Так и Ваши книги, а особливо «Славянские древности». Что это за Шафарик, что это за голова, что это за характер, что за душа! У нас одни Вы наследовали его ревность к делу науки и правоту учёной деятельности; нужно ж было обстоятельствам бросить вам камень преткновения на пути! Неужели делами человеческими управляет игра слепого случая? Неужели неправда тому, что сказал поэт:

«Незримая Рука, простёртая над нами,
Ведёт нас к одному различными путями?»[2]

Если не неправда, то да перенесём без ропоту и этот удар[3] – как ни велик он, как он ни тяжек – и сохраним любовь к истинному и прекрасному на всех путях жизни, при всей невзгоде обстоятельств. Лучшее утешение в горе для нас да будет то, что не стяжание богатств и не удовлетворение тщеславия было нашею целью, когда мы для науки и искусства не досыпали ночи, не доедали куска хлеба, добровольно терпели разного рода лишения. Нас не поняли, не оценили, грубо ошиблись в духе наших действий – это не наша беда, если для человека единственная награда и единственное наказание существует в его совести и в сознании правоты или неправоты его действий. Известие о постигшем Вас несчастьи сперва сильно меня поразило; мне показалось, что вместе с Вами пала история, пала народная словесность, пали, погибли навсегда драгоценные остатки нашей старины. Но, к счастью моему, какой-то тайный голос твердит мне беспрестанно, что истинное и прекрасное на свете живуще до высокой степени, и невозможно ничем убить его. Пускай торжествуют Погодины и им подобные[4]; не подкопать им олтаря, при котором Вы служили, как подкопали они Вас. Кто знает? Может быть, претерпеваемые Вами теперь гонения приобретут для науки многих бескорыстных тружеников, а Ваше имя покроют новою славою, которую Вы давно заслужили. Да при том же у Вас не отняты ещё средства быть благотворным органом просвещения. При Вашей трезвой и деятельной жизни Вы можете приобресть независимые средства для издания в свет трудов своих и исторических материалов. Да поможет Вам в этом Бог, присущий в сердцах благородных людей, Вам сочувствующих! а их, без сомнения, много. Мужайтесь, и да крепится сердце Ваше. Вы умели быть великим тружеником при благоприятствовавших Вам финансовых обстоятельствах; будьте им и при недостатке денежных средств и в самой даже бедности.

Велико и свято дело науки, на которое Вы посланы в жизнь: прощая людям закоснелость их сердец и все причиняемые Вам обиды, творите волю пославшего Вас и помните, что вы соль земли; если и Вы обессилите, то чем она тогда осолится?[5] Простите мне смелость, с которою принялся я Вас не только утешать и ободрять, но и увещевать. Это – действие моей любви к науке и к Вам, достойному её делателю. Счастлив я буду, если Ваш дух и без того крепок и непоколебим; но, судя по себе, думаю, что и сильному духом приятно, если другая душа принимает его горе, как собственное, и рада всеми средствами пособить ему. Нуждаетесь ли Вы или не нуждаетесь в пособии, не знаю, но должен предложить его, чтоб не обвинять себя, как человека и писателя. Итак, вот – как оно ни слабо – пособие нравственное; что касается до вещественного, то и в этом отношении я не так беден, чтоб не мог предложить его. Может быть, Ваши финансы теперь расстроились, а Вам нужны деньги на то, чтобы без службы устроить себе какой-нибудь источник доходов, например печатать книгу, купить дом или что-нибудь подобное. Знаю по опыту, что в обстоятельствах, подобных Вашим, занять денег – всего труднее. Не хотите ли взять у меня две тысячи ассигнациями без процентов на неопределённое время? Я собрал их на покупку домика, но как мне, по-видимому, скоро дадут должность, тогда домика я покупать не буду (тяжко как-то на чужой стороне!) и эти деньги будут лежать у меня без употребления. Если-бы Вам понадобилось ещё две тысячи, то могу служить Вам с удовольствием, хоть и не с первою почтою.

Теперь благодарю Вас щырым серцем за Ваше желание посетить меня. Истинно Вы среди филипповки сделали бы для меня великдень. Хоть я и в чужой хате живу, но нашлось бы для Вас место. Разумеется, Вы должны наперёд приготовить своё воображение к моей квартире. Я живу в двух комнатах, бедных и худо убранных, но надеюсь, это Вас не оттолкнёт от меня. Ещё знаете что? привозите с собой и Вашу сестрицу. Я знаю, что она очень бы сошлась с простым нравом моеи жинки. Ми б їм кімнату зовсім отдали, а самі істиннии козаками лягли б упокот у світлиці. Хоть би денька три Ви би нам подарили! Все-таки одлигло б на серденьку, побалакавши з земляком! а то притьмом од нудьги погибаємо!

На всякий случай вот где моя квартира: на Старой Воронежской улице в доме Нечаевой, первый деревянный домик от «1^{й} части», если идти из центра города, 3 окна на улицу. Хозяин этого дома столоначальник консистории Ив. Мих. Нечаев, но дом записан на имя его сестры. До свиданья.

Весь ваш П. Кулеш

252. До Осипа Бодянського

Тула, 24 листопада 1848 р.

24 ноября, 1848. Тула.

Предпоследним письмом Вы, Осип Максимович, навели на меня тоску и даже досаду, так что я не вытерпел и сказал: «чорт знає що пише!». Зато последнее меня успокоило. Истинно, так всё есть на свете, как Вы говорите! Плетью обуха не перешибёшь, а с покорностью судьбе и терпеливостью достигнешь благ, дарованных и здесь добрым душам. Полежим на прилавке, как Вы прекрасно выразились, и посмотрим на чужие пляски. Мы имеем полное право беспечно веселиться зрелищем треволнений света. Мы трудились щиро, работа взята у нас из рук: отчего ж бы нам не быть весёлыми во время отдыха, как и ходячи за плугом! Щоб нашым ворогам було тяжко! пускай видит весь свет, что честный человек может быть весел на всяком месте владычества Его![1] Иначе – какая ж была бы разница между честным и бесчестным человеком, если тот и другой удалены от обычного поприща? Итак – не унывайте, мой шановный друже; ещё когда всё перемелется, то і мука буде, а з той муки спечемо хліб святий да й самі наситимось, і добрих людей перепитаємо. Враги же наші, а не хто більш, як отой циган Погодін, посрамятся, – ось побачите, коли не посрамятся!

Теперь позвольте попросить Вас о некотором одолжении. Жена моя будет проезжать через Москву в Петербург. Заниділа, сердешна, на безлюдьї, хоче побачить родичів і приятелів. Так если она не найдёт готового к отходу дилижанса, то прошу дать ей пристанище на несколько часов у Вашей сестрицы. Она будет в Москве между воскресеньем и понедельником, а может быть немного и раньше, так уж, будьласко, так распорядитесь, чтоб и в Ваше отсутствие ей отворили у Вас двери странноприимства. Если ж она застанет дилижанс, то и не будет Вас беспокоить. Но думаю, что первое случится вероятнее. В таком случае Вы не откажите послать своего хлопця за её чемоданчиком и потом, если понадобится, для покупки места в почтовой карете; а если нельзя в почтовой карете, то хоть и в частном дилижансе.

Но нет; сейчас я был в почтовой конторе и узнал, что дилижанс отправится в пятницу; жена моя (без служанки) будет к Вам в субботу, может быть, вечером. Воскресенье пробудет у Вас, а на понедельник потрудитесь взять для неё в почтовой карете место до Петербурга. Я не посылаю денег, чтоб не платить напрасно за пересылку; надеюсь, что у вас отыщется 20 р. серебр. – На всякий случай выговорите отсрочку у управляющего почтовою конторою: он очень добрый человек и делает это для дам. Впрочем, я думаю, что она как раз подоспеет к Вам в назначенное время. Имя моей жены Александра Михайловна. До свиданья.

Ваш П. Кулеш

NB. Если в субботу вечером она не будет, то потрудитесь отправить часов в 5 или в 4 после обеда своего слугу туда, куда приходят

почтовые кареты, и ожидать, пока придёт карета из Тулы. Ночью жена моя не в состоянии будет одна переехать к Вам.

253. До Осипа Бодянського

Тула, 24–26 листопада 1848 р.

24 ноября, 1848. Тула.

Ни одно дело не делается так, как предполагаешь. Встретились препятствия к выезду моей жены из Тулы. Поэтому просим Вас не брать места в почтовой карете до её приезда.

Ваш П. Кулеш

26 ноября.

К вящему горю, почта ушла, и мы рыскуем лишиться 20 р. сер.; но всего досаднее, что причинили Вам столько напрасных беспокойств. Дело в том, что даже моеи жинки не пускают без разрешения Графа Орлова. Оно получится недели через две[1]. Если Вы взяли билет на место в карете, то есть средство переуступить его новому пассажиру; если же нельзя, то пускай пропадают 20 р. Мы вам пришлём.

254. До Осипа Бодянського

Тула, 4 грудня 1848 р.

4 дек[абря] 1848. Тула.

Вы имеете полное право бранить меня за поспешность, с которою я написал к Вам о билете для моей жены на место в почтовой карете; но не совсем как безрассудный я действовал. Мы и вообразить не могли, чтобы полиция имела какое-нибудь отношение к моей подруге. Она последовала за мною в Тулу добровольно и преспокойно ездила гостить в Малороссию. Это не было ни для кого тайною, однако ж полиция и не намекнула мне, что жена моя не имеет права отлучаться из Тулы. Теперь вдруг – отказ подписать свидетельство, и губернатор послал особое представление к Графу Орлову о дозволении ей ехать в Петербург. Не знаем, чем это кончится. Во всяком случае мне не столько жаль 20 р. ср., которые пропали за билет, сколько Ваших напрасных хлопот. Я был тронут Вашею заботливостью о том, чтоб устранить неудобства, важные для женщины при отыскании места отдыха в незнакомом городе. Примите искреннюю нашу благодарность. Теперь, если и получим разрешение на поездку моей А[лександры] М[ихайловны] в Петербург, не станем больше вас беспокоить назначением времени, когда она приедет в Москву. Сделайте только распоряжение, чтобы даму моего имени пускали к Вашей сестрице во всякое время. Она сама постарается отыскать Вашу квартиру. Я думаю, Никитские ворота близко от места прибытия почтовых карет?[1] Не посылаю теперь издержанных Вами на билет денег,

в надежде, что недели через две жена вручит их вам лично. Если ж откажут, то пришлём немедленно.

Ну, каково идут Ваши дела, почтеннейший дружище? Чем вы хорошим занимаетесь? Что касается до меня, то я что-то оплошал в литературной деятельности. На эту пору я не совсем здоров от простуды, а в прочее время сильно меня развлекает непрочное и стеснённое моё положение в Туле. Я, впрочем, не желаю, чтоб оно было здесь прочно в смысле неизменности, но желал бы какой-нибудь перемены своих обстоятельств. Боюсь одичать в этом безлюдьи. Места по службе я всё ещё не получил, но дали мне верную надежду. Служба моя будет состоять в разъездах для проверки лиц и мест, подведомственных Казённой палате, чему я очень рад, как человек, привыкший к страннической жизни. Не воображайте, однако ж, что это будет место для меня удовлетворительное. Звание чиновника особых поручений, а жалованья 1000 р. асс., но и то здесь много: так трудно нашему брату добиться чего-нибудь путного в Туле. Обнимаю Вас

П. Кулиш

255. Від Осипа Бодянського й Олександри Куліш

Москва, 17 грудня 1848 р.

Жінка твоя, Земляче, у мене теперички сидить і читає тільки що привезеную мною «Одисею»[1], котру завтра або післязавтра перешлю тобі теж для прочитання. Гарна твоя Пані, поздоров, Боже, її, що і говорити, гарна і люб'язна; щирая дитина нашої України. Вибрав же й ти собі ягодку, не помилився: хоч сім тебе Біг святий наградив і не обійшов; а се є, Козаче, перве, бо все друге є або добудемо, або, як кажуть то, дома не будемо. Блисне колись і в наше віконечко сонечко. Довго, бідная, вона їздила із улоньки в улоньку, поки попала до мене на господу, тільки саме що я викупався та похожав по кімнаті, поки волосся просохне. От знаючи, що їй треба швидко у той Петембурх, я зараз кинувся на почту, аж там усе позабирано тобі до самого 27го, а коли і є дегде, то у різьно, та ще й спереді, де і віє, і в вічі снігом сіє. Я після сього до диліжансів і знайшов у воднім на другий день (на суботу 18 декабря) два поруч міста, усередині хорошої, кажуть, карети, хоча 6ма карбованцями скупіше против почти. Воно од того скупіше, що почта бере теє тільки, що їй стоїть, а в виграші їй за сеє пересилка письм; а диліжанси мусять бариша взяти, бо не мають писем. От воно і дорожше. Так завтра у чотири години по обіді Твоя жіночка з хлопятком поїдуть собі з Богом, а до того у мене обігріються та з духом зберуться. Як кажу, коли вже переселяться, то переселяться у столицю, Земляче; і сеє товчу Твоїй жінці-голубці, нехай вона більше всього об сьому там просить. У столиці ніхто ще ніколи не загинув: рано-пізно, а все таки можна куди-небудь попасти, хоча в підсусіди; воно ж тутечки і є з ким душу одвести, – чи то у мові, чи то за книжкою якою, за що не треба і грошенят своїх платити; аби б тільки була хіть до читання, нанесуть стільки добри люди, що ходором голова заходить од їх ласки. Та воно ж і не дорожше губернії жити у нас. Можна за 400 рублів на бумажки мати 2–3 кімнати хороши і просторни, і недалеко од середини города. От що,

Земляче, товчи своїй Пані. І то же й я усім об земь, тільки б дістати у Москві. Далебі ж що так!

Бувай здоров, весел, та не забувай щирого твого

І. Бодянського

17/XII 48. Москва.

Милый друг мой Пантелеймон Александрович,

Ты очень хорошо можешь себе представить, как я теперь счастлива, радушнее принять было бы невозможно, как меня приняли. Я такое спокойствие души чувствую, как будто бы я нахожусь у милой мамы моей или с тобою вместе. Как грустно, что тебя здесь нет!

Мы приехали сюда хорошо. Ты из С. П[етербурга] получишь подробное описание. Прощай, моё сердце. Не забывай и ты меня. Твоя А. К.

256. До Осипа Бодянського

Тула, 18 грудня 1848 р.

18 дек[абря] 1848. Тула.

Полагая, что моя Александра Михайловна гостила у Вас и Вашими заботами отправилась далее, приношу Вам, многоуважаемый земляк, сердечную мою благодарность. Ожидаю от Вас уведомления, что отъезд её устроен как следует и что она здорова. Теперь будьте так добры, потрудитесь купить и выслать мне следующие книги:

1) *The Vicar of Wakefield*, by Ol. Goldsmith, *avec la prononciation anglaise* figurée par des caractères et de *sons français*; par Cumberworth, ancien professeur d'Anglais de LL. AA. les princes et princesses d'Orléans; Paris, 1839 un fort vol. in-12 (4 fr 50).

Та же книга *en anglais et en français* стоит 5 fr 50. Если найдёте сие последнее издание, то предпочтите его первому, без французского перевода.

2) «Рассказ козака Моисея Осьмака о том, как он хозяйничал у себя дома, и о том, что он сделал для улучшения быта государственных крестьян Гоголевской волости Черниговской губернии». Издан[ие] от Министерства государственных имуществ. Спб. 1848[1].

NB. Эту книжку прошу купить в таком только случае, если она писана по-малороссийски или хоть и по-русски, но содержит в себе характеристические черты малороссийского быта и вообще наполнена не сухостями. Я хочу иметь её как материал для изучения нравов и обычаев народных местных. Если ж это – так собі, мана, то цур їй.

3) Есть лейпцигское Tauchnitz edition собрание английских писателей (Collection of British Authors)[2], которого каждый томик продаётся отдельно по 60 коп. сер. Прошу купить четыре томика романов В. Скотта этого издания.

Я имею из них следующие: 1) «Quentin Dorward», 2) «The Antiquary», 3) «Wawerley», 4) «Ivanhoe», так этих романов не поку-

пайте, а потщитесь купить четыре других, по собственному выбору. Со временем я все приобрету, а теперь купите такие, которые вы сами наиболее цените.

4) Прошу купить «Ivanhoe» Вальтера Скотта в немецком переводе (если можно готским, а не французским шрифтом). Я до сих пор плохо знаю по-немецки и хочу подкрепить себя таким образом. Английский язык убедил меня, что это лучший способ языкоизучения. Я, едучи за границу, понимал едва сотое слово в книге, а теперь читаю книги свободно, редко обращаясь к словарю.

5) Ещё прошу купить Немецко-русско-французско-английский словарь Рейфа, т. е. 3ю часть его четырёхтомного недавно вышедшего словаря[3]. Цена 2 р. 50 к. сер. за часть. Этот словарь прошу отдать в дешёвый, но красивый переплёт и прислать потом вместе с другими книжками. На все эти книги мало 5ти руб., оставленных у Вас Александрою Михайловною, так потрудитесь уведомить, сколько издержите на покупку, переплёт и пересылку своих, а я немедленно вам дошлю.

А що ж, коханий земляче, як би тепер, як ось нема моєї старої дома, та завітав до мене у госпóду? Сам нагадав, добродію, дак не здивуй, що міні воно *рýпить*.

З великим пошанованнєм до послýг тобі щирий

П. Куліш

Вот ещё просьба. Не считайте этого бесстыдством, потому что, во-первых, я готов отблагодарить вас какими угодно услугами (а мало ли придётся на веку испытать нужд?), во-вторых, исполните эту просьбу только в таком случае, когда её вам очень не тягостно исполнить. Я бы желал иметь все отдельные оттиски материалов для малоросс[ийской] истории, печатанных в «Чтениях», кроме Конисского, которого з вашои ласкы имею. Это облегчает труд. При том эти материалы должны быть для нашего брата настольными книгами.

Да ще якби були ласкави перекинули книжечку «Наських казок». Дітвóра в Малороссії усі позачитувала навіки.

257. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 22 грудня 1848 р.

1848. 22 дек[абря].

Незаменимый добрый друг мой Пантелеймон Александрович.

Я и Кучаев, слава Богу, здоровы. Приехали мы в Москву хорошо, только у Мишы иногда зябли руки, чему было легко помочь: кондуктор был так добр, что дал нам для нас свой новый тулуб. Мы приехали в Москву, было пятого четверть утра, а в шесть часов хотела отправиться к добрейшему Бодянскому, но извощиков не было до семи часов; и так, пробывши это время на почте (где Розенберг попотчевал нас прекрасными пряниками), мы наняли извощика и с удовольствием проехали по Москве, но долго О[сипа]

М[аксимовича] мы найти не могли, а тревожили князей каких-то Мещерских; наконец мы обратились к Москвитянину[1], от которого и узнали всё. Я чемодан свой оставила у служителя на почте, а саквояж брала с собой. О[сип] М[аксимович] меня встретил так, как будто бы он был давно со мною знаком. Что за милая душа! Через полчаса он познакомил меня с своею сестрою, которая истинно достойна быть его сестрой; после того он поехал взять для нас места в дилижансе в частном, потому что в почтовом были разобраны до 24, а если и были не заняты, то по одному только. Тогда же он купил тебе «Одиссею»: «Пусть он там почитает, а то ему будет скучно». О[сип] М[аксимович] посоветывал мне купить для Кучаева тулуб, потому что погода очень переменилась; денег он от меня не взял, сколько я его не упрашивала. «Они вам пригодятся». Как много я видала у него прекрасных картин! и как было приятно: такой тихий мирный уголок после несносной Тулы! Как это семейство приветливо; трудно описать этот радушный приём. Я была у них пятницу и субботу до трёх часов. Я с сестрой поехали в Кремль, но из саней не вставали; было невыносимо холодно; мы взглянули на огромный колокол[2] да мимоездом я видела церковь, которая уже четыре раза начиналась строиться и всё заваливалась, но наконец её поставили твёрдо[3]. О[сип] М[аксимович] нас проводил и усадил в дилижанс, и уложил всё наше сам, и благословил нас как родной отец; извести его, что я хорошо доехала, и благодари их за их радушие. Я вообразить себе не могла до такой степени доброго и деятельного человека: он едва успевает пообедать. Ещё же я не сказала тебе, каких мы там нашли хорошеньких двух собачек и толстейшего кота; всё это очень повинуется своим господам, и я неизъяснимое удовольствие нашла, будучи у них. Ты, я думаю, удивляешься, с какою небрежностью я к тебе пишу. У меня ещё темно в комнате, а спички забыла взять. Я приехала 21 дек[абря] в С. П[етербург] в третьем часу вечера; нанявши извощика, я приехала к нашему Папе Льву Семёнов[ичу] и не докладываю прямо, вхожу в ту комнату, где их застала обедающими. Лев С[емёнович] бросился ко мне в объятия и плакал и целовал от радости, что я их навестила, и жалуясь на горе, что он лишился старшего своего сына. Ах Боже! если бы ты увидал этого старика. Ты знаешь, как он любит детей своих? ты знаешь, как он трепещет, когда у дитяти голова болит?!! Наталия А[лексеевна] выздоравливает; как она была рада моему приезду! – не я должна считать благодеянием, что они мне дали убежище, а ещё они на меня глядят так, как на благодетельницу. Я, пообедавши у них, поехала к Вик[тору]. Клавдий Иг[натьевич] был мой спутник; он мне сообщил, что найду невестку[4] больную. Здесь я попросила К[лавдия] Игнат[ьевича] доложить как-нибудь обо мне. Вик[тор], не ожидая меня, был очень поражён неожиданною радостью; невестка упала, и ей сделалось дурно; наконец всё это через полчаса прошло и мы сделались людьми. Викт[ор] тебя так любит и уважает, что выразить трудно! Ты лучше его понимаешь, чем я: я сомневалась в его искренней любви ко мне, а он... Теперь он полный хозяин в доме; ты не думай, чтобы мне кто-нибудь приготовлял постель или подавал свечу, исключая Вик[тора]; он уже мне успел подарить хольосюю чашечку. Кучаев сегодня будет доставлен Клав[дием] Иг[натьевичем] к тётке[5] его. Я не поеду, потому что на губе сделалось такое, как после свадьбы[6].

Друг мой! благодарю тебя за записочку[7] и за ту дружбу, и за те чувства, которые ты умел поселить в моей душе! Я Вас люблю. Я не могла к тебе написать, мне было слишком грустно оставлять тебя; я несколько раз садилась к столу с тем, чтобы писать, но всегда чувствовала какое-то трепетанье

в сердце и в руках; прощай. Зялюйте з себя [нрзб.: частина аркуша відірвана] [...]ненького. Как ведёт себя Варька? [Ска]жи ей, что я об этом спрашивала. Посылаю несколько Викт[ора] писем.

258. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 24–25 грудня 1848 р.

21 дек[абря]. Я приехала в С. П[етербург] и ночевала у Виктора. 22 [декабря], вставши рано, написала к тебе письмо, потом пошла к Л[ьву] С[емёновичу]. На просьбу Клавдия Игнатьевича отвесть Мишу[1] я согласилась; тётка была очень рада, но даже не спросила, на чей счёт он доставлен в С. П[етербург]. Письмо твоё я отослала на почту; мне было грустно, что я до сих пор не имею от тебя никакого известия, а надеялась найти его здесь. Сидела с Нат[альей] А[лексеевной]. Приехал К[лавдий] И[гнатьевич] очень озябший; мне было совестно, что я согласилась на его предложение; у него скоро экзамен, у его так много занятий. Во время фрыштыка я с К[лавдием] И[гнатьевичем] говорила о том, о сём; он тебе очень благодарен за записочку. Я К[лавдия] И[гнатьевича] почти что довела до слёз, когда рассказала, как мы хотели сделать опыт, можем ли мы своими трудами прожить; это его тронуло до глубины сердца. Наконец я сказала, что для нашего истинного счастья только нужно получать постоянно две[(а)] тысячи, и что мы бы не переменили ни квартиры и жили бы так же ограниченно, как теперь, и что мы бы купили себе книг, фортепьяно, рисунков и совершенно были бы довольны своею судьбой; он удивлялся и сказал, что немного можно найти людей с такими ограниченными желаниями. Потом Боря играл на фортепьяно, К[лавдий] И[гнатьевич] на скрипке, Саша на басе, и я с наслаждением слушала музыку. У Л[ьва] С[емёновича] был Белявский, прекрасный душой офицер; я с ним была заочно знакома ещё в прошлом годе, а теперь лично. Он бывает часто у Л[ьва] С[емёновича] для того, чтобы не давать ему думать о смерти прекрасного Коли. Он танцует с детьми, и Л[ев] С[емёнович] и Н[аталья] А[лексеевна] невольно смеётся. Здесь всем известно, что Плет[нёв] женится[2]. Я рассматривала «Эконома»[3]. Боря огромную тетрадь выписал для меня оттуда, как варить разные соусы и т. п. Вечером ко Л[ьву] С[емёновичу] пришёл Виктор, он там [был] не более полчаса; в это время пришёл туда доктор Пушкарёв[4], малороссиянин, и всё время почти говорил по-малороссийски. Я с Виктором отправилась к нему и там ночевала. 23 дек[абря], когда Виктор ушёл в должность, я сидела возле невестки[5], куда не замедлил прийти Олимпий, который с первого раза как будто бы меня не узнал, а после был очень обрадован неожиданной встречой со мной. Грустно было от него узнать, что Колю нашего, хотя он был невинен, наказали. Вечером мы читали «Судьбы сердца», не для того, чтобы мы наслышаны были с хорошей стороны об этой повести, а лучше сказать, именно от того: давно ещё Помпей делал выписки и очень плакал, читая её, но из нас никто ни одной слезы не выронил. Виктор и Олимп[ий] очень хвалили твои рисунки. Мы лягли спать, я думала о тебе. Я до сих пор не могла явиться ни к Алек[сандре] О[сиповне], ни к Плетнёвой. Этот пустой прыщик[6] не позво-

---

[(а)] *Було*: хоть три

ляет мне явиться никуда. 24 дек[абря]. Почему ты не пишешь? Всё было до сих пор самое обыкновенное, чего не стоит описывать. Часов 12 является Миша Боголюбцев, очень спокойно ходит по комнате, не обращая на меня внимания; наконец я к нему озвалась, как это его поразило: он остался неподвижен, долго смотрел в изумлении то на меня, то на Виктора.

Ах, сердце, если бы ты был со мною, как бы мне было весело! У Виктора квартира великолепная. Виктор тоже занимается столярной работой. Посылаю тебе счёт, сколько я издержала дорогою.

27 к. среб. с половиною – чай
25 к. сребр. за порцию супу
20 к. сребр. слугам[a]
50 к. сребр. за забытые кольца на станции
20 к. сребр. за чай
50 к. сребр. кондуктору
5 к. сребр. салдату за то, что руки дал помыть
20 к. сребр. извощику к Бодянск[ому] ездила
25 к. сребр. Андрею
10 к. сребр. извощику, который возил в Кремль
30 к. сребр. извощ[ику] – к дилижансу
120 сребр. за фунты за чемодан
30 к. сребр. – сторожу за чемодан
25 к. среб. за чай
15 к. сребр. кипяток
10 к. сребр. пряник
1 к. сребр. за сено
30 к. среб. котлеты
25 к. среб. чай
15 к. – кипяток
20 к. – щи
1 к. – нищим
25 к. – бифштекс
15 к. – чай
45 сребр. кондукт[ору]
20 среб. изв[ощику] к Л[ьву] С[емёновичу]
25 среб. бифштекс
письмо к тебе 20 к. сребр.
да за это 10 к. сребр.
Ещё мелких денег осталось вместе с медными 45 к. сребром.

Пришли мерку из сапогов. Не купить ли тебе цим[м]ермановской шляпы? Миша Кучаев сегодня приезжал и привозил мне деньги, но меня не было у Л[ьва] С[емёновича]. Я была у Виктора. Сегодня мы укладывали Васи фрак, жилет и т. п. Мы все к нему писали, Виктор послал ему его книги, а твои я привезу. Мы читали разные Васины выписки. Не купить ли тебе косой стамески? Пиши, сердце, если любишь. Я сегодня ещё издержала на извощика к Л[ьву] С[емёновичу] 10 к. среб., 80 ассиг. на изюм. Сегодня у Ишимовой сочельник, а я и быть не могла до сих [пор] ни у кого. Но я думаю, что дня через три украшение на губе пройдёт. Ты, моё ненаглядное сокровище, если вспомнишь, что нужно купить, то напиши, я, смотря по капиталу, всё

---

[a] *Далі закреслено*: (сего не должно бы делать)

исполню. Писал ли ты к маме? посылай и мои письма. Как дешёвы здесь фортепьяны; Клавдий Игн[атьевич] заплатил за свой очень хороший рояль 50 р. сребр., а Л[ев] С[емёнович] 15 р. сребр. тоже [за] порядочное фортепьяно. Завтра праздник, вот уже, мой добрый друг, прошло две недели, как я с тобою рассталась, а дело ещё и не начиналось; пожалуйста, как только я буду нужна, как только тебе сделается очень грустно, сей час пиши, я тотчас же выеду из С. П[етербурга]. Я хотела писать к О[сипу] М[аксимовичу], но теперь раздумала и прошу только тебя благодарить его за его ко мне ласки[7].

25 дек[абря]. Р[ождество] Х[ристово]. Поздравляю тебя, мой добрый друг, с праздником. Целую Вас.

Неизменно Ваша А. Кулиш

259. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 25–30 грудня 1848 р.

Бесценный добрый незаменимый друг мой Пантелеймон Александрович,

Не могу тебе выразить своего удовольствия, с каким я прочла письмо твоё[1]. Я получила его в самое Р[ождество] Х[ристово]; вот истинно ты для меня сделал вполне весёлый праздник. Сердце, я очень рада, что ты заботишься о том, как развлечь свою скуку. Терпи, мой друг, пока я что-нибудь сделаю. Грустно, что я до сих пор ещё не начинала действовать. Р[ождество] Х[ристово] я провела довольно приятно; была у Виктора и Л[ьва] С[емёновича]. Из «Эконома» я выписала, как приготовлять лак, как изгонять прусаков и т. п. Теперь у Л[ьва] С[емёновича] живёт молодой прекрасный душою человек Иван Александрович Шурков, необыкновенно любознательный человек: он всё знает и всё хочет знать. Он столяр, повар, мыло умеет делать какое угодно, помаду, духи, и даже шить, вязать, но природа не наградила его наружною красотою. Я его видала, но ещё не познакомилась. Дуси мои, если бы мне теперь раз только взглянуть [на Вас], и потом опять три недели Вас не видать. Я думала, что только в несчастии я чувствовала своё одиночество, но нет, и теперь мне бывает очень грустно! Мои вещи у Л[ьва] С[емёновича], но я живу гораздо более у Виктора. Сельденько, не могу, чтобы часто не повторять нежных названий, но что же делать, когда само пишется. Дюсь, как я Вас люблю!! одно моё горе, что я только чувствую, а выражать её не могу. – Если бы я только приехала в С. П[етербург] для того, чтобы гостить, то мне кажется, я бы была уже в дороге. Издержки, которые мы теперь сделали, и надежда вымолить себе лучшее поприще в своей жизни ещё удерживает меня в С. П[етербурге]. Ты здесь очень, очень любим всеми родными. Меня ласкают и любят все по-прежнему. Виктор по-прежнему меня крестит каждый вечер и сам перестилает постель.

26 [декабря]. Я что-то хорошенькое нашла у Виктора и просила у него позволения переписать, на что он и согласился. Все находят, что я очень похудела. Я забыла тебе написать, какие я видела картины и портреты у Бодянского. 1. Служение сербов на поле. Это удивительно как хорошо сделано. 2. Портрет *Мицкевича*; наружность его также восхитительна и вместе с тем (если можно выразиться) грустна, как и его стихотворения. Стих под ним был написан след[ующий]:

Tak słowik z ogniem zajętego gmachu
Wyleci, chwilę przysiądzie na dachu:

Gdy dachy runą, on ucieka w lasy
I brzmiącą piersią nad zgliszcza i groby
Nuci podróżnym piosenkę żałoby[2].
Konr[ad] Wal[l]enrod

Если найдёте ошибки, то это произошло не от невнимания, а я едва ли могла разобрать, что там написано.

27 [декабря]. Странно, что Вы мне не написали, как ведёт себя Варка. А сделали Вы или приказали сделать то, о чём я Вас просила? когда Вы с нами ехали в дилижансе? (польосятко?) Дюсь, ласкаете ли Вы себя? берегитесь, если я найду Вас ещё более похудевшим. Я из «Эконома» выписала, как делать, чтобы гипс был крепок[3]. Я надеялась сегодня видеть Колю, но увы!!.. Я не знаю, что и делать. Друг, дяй люцю. Мне что-то очень, очень тяжело...

Мы читали «Светлое Воскресение» Дик[к]енса, очень хорошо, в 223, 224 № 1845 года в «Журнале для чтения воспитанников Военного учебного заведения»[4].

28 [декабря]. С утра ничего особенного не случилось. Вечером Виктор сделал очень хорошенький крестик из финиковой косточки, который я у него купила за гривенник. Мы сегодня читали Васины письма; как они хороши! – Берегите Ваше здоровье; поменьше сиди, а больше гуляй.

29 [декабря]. Я с Олимпием сейчас отправляюсь ко Л[ьву] С[емёновичу]. Я у него дня три уже не была.

Моё серденько, мой голубчик, я сейчас получила твоё письмо довольно утешительное. Л[ев] С[емёнович] его не продержал и одной минуты: дома сей час же прислал нарочным, а я была уже совершенно одета и ожидала извощика; я знала, что найду твоё письмо там. Благодарю тебя, сердце, за всё за всё. Скажи, неужели Зивопуня[5] не изъявил удивления, когда узнал, что я в С. П[етербурге]? Послезавтра Григ[орий] Г[ригорьевич] уезжает в Малорос[сию], и я завтра отправлюсь с Виктором к нему проститься. Пишет ли к тебе кто-нибудь и что? с Нового года, с которым тебя имею честь поздравить, и целую Ваши пальчики, и лётики, и губоньки, начну действовать.

30 дек[абря], т. е. сегодня Виктор будет у Попова[6], будет просить его совета. Прощай, пиши, я очень люблю твои драгоценные для меня письма.

Не изменись, мой милый друг,
А я... одно моё желанье:
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное[(а)] изгнанье[7].

Прощай, скажи Варки, что мне было очень приятно слышать от тебя о её хорошем поведении. Пусть надеется получить хороший подарок.

Клавдий Иг[натьевич] тебе кланяется, и Пуця тоже (т. е. Олимпийко).

[(а)] *Було*: неразлучное

1849

260. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 30 грудня 1848 р. – 1 січня 1849 р.

Бесценный добрый друг мой,

30 дек[абря]. Я только что послала письмо к тебе на почту, в котором забыла тебя благодарить за найденный образок[1]. Постарайся же, моё сердце, и о напёрстке. Сегодня с утра я слушала музыку К[лавдия] И[гнатьевича], сама же я пробовала играть на фортепьяно и ни одной штучки припомнить не могла. Потом все отправились в должность, а я с Олимпием отправилась в почтамт для покупки конвертов, но проездились напрасно: никого там не было. Потом мы поехали в Щукин двор для покупки бумаги для важных писем, также я купила сургучу (за который заплочено 10 к. среб., – значит отличный) и перчатки; возвратясь домой, пообедали и поехали проститься с Г[ригорием] Г[ригорьевичем]: он через несколько дней уезжает в Малороссию, но поедет по Белорусскому тракту. У него мы уже застали Виктора и Мишу Боголюбцева; там пили чай и лакомились. Г[ригорий] Г[ригорьевич] подарил мне ящичок очень хороших конфет и яблок. Возвратясь вчетырём ко Л[ьву] С[емёновичу], мы слушали опять музыку; после ужина все господа прислали просить у меня прочитать

Zaiste! nic tak uczuć w sercu nie rozpala,
Jako kiedy się serce od sercu oddala[2].

Виктор сегодня видался с Иваном Андр[еевичем], и тот удивился, что я так скоро явилась в С. П[етербург].

31 дек[абря]. Что ты, мой добрый друг, теперь делаешь? Завтра наш милый Вася именинник. Я сегодня хотела быть у Ишимовой, но 30 градусов морозу удержали меня дома; у Клав[дия] И[гнатьевича] слёзы на щеках позамерзали, у Ивана Алекс[андровича] шарф примёрз к носу, и он, пришедши домой, не в состоянии был двинуть рукой, его должны были раздевать. Я завтра получу от тебя письмо, как это приятно думать и ожидать!!! Я только что слушала музыку К[лавдия] И[гнатьевича] и к величайшему своему удивлению узнала, что он играет не по нотам, а самоучкой. Л[ев] С[емёнович] припоминал, как я пела «Коль славен наш Господь»[3] и просили[(a)] меня играть и петь, но я решительно отказалась, потому что я до такой степени забыла, что даже не помню названий пьесок[(b)]. Олимпий мне рассказывал след[ующий] анекдот. Один англичанин увидел в Ватикане статую Венеры Медицейской[4] и влюбился в неё; он предлагал огром-

---

[(a)] *Було*: говори[ли]

[(b)] *Було*: своих штучек

ную сумму за статую, но ему не продали. Англичанин просил, чтоб его по крайней мере обручили с нею. Он надел на палец статуи перстень с солитером необыкновенной ценности. На другой день поутру увидели палец, на котором был перстень, отломанным и лежащим на пьедестале. Перстень с солитером лежал подле. Это было произведено самым ревностным поклонником искусств, потому что он смотрел на какую бы то ни было прибавку как на излишек, портящий красоту статуи. Этот рассказ мне очень понравился, и поэтому я тебе и передаю. Я уверена, что это для тебя не будет ново.

1849 года 1 генваря. С Новым годом, с новым счастьем Вас поздравляю, с именинником Вас имею честь поздравить. О Боже! если бы этот год был бы для нас отрадой за все наши многие, многие страдания! Неужели судьба наша не переменится?! Но я надеюсь на что-то лучшее... Сегодня буду у Ишимовой рано, для того чтобы у неё никого не застать, а завтра буду в Канцелярии, если только начнётся делопроизводство. Прощай, целую тебя в ногтики, пальчики, в суставчики[(a)], нози, очицы, всякий волосок Ваш целую, ах, серденько моё! все Ваши инструментики целую, все стружечки. – Скоро ли мы увидимся? не думай, чтобы это была простая холодная фраза, нет, дюсь, это истинно слова, проистекающие из глубины моего сердца: я Вас очень хочу видеть, жить с тобой и не разлучаться вовеки. – Zaiste. –

Твоя А. Кулиш

P. S. Отослал ли ты письмо моё, которое я к тебе писала, к Маме? я не имею времени писать более ни к кому, кроме тебя, больших писем.

261. До Мотрони Білозерської

Тула, бл. 1–2 січня 1849 р.

Вообразите, маменька, как я опечален! По отъезде Саши на третий же день я отправил в Петербург письмо и вот от неё уже получаю, а она до сих пор не получила ни одного, хотя я писал после того с каждою почтою! Не постигаю, как это делается, но это просто сделало меня несчастным, пока не узна́ю, что письма мои ею получены!

Это письмо от неё я получил перед самым тем временем, как хотел запечатать к Вам письмо. Прилагаю и это.

Впрочем, маменька, успокойтесь. Я заглянул в записную книжку и увидел, что первое письмо к Саше отправлено 18 декабря, а она пишет ко мне 25го. В этот самый день, по моему расчёту, она получит первое письмо[1].

[(a)] *Було*: щиколот[ки]

262. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 1–3 січня 1849 р.

1 генваря. С именинником поздравляю Вас, мой добрый друг. Я с Олимпием была у Виктора, и там мы пировали, потом опять на вечер возвратились к Л[ьву] С[емёновичу] и там ночевали.

2 генв[аря]. Мы приехали к Виктору; у него сегодня было много гостей и играли на фортепьяно; Григорий Григ[орьевич] приезжал проститься; я писала через него к дорогой Маме. И вы, сельдинько, коти, я удивляю, что вы до сих пор не получили ни одного моего письма из Петербурга: я ни одной почты не пропустила. На вопрос твой, как мне понравилась «Одиссея», я скажу откровенно, что я без тебя всё-таки понимать её не могу. Хотя чувствую, что тут кроется что-то прекрасное. «Шах Наме» я начала читать и могла бы продолжать, но времени у меня недоставало[1]. Это для меня легко и понятнее «Одиссеи». Насчёт полов я скажу: не знаю, що з тебе і буде. «Ночь перед Рождеством» постараюсь достать у Ишимовой. Твой рассказ очень хорош об отце семейства и пирогах. О поведении Варкином я узнаю с удовольствием. Повязала ли она чулки? пускай бы и пару носков связала. Велите ей шаткованную капусту употреблять себе в борщ и так, а свекол пусть поменьше берёт, и картофелю. Я Вам до сих пор не сказала, что пред последнею станциею расшибла, не знаю как и когда, зеркало в своём ридикюле, который мне очень в дороге пригодился, и я Вас, серденько, вспоминал и, припавши за Мишу, поплякаль, поплякаль, да й пересталь. (Бо стидненько було на дорозі плакать не знать чого). Моё сердце, когда я Вас увижу? Боже мой!!

Викторко мне подарил своей работы прекрасную корзиночку, ты удивишься искусству и терпению доброго друга нашего. Викторко Вам кланяется.

3 генваря. Я с Виктором ездила в магазин русских изделий, хотела себе купить манишку и гребешок, но всё это дорого и я не купила, а взяла билет в рубль серебром; розыгрывается девять фортепьянов: восемь с красного дерева, а одни с орехового. Потом я отправилась к нашему доброму другу Ишимовой; приезжаю, у меня служанка спрашивает, как доложить? Я говорю свою фамилию; наконец слышу восклицания: «Александра М[ихайловна]!!». Это девочка, которая у них живёт, желала меня видеть! Меня мать А[лександры] Осиповны встретила, а её самой не было дома. Я, посидевши четверть часа, хотела уехать, но она меня остановила ещё на время в ожидании, что А[лександра] О[сиповна] скоро приедет; она угощала меня кофием; наконец, я через час опять приподнялась с места, но она мне говорит, что А[лександра] О[сиповна], если не будет к обеду, то пришлёт домой лакея, но его нет да нет. Мать А[лександры] О[сиповны] показывала мне свои комнаты и комнатку Нединькину, прекрасно меблированную, и на этажерке у неё стоят прехорошенькие вещицы. Мать – прекрасная ласковая женщина и меня очень полюбила с первого раза. В четыре часа мы сели за стол, подали два кушанья, как приезжает долго нами ожидаемая гостья; узнавши о моём приезде, она бежит ко мне с видимой радостью; мы говорили о том, о сём, наконец я прошу у неё «Ночь перед Р[ождеством] Х[ристовым]»; мне дают, и я прощаюсь и уезжаю домой. А[лександра] О[сиповна] показывала мне картинки из русского быта. Очень хорошенькие. А[лександра] О[сиповна] мне всё говорит: нарисуйте для П[антелеймона] А[лександровича], – а я и карандаш забыла держать в руках. Вот, моё сердце, я приехала к ним в час, а возвратилась домой в шесть. Взяла книгу, а пишу к тебе письмо, а потом к Графу

Орлову буду писать, а потом всё надо приготовить на завтра, а завтра я буду в Кочубея[2] и покажу ему письмо, а между тем я должна помыть и платки батистовые и манишечку погладить. Ишимова решительно от меня взяла слово, чтобы я приезжала к ней не иначе, как ночевать. Завтра я буду у неё опять и там найду Олиньку и доктора. Ишимова сказала, что она нарочно за ним пошлёт для меня. Я твой подарочек ей отдала; она была им очень довольна. Миша привозил к Л[ьву] С[емёновичу] деньги, меня не застал, а теперь А[лександра] О[сиповна] говорила мне, что дама, т. е. тётка его, просила, чтобы я к ней сама приехала за деньгами.

Мать княжны[3] нездорова; свадьба П[етра] А[лександровича] будет 10 или 12 февраля[4]. 10го он венчался в этот день, а 12го она именинница[5].

Христиан Андреевич тоже скоро, видно, женится; часто ездит в ближайший городок около С. П[етербурга]. Дюсь мой дорогой, напишите к нам вместе, к Ишимовой, Олиньке и ко мне, мы будем очень рады. Дайте мне ваш пальчик. Многие удивляются, что я тебя оставила и что не скучаю, они думают, что не плачу и не говорю, то и сердце не болит... О! если бы, если бы скорее помогли нам...

Я очень хочу тебя видеть!!! Целую ваши ручки, ваша Саша Кулиш.

263. До Осипа Бодянського

Тула, 5 січня 1849 р.

Шановний Пане Земляче і Друже Осипе Максимовичу!

Ждав ждав я од Тебе «Одиссеї», та аж обридло. Аж ось коли вона добилась по снігах до Тули, хоч ти здоров написав лист аж 19 ще декабря, як і приобіцяв тоді. Я ж затим не одвітував на твій шановний лист про мою землячку[1], що саме перед тим послав до тебе свій[2], дак думав разом уже зробити одповідь. Любо було мині читати, що така добра та предобра людина так уподобала мою жінку. Справді, пане мій коханий, послав мині Госпóдь милосердний у їй найлуччі ліки од усякої туги й нудьги. Кажуть люде, що тільки в жениханні є щире коханнє, а я так і забув, яке й воно, – тепер тількі дознав, як жити серцю з серцем. Велика до мене ласка Господня! Це ж усе для того пишеться, щоб ти, мій друже, знав, як ти потішив моє серце, привитавши як батько дитину мою жінку у себе в госпóді і випровадивши її з благословеніем до столиці. Не міг би ти так мене втішити, якби замісь їй самого мене щонайлучче вконтентував[3] на перепутті. Якби ти був тут передо мною, то низько, низько я б тобі вклонився! Жінка моя благополучно доїхала до столиці у 3 години 21 декабря і хотіла зараз сама тебе сповістити й дякувати, та жіночний якийсь сором удéржав, не спитавшись, листоватись із чужим чоловіком. За це я її трошки й покорив, що не збагнула, який близький та кревний мині родич Осип Максимович; та вже оце сам за неї восписую до твоєї милости щонайщиршую дяку. Може вона хутко й назад поверне, дак будьласко знов їй дайте прихилок у своїй господі і до Тули любенько виправте. А любу свою сестрицю поцілуй, добродію, за мене у рученьку, що вона мою господиню наським українським звичаєм у себе приголубила. – Добре, дуже добре, пане зем-

ляче, зробив ти, купивши маленькому москалику Кучаєву кожушок. Ми так хутко його з корпуса вхопили, що й не пораховали, як його довезти. – Доїхав і він благополучно; вибрикує тепер по столиці. – Велике тобі спасибі за «Одиссею»: тепер вона мині, так як косарý михалок горілки; бо, ніде правди діти, трохи не здурив з нудьги, зостаючись сам у господі. Не збагнеш ти, козаче, цього дива і сміятимешся, як той Кирило Тур[4] із мене; смійся, смійся та не дуже, пане курінний! Багацько дечого лучиться ще червякý на вікý.

З правдивим уповажанням до послуг тобі щирий Земляк

П. Куліш

1849, января 5. Тула.

P. S. Ще нічого не знаємо, чи в лад, чи не в лад наше проханнє на столицю або до Москви. Навряд чи в Кузьми гроши! Не піймати вовка теляті!

264. До Олександри Куліш

Тула, 5 січня 1849 р.

Среда, 5 января, 1849, 11 часов утра. Хозяйка дня два назад прислала просить двух стульев на вечер с обещанием возвратить завтра. Дано ей два стула. Посылаю на другой день – ответ самый неучтивый: «возьмите завтра; сегодня у нас будут гости». Посылаю ещё на другой день, т. е. сегодня утром, вместо кожаных стульев возвращает два дощатые, а «те нам самим нужны». Я отправил их назад. Она является сама для объяснения, и самое главное в её речи было следующее: «Это Ив[ан] Мих[айлович] давал вам стулья, а я и тогда не давала, пойдите посмотрите, как я его теперь распекла!». Но я, вместо того, чтоб идти смотреть на распечённого мужа, кротко ей объявил, что эти пустяки лишат её хороших жильцов, потому что мы станем искать другой квартиры. С тем мы и расстались. И так ни одни хозяева здесь не могут себя выдержать благопристойно более двух месяцев. – После этой сцены из частной жизни я отправился к Ждановскому[1] и к Ване в корпус; он здоров; я вручил ему для прочтения две очень нетрудные книги, купленные в бакалейной лавке. Ему вчера прививали оспу, потому, видно, что первая прививка сделана неудовлетворительно. – Оттуда заехал к Чарнецкому, который попросил у меня польских книг, а я этого только и хотел: теперь я могу просить у него книг из корпусной библиотеки, которая находится в его ведомстве. Смотрел квартиру Шаманского; она мне теперь лучшею показалась, нежели когда мы были там на вечере. Просят 220 р. асс., а отдадут за 200. Удобства очень хорошие: два шкафа, три стола, шесть очень приличных стульев, ледник, сарай, особая кухня и – что всего для твоего утюга восхитительнее – на дворе кузница. Если нас оставят в Туле ещё месяца на четыре, то наймём там. Возвращаюсь домой, спрашиваю писем и газет, но – увы! почтальон не был! стеснённым сердцем принимаюсь за работу, как вдруг – о радость! – письмо от тебя, газеты, новая книжка «Современника»[2]

и вдобавок ко всему из Москвы «Одиссея» от Бодянского! Заметь, однако ж, что она прислана мне только для прочтения. – Бизи мои! писать! Слава Богу, что ты ещё не заболела! Целую твои люци за твои труды над «Экономом»[3], – везде ты ищешь моей пользы и удовольствия. – Ещё и им грустно! что вы оставили в Туле? то я, так с вашим отъездом лишился рук, ног, глаз, языка и сердца! Теперь я уменьшаемое, из которого вычтена огромная сумма, так что остаток равняется почти нулю; я без вас, мои бизи, кошелёк, из которого выбрано всё золото и сребро, оставлена одна медь; я без вас скрипка, которой смычок намазан салом. Только приезд ваш может сообщить значение моим способностям или, лучше сказать, возвратить мне их. Поверите ли вы этому, что я не буду сейчас читать «Одиссею», а отложу до вечера? Что это значит? то, что на холодном очаге ничто не сварится. Если б вы были здесь, то какой-нибудь Арцыбашев живее меня обрадовал бы и занял, нежели Гомер. Вы очки, без которых я ничего не вижу в книге. У меня свалилась с плеч гора, когда я узнал, что ты наконец получаешь мои письма! но как медленно ходит почта! – Если нужно оставаться в Петербурге для успеха в нашем деле, то оставайся, не порть его выездом; но если отказ или решение, то не медли ни одного дня, потому что дни мне кажутся годами. О, Зивопуня[4] едва не подавился пальцем от удивления, когда узнал о твоём отъезде! Но об этом в первые дни не под силу было мне писать. Клянусь, собака, упустившая в воду кусок мяса, чувствовала себя гораздо лучше, нежели я в то время! Нет, это последний раз я скажу тебе, что безрассудно на столько дней лишать себя радостей, когда жизнь так коротка! Я теперь чувствую малым чем меньшую тоску, нежели тот, кто навеки расстался с другом. Обнимаю милых кадетов[5], благодари за приветы; с этою почтою не успею им отвечать. Благодари и добрейшего Клавдия Игнатьевича. Где же он, если у Л[ьва] С[емёновича] живёт И. Шурков?

Твой П. К.

Бизи, бизи! цилюю. Завтра буду писать к милой Маме.

Среда, 11 часов утра, 5 января. 1849[6]. Сейчас я был у Ждановского, чтоб узнать, как он теперь мне скажет, когда места у него нет, и он изрёк устами своего слуги, что не имеет теперь времени меня принять, и больше ничего. Значит, нечего и беспокоить его превосходительство.

265. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 4–5 січня 1849 р.

1849 года, С. П[етербург].

4 генваря. В 12[м] часу я с Виктором отправилась к Кочубею, но он вчера был в маскерадеи, поэтому только что вставал, и так мы решились отложить на завтра посещение к нему. Я отправилась прямо к Ишимовой, а Виктор в должность. Приезжаю я к А[лександре] О[сиповне], не застаю

её дома: она уехала к графине Строгановой, а мать её ушла у церковь, а девочка в школу; один Коля меня встретил, мы пошли в кабинет А[лександры] О[сиповны]; он мне показывал картинки. Через несколько минут является туда дама пожилая. Зовут же её Александрой Осип[овной][1]. Она очень дружна с Ишимовой, и мне об ней говорили накануне. Коля кой-как нас рекомендовал одна другой; мы познакомились. Она брала «Совр[еменник]» у А[лександры] О[сиповны] для прочтения Джонса[2]. Я сей час же взяла и начала читать окончание. Потом пришла мать Ишим[овой], потом девочка, наконец и Ишимова. Мы беседовали, потом обедали, куда прибыл из Сибири священник бедненький. После обеда к А[лександре] О[сиповне] пришёл книгопродавец, а мы пошли в большую гостиную. Я продолжала читать Джонса; наконец является с Сиротского института классная дама, которая читала по-французски путешествие в С. П[етербург]. [Я] не имела минуты спросить, чьё оно. Я в это время рубила для Наденьки платок, А[лександра] О[сиповна] шила манишку, мать её читала «Звёздочку». Наконец в седьмом часу слышим – раздаётся звон колокольчика, через несколько минут вбегает милая Олинька и Дуничка; они обе прямо ко мне подбежали с видимым восторгом, а потом начали здороваться с другими. Мы все сели вокруг двух столов – за одним поместиться не могли. Олинька для лотереи[3] клеила ящички, Дуничка тоже, или лучше сказать, что более говорили, т. е. шептались, потому что читательница была неутомима; потом пришёл прекрасный приютский священник, потом (не знаю, как его назвать – назову его гравировщиком) пришёл показать А[лександре] О[сиповне], понравится ли ей нарисованная картина на дереве с золотыми буквами, вверху написано «Звёздочка»[4], кой-что велели ему поправить; потом пришёл доктор, но не Нордштрем, а тот, который возвратил голос Наденьке. Олинька играла мне много. Ишимовой мать меня очень, очень любит. Лотерея будет после 25 генваря. Часов в восемь мы пили чай. В 11 часов Пётр Алекс[андрович] заехал за Олинькой, а он сам гостил у невесты. (Он как будто бы о чём-то грустит.) П[ётр] А[лександрович] уходит в гостиную, а я у других дверей стояла против него; он даже улыбнулся, увидевши меня, и долго держал меня за руку. Наконец мы удалились с ним в особую комнату, и он расспрашивал о тебе. До его приезда ещё Олинька меня очень просила приехать к ней завтра, т. е. в среду, но я не могла ей дать слова; она меня пригласила в воскресенье, и чтобы быть вместе в концерте, и я обещала[5]. Потом П[ётр] А[лександрович] эту же самую просьбу повторил. В 11 часов я с классной дамой приюта поехала; я её на Невском проспекте оставила, а сама поехала к Викт[ору]; мне было очень весело; я от того и досидела до 11[тм] часов; меня очень просили остаться ночевать. Приезжаю домой, Боже! тут опять ласки, внимание! Да наградит их Господь! Я неожиданно и Олимпия застала у себя. Вхожу, и мне что же подают? – Письмо твоё. Это вверх блаженства! слишком много счастья!!! читаю и начитаться не могу, и налюбоваться тобой; да ещё какое большое письмо! (На письмо буду отвечать после.) Потом Виктор мне дарит черепаховой гребешок, который стоит три р. сребр., а я хотела купить накануне, но пожалела денег. Потом я давно подарила Олимпию 25 к. сребр. Что же он? он купил очень хорошенькое перо вместе с карандашом и подарил мне. – «Быв бы таких». – Если бы была невестка[6] здорова, то у нас было [бы] большое веселье! потом я подшила платье себе шёлковое, а Виктор переслал мне постель, и мы уляглись спать. Сердце моё, что это значит, что ты мне ни один раз не приснился? Я о тебе много думаю, это доказывают мои письма; я ус-

певаю тебе писать так много. Я иногда не думаю, то думает моё сердце: всё как будто и сожмётся.

5 генваря. Я с Виктором была у Кочубея, он велел подать ему записку 7го, а 8го письмо Дубельту для передачи Графу Орлову[7]. Александр Васильевич [...]

266. До Осипа Бодянського

Тула, 12 січня 1849 р.

12 января, 1849. Тула.

Мині треба, шановний пане Земляче, *Німецько*-русско-французско-англійский словарь Рейфа. Велике спасибі тобі за обіцянку одтисків. Сьогодні написав я до своєї господині, щоб не забула узяти їх у тебе́. Та за тим же заходом, будьласко, даси мині прочитати «Южного руського сборника» Метлинського[1], а я тобі верну його укупі з Жуковського віршами[2]. Може, тобі вже й треба Жуковський, то напиши – зараз і пришлю; коли ж тобі ще не до соли буде довго, то нехай полежить. Ми його прочитаємо удруге з жінкою. Вона, голубонька, ще й досі не знає, чи вдіє що з тими великими панами та гетьма́нами. А тут і тобі, кажеш, припекають – горе та й тількі! Як скончиться твоє діло, то, будьласко, зараз напиши, як ти у Москві зостаєшся і що маєш чинити? Велика буде моя радість, коли дадуть таки тобі яку-небудь пільгу; хоч же й ні, то не журись дуже, бо журбою поля не переїдеш. Перемелеться, то й мука буде. На все є в Бога ліки.

Прочитав я «Одиссею» і другу книжку Жуковського. Гарно і Боже як то гарно вміє той старий дідусь Гомер старовину оповідати! Велике діло зробив, чи ще зробить Жуковський, перелицьовавши його речи по-сво́йому, тількі, братику, не осуди мене, як скажу, що ніс мій якісь инші зілля́ чує у тому Гомеровському вертограді. Не сподобив мене Госпо́дь ізучити грецький язик, читав я «Одиссею» тількі по-французьки, та мині здається, що треба б я́кось простіш оттим Менелаям тощо розмовляти. Може, це так уже воно здається, а тількі як читаєш, то наче луна йде не по гаях, не по лугах, не по воді, а по високих палатах, у яких не жили́ ще тиї голосномовниї люде. Якби Жуковського ще раз мати на світ породила, та вже не царським захребетником[3], а па́харем або чумаком, то, може б, тоді Гомер заговорив до нас власною мовою. А все-таки велицюзне спасибі пану Жуковському за його працю. Тепер, пане Земляче, навчи ти мене своєї пісні: як тобі здається та «Одиссея»? Ти читаєш її по-грецьки, то тобі й патериця у руки: суд твій буде пра́вий. А ми, люде про́сті, тебе письменного послухаємо.

Мині дав Біг радість – дочку́ оддаю заміж. Є в мене у м. Вороніжі хресниця, Оленка Вовківна, дівчина така, що як погляне, то наче шовковою хусткою смажниї уста обітре[4]. Бідна сиротина, викохала її недоля, а оце вже знайшла собі пару, дак я завтра посилаю батьківське благословениє. Тількі чогось на серденьку важко: знаєш,

які в нас чоловіки на Вкраїни? коли б не пришлось і їй, голубонці, квили́ти так, як у тих піснях, що само серце їх нам проспівало, з туги́ та печалі разриваючись. Що ж то як рідну дитину кому приведе Біг у чужу се́м'ю оддавати? Який-то жаль тому отцю-матері!

Бувай же здоров, пане-брате, та не забувай твого щирого до посліду години приятеля

П. Куліша

267. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 8–12 січня 1849 р.

1849. генв[аря] 8.

Бесценный, добрый, кроткий друг мой Пантелеймон Александрович.

Утром я ездила с детьми Льва Семёновича в гостиный двор, купила на подушку шерсти и себе воротничок. Возвратясь, я была очень обрадована твоим для меня драгоценным письмом. Но по прочтении его я была очень смущена, поражена. Что мне делать?!! Ты нездоров – ах, как сжалось моё сердце при этих словах! Единственно меня это всегда тревожило; [даже] в минуту радости я чувствовала боль в сердце. Зачем Попов сказал мне: поживите у нас и всё сделают для Вас?!

Я сегодня приглашена Ишимовой ночевать к ней, но я не поехала; Наталия Алекс[еевна] больна, а Л[ев] С[емёнович] уехал к начальнику на вечер, ибо отказать решительно было невозможно: он более трёх месяцев никуда не выезжал. Ну что мне делать? бросать ли дела и ехать или ожидать? чего я дождусь?

Поутру я читала «Майскую ночь» Гоголя – мне это более всего понравилось, что я теперь читала из Гоголя. А теперь тоска, тоска и нерешимость. Зачем я приехала в С. П[етербург]? неужели затем, чтобы не видать тебя месяц?

9 [генваря]. Вот, мой друг, положение моё в эту минуту похоже на давно прошедшее. Лежу на том же диване, гляжу на купол, освещённый солнцем, испытываю те же мучения, думая о тебе. Та же птичка чирикает и так же рано пробудилась со мною; грустно!

Поеду на порадоньку до Плетнёва.

В 12 часов я приехала к ним; Олинька меня встретила; П[етра] А[лександровича] не было дома; я пошла с ней в её комнату и там застала дочь священника, которая с О[линькой] работала для будущей maman для колокольчика, а Дуничка для лотореи сумочку; я попросила и себе работу, мне дали шить полоску для ковра. В час мы отправились в концерт и в воротах встретили Ивана Андреевича жену, (она всегда вместе с О[линькой] ходит); я с ней[1] познакомилась, она очень приятная дама; играли на скрипках Симфонию f-moll Моцарта[2]; прекрасно, но соло играл один молоденький студент и стоял перед публикой на возвышенном месте (он переменялся в лице, но дело своё выполнил превосходно; ему долго, долго апплодировали). Потом играли Симфон[ию] c-moll Бедговена[3]; очень хорошо соло было; несравненно играл Шуберт и Коньяр на виолончелях, а кто-то аккомпанировал на фортепьяно. Сердце, трудно объяснить то чувство, какое я испытала во время концерта! (Я видала Мусина-Пушкина[4].) Потом мы возвратились домой, вскоре приехал и Яков Карлович; он уже два дня находится в С. П[етербурге] и пробудет

здесь три недели; он меня не узнал, а потом извинялся и говорил много о тебе и т. д.; после приехал П[ётр] А[лександрович], А[лександра] О[сиповна], и мы все обедали. Грот чудесный анекдот пересказал мне об одном малорос[сиянине], как он объяснял другому малорос[сиянину] «Последний день Помпеи». Указывая на женщину, он сказал: это сама Помпея, а то Тулы́. После обеда П[ётр] А[лександрович] поехал за княжною, а между тем приехало два Грота (Я[ков] К[арлович] уезжал куда-то на время), два Нордштрема и Верищагин и ещё кто-то. Мы работали; меня решительно своею называют. П[ётр] А[лександрович] ходил по зале со мной и спрашивает меня, знакома ли я с княжной? – «Нет». – Он кричит: «Княжна! – А. М. Кулеш». Ну и мы на полчаса остались вдвоём и познакомились; она спрашивала о тебе; она помнит тебя. Я её не видала, она очень миленькая. Я спрашивала совета П[етра] А[лександровича], он сказал: нет, Вы не должны ехать. Да, друг мой, я не должна ехать. Иван Андреевич сказал, что для нас самих, для своей пользы я должна ещё прожить в С. П[етербурге]; ты, мой друг, посоветуйся.

Ишимова обещала мне сообщить фамилию доктора, находящегося в Туле (который учился вместе с Журковским[5], а Журк[овский] его очень мне хвалил), но и не исполнила обещанного.

Я ночевала у Ишимовой. 10 генв[аря] пошла к Максимовичевой, а теперь у Л[ьва] С[емёновича]. Александра А.[6] тебе кланяется; а теперь поеду в Канцелярию, а потом к Виктору – там Олим[пий] и Коля, там и письмо твоё ко мне. С каким наслаждением прижала бы я его к устам своим, но я терплю и ожидаю второго часа; поеду прежде в Канцелярию. Боже, Боже, что должен человек переиспытать! Терплю и Дюсиного письма не читаю!

Я была в Канцелярии; Леонтий В[асильевич] прислал извиниться передо мной салдата, что он принять меня не может. У него был Граф Орлов и много других важных лиц; я приехала к Виктору.

12 ген[варя]. Я опять была в Канцелярии; меня приняли только одну весьма ласково, как всегда, и я подала письмо для передачи Графу Орлову[7]. Г. Дубельт сказал, что он всё, что только от него зависит, всё для нас сделает. Записка Кочубею подана[8]. Что будет, один Господь знает.

За билет Осип М[аксимович] взял деньги и из пяти рублей серебр., которые ты велел оставить у него, он [употр]ебил 13 р. 50 к.; у него только осталось 4 р. ассиг.; он не хотел [нрзб.] сказал, что они мне пригодятся.

Если бы куверты свесить, сколько листочков пойдёт на лот, а то боюсь другой листочок брать бумаги, чтобы не пришлось платить штрафу?

Олиньке ручки не поцеловала, потому что не было такой минуты, когда бы мы оставались одни. Люцю целую.

268. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 12–14 січня 1849 р.

1849. генваря 12.

Бесценный добрый друг мой Пантелеймон Александрович,

Я только что отправила к тебе письмо, и вообрази себе моё терпение, запечатываю к тебе письмо, а твоё ко мне, которое я только что от тебя получила, лежит передо мной, и я не смею его читать, боюсь, чтобы не опоздать

на почту, а Савелий уйдёт. Сердце моё, как это грустно, что ты от хозяев получил неприятность, да ещё без меня; всякое оскорбление можно перенесть спокойнее, если можно передать его и другу своему, зная, что этот человек принимает живое участие в тебе. Не переменяй квартиры до тех пор, пока я тебе напишу. Смотри, чтобы Варвара туда, на хозяйскую половину, не ходила без надобности; да купите ей льну: пусть она прядёт. Удивляюсь, что Осип Мак[симович] так поздно прислал тебе «Одиссею», и только для прочтения. Голюби мои, спросите у Чарнецкого, где живёт корпусный доктор[1], и поезжайте к нему для совета. Клавдий Игнатьевич живёт у Л[ьва] С[емёновича] и до тех пор будет, пока окончит университет, а это будет в августе. Л[ев] С[емёнович] остался необыкновенно доволен твоим письмом к нему; он очень чувствителен. Напиши же ещё подобное письмо и Клавдию И[гнатьевичу] и благодари его за меня. Он так много мне оказывает услуг, что я даже успевать благодарить его не могу. Сегодня Викторко прислал мне Васино письмо; он его получил в то время, как я уехала ко Л[ьву] С[емёновичу]; какое оно сердинько, он хлопочет день для меня и для всех, а ночью не спит и каждый час даёт лекарство невестке[2], которой теперь очень лучше. Я до сих пор ещё не смела покупать Вам ни книг, ни атласа, ни заказывать сапогов; я очень обнадёжена всеми и потому, если Бог поможет нам, то Вы, мой крошечка, моя комашечка, сами закажете сделать по своему вкусу. Я надеюсь ещё прожить в С. П[етербурге] месяц; ты знаешь по опыту, чем медленнее дело идёт, тем лучше помнить слова: «поживите у нас, стучитесь, и отворится Вам». О, добрый друг, собери всё своё мужество и терпи. Я говорила П[етру] Александр[овичу] о тебе; он сказал: «Он похож на ребёнка, напишите ему нежное письмо и вместе с тем строгое убедительное». Не грусти, что тебе отказали в месте, авось дадут нам лучшее в десять раз. Я от всего сердца тебя благодарю за частые уведомления о себе – это мою душу живит. Хотелось бы знать анекдот о Зивопуни?[3] Я связала косыночку шерстяную для Надиньки[4] Наталии Алек[сеевны], чем её очень одолжила. Теперь куплю немного шерсти да вышью для лотереи башмаки. В прошлом годе твоих только *две* запоночки разыграли, а третью будут разыгрывать в этом году; я хочу, чтобы и моё что-нибудь было бы.

14 [генваря]. Я всё же у Л[ьва] С[емёновича] ожидаю ответа из Канцелярии. Здлястуйте, дюси! Л[ев] С[емёнович] советует: если не позволят в С. П[етербурге], то просить места в Казённой палате там же, только зависящей от здешних начальников, место асессора, и ты можешь занять 2200 р. ассиг. Это было бы хорошо, но мы посмотрим, как лучше, так и будем действовать. Мы должны всю свою надежду положить на благотворительного Графа Орлова и Леонтия Васильевича; они сами заботятся, как бы облегчить нашу участь. Чем образованнее люди, тем они благороднее и мягче. Меня не приняли два раза, но я уверена была, что не было времени, и потому весьма спокойно возвращалась, потому что никакого сомнения не было в их добром расположении творить добро ближним. Я с особенно хорошим чувством езжу в Канцелярию, я здесь испытала много отрады в самые горькие минуты моей жизни. Здесь каждый из находящихся смотрит на человека, как должно смотреть всякому христианину, а особенно на человека, гонимого судьбою.

Друг мой, побереги своё здоровье для моего будущего счастья; я прошедшим последнее время не могу похвалиться. А о своём похлопочу, сколько это будет возможно. Я никакой выгоды не нахожу посылать в казённых кувертах; Савелий едва только имеет время отнесть на почту письмо, а ящи-

ки отсюда очень далеко: я только и видала на Невском и возле почтамта. Ты скажешь, что я могу сама их опускать в ящик; я согласна, да только для этого я должна издержать на извощика двугривенный, а он для нас очень, очень дорог, редкой день проходит, в который бы я 40 к. сребром не издержала.

Сердце моё, дюсь мой, я только что возвратилась из гостиного двора, и мне Н[аталья] А[лексеевна] вручила письмо от Вас. Буду отвечать на каждый пункт Вашего письма; чёрточки я не знаю, зачем они были поставлены именно теперь, а просили они у меня прочитать стихов, которые ты мне выписал. Я надеюсь, что Вы мне прочтёте «Одиссею». Да, серденько, «Одиссею» очень трудно понимать без толкователя; я не более трёх страниц прочла, а то и оставила. Вы своими стружечками мне напомнили, о чём я Вас давно хотела просить. Сделайте (если это тебя очень не побеспокоит) сахарницу (такой величины, как твоя шкатулка под красным деревом) такого цвета, как ваши инструменты; один ящичок чтобы был большой – для сахару, а поменьше гораздо – для чаю, и подарите Н[аталье] А[лексеевне]. За стихи благодарю; в них всё сказано удовлетворительно. Я до мамы через Григ[ория] Г[ригорьевича] писала. Чёрточки не означают маму, а Канцелярию; я только пишу к тебе, я не могу тебе отвечать, когда мы будем вместе, – разве это от меня зависит? И я твои письма часто получаю в пятницу вместо субботы. Благодарю за выписки. Свидание Одиссея с Навсикаею[5] и мне очень, очень нравится.

Не могу верить, чтобы ты в сердце своём не вынес из Мотроновки более ничего, кроме орехов. Это больно и грустно! Хорошо, не читайте без меня, мне это очень приятно. Олимпий будет офицером через 6 месяцев. Я теперь окончила шапочку для сестры милосердия, прекрасной доброй женщины; она взята была Л[ьвом] С[емёновичем] во время болезни Н[атальи] А[лексеевны], и их прекрасная христианская обязанность ходить возле больных; она полька, ей лет 30. Она и ко мне очень добра. Теперь купила шерсти да буду шить башмаки здесь [...]

269. Від Льва Кармалеєва

Санкт-Петербург, 14 січня 1849 р.

Милостивый Государь Пантелеймон Александрович!

Я имел удовольствие получить прекрасное письмо Ваше от 1 генваря. Приношу вам искреннейшую благодарность мою за все ваши лестные и утешительные для меня пожелания. Примите также и моё поздравление Вас с Новым Годом при взаимном желании Вам с милою подругою Вашею найлучших благ, совершенного счастия и исполнения всех ваших надежд.

Приезд в Петербург Александры Михайловны был для меня и Натальи Алексеевны радостен и утешителен. С душевною приязнию желали мы приютить у себя малороссийскую голубку на всё время пребывания её здесь; но положение Виктора так жалко, что по чувствам справедливости должны были поделиться с ним тем удовольствием, которое доставляет нам своим присутствием дорогая гостья. Мы часто и очень часто вспоминаем о вас с любовью и, полагаясь на утешительные обещания, надеемся всего для вас хорошего.

Не скучайте, добрейший Пантелеймон Александрович, [в] теперешнем Вашем одиночестве; не беспокойтесь также и о милой подруге Вашей; она, слава Богу, здорова, находится в кругу любящих её друзей и неутомимо заботится о том, чтобы возвратиться к вам с добрыми вестями.

Прошу вас принять уверение в чувствах душевного моего к вам уважения и совершенной преданности, с коим пребуду навсегда вашим покорным слугою

Лев Кармалеев

14 января 1849
Сп[етер]бург.

Наталья Алексеевна вам кланяется и благодарит за память. Она не совсем ещё поправилась после перенесённого горя[1] и болезни.

270. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 18 січня 1849 р.

1849 года, янв[аря] 18.

Бесценный добрый друг мой Пантелеймон Александрович,

Пишу к тебе 18[m], а начинаю описывать 15[e] число. Вот сегодня месяц, когда я с тобою рассталась, моё серденько, но только этот для меня не так тягостен, потому что я, не видя тебя месяц, быть может, приобрету для тебя на несколько лет спокойствия, также и для себя. Я сегодня приехала к Ишимо[во]й часов в семь, застала одну Олиньку и Дуничку. Олинька давала урок во французском языке Анниньке, а Ишимова также чем-то занималась; после минутного нашего свиданья мы расстались; я читала переезды по Финляндии (которые меня интересуют, но надо бы знать хорошо географию, чтобы за всем следить)[1], а все проч[ие] занялись своим делом. Через четверть часа приехала дочь ка[ко]го-то профессора и Верищагин; мы занимались работой; я вязала косыночку для лотореи. А[лександра] О[сиповна] давала читать сочинение Педерсона (ты, я думаю, его знаешь)[2]. После мы уселись вокруг стола пить чай; по соседству у меня сидел Верищагин, который был очень удивлён, когда ему сказали, что это я. – «Ах, я думал, что Вы так далеко от нас». Я с ним ещё хорошо не успела познакомиться. Он скоро выпустит в свет новое своё сочинение под заглавием «Природа»[3]. Он довольно приятный человек. После чаю приехал П[ётр] А[лександрович] и меня не узнал; всем кланяется, и я ему поклонилась; удивляюсь, что за перемена: всегда жал мне руку, а теперь нет; через несколько минут он подходит и жмёт мне руку и говорит: «Я вас не узнал; смотрю, смотрю и не нахожу Вас». – Я с ним ходила и говорила; к нам Олинька подошла, он говорит: «Тебе досадно, что я завладел А[лександрой] М[ихайловной], и я хочу попользоваться». Все разъехались, я осталась у А[лександры] О[сиповны] ночевать. Прощаясь, П[ётр] А[лександрович] и Олинька просили к себе.

16 [января]. Я с А[лександрой] О[сиповной] пошли в Институт к Надиньке. А[лександра] О[сиповна] её спрашивает, указывая на меня. – «Не знаю». – «Это А[лександра] М[ихайловна]». Она заглянула на меня, мы поклонились друг другу. Она всё глядела на меня украдкой, когда я на неё не гляжу. Какое оно прелестное создание; я говорю о наружной её красоте, но и душевная должна быть также хороша, и это можно было заключить из её слов. Она спросила у меня, чем ты занимаешься? – «Читает, пишет, учится, романы Вальтера Скотта читает в подлиннике, а теперь хочет изучить итальянский язык». – «Ах, счастливый! и я буду учиться, когда буду дома». Потом я указываю на одного военного человека и говорю А[лександре] О[сиповне]: «Эта

особа более всех здесь находящихся понравилась бы П[антелеймону] А[лександровичу]». Наденька любопытствует узнать, что я сказала. А[лександра] О[сиповна] спр[ашивает]: «Как ты думаешь, кто бы более всех понравился П[антелеймону] А[лександровичу] из наход[ящихся] здесь особ?». Она не отгадала, но когда я указала ей, то она закрылась А[лександры] О[сиповны] муфтой и говорит: «Ах, душенька! и он мне более всех нравится!» и после всё его хвалила. А[лександра] О[сиповна] спр[ашивает]: «В память Наденьки П[антелеймон] А[лександрович] назвал голубку?». Я говорю: «Я не знаю, в память какой Наденьки П[антелеймон] А[лександрович] назвал голубку, а я в память своей сестры». Мы расстались друзьями; Надя скоро будет жить постоянно у А[лександры] О[сиповны]. А[лександра] О[сиповна] мне на возвратном пути польстила: «Я очень рада, что Вы будете в это время в С. П[етербурге], когда моя Надя будет дома. Вы имеете такой кроткий характер». Мы поехали прямо в концерт; Олинька и другие были уже там. Играли симфонию Бедговена. Соло играл студент на фортепьяно Супсон или Самсен (слыхала мимоходом), играли на скрипках, флейтах, и в концерте участвовал мальчик лет 13[ти]. Во всё время в концерте я особенно много думала о тебе, и всегда при звуках музыки ты мне более всего приходишь на мысль; не знаю, отчего это происходит: или музыка меня так одушевляет, или сожаление, почему моё серденько не может наслаждаться этими же звуками вместе со мной. Мы обедали у П[етра] А[лександровича]. После обеда Олинька очень много играла в шесть рук; играли две Гроцианских и она. Яков Карлович читал своё сочинение о войнах в Финляндии[4]. Это очень интересно (самоотвержение и сила духа Кульнева); мне очень понравилось. При свиданьи ты мне что-нибудь об нём сообщи. Читал ли в «Звёздочке» (или ты её не получал в этом годе) Ф. Глинки стихи «Чёрный лебедь». Это очень хорошее стихотворение; я прочла вечером у П[етра] А[лександровича]. Ты знаешь, что в Царском Селе при жизни Великой Княжны Александры Николаевны было два белых лебедя; она когда бывала там, то всегда по утрам имела привычку сама их кормить; когда она умерла, то Царь выписал два чёрных лебедя, и Глинка на основании этом написал стихи[5]. Читала письмо Глинки, писанное к А[лександре] О[сиповне]; он благодарит её за помещение его стихов в «Звёздочке». У П[етра] А[лександровича] была Корсини, о которой без умолку говорят[6]. Верищагин, бывши у А[лександры] О[сиповны], читал критику насчёт её романов, – безжалостные критики[7]. Madame Корсини очень мила; была Княжна, она спрашивала о твоём здоровьи. Свадьба П[етра] А[лександровича] будет 26 янв[аря] в среду[8]. Я его не поздравляла, потому что узнала от многих особ, что он не любит, если его поздравляют. Мы очень приятно провели вечер, как всегда. Был малороссиянин Савич[9], который говорил, что Крылов малым талантом обладает, что с Пушкиным и Жуковским нет сравнения, а я бы их поставила на ровне. В пяти строках какие истины говорит Крылов! Один П[ётр] А[лександрович] с ним соглашался, а другие не совсем. Ивана Анд[реевича] не было, у него дети[10] в кору; в концерте была его жена[11] и Христиан Анд[реевич], который, два раза со мной встречаясь, не говорил ничего: видно, он меня не узнаёт. Все тебе кланяются, и родные, и знакомые. И я вам кланяюсь и целую ручки и нози мои дорогие. Я ещё ответа не получила из канцелярии. Серденько моё, когда бы мне уже скорее к Вам! так, так хочется Вас видеть, что если бы сердце к сердцу приютить, то оно бы только могло бы понять, как я жажду[(а)] Вашего свиданья. Прощайте, моё сердце,

---

[(а)] *Було*: мне хочется

поцелуйте ручки Маме, Наде, Помпейку, Любочке письменно от меня. Я теперь шью и читаю «Семья асессорши» Корсини[13]. Скучаю и я скажу.

Прощай, моё сердце.

Наследник[13] у Плетнёва будет посаженным отцом, а какая-то Графиня[14] – матерью.

271. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 17–21 січня 1849 р.

В своей смиренной простоте
Он вкруг себя отраду разливает
И нас, подобно резеде,
Невидимо собою услаждает,
Меж тем, как красота и дорогой наряд
Подобно лилии, обманчиво блестят[1].

Яков Грот

Милой мой дюсь, эти стихи мне очень понравились, и я для Вас, моё серденько, выписала; не знаю, известны ли они Вам?

17 [января]. Я провела этот день ни скучно, ни весело: я шила башмаки, а невестка[2] читала «Литературные опыты» Я. Г[рота][3]. Я поутру ездила в Канцелярию; мне велели опять проситься, и я намерена другое письмо подать и проситься опять в С. П[етербург]. Ты, сердце, собери всё своё мужество и терпи; я раньше месяца к тебе не буду, иначе невозможно. Знаешь ли, от какого слова произошло галиматья? (Я не говорю, что тебе это должно быть известно.) Вместе же с твоим письмом я отправляю и к Васе; едва успела к нему написать. Я почти ничего не делаю, но у меня всегда мало времени, не могу сказать, чтобы я когда-нибудь сидела без работы; то то, то сё, а время уходит; радуйся, что хоть успеваю писать к тебе регулярно два раза в неделю. Ах, моё вы дорогое! не знаю, что Вам более сказать! так много бы сказала, т. е. так много я чувствую, но тебе давно известно, что я молчаньем только умею выражать свои чувства. Если бы можно в сию минуту упасть к ногам Вашим, как бы я была счастлива!

20 [января]. Сегодня я получила похвалу, знаешь ли от кого? от подобного Семену, от Ивана, который тебе известен под именем *Кужу*. Я сегодня мыла себе манишечку и нарукавнички и пришла за водой в кухню. Кухарка Бакуновых мне говорит: «Вот и видно, что А[лександра] М[ихайловна] были хозяюшкой, вот вчера мы вас поминали». – «Как?» – «Иван говорит: от с[анкт-]п[етербургских] жён не ожидать того, что от Вас. Вы приехали хлопотать о муже, а здешние только думают о себе, лишь бы им было хорошо, а мужья пусть себе как хотят». Кухарка: «Вот какие Вы умные, А[лександра] М[ихайловна]!». Видишь, какие похвалы! чудо!

Сердце моё, я часто думаю о Вас, но ускорить своего возвращения не могу. Люцю, покойной ноци.

21 [января]. Я к Васе до сих пор не написала, кроме маленькой записочки, сейчас буду писать к нему. Скажи маме, что я не от лени не пишу к ним особенных писем, а потому, что я знаю, что ты мои письма к ним посылаешь. Виктор, Олимпий, Саша, Коля, Миша Боголюбцев – все здоровы. Мне сегодня Тула снилась, но всего сна я припомнить не могу; видала ли я Туль-

ца (как мама нас называет), не знаю. Сегодня со мною ничего не случилось замечательного. Завтра поеду к Ишимовой и т. д. Думаю, думаю, чем бы наполнить этот листок, а и забыла, что для тебя всё равно, весь ли он записан или нет. Прощайте, будьте здоровы и счастливы. Целую очики, нози, руци, обнимаю Вас, искренно Вас любящая Ваша Сашуня Кулиш.

Все Вам кланяются.

272. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 24 січня 1849 р.

1849. 24 января.
Понедельник.

Бесценный добрый кроткий друг мой,

Знаешь ли ты, моё сердце, с чем я тебя стану поздравлять? Совсем не с тем, с чем ты думаешь. Сегодня день нашей свадьбы. Вспомнил ли ты обо мне? – А я сколько раз думала о вас! Помните прошлый год, как мы этот день провели? я даже в свой дневник внесла[1]. Да пошлёт нам Господь и третий год провести в такой дружбе и любви с Вами! Целую Ваши ножки и коленки! я Вас очень, очень люблю. Вы мой ангел-хранитель, я очень рада, что имею такого спутника в жизни.

22 [января], т. е. в субботу я не была у А[лександры] О[сиповны]. Я давно не видала Олимпия, а ожидала его домой, и погода таки была дурна. Я в это время читала М. Корсини роман «Семья асессорши»; первый томик я прочла, и мне совсем не нравится, но хочу всё-таки прочитать второй. 23 [января]. Я отправилась к Плетнёву в четверть 12го. Вхожу и застаю, что лестницы метут, лампы чистят и т. п. Я поражена: думаю, неужели часы наши так спешат? видно, ещё рано, а и позабыла, что надо же приготовиться к свадьбе[2]. Звоню, никто не является; я отворяю дверь и иду в Олинькину комнату, стою несколько минут – всё нет никого. Наконец раздаются тихие шаги и приближается кто-то к двери; я с своей стороны делаю то же. Олинька задумчива, грустна и слёзы на глазах; увидевши меня, она вскрикнула: не думала здесь никого найти. Она повела меня к папа. Последнее воскресенье; в среду свадьба. Какое великолепие! Ты помнишь комнату, в которой библиотека? с той, когда войти, – это будет княжны комната приёмная: печка сделана с зеркалом и обделана малиновым бархатом и бахрамой; посреди комнаты стоит стол, прекрасный диван, кресла, дальше – зелёное драпри шёлковое, и столбики сделаны витые, не знаю, какого дерева. Папа я застала в мундире со звездой, куда-то собирался ехать. Княжна прислала четыре ковра, и всё это разослано, всё так хорошо. Мы скоро отправились в концерт: я, Оля, Дуня, две Грецианских и madame Нор[д]штрем[3]. В концерте было очень много, играла на фортепьяно девица – ученица Гензельта[4], Шольте[5], играла она соло Бетгов[ен]а. А студент кокой-то играл на скрипке соло из симфоний Гайдна очень хорошо[5]. В концерте все, сколько я делала наблюдений, были грустны и играли прекрасно, но грустное. Потом и А[лександра] О[сиповна] пришла в конц[ерт], и мы все повеселели. А[лександра] О[сиповна] и madame Нор[д]штрем поехали домой, а я обедала у Плетнёва; он много у меня расспрашивал о Николае Д[аниловиче], спрашивал у меня, знаю ли я, что он с ним знаком, давно ли фамилия Белозерских существу-

ет в Борзне? и когда я ему сказала о доброте Н[иколая] Д[аниловича], то он сказал: сколько я знаю и слыхал, то все Бел[озерские] прекрасные люди. После обеда мы лакомились, работали, играли, потом начали съезжаться гости: Ф. Н[(а)]. Глинка с супругою, барон Корф с супругою, А. О. Лакьер, Грот, Верищагин и два студента; Верищаги[на] книжка вышла, он подарил П[етру] А[лександровичу], под заглавием «Природа с её таинством и богатствами». Глинка привозил своё сочинение в рукописи для прочтения, но гости помешали; мы провели время довольно приятно. Я с А[лександрой] О[сиповной] отправились к ней, и я там ночевала; на другой день А[лександра] О[сиповна] давала мне прочитать соч[инение] Верищагина в рукописи, «Первую поездку Петра I в Соловецкий монастырь»[6]; мне это очень понравилось: я люблю читать историческое, и он всё так хорошо описал. Потом я, А[лександра] О[сиповна] пошла к Олиньке; там мы посидели с час и слушали, как Олинька беседовала, т. е. училась у немецкого учителя; потом мы, прощаясь с П[етром] А[лександровичем], пожелали ему всего лучшего, потому что это был последний понедельник. Я с добрейшей А[лександрой] О[сиповной] дошла до мосту, она для меня достала билет, и я буду присутствовать на акте в Патриотическом институте. Она необыкновенно внимательна ко мне, как мать; она, приглашая меня к себе в четверг, даже просила сказать ей, какие я кушанья люблю, что она велит сготовить их для меня. У мосту мы расстались; я поехала прямо к Л[ьву] С[емёновичу]. Сердце моё жаждало вашего письма, и я нашла его. Оно, как всегда, прекрасно! Это был подарок для меня 24 генваря. Не знаю, друг мой, где положить закладку? «Что было также в прежни леты»[7]. Скажите, выведите меня из заблуждения. И опять не знаю, где положить вторую закладку. Я часто слыхала от тебя след[ующие] стихи: «Не вспыльчив он и строгий ум»; не могу припомнить откуда, но они превосходны[8]. Скажи, ты навсегда получил «Южный рус[ский] сборник» или только для прочтения? Как я тебе благодарна за выписки! я бы очень желала бы прочесть всё вместе с тобою. Ах, как это мне место нравится! «Хоть би трапилась сирітка дівчина убога, Аби добрая, покірна й сорому боялась»[9] и т. д. Вообще восхитительная поэма. Я рада, что ты большую сделал выписку. Я вместе с твоим письмом получила и от Васи[10]. Он поехал в Витегру и в другие города. Оно по-прежнему милое, нежное. Сердце моё, мне будет нужно много о чём рассказать тебе при свидании. Прощайте, целую твои ручки и нози. Не послать ли теперь Осипу М[аксимовичу] книжку?[11]

Птичка
Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей –
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня[12].

Ф. Туманский

[(а)] *У автографі помилково*: С

273. До Олександри Куліш

Тула, 30 січня – 1 лютого 1849 р.

Воскресенье, 30 января, 1849, Тула. Милое моё! Не мучит ли тебя наша разлука? не беспокоишься ли ты обо мне? не сомневаешься ли в хорошем окончании твоего дела? Скажи, больше ли приятных или тяжёлых проводишь ты часов? Я, разумеется, больше тяжёлых, однако ж тяжесть эта не так ещё велика, чтоб нельзя было жити[1]. Вот уже полтора месяца, как ты уехала. Долго ли ещё надо жить тебе в Петербурге? Живи, не возвращайся без успеха в изгнание. Тяжко тебе, моє серце, з дому одпускати, А ще тяжче біля себе в знегоді держати! Если Викторко будет говеть, то говей и ты, – разумеется, не так, чтоб целую неделю томить себя стоянкою на непонятных чтениях и воспеваниях. Жертва Богу – дух сокрушён[2]: довольно одного искреннего раскаяния и желания быть лучшею, чтобы приступить к таинству причастия. Это есть только видимый знак и публичное удостоверение, что ты делаешься причастницею заповеданных Христом дел любви и благочестия. Но тебе не для чего изъяснять понятное: довольно напомнить, что надобно не в обряде только, а в духе приобщиться ко Христу, т. е. вступить в его общество и делами доказать, что ты действительная последовательница его учения! Видишь, как я вдруг серьёзно заговорил с бизями! Вы даже излякуси! Не бойтесь – дайте люци поцилюю. – Я приучаю голубей есть из рук, чтоб кормить их удобнее было дорогою и знаешь ли, кто больше других оказал успехов? Они! Но я не возьму её, потому что Адам в клетке забьёт её, и теперь он не может видеть её, чтоб не ударить! Довольно и пары: они разведутся у нас скоро. Только не напрасно ли я хлопочу?..

Понедельник, 31 янв[аря]. Сегодня я купил красного дерева и начал оклеивать стол. Теперь Варке будет работа и без пряжи: я заставлю её чистить пельцою. Бараломский[3] сказал мне, что в Петербурге сильно возобновилась холера. Правда ли этому? не скрывай от меня. Ты знаешь, что я холеры не боюсь ни за себя, ни за тебя. – Время я провожу хорошо; уже привык выходить на прогулку и так твёрд в одиночестве своём против тоски и скуки, как монах, с тою только разницею, что мне не грезятся черти и что своих грехов я не взваливаю на нечистого. Завтра надеюсь получить от тебя письмо. – Картофель наш повял в кухне так, что надо обрезывать для супу. Я велел чаще употреблять. Ем я хорошо и вообще здоров; но польосятко, гусочка и уточка с оного времени не появлялись, как-то грустно одному затевать такие «пиры». Ты знаешь, что я люблю есть и восхищаться, а, сидя за столом один, что я могу сказать в похвалу кушанью? не больше того, что говорит какой-нибудь бровкó или рябкó: это-то и тяжело. Я не люблю многолюдных трапез, но, чтоб обед мой был вкусен, мне необходимо присутствие хоть одного друга. Ты часто бывала скучна за обедом; этому я удивляюсь и признаюсь, что твоя скука отнимала у меня много удовольствия. Когда же человеку быть и весёлым, как не в то время, когда он вкушает дары неба, без которых не мог бы суще-

ствовать? Поэтому быть скучным за обедом – противно даже благочестию; а уж как это странно, то и сравнить ни с чем нельзя. Это ещё неестественнее, нежели хмуриться и скучать в то время, когда – «В шатре и тихо и темно» (Где положить закладку[a]) или сказать яснее, когда – ...serca porywa słodkie zachwycenie, Usta się spotykają, oko tonie w oku,.... i z westchnieniem miesza się westchnienie[4]. То есть: «сердца волнует сладкое восхищение, уста встречаются, зрение тонет в зрении, ... и со вздохом сливается вздох»[b] ... Я знаю, що ви до сього ласі, як грек на ніжинськи ковбаси[5] (где закладку?)[c].

Вторник 1го февраля. Письмо от дюси! Я совершенно забыл, как мы провели в прошлом году 24 февраля[6]; напомните мне: забыл и то, что вы выписали в свой дневник. – Милое моё, хоть я и знаю, что вы меня любите, хоть и не новость вы мне говорите, но очень отрадно читать мне ваши уверения. Но какой же я вам хранитель, если уже и положить, что ангел? вы – так – так: без вас я давно погиб бы в бездействиях, а в счастьи сам себе делал бы пакости. – Дай Бог, чтоб Плетнёв был счастлив в великолепных покоях своей княжны! мне всё, что ты описала, представляется какою-то церемониею, но это потому, что я не знаю, из чего соткана невеста старого поэта. По крайней мере его характер даёт надежду на счастье, особенно если счастье измерять большим или меньшим отсутствием неприятностей. В настоящем случае Бюффон сильно говорит против П[етра] А[лександровича]: «nous sommes malheureux dès que nous désirons d'être plus heureux. Pourquoi ne sommes-nous pas convaincus, que la jouissance paisible de notre âme est notre seul et vrai bien; que nous ne pouvons l'augmenter sans risquer de le perdre; que moins [nous] désirons, et plus nous possédons, etc. etc.»[7]. Но к чему представлять всё в траурном виде? Может быть, счастье П[етра] А[лександровича] будет самое вожделенное, по заслугам прекрасной души его; а из княжны, может быть, выдет чудо, а не женщина в семейной жизни!

«Что было также в прежни леты» и пр. см. в VII гл. «Евгения Онегина», строфа 1. Кстати указать и другие закладки: «Не вспыльчив он» см. в стих[отворении] Веневитинова «Поэт»; а больше не помню, какие ещё выписки есть в моих письмах. «Южный сборник» Метлинский подарил мне; мы прочитаем «Наталю» вместе и ты скажешь *дуда*! У меня остался в памяти ещё один стих, который выпишу здесь с соседним, для ясности. Об одном из свадебных танцоров: «Козарлюга дуже ручый, жвавый, головатый[d], Позырав, ходыв як туркут, голуб волохатый»[8]. Ты пишешь, серденько, что нужно будет много рассказать мне при свидании. Не лучше ли теперь? теперь-то я нуждаюсь в обмене мыслей, а тогда и без того много будет у нас разговоров. Пиши ко мне обо всём, не откладывай до свиданья. –

---

[a] «Цыгане» Пушкина.
[b] Первый сонет Мицкевича.
[c] «Энеида» Котляревского.
[d] Разумный.

Медленно вы приступаете к другому письму о переводе в Петербург. Разве так нужно? всё-таки я желаю знать хоть приблизительно, когда мы увидимся. – Ты хвалишь мои письма: я очень рад, что они имеют для тебя и несупружескую занимательность. Но вот настала засуха моих чтений, и с нею письма перестанут быть литературными. Сегодня я продолжал оклеивать стол. Две ножки уже оклеены. Очень много работы, но я доволен, что хоть одна вещь, истинно полезная, будет результатом моего столярства. После моего стола теперь мне неловко писать на другом, а он разобран и долго не сложится; зато тогда в какой явится красоте! – Кто написал песню перед зеркалом? не Глинка ли? теперь ты наберёшься новых стихотворений, як репьяхив. – Алексей Алексеевич получит письма и, может быть, получил: это всегда, видно, бывает с расставшимися, что почта как будто с ума сошла. Я же не имею ни малейшей охоты отыскивать сего Марсова служителя, потому что предчувствую прескучное знакомство. Я могу его уважать и любить, как добрейшего человека, но для знакомства нужно единство целей жизни; а кто меня уверит, что мы с ним идем не в разные стороны? В ожидании его, но мы кометы[9], но больше ни шагу, как Седрик Саксонец для встречи Буагильбера и приора Эймера[10]. Не сердись, дюся моя: я не виноват, что меня не интересует никакое лицо. Чарнецкий обещал прислать за книгами, но не прислал, и я до сих пор с ним не виделся. Жалко, что изменил своему правилу – знакомиться только с теми, кто сам ко мне явится. Теперь читаю огромные польские книжицы: «Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, przez Jochera»[11]. Люци цилюю.

Ваш П. К.

274. До Олександри Куліш

Тула, 5–6 лютого 1849 р.

Суббота, 5 февраля 1849, Тула. Милые мои бизи, что вы поделываете? скоро ли надеетесь добиться какого-нибудь конца? Я же здоров и по возможности спокоен. Стол мой завтра будет доклеен красным деревом, а послезавтра начнётся чиститься. Много надо было терпения, чтоб постепенно довести дело до нынешнего состояния; теперь уже осталась самая лёгкая и приятная работа. Верх по бокам будет оклеен вершка на 2 ½ красн[ым] деревом, а всередине зелёное сукно. Так и быть, пускай уже вещь будет вполне хороша. Дюси, я вам этот стол подарю, когда окончу. Я не понял, какой формы и величины должна быть сахарница для Н[атальи] А[лексеевны]: такая, как моя красная шкатулка с бумагами? Впрочем, не обещай там, потому что я очень устал, работая стол, и, может быть, не скоро примусь опять за столярство. С нетерпением ожидаю того времени, когда я буду писать на собственноручной работы великолепном столе, какого я никогда ещё в своём распоряжении не имел! А вы когда же будете на нём рисовать? а? А ведь будет такое время, когда мы усядемся за не-

го оба, и я буду смотреть на вас и говорить с вами, и читать вам, и толковать вам о свечах и тенях, и сам буду рисовать, а вы будете смотреть! Настанет, может быть, и такое время, что за этим столом усядется такой кружок гостей, какой только может за ним поместиться, и сколько перескажется за ним драгоценных сердцу рассказов! сколько будет смеху и радости! сколько старинных воспоминаний услышит этот новый спутник нашей жизни! И когда нас уже не будет, как долго ещё за ним будут повторяться наши имена! Может быть, на этом столе напишутся прекрасные вещи, которые усладят горесть одиночества какому-нибудь изгнаннику или укажут колеблющемуся во все стороны юноше прямую цель существования. Но всего было бы приятнее, если б за этим столом собралось несколько детей послушать старинных повестей о сотворении мира, о потопе, о странствованиях евреев по пустыне и о новом учении, засиявшем в мире языческом. Так, может быть, в те годы, когда в нас умолкнут беспокойные желания и мы станем жить прошедшим, мы изберём себе из всех утех старости лучшую – воспитывать нажитою опытностью и умом молодое поколение, и за этим столом, может быть, преподадутся основания будущих великих знаний и созданий ума и фантазии. А если бы и не так, то всё же он будет местом сборища, делающего честь уму и сердцу человеческому. И так хвала тебе, о стол мой! и хвала ремеслу, которое много принесло мне в это время нравственной и физической пользы! Теперь о хозяйстве. Бельё перемыто, перекатано, переглажено и сложено в комод. Большие суконные чулки я отдал Варке, чем она осталась, по-видимому, очень довольна. Она по-прежнему ведёт себя хорошо, только повадилась ходить ко всенощной; я ей позволяю (сегодня в другой раз), но боюсь, чтоб лукавый её тут не попутал; потому что в Туле хождения ко всенощной считаются лучшим временем для рандеву. «Верней нет места для признаний и для вручения письма»[1]. Но вместо писем, на возвратном пути, бывают здесь гораздо успешнейшие переговоры изустные и прочие шашни, чему мы с Зивопунею[2] сами были отчасти свидетелями. Но, кажется, Варка ходит с сестрою хозяйки; надо спросить и запретить ходить одной. *9 часов вечера.* «Успокойся, ветер буйный, В сей несчастной стороне»: Варка ходила не одна, и впредь дам приказ одной не ходить. Надо таки добиться нам с нею красной запаски над хатою.

Воскресенье, 6 февр[аля]. Варка фунт с четвертью льну спряла; опять куплен фунт сегодня. – Сегодня я не доклеил стола, но исполнил труднейшие приёмы оклейки и очень удачно; на завтра остаётся только самое лёгкое. Провозился с этим (заметь, не должно говорить *возле* этого: это малороссиянизм, замеченный мне А[лександрою] О[сиповно]ю) до самого обеда. За обедом были у меня восхитительнейшие вареники со сметаною. Баба доставляет мне превосходное молоко и этим много способствует к моему благосостоянию. После обеда лёжа читал Мицю до свечи, а при свече пил чай и потом пишу к дюсям. Миця поэт бессмертный: он всё, к чему ни коснётся, оживляет своим чувством и мыслью; живопись его несравненна! Между

прочим я нашёл несколько стихов, изображающих нынешнее состояние моей души:

Teraz [ja] szczęścia szukam – ot w tej xiędze,
Xięga znudziła, porzucam;
Znowu ku lubym przedmiotom myśl pędzę,
To marzę, to się ocucam.
Czasem, gdy słodkie złudzi zachwycenie,
Kochankę widzę lub braci;
Zrywam się, patszę, aż tylko po ścienie
Biega cień własnej postaci[3].

А вот ещё:

Wszystko to pamięć wiernie malowane trzyma!
Przeprowadzam ten obraz przed duszy oczyma,
Jak sknera, gdy mu skarbiec udało się schwycić,
Patrzy i schnie, i oczu nie może nasycić[4].

Вчера я утешал себя мыслью, что завтра могу сказать: «послезавтра получу от бизь письмо», а теперь послезавтра отодвинулось для моего нетерпения Бог знает как далеко! теперь я жажду дня, когда мог сказать: «завтра получу от неё письмо!». Саша, я очень вам благодарен, что вы позволяете звать себя Сашею и не сердитесь, когда я вам говорю *ты*, и когда беру вас за люци, и смотрю на вас близко, вглядываясь, что там у вас в глазах, и сажусь возле вас и обнимаю вас, и кладу вам на плечо голову, и целую вас; я очень вам за всё это благодарен! Вы мои бизи, мои мамы и дюси.

275. До Олександри Куліш

Тула, 7–9 лютого 1849 р.

Понедельник, 7 февр[аля]. Получил письмо от Мамы, которое при сем прилагаю[(a)], и от старого Чуйкевича, который уведомляет, что на мой хутор находятся два покупщика, один даёт 1000 р. асс., а другой 1500, но этот последний желает, чтоб я приехал и отделил свою часть. Я отвечал Чуйкевичу, что не продам никому, кроме его самого, и не прошу с него больше 1000; а между тем написал к молодому Чуйкевичу, что продаю с условием, чтобы он продал мне обратно за ту сумму, когда мне пожелается. Это единственное средство сберечь мои леса и прочее добро от совершенного истребления[1]. Чуйкевич пишет, что лошадей остаётся только 6, а было 20, пчёл 7 ульев, а было не меньше 40. – Ах, этот листок весь в масле! не осудите, серденько: это значит, что стол уже полируется пелцою. – Прочитайте письмо мамино и посмотрите, какая она бизя, как она вас любит! я за это готов бы

[(a)] Так как ты 9[ш] выедешь, то не прилагаю маминого письма. Однако ж своё посылаю, чтоб, в случае отсрочки, бизи не стлядали. (9го февр[аля].)

ей купить самый лучший пряник, который стоит полтину! – Итак, завтра я получу ваше письмо!

Вторник, 8 февр[аля]. Но вот пришло и желаемое *завтра*, а письма от Вас нет! Обождём ещё до завтра. Сегодня только окончена совершенно оклейка стола, но уже ножки и один бок станка вышлифованы пелцою. Варка шлифует гораздо лучше Семена: ни разу не поцарапала. – Читаю «Les Femmes Savantes» Мольера. Здесь хорошо представлен муж, который колеблется между привычною угодливостью вздорной жене и добротою собственного сердца. Учёная жена хочет согнать со двора кухарку за то, что та обижает её слух неправильностью языка. Бедный муж поневоле должен согласиться, что это вина больше распутства и воровства, однако ж не в силах скрыть своего внутреннего чувства. *Жена*: Vous ne voulez pas, vous, me la faire sortir? *Муж*: (a port) Si fait. À son caprice il me faut consentir. (Служанке) Va, ne l'irrite point: retire-toi, Martine. *Жена*: Comment! vous avez peur d'offenser la coquine? Vous lui parlez d'un ton tout à fait obligeant! *Муж*: Moi? Point. (d'un ton ferme) (d'un ton plus doux) Allons, sortez. Va-t'en, ma pauvre enfant[2]. Замечательно, что здесь кухарке дано то имя, которое носила кухарка Мольера. А в биографии его сказано: «Molière, heureux par ses succès et par ses protecteurs, par ses amis et par sa fortune, ne le fut pas dans sa maison. La disproportion d'âge et les dangers auxquels une comédienne jeune et belle est exposée rendirent ce mariage malheureux; et Molière, tout philosophe qu'il était d'ailleurs, essuya dans son domestique les dégoûts, les amertumes, et quelquefois les ridicules qu'il avait si souvent joué sur le théâtre». Далее следует прекрасное замечание: «tant il est vrai que les hommes qui sont au-dessus des autres par les talents, s'en rapprochent presque toujours par les faiblesses; car pourquoi les talents nous mettraient-ils au-dessus de l'humanité?»[3] (Биография писана Вольтером).

Середа, 9 февр[аля]. Получаю наконец твоё письмо, и оно меня сбило с толку: зачем ты не говоришь мне ничего о деле нашем, а прямо о выезде? неужели всё потеряно? По крайней мере я бы сроднился с этою мыслью до твоего приезда, и с удовольствием видеть тебя не смешалось бы неудовольствие услышать от тебя приговор себе на долгое ещё терпение. Если ты для *меня* спешишь, бросив дела, то напрасно: я могу ещё потерпеть. Я даже прошу тебя остаться и добиваться хоть чего-нибудь, если не перевода в Петербург или в Москву. Горько мне держать тебя в такой тяжкой неволе с собою: лучше ещё два месяца не видеть, но потом жить в радости. Но я не верю, что ты приедешь так скоро. Я обожду ещё одного письма и только тогда велю принять из спальни верстак и вымыть полы. Отчего мне грустно, когда я узнал, что ты скоро выедешь из Петербурга? Жаль мне тебя, моё серденько: судьба жестоко тобою играет! – Ты права, осыпая меня упрёками за сомнение. Стыжусь и опять прошу прощения. Милое моё! что мне сделать для твоего счастья? Конечно, главное во мне самом, однако ж больно видеть тебя посреди недостатков и лишений всякого рода, на чужой стороне, без привета и почтения в людях!

Мне очень грустно, но не вечно же обстоятельства наши будут в одном положении. Приезжай, будем терпеть и надеяться, а дружба и любовь усладят обоим нам горькую долю. Ты найдёшь во мне не того, какого оставила, а лучшего. Я обо всём передумал и во многом приготовился исправиться. Ты найдёшь во мне крепость истинную; ничто меня не рассердит, ничто не огорчит. Чем больше с тобой живу, тем более становишься ты для меня предметом, более и более достойным глубокого почитания. Я хочу быть твоим слугою и угодником. Приезжай, мое серденько; мы сумеем и в этой доле быть счастливыми. Целую твои милые глазки и ручки, и пятнышко на щеке. Ты моё лучшее благо, ты благословение Божие на пути моей жизни!

Твой П. Кулиш

276. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, друга половина січня ... лютий 1849 року

Серденько мое. Боже ж мой, что мне делать?! Ты скажешь, что здоровье твоё для меня не дорого? Я два письма от тебя получила, в которых ты велишь мне приехать. – Невозможно: дело началось; ты как мне говорил в Туле, чтобы я до тех пор жила, пока для нас чего-нибудь не сделают. Если бы меня так не обнадёжили, то я давно бы была возле тебя; подумай, что меня здесь удерживает, – веселье? Нет, сердце, мне истинное веселье с тобой, а без тебя я не могу быть вполне весёлой. Если бы ты знал, как мне теперь тяжело на сердце... Ты бы пожалел обо мне; я совершенная невольница, или, лучше сказать, всё в моей власти, но я решиться не могу ни на что. Как мне было грустно читать Ваши строки: «Милое моё, может быть Вас и нет уже в Петербурге», а я сижу и ещё не думаю о возвратном пути[а]. Друг мой, как можно тебе до сих пор не обратиться к доктору. В Корпусе ты имеешь знакомых, которые бы с удовольствием представили бы тебя своему доктору. Ты знал, что это поразит меня сильно.

Насчёт твоей должности, я скажу только, что мне очень жаль твоего здоровья, наших хлопот, издержок на извощика и драгоценной булавки. Велите себе готовить молошную кашу и картофляные блины и кушайте непременно. Письма твои я получаю исправно, ты меня много избавляешь от тоски по тебе. Я пишу к тебе два раза в неделю. Буравчик куплю, а всё прочее, может быть, и не всё исполню. Я совершенно здорова телом, а душою болею о тебе. А Вы, мои сизи, Вы, мои комарики, зозульки, кролики, тонéли. Я Вас очень, очень хочу видеть. Ишимова и этот год, верно, нам будет высылать «Звёздочку». Целую Ваши ногтики, дратовки, что сапоги пошыты, латочки, которые Семен понашивал, пальчики, нози, ушки, бровоньки, очинята, губынята и прижимаю вас к себе крепко, крепко.

[а] *Далі закреслено*: Всю ли связала Варька шерсть? Сколько вышила? Купите на фунта лёну, пускай прядёт очёнь тоненько и мотает [нрзб.] на кубки. Всё ли у неё исправно, и её платье и пр.?

277. До Олександри Куліш

Тула, 27 лютого – 2 березня 1849 р.

Воскресенье, 27 февраля, 1849. Тула. Бенвенуто Челини очаровал меня при вторичном чтении[1]. Редкая книга так мне нравилась. Слог его чист и ясен, как золото, из которого он наделал столько чудес. Он без всяких усилий заставляет читателя сильно воображать описываемые предметы; он едва коснётся их пером, и они уже охарактеризованы, как под карандашом великого художника. Например, что может быть проще, изящнее и грациознее изображения любимого ученика его? «Мне помогал тогда, говорит он, один только мальчик, сын римского гражданина. Ему было лет 14 от роду; он назывался Паулино, – это было прекрасное, благородное и милое дитя. Его манеры, тихий нрав и редкая красота внушили мне такую к нему привязанность, что, желая несколько оживить его прекрасное лицо, которое от природы было всегда меланхолически-печально, я иногда играл на рожке. Тогда появлялась у него улыбка, и в ней было столько привлекательности и кротости, что мне стали понятны те шалости древних богов, о которых повествуют нам греки». В двенадцать часов является швагер Зейпа[2], во фраке, истинным франтом, и говорит о том, о сём, как обыкновенно на визит. Просидел у меня часа два и заставил меня возымать намерение вылезть на днях из квартиры, чтоб в благодарность за эту честь наскучить ему так, как и он мне. Причина же его внезапного посещения заключается в том, что Зейп приведён был написанным мною для него письмом в такое восхищение, что в записке просил «принять уверение во всегдашней и неизменной его ко мне дружбе», «каковою, говорит, прошу и с вашей стороны меня не оставлять». Итак, я волею и неволею, а нажил-таки в Туле друзей.

Понедельник, 28 февр[аля]. Целый день сегодня трудился над склейкой кресел. Ручки очень мудрено оклеивать, тем более, что я должен был всё лепить из кусочков, соблюдая экономию в красном дереве, которого на кресла куплено за 3, 80 к. асс. да на стол за 5, 70 к. асс. Ещё и на завтрашний день будет работы около ручек. Между тем мне пришла мысль истинно гениальная: сделать из оставшихся без употребления тонких досок для тебя несколько ящиков, которые бы один в другой вкладывались. Не знаю, сколько выдет, но не меньше 3[х]. Первый будет длины и ширины в 1/2 аршина. Я придумал к ним деревянные замочки, очень простые, но которые отопрёт только знающий, а ключ сделаю из проволки. Для хозяйственных вещей это будут ящики бесценные, и я уверен, что дюси будут ляди. Ящики ж эти будут делаться в промежутках, когда оклейка должна сохнуть, и явятся в свет вместе с креслами.

Середа, кажется, 1го марта[3]. Вчера целый день возился с ручками и не доклеил; начал делать для тебя ящики, что продолжаю и сегодня. Вечером отправился ко Зейпу, но не застал его дома, ниже его швагера, чем очень доволен; объявил громогласно слугам своё имя и назад, нет, не назад – был у Ванечки. Он здоров, весел и похорошел. Оттуда, чтоб

не даром прошло одеванье, отправился к Зивопуне[4], который затевает писать с натуры некоего старика, в виде пророка, усевшегося с пером за книги в чём мать родила: такой у него есть эстамп, и он хочет возвести его в картину, приискавши натурщика; писать же будет в школе. Это я так его раззадорил то насмешками, то подстреканьем честолюбия. Сегодня рано получил твоё письмо. Оно застало меня за оклейкою ручек, и я не раньше принялся отвечать тебе, как запачкавшись весь в клей. – Я наперёд уже беспокоился о той почте, в которую тебе предстояло не получить от меня письма: я знал, что ты забудешь о настоящей причине. – Мне решительно нельзя быть нездоровым: я с утра до вечера в работе; ем с аппетитом и сплю хорошо; а во время работы беспрестанно о чём-нибудь думаю: то история приходит через мою голову, то соображения о прочитанных мною книгах, то обдумываю, как что должно писать или как в чём усовершенствоваться; словом – в голове настоящая академия, и мне не скучно; но всего чаще передумываю о тебе, или лучше сказать, все мои думы перетканы тобою, как золотыми узорами; затем оне и не тяжелы, и не сухи, затем в них везде развеяна поэзия. Ты моё прекрасное! я тебя чем дальше, всё больше почитаю! – Долг от Зивопуни получен. Он не может и думать [о] домике: у него и теперь по-прежнему нет денег и долго не будет, потому что он обносился. Каленкору не обретах. – Бедный Викторко! мне очень жаль его, что он болен. Чудеса! один я всегда здоров и кроме насморку ничего не знаю, да и в том виноват, что долго сидел в комнате. – Как вам не стыдно думать, что я буду сердиться за – булавку! Ты могла заметить, что за вещи я никогда не сержусь, а только за слова и суровое, не по моим заслугам, обхождение. – Ну, теперь я буду знать, что кльоси знач[ит] кльоцки! – Я разумел дагерротип, купленный Викторком, о чём он писал ко мне. – Не торопись, серденько, выездом, если надежда не потеряна. – Цветы твои пропали от недостатка свету; я посадил в горшках лук. Не сердись. Воротник на шубе пришит. Обнимаю вас и целую усюди. До свиданья, о, до свиданья, мое кохане!

Твой П. Кулиш

278. До Олександри Куліш

Тула, 3–5 березня 1849 р.

Четверг, кажется 2 марта, 1849[1]. Безденежное твоё положение, милая моя бизя, очень тревожит меня: я боюсь, чтоб ты не решилась выехать в дорогу с несколькими рублями ассигнациями. Со всех сторон теснит тебя, мою голубоньку, жизнь, та самая жизнь, которая прежде усеяна была розами, да ещё какими? – мотроновскими! Зачем это так? не постигаю! Видно, всё – одна игра случая. Тяжело с таким убеждением переносить невзгоду жизни, но есть и тут утешение – именно, что человек посреди непрочности и превратности обстоятельств может создать для себя в душе своей прочное счастье. Надобно полюбить этот нетвёрдый род жизни, готовый измениться так

и иначе, смотря по дождю и засухе, всё вещественное считать ничтожным, ценить одно то, что вошло в душу и составляет её утеху; не завидовать никому, не оскорбляться ничем, смотреть на жизнь как на искусственное представление, пользоваться скоропреходящими удовольствиями и забывать огорчения. Я теперь сделался великим философом, так что равнодушно ожидаю перемены наших обстоятельств. Они не могут не перемениться: очень рад, но когда – это мало меня занимает. Малочисленность нашей семьи заставляет меня беспечно думать о будущем: много ли надобно двоим? Одного моего хутора, как он ни ничтожен, достаточно. Советую и тебе быть так же спокойною. Очисти ум и душу от всяких суетных желаний, ищи одной любви и дружбы, а всё прочее, право, мало прибавляет блаженства человеку. Лезть из кожи для того только, чтоб пустые люди нас почитали – безрассудно. Жизнь коротка; надобно в ней как можно больше уловить счастливых ощущений. Кто умел наслаждаться в душе чаще и больше других, тот и мудрец, тот и понял цену жизни. Все другие – жалкие люди. Мне теперь представляется чудная перспектива в будущности, потому что я в уединении, и в удалении от людей успел освободиться от некоторых предубеждений и желаний. Именно: если дадут мне хорошее место по службе, буду служить, но не карьера к возвышению, почестям и богатству будет моею целью. Оставлю все лишние труды, сброшу с плеч все чиновнические обязанности в отношении к начальству, удалюсь от всех бесполезных знакомств и всё своё время отдам одним искусствам; постараюсь в живописи сделать тот шаг, которого недостаёт мне, чтобы быть художником, займусь скульптурою, займусь музыкою; стану читать только такие книги, которые будут услаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя рассудка; стану учиться кротости и уменью ни на кого и ни за что не сердиться. Право, мне кажется, что я буду с таким порядком жизни и образом мыслей счастливейшим из смертных! Дюси подле меня; они смотрят, как я рисую, как я леплю; мы вместе берём музыкальные уроки, но я сперва учусь у них; мы читаем, мы гуляем, мы благотворим кому можем, научаем, кто хочет у нас учиться, утешаем страждущих, забываем обиды, всякую вещь считаем не стоющею досады, всё отдаём, уступаем, оставляем у себя только духовную часть той вещи, т. е. удовольствие, которое испытали мы, владея тою вещью или производя её из небытия в бытие, или даря и радуя ею кого-нибудь. Не правда ли? дяйтесь люци поцилювать оттям, выше ладони. – Ручки наконец оклеены, и ящик один уже вышел из хаоса досок, но без крышки и не отделан. Форма кубическая, очень поместителен, т. е. укладистый как остаповская бричка, да хранит её мощный Сатурн! Не мужик будет этот ящик; я его покрою лаком, и он будет лимонного цвету. Я с удовольствием помышляю, как вот эти накладут туда шерстей и будут ляди! Дюси, я когда-то за счастье почёл бы быть при вас Сашкою; примите теперь меня к себе слугою; велите мне то то́ сделать, то другое, а сами будьте ляди, и я готов работать для вас вечно. Позвольте мне покамест быть Вашим «Королём»; я не буду обкрадывать вас лаком

и политурою и каждую мебель сделаю с всевозможным старанием. Не прикажете ли сделать какой-нибудь мебели к вашему приезду? Право, и столяром у вас хорошо быть; что же сказать должности вашего камердинера или, лучше, камер-служанки? Всегда быть с вами, разговаривать, смеяться; вы такая добрая барыня, что и кушать меня вместе с собою сажаете. О, спасибо вам, сударыня! поки жив, буду вам дякувать! Право, Сашуня, я от того доволен даже и в опале своею судьбою, что помню, как я был несчастен в детстве и в юности. Что если б тогда такая пани приласкала меня и сказала: «живи со мною и будь только добрым, а я тебя во век не оставлю», – что бы я ей! Да, право, никакими силами не подняли бы меня от её ног! не за улучшение моего быта целовал бы я и обливал её ноги слезами, а за чувство дружбы, так благородно предложенное! Так поступил бы я в то бедственное время. Но неужели я много переменился с того времени? нет, я тот же; я так же молод и чуток сердцем, как и тогда, и потому не шуточки я вам горожу, когда благодарю вас за то, что вы со мною живёте: в моей душе теснятся самые тягостные воспоминания, и я с таким чувством к вам обращаюсь, с каким выброшенный волнами на берег моряк обнимает спасительную землю. Но бьёт 10; пора спать.

Пятница, 3 марта. Голуби наши процветают в мире. Адам избрал себе женою Наденьку. Я в сенях прикрепил к стене ящик и положил соломы. Адам немедленно смекнул делом и уже там кублится; холод, однако ж, мешает произведению яиц. Дело покамест ограничивается нежными воркованьями и супружескими ласками. А бедная Олинька претерпевает от Адама страшные гонения. Если мы здесь останемся, то я куплю ей защитника.

Суббота, 5 марта. Вчера был у меня вечером Зивопуня. Русск[ая] грамматика так для него тяжела или, лучше сказать, он так ленив и закоренел в умственной праздности, что пыхтит под малейшим уроком, как будто я взваливаю на него пудовики. Наконец он изнемог вовсе от воображаемой трудности и, дошедши до глаголов, пал и, как осёл, протянул ноги, откинул голову и разинул рот. Вчера взмолился ко мне прекратить на время преподавание грамматики, которую я преподавал ему так поверхностно, как ни одному ребёнку. Не могу смотреть без презрения на этот кусок мяса, начиненный кислым винегретом разных глупых понятий и предрассудков. – Вчера получил письмо от Васи[2]. Ему очень хорошо; он удивляется, что не получает твоих писем, не зная, что ты их и не писала, и предполагает самые дикие причины. С сегодняшнею почтою пошлю ему ответ. – Жду с каждой минутой твоего письма. Большая половина кресел оклеена. Может быть, через неделю кончу совсем. Сам и подушки сделаю. Наконец я дождался твоего письма. Отвечаю: ревень я принимал для некоторого преобразования в крови. Теперь я здоров как рыба. Ты не знаешь, что значит: а «где....»! да, ты не знаешь! не знаешь ты! ну, ну, ты не знаешь! Гм, да! ты не знаешь! вот таки ты не знаешь! Гм, не знаешь ты! – Кресла a la Licnowicz слишком громоздки. Когда я буду иметь в своём распоряжении какого-нибудь столяра, тогда сделаю, а эти подарим маме. Чёрное, извольте, что-ни-

будь сделаю; например, один из ваших ящиков. Для разнообразия я сделаю первый лимонного цвету, второй – цвету моих инструментов, третий красный, как в Мотроновке кровать, четвёртый орехового цвету, пятый чёрного. Вы ляди? – Как я рад, что тебя так ласкает Н[аталья] А[лексеевна]! за что? за то, что ты в многом на неё похожа, уже одним тем, что и ты такое ж доброе и благородное. – Ото хвалю за гарбузы Гроту и Л.[3] – ты оба последние письма написала так, что я должен выбрать, которое поменьше имеет в себе не подобающего маме читать, и вычистить ножиком некоторые строчки, свалivши вину на тебя. Пиши особо то, чего не посылать к маме, а не посылать больше одной недели я не могу: жаль старенькой бизи! Васе я объяснил, почему ты к нему не пишешь. Прошу передать самый усердный мой поклон добрейшим Льву Семёновичу и Наталии Алексеевне. Запись я давно не пишу и писать не буду. – Из новых твоих знакомых мне больше нравится та, которая больше любит детей, нежели танцы. Твоими записями я очень, очень доволен – люци цилюю. На остающемся месте выпишу что-нибудь из Васина письма. «Саша написала прекрасные вещи об О[ле]: она должна быть достойнейшею женщиною. Не знаю отчего, но мне кажется, что она должна играть какую-то роль в моей жизни. Признаться ли? когда вы написали ко мне, что она выходит замуж[4], мне сделалось очень грустно, будто я потерял что-то очень дорогое. Отчего бы это? Я никогда её не видел, не могу живо вообразить её и даже редко об ней думаю, а между тем грущу при мысли, что она будет от меня дальше, чем теперь. Не симпатия ли это? Я не писал к вам о том, какое впечатление произвело на меня известие о выходе О[ли] замуж, поэтому ты не мог знать, сколько удовольствия доставишь мне, исправив свою умышленную или неумышленную ошибку». Распоряжения твои по хозяйству я привёл не все в исполнение по сомнительному положению наших дел: как только оно определится, то немедленно всё исполню. О клочье не спрашивай; оно идёт валы на разные мои потребности; несколько клубков напряно. Варка ведёт себя хорошо: я держу её строго, и она меня очень боится, но вместе с тем позволяю ей некоторые удовольствия, потому что мне тяжело видеть скучающего человека. Не воображай, однако ж, её совершенством; по крайней мере она столько исправна, что я могу быть спокоен. Цилюю люци, ньози, лежу перед вами на полу и обедаю с вами, стоя на коленях.

Ваш П. Кулиш

279. До Олександри Куліш

Тула, 6–9 березня 1849 р.

Воскресенье, марта 6, 1849. Тула. Я очень доволен, что в отношении А[лексея] А[лексеевича] придержался своего правила не предупреждать людей, ещё не известных, в желании сблизиться. (Заметь, что так нам нужно было поступить и с сестрою Шаманского.) Сегодня он присылает солдата сказать мне, что у него есть какое-то пись-

мо ко мне из Петербурга и что не угодно ли мне с ним повидаться. Я расспросил солдата обстоятельно, как именно он говорил, и убедился, что А[лексей] А[лексеевич] действительно, вместо визита мне, послал за мной, как за сапожником. Хоть бы записку написал и, как водится между порядочными людьми, извинился чем-нибудь, что не может сам побывать у меня, а просит к себе; а то отыскал какого-то десятского и, для первого знакомства, прислал пригласить к себе в гостиницу! Я представил вид, что не понял смысла его посольства, и, давая ему тот смысл, какой бы оно должно иметь, написал к нему, как водится: «П. К[улеш] честь имеет свидетельствовать А[лексею] А[лексееви]чу своё почтение и уведомить, что квартира его находится там-то и что его можно застать дома во всякое время». Это было утром, но вот и ночь – никто не является. Из любви и признательности к Н[аталье] А[лексеевне] ты, может быть, меня осудишь; но напрасно. Я люблю и почитаю Н[аталью] А[лексеевну] не меньше твоего, и если б брат её поступил со мной не так оскорбительно, то всеми силами я постарался б уменьшить его скуку в Туле; но теперь я не могу быть у него, пока он первый ко мне не явится или не напишет вежливой записки. Если б я был Бог знает какой чиновник, то никогда не позволил бы себе обойтись так с человеком моего сорта, иначе – я был бы грубый и необразованный человек, не понимающий, с кем имею дело, почему и заслуживал бы со стороны людей мого сорта полного пренебрежения, которое, заметь, мною вовсе не сказано А[лексею] А[лексееви]чу, и это единственно из любви и уважения к Н[аталье] А[лексеевне]. Я только притворился не понявшим, чего от меня желают, и при таком посреднике, как десятский, оно очень естественно. И так А[лексей] А[лексеевич] поставлен мною на такую дорогу, что может, как ни в чём не бывало, продолжать свои сношения со мною в более почитательных формах. Посмотрим.

Понедельник, марта 7, в 9 ч. вечера. Окончен, серденько, твой первый ящик совершенно, и оклейка кресел завтра будет окончена. Варка, по моим указаниям, сделала одну подушку. Думаю, что на этой неделе окончу кресла совершенно. Зивопуня[1] об улыбочках[2] ни слова, и я сам решился лепить и отливать посредством гальванопластики барельефы. Сегодня вечером составил рисунок головки. Хочу твои пяльцы вычистить и покрыть хорошо лаком, да и всё довести в них до конца. Если я это сделаю, то ты их не узнаешь. Готовя себе чай, я так об этом задумался, что положил ложечку чаю в полоскательную чашку и тем оправдал пропажу твоих 3 р. сер. – Твой первый ящик очень хорош вообще, хотя я дал небольшую ошибку, заметную при внимательном осмотре работы; но ничего: он верхний и в дороге будет подвержен царапинам и ушибам; внутренние будут исполнены совершеннее. Хотелось бы мне что-нибудь сделать для милой старенькой бизи, да не знаю что; посоветуй. Разве кресла, средние между вольтеровскими и гостиными? но уже дерева нет совсем, а если купить, то долго ждать, пока высохнет. Впрочем, лучше эти подарим маменьке, когда сделаем себе бóльшие.

Вторник, марта 8. Сегодня является швагер Зейпа с просьбою ехать к ним и с разными извинениями. Так как я намерен был посетить их вечером, то, несмотря на некоторую необыкновенность просьбы, я согласился, и мы поехали. Нахожу накрытый стол. Оказалось, что Зейп, не зная, как отблагодарить меня за письмо, хотел утешить меня обедом. Это ещё ничего, но он вздумал угостить меня и обществом каких-то москвичей. К счастью, я попал на хорошую отговорку – сказал, что не могу есть постного и обедаю очень поздно, а москвичи выезжали и должны были обедать в 12 часов. Их ожидал он из суда, где они хлопотали по своим делам. И так, выпивши рюмку мадеры, я уехал, посидевши с час. Взял хорошую книгу прочитать – «Анатомию человека и животных». Завтра наконец оклейка будет кончена; признаться, надоела мне; от винтов у меня на руках кровавые мозоли. Начал вечером лепить барельеф к пяльцам. А вы?

Середа, марта 9. Беднии! я о вас только беспокоюсь, что вы скучаете в ожидании, может быть, напрасном, а я – ничего. Рад я, что угодил тебе портретом. Но откуда ты взяла какую-то жёлтую глину? Жаль Коли, но это к лучшему: из него теперь будет человек, а не петух. Имеет ли он охоту к медицине? без любви к делу ничего не сделаешь. Дайте ему свободу выбрать для себя путь. Человеку только и нужно – быть честным и трудолюбивым, а то всё равно, какою дорогою пойдёт в жизни. Надя – истинная сестра Викторка. Кто ко мне пишет, я тотчас тебя уведомляю. А Васю я в своё время успокоил: прими во внимание ход почты, и ещё раз будь уверена, что в скорости и точности отписки я не имею соперника. – А ты ко мне много пишешь? а? Но не думай, что я не пишу больше от лени; нет, пишу, сколько пишется. Как я рад, что скоро окончу оклейку кресел! Не тоскуйте, милые Бизи! будет же время, что мы очутимся вместе! Я даже не умею уже и вообразить, как это будет! Благодарю милую невестку[3], что она о тебе заботится. Кланяйся всем, то есть всему Викторству и Львовству. Получил «Москвитянин» сегодня: есть несколько занимательных, повидимому, статей. Видишь, и мы умеем писать письма небрежно. Зато целую даже те ногтики, которые ты срезываешь.

Твой П. К.

280. До Осипа Бодянського

Тула, 16 березня 1849 р.

Нічого вже й казати тобі, батьку Осипе Максимовичу, як мене оттой харцизяка Срезневський преогорчив. З серця пишу до всякого на столицю про його злодійство – нехай люде правдиві плюють на його сліди; хоч цим його покараємо. Спасибі тобі, батьку, за ласкаве привітаннє моєї жінки[1]. Що то якби нам пощастило перебратись до тебе у ту Москву? от би зайшла робота і язику, і серцю, й голові! Та от уже хутко буде нам звістка з Петербурха. Рад я, що ви собі обоє з

своєю сестрицею живете веселенько; аж дух мій радувався, слухаючи, як моя стара слебизувала мині про Вашу господу і про ваше миле життя-пробування. Спасибі, мій голубе сизий, і за книжки, которими ти знов мене наградив. Щастє твоє, що ти своїми працями приманив до себе і самого Гоголя: багацько, може, зробиш ти нам усім добра, нашпиговавши його святою старосвіщиною нашою. Коли ласка, напиши, добродію, до мене, як тобі тепер здавсь той чудний та дивний козарлюга? Що він робить або має робити? чи не покинув навіки своєї України?[2]

Тепер у мене великодні свята, то гуляю, не роблю нечого. Богу дяковать, пробуваю здоровий. Поклонись, батьку, низенько од моєї жінки Марфі Нікітічні. На диво вподобала її моя пані! не нахвалиться, що за предобра та премила людина! Прощай та й нас не забувай, а ми тебе і во сні бачимо. Жінка моя низенько тобі кланяється.

П. Куліш

1849, марта 16.
Тула.

Метлинський прислав мині свій «Зборник»[3]. Як тобі здалась «Наталя» Макаровського? а мене дак і за ухо од її не одтягнеш. Та се ж, братику, самá чиста патока! от медові річі! от поважна та мила мова! Підпер козак, нічого сказати, нашу литературу, нехай там йому у рот сунуться самі варенікы з сметаною! *Неволя* чи *Гарасько*[4] уже зусім не те, та спасибі й за «Наталю».

Сердюк поїхав у Дерпт за кандидатством[5]. Коли б ще Біг допоміг оцьому бідасі вибраться з калюжи та поставити свою мажу на сусі, коло шинкарки Марусі!

281. До Лєонтія Дубельта

Тула, 16 березня 1849 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Леонтий Васильевич,

Рассказы моей жены о необыкновенном участии и внимании Вашем к ней оживили меня радостью, которой я давно уже не знаю. Примите сердечную благодарность от человека, который всего более дорожит прекрасными движениями души, замечаемыми им в людях. Отрадно существовать на свете, когда знаешь, что он населён не одними холодными душами. Я забыл теперь все горестные ощущения, испытанные мною в эту тяжкую эпоху моей жизни, и живу одною надеждою. Исполнится ли она или нет, но мне радостно питать убеждение, что Ваше Превосходительство желаете и содействуете её исолнению. Позвольте беспокоить Вас покорнейшею просьбою – передать Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову приложенное при этом письмо и прибавить с своей стороны на словах всё, что внушит Вам благородное участие ко мне и к жене моей, которого мы имели от Вас столько драгоценных доказательств.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1849, марта 16.
Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

282. До Алєксєя Орлова

Тула, 16 березня 1849 р.

Ваше Сиятельство Милостивый Государь Граф Алексей Фёдорович,

Я узнал от жены моей, до какой степени Ваше Сиятельство простёрли благодетельную попечительность Вашу об улучшении моего и её положения в жизни. Словами нельзя выразить благодарных чувств, с которыми я принял это известие: вся жизнь моя будет доказательством, как благоговейно храню я в душе мысль о Ваших благодеяниях. Верьте, Ваше Сиятельство, что всего пламеннее желаю я теперь иметь возможность доказать на деле возвращение своё на путь истинного служения Государю и обществу, и это-то желание внушает мне смелость повторить перед Вами просьбы моей жены о переводе меня в Петербург, где я могу удобнее, нежели во всяком другом городе, найти для себя место на службе и на глазах у Правительства явить себя человеком благомыслящим и трудолюбивым.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1849, марта 16.
Тула.

На звороті: Его Сиятельству Алексею Фёдоровичу Графу Орлову

283. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 24 березня 1849 р.

Его Высокоб[лагородию] П. А. Кулешу
24 марта 1849 года.
№ 507.

Милостивый Государь Пантелеймон Александрович,

Г. генерал-адъютант Граф Орлов, получив письмо ваше от 16го марта, изволил признать невозможным исполнить просьбу вашу о переводе вас на службу в С. Петербург.

Сообщая о сем вам, имею честь удостоверить вас, Милостивый Государь, в истинном моём почтении и преданности

Подп[исал] генер[ал]-лейт[енант] Дубельт

284. До Віктора Білозерського

Тула, 29 березня 1849 р.

29 марта 1849, Тула.

Милый Брат и Друг Виктор Михайлович,

Доведите, пожалуйста, до сведения добрых людей, какие претерпеваем мы здесь опять бедствия. Ещё до приезда Саши является ко мне квартальный с требованием подписки, что я не выеду из города. Входит с бранью и криком, зачем ему не скоро отворяют, водкою от него так и несёт, – показывает мне список лиц, которым запрещается выезжать из города; вверху написано: *Скопцы*[1], и между этими именами я вижу своё имя. Вслед за тем предлагает мне подписать своё имя на листе под строками, начинающимися так: «Мы, нижеподписавшиеся скопцы и пр.». С трудом я доказываю ему грубую его ошибку и выживаю из квартиры. Но вот вчера является другой квартальный с требованием подписки и, диктуя мне её на особом листе, требует, чтобы я при своём имени написал *скопец*; говорит, что у них об этом есть бумага. Я хотел было писать об этом прямо к Л[еонтию] В[асильевичу], но, подумавши, пишу только к Вам. Посоветуйтесь и, если нужно, войдите, к кому следует, с просьбою по поручению мужа Вашей сестры. Губернатору я не жалуюсь потому, что он сам ничего не знает, а обо всём спрашивает своих чиновников. Когда я просил его о билете для Саши в Петербург, он призадумался и сказал: «надо сделать справку»; потом воротился в кабинет, где у него был правитель канцелярии, и, поговоривши с ним, сделал мне решительный отказ, уверяя, что жена моя также состоит под строжайшим присмотром полиции. Правителем же канцелярии у него тот самый Михайлов, который приходил ночью к нашему бывшему хозяину Жучкину и, вызвав его за ворота, советовал ему выжить нас с квартиры, потому что мы «в большом подозрении». Кроме того, я пробовал раз уже жаловаться, за отсутствием губернатора, вице-губернатору Барановичу в том, что хозяйка вдруг потребовала, чтоб мы очистили квартиру, и просил его заставить злую бабу дать нам для приискания новой квартиры и переезда хотя [бы] срок, определённый законом, т. е. 7 дней, но мне наотрез отвечали, что «стеснять хозяев нельзя», и мы принуждены были перебраться в первый соседний дом к так называемой нами Проклятой Бабе, и потому именно попали из огня в полымя. Настоящее требование полиции глупо и смешно в высшей степени со стороны, но нам, окружённым чужими людьми, без единого приятеля в целом городе, очень, очень стало грустно, и мы вопием через Вас к добрым людям – спасти нас из этого ада!

Обнимаю вас сердечно

П. Кулеш

Кроме того, полиция считает себя вправе присылать к нам грубиянов квартальных без всякого дела днём и ночью, и они без церемонии в гостиной снимают [с] себя шубу и калоши. Жаловаться здесь некому, и мы всё терпим.

Имя Саши я также видел в списке скопцев; я даже не сказал ей об этом; но каково мне сносить такое поругание! Войдите с просьбою. «Часть 1[1]», в которой мы квартируем и в которой находится этот список. Я бы желал, чтоб потребовали этот список так, чтобы они не успели истребить его. Он подписан частным приставом.

P. S. Вот, может быть, причина отчуждению, которое я или, лучше сказать, мы встречали везде в Туле. Не шутка, когда полиция официально трактует нас как членов презреннейшей секты.

Сейчас мы получили отказ на просьбу Саши о переводе меня в Петербург[2]. Что делать? – С сегодняшнею почтою я пишу к Графу и к Л[еонтию] В[асильевичу] опять о том же, но о скопцах не упоминаю. Этот непостижимый казус представляю в ваше распоряжение.

285. До Лєонтія Дубельта

Тула, 30 березня 1849 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Я уверен, что Вам, как и всякому доброму человеку, тяжело было подать нам камень, когда мы просили хлеба; но так, видно, мы заслужили, и бедствия наши тем горестнее для нас, что даже такие люди, как Вы и благодетельный Граф, не в состоянии облегчить их. Мы благодарны, по крайней мере, за возможность вопиять о пощаде. Не оскорбитесь, если наши вопли покажутся пронзительными для Вашего слуха: они свидетельствуют о болезненном состоянии сердец наших. Умоляем Ваше Превосходительство продолжать к нам благосклонность, с которою Вы всегда нам внимали, и в этой надежде решаемся беспокоить Вас ещё раз покорнейшею просьбою представить Его сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову прилагаемое при этом письмо.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулеш

1849, марта 30.
Тула.

На звороті: Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

286. До Алєксєя Орлова

Тула, 30 березня 1849 р.

Ваше Сиятельство Милостивый Государь Граф Алексей Фёдорович!

С приближением светлого для каждого христианина праздника[1] мы ожидали небесной милости, которая прольётся на нас чрез Ва-

ше Сиятельство; но мрачен будет для нас светлый праздник! Нам казалось, что страдания наши достигли наконец своего предела; но, видно, суждено нам горько окончить жизнь в отдалении от родных и друзей, в бедности и презрении! Ещё раз вопием к Вашему Сиятельству о пощаде! Положите на весы правосудия наше сердечное, искреннее раскаяние – неужели оно не будет иметь никакого весу? Чем же другим грешник пред Богом и пред людьми может очиститься? Мы слышим о милосердии Правительства русского беспрестанно – когда же придёт наша очередь? или мы одни недостойны пощады? О, пощадите, пощадите! не дайте нам умереть в этом ужасном положении, до которого мы доведены своими заблуждениями! Жена моя последние деньги, полученные в приданое, истратила на поездку в Петербург, – возвратилась в Тулу, измученная горестью и больная; я тоже едва таскаю ноги от горя и нужды. Мы не в состоянии добывать трудами своих рук даже тот хлеб, каким питается поденщик; мы живём милостынею наших родственников, и пища эта обращается для нас в точащий сердце яд. Мы очень несчастны! мы очень много страдали и страдаем! пощадите нас не по нашим заслугам, но во имя христианского милосердия!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

П. Кулеш

1849, марта 30.
Тула.

На звороті: Его Сиятельству Алексею Фёдоровичу Графу Орлову

287. До Надії Забіли

Тула, 14 квітня 1849 р.

Я уже и не знаю, как писать к Вам, милая сестрица Надежда Михайловна: так давно прервалась наша, и по преимуществу наша, а не ваша, корреспонденция. Считаю нужным уверить только Вас, что молчание моё будет происходить от тех же причин, как и ваше, и предаюсь самой сладостной лени, на лоне которой желаю и вам почивать безмятежно.

П. К.

Ник[олаю] Н[иколаевичу] мой усердный поклон.
Передайте моё почтение всем родным[(а)].

На звороті: Её Высокоблагородию Надежде Михайловне Забила

[(а)] *Дописка Олександри Куліш*: И моё.

288. До Віктора Білозерського

Тула, 20 квітня 1849 р.

20 апр[еля] 1849. Тула. Видно, вам нет возможности писать к нам, прекрасный брат и друг наш Виктор Михайлович: я рад, что теперь не имею причины и предполагать препятствия более неприятные. А может быть, Вы боитесь огорчить нас неблагоприятным известием о нашем деле. Если так, то напрасно. Мы желаем знать что-нибудь вернее, чтобы устроиться здесь на больший или меньший срок. Дней десять или более назад мы испытали от своих хозяев такие неприятности, что должны были переменить квартиру. К ним из Москвы возвратились их прежние жильцы, и этого было достаточно, чтоб загородить сундуком дверь в общую переднюю и заставить нас принимать гостей через кухню и спальню – другого средства выжить нас в их головах не отыскалось. И после этого ещё приходит хозяин прощаться, как ни в чём не бывало! Мы перенесли эту скверность с образованным терпением и поселились в той же *Старой Воронежской улице, против семинарии в доме печника Ивана Егоровича Фомина.* В год 240 р. асс. Здесь покамест нам ещё хорошо. Мы имеем несколько сажень земли для огородных овощей и кой-какие другие удобства. Перед съездом с квартиры нас облило кругом водою, которая чуть не поднялась до самого порога, но на другой день спала, и мы переехали в новое пристанище без дальнейших неприятностей. Здесь мы встаём в 5 часов – погода прекрасная; квартира наша на высоте; у нас в комнатах очень светло, и мы довольно веселы. Мебели в квартире нет, и я собираюсь сам сделать полдюжины стульев, но вот не поймаю на рынке дерева. Мы намерены принять к себе сына бедной вдовы, глухонемого мальчика лет 4^{x}, и просим Вас выслать нам вместе с книгами Клавдия Игнатьевича руководство к обучению их грамоте и азбуку, для них изобретённую. В итальянском языке я сделал порядочные успехи и прошу почтеннейшего Клавдия Игнатьевича к прежде просимым мною книгам присовокупить дешёвого издания итальянских лучших писателей в прозе. На первый раз довольно для меня томиков двух. – Если вам хоть что-нибудь известно о нашем деле, то уведомите нас, чтобы мы могли нанять огород и сделать кой-какие хозяйственные учреждения. Вам посчастливилось на голубей: четыре голубя, и в том числе два белых с чубами, залетели в нашу голубятню и хитростным её устройством навсегда принуждены в ней поселиться. Не прежде отворятся им двери настежь, пока они нанесут яиц – это будет залогом их верности к нашему крову. Рисовать я всё ещё не собрался, только нарисовал для немого солдата – драгуна, который больше занимает Сашу, нежели, может быть, будет занимать истинного своего владельца. У Неручева я был два раза. Он один раз заглянул к нам, не застал дома и вот уже с месяц не показывается. Я, однако ж, на днях видел его, не будучи видим, как он вышел из своей квартиры, нанял извощика и поехал куда-то. Он мне показался странным человеком, но этой странности я от него не ожидал, – хотя, по правде сказать, я доволен, что он отказался

продолжать с нами знакомство: нам не на чем было бы даже посадить его, – у нас только и мебели, что стол да кресла моей работы, да ещё Саша придумала обтянуть остатком зелёного сукна скамейку, сделанную когда-то Семеном для кухни, а теперь окрашенную красным карандашом и важно занявшую своё место против вольтеровских кресел. – От маменьки недавно мы получили письмо, в котором меня порядочно приструнили за Неручева. Я, однако ж, отвечал с кротостью мудрости. Маменька и Помпей Мих[айлович] здоровы. Надя тоже, хотя у неё недавно болели глаза. Мы послали маменьке к имянинам маленькие подарки. – Вася что-то молчит, но скоро ожидаем от него письма. – Именийце моё ещё не продано, но надеюсь, что будет продано. Я уступаю его другу своего детства Чуйкевичу с правом купить его у него за ту же сумму во всякое время – этим только средством можно спасти его от жульничества[1] моих родных. Прочитайте в 5, 6 и 7 №№ «Москвитянина» пакостнейший перевод превосходной повести Диккенса «Духовидец»[2]. Что покажется темно и несообразно, то наврано переводчиком, но при всём том много лучей Диккенсова души проникает в Вашу душу. – Письмо это просим передать Олимпию Михайловичу, если Вам недосуг отвечать на него немедленно, и попросите его написать к нам хотя [бы] кратко обо всём, что нас интересует. – Мы оба здоровы. Предоставляю ещё Саше сказать Вам несколько слов. Будете ли в мае ехать через Тулу?

П. К.

289. Від Пєтра Плетньова

Спаська Миза, 27 травня 1849 р.

27 мая, 1849 года. Спасская Мыза.

. . . . . .

Ни с чем не сравню я утешения, какое доставили мне письмом своим от 14 мая. В нём я встретил всё, чем так давно усиливался наполнить сердце Ваше, потрясённое бурею и долго смущаемое волнами житейского моря. Теперь, сколько я должен судить по всему, заключающемуся в письме Вашем, Вы достигнули благополучной пристани. Да, я не умею вообразить ничего прекраснее этой минуты, в которую благородно-гордое сердце торжественно и решительно скажет всему обманчиво-ласкательному в мире: «Довольно! оставь меня! хочется отдохнуть; я не презираю тебя, но позволь пожить на воле!». Это не уныние, а тем менее отчаяние. Это окончание легкомысленной игры, за которую садишься не по страсти, а из глупого подражания другим, окончание, совершённое во время, когда ещё не проиграл главного – самочувствия, самосознания и тех сокровищ, которые одни существенно составляют благо в жизни: ясности души и уверенности столько же в себе, сколько и в помощи высшей.

Все подробности Вашего нового быта, рассказанные Вами с умиляющею сердце грациею, без жёлчи и чванства, без плаксивости и жалоб, рассказанные исторически, в лучшем смысле этого слова, спокойно, верно и с какою-то сердечною весёлостью, похожею на любовь художника к его произведе-

нию, – все эти подробности рельефно поставили передо мною каждую черту высокой философии Вашей, завета нового, которым так глубоко проникнулась душа Ваша. Сохраните эту недоступность в той теплоте, какою дышало Ваше сердце, когда Вы писали ко мне. Одно только помните, что Вы, оставив людей, не оставлены всеми, и повторяйте сладостные звуки поэта:

« – Есть память обо мне;
Есть в мире сердце, где живу я»[1].

Скажу Вам простою прозою: как скоро обстоятельства потребуют, чтоб Вы обратились к кому-нибудь за пособием для житейских нужд, – то без аллегорий и румян, расскажите мне всё с тою же весёлостью и непринуждённостью, как умели описать в нынешнем письме гомерически-прекрасную жизнь свою.

Успехи Ваши в языках удивительны и отрадны. Они самую важную роль играют в Ваших успехах по части философии практической . . . . . .

П. Плетнёв

290. До Віктора Білозерського

Тула, 20 квітня ... 11 червня 1849 р.

Милый брат и друг Виктор Михайлович,

Пожалуйста, подиктуйте хоть несколько строк Олимпию или кому другому и попросите отправить к нам. Мы совершенно не знаем, что нам делать. 30го марта я писал опять к Орлову и Дуб[ельту][1], но не получил ответа. Писать ли ещё или молчать? С этою почтою посылаю письмо Кочубею[2] и прошу его исходатайствовать перевод мой в Харьков, а если этого нельзя, то позволение поселиться в Черниговской, Киевской или Харьковской губерниях, где мы и купим кусок земли и как-нибудь можем ещё существовать. В Туле при нынешней дороговизне угрожает нам совершенная нищета. Если не согласятся и в Харькове, то в Херсонскую губернию или – но больше некуда. Страшно залезть в глушь, где нет ни лицея, ни университета. А я бы хотел жить подле таких городов, как Харьков, Киев, Одесса. Всё-таки там я не погиб бы нравственно, а вместе с тем скорее нашёл бы случай приискать себе службу или просто сбывал бы в город городные[3] овощи и тем питался бы. – Мы, кажется, писали к вам, что переменили квартиру. Здесь мы платим 240 р. асс., но это единственно за спокойствие. Если б нас не гоняли из каждой квартиры самым бесчестным образом, то мы не подумали б переменить и ту квартиру, где платили 120 р. асс. в год и жили в одной комнатке. На той квартире, откуда мы теперь съехали, нас заставляли быть[4] дураками, чтоб мы не принимали гостей через переднюю, за которую особый договор; зачем судьба велит людям с нашею честностью испытывать такие встречи с людьми бесчестными в высшей степени? Если б по крайней мере хоть родные, т. е. родные по душе, нас не забывали, – это очень грустно страдать, когда все отвратили от нас даже глаза и уши, чтоб не видеть и не слышать. От Васи недавно, впрочем, получили письмо. Он здоров, хотя был болен. Он очень хо-

рошо служит, и Писарев от него в восхищении[5]. А меня тут преследуют не с той, так с другой стороны квартальные. Недавно явился один требовать 90 к. сер. за негербовую бумагу за прошение, поданное мною полтора года тому назад Муравьёву об определении меня на службу. В его бумаге написано, что я определён 9го ноября 1848 года! это, верно, новая пакость здешних моих доброжелателей, чтоб отнять у меня год службы с лишком! Ради Бога, умоляйте Кочубея, в случае крайности, перевести меня в какую бы то ни было губернию, на какую бы то ни было должность, лишь бы не оставаться долее в Туле. Впрочем, мы оба здоровы. Через неделю по возвращении Саши у неё вышел огромный четверти в полтора глист, разорванный в некоторых местах и сплюснутый, и с того времени желудок её совершенно исправен и грудной боли нет. Поблагодарите доктора. Умилосердитесь над нами и пишите хоть чужою рукою, хоть попросите кого-нибудь другого писать вместо Вас. Если любовь только в делах, то как понять ваше упорное молчание при всей уверенности, что мы, ваши друзья, так страдаем, а вы не хотите двинуть пальцем, чтоб облегчить нас!

П. К.

291. До Осипа Бодянського

Тула, 11 червня 1849 р.

11 июня 1849. Тула.

Не знаю, что Вы подумали о моём долгом молчании, почтенный друг Осип Максимович, а может быть, Вы и ничего худого не подумали. Я ж объясню Вам это простыми обстоятельствами житейскими, которые вращали мой ум то сюда, то туда и отвлекали от уведомления Вас о себе. Притом же я ждал какой-нибудь перемены в своей судьбе; но, видя, что все надежды одинаково обманчивы, не полагаюсь уже на те, которые остаются у меня (по благости Провидения, для поддержания душевной бодрости) в запасе, и не откладываю отзыва к Вам.

Ой, хто в лісі – озовися!
Да викрешем огню,
Да покурим люльки –
Не журися!

Итак, уведомляю Вас (будучи уверен, что Вы желаете знать о моих обстоятельствах):

во-первых, о том, что по-прежнему живу без службы и без всяких знакомств;

во-вторых, что испытал новые неприятности от подлости хозяев и на днях переменяю ещё раз квартиру;

в-третьих, что переписки не веду почти ни с кем, отчасти из экономии, а отчасти для того, чтоб не подозревали тут чего-нибудь дурного;

в-четвёртых, что сделал некоторые успехи в итальянском языке;

в-пятых, что в последние недели принялся опять за исторический роман, начатый в прошлом году[1], прерванный для истории[2], потом забытый, наконец сожжённый для того, чтоб не мешал мне выдумать основу иначе, так как я, после истории, не был доволен написанным. Теперь, на место уничтоженного томика, написал новый, которым я доволен больше, и надеюсь окончить к осени совсем своё компонованье. А вы что делаете и каково живётся вам?

Прислать ли Вам «Новые стихотворения Жуковского»[3] или могут ещё лежать у меня до желанного перевода в Петербург?

Посылаю пять рублей серебром и покорнейше прошу Вас положить их в Опекунский совет на имя Марии Ильиничны Боголюбцовой, дочери помещика Черниговской губ[ернии] Борзенского уезда Ильи Фёдоровича Боголюбцова. Это маленькая крестница моей Александры Михайловны. Билет прошу Вас хранить у себя, сообща нам только номер, а при удобном случае Вы нам вручите или передадите.

Как бы нам с Вами решить дело об «Украинских преданиях»? Если Общество, в благодарность за Ваше беспримерное усердие, взвалило на Вас издержки за все книги, не появившиеся ещё в «Чтениях», то уведомите, сколько начтено за «Украинские предания». Я при первой возможности пришлю Вам эти деньги, а предания хоть сожгу, если их впоследствии не позволят выпустить в свет.

Установим писать друг к другу о себе и обо всём, что желаем взаимно сообщить, в известные сроки, не ожидая ответа. Назначьте эти сроки по своим занятиям и обстоятельствам, а я заблаговременно на них соглашаюсь. Писать чаще будет зависеть от охоты каждого, но в срок письмо должно быть отправлено. Это нужно для того, чтоб не терять друг друга из виду в пучине житейского моря. Я не скоро встречусь в этом море с таким плавателем, как вы, и рад бы прикрепить к вам свою лодку канатом.

Александра Михайловна моя шлёт Вам и Вашей сестрице усерднейшие поклоны. Она говорит, что нигде ей не было так затишно, как у Вас. Да и могло ли быть где-нибудь так по-малороссийски, как у Вас?

П. Кулиш

292. Від Станіслава Барановіча

Тула, 11 червня 1849 р.

[...] В предписаниях Г.г. министра внутренних дел и шефа Корпуса жандармов при отправлении Вас на службу в Тулу Вы названы бывшим учителем 5 С. Петербургской гимназии 9 класса. Между тем, по представлению губернского начальства Вы высочайшим приказом, 4 ноября 1848 года состоявшимся, определены в число канцелярских чиновников с наименованием губернским секретарём. По этому случаю для большего разъяснения, почему Вы названы были учителем 9 класса, я с изложением заключавшихся в деле обстоятельств входил в сношение с начальством 5 С. Петербургской гимназии. В последствие чего инспектор её Г. Воронов от 4 июня за № 133 отозвался, что Вы по должности учителя той гимназии считались в IX клас-

се, но имели только чин губернского секретаря; в выданной же в генваре месяце 1847 года копии с формулярного списка названы Вы состоящим в 9 классе по должности старшего учителя, а не как имеющий чин 9 класса. Обо всём этом я нужным считаю дать Вам знать. [...]

293. До Осипа Бодянського

Тула, 26 червня 1849 р.

26 июня, 1849. Тула.

Податель этого письма, туляк, воспитанник Моск[овского] университета, Конкордий Михайлович Иванов. Он знает меня немножко в Туле и может засвидетельствовать, что я жив и здоров.

Это письмо примите за условленное, которое должен я написать к вам 1го числа.

Я очень благодарен Вам за избавление меня от платежа за имеющую в неизвестное время вытти в свет книгу, т. е. за «Украинские предания»; но ещё раз повторяю, если не сведёте концов с концами посредством торговых оборотов, то прямо объявите мне; за своё добро я заплачу во всякое время. Очень приятно мне было узнать, что расчёт с Историческим обществом не нанёс Вам неисправимого денежного вреда. Не забывайте всякой раз упоминать в ответах своих (вы очень ловко загнули мне карлючку з мого хворосту, заставя меня аукать, а себе предоставя откликаться) о движении книжной вашей производительности. Вы чреваты теперь несколькими, может быть, драгоценными и для меня изданиями, о которых я думаю с немалым нетерпением.

До меня трудно дойти каким бы то ни было слухам, потому что я веду жизнь затворническую и не веду ни с кем, кроме Вас, постоянной переписки. Жаль бедных молодых людей, которым теперь труден будет доступ к высшему публичному образованию.

Напрасно вы поторопились прислать обратно 5 руб. Можно б сперва списаться. Я бы нашёл им место и в Москве. На прилагаемые 3 р. сер. потрудитесь купить для меня два из следующих романов Вальтера Скотта в хорошем *немецком* (с подлинника) переводе: 1) «Айвенго», 2) «Квентин Дорвард», 3) «Антикварий», 4) «Гей Меннринг», 5) «Ваверлей»; сверх того, один из этих романов в *итальянском* (с подлинника, а не с французского перевода) переводе. Если ж итальянского перевода не найдёте, то, может быть, есть «Дон Кихот» на итальянском (не с французского) языке. Если ж нет и «Дон Кихота», тогда уже сами изберите какую-нибудь гениально написанную по-итальянски *в прозе* книгу. Все эти книги прошу отправить в квартиру г. Иванова, о которой сейчас осведомитесь. Если что переплатите лишнего, уведомите – сочтёмся после; если же останутся у Вас деньги, вручите, т. е. доставьте их с книгами к г. Иванову, на уплату за пересылку в Тулу, что, я уверен, он охотно для меня сделает, как человек немножко мне обязанный за мужа своей сестры, которому я

сочинял просительные письма, доставившие ему место в Москве. Вот Вам и объяснение, каким образом сошёлся я с г. Ивановым.

Вчера проезжал через Тулу сенатор А. В. Кочубей, всегдашний покровитель Белозерских. Он подал мне надежду со временем получить место в Москве при Капнисте. Это сделалось бы скоро, если б не какая-то глупая история в Петербурге, обеспокоившая правительство[1]. Итак, есть надежда, что осенью и мы будем жителями московскими. Одна мысль, что я могу вас тогда, когда вздумается, видеть и слышать, делает меня весёлым.

Мы в новой квартире нашли некоторое спокойствие. Люди здесь заезжие и потому как-то добрее к нам, а туляки до сих пор худо рекомендовали себя перед нами. Я, однако ж, несколько дней перед, во время и после переезда в новую квартиру убил задаром и теперь ещё не совсем оправился в своих занятиях.

Прилагаемую при сем брошку прошу передать Вашей сестрице на память от Александры Михайловны, которая желает хоть вполовину так часто приходить ей на мысль, как она приходит на мысль Александре Михайловне. Нельзя ли сделать из этой вещицы по будням повседневного употребления, например, для закалыванья платка и т. п.? Таково желание А[лександры] М[ихайлов]ны. Обнимаю Вас

П. Кулиш

Что за песни издал М. Максимович в Киеве?[2] Много ли? Важные ли?

294. До Осипа Бодянського

Тула, бл. 26 червня 1849 р.

Книжка ця нехай буде у тебе, любий мій друже Осипе Максимовичу, щоб часом не згинув у мене і чистий противень її, як трапиться пожежа абощо. Вона, може, довго ще не надрукується; так жаль такої праці, як пропаде, мов порошина здула. Седячи отутечки, я її виправив, скоротив, де треба, переписав собі гарненько, а цей противень нехай буде в тебе хоч і довіку.

П. Куліш

295. До Осипа Бодянського

Тула, 27 липня 1849 р.

27 июля, 1849. Тула.

Благодарю Вас, мой добрый и почтенный друг Осип Максимович, за итальянские книги. Оне выбраны прекрасно. Сильвио Пеллико, которого я уже прочитал, наполнил мою душу знакомыми и незнакомыми, но понятными для меня чувствами[1]. Это одно из красноречивейших произведений, какие мне когда-либо случалось читать. Я заставил свою Александру Михайловну писать на бумаге уроки, которые даю ей каж-

дый день из этой книги; я выправляю её перевод, и через несколько времени составится таким образом целая книжка. Потрудитесь уведомить меня, не переведены ли «Le mie Prigioni» на русский язык[2] и не будет ли эта книга противна желаниям русской цензуры? По мне, так это христианнейшая книга, которую, кажется, должно бы одобрять всякое правительство, но у всякого свой ум и толк. Вы назвали эту книгу «Темничным сиденьем Сильвио Пеллико»; как вы думаете? не назвать ли так наш перевод? или должно сохранить подлинное заглавие: «Мои темницы, воспоминание Сильвио Пеллико Саллюсского»? Я намерен эту книжку напечатать под именем переводчицы, потому, во-первых, что для меня нужно просить разрешения, а во-вторых, что как-то оно не тово для моей литературной репутации – съехать с оригинальных сочинений на переводы. От меня ждут чего-то больше. – Роман мой[3] достиг до 7^{ми} глав, но [я] остановился в раздумьи, не отбросить ли ему двух последних глав и не повести ли повесть иначе. Не знаю, чем ещё решу. И тут не разминулся я с запорожцами: да оно и хорошо – показать их миру Божому в разные периоды их бытия. Как бы мои литературные труды оживились, если б я жил у вас под боком! а тут советуйся со стенами!

В отношении здоровья и расположения духа мы благоденствуем. Живём в конце города и ходим гулять каждый вечер в поле. Невдалеке от города, на низменном холме, окружённом ровчаками, виднеется приятно церковка с деревьями и хатками сбоку; подле церковки кладбище с сельскими непышными крестами; за нею и вокруг поля и леса. Туда мы чаще всего ходим. Однажды вечером залаяла на нас собака церковного сторожа. Выходит из хатыни старик и, прогоняя её, говорит: «А сюды, бесурмен!». Это восклицание заставило нас остановиться. Старик этот Воронежской губернии малороссиянин, выслуживший в солдатах 27 лет. Жинка – московка, перетащила его из Малороссии в Тулу, но ему здесь плохо живётся: он с грустным восторгом вспоминает о том, что в Малороссии можно за шаг купить кавун, и сбирается с деньгами, чтоб купить себе коняку и переехать на родину. Он шьёт башмаки; мы поощрили его ремесло, купивши у него пару башмаков, хотя они и не отличаются изяществом. Зато, говорит, год носытымете, чему от души верим. – С нами познакомились две бедные девушки, из которых одна даёт уроки А[лександре] М[ихайловн]е на фортепьяно, а другая – обоим нам – в разговорном французском языке. Теперь мы каждый день имеем у себя кого-нибудь за чаем и гуляем не одни. Хозяева наши очень к нам усердны. Словом, нам пошло как-то веселее жить в Туле. Вчера мы праздновали день моих имянин, чтоб не нарушать скоромом сегодняшней середы. Играли на фортепьяно, пили, танцевали, смотрели в окно на прекрасный месяц, который, поднявшись над тёмною глубиною полей, обнаружил в ней своим отражением струю воды и заставил наше воображение чертить в том месте прелестный, полный таинственности пейзаж.

Обнимаем Вас обоих от души

П. К.

296. До Лєонтія Дубельта

Тула, 29 липня 1849 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич,

Находясь на службе в Киеве, я напечатал в тамошней университетской типографии две книги моего сочинения[1]. Я был тогда, как и теперь, беден и не имел чем заплатить за бумагу и печать. Один из начальников Киевского учебного округа[2], поощряя мои труды, поручился за меня типографии с тем, что я уплачу долг свой посредством продажи печатных экземпляров. И действительно, большую половину суммы успел я внести в типографию; но, когда постигло меня несчастье, прекратившее доходы от продажи моих книг и лишившее меня места по службе, я вот в течение двух с лишком лет не уменьшил своего долга Киевской университетской типографии ни одним рублём. Я, однако ж, поддерживал себя надеждою, что, получа по милости начальства место по службе, я буду в состоянии уплачивать по частям долг свой. Но моя постоянная грудная болезнь и великая редкость вакансий в таком городке, как Тула, были причиною, что до сих пор я служу без жалованья и, прожив всё приданое моей жены, доведён до горькой необходимости питаться милостынею её родных. В такую несчастную годину я вдруг получаю через полицию требование уплатить Киевской университетской типографии 437 рублей 81 копейку серебром. Это событие, как Ваше Превосходительство можете себе представить, сразило меня. Я чувствую, что единственное моё спасение в отеческой милости Правительства, почему и прошу покорнейше Ваше Превосходительство, представя положение дел моих Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову, передать ему мою покорнейшую просьбу – принять во мне участие, какое внушит Ему добродетельное Его сердце.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1849, июля 29. Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

297. До Івана Славніцького

Тула, 5 серпня 1849 р.

Милостивый Государь,

Мне очень приятно, что Вы наугад или по чему бы то ни было считаете меня человеком, готовым оказать ближнему услугу. Отчасти Вы не ошибаетесь; но, как человек прямой, я должен Вас предупредить, что не на всякую услугу станет у меня великодушия. Я занят своими делами очень сильно, и притом с такою (положим, и ошибочною) мыслью, что этим самим исполняю и обязанности любви к ближнему. Вы

почтили меня названием «учёного», следовательно, должны предполагать в моём уме цель, к которой я стремлюсь по возможности всеми своими силами. Итак, Вы можете и даже имеете право ожидать от меня совета (и, может быть, немного более того), если Вы нуждаетесь в нём для какого-нибудь сочинения или для облегчения Ваших трудов в изучении какой-нибудь хорошо известной мне отрасли знаний. Вы видите, что я высказываюсь Вам просто и откровенно, и если эта записка не переменит Вашего намерения лично со мною побеседовать, то не угодно ли Вам пожаловать завтра ко мне в 10 ч. утра? Может быть, я буду дома один, а если и не один, то Вас будут слушать настоящие уши, какие когда-либо природа помещала на женской голове: это значит не что иное, как то, что Ваши, положим, юношеские идеи не покажутся им ни непонятными, ни странными.

Ваш покорнейший слуга

П. К.

1849, авг[уста] 5.

298. До Івана Славніцького

Тула, 16 серпня 1849 р.

Милостивый Государь Иван Петрович,

Очень Вам благодарен за «Одиссею»[1]. Срок для чтения Шатобриана[2] продолжаю до второго воскресенья. Книга эта кончается вторым томом. Посетя меня утром в первое воскресенье, Вы мне расскажете, где живёт Ваша больная, и я охотно заменю для неё Вас на время Вашего отсутствия.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорн[ейшим] слуг[ою]

П. К.

1849, авг[уста] 16.

299. До Осипа Бодянського

Тула, 1 вересня 1849 р.

1 сентября, 1849. Тула.

Благодарю Вас, Осип Максимович, за уведомление о Сильвио Пеллико[1]. Целая треть его «Темничного сиденья» у нас переведена[2], но, по получении Вашего письма, дело отложено впредь до рассмотрения. Покоривши себе достаточно итальянский язык, я главную часть своих усилий обратил теперь на немецкий, который так меня проучил, что теперь не оставлю его до тех пор, пока он не признает меня своим обладателем.

Мир мой с туляками нарушен самыми возмутительными для души моей подлостями с их стороны. Не стоит описывать этих гадостей Вам подробно; довольно того, что ещё раз беру пенатов[3] и переселяюсь в новое жилище. Я несколько приучил себя прощать людям их злодейства,

но не могу, прощая, не страдать чувством обиды. Вид безнравственности заставляет во мне всю кровь болезненно волноваться. Я, однако ж, перенёс уже самую бурю и теперь очень спокойно обдумываю переселение, долженствующее совершиться, может быть, и завтра. На всякий случай знайте, что новая моя квартира будет в переулке, идущем с Старой Дворянской улицы к «конюшням», в маленьком двухэтажном, по правую руку стоящем, трёхоконном домике Горбунова.

На днях с необыкновенным удовольствием читал я «Историю завоевания Перу» Прескотта, по переводу «От[ечественных] зап[исок]»[4]. Это великое, художественное произведение. Я удивлялся историку на каждом шагу.

Мы приобрели хороших знакомых в семействе некоего Гусева[5], приехавшего сюда недавно из Петербурга на службу. Об этом стоит Вам сказать, потому что в этом семействе, к моей отраде, я нахожу твёрдые основания высокой нравственности, которая больше всего проявляется в воспитании детей. Нас, кажется, там очень полюбили.

Мы по-прежнему здоровы. Как ни пошла эта фраза, но я считаю долгом поместить её в дружеском письме и сам того же ожидаю от друзей своих.

В этом месяце мы вели себя хорошо, но как посмотришь, то как будто ничего и не сделано. Впрочем, мы собою достаточно довольны, а это главное.

Домашний круг наш увеличился приобретением учёного кота (служить умеет), который наименован мною Пизарро, и цуцыка, наименованного *Инкою* в память «Истории завоевания Перу». Цуцык, впрочем, не обещает великих радостей, и моя «люба хить»[6] усердно просит Вашу добрейшую сестрицу образовать для неё юного потомка Ваших псов так, чтоб понимал, когда скажут ему, что пора гулять. Обнимаю Вас, и жинка моя Вам и Вашей сестрице[7] низенько кланяется

П. К.

300. До Віктора Білозерського

Тула, 1 жовтня 1849 р.

1 окт[ября] 1849. И[ван] А[ндреевич] пишет к своему родственнику[1], что теперь благоприятное время для просьбы; но о чём просить? Да и Кочубей что-нибудь сделает же. Мы написали к нему в Малороссию письмо, которого он не получил; неужели ему не пришлют в Петербург, если оно получится по его выезде оттуда? Если надо просить нам гр. Орлова, то уведомите и дайте наставление как. Я, право, не знаю, о чём просить. Я уже перепробовал всё, и ничего не хотят для меня сделать, так не лучше ли дать покой себе и другим и довольствоваться тем, чего меня не лишили. При том же не знаю, буду ли я счастливее с переменою своего положения. Я так вошёл в свою колею, что мне тяжело и подумать о другой. Впрочем, какую бы мне не дали службу, если только она доставит мне средства жить, я её приму с благодарностью.

Но если и ничего не дадут, то не стану ни на кого жаловаться – мне хорошо и так на свете. Жаль бедной Саши, но всё-таки грех жаловаться на тоску, когда я очень редко даже припоминаю, где я и в каком положении. С утра до вечера я всегда занят самым приятным образом и желаю одного – чтоб заниматься так вечно. Конечно, и служба может питать мою душу, но не всякая; а эти удовольствия зависят единственно от меня самого. Когда б только книг. Эх, канальство! вот почему хочется в Петербург, в Москву, в Харьков, в Дерпт, в Одессу и во всякий другой город, где есть университет. А то мне и горя мало. Целую Вас

П. К.

Картину, написанную мною масляными красками в прошлом году, я вчера послал вместе с разными разностями маменьке, с тем чтоб эта картина обратилась в Вашу собственность, когда Вы приедете в Малороссию[2]. Не здывуйте, що погана. В Петербурге я бы [не] послал её Вам, «а для хохлов бряде и така», как говорит москаль у Основьяненка[3].

301. До Осипа Бодянського

Тула, 1 жовтня 1849 р.

1 окт[ября] 1849. Тула.

Нет, лучше и не рассказывайте о проделках «старого грешника»[1]; довольно и того, что представило мне моё воображение. Нам остаётся одно наслаждение добродетелью во глубине души своей, предоставя людям наслаждаться их пакостями. Давайте укреплять свои души в терпении, в незлобии и в бескорыстном стремлении ко всякому нравственному благу. Благодаря Бога, нам отведено судьбою поприще нежалкое: учась и уча других, мы можем посмеиваться всякой суете мирской. «Блаженство наша цель...»[2]

Надеюсь, что Вы успокоились уже от потрясения душевного, причинённого Вам людскими пакостями и совершенно для меня понятного. Всего приятнее для меня слышать, что Вы спокойны, но, если Вас сколько-нибудь облегчает рассказ о неизбежных в жизни горестях, Вы найдёте во мне человека, как нельзя больше Вам сочувствующего. Что же касается до меня, то я очень спокоен и доволен собою и людьми, как они ни глупы и ни мерзки бывают. Какой-то небесный мир посетил мою душу, так что я перестал даже желать с прежнею живостью освобождения своего из Тулы. Жаль только жинки, которая при сем удобном случае Вам кланяется низенько, а Вашу сестрицу от души обнимает. Итак, у нас всё по-прежнему, мы совершенно здоровы и живём себе в своём уединении припевая. Наши новые знакомые, о которых я писал к Вам, люди прекрасные, неча молвить, да не совсем то, чего нашему брату надобно. У них нет ни толпы, ни суетливости, ни пересудов; всё у них просто и мило; но как-то скучновато, потому что мало между нами общего. Не знаю, как оно выйдет на деле, а мне кажется, что я с Вами был бы совершенно уконтентован, и Вы бы мне заменили всякие бе-

седы в гостях. Но я очень доволен Гусевыми, каковы они есть, и радуюсь этой находке. О занятиях своих нечего сообщить Вам особенного; довольно того, что они идут ровным шагом, що наши волики в ярмі. Не втерпів таки, щоб не пробовкнуть по-своёму! «Ничего, ничего – молчание!», как говорит Гоголев сумасшедший в своих записках[5].

Обнимаю Вас П. К.

302. До Надії Забіли

Тула, 18 жовтня 1849 р.

Окт[ября] 18. 1849. Тула.

Милая, добрейшая сестрица Надежда Михайловна,

Куда ни обратишься, везде слышится в письмах печальный и почти плачевный тон; один я весел, как кот на лежанке; мало того, что я весел – я счастлив. Этому многие не верят, но мне от того не хуже. Я бы желал наэлектризовать своим характером Сашу, но нет – она решительно неспособна к счастью. Она иногда так тоскует о Вас, о маменьке и ещё о десяти человеках, что от [того] на душе у меня сделается кисло. Кажется, кому бы больше моего терзаться, упавши с неба в ад, но я изо всех сил доказываю, что я не родня Аббадоне. И чего тосковать, Господи Боже мой! очи есть, руки и ноги есть, язык есть; а если б и всё это оттялось, то разве мало человеку утешения думать и чувствовать? Люди самым смешным образом забывают о внутренних ресурсах к счастью и ищут их вне – в лицах или в предметах, отделённых от них огромным расстоянием. Прекрасное счастье, если для него надо судьбе броситься по всем углам мира, схватить за ворот двадцать человек и тащить к обожающему их предмету! Да судьба вышла бы наконец из терпения, хоть бы оно было у неё ангельское, если б должна была каждое чадо Адама убаюкивать такими цацками. Нет, тосковать – просто нелепо, и во мне тоскующий человек возбуждает скуку и смех, а вовсе не участие. Для счастья каждому даны средства. Кто виноват, если мы не употребляем их в дело? Но к чему я распространился о таком предмете? Это просто бесполезно. Итак, пожимаю Вашу и Н[иколая] Н[иколаевича] руку и до свиданья. П. К.

303. До Осипа Бодянського

Тула, 1 листопада 1849 р.

1 ноября, 1849. Тула.

Ну, слава Богу! может быть, перемена попечителя и министра повлечёт за собой перемену и Вашего положения в Москве[1]. Не забудьте уведомить, если что-нибудь хорошее или хоть и нехорошее с Вами случилось. Не подтвердились ли слухи об оных переменах?

Я же получил место помощника редактора губернских ведомостей с 600 р. асс. жалованья[2]. Пожывывсь як собака мухою! но я доволен

этим местом в том отношении, что мне остаётся только брать жалованье и ничего не делать. Оно, пожалуй, не честно, но я не прочь и от дела, если бы понадобилось написать что-нибудь для этой важной газеты. А жалованье лучше взять мне, нежели какому-нибудь взяточнику.

Подают нам из Петербурга сильную надежду на перевод в Москву[3], только не верится, чтоб я мог видеть Вас каждый день: это было бы слишком уже хорошо! Если получу верное известие, то уведомлю Вас не в урочное время. А до тех пор живите себе в мире, здравии и благоденствии. У нас всё по-старому, и мы совершенно здоровы. Я думаю, М. А. Максимович уже был у Вас и рассказал о нашем быте и о прочем. Каково Вы с ним сошлись? приятно или неприятно Вам с ним беседовать? – Что делает Гоголь? – Один человек просил меня осведомиться о цене книги: «Enchiridion Medicum, или Руководство к медицыне». Сочинение Гуфеланда[4]. Москва 1845.

Обнимаю Вас П. К.

304. До Лєонтія Дубельта

Тула, 2 листопада 1849 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич,

Позвольте беспокоить Вас покорнейшею просьбою – передать Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову мою глубочайшую благодарность за великодушное участие Его в судьбе моей. Г. тульский военный губернатор предложил мне должность помощника редактора «Губернских ведомостей» с 600 руб. ассигнациями годового жалованья[1]. Я принял её с благодарностью и вполне соглашаюсь с словами моего начальника, что в Туле нет для меня возможности занять место, приносящее более жалованья, потому что здесь только те места соединены с жалованьем выше 1000 р. асс., которые для меня вовсе недоступны. Но возможно ли мне, человеку семейному и больному, существовать шестью стами рубл. ассигнациями в год? и ещё после того, как я, не получая третий год уже жалованья, дошёл до крайней бедности и нуждаюсь в самой необходимой одежде? Поэтому умоляю Ваше Превосходительство представить Его Сиятельству жалкие мои обстоятельства вместе с моею покорнейшею просьбою – перевести меня на службу, если не в С. Петербург, то по крайней мере в Москву, где бы я мог найти себе место, сколько-нибудь обеспечивающее моё существование.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1849, ноября 2.
Тула.

305. До Віктора Білозерського

Тула, 19 жовтня ... початок листопада 1849 року

Губернатор предложил мне место помощника редактора губернских ведомостей с *600 р. асс.* жалованья в год[1]. Я согласился и на это, потому что лучшего нечего надеяться. – Мы живём очень хорошо внутри, а извне хозяева осаждают нас необыкновенно, и моё единственное спасение от этих бесчестных людей, видно, в покупке дома. Недавно я отправил к Ишимовой статью под заглавием «Ольга Ивановна». Под статьею подписано *Александра К.*[2] Узнайте, имеет ли право Саша печатать свои сочинения и переводы с иностранных языков. Ишимовой известно, что это написал я по рассказу Саши, а переведённую с итальянского учебника пьеску[3] я выдал Ишимовой за труд Саши в надежде, что Саша скоро переведёт и сама с итальянского, который бросила на первом уроке. Зато она усовершенствовалась, – хотя, правда, очень немного, если судить по времени, – во французском языке. А больше не делает ничего и всё своё время тратит на проповеди Варке и на дрянное наше хозяйство, которое и без того было бы равно дрянное. Мы, правда, много читаем вместе, но это не труд, а удовольствие. Обнимаем Вас

П. К.

Какая мерзкая твоя сестра! Нет, она вовсе не мерзкая, только многое принимает не в том смысле, как оно сказано. Рассердилась за моё желание ей лучшего употребления времени и презрить к мелочам. Недавно мы послали, между прочим, пейзаж маменьке, написанный мною в Туле масляными красками[4]. Этот памятник моего неуменья взяться за краски принадлежит Вам, и Вы будете введены во владение им по приезде Вашем в Мотроновку, чего Маменька несомненно надеется и откладывает до этого события приезд к нам в Тулу. Его такому-то Виктору Михайловичу Белозерскому.

306. До Осипа Бодянського

Тула, 1 грудня 1849 р.

1 декабря, 1849. Тула.

От, братику, лихо, що вже й на листи уворвалась нашому брату нитка. Сюди хіп, туди хіп, аж у кишені бряжчить не дуже-то. Е, пек його матері! так лучче ж нехай та гривняка піде на сіль, ніж на те, щоб сповістити якого козарлюгу, що от знай, що мині весело або скушно. Коли козак-друзяка, то не забуде він побратима й без листів, а ледачого й ланцюгом до себе не прикуєш. От із цій-то, братику, рахуби годі вже я листоватись до тебе щомісяця, а коли не лучиться нечого особливого, то вже одбереш од мене лист аж у три місяці раз. От до чого довели злидні козака! Ти ж, братику, не мізкуй собі, що це я або сумую, або увесь світ із нудьги остив мині, – е, борони Боже! І вчора Куліш, і

сьогодні Куліш. Не перестане він кохати довіку, кого укохав раз щирим серцем, і хоч би років двадцять не бачився й не листовавсь із тобою, то й на волосинку не зменшить він своєї до тебе прихилности. Прощай же, братику рідний; на три місяці. Коли ж трапиться тобі або кватеру перемінити, або з Москви куди з'їхати, то, будьласко, сповісти мене, щоб я знав, де ти в Господа обертаєшся. Те ж саме чинитиму й я. Тепер же я й моя жінка живемо, як Біг нам повелів, от у сій нависній Тулі, учимось дечого потрошку, седючи дома, та й не про що не дбаємо. Добре й такечки жити на світі. За все про все дякуємо Господеві милосердному! Вам же обом низенько кланяємось.

П. К.

307. До Пєтра Плєтньова

Тула, 1 грудня 1849 р.

1 декабря, 1849. Тула.

Достойнейший друг наш, Пётр Александрович,

Мы здоровы по-прежнему, заняты по-прежнему, спокойны по-прежнему, любим своих друзей по-прежнему, прощаем своих врагов по-прежнему. Жизнь наша, видно, приближается уже к совершенству, потому что никакие внешние события не нарушают её законов. Если и впредь они не изменятся, то радуйтесь, не получая от нас в 1[е] число месяца писем. На письма у нас выходит в год не менее 100 р. асс. Мы решились уменьшить этот расход и писать к своим друзьям только по особенной надобности, а если она не встретится, то в три месяца раз. Вы должны одобрить эту меру, надеемся. Вашим дамам[1] посылаем усерднейшие поклоны.

П. К.

308. До Віктора Білозерського

Тула, друга половина жовтня ... грудень 1849 року

Милый Брат Виктор,

Чого ж оце ви мовчите? чи вам заціпило, чи що? А ми з жінкою їмо собі вареники та думаєм: «Нехай там воно як хоче собі в світі робиться, аби ж нас не займали». І далебі так, що добре нам жити на світі; хоч і москалі кругом, та носа ще, слава Богу, не скусили; дак чого ж сумовати дурно?

П. К.

1850

309. До Осипа Бодянського

Тула, 7 січня 1850 р.

1850, января 7. Тула.

Нужно ли уверять Вас, что я от всей души разделил Вашу радость?[1] Я, впрочем, долго на себя досадовал, отчего я не радуюсь возвращению Вашему на кафедру так, как радуюсь счастливому какому-нибудь событию в собственном уголке, но теперь вижу, что радость эта растянута в тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною нитью будет тягнуться через множество лет. Всякой раз, как о Вас вспомню, я чувствую эту проволоку в душе своей и счастлив столько, сколько может быть счастлив человек, который от радости не скаче, а от беды не плаче. Таков я, по крайней мере с некоторого времени таков. Ну, спасы ж Вам Боже й поможы! А наше дело пошло опять в такую проволочку, что я заблагорассудил основаться здесь домиком, во избежание тысячи квартирных неприятностей, и если найду, то куплю непременно. – Мы, слава Богу, здоровы. По мере сил трудимся. Недавно приехал к нам брат Александры Мих[айловны], оставивший кадетский корпус по неприятным отношениям, в которые он, как мальчик вовсе невоспитанный, поставил себя к начальству[2]. Теперь он попробует готовиться к экзамену в Медико-хирургическую академию. Он был в Москве и не заехал к вам потому, что ему сказали, будто Вы в Казани. Он рассыпал свои дорожные деньги и занял 3 р. сер. у родственника своего, которому потрудитесь отправить 3 р. сер. при моей записке, а брат наш, Василий, получивший уже разрешение ехать из Петрозаводска для свидания с родными, возвратит Вам. Я уведомлю его об этом, а вы, с своей стороны, – на всякий случай, – покажите ему это письмо, и он Вам тотчас возвратит 3 р. сер. Не посылаю по почте во избежание беспокойств отправки. Василий будет ехать через Москву не позже, как через месяц. Родственник же оный живёт у Иоанна Предтечи, у Иоловского мосту, в церковном доме, а зовут его Фёдор Артамонович Сорокин; ремеслом же он костоправ. Старик. Бувайте здоровеньки та і нас не забувайте, а ми обоє низенько Вам кланяємось

Ваш Панько К.

310. Від Василя Білозерського

Петрозаводськ, 14 січня 1850 р.

14 января 1850. П[е]тр[о]з[а]в[о]дск.

Поздравляю вас, бесценные друзья мои, с Новым Годом, и желаю от всей души, чтоб он, хоть с февраля м[еся]ца, начался свиданием со мною. Вероятно, это свидание будет радостно хоть вполовину того, что я буду чувствовать, когда обниму вас, мои милые. Я не знаю, как бы я скучал, если бы занятия, требующие 10-часового труда в сутки, не мешали мне предаваться чувствам сердца. Я убедился на собственном опыте, что труд, по замечанию Санда, лучшее лекарство от печали. Но зато как тяжело на досуге вспоминать о вас и чувствовать себя прикованным к П[е]тр[о]з[а]в[о]дску для таких впечатлений, от которых душа отвращается с мучительною тоскою. Вы не можете себе и представить, что такое для чувствительного человека следствие по уголовному делу!

Жалко мне тебя, друг мой прекрасный, Саша! И стук колёс, и визжание саней – всё обманывает твоё ожидание. Я здесь и здесь, на дальнем Севере, и ни на шаг не подвигаюсь к югу. Но через две недели буду знать наверное, скоро ли мне доведётся отогреть свою душу у твоего тёплого сердечка. Боже, Боже, Боже! – Кто это так восклицал во былое время?

Комиссии ваши постараюсь исполнить в точности и по возможности. В П[е]т[е]рбурге буду умолять достопочтеннейшего генерала Дубельта оказать вам свою милость, перевести вас в Москву или дать лучшую должность. Его превосходному сердцу, которое обнаруживает себя беспрестанно в отношении не одних нас, будет доступна просьба человека любящего и преданного ему искренно.

Напрасно вы думаете, что я к вам приеду на несколько часов, – напротив: я настоящим опытом убедился, что на будущее нечего слишком рассчитывать, и потому воспользуюсь первою представл[яю]щеюся возможностью пробыть с вами подольше[(a)]. Да, я повторяю: я готов разделить с вами вашу участь, какова бы она ни была, и «женитьба не разрушит этой фантазии». Откуда вы взяли, что женитьба у меня на носу? А мне кажется, она ещё за далёкими горами, за калиновым мостом.

Появлению на свет Вариньки я не могу радоваться по тем же причинам, как и Надиньки. Дай Бог, чтоб она была добра, умна, одним словом, – похожа на Сашу К[улеш], и чтоб об ней (о Варе) нельзя было сказать: «Вміла мати чорни коси дати, Да не дала долі»[1].

К Новому Году не написал ко мне никто из людей милых. Ваше письмо от 21 дек[абря] я получил недавно от Виктора. Он ко мне пишет много – только не о себе. О нём я знаю из постороннего источника. Ах, как мне необходимо быть у него, обнять, приголубить его! Я писал к нему недавно и много. Он же прислал ко мне и прекрасное письмо и от Григ[ория] Тим[офеевича][2], который вспоминает о вас с любовью, – также письмо Олимпия, но о Маме. У этого братца должна быть предобрая душа. Коля должен быть уже с вами. Дай Бог ему успеха во всём хорошем и благородно полезном. Увижу его с большим удовольствием. Теперь обнимаю заочно и целую от всего сердца.

[(a)] Нет, Маменька, мы немедленно отправим его к Вам! (*Прим. П. Куліша*).

Новый и 26[й] год своего существования на земном шаре я встретил у Александры Ал[ександровны], сестры Натальи Александровны[3]. Она (Ал[ександра] Ал[ександровна]) приехала сюда недавно с мужем, за которого выш[л]а месяца три. Он лесной офицер и, к сожалению, её не стоит. Ал[ександра] Ал[ександровна] добрейшее и умное существо, и любит меня вдобавок. Она за несколько дней взяла с меня слово встретить новый год вместе и была в восторге, когда я явился к 12 часам 31 дек[абря]. И так я встретил день своего рождения довольно приятно, но не так, как надеялся встретить.

От Николая Д[аниловича] я получил ответ и на второе письмо. Вот какие успехи он оказывает! Маменька что-то не пишет. Надя тоже – молчит, молчит, как – досадно! стыдно!

Пишу к вам в комиссии, которую составляю с другими. Времени очень мало; не читаю почти ничего три целые недели. Боже, унеси меня отсюда скорее и приведи увидеть любимых людей. Обнимаю вас, друзья мои

Весь ваш В. Белоз[ерский]

Николай Ив. Кост[омаров] очень тебя любит и жалеет, что вы не в переписке.

311. До Осипа Бодянського

Тула, 28 січня 1850 р.

Янв[аря] 28, 1850. Тула.

Мне понадобилась для ех-кадета[1] «Всеобщ[ая] история Лоренца»[2]. Здесь за 5 томов просят 12 р. сер. Если Вами не неудобно купить и выслать её и если она с пересылкою будет стоить дешевле тульского рублём сер. или больше, то потрудитесь купить и выслать. После чего немедленно получите от меня деньги. Если же Вам не до комиссии или игра не будет стоить свеч, то потрудитесь уведомить меня. Я куплю здесь. (NB. Не забудьте купить 2го издания: я думаю, оно исправнее первого).

Граф О[рлов] просил в Петерб[урге] здешнего губ[ернского] предводителя двор[янства][3] похлопотать в Туле о прибавке мне жалованья. Не знаю, скоро ли это сделается и в какой мере. Во всяком случае, приятно, что хоть в столице не считают меня человеком, не стоющим насущного хлеба.

Пишу два романа[4] и оба довёл до половины да й загруз. Продолжаю сражаться со всяческою немещиною, чтоб со временем обеспечить своё существование хоть переводами с иностранных языков. А покамест испытываю в этом труде много приятного.

Живу припевая, ударивши лихом об землю. Жинка моя Вам и Вашей сестрице низенько кланяется.

Брат наш Василий всё ещё не может вырваться из Петрозаводска.

П. К.

Потрудитесь передать М. А. Максимовичу прилагаемую записку[4], и если вышлете Лоренца и те книжки, которые он, чаятельно,

Вам вручит, то напишите карандашиком на обёртке одной из книг, – но нет, я по весу, означенному почтою, узнаю, сколько возвратить Вам за пересылку.

312. До Михайла Максимовича

Тула, 28 січня 1850 р.

28 янв[аря] 1850. Тула.

Добрыдень, Михайло Александрович!

Осип Максимович будет высылать мне некоторые книги: не благоугодно ли будет Вам вручить ему при этом случае что-нибудь из Ваших новых сочинений и изданий? Особенно порадовали бы Вы меня песнями[1].

Мы з жинкою здоровы и веселы, чего и Вам, само собою разумеется, желаем.

Оба мои романа[2] значительно подвинулись вперёд, и один Аллах знает, который из них кончится первый.

От всей души Ваш П. К.

313. До Осипа Бодянського

Тула, 15 лютого 1850 р.

1850, февр[аля] 15. Тула.

Ах, Осип Максимович! стоило ли Вам хлопотать для таких результатов? Как это Вы, обстоятельнейший из смертных, не поняли, чего я хочу? Мне хотелось выгадать рубляку сер., а выходит, что я ещё сверх должен приложить. Смотрите: за 5 томов в Туле просили у меня 12 р. сер.

Вы прислали 4 тома за	9 р.	
На пересылку их издержано		50 к.
Я за объявление заплатил		6
За письмо к Вам с вопросом		10
За письмо с деньгами		23
Вы заплатите за объявление		6
Да за простое письмо заплатили		3
Итого	9 р.	98 к.
Да за 3[й] том	2	50
Итого	12 р.	48 к.

Всё-таки я благодарен Вам за высылку мне Лоренца, как за доказательства Вашего усердия.

Я же кончаю один роман на днях. Он из современной русско-малороссийской жизни, а заглавие: «Пётр Иванович Березин и его семейство, или Люди, решившиеся, во что б ни стало, быть счастливыми»[1]. Как-то Господь поможет ему пройти чрез цензурное мытарство. Могут извратить мою идею на какой угодно лад.

3 р. сер. лишних посылаю для костоправа, о чём я к Вам писал месяца полтора назад[2]. Брат наш Василий всё ещё не выехал из Петрозаводска.

Мы живы и здоровы. О прибавке мне жалованья замолчали, в чаянии, вероятно, моего поклона; но смешно было бы мне просить о том, что им приказано из столицы. Я себе сижу да жду.

Обнимаю Вас щиро.

Подружжє моє Вам и Вашей сестрице усердно кланяется.

П. К.

314. До Лєонтія Дубельта

Тула, 25 лютого 1850 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич,

Когда я был отправлен на службу в Тулу, жена моя просила позволения ехать со мною, и это позволение было ей милостиво дано; но, когда ей встретилась надобность побывать в Петербурге, Г. тульский военный губернатор объявил мне, что и она, так как я, состоит под строжайшим присмотром полиции, почему и не может оставить Тулы без разрешения Высшего Начальства. Разрешение это, по её просьбе, было получено, и когда она, прибыв в столицу, объявила лично Вашему Превосходительству о непонятном для неё распоряжении местного Начальства, Ваше Превосходительство изволили изъявить удивление и назвать это распоряжение ошибкою. При всём том, по возвращении её из столицы в Тулу, Г. начальник губернии потребовал от неё чрез квартального надзирателя подписку, что она без разрешения Начальства из Тулы не выедет. Дав требуемую подписку, она обратилась к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою освободить её от вынужденного у неё таким образом обязательства, но, вероятно, письмо её не достигло своего назначения, потому что никакой перемены в её положении не последовало. Между тем два с половиною года жизни в Туле, вдали от родных, под строжайшим присмотром полиции, в тесной и убогой квартирке, при недостатке в самых необходимых потребностях существования произвели на её здоровье самое пагубное действие. В двадцать лет она сделалась хилою и увядшею, как старуха; она страдает не за свои проступки и не видит конца своим страданиям; день освобождения из ссылки для неё, по-видимому, с каждым годом ещё отдаляется; она потеряла уже и надежду выйти когда-нибудь из этого гроба, как называет она в отчаяньи нашу жалкую квартиру в Туле; она боится, что разлучена навеки с родным своим семейством. Эта нищета, в которую она попала так непредвиденно и которая естественно заключила её в четыре стены, лишив всякого сообщения с образованным обществом, неразлучные с таким жалким существованием горести и, наконец, двойная невозможность посещать родных, происходящая

и от бедности, до которой мы дошли в Туле, и от запрещения выезжать из города, – всё это вместе делает из жены моей самую несчастную женщину, на которую смотреть – значит уже страдать. Изображая её положение пред Вашим Превосходительством с откровенностью, на которую даёт мне смелость выказанное Вами к нам неоднократно истинно человеческое участие, покорнейше прошу Ваше Превосходительство, представя болезненное положение моей жены Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову, исходатайствовать для неё милостивое разрешение ехать в Черниговскую губернию для свидания с её матерью при первом случае, который может ей представиться, если бы кто-нибудь из родных её, проезжая чрез Тулу, предложил ей место в своём экипаже. Об этом я умоляю Ваше Превосходительство как человек, с здоровьем потерявший всё, что радует нас в жизни. У меня остаётся только одно – жена. Если и она исчахнет и погибнет, разделяя со мной мою тяжкую долю, тогда мне не о чём уже будет Вас просить.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850 года, февр[аля] 25.
Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

315. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 8 березня 1850 р.

Его Благородию П. А. Кулешу
№ 480. 8 марта 1850 года.

Милостивый государь Пантелеймон Александрович[(а)]!

Получив письмо Ваше от 25го февраля, в котором Вы, милостивый Государь, просите о дозволении жене вашей отправиться в Черниговскую губернию, я имел честь представлять оное на усмотрение г. генерал-адъютанта Графа Орлова.

Его Сиятельство, разрешив означенную просьбу Вашу, изволил отнестись к управляющему Тульскою губерниею о выдаче на проезд жены Вашей установленного паспорта[1] и вместе с тем поручил мне сообщить Вам, что относительно Вашего собственного положения Граф Алексей Фёдорович при первом удобном случае будет стараться быть полезным Вам.

Уведомляя Вас, милостивый государь, об этом, прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

Подписал Л. Дубельт

[(а)] *У автографі помилково*: Иванович

316. До Лєонтія Дубельта

Тула, 18 березня 1850 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Никогда благодеяние не чувствуется сильнее, как во время горестного упадка духа. Письмо Вашего Превосходительства от 8 марта возвратило моей жене спокойствие, и одно это уже обоих нас оживило. Но ещё более обрадовали нас сообщённые мне Вами милостивые слова Его Сиятельства Графа Алексея Фёдоровича Орлова. На них я основываю, как на твёрдом камне, свою будущность и благословляю провидение, которое, открыв мне несчастиями глаза на мои заблуждения, предало меня в руки таких Судей, которых я почитаю лучшими друзьями человечества. Принося Вашему Превосходительству мою душевную благодарность за Ваше великодушное обо мне ходатайство, покорнейше прошу Вас передать Его Сиятельству мою глубочайшую признательность за человеколюбивые в отношении ко мне намерения и уверить Его Сиятельство, что я теперь не тот вредный мечтатель, каким являлся в своих ветреных сочинениях, что жизнь и её бедствия меня образумили, что действия Правительства, увиденные мною непосредственно, примирили с собою мои филантропические идеи и что, если Его Сиятельству угодно будет извлечь меня из беды, в которую повергли меня мои заблуждения, то найдёт во мне человека, заботящегося об исполнении только ближайших своих обязанностей и высоко ценящего благодетельные действия Правительства.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850, марта 18.
Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

317. До Віктора Білозерського

Тула, 15 вересня 1849 р. ... березень 1850 року

Мы Васю всё к себе ожидаем и потому к нему не пишем, а он, не знаю почему, не пишет к нам. Примите и от меня усерднейшее поздравление с наступающим днём Ангела Ульяны Павловны. Мы благоденствуем так, що аж ворогам тяжко. Саша начала опять постоянно заниматься рисованьем. Мечтаем о собственном домике и о фортепьяно, пока то и другое для нас ещё возможно. Нынешняя же наша квартира грязна, как преддверие ада, и тесна, как самый ад (предполагая, что только в раю просторно). Впрочем, мы по возможности вносим в неё райские элементы и иногда забываем о грязных стенах,

о тесноте и об отвратительном воздухе, исходящем из нижнего жилья. Должностью своею я очень доволен, потому что она ни на волос не стеснила моей свободы. П. К.

318. До Мотрони Білозерської

Тула, березень ... квітень 1850 року

Милая Маменька, Бесценный Друг наш,

Илья Фёдорович рассказал нам о претерпеваемых Вами горестях. Устройте поскорее свои дела и приезжайте к нам в мае месяце. Мы Вас утешим тихою и трудолюбивою нашею жизнью. О Коле расскажет Вам Илья Фёдорович. Вы и для этого должны поспешить в Тулу: надобно нам поскорее пристроить молодца на службу или уговорить его не фантазировать и исполнять мои распоряжения. Мне кажется, что для него всего лучше было бы определиться здесь в Туле в какое-нибудь присутственное место и, получа через 2 года чин, определиться юнкером и через полгода получить чин прапорщика. Это спасло бы его от четырёхлетней лямки: он потёр бы её только полгода. Но если меня переведут на службу в столицу, тогда он штатской службы продолжать не может, потому что в губернии оставаться ему одному нельзя, а в столице ему места не дадут: для этого требуется прослужить сперва 3 года в провинции. О медико-хирургической академии нечего и думать. Он так ленив, что может приготовиться к экзамену в неё разве через пять лет. Очень мне жаль, что моё усердие не нашло в нём соответственного послушания и прилежания; а как привести его к тому и другому – я решительно не знаю. Об этом, если угодно, надобно подумать Вам, Николаю Даниловичу, Виктору и Васе. Если б он был мой родной брат и я один был над ним старшим, тогда бы только я нашёл к этому средства; но теперь я могу только передавать ему свои познания, а заставить его повиноваться и трудиться – это дело Ваше и Ваших старших детей.

Целую Ваши ручки.

П. К.

Посылаю Вам две пары хороших щипцов для свечей, а Помпею Михайловичу фунт жукова табаку.

319. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 1 травня 1850 р.

Свидетельствую моё почтение Вам, милая Сестрица Надежда Михайловна, и Николаю Николаевичу. У нас очень весело. Мы, наперекор превратностям судьбы, умеем быть счастливыми.

П. К.

320. До Михайла Максимовича

Тула, 6 травня 1850 р.

1850, мая 6. Тула.

От всей души благодарю Вас, почтеннейший наставник мой Михайло Александрович, за прекрасный «привет Ваш из Москвы»[1]. С именем «Киевлянина» соединяется у меня незабвенное воспоминание о той поре жизни, «когда мне были новы все[а] впечатленья бытия»[2], и чем больше отдаляюсь я от этой поры, тем сильнее люблю всё, что наполняло тогда мою жизнь. А Вы знаете, сколько наполняли её *Вы*: следовательно, всякое с Вами сношение для меня – великое удовольствие. Но почему Вы не напишете ко мне нескольких строк о своей жизни в Москве и о своих занятиях?

Что касается до меня, то я, окончив один из своих романов, принялся делать себе шкаф для платья и ещё кой-какие домашние вещицы. От этих механических занятий отдыхаю за чтением книг на языках, не совсем ещё покорённых моей памяти, но не пишу покамест ничего.

Я переменил квартиру и живу теперь в Садовниковой, или Рубцовой улице, в доме бывшем генерала Есипова (так его больше знают), а ныне Петрова, во флигеле, что три окна на улицу. Под окном моей спальни пруд в саду, и я засыпаю под концерт лягушек и ящериц, напоминающих мне Новгород-Северск и Десну. У меня есть огород и цветнички. Вокруг меня сады. Я существую очень приятно. Если Вы будете возвращаться на родину через Тулу[3], то в этой квартире найдётся место и для Ваших лошадей. А нам недавно прислали из Малороссии сала. Приезжайте, пока есть.

Мне прибавили жалованья, и я получаю 1000 р. асс. в год. От приезда нового губернатора Козодаева я ожидаю для себя всего хорошего в служебном отношении.

Что же Ваши песни[4] и брошюры?[5] Когда я их увижу?

Тулячки я Вам не нарисовал, и не нарисую до тех пор, пока Вы не напишете мне с дороги, что Вы уже путешествуете для Географического общества[6]. Я очень мало имею занятий по службе, но без дела никогда не сижу. До свиданья. Обнимаю Вас с истинною любовью и почтением

Ваш П. Кулиш

P. S. «Киевлянин» я только что получил и успел только понюхать его да поплямкать, рассматривая лакомые его картинки. Знаю наперёд, как много доставит мне он удовольствия.

Потрудитесь передать мой поклон почтеннейшему Михайле Петровичу и сказать, что я очень благодарен ему за «Москвитянин» и что я помню, сколько за это ему должен. Расплачусь, когда позволят мне печатать.

[а] *Далі закреслено*: наслажденья

321. До Осипа Бодянського

Тула, 10 травня 1850 р.

10 мая, 1850. Тула.

Я, кажется, давно просрочил время, назначенное для уведомления Вас о себе. Не осудите[1].

Я здоров; обстоятельства мои немножечко поправились: мне прибавили 400 р. асс. жалованья и даже – о чудо! – перед праздником[2] дали 30 р. сер. награды. Теперь я титулуюсь редактором неофициальной части «Тульских губернских ведомостей». Мне, впрочем, нет никакой работы (кажется, приказано редактору работать одному, во избежание каких-нибудь казусов), а мне и лучше. Я занимаюсь дома своими делами. Впрочем, в последние месяцы я сделал мало: одну часть времени я убил на бесполезные занятия с своим швагером ex-кадетом[3], страшным лентяем, которого наконец я предоставил на произвол судьбы, другую – на некоторые услуги приятелям (в чём не раскаиваюсь), а третья пропала сама собою в досадах на глупого и грубого мальчишку. Теперь только я начинаю оправляться, возвратясь в самого себя, и приобретать душевное спокойствие, необходимое для умственной деятельности. Между прочим, я совершил новый переезд на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругом меня сады и пруды, в которых распевают без умолку водяные жители, что мне очень нравится. Подле моей квартиры есть чей-то запущенный сад. Туда я хожу гулять и дышать запахом черёмухи. Никто меня не видит, и если так прогуляю я в нём всё лето, то много приобрету пользы. У меня особый, отделённый от хозяйского, двор, который мы превращаем в цветник и огород. Нам очень весело, несмотря на некоторые неизбежные неприятности житейские. Ожидаем приезда нового губернатора, Козодаева, от которого я надеюсь улучшения моего положения в Туле[4]. – Семейство наше увеличилось: мы выписали из Малороссии семилетнюю крестницу и племянницу А[лександ]ры М[ихайлов]ны, именем Машу, для воспитания[5]. Она покамест капризна и не доставляет нам много удовольствия, но если А[лександ]ре М[ихайло]вне удастся искоренить в ней дурные начала домашнего воспитания и дать новую форму её характеру, то с нею нам будет веселее, нежели вдвоём, по крайней мере будет веселее А[лександ]ре М[ихайлов]не в то время, когда я буду занят книгами или службою. Братца же её я жду не дождусь, чтоб от меня взяли, и, кажется, скоро от него освобожусь.

А Вы что? Пожалуйста, уведомите обстоятельно обо всём, что до Вас касается. Мы же так редко стали с Вами разговаривать.

Мне нужен *Английско*-русско-франц[узско]-немецкий словарь Рейфа. Пожалуйста, поручите книгопродавцу выслать мне его с первою почтою. Если есть, то в готовом переплёте, а нет – без. Да вместе с тем пускай вышлет и «Opere Complete di Silvio Pellico da Salluzzo», 2 volumi, gr. 8, cart 4 $^{1}/_{8}$ thlr». Эта цена выставлена на обёрт-

ке моего Боккаччио, а если случится другое издание – дороже, то и дороже. Если же нет этой книги, то не найдётся ли сочинений Манцони или части оных. Если же и тех нет, то купите итальянск[их] книг по своему выбору. За всё прошу заплатить деньги, а я вышлю Вам, получа книги и увидя, что они стоят.

Будьте уверены в неизменной моей и моего подружья к Вам любви. Поклон наш, самый усердный, Вашей сестрице.

П. Кулиш

На всякий случай адрес моей квартиры. В Садовниковой, или Рубцовой, улице, в доме, бывшем генерала Есипова, а ныне Петрова, во флигельке, что рядом с большим двухэтажным домом, три окна на улицу.

322. До Осипа Бодянського

Тула, 14 травня 1850 р.

14 мая, 1850. Тула.

Вот тот Пётр Иванович Гусев[1], о котором я несколько раз писал к Вам с таким восхищением. Впрочем, будучи занимателен в высшей степени для меня, он, может быть, не будет таковым для Вас, и потому наперёд Вам говорю – не смотрите на него как на похитителя Вашего досуга. Он только хочет видеть в Вашей особе портрет моего почтеннейшего земляка, которым я так часто ему хвалился, и больше – если угодно – ничего. От него, между прочим, Вы получите деньги за книги, которые, может быть, Вы уже мне послали.

Ваш П. К.

323. До Осипа Бодянського

Тула, 22 травня 1850 р.

Мая 22, 1850. Тула.

Не только оных двух сеньоров хочется мне залучить к себе, но и ещё троих таких же козарлюг немецких. Когда уже выписывать из-за границы, то выписывать не на пять рублей: один тому час. Выписываю Вам на следующем листке[1] целый ряд литературных лакомств. Деньги на них Вы получите от Гусева. Если же его лечебные расходы не позволят избавить меня от пересылки, то от меня с первою почтою после уведомления, которое он возьмёт на себя, а Вы уже и не турбуйтесь.

NB. Романы В. Скотта (и Шекспир) должны быть дешёвого издания Таухница, по 60 к. сер. за томик. По этой цене я купил уже их несколько штук в Петербурге. Шиллера хотелось бы иметь в крупной или сносно мелкой печати, но если очень дорого сравнительно, то не-

чего делать. Да ещё вот что: может быть, за границею дешевы переплёты, а у нас так не переплетут, и может быть Шиллер продаётся переплетённый, то рад бы я был зело приобресть его в прочном и красивом костюме, приложивши лишню рубляку. А лучше сказать – сделайте, как сами знаете; сделайте так, яко бы для самого себя, и я буду совершенно доволен и благодарен.

Бувайте ж здоровéньки

П. Кулиш

В субботу принесли мне письмо Ваше по отходе почты, а то бы Вы получили мой ответ раньше.

Да ще, братику, нехай Шиллер не буде надрукован латинскими буквами: не люблю таких нiмецьких книжок.

324. До Леонтія Дубельта

Тула, 7 червня 1850 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич,

Представляя при этом первую часть моего исторического романа под заглавием «Северяки»[1], покорнейше прошу Ваше Превосходительство напомнить Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову милостивое Его обещание исходатайствовать для меня ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение печатать мои сочинения. Роман этот не может в настоящее время быть мною окончен по недостатку у меня средств для изучения русской старины. Живя в столице, я мог бы пополнить свои сведения по этой части в публичной библиотеке, или достать нужных мне книг на время иным образом; но в Туле всякую книгу я должен выписывать за наличные деньги, что при нынешней моей бедности решительно невозможно. Эта-то причина заставляет меня обратиться чрез посредство Вашего Превосходительства, всегдашнего моего покровителя, с покорнейшею просьбою к Его Сиятельству об исходатайствовании мне ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения напечатать первую часть моего исторического романа в одном из журналов, дабы на вырученные за это деньги я мог выписать книги, необходимые для дополнения моих сведений по части русской археологии, и таким образом получил бы возможность продолжать и окончить литературный труд свой.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850, июня 7.

Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

325. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 22 червня 1850 р.

Его благородию П. А. Кулешу
№ 1314. 22 июня 1850 года.

Милостивый Государь Пантелеймон Александрович,

Письмо ваше, в котором вы просите моего ходатайства о дозволении напечатать 1[ю] часть вашего исторического романа «Северяки», я имел честь докладывать г. генерал-адъютанту Графу Орлову.

Граф Алексей Фёдорович, находя неудобным печатание одной части сочинения, которое ещё не кончено и может замедлиться окончанием, полагает, что было бы лучше приступить к поданию означенного романа, когда вами будут написаны все части оного, но так как вы объясняете, что для продолжения вашего труда встречаете вы надобность в некоторых книгах, то Его Сиятельство, желая помочь вам в приобретении оных, изволил мне поручить спросить вас, милостивый государь, какие именно книги признаёте вы для окончания вашего романа необходимыми.

Возвращая посему доставленную вами рукопись вашего сочинения, имею честь удостоверить вас в истинном почтении и преданности

Подписал Л. Дубельт

326. До Лєонтія Дубельта

Тула, 1 липня 1850 р.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Вследствие почтеннейшего Вашего письма от 22 июня, честь имею представить на благоусмотрение Его Сиятельства Графа Алексея Фёдоровича Орлова список книг, нужных мне для изучения отечественной старины, причём позвольте почтительнейше доложить Вашему Превосходительству, что хотя некоторые из них по своему содержанию и не имеют прямого отношения к избранной мною для изображения в романе эпохи, но как в науках точных, для специальной обработки какого-нибудь предмета, потребно предварительно обнять все прикосновенные к нему области ведения, так и в деле литературном надобно сперва бросить на пройденную народом жизнь обширный взгляд для того, чтобы понять характер и значение избранного для художественной обработки исторического момента. Поэтому, желая прочитать такое количество книг, я не увлекаюсь безотчётною жаждою знания, но совершенно убеждён, что без знакомства с предшествовавшим данной эпохе и последовавшим за нею невозможно возвести для себя понятия о ней до поэтически-осязательной ясности. Кроме того, одностороннее изучение предмета не даёт писателю вдохновения, то есть этого живого представления в уме лиц и событий, которое можно назвать *пророчеством минувшего*: вдохновение получается им тогда только, когда он обнимет

минувшую жизнь во всех её проявлениях. На этом основании для меня, как для писателя исторического романа, чтение, например, юридических старинных актов столь же важно, как и чтение летописей, как и изучение народных обычаев, как и наглядное знакомство с изображениями древних зданий, одежд, утварей и других предметов общественного и частного быта наших предков.

В заключение позвольте, Ваше Превосходительство, выразить пред Вами восторг, в который привело меня милостивое письмо Ваше. Он уменьшается только от сознания недостаточности моих способностей для оправдания высоко оценённого мною поощрения, которого Его Сиятельству и Вашему Превосходительству угодно было удостоить литературные мои занятия. По крайней мере позвольте уверить Вас, что я употреблю все старания, чтобы, по мере сил моих, достойным образом воспользоваться обещанным мне столь великодушно пособием.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850, июля 1. Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

1. Полное Собрание Русских Летописей, томы 2й, 3й и 4й (1й куплен)[1] ..... 4 р.
2. «Акты Археологической экспедиции», 4 тома[2] ..... 10 р.
3. «Акты исторические», 5 томов[3] ..... 10 р.
4. «Алфавитный указатель к актам историческим»[4] ..... 75 к.
5. «Дополнения к Актам историческим», 2 тома[5] ..... 4 р.
6. «Акты, относящиеся к истории Западной России», 2й том (1й куплен)[6] ..... 2 р.
7. «Акты на иностранных языках, относящиеся к России», 2 тома[7] ..... 4 р.
8. «Акты юридические»[8] ..... 2 р. 50 к.
9. «Выходы государей, царей и великих князей Михаила Фёдоровича, Алексея Мих[айловича] и Фёд[ора] Алексеев[ича]»[9] ..... 4 р.
10. «О России в царствование Алексея Михайловича», сочинение Кошихина[10] ..... 1 р. 50 [к.]
11. Рукопись Жолкевского: «Начало и успех Московской войны», изд. П. Мухановым[11] ..... 2 р. 85 [к.]
12. «Быт русского народа» А. Терещенко, 7 томов[12] ..... 6 р.
13. «Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни». Акты, изданные Киевскою комиссиею, 2 тома[13] ..... 8 р.
14. «Памятники», изданные Киевскою комиссиею, 2 тома[14] ..... 7 р.
15. «Дворцовые разряды», изданные по Высочайшему повелению[15] ..... 3 р.

16. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Калачовым[16] ..... 3 р. 20 [к.]
17. «О состоянии женщин в России до Петра Великого», историческое исследование Шульгина[17].. 1 р.
18. «История смутного времени в России», Бутурлина, 3 тома ..... 8 р. 50 [к.]
19. «Сказания русского народа», Сахарова, изд. 3^{е}, 2 ч.[18] .... 6 р.
20. «Об историческом значении царствования Бориса Годунова», Павлова[19] ..... 1 р.
21. «Труды и летописи Императорского московского Общества истории и др[евностей] российских», 8 томов[20] ..... 6 р.
22. «Русские достопамятности», изд. Калайдовичем и Дубенским, 3 тома[21] ..... 3 р.
23. «Русский исторический сборник», Погодина, томы 2^{й}–7^{й} (1^{й} куплен)[22] ..... 8 р.
24. «Повествование о России», Арцыбашева, томы 1^{й} и 2^{й} (3^{й} куплен) ..... 10 р.
25. «Временник Императорского московского Общества истории и древностей российских», 6 ч.[23].... 8 р.
26. «Атлас к истории государства Российского», составленный Ахматовым[24] ..... 7 р.
27. «Историческое описание одежды и вооружения русских войск», тома 1^{й} и 2^{й} [25] ..... 15 р. 50 к.
28. «Древности русского государства», по рисункам Солнцева, 3 выпуска по 30 р. в Москве[26] ..... 90 р.
29. «Памятники московской древности», изд. Снегирёвым[27] ..... 30 р.
30. «Достопамятности Московск[ого] Кремля», Вельтмана, 2 тома[28] ..... 5 р.
31. «Достопамятства Москвы», изд. Тромониным, 2 тетр[а]ди[29] ..... 6 р.
32. «Описание памятников древности церковного и гражданского быта русского музея Коробанова», изд. Филимоновым[30] ..... 20 р.
33. «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», составленная Мартыновым, изд. 2^{е}, 2 тома[(а)31] ..... 3 р. 50 к.
34. «Русская летопись по Никоновскому списку», издали Шлецер, Башилов и Поленов[32] ..... 7 р.
35. «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства»[33] ..... 2 р. 85 [к.]
36. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. Новиковым, изд. 2^{е}, 20 томов[34] ..... 28 р.

[(а)] *У автографі помилково*: года

37. «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря», сочинение Аврамия Палицына, 2[е] издание ..... 90 [к.]
38. «Описание тринадцати старинных российских государей», Комарова[35] ..... 1 р. 43 [к.]
39. «Сборник», изданный Павлом Мухановым[36] ..... 2 р. 85 [к.]
40. «Указатель к сборнику», изд. Мухановым[37]
41. «Каталог исторических памятников», изд. Мухановым[38] ..... 30 к.
42. «Записки русских людей», Сахарова[39], ... 3 р.
43. «Записки Желябужского», изд. Д. Языковым[40] ..... 2 р.

Итого – 349 р.

327. До Миколи Даниловича Білозерського

Тула, 9 ... 24 липня 1850 р.

Мне некогда было написать к Вам несколько строк. Иван слишком поторопился нанять себе извощика. Благодарю за Ваше попечение о моей Саше.

П. К.

328. Від Надії Забіли

Київ (?), 30–31 липня 1850 р.

30 июля.

Милый Пантелеймон Александрович! Поздравляю вас с вашими прошедшими именинами. Я совсем не думала провесть день ваших именин так, как его провела[1]. Я думала, что как только 31 июля (я продолжаю сегодня) встану, меня поздравят с днём Вашего Ангела. Потом Ник[олай] Ник[олаевич] уйдёт со двора и я сяду писать к вам; поздравляю вас с Именинами, но не пожелаю ничего, потому что вам нечего желать – Вы счастливы; а [я] ввесь день проведу весело.

329. До Миколи Даниловича Білозерського

Тула, 9 липня ... 24 серпня 1850 р.

Почтеннейший Папенька Николай Данилович,

Между нами так давно прекратилась переписка, что я не знаю, о чём бы писать к Вам; а потому прошу Вас принять только уверение в моём неизменном к Вам почтении. Ещё раз благодарю Вас за заботу Вашу о безопасном возвращении моей Саши в Тулу. Это в последний раз она одна ездила. Или вдвоём, или ни шагу из города.

П. К.

330. До Осипа Бодянського

Тула, 6 вересня 1850 р.

1850, сент[ября] 6.

Податель этой записки, Г. Соколов, бывший студент Харьковского университета[1], обратился ко мне с просьбою, не имею ли я в Москве человека, который бы принял в нём участие, яко в человеке, гонимом судьбою или, если угодно, людьми, ну, словом, в человеке бедствующем. Будучи на Вашем месте, я бы, кажется, принял в нём некоторое участие, а потому и адресую его к Вам. Я его совсем не знаю, но он мне показался человеком честным уже потому, что не согласился взять у меня взаймы денег при всей наружной его бедности.

Я, слава Богу, здоров. Совершил путешествие на Куликово Поле, нарисовал памятник Дмитрию Донскому и ещё несколько замечательных предметов для представления Великим Князьям, во время проезда их через Тулу. Сегодня всё это было им представлено, при чём и сам я удостоен был губернатором чести быть представленным их Высочествам. Памятник будет литографирован, и я пришлю Вам один экземпляр[2].

Ваш П. Кулиш

331. До Надії Забіли

Тула, 11 вересня 1850 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна,

Благодарю Вас за нежную дружбу к моей Саше: этим Вы делаете мне великое благодеяние, а именно то, что Саша, полная Вами, ни в кого неспособна влюбиться. А Вы знаете, как я ревнив. Мне, ежели нужно, представляются гусары, уланы, франты и всяческие иные прочие соблазнители Вашего нежного пола. Все эти призраки теперь изгнаны из моего воображения Вашим милым образом, в который я позволяю не только Саше влюбляться, но и сам готов влюбиться напропалую. Жаль только, что Вас нет перед нами налицо, а то бы Вы не знали, куда деваться от моей внимательности, от моей услужливости, от моей чувствительности, от моего самоотвержения и от всех пустяков, из которых обыкновенно составляется непрочная канва романов. Мы отдалены от Вас 500 вёрст; делать нечего, удовольствуйтесь только уверением в неизменной моей к Вам дружбе.

Ваш П. К.

332. До Надії Забіли

Тула, 11 жовтня 1850 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна,

Примите и от меня сердечный привет. Мы проводим время недурно, особенно я. Жизнь мне постоянно улыбается, и я лучшее удовольствие нахожу в ощущении бытия. Славная вещь чувствовать, что живёшь, – не правда ли? – Много читаю, иногда пишу. Саша меня подгоняет, взявшись переписывать мою рукопись, и я с нею играю наввыпередки. Целую Ваши ручки. Поклон Н[иколаю] Н[иколаевичу].

П. К.

333. До Віктора Білозерського

Тула, 13 листопада 1850 р.

[...] Передайте Попову, что я составил для Великих Князей описание Тул[ьской] губ[ернии] с рисунками. Рукопись мою губернатор, с позволения Их Высочеств, удержал для представления Государю Императору. Его Величество, услышав от губернатора при этом, что это работа Кулеша, спросил: «Каков он?». Губернатор похвалил меня. «Что ж ты с ним хочешь делать?» – спросил Государь. «Я представил об нём графу Орлову», – отвечал губернатор. На это Е[го] В[еличество] сказал: «Ну хорошо». Слова эти могут послужить мне в пользу. Сам Казадаев теперь в СП[етер]б[урге] и может лично сообщить Дубельту и Орлову разговор обо мне с Государем. Я просил его ходат[айствовать] обо мне у Орлова. Он обещал. [...]

334. До Леонтія Дубельта

Тула, 14 листопада 1850 р.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшею просьбою – представить Его Сиятельству Графу Алексею Фёдоровичу Орлову бедственное положение, до которого я дошёл, живя четвёртый год в Туле, и исходатайствовать мне хотя некоторое облегчение. Вашему Превосходительству известно, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР помиловал меня от жизни в Вологде только вследствие отзыва о моём расстроенном здоровье со стороны врачей, назначенных для освидетельствования меня в военном госпитале. Претерпенное мною душевное потрясение от переворота моей судьбы было так сильно, что я с того времени не мог поправить своих сил; притом же в Туле во все эти три с половиною года я терпел и терплю только лишения всякого рода и неразлучные с ними физические и нравственные страдания.

Не говорю уже о снедающей меня горести, очень понятной для всякого, кто знает, на какой дороге я был прежде и где очутился теперь. Всё это вместе подействовало на мой организм так разрушительно, что меня может спасти только систематическое лечение опытных врачей. Тула же представляет очень мало медицинских пособий, и все они оказались безуспешными: мне с каждым месяцем делается хуже и хуже. Согласитесь, Ваше Превосходительство, что очень грустно умирать в моих летах и осиротить бедную женщину, которая и без того уже сделалась жертвою моих несчастий. Умоляю Вас исходатайствовать мне у Его Сиятельства разрешение переехать на четыре месяца в Москву для исцеления моих болезней у тамошних знаменитых медиков. Просьба моя очень скромна, я прошу только пощадить мою жизнь. Ничего другого я просить не смею, при всей крайности, до которой дошёл я в Туле, не получая около трёх лет никакого жалованья и потом живя только тысячею рубл[ей] ассигнациями.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850 г., ноября 14.
Тула.

На звороті: Его Превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

335. До Надії Забіли

Тула, жовтень ... листопад 1850 року

Милая сестрица Надежда Михайловна, целую Ваши ручки и прошу передать мой поклон Николаю Николаевичу.

Вы меня не осудите за моё молчание или, лучше сказать, малословие. Это не значит, что я не живу сердцем или душою; напротив, – но жизнь моя так однообразна, я так верен своим склонностям, что писать о себе значило бы повторять давно Вам известное. Самое особенное в моих домашних событиях – есть знакомство с Хомяковым, хотя и оно похоже на чтение книги. Я был у Хомякова в деревне. Он угостил меня псовою охотою по первому снегу, я видел смерть десяти серых трусов; но его беседа гораздо приятнее охоты. Он очень учёный человек, так что знает даже медицину и исправляет в своём имении лично обязанность лекаря. Хороший, очень хороший человек Хомяков. Я доволен этим знакомством[1].

П. К.

P. S. Мечтаете ли или, лучше сказать, предполагаете ли Вы возможность жить когда-нибудь близко от Саши? Я не говорю про себя, потому что я час от часу более делаюсь человеком, погружён-

ным по самые уши в самого себя. Саша иногда даже нападает на меня за моё невозмутимое ничем довольство своими занятиями. Я право, не виноват против неё. Что ж мне делать, если она не умеет так себя убаюкать, как я? Иногда я очень невинно молчу с нею, тогда как ей хотелось бы говорить, и забываю, что я сыт своими впечатлениями и пережёвываю умственную жвачку, а она голодна. Читать же она по-прежнему ленива и только ждёт, чтоб я ей прочитал. А у меня много чтений для неё непонятных. Вот славно бы, если б Вы жили подле неё!

336. Від Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 30 листопада 1850 р.

30 ноября, 1850. Спб.

. . . . . .

Ваши рассказы о трудах Ваших интересны в высшей степени. Конечно, нельзя не сожалеть, что мало поощрения в деле, которое кроме таланта требует жертвы физических сил и времени. Но Вы прекрасно сказали, что высшее награждение в самом труде. – Мне очень жаль, что Вы не назвали имени помещика-живописца: подобные люди принадлежат к числу редких и примечательнейших у нас явлений. Письмо Ваше передавал я и Ивану Андреевичу: так показалось оно мне замечательным. Он, отдавая, сказал мне, что все, кому ни читал он его, были в восхищении от Вас.

Таким-то образом Господь, испытуя нас на земле, приводит к приуготованной им для нас лучшей цели. Эта мысль заранее восхищает меня. Как я люблю теперь читать стихи Графа Местра, переведённые Жуковским, и тем более, что нет нужды дочитывать их конец:

«Сокрылся призрак обольститель»[1],
и проч.

Поклонитесь от меня и от дам моих[2] милой, доброй Александре Михайловне. Мы все напутствуем её и Вас самыми радостными благословениями.

П. Плетнёв

337. До Пєтра Плєтньова

Тула, 13 грудня 1850 р.

1850, дек[абря] 13. Тула.

. . . . . .

Вы представляете себе меня таким героем терпения, что мне, по прочтении последнего Вашего письма, сделалось стыдно. Я пишу к Вам обыкновенно в лучшие свои минуты и обманываю разом себя и Вас. Один сумасшедший может быть постоянно так настроен, как часто и, могу сказать, продолжительно бываю настроен я. Всякое бедствие преодолеть можно тому, кто совершил уже или,

пожалуй, и не имел в виду задачи жизни; но видеть идущую навстречу старость, между тем как существование моё ничем не обеспечено, чувствовать иссякание способностей от недостатка живительной стихии и заранее предвкушать всю горечь бедности, бессилия и нравственного ничтожества – это такие муки, которые могут быть заглушены только счастливым помешательством ума. Благодарю Бога за вкоренённое во мне пристрастие к умственной работе: оно дарует мне много часов и дней, истинно отрадных; но часто я страдаю так, что не пожелаю Вам и постигнуть этого. Слова Ваши, что все, кому Вы или И[ван] А[ндреевич] показывали письмо моё, от меня в восхищении, признаюсь, раздражили меня. Сытый голодного не понимает. Восхищались люди и умирающим гладиатором. – – – – Это особенного рода потеха. Так и на меня смотрят те, которые давно могли бы, если б хотели, облегчить мою участь. Отчего бы мне не выхлопотать хоть разрешения жить в Москве? От того, что это событие никому не доставит такого усладительного сознания своего комфортного положения, как вид человека, страдающего без стенаний. Вообще люди удивительно как равнодушны друг к другу, и слух человеческий так привык к евангельскому голосу, как к завыванию ветра. – Это ж ещё лучшие из семьи человеческой, это ещё гордые своею добротою, а прочие просто оглохли. Но всё это, видно, так нужно, для того, чтобы страдальцы не боялись смерти. Аминь.

П. Кулеш

338. До Осипа Бодянського

Тула, 16 грудня 1850 р.

1850, дек[абря] 16. Тула.

Наконец, добрейший мой Осип Максимович, я свободен[1]. Мне позволено жить и служить в Малороссии и в обеих столицах. Теперь я еду на праздники в Малороссию, а потом туда, где найдётся для меня место[2]. По министерству нар[одного] пр[освещения] служить мне не позволено, и я, как не окончивший курса в университете, принадлежу ко 2^{му} разряду чиновников; а для меня, как для рассчитывающего на службу, очень важно быть чиновником 1го разряда. Нельзя ли мне выдержать в Москве экзамен на кандидата? Я греческого языка не знаю, латинский знаю мало, но зато читаю по-польски, по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-английски, да ще дещо маракую. Можно ли сими знаниями восполнить прорехи по программе или устроить так, чтоб я приготовил известные вопросы к экзамену? На всё это ожидаю от Вас ответа в Малороссии. Не найдётся ли для меня порядочного места в Москве? Славно бы приютиться мне у Вас под бочком. Я сильно расположен учиться и знаю, что Вы бы своим учеником были до-

вольны. Порадуйтесь же вместе с нами нашему освобождению и напишите ко мне, на моё имя, в Борзну.

Щиро од серця Вас обіймаю

П. Куліш

Жінка моя низенько Вам і Вашій Сестриці кланяється.

339. До Надії Забіли

Тула, 16 грудня 1850 р.

Милая Сестрица Надежда Михайловна,

В один прекрасный день, лишь только мы сели обедать, как приезжает Шварц, только что произведённый в генералы, и объявляет нам, что Его Величество, в день своих имянин, благоволил позволить мне жить и служить, где мне угодно, не исключая Малороссии и обеих столиц. Мы от радости почти не обедали и теперь сделали из своей квартиры нечто вроде Бердичева: готовимся в дорогу, и куда же? не в Петербург, а сперва в Малороссию, к нашей милой, одинокой Маменьке. Между тем друзья мои приищут мне в Петербурге или в Москве должность, и мы, порядочно погулявши и ударивши лихом об землю, устремимся к северу. Итак, Вы на праздниках увидите свою милую Сашу. Даже для меня думать об этом составляет великое удовольствие; что же для Вас?

До свиданья, милая Сестрица! Передайте мой привет Николаю Николаевичу.

Ваш П. Кулеш

1850, дек[абря] 16.

Тула.

340. До Алєксєя Орлова

Тула, 19 грудня 1850 р.

Ваше Сиятельство Милостивый Государь, Граф Алексей Фёдорович!

Милость ко мне ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА превзошла мои ожидания. Понимаю, как много я в этом случае обязан благодетельному представительству Вашего Сиятельства. От глубины души приношу Вам мою покорнейшую благодарность. Позвольте уверить Вас, что я не обману дарованной Вами мне доверенности и употреблю все силы, чтобы быть достойным Ваших благодеяний.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

П. Кулеш

1850, дек[абря] 19.

Тула.

На звороті: Его сиятельству Графу А. Ф. Орлову

341. Від Пєтра Плетньова

Санкт-Петербург, 26 грудня 1850 р.

26 дек[абря]. 1850. Спб.

Да, мой милый Пантелеймон Александрович, удивили вы меня письмом своим: как было не понять моих столь ясных намёков на близкое счастье! Тогда я ещё не мог сказать всего[1]; но кто же, по привёденному мною месту из Жуковского, не начал бы читать оттуда же сам для своего наслаждения:

«Лети ж, лети к свободе в поле,
Оставь сей бездны глубину!
Спеши прожить твою весну –
Другой весны не будет боле!»[2]

Я был уверен, что Вы прежде всего пожелаете насладиться родным воздухом Малороссии. Прекрасно Вы сделали, что и поступили так. После всего, что перечувствовали Вы в этой Туле, первая потребность души и сердца – покой и свободный вздох на груди матери-природы.

Вам, по моим письмам, конечно могло казаться, что я в ином, ложном свете представлял страдальческое состояние ваше. А на деле совсем было не то. Похвалы, которые расточал я великодушию вашему, вашему терпению и героизму поэзии вашей, оставались для меня единственным средством предохранить Вас от страшного падения духом. Я знал, как вы цените моё доброе о вас мнение – и потому хотел силою привязать вас к тому, что оставалось благороднейшего и достойнейшего чести вашей в мучительном положении, которое, как приговор рока, не от нас зависел.

Но как не воскликнуть тысячу раз: «Всё здесь к лучшему!». Без этих испытаний, теперь ужасающих воображение, узнали ли бы вы вполне самого себя и всё то, к чему вы способны, чем вас наделила природа, какая крепкая сила в духовном напряжении и чем может сделаться человек, когда или захочет, или захотят того обстоятельства? Но ещё более – безо всего, испытанного вами, узнали ли б вы, каким ангелом-товарищем наградило вас Провидение? Эта возвышенная и беспримерно любящая душа Александры Михайловны, как бы она раскрылась перед вами во всей своей прелести, во всём своём величии, во всей своей трогательной преданности Богу и другу, если бы не случилось встретиться ей лицом к лицу с таким ужасным горем? Да, всё здесь к лучшему.

П. Плетнёв

КОМЕНТАРІ

Епістолярна спадщина Пантелеймона Куліша дуже велика: збереглося не менше трьох тисяч його листів. Куліш відгукувався на розмаїті питання свого часу – національні, суспільні, літературні, відгукувався завжди пристрасно, непогамовно, цікаво. Його кореспондентами були найрізноманітніші за суспільним становищем, національністю і фахом люди; були серед них науковці, письменники, видавці, цензори, були й видатні особистості, які відіграли націєтворчу роль в українській модерній історії. Якось, відповідаючи Михайлові Павликові на пропозицію написати спогади, Куліш кинув репліку: «От би хто зробив хороше діло: той, хто позбирав би мої листи не ради мого *я*, а задля того, про що се ж писано; а воно не переставало писати, ба, й сидячи за трапезним столом, як не мало часу до відпису через усякі службові праці»[1]. Слушність цієї репліки ніколи не піддавали сумніву, ба більше – Кулішевий епістолярій завжди вважався першорядним джерелом для розуміння літературних і суспільно-національних процесів XIX ст. Проте й донині цей епістолярний масив значною мірою залишається неопублікованим, а якщо й доступний сучасному читачеві, то нерідко за виданнями столітньої давности.

Листи Куліша почали друкувати ще за його життя: 1867 року фрагменти двох Кулішевих листів до Головацького без дозволу автора опублікували львівські часописи «Слово» і «Боян»; 1882 року Данило Сліпченко-Мордовець вмістив його листи до себе у своїй публіцистичній брошурі «За крашанку – писанка» (полемічна відповідь на Кулішеву «Крашанку русинам і полякам на Великдень 1882 року»); 1892 року Андрєй Тітов у Росії опублікував частину Кулішевих листів до Осипа Бодянського («Русский архив», кн. 3), а Михайло Павлик у Австро-Угорщині – листи до Юзефа Ігнация Крашевського («Народ», ч. 20/21), аби вказати творцям «нової ери» у Східній Галичині на прецедент невдалої спроби зініціювати польсько-українське порозуміння.

Однак справжня «лавина» Кулішевого епістолярію зійшла на читача після смерти письменника. Протягом кількох років було опубліковано сотні Кулішевих листів: у «Киевской старине» – до Осипа Бодянського, Івана Хильчевського, Тараса Шевченка, Данила Каменецького, Володимира Барвінського, батька й сина Тарновських, Михайла Юзефовича, Степана Носа, Михайла Максимовича, Григорія Ґалаґана, Міхала Ґрабовського, Олександра Кістяківського, Остапа Вересая та ін.; у львівських виданнях –

---

[1] *М. Возняк.* Останні зносини П. Куліша з галичанами. (З додатком його листування з М. Павликом) // ЗНТШ. – Л., 1928. – Т. CXLVIII. – С. 176.

до братів Барвінських, Теофіла Шумського, Алоїза Юркевича та ін. Спорадичні публікації Кулішевих листів (до Ніколая Шаховського, Марії Гоголь, Миколи Стороженка та ін.) у цей період з'явилися в Петербурзі та Москві

На цьому початковому етапі едиційної історії епістолярної спадщини Куліша, попри значні досягнення (переважна більшість листів, опублікованих того часу, більше не перевидавалася), публікаторам бракувало наукової методи. Хоча тексти іноді передавалися дуже точно, тогочасним публікаціям загалом були притаманні істотні вади: їх нерідко готували поспіхом, без достатньої фахової кваліфікації, джерелом часто слугували не автографи, а списки, які рясніли помилками копіїстів, упорядники або редакції видань робили в текстах купюри, пропускаючи (часом без застережень) ті місця, де зачіпалися ще живі люди. Ясна річ, апарат, відповідно до едиційних засад тієї доби, був мінімальний і найчастіше зводився до стислої вступної статті про взаємини кореспондентів.

Під час революції, 1918 року Павло Зайцев у журналі «Наше минуле» надрукував Кулішеві листи до Надії Білозерської, започаткувавши добу наукової публікації Кулішевого епістолярію, апогей якої припав на 1920-ті роки.

На доручення Української академії наук Альфред Бем розібрав і каталогізував листи Куліша з його архіву, який надійшов до Відділу рукописів Національної бібліотеки України (нині ІР НБУВ) від Івана Каманіна. З них, за підрахунками Бема, 828 не друкувалися, а 535 було опубліковано в 34-х виданнях[2]. На початку 1920-х років, дослідник укладав бібліографію Кулішевого листування[3].

У цей період у царині видання Кулішевого епістолярію виступили Ієремія Айзеншток, Сильвестр Глушко, Олександр Дорошкевич, Іван Капустянський, Євген Кирилюк, Микола Левченко, Володимир Міяковський, Віктор Петров, Петро Рулін, Федір Савченко, Борис Шевелів, Ісаак Ямпольський. Зі старших працювали Володимир Данилов, Ігнат Житецький, Михайло Могилянський, Микола Стороженко. У галицькій Україні виданням кореспонденції Куліша займалися Михайло Возняк та Кирило Студинський, які тоді опублікували переважну більшість його листів до галичан, а також тих східноукраїнських діячів, чиї архіви опинилися в Галичині. Завершенням цього винятково плідного періоду можна вважати публікації Кулішевих листів до Михайла Драгоманова та Кесаря Биліловського, які в 1930-ті роки здійснили відповідно Олександр Лотоцький (у Празі) та Франц Коковський (у Львові).

Наприкінці 1920-х років назріла потреба окремих видань неопублікованої спадщини Куліша. У цей час зароджується декілька проєктів, які через репресії реалізовані так і не були.

Один із таких проєктів – видання «Архіву Куліша». До нього мали ввійти Кулішеві спогади «Около полустолетия назад» (публікатор Рулін)[4], а також, припускаємо, «Щоденник» (упорядник Сергій Єфремов або Могилянський). Інших відомостей про цей проєкт наразі не маємо.

---

[2] Звідомлення про діяльність УАН у Києві до 1 січня 1920 р. Цит. за: *М. Возняк.* Листування Панька Куліша з Олександром Кониським // Нова Україна. – 1923. – Ч. 7/8. – С. 267.

[3] Див.: Бібліологічні вісті. – 1923. – № 1. – Ствб. 21; № 3. – 42.

[4] Див.: ІР НБУВ. – Ф. Х. – Од. зб. 17931. – Арк. 3.

На початку 1930-х років окреме видання Кулішевих листів, раніше не друкованих, підготував іще молодий, але дуже плідний літературознавець Айзеншток. У листі до Могилянського від 7 липня 1931 року він писав: «Чи не збираєтесь бути в Харкові? Цікавить мене показати Вам те, що я зробив з листами Кулішевими: вийшов том арк. на 35 [...]»[5]. До цього видання мало увійти 320 листів Куліша, зокрема його листи до князя Ніколая Шаховського та Михайла Лободовського (публікатор і автор коментарів Айзеншток)[6]; правдоподібно, до Миколи Макарова та його родини (публікація та коментарі Ямпольського), до Владіміра Шенрока (публікатор Кирилюк; машинопис в архіві Айзенштока у ВР ІЛ)[7]. Яка доля цього тому? Швидше за усе, він загинув, як загинули тоді й інші праці науковця[8].

Одну з найістотніших спроб видати Кулішеві листи зробив на зламі 1920–1930-х років Дорошкевич. У ВР ІЛ зберігається машинопис – тексти та коментарі – Кулішевих листів до Плєтньова за 1843–1847 роки, що їх у другій половині 1920-х років науковець підготував до друку. Останні доповнення до коментарів, судячи з покликів, внесено 1929 року. Упорядник відібрав 33 листи Куліша, написані до арешту – частину з усього корпусу його листів до Плєтньова, який налічує 87 одиниць і хронологічно сягає 1861 року. У коментарях Дорошкевич зробив перехресні посилання, які свідчать, що разом із цими листами він планував надрукувати й Кулішеві листи до Бодянського та Юзефовича. Такі поклики є у примітках щодо особи Бодянського («Статтю про його див. далі при Кулішевих до його листах»[9]), Міхала Ґрабовського («Про стосунки ці (Куліша з польським літератором. – *Ред.*) ми говоримо ширше в примітці до Кулішевого листа Юзефовичеві з 31-го липня р. 1843»[10]), Юзефовича («Про ці стосунки див. у дальшій статті»[11]).

Одна примітка Дорошкевича має для нас особливе значення, оскільки дає розуміння перспективи видання, а також – його структури. З приводу Кулішевого листа до Лєонтія Дубельта від 21 липня 1849 р. він зауважив: «Наводимо з його уривок (увесь він буде поданий у т. II нашого видання)»[12]. Отже, видання мало бути багатотомовим, причому томи упорядник формував за періодами. Перший том охоплював період до арешту, другий – роки ув'язнення й заслання. Листи в томах подавалися за адресатами, а в межах персоналії – за хронологією.

---

[5] ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 44106. – Арк. 1. У пізнішій атобіографії Айзеншток згадує, що обсяг цього видання був 40 аркушів (*І. Айзеншток.* Автобіографія. Вибрані листи (1910-і – 1920-і роки) / Упор., підготування текстів та коментарі С. Захаркіна. – К., 2003. – С. 17).

[6] Про підготовлені ним листи до Шаховського Айзеншток згадував у тому ж листі до Могилянського, а про намір видати листи до Лободовського (знову-таки і до Шаховського) – писав у листі до Студинського від 11 травня 1929 р. (див.: У півстолітніх змаганнях: Вибрані листи до Кирила Студинського (1891–1941). – К., 1993. – С. 561; у публікації замість Лободовського помилково: Лобаківського).

[7] Див. коментар Степана Захаркіна у кн.: *І. Айзеншток.* Автобіографія. Вибрані листи. – С. 98–99.

[8] Там само. – С. 16–17; див. також прим. 53 на с. 98–99.

[9] ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 184. – Арк. 56.

[10] Там само. – Арк. 37.

[11] Там само. – Арк. 40.

[12] Там само. – Арк. 60.

В ІР НБУВ у фонді Дорошкевича зберігається машинопис (другий примірник) 19-ти Кулішевих листів до Юзефовича, написаних перед арештом[13]. У машинопису немає ні коментарів, ні індексів, які б відсилали до коментарів, проте очевидно, що він становить цілість із машинописом Кулішевих листів до Плєтньова – обидва ці тексти мали увійти до першого тому Кулішевих листів.

Найвірогідніше, проєкт здійснювався під егідою Комісії для видавання пам'яток новітнього української письменства УАН як логічне продовження її збірника «Пантелеймон Куліш» (К., 1927), а в його підготуванні брали участь кілька упорядників (загальна редакція, очевидно, належала Дорошкевичеві); серед них – Айзенштоκ, який опрацював Кулішеві листи до Срезневського. Думати так дає підстави нотатка Віктора Петрова, який користувався цими листами й склав подяку Айзенштокові, зауваживши, що вони повинні увійти до першого тому «Листів Куліша»[14] (нагадаємо: усі листи Куліша до Срезневського належать до періоду перед арештом адресанта).

Унікальність Дорошкевичевого проєкту в тому, що він був єдиною відомою спробою видати епістолярій Куліша системно. Дослідник зосередився не тільки на недрукованому листуванні, а й прагнув подати цілі масиви відомих і невідомих текстів, розташовуючи їх за періодами. Чи це видання мало бути окремим, чи повинно було становити том зібрання Кулішевих творів, що саме тоді почало виходити за редакції Дорошкевича, чи мало воно стосунок до «Архіву Куліша» (що менш імовірно) – наразі не знаємо. Можливо, відомості про цей проєкт із часом буде розшукано в багатих архівах Айзенштока (у ВР ІЛ) та Дорошкевича (зберігається в його сина Володимира).

Після 1930-х років маємо усього кілька істотних публікацій недрукованого Кулішевого епістолярію, що їх здійснили Микола Ґудзій (1957), Ніна Крутікова (1992), Олесь Федорук (1997), Степан Захаркін (1998), Альбіна Шацька (2000).

У повоєнний період появився також збірник Кулішевих листів – «Вибрані листи Пантелеймона Куліша українською мовою писані», що їх підготував Юрій Луцький (Нью-Йорк, Торонто, 1984)[15]. Упорядник залучив до співпраці Юрія Шевельова, який спеціально для цього видання написав статтю «Кулішеві листи і Куліш у листах» – чи не одиноку синтетичну студію, присвячену Кулішевому епістолярію.

Тексти до збірника, як було зазначено в його назві, добиралися за мовним критерієм і подавалися вибірково. Джерелом слугували різні публікації, доступні упорядникові. Один лист – до Петра Капніста, що зберігається в Музеї російської культури в Сан-Франциско, – було опубліковано вперше. Видання не мало «жадної претензії на академічне» (тому коментарі в ньому були відсутні) і покликано було збудити інтерес до Куліша та його спадщини, передовсім серед україномовного читача в західному світі, якоюсь мірою подолати «великі застереження щодо нього».

Історія видання Кулішевого епістолярію стояла мовби осторонь історії видань Кулішевих творів. Протягом XX століття було щонайменше шість

---

[13] ВР ІЛ. – Ф. 315. – Од. зб. 30. – 26 арк.

[14] *В. Петров.* Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова. (Роки 1829–1846) // Література. – К., 1928. – Збірн. 1. – С. 142.

[15] Серед рецензійних оцінок на це видання слід назвати: *М. Антонович.* Втрачений шанс // Український історик. – 1986. – Ч. 1/2 (89/90). – С. 116–120.

таких спроб (про них див. у статті «Від редколегії» в першому томі серії художніх творів; про вибрані твори в одному-двох томах тут не йдеться). Однак листи Куліша планувалося вмістити лише в двох виданнях: за редакції Каманіна та за редакції Дорошкевича.

Перше виходило за фінансової підтримки вдови письменника й мало назву: «Сочинения и письма П. А. Кулиша». За планом, що його розробив, найімовірніше, Каманін, зібрання повинно було складатися з 20 томів. В останніх трьох томах мали йти листи й нотатки про життя Куліша (див.: *О. Куліш (Ганна Барвінок)*. Оповістка про передплату на повне видання творів і листів П. О. Куліша // ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29494). Як відомо, це видання завершено не було – насамперед із фінансових причин. Вийшли лише перші п'ять томів (у 1908–1910 роках у Києві).

Наприкінці 1920-х років Інститут Тараса Шевченка почав видавати зібрання творів Куліша у серії «Бібліотека українських клясиків». У «Передньому слові» редактор видання Дорошкевич зазначив, що воно «гіпотетично розраховане на 25 великих томів (з додатковим)» і міститиме, «крім 19 томів оригінальних художніх творів, ще три томи найцікавіших листів Кулішевих». Видання було заявлено як науково-популярне, проте воно включало варіянти і супровідні статті, які заміняли коментарі. Російські твори подавалися в перекладі українською мовою. Вдалося випустити лише перший, третій і шостий томи (у 1930–1931 рр.).

У нашому виданні Кулішеві листи планується подати в десяти томах, які відповідають періодам життя й творчости письменника (згідно з періодизацією, що її розробив Євген Нахлік).

Т. 1. 1840-ві роки – грудень 1850 року (період до арешту в справі Кирило-Методіївського братства, ув'язнення й заслання до Тули);

Т. 2. Грудень 1850 – квітень 1856 року (звільнення із заслання із забороною займатися літературною працею);

Т. 3, 4. Квітень 1856 – лютий 1864 року (власна видавнича діяльність у Петербурзі, «основ'янський» та «післяоснов'янський» періоди);

Т. 5. Березень 1864 – жовтень 1867 року (урядова служба у Варшаві в Установчому комітеті);

Т. 6. Листопад 1867 – серпень 1872 року (звільнення з державної посади, заанґажування у галицько-українські суспільно-літературні справи, редагування «Правди»);

Т. 7. Осінь 1872 – весна 1879 року (проживання в Петербурзі та Мотронівці, праця над «Историею воссоединения Руси»);

Т. 8. Літо 1879 – березень 1883 року (видання й конфіскація «Хуторской философии...», від'їзд за кордон задля постійного там проживання й вільної праці, відмова від російського підданства);

Т. 9, 10. Квітень 1883 – лютий 1897 року (повернення до Мотронівки, праця над «Историею отпадения Малоросии от Польши», підготування другого видання «Истории воссоединения Руси», перекладацька праця над Біблією, творами Шекспіра, Байрона та ін.).

Розпочинаючи видання Кулішевого епістолярію, редакція усвідомлює всю складність поставленого завдання. Попри те, що існує понад столітня традиція видання Кулішевих листів, значну частину їх іще не опубліковано. Кількість раніше не друкованих текстів у нашому томі становить понад третину, і приблизно таке саме співвідношення буде у всіх томах.

Значної частини листів іще не виявлено. Зрозуміло, будуть нові знахідки, які доповнюватимуть цей і наступні томи. Листи, шо належать до періоду 1840-х років, а також листи, виявлені після виходу інших томів, яких вони стосуватимуться, буде подано в останньому томі епістолярної серії.

Усі листи друкуються за автографами. Якщо автографи невідомі, тексти подаються за списками або публікаціями. Листи подаються мовою оригіналу; зі слов'янських мов не перекладаються, з інших – супроводжуються паралельними перекладами українською (цих засад дотримано при цитуванні й у коментарях). Листи Куліша і до нього розташовано в хронологічній послідовності й мають наскрізну нумерацію (листи до Куліша виділено меншим кеглем). Редакторські кон'єктури подаються в квадратових дужках. Дрібні ортографічні похибки виправляються без застережень. Кулішеві підкреслення виділено курсивом, подвійні підкреслення – півжирним курсивом. Авторська дата у листі подається на тому місці (ліворуч, праворуч, на початку, в кінці), де вона стоїть у листі. Виправлення й закреслення у текстах листів відтворюються у посторінкових виносках із редакторською позначкою. Так само посторінково подаються примітки Куліша або інших осіб (без додаткової вказівки на авторство, за винятком, коли воно не випливає зі змісту). Редакторський заголовок містить такі компоненти: порядковий номер листа, ім'я та прізвище адресата або адресанта, місце написання і дату листа. Якщо точну дату встановити не вдалося, зазначаються верхня й нижня хронологічні межі.

Коментар складається з текстологічного й реального. У текстологічному коментарі подаються: а) редакторський заголовок; б) джерело публікації; в) обґрунтування редакторської дати, коли авторська дата відсутня або неповна; г) помітки, зроблені при одержанні листа: про отримання та відповідь, резолюції тощо; д) дописки інших осіб, які є частинами листа (наводяться повністю або частково з огляду на їхній зміст; іноді, якщо ці дописки потребують додаткового коментування, їх виведено за межі текстологічного коментаря в окрему преамбулу, яка передує коментарю реальному); е) інформація про першодрук і, якщо він був неповний, першу повну публікацію. Якщо в публікації було хибно подано дату, місце написання листа або помилково атрибутовано адресата, це відзначається.

Особи, згадані в текстах листів, анотовано в іменному покажчику (біографічні довідки в реальному коментарі не подаються). Твори або видання, згадані в текстах листів, у покажчику віднесено до імені авторів, редакторів чи упорядників. Інформацію про Кулішеві твори (видання), а також твори (видання) інших авторів див. за покажчиком при першій згадці в коментарях. Якщо особу, твір або видання у листі названо непрямо, то в коментарі пояснено, про кого (що) йдеться (за винятком, коли інформація випливає зі змісту). Твори (видання), згадані лише в коментарях, у покажчику не відображено; особи, названі тільки в коментарях, не анотуються. До покажчика географічних назв включено реальні географічні об'єкти.

Тексти підготували Наталья Хохлова (листи до Плєтньова, за винятком №№ 95, 206, 337, і від Ґрабовського – № 138, за участи Олеся Федорука) та Олесь Федорук (решта листів). Упорядкування тому, коментування текстів, укладання покажчиків здійснив Олесь Федорук.

У першому томі вміщено 302 листи Куліша і 39 до нього, з них 117 листів Куліша й 18 до нього друкуються вперше.

* * *

У 1840-х роках український правопис Куліша зазнав істотної еволюції – від етимологічного («максимовичівки») до фонетичного (кількох різновидів).

У своїх ранніх україномовних творах письменник уживав правопис Максимовича: оповідання «Циган» (1841), поема «Україна» (1843), оповідання «Орися» (автограф 1844 року), роман «Чорна рада» (автограф 1846 року). Цей правопис Куліш використовував і в інших українських текстах періоду до листопада 1846 року: листах, записах народних пісень, окремих фразах, підписах під малюнками тощо.

Улітку–восени 1846 року, готуючись до відрядження у слов'янські землі, Куліш задумав опублікувати частину написаного – «Чорну раду», «Орисю», народні перекази. Іншу частину – народні пісні, українську граматику та словник – він планував викінчити під час мандрівки. Перед ним постало практичне питання: яким правописом друкувати ці твори? Спершу Куліш мав намір дотримуватися «максимовичівки», оскільки, як він писав до Срезневського 12 жовтня 1846 р., «до сих пор <...> лучшего правописания придумать не мог» (див. також його листи до Срезневського від 20 червня 1846 р. та до Бодянського від 1 вересня та 20 жовтня 1846 р.). Однак його колеги й найактивніші співучасники творчо-видавничих ініціятив – Бодянський, Срезневський, Метлинський, Костомаров – не поділяли засад цього правопису. «Максимовичівка» в Україні не набула поширення, зокрема, через інертність її творця, який від початку 1840-х років – від часу появи двох випусків «Киевлянина» – загальмував свою видавничо-організаційну діяльність.

2 листопада Куліш написав Срезневському листа, що засвідчив кардинальну зміну його погляду на правопис. «Подумавши хорошенько о Ваших замечаниях на правописание, которого я до сих пор держался, я принял Ваше, – сповіщав він. – Итак, торжествуйте: роман мой явится с Вашим правописанием, то есть ни одного *â, ê, ô, ŷ, ѣ, ы, ться, нья, лья* и пр. и пр. Разница от Квиткиного та, что я отвергаю *ы,* как звук великорусский, но никогда украинский». У наступному листі до цього ж адресата, від 8 листопада, Куліш конкретизував свою думку: літеру *ы* він мав намір замінити на *и,* а секундарний голосний *і,* що походив з *ѣ, â, ê, ô, ŷ* – означити *и* з дашком. Закінчення *-ться* у зворотніх дієсловах виправляв на *-цьця*, а *-нья, -лья* у іменниках середнього роду – на *-ньня, -льля*. 2 листопада Куліш надіслав листа й Бодянському – з проханням змінити правопис в «Украинских народных преданиях», які готувалися до друку, з «максимовичівки» на правопис, умовно кажучи, Срезневського.

Як виявилося, для Куліша і цей правопис був перехідний (на практиці письменник його так ніколи й не зреалізував), оскільки в «Украинских народных преданиях» вжито, очевидно, зі згоди автора-упорядника, т. зв. «слобожанку», або «ярижку» (український звук *и* незалежно від походження передавався літерою *ы*, а голосний *і* – *и* без дашка). Відтак усі українські тексти 1847–1850 рр., тобто Кулішеві листи до Бодянського (можна думати, що Куліш у період заслання писав українською лише до нього, і ці листи збереглися майже всі, а також перший лист із задуманого циклу «Листи на Вкраїну із инших славянських сторон» (1847), написано саме цим правописом.

На засланні Кулішевий правопис зазнав незначних видозмін, пов'язаних із намаганням автора оптимально фонетизувати письмо. То був шлях пошуку, який згодом привів до створення «кулішівки».

У нашому виданні ми максимально відтворюємо особливості Куліше-вої мови, але, зберігаючи характерні для XIX ст. словоформи, правопис в основних рисах зводимо до сучасних норм. Таким чином:

Зберігаємо закінчення *-и* в родовому, давальному й місцевому відмінках однини іменників жіночого роду (*соли, цілости*) чоловічого, жіночого та середнього роду в називному та місцевому відмінках множини (*речи, ласощи*), варіянтне закінчення *-и* прикметників називного відмінку множини (*добри, сами, дешеви, довги ночі*).

У повних формах прикметників, дієприкметників та займенників називного відмінка множини зберігаємо закінчення *-иї* разом з подвоєнням приголосних у дієприкметниках (*смажниї уста, переписанниї рукою, преважниї речі, тиї екземпляри, дóсвіточниї казки, старшиї, отиї паничі, ізданниї*).

Не змінюємо написання літери *и* в середині слова після приголосних у запозичених словах, вважаючи, що воно зумовлювалося вимовою (*офицер, филолог, филологична, архив*).

Літеру *и* на початку слова перед приголосними і в ролі сполучника (*и, история*[16], *игра, изучити, ище*) змінюємо на *і* (*і, історія, ігра, ізучити, іще*), залишаючи лише окремі форми (*инше, инколи, иноземний, икнеться*).

Звук *ji*, виражений у Куліша літерами *і* (після голосних: *Киів, український*) та *и* (на початку слова перед приголосними: *их, ихаты*; згодом у «кулішівці»: *іх, іхати*), передаємо сучасною літерою *ї* (*Київ, український, їх, їхати*).

Зберігаємо характерні словоформи *міні* та *мині* (згодом Куліш вживав лише *міні*), *тілько, тількі* (форма *тылько*, що її Куліш кілька разів повторив у листі 1848 р., епізодична і ми її не відтворюємо).

Йотований звук *о*, що його Куліш позначав літерою *ё, зрідка – іо*, передаємо буквосполукою *йо* (*його*, а не *ёго/іого*), відповідно пом'якшення приголосного з наступним *о* – через *ьо* (*сього, остатнього, намальований*, а не *сёго, остатнёго, намалёваний*).

Уніфіковуємо написання літери *є*, що її Куліш вживав для пом'якшення приголосних (*писаннє, щастє*) і на означення йотованого *е* (*моє, грає, промовляє*); у другому випадку він протягом цілого життя частіше використовував літеру *е* (як і в «кулішівці»).

Пишемо апостроф замість *ъ* на означення роздільної вимови губних приголосних із йотованими (*урем'я, два п'ятра*, а не *уремъя, два пъятра*). Протягом усього свого життя Куліш передавав її доволі непослідовно, нерідко під впливом російського правопису спрощуючи написання слів (*імя* і *імъя, память* і *памъять, пять* і *пъять*). Ці слова також виправляємо відповідно до сучасних правописних норм (виняток: *славянський*).

Осучаснюємо написання префіксу при збігу з кореневим глухим приголосним у словах на зразок: *зкраю, зповістити, зкончив, зписати, ізписався, зказати, росказати, росхоложувати, зкомпонована, распечатувати (=разпечатувати), росправа.*

Уніфіковуємо написання слів: *мабудь, од* (у автографах *мабудь* і *мабуть, од* і *от*).

---

[16] У цьому слові два звуки *и*, можна думати, звучали по-різному: перший надближався до звуку *і*, другий був «чистим». Підтвердженням того є два варіянти написання: *исторыя* і – рідше – *ысторыя*.

Пишемо одну літеру у словах: *профессор*, *прогресс*, *оффіціально*.

Зберігаємо буквосполучення *хв* у словах: *хвалшивий*, *хвевраль*, *Шахварик* (два останні – у Бодянського); також – *перехфестя*.

Звук *г*, що його Куліш передавав буквосполученням *кг*, означуємо літерою *ґ* (*шпиґати*, *шпарґалики*).

За сучасним правописом пишемо слова окремо, разом та через дефіс – прийменники, займенники, прислівники (*з-під*, *всмак*, *декотрі*, *додому*, *коли б*, *ніщо*, *по-московські*, а не *з під*, *в смак*, *де котрі*, *до дому*, *колиб*, *ні що*, *по московські*).

Закінчення зворотніх дієслів виправляємо, відповідно до сучасних норм, на *-ться*, *-шся*. У Кулішевих листах 40-х рр. зустрічається декілька форм закінчень: до листопада 1846 року – *-ться*; пізніше – *-ццця*, рідше – *-цьця* (*бачацця*, *бояцця*, *візьмецця*, *водицця*, *годитимецця*, *дивицця*, *здаєцця*, *злякаєцця*, *змилуюцця*, *знадобяцця*, *знайдуцця*, *зовецця*, *зостанецця*, *зуперечицця*, *икнецця*, *кланяєцця*, *лучицця*, *минецця*, *нахвалицця*, *пишецця*, *порозлазяцця*, *постараєцця*, *продаєцця*, *радуєцця*, *сердицця*, *скончицця*, *спорицця*, *трапицця*; *змагацьця*, *плутацьця*, *різницьця*, *хапацьця*, у листі Бодянського – *швендацьця*). Закінчення на *ся*: *домізкуєсся*, *доб'єсся*, *зостаєсся*, *обертаєсся*, *одзовесся*, *сміятимесся*. Таким чином, пишемо: *бачаться*, *бояться*, *візьметься*, *водиться*, *годитиметься*, *дивиться*, *здається*, *злякається*, *змилуються*, *знадобяться*, *знайдуться*, *зоветься*, *зостанеться*, *зуперечиться*, *икнеться*, *кланяється*, *лучиться*, *минеться*, *нахвалиться*, *пишеться*, *порозлазяться*, *постарається*, *продається*, *радується*, *сердиться*, *скончиться*, *спориться*, *трапиться*, *змагаться*, *плутаться*, *різниться*, *хапаться*, *швендаться*, *домізкуєшся*, *доб'єшся*, *зостаєшся*, *обертаєшся*, *одзовешся*, *сміятимешся*.

У дієсловах першої особи однини другої дієвідміни, корінь яких закінчується на *д*, замість *ж* пишемо *дж*: не *розхоложувати*, *пересажувати*, а *розхолоджувати*, *пересаджувати*. За сучасним правописом також подаємо дієслово *виїжджати*, що в Куліша зустрічається у двох формах: *виїзжати* і *виїзджати*.

Дієслівний суфікс *-ова* зберігаємо: *компоновати*, *митиковати*, *одвітовати*, *муровати*, *листоватись*, *сумовати*, *зруйновати*, *друковати*, *мізковати*.

Передаємо без змін закінчення *-є* у іменниках четвертої відміни: *коханнє*, *мізкованнє*, *привітаннє*, *проханнє*, *уповаженнє*, *ушанованнє*, *життє*. Літеру *ь*, що нею іноді означувано м'яку вимову подвоєного приголосного (*писаньнє*, *замешаньнє*) опускаємо (*писаннє*, *замешаннє*).

У листах 1848–1849 рр. на означення сполучника *то* іноді вживано дублетні форми *до* і *до'*, запозичені з українського письма XVIII – початку XIX ст. (*як скончиться твоє діло, до', будьласко', зараз напиши*; *перемелеться, до'й мука буде*; *як порозлазяться по дачах, до до осени мов жаби з болота ледве носи витикають*). У нашому виданні подаємо сучасний відповідник цього написання: *як скончиться твоє діло, то, будьласко...* і т. д.).

Уніфіковуємо написання слів: *пісня* (що в листах має дублетну форму *пісьня*; але: *після*, *світ*).

Не пишемо літери ъ після кінцевої приголосної. Важливо відзначити, що у листі до Бодянського від 1 грудня 1849 р. Куліш сам її уникав – це одна з перших його спроб відмовитися від цієї зайвої літери (наприкінці 60-х років у Галичині він широко практикував зреформовану «кулішівку» без ъ).

Зберігаємо форму слів: *скорійш*, *правдивійши*, *пришлось*, *приде*, *безпомошна*, *віковішній*, *смашне*, *навіки вішні*, *скушно*, *варіянти*, *квартера*, *при-*

пекають, хиба. Подаємо сучасне написання: *щастє, щасливий, свій щот*, а не *счастє, счасливий, свій счот*.

Зберігаємо фонетичну форму написання міста *Петербурх* (а не *Петербург*; різновиди: *Пітінбурх, Петембурх*), місцевий відмінок – *у Петербурсі*, що прочитувалося як *Петровій бурсі* (див. лист до Шевченка від 5 червня 1844 р.). Відтак не виправляємо й прикметник *петербурський*. У російських текстах цю назву також передаємо буквально: С. Петербург, Санктпетербург, С. П. Бург, Спбург, Птрбург, С. П., С. П. Б.

Прізвища відтворюємо буквально, допускаючи фонетичні варіянти, що випливають із відмінностей вживання в російській та українській мовах: *Кулеш* (в російській мові через ѣ)[17] і *Куліш*, *Кастомаров* і *Костомаров* тощо. Власні імена та назви подаємо без фонетичних змін (виправляємо лише суфікс *-ськ*, що в Куліша зустрічається з пом'якшенням і без): *Ригельман, Свидзінський, Одиссея, Німещина, Берлин, Віна.*

Наголоси, розставлені в українських словах, передаємо у випадках, коли вони не збігаються із сучасними ортоепічними нормами (*сéмъя, неміщнá бабуся, Мóсква*).

Російські тексти подаємо за сучасним правописом, зберігаючи особливості, притаманні тогочасній вимові (*нумер, извощик* тощо). Етноніми й похідні від них прикметники, загальні назви установ, посад тощо пишемо з малої літери (*польская литература, учитель, ректор, губернатор, инспектор, университет, типография*). Назви часописів і творів беремо в лапки й коригуємо написання слів з великої та малої літер («Чорна рада», «Современник» а не *Чорна Рада, Современник* і т. д.; винятки – назви літописів, які передаємо буквально). Написання слів з великої літери зберігаємо у випадках, коли того вимагали правила етикету або логічний наголос (*Вы, Милостивый Государь, Господин, Благодетель, Наставник, Друзья, Князь, Граф, Барон, Император*). Якщо те саме слово вжито і з великої літери, і з малої, його написання не коригуємо.

Українські цитати в російських текстах передаємо або українськими літерами, або буквально, коли їхнє прочитання є двозначним. Старослов'янські фрази подаємо без змін.

Пунктуацію виправляємо лише в тому разі, коли вона не узгоджується з сучасною і не дає додаткових змістових відтінків.

---

[17] Звісно, це написання Кулішевого прізвища є умовним, оскільки відтворити його фонетично так, як вимовляв Куліш, неможливо. Те, що в російській мові ѣ читали як *е*, змусило Куліша, який прагнув в російськомовному тексті закріпити вимову *Куліш*, згодом відмовитися від етимологічного вживання цієї літери й запровадити у власному прізвищі літеру *и* (*Кулишъ = Куліш*). Цей процес почасти відбито в Кулішевих листах до Бодянського з Тули, де письменник, пишучи своє прізвище через ѣ, тут же виправляє цю літеру на *и*. Що в Кулішевому прізвищі навіть українець ѣ прочитував як *е*, видно з листа Івана Димковського до Григорія Квітки (див. премабулу в коментарі до листа 7). Як виняток, замість ѣ пишемо *и* лише в підписі Куліша, наявному в листі до друга дитинства воронізця Чуйкевича, а також – у підписах Олександри Куліш.

1841

1. До Михайла Максимовича

Луцьк, 25 березня 1841 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. ІІІ. – Од. зб. 5121.

Першодрук: Письмо П. А. Кулиша к М. А. Максимовичу // КС. – 1899. – Июль. – Отд. II. – С. 6–8.

Учнем Новгород-Сіверської гімназії Куліш випадково прочитав Максимовичеву збірку народних пісень, видану 1834 року. Ця подія, як він образно висловився у спогаді про Костомарова, «в один день» перетворила його з російського народника на українського. Про своє спілкування з першим ректором Університету св. Володимира на початку 1840-х років Куліш оповів у автобіографії: «вечорами закликав його (Куліша. – *Ред.*) до себе на прочитанку. Читали вкупі народні пісні українські і розкладували по розрядам. Потім стали читати Вальтер-Скотта – і оце була найбільша користь Кулішеві з того спознання; професор звертав його увагу на закони іскуства, а той ловив жадібно усяке його слово» (*Жизнь*, ч. 24, с. 283). Максимович опублікував у «Киевлянине» перші оповідання Куліша, рекомендував його Михайлові Юзефовичу, а в Луцьку – Стефанові Зеновічу.

У 1844 році Максимович виношував план спільного з Кулішем видання народних пісень (за участи Срезневського, Метлинського та Костомарова), що не здійснився. У другій половині 1840-х років Кулішеве ставлення до Максимовича стало критичнішим. Можна думати, запального Куліша дратувала повільність, із якою науковець видавав чергову збірку народних пісень. Після 1834 року минуло 15 років, поки з'явилося нове видання, що його підготував Максимович.

По засланню Куліша його творчі й особисті взаємини з Максимовичем знову набули дружнього конструктивного характеру, але в другій половині 1850-х років остаточно зіпсувалися (див. коментар до наступних томів). Див. також: *В. Данилов.* П. А. Куліш. і М. О. Максимович // Україна. – 1926. – Кн. 5(15). – С. 13-22.

В ІР НБУВ зберігаються машинописні копії Кулішевих листів до Максимовича, що їх зробив у 1920-ті роки Володимир Данилов, спорядивши детальними коментарями. Копії охоплюють період 1850–1864 рр. і призначалися для публікації, яка не здійснилася (Ф. Х. – Од. зб. 14714).

У нашому томі подано три Кулішеві листи до Максимовича. За період квітня 1847 року зберігся лише один лист, хоча були й інші (про втрачені немає відомостей, окрім згадки про лист з Луцька – див. у тексті). Проте й немає підстав гадати, що в цей період їхнє листування було регулярним.

1. «Киевлянин» – альманах, що його видавав Максимович у Києві (1840. – Кн. 1; 1841. – Кн. 2) і Москві (1850. – Кн. 3). У перших двох випусках Куліш умістив оповідання «О том, отчего в местечке Воронеже высох Пешевцов став» (Кн. 1. – С. 205–215), «О том, что случилось с козаком Бурдюгом на Зелёной неделе» (Кн. 1. – С. 215–228) і повість «Огненный змей. (Повесть из народных преданий)» (Кн. 2. – С. 181–288), яка зайняла майже третину обсягу книжки.

2. Цей лист невідомий.

3. Штатним наглядачем Луцького повітового училища був Іван Глібовський. Див. прим. 6 до цього листа.

4. Після арешту Нарциза Олізара як учасника листопадового повстання 1831 року його бібліотеку, яка налічувала декілька тисяч томів, конфіскували разом із маєтком у містечку Рафалівці. Більшу частину книгозбірні було вивезено до Житомира і передано до тамтешньої гімназійної бібліотеки, а решту розпорошено (*F. Radziszewski.* Wiadomość historyczna o znakomitych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych. – Kraków, 1875. – S. 71, 123; *H. Tadeusewicz.* Olizar Narcyz // Słownik pracowników książki polskiej. Suplement. – Warszawa; Łódź, 1986. – S. 157). У цих роках було конфісковано й книгозбірню Нарцизового брата Ґустава, яка влилася до фондів бібліотеки щойно відкритого Університету св. Володимира.

5. Учителем історії та географії в училищі був Іван Пальчевський.

6. У Луцькому дворянському повітовому училищі Куліш виконував обов'язки учителя російської мови (до штату його зараховано 28 січня 1841 р.), а також, за розпорядженням куратора шкільної округи, займався впорядкуванням бібліотеки, конфіскованої в Нарциза Олізара. Незважаючи на те, що Кулішеві було дозволено користуватися книжками з цієї бібліотеки, штатний доглядач Іван Глібовський почав втручатися в Кулішеву роботу. Між ними виник конфлікт, унаслідок якого молодого вчителя 21 серпня 1841 р. було переведено, з доганою і попередженням, до трикласного Києво-Печерського дворянського повітового училища (*В. С. Шандра.* Документи ЦДІА УРСР у м. Києві про П. О. Куліша // Архіви України. – 1989. – № 5. – С. 21; *Є. Грушка.* Там, де вчителював Куліш у Луцьку // Радянська Волинь. – 1991. – 17 квіт.).

Михайло Чалий, використовуючи спогади Івана Хильчевського, у біографічному нарисі про Куліша оповів, що конфлікт із Глібовським почався з того, «что смотритель сделал неуместное замечание библиотекарю Хильчевскому, что он оставляет в библиотеке по целым дням Кулиша одного» (*М. Чалый.* Юные годы П. А. Кулиша // КС. – 1897. – Май. – Отд. I. – С. 298). За цим самим джерелом, Глібовський став штатним доглядачем училища в 1840/1841 навчальному році за протекцією свого родича, директора Немирівської гімназії Івана Кульжинського. «Несимпатичная и невежественная личность нового начальника поселила между педагогами разлад». Невдовзі за хабарництво Глібовського «куда-то убрали, но вслед за тем Хильчевского деградировали по службе», перевівши його служити в інше місто (Там же. – С. 298).

Директор училища Іван Аврамов пояснював кураторові шкільної округи листом від 26 квітня 1841 р., що Кулішеві не дозволяли користуватися конфіскованою бібліотекою через відсутність каталогу (про це згадав і Куліш у коментованому листі). «Ваше сиятельство, – писав Аврамов, – от 11 сего апреля за № 1674 предложили распорядиться учителя Луцкого уездного училища Кулиша к разбору конфискованных книг у лиц, участвовавших в бывших в сем крае беспорядках, и хранящихся при том же училище. Вследствие сего имею честь доложить, что штатный смотритель, на ответствии коего лежат эти книги, не может никого допустить к разбору книг и давать читать, не имея у себя каталогов, которые ещё в 1838 году представлены предшественнику Вашего Сиятельства» (*Є. Грушка.* Там, де вчителював Куліш у Луцьку // Радянська Волинь. – 1991. – 17 квіт.).

Вірогідно, Глібовський поскаржився на Куліша директорові училищ Волинської губернії, який зробив відповідне подання директорові учи-

лищ Київської губернії. Наслідком цього 4 жовтня 1841 р. той доповів кураторові Київської шкільної округи: «Директор училищ Волынской губернии донёс мне, что исполняющий должность учителя русского языка Луцкого уездного училища, ныне перемещённый в Киево-Печерск[ое], Кулиш во время служения в Луцком училище был весьма невежлив и грубо обращался с штатным смотрителем и учителями того училища. Вследствие сего, по служению Кулиша в ведении Вашем, я предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить Кулишу, что я ограничиваюсь на сей раз сделанным ему выговором, единственно из снисхождения к его молодости, по летам и по службе, на будущее же время за подобные проступки с ним будет поступлено по всей строгости закона» (Там само).

7. Куліш зберіг теплий спогад про своє спілкування в Луцьку зі Стефаном Зеновічем, поляком із походження, і польськими ксьондзами: «Это был истинный поляк и в то же время совершенный толерант, – не смотря даже на постоянное сообщество с ксёндзами тринитарами, которые и меня ласкали с добротою, чуждою какого-либо религиозного посягательства или антагонизма» (*П. Кулиш.* Хуторская философия и удалённая от света поэзия. – СПб., 1879. – С. 95). Прізвище Зеновіча стояло першим серед осіб, «благородной памяти» яких він мав намір присвятити «Историю воссоединения Руси» (КС. – 1898. – Янв. – Отд. I. – С. 137). За Чалим, Куліш у Луцьку «влюбился [...] на весьма, впрочем, короткое время разом в двух девиц», одна з яких була небогою Зеновіча (*М. Чалый.* Юные годы П. А. Кулиша // КС. – 1897. – Май. – Отд. I. – С. 297–298).

2. До Дмітрія Бібікова

Луцьк, 6 травня 1841 р.

Подається за автографом: ЦДІА. – Ф. 442. – Оп. 1. – Спр. 3882. – Арк. 1, 3.

Першодрук: *В. С. Шандра.* Документи ЦДІА УРСР у м. Києві про П. О. Куліша // Архіви України. – 1989. – № 5. – С. 24.

У зв'язку з Кулішевим клопотанням у канцелярії Київського генерал-губернатора було відкрито справу: «Дело по партикулярному письму учителя Луцких дворянских училищ Кулеши об изволении ему обозреть в Луцке городские здания и архивы» (ЦДІА. – Ф. 442. – Оп. 1. – Спр. 3882). 12 серпня 1841 р. виконувач обов'язків генерал-губернатора Григорій Лашкарьов дав розпорядження Луцькій міській поліції допустити Куліша до вільного огляду міських будівель і архівів (Там само. – Арк. 1). У канцелярії дозвіл було завізовано 18 серпня, але Куліш ним не скористався, оскільки через три дні вийшло розпорядження про його переведення до Києво-Печерського дворянського училища.

1. Товариство, яке діяло в Києві до заснування Тимчасової комісії для розгляду давніх актів. Активну участь у ньому брали польські аристократи-колекціонери, зокрема Константий Свідзінський.

2. Замок кінця XIII – першої половини XIV ст.; три вежі: Надбрамна, Стирова і Владича.

3. Найімовірніше, йдеться про скарбника Луцького повітового суду Івана Давиденка.

1842

3. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 14 вересня 1842 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28977.

Першодрук: *В. Петров.* Шевченко, Куліш, В. Білозерський – їх перші стрічі // Україна. – 1925. – Кн. 1/2. – С. 43–44. Друга публікація з автографа: *Листи*, с. 32–33.

Стосунки Куліша з Миколою Білозерським розвивалися в кількох площинах: родинній (Микола Данилович був братом у перших Олександри, найближчим і найстаршим за віком родичем серед чоловіків; він же був і посадженим батьком молодої на Кулішевому весіллі), літературних інтересів (Білозерський був освіченим поміщиком, особисто знав Миколу Гоголя, Аполлона Мокрицького, Нестора Кукольника та інших, мав багату бібліотеку, яку постійно поповнював, збирав українські реліквії, старі рукописи) та ділових стосунків (він надавав Кулішеві різні послуги переважно побутового характеру). Кулішеве ставлення до Білозерського було чи не найстабільнішим: їхні взаємини розвивалися поступово, без особливих перипетій (про це свідчить і велика кількість Кулішевих листів до нього, що збереглися, – 87; однак їх було більше). До кінця життя Білозерського Куліш зберіг повагу до нього, провівши його врешті в останню путь (у липні 1869 року).

Від'їжджаючи за кордон, Куліш залишив у Білозерського частину своїх паперів, у тому числі й листування. Під час обшуку ці документи було конфісковано. Два з них привернули увагу жандармів, і їх долучили до Кулішевої справи – правда, уже тоді, коли слідство завершувалося й усі обвинувачення в основному було сформульовано.

На час заслання взаємини Куліша з Білозерським перервалися. Дві короткі дописки Куліша на листах його дружини до Білозерського незадовго перед звільненням, по суті, попереджають новий етап у їхніх взаємних, коли Куліш, прибувши після заслання до Мотронівки, відновлює давню приязнь. Докладніше про їхні стовунки див.: *О. Федорук.* П. О. Куліш і М. Д. Білозерський: взаємини на тлі доби // *Листи,* с. 3–31. Див. також коментарі до наступних томів.

У нашому томі подано сім листів Куліша до Білозерського, з них два написано в Тулі. Невідомими залишаються Кулішеві листи 1845–1847 рр. – з Петербурга та Варшави, хоч є всі підстави вважати, що листування між ними в цей період не припинялося.

1. Йдеться про «Историю русов» невідомого автора, яка в першій половині XIX ст. була важливим джерелом вивчення історії України й стимулювала процеси самоідентифікації. Тривалий час автором цього твору вважався Георгій Кониський. Уже в 1840-х роках Куліш ставився до «Истории русов» як історичного джерела критично (див. судження про «вымыслы Конисского» у його листі до Юзефовича від 10 вересня 1844 р. – № 33).

Зберігся список «Истории русов, или Малой России», що походить із бібліотеки Станіслава Шодуара. У ньому на звороті титульного аркуша напис рукою Куліша: «*Примечание.* Сей список Летописи Кониского считан

с его подлинником, в августе месяце 1842 года. Переписан же он со списка так названного *Литовского*, принадлежащего помещику Полтавской губернии Михайлу Владимировичу Юзефовичу» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 4094. – Арк. [VI зв.]).

2. Устрялов мав намір видати в Петербурзі «Историю русов», проте, як писав Іван Сахаров до Осипа Бодянського 13 квітня 1846 р., «за строгостию цензуры вышла остановка» (Материалы для истории Императорского Общества истории и древностей российских. II. Письма И. П. Сахарова к О. М. Бодянскому // ЧОИДР. – М., 1893. – Кн. 3. – С. 67).

3. Як зауважила Валентина Шандра, список «Истории русов», імовірно, потрапив до колекції Юзефовича від Ніколая Пісарєва, який доводився йому родичем: брат Юзефовича був одружений із сестрою Пісарєва (*В. Шандра.* Роль М. В. Юзефовича у діяльності Київської археографічної комісії // Матеріали ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії (Київ, Седнів, 18–21. X. 1993 р.). – К., 1997. – С. 139). Див. також прим. 1 до цього листа. Про взаємини Куліша з Юзефовичем див. преамбулу в коментарі до листа 10.

4. Цей намір Кулішеві здійснити не вдалося. Уже на початку 1840-х років він мав велику збірку народних пісень, про яку, зокрема, писав Ґрабовський у своїй праці «O gminnych ukraińskich podaniach»: «Zbiór jego pieśni ukraińskich w rękopiśmie jest zapewne najbogatszy ze wszystkich znajomych, a ułożony bardzo systematycznie. Z tego źródłowego zbioru tworzy on drugi, wypisując wszystkie najpiękniejsze pieśni i najpiękniejsze miejsca i urywki» (Rubon. – Wilno, 1845. – T. VI. – S. 153).

Після знайомства з Костомаровим, Срезневським і Метлинським Куліш задумав видати своє зібрання в спілці з ними, долучивши до своїх матеріялів і їхні пісенні збірки. Проте, зав'язавши дружні й ділові контакти з Бодянським, який теж мав велику збірку пісень, він вирішив передати свої фольклорні записи йому з метою публікації у «Чтениях ОИДР». Арешт і заслання Куліша, а невдовзі припинення видавничої діяльности Бодянського завадили реалізації цього проєкту. Кулішеві вдалося опублікувати лише історичні пісні й думи (значну частину яких він зібрав уже в 1850-х роках) – у збірнику Метлинського «Народные южнорусские песни» (К., 1854) й у першому томі «Записок о Южной Руси» (СПб., 1856).

5. Найімовірніше, тут мова передовсім про Максимовича, який володів великим зібранням народних пісень, проте зволікав з їхнім виданням.

4. До редакції «Москвитянина»

Київ, 29 травня 1842 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 1.

Першодрук: *Савченко*, с. 6.

«Москвитянин» – щомісячний журнал, який виходив у Москві від 1841 до 1856 року (з невеликими перервами) за редакції Міхаїла Погодіна (з 1849 року – 24 книжки в рік; неофіційним редактором перших трьох номерів 1845 року був Іван Кірєєвський). У 1840-х роках відділ літературної критики у журналі вів Стєпан Шевирьов. У журнальному світі «Москвитянин» протиставляв себе «Отечественным запискам» і «Библиотеке для чтения», після

1847 року також і «Современнику», критикуючи їх, зокрема, за «кон'юнктурність» і західництво. Див. також преамбулу в коментарі до листа 6.

1. Куліш надіслав Погодіну друкований текст оголошення. Про нього довідуємося з нотаток Миколи Білозерського: «Объявление о составлении книги под загл[авием] "История коренных малорос[сийских] фамилий". In f, 2 ненум[ерованные] стран[ицы] круп[ным] шрифт[ом], в конце: "П. Кулеш. 13 апреля 1842 года. Киев. Адрес издателя: Его Благородию Пантелеймону Александровичу Кулешу, в Киеве". "Печатать позволяется. Цензор А. Федотов-Чеховский. 1842 года, апреля 14 дня"» (ІР НБУВ. Ф. І. Од. зб. 25743. Арк. 75).

Оголошення було опубліковано в «Москвитянине» у формі допису «Из Киева» з датою «13 апреля, 1842 года» (1842. – Ч. 6. – № 11. – С. 244–245). Куліш майже дослівно передрукував його наприкінці свого роману «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» під назвою «Объявление о составлении книги под заглавием: История малороссийских фамилий» (К., 1843. – Ч. 3 – С. 217–221). Дата в цій публікації: «1843 года. Киев».

5. До редакції «Москвитянина»

Київ, 9 жовтня 1842 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. ІІ. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 2–2 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 6–7.

1. Йдеться про оповідання «Коваль Захарко. Рассказ одного козака», опубліковане 1843 року в січневій книжці «Москвитянина» за підписом «П. К.» (с. 132–140). Дата під оповіданням: «1841. Киев».

2. Про яке оповідання йдеться – невідомо.

1843

6. До Міхаїла Погодіна

Київ, 25 січня 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. ІІ. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 4.

Першодрук: *Савченко*, с. 7.

Куліш уперше звернувся до Погодіна як редактора «Москвитянина». Кулішеві листи, адресовані редакції цього журналу (див. № 4, 5), є, по суті, першими листами до Погодіна. Кулішеві імпонувала боротьба за «старые предания» з так званими прогресистами, яку проголосила редакція «Москвитянина». До 1847 року він регулярно публікувався в цьому журналі. Погодін, а також редактор відділу літературної критики Шевирьов високо оцінювали письменницьку майстерність Куліша, заохочували його до участи в журналі, публікували прихильні відгуки та рецензії на його твори. Спершу захоплений панславізмом «Москвитянина» (висловленим, щоправда, в казенному дусі),

Куліш із часом спостеріг недоброзичливе ставлення Погодіна до українського питання. Почасти саме це в 1850-х роках призвело до припинення будь-яких стосунків між ними (див. коментарі до наступних томів). Стислий (і поверховий) аналіз їхніх взаємин – у вступній статті Федора Савченка до публікації Кулішевих листів до Погодіна (*Савченко*, с. 1–5).

У нашому томі подано 20 листів до Погодіна (з них два – до редакції «Москвитянина»). Можна думати, це повний корпус Кулішевих листів до названого адресата за означений період.

1. Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад. Сочинение П. Кулеша. – К.: В унив. тип., 1843. – Ч. 1. – 206 с.; Ч. 2. – 190 с.; Ч. 3. – 221 с. У «Москвитянине» було передруковано (під назвою «Отрывки из нового романа *Михайло Чарнышенко*») розділи 14–16 роману, без приміток і нумерації (1843. – Ч. V. – № 9. – Смесь. – С. 243–264).

Первісна назва твору: «Михайло Чарныш, или Малороссия восемьдесят лет назад». Зберігся білет (автограф Куліша) на придбання книжки під цією назвою (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 3975). Спочатку видання планувалося здійснити у двох томах. Роман отримав цензурний дозвіл 21 вересня 1842 р. Перша частина з'явилася друком до 5 листопада (цим днем датовано лист Василя Білозерського до Миколи Даниловича Білозерського з повідомленням, що книжка вже вийшла в світ: ІМФЕ. – Ф. 3. – Од. зб. 102). Третю було надруковано, мабуть, у січні 1843 року (тим-то Куліш надіслав роман відразу кільком адресатам 25 січня – див. листи 7 і 8). Див. також преамбулу в коментарі до листа 10.

7. До Григорія Квітки

Київ, 25 січня 1843 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 149.
Друкується вперше.

З невідомих причин Квітка не відповів на лист (можливо, завадила хвороба: 8 серпня 1843 р. він помер). Його ставлення до Куліша як письменника могло зумовлюватися їхньою спільною участю в Гребінчиному альманасі «Ластівка» (СПб., 1841), де Куліш умістив оповідання «Циган. (Уривок з казки)», а Квітка – декілька творів, зокрема повість «Сердешна Оксана». Проте на цьому ставленні міг позначитися й лист Івана Димковського до Квітки від 8 січня 1841 р. з Лохвиці Полтавської губернії. У листі дано гостру негативну характеристику Куліша як письменника, що замість писати українською мовою бере народні сюжети й обробляє їх по-російському, і навіть прізвище своє подає зросійська. Разом із листом Димковський надіслав Квітці власний переклад Кулішевих оповідань «О том, отчего высох Пешевцов став» та «О том, что случилось с козаком Бурдюгом на Зелёной неделе» за підписом Іван Довготелесий. «Читавши "Киевлянина на 1840-й год", найшов я там дві Приповісті, за підписом П. Кулеша, – писав Димковський. – Вони наші, родимі, притаманні; я чув їх, як був іще маленьким. Так що ж? Тілько побачив, що Куліш – так би – по прізвищу і наш брат – подписався "Кулѣшем", то я заразі і догадавсь, що він покоштував московських щей, а як прочитав приповісті: то вже зо всім пізнав, що він або забув, або ж не дотепний по-нашому писати. [...] Уже мині здається, що як

так писать по-нашому, як пан Куліш пише, то лучче взять та й перо закинуть, заплющивши очі. По-моєму, коли не піп, то не смикайся і в ризи... Усякому любо своє читать. От як ваші книжки: Маляр ("Салдацький патрет" – *Ред.*), Маруся, Мертвецький обід, Скарб і другі. Чому їх не читать, коли читаєш та ще хочеться; а хочеться од того, що воно писано по-нашому, все до діла, та все так, що хоч і неписьменний, то розбере. Отже-то, начитавшись, Добродію, ваших книжок, мині аж нудно стало, читавши приповісті Куліша. От я взяв, та й перелицьовав їх по-своєму. Прочитав раз, прочитав удруге сам собі, мині здалось, мов луччі вони стали. Сам собі віри не йму. А далі і думаю собі: прочитаю лиш я голосно, щоб сторонні почули: що то вони скажуть? Як прочитав, то там усі разом і загули: "Оце так! Се вже не те, що Куліш понаписовав, що й не раз береш його. Нігде правди діть, се вже хоть і в дрюкарню то годиться". От од чого я осмілився, Добродію, послать до вас ті приповісті і турбовать вас моєю низькою просьбою. Будьте ласкави! надрюкуйте їх, коли можна, у ваших книжках. Я чув, або не те що чув, сам бачив у листах ваших земляків, що началство до вас ласкаво, і вам усе дрюковать можна, аби не було чого-небудь підозренного. Тут же, здається, мов нема нічого, окроме одного повір'я нашого. Та будьте ласкави! Напишіте до пана Куліша, щоб він не брався не за своє діло, нехай собі пише, коли хоче, по-московській. Нехай не пеце нашого язика, коли не вчився у дяка» (*В. И. Срезневский.* Г. Ф. Квитка и И. И. Срезневский // Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. – Петербург, 1922. – С. 209–210).

1. Йдеться про «Объявление о составлении книги под заглавием: История малороссийских фамилий», що його Куліш вмістив наприкінці свого роману «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (К., 1843. – Ч. 3 – С. 217–221). Див. також прим. 1 до листа 4.

8. До Пєтра Плєтньова

Київ, 25 січня 1843 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 1.

Помітка про отримання: «янв[арь]. 1843. Кулеш».

Друкується вперше.

Перший лист Куліша до Плєтньова датовано 25 січня 1843 р., однак листування між ними налагодилося з початку 1845 року, коли Куліш надіслав для «Современника» уривок із «Чёрной рады». Пройнявшись довірою до молодого чоловіка, Плєтньов допоміг йому переїхати до Петербурга, влаштувавши його на викладацьку роботу в П'ятій гімназії та університеті. У столиці Куліш долучився до гуртка Плєтньова, ставши його повноправним членом, характеризуючи його як «наш кружок» (*Щоденник*, с. 20). Спілкування з Плєтньовим та його оточенням справило значний вплив на Куліша, який перейнявся світосприйманням та літературно-естетичними уподобаннями свого покровителя з їхнім пасеїзмом, сентиментальною чуттєвістю, морально-дидактичним нахилом, взоруванням на класику. «Он всё моё принимает в образец», – вдоволено констатував Плєтньов у листі до Якова Ґрота (*Переписка*, т. 2, с. 623). У той самий час вплив Плєтньова

Куліш визначав так: «Я сгармонировался, руководствуясь его правилами, вкусом и духом суждений» (*Щоденник*, с. 39). Цей вплив, однак, не поширювався на національні переконання Куліша. Як згадував письменник, неприйняття Плєтньовим ідеї українського національного відродження, зокрема літературної творчости рідною мовою, – єдине, що стояло на заваді їхнього духовного єднання (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 66).

Протягом 1846 року Куліш настільки зблизився з Плєтньовим, що (як зазначив наприкінці життя у передмові до «Позиченої кобзи») вважав його «за рідного батька». Одружуючись, він саме у Плєтньова просив батьківського благословення. Завдяки старанням Плєтньова Академія наук скерувала Куліша за кордон на два з половиною роки для славістичних студій. Виїжджаючи, він отримав від Плєтньова рекомендаційного листа до Жуковського, який тоді мешкав у Німеччині. Лист починався словами: «Посилаю до вас другого себе» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 12).

Коли Куліш перебував у Тулі, Плєтньов усіляко підтримував його, регулярно клопотався перед генералом Дубельтом та графом Орловим про полегшення умов заслання. У автобіографічній поемі «Евгений Онегин нашего времени», що її Куліш присвятив своєму покровителю (за аналогією: «Евгения Онегина» Плєтньову свого часу присвятив Пушкін), він вивів його в образі «Пустынника». Наприкінці життя вдячний Куліш присвятив Плєтньову свою поетичну збірку «Позичена кобза». Про творчі й особисті взаємини Куліша з Плєтньовим див.: *Є. К. Нахлік.* Вплив П. Плєтньова на перцепцію Пушкіна в морально-естетичній свідомості раннього П. Куліша // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2001. – Вип. 15. – С. 63–76.

У ВР ІЛ зберігаються машинописні копії Кулішевих листів до Плєтньова, що їх зробив у 1920-х роках Олександр Дорошкевич, спорядивши детальними коментарями (Ф. 18. – Од. зб. 184. – 69 арк.). Копії охоплюють період до арешту Куліша (33 листи) й призначалися для окремого видання Кулішевого епістолярію, яке не було здійснено (див. преамбулу до коментарів у цьому томі).

У нашому томі подано 55 листів Куліша до Плєтньова (один – від 13 грудня 1850 р. – з купюрами) і три листи Плєтньова до Куліша (два з них містять пропуски) – усі відомі на сьогодні. Повно представлено епістолярій за період до 15 березня 1848 р., проте за наступні два роки й вісім місяців наявні тільки два Кулішеві листи.

Серед тих, які слід вважати втраченими: 1) три листи до Плєтньова, які той подав 12 липня 1849 р. на розгляд III відділу як доказ скрутного становища Куліша на засланні і які адресатові повернули (*КМТ*, т. 2, с. 150); 2) два Кулішеві листи, про які йдеться в листах Плєтньова до Ґрота від 16 жовтня 1849 р. («Посылаю тебе письмо Кулеша. Переведи рассказанное там и напечатай. Это событие (? – *Ред.*) чудно интересное. Я просил его сообщить мне подробности об этих трёх лицах (? – *Ред.*). [...] Письмо же подлинное возврати мне, кончив перевод»; *Переписка*, т. 3, с. 480) і 7 жовтня 1850 р. («Кулеш ко мне пишет, что тульский губернатор поручал ему срисовать памятник на Куликовом поле и что его рисунок был представлен Государю и Великим Князьям в их проезд через Тулу; все остались довольны, но его судьба не улучшена. Он познакомился с каким-то помещиком, который военное поприще променял на занятие живописца. И Кулеш теперь преимущественно предался живописи,

в которой успевает»; *Переписка*, т. 3, с. 521). Два листи Плєтньова є відповідями на невідомі листи Куліша від 14 травня 1849 р. і за жовтень–листопад 1850 року.

9. До Міхаїла Погодіна

Київ, 2 березня 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 6–7 зв.

Помітка про отримання: «Получ[ил] 16 марта». Перед цифрами 1, 11, 12, 15 олівцем проставлено хрестики, яких стосується помітка на берегах: «Списать и выслать по времени. [Нрзб.]».

Першодрук (із пропусками): *Барсуков*, кн. VII, с. 142–144. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 7–10.

1. Несправедлива батьківщина (*латин.*).

2. Можливо, йдеться про Івана Григоровича Солонину, поміщика сіл Чемерів та Коптева, у 1818–1821 рр. підсудка Козелецького повітового земського суду (*В. Л. Модзалевский.* Малороссийский родословник. – К., 1914. – Т. 4. – С. 724). У «Родословной книге Черниговского дворянства» Григорія Милорадовича (СПб., 1901) цю особу не зафіксовано.

Анекдотичний переказ про родовід Солонин Куліш зберіг у пам'яті до кінця життя і в 1890-х роках у романі «Владимирия, или Искра любви» змалював головного героя нащадком цього роду: «Дедушка был прямым наследником одного из дворян Солонин, и я собственными ушами слышал его рассказ в кругу таких же, как и он, дворян, что этот Солонина, прозванный за его воинские подвиги Недригайлом, обладал драгоценным свидетельством древности нашего дворянского рода, именно – универсалом Понтийского Пилата, данным сотнику Солонине, присутствовавшему при распятии Спасителя» (Київська старовина. – 1998. – № 1. – С. 42).

Виїжджаючи 1847 року за кордон, Куліш залишив у М. Д. Білозерського частину своїх паперів, серед яких – у пакеті «Разные бумаги второстепен[ной] важности» – була «Родословная фамилии Солонины», що становила 3 аркуші (див.: *КМТ*, т. 2, с. 64).

3. Назву міста Куліш спочатку написав, а потім ретельно закреслив, залишивши першу літеру. Це місто, наскільки вдалося відчитати, мабуть, Козелець. Підтвердженням тому є його розташування недалеко від Остра, у повіті якого мешкали представники роду Солонин.

4. 21 серпня 1841 р. Куліша було переведено з Луцького повітового дворянського училища, де він виконував обов'язки учителя російської мови, до Києво-Печерського повітового дворянського училища. Звідти 21 грудня 1841 р. він перейшов до Києво-Подільського дворянського повітового училища, де працював учителем російської мови та словесности, а з 23 жовтня 1843 р. – учителем історії та географії. У цьому закладі Куліш прослужив до 31 серпня 1845 р., коли його було призначено виконувачем обов'язків старшого вчителя історії Ровенської (далі – Рівненської) гімназії.

5. Йдеться передовсім про літопис Самійла Величка, рукопис якого зберігався у колекції Погодіна (див. прим. 1 до листа 35).

6. Університету Куліш не закінчив. У 1839/1840 навчальному році він відвідував його як студент-вільнослухач спершу на філософському факуль-

теті, а відтак, після короткої перерви, на юридичному факультеті. Однак у грудні 1840 року його відрахували, оскільки він не зміг надати документи, які засвідчували б його дворянське походження.

7. Завідувачем друкарні Університету св. Володимира був Филип Коломийцев.

8. Йдеться про «Сочинения Николая Гоголя» у чотирьох томах (СПб., 1842; внаслідок цензурних утисків видання з'явилося на початку 1843 року).

9. Очевидно, йдеться про п'яте видання Карамзінової «Истории государства Российского», яке вийшло у 1842–1843 рр. у Петербурзі у трьох томах. Четвертий том був довідковий (СПб., 1844). Він містив «Ключ, или Алфавитный указатель к Истории государства Российского, Н. М. Карамзина», який уклав Павєл Строєв, і двадцять чотири таблиці княжих родоводів.

10. Йдеться про друге видання «Русской истории» Ніколая Устрялова, що вийшло в 1839–1841 рр. у Петербурзі в п'яти частинах (п'яту частину видано вперше). Перші дві частини присвячено давній історії (до часів Пєтра I), три наступні – новій. Було ще три перевидання цієї праці (у 1845, 1849 і 1855 рр.).

11. «Сказания современников о Димитрии Самозванце» упорядкував і спорядив власною передмовою Устрялов. Перше видання вийшло в 1831–1834 рр. у п'яти частинах, друге – 1837 року в трьох частинах (обидва – в Петербурзі). Третє, виправлене, видання появилося 1859 року в двох частинах.

12. Описание Украйны, сочинение Боплана / Пер. с франц. Н. У[стрялова]. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. – XX, 179 с.: 6 илл.

13. Йдеться про третє видання праці Дмитра Бантиша-Каменського «История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения Гетманства: В 3-х частях» (М., 1842). Попередні видання появилися у 1822 і 1830 рр.

14. «История Малороссии» Миколи Маркевича появилася в Москві у 1842–1843 рр. у 5 томах.

15. Йдеться про «Сочинения Александра Пушкина» в 11 томах (СПб., 1838–1841).

16. Йдеться, мабуть, про багатотомне «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», що його підготував Алєксандр Вісковатов. Перші два томи появилися в 1841–1842 рр. у Петербурзі. Це ж видання Куліш згодом просив надіслати Дубельта (лист від 1 липня 1850 р. з Тули – № 326).

17. На це прохання Кулішеві було вислано третій том «Полного собрания русских летописей», в якому опубліковано Новгородські літописи (СПб., 1841. – IV, 309 с.). Див. прим. 3 до листа 11.

18. Йдеться про перше зібрання творів Шекспіра російською мовою у прозовому перекладі Ніколая Кєтчера, що виходило в 1841–1850 рр. у Москві. Появилися випуски 1–14, 16–18 (у проспекті було анонсовано, що видання становитиме 37–39 випусків), які складали чотири частини. До 1843 року появилося 12 випусків, де було опубліковано такі переклади: «Король Иоанн», «Ричард III», «Генрик IV», «Генрик V», «Генрик VI», «Ричард III», «Генрик VIII», «Комедия ошибок», «Макбет». Друге, доповнене новими перекладами й виправлене, видання Шекспірових творів у перекладі Кєтчера вийшло у дев'яти частинах протягом 1858–1879 рр. у Москві (п'ята частина з'явилася третім виданням 1863 року).

19. Сказания князя Курбского / Изд. Н. Устрялов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1842. – XLIV, 508 с. Вступна стаття упорядника: «О жизни

и сочинениях князя Курбского». Перше видання (у двох частинах) появилося 1833 року; третє, виправлене й доповнене, – 1868 року.

20. Йдеться про видання, що його здійснив архієпископ Ґавріїл (Василій Розанов), – «Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки Никиты Леонтьевича Коржа» (О.: Гор. тип., 1842. – 94 с.). У своєму романі «Михайло Чарнышенко...» Куліш часто покликався на цей твір, користуючись його варіянтами, які опублікував Аполлон Скальковський у статті «Изустные предания о Новороссийском крае» (Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – № 6. – С. 487–513; 1839. – № 2. – С. 171–202) і з деякими змінами вмістив у своїй «Истории Новой-Сечи» (О., 1842). Про оповідь Коржа див.: *В. О. Біднов.* «Устное повествование запорожца Никиты Леонтьевича Коржа» та його походження і значення // Праці Українського високого педагогічного інституту ім. Драгоманова в Празі. – Прага, 1925. – Т. 1. – С. 38–63. Сучасний дослідник Олег Журба вважає, що, найвірогідніше, оповідь є своєрідною містифікацією, симбіозом опрацьованих оповідань самого Коржа й Ґавріїлової компіляції архівних джерел та записів розповідей старожилів (див.: *О. І. Журба.* Становлення української археографії: Люди, ідеї, інституції. – Дн., 2003. – С. 237).

21. О народной поэзии славянских племён. Рассуждение на степень магистра философского факультета первого Отделения, кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского. – М.: Тип. Николая Степанова, 1837. – 154 с. Дисертацію захищено 31 травня 1837 р.

10. До Михайла Юзефовича

Київ, 15 квітня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/1}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 187–188.

Про своє знайомство з Юзефовичем Куліш оповів у автобіографії. Як інспектор казенних училищ Київської шкільної округи, той влаштував Куліша молодшим учителем до Луцького повітового училища й надалі допомагав йому просуватися на шляху педагогічної кар'єри. Це було істотною підтримкою для юнака, який, не закінчивши першого курсу університету, формально не мав права викладати. У тій-таки автобіографії Куліш згадував, що, перевівши його до Києва, «Юзефович піклувавсь коло його навдивовижу: вистачав йому усякі книжки і рукописі, обороняв його від усякої напасти і, вже сказати, пригрів йому душу по-людськи» (*Жизнь*, ч. 24, с. 283). В іншому місці письменник свідчив: «Служа по учебному ведомству в Киеве, я пользовался особою благосклонностью Михайла Владимировича Юзефовича, которому в первоначальном образовании моём обязан больше, чем кому-либо из предшествовавшего поколения. Я часто у него бывал. Его беспримерное доброжелательство поддерживало во мне рабочую бодрость» (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 61).

Юзефович, будучи в родинних стосунках із головою Тимчасової комісії для розгляду давніх актів Ніколаєм Пісарєвим, домігся, щоб Куліша зарахували працівником комісії й протягом 1843–1844 рр. відряджували в різні регіони України з метою пошуку старожитностей. Під час цих подорожей молодий учитель зробив численні записи народних пісень, леґенд, пере-

казів. Завдяки Юзефовичеві він відкрив для себе Літопис Самовидця, рукопис якого 1846 року передав Бодянському для опублікування. Опис подій 1663 року з цього літопису ліг в основу «Чорної ради».

За допомоги Юзефовича Куліш надрукував у Києві роман «Михайло Чарнышенко...» та поему «Україна». У романі письменник використав родинну історію свого покровителя, про що довідуємося з Юзефовичевого листа до Максимовича від 2 грудня 1841 р. з Києва: «Кулеш написал большую повесть или маленький роман: "Михайло Чарныш", из предков жены моей. Ежели захочет послушаться некоторых замечаний, то будет вещь прекрасная» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 5422. – Арк. 40 зв.; довідка Володимира Панченка).

Довший час Куліш зберігав до Юзефовича почуття вдячности за те, що той допомагав йому в першій половині 1840-х років. В «Історичньому оповіданні» 1882 року, вже після сумнозвісного Емського акта, до появи якого причинився Юзефович (що було відомо), Куліш, згадавши про участь тодішнього помічника куратора Київської шкільної округи в розгромі Кирило-Методіївського братства, делікатно обійшов питання про її зрадництво («Як у сьому ділі справлявся пан Юзефович, нехай про се розкаже хто инший. Сам я нічого не бачив і казав би тілько казане...»; *П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 28). Проте 1876 року в приватній розмові з Олександром Кістяківським, коли зайшла мова про добродійство Юзефовича для української справи, Куліш саркастично зауважив, що в такому разі добродіїв можна знайти й серед працівників III відділу (*О. Ф. Кістяківський.* Щоденник (1874–1879): У 2 т. – К., 1994. – Т. 1. – С. 98; див. також там само с. 107).

Анонімний публікатор Кулішевих листів до Юзефовича відзначив, що останні 15–20 років свого життя Юзефович «отзывался всегда о бывшем своём "земляке" и друге далеко недружелюбно» (КС. – 1899. – Февр. – С. 187).

Після квітня 1847 року Кулішеві контакти з Юзефовичем урвалися. Вони поновилися лише в середині 1850-х років у зв'язку з видавничою діяльністю Куліша і тривали до початку 1860-х років (детальніше про це див. у коментарях до наступних томів).

Збереглося 20 листів Куліша до Юзефовича 1843–1847, які подано в нашому томі; про втрачені листи інформації немає.

1. Великдень у 1843 році був 11 квітня.
2. Йдеться про князя Сєрґея Давидова.
3. Згідно з діягнозом, що його Кулішеві поставили лікарі у тюремному госпіталі, він потерпав від «хронического ревматизма грудных мышц, при узкой и сжатой грудной полости» (*КМТ*, т. 2, с. 96).
4. У другому томі зібрання своїх творів, Гоголь умістив «Тараса Бульбу» в новій, докорінно зміненій редакції (вперше повість було опубліковано 1835 року в його збірці «Миргород»). Письменник значно розширив обсяг повісти, доповнив її новими розділами (дванадцять замість дев'яти), увів нові персонажі, конфлікти, збагатив історико-побутове тло.

Як видно з коментованого листа, Куліш спершу позитивно відгукнувся про переробку твору, назвавши, правда, один її недолік – надуманість козацьких імен. Проте на своєму примірникові книжки, позиченому Ґрабовському, він позначив окремі неточності, що їх Гоголь припустився в зображенні народних звичаїв (див. лист Ґрабовського до Куліша від 17 листопада 1843 року – № 20). Згодом Куліш зовсім по-іншому оцінив

Гоголеву роботу над другою редакцією «Тараса Бульбы»: «Этими переделками Гоголь лишил свою псевдоисторическую повесть прелести молодого, неопытного вдохновения и, сняв с Тараса Бульбы козацкий кобеняк, драпировал его плащём гомеровских героев» (*П. Кулиш.* Гоголь как автор повестей из украинской жизни // Основа. – 1861. – № 9. – С. 56–57 [2-га пагін.]). Ця критика «Тараса Бульбы» спиралася на розвинену Кулішем концепцію літератури, що базувалася на точному зображенні народних характерів і звичаїв.

11. До Стєпана Корабльова

Київ, 22 квітня 1843 р.

Подається за автографом: ВПД ДІМ. – Ф. 83. – Оп. 1. – Од. зб. 180. – Арк. 36–37.

Помітка про отримання: «Получ[ил] 6 мая 1843». На берегах арк. 36 помітка про відповідь: «Послан 13 вып[уск] Шекспира (йдеться про видання в перекладі Кєтчера; у випуску було опубліковано «The Taming of the Shrew» («Укрощение строптивой»). – *Ред.*). 17 пон[е]д[ельник]».

Друкується вперше.

1. Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów, w szterech częściach opisana przez Wacława Aleksandra Maciejowskiego. – W Petersburgu i w Warszawie: W Księgarniach Eggersa i Sennewalda, 1842. – T. I. – Część I. – XXVI, [21], 420 s.; Część II. – 468 s.; T. II. – Część III. – 383 s.; Część IV. – 470, [38] s. Назва на титулі: «Polska i Ruś aż do pierwszej połowy XVII wieku». У книжці популярно описано історичний побут, звичаї, традиції населення Речі Посполитої.

2. Ймовірно, йдеться про видання: «Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznanego autora» (Wrocław, 1842. – 144 s.).

3. Спершу появився третій том «Полного собрания русских летописей» (СПб., 1841), відтак – другий (СПб., 1843) та перший (СПб., 1846).

12. До Міхаїла Погодіна

Київ, 27 квітня 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 8–8 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 10–11.

1. Йдеться про роман «Чорна рада» – найраніша відома згадка про те, що Куліш мав намір написати цей твір (див. також лист до Юзефовича, написаний того ж дня – № 13). Окремі частини роману опубліковано в 1845–1846 рр. у «Современнике» й «Москвитянине». Уперше роман повністю видано окремо 1857 року в Петербурзі у двох редакціях – українською та російською мовами (російськомовному виданню передувала журнальна публікація в «Русской беседе» того ж року).

2. Погодін 1842 року двічі переїжджав через Київ – у липні та жовтні, прямуючи до країн Західної Європи і повертаючись назад (про цю мандрівку детально див.: *Барсуков*, кн. VII, с. 3–61).

3. Осіп Сенковський у журналі «Библиотека для чтения», який він редагував, умістив без підпису негативну рецензію на Кулішів роман «Михайло Чарнышенко...» (1843. – Т. 57. – № 3. – Лит. летопись. – С. 50–64). У ній він виклав зневажливо-тенденційний погляд на історичне минуле українського народу, заявивши, зокрема, ніби після монголо-татарської навали українські землі запустіли і їх заселили спершу литовці, а згодом – поляки. Раніше він опублікував претензійний відгук на «Историю Малороссии» Миколи Маркевича.

З приводу останньої рецензії Куліш написав гостру полемічну статтю «Ответ Г. Сенковскому на его рецензию "Истории Малороссии" Маркевича», яку було надруковано в «Москвитянине» без підпису (1843. – Ч. III. – № 5. – С. 161–177). До публікації було додано редакційну примітку, де зазначалося, що редактор «исключил несколько мест, слишком резких». Рукопис статті (рукою Куліша й Василя Білозерського) зберігається у ВР РНБ (Ф. 588. – Од. зб. 266. – 20 арк.). Дата в автографі й публікації: «Киев. 1843, Марта 16». В автографі закреслено підпис: «Киевлянин».

До полеміки долучився й Погодін, який під власним іменем вмістив у червневій книжці «Москвитянина» статтю «Два слова *Библиотеке для чтения* о происхождении малороссиян» (1843. – Ч. III. – № 6. – С. 534). У ній він подав свої зауваження «Автору критики на Гг. Маркевича и Кулеша», спростувавши тезу Сенковського про неавтохтонність населення тогочасної України.

13. До Михайла Юзефовича

Київ, 27 квітня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/2}{504}$.
Першодрук (із пропуском): *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 188–189.

1. Йдеться про чотиритомник «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1842).
2. Див. лист 11.

14. До Михайла Юзефовича

Олександрівка, 31 липня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/3}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 189–191.

1. Того самого дня, 31 липня 1843 р., Ґрабовський написав великого листа до Юзефа Ігнация Крашевського, де дуже детально розповів про своє знайомство з Кулішем. Оскільки стосунки з Ґрабовським у 1840-х роках і згодом були винятково вижливими у плані формування ідеології Куліша та його естетичних поглядів, а висловлені в листі до Крашевського думки часто резонують у Кулішевих листах того часу, зацитуємо уривок з цього документа ширше: «Po kilkudniowej niebytności w domu, wróciwszy 25 tego miesiąca, zastałem na stoliku mego pokoju list i książki; list był od młodego urzędnika z Kijowa, wysłanego dla wyszukiwania starożytnych aktów, który, przejeżdżając przez Aleksandrówkę, żądał, tak mi pisał, zabrać moją znajomość, a nie zastawszy mnie w domu, zostawił mi dzieło świeżo przez siebie wydane. Tytuł tego dzieła był "Михайло Чарнышенко", powieść narodowa małorosyjska, a nazwisko autora p. Kulisz (W autografie bardzo często Kulicz, co zmieni-

amy na Kulisz. – *Прим. Адама Бара*), ten sam, którego dwa podania gminne wydrukowałeś w "Athenaeum" 1-m tomie, tłumaczenia Podbereskiego (Opowiadania, Athenaeum, 1843, I, 132–149. – *Прим. Адама Бара*). Musiały ci się zapewne podobać te podania, kiedy je wydrukowałeś; mnie one bardzo się podobały i zapomniawszy, żem je czytał w oryginale w «Киевлянине», wyobraziłem sobie, żem je czytał w Hoholu, i zdało mi się, że *Wieczory na Pasiece* wydane były pod psełdonimem Kuleszy. Nie zaraz nawet po przeczytaniu listu przyszło mi na myśl, że ten Kulisz, który do mnie pisał, był rzetelny autor dwóch obrobionych podań w sposób bardzo znakomity, i zapewne znakomity, kiedym mógł sądzić, że było to dzieło Hohola. Wiedząc, że bawi w Czehrynie, napisałem do niego przy zręczności, prosząc, ażeby mnie odwiedził i nagrodził straconą sposobność poznania go; ta grecznośc należała mu się jako wywzajemnienie za pierwszą, mnie zrobioną. Tymczasem przeczytałem zostawiony mi romans. Nie podobał mi się: znalazłem go dającym o autorze daleko niższe wyobrażenie, jak podanie w "Athenaeum", albo raczej widoczna było, że romans na wielką skalę przewyższał jeszcze siły autora, bo malowidło charakterów było słabe, a raczej nie było żadnej akcji i gry, wynikającej z charakterów związanych w dramat. Pomimo chybionej zupełnie głównej sztuki romansopisma zastanawiało usiłowanie stworzenia obrazu miejscowego, wyszukiwanie barw naturalnych, osnowy podaniowej, figur i szczegółów lokalnych. We wszystkiem tem pierwsza myśl była szczęśliwa i trafna, ale wykonanie nie odpowiadało pomysłowi. Nie zostawało przecie wątpliwości, że to tylko usterki młodego pisarza w zawodzie narbyt dla niego trudnym, a że później wyrobi się doskonalej, samo zaś skierowanie usiłowań, wszędzie widoczna wielka miłość narodowości i historyczności małorosyjskiej, zwracać już miały prawo uwagę. Dołączony zaś do trzeciego tomu prospekt nowego dzieła, historji familij małorosyjskich, i ślad rozległych poszukiwań w tym przedmiocie wzbudziły we mnie wielką chęć poznać człowieka, zajmującego się pracami, wielki związek mającemi z mojemi własnemi, mianowicie pod względem mojej projektowanej *Ukrainy dawnej i teraźniejszej*.

Na moje wezwanie przyjechał pan Kulisz; ujrzałem człowieka lat 24-ch, bardzo miłego ułożenia, przyjemnej i zajmującej rozmowy, wybornego rysownika, zapalonego miłośnika pamiątek małorosyjskich i poetycznych tradycyj gminnych. W czasie swojej archeologicznej podróży po kilku naszych powiatach zebrał więcej szczegółów historycznych z ust ludu, niż ja w ciągu kilkunastu lat mego *obywatelskiego życia*; przerysował ciekawe pomniki, zgoła ku żalowi i zawstydzeniu naszemu wykonywał to, do czegośmy się tylko oddawna zbierali. W rozmowie jego, pełnej zapału, uderzyło szczególnej głębokie pojęcie właściwej poezji i jej źródeł. Za te źródła uważał pieśni gminne i samorodne pomysły ludu, ale w tym przedmiocie, zużytym i spospolitowanym przez naszych pedantów gminomanów, myśli jego były tak jędrne, zastosowania do sztuki tak dzielne, że wydziwić się i nacieszyć nie mogłem tą trafnością. On się uczył ludu jak żywej księgi; pokazał mi ogromny tom pieśni ukraińskich, rozłożonych systematyczniej, jak wszelkie dotąd znajome zbiory; mnóstwo podań podobnych do tych, z których napisał dwa, umieszczone w "Athenaeum"; ale co najważniejsza, że widocznie to studjowanie narodu i narodowej poezji szło mu na korzyść i było posilnym pokarmem dla umysłu, zdolnego przetrawić i przyswoić. W każdym względzie zastanawiała mnie trafność jego pomysłów. Przytocze ci jeden przykład. Mówił mi, iż wyśledza dlatego jaknajskrzętniej wszystkie sprężyny i ślady *koliszczyzny*, że ten wypadek będzie mu służyć miarą i próbą do pojęcia wielkiego wybuchu za Chmielnickiego. Trudno wpaść na myśl gruntowniejszą

dla historyka i pójść drogą stosowniejszą dla poety. Możesz łatwo pojąć, jak dla mnie, żyjącego w tak wielkiem odłączeniu od wszelkich literackich stosunków, przyjemnie było spotkać tak niespodziewanie kogoś, z kim mogłem pomówić.

Prosiłem więc mego gościa, żeby u mnie założył centrowy (Odczytanie niepewne. – *Прим. Адама Бара*) punkt swych wycieczek. Przystał na to z wdzięcznością. Zasiadł robić wypisy do dziejów polskich ze źródeł polskich, które u mnie zastał, a których drobną tylko cząstkę znał dotąd; mnie nawzajem wielu ciekawemi wiadomościami, a nawet rękopiśmami obdarzył. Pytał się mnie o zdanie względem swego romansu; dałem mu jaknajotwartsze, oparłszy go tylko na szczegółowem okazaniu małego rozwinięcia osób i wypadków. W ciągu następnych poufnych rozmów przyznał mi się, że chodzi mu oddawna po głowie, a raczej że leży mu na sercu (bo to nierównie lepiej jego zamiar tłumaczy) napisać historją kozacką, ale w sposób popularny, w sposób, któryby każdy człowiek ludu całkowicie rozumiał, to zaś mniemałby najłatwiejszem, rozmieszczając w ścisłym chronologicznym porządku przecudowne ukraińskie historyczne dumy, dołączając się tylko w tych miejscach, gdzie się ciąg przerywa, tego samego ducha i toku naracją.

Powiedział mi, że rozpoczął nawet tę pracę i dociągnął do czasów Chmielnickiego. Prosiłem go, żeby mi pokazał; zgodził się na to i pozawczoraj wieczorem czytał mi te dumy. Każdy okres stanowi osobny rapsod: pierwszy więc jest obraz spokojnej Rusi Włodzimierzowej i najścia na nią Batego, drugi ucisków tatarskich i oswobodzenia Giedyminowego, trzeci hetmaństwo Lackorońskiego, czwarty początek Siczy pod Daszkiewiczem, piąty Świergowski, szósty Bohdanko Rożyński i t. d. Znasz zapewne niektóre z sławnych dum historycznych, umieszczonych w zbiorze Maksymowicza, i przeze mnie nawet wytłumaczonych, otóż te, które sam *Kulish* musiał dorabiać, są zupełnie tego toku, jak tamte: prosta na[r]racja epiczna wypadków w wierszu osobnego kroju poetycznego *recitatiwu*, albo nawet prozy, lecz zawsze tak prostej i niekunsztownej, jakby wmieścić się mogła rzetelnie w ustach ludu i przez każdego słuchacza dumy śpiewanej pod płotem wsi albo na jarmarku przez bandurzystę była zrozumiana. [...] Chociaż posyłam ci kilka dum z tego zbioru, wiem dobrze, że oderwane od całości nie zrobią na tobie tego wrażenia, co na mnie, kiedym ich słuchał jedne po drugich, bo wrażenie moje było zupełnie tego rodzaju, co doznane podczas czytania "Mindowsza". Znowu na moje grzeczne oczy ujrzałem epopeję. Lubo, jak ci rzekłem, autor straczał tylko i dopełniał rzecz gotową, w tej jednakże dopiero całkowitości wyniknął skutek tak wielki, bo był to prawdziwy epos z największą jednością, którego bohaterem był cały naród, a los tego narodu, jak pojedynczego człowieka, rozwijał się za każdym krokiem, z pieśni do pieśni, co stanowiło najwspanialszy i prawie bezprzykładny widok. [...]

Posyłam ci na próbę dwie dumy, a raczej dwa rapsody tego poematu; jeden o *Założeniu Siczy*, układu pana Kulisza, drugi o *Przygodach Kiszki Samijła*, wzięty z ust ludu. Ten ostatni da ci sam miarę piękności tych poematów gminnych, a razem wskaże różnicę, jak lud opiewał morskie swoje wyprawy, od tego, jak u nas sucho i napuszenie deklamują o najazdach Trebizondy i Gałaczu. Jeżeli zechcesz, umieść to w "Athenaeum" razem z wiadomością o autorze i poemacie, które możesz wyjąć z tego listu.

Teraz muszę z tobą pomówić względem całego tego poematu, bo autor z nietroskliwością, właściwą prawdziwym poetom, oddawał rękopism do mego rozrządzenia. Nie zgodziłem się na to; ułożyliśmy więc, że powinien się drukować przez autora w Kijowie lub Petersburgu literami ruskiemi, a to dlatego, że przeznacza się wyłącznie dla Małorosjan, którzy inaczej nie czytają.

Zdaje mi się jednak, że obok tego możnaby zrobić inną edycją, polskiemi literami, przeznaczoną dla nas i dla zachodnich słowian. [...]

Pan Kulisz zatrzymał się na 13-stu rapsodach, to jest na uwięzieniu Ostranicy. Żądałby tą pierwszą częścią wybadać zdanie publiczne. Później obrobiłby podobnież perjod Chmielnickiego i perjod domowych zaburzeń Ukrainy, aż do zupełnego upadku "samobytności" (tak sam mi powiedział) kozackiej, resztę poematu zostawiając *czułej słuchacza duszy do dośpiewania*, jak rzekł Mickiewicz. Z biegiem wypadków poemat stawałby się coraz dramatyczniejszy i tak, jak mi treść rozpowiadał, rósłby w interes i bogatą rozmaitość. Zresztą, zdaje mi się, że ten obszerny poemat nawet w części skończonej będzie mógł być dopełniony; jakoż autor uczy się z zapałem historji, a jako poeta studjuje bezprzestannie Homera» (*A. Bar.* Michała Grabowskiego listy literackie. – Kraków, 1934. – S. 322–329).

Як видно з тексту, Ґрабовський сподівався, що Крашевський використає його лист у преамбулі до публікації фрагментів Кулішевої «України» в журналі «Athenaeum» (див. також прим. 1 до листа 15). Згаданий у листі тринадцятий рапсод входить до останньої дванадцятої думи поеми. Про переклади Кулішевих оповідань, що їх зробив Подбереський, див. прим. 6 до листа 37.

«Mindowsz», про який ідеться в листі Ґрабовського – це друга пісня віршованої трилогії-епопеї Крашевського «Anafielas: Pieśni z podań Litwy». Вийшла друком 1843 року у Вільні і здобула прихильну рецензію Ігнация Головінського в «Tygodniku Petersburskiemu» (1843. – № 43 і далі). Перша й третя пісні – «Witolozauda» і «Witoldowe boje» – з'явилися там само в 1840 і 1845 роках, причому на третю Ґрабовський відгукнувся розлогою рецензією в тій-таки газеті за 1845 рік.

Лист Ґрабовського в перекладі українською мовою передрукував Михайло Возняк, супровівши публікацію стислим коментарем (*М. Возняк.* Михайло Ґрабовський про два молодечі твори Панька Куліша // Діло. – 1935. – Ч. 176. – 6 лип. – С. 4–5; Ч. 177. – 7 лип. – С. 4–5). Про Кулішеві стосунки з польським літератором див. преамбулу в коментарі до листа 20.

Копії шести листів Ґрабовського до Юзефовича (1848–1856) зберігаються в ЦДІА (місцеперебування оригіналів і листи-відповіді невідомі).

2. Помилка. Треба: Антонович.

3. Йдеться про роман Ґрабовського («Stanica Hulajpolska» (т. 1–5, 1840-1841) і його повість «Koliszczyzna i stepy» (1838). Друге видання повісти вийшло під назвою «Opowiadania Kurennego» (1860). На думку Василя Івашкова, з цього твору Куліш запозичив для роману «Михайло Чарнышенко...» окремі ідейно-сюжетні лінії (див.: *В. Івашків.* Проблеми українсько-польських взаємовідносин: П. Куліш та М. Грабовський // Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie. – Rzeszów, 1995. – S. 89). Про вплив повісти на Кулішеву поему «Великі проводи» писала Олена Юровська (*О. Юровська.* Куліш і Ґрабовський // Україна. – К., 1929. – Кн. 36 (Верес.). – С. 83–85). Про значення цих творів Ґрабовського для своєї творчости промовисто писав Куліш у «Хуторской философии...»: «[...] я высосал из книг польского украинца лучшее, что в них было, именно то, чего там не было написано, но возле чего автор ходил весьма близко и дал моему юношескому чутью, по запаху своей одежды, догадаться, в каких далёких, недоступных для меня местах он прогуливался» (*П. Кулиш.* Хуторская философия и удалённая от света поэзия. – СПб., 1879. – С. 81).

4. Свою історичну працю «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII в. 1733–1768» Аполлон Скальковський опублікував 1845 року. Її

(а також його «Историю Новой Сечи») Куліш згодом оцінював критично. Його емоційно загострений погляд на працю одеського історика відбився в рукописі «Записок о Южной Руси» (у друкованому варіянті Куліш цю думку зняв): «Г[осподин] Скальковский имеет несчастную способность портить своим прикосновением самые драгоценные исторические и этнографические материалы. Если бы он вместо «Наездов гайдамак», «Истории Новой Сечи» и других своих сочинений издал голые факты и выписки из архивов, по которым он их смастерил, он оказал бы истинную услугу науке. Читая его книги, чувствуем, так сказать, запах превосходных материалов, которые он перемолол для своих композиций, и на каждом шагу жалеем, зачем трудился этот человек!» (ЧІМ. – Інв. № Ал–729. – Арк. 144–145; цит. за: *В. Івашків*. «Записки о Южной Руси» Пантелеймона Куліша як унікальне явище української фольклористики середини XIX століття // ЗНТШ. – Л., 2001. – Т. CCXLII. – С. 331).

5. Йдеться, мабуть, про роман «Tajkury. Powieść narodowa», виданий під псевдонімом Едвард Тарша в 1845–1846 рр. у Вільні у чотирьох томах. Можливо також, що Куліш мав на увазі повість «Pan starosta Kaniowski», яку Ґрабовський почав писати у 1840-х роках, а видав 1856 року. Частину цього твору український письменник переклав російською мовою, про що писав у листі до Плєтньова від 28 січня 1845 р. (№ 38): «Романа этого написана Грабовским только половина, которая мною и переведена». Цей переклад залишається невідомим.

6. Наприкінці весни 1843 року Київський воєнний губернатор, Волинський і Подільський генерал-губернатор Дмітрій Бібіков отримав дозвіл на заснування Тимчасової комісії для розгляду давніх актів. Формальне відкриття Комісії відбулося 19 листопада 1843 року, проте Куліша було зараховано її працівником за декілька місяців до цієї дати. 5 липня 1843 р. у канцелярії куратора Київської шкільної округи заведено справу: «По отношению Киевского военного губернатора об учреждении при нём Временной комиссии для разбора древних актов в архивах присутственных мест и монастырях Киевской, Волынской и Подольской губернии и об избрании на должность члена комиссии [...] Кулеша» (ЦДІА. – Ф. 707. – Оп. 9. – Спр. 206).

Підставою для заведення справи стало відношення Бібікова на ім'я куратора Київської шкільної округи князя Сєргєя Давидова щодо призначення Куліша працівником комісії. 5 липня на ім'я директора училищ Київської губернії було надіслано відношення про згоду куратора на Кулішеве відрядження до Київської губернії. Тим же числом датовано два «Открытые предписания», що їх дано Кулішеві у канцеляріях Київського цивільного губернатора та архідиякона римо-католицької церкви для того, щоб йому не чинили перешкод під час огляду місцевих архівів та бібліотек і видавали «из оных под квитанции все те древние акты, дела, бумаги и книги, которые он, г. Кулеш, признаёт нужными получить» (ІМФЕ. – Ф. 3. – Од. зб. 560).

Про своє відрядження Куліш звітував Бібікову: «По поручению Вашего Превосходительства, отправился я в различные места Киевской губернии для осмотра городских и церковных архивов, пробыл в пути с 1-го июля по 22 августа 1843 года, и из отпущенных мне на путевые издержки 300 рублей серебром, издержал 299 рублей 71 ½ копейку, вместе с расходною книгою и открытым предписанием Вашего Превосходительства имею честь при сем представить. Киев 1844 года, сентября 22 дня. Учитель Киево-Подольского уездного дворянского училища Пантелеймон Кулеш»

(*В. Міяковський.* Кирило-методіївці в Археографічній комісії // Ювілейний збірник на пошану Михайла Сергійовича Грушевського. – К., 1928. – [Т.] І. – С. 315).

На першому засіданні комісії, що відбулося 8 грудня 1843 р., було вирішено клопотатися перед генерал-губернатором про зарахування Куліша її працівником із річною платнею 150 руб. сріблом (*О. І. Журба.* Київська археографічна комісія. 1843–1921. – К., 1993. – С. 142–143). Про офіційне призначення Куліша на цю посаду 8 січня 1844 р. Бібіков сповістив комісію (*В. Міяковський.* Кирило-методіївці в Археографічній комісії. – С. 315) і куратора Київської шкільної округи (ЦДІА. – Ф. 707. – Оп. 9. – Спр. 206. – Арк. 18).

Про співпрацю Ґрабовського з Тимчасовою комісією для розгляду давніх актів певних відомостей немає. Її членом (почесним, дійсним, членом-співробітником) він не був, хоча ще 27 листопада 1843 р. писав Германові Головінському, що має ним стати (*A. Bar.* Michała Grabowskiego listy literackie. – S. 432).

До середини 1840-х років Ґрабовський видав дві археографічні праці: «Źródła do dziejów polskich» (Wilno, 1843. – T. I. – 223 s.; у співпраці з Александром Пжездзєцьким) і «Pamiętniki domowe» (Warszawa, 1845. – XXVI, 249 s.). У 1850 році вийшла його «Ukraina dawna i teraźniejsza» (Kijów, 1850. – Tom I: O zabytkach najgłębskej starożytności. – 176 s., XVIII rys.), задумана ще в першій половині 1840-х років. Польський письменник близько спілкувався з одеським істориком та археографом Аполлоном Скальковським, надаючи йому інформацію про історичні матеріяли в приватних збірках польської шляхти (див.: *В. М. Хмарський.* З історії розвитку археографії на Півдні України: Аполлон Скальковський. – О., 1998. – С. 82), колекціонерами старожитностей Константиєм Свідзінським (почесним членом комісії) та Германом Головінським.

7. Про кого мова – невідомо. Василь Щурат допускає, що це міг бути Зенон Фіш (*В. Щурат.* Фільософічна основа творчости Куліша. – Л., 1922. – С. 124). Переклад не опубліковано і відомостей, чи було його зроблено, немає.

Зауважмо, що Кулішева інформація про те, що хтось під керівництвом Ґрабовського перекладає Кулішів роман польською мовою, виглядає непевною. Як видно із зацитованого вище листа, Ґрабовський отримав «Михайла Чарнышенка...» за декілька днів до знайомства з його автором і, отже, ще ніяк не міг мати з кимось домовлености про переклад цього твору, – тим паче, що роман йому не сподобався («romans na wielką skalę przewyższał jeszcze siły autora», «malowidło charakterów było słabe», «nie było żadnej akcji i gry, wynikającej z charakterów związanych w dramat», «wykonanie nie odpowiadało pomysłowi»).

8. Романи Волтера Скота.

15. До Михайла Юзефовича

Умань, 14 серпня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/4}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 191–192.

1. Про цей епізод Куліш наприкінці життя згадував: «Гомеровскую поэму мою хвалил он (Грабовський. – *Ред.*) сверх всякой меры, невзирая на то,

что она дышала нелепою злобою поддельного Конисского и других малорусских летописцев. К моей наивной радости стихи мои Грабовский повторял даже за столом; наконец сделал из моего прославления Хмельницкого и подобных ему героев большие выписки польскими буквами и послал своему другу Крашевскому для напечатания в его журнале "Athenaeum". Но Крашевский не осмелился представить их своей публике, и писал: "Boję się narazić naszej publiczności"» (*Воспоминания*, с. 140–141). Про це також див. у Кулішевій автобіографії (*Жизнь*, ч. 3, с. 284).

Чому Крашевський не опублікував Кулішеві думи – невідомо. Сумнівно, щоб версія, яку виклав Куліш, мала реальне підґрунтя, адже протягом усього 1845 року в журналі друкувався – українською мовою (латинкою) та в перекладі – цикл із 11 дум та історичних пісень, які подав у супроводі власних пояснень Еразм Ізопольський (у своєму запису й записах, запозичених зі збірок Максимовича). Цикл називався «Śpiewy historyczne Ukrainy» й складався з таких текстів: «O Ostafim Daszkiewiczu», «O Bajdzie», «O Janie Swirgowskim nazywanym od historyków polskich Swirczowskim», «O Bohdanku, czyli o Bohdanie Xięciu Rożyńskim», «O Serpiaże, czyli Podkowie», «O Morozeńku», «Czarnomorska burza», «O Samujłenku Kołomyjenku», «O Fedorze Bezrodnym», «O Skałozubie», «O Bohusławcu».

«Athenaeum, pismo poświęcone historyi, literaturze, sztukom, krytyce i t. d.» – двомісячник, виходив у 1841–1851 рр. у Вільні; його редактором-видавцем був Крашевський. Про цей часопис див.: *W. Roszkowska-Sykałowa.* 1) «Athenaeum» Józefa Ignacego Kraszewskiego 1841–1851: Zarys dziejów i bibliografia zawartości. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. – 65 s.; 2) «Athenaeum» (J. I. Kraszewskiego), 1841–1851 // Zwiedziadło prasy: Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. – S. 61–79.

16. До Михайла Юзефовича

Київ, 7 жовтня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/5}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 192–193.

1. Цей лист невідомий. Згодом Куліш просив Юзефовича (у листі від 25 грудня 1845 р. з Петербурга) надіслати якийсь лист Ґрабовського, що зберігався у Юзефовича в перекладі (можливо, той самий).

17. До Міхаїла Погодіна

Київ, 15 жовтня 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 11–12 зв.
Першодрук (із пропусками): *Барсуков*, кн. VII, с. 144–146. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 11–13.

1. Улітку 1843 року Куліш відбув відрядження до Київської губернії з метою огляду міських і церковних архівів, під час якого зосередився на записуванні фольклорних матеріялів, зібравши протягом двох місяців багато

народних переказів. Свою подорож і спілкування з «Гомерами доморослыми» Куліш детально описав у «Записках о Южной Руси», а також у спогадах «Около полустолетия назад» (*Воспоминания*, с. 110–156). Див. також прим. 6 до листа 14.

2. Це перша відома згадка про те, що Куліш підготував до видання збірку українських народних переказів. Невдовзі – 4 лютого 1844 р. – у листі до того ж адресата він зазначив, що зібрані перекази цензура вже схвалила до друку. В основу видання лягли матеріяли, записані під час Кулішевої експедиції влітку 1843 року. Згодом, поповнивши свою збірку переказів, він перекомпонував її і опублікував, за допомоги Бодянського, 1847 року в квітневій (восьмій) книжці «Чтений» Товариства історії та старожитностей російських (матеріяли засідання 29 березня). Публікація мала назву «Украинские народые предания, собрал П. Кулеш. Книжка первая». Окремо було відбито 200 примірників (М., 1847. – [8], 90, [2] с.). Через арешт Куліша публікацію конфіскували. Збірка побачила світ майже через півстоліття, коли зацілілі аркуші вмістили у першій книжці «Чтений» 1893 року, в розділі «Материалы историко-литературные» (тоді ж було випущено й окрему відбитку, датовану 1847 роком). Значну частину зібраних того часу переказів Куліш у фонетично видозміненому вигляді републікував 1856 року в першому томі «Записок о Южной Руси».

Декілька переказів із рукопису Куліша вперше опублікував Ґрабовський у власному перекладі польською мовою у своїй праці «O gminnych ukraińskich podaniach», вміщеній у віленському журналі «Rubon» (1845. – T. VI. – S. 145–206). Про джерело публікації та критерії добору матеріялу він писав у передмові: «Że nieprędko może wyjdzie w oryginalnym języku, korzystam z pozwolenia autora wybrać z niego (зібрання. – *Ред.*) to wszystko, cokolwiek zda mi się ciekawym dla publiczności polskiej» (S. 154–155). Високо оцінивши Кулішеву діяльність у справі збирання фольклору, Ґрабовський переповів його підхід до класифікації пісень: «Pan Kulesz podzielił swoje tradycje na *historyczne* i poetyczne. Historycznemi nazywa te, które z osnowy dziejów płyną» (S. 155); «Podaniami *poetycznymi* nazywa Pan Kulesz takowe, które nie mają żadnej dziejowej posady, a są oparte na przesądnych, zabobonnych, fantastyckich wyobrazeniach gminu» (S. 179). З Кулішевого зібрання в «Rubonie», зокрема, було опубліковано «Kłótnia Kozaków i Lachów nad Żółtemi Wodami», «O Mazepie i Paleju», «Druga legenda o Mazepie», «Powieść o Smoku» («Кирило Кожемяка». – *Ред.*), «Powieść o duszach zmarłych». У своїх спогадах «Около полустолетия назад» Куліш згадував, що про цю публікацію він знав, але не бачив її: «Я знаю, что Грабовский напечатал записанные мною предания польскими буквами в журнале «Rubon», но никогда не имел времени посмотреть, как он это сделал» (*Воспоминания*, с. 139).

Майже дослівний переклад статті Ґрабовського вміщено в «Москвитянине» під назвою «Об украинских народных преданиях» (1846. – Ч. VI. – № 11/12. – С. 140–158; цензурний дозвіл 15 березня 1847 р.). Перекладач підписався криптонімом «В. В-ский».

3. Йдеться про видання: Україна. Зложив П. Куліш. – К., 1843. – [Кн. 1]: Од початку Вкраїни до батька Хмельницького. – 95 с. Цензурний дозвіл: «Киев, 1843 года сентября 23 дня». За первісним задумом «Україна» мала складатися з чотирьох книг.

В основу поеми було покладено думи й стилізовані під думи фальсифікати (які тоді приймали за автентичні народні тексти) із «Запорожской старины» Срезневського. Історичні події у Кулішевому творі відображено

відповідно до «Истории русов». Докладніше про генезу поеми див.: *О. Грушевський.* З сорокових років. 2. П. Куліша «Украина. Одъ початку Вкраины до батька Хмельницького» // ЗНТШ. – Л., 1908. – Т. LXXXV. – С. 81–105.

У передньому слові до «України» – зверненні «До земляків» – Куліш застеріг, які «думи» він написав, а які запозичив. Із дванадцяти «дум» йому належали перша, п'ята, десята й одинадцята, а також більша частина тексту другої, третьої та четвертої. Крім того, в інших частинах «України», основу яких склали, як зазначив автор, думи, почуті «од бандуристів», містяться значні вставки з пера Куліша. Отже, «Україну» можна вважати не контамінацією фольклорних та псевдофольклорних матеріялів, а оригінальним стилізованим «під думи» епічним твором зі значними вкрапленнями справжніх і підроблених дум.

«Україна» за змістом, а місцями й текстово майже тотожна історичному творові Куліша, написаному ритмізованою прозою, – «Книзі о ділах народу українського і славного війська козацького запорозького» (твір не завершено: текст уривається на тринадцятому розділі). Чорновий автограф «Книги...» було долучено до матеріялів слідства у справі Кирило-Методіївського братства, де він і зберігається. Його першодрук здійснено лише в наші дні (*КМТ*, т. 2, с. 66–80). Аналіз цього твору в порівнянні з «Україною» див.: *Л. Похила.* Ранні історичні твори Куліша: «Україна» і «Книга о ділах народу українського і славного війська козацького запорізького» // Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк, 2000. – С. 93–102.

Питання про час і обставини створення «України» остаточно не розв'язане. Датування, яке Куліш подав у публікації («Року Божого 1843, місяця квітня. Писано в богоспасаємім граді Києві»), є, мабуть, вигаданим. Можливо, воно вказує на час, коли письменник почав працювати над поемою або коли у нього визрів намір її написати. У «Листі до редактора "Народу" і "Хлібороба"» (Михайла Павлика) Куліш згадував: «писав я "Україну" над кабінетом в Александровці» (Народ. – 1892. – Ч. 24. – 22 л. дек. – С. 248). Проте і це свідчення можна вважати за метафору. Визначену дату має «Книга...»: «Начата Року Божого 1843 іюня 20 дня у Києві; скончена того ж року іюля 1» (*КМТ*, т. 2, с. 66). Виглядає, що спершу Куліш написав саме цей твір і, приїхавши до Ґрабовського, перевів його у форму епопеї, відновивши текст із пам'яті або ж скориставшись наявними начерками. Наприкінці життя Куліш до цього твору ставився критично, називаючи поему «курьёзной» (див.: *П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 62).

4. Алюзія з Міцкевіча: «Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, / Co to będzie, co to będzie?» («Dziady», частина II). Другий рядок Срезневський узяв за епіграф до першої частини «Запорожской старины» (Х., 1833).

5. Див. прим. 3 до листа 157 (лист Юзефовича до князя Миколи Рєпніна).

18. До Тараса Шевченка

Київ, 20 жовтня 1843 р.

Подається за публікацією Михайла Новицького, здійсненою з автографа, нині невідомого: *М. Новицький.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна. – 1927. – Кн. 1/2. – С. 78.

Першодрук (із пропуском): *Н. Стороженко.* Новые материалы для биографии Шевченка // КС. – 1900. – Сент. – Отд. І. – С. 302.

Про своє знайомство з Шевченком у Києві у червні 1843 року Куліш розповів у автобіографії: «Ввіходить хтось до Куліша у полотняному пальті. "Здорові були!.. А вгадайте – хто?" – "Хто ж, як не Шевченко?" (А ніколи не бачив його і намальованого). – "Він і є!.. Чи нема в вас чарки горілки?" і т. д. Тут уже й пішло справдешнє січове балаканнє, а далі й співи» (*Жизнь*, ч. 24, с. 285). Тоді ж Куліш разом із Шевченком та художником Олексою Сенчилом-Стефановським здійснили поїздку вгору по Дніпру, до колишнього Межигірського монастиря, під час якої ловили рибу на Дніпрі й записували народні пісні. Під записом пісні «Да все луги, все береги, ніде води да напити...» у Шевченковому альбомі 1842–1843 рр. зазначено рукою Куліша: «1843, іюня 13, вночі на плиту на Дніпрі, против Межигорського монастиря» (ВР ІЛ. – Ф. 1. – Од. зб. 106. – Арк. 21–22). Після повернення до Києва Шевченко виїхав на Полтавщину, а Куліш 5 липня – у відрядження для обстеження архівів та монастирів Київської губернії.

Після півторарічної розлуки Куліш знову зустрівся з Шевченком перед виїздом за кордон у грудні 1846 року в Києві. За його спогадами в «Історичньому оповіданні» поет тоді справив на нього особливе враження: «Сам Шевченко зробивсь не тим, яким я його покинув, їдучи з України. Се вже був не кобзар, а національний пророк. Восторженому щастєм, наукою і поезією, мені здавалось, мовби перед нами сталося те, чого дознав на собі ветхозавітний посел Господень [...]. Для мене ж сяєво духа його було чимся надприроднім...» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 15). У січні на вечірці у Віктора Забіли Куліш запросив Шевченка бути старшим боярином на своєму весіллі, яке відбулося 24 січня 1847 р.

Після арештів у справі Кирило-Методіївського братства їхні взаємини перервалися й відновилися щойно 1857 року (див. коментарі до наступних томів). Про творчі та особисті відносини Куліша з Шевченком див.: *Л. Білецький.* Т. Шевченко і П. Куліш та їх взаємини у світлі новішої історично-літературної критики // Сьогочасне й минуле. – Л., 1939. – Кн. III/IV. – С. 84–94 (огляд літератури 1910–1920-х років). Із сучасних праць слід відзначити: *Є. Нахлік.* Зіставлення і протиставлення Шевченка і Пушкіна в рецепції П. Куліша // Київська старовина. – 1999. – № 3. – С. 27–46; № 4. – С. 27–45; *В. Яцюк.* Пантелеймон Куліш і Тарас Шевченко: побратими чи антагоністи? // Літературна Україна. – 1995. – № 17/18. – 18 трав.

У нашому томі подано чотири листи до Шевченка, які було вилучено в нього під час арешту. Автографи листів зберігалися серед Шевченкових матеріялів у слідчій справі «Об Украйно-Славянском обществе». Сьогодні їхнє місцеперебування невідоме. Даних про інші листи Куліша до Шевченка 1840-х років немає.

1. Ці листи невідомі.

2. Продовження «України» Куліш так і не написав. У передмові до першої частини, у зверненні «До земляків», він виклав план наступних книжок: «У другій буде все те, як воював він (Хмельницький. – *Ред.*) ляхів з своїми лицарями; у третій те, які смути, які чвари й руїни були по Вкраїні, як умер козацький батько; а в четвертій буде Палій і Мазепа з шведами» (Україна. – К., 1843. – С. 3).

3. Це місце відтворено за першодруком. У публікації Новицького: «что я делал».

4. Відомий білет № 199 на отримання «України» – картка in 16° із друкованим текстом:

«Билет
На получение книги под заглавием:
Украина,
Соч. П. Кулеша
Цена 1 руб. серебр.»
(ІР НБУВ. – Ф. 1. – № 28752).

Білет зберігся в паперах архімандрита Веніаміна – ймовірно, архімандрита Видубецького монастиря у 1855–1867 рр. (до постригу – Дмитро Ілліч Базилевич; 1787–1873), який у 1822–1855 рр. був начальником друкарні Києво-Печерської лаври (див.: *П. Строев.* Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. – СПб., 1877. – Стлб. 25, 525, 527).

5. Про кого йдеться – невідомо.

19. До Міхаїла Погодіна

Київ, 2 листопада 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 13–13 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 13–14.

1. Йдеться про роман (за авторським визначенням – повість) Олександра Кузьмича у двох частинах «Казаки» (СПб., 1843. – Ч. 1. – [2], 223 с.; Ч. 2. – [2], 305 с.). Першу частину було опубліковано в журналі «Маяк современного просвещения и образования» (1842. – Ч. IV. – С. 179–235; Ч. V. – С. 1–58).

2. Ця рецензія невідома. В «Москвитянине» Погодін її не надрукував, можливо, щоб не скривдити автора, який надіслав йому цей роман у подарунок. У супровідному листі від 3 травня 1843 р. Кузьмич писав Погодіну: «Прошу Вас покорнейше принять её как доказательство особенного уважения моего лично к Вам и превосходному журналу Вашему» (НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – № 64. – Арк. 1).

3. Анонсу «України» в журналі вміщено не було.

20. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 17 листопада 1843 р.

Подається за першодруком: Письмо Грабовского о сочинениях Гоголя // Современник. – 1846. – Т. XLI. – № 1. – С. 49–61. Публікацію підготував Куліш, переклавши лист Ґрабовського з польської. Надруковано фрагмент листа. Автограф невідомий.

Факсимільне відтворення першодруку: Современник. 1846. T. XLI. С. 49–61. – Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe / Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. – Leipzig, 1970.

Передрук у редакційному перекладі з російської, з помилковою датою (13 листопада): List M. Grabowskiego, o pismach Gogola, do P. Kulesza (z Dziennika rosyjskiego *Современник* Zesz. Stycz. 1846 r.) / Tłómaczenie z

rosyjskiego // Rubon. – Wilno, 1847. – T. VIII. – S. 81–95 (цензурний дозвіл: 22 лютого 1847 р.).

Передрук польського перекладу з «Rubona», з тією ж помилковою датою: Zwiedziadło prasy: Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. – S. 125–129.

Публікацію в «Современнике» супроводжує Кулішева передмова і примітки (ці тексти не підписані, проте Кулішеве авторство їх не викликає сумніву). У передмові високо оцінено літературно-критичну творчість Ґрабовського, наголошено на тому, що вона є оригінальною, неупередженою, базується на естетичних засадах і демонструє широкі знання. За Кулішем, польський критик не заанґажований до жодного з літературних угрупувань і пише лише з любові до істини й краси.

У польськомовному передруку є дві посторінкові зауваги Ґрабовського, яких немає в публікації «Современника» і які позначені так: «Późniejsza nota P. Grabowskiego» (див. прим. 11, 13 до цього листа). У публікації вміщено також переклад передмови (Rubon. – Wilno, 1847. – T. VIII. – S. 79–81). Передрук супроводжувала примітка редакції: «Szczere Panu Grabowskiemu składami dzięki za dozwolenie nam użytkowania z listu tego; mysieliśmy atoli, z niemałym żalem, zastąpić polski oryginał tłómaczeniem z tłómaczenia, z powodu, iż Autor nie zostawił sobie kopji. Balibyśmy się zatem ażeby nie zastosowano do nas włoskiego przysłowia: *traduttore*, *traditore*, gdyby nas nie wymawiała chęć udzielenia Czytelnikom naszym zdania znakomitego Estetyka o Pisarzu wziętości Europejskiej (bo niedawno wyszło tłómaczenie francuzkie wyboru dzieł Gogola (наприкінці 1845 року Люї Віардо переклав за допомоги Івана Тургенєва й видав у Парижі повісті Гоголя "Тарас Бульба", "Записки сумасшедшего", "Коляска", "Старосветские помещики", "Вий". – *Ред.*)). P. Grabowski ocenił go tak trafnie i bezstronnie, że rosyjskie periodyczne pisma skwapliwie sąd jego ogłosiły». Кулішеві примітки передруковано вибірково, натомість подано декілька нових (від редакції).

Куліш познайомився з Ґрабовським в останній декаді липня 1843 року під час своєї мандрівки півднем Київської губернії за дорученням Тимчасової комісії для розгляду давніх актів. Про першу зустріч із Кулішем у своєму маєтку в с. Олександрівці польський письменник детально розповів у листі до Крашевського від 31 липня 1843 р. (див. прим. 1 до листа 14). Вдруге Куліш побував у Ґрабовського в серпні 1844 року. Мешкаючи в Олександрівці, український письменник здійснював фольклорні й археологічні експедиції по околицях. Про його участь у розкопах Ґрабовський згадав у своїй книжці «Ukraina dawna i teraźniejsza» (К., 1850), відзначивши високий рівень кваліфікації молодого дослідника.

Власний переклад статей Ґрабовського про Пушкіна й про Гоголя (друга – у формі листа) Куліш 1846 року вмістив у «Современнике». У 1840-х роках він також переклав російською мовою частину повісти Ґрабовського «Pan starosta Kaniowski» (переклад невідомий), яку автор видав 1856 року. Зі свого боку, Ґрабовський усіляко популяризував творчість Куліша. Зокрема, 1843 року він надіслав Крашевському уривки з Кулішевої «України», радячи їх опублікувати в журналі «Athenaeum»; у 1845 році вмістив у «Rubonie» (T. VI) низку народних переказів із Кулішевого зібрання.

Завдяки Ґрабовському Куліш відкрив для себе польські джерела з історії України, зав'язав взаємини з польськими культурними діячами (пере-

довсім зі Свідзінським). Це сприяло розширенню його кругозору, про що він завжди згадував із вдячністю.

Після заслання, у 1850-х роках, Куліш поновив спілкування з Ґрабовським. Див. про це в коментарях до наступних томів. Про творчі та особисті взаємини письменників також див.: *В. Гнатюк.* Польський літератор М. А. Ґрабовський і його приятелювання з П. О. Кулішем // ЗІФВ / УАН. – К., 1929. – Кн. XXI/XXII. – С. 227–247; *О. Юровська.* Куліш і Ґрабовський // Україна. – К., 1929. – Кн. 36 (Верес.). – С. 72–85; *В. Івашків.* Проблеми українсько-польських взаємовідносин: П. Куліш та М. Ґрабовський // Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie. – Rzeszów, 1995. – S. 85–91; *Є. Нахлік.* Легенда про Золоті ворота в Києві у варіянтах М. Ґрабовського і П. Куліша // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – Л., 1999. – Вип. 27. – С. 67–78.

У нашому томі подано три листи Ґрабовського до Куліша: один – 1843 року – за публікацією в «Современнике», два – 1845 і 1846 рр. – за копіями, що зберігаються в архіві Пєтра Плєтньова (усі листи – з купюрами). Фраґменти одного листа Ґрабовського від 5 серпня 1846 р. Куліш навів у листі до Плєтньова від 20 серпня. Доля Кулішевих листів до Ґрабовського невідома (крім одного листа з 1856 року). Після Кулішевої смерти вдова розшукувала їх у спадкоємців Ґрабовського, проте безуспішно (див.: *Н. Населевець.* Листи Ганни Барвінок до Василя Васильовича Тарновського (молодшого) з фондів Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського // Скарбниця української культури: Збірн. наук. праць. – Чернігів, 2002. – Вип. 2. – С. 55, 62). Про один свій лист до Ґрабовського Куліш згадав у нотатках, вилучених під час арешту: «В письме от 21 авг[уста] (1846 року. – *Ред.*) я обещал Грабовскому написать из Киева или Варшавы о его "Тайкурах" (роман, виданий у 1845–1846 рр. у Вільні в чотирьох томах. – *Ред.*)» (*КМТ*, т. 2, с. 35).

1. «Писано к П. А. Кулешу, прежде выхода в свет поэмы "Мёртвые души"» (*прим. Куліша*).

2. Йдеться про «Сочинения Николая Гоголя».

3. Гоголеву повість «Старосветские помещики» вперше було опубліковано в його збірці «Миргород» (СПб., 1835).

4. До третього тому «Сочинений Николая Гоголя» увійшли такі твори: «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Рим (отрывок)».

5. «Эти слова автор написал в скобках по-русски» (*прим. Куліша*).

6. «См. повесть Гоголя: "Портрет"» (*прим. Куліша*).

7. Картина його убогого інтер'єру (*франц.*).

8. Про критичне ставлення Ґрабовського до сучасної французької літератури, яку він називав «literaturą szaloną», див.: *H. Hleb-Koszańska.* Źródła sądow w rozprawie Michała Grabowskiego «O nowej literaturze francuzkiej». – Wilno, 1929. – 84 s.

9. Див. прим. 4 до листа 10.

10. «Автор разумеет "Украину", поэму П. А. Кулеша» (*прим. Куліша*).

11. «Nim jeszcze wyszły Dumy P. Kulesza, posłałem z nich dwie do jednego z pism polskich, ze wstępem o planie całego poematu i zamyśle Autora, zastanawiającego z powodu zamiaru stworzenia całości epicznej ze stoczenia oryginalnych dum narodowych. Tam rozwinąłem, jak duch nienawiści czasowej nie powinienby dla nas być przykrym, bo na te zapasy należałoby nam patrzeć, jak

na wojny Greków i Trojan. Powstawałem bardzo, kiedy z nowych Pisarzy chciał upoetyzować w dumie polskiej figurą Żelezniaka, ale wymagać, żeby dumy gminu powstałego przeciw Polszcze nie wyrażały żadnej namiętności, byłoby rzeczą całkiem niedorzeczną» (*прим. Грабовського*).

У примітці йдеться про лист до Крашевського з пропозицією вмістити в «Athenaeum» дві думи з Кулішевої «України» (див. прим.1 до листа 14).

12. «Автор опять говорит о поэме "Украине"» (*прим. Куліша*).

13. «Byk miedziany, podanie widocznie odgrzebane z byka Falarysa; powieść Koniskiego o tem, jak Księga katoliccy zaprzęgali dziewki i kobiety do wozów, i tak z miejsca do miejsca jeździli, żywcem powtórzona z tego, co Nestor powiada o okrucieństwie *Obrów* względem kobiet Sławiańskich. P. Kulesz sam dowiódł w piśmie historycznem, drukowanem w kijowskiej gubernialnej gazecie, jak powieści Koniskiego mało są wiarogodne, a to prostując jego historyą bitwy pod Kumejkami, według źródłowych podań Skalskiego i drugich dokumentów znajdujących się w bibliotece JW. Swidzińskiego» (*прим. Грабовського*).

Про яку історичну статтю Куліша, надруковану в «Киевских губернских ведомостях», йдеться у цій примітці, – невідомо (жодна бібліографія праць Куліша її не фіксує). Перевірити цю інформацію нам не вдалося.

14. Очевидно, Грабовський мав на увазі опис в «Истории русов» смерти Северина Наливайка та його товаришів (нібито живцем спалених у мідному бику), придушення повстання та насильницького насадження уніятської віри («духовенство униатское ездило на колеснях, запряжённых 12–15 человек из православных»). До публікації твору 1846 року це місце було відоме із «Запорожской старины» Срезневського (Х., 1833. – Ч. І. – Кн. ІІІ. – С. 103).

15. «Pamiętniki Paska, мемуар XVII века» (*прим. Куліша*).

Записки «Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III» видав 1836 року в Познані Едвард Рачинський, і вони одразу набули великої популярности, насамперед тим, що добре передавали образ шляхтича XVII ст. Їх було перекладено на декілька европейських мов, і вони витримали кільканадцять перевидань, зокрема у 1837, 1838 (німецькою мовою) і 1840 роках.

З «Pamiętnikami Paska» Куліш був обізнаний ще до знайомства з Грабовським. Свого часу Микола Білозерський бачив Кулішеві виписки з цієї пам'ятки, датовані 12 березня 1843 року (Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 77).

Свою оцінку цим запискам Грабовський дав у статті «Projekta Artystyczne w Litwie, P. Kulesza (Міхал, польський художник. – *Ред.*), Pejzaż Polski»: «Pamiętniki Paska uważamy za jedną z szacowności naszej literatury; jest to najwierzytelniejsze a razem najzupełniejsze podanie o obyczajności staropolskiej» (Artykuły literackie, krytyczne, artystyczne M... Gr.....go. Dalszy ciąg Literatury, krytyki, korrespondencyi i t. d. – Warszawa, 1849. – S. 129).

16. Згодом Куліш у статті «Гоголь как автор повестей из украинской жизни», коментуючи захоплений відгук Бєлінського про «эпизод любви Андрия к прекрасной польке», відзначив, що цей епізод свідчить «об авторском незнании века, общества, нравов и об неумении его изобразить любящих женщин вообще» (Основа. – 1861. – № 9. – С. 57 [2-га пагін.]).

17. Я беру своє добро, де знаходжу його (*франц.*). Вислів Мольєра, який став крилатим. Як оповів Гримаре, автор анекдотичної книжки про Мольєра (*J. L. Grimarest*. La Vie de Molière. – Paris, 1705), із цими словами французький драматург поновив у своїй комедії фразу, взяту з п'єси Сирано де Бержерака, який, своєю чергою, нібито запозичив її у Мольєра в усній розмові з ним.

21. До Стєпана Шевирьова

Київ, 20 листопада 1843 р.

Подається за автографом: ВР РНБ. – Ф. 850. – Од. зб. 337.
Друкується вперше.

Кулішеві стосунки зі Стєпаном Шевирьовим не склалися, попри те, що Шевирьов був одним із перших, хто позитивно оцінив письменницький талант Куліша, і значною мірою причинився до його тісної співпраці з «Москвитянином» у 1840-х роках. «Посылаю тебе, – писав він своєму близькому приятелеві Погодіну, – разбор "Михаила Чернышенко", которым я очень доволен. Хорошо бы Кулеша завербовать в повествователи» (*Барсуков*, кн. VII, с. 141; у публікації лист не датовано). Оскільки Шевирьов не відігравав самостійної ролі в «Москвитянине», остільки Куліш волів тримати зв'язок радше з Погодіним, аніж із ним. На засланні, довідавшись про негативну роль Шевирьова у закритті «Чтений» (див. прим. 5 до листа 251), він засудив його.

У 1850-х роках, збираючи біографічні матеріяли про Гоголя, Куліш поновив спілкування з Шевирьовим. Проте його ставлення до московського професора в цей період – особливо у другій половині 1850-х років – було зневажливо-іронічним, що зумовлювалося, зокрема, й погіршенням Кулішевих стосунків із Погодіним. «Если Погодин сделает что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевырёвым», – охоче цитував того часу Куліш характеристичний вислів Хомякова (див.: *Листи*, с. 205).

У нашому томі подано два листи Куліша до Шевирьова; інформації про інші листи немає.

1. Прихильну рецензію на «Михайла Чарнышенка...» Шевирьов вмістив у липневому числі «Москвитянина» за 1843 рік (Ч. IV. – № 7. – С. 126–133; цензурний дозвіл – 8 серпня). Рецензент, між іншим, відзначив, що «Кулеш обнаруживает направление чисто-исторической школы В. Скотта» (с. 127) і порівняв його літературний талант із Гоголевим та Квітчиним. Після того у вересневому числі журналу (цензурний дозвіл – 18 серпня) було передруковано три розділи Кулішевого роману під назвою «Отрывки из нового романа: Михайло Чарнышенко», без поділу на розділи і без коментарів (Ч. V. – № 9. – Смесь. – С. 243–264).

2. Рецензії на «Україну» Шевирьов не написав.

22. До Михайла Юзефовича

Київ, 23 листопада 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/6}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 193–195.

1. Куліша затверджено в чині губернського секретаря 27 квітня 1845 р. (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Л., 1930. – Т. С. – С. 358).

2. Куратором Санкт-Петербурзької шкільної округи з весни 1842 року до січня 1845 року був князь Ґріґорій Волконський.

3. Йдеться про Раду Університету св. Володимира.

23. До Міхаїла Погодіна

Київ, 28 листопада 1843 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 10.

Першодрук: *Савченко*, с. 14.

1. Мова про «Україну».

24. До Михайла Юзефовича

Київ, 10 грудня 1843 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/7}{504}$.

Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 195–197.

1. Авторизована копія «Повести о старых временах и обычаях малороссийских» зберігається в архіві Алєксандра Нікітєнка. У ній Кулішева дописка олівцем: «Автор покорнейше просит Г. Издателя журнала отпечатать отдельно десять экземпляров этой повести и прислать *в Киев* по следующему адресу: *Пантелеймону Александровичу Кулешу*» (ВР ІРЛІ. – № 19529/CXXX/б.6. – Арк. 27). Дата в рукописі: «12 генв[аря] (I) 1844». У підзаголовку присвята: «Посвящается Хоз....ным Сп....м». «Хозяйственные Способности» – це жартівливе прізвисько Олександри Білозерської.

Цей твір Юзефович надіслав Нікітєнкові разом із супровідним листом від 28 березня 1844 р.: «Посылаю при сем под Ваше же покровительство новую небольшую повесть Кулеша. Она мне понравилась своею простотою. Она, мне кажется, может служить достойным панданом "Старосветским помещикам" Гоголя. [...] Моя к Вам просьба, – напечатать её, где заблагорассудите, взяв за неё сколько-нибудь денежок. Употребите хоть во зло Ваше цензорское влияние: в таком случае злоупотребление простительно. Заглавие повести нужно бы, мне кажется, переменить, – назовите, как хотите, – ежели, разумеется, Вы согласитесь со мною в надобности этой перемены» (*І. Айзеншток.* З історико-літературних матеріалів // ЛА. – Х., 1930. – Кн. III/VI. – С. 234). Того ж дня Юзефович звернувся з аналогічним листом і до князя Владіміра Одоєвського (Там само. – С. 234–235). Для Нікітєнка, за його висловом у щоденнику, Юзефович був «один из первых друзей [...] юности». З Одоєвським Юзефович навчався разом у пансіоні Московського університету. Однак ні той, ні той не зважили на прохання Юзефовича і не вжили заходів, щоб «Повесть...» було надруковано. Нікітєнко, як виглядає, навіть не відповів, оскільки Юзефович у листі від 21 листопада 1844 р. йому докоряв: «Письмо моё с романом Кулеша Вы получили. Что же Вы не отзовётесь?» (Там само. – С. 235). В істотно зміненій редакції цей твір Куліш вмістив у «Современнике» під назвою «Самое обыкновенное происшествие» (1846. – Т. XLIV. – № 11. – С. 131–156). У первісній редакції його вперше надруковано у виданні: Твори Пантелеймона Куліша. – [Х.]: ДВУ, 1930. – Т. 1. – С. 168–192. Також див.: *І. Ямпольський.* Невідома повість П. О. Куліша // Червоний шлях. – 1928. – № 5/6. – С. 97–106.

2. Перебільшення, пересада (*франц.*).

3. Цей твір невідомий.

4. Ця стаття невідома. У листі до Миколи Білозерського від 24 березня 1844 р. (№ 26). Куліш зазначив, що він уже надіслав її до редакції «Журнала Министерства народного просвещения».

5. Куліш мав неабиякий хист до малювання. Ще дитиною він робив різні замальовки й славився у гімназії цим умінням. В Університеті св. Володимира він познайомився з художником, який «школив його на гипсових антиках і довів його карандаш до високої артистичности» (*Жизнь*, ч. 3, с. 33). Свій хист Куліш удосконалював під час тульського заслання. У 1850 році під час переїзду імператора та великих князів через Тулу він подарував їм свій альбом із зображеннями тульської старовини. За Кулішем, цей альбом нібито справив на Ніколая I враження і той дозволив засланцеві повернутися в столицю (див. прим. 2 до листа 330).

6. На схилку літ Куліш згадував, що Юзефович заохочував його до малювання. Як приклад він навів такий епізод: «Копию с одного морского пейзажа подарил я моему меценату (Юзефовичу. – *Ред.*) и был очень польщён и подогрет выраженным им подозрением, что в моей работе участвовала чья-то опытная кисть» (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 64; див. також: *Жизнь*, ч. 3, с. 33). Не випадково саме Юзефовичеві Куліш детально описував (у листі від 23 березня 1846 р. з Петербурга – № 77) свої враження від виставки в Академії мистецтв.

1844

25. До Міхаїла Погодіна

Київ, 4 лютого 1844 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 15–16 зв.

Першодрук (зі скороченням): *Барсуков*, кн. VIII, с. 252. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 14–15.

1. Різдвяні свята Куліш провів у Мотронівці, де, за спогадом його дружини, він «неділь три погостив з братом (Василем Білозерським. – *Ред.*) і поїхав зацікавлений дуже всіми» (*Ганна Барвінок.* Спогади про знаємість Куліша з домом Білозерських // Будучність. – 1909. – № 3. – 1 лют. – С. 34). У спогадах цю подію помилково датовано 1845 роком.

2. Намір видавати в Києві журнал Максимович плекав аж до 1847 року, коли звернувся до уряду з проханням, щоб йому дозволили видання періодичного літературно-наукового місячника «Киевский собеседник». Однак це прохання було відхилено, бо «Государь Император изволит признавать, что число существующих у нас журналов слишком велико» (*В. Чорноморець* [*В. Дроздовський*]. «Хлібороб». (З нагоди 25-річчя української преси) // ІР НБУВ. – Ф. 47. – Од. зб. 336. – Арк. 260; автор посилається на «Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры. По представлению киевского цензурного к[омите]та о дозволении статскому советнику Максимовичу издавать в Киеве учёно-литературный журнал под названием “Киевский собеседник”»).

З цим видавничим проєктом певною мірою узгоджувався інший Максимовичів задум – відновлення «Киевлянина». Про нього писав Микола

Маркевич Бодянському в листі від 26 грудня 1846 р.: «У нас в Киеве возобновляется "Киевлянин", 3 или 4 книги в год» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 92. – Арк. 28). Того ж дня Маркевич написав листа й Максимовичеві, дякуючи йому за запрошення дописувати в "Киевлянин" і висловлюючи радість, що видання виходитиме далі (*В. Данилов*. К биографии Н. А. Маркевича (письма его к М. А. Максимовичу) // Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии. – Екатеринослав, 1911. – Вып. 7. – С. 230). Третю книжку «Киевлянина» Максимович видав 1850 року в Москві, залучивши до видання переважно російські літературно-наукові сили.

3. Йдеться про Літопис Величка.

4. У листі до Бодянського від 21 серпня 1846 р. (№ 99) Куліш знову зазначив, що зібрані ним народні перекази цензура дозволила до друку. Київськими цензорами на той час були Орест Новицький (від 1837 до 1869 року; див.: *А. В. Мезьер*. Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры. – М., 2000. – С. 83) і Алєксандр Фєдотов-Чеховський. Найімовірніше, саме останній був цензором збірки народних переказів, упорядкованої Кулішем. Раніше він цензурував «Михайла Чарнышенка...» і «Україну», а 1845 року – збірку українських пісень, що їх зібрав Максимович (появилася 1849 року).

5. Цей план відвідати південь України так і не було реалізовано. Улітку–восени 1844 року Куліш здійснив поїздку Київською та Чернігівською губерніями за дорученням археографічної комісії (див. прим. 9 до листа 29, прим. 2 до листа 32).

6. Чи написав Ґрабовський цю статтю – невідомо.

26. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 24 березня 1844 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28978.

Першодрук (зі скороченням): *В. Шенрок*. П. А. Кулиш: (Биографический очерк) // КС. – 1901. – Март. – Отд. І. – С. 468. Уперше опубліковано повністю: *Листи*, с. 34–35.

1. Великдень у 1844 році був 26 березня.

2. Йдеться про «Повесть о старых временах и обычаях малороссийских».

3. «Журнал Министерства народного просвещения» – офіційний орган міністерства, виходив із 1834 року щомісяця.

4. Мова про ґенерального хорунжого Миколу Ханенка, який вів приватний щоденник від 1719 до 1754 року. В ньому він записував різні події свого життя, а також нотував факти з політичного життя Гетьманщини. Збереглися Кулішеві виписки: «Извлечение из дневника стародубского судьи Николая Даниловича Ханенка, впоследствии генерального хорунжого». Автограф має 7 списаних і 3 чистих аркуші. Під записами, що охоплюють 1719–1749 рр., стоїть дата: «22 марта 1844» (ІМФЕ. – Ф. 3. – Од. зб. 520).

Михайло Ханенко надіслав Кулішеві копію щоденника (з оригінала або зі списку). Як він повідомляв Бодянського в листі від 24 грудня 1847 р., оригінал його покійний дядько Олександр надав Дмитру Бантишу-Каменському, проте назад не отримав. У родині існувало дві копії: первісна, в Олек-

сандра, і копія з копії – в його брата Михайла. Текст мав пропуски. Ще одну копію виготовив Бодянський у 1851 році для себе. Про це див. у листах Ханенків до Бодянського, що їх вмістив Андрєй Тітов у вступній статті до публікації невідомих фрагментів щоденника Миколи Ханенка (КС. – 1896. – Июль/Авг. – Отд. I. – С. 151–162).

У 1844 році Куліш подав Тимчасовій комісії для розгляду давніх актів «полученный от помещика Черниговской губернии Г[осподина] Ханенка *Диариуш*, или Журнал предка его, Генерального Хорунжего Николая Ханенка, веденный в 1722 году». Перераховуючи місця цього «Діяріюша», що заслуговують на особливу увагу, Куліш, зокрема, відзначив матеріяли з історії України: «1. Перечень исходивших в 1722 году от Гетмана Скоропадского бумаг, из которых видно тогдашнее судебное, статистическое и политическое состояние Малороссии и отчасти России... 4. Тяжба Гетмана Скоропадского с Князем Меньшиковым за Почепское имение, к которому Меньшиков присоединил бесправно окресные деревни. 5. Обед Петра Великого с Генералами на квартире у Гетмана Скоропадского и погребальная процессия». Наприкінці заяви Куліш пояснив, що цей «Діяріюш» він отримав лише на певний час, і просив Комісію доручити йому зайнятися підготовкою цього пам'ятника до видання, для чого йому потрібно було одного копіїста (*В. Міяковський*. Кирило-методіївці в Археографічній комісії // Ювілейний збірник на пошану Михайла Сергійовича Грушевського. – К., 1928. – [Т.] I. – С. 316; дослідник покликається на архів комісії: «Справа 1843 року, ч. 1, арк. 48»).

Щоденник Ханенка опублікували частинами: за 1722 рік – Бодянський (у першій книжці «Чтений» 1858 року), за 1727–1753 рр. – Олександр Лазаревський (як додаток до «Киевской старины» 1884–1886 рр. і окремою відбиткою), за 1719–1723 і 1754 рр. – Андрєй Тітов (у «Киевской старине», 1896, № 7/8).

Листування Куліша з Михайлом Ханенком невідоме.

5. Литовський статут – кодекс прав Великого Князівства Литовського, виданий у XVI ст.; мав декілька основних редакцій.

6. Цей намір не було здійснено.

7. Віктор Забіла був родичем Білозерських: троюрідним братом Василя Михайловича та його сестри Олександри і шваґром Миколи Даниловича (сестра Забіли Олена вийшла заміж за його брата Івана, а після його смерти одружилася з самим Миколою Даниловичем). Він мешкав на своєму хуторі Кукуріківщині (інша назва – Кинь-Горе), неподалік од Миколаєва, хутора Миколи Білозерського, біля Борзни. Стосунки Куліша із Забілою були неоднозначні: від щиро-приятельських у 1840-х – першій половині 1850-х років до неприязні (насамперед з боку Забіли, зокрема через різку оцінку його творів у критичних статтях Куліша) наприкінці 1850-х – у 1860-х роках. Протягом усього часу їхнього спілкування Куліш гостро засуджував Забілину схильність до чарки.

Після поетової смерти Куліш визнав, що «за життя покійника Забіли критика українська була до нього надто жорстока» ([*П. Куліш*]. Некролог // Правда. – 1869. – Ч. 12. – С. 112). За свідченням Миколи Михайловича Білозерського, на похоронах Забіли Куліш плакав за ним (ІР НБУВ. – Ф. I. – Од. зб. 25743. – Арк. 347).

27. До Олександра Ханенка

Київ, кінець 1843 року ... березень 1844 року

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{37-9/5}{524}$.

Дату листа визначено на підставі згадки у листі Куліша до М. Д. Білозерського від 24 березня 1844 р. про те, що Михайло Ханенко надіслав йому щоденник свого прадіда (див. прим. 4 до листа 26).

Першодрук: *Шевелів*, с. 148–149.

З тексту листа видно, що Олександр Ханенко, відгукнувшись на «Объявление о составлении книги под заглавием: История малороссийских фамилий», надіслав Кулішеві історію свого роду, копії деяких фамільних паперів, а також перелік документів, які зберігалися на той час у родинному архіві. Які це були документи, можна уявити з іншого переліку (48 позицій), що його Михайло Ханенко надіслав Бодянському в листі від 14 грудня 1847 р. (див.: *А. Титов.* Дневник Николая Ханенко // КС. – 1896. – Июль/Авг. – Отд. I. – С. 153–157). Див. також: *М. Ханенко.* О бумагах генерального хорунжего Николая Ханенко // Черниговские губернские ведомости. – 1852. – № 33, 34.

У 1843–1846 рр. Куліш отримав від Ханенків низку важливих матеріялів з історії їхнього роду. Окремі з них він використав у романі «Чорна рада», вмістивши їх у коментарях до російської версії (у ранній редакції).

Під час заслання відносини з Ханенками Куліш припинив. Пізніших листовних контактів його з Олександром Ханенком не виявлено.

Збереглося шість листів Куліша до Олександра Ханенка; інформації про неповноту комплекту немає.

1. Архів Миколи Ханенка (рукопис щоденника, листування тощо), який зберігався в його правнука Олександра, згорів у роки громадянської війни разом із маєтком у с. Городищі Стародубського повіту (див.: Наше минуле. – 1918. – Ч. 2. – Верес./жовт. – С. 213).

2. Цей рукопис Куліш отримав. Перед від'їздом за кордон він переслав його Бодянському для публікації, про що поінформував Ханенка у листі від 24 грудня 1846 р. (№ 135). Див. також прим. 1 до листа 147.

3. Ханенко перебував «в Петербурге Депутатом от нации» навесні–восени 1723 року за дорученням Павла Полуботка, який направив його разом із кількома старшинами до столиці, щоб вони домоглися – «от всего народа» – повернення Україні старих прав і відновлення інституту гетьманства. Ця місія не увінчалася успіхом: Полуботка, Ханенка та інших старшин за наказом Пєтра I було ув'язнено. Ханенків діяріуш цього періоду невідомий.

4. Щоденник, що його вів Ханенко в Москві, перебуваючи у складі делегації гетьмана Скоропадського, опублікував, разом зі своєю передмовою, Бодянський у «Чтениях» (М., 1858. – Кн. 1. – С. I–XXI, 9–74. – Смесь; також окрема відбитка). Повна його назва: «Диариушъ, или Журналъ, то есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясневельможного, Его милости, пана Іоанна Скоропадского, войскъ Всепресвѣтлѣйшого Его Императорского Величества, запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана, окказій и церемоній, тако жъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, наченшійся 1722 году, и оконченный въ томъ же году, по преставленіи и погребеніи помянутого жъ Гетмана ясневельможного Іоанна Скоропадского,

въ мѣсяцѣ іюлѣ Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ».

5. Листування Василя Ханенка з батьком опублікував 1852 року в «Черниговских губернских ведомостях» Михайло Ханенко (№ 36–41).

6. Герб роду Ханенків – щит: у голубому полі три башти (або червона фортеця з трьома баштами і трьома воротами), угорі шестикутна зірка; нашоломник: три страусові пера (*В. К. Лукомский, В. Л. Модзалевский.* Малороссийский гербовник / С рис. Егора Нарбута. – СПб., 1914. – С. 193, табл. LXVI).

7. Цей переказ Куліш навів у примітці до свого роману «Чёрная рада», потверджуючи ним свої спостереження щодо елементів жіночого одягу: «Один из древних Ханенков (у публікації тут і далі помилково: Хоменко. – *Ред.*) [...] отличался особенным искусством стрелять из лука. Однажды встретил на поле девушку необыкновенной красоты. "Хочешь быть моею женою?", – спрашивает её. "Хочу, пане", отвечает бойкая козачка. – "Стань же, я собью с тебя стрелою кораблик. Если будешь иметь столько смелости, то достойна быть моею женою". Козачка стала на известном расстоянии. Ханенко выстрелил, снял с неё кораблик. – Значит, кораблик прикреплялся к волосам слегка, если можно было снять его стрелою» (*П. Кулеш.* Козацкие паны // Москвитянин. – 1846. – Ч. I. – № 1. – С. 115).

28. До Олександра Ханенка

Київ, 20 квітня 1844 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{37-9/1}{524}$.
Першодрук: *Шевелів*, с. 149.

1. На місяць раніше, у листі до Миколи Білозерського від 24 березня (№ 26), Куліш писав, що щоденник Миколи Ханенка він отримав від його правнука Михайла. Мабуть, ідеться про різні частини одного щоденника, бо навряд чи і Олександр, і Михайло надіслали Кулішеві один і той самий текст. Див. також лист Куліша до Ханенка від 6 лютого 1845 р. (№ 40), у якому висловлено подяку за обіцянку надіслати копію щоденника Миколи Ханенка.

2. 1 травня Куліш у відрядження, очевидно, не виїхав. 25 квітня Київський цивільний губернатор Іван Фундуклей надіслав Юзефовичеві відношення з проханням звільнити Куліша з училища з метою відрядити його до Київської губернії для пошуку старожитностей. Юзефович наклав резолюцію: дозволити. На підставі цього листа справу в канцелярії Київської шкільної округи розпочато щойно 11 червня. Поштовхом до цього стало відношення Юзефовича на ім'я Фундуклея, датоване 10 червня – про звільнення Куліша (ЦДІА. – Ф. 707. – Оп. 10. – Спр. 188). Див. також прим. 9 до листа 29.

29. До Тараса Шевченка

Київ, 5 червня 1844 р.

Подається за публікацією Михайла Новицького, здійсненою з автографа, нині невідомого: *М. Новицький.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна. – 1927. – Кн. 1/2. – С. 78–79.

Першодрук (із пропусками): *Н. Стороженко.* Новые материалы для биографии Шевченка // КС. – 1900. – Сент. – Отд. І. – С. 303–304.

Дата в публікації Стороженка: «З Киева 1844 г. Июля 5 дня».

1. *Т. Шевченко.* Тризна. На память 9-го ноября 1843 года, княжне Варваре Николаевне Репниной. – [СПб.], 1844. – 24 с.

2. Йдеться про окремі видання творів Шевченка: «Гамалія» (СПб.: В тип. М. Ольхина, 1844. – 11 с.), «Кобзарь» (СПб.: В тип. Е. Фишера, 1840. – 114 с.), «Гайдамаки. Поема» (СПб.: [В тип. А. Сычева], 1841. – 131 с.).

3. Це слово відтворено за першодруком. У публікації Новицького помилково: «мариш».

4. Слово «ваганок» Куліш у романі «Михайло Чарнышенко...» витлумачив так: «большая деревянная чаша» (К., 1843. – Ч. 2. – С. 87). У словнику української мови за редакції Бориса Грінченка його тлумачено як «продолговатая деревянная миса, род небольшого корытца для пищи» (*Б. Гринченко.* Словарь української мови. – К., 1907. – Т. І. – С. 121).

5. Це слово відтворено за першодруком. У публікації Новицького помилково: «держано».

6. Алюзія до «Югуртинської війни» Ґая Саллюстія Криспа (X, 6): «Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur» («За згоди й малі держави ростуть, за незгоди й великі розпадаються»; із промови, з якою нумідійський цар Міцис (II ст. до Р. Х.), відчуваючи наближення смерти, звернувся до спадкоємців).

7. Цитата з думи про смерть Хмельницького, що її Куліш навів за публікацією в «Запорожской старине» Срезневського (Х., 1834. – Ч. II. – Кн. І. – С. 42–43). У публікації: «Тим і сталась по всьому світу страшенная козацькая сила, що у всіх у вас, панове молодці, була воля й дума єдина».

8. Цитата з Біблії (Мат. 5:16).

9. 10 червня 1844 р. на відношення Фундуклея про звільнення Куліша з училища для відрядження у справах пошуку старожитностей Юзефович наклав резолюцію: «уволить учителя Киево-Подольского уездного училища Кулеша от занятий по должности для собрания сведений о предметах древности в некоторых уездах Киевской губернии сроком по 1 августа текущего года» (ЦДІА. – Ф. 707. – Оп. 10. – Спр. 188. – Арк. 2). Одночасно Юзефович надіслав відповідне відношення директорові училищ Київської губернії (Там само. – Арк. 3) та Кулішеві, якого, зокрема, повідомляв: «Вследствие сего дано Вам знать, что я совершенно согласен на увольнение Вас для означенной надобности сроком по 1 августа текущего года» (Там само. – Арк. 4). Див. також прим. 2 до листа 28.

10. У листі до Куліша (не зберігся) Шевченко, очевидно, писав про намір видати альбом офортів «Живописная Украина». Видання було задумано як серійне; наприкінці 1844 року вийшов єдиний випуск із шести естампів. Як видно з листа, Куліш прихильно поставився до ідеї такого видання. Проте, мабуть, не отримавши на свого листа відповіді й дізнавшись про те, що Шевченко уже видав якісь естампи, афішувавши у пресі прізвище Куліша як консультанта, висловив йому своє невдоволення (лист від 31 грудня 1844 р. – № 37).

11. Дописка «рукою власною» (її Куліш часто робив у своїх листах, написаних до арешту) у III відділі спричинилася до непорозуміння. На допиті в Куліша запитали: «Что значит подпись ваша "рукою власною" – как в прежнее время подписывались малороссийские гетманы», на що той відповів:

«"Рукою власною" значит в переводе "рукою собственною". Так подписывались, впрочем, не гетманы только, а все грамотные люди в старину, в отличие от тех, которые не умели собственноручно подписать своего имени. Это сделано мною по прихоти, из ребяческой любви ко всякого рода старине. Старинные поляки тоже писали подписи своих имён: własną ręką (собственною рукою), а малороссияне заимствовали от них» (*КМТ*, т. 2, с. 52–53).

30. До Миколи Даниловича Білозерського

Переяслав, 11 липня 1844 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28979.
Першодрук: *Листи*, с. 37–38.

1. У 1840-х роках Куліш листувався з Григорієм Мізком (листи невідомі). Так, 22 вересня 1846 р. він занотував у щоденнику: «Сейчас получил я от Г. Т. Мизко письмо, весьма наставительное. Он пишет, обличая меня: "Вы влюблены в себя, но этого вовсе не замечаете". Совершенно справедливо. Постараюсь исправиться. Он обличает меня в гордости и указывает её признаки, которые поразили меня своею истиною: "Гордость нетерпелива, гневлива, яра"» (*Щоденник*, с. 30). У цей період Мізко подарував Кулішеві Євангелію з написом: «Юноше с сединою» (*Г. Х.* Шевченкові епіграфи // ЛНВ. – 1900. – Т. Х. – Кн. IV. – Хроніка і бібліографія. – С. 52).

2. Можливо, йдеться про Федора Риндовського, сина протоієрея у Борзні, брата у перших Григорія Мізка (мати Риндовського – Наталія – була рідною сестрою Тимофія). Його характеристику подає Філарет (Гумілевський): він надвірний радник, повітовий борзнянський лікар, «муж замечательный своею набожною жизнью, благотворительностью, гостеприимством, которое находят у него в доме – во всякое время – богомольцы, и то с любовию христианскою, с какою он обращается особенно с заболевшими на пути богомольцами» (*Архиепископ Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1874. – Кн. 6. – С. 447–448).

31. До Михайла Юзефовича

Київ, 22 серпня 1844 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/8}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 197–198.

1. Йдеться про літопис Йоахима Єрлича, українського шляхтича, вороже налаштованого до козаків і до повстання під проводом Хмельницького. Його записки «Latopisiec, albo Kroniczka różnych spraw i dziejów dawnych i terazniejszych czasów z wieku i życia mego» є важливим історичним джерелом й охоплює період з 1620 по 1672 рік. Літопис опублікував (з численними пропусками й помилками) Казімєж Владислав Вуйціцький: Latopisiec, albo Kroniczka Joachima Jerlicza. – Warszawa, 1853. – T. 1. – 44, 187 s.; T. 2. – 213 s.

2. Ймовірно, саме цю знахідку поховання в с. Осоті (нині с. Стара Осота Олександрівського р-ну Кіровоградської обл.) докладно описав Ґра-

бовський у своїй книжці «Ukraina dawna i teraźniejsza». У ній, зокрема, він згадав і про Кулішеву участь у розкопах, відзначивши високий фаховий рівень молодого дослідника: «Najporządniej prowadzone były prace około rozkopywania mogił przez wysłanego w tym celu urzędnika P. Kulesza. Po kilku próbach na gruntach Osociańskich, odkryto nareszcie rzecz bardzo ciekawą, bo pod jedną z mogił, w ziemi o trzy arszyny niżej poziomu, znaleziono wyraźną katakombe, a w niej zupełny szkielet, przy nim reszty zerdzewiałego żelaztwa i 29 stszał. Te zaś strzały były w pewnego rodzaju kompozycyi białawej, niektóre zielono emalowane, bardzo mało lub nic od rdzy nie strawione, roboty wcale gładkiej i kunsztownej; między temi 29, była jedna strzała kościana. Odkrycie tej katakomby dowodzi, że mogiła jest właściwie pomnik nad grobem [...]. W tym samym czasie P. Kulesz rozkopywał mogiły numeru trzeciego (інша назва цього типу могил, за Ґрабовським, – майданна. – *Ред.*), w których nic przecie nie odkrył, tylko zawsze w jednem punkcie [...] pieczysko z wypalonej i szklistą jakąś powłoką okrytej gliny» (*M. Grabowski.* Ukraina dawna i teraźniejsza. – Kijów, 1850. – T. 1: O zabytkach najgłębskej starożytności. – S. 50–51).

Про статуетку ідола, знайдену в Осоті, Ґрабовський пише в окремому підрозділі «Posążek znaleziony w Osocie»: «Posążek ten jest miedny, w miednem kółku; prawe oko złote [...]. Tamże znaleziony złoty pierścień, z zielonem szkiłkiem, pierścień złoty z krwawnikiem; złoty kólczyk, szpinka miedna pokryta zielonością, i pierścień miedziany. – Posążek znajduje się w Gabinecie Uniwersytetu Ś. Włodzimierza w Kijowie. Odkryto to w piaszczystym wzgórku nad rzeczką Osotianką płynącą do Taśminia, którą wtedy dla nasypania grobli odwrócono. – Rzeczy wspomnione znalazły się przy szkielece; było razem wiele innych i kosztownych, które rozkradniono» (Ibid. – S. 108). З повідомлення видно, що осотнянський кістяк разом зі скарбом випадково знайшли селяни, які частину речей розікрали. Ілюстрацію мідної статуетки ідола й кільця, знайдених в Осоті, вміщено в книжці Ґрабовського (таблиця XIII).

Важливо відзначити той факт, що Ґрабовський у своєму дослідженні не побоявся назвати прізвище Куліша, який на час виходу книжки (цензурний дозвіл – 7 листопада 1848 р., друк завершено 20 грудня 1849 р.) перебував на засланні. Наскільки відомо, жодний із Кулішевих друзів – українців чи росіян – не наважився в період, коли Куліша було репресовано і він мешкав у Тулі, публічно згадувати його ім'я й покликатися на нього. Натомість Ґрабовський у своїй «Ukrainie...» декілька разів згадує Куліша, а в контексті збирання матеріялів народної словесности називає його «przyjaciel mój literat małorossyjski».

Описи знахідок в Осоті – поховання та статуетки ідола – майже дослівно, порівняно з «Ukrainą...» Ґрабовського, подано в книжці «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное по Высочайшему соизволению Киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем» (К., 1848). У передмові до видання оголошено подяку Ґрабовському («я много обязан в исполнении моего труда содействию чигиринского помещика М. А. Грабовского»; с. I). У знахідці осотнянського поховання відзначено заслугу Куліша, прізвища якого не названо («Гораздо правильнее произведено было разрытие могил особым чиновником, посылаемым для этой цели в 1845 году. После нескольких опытов, сделанных им на землях Осотнянских, удалось ему наконец попасть на весьма любопытное открытие» і т. д. – с. 4; див. також с. 73–74). Таблиці, наведені у книжці, майже такі самі, як і в монографії Ґрабовського, виданій двома роками пізніше.

Про залежність Фундуклеєвої книжки від монографії Ґрабовського (у плані запозичення її ілюстративного матеріялу; це ж значною мірою можна сказати й про текстову частину) див.: *Б. І. Черняков.* Ілюстрована книжкова періодика у процесі становлення ранньої зображальної журналістики. – К., 1998. – С. 65–66.

Про знахідку в с. Осоті також див.: Город Чигирин и замечательнейшие его окрестности // Киевские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1846. – № 11. – 15 марта. – С. 94–95.

32. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 24 серпня 1844 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28980.
Помітка про отримання: «8 сент[я]б[ря], возвратясь из Киева».
Першодрук: *Листи*, с. 39.

1. Можливо, йдеться про архімандрита Авксентія (до постригу Афанасія Галинського), намісника Києво-Печерської лаври, згодом настоятеля Київського Пустинно-Микільського монастиря. Помер 1 квітня 1844 р.

2. 23 серпня 1844 р. Юзефович надіслав Кулішеві офіційне розпорядження: «Предлагаю Вам [...] отправиться в уезды Северский и Радомысльский для исследования тамошних древностей сообразно сделанному Вам особо поручению» (ЦДІА. – Ф. 707. – Оп. 10. – Спр. 188. – Арк. 6). Того ж дня відношення з повідомленням про Кулішеве відрядження було надіслано й директорові училищ Київської губернії (Там само. – Арк. 7).

33. До Михайла Юзефовича

Сквира, 10 вересня 1844 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/9}{504}$.
Першодрук (із пропуском): *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 198–201.

1. Див. прим. 1 до листа 31.

2. Ця публіцистична брошура належить перу польського міщанина Кшиштофа Пальчовського. Її назва: «O Kozakach, jesli ich znieść czy nie. Discurs Krzysztofa Palczowskiego, pisarza ziemskiego Zatorskiego i Oświecimskiego» (Kraków, 1618. – 20 s.).

3. Твір Симона Старовольського «Pobudka, albo rada na zniesienie Tatarów perekopskich» (1618). Його перевидав Казімєж Юзеф Туровський 1858 року в Кракові.

4. Ідеться, очевидно, про щоденник Симона Окольського (1530–1653), отця-домініканця й історика, «Dyaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem, w r. 1637 miesiąca grudnia, przez J. W. Mikołaja z Potoka Potockiego, wojewodę bracławskiego, hetmana polnego koronnego szczęśliwie zaczętej i dokończonej» (Zamość, 1638). Ця книжка, а також «Kontynuacya dyaryusza wojennego, czułością J. W. hetmanów koronnych, ochotą cnego rycerstwa polskiego nad zawziętymi, w uporze krzywoprzysięgłymi i swawolnymi Kozakami, w roku 1638 odprawiona» (Kraków, 1639) того ж автора слугували головним джерелом до історії козацьких повстань

1637–1638 рр. Обидві книжки перевидав Туровський 1858 року в Кракові. В Україні їх опубліковано у російському перекладі в другому томі «Мемуаров, относящихся к истории Южной России» (К., 1896. – С. 168–288).

5. Чудове, надзвичайне (*франц.*).

34. До Василя Білозерського

Мотронівка, 11 червня ... вересень 1844 року

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28926.

Записка являє собою аркуш in 16°, зігнутий навпіл. На звороті арк. 1 напис рукою Олександри Куліш: «Эта записка, я думаю, ещё 45 года. Мы были тогда в Сороке (хутір біля Борзни. – *Ред.*)». На арк. 1 зв. – 2 дописка олівцем її ж рукою, звернена, мабуть, до Івана Каманіна: «Тогда ещё только были знакомы с П[антелеймоном] Ал[ександровичем]. Нас не было дома. Он не любил сторонних лиц и просил держать в секрете. Берегите, прошу вас, эти лоскутки. [Нрзб.]». Напис на арк. 1 угорі червоним чорнилом невідомим почерком: «около 45 года».

Датується орієнтовно: Куліш відвідав Мотронівку під час літньої подорожі 1844 року Київською та Чернігівською губерніями за дорученням Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (30 червня у Мотронівці він записав народні пісні: Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 53). У цей час він міг перестрітися там із Василем Білозерським, який був на вакаціях. Про перебування Куліша в Мотронівці влітку 1845 року певних відомостей немає. У жовтні того року, їдучи до Петербурга й заїжджаючи в Мотронівку, Куліш, найімовірніше, не бачився зі своїм товаришем, який тоді учителював у Києво-Подільському дворянському повітовому училищі.

Цього періоду – літа 1844 року – і, можливо, саме цієї записки стосується спогад Василя Білозерського: «Когда наступило время вакаций, он (Куліш. – *Ред.*) не поехал к нам (в Мотронівку. – *Ред.*), но прошло немного времени – и он неожиданно вдруг явился. Помню, это поставило меня в большое затруднение; я чувствовал, что должно произойти что-то решительное» (*В. Шенрок.* П. А. Кулиш // КС. – 1901. – Март. – Отд. І. – С. 474). Тоді ж, за цим спогадом, відбулася розмова Куліша з Лесиною матір'ю, яка негативно поставилася до його сватання. Відлунням тогочасного невдалого сватання Куліша до Лесі є його примітка до власного прозового перекладу IV частини «Dziadów» Міцкевіча, датованого 9 серпня 1844 р., під назвою «Любовь за гробом»: «Переводил я эту пьесу под влиянием страданий, похожих на страдания Густава» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28571. – Арк. 18 зв.).

Друкується вперше.

Про своє знайомство з Василем Білозерським восени 1842 року Куліш оповів у автобіографії: «Спознались вони і зробились великими прятелями. До пізньої ночної години розмовляють, було, про свою Україну, та й заночує не раз у Куліша Білозерський або у Білозерського Куліш» (*Жизнь*, ч. 24, с. 285). Про початок їхніх узаємин згадував і Білозерський: «К[улиш] встретил меня очень приветливо. Придя к нему вечером, я по страшной грязи возвращался домой очарованный и восторженный. Я познакомил его заочно с моим семейством, он снабдил меня рукописью Грабянки. Мы проговорили с ним так, как будто бы давно были знакомы; я привязался к нему всем сердцем. Условились с ним видеться как можно скорее и чаще. Так

продолжалось неизменно до самой поездки его за границу» (*В. Петров.* Шевченко, Куліш, В. Білозерський – їх перші стрічі // Україна. – 1925. – Кн. 1/2. – С. 43). Приятелів єднали спільні зацікавлення, вболівання за долю України. Символічно: саме Білозерському Куліш подарував автограф своєї поеми «Україна» з дедикацією: «Коханому Землякові Василю Михайловичу Білозерському. Року Божого 1843, листопада в 17 день. У Києві» (ДМЛУ. – Інв. № Р–1251).

Після від'їзду Куліша до Петербурга Білозерський увійшов до Кирило-Методіївського братства, склавши разом із Костомаровим та Гулаком його ідейно-організаційне ядро. Одружившись із сестрою Білозерського і вирушаючи за кордон, Куліш, щоб мати собі помічника й полегшити перебування дружини в чужих країнах, взяв товариша із собою. У Варшаві їх було заарештовано, причому серед вилучених у Куліша паперів було знайдено й матеріяли Білозерського, які стосувалися діяльности товариства.

На слідстві Білозерський високо оцінив Куліша, його моральні якості. Ці свідчення заслуговують на довіру – в них відбито те почуття пієтету, з яким Білозерський тоді ставився до свого старшого друга і родича: «Кулиш принадлежит к числу таких людей, которые своим благородством, честностью, великодушием и благоразумием заставляют уважать его каждого, кто имеет с ним дело. Он человек практический и деятельный, и не любит бросаться то на то, то на другое, и особенно не жалует того, что не одобрено спокойным рассудком» і т. д. (*КМТ*, т. 1, с. 406–407).

Про їхні відносини у 1850–1860-ті роки, зокрема в період видання «Основи», яку редаґував Білозерський, див. у коментарях до наступних томів.

Білозерський залишив про Куліша уривчасті спогади. Фраґменти їх опублікували Віктор Петров у статті «Шевченко, Куліш, В. Білозерський – їх перші стрічі» (Україна. – 1925. – Кн. 1/2. – С. 42–43) і Владімір Шенрок у своїй біографічній праці про Куліша (КС. – 1903. – Март. – Отд. I. – С. 465, 473–475). Ще один спогад Білозерського про Куліша зберігається в ІР НБУВ (Ф. I. – Од. зб. 28649).

У нашому томі подано два листи Куліша до Білозерського та один лист Білозерського до Куліша – усе, що відомо на сьогодні з їхньої кореспонденції 1840-х років. У цей період листування між ними велося регулярно. На жаль, можна лише приблизно уявити його обсяг, який, вочевидь, був значним. Так, у листі до Марковича від 28 травня 1846 р. Куліш писав: «к одному Белозерскому послано их (листів. – *Ред.*) с 4го генв[аря] до 13 апреля – 15, тогда как он со времени моего выезда из Киева до 13 апр[еля] прислал мне только 10». Інформацію про Кулішеві листи за літо 1846 року маємо в листі Василя Білозерського до Гулака (від 14 вересня 1846 р.). Там же зреферовано їх зміст: «получаю от Кулиша часто вопросы, на которые должен отвечать. Я получил от него 5 писем. Он старается исправить меня во многом и особенно отвлечь меня от светского общества, приучить к уединению, потом к точному выполнению своего дела» (*КМТ*, т. 1, с. 99). Як свідчив Куліш на допиті, коментуючи це місце, він «старался исправить Белозерского в его мечтательности и рассеянности и часто журил его за неисполнение ближайшего его долга» (Там само. – Т. 2. – С. 53). У спогадах про Костомарова він згадував, що до Білозерського писав «внушительные письма», які начебто «сделались пищею для подозрительных умов III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 66).

У своїх спогадах Олександра Куліш згадувала, що її чоловік у листах до Білозерського 1846 року описував, «як він був обласканий Плетньовим», «що він прожив у його два тижні, поки собі мешканнє найняв», «що він попав в общество велике й освічене, де його дуже шанують» і т. п. (Українська хата. – 1911. – № 5/6. – С. 301). У цей період одна тема об'єднувала двох кореспондентів – Кулішеве кохання до Лесі. Василь Білозерський відіграв роль повірника у любовних справах свого друга (про що той писав у автобіографічній поемі «Евгений Онегин нашего времени»). Олександра, яка читала Кулішеві листи до брата, згадувала: «А Куліш тим часом з Василем з Петербурга листується. Він то мене виноватить, то з опалу на мене накидається, то маму і злою, і безсердечною узиває, а тоді знов до мене з ніжністю обертається і боронить мене, бо се все мама строїть. А потім пише, що старається усіма силами забути "хозяйственныя способности" (так було вони мене між собою називали, щоб мама і ніхто не догадався, про кого йде ся річ)» (Там само. – С. 300; див. також: *Щоденник*, с. 22). Перебуваючи на засланні, Куліш та Білозерський продовжували листуватися один з одним; їхні тогочасні відносини набули суто родинного характеру.

35. До Олександра Ханенка

Київ, 20 жовтня 1844 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{37-9/2}{524}$.
Першодрук: *Шевелів*, с. 149–150.

1. Йдеться про так званий діяріюш Самійла Зорки, що його нібито використав у своєму літописі Самійло Величко, зазначивши про це в передмові «До чителника». За Величком, Зорка був незмінним секретарем Богдана Хмельницького від 1848 року до його смерти і, як очевидець визвольної війни, залишив після себе записки. У літописі Величко навів також промову Зорки над домовиною Хмельницького. Історики по-різному оцінювали достовірність діяріюша Зорки. Одні – Микола Костомаров, Михайло Максимович, Орест Левицький, Володимир Антонович, Дмитро Дорошенко, Павло Клепацький, Вячеслав Липинський – визнавали його, інші – Геннадій Карпов, Михайло Грушевський, Іван Крип'якевич – скептично ставилися до нього, піддаючи сумніву й самий факт існування Зорки. Остаточно питання розв'язав Микола Петровський, опублікувавши спеціяльне дослідження, в якому довів, що Зорка і його діяріюш – це своєрідна містифікація Величка (*М. Петровський.* Псевдо-діаріуш Зорки // ЗІФВ / УАН. – К., 1928. – Кн. XVII. – С. 161–204).

Погодін придбав оригінал літопису Величка 1840 року й у березні 1841 року писав Максимовичу: «издание рад передать тебе» (Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу / [Публ.] с поясн. С. И. Пономарёва // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1883. – Т. XXXI. – С. 29 [2-га пагін.]). У першій половині 1845 року постало питання про видання літопису в московському Товаристві історії та старожитностей російських. 6 лютого 1845 р. Погодіна змінив на посаді секретаря Товариства Бодянський, якому й доручили підготувати літопис до друку. Однак через непорозуміння, що виникли між власником рукопису та видавцями, опублікувати його тоді не вдалося.

Проїжджаючи через Москву восени 1845 року, Куліш зупинився в Погодіна й уважно ознайомився з літописом, зробивши з нього виписки, які хотів використати в «Чорній раді». Про важливість цього джерела він писав у кількох листах до Юзефовича, очевидно, зацікавивши його цією пам'яткою (див. листи 57, 64).

Навесні 1846 року Тимчасова комісія для розгляду давніх актів відрядила до Москви Миколу Ріґельмана, який поінформував Погодіна про бажання комісії опублікувати літопис. Погодін дав згоду й передав рукопис до Києва. Видання літопису було доручено Костомарову, а на допомогу йому задіяно Гулака. Після арештів кирило-методіївців літопис продовжив готувати до друку Ріґельман, який зредагував перші два томи (К., 1848, 1851). Третій том підготував Іван Самчевський (К., 1855). У четвертому томі (К., 1864) було вміщено додатки. Перевидання літопису в перекладі сучасною українською мовою здійснено 1991 року в Києві у двох томах.

2. Олександр Ханенко мешкав у с. Городищі Стародубського повіту біля м. Погара, а його брат Михайло – у с. Юхнові там же. Родові маєтки біля Погара набув їхній прадід Микола Данилович, якому Павло Полуботок 1723 року надав у володіння два села (Перегон і Дашкович) біля Погара. У цій місцевості ґенеральний хорунжий укорінився, значно примноживши володіння. Зокрема, села Городище та Юхнів Ханенко отримав згідно з універсалом Кирила Розумовського 1752 року.

36. До Стєпана Корабльова

Київ, 28 жовтня 1844 р.

Подається за автографом: ВПД ДІМ. – Ф. 83. – Оп. 1. – Од. зб. 180. – Арк. 38–39.

Помітка про отримання: «Получ[ено] 8 ноября». На берегах арк. 38 помітка про відповідь: «Писано 4 декабря».

Друкується вперше.

1. Про яке видання йдеться, встановити не вдалося.

2. Чотирнадцятий випуск зібрання творів Шекспіра у перекладі Ніколая Кетчера де було вміщено комедію «All's well, that ends well» («Всё хорошо, что хорошо кончилось»), появився щойно 1846 року в Москві (с. 113–240 належав до четвертої частини).

3. У другому томі, що вийшов 1843 року, було вміщено Іпатіївський літопис. Перший том із Лаврентіївським та Троїцьким літописами вийшов 1846 року, четвертий – з новгородськими та псковськими – 1848 року.

4. У перекладі Ніколая Кєтчера вийшов «Антикварий» (СПб., 1845. – VIII, 414 с.), який становив третій том зібрання «Романы Вальтера Скотта».

5. Гоголів роман «Похождения Чичикова, или Мёртвые души. Поэма» появився 1842 року в Москві (перші примірники вийшли з друкарні у другій половині травня).

6. П'яте видання «Истории государства Российского» Карамзіна, яке здійснив І. Ейнерлінґ, вийшло в трьох книгах у 1842–1843 рр. у Петербурзі.

7. Повна назва цього видання: «Ключ, или Алфавитный указатель к Истории государства Российского, Н. М. Карамзина, составленный и ныне дополненный и приспособленный к пятому её изданию П. Строевым, и двадцать четыре, составленные Карамзиным и Строевым, родословные таблицы

князей российских» (СПб., 1844. – 495, 45, [2] с.). «Ключ» містить іменний, географічний та предметно-тематичний покажчики до праці Карамзіна.

8. «Сочинения Александра Пушкина» в 11 томах.

9. Йдеться про популярну книжку Фрідріха Лоренца з всесвітньої історії «Руководство к всеобщей истории» в чотирьох частинах. До 1844 року вийшли: частина перша – історія стародавніх азійських країн, Єгипту, Греції та Риму (СПб., 1841. – VIII, 687 с.) і перший відділ другої частини – «История народов христианского мира и противуположных ему элементов» (СПб., 1844. – [4], 507 с.).

10. «Историю русского народа» (СПб., 1829–1833. – Т. 1–6; працю не завершено) Ніколай Полєвой написав на противагу «Истории государства Российского» Карамзіна.

11. 1841 року у Відні появився перший том другого, оновленого, видання збірника пісень, що його впорядкував Вук Караджич, «Српске народне пјесме». У ньому було подано жіночі пісні. Перше видання у трьох томах появилося 1823 року в Ляйпцигу.

12. «Српски рјечник», що його уклав Караджич за участи Єрнея Копітара, появився 1818 року. У словнику зареєстровано 27 тисяч слів, вживаних у народній мові й перекладених латинською та німецькою мовами. 1852 року вийшло друге, доповнене видання.

13. «Slovenské starožitnosti» Павла Йозефа Шафарика вийшли у 1836–1837 рр. у двох томах. У праці з погляду слов'янської єдности розглянуто історію слов'ян від найдавніших часів до кінця першого тисячоліття. Книжку було перекладено багатьма мовами, зокрема й російською (М., 1837–1838; друге видання, виправлене – 1848 року; переклад Бодянського).

14. Йдеться про чотиритомник «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1843).

15. Йдеться про третє видання «Истории Малой России...» Дмитра Бантиша-Каменського.

37. До Тараса Шевченка

Київ, 31 грудня 1844 р.

Подається за публікацією Михайла Новицького, здійсненою з автографа, нині невідомого: *М. Новицький.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна. – 1927. – Кн. 1/2. – С. 79–80.

Першодрук (зі значними пропусками): *Н. Стороженко.* Новые материалы для биографии Шевченка // КС. – 1900. – Сент. – Отд. I. – С. 304–305.

1. Йдеться, очевидно, про передплату на Шевченків альбом офортів «Живописная Украина».

2. З Олексою Сенчилом-Стефановським Куліш був знайомий по спільній праці у Києво-Подільському повітовому дворянському училищі, де той викладав малювання. 1845 року Сенчила-Стефановського як художника було залучено до діяльности Тимчасової комісії для розгляду давніх актів, працівником якої в грудні 1845 року став і Шевченко. Улітку 1846 року вони разом взяли участь у розкопах могили Переп'ятихи поблизу Фастова. Контакти Сенчила-Стефановського із Шевченком Куліш згодом оцінив негативно, мовляв, приятелі «бражничали» (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 67).

Після того як Куліш виїхав до Петербурга, його стосунки з Сенчилом-Стефановським перервалися (поновилися в 1850-х роках).

3. Осип Іванишев з 1841 року був штатним наглядачем Києво-Подільського повітового дворянського училища, де з кінця того ж року викладав і Куліш. Як свідчать матеріяли слідства, проведеного в Києві у справі Кирило-Методіївського братства, Іванишев і Куліш іноді бували один в одного вдома. Іванишев мешкав разом з братом Миколою, проте стосунки Куліша з останнім, мабуть, були здебільшого офіційні. Микола Іванишев від дня заснування Тимчасової комісії для розгляду давніх актів був її дійсним членом та діловодом.

4. Оголошення про те, що Шевченко готує альбом офортів «Живописная Украина» і що декілька естампів уже видано, опублікувала «Северная пчела» (1844. – 25 авг. – № 193). У ньому зазначалося, що художник має намір змалювати, окрім іншого, «важнейшие события, известные из бытописаний Южной России, начиная от основания Киева, имевшие влияние на судьбу обитателей того края». При тому, йшлося далі, Шевченко «воспользовался сведениями, почерпнутыми им от известнейших малороссиян: Буткова, Стороженка, Бодянского, Кулеша и пр.».

Як слушно відзначають коментатори останнього видання листів до Шевченка, мотивом Кулішевого невдоволення були не неприязнь до Шевченка чи небажання підтримати видання (як це часто намагалися пояснити), а радше надзвичайна вимогливість, науковий педантизм, із яким Куліш ставився до всього, що писали про Україну (Листи до Тараса Шевченка. – К., 1993. – С. 216–217). Судячи з Кулішевих слів («я понятия не имею о Вашем литературном предприятии»), Шевченко не мав із ним якихось конкретних розмов про цей проєкт. Інформацію про плановане видання «Живописной Украины» Куліш отримав лише в Шевченковому листі, написаному навесні 1844 року (не зберігся). У листі-відповіді від 5 червня 1844 р. (№ 29) Куліш просив: «Присилайте Ваші картинки в Чигирин...» – однак, найімовірніше, відповіді не отримав.

5. Намір видавати періодичний літературно-науковий збірник у Куліша виник після зустрічі з Костомаровим у жовтні 1844 року в Києві. Під враженням від цього знайомства Костомаров писав Срезневському та Метлинському (лист від 23 жовтня 1844 р. з Рівного): «Познакомился я с Кулешом и нашёл в нём человека образованного, даровитого и глубоко знающего Украину. Он предполагает издать здесь повременное издание, которого цель была по преимуществу Русь южная. Материальные средства у него есть, потому что богатый помещик Тарновский (у публікації помилково: Гарновский. – *Ред.*) ассигновал для этого большую сумму; остановка за сотрудниками. Он предложил мне написать Вам, Измаил Иванович и Амвр[осий] Лукьянович, не захотите ли взять редакцию на себя, а он только был бы участником, или же, если б Измаил Иванович или Амвр[осий] Лукьянович взялся издавать с ним пополам так, что издание бы печаталось в Харькове, а издавалось в двух городах – в *Харькове* и *Киеве*. Я помещаю туда Хмельницкого, обработавши его и обогативши местными замечаниями. Польский литератор Грабовский, с которым я здесь познакомился, записывается решительным соучастником этого издания. У самого Кулеша есть много таких богатых материалов, что мне и во сне не снилось. [...] Хорошо бы было, если б поместить в предполагаемое издание повести Квитки» (*Айзеншток 1929*, с. 15).

Одним із керманичів цього так і не зреалізованого проєкту був Срезневський. У листі до нього (від 13 лютого 1845 р. – № 41) Куліш деталь-

но обговорював характер майбутнього видання. Куліш і Срезневський мали різні погляди на його концепцію: перший прагнув зробити це видання за тематикою передовсім українським, другий – всеслов'янським. Кулішів переїзд до Петербурга унеможливив видавання збірника, про що Куліш писав Срезневському зі столиці (у листі від 10 грудня 1845 р. – № 60). Сумнів щодо здійснення цього наміру дещо раніше висловив у листі до Срезневського Костомаров: «Предположение издавать в Киеве *нечто* (підкреслення Костомарова. – *Ред.*) рушилось, потому что Кулиш уехал в Петербург, куда вызвал его Плетнёв для участия в "Современнике"; впрочем, быть может, возьму это дело на себя и я» (Харківська школа романтиків / Ред. А. Шамрая. – Х., 1930. – Т. 3. – С. 341; лист від 4 листопада 1845 р.).

До ідеї випускати «Записки о Южной Руси» Куліш повернувся у другій половині 1850-х років. Видання, що врешті отримало ту саму назву, було задумано як серійне, проте Куліш зміг упорядкувати й видати лише перші два томи (у 1856 та 1857 рр. у Петербурзі).

6. Ромуальд Подбереський переклав етнографічні оповідання Куліша, опубліковані в «Киевлянине», вмістивши їх 1843 року в журналі Крашевського «Athenaeum»: «O tem, dlaczego w miasteczku Woroneżu wysechł staw Pieszowiecki» та «O tem, co się zdarzyło z kozakiem Burdiugiem podczas Zielonych Świątek» (T. 1. – S. 132–149). Про ці переклади Куліш знав, можливо, від Грабовського. Див. прим. 1 до листа 14.

Шевченко був знайомий з Подбереським від 1839 року. Польському критику і видавцю належать одні з перших згадок про Шевченка в польській періодичній пресі (у 1842–1843 рр. у «Tygodniku Petersburskiemu»; див.: *В. Г. Щурат.* Перші польські голоси про Шевченка (1842–1844 рр.) // *В. Г. Щурат.* Вибрані праці з історії літератури. – К., 1963. – С. 219–223).

Кулішеве листування з Подбереським невідоме.

7. До книжки «Повести П. Кулеша» мали увійти етнографічні оповідання 1840-х років. Окрім названих творів, автор, можна думати, мав намір перевидати й оповідання «Циган» з Гребінчиного альманаху «Ластівка» (СПб., 1841. – С. 362–370) та «Коваль Захарко».

Не отримавши відповіді од Шевченка, Куліш надіслав повісті Плєтньову разом із листом від 20 березня 1845 р. (№ 43), з тим же проханням – посприяти їх публікації окремим виданням.

1860 року в Петербурзі Куліш таки видав свої російськомовні твори у чотирьох томах під тією ж назвою: «Повести П. А. Кулиша». Проте жодний твір із циклу етнографічних оповідань у це зібрання не ввійшов (зрештою, як і роман «Михайло Чарнышенко...»).

8. Київськими цензорами на той час були Орест Новицький та Алєксандр Фєдотов-Чеховський. Найімовірніше, саме останній був (або мав бути, якщо Куліш видавав бажане за дійсне) цензором його повістей. Див. прим. 4 до листа 25.

1845

38. До Пєтра Плєтньова

Київ, 28 січня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 2–2 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «Получ[ил] 19 февр[аля] 1845. О[тветил] 20 февр[аля] 1845».

Друкується вперше.

Лист Куліша від 28 січня було відправлено не раніше 9 лютого. Цим числом датовано рекомендаційний лист Юзефовича до Плєтньова, де було сказано: «Препровождаю при сем к Вашему Превосходительству письмо Кулеша и 5 глав из нового его романа, для напечатания в "Современнике", и покорнейше Вас прошу обратить на этого молодого литератора Ваше благосклонное внимание» (цит. за копією Олександра Дорошкевича: ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 184. – Арк. 16). На листі помітка Плєтньова про отримання і відповідь та сама, що й на Кулішевому. Очевидно, обидва листи, разом із рукописом п'яти розділів «Чёрной рады», надіслано водночас.

Отримавши уривок Кулішевого роману, Плєтньов поділився новиною з Ґротом (у листі від 21 лютого 1845 р.): «Некто Пантелеймон Кулиш из Киева, автор исторического, очень интересного романа (особенно по многочисленности фактов для истории Малороссии): "Михайло Чарнышенко", прислал мне пять глав из нового своего, ещё не печатанного романа: "Чёрная рада". Его письмо и сочинение препровождены мне Юзефовичем, помощником киевского попечителя, который рекомендует мне его как человека и с талантом, и с благими намерениями. Хотя, конечно (строго говоря), не слишком выгодно для журнала, что в нём явятся только пять глав даже отличного романа; но, при неверном материале для 12 книжек, такое неожиданное сокровище соблазнительно – и я тотчас же отдал в набор главу первую с примечаниями к ней [...]. Я смотрю на эти отрывки не как на роман, а как на дополнения к запискам о Малороссии» (*Переписка*, т. 2, с. 404).

У листопаді–грудні 1843 року Юзефович був у Петербурзі й зустрічався з Плєтньовим. У листі до Ґрота від 4 грудня 1843 р. Плєтньов характеризував його як поверхову людину, чиновника, що мислить шаблонно (Там само. – С. 162–163).

Уривок із Кулішевого роману було опубліковано під заголовком «Пять глав из нового романа П. Кулеша "Чёрная рада"» (Современник. – 1845. – Т. XXXVII. – № 3. – С. 332–376; Т. XXXVIII. – № 4. – С. 5–37; № 5. – С. 135–196).

1. «Современник» – літературний журнал, що його заснував Пушкін 1836 року. Після смерти поета його друзі продовжили видання. З 1838 року редактором і видавцем журналу був Плєтньов. Восени 1846 року усі видавничі права він передав новій редакції на чолі з Ніколаєм Нєкрасовим та Іваном Панаєвим за участи Віссаріона Бєлінського. Оновлений «Современник» появився з початком 1847 року й виходив до закриття в 1866 році.

2. Йдеться про Павла Максимовича. Про його стосунки з Кулішем див. преамбулу в коментарі до листа 154.

3. Перша редакція Кулішевого роману містить примітки, у яких автор коментує побутові та історичні деталі, зображені у творі, або посилається на джерела. Редакційна нотатка, що супроводжує публікацію в «Современнике» іншого уривка з роману, – «Киевские Богомольцы в XVII веке» (стилістичні особливості нотатки дають усі підстави вважати її автором Куліша), – розкриває цей принцип «науковости» в написанні художнього твору: «Автор смотрит на дело романиста серьёзно и для своих рассказов изучает исторические источники и памятники так же прилежно, как бы и для самой истории Украины» (Современник. – 1846. – Т. XLI. – № 1. – С. 62).

4. Цей переклад невідомий. Від'їжджаючи за кордон, Куліш передав рукопис на зберігання М. Д. Білозерському. В описі Кулішевих паперів, вилучених у Білозерського й надісланих до III відділу, було зазначено, що в пакеті № 7 містився, серед іншого, «роман "Пан Канёвский", рукописный на 80 л.» (*КМТ*, т. 2, с. 65). Повість «Pan starosta Kaniowski» Грабовський опублікував 1856 року.

У Кулішевих записах «для пам'яті», вилучених у нього під час обшуку, занотовано: «Отправленные к Граб[овскому] листы перевода "Пана Кан[ёвского]" оканчиваются описанием его любовницы, именно след[ующими] словами: "гордость и смелость делали её настоящею Роксоланою, и не удивительно, что она была [...]"» (*КМТ*, т. 2, с. 35).

39. До невстановленої особи

Київ, 29 січня 1845 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29074.

Лист пошкоджений: збереглася лише верхня частина арк. 1. На берегах дописка Олександри Куліш: «вероятно это письмо писалось ещё к Маме моей; не понимаю, отчего оно вырвано».

Друкується вперше.

Адресат невідомий. Зміст уцілілого фрагмента не дає підстав вважати, що листа написано Мотроні Білозерській.

40. До Олександра Ханенка

Київ, 6 лютого 1845 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{37-9/3}{524}$.

Лист написано рукою невідомої особи. Від слів «С истинным почтением» і підпис – автограф Куліша.

Першодрук: *Шевелів*, с. 150–151.

1. Див. прим. 4 до листа 26 та прим. 1 до листа 28.

2. Йдеться про портрет дружини полковника Семена Палія Феодосії з онуками. Один такий портрет (можливо, той самий) згодом Олександр Ханенко набув у родини Танських (прямих нащадків Палія) у с. Мокіївці. Інший портрет придбав у Борзні (звідки походив Палій) для свого музею Василь Тарновський. Давня копія з цього портрета була в Олександра Лазаревського, який добув її у 1860-х роках у Чернігові. Див.: [*А. Лазаревский*]. Антон Танский, полковник киевский (1712–1734): (К портрету его тёщи) //

КС. – 1894. – Апр. – Отд. I. – С. 150–151. – Подп.: А. Л. (у цьому числі вміщено репродукцію портрета); *К. Лазаревська.* О. М. Лазаревський і старе українське мистецтво // Україна. – 1927. – Кн. 4. – С. 85. Див. також прим. 3.

3. Який портрет Покорської Куліш мав на увазі – не з'ясовано. Розпис дворянських родів Покорських і Покорських-Жоравків див.: *В. Л. Модзалевский.* Малороссийский родословник. – К., 1914. – Т. 4. – С. 102–114.

Про портрети Покорської і Паліїхи (див. прим. 2) Куліш згадав у «Чёрной раде» (у примітці): «В старину, вероятно, скромность предписывала замужним женщинам скрывать как можно больше от посторонних взглядов свои прелести. Я помню два старинных портрета, изображающие молодых женщин в намётках с *подборидьями*: один – жены Семёна Палея, принадлежащий Н. И. Танскому, а другой – Покорской, хранящийся в Новгород-Северском, в Троицкой церкви» (*П. Кулеш.* Козацкие паны // Москвитянин. – 1846. – Ч. I. – № 1. – С. 114).

4. Йдеться про переклад українських пісень французькою мовою, що його виконав Тадеуш Лада-Заблоцький. Оскільки 1847 року поет раптово помер, переклад не було видано; рукопис його невідомий. У своїх листах 1845–1846 рр. Куліш неодноразово цікавився працею Лади-Заблоцького, висловлювася за її важливість для пропагування української культури в світі, намагався спонукати своїх кореспондентів (зокрема, Бодянського та Срезневського) вислати польському поету нові пісні та думи, що їх варто було перекласти, а також матеріяли для студій над українськими піснями. Майже чверть віку по тому, 1869 року, в листі до М. Д. Білозерського Куліш знову писав: «Сколько раз твердил я нашим зажиточным людям о необходимости издать на французском языке texte en regard (*франц.*: із паралельним текстом. – *Ред.*) наши думы и исторические песни, для Европы! Но им жаль денег только на такие предприятия! А между тем они желают, чтоб Москва нас уважала. Москва станет нас уважать только тогда (никак не прежде), когда мы достигнем уважения Европы. Вот задача, достойная гуманного патриотизма!» (*Листи,* с. 181).

Кулішеве листування з Ладою-Заблоцьким невідоме.

5. У с. Міських Млинах біля м. Опішні Зіньківського повіту мешкала рідна тітка дружини Олександра Ханенка, поміщиця Корицька, з роду опішнянського сотника Корицького.

41. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 13 лютого 1845 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 5–6 зв.

Першодрук (із пропусками): *Айзенштok 1929*, с. 15. Уперше опубліковано повністю: *Айзенштok 1930*, с. 200–201.

У першій половині 1840-х років Куліш високо цінував «Запорожскую старину» Срезневського. «Мы восхищались обнародованными Срезневским рапсодиями до зела», – писав згодом він про перше враження, яке справило на нього та його сучасників це видання (*Воспоминания*, с. 120, 122). Збірник був основним друкованим джерелом текстів дум та історичних пісень, що їх контаміновано в «Україні». Про вміщені в «Запорожской старине» фальсифікати фольклорних записів Куліш у той час іще не

здогадувався («Мы [...] не скоро додумались, что всё это – подделка»; Там же. – С. 122).

Після епістолярного знайомства Куліш листувався зі Срезневським майже два роки. Вони обговорювали проєкти спільних видань: спершу науково-літературного періодичного збірника, а після Кулішевого переїзду до Петербурга – збірки народних пісень. Обидва проєкти залишилися незреалізованими. Восени 1846 року стосунки між кореспондентами погіршилися. Основна причина зміни в Кулішевому ставленні до Срезневського полягала в тому, що вчений посів катедру слов'янських літератур у Санкт-Петербурзькому університеті, яку Куліш розраховував отримати після повернення з наукового відрядження.

У Кулішевих листах декілька разів порушується питання про повернення Срезневським позичених йому пісень. Із цим сюжетом пов'язаний остаточний розрив їхніх відносин. У спогадах «Около полустолетия назад» Куліш описав це так: «Томясь в изгнании (у Тулі. – *Ред.*) из "страны героев и чудес", как справедливо можно назвать Малороссию "Запорожской старины", я написал к её издателю суровое требование моей собственности. Письмо моё вручил Срезневскому мой родственник, Виктор Белозерский, и получил от него следующий лаконический ответ: "Скажите Кулишу: зачем он наживает себе врагов?". Легко вообразить, как это было почувствовано ссыльным в провинциальную глушь козакоманом от козакомана, благоденствующего в столице. Я написал ему ругательное письмо, которое до сих пор помню от слова до слова, но не хочу повторить, и тем наши сношения кончились. Если Срезневский не бросал писем на чердак, как бросил записанные мною кобзарские думы, и сохранил моё письмо в своих бумагах, то потомство узнает, какие пилюли может глотать иной учёный муж не поморщившись» (Там же. – С. 122–123). Кулішів лист, про який тут ідеться, невідомий.

Збереглося 17 листів Куліша до Срезневського. Усі їх подано в цьому томі. Невідомими залишаються два листи: перший (написаний у період від середини жовтня 1844 року до січня 1845 року і, можливо, адресований кільком адресатам-харківцям) та останній (після 5 липня 1848 р.). Один лист (від 5 липня 1848 р.) до адресата не потрапив.

Коментований лист Куліша є відповіддю на невідомий лист Срезневського, де той погоджувався взяти участь у планованому періодичному літературно-науковому збірнику (див. прим. 5 до листа 37). Після знайомства з Костомаровим у Куліша виникла думка поєднати у виданні цього збірника наукові сили Києва та Харкова. Костомаров переказав цю ідею своїм харківським колегам, відрекомендувавши Куліша як «человека образованного, даровитого и глубоко знающего Украину». Куліш, своєю чергою, також написав харківцям листа (нині невідомого), у відповідь на який Срезневський і відгукнувся згодою. Проте зреалізувати спільними зусиллями Кулішів видавничий проєкт не вдалося.

1. Асигнувати кошти на видання обіцяв Василь Тарновський (див. лист Костомарова до Срезневського та Метлинського у прим. 5 до листа 37). Довіра Тарновського до Куліша, очевидно, зумовлювалася порукою Юзефовича, який був родичем майбутнього качанівського поміщика: Юзефовичева сестра Людмила була одружена з Тарновським.

42. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 13 березня 1845 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 7–7 зв.

Першодрук: *Айзенштоk 1930*, с. 201–202.

1. У коментарі до козацького літопису Срезневський зауважив: «О седой бороде Сагайдачного есть предание народное; но оно здесь не к делу» (Запорожская старина. – Х., 1834. – Ч. І. – [Кн.] ІІІ. – С. 131). У виданні колонцифра 151 помилкова. Цю помилку повторив також Куліш.

2. Див. лист 38 і преамбулу в коментарі до нього.

43. До Пєтра Плєтньова

Київ, 20 березня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 4–4 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 4 апр[еля] 1845. О[тветил] 22 апр[еля] 1845. Отправлена рукоп[ись] и особ[ый] оттиск».

Друкується вперше.

1. Йдеться про Кулішеву збірку російськомовних оповідань (див. прим. 7 до листа 37). Як Плєтньов поставився до Кулішевого прохання – невідомо. У його листах до Ґрота, де він детально обговорює поточні події, про це не згадано.

2. Насправді Куліш, не закінчивши університету, належав до 12-го класу «табели о рангах», тобто мав цивільний чин губернського секретаря. Чиновником 10-го класу (що дорівнював чинові колезького секретаря) він назвав себе відповідно до посади, яку обіймав. Переїхавши до Петербурга, Куліш у службових паперах став фігурувати як чиновник 9-го класу (титулярний радник) – очевидно, також за посадою, а не за вислугою. Пізніше на засланні в Тулі через цю невідповідність виникло непорозуміння (див. лист 292 і коментар до нього).

3. Цю ж думку Куліш у формі цитати з Пушкіна подав як епіграф до «Украинских народных преданий», опублікованих у «Чтениях»: «Разговорный язык простого народа, не читающего иностранных книг и, слава Богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке, достоин также глубочайших исследований».

4. Приблизно в цей період Куліш подарував Жуковському також свою книжку «Михайло Чарнышенко...» з написом: «Его Превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак глубочайшего почтения и преданности Автор». Примірник належав Олександрові Дорошкевичу; походив з бібліотеки Олексія Попельницького (ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 184. – Арк. 39–40). Сучасне місцеперебування цієї книжки невідоме.

44. До Пєтра Плєтньова

Київ, 5 травня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 6–7.

Помітка про отримання і відповідь: «Получ[ил] 14 мая 1845; о[тветил] 30 мая 1845».

Друкується вперше.

45. До Пєтра Плєтньова

Київ, 10 червня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 8–8 зв.

Помітка про отримання: «20 июня 1845».

Друкується вперше.

1. Див. прим. 6 до листа 9.

46. До Василя Білозерського

Київ, 11 червня 1845 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 60.

Першодрук: *Міяковський*, с. 45.

На допиті у III відділі Куліш цю записку прокоментував так: «Белозерский отправлялся в 1845 г. на вакационное время в деревню к одному знакомому ему семейству, в котором он любил одну девушку. Для этой девушки он хотел купить иконку, изображающую ангела-хранителя и оправленную в серебро со стразами. Но у него не было на это денег. Чтобы сделать ему сюрприз, я купил эту иконку, завернул в бумажку, надписал: "Для самого лучшего употребления" и положил ему потихоньку в карман его платья» (*КМТ*, т. 2, с. 57). Про цей від'їзд Білозерського «в деревню своего хозяина» див. також у Кулішевому листі до Миколи Білозерського від 17 червня 1845 р. (№ 47). Особа, до якої їздив Білозерський, невідома.

47. До Миколи Даниловича Білозерського

Київ, 17 червня 1845 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28981.

Першодрук: *Листи*, с. 40.

1. Йдеться про хірургічну клініку медичного факультету Університету св. Володимира, якою понад сорок років завідував професор оперативної хірургії (з 1840 року) і декан факультету (у 1843–1847 рр.) Владімір Караваєв.

2. 1845 року Василь Білозерський закінчив I відділ філософського факультету Університету св. Володимира, відтак отримав учительську посаду в Києво-Подільському повітовому дворянському училищі.

3. Мова, очевидно, про окремий відбиток надрукованого в «Современнике» уривку «Чёрной рады» (див. лист 38 і преамбулу в коментарі до нього), що його Куліш отримав від Плєтньова (див. лист 44).

4. Йдеться, імовірно, про твір Василя Коженевського у двох частинах «Гетман Степан Остряница, или эпоха смут и бедствий Малороссии: Исторический роман XVII ст.» (Х., 1846). Переказ його змісту див.: *В. Сиповський.* Україна в російському письменстві. – К., 1928. – С. 235–239. – (Збірник Історично-філологічного відділу / УАН. – № 58).

Також можливо, що у листі мовиться про якийсь рукопис, у автентичности якого Куліш сумнівався. Згодом у другому томі «Записок о Южной Руси» Куліш помістив один універсал Остряниці, якого він і Ґрабовський прокоментували, кожний зі свого боку (СПб., 1857. – С. 293–328). Цей універсал, віднайдений Михайлом Судієнком і опублікований у третьому томі «Літопису Величка», як з'ясувалося, являв собою фальсифікат.

48. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 2 серпня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 10.

Помітка про отримання: «П[олучил] 11 авг[уста] 1845».

Друкується вперше.

1. Як зазначено в службовому формулярі, Куліша призначено виконувачем обов'язків старшого вчителя Рівненської гімназії 31 серпня 1845 р. (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Л., 1930. – Т. С. – С. 358). Однак до Рівного він виїхав лише 22 вересня (див. лист 49).

49. До Ізмаїла Срезневського

Київ, 21 вересня 1845 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 8–9 зв.

Першодрук: *Айзеншток 1930*, с. 202–203.

1. У службовому списку Костомарова зазначено, що на посаді старшого вчителя історії в Рівненській гімназії він був з 13 жовтня 1844 р. до 4 серпня 1845 р. (*А. Н. Попов.* Н. И. Костомаров – преподаватель Ровенской гимназии (по архивным документам Ровенского реального училища) // Исторический вестник. – 1917. – Март. – С. 723). До міста він прибув 29 жовтня (*В. Міяковський.* Костомаров у Рівному // Україна. – 1925. – Кн. 3. – С. 30). Перший запис історика в журналі педагогічної ради гімназії зроблено 1 листопада (*А. Н. Попов.* Н. И. Костомаров – преподаватель Ровенской гимназии. – С. 725).

2. За спогадом Костомарова, повідомлення про те, що його призначено учителем історії до Першої київської гімназії, він отримав, коли «наступил в гимназии (Рівненській. – *Ред.*) экзамен». Улітку він відвідав батьківщину й, повернувшись до Києва у серпні, «вступил в свою новую должность» (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 473).

3. Костомарова обрали ад'юнктом Університету св. Володимира, на катедрі російської історії, 4 червня 1846 р. (див. прим. 1 до листа 86). Про це

детально див. у автобіографії історика (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – С. 476).

4. Українське весілля, записане священиком у Київській губернії, – це, очевидно, рукописне «Описание свадьбы и свадебных обрядов украинских малороссиян (в Богуславщине)». У підзаголовку Куліш зазначив: «(Составлено священником села Стеблева, Симеоном Левицким, 1845)». Рукопис «Описания...» Куліш згодом надіслав Бодянському, в архіві якого він і зберігся (ІЛ. – Ф. 99. – № 191. – Арк. 31–50 зв.). У листі до Бодянського від 16 липня 1848 р. (№ 235) Куліш запитував: «Чи в тебе бак писана брошюрка о малороссійских свадьбах із піснями, а писав її стеблевський попик? Коли б ще не в того дуросвіта Срезневського». У лютому 1846 року цей запис весілля Куліш надіслав Срезневському (див. лист 71), наспілку з яким (а також із Метлинським та Костомаровим) готував видання українських пісень. Однак видання не здійснилося, і Срезневський повернув рукопис Кулішеві.

Рукопис Левицького оправлено разом із автографом Куліша «Свадебные обычаи в Борзенском уезде» (арк. 99–104 зв.). Очевидно, це і є згадані у листі «записки об украинской свадьбе», складені в Чернігівській губернії.

5. Йдеться про видання «Московский литературный и учёный сборник», що його у травні 1846 року видали слов'янофіли з ініціативи Василія Панова. Збірник почали готувати, судячи з усього, влітку 1845 року (*Т. Ф. Пирожкова.* Славянофильская журналистика. – [М.], 1997. – С. 65). У ньому взяли участь Константін та Іван Аксакови, князь Пьотр Вяземський, Ярослав Ліновський, Михайло Максимович, Микола Рігельман, Алєксєй Хомяков, Фьодор Чижов та ін. Срезневський вмістив статтю «Вук Стефанович Караджич, очерк биографический и библиографический» (с. [339а]–369). Наступного, 1847, року слов'янофіли видали другий випуск збірника (вийшов друком у другій декаді березня; див.: Там же. – С. 78).

50. До Михайла Юзефовича

Рівне, 6 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/10}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 201–202.

1. Директором Рівненської гімназії був Петро Аврамов, якого Костомаров у листі (від 16 грудня 1844 р.) до Костянтина Сементовського характеризує так: «Директор наш Абрамов [!] есть то, что назыв[ается] по-немецки Naturmensch, не может делать ни зла, ни добра, любит задать тону, но ничего не доведёт до конца» (*В. Міяковський.* Костомаров у Рівному // Україна. – 1925. – Кн. 3. – С. 52). Додаткову характеристику цій людині дав Автоном Солтановський: Аврамов брав хабарі й дозволяв брати іншим. І ще: «Ещё были налицо все учителя, с которыми он бесцеремонно водил интимные отношения» (В старорежимній школі й навколо неї. (Оповідання А. Солтановського, проминені при виданню 1892–4 рр.) / Подала Г. Шамрай // Україна. – 1926. – Кн. 5. – С. 100). Про гімназію за часи директорства Аврамова мемуарист відгукувався, що вона «никуда не годилась. Воспитанники её с золотыми медалями не выдерживали поверочного испытания в университете» (Там само).

51. До Пєтра Плєтньова

Рівне, 9 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 12–12 зв.

Друкується вперше.

1. Кулішеве призначення в університет відбулося завдяки ректорові Плєтньову. Хронологію цієї події відтворено у його листах до Ґрота.

20 серпня. «В наш университет понадобился для инородцев учитель русского языка. Попечитель (Міхаїл Мусін-Пушкін. – *Ред.*) предоставил мне с Никитенкою выбрать на то человека. Я остановился на Кулеше, который прекрасно (как вижу по письмам) знает язык и желает служить в Петербурге. Не знаю, уладится ли это дело. Жалованья только 325 р. сер., и эти уроки не считаются государственною службою» (*Переписка*, т. 2, с. 528).

22 серпня. «Был у меня Никитенко; я согласил его подать голос в пользу Кулеша при выборе особого лектора русского языка для инородцев» (Там само. – С. 536).

23 серпня. «Опять пришёл Никитенко с известием, как принял попечитель моё писание о Кулеше. Он бы и согласен, да мы требуем, чтобы служба ещё считалась при университете, а попечителю того не хочется. Посмотрим, не удасться ли как в этом уломать его после» (Там само).

52. До Пєтра Плєтньова

Рівне, 9 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 14.

Помітка про отримання: «П[олучил] 22 окт[ября] 1845».

Друкується вперше.

53. До Пєтра Плєтньова

Київ, 15 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 16–17.

Помітка про отримання: «П[олучил] 25 окт[ября] 1845».

Друкується вперше.

1. У нотатках Куліша зазначено, що 18 жовтня він позичив у Марковича 150 руб. сріблом. Отже, того дня Куліш, ймовірно, ще був у Києві (*КМТ*, т. 2, с. 31).

Інформацію про Кулішів від'їзд до Петербурга було подано в неофіційній частині «Киевских губернских ведомостей» за 26 жовтня (Ч. 43. – С. 362).

54. До Опанаса Марковича

Київ, 15 ... 18 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XI. – Арк. 15.

Датується приблизно. Записку, судячи зі змісту, було написано у Києві під час переїзду Куліша з Рівного до Петербурга.

Першодрук: *Міяковський*, с. 45.

Про своє знайомство з Кулішем Маркович оповів на допиті: «С учителем Кулешом я знаком с 1845 года с Светлого праздника Великодня (15 квітня. – *Ред.*), когда, кажется, я ему сделал визит» (Збірник пам'яті Тараса Шевченка (1814–1914). – К., 1915. – С. 124). Як свідчать листи Куліша до Марковича, між ними встановилися близькі взаємини. На допиті Маркович заявив про своє духовне споріднення з Кулішем: «Я больше других привязан был к Кулешу, а общий предмет занятий его с моим была народная южнорусская поэзия и южнорусский язык» (Там само. – С. 125). У листі до Гулака від 15 лютого 1846 р. він дав високу оцінку Кулішевій мові: «Кулиш сыплет слова в чудных периодах и тоны его языка невольно мне напоминают звонкий стук каменьев в быстром ручье» (*КМТ*, т. 1, с. 103). Їхні стосунки мали й матеріяльну сторону: Куліш регулярно позичав у Марковича гроші (зосібна, передаючи їх своїм київським друзям Юскевичам-Красковським).

Після кирило-методіївського процесу взаємини між ними не переривалися. В одному з листів (від 12–30 жовтня 1850 р.) до Надії Забіли Олександра Куліш писала, що вона та її чоловік отримали від Марковича листа (з Орла), у якому той сповіщав про запланований приїзд додому Василя та Віктора Білозерських. Той факт, що Маркович був поінформований про приїзд братів, спонукав її зробити висновок: «верно он заезжал к маме (в Мотронівку. – *Ред.*) и к тебе (в Київ. – *Ред.*)» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30279. – Арк. 3 зв.).

У 1850-х роках відносини Куліша й Марковича розвивалися, зокрема, крізь призму Кулішевих стосунків (після 1857 року) з дружиною Марковича (з 1851 року) Марією, яка увійшла в літературу під псевдонімом Марко Вовчок (див. коментарі до наступних томів).

1. «Великий Християнин» – очевидно, Василь Білозерський. У листі до Гулака (від 15 лютого 1846 р.) Маркович писав про Білозерського: «Слава Богу, избравшему его для нас путевой звездой к Вифлиему...» (*КМТ*, т. 1, с. 102). Характеризуючи ставлення Марковича до себе, Білозерський свідчив на допиті, що той «всеми силами старался объяснить себе путь христианской жизни и по оному следовать, и весьма мне был благодарен за то, что я обратил его внимание на чтение Евангелия, о чём он прежде небрёг и увлекался различными философскими понятиями» (*КМТ*, т. 1, с. 407). Про високу оцінку християнських якостей Білозерського, що її висловив Маркович, див. також прим. 2 до листа 68.

2. «Новороссийский календарь» виходив у Одесі. У 1840-х роках його видавцем був Рішельєвський ліцей. Можливо, у календарі Куліш знайшов інформацію, потрібну для своєї поїздки до Петербурга.

55. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 26 жовтня 1845 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 18.

Помітка про отримання: «П[олучил] 6 нояб[ря] 1845».

Друкується вперше.

1. Куліш побував на хуторах Мотронівці й/або Миколаєві під Борзною (це повітове містечко лежало на Московському тракті).

Мотронівка – хутір Білозерських, яким володіла Мотрона Василівна (уроджена Силевич). За спогадами Олександри Куліш, після одруження Мотрони з Михайлом Васильовичем вони мешкали у Борзні, де мали декілька будинків під солом'яною стріхою. Проте пожежа, що сталася у місті, спалила разом з іншими будівлями і їхній дім, після чого Михайло Білозерський, викорчувавши дубовий ліс, заснував хутір за чотири версти від Оленівки і п'ять від Борзни. Цей хутір він назвав на честь дружини Мотронівкою. Спершу родина мешкала в кухні, де й народилася Олександра, майбутня дружина Куліша й письменниця (ЧЛМК. – Інв. № А–2650. – Арк. 2–3). Пізніше збудували великий будинок, що мав десять кімнат, і фліґель на п'ять кімнат. Після смерти 1872 року Віктора Білозерського (він не мав спадкоємців) Куліш викупив Мотронівку в правонаступників. У 1885 році Кулішів будинок з усім майном, бібліотекою та рукописами згорів, і письменник спорудив новий будинок, перейменувавши хутір на Ганнину Пустинь – на честь своєї дружини.

Миколаїв – хутір Миколи Даниловича Білозерського.

56. До Міхаїла Погодіна

Москва, 4 листопада 1845 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 19.

Записку датовано на підставі запису Погодіна у його щоденнику (5 листопада): «Приехал Кулеш и просил Малороссийской Летописи (Величка. – *Ред.*). Пригласил остановиться у себя, чтобы рассмотреть её. Нашёл он там прекрасные вещи. Не хотелось мне, чтоб он лёг спать в кабинете, как будто для того, чтобы не помешать явлению Лизы, которую я всегда ожидаю, но в другой холодно. Делать нечего. Я не ложился спать до часа её кончины, до 3-го» (*Барсуков*, кн. VIII, с. 251–252). 6 листопада сповнився рік від дня смерти дружини Погодіна – Єлізавєти Васільєвни, яка залишила його з чотирма малолітніми дітьми. У день Кулішевого приїзду Погодін, як пише Барсуков, безперервно читав Псалтир, Євангеліє від Матвея і «думал, думал о ней».

Першодрук: *Савченко*, с. 16.

1. Готель у Москві, що містився на вул. Тверській, 5 квартал, № 442 (*К. Нистрем.* Московский адрес-календарь, для жителей Москвы, составлен по официальным документам и сведениям: [В 4 т.]. – М., 1842. – Т. 1. – С. 83). Їдучи в закордонне відрядження в грудні 1846 року, Куліш знову зупинився у ньому.

57. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 13 листопада 1845 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/11}{504}$.

Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 202–204.

1. Йдеться про Віктора Білозерського. Про його стосунки з Кулішем див. преамбулу в коментарі до листа 185.

2. Величко датував (на титулі) свій літопис 1720 роком, хоча насправді дописував його, так і не завершивши, принаймні ще в середині 1720-х років. Хронологію подій у літопису доведено до 1700 року.

3. Московська Збройна палата отримала цю назву і статус музею (як сховище зброї, коштовностей і старожитностей при Московській палацовій конторі) згідно з указом Ніколая I від 22 серпня 1831 р. У 1842–1852 рр. її директором був Міхаїл Загоскін.

4. Про перші зустрічі з Кулішем Плєтньов розповів у листі до Ґрота. 12 листопада, у понеділок, він писав: «Приехал Кулеш. Я велел ему ко мне перебраться до приискания квартиры. Обедает и чай пьёт он со мною, а работает и спит в моём кабинете, что в университетской канцелярии. Милый молодой человек, интересный и наружностью, и чистотою души, и умом. У нас он будет учить русскому языку инородцев, а служба настоящая его в V гимназии. Жалованья у нас 1200, да там 2250 р. ас. Жаль, что в гимназии уроков много: 14 лекций по 1 ½ часа. У нас только 3 лекции [...]. Вечером был совет. Чай дома с Кулешом» (*Переписка*, т. 2, с. 622–623). Наступного дня Плєтньов повідомив свого кореспондента: «В 6 ч[асов] гулял с Кулешом – он всё моё принимает в образец. [...] Чтобы Кулеша вечером не оставить без чаю, я отвезу его к Александре Осиповне ознакомить его с ними заблаговременно» (Там само).

5. Куратором Санкт-Петербурзької шкільної округи був Міхаїл Мусін-Пушкін.

6. Затвердження Куліша на посаді старшого учителя російської словесности П'ятої петербурзької гімназії відбулося, згідно зі службовим формуляром, 15 грудня 1846 р. (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Л., 1930. – Т. С. – С. 359).

7. Протягом усього часу, коли Плєтньов був редактором-видавцем «Современника», цей журнал був збитковим. Щороку Плєтньову доводилося асигнувати на нього великі кошти, в основному власні. Так, у листі до Гоголя від 27 жовтня 1844 р. він скаржився, що річна дотація на видання становила п'ять тисяч рублів (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 247). У розмові з Кулішем він зізнався, що його журнал протягом десяти років не мав більш ніж 300 передплатників (*Щоденник*, с. 28). Для того, щоб видання покривало видатки, потрібно було мати 1200 передплатників.

8. Євген Малавський, учитель гімназії в Рівному, виявляв зацікавлення усною народною творчістю. Ще на початку 1840-х років Малавський, тоді студент Університету св. Володимира, разом із Михайлом Чалим та Опанасом Марковичем мав намір улаштувати наукову експедицію для вивчення місцевих говірок, беручи на себе об'їзд Київщини (Воспоминания М. К. Чалого // КС. – 1889. – Ноябрь. – Отд. I. – С. 278). Про подорож із Малавським до Кременця навесні 1845 року згадував у автобіографії Костомаров (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 465). Від Малавського Куліш одержав казку, яку той записав у Подільській губернії (див. лист 235).

9. Куліш мешкав у Плєтньова півтора тижня. 22 листопада він перейшов на нове помешкання, про що Плєтньов повідомляв Ґрота: «Вечером Кулиш переехал на свою квартиру, которую нанял близ V гимназии у Алар-

чина моста, с другим учителем. У него две комнаты. Всё содержание, прислуга и квартира, ему стоят в месяц 100 р. ас.» (*Переписка*, т. 2, с. 635).

58. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 24 листопада 1845 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 17–18.

Першодрук: *Савченко*, с. 15–16.

1. Йдеться про лист Ґрабовського до Куліша від 17 листопада 1843 р., присвячений Гоголевій творчості, що його Куліш частково переклав для «Современника». Див. лист 20 і текстологічний коментар до нього.

Отримавши цей лист, Плєтньов писав до Ґрота: «Сегодня (20 листопада 1845 р. – *Ред.*) Кулеш сделал для меня перевод письма к нему польского литератора Грабовского о сочинениях Гоголя. Это преумная, прекрасная статья. Я напечатаю её в № 1» (*Переписка*, т. 2, с. 630).

Після того, як статтю було опубліковано, «Москвитянин» у лютневому номері (появився у березні) відгукнувся на неї критичною рецензією. Її автор, Алєксандр Студітський, роблячи огляд літературних журналів за січень, зупинився на «Современнике», виділивши в ньому дві публікації, – лист Ґрабовського та першу подачу уривка з «Чёрной рады» (див. прим. 3 до листа 60). Рецензент став на захист художньої вартости «Тараса Бульбы», що його розкритикував у своєму листі Ґрабовський, вказавши на численні похибки в зображені історичних реалій. Студітський влучно відзначив вихідний пункт судження Ґрабовського: «Он смотрит на исторический роман как на произведение, состоящее в полной зависимости от истории. Историческая истина главное дело. Действительность и поэзия в нём должны быть одно». Далі критик риторично запитував: «Почему же непременно один Вальтер-Скотт мерка для всех произведений поэтических этого рода?». За Студітським, Ґрабовський підійшов до оцінки «Тараса Бульбы» з мірилом вальтерскотизму, однак для Гоголя «жива скорее та история, которая живёт в устах народа», історія не достовірна, а опоетизована. Рецензент відкинув також й інший закид Ґрабовського – про невитриманість характерів Гоголевих персонажів. Причина такого присуду польського критика в тому, що він «постоянно мешал исторический его взгляд в его суждения эстетическом, – и понятно, что после этого всё как бы не ладилось». Варто підкреслити, що рецензент не тільки схарактеризував природу художнього мислення Гоголя, а й порівняв її з Кулішевою. Зауваживши, що він прочитав «Киевские богомольцы...» «с наслаждением», Студітський далі відзначив: те, в чому не відчував потреби Гоголь – документування в творі історичних джерел, є необхідним для Куліша. «Ничуть не отрицая и не унижая дарования автора, мы думаем, однако ж, что дарование это именно требует такого образования и такого направления», – резюмував він (*А. Студитский.* Русские литературные журналы за январь 1846 года // Москвитянин. – 1846. – Ч. I. – № 2. – С. 222–223).

2. Уривок із «Чёрной рады», що його Куліш надіслав Погодіну, було опубліковано в січневому числі «Москвитянина» 1846 року під назвою «Козацкие паны. (Отрывок из неизданного романа П. Кулеша "Чёрная рада")»

(Ч. І. – № 1. – С. 81–122). Січневий випуск журналу появився у лютому (цензурний дозвіл: 30 січня 1846 р.).

3. У примітках до уривка з «Чёрной рады», опублікованого в трьох перших числах «Современника» за 1846 рік під назвою «Киевские богомольцы в XVII столетии», Куліш покликався на літопис Величка.

4. Цю пропозицію Погодін зустрів прихильно й у втраченому листі попросив написати обіцяну статтю. Однак Куліш у відповідь (див. лист 79) знову зажадав одержати виписки з літопису Величка, без яких не міг виконати своєї обіцянки. Кулішів намір написати статтю про українські літописи залишився незреалізованим.

59. До Миколи Гулака

Санкт-Петербург, 8 грудня 1845 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. ІІ. – Арк. 11–12.

Першодрук (зі скороченням): [*Н. Молчановский*]. Памяти Николая Ивановича Гулака // КС. – 1900. – Февр. – Отд. І. – С. 267. – Подп.: Н. М. Уперше опубліковано повністю: *Міяковський*, с. 45–46.

Микола Гулак, закінчивши Дерптський університет й успішно захистивши кандидатську дисертацію, 1845 року приїхав до Києва, де восени того року влаштувався на службу в канцелярію генерал-губернатора. У цей період Куліш познайомився з ним. Йому заімпонувала широка освіченість юнака, ґрунтовне знання багатьох іноземних мов, бажання працювати для української літератури й науки. Наприкінці грудня 1846 року вони зустрічалися разом у колі кирило-методіївців. Кулішеві вдалося переконати Гулака переїхати до Петербурга; він порекомендував його Плєтньову, який влаштував здібного науковця в канцелярію ради Петербурзького університету. З арешту Гулака 18 березня 1847 р. розпочався розгром братства. Після слідчого процесу, ув'язнення (Гулак відсидів три роки в Шліссельбурзькій фортеці) та заслання (в Перм) їхні дороги розійшлися.

У нашому виданні подано два листи до Гулака, знайдені в його паперах під час обшуку. На підставі цих листів Куліша було кваліфіковано як «соучастника в преступлениях Гулака», і 22 березня видано розпорядження про його арешт.

1. По закінченню Дерптського університету Гулак приїхав до Києва, де влаштувався на службу в канцелярію генерал-губернатора. Після невдалої спроби скласти магістерські іспити в Університеті св. Володимира Гулак задумав повернутися до Дерпта, однак Куліш закликáв його оселитися в Петербурзі.

2. Слідчі ІІІ відділу звернули увагу на це місце й поставили Кулішеві запитання: «У кого в Киеве хранились Ваши бумаги? Какие это бумаги? И где они теперь находятся?». На них Куліш відповів: «Бумаги мои хранились в Киеве у Василия Белозерского. Это были разные исторические материалы. Они находятся теперь в Борзне у Николая Даниловича Белозерского» (*КМТ*, т. 2, с. 48). Опис цих матеріялів див.: Там само. – С. 63–66.

60. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 1–1 зв., 4–4 зв.

Першодрук (фрагмента): *Айзеншток 1929*, с. 16. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 203–204.

1. Як згадував Костомаров у автобіографії, у грудні 1845 року він побував у родинному маєтку в слободі Юрасівці Острогозького повіту Воронезької губернії, де був зайнятий його продажем. До Києва Костомаров повернувся 24 грудня (*Н. И. Костомаров*. Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 473).

2. Цю пропозицію об'єднати пісенні збірники Куліш зробив Срезневському, можна думати, вперше. Раніше обидва науковці обговорювали лише проєкт спільного видання літературно-наукового збірника.

Ідея видання народних пісень уже виринала в листуванні Срезневського з Костомаровим та Максимовичем. Одним із майбутніх упорядників об'єднаного випуску називали Куліша. Так, після знайомства Костомарова з Кулішем та Максимовичем останній писав Срезневському (у листі від 26 жовтня 1844 р.): «Костомаров с Кулишем намовились, чтобы к моему собранию приобщить и свои песни и сделать оное общим складом. [...] По мысли Костомарова (которого мы притяжаем Киеву), и к Вам об этом обращаюсь: не угодно ли и Вам будет вклад учинить из своей скрыни в общую кружку. [...] Если Вам покажется эта мысль, то порадейте, пожалуйста, и согласите других, у кого есть, особенно Метлинского... Можно бы так даже сделать, чтобы в *Киев*, т. е. мне переслать все песни истор[ические], бытовые, женские и *гулевые*, а я за них отправлю Вам свадебные и все *обрядные*, и их издание – пусть будет *харьковское*» (*Айзеншток 1929*, с. 14). Про те ж писав і Костомаров у листі (від 23 жовтня 1844 р.), адресованому кільком харківським товаришам: «Максимович поручил передать Измаилу Ивановичу поклон и, между прочим, узнавши, что у нас всех есть по запасу песен, предлагает присоединить свои 1500 и составить полный, по возможности, сборник, прося избрать его распорядителем с означением имен всех сотрудников. Передаю предложение его без комментария» (Харківська школа романтиків. – Х., 1930. – Т. 3. – С. 337). Цей проєкт видання збірника народних пісень, основу якого складала б збірка Максимовича, який був би й головним упорядником, а решта учасників – пасивними вкладниками, виявився нежиттєвим. Із Петербурга Куліш запропонував нову форму співпраці: кожний упорядник мав розробляти окремий відділ пісень, зберігаючи творчу автономію (див. листи 65, 69, 71, 72, 74, 80). Однак і цей план не здійснився. Свої пісні, а також частину записів Костомарова Куліш перед виїздом за кордон передав Бодянському.

3. *П. Кулеш.* Киевские богомольцы в XVII столетии // Современник. – 1846. – Т. XLI. – № 1. – С. 62–121; № 2. – С. 177–225; № 3. – С. 297–343. В оглаві назва твору дещо інша: «Киевские богомольцы в XVII веке. Из исторического романа П. А. Кулеша» (у №№ 1 і 2; у № 3 підзаголовок: «заимствованная из ненапечатанного ещё исторического романа П. А. Кулеша»).

Отримавши від Куліша уривок із «Чёрной рады», Плєтньов поділився своїми міркуваннями з Ґротом (у листі від 24 листопада 1845 р.): «Кулеш [...] дал мне в отдел повестей большой отрывок из своей «Чёрной рады». Я и не согласился бы взять отдельный этот кусок, если бы он не представлял в себе

целого, очень занимательного предмета: "Киевские Богомольцы в XVII столетии" – сюжет для всех русских очень любопытный, а тем более для Малороссии, где (как известно Кулешу) много явится подписчиков, как скоро увидят, что "Чёрная рада" не прекращается в "Современнике". Это частию уже подтвердилось и теперь: киевский Писарев, прежде всех русских, уже прислал деньги на 5 экземпляров "Современника" 1846 г. Я же и рад, что беллетристический отдел у меня обеспечен чуть ли не на полгода, включая сюда несколько ещё не напечатанных рассказов из тетради Розы Карловны (Ґрот, сестри Якова і Константіна Ґротів. – *Ред.*)» (*Переписка*, т. 2, с. 634).

4. Після Квітчиної смерти дружина письменника передала його рукописи Срезневському (нині зберігаються у ВР ІЛ), надавши йому право їх публікації. Див.: *В. Срезневский.* Собрание рукописей Г. Ф. Квитки, принадлежавшее И. И. Срезневскому // Квітка-Основ'яненко: Збірник на 150-річчя народження. 1778–1928. – [Х., 1929]. – С. 229–238. Про Квітчині автографи, що перебували в Срезневського, Куліш довідався від Костомарова (див. лист Костомарова до Срезневського та Метлинського від 23 жовтня 1844 р. в прим. 5 до листа 37).

Намір видати Квітчині твори у Куліша зародився, як видно, в середині 1840-х років, проте зреалізувати його письменник зміг щойно 1858 року, коли випустив «Повісті Г. Квітки (Основ'яненка)» у двох томах зі своєю концептуальною передмовою.

5. Андрій Воронов і Куліш одночасно належали до плєтньовського гуртка. Не випадково Воронов був інспектором у тій-таки П'ятій гімназії, де викладав Куліш: після того, як її було відкрито, Плєтньов допоміг Воронову (який служив учителем російської словесности в гімназії у Пскові), як і Кулішеві, влаштуватися у ній (з вересня 1845 року). Плєтньов покладав великі надії і на Куліша, й на Воронова, сподіваючись, що вони допоможуть йому редаґувати «Современник». «Удастся ли мне в Воронове или Кулеше обрести редактора "Современника"», – запитував він у Ґрота в листі від 5 вересня 1845 р., за два місяці перед тим, як Куліш прибув до Петербурга (*Переписка*, т. 2, с. 544–545). Дописувачем цього журналу, а також «Звёздочки» Воронов був ще від часу служби в Пскові. Після того, як Куліш звільнився з університету, Воронов зайняв його місце.

61. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 2–2 зв.

Першодрук: *Айзеншток 1930*, с. 204–205.

Записка, надіслана разом із листом до Срезневського (див. лист 60); зберігається в його архіві. Чи Костомаров її читав – невідомо.

Знайомство Куліша з Костомаровим відбулося в середині жовтня 1844 року в Києві. Про це Костомаров писав 23 жовтня у листі, адресованому харківським колеґам, насамперед Срезневському та Метлинському: «Познакомился я с Кулишом и нашёл в нём человека образованного, даровитого и глубоко знающего Украину» (див. прим. 5 до листа 37.). Про першу зустріч з істориком Куліш оповів у автобіографії: «З Костомаровим спізнався Куліш того ж року у Юзефовича. Розмова йшла про Україну і гетьманщину. Вдарило Костомарова, що Куліш напам'ять проказав аргумент свій із літописі. Він разом з ним

вийшов від Юзефовича і – скажемо так – учепився йому в полу. З того часу почали вони вкупі про Вкраїну дбати, і лихоліття їх не розлучило» (*Жизнь*, ч. 25, с. 296–297). Про обставини їхнього знайомства згадував і Костомаров: «Во время моего посещения (Юзефовича. – *Ред.*) входит молодой человек, которого Юзефович знакомит со мною. То был Пантелеймон Александрович Кулиш. Разговор зашёл об источниках малорусской истории, и мы обоюдно с удовольствием узнали, что нам обоим были знакомы одни и те же источники». «Когда мы заговорили (під час наступної зустрічі того самого дня. – *Ред.*) о собрании песен, Кулиш вынул огромный ворох бумаг: то было его собрание народных песен. [...] я виделся с Кулишом почти каждый день; мы ходили по Киеву и осматривали разные киевские достопримечательности; он же познакомил меня с М. А. Максимовичем [...]» (*Н. И. Костомаров*. Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 462).

У 1840-х роках, до арештів, Куліш і Костомаров виробляли спільні плани щодо видання народних пісень та українського науково-літературного альманаху. Костомаров, за свідченням Куліша (наявним і в листах, і в спогаді про історика), своїми критичними зауваженнями причинився до істотної переробки «Чорної ради». У спогадах про історика Куліш так характеризував їхні тодішні стосунки: «Обладая редким даром слова и памятью [...], он был моим профессором, – моим и моих сверстников»; «Я взирал на Костомарова как на будущего Тацита, он на меня – как на будущего Вальтер-Скотта»; «Он привлекал меня своими историческими, этнографическими и политическими беседами. Да, политическими» (*П. Кулиш*. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 62, 63).

У цей період між Кулішем і Костомаровим виникали дискусії з різних питань, які вони розв'язували в дружніх суперечках. Так, ідеологію Кирило-Методіївського братства, одним із засновників якого він був, Костомаров будував передусім на християнських і загальнолюдських цінностях, тоді як Куліш (який формально не був причетний до діяльности таємного товариства й, перебуваючи в Петербурзі, не знав про його існування) разом з християнськими ставив проблеми національні.

Процес над кирило-методіївцями обом перекреслив наукову кар'єру, яка стрімко йшла вгору, зруйнував особисте життя: Куліш щойно одружився, а Костомарова заарештували перед одруженням. У фортеці їх відвідували: Куліша – молода дружина, Костомарова – наречена (які в нещасті знайшли спільну мову між собою). У період заслання контакти між Кулішем і Костомаровим перервалися (хоча Костомаров листувався з іншим братчиком – Білозерським). Лише після відлиги, яка настала зі смертю Ніколая I, Костомаров і Куліш поновили дружні відносини. Згодом між ними виникли гострі дискусії стосовно історичних концепцій, різних оцінок козаччини та її ролі в історії України. Про це див. коментарі до наступних томів епістолярію, а також до історичних праць. Див. також: *І. Житецький.* Куліш і Костомаров. (Недруковане листування 1860–70 рр.) // Україна. – 1927. – Кн. 1/2. – С. 39–65.

1. Кулішеві йшлося насамперед про те, щоб отримати в Костомарова варіянти Літопису Самовидця, що його він задумав видати (яким чином – невідомо) у Петербурзі (див. його лист до Юзефовича від 25 грудня 1845 р. – № 64).

2. Алюзія до Літопису Самовидця: «И так на Україні жадного жида не зостало, а жони шляхецкіе зостали жонами козацкими» (Літопис Самовидця / Вид. підгот. Я. І. Дзира. – К., 1971. – С. 52).

62. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 20 грудня 1845 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/12}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 205–206.

1. Куліша затвердили на посаді не вчителя, а таки старшого вчителя російської словесности в П'ятій петербурзькій гімназії. Див. прим. 6 до листа 57.

2. Очевидно, Юзефович порекомендував Куліша Нікітєнкові, щоб той узяв молодого вчителя під свою опіку в столиці. Нікітєнко і Юзефович були давніми друзями. Їхні стосунки відновилися після тривалої перерви наприкінці 1843 року, коли Юзефович приїхав до Петербурга, де мешкав Нікітєнко. Про цю зустріч Нікітєнко занотував у щоденнику (запис 11 грудня): «Виделся с Юзефовичем, одним из первых друзей моей юности, с которым давно-давно не встречался. Оба мы очень обрадовались этому свиданью» (*А. В. Никитенко.* Дневник: В 3 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. И. Я. Айзенштока. – [Лг.], 1955. – С. 274). Невдовзі Юзефович надіслав Нікітєнкові примірник «Михайла Чарнышенка...» з дарчим написом: «Его Высокородия Александру Васильевичу Никитенку в знак отличного уваженья от автора» (зберігається в Науковій бібліотеці Томського університету, куди надійшов у складі книгозбірні Нікітєнка; див.: Русские нелегальные и запрещённые издания XIX века в научной библиотеке Томского университета: Каталог / [Сост. Г. И. Колосова]. – Томск, 1983. – С. 18). У супровідному листі від 28 березня 1844 р. він просив: «Примите его вместе с автором в общее Ваше покровительство». До листа було додано й рукопис Кулішевої «Повести о старых временах и обычаях малороссийских», яку Юзефович просив допомогти опублікувати (безуспішно; див. прим. 1 до листа 24).

Кулішеві взаємини з Нікітєнком стосувалися передовсім цензорської служби останнього. Зокрема, у 1845–1846 рр. Нікітєнко цензурував народні перекази, що їх Куліш готував для окремого видання (див. лист 111). Нікітєнко виступав цензором Кулішевих видань і на початку 1860-х років (див.: *В. Міяковський.* Куліш і цензура // Наше минуле. – 1918. – № 2. – Верес./жовт. – С. 103–105).

63. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 24 грудня 1845 р.

Подається за копією Куліша, що є перекладом з польської: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 179–180. Автограф невідомий. Переклад, очевидно, виконав Куліш. Два тире у тексті означають купюри, що їх зробив перекладач.

Першодрук (за копією): *Переписка*, т. 2, с. 922–923.

1. Цю статтю, що є фрагментом із «Literatury i krytyki» Ґрабовського, опублікував у Кулішевому перекладі «Современник» під назвою «Отзыв Грабовского о Пушкине» (1846. – Т. XLI. – № 2. – С. 234–244). Публікацію супроводжує Кулішева передмова (без підпису).

2. Див. лист 20 і текстологічний коментар до нього.

3. Інших статей Ґрабовського в «Современнике» надруковано не було. У 1830–1840 рр. Ґрабовський регулярно виступав із відгуками про твори

сучасних польських та – зрідка – російських літераторів. У цей період він був одним із чільних критиків «Tygodnika Petersburskiego» та висловлювався за потребу російсько-польського літературного зближення й обміну художнім досвідом (див.: *M. Inglot.* Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841–1843. – Wrocław, 1961. – S. 47–67; розділ «Działalność krytyczna Michała Grabowskiego w latach 1830–1840»). Виходячи з цих міркувань, наприкінці 1830-х – на початку 1840-х років він думав видавати часопис відповідного спрямування «Przeglądnik Literatury Rosyjskiej i Polskiej» (див.: *A. Bar.* Stanowisko polityczne Michała Grabowskiego // Pracy historyczno-literackie ku czci Ignacego Chrzanowskiego. – Kraków, 1936. – S. 394). Зблизившись із Кулішем, Ґрабовський висловив надію (у листі до Ігнация Головінського від 27 вересня 1843 р.): «Jeżeli moje stosunki z literatami rosyjskimi utrzymają się, otworzę im oczy na wiele rzeczy» (цит. за: *D. Matlak.* Michał Grabowski jako krytyk literatury rosyjskiej // Rocznik Komisji Historycznoliterackiej / PAN. Oddział w Krakowie. – Wrosław; Warszawa; Kraków, 1969. – [T.] VII. – S. 44).

4. Листи Ґрабовського до Аполлона Скальковського невідомі. Один лист одеського історика до Ґрабовського (приблизно 1843 року) зберігається у Відділі рукописів Ягеллонської бібліотеки (Rkps. 7824/IV. – K. 18).

5. Йдеться про двомовне російсько-польське панславістське періодичне видання «Денница, литературная газета, посвящённая словянским предметам = Jutrzenka, pismo literackie, poświęcone przedmiotom słowiańskim», яке виходило у Варшаві: 1842 року як двотижневик, 1843 року як місячник, у зміненому форматі й з новим підзаголовком («Словянское обозрение = Przegląd słowiański»). Його редактором-видавцем був Пьотр Дубровський. Про цю газету див.: *M. Straszewska.* Czasopisma literackie w Królewstwie Polskim w latach 1832–1848. – Wrocław, 1959. – Część 2. – S. 220–227; *B. Mucha.* «Jutrzenka», 1842–1843 // Zwiedziadło prasy: Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. – S. 133–147. Листування Ґрабовського з Дубровським невідоме. Про Кулішеві стосунки з Дубровським див. прим. 2 до листа 167.

6. Див. прим. 1 до листа 138.

7. З Ігнацієм Головінським Куліш познайомився 9 січня 1846 р., про що зробив відповідний запис у щоденнику: «Сегодня я познакомился с Головинским. По живости, с какою он говорит, он должен быть человеком горячим в стремлении к осуществлению своих идей. Несмотря на дружбу с Грабовским, который обо мне ему писал, он принял меня с принуждённым, кажется, радушием. Ему не до меня. Он рад исполнить желание Грабовского, но ещё больше был бы рад, если бы этого желания не было. Так мне показалось, а впрочем, Бог знает. Трудно распознать человека с первого разу» (*Щоденник*, с. 18).

У період, коли Куліш навчався в Університеті св. Володимира, Головінський викладав у цьому закладі римо-католицьке богослів'я. З його братом Германом, поміщиком зі Стеблева над Россю і «любезнейшим из поляков», як його охарактеризував Куліш у своїх спогадах, український письменник зблизився завдяки Ґрабовському. Проте стосунки з ректором римокатолицької духовної академії Куліш так і не налагодив. Про це він з жалем згадував у «Хуторской философии...»: «Когда я переехал в Петербург, здесь я был познакомлен с [...] митрополитом Головинским, и чрезвычайно сожалею, что дом П. А. Плетнёва, абсорбировав меня совершенно, не дал мне времени воспользоваться этим весьма важным знакомством» (*П. Кулиш.* Хуторская философия и удалённая от света поэзия. – СПб., 1879. – С. 94).

Від'їжджаючи 1846 року за кордон, Куліш узяв у Головінського рекомендаційного листа до князя Любомірського для праці в книгозбірні Національного закладу імені Оссолінських у Львові (*КМТ*, т. 2, с. 35).

Про Куліша і про його роман «Михайло Чарнышенко...» Ґрабовський писав Головінському в листі від 27 вересня 1843 р. (див.: *D. Matlak.* Michał Grabowski jako krytyk literatury rosyjskiej. – S. 44).

8. Ґрабовський мав на увазі представників неформального літературного угруповання «narodowej literatury katolickiej», прозваного за його угодовську спрямованість «koteria petersburska». Названі особи (Ігнаций Головінський, Генрик Жевуський, Юзеф Пжецлавський, Людвіґ Штирмер) разом із Міхалом Ґрабовським складали так звану пентархію інтелектуального осередку, що гуртувався довкола «Tygodnika Petersburskiego» – «Gazety Urzędowej Królestwa Polskiego», надаючи часописові угодовського, консервативного та католицького характеру. Одним із ідейних провідників цього напряму був граф Жевуський. Засади напряму було задекларовано, зокрема, на з'їзді польських літераторів, що його Жевуський провів у червні 1841 року у своєму маєтку в Чуднові. У його роботі взяли участь Ґрабовський, Головінський, Крашевський, Свідзінський та інші.

64. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 25 грудня 1845 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/13}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 206–208.

1. Куліш помилився: мальовання «Взятие на небо Божией Матери» у Казанському соборі виконав Василій Шебуєв. Собор збудовано в 1801–1811 рр.

2. Свою монументальну картину «Последний день Помпеи» Брюллов написав у Римі. Художник працював над нею протягом трьох років у 1830–1833 рр. Її розмір – 56 х 52 см. За переказом, Волтер Скот, відвідавши майстерню художника в Римі, назвав цей твір «не картиною, а цілою епопеєю». Гоголь присвятив картині статтю «Последний день Помпеи» (1834; опублікована 1835, у другій частині його «Арабесок»).

3. Йдеться про скульптурну групу «приборкувачі коней», створив Пьотр Клодт. Вона прикрашає Анічків міст у Петербурзі. Спочатку з обох сторін мосту стояли по дві однакові групи. 1846 року імператор розпорядився з одного кінця мосту зняти дві скульптурні групи й подарував їх королю Сицилії. Після цього Клодт створив дві нові композиції, які не повторювали попередніх.

4. Кіндрат Страшкевич у закордонне відрядження не їздив. На противагу Кулішеві, автор біографічної статті про Страшкевича Андрій Линниченко змальовує його як товариську людину з різнобічними зацікавленнями, готову прийти на допомогу ближньому (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира. – К., 1884. – С. 625–632).

5. Платон Тутковський та Іван Вигура були скеровані Університетом св. Володимира за кордон для вивчення правничих дисциплін. Вони виїхали разом у 1843 році й слухали лекції в Берліні, Гайдельберзі. Тутковський, після

повернення, посів у листопаді 1846 року катедру загальнонародного права (яка була вакантною з 1842 року), а Вигура, повернувшись у січні 1847 року, у лютому став до обов'язків ад'юнкта на катедрі державних законів.

6. Погодін був у Петербурзі в першій декаді липня 1846 року проїздом до країн Західної Европи (до Москви повернувся лише в другій половині жовтня). 1 липня він зустрівся з Кулішем (див.: *Переписка*, т. 2, с. 799).

7. Можливо, Куліш мав довідатися, чи готується публікація «Истории русов» у Петербурзі (пор. прим. 2 до листа 3).

8. Йдеться про лист Ґрабовського до Куліша, у якому він оцінює творчість Гоголя (див. лист 20 і текстологічний коментар до нього).

9. Ймовірно, йдеться про історика й державного діяча барона Модеста Корфа. Про його намір написати історію Росії кінця XVI – XVII ст. відомостей немає.

10. Кулішеву «Повесть об украинском народе» було опубліковано в дитячому журналі «Звёздочка: Журнал для детей старшего возраста» (1846. – Ч. XVII. – № 2. – С. 69–82; № 3. – С. 129–142; Ч. XVIII. – № 4. – 13–32; № 5. – С. 63–77; № 6. – С. 147–166; Ч. XIX. – № 7. – С. 1–14). У липні 1846 року вийшло окреме видання твору тиражем 200 примірників (СПб., 1846. – 114 с.). Цензором публікації в «Звёздочке» був Ігнатій Івановський (за схвалення «Повести...» до друку він отримав від Ніколая I догану); цензором окремого видання – Стєпан Куторґа.

Висновок III відділу про покарання Куліша за «чрезмерную любовь к родине» ґрунтувався, зокрема, на оцінці цієї історичної праці: мовляв, у ній (та інших творах) автор «с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства», а сама повість «могла производить тем больший вред, что сочинена для детей старшего возраста» (*КМТ*, т. 2, с. 80–81). Сам Куліш згодом називав цей твір «ничтожным». Аналіз «Повести...» див.: *О. Ґрушевський.* З сорокових років. 1. «Повесть об украинском народе» Куліша // ЗНТШ. – Л., 1908. – Т. LXXXIII. – С. 158–168.

Місячник «Звёздочка» в 1842–1863 рр. видавала й редаґувала Алєксандра Ішимова. У 1845–1849 рр. він виходив у двох випусках – для дітей молодшого та старшого віку.

11. Цей лист невідомий. Можливо, саме про нього Куліш згадує у своєму листі до Юзефовича від 7 жовтня 1843 р. (№ 16): «Имею честь препроводить к Вам при сем перевод полученного мною на днях от Грабовского письма».

12. З Іваном Юскевичем-Красковським Куліш, можливо, був знайомий ще з середини 1830-х років, коли той був учителем латинської мови у Новгород-Сіверській гімназії, проте подружилися вони у 1840-х роках у Києві, куди Юскевича-Красковського перевели на посаду вчителя латинської мови Другої київської гімназії. У 1846 році Куліш позичав йому гроші на спорудження будинку. З Юскевичами-Красковськими письменник листувався (листи не збереглися): під час слідства у кирило-методіївській справі в Миколи Даниловича Білозерського було вилучено «тетрадь с надписью "Выписки из писем к незабвенной Елисавете Ивановне Красковской и к её мужу", 1845 и 1846 гг., на 26 л.» (*КМТ*, т. 2, с. 65).

1846

65. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 10 січня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 11–14 зв.

Першодрук (фрагментів): *Айзенштоκ 1929*, с. 16–17. Уперше опубліковано повністю: *Айзенштоκ 1930*, с. 205–208.

1. Кого мав на увазі Куліш – невідомо. У Харкові окремого цензора не було. Цензурна ж діяльність університету обмежувалася лише «рассмотрением сочинений, предлагаемых к печати с одобрения университета и на его средства», та цензурою «сочинений и переводов, сделанных профессорами и адъюнктами» і под. (ЛА. – Х., 1930. – Кн. 1/2. – С. 219; коментар Айзенштока).

2. У 1846 році в Харківському університеті грецьку мову та словесність читав Альфонс Валіцький, латинську – Семен Лукіянович.

3. Йосип Гладкий до 1851 року мешкав на офіційно наданій Азовському козацькому війську землі в станиці Новоспасівській (Олександрівського повіту Єкатеринославської губернії) у власному будинку. Адміністративний центр війська був у Петровському посаді.

Обставини знайомства Куліша з Гладким невідомі. Мандрівку до козацького коша Куліш мав намір здійснити, очевидно, з фольклористичною та археографічною метою. У листі до Бодянського від 16 липня 1848 р. (№ 235) він писав: «Колись я був запознавсь із запорозьким кошовим Гладким і випрохав у його деякі звістки про козацьке життє під турком». Виїжджаючи за кордон, Куліш у свій записник вніс адресу Гладкого і просив Бодянського вислати кошовому «Літопис Самовидця» та «Украинские народные предания».

4. Можливо, йдеться про Василя Білозерського. У листі до Бодянського від 30 березня (11 квітня) 1847 р. з Варшави (№ 167) Куліш писав, що Білозерський працює над лексиконом.

5. Срезневський відгукнувся на це прохання, надіславши невдовзі для «Современника» статтю «Литературное оживление западных славян». Див. прим. 1 до листа 74.

6. Костомаров, продавши у грудні 1845 року маєток своєї матері (див. прим. 1 до листа 60) і повертаючись до Києва, проїздом побував у Харкові. Між Полтавою та Києвом він занедужав на горло, і професор Владімір Караваєв зробив йому операцію, видаливши нарив (див.: *Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 473).

66. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XI. – Арк. 9–10 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 46.

1. У Переяслав Маркович їздив до рідного брата Василя, який із 7 вересня 1845 р. справляв обов'язки переяславського лісничого (Там са-

мо. – С. 85; коментар Міяковського). У Пирятинському повіті Маркович народився. Згадані листи невідомі.

2. Про що йдеться – невідомо.

3. Літературні вечори, що їх влаштовував Плєтньов у середині 1840-х років для вузького кола, проходили щосереди і, рідше, щонеділі.

4. Ці листи невідомі. Про зміст листування Куліша з Білозерським у 1846 році див. преамбулу в коментарі до листа 34.

5. Записка невідома; про її зміст див. лист 68.

6. У Марковича Куліш позичав гроші для Юскевича-Красковського, який будував собі будинок (див. прим. 7 до цього листа). У нотатках, вилучених у Куліша під час арешту, зазначено, що для Красковських було позичено: 25 серпня 1845 р. – 400 руб. сріблом, 1 березня 1846 р. – 300 руб., 16 жовтня – 100 руб., 29 листопада – 100 руб., 9 грудня – 100 руб. Для себе Куліш позичив у Марковича 25 серпня 1845 р. – 300 руб. і 18 жовтня – ще 150 руб. Усього – 1450 руб. ср. За 1150 руб. ср. Куліш мав сплачувати 5 руб. 75 коп. ср. відсотків у місяць. Їх було сплачено у два терміни: до 1 серпня 1846 р. і до 1 січня 1847 р. (*КМТ*, т. 2, с. 31).

7. Будинок Юскевича-Красковського було розташовано на розі вулиць Іринінської та Паторжинської (частина колишнього Михайлівського провулка). У 1977 році його знесли. У будинку зупинялися Куліш (у грудні 1846 року та 1850-х роках) і Шевченко (1859 року).

8. Ці два рядки слідчі жандарми на берегах відкреслили червоним олівцем. На допиті Марковичеві поставили запитання: «Какие совершаются в тишине дела, о коих Кулеш пишет», на яке він відповів: «Под сими выражениями я ничего более не понимал, как его литературные труды, в том смысле, что они, как он начал, могут со временем направить наших писателей к разработке материалов прежней жизни народа и русской истории в виде романов, как это сделал Вальтер-Скотт» (*КМТ*, т. 3, с. 112).

67. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 20–20 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 16–17.

1. Ця фраза свідчить, що назва «Козацкие паны» (під якою уривок із «Чёрной рады» було опубліковано в «Москвитянине») належала редакторові журналу.

2. У нотатках для пам'яти Куліш зазначив, що, проїжджаючи через Москву в грудні 1846 року, він залишив на комісію 29 примірників «Михайла Чарнышенка...». З київської друкарні йому надіслали 234 примірники і, за його підрахунком, заборгували ще 30. У Києві зберігалося 22 примірники (*КМТ*, т. 2, с. 26). Наклад видання становив 800 примірників. Після арешту це видання, за вказівкою жандармів, вилучали з бібліотек та з продажу (див.: Тарас Шевченко: Документи і матеріали. 1814–1963. – К., 1963. – С. 52–54).

3. Див. прим. 3 до листа 58.

68. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 25 січня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XI. – Арк. 11–12 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 46–48.

1. Йдеться про шлюб Надії Білозерської з її двоюрідним дядьком, підполковником у відставці Миколою Забілою (відбувся, вірогідно, 14 квітня 1845 року; див.: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 43). Це одруження Куліш промовисто описав у автобіографічній поемі «Евгений Онегин нашего времени» (розділ II, строфи VI–IX, XV; див.: Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. – К., 1927. – С. 176–178). Одне місце в поемі виявилося пророчим: «Но он для Нади не чета. / Его степенные лета, / Его характер, образ жизни / К раздорам повод подадут; / Досады, споры, укоризны / Навеки в них любовь убьют». Справді, у першій половині 1850-х років Надія Забіла покинула чоловіка.

2. Це речення слідчі відкреслили червоним олівцем. На допиті Марковича пояснював його так: «Белозерский, будучи в университете, отличался всегда такою чистою, неукоризненною нравственностью, такою кротостию характера и такою христианскою любовью, что составлял удивление всех своих товарищей, и поэтому в этих выражениях письма я видел только оценку этих редких в настоящий век нравственных достоинств» (*КМТ*, т. 3, с. 113).

3. Про які пісні йдеться – невідомо. Згодом Куліш вмістив одну пісню в запису Марковича – «Не дивуйтеся, добриї люди...» – у своїх «Записках о Южной Руси» (СПб., 1857. – Т. 2. – С. 252–253). Про фольклористичну працю Марковича див.: *О. І. Дей.* Фольклористично-збирацька діяльність Опанаса Марковича та Марка Вовчка // Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича. – К., 1983. – С. 13–48.

69. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 29 січня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 10.

Першодрук (із пропусками): *Айзеншток 1929*, с. 17. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 208.

1. Ця поїздка не здійснилася.

70. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 9 лютого 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 20.

Помітка про отримання: «П[олучил] 9 янв[аря] 1846».

Друкується вперше.

1. Очевидно, йдеться про коректуру «Современника».

2. Про Кулішеві взаємини з Алєксандрою Ішимовою див. преамбулу в коментарі до листа 96.

3. Йдеться про щорічний публічний акт у Санкт-Петербурзькому університеті, приурочений до дня його заснування, що відбувся того року 8 лютого. Як повідомлялося в пресі, на зібранні був присутній товариш міністра народної освіти Платон Ширінський-Шихматов, куратор шкільної округи Міхаїл Мусін-Пушкін, деякі почесні члени університету і «множество любителей просвещения». Плєтньов як ректор університету прочитав «Отчёт о состоянии университета и действиях учёного его сословия в 1845 году». Студентам було роздано медалі. Акт тривав чотири години й завершився «пением народного гимна "Боже Царя храни"» (Северная пчела. – 1846. – № 37. – 14 февр. – С. 1–2). Звіт ректора опубліковано у кн.: Годичный Акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 8 февраля 1846 года. – СПб., 1846. – С. 7–42.

71. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 29 січня ... 27 лютого 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 191. – Арк. 50 зв.

Лист написано на останній сторінці рукопису «Описание свадьбы и свадебных обрядов украинских малороссиян (в Богуславщине)» (див. прим. 4 до листа 49). Під заголовком рукою Куліша розкрито авторство: «(Составлено священником села Стеблева, Симеоном Левицким, 1845)».

Адресата встановлено за змістом, на підставі згадки про надіслання йому пісень. Про весільні пісні йдеться у Кулішевих листах до Срезневського від 29 січня і 28 лютого 1846 р. Те, що Куліш надсилав «Описание...» Левицького саме Срезневському, потверджує й Кулішів лист до Бодянського від 16 липня 1848 р. (№ 235).

Друкується вперше.

72. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 28 лютого 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 15–16.

Першодрук (фраґмента): *Айзеншток 1929*, с. 18. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 208.

1. Куліш просив надіслати перші два томи віденського видання «Српске народне пјесме, скупио их и на свјиет издао Вук Стеф. Караџић» (У Бечу: У штампарији Јерменскога манастира, 1841. – Књига прва, у којој су различне женске пјесме. – XIV, [2], 640 с.; 1845. – Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. – [6], 664 с.). У 1846–1866 рр. вийшло ще чотири томи цього збірника. Перше видання у трьох томах появилося 1823 року в Ляйпцигу.

Про цей збірник згадував Ґрот у листі до Плєтньова від 2 листопада 1846 р., коли просив спитати у Куліша, «не было ли от Срезневского какого отзыва касательно присылки в нашу библиотеку сербских песен» (*Переписка*, т. 2, с. 847).

2. Взаємини Куліша і Якова Ґрота були стримані, хоча Ґрот перебував в особливо близьких відносинах із Плєтньовим і той неодноразово в листах

до приятеля характеризував Куліша якнайкраще. «Я думал найти в Гр[оте] нечто вроде Грабовского, а он молчит и едва сказал со мною десять слов», – занотував Куліш у своєму щоденнику 3 січня 1847 р. (*Щоденник*, с. 17). Після однієї зустрічі з Ґротом, що відбулася 28 грудня 1846 р., Куліш відзначив його здатність до самодисципліни – риса, яку Куліш завжди цінував, розвиваючи її у собі: «Этот человек не столько удивляет меня своими филологическими и другими способностями, сколько правильностью жизни и подчинением всего себя законам разума» (Там само. – С. 13).

Деякі етнографічні малюнки Куліша Ґрот переслав творцю «Калевали» Еліасу Льонроту, про що сповістив Плєтньова у листі від 14 вересня 1846 р. (*Переписка*, т. 2, с. 823; див. також Ґротів лист до Плєтньова від 18 вересня 1846 р.: Там само. – С. 825). 10 жовтня 1846 р. Льонрот відповів Ґроту: «Если тебе придётся случайно увидеть господина Кулиша, то передай ему мою искреннюю благодарность за "рисунки для устройства труб в курных избах". Хорошо было бы видеть у нас курную избу, снабжённую такой трубой» (Письма Э. Лёнрота к Я. К. Гроту / Публ. К. В. Чистова // Труды Юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». – Петрозаводск, 1950. – С. 204; в оригіналі лист написано шведською мовою, цитата в ньому – російською).

73. До Миколи Гулака

Санкт-Петербург, 4 березня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. II. – Арк. 13–13 зв.

Першодрук (зі скороченням): [*Н. Молчановский*]. Памяти Николая Ивановича Гулака // КС. – 1900. – Февр. – Отд. I. – С. 267. – Подп.: Н. М. Уперше опубліковано повністю: *Міяковський*, с. 48–49.

Цей лист привернув особливу увагу слідчих жандармів, і з його приводу Кулішеві було поставлено ряд запитань.

1. На запитання, чому Гулаків приїзд до Петербурга міг бути корисний для батьківщини, Куліш, зокрема, відповів: «Гулак известен мне как молодой человек с отличною учёностью. Занимаясь приведением в известность и критическою разработкою исторических, юридических и этнографических памятников, я желал иметь в нём учёного сотрудника» (*КМТ*, т. 2, с. 47).

2. «Два великие современные вопроса», як пояснював Куліш на допиті, – це слов'янофільство й західництво: «Москва, судя по выходящим в ней книгам, стремится к исключительной славянской народности; Петербург, напротив, в своих журналах проповедует общеевропейское образование» (Там само. – С. 47).

3. Коментуючи на допиті це речення, Куліш акцентував на тому, що в Петербурзі Гулакові вдалося б допомогти його друзям опублікувати низку історичних матеріялів, які важче було б видати у провінції (Там само. – С. 47).

4. Стосовно цього речення Кулішеві було поставлено два запитання, на які він відповів, що у листі мав на увазі «дерптских немецких учёных», країною абстрактних понять називав Дерпт, а коловертю російського життя – «обыкновенные разговоры в свете» (Там само. – С. 47).

5. На запитання, що означають слова «многое, многое вы здесь (т. е. в Петербурге) узнаете, о чём писать не подобает», Куліш відповів ухильно (що в цілому характеризує тональність його відповідей на допитах): «В Петербурге я слышал такие разговоры о заграничных событиях, которых никогда в Киеве не слыхал. Писать о них, конечно, не следовало» (Там само. – С. 48).

74. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 7 березня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 17–18.

Першодрук: *Айзеншток 1930*, с. 209.

1. Йдеться про статтю Срезневського «Литературное оживление западных славян», що її Плєтньов опублікував у «Современнике» (1846. – Т. XLII. – № 6. – С. 313–328). Другу статтю з цього циклу «Литературное оживление западных славян. Статья 2-я» Срезневський надіслав Плєтньову разом зі своїм листом від 19 жовтня 1846 р., але оскільки редакція «Современника» змінилася, рукопис статті залишився в адресата (РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1086. – Арк. 6–10 зв.).

2. Про кого йдеться – невідомо.

3. Плєтньов розраховував передати редакторство «Современника» Кулішеві ще перед його переїздом до Петербурга. «Удастся ли мне [...] в Кулеше обрести редактора "Современника"?» – запитував він у Ґрота у листі від 5 вересня 1845 р. (*Переписка*, т. 2, с. 544–545). У листі від 7 листопада 1845 р. він ще раз підтвердив це своє бажання: «На днях жду Кулеша. Мечтается мне, что он снимет с меня много забот по "Современнику"» (Там само. – С. 613). Цю ідею Плєтньов обговорював і з Кулішем. Так, після їхньої розмови, що відбулася 3 січня 1846 р., Куліш занотував у щоденнику: «Он (Плєтньов. – *Ред.*) говорил со мною с величайшею откровенностью и любовью и между прочим сказал, что мне хочет передать со временем свой журнал» (*Щоденник*, с. 17). Прибувши до Петербурга, Куліш став одним із головних дописувачів журналу; Плєтньов часто доручав йому справляти коректу. Але після того, як Куліш отримав відрядження у слов'янські країни, Плєтньов змушений був відмовитися від наміру передати йому журнал. «Прежде я думал, что Кулеш может снять с меня "Современника". Теперь, до истечения трёх лет, и думать о нём нельзя», – писав він до Ґрота в листі від 27 липня 1846 р. (*Переписка*, с. 813).

4. Пьотр Прейс помер 11 травня 1846 р. Срезневський добре знав його: під час відрядження до слов'янських країн вони 1841 року разом подорожували по Істрії, Далмації та Чорногорії, декілька місяців провели у Празі (*И. И. Срезневский.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателей славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – СПб., 1878. – Т. 18. – № 6. – С. 7–8). Прейс мав деякий вплив на Срезневського як науковець (див., зокрема, лист останнього до Алєксандра Востокова від 28 лютого 1843 р.: Переписка А. Х. Востокова // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. – СПб., 1873. – Т. 5. – № 2. – С. 359).

5. Ймовірно, Куліш мав на увазі, зокрема, Плєтньова, який негативно ставився до Кулішевої творчости українською мовою, вважаючи її «за пусто́ту» (див.: *Жизнь*, ч. 25, с. 297).

6. Куліш просив Срезневського допомогти йому скласти у Харківському університеті кандидатський іспит із класичної мови (у листі від 10 січня 1846 – № 65). Очевидно, Срезневський у якійсь формі відмовив йому в цьому.

75. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 14 березня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XI. – Арк. 13–14 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 49–90.

1. Маркович виїхав з Києва у грудні (не пізніше 24 числа) 1845 року, можливо, лікуватися (див.: *КМТ*, т. 3, с. 86; т. 1, с. 102).

2. Маркович хворів на геморой; опис його хвороби див.: *КМТ*, т. 3, с. 141.

3. Про що йдеться – невідомо.

4. У 1846 р. у Петербурзі вийшов перший том «Полного собрания русских летописей», у якому було опубліковано Лаврентіївський та Троїцький літописи (що містили дві версії так званого Несторового літопису). Іншу редакцію Несторового літопису вміщав Іпатіївського літопис, який становив другий том «Полного собрания русских летописей», що появився 1843 року. Редактором видання був Яков Бєрєдніков.

5. Яков Бєрєдніков разом із Плєтньовим рекомендував Куліша товаришеві міністра народної освіти князю Платону Ширінському-Шихматову як людину, яку Академія наук може послати за кордон для вдосконалення у слов'янських мовах (див. прим. 1 до листа 85). Бєрєдніков брав участь у складанні детальної інструкції для Куліша, якою той мав керуватися під час подорожі (див. прим. 9 до листа 99).

6. Йдеться про видання роману Волтера Скота «Айвенго́. С последними примечаниями и прибавлениями автора», яке становило шостий том зібрання «Романы Вальтера Скотта. Перевод с английского, под ред. А. А. Краевского» (СПб., 1845. – XVI, 458 с.).

7. Парафраза афоризму Бернара Шартського: «Ми як карлики на плечах велетнів, тож можемо бачити більше й далі, ніж вони».

8. Будучи студентом Університету св. Володимира, Чуйкевич у лютому 1841 року надіслав (разом із Дмитром Пильчиковим) два листи до студентів Александрівського (в Гельсингфорсі) та Дерптського університетів. У листах молодики писали про своє бажання «отведать Севера», перевівшись до одного з цих навчальних закладів. Першого листа перехопили урядовці Міністерства народної освіти, які звернули увагу на те, що «письму, подписанному только двумя студентами, дан вид адреса от студентов как будто всего Литературного отделения». Відтак міністр Уваров дав наказ: «за таковую шалость непростительную посадить каждого из них (Чуйкевича і Пильчикова. – *Ред.*) на один месяц в карцер» (*Н. Є. Полонська.* П. О. Чуйкевич. (З кола знайомих Т. Шевченка) // Питання шевченкознавства. – К., 1978. – С. 20). Після карцера Чуйкевич і Пильчиков деякий час перебували під наглядом.

9. Можливо, йдеться про намір Марковича закласти (ймовірно, наспілку) транспортну біржу для пасажирських перевезень.

76. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 21–22.

Першодрук (фрагмента): ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 1. Протокол заседания Общества 1846 года, апреля 27-го дня. – С. I–II. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 17–18.

1. Кулішеву рецензію на історичну повість Миколи Сементовського «Кочубей, генеральный судья» (СПб., 1845. – 376, VIII с.) опубліковано в другій книжці «Москвитянина» 1846 року (с. 224–225; цензурний дозвіл: 3 березня) під криптонімом «К.». Під статтею фіктивне місце її написання – Борзна – не означено. Кулішева містифікація мала стосуватися, ймовірно, Василя Білозерського або Миколи Даниловича Білозерського.

Варто зауважити, що Іван Кірєєвський, який, за домовленістю з Погодіним, був фактичним редактором перших трьох чисел «Москвитянина» 1845 року (і після цього розірвав стосунки з видавцем), опублікував пояснення з приводу публікацій у журналі за підписом «К.». Він зазначив, що дехто з його знайомих, які знали про колишню співпрацю Кірєєвського з «Москвитянином», де він користувався криптонімами «К.» та «И. К.», помилково приписують йому й нові публікації. У зв'язку з цим Кірєєвський заявив, що після розриву з редакцією жодних статей у цьому журналі не вміщував (Москвитянин. – 1846. – Ч. V. – № 9/10. – С. 64 [2-га пагін.]).

2. Йдеться про нове видання «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», що його зініціював і редагував до своєї смерти Бодянський. Перше число вийшло наприкінці лютого 1846 року й містило матеріяли засідання 26 січня. «Чтения» виходили щомісяця (окрім періоду літніх вакацій). Нумерація велася з вересневого, а не січневого номера (за винятком перших чотирьох випусків), орієнтуючись не на календарний, а на навчальний рік. До 1848 року, коли видання закрили (див. прим. 4 до листа 251), появилося 23 книжки. У цей особливо плідний період Бодянський опублікував у «Чтениях» багато джерел з української історії. 1858 року «Чтения» було відновлено як квартальник; виходили до 1918 року. Детальний аналіз україніки на сторінках «Чтений» див.: *О. В. Тодийчук*. Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. – К., 1989. – 157 с.

3. У «Чтениях», у відділі вітчизняних матеріялів, Бодянський опублікував «Историю русов, или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белоруского» (1846. – Год I. – № 1. – Отд. II. – С. 1–24; № 2. – С. 24–80; № 3. – С. 81–144; № 4. – С. 145–262, I–II). Покажчики «Подробный обзор Истории русов» і «Указатель к Истории русов, или Малой России» вміщено в третій книжці «Чтений» другого року видавання (с. 1–45).

4. 27 квітня 1846 р. на черговому засіданні Товариства історії та старожитностей російських Погодін зробив повідомлення про те, що учитель 5-ї петербурзької гімназії Куліш написав йому листа з пропозицією подати до друку в «Чтениях» літопис сучасника війн Хмельницького (йшлося про Літо-

пис Самовидця). Весь фрагмент Кулішевого листа від слів «Я приготовил к печати» було наведено у протоколі засідання й накладено резолюцію: «Определено: [...] с Г. Кулешом войти в сношение, что Общество, с удовольствием принимая его предложение, охотно напечатает, по рассмотрении и одобрении, предлагаемый им Мемуар о войнах Хмельницкого в своих "Чтениях"» (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 1: Заседание 1-го июня 1846 года. – Протокол заседания Общества 1846 года, апреля 27-го дня. – С. I–II; див. також: *О. В. Тодийчук*. Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. – С. 45). Секретар товариства Бодянський (що змінив на цій посаді Погодіна 6 лютого 1845 р.), спираючись на це рішення, наприкінці квітня – у першій половині травня 1846 року звернувся до Куліша з проханням надіслати йому літопис, який було надруковано того ж року.

5. Цей уривок опубліковано в «Москвитянине» під назвою «Один день из жизни запорожца Кирила Тура. (Отрывок из романа *Чёрная рада*)» (1846. – Ч. III. – № 5. – С. 3–32). Дата під публікацією: «1845. С. Петербург».

77. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/14}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 303–305.

1. Художню виставку в Академії мистецтв було відкрито від 15 до 25 квітня, з десятої години ранку до третьої години пополудні (Северная пчела. – 1846. – № 79. – 11 апр. – С. 314).

2. У каталозі виставки цей твір названо «Лес с пасущимися коровами»; експонований у залі Брюллова (Указатель художественных произведений, выставленных в залах Императорской Академии художеств. – СПб., 1846. – С. 19).

3. Назва цього твору в каталозі: «Переход французских войск через Березину в 1812 году». Картину виставлено в залі Брюллова (Там же. – С. 20)

4. Йдеться, очевидно, про твір Алєксандра Каляма «Каскад в швейцарской долине». Його експоновано в залі Брюллова. (Там же. – С. 19).

5. У каталозі фігурують лише акварелі Верне: «Венецианцы средних веков на площади» і «Палаццо Фоскари в Венеции». Обидві виставлено в круглому залі (Там же. – С. 13).

6. В експозиції було представлено кілька робіт братів Чернєцових. Ніканор виставив картини «Улица Табания в Каире», «Вид Иерусалима со стороны Вифлеема», «Остатки Капернаума на берегу Тивериадского озера», «Вид Тифлиса»; Грігорій – «Гроб Господень и часть камня, отваленного Ангелом в храме Воскресения в Иерусалиме», «Фонтан Хабания в Каире», «Река Иордан» (Там же. – С. 16).

7. Цієї роботи Алєксєя Тиранова в каталозі не згадано.

8. У каталозі зазначено такі олійні картони Франца Рісса на біблійну тематику: «Крещение народа», «Крещение Св. Кн. Владимира», «Пророк Захария», «Пророк Аггей», «Иисус Христос с чашею», «Божая Матерь с Христом младенцем» (Там само. – С. 15), а також картину «Св. Сергей Радонежский благословляет Вел. Кн. Димитрия Донского на битву с Мамаем» (Там же. – С. 12).

В Ісакіївському соборі Рісс розмалював півкруглі простори за арками й два східні напівсферичні куполи в бічних навах.

9. Роботи Брюллова для Ісакіївського собору, подані в каталозі, – це олійні картони, що зображували Св. Матвея, Св. Павла, Св. Йоан Богослова, катування Спасителя. Їх експоновано в круглому залі (Там же. – С. 14).

1846 року художнику доручили розписати найважливіші ділянки Ісакіївського собору, будівництво якого, розпочате в 1818 році, завершувалося: купол (на ньому потрібно було зобразити Богоматір з постатями Йоана Хрестителя, Йоана Богослова та святими, однойменними з членами імператорської родини), паруси (чотири євангелісти), барабан під куполом (дванадцять апостолів). Крім того, він мав намалювати картини страстей Господніх. Через стан здоров'я Брюллов не зміг завершити роботи, які, почасти за його рисунками, виконав Пьотр Басін.

10. Друкарня Університету св. Володимира надіслала Кулішеві незброшуровані примірники «Михайла Чарнышенка...». Скільки примірників відправили і скільки заборгували, див. у Кулішевих нотатках, вилучених під час його арешту (*КМТ*, т. 2, с. 26).

11. Міхаїл Мусін-Пушкін.

12. До виконання обов'язків старшого вчителя російської словесности у П'ятій петербурзькій гімназії, як зазначено у формулярі, Куліш став 15 грудня 1846 р. (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Л., 1930. – Т. С. – С. 359), проте реально почав викладати в другій половині листопада.

13. Портретів роботи барона Шарля де Штейбена в каталозі виставки не відзначено.

78. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 31 березня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 22–23.

Друкується вперше.

1. Рядки з поезії Пушкіна «Деревня» (1819). З цензурних міркувань за життя поета було опубліковано лише частину вірша під назвою «Уединенье». Її закінчення й процитував Куліш.

2. Йдеться, очевидно, про четверте видання «Стихотворений В. Жуковского», виправлене й доповнене, у дев'яти томах. Перші п'ять томів появилися 1835 року.

79. До Міхаїла Погодіна

Санкт-Петербург, 13 квітня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 23–24 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 18–19.

1. У січні 1846 року Нікітєнко пообіцяв Кулішеві продати якомусь видавцеві роман «Чёрная рада» (див. лист 66), очевидно, погодившись бути

цензором книжки. Після того як Куліш надав для публікації в «Москвитянине» уривок із «Чёрной рады» (див. лист 76 і прим. 5 до нього), Погодін, прагнучи обійти московську цензуру, спробував отримати дозвіл у Петербурзі. Коректурний примірник публікації він надіслав Кулішеві, який звернувся до Нікітєнка з проханням бути її цензором. Про це Плєтньов писав до Ґрота у листі від 25 травня: «Погодин прислал Кулешу его отрывок из "Чёрной рады", печатающийся в "Москвитянине", с тем, чтобы здесь процензировать его, так как там ужасно измарали цензора самые невинные места. Вот Кулеш и приехал ловить (у Плєтньова. – *Ред.*) Никитенку, который согласился на цензирование не иначе, как бы это была не журнальная статья (такой он не вправе цензировать), а отдельное сочинение» (*Переписка*, т. 2, с. 775). Раніше, у листі від 18 травня, Погодін писав до Плєтньова: «Прошу Вас покорнейше передать прилагаемые корректурные листы г. Кулешу для представления в Петербургскую цензуру. Наша исказила бы их совершенно». І далі зауважив: «У Кулеша отличный талант и смысл. Жаль, что для разнообразия не достаёт или не видать ещё весёлости. Спасибо Вам, что Вы приютили его, а в Киеве, который хотят русить и который не имеет ни профессора русской истории, ни профессора русской словесности, нет ему места!» (Там само. – С. 949).

Про цензурні втручання в журнальні публікації «Чёрной рады» як у «Москвитянине», так і в «Современнике» відомостей немає.

2. Коломна – один із найдавніших топонімів Петербурга. Нині – неофіційна назва значного району в центрально-західній частині міста. Торгова вулиця існувала з 1776 до 1925 року. Сучасна назва – вулиця Спілки Друкарів.

80. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 21 квітня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 19–20.

Першодрук (фрагментів): *Айзеншток 1929*, с. 18. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 210.

1. Із трьох братів Сементовських мова, мабуть, про Костянтина, автора кількох публікацій, присвячених українському фольклорові. Серед них – «Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам» (Молодик на 1844 год. – Х., 1843. – Ч. 3), «Замечания о праздниках у малороссиян» (Маяк современного просвещения и образованности. – 1843. – Т. XI. – Кн. 21; з ґрунтовними доповненнями Костомарова та Срезневського) та ін. Про свій намір передати Сементовському записи весільних обрядів Срезневський писав до Бодянського у листі від 17 вересня 1846 р. (Осип Максимович Бодянский в переписке с учёными. (Письма И. И. Срезневского) / [Сообщ.] А. Титов. – [М., 1892]. – С. 10. – (Оттиски из 11 № «Библиографических записок»)).

2. Йдеться передовсім про збірники Вацлава з Олеська «Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» (Lwów, 1833) й Ігнация Жеґоти Паулі «Pieśni ludu ruskiego w Galicyi» у двох томах (Lwów, 1839, 1840).

3. Йдеться, мабуть, про статтю Срезневського «Об обожании солнца у древних славян», опубліковану в «Журнале Министерства народного просвещения» (1846. – № 7). Як свідчив Срезневський у листі до Бодянсь-

кого від 17 вересня 1846 р., «прежние статьи, выходившие в Петербурге, подвергал я цензуре Прейса» (Осип Максимович Бодянский в переписке с учёными... – С. 9).

81. До Вацлава Ганки

Санкт-Петербург, 28 квітня 1846 р.

Подається за автографом, факсиміле якого відтворено у виданні: Sto padesát let česko-ukrajinských literárních styků. 1814–1964: Vedecko-bibliografický sborník / [Red. O. Zilynskyj]. – Praha, [1968]. – S. 23. Автограф зберігається в Літературному архіві Музею чеського письменства у Празі.

Першодрук: Із переписки наших літературних і політичних діячів: XII. Лист П. Куліша до В. Ганки / [Подав] І. Франко // Житє і слово. – 1895. – Т. 4. – Кн. IV. – Іюль/авг. – С. 89. Копію з автографа Франкові надав доцент Карлового університету Їржі Полівка. Друга публікація з автографа: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Издал В. А. Францев. – Варшава, 1905. – С. 562.

Їдучи в закордонне відрядження до західнослов'янських земель, Куліш планував зустрітися з Ганкою. Його празька адреса була в нотатнику Куліша (*КМТ*, т. 2, с. 40), який отримав рекомендаційні листи до чеського науковця від Рігельмана (див.: *КМТ*, т. 2, с. 41–42) та Погодіна. Зокрема, Погодін писав до Ганки: «Поручаю Вашему доброму расположению г. Кулеша, молодого русского литератора, который едет заниматься славянскими наречиями» (Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Издал В. А. Францев. – Варшава, 1905. – С. 857). Листа написано 10 грудня 1846 р. у Москві, наступного дня після зустрічі з Кулішем.

1. Йдеться, мабуть, про окремий відбиток надрукованого в «Современнике» уривка «Чёрной рады» під назвою «Киевские богомольцы в XVII столетии».

82. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 2 травня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. III. – Арк. 51–52 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 52–53.

1. Чуйкевич познайомився з Костомаровим, коли того перевели в Рівненську гімназію, де він був учителем латинської мови. В автобіографії історик згадував Чуйкевича серед тих учителів, з якими він «сблизился наиболее» (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 465). У листі до Костянтина Сементовського (від 16 грудня 1844 р.) Костомаров писав: «Учит[ель] лат[инского] языка Чуйкевич, родств[енник] Кулеша (насправді – друг дитинства. – *Ред.*), поёт прекрасно малор[оссийские] песни, любит их и выше прочих по взгляду» (*В. Міяковський.* Костомаров у Рівному // Україна. – 1925. – Кн. 3. – С. 52). Після переїзду Костомарова до Києва Чуйкевич листувався з ним. Єдиний відомий лист Чуйкевича цього часу – від 18 квітня 1847 р. Він надійшов на адресу

Костомарова уже після арешту кирило-методіївців, і його долучили до слідчої справи Чуйкевича, заведеної в канцелярії Київського генерал-губернатора (*КМТ*, т. 3, с. 205–206).

2. Ці листи невідомі. 7 березня Куліш надіслав пісні також Срезневському (див. лист 74).

Чуйкевич теж збирав українські народні пісні. Два його зошити з піснями, надані для користування Максимовичеві, сьогодні зберігаються в ІР НБУВ. Один з них – «Малороссийские песни, собранные в Киеве П. Чуйкевичем в 1843 году» – на 1-й сторінці вгорі має напис: «От Кулеша» (Ф. І. – Од. зб. 5130).

3. Матеріяли до історії Хмельниччини Костомаров почав збирати в першій половині 1840-х років (за його спогадом, у травні 1843 року). Наприкінці 1845 – на початку 1846 року історик уже написав частину своєї праці, як це випливає з Максимовичевих «Писем о Богдане Хмельницком»: «С удовольствием вспоминаю тот вечер у г. Костомарова в начале 1846 года на Старом Киеве, когда он прочёл мне только что написанное им введение к истории Богдана Хмельницкого» (*М. Максимович.* Письма о Богдане Хмельницком: Письмо второе // Собрание сочинений М. А. Максимовича. – К., 1876. – Т. 1. – С. 400). Арешт у справі Кирило-Методіївського братства, ув'язнення й відтак заслання вченого до Саратова загальмували роботу над монографією. Свою працю «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» Костомаров завершив лише у другій половині 1850-х років і видав, доповнивши новими джерелами, 1857 року (згодом книжка витримала кілька перевидань).

4. Івась Коновченко – жартівливе прізвисько Василя Білозерського, запозичене з однойменної думи, що належить до однієї з найпоширеніших у народі. Відомо понад 50 її варіянтів, один із яких записав 16 вересня 1845 р. Василь Білозерський (див. прим. 8 до листа 150). Коновченком Куліш назвав Білозерського й у своєму щоденнику – запис від 20 серпня 1846 р. (*Щоденник*, с. 22).

5. Цей абзац слідчі жандарми відкреслили на берегах олівцем.

6. На запитання під час допиту в III відділі, хто переписував «Чорну раду», Куліш відповів, що другий і третій томи переписав у Петербурзі «один бедный человек, Косов», а стосовно першого тому зазначив, що його мали скопіювати Білозерський і Маркович, однак Білозерський цю роботу комусь передоручив (*КМТ*, т. 2, с. 52). Зберігся чорновий варіянт другого тому «Чорної ради», де на титульній сторінці є напис Куліша, звернений до «київських братців» з проханням переписати цей том (див. лист 104). У ранній редакції «Чорна рада» складалася з трьох частин.

Список роману був у Білозерського, про що довідуємося з його листа до Марковича від 30 серпня 1846 р.: «Візьміть од Шевч[енка] "Чорную" мою "раду", пришліть і поклоніться йому в пояс» (*КМТ*, т. 3, с. 97).

7. Можливо, Куліш мав на увазі якісь перепони (наприклад, негативне ставлення Лесиної матері до його залицяння до дочки), які перешкоджали його приїзду в Мотронівку.

8. Із справжньою шанобою (*франц.*).

9. Натяк на «товариство мочемордів», що з ним був зблизився Шевченко на Полтавщині. Організатором і «старійшиною» цього товариства був Віктор Закревський, поміщик с. Березової Рудки Пирятинського повіту (див.: *М. Новицький.* «Мочиморди» перед судом сучасників і досліду // Життя й Революція. – 1930. – № 3. – С. 123–145).

10. Батько Костомарова був росіянином, поміщиком, а мати – українкою з кріпаків. Після смерти батька в 1828 році мати постійно мешкала із сином.

В «Истории воссоединения Руси» Куліш зробив випад проти Костомарова, назвавши його «иноплеменником». Згодом він згадував: «Костомаров обиделся моим выходкам против него, и мне приятно сказать, за что больше всего он обиделся: за то, что я назвал его *иноплеменником*. Ему непременно хотелось быть малоруссом, и теперь мы с гордостью помещаем его в пантеоне наших талантливых соотечественников, рядом с Гоголем и Шевченком» (*П. Кулиш*. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 74).

83. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 23 травня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 5–6.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 30 мая, 1846, в четв[ерг]».

Першодрук: *А. Титов*. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 292–293.

Осип Бодянський, український славіст, археограф, видавець історико-філологічних джерел, більшу частину життя прожив у Москві. Куліш познайомився з ним спершу листовно (цей лист-відповідь Куліша на втрачений лист Бодянського є першим), а відтак особисто (9 грудня 1846 р. в Москві). Наприкінці квітня – у першій половині травня 1846 року. Бодянський як секретар Товариства історії та старожитностей російських і редактор його органу – «Чтений» звернувся до Куліша з проханням подати для публікації Літопис Самовидця. У ході співпраці їхні взаємини стають дружніми. Бодянський друкує «Украинские народные предания» Куліша (конфісковані через арешт упорядника), планує видати його збірку народних пісень, «Чорну раду», «Орисю».

Під час тульського заслання Куліша Бодянський надавав йому дієву допомогу, надсилаючи різні книжки – вітчизняні та іноземні, необхідні Кулішеві чи то для творчости, чи то для вивчення чужих мов. Куліш до кінця свого життя зберіг вдячну пам'ять про цю допомогу.

Про Кулішеві взаємини з Бодянським у 1850–1870-х роках див. у коментарях до наступних томів.

У нашому томі подано 64 листи Куліша до Бодянського й два листи-відповіді. Невідомими залишаються два листи Куліша, написані протягом липня–серпня 1848 року, які Бодянський відзначив у реєстрі своєї кореспонденції (див. преамбулу в коментарі до листа 236).

1. Отримавши Літопис Самовидця, Бодянський подав його на розгляд Товариства історії та старожитностей російських. У протоколі засідання товариства від 1 червня 1846 р. зазначено, що від учителя 5-ї петербурзької гімназії Куліша отримано «Мемуар о войне Хмельницкого», який вирішено опублікувати. У винагороду Кулішеві товариство ухвалило окремо видрукувати певну кількість відбитків (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 2. – Протокол заседания Общества 1846 года, июня 1-го дня. – С. I–II).

Літопис було надруковано того ж 1846 року в першій та другій книжках «Чтений» другого року видавання, з передмовами Куліша та Бодянського. У другій книжці подано також «Разнословия и дополнения» та «Поправ-

ки и опечатки в Летописи Самовидца». Окремо відбито 600 примірників (по 300 для Куліша і для Товариства).

2. Невдовзі (наприкінці травня), отримавши повідомлення, що Відділ російської мови та словесности Академії наук ухвалив відрядити його за кордон, Куліш відмовився від наміру видати літературний альманах. У 1860 році, після того, як йому було заборонено видавати періодичний журнал, він випустив (двома накладами) альманах «Хата».

3. Переспіви 136-го і 149-го псалмів Шевченко створив, найімовірніше, у першій половині грудня 1845 року, мешкаючи в поміщика Степана Самойлова у с. В'юнищі Переяславського повіту Полтавської губернії (у рукописній збірці «Три літа» увесь цикл Давидових псалмів датовано 19 грудня 1845 р.). Публікацію псалмів у «Кобзарі» 1860 року було здійснено за Кулішевим списком 1850-х років. Крім того, існує недатований список псалмів 136 і 149 рукою Куліша, його дружини та невідомої особи (ВР ІРЛІ. – Ф. 3. – Оп. 19. – Од. зб. 70).

4. Йдеться про поему Шевченка «Єретик», що первісно називалася «Іоан Гусс». Авторське датування поеми в рукописній збірці «Три літа» – 10 жовтня 1845 р., с. Мар'янське; присвяти Шафарикові – 22 листопада 1845 р., м. Переяслав.

5. Йдеться про поезії періоду «Трьох літ».

6. Тут, очевидно, помилка. Шевченко як працівник київської Тимчасової комісії для розгляду давніх актів отримував 150 руб. ср. на рік (12 руб. 50 коп. ср. щомісяця). Таку саму платню діставав тут і Куліш. Шевченка зарахували працівником комісії 10 грудня 1845 р.

84. До Опанаса Марковича

Санкт-Петербург, 28 травня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XI. – Арк. 16–17.

Першодрук: *Міяковський*, с. 53.

1. Текст від слів «Предложите Н. И-чу» до кінця абзацу слідчі жандарми підкреслили червоним олівцем.

2. Цей абзац перекреслено навскіс чорним чорнилом. Ймовірно, його перекреслив Маркович після того, як виконав Кулішеве прохання (встановити це достеменно ми не можемо, оскільки користувалися мікрофільмом, а Міяковський, відзначивши перекреслення, не прокоментував, – на підставі аналізу гатунку чорнила, – чи його зробив автор, чи інша особа).

85. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 30 травня 1846 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/15}{504}$.

Першодрук (із пропуском): *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 305–306.

1. Справа про Кулішеве відрядження від Академії наук за кордон для вивчення слов'янських мов, літератур та історії почалася з того, що

Плєтньов надіслав товаришу міністра народної освіти князю Платону Ширінському-Шихматову так звану записку про Куліша. Про це Плєтньов повідомив Ґрота у листі від 22 травня 1846 р.: «Я составил для Шихматова записку о Кулеше, которую и отослал ему с письмом» (*Переписка*, т. 2, с. 772).

Текст записки склав сам Куліш. Її чорновий автограф з незначними правками Плєтньова зберігається у ВР ІРЛІ. На основі цієї записки Ширінський-Шихматов зробив доповідь міністрові. Угорі аркуша рукою, мабуть, Плєтньова зазначено: «Прошу г. Петрова переписать это на листе, в половину его согнув, как записки для министра». Ось текст цього документа:

«Преподаватель русского языка для студентов-инородцев в С. Петербургском университете и старший учитель русской словесности в Пятой С. Петербургской гимназии, П. А. Кулеш, слушал лекции в университете Св. Владимира. После того, по особенной склонности к историческим и словесным наукам, он продолжал заниматься особенно славянскими древностями и филологиею.

В 1843 году он издал исторический роман: "Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад". Обнаруженные им в этом сочинении познания в местной истории, древностях и в славянских языках обратили на него внимание киевского начальства. Он был избран членом-сотрудником ВЫСОЧАЙШЕ учреждённой при Киевском военном, Волынском и Подольском генерал-губернаторе Временной комиссии для издания древних актов и посылан для обозрения казённых архивов Киевской губернии. Принимая деятельное участие в переводе на русский язык и издании *Памятников Киевской Временной Комиссии*, он сверх того, по поручению Киевского гражданского губернатора, объехал всю Киевскую губернию, срисовал замечательнейшие остатки старины, развалины, насыпи и древние вещи, найденные в земли, составил чертежи замечательных по историческим событиям мест и сделал историческое и археологическое описание Киевской губернии с присовокуплением особого трактата о древних курганах, которые разрывал и исследовал в разных местах губернии. Совершая таким образом продолжительные поездки, г. Кулеш тщательно записывал народные песни, предания, вникал в обычаи и в характер обитателей страны. Сборники его песен и преданий, приготовленные им к печати, заслуживают особенное внимание по верности источников и по учёной тщательности, с какою они составлены. Кроме того, он написал отчасти напечатанный уже в периодических изданиях исторический роман: "Чёрная рада", в котором с необыкновенною ясностью представил самую тёмную в истории Украйны эпоху, следовавшую по смерти Богдана Хмельницкого, и под лёгкою наружностью драматических сцен изложил взаимные отношения сословий в Украйне, права поземельной собственности, происхождение и развитие современной аристократии и отношения Запорожья к остальной Украине. Все эти вопросы до сих пор были темны в истории Малороссии, и г. Кулеш решил их после долгого и прилежного изучения летописей, актов, народной поэзии и самого народа украинского в нынейшем его состоянии. Для полного уразумения исторического и гуманического значения своей родины г. Кулеш готовится написать впоследствии её историю. Он естественно должен был обратиться к изучению прочих славянских народов и литератур. Совершенное познание своего природного украинского и польского языков облегчило ему изучение языка чешского, а богатая народная поэзия сербов давно уже сделалась ему доступною. Но, привыкнув изучать народ и его в самом народе,

он не довольствуется печатными источниками; он намерен рано или поздно совершить по прочим славянским землям такое путешествие, какое совершил по своей родине: и II отделение Академии наук, содействуя в том человеку, столь уже опытному и так ясно доказавшему свои способности к предмету, которому он преимущественно посвятил себя, может приобрести в нём полезного себе члена для филологических и археологических трудов своих. Познания его в славянских языках обещают в нём со временем отличного филолога, а его любовь к науке может служить ручательством, что он достойным образом воспользуется пособием.

II отделение Академии наук

(NB. Я не переписывал набело потому, что, может быть, эта записка требует ещё Ваших поправок.)»

(ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 176–177 зв.).

Записка лягла в основу резолюції Відділу російської мови та словесности Академії наук про відрядження Куліша за кордон. Як свідчить протокол засідання від 25 травня 1846 р., на ньому йшлося «о необходимости иметь в числе действительных своих членов учёного, основательно ознакомленного с составом, грамматическими правилами и литературою славянских наречий [...], Академики П. А. Плетнёв и Я. И. Бередников обратили внимание Отделения на преподавателя русского языка для студентов-инородцев в С.-Петербургском университете [...] Кулиша» (цит. за вид.: *А. В. Никитенко*. Дневник: В 3 т. – [Лг.], 1955. – Т. 1. – С. 516).

Кулішеве відрядження, однак, схвалювали не всі академіки. Так, ад'юнкт російської історії в Академії наук Аріст Кунік писав до Погодіна: «Кулиш не рождён быть филологом. Настоящая филология более, чем какая-либо другая наука, требует самоотвержения. Сомневаюсь, чтоб он обладал им. Куторги (Міхаїл Сємьоновіч, історик, та Стєпан Сємьоновіч, зоолог, – рідні брати, обидва професори Санкт-Петербурзького університету. – *Ред.*) сильно восставали против посылки Кулиша; я также высказал разным лицам, что Кулиш не годится в филологи, но прекраснодушный Плетнёв и т. д. не хотели ничего слушать» (*Барсуков*, кн. IX, с. 229).

Мотиви, якими керувалася Академія наук, посилаючи Куліша за кордон, висвітлено в справі, що зберігається в архіві Міністерства народної освіти, «Об отправлении преподавателя С. Петербургского университета старшего учителя 5 гимназии Кулеша для изучения славянских наречий в чужие края»: «По силе Высочайше утверждённых 19 октября 1841 года Правил, в составе трудов [...] Отделения входят исследования славянских наречий в их грамматических формах и составление сравнительного и общего словопроизводного их словаря. Не имея в кругу своём учёного, для которого славянские языки составляли бы специальный предмет занятий, Отделение, в отвращение сего недостатка, предположило отправить на собственный счёт, для путешествия по славянским землям, преподавателя в здешнем университете русского языка для инородцев и старшего учителя 5 гимназии Г. Кулеша, обучавшегося в Университете св. Владимира и известного литературными своими трудами» (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 13. – Спр. 76. – Арк. 2). Про це ж писав Плєтньов у листі до Ґрота від 27 липня 1846 р.: «Кулеш осенью, вероятно, отправлен будет II отделением наук за границу в славянские земли, чтобы после поступить по славянским наречиям адъюнктом в Отделение русского языка и словесности. Бередников и я рекомендовали его князю Шихматову, который искал такого человека

в исполнение одного параграфа положения об отделении, особенно по смерти Прейса, бывшего в виду у Шихматова на это место» (*Переписка*, т. 2, с. 812–813).

Впадає у вічі, що Куліш у коментованому листі до Юзефовича відзначив й інший мотив: «князь Ширинский-Шихматов предполагает поручить мне и кафедру в университете». Те саме твердив він і в щоденнику (запис 18 серпня 1846 р.): «Теперь Академия наук отправляет меня за границу для изучения славянских языков с тем, чтобы, по возвращении, сделать меня не только академиком, но и профессором университета» (*Щоденник*, с. 20). Про це ж він згодом писав у автобіографії («Академія, послухавшись Плєтньова, наважилась послати своїм коштом Куліша за границю, щоб, вернувшись, осяг порожнє місце Прейса в Академиї і порожню катедру славянських літератур в університеті»; *Жизнь*, ч. 25, с. 298) та «Історичньому оповіданні» («Академия наук послала мене доповнити моє славяновіданнє, з тим щоб, вернувшись, бути мені заразом і ад'юнктом Академиї, і професором университету»; *П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 27). Невідомо, чому Куліш вважав, що він мав посісти катедру слов'янських літератур в університеті, яка звільнилася після смерти Пєтра Прейса. Можливо, він говорив про це з Плєтньовим або Ширінським-Шихматовим. Однак сам Плєтньов уже через декілька місяців мав з цього приводу інші міркування (див. прим. 4 до листа 114).

2. Збираючи українські народні пісні, Зоріан Доленґа-Ходаковський здійснив декілька подорожей Галичиною, Волинню, Поділлям, Наддніпрянщиною та Поліссям. Одна з найбільших збірок Ходаковського належала Максимовичеві, який купив її у вдови фольклориста (зберігається в ІР НБУВ). Із неї на початку 1840-х років Куліш поробив собі численні виписки.

3. Послати Василя Білозерського за кордон державним коштом не вдалося. Він вирішив супроводжувати Кулішів під час їхньої мандрівки слов'янськими землями приватно.

86. До Михайла Юзефовича

Санкт-Петербург, 22 червня 1846 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/16}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 306–307.

1. 4 червня 1846 р. Костомарова одноголосно обрали ад'юнктом на катедрі російської історії Університету св. Володимира. Цей день історик назвав «одним из самых светлых и памятных дней моей жизни» (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 476). 20 червня з канцелярії Київської шкільної округи на ім'я міністра народної освіти було надіслано клопотання про затвердження Костомарова ад'юнктом (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 70. – Спр. 75. – Арк. 4–4 зв.). У документі, зокрема, зазначалося, що Рада університету, заслухавши пробну лекцію Костомарова на тему: «Изложение истории русских славян от древнейших времён до образования Гунской державы» і розглянувши друковані праці науковця, впевнилася «как в обширности исторических познаний его, в верности взгляда на факты, глубокости соображений и самостоятельности суждений, так и в отличной способности выражать свои мысли отчётливо, последовательно и ясно» (Там само. – Арк. 4 зв.). Кандидатуру Костомарова міністр Уваров схва-

лив листом від 1 серпня (Там само. – Арк. 7–7 зв.). Канцелярія шкільної округи повідомила про це Раду університету листом від 19 серпня (див.: *Ю. А. Пінчук.* Микола Іванович Костомаров. – К., 1992. – С. 63).

З вересня Костомаров розпочав викладати предмет. В університетському розкладі на другу половину навчального року зазначалося, що Костомаров «излагает русскую историю по понедельникам, четвергам и субботам от 10–11 ч. и по вторникам от 2–3 ч., руководствуясь источниками» (Обозрение преподавания наук в Императорском университете св. Владимира во втором полугодии 1846–47 учебного года. – К., 1847. – С. 4).

2. Закінчивши 1845 року Університет св. Володимира, Василь Білозерський учителював у Києво-Подільському повітовому дворянському училищі. Здобувши влітку 1846 року ступінь кандидата словесних наук, він 1 серпня отримав посаду вчителя історії й географії в Петровському кадетському корпусі в Полтаві (*КМТ*, т. 1, с. 370). Задумавши їхати разом із подружжям Кулішів за кордон, він 22 січня подав у відставку й, отримавши 3 лютого атестат, 6 лютого появився у Мотронівці (див. Кулішів лист до Плєтньова від 7 лютого 1847 р. – № 151).

3. Розгляд Кулішевої справи на загальному засіданні Академії наук відбувся 5 вересня, про що Плєтньов повідомляв Ґрота: «В четверг было собрание академии. [...] Читали о посылке Кулеша» (*Переписка*, т. 2, с. 819). Відтак справу було скеровано в Комітет міністрів, після чого її в першій половині жовтня підписав Ніколай I (див. прим. 1 до листа 112).

87. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 26 червня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 9–10.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 12/VIII, 1846, в понед[ельник]».

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 293–294. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LVIII, с. 401–402.

1. Який «вклад» до Кулішевого альманаху зробив Бодянський – невідомо.

2. На так званий літопис Плиски, що, за Кулішем, служив одним із джерел літопису Грабянки, звернув увагу Бодянського також Кулішів товариш Сердюков. Він, між іншим, вказав на зв'язок літописів Грабянки та Плиски з «Летописцем Малой России», що його опублікував Федір Туманський у своєму історичному журналі «Российский магазин» (СПб., 1793. – Ч. II, III). «По всей видимости, – писав Сердюков до Бодянського 14 травня 1847 р., – оригиналом этого Летописца служила летопись Плиски, по крайней мере – в первой половине, а во второй – может быть, Грабянки (что у Маркевича – Писаревская)» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 83. – Арк. 9). Немає сумніву, що Куліш і Сердюков обговорювали питання про походження літопису Грабянки й, можливо, виробили щодо цього спільну думку.

Свій рукописний збірник (який складався з чотирьох частин) Максим Плиска уклав 1763 року. В основу першої частини було покладено «Літопис Грабянки», що його упорядник означив як «книгу давню» (втім, Плиска продовжив козацький літопис, охопивши події 1709–1713 рр.). Унаслідок поширення збірника у списках в історіографії виникло хибне твердження

про існування окремого «Літопису Плиски». Детальніше про цей збірник див.: *А. Бовгиря*. Рукописний збірник Максима Плиски 1763 року // «Істину встановлює суд історії»: Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка. – К., 2004. – Т. 2. – С. 538–550.

3. Рукопис «О начале проименования казаков, откуду козаки нареченны и от коего племени и рода» зберігається в архіві Бодянського (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 154. – 36 ненум. арк.). Літопис являє собою збірку «сказаний» з історії України XVIII ст. На берегах арк. 1 напис невідомою рукою: «Получена от полковника Петра Ивановича Горленка из библиотеки Маркевича».

Цей літопис фігурує також в «Истории Малой России» Дмитра Бантиша-Каменського в списку джерел (К., 1903. – С. IV). Історикові його надав переяславський протоієрей Федір Домонтович.

4. Найімовірніше, йдеться про публікацію: Сказания, откуду козаки запорожане и чем славни // Запорожская старина. – Х., 1833. – Ч. І. – Кн. ІІ. – С. 15–33.

5. Про кого йдеться – невідомо.

6. Літопис Грабянки декілька разів згадується в Кулішевих листах до Бодянського, який ним зацікавився й хотів видати (див. прим. 6 до листа 99). Проте намір цей не здійснився, і пам'ятку було вперше повністю опубліковано в 1854 році за редакції Івана Самчевського під егідою київської Тимчасової комісії для розгляду давніх актів.

Питання авторства козацького літопису остаточно не розв'язане. Олександр Лазаревський, а за ним Симон Наріжний звернули увагу на те, що ім'я Грабянки як автора вперше назвав саме Куліш – у коментованому листі до Бодянського. Куліш користувався списком літопису, де було зазначено це прізвище (списків існує близько шістдесяти, значна частина з яких анонімні; автографа літопису не виявлено). Можливо, джерелом його послугував список, який належав Юзефовичеві. Після смерти колишнього покровителя Куліша цей рукопис потрапив до бібліотеки Університету св. Володимира (див.: *С. Наріжний*. Дѣйствія презѣльной брани (літопис Григорія Грабянки) // Праці Українського історично-філологічного товариства в Празі. – Прага, 1939. – Т. 2. – С. 179–180). В основу публікації 1854 року, як було зазначено в передмові, покладено список, який належав Михайлові Судієнку (нині невідомий). Див. також: *А. Бовгиря*. «Літопис Грабянки»: Питання першооснови // Українстkий історичний журнал. – 2003. – № 4. – С. 75–88.

В архіві Бодянського зберігся неповний список літопису Грабянки, виконаний Кулішем та Василем Білозерським (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 163. – Арк. [І], 1–29). Очевидно, саме про нього йдеться в Кулішевому листі. Повна назва літопису в спискові дещо відрізняється від першодруку 1854 року: «Дѣйствія презѣльной и отъ начала Поляковъ крававшой небывалой войны Богдана Хмельницкаго, Гетмана Запорожскаго съ Поляки, за найяснѣйшихъ королей польскихъ Владислава, а потомъ и Казимира въ року 1648 отправоватися начатой и за лѣтъ десять по смерти Хмельницкаго неоконченной, съ разныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріуша, на той войнѣ писаннаго, – въ градѣ Гадячу, трудомъ Григорія Грабянки, собранныя и самобытныхъ старожиловъ свидѣтельстви утвержденныя, року 1710, в полѣзное же вѣкамъ грядущимъ употребленіе тщательно переписанныя трудомъ Пантелеймона Кулѣша и Василія Бѣлозерского року 1842, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ» (частину заголовка від слів «в полѣзное же вѣкамъ» закреслено). Титульну сторінку в рукописі та окремі буквиці виписано по-мистецьки (мабуть, це зробив Куліш).

7. Про який літопис ідеться – невідомо.

8. Андрій Козачковський був товаришем Бодянського по Переяславській духовній семінарії. Вісім його листів до Бодянського за 1835–1848 роки зберігаються у ВР ІЛ (частково опубліковані: *Ф. Савченко.* Відомості про Т. Г. Шевченка в неопублікованій кореспонденції Бодянського // Україна. – 1930. – Кн. 3/4. – С. 132–134; також див.: *А. Полотай.* Шевченко і Бодянський // РЛ. – 1985. – № 8. – С. 34–44).

88. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, бл. 26 червня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 163. – Арк. 29.

Лист написано на останній сторінці неповного списку літопису Грабянки, що його 1842 року зробили Куліш та Василь Білозерський (див. прим. 6 до листа 87).

Датується на підставі згадки у Кулішевому листі до Бодянського від 26 червня 1846 р.: «*Летопись Грабянки* (которой начало также посылаю)».

Друкується вперше.

1. Вірш «на гербъ малороссійскій» («Войска Запорожскаго воинъ знаменитый...») міститься у списку літопису Грабянки, що його Куліш надіслав Бодянському (Там само. – Арк. 7).

89. До Миколи Костомарова

Нова Дєрєвня, 27 червня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. III. – Арк. 43–43 зв., 48–48 зв., 44–47 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 53–55.

1. Нова Дєрєвня – передмістя Петербурга, нині в північно-західній частині міста.

2. Цитата з поезії Шевченка «До Основ'яненка». У «Кобзарі» 1840 року перший рядок мав таку редакцію: «Україна сиротою / Понад Дніпром плаче». Після заслання поет у рукописній збірці «Поезія Т. Шевченка. Том первий» подав цей рядок у редакції, наближеній до тієї, яку навів Куліш: «Обідрана, сиротою / Понад Дніпром плаче». Вірш «До Основ'яненка», як відомо, зазнав редакційних правок Куліша. Шевченко їх частково врахував (зокрема, змінив рядок «Наш завзятий Головатий» на «Наша дума, наша пісня»). Проте як виник варіянт «Обідрана, сиротою» замість «Україна сиротою» – невідомо. Можна лише констатувати, що ця зміна (у дещо іншій формі) 1846 року вже була відома Кулішеві.

3. На допиті Куліш цю думку пояснив так: «явятся новые из простолюдинов, которым, новым деятелям литературным, сама природа внушит, что должно любить родной язык и поэзию» (*КМТ*, т. 2, с. 50–51).

4. Цю фразу Костомаров на допиті прокоментував так: «[...] я к нему (Кулішу. – *Ред.*) писал, что истинный христианин не должен пристращаться к каким-нибудь обычаям народным и вообще к массе того, что называется народностью, и что ежели малороссийская народность пропадёт совершен-

но, то это ещё не потеря для человечества, ибо значит так нужно, и он отвечал, что зерно в землю брошено, т. е. народность, язык, нравы, и потому христианство не мешает им развиваться» (*КМТ*, т. 1, с. 280–281).

5. «Лучшими обстоятельствами, – пояснював Куліш на допиті це місце, – я называю повсеместное заведение школ для простолюдинов и распространение всеобщей грамотности в народе. Посредством распространения всеобщей грамотности удобнее всего было бы литераторам сообщить народу в большей или меньшей степени свою образованность» (*КМТ*, т. 2, с. 51).

6. На питання, поставлене в III відділі: «Какие книжки вы писать предполагали и какие думали заводить школы, где и каким образом», Куліш відповів: «Мы намерены были написать краткие учебники на малороссийском языке по части священной и гражданской истории, географии, счетоводства и сельского хозяйства, а школы завести сперва хоть в самом малом количестве, намерены были уговорить помещиков; предполагалось же завести их по деревням под руководством священников» (Там само. – С. 52).

Цей намір Куліш, Костомаров та їхні однодумці змогли зреалізувати лише наприкінці 1850-х – на початку 1860-х років, коли в Росії було відкрито недільні школи для простолюду. Куліш написав початковий підручник «Граматка» (СПб., 1857; 2-ге видання, зі змінами: СПб., 1861), а Костомаров заснував фонд для видавання українських підручників.

7. На допиті Куліш, коментуючи це місце, свідчив, що він, Костомаров, Гулак та Василь Білозерський «условились для издания малороссийских книг делать складчину, так чтобы ежемесячно каждый откладывал, сколько может, денег от своего жалованья, и в случае надобности передавал бы мне для складки в опекунский совет или издания какой-нибудь малороссийский книги» (Там само. – С. 52). Далі Куліш зазначив, що тоді він мав намір видати українські народні перекази. У цьому ж пункті Куліш вказав, що на зібрані кошти він надрукував свою «Карманную книжку для помещиков, или лучший, извлечённый из опыта способ управлять имением» (СПб., 1846). З тексту листа випливає, що на кошти зі складчини планувалося видати літературний альманах (про нього див. лист 83 і прим. 2 до нього).

8. Йдеться про Миколу Гулака.

9. Костомаров надіслав Бодянському свій список Літопису Самовидця разом із листом, датованим 22 серпня, в якому повідомляв: «Г. Кулеш писал ко мне, что Вам нужно для издания в "Чтениях" Московского общества истории малороссийская летопись с 1668 года. Имею честь препроводить её и прошу покорнейше извинить за некоторую медлительность, которая не должна бы быть допущена в таком общем деле. Не бывши в Киеве, я получил письмо Кулеша 27-мью днями позже и потому невольно Вас задержал» (*А. Шаєька.* Чотири листи Миколи Костомарова до Осипа Бодянського // Молода нація. – К., 2002. – № 1. – С. 129). У цьому ж листі Костомаров зазначив, що його список виконано зі списку харківського гімназійного учителя Трєтьякова. Автором пам'ятки, на його думку, був стародубський суддя Романовський. Про список Костомарова див. детально в «Разнословиях и дополнениях», що їх Бодянський додав до публікації в «Чтениях» (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 2. – Отд. II. – С. 108–109). Див. також прим. 3 до листа 99.

10. Алюзія до Нового Завіту (Мат. 3:9; Лук. 3:8).

90. До Михайла Юзефовича

Нова Дєрєвня, 8 липня 1846 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/17}{504}$.
Першодрук (із купюрою): *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 307–310.

1. Як свідчив Куліш у листі до Дубельта (від 24 квітня 1847 р.), окремо відбитка «Повести об украинском народе» появився в кількості 200 примірників, тобто Юзефовичу було надіслано половину накладу (насамперед для поширення в гімназіях та повітових училищах).

2. Куліш познайомився з Чижовим у листопаді 1846 року, про що 11 листопада зробив запис у щоденнику: «Познакомился с Фёдор[ом] Чижовым. Он просил меня участвовать в его журнале (від 1848 року Чижов мав намір видавати журнал "Русский вестник"; див.: *Т. Ф. Пирожкова.* Славянофильская журналистика. – [М.], 1997. – С. 88–100; розділ "История несостоявшегося "Русского вестника" (Ф. В. Чижов)". – *Ред.*). Я обещал, потому что больше нигде не хочу печатать своих сочинений. Чижов носит бороду и говорит об обновлении Европы славянами. В его журнале, кажется, будут проповедываться страшные absurdum. Впрочем, лучше фанатизм, чем индеферентизм» (*Щоденник*, с. 45).

Наприкінці 1846 року Чижов виїхав за кордон, де вже був раніше, мешкаючи там у 1840–1845 рр. За кордоном його арештували за підозрою у причетності до Кирило-Методіївського братства, проте після слідства звільнили. На допиті, зокрема, він так описав свою зустріч із Кулішем: «[...] я пошёл к нему, нашёл его собирающимся идти, и потому всё наше свидание продолжалось не более получаса. Говорили мы о двух предметах: первое: я его просил об участии в журнале, он сказал, что если роман его "Чёрная рада" не напечатается до того, то он отдаст его мне охотно; второе: о предстоявшем ему путешествии по славянским странам. Я ему предложил мои услуги познакомить его со всеми знакомыми мне за границею учёными и литераторами, и мы условились так, что он узнает о моём местопребывании в Вене и напишет ко мне [...]» (*КМТ*, т. 3, с. 246).

Про бороду Чижова як ознаку його слов'янофільства прикметно писав Плєтньов Ґроту (у листі від 3 квітня 1846 р.): «Вообрази: у него пребезобразная борода клином, на подобие раскольничей, и волосы в кружок. Как сочетать с этим мелочным обезьянством ум и высокость души художническ кой» (*Переписка*, т. 2, с. 722).

У 1850-х роках Куліш поновив відносини з Чижовим у зв'язку зі своєю працею над біографією Гоголя, з яким той був знайомий.

3. Плєтньов став прототипом «Пустынника» в автобіографічній поемі Куліша «Евгений Онегин нашего времени» (осінь 1847 року). Можливо, джерелом цього образу послужили «Dziady» Міцкєвіча, де фігурує «Pustelnik» (Ґустав). Проте ймовірніше, що образ «Пустынника» запозичено з однойменної балади Жуковського, що є вільним перекладом балади Олівера Ґолдсміта «The Hermit» («Самітник») із його роману «Vicar of Wakefield» («Вейкфілдський священик»). За спогадом Плєтньова, Пушкін в арзамаському гуртку взяв собі прізвисько «Сверчок», запозичивши його з «Пустынника» Жуковського (*Переписка*, т. 2, с. 275). Про арзамасців і цей псевдонім Пушкіна Куліш 14 жовтня 1846 р. зробив запис у щоденнику (очевидно, зі слів Плєтньова; див.: *Щоденник*, с. 37).

4. Дача Плєтньова – так звана Бєклєшева дача (її власником був П. Бєклєшев) – містилася в районі Спаської Мизи, неподалік від Лісного інституту. Тут Плєтньов щороку мешкав улітку з 1820-х років (утім, нерідко навідуючись до міста у справах). Куліш іноді бував на цій дачі. Зокрема, він гостював там за тиждень перед тим, як написав коментованого листа. Про це Плєтньов сповіщав Ґрота: «Завтра (30 червня, у неділю. – *Ред.*) пригласили мы Кулеша опять к себе, чтобы показать ему Парголово, осиновую рощу и юки» (*Переписка*, т. 2, с. 799).

Лісний інститут – нині Лісотехнічна академія. Довкола цього навчального закладу існує старовинний парк, на території якого ще збереглася дачна забудова XIX ст.

91. До Олександра Ханенка

Нова Дєрєвня, 10 липня 1846 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{37-9/4}{524}$.

Першодрук: *Шевелів*, с. 151.

1. Їдучи у грудні 1846 року з Петербурга до Києва, Куліш побував у Москві, Тулі, Воронежі, Борзні. До Ханенків він не заїжджав.

92. До Осипа Бодянського

Нова Дєрєвня, 16 липня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 7–8.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 12/VIII, в понед[ельник], 1846 г.».

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 294–295. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LVIII, с. 400.

Цього листа Бодянський отримав із запізненням, зумовленим тим, що він у липні перебував на батьківщині, де поховав свого батька Максима Гавриловича, священика м. Варви Лохвицького повіту Полтавської губернії, який помер 15 липня 1846 р.

1. Йдеться про «Повесть об украинском народе».

2. Бодянський рецензії на «Повесть...» не написав, і його оцінка цієї книжки невідома.

93. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 20 липня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 21–22.

Першодрук (із пропусками): *Айзенштok 1929*, с. 18. Уперше опубліковано повністю (з помилковою датою: 20 червня): *Айзенштok 1930*, с. 210–211.

1. Женировать – «стеснять, затруднять, беспокоить, причинять неудобства» (*В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. – СПб.; М., 1880. – Т. 1. – С. 534).

94. До Тараса Шевченка

Петербург, 25 липня 1846 р.

Подається за публікацією Новицького, здійсненою з автографа, нині невідомого: *М. Новицький.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна. – 1927. – Кн. 1/2. – С. 80–83.

Першодрук (із пропусками й без зазначення дати): *Н. Стороженко.* Новые материалы для биографии Шевченка // КС. – 1900. – Сент. – Отд. I. – С. 305–310.

1. Цитата з поезії Пушкіна «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824). У Пушкіна: «Блажен, кто молча был поэт [...] Что слава? шёпот ли чтеца? / Гоненье ль низкого невежды? / Иль восхищение глупца?».

2. Поему «Тарасова ніч» було опубліковано з цензурними купюрами. Цензор Корсаков зажадав вилучень у її тексті вже після того, як книжку було надруковано. Останні сторінки переверстали, проте перші примірники з повним текстом поеми встигли вийти в світ.

3. Йдеться про вірш «Думи мої, думи мої...» (1840), яким починається «Кобзар», та вступ до «Гайдамаків» (рядки 1–268; нумерацію варіянтних рядків подаємо за основним текстом видання: *Т. Шевченко.* Повне зібрання творів: У 12 т. – К., 2001. – Т. 1), який у першодруці датовано 7 квітня 1841 р. (поема закінчувалася і прозовою «Передмовою»).

4. Куліш має на увазі рядки «Поки сонце встане, спочивайте, діти, / А я поміркую, ватажка де взять» (35–36).

5. Йдеться про першу (рядки 1–28) та другу (рядки 29–69) частини «Івана Підкови» (1839). У «Кобзарі» 1860 року обидві частини передруковано з незначними змінами.

6. Цей варіянт увійшов до «Кобзаря» 1860 року.

7. Запропонований Кулішем варіянт «Наша пісня, наша дума» увійшов до «Кобзаря» 1860 року. Змінено лише порядок слів: «Наша дума, наша пісня». Оскільки останнє прижиттєве видання «Кобзаря» вважається авторизованим, цей рядок так і передруковують в академічних зібраннях творів Шевченка. Проте первісний варіянт «Наш завзятий Головатий», який маємо й у «Чигиринському кобзарі і Гайдамаках», певною мірою узгоджувався зі змістом послання, що його Шевченко написав під враженням від прочитаного нарису Квітки «Головатый. (Материалы для истории Малороссии)» (Отечественные записки. – 1839. – № 10. – С. 1–29).

8. Йдеться про «Гайдамаки».

9. Куліш й опісля вважав, що друга половина «Катерини» (окрім закінчення) у Шевченка є слабшою, ніж перша. Так, він радив Олександрові Барвінському (у листі від 18 травня 1869 р.), коли той укладав шкільну хрестоматію, у ній вмістити з цієї поеми «початок до стиха: "Та синові за гіркого медяник купила". Потім кінець: "Ішов кобзарь до Київа"» (*О. Барвінський.* Спомини з мого життя. – Нью-Йорк; К., 2004. – Част. перша та друга. – С. 147).

10. У Шевченка: «Боса стала серед шляху» (рядок 583).

11. Рядки 603–606.
12. Рядки 635–642.
13. У Шевченка: «Де ж ти заховався» (рядок 583).
14. Рядки 695–698.
15. У «Кобзарі» 1860 року цю пропозицію враховано (рядок 779).
16. Рядки 926–930.
17. Рядки 951–955.
18. Рядки 1005–1012.
19. Рядки 1517–1522.
20. Найвірогідніше, йдеться про Кулішеве оповідання «Січові гості. (Споминка старого діда)», яке є перекладом з польської народного переказу, опублікованого в «Rubonie» (1845. – Т. VII). Автограф перекладу знайдено в Куліша під час обшуку й долучено до слідчої справи (див.: *КМТ*, т. 2, с. 17–24). На арк. 1 Куліш зазначив: «По живости колорита и рельефности изложения это самая лучшая история, какую только я читал о гайдамаках.

Перевод с польской рукописи 1843. Черкассы» (Там само. – С. 17).

Оповідання поширювалося в списках, один із яких, судячи з коментованого листа, був відомий Шевченкові. Власноручний список цього твору під назвою «Гайдамаки» Олександр Навроцький дав прочитати Алєксєю Пєтрову, який долучив його до свого доносу на кирило-методіївців.

Уперше опубліковано під псевдонімом Панько Казюка без зазначення, що це переробка: Основа. – 1862. – Січ. (Янв.). – С. 1–12 [3-тя пагін.].

21. Дещо неточна цитата з поеми Пушкіна «Братья-разбойники» (1821–1822). У Пушкіна: «подымается».

22. Найвірогідніше, йдеться про Костомарова.

23. Як доводить Василь Бородін, позацензурні твори Шевченка Куліш згодом таки видав у Ляйпцигу (правда, мовою оригіналу, а не в перекладі німецькою, й без коментарів). Див.: *В. С. Бородін.* "Новые стихотворения Пушкина и Шевченко": біографія книжки // Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг: Вольфганг Гергард, 1859. Русская библиотека. Том VIII. – Факсимільне вид. / Супровід. ст. В. С. Бородіна. – [К., 1990]. – С. 1–27 [2-га пагін.].

95. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 5 березня ... липень 1846 року

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 169, 170 зв. Автограф олівцем.

Датується орієнтовно: верхню хронологічну межу встановлено на підставі анонсу в «Современнике» про вихід першої та другої частин «Истории Новой-Сечи» Скальковського (Т. XLIII. – № 8. – С. 250); нижня – дата цензурного дозволу на випуск другого тому (5 березня 1846 р.).

Друкується вперше.

1. Йдеться про кн.: История Новой-Сечи, или последнего Коша Запорожского, составлена из подлинных документов Запорожского Сечевого Архива А. Скальковским. – 2-е изд., испр. и значит. умноженное. – О., 1846. – Ч. II. – 368 с.

Перше видання цієї праці (О., 1841. – 437 с.) Куліш широко використав під час написання роману «Михайло Чарнышенко». У примітках до роману

багато покликів на це дослідження, особливо на вміщені в ньому оповіді запорожця Коржа (див. прим. 20 до листа 9). У другому виданні Скальковський подякував Кулішеві за зауваження (очевидно, ті, що були подані в примітках до роману), які він намагався врахувати (*А. Скальковский.* История Новой-Сечи. – Ч. I. – С. 14).

96. До Алєксандри Ішимової

Санкт-Петербург, 14 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 9. – Од. зб. 8. Друкується вперше.

Лист супроводжує Кулішева передмова, написана на окремому аркуші паперу іншого ґатунку, чорнилами та почерком, які мають деякі відмінності:

«Автор замечательного в своём роде сочинения: *Карманная книжка для помещиков* (см. рецензию её в XLIV стр. 113) написал к [*було*: Издательнице Звёздочки] А. О. Ишимовой письмо, в котором излагает причины, побудившие его к изданию этой книжки. Письмо это, при всей важности своего содержания, исполнено такого любезного простодушия, что мы просим автора позволить нам поделиться с нашими читателями удовольствием, какое оно нам доставило. Г. Гладкий отговаривался сперва тем, что он написал это письмо "спроста", вовсе не думая о типографии; наконец согласился на нашу просьбу, но с тем, чтоб мы отнюдь не делали перемен в его письме согласно с духом нынешней литературы, даже чтоб оставили без поправок и его несколько устарелый слог, которого он держится не потому, чтобы не отдавал предпочтения слогу Карамзина и Пушкина, а "единственно на том основании, на каком старые люди любят носить некоторые части туалета, давно из употребления вышедшие". Мы на всё это охотно согласились – и вот вам его письмо».

Передмову скріплено (зшито) з листом. Очевидно, її було складено дещо пізніше (можливо, у жовтні 1846 року) для публікації листа в «Современнике» (див. лист 113 і прим. 1 до нього).

Алєксандра Ішимова, відома свого часу дитяча письменниця й редакторка-видавець популярного журналу для дітей «Звёздочка», належала до дружнього кола Плєтньова, який доручив їй виховання своєї дочки. Як Плєтньов зізнавався 1841 року в листі до Ґрота, в Росії лише три людини його «во что-нибудь ценят», і серед них – Ішимова. У 1840-х роках вони мало не щодня зустрічалися, обговорювали різні літературні справи, поділяючи спільні думки.

13 листопада, на другий день після знайомства з Кулішем, Плєтньов повіз його до Ішимової – «ознакомить его с ними заблаговременно» (*Переписка*, т. 2, с. 623). Відтак між ними також встановилися дружні взаємини: Куліш часто навідував Ішимову, зокрема, беручи в неї уроки англійської мови. В автобіографічній поемі «Евгений Онегин нашего времени» він так характеризує Ішимову: «душа святая», «нравом милая, простая» (розділ V, вірш XXVII).

Ішимова, можна думати, заохотила Куліша брати участь у щорічній благочинній лотереї на користь сиротинців, для розіграшу в якій він декілька років поспіль надавав якісь речі, зокрема надсилаючи їх із Тули.

Кулішева співпраця з Ішимовою увінчалася тим, що письменник написав для «Звёздочки» свій програмний для 1840-х років твір «Повесть об ук-

раинском народе». Крім того, письменниця допомогла Кулішеві видати «Карманную книжку для помещиков».

Листування Куліша з Ішимовою невідоме, хоча воно було регулярним – до і особливо під час тульського заслання. Зосібна, один лист до неї Куліш написав 16 грудня 1846 р. з Борзни (*КМТ*, т. 2, с. 36; у ньому, зокрема, йшлося про Кулішів проїзд через Тулу: див. лист 133); ще один (адресований водночас і до Ольги Плєтньової) – 29 січня 1847 р. звідти ж. Про своє «утешительное письмо», написане Ішимовій 17 жовтня 1846 р., він згадав у щоденнику (*Щоденник*, с. 39).

Мову листа до Ішимової стилізовано під писемну мову XVIII ст. (яку на провінції вживано ще в першій половині XIX ст.). У листі заявлено намір опублікувати за сприяння Ішимової брошуру «Карманная книжка для помещиков, или лучший, извлечённый из опыта способ управлять имением. Издал помещик Черниговской губернии, штаб-лекарь Гладкий» (СПб., 1846. – 32 с.). Очевидно, Ішимова допомогла Кулішеві отримати цензурний дозвіл на це видання, який датовано 13 вересня 1846 р. (цензор Стєпан Куторга).

Книжку Куліш підписав псевдонімом «Гладкий» (дівоче прізвище матері). Наділивши свого alter ego псевдобіографією, він створив своєрідну містифікацію, прагнучи зробити видання дієвішим. На допиті в III відділі він так пояснював власні мотиви: «Имя же своё я скрыл под вымышленным именем штаб-лекаря Гладкого для того, чтобы придать более правдоподобия описываемому в ней пребыванию мнимого Гладкого в Пензенской губ. (насправді в Пермській губ. – *Ред.*). В противном случае многие, зная, что я постоянно нахожусь в учёной службе, открыли бы мистификацию, и тогда цель – выставить, как образец для всех, достоинства русского помещика в лице гр. Строганова и благородство характера русского простолюдина, его приказчика, не была бы достигнута» (*КМТ*, т. 2, с. 55). Зміст книжки являє собою оповідь Гладкого про ідилію, що панує в маєтку Строганова внаслідок мудрого господарювання.

Про це видання Плєтньов згадував у листі до Ґрота (від 30 жовтня): «А Гладкого книжечки хорошо расходятся» (*Переписка*, т. 2, с. 847). У жовтневому номері «Современника» було подано коротку анотацію «Карманной книжки...», яку ймовірно, написав сам Куліш (1846. – Т. XLIV. – № 10. – С. 113).

Як установив Олександр Дорошкевич, «в основу книжечки А. Гладкого покладено анонімну статтю "Граф Александр Сергеевич Строганов" ("Современник", 1843, т. XXXI, с. 121–142). Приточено тільки новий вступ, а опис відвідування управителя Сивкова і редакція Строгановських правил перенесені майже дослівно звідти» (ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 184. – Арк. 49–50). Див. також Дорошкевичеву статтю «Невідоме видання П. Куліша» (Бібліологічні вісті. – 1926. – № 2. – С. 75–82).

97. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 24–25.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 20 августа 1846; о[тветил] 21 авг[уста] 1846».

Друкується вперше.

1. У другій половині серпня Куліш занедужав, про що 19 жовтня занотував у щоденнику: «Я уже несколько дней болен, но сегодня только почувствовал опасность своей болезни. Я могу умереть от антонова огня (гангрени. – *Ред.*), до которого, кажется, недалеко» (*Щоденник*, с. 21). Куліша лікував Хрістіан Нордстрем, близький знайомий родини Плєтньових, який у своїй практиці використовував новий метод оздоровлення гідропатією. У щоденнику Куліш так характеризує Нордстрема: «Доктор мой – превосходный человек» (19 серпня); «Бескорыстие моего доктора меня восхищает. [...] Иногда ему стоит лечение какого-нибудь знакомого много хлопот и времени, но он не принимает вознаграждения. Я едва мог склонить его ездить ко мне на мой счёт» (22 серпня; Там само. – С. 21, 24). На початку вересня Куліш повністю одужав (див. лист 108).

2. Йдеться про витяги з листа від 5 серпня, нині невідомого (див. лист 98). Того самого дня, 20 серпня, Куліш отримав від Ґрабовського ще одного листа, зазначивши про це у своєму щоденнику: «[...] письмо Грабовского освежило мою душу. В нём выражается человек духовный с делами и желаниями, достойными души человеческой. Между прочим, обратила на себя моё внимание в письме Грабовского простота его души и скромность, с какою он смотрит на себя, между тем как придаёт иногда цену даже моим мнениям. Таков всегда истинно умный человек» (*Щоденник*, с. 24).

98. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 26–27.

Помітка про отримання й відповідь: «П[олучил] 20 авг[уста] 1846. О[тветил] 21 авг[уста] 1846».

Друкується вперше.

1. Найвірогідніше, йдеться про новий роман Ґрабовського «Tajkury: Powieść narodowa» (Wilno, 1845. – T. I. – 212 s.; T. II. – 256 s.; 1846. – T. III. – 201 s.; T. IV. – 199 s.), виданий під псевдонімом Едвард Тарша.

Плєтньов міг бути обізнаний з прозою Ґрабовського за російськими перекладами: повість «Pan starosta Kaniowski» (опубл. 1856 року) була йому напевно відома (див. лист 38); фрагмент повісти «Koliszczyzna i stepy» (опубл. 1838 року) появився в «Москвитянине» під назвою «Колишчизна и степи. Рассказ Эдуарда Таршы (Михаила Грабовского)» (1842. – Ч. 2. – № 4. – С. 357–394; переклад Сєргєя Побєдоносцева).

2. «Оттенок мистицизма» Ґрабовський, очевидно, побачив у вірші Фьодора Ґлінки «Корабль Божий» (Современник. – 1846. – Т. XLII. – № 5. – С. 235–236).

3. Йдеться про статтю Фьодора Чижова «Овербек», опубліковану 1846 року в «Современнике» (Т. XLIII. – № 7. – С. 17–68).

Фридрих Йоган Овербек (1789–1806) – німецький релігійний художник.

4. Йдеться про Міхаїла Муравйова, відомого у XVIII ст. письменника. Для 1840-х років його писання, перейняті духом раннього русоїзму з морально-дидактичним спрямуванням, уже були архаїчні. Проте в плєтньовському колі вони були популярні, що зумовлювалося пасеїзмом Плєтньова. Так, у своєму листі до Ґрота (від 22 серпня 1845 р.) він писав: «У меня есть

странное пристрастие к М. Н. Муравьёву. Кажется, между прозаиками у нас он один обладал тайною древних – наполнять думою всю внутренность читателя, произнося одну фразу. [...] Но в каждом эпитете его я узнаю человека, проникнутого предметом, о котором он говорит. Карамзин совсем не производит на меня подобного действия. В прозе это я чувствую ещё у Пушкина, Жуковского и часто Батюшкова. Больше, кажется, ни у кого» (*Переписка*, т. 2, с. 527). У листах до Ґрота цього періоду Плєтньов натхненно пропагував твори Муравйова, зокрема «Обитатель предместья» и «Эмилиевы письма» – їх він не міг не рекомендувати й Кулішеві.

99. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 21 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 11–16.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 25/VIII 1846, воскр[есенье]».

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 295–296. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LVIII, с. 402–405.

1. Насправді Костомаров їздив до Одеси, де пробув до середини серпня.

2. Лист невідомий.

3. У кількох листах до Юзефовича та Костомарова Куліш наполегливо просив вислати закінчення Літопису Самовидця (див. листи 89, 90, 106, 110, 111). Бодянський розпочав публікацію цього літопису, не маючи повного тексту (див. його лист до Срезневського від 3 жовтня 1846 р. у преамбулі в коментарі до листа 102). Відтак він подав у двох книжках «Чтений», які містили матеріяли засідань 1 червня та 28 вересня. Юзефович надіслав Бодянському свій список літопису лише 17 вересня 1846 р., про що сповіщав у супровідному листі, датованому цим числом (помітка про отримання: 30 вересня): «С большим удовольствием препровождаю к Вам при сем рукопись Самовидца. – Я бы это сделал гораздо раньше, по вызову П. А. Кулеша, ежели бы не был обманут списком г. Костомарова, о сообщении Вам которого я знал и который считал полным» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 108. – Арк. 18).

Список Костомарова Бодянський отримав дещо раніше (див. лист 110 і прим. 9 до листа 89). Цей список мав істотні різночитання порівняно з Юзефовичевим, який був повнішим. Крім того, Кулішева копія, виконана зі списку Юзефовича, мала пропуски, які перейшли в публікацію. Виправлення й доповнення склали спеціяльно додані до публікації «Разнословия и дополнения». Тут було подано купюри, що їх зробив Куліш, а також розбіжності між списками Юзефовича та Костомарова (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 2. – Отд. II. – С. 107–138).

4. Про яку копію йдеться – невідомо.

5. Ця примітка стосується закінчення 1701 року. Бодянський врахував її у публікації з позначкою «Примеч. П. К.»: «Вот до какого именно места летопись была ведена одним лицом; с этого ж места как слог, так и образ повествования совершенно изменяется» (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 2. – Отд. II. – С. 114).

6. Куліш намагався допомогти Бодянському в пошуку списків літопису Грабянки. Зокрема, він сподівався домовитися в Києві з власником

повного списку про публікацію у «Чтениях», однак це йому не вдалося. «Грабянки не дають; сами друковатимуть», – інформував він московського кореспондента в листі від 9 січня 1847 р. (№ 140).

Маркевич надіслав Бодянському свій список збірника Максима Плиски разом із листом від 9 квітня 1848 р. (*Е. М. Косачевская.* Письма Н. А. Маркевича к О. М. Бодянскому. Из истории русско-украинских научных и культурных контактов // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: Сб. стат. к IX Междунар. съезду славистов. – Лг., 1983. – С. 223). Бодянський повернув його власникові після того, як «Чтения» наприкінці 1848 року було тимчасово закрито, так і не надрукувавши.

7. Жіночий Свято-Флорівський Вознесенський монастир перенесено з Печерська у зв'язку зі спорудженням там фортеці. У 1712 році його об'єднали з Флорівським (Фролівським) монастирем на Подолі.

8. Знайомство Куліша з Дмитром Бантишем-Каменським не відбулося. З приводу свого зібрання рукописів Бантиш-Каменський у 1848–1849 рр. листувався з Бодянським: три його листи до вченого-славіста за цей період зберігаються у ВР ІЛ. Із цього зібрання Бодянський опублікував у «Чтениях» твір невідомого автора XVIII ст. «Замечания до Малой России принадлежащие» (М., 1848. – Год IV. – № 1. – Отд. II. – С. [1–2], 1–55), твір Станіслава Зарульського «Описание о Малой России и Украине. С приложениями» (М., 1848. – Год III. – № 8. – Отд. IV. – С. 1–28), добірку історичних джерел «Источники Малороссийской истории» у двох частинах (1858. – Кн. 1. – Отд. II. – С. I–IV, 1–339; 1859. – Кн. 1. – С. 1–340), «Переписку между Россиею и Польшею с 1487 по 1645 год» (1860. – Кн. IV. – С. 1–181; 1861. – Кн. I. – С. 1–125; 1862. – Кн. IV. – С. 1–144).

9. Йдеться про інструкцію, що її склала спеціяльно створена для цього комісія Відділу російської мови та словесности, до складу якої увійшли Бєрєдніков та Плєтньов. Цією інструкцією Куліш мав керуватися під час свого закордонного відрядження. Її копію було надіслано до Міністерства народної освіти, в архіві якого вона зберігається у справі «Об отправлении преподавателя С. Петербургского университета старшего учителя 5 гимназии Кулеша для изучения славянских наречий в чужие края» (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 13. – Спр. 76. – Арк. 2–7 зв.). Ось її текст:

«[...] цель путешествия Г. Кулеша в видах пользы Отделения должна состоять в изучении языков и наречий болгаро-сербского и ляхо-чешского корня и в определении относительного их сродства с церковно-славянским и русским.

Для сего Г. Кулеш обязан: а, изучить те из означенных языков и наречий, которые доселе были ему неизвестны и которые наиболее сближаются с церковнославянским и русским; б, исследовать состав славянских языков в их совокупности; в, по тесному союзу Дееписания с языками и литературами, приобресть сведения в политической и литературной истории западных и южных славян; г, посещая публичные и частные библиотеки, обозреть древние и новые памятники славянской письменности, не упуская из виду, при изучении по крайней мере славнейших из них, обращать внимание на ход и успехи того языка или наречия, к которым они относятся; д, ознакомиться с почерками славянских манускриптов, писанных в разное время и на разных наречиях, для сличения их с подобными образцами русского древнеписания, так чтобы из сего впоследствии можно было извлечь правила для составления сравнительно-славянской и, в особенности, русской палеографии и проч.

Славянские земли, которых посещение наиболее соответствуют цели сего путешествия, суть: Царство Польское с Герцогством Познанским, Лузация, Чехия (Богемия) с Моравиею, часть Венгрии, населённая славянами, Галиция, некоторые округи Болгарии, Сербия, Славония, Крайна, Иллирия и побережье Адриатического моря до Рагузы. Относительно направления пути и предметов занятий в каждой из сих стран Комиссия предполагает вменить в обязанность Г. Кулешу следующее:

1, Из России он имеет отправиться в Царство Польское и Герцогство Познанское и заняться изучением древнего периода польской литературы и особенно цветущего её состояния в XVI веке обозрением варшавских и познанских библиотек, из которых Графа Рачинского наиболее обильна древними рукописями, и исследованием кашубского наречия, хотя и нет для того надобности ездить в Прибалтийскую Пруссию, где уцелел остаток кашубов между городами Лебою и Лауенбургом. 2, Отселе через Берлин заехать в Лейпциг и, посетив селения лужичан в Саксонской и Прусской Лузации, обратиться в Богемию. В Берлине необходимо познакомиться с профессорами тамошнего университета и употребить некоторое время на посещение университетских лекций по части общего сравнительного языкознания, при чём стараться усвоить себе методу филологической критики, возведённой германскими учёными на высокую степень совершенства, с тем чтобы впоследствии употребить её, как орудие науки, при исследовании славянских наречий. В Лузации изучить местные наречия лужичан, на которых существуют письменные памятники, восходящие к XVI веку ("Славянское народописание" Шафарика, перев[едённое] Бодянским, стр. 98–101. – *Прим. авт.*), а для познания лужицкой литературы познакомиться в Лейпциге с славянскими учёными и с первым знатоком её Иорданом, известным по изданию славянского журнала ("Jutnička" ("Денница", 1841 г.). – *Прим. авт.*) и составлению грамматики верхне-лужицкого наречия ("Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache in der Oberlausitz", von J. P. Jordan. Prag, 1841. – *Прим. авт.*). 3, Прага, центр просвещения и литературной деятельности западных славян, представит обширное поприще для трудов нашего путешественника. Здесь он сблизится с славянскими корифеями Шафариком, Юнгманом, Ганкою и Палацким и под руководством их: а, изучит памятники древнечешского права, начиная от "Суда Любуши" до юридических письмен XIV столетия, известных под названием: Knihý starégo pana z Bozenberka, Bádu práva remskeho и Vyklad práva od Ondzeje z Dubé, и проследит обширную литературу чехов XV и XVI веков, ознаменованную развитием просвещения и преобразованием языка и словесности; б, исследовав общий состав чешской речи, постарается отыскать заметную связь её с русинским и малорусским наречиями, происшедшими из древнего южнорусского, на котором писаны наши летописи, Устав Владимира, Русская Правда, Слово о Полку Игореве и проч.; и в, усовершенствуется в новейшей чешской литературе, а в поездках по чехо-моравским округам вникнет в идиомизмы старочешской речи, уцелевшие в народных диалектах, сливающихся в восточной Моравии с наречием угорских словаков. 4, Объехав Чехию, Моравию и северную часть Венгрии (при чём последнюю, населённую словаками, можно осмотреть в то же время или на обратном пути из южных славянских земель), Г. Кулеш обратится в Вену. Здесь в Императорской библиотеке хранятся рукописи, относящиеся к древнейшей эпохе славянской литургики; тут же можно осведомиться от Вука Караджича и других учёных о спосо-

бах путешествия по южнославянским землям и о местах, наиболее благоприятствующих изучению южного славянства. 5, Самая примечательная из этих земель есть Болгария, некогда могущественное Царство, славившееся просвещением и соединённое с древнею Русью узами правоверия и народного слова. Весьма желательно, чтобы Г. Кулеш посетил по крайней мере те округи её, которые лежат между Дунаем и Балканами, не уклоняясь от Сербии к востоку далее Софии и Тернова. Близ этих городов находится много монастырей, и в числе их Лавра св. Иоанна Рыльского, а в Софии кафедра болгарской митрополии ("Денница новоболгарского образования", В. Априлова, стр. 134–135 и 139. Одесса, 1841, и "Болгарские грамоты", собранные и изданные им же, стр. 88–90. Одесса, 1845. – *Прим. авт.*); по уверению некоторых, при ней и в монастырях находятся библиотеки, тщательно скрываемые от иностранцев. Впрочем, по обнаружившемуся стремлению болгар к просвещению и заведению в Болгарии народных школ, можно предполагать, что путешествие Г. Кулеша возбудит участие в болгарских учёных, из которых первое место принадлежит О. Неофиту, сочинителю новоболгарской грамматики и словаря. При пособии их Г. Кулеш постарается между прочим прояснить следующий вопрос, относящийся к славянской литургике и составляющий предмет новейших исследований славянистов: известие, что церковно-славянский язык, происшедший из древнего наречия задунайских славян и образовавшийся переводами с греческого церковных книг, процветал от IX до XII столетия, т. е. от введения христианства в Болгарии до освобождения её из-под ига греко-византийцев в 1186 году, впоследствии же этот язык подвергся порче и, по завоевании Болгарии турками, превратился в нынешнее болгарское наречие. В то же время первоначальный перевод церковных книг, употреблявшийся при богослужении иллирийских и паннонских славян, моравов и руссов, от влияния местных языков, утратил основные формы, свойственные южнославянской речи, так что, при всём богатстве славянских рукописей литургического содержания, ныне трудно отыскать манускрипты чисто болгарского происхождения и почти невозможно определить, какие из них, относясь к первобытному периоду болгарской письменности, заключают в себе текст церковных книг в том виде, в каком он вышел из рук первых переводчиков или, по крайней мере, существовал до XII столетия. Если такие рукописи где-либо ещё скрываются, то, без сомнения, на востоке и в Болгарии (Доказательством сему служат следующие слова Г. Априлова: "Печатные книги, добываемые из Москвы, введены в болгарских церквях, а рукописи отставлены и мало-помалу истребляются от времени и небрежения. Жители Панагюрища (села в 20 верстах от Копривщицы), узнав о моих разысканиях, прислали мне десять рукописных церковных книг, в числе коих была одна Общая Минея XIII столетия; она писана на пергаменте, на большом листе" и проч. ("Денница новоболгарского образования", стр. 89. – *Прим. авт.*). Г. Кулеш обратит на это особенное внимание и, в случае открытия подобных рукописей, составит грамматические правила языка хотя одной из них и постарается определить признаки, по которым можно отличать их от познейших. 6, Окончив путешествие по Болгарии, Г. Кулеш объедет Сербию, Славонию, Крайну, Иллирию и Далмацию и по прибрежью Адриатического моря проникнет до Рагузы (Дубровника). Он займётся сербским языком и наречиями хорутанским и хорватским, составляющими общую речь славяно-иллирийского племени. На сербском наречии, сверх церковной словесности, известны

законы Царя Душана (1349–1354) и Юридические акты, восходящие к XI столетию ("Srbske spomenice", изд. Твартковичем. Белград, 1840. – *Прим. авт.*). Хорватское отличается памятниками народной поэзии и новейшими произведениями Гаевой школы, стремящейся обобщить сербославянские диалекты в одной книжной речи, а хорутанское, сверх драгоценных Фрейзингенских отрывков ("Памятники славянской словесности" Кеппена, С. П. Б., 1827, и "Glagolita Clozianus". Вена, 1836. – *Прим. авт.*), примечательно письменами XVI века, по поводу вторгавшейся в Иллирию реформации, и новейшими филологическими трудами Метелки, Даинка, Ярника и Мурка. В Рагузе нужно обратить внимание на Уставы древнего Дубровника и судебные акты разных хорватских общин с XIII по XVII столетие, начинающиеся "Винодольским законом" 1280 года. Глаголитика, её история и литература равномерно войдут в круг занятий Г. Кулеша, тем более что в богослужебных глаголитских книгах встречаются тексты Священного Писания на древнеславянском или Кирилловском наречии. 7, Из Иллирийского приморья можно следовать в Австрийскую Галицию чрез Загреб, Градец, Вену, Пресбург и Кремник или из Пресбурга, уклонясь к Песту, проникнуть чрез Карпаты в Галич и Львов; оба пути дадут Г. Кулешу возможность познакомиться с словами и их наречиями, сходными с чехо-моравским и русинским. В Галиции язык русинов, до XIV века подобный южнорусскому, а с XV подвергшийся влиянию польского и слившийся с западно-русским, заслуживает глубокого исследования; для сего Г. Кулеш обязан изучить литературу русинов и освоиться с народным их наречием, по отношению его к нынешнему малорусскому, также осмотреть библиотеки Оссолинского и Тарновского, в которых скрывается множество исторических материалов. В сем случае окажет ему пособие львовский учёный Зубрицкий, обративший на себя недавно Высочайшее внимание ревностными трудами в пользу Археографической комиссии (1842 року Денис Зубрицький отримав диплом члена-кореспондента Археографічної комісії. – *Ред.*). 8, Вообще Г. Кулеш имеет следить за успехами славянских литератур и вести реестр вновь выходящих славянских книг, с тем чтобы Отделение русского языка и словесности, при будущих трудах, могло иметь в виду все пособия по части славянского языкознания.

В начертанных выше правилах означен порядок путешествия Г. Кулеша по славянским землям и исчислены главные предметы его занятий, что же касается до разъездов внутри каждой из сих земель и подробностей путешествия, зависящих от местных соображений, то Комиссия полагает предоставить это собственному усмотрению Г. Кулеша. Впрочем, он не должен предаваться историко-критическим, антикварным, этнографическим и другим частным разысканиям, которые, по силе сей Инструкции, не входят в круг существенных его обязательств.

Означенное путешествие, принимая в соображение географическое пространство славянских земель и объём предписанных занятий, по мнению Комиссии, может быть совершено в течении двух с половиною лет. Время пребывания в известных странах определяется важностию их в лингвистическом отношении и количеством литературных памятников, подлежащих изучению путешественника. На содержание и путевые издержки необходимо ассигновать Г. Кулешу, из суммы Отделения, ежегодно по тысяче сто сорок три рубля шестидесяти восьми копеек серебром.

О действиях своих, во время путешествия, Г. Кулеш обязан доносить Отделение русского языка и словесности чрез каждые четыре месяца, а по

окончании представить подробный отчёт, для удостоверения, достигнута ли им цель и оправдано ли желание его утвердить в своих недрах науку славянского языкознания.

За председательствующего *Підпис*».

В ІР НБУВ зберігається рукописна копія інструкції, засвідченої Яковим Бєрєдніковим (Ф. ІІ. – Од. зб. 2134).

10. У Варшаві, під час проїзду за кордон у березні 1847 року, Куліш регулярно зустрічався з Андрієм Стороженком, тоді головним директором урядової Комісії внутрішніх і духовних справ у Польському Королівстві: «Куліш унадився до його ходити, бо він манив його якимись великої ваги документами, що ніби в його на Вкраїні заховані» (*Жизнь*, ч. 25, с. 298).

Бодянський був знайомий зі Стороженком із літа 1842 року, коли, повертаючись з п'ятилітньої мандрівки слов'янськими землями, провів місяць у Варшаві. У Стороженка зберігався реєстр Війська Запорозького, складений після Зборівського договору 1649 року, про який і Бодянський, і Куліш знали. У нотатнику Куліш перед виїздом за кордон зазначив: «В Варшаве убедить Стороженка послать Бодянскому список реестр[а] козаков Богдана Хмельницкого» (*КМТ*, т. 2, с. 35). Це великої наукової вартости джерело Бодянський зміг отримати для публікації лише після смерти Стороженка й надрукував 1874 року в «Чтениях» (у 2-й та 3-й книжці) та 1875 року окремою відбиткою, оповівши у передмові про своє знайомство із сенатором. Сучасне науково-критичне видання цієї пам'ятки появилося 1995 року в Києві.

Про взаємини Стороженка з Бодянським див.: [*Н. В. Стороженко*]. Очерк литературной деятельности А. Я. Стороженко // КС. – 1886. – Окт. – С. 310–316. – Подп.: Н. В. С-ко. Тут, зокрема, опубліковано Стороженків лист до Бодянського (1844) та лист-відповідь.

11. Йдеться про літопис «Historia belli Cosacco-Polonici» («Історія козацько-польської війни») Самійла Ґрондського, що є цінним джерелом із політичної історії України 1648–1672 рр. Літопис опублікував К. Коппі 1789 року в Пешті. Перекласти його Куліш доручив своєму товаришеві, учителю латинської мови Чуйкевичу. У листі до Бодянського Куліш писав, що переклад «готовый для печати», однак, як згодом з'ясувалося, він був не закінчений (про це див. у Кулішевому листі до Бодянського від 9 січня 1847 р. – № 140). Уже після того, як відбулися арешти кирило-методіївців, Чуйкевич написав Костомарову листа (датованого 18 квітня 1847 р.), де просив надіслати йому книжку Ґрондського, оскільки за допомогою «одного большого знатока латыни» хотів виправити свій переклад (*КМТ*, т. 3, с. 206).

12. Йдеться про книжку Йоахіма Пасторія «Bellum scythico-cosacicum, seu De conjuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russiae contra Regnum Poloniae ab invictissimo Poloniae et Sueciae rege Ioanno Casimiro» («Війна скитсько-козацька, або Про змову татар, козаків і черні руської проти Королівства Польського за непереможного короля Польщі й Швеції Яна Казімєжа»), що вийшла друком 1652 року в Ґданську.

Про переклад цієї праці на допиті в ІІІ відділі свідчив Костомаров. Він твердив, що запросив до себе додому Марковича, Посяду та Андрузького «по тому поводу, что г-н Юзефович препоручил мне передать студентам переводы писателей с латинского языка, которые писали о Малороссии, и я поручил им перевести сочинение Пастория "De Bello Scithico-Cosaccico", но, увидевши в них неохоту и неспособность, отказал им от дома» (*КМТ*, т. 1, с. 276).

13. Йдеться, очевидно, про працю польського історика XVII ст. Вавжинця Рудавського «Historiarum Poloniae ab excessu Vladislav IV ad pacem Olivensem», що є першорядним джерелом до історії Хмельниччини. Вперше її опубліковано 1755 року в Ляйпцигу. Перевидання Влодзімєжа Спасовіча у перекладі польською мовою у двох томах: «Historia Polska od śmierci Władysława IV aż do pokoju Oliwskiego, czyli dzieje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660 r.» (Petersburg; Mohylew, 1855).

14. Головна історична праця Веспазіана Гієроніма Коховського – «Annalium Poloniae...» («Анали Польщі...») – містила багато матеріялів до історії України 1648–1668 рр. Вийшло три томи (автор назвав їх клімактерами, тому що в кожному томі описано семиліття) у 1683, 1688 і 1698 рр. Четвертий том появився старанням Бобровіча 1853 року в Ляйпцигу в перекладі польською мовою (джерелом публікації була копія, яка зберігалася в королівській бібліотеці у Дрездені).

15. Про кого йдеться – невідомо.

16. Як повідомив Бодянський Шафарика в листі від 19 лютого 1849 р., новий відділ у «Чтениях» він відкрив з початком 1848-го навчального року, проте після першої книжки «Чтения» перестали виходити. Цей відділ називався «Материалы славянские» (Korespondence Pavla Josefa Šafaříka / Vydal V. A. Francev. – Praha, 1927. – Část I. – S. 134). Куліш був зацікавлений у появі цього відділу, бо хотів надрукувати в ньому народні перекази й «Чорну раду» (останній намір залишився нездійсненим).

17. Див. прим. 4 до листа 25.

18. Неопубліковані твори Григорія Квітки (серед них була драма «Щира любов», що її 1848 року видав Метлинський в «Южном русском зборнике») Куліш мав намір отримати від Срезневського. Див. лист 60 і прим. 4 до нього.

19. Тобто в Алєксандра Нікітєнка (див. лист 111).

20. Запитання Бодянського про український герб та портрет Хмельницького, очевидно, стосувалися літопису Грабянки, отриманого від Куліша (список Куліша та Білозерського; див. прим. 6 до листа 87).

У літопису герб описано так: «Сей на печати малороссійской войсковый гербъ, то есть воинъ въ колпаку перекривленномъ, на плечахъ мушкетъ, а при боку шаблю и козацкий рогъ съ порохомъ и кули имѣючій [...]» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 163. – Арк. 6 зв.). Угорі аркуша залишено вільне поле для малюнка. Зображення козака з мушкетом від середини XVII ст. до скасування Гетьманщини офіційно вважалося українським національним гербом. Цей геральдичний знак, відомий з кінця XVI ст., використовувався на всіх гетьманських печатках.

У цьому списку подано також опис портрета Хмельницького: «Персона Богдана Хмельницкаго, отрисованная слово въ слово съ куншту, штихованнаго magистромъ, упривиліованнымъ отъ короля польскаго нѣмчиномъ gданскимъ, котораго имя и прозваніе на тяблицѣ съ нѣмецкаго языка, на рускій переведеннаго, так ея в себе маетъ: “Кгвильгельмъ Гондеряga, священнѣйшаго королевскаго величества копер-штихеръ, гравировалъ за привиліемъ священнѣйшаго королевскаго величества, в Кгданску, року ,ѦХН”» (Там само. – Арк. 6). Йдеться про відомий портрет Богдана Хмельницького, що його гравірував Вільгельм Гондіус (1651).

21. Йдеться про книжку Бодянського «О народной поэзии славянских племён» (М., 1837).

22. Свою статтю «О малороссийских песнях» Гоголь вмістив у другій частині «Арабесок» (СПб., 1835). Вперше її опубліковано 1834 року в квітневому числі «Журнала Министерства народного просвещения».

23. Збірку «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни», що її впорядкував Платон Лукашевич, видано 1836 року в Петербурзі. Книжка складається з двох частин: у першій подано думи й пісні, записані в Полтавській губернії (чотири думи опубліковано вперше, а дві – у нових варіянтах), у другій – пісні, запозичені головним чином зі збірника Вацлава з Олеська.

24. Того ж дня, 21 серпня, Куліш занотував у щоденнику: «Киевский профессор Максимович представлял мне всегда Бодянского человеком с самым своекорыстным характером; но вошедши теперь в литературные связи с Бодянским, я вижу в нём благородного учёного» (*Щоденник*, с. 24).

100. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 22 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 28–28 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 23 авг[уста] 1846».

Друкується вперше.

1. Цитата з Нового Завіту: «Отож, уважайте, щоб поводитися обережно, не як немудрі, але як мудрі, використовуючи час, дні бо лукаві!» (Ет. 5:15–16).
2. Див. лист 96 і преамбулу в коментарі до нього.
3. Йдеться про третій номер за 1839 рік.

101. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 30.

Помітка про отримання: «П[олучил] 24 авг[уста] 1846».

Друкується вперше.

1. Плєтньов народився 10 (21) серпня 1792 року.

102. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 23–23 зв., 25–25 зв., 24–24 зв.

Першодрук (фрагментів): *Айзеншток 1929*, с. 19–20. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 211–213.

Цей лист, а властиво постскриптум до нього, викликав чи не перше істотне непорозуміння між Кулішем та Срезневським. У ньому Срезневський угледів недовіру до себе. У відповідь він написав ображені листи до Куліша і Бодянського, у яких намагався спростувати зроблений йому закид.

Так, він апелював до Бодянського у листі від 17 вересня (помітка про отримання: 30 листопада): «Кулеш мне подробно писал о вашем намерении издавать все малоросс[ийские] летописи одна за другою: чудесное дело, и я не только не прочь, но душою рад, если могу чем-нибудь быть вам полезным. Кстати скажу, что Кулеш меня обидел, ни из того, ни из сего он стал меня упрекать в недоверии к вам, советывать мне быть к вам доверчивее и т. д. Я радовался, что он принимает такое живое участие в успехе вашего предприятия, но я не мог не огорчиться упрёком, совершенно напрасным и неуместным. В первый раз обрисовался он предо мною с такой дивной и незавидной стороны. Оправдайте меня перед ним сами: был ли с моей стороны когда-нибудь какой-нибудь намёк, чтоб я мог отказать вам или кому-нибудь, кого бы я уважал подобно вам» (Осип Максимович Бодянский в переписке с учёными. (Письма И. И. Срезневского) / [Сообщ.] А. Титов. – [М., 1892]. – С. 10. – (Оттиски из 11 № «Библиографических записок»)).

Промовистим є лист-відповідь Бодянського від 3 жовтня 1846 р. Оскільки він значною мірою характеризує тогочасні відносини Куліша, Бодянського та Срезневського, а також тому, що, за наявними відомостями, цей лист іще не було опубліковано, процитуємо його ширше: «Вы просите оправдать Вас перед г. Кулешом в упрёках, какими осыпал он Вас за недоверчивость Вашу ко мне. Право, не знаю, как это сделать. Я писал к Вам, помнится, ещё в феврале, тотчас по выходе 1го №-ра "Чтений", прося принять участие в затеваемом мною издании всех малороссийских летописей, которые, знаю, имеете [и] Вы; но от Вас в продолжении 4х, 5ти месяцев не получил никакого отклику на то. Только в последнем письме Вы сказали своё *да*, а я в заботе о материалах и в проверке их, раз, как-то в дурном расположении духа, пожаловался, между прочим, г. Кулешу на холодность не только Вас, но и вообще всех земляков, которые, кроме одного Кулеша, ни один не откликнулся на мой искренний призыв к общему делу, помещённый в 1ом № "Чтений" в предисловии к "Истории руссов" Конисского. Судите после сего сами и меня, и себя, и всех малороссиян. Повторяю, один только Кулеш, сам, без всякого постороннего влияния, подал мне, следуя влиянию своего сердца, братскую руку; другие – никто. Уже на усильные настояния того, другого из знакомых, едва мог добиться кой от кого кой-что. Даже "Летопись Самовидца" является в 1м № не вполне, благодаря участию наших земляков к делу общему, хотя я так закликал выслать мне списки её не одного из наших общих знакомых. Большая половина её доставлена мне всё тем же Кулешом, но ни он, ни я не могли во время добиться конца ей. Теперь имею его, но время уже ушло, и я поневоле должен был отложить хвостик её до 2ой книжки. Чудная гармония в размещении» (РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1168. – Арк. 32 зв. – 33). Відповідь Срезневського на цей лист (датовану 19 жовтня 1846 р.; у ній науковець намагався згладити гострі кути) див.: Осип Максимович Бодянский в переписке с учёными... – С. 8.

Отримавши листа від Срезневського, Бодянський поділився своїм враженням з Кулішем і дістав таку характеристичну відповідь (датовану 8 жовтня): «Пише й до мене Срезн[евський] те ж саме, аж нудно читать».

Треба звернути увагу на той факт, що лист Куліша у тій формі, в якій його було написано, спонукав Срезневського відразу вислати Бодянському літопис «О начале проименования козаков, откуду козаки наречены и от коего племени и рода», який було надруковано в листопадовій (четвертій) книжці «Чтений» 1846 року, а невдовзі запропонувати йому ще декілька документів.

Цікаво відзначити, що Куліш написав свого листа саме того дня, коли від Срезневського отримав листа Плєтньов. У ньому харківський вчений запропонував себе на вакантне місце викладача слов'янських літератур у Санкт-Петербурзькому університеті, що утворилося після смерті Прейса (див. прим. 4 до листа 114). Такий крок Срезневського викликав різко негативну оцінку Куліша, який сам претендував на вільну катедру, що зумовило остаточний розрив їхніх відносин.

1. У справі надіслання пісень Срезневський написав Ладі-Заблоцькому й отримав відповідь. Про це харківський учений повідомив Бодянського (у листі від 19 жовтня 1846 р.): «Если Кулеш гостит у вас, то передайте ему, что Лада не нуждается во всех песнях, а хочет выбрать из малорос[сийских] песен только то, что более оригинально и более поэтично. Я постараюсь ему отобрать и пошлю» (Осип Максимович Бодянский в переписке с учёными... – С. 10).
2. Див. прим. 16 до листа 99.

103. До невстановленої особи

Санкт-Петербург, 28 серпня 1846 р.

Подається за копією: ВР ІРЛІ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Од. зб. 1365. Автограф невідомий.

Адресат невідомий. З тексту листа видно, що він родом із Воронежа (батьківщини Куліша) й цікавиться українською історією козацької доби.

Копію виконано чітким почерком, але з численними лексичними та правописними похибками. Деякі очевидні помилки виправлено без застереження, окремі слова, відновлені здогадно або не розшифровані й залишені без змін, позначено астериском. Правопис осучаснюємо; лист було написано «максимовичівкою».

Друкується вперше.

1. Початок першого псалму.

104. До київських «братців»

Санкт-Петербург, 28 травня ... серпень 1846 року

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ад $\frac{225-32/2}{504}$. – Арк. 1.

Першодрук: *Н. Населевець, І. Ситий.* Каталог рукописів П. О. Куліша та листів до нього у зібранні Чернігівського обласного історичного музею ім. В. В. Тарновського // Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк, 2000. – С. 310.

Супровідна записка на титульній сторінці автографа другої частини роману «Чорна рада». На арк. 1 зв. напис Куліша: «Не обращайте внимания на поправки карандашом. Это поправлял дурень, воображающий себя великим эстетиком». До слова «дурень» примітка: «Дурнем Куліш обозвал И. И. Срезневского!! Его пометки карандашом находятся в этой тетради. Д. Мордовцев». Див. також прим. 6 до листа 82.

До слова «братці» пізніша примітка: «А *братці* сі були: Шевченко, Костомаров і інші. Д. М[ордовець]».

105. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, травень ... серпень 1846 року

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 171.

Датується за змістом: у записці згадано про перебування Плєтньова на дачі, де він зазвичай проживав улітку (у 1846 році Плєтньов переїхав на дачу вже у травні). Рік встановлено на підставі згадки Куліша про намір побувати в Алєксандри Ішимової (його стосунки з нею після заслання припинилися).

Друкується вперше.

1. Про яких «овец Жуковского» йдеться у записці, встановити наразі не вдалося.

106. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 31 серпня – 1 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 17–19 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 10/IX 1846, вторн[ик]».

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LVIII, с. 405–408.

1. Цензором народних переказів був Алєксандр Нікітєнко (див. лист 111).

2. Кулішів запис цього переказу вперше опублікував Ґрабовський у власному скороченому перекладі польською мовою під назвою «Powieść o duszach zmarłych» (*M. Grabowski.* O gminnych ukraińskich podaniach // Rubon. – Wilno, 1845. – T. VI. – S. 193–202). Висловлюючи своє ставлення до переказу, польський критик назвав його «ukraińska *Divina Commedia*». Російський переклад «Powieści...» було вміщено в «Москвитянине» (1846. – Ч. VI. – № 11/12. – С. 155–158). Див. також прим. 2 до листа 17.

Першодрук переказу мовою оригіналу здійснив Куліш у «Записках о Южной Руси» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 303–311) під назвою «Странствование по тому свету», зазначивши в примітці, що опублікований текст скомпоновано з кількох різних оповідей.

3. Мабуть, ідеться про уривок із неопублікованої праці Афанасія Шафонського «Записки о Малой России». В архіві Бодянського зберігається рукопис (можливо, той, про який ідеться в листі) «Записки о Малороссии, сочинённые действительным статским советником Афонасьем Шафонским, бывшим Генеральным Судьею в Чернигове, 1804 года» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 182. – [1], 93 арк.). Це перша частина праці Шафонського (географічний та історичний опис), яка відповідає першій частині його «Черниговского наместничества топографического описания» (К., 1851).

Восени 1846 року син Шафонського звернувся до Бодянського з пропозицією видати «Записки...» (ЧОИДР. – Год II. – 1847. – № 5. – Протокол заседания Общества 1846 года, ноября 30-го дня. – С. I). У замітці «Историче-

ские сведения об Александре Ивановиче Ригельмане» Бодянський писав, що він користувався рукописом «Записок...», який належав Харківському університетові (ЧОИДР. – Год III. – 1848. – № 6. – Отд. II. – С. 1–6). Опис цього рукопису, що нині також зберігається у ВР ІЛ, див.: *М. Горбань.* «Записки о Малой России» О. Шафонського // Науковий збірник за рік 1926 / ВУАН. Іст. секція. – К., 1926. – С. 132–145. – (Записки Українського наукового товариства в Києві. – Т. XXI).

4. Йдеться, очевидно, про твір Семена Дівовича «Разговор Великороссии с Малороссиею». Вперше його опублікував Микола Петров у «Киевской старине» (1882. – Февр. – С. 325–365; Июль. – С. 138–146).

5. У Кулішевому списку Літопису Самовидця було пропущено листування й договірні статті Хмельницького з російським царем. Їх Бодянський опублікував у «Разнословиях и дополнениях», супровівши приміткою: «Имев теперь в руках прекрасный список летописи Самовидца, принадлежащий г. Юзефовичу, я считаю нужным присоединить тут и самую переписку с договорами гетмана Богдана Хмельницкого с царём Алексеем Михайловичем, пропущенные в списке г. Кулеша, а равно и нами на стр. 21» (ЧОИДР. – М., 1846. – Год. II. – № 2: Заседание 28-го сентября, 1846 года. – Отд. II. – С. 116).

6. Це речення графічно виділено: воно написано прямими стилізованими літерами.

107. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 4 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. III. – Арк. 53–54 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 56–57.

1. Цитата зі Старого Завіту, з Приповідок Соломона: «Люта кара на того, хто путь оставляє, а хто осторогу ненавидить, той умирає!» (Пр. 15:10).

2. Фраза з Літопису Самовидця (Літопис Самовидця / Вид. підгот. Я. І. Дзира. – К., 1971. – С. 91).

3. Це речення слідчі позначили на берегах рискою, а слова «усі у одно стояти» підкреслили в тексті.

Куліш процитував фрагмент думи «Смерть Хмельницького», опублікованої в «Запорожской старине» Срезневського. Ось ця цитата в ширшому контексті: «Тілько прошу я вас, Панове молодці, спочинку по Україні не рушати, розумом себе управляти та усім у одно стояти» (Запорожская старина. – Х., 1834. – Ч. II. – Кн. I. – С. 42).

108. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 5 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 32.

Друкується вперше.

1. 5 вересня відбулися загальні збори Академії наук, на яких розглядалася Кулішева справа про поїздку за кордон і, очевидно, з цим був пов'язаний візит Куліша до Бєрєднікова напередодні.

2. Можливо, йдеться про проєкт записки у справі Кулішевого відрядження, який ліг в основу офіційного листа Академії наук до князя Ширінського-Шихматова, датованого 20 вересня 1846 р. (див. прим. 1 до листа 112).

109. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 7 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 34–34 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 8 сент[ября] 1846».

Друкується вперше.

1. «Другие побуждения» – це, мабуть, бажання побачитися з Олександрою Білозерською. Наприкінці серпня Куліш у щоденнику саме розмірковував над своїми почуттями до неї.

110. До Миколи Костомарова

Санкт-Петербург, 11 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. III, арк. 41–42 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 58–59.

Цей лист привернув особливу увагу слідчих жандармів. Майже весь текст, від слів «Меня не смутит эта бойкая» до кінця, з невеликою перервою в середині, на берегах відкреслено олівцем.

1. Йдеться про «Повесть об украинском народе».

2. Див. прим. 7 до листа 29.

3. На допиті в III відділі на запитання: «Кого вы разумеете [...] губителем, мучителем, фараоном, которого потопила поэзия украинская?» Куліш відповів: «Не поэзия украинская, а народ украинский потопил, так сказать, Польшу, которую я называю губителем, мучителем, фараоном» (*КМТ*, т. 2, с. 48).

4. Це місце Куліш на допиті прокоментував так: «Не хочу скрывать, что иногда я думал, что, может быть, в украинском народе опять повторятся ужасные сцены 1768 г., когда на правой стороне Днепра простолюдины хотели истребить своих господ. Теперь я думаю напротив, и в этом письме под именем труб Малороссии разумею её литературу, которая доведёт помещиков до того, что они добровольно представят крестьянам свободу. Стены и твердыни в переносном смысле значат у меня права, по которым крестьяне принадлежат помещикам» (Там само. – *С.* 48).

Слідчі зажадали й від Костомарова пояснення цього вислову, зробивши висновок, що учений вважав за можливе діяти зі зброєю. Той відповів: «Я писал Кулишу об оружии, вовсе не разумея здесь какого-нибудь мятежнического действия, а говорил о слабости Малороссии, которая, быв воен-

ною, не могла ни удержать своей казацкой самостоятельности, ни даже выбиться без чужой помощи из-под ига польского, и писал: "То разве теперь, когда уже Малороссия прежняя казацкая совсем исчезла, разве теперь, как от труб Иисуса Навина, восстанут стены её?" (не помню слов, а в таком смысле), а он отвечал, что действительно от её труб падут и пр.» (Там само. – Т. 1. – С. 281).

5. На допиті в III відділі слова «будет время царей-поэтов» Куліш прокоментував так: «Влияние поэтов на народ, по моему мнению, царственно велико: под именем царей-поэтов я разумею поэтов высшего полёта, подобно тому, как орла называют царь-птица». Фразу «будет время и воздвижению храма» він пояснив: «Здесь я разумею храм наук и литературы, равно общий всем народам, как, например, греческая литература». На запитання: «Кого вы разумеете под именованием пророков, искупителей многих?» відповів: «Разумею писателей, которые своими сочинениями доведут помещиков до добровольного освобождения крестьян» (Там само. – Т. 2. – С. 50).

111. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 16 вересня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 20–21 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 20 сент[ября], 1846, в пятн[ицу]».

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 297–298. Уперше опубліковано повністю (з цензурним вилученням): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 27–28.

1. Усі видання Товариства історії та старожитностей російських було підпорядковано загальній цензурі після того, як восени 1848 року вийшла чергова книжка «Чтений», у якій було вміщено записки Флетчера про Росію. Цю публікацію з книжки було вилучено, а «Чтения» закрито.

2. Можливо, йдеться про одне з тих оповідань, які Куліш згодом помістив у «Записках о Южной Руси»: «Воспоминания о религиозных смутах в Украйне» і «Об унии и "благочестии"» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 261–266, 137–138). Очевидно, оповіді на релігійну тему Куліш планував подати у другій книжці «Украинских народных преданиях», яка, як відомо, друком не вийшла.

3. Цей переказ за рукописом, який надав Куліш, уперше опублікував Ґрабовський у власному перекладі польською мовою під назвою «Druga legenda o Mazepie» (*M. Grabowski.* O gminnych ukraińskich podaniach // Rubon. – Wilno, 1845. – T. VI. – S. 169–170). Російський переклад цієї публікації вміщено в «Москвитянине» (1846. – Ч. VI. – № 11/12. – С. 144–146). Див. також прим. 1 до листа 17.

Мовою оригіналу переказ опубліковано (в запису Чуйкевича) в «Украинских народных преданиях» під назвою «Степан Плаха» (ЧОИДР. – М., 1893. – Кн. 1. – С. 8–10). Заголовок супроводжено Кулішевою приміткою: «Это тот же самый Семен Палий, переименованный народом, видно, по ошибке». Повторно переказ уміщено в «Записках о Южной Руси» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 117–121).

4. Переказ «Очаковская беда» опубліковано з усіма зауваженнями, що їх подав Куліш у листі до Бодянського, крім одного: прізвища Потьомкіна

у тексті не названо, а скрізь ужито «Світлійший» (Украинские народные предания. Собрал П. Кулеш. Книжка первая. М., 1847 // ЧОИДР. – М., 1893. – Кн. 1. – С. 52–54). У повторній публікації в «Записках о Южной Руси» прізвище було поновлено (Т. 1. – С. 289–292). Оповідання Куліш записав у Мотронинському монастирі. Деякі сучасні дослідники (Василь Івашків) розцінюють його як містифікацію.

У вищезгаданій статті Ґрабовський писав про цей переказ: «Żałujemy szczere, że niemożemy tu przytoczyć jednej powiastki ze zbioru Pana Kulesza o *bytności kozakow pod Oczakowem*. Jest to humorystyczny obrazek, w rodzaju Irwinga Waszingtona; ale utraciłby całą wartość w tłómaczeniu, bo zawiera się takowa w barwie oryginalnego języka» (*M. Grabowski.* O gminnych ukraińskich podaniach. – S. 174).

5. Бодянський рекомендував Сіму Мілутіновіча також і Плєтньову в листі від 10 вересня 1846 р., де повідомив про мету перебування сербського діяча у Росії. Можна думати, що про те саме Бодянський писав і Кулішеві, тому зацитуємо цей лист ширше: «Позвольте мне, Ваше Превосходительство, представить Вам, хоть заочно и письменно, подателя сего письма, славного сербского поэта, Симу Милутиновича, известного Вам, конечно, хоть по отзыву о нём в одном из своих парижских курсов Мицкевича. Он послан своим правительством к нам, между прочим, и для сближения сербов с русскими и их литературой, именно: митрополит белградский поручил ему просить наше правительство, а в случае неудачи, частных людей, кому отверзется, вступить с ними в умственный размен, т. е. посылать им всякого рода книги русские, особенно же относящиеся до церкви на церковно-славянском языке, но посылать *не туне*, а за деньги, которые тотчас будут высылаться нам, по мере распродажи и выручки, через посредство нашего генерального консула. [...] К церковному же транспорту легко можно присоединить и транспорт нашей светской письменности, им, после божественного, более всего желаемой и необходимой. Этим откроется новый канал для сбыта нам своих произведений, так туго сбываемых ныне дома [...]. Здесь, в Москве, он проживал в моей скромной хижине. Серб – человек неприхотливый и останется доволен и сердечно благодарен за одно даже укрытие его от невзгоды и стихий» (*Переписка*, т. 2, с. 955).

Мілутіновіч міг зацікавити Куліша не тільки як поет, а й як історик та збирач і видавець народних пісень. У своїх нотатках під час виїзду за кордон Куліш записав адресу Мілутіновіча: «Семен Лукьянович Милутинович, в Белграде» (*КМТ*, т. 2, с. 34).

Одна із зустрічей Куліша й Мілутіновіча відбулася, мабуть, на літературній вечірці у Плєтньова 29 вересня 1846 р. Тоді Куліш прочитав уголос власний переклад оповідання Головінського «Życie mojej matki», а між численними гостями був один серб – ймовірно, Мілутіновіч (*Переписка*, т. 2, с. 834).

112. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 8 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 24–25 зв., 30. «Примечание к преданиям» на окремому аркуші.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 16/X 1846, в середу».

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 28–30.

1. Після того, як загальні збори Академії наук, що відбулися 5 вересня, схвалили кандидатуру Куліша на поїздку за кордон, з канцелярії Академії до товариша міністра народної освіти Ширінського-Шихматова надійшло клопотання, датоване 20 вересня 1846 р. У ньому йшлося: «конференция Императорской Академии наук покорнейше просит Вас об исходатайствовании ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения на отправление учителя Кулеша [...] в славянские земли (Пруссию, Саксонию и Австрию) на два с половиною года» (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 13. – Спр. 76. – Арк. 1 зв.). Відповідно до цього клопотання 27 вересня було зроблено подання до Комітету міністрів за підписом Ширінського-Шихматова (Там само. – Арк. 8–9 зв.). У Комітеті міністрів Кулішеву справу розглядали на двох засіданнях – 1 і 15 жовтня. На першому вирішили «испросить на сие, согласно с предписанием, ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение» (Там само. – Арк. 10 зв.). Отримавши дозвіл Ніколая I, Комітет міністрів на другому засіданні ухвалив «сообщить о том товарищу министра народного просвещения». Дозвіл Ніколая I супроводжувала його власноручна резолюція: «Предварить об том (про Кулішеву поїздку. – *Ред.*) наши миссии во избежание кривых толков» (Там само). Департамент міністра народної освіти виконав постанову Комітету міністрів, надіславши Академії наук відповідного листа від 22 жовтня. На відпуску листа, який зберігся в архіві міністерства, наведено й царську резолюцію, проте її граф Уваров, міністр народної освіти і президент Академії наук, перекреслив, зауваживши на берегах: «Едва ли это нужно знать Академии» (Там само. – Арк. 12).

2. Ці листи залишилися невідісланими й зберігаються в архіві Бодянського (див. листи 116, 118).

3. Куліш отримав книжку «Чтений», у якій було опубліковано «Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междуособиях, бывших в Малой России по его смерти» (М., 1846. – Год II. – № 1. – Отд. II. – С. 1–72). Публікацію супроводили «Предисловие» Куліша й археографічна передмова Бодянського.

4. Див. преамбулу в коментарі до листа 102.

5. Йдеться про загибель молодого перспективного вченого Ярослава Ліновського 1 жовтня 1846 р. Про обставини трагедії Плєтньов писав у листі до Ґрота від 9 жовтня: «Я получил от Коссовича письмо, в котором он рассказывает об ужасной кончине проф. Московского университета Линовского. Линовский воротился ночью домой. Стучится – а к нему явился его лакей пьяный. Линовский с досады ударил его чубуком. Тот бросился в кухню, схватил нож – и тут же, ещё у калитки зарезал (как выражается Коссович) не господина своего, а благодетеля» (*Переписка*, т. 2, с. 837). Від Плєтньова про смерть Ліновського довідався й Куліш, записавши у своєму щоденнику (6 жовтня): «Вчера П[ётр] А[лександрович] рассказал ужаснейшую новость. <Московский профессор Линовский, возвращаясь ночью домой, начал бить своего слугу, и тот его тут же зарезал ножом. Гнусная смерть>» (*Щоденник*, с. 34).

У наступному листі до Ґрота, від 16 жовтня, Плєтньов подав додаткові відомості про небіжчика: він поляк, вихованець Університету св. Володимира, у Московському університеті виконував обов'язки професора, мав учений ступінь магістра ботаніки. У Санкт-Петербурзькому університеті витримав іспит на доктора (*Переписка*, т. 2, с. 840). Про його захист магістерської дисертації з сільського господарства і лісництва в Санкт-Петербурзькому університеті (відбувся 7 лютого 1846 р., напередодні публічного акту до дня заснування університету) див. у «Современнике» (1846. – Т. XLI. – № 3. – С. 411–412).

6. До тексту Літопису Самовидця Бодянський подав «Поправки и опечатки». Фразу «молодою лета» він виправив на «молодого лета» (а не «молодолета»). Стосовно слова «лживость» він прийняв Кулішеву пропозицію, виправивши його на «хтивость» (у такому контексті: «але еднак несчастливая заздрость албо хтивость уряду тое правила») (ЧОИДР. – М., 1846. – Год II. – № 2. – С. I [окрема паґін.]).

113. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 11 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 36–37.

Помітка про отримання: «П[олучил] 11 окт[ября] 1846».

Друкується вперше.

1. Лист Гладкого (псевдонім Куліша) до Ішимової автор запропонував надрукувати в одинадцятому або дванадцятому числі «Современника» разом із редакційною (Кулішевою) передмовою. Проте ця публікація не відбулася. Лист зберігся у плєтньовському архіві (див. лист 96).

2. З 1847 року «Современник» змінив редакцію. Перше число вийшло з такою титульною сторінкою: «Современник: Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым под редакциею А. Никитенко». Нумерацію томів було перервано й розпочато нову. Дописувачем журналу став Віссаріон Бєлінський.

Про те, що Плєтньов задумав передати «Современник» Панаєву, Куліш довідався на початку вересня. 3 вересня він записав у щоденнику: «"Пристают ко мне, – говорит он (Плєтньов. – *Ред.*), – чтоб я передал 'Современник' ". "Кто же?" – "Панаев". Странно мне показалось, что он так спокойно говорит. "И вы думаете передать?" – "Да, он меня обременяет до крайности". Я сказал, что не могу советовать ему продолжать "Современник", но жалею о передаче его, как о смерти доброго человека» (*Щоденник*, с. 27). Нотаріяльне оформлення угоди Плєтньова з Панаєвим відбулося 23 жовтня. Згідно з угодою, редакція зобов'язалася сплачувати Плєтньову 3000 руб. асиґнаціями щороку плюс відсотки з прибутку (про передачу Плєтньовим журналу новій редакції див.: *В. Евгеньев-Максимов.* «Современник» в 40–50 гг.: От Белинского до Чернышевского. – Лг., [1934]. – С. 23–42).

114. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 12 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 26–27 зв.

Першодрук (фрагментів): *Айзеншток 1929*, с. 15. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 213–214.

1. Цитата з Євангелії від Йоана (5:36; див. також 10:25).

2. Насправді цю працю не було завершено (пор. лист 167).

3. Куліш зокрема мав на увазі Плєтньова, який різко неґативно оцінював особу Дершау, характеризуючи його як «низшую степень Краевского» (*Переписка*, т. 2, с. 758).

4. Після смерти Прейса катедра слов'янської філології в Санкт-Петербурзькому університеті залишалася вакантною. Срезневський звернувся до Плєтньова з проханням сприяти йому посісти це місце, на що той охоче погодився. Протягом осені питання переходу Срезневського з Харківського університету до Санкт-Петербурзького активно обговорювалося в їхньому листуванні, й Куліш на якомусь етапі дізнався про це.

Перший лист Срезневського до Плєтньова у цій справі датовано 10 серпня. У ньому йшлося: «Прейса уже нет, профессура его остаётся, кажется, праздною, – и я решился пытать счастия: нельзя ли мне заступить его место, не навсегда, а на время, если можно. Без сомнения, если место его уже занято, то мне остаётся ждать другого случая; но если не отыскалось никого, кто бы занял его немедленно, если оно предназначено для кого-нибудь такого, кто предварительно будет отправлен в путешествие, – то не могу ли я быть назначен временным преемником Прейса» (РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1086. – Арк. 1 зв. – 2). Срезневський, знаючи або здогадуючись, що на вакантну катедру претендував Куліш і що між ним та Плєтньовим були особливі взаємини, делікатно поставив питання про тимчасовість свого заступництва. Плєтньов цього листа отримав 24 серпня, а 27 відповів. Як ректор університету, він мусив якнайшвидше підшукати гідну заміну Прейсові й знайшов її в особі Срезневського. «По моим соображениям, – писав він йому, – нет препятствия к перемещению вашему в Петербург. [...] У нас никого ещё нет в виду для замещения Прейса. Если и сбудется план, чтобы Кулеша отправить за границу, то это не касается до университета. Кулеш приготовляться станет для поступления в адъюнкты Второго отделения Академии наук. Университету долго пришлось бы ждать его возвращения» (Там само. – Спр. 1336. – Арк. 2–2 зв.). І далі обіцяв вжити всіх заходів, щоб усунути можливі перешкоди на шляху переведення Срезневського з одного університету до іншого (Там само. – Арк. 3).

Як бачимо, Плєтньов не розглядав Куліша як потенційного наступника Прейса на слов'янській катедрі, хоча сам Куліш твердив (мабуть, небезпідставно; див. лист 85), що вакантне місце йому обіцяв товариш міністра народної освіти. Оскільки ні ректор Харківського університету Петро Гулак-Артемовський, ні генерал-губернатор Полтавської, Чернігівської та Харківської губерній князь Ніколай Долгоруков (він же куратор Харківської шкільної округи) відпускати Срезневського не хотіли, Плєтньов клопотав за нього перед Ширінським-Шихматовим, і врешті цю справу було залагоджено. 20 листопада Срезневський писав Плєтньову, що після закінчення семестру він одразу вирушить до Петербурга (Там само. – Спр. 1086. – Арк. 12).

115. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 18 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 35–36.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 24/X 1846, в четв[ерг]».

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 298. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 30–31.

1. Див. прим. 16 до листа 99.

2. У цій книжці «Чтений» було опубліковано закінчення Літопису Самовидця. Вона вийшла друком із незначним запізненням: сигнальні примірники

мали з'явитися 29 жовтня 1846 року (див.: ЧОИДР. – 1846. – Год. II. – № 4. – Протокол заседания Общества 1846 года, октября 26-го дня. – С. I).

3. Див. прим. 1 до листа 112.

4. Добірку аналогічних за змістом документів XVIII ст., узятих із різних джерел (рукопис, названий у коментованому листі, серед них не згадано; в архіві Бодянського у ВР ІЛ розшукати його нам не вдалося), Бодянський опублікував 1862 року із власною передмовою в четвертій книжці «Чтений» під заголовком «Проекты об уничтожении грекороссийского вероисповедания в отторженных Польшей от России областях» (Отд. III. – С. 1–58).

116. До о. Симеона (Левицького)

Санкт-Петербург, 20 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 31–31 зв. Друкується вперше.

Лист не відіслано; зберігається в архіві Бодянського.

Видання Літопису Самовидця в о. Симеона Левицького було, про що довідуємося з автобіографії його сина – Івана Левицького, який зазначив, що читав цю книжку, відвідуючи рідну домівку під час літніх вакацій (*І. С. Нечуй-Левицький.* Зібрання творів: У 10 т. – К., 1968. – Т. 10. – С. 8).

1. Про кого йдеться – невідомо.

117. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 21 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 28.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 24/X 1846, четв[ерг]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 32.

118. До о. Олександра (Андрієвського)

Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 33–34. Друкується вперше.

Лист не відіслано; зберігається в архіві Бодянського.

1. Особу не встановлено.

119. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 22–23 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 26/X 1846, суб[бота]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 32–33.

1. «Синбирский сборник» – збірник історичних джерел, підготовлений слов'янофілами; вийшов 1845 року в Москві. Ініціятором і головним упорядником був Дмітрій Валуєв. Видання було задумано як серійне (на титульній сторінці зазначено: «Часть историческая. Том I»), однак через смерть Валуєва продовження не мало. Майже половину обсягу збірника становили «Малороссийские дела: Отписки за 1673–1674 год киевского воеводы К[нязя] Ю. П. Трубецкого с товарищи к царю Алексею Михайловичу» (с. 1–223). Можливо, саме ці матеріяли наштовхнули Сердюкова на думку, що автором Літопису Самовидця був Ракушка-Романовський.

2. Версія, що автором анонімного козацького літопису, якого Куліш назвав «Літописом Самовидця», був генеральний військовий підскарбій Роман Ракушка-Романовський, здобула визнання. У сучасній науці вона є найпоширенішою. Її прихильниками були Вадим Модзалевський, Михайло Грушевський, Микола Петровський, Віктор Романовський. Відомі також інші атрибуції; зокрема, Михайло Возняк вважав, що автором літопису був корсунський полковник Федір Кандиба.

3. Чи написав Сердюков розвідку про авторство Літопису Самовидця – невідомо. У недатованому листі до Бодянського (помітка про отримання: 31 травня 1856 р.) він потвердив свій намір її написати, залучивши до розгляду й проблему авторства «Истории русов». Стаття мала називатися: «Кем сочинена Летопись Самовидца и кто был автором Истории Русов». У ній Сердюков хотів аргументувати своє давнє переконання, «что первое основание так называемой Летописи Самовидца положено Романом Ракушкою» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 83. – Арк. 33). Звернімо увагу: тут Сердюков не приписував Ракушці весь Літопис Самовидця, а лише обережно зауважив, що Ракушка заклав «первое основание» літопису.

120. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 28 жовтня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 26–27.

В автографі дата помилкова: «окт[ября] 18». Виправлено на підставі помітки про отримання – 2 листопада (пошта з Петербурга до Москви йшла 5–6 днів), а також формулярного списку Куліша, де зазначено, що 22 жовтня його звільнено з посади викладача Санкт-Петербурзького університету й старшого вчителя 5-ї гімназії (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Львів, 1930. – Т. С. – С. 358).

Помітка про отримання: «Пол[учил] 2/XI 1846, суб[бота]».

Першодрук (з помилковою датою: 18 жовтня): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 31–32.

1. Од викладацької служби в університеті та гімназії Куліша звільнено 22 жовтня. Цим числом датовано розпорядження міністра народної освіти куратореві Санкт-Петербурзької шкільної округи про Кулішеве звільнення у зв'язку з його закордонним відрядженням (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 13. – Спр. 76. – Арк. 16). Що це розпорядження у гімназії вже отримано, Куліш занотував у своєму щоденнику 27 жовтня (*Щоденник*, с. 41). 30 жовтня 1846 р. Плєтньов писав у листі до Ґрота: «Кстати, его (Куліша. – *Ред.*) судьба решена; он скоро уезжает» (*Переписка*, т. 2, с. 846).

2. Цей автограф нині невідомий. У вересні 1847 року Куліш забрав його у Плєтньова для доопрацювання (див. лист 177).

Хоча в коментованому листі йдеться про російську версію «Чорної ради», на допиті письменник заявив (перераховуючи публікації російськомовного тексту): «Отдельно "Чёрная рада" ещё не напечатана. Она находится теперь в Москве у профессора Бодянского в рукописи» (*КМТ*, т. 2, с. 45). Привертає увагу та обставина, що він вказав на існування не двох версій, а тільки однієї – тієї, яка була в Бодянського, тобто української (її письменник також забрав для доопрацювання – див. лист 176). Наприкінці життя Куліш у передмові до «Позиченої кобзи» згадав (очевидно, схибивши), що, їдучи за кордон, залишив у Плєтньова «на схованку написану вже тоді староруською (українською. – *Ред.*) мовою "Чорну раду"».

121. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 37.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 6/XI 1846, в середу».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 33.

122. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 30–30 зв.
Першодрук (фрагментів): *Айзеншток 1929*, с. 20–21. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 214.

1. Куліш таки передав Бодянському частину пісенної збірки Костомарова, який ніби на це погодився. Проте невдовзі історик висловив бажання (у листі до Максимовича від 18 березня 1847 р.), щоб його пісні було опубліковано не в Москві (у «Чтениях» заходами Бодянського), а в Києві, окремим виданням, наспілку з Максимовичем (див. прим. 6 до листа 140).

123. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 7 листопада 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 39–39 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 13 ноября 1846, [в] середу».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 34.

1. Йдеться про другу книжку «Чтений» за 1846 рік, другого року видання. У ній опубліковано матеріяли, ухвалені до друку на засіданні Товариства історії та старожитностей російських, яке відбулося 28 вересня (див. прим. 2 до листа 115).

2. Ймовірно, це були фольклористичні розвідки Юрія Венеліна «Об источнике народной поэзии вообще и о южно-русской в особенности» (М., 1834), «О характере народных песен у славян задунайских»

(М., 1835), а також дві найвідоміші його праці, що становили два томи «Историко-критических разысканий»: «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении» (М., 1829) та «Древние и нынешние словяне в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении» (М., 1841; видана посмертно).

3. Куліш отримав закордонний паспорт 29 листопада, про що зробив запис у щоденнику (*Щоденник*, с. 46). Паспорт засвідчено 30-м листопада (*КМТ*, т. 2, с. 13). З Петербурга Куліш виїхав 6 грудня, у п'ятницю (див.: *Переписка*, т. 2, с. 866), а увечері 8 грудня, у неділю, був уже в Москві.

124. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 8 листопада 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 28–29.

Першодрук (фрагментів): *Айзеншток 1929*, с. 21, 23. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 214–215.

1. До кого зі «славянских знаменитостей» писав Срезневський – невідомо, принаймні в листах до свого тодішнього постійного кореспондента Ганки він про Куліша не згадував.

2. Рядок зі «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкіна (1833). Іронічний натяк Куліша на зміну статусу Срезневського через його майбутній переїзд до Петербурга: у казці цими словами дід звертається до захланної дружини після того, як вона стала «барыня сударыня дворянка».

125. До Ізмаїла Срезневського

Санкт-Петербург, 17 листопада 1846 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1256. – Арк. 32–32 зв.

Першодрук (фрагмента): *Айзеншток 1929*, с. 21. Уперше опубліковано повністю: *Айзеншток 1930*, с. 215.

1. Куліш виїхав із Петербурга не через тиждень, а через два з половиною тижня – 6 грудня (див. прим. 3 до листа 123).

126. Від Амвросія Метлинського

Харків, 4 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 101. – Арк. 229–233 зв.

Помітка Бодянського про отримання: «Пол[учил] в Москве 12/XII. 1846, в четверг».

Першодрук: *О. Федорук.* До характеристики взаємин П. Куліша й А. Метлинського: (Два листи Метлинського до Куліша) // Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк, 2000. – С. 259–263.

Лист має авторську дописку, адресовану Бодянському:

«Почтеннейший земляк Осип Максимович!

Знаю, что Вы человек учёный, добрый, *трудящий*, следственно без церемоний, а потому, да и потому ещё, *що я теперъ щось хворый*, не осуди́те (и не осу́дите) меня за нецеремонную форму этой приписки с желанием Вам добра от чистого сердца, с просьбою передать (моё) Кулишу П. А. письмо, в котором для Вас несть тайны, с Вашими замечаниями насчёт правописания южнорусского (если потрудитесь при Ваших занятиях). "Думки" свои я Вам [не]когда послал чрез Срезневского; ежели нужно для кого-нибудь, из занимающихся этим, могу ещё прислать. Срезневский Вам и Кулешу кланяется и дисертацию Вам привезёт лично, едучи на место Прейса.

Всегда Вам усердный

А. Метлин[*ский*]».

Про примірник поетичної збірки «Думки і пісні та ще дещо» (Х., 1839), що її Метлинський надіслав Бодянському з дарчим написом, датованим 17 лютого 1843 р., див.: Надпись на книге, посланной Метлинским О. М. Бодянскому // КС. – 1899. – Март. – Отд. II. – С. 141–142.

Куліш листовно познайомився з Метлинським, найімовірніше, 1844 року. Найраніше свідчення їхніх контактів – датований 6 вересня 1844 р. дарчий напис Метлинського на окремій відбитці його статті «Памятники для истории, языка и словесности Южноруссии (Малороссии и Червонорусии)» (Х., 1840), опублікованої 1840 року в «Харьковских губернских ведомостях»: «Добродієві, почтенному землякові Пантелейм[ону] Але[ксан]дровичу Кулішу од писавшого» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 73). Куліш, зі свого боку, подарував Метлинському свою «Україну», про що довідуємося з листа харківського романтика до Погодіна, написаного не пізніше 6 листопада 1844 р.: «Теперь я [...] читаю [...] полученную на днях "Украину" в подарок от Кулиша» (*Ф. Савченко.* З «україніки» Погодінського архіву // ЗНТШ. – Л., 1929. – Т. CL. – С. 443). У 1844–1847 рр., до арешту Куліша, вони з Метлинським мали спільні плани (які поділяли Срезневський та Костомаров) щодо видання періодичного літературно-наукового збірника та народних пісень. Після заслання Куліш поновив стосунки з Метлинським, зокрема, надавши йому для публікації в «Народных южнорусских песнях» (К., 1854), які той упорядкував, свої записи історичних пісень. Докладніше про це див. у коментарях до другого тому епістолярію. Про Кулішеві взаємини з Метлинським див.: *О. Федорук.* До характеристики взаємин П. Куліша й А. Метлинського. – С. 247–275.

Листа від Метлинського Куліш не отримав, оскільки був заарештований. Про одержання цього листа Бодянський повідомив Куліша у листі від 28 лютого 1847 р., пообіцявши переслати його за призначенням, коли знатиме адресу (див. лист 161).

У своєму листі Метлинський виклав міркування з приводу Кулішевого рішення відмовитися від «максимовичівки» і прийняти правопис Срезневського (див. листи 122, 124). Головна риса цього правопису, проти якої Метлинський спрямував свої зауваги, полягала в тому, що Куліш мав намір вживати фонетично дієслівні закінчення *-ьця*, *-ся* і не виділяв на письмі звук *і*, який походить із ѣ. Систематичніше Метлинський ці свої міркуван-

ня розвинув (а місцями дослівно повторив) у вступній статті до «Южного русского сборника» (Х., 1848. – С. 10–13; пункти «а» і «д»). Там-таки він обґрунтував необхідність роздільного написання звука *і*, що походить з ѣ та з давніх *о*, *е* (пункти «в–д»). Дотримуючись цього принципу, він відмовився від літери ѣ (яку вживав ще у виданні «Думок і пісень») і для означення звука *і*, що від неї походить, використав літеру *и́* (*пи́сня*, *ви́тер*). Звук *і*, що походить із *о* та *е* у давніх кореневих складах, він передавав літерою *и* з паерком (*ки̂нь*, *зи̂рка*).

Метлинський був одним із небагатьох українських письменників першої половини XIX ст., які послідовно намагалися узгодити наявні українські правописи, науково обґрунтувавши уніфікацію, виробити єдині правила для писання, які б полегшували читання україномовних текстів освіченим верствам російського суспільства, що здобули освіту в російській школі. У кожному своєму виданні він присвячував правописному питанню або окрему статтю, або розділ у передмові. Стосовно статті «Правописание Южнорусского языка и наречия», яку Метлинський вмістив у «Южном русском зборнике» (Х., 1848. – С. 9–18), Іван Франко слушно зауважив, що її «можна вважати першою пробою систематизування укр[аїнської] фонетичної писовні» (*І. Франко*. Зібрання творів: У 50 т. – К., 1981. – Т. 29. – С. 157).

Про правописні системи Метлинського та його сучасників докладніше див.: *М. Жовтобрюх*. До історії українського правопису // Мовознавство. – 1937. – № 11. – С. 85–102.

1. Цей лист невідомий. У листі до Костомарова від 28 березня 1847 р. Метлинський іще раз підкреслив вагомість правописних проблем: «Я не думаю, як ти писав і пишеш, щоб война за правописаніє было задаром, бо письмо і вимова – знамя характера і существа народности» (*КМТ*, т. 1, с. 288). Під час допиту в III відділі Костомаров так прокоментував це місце: «Метлинский очень жарко спорил о том, какое правописание избрал для малороссийских сочинений, и присылал мне разные замечания по этому предмету, и я отвечал ему всегда, что это просто пустяки и смешно. Теперь он это опровергает и доказывает важность» (*КМТ*, т. 1, с. 285).

2. Пор. у листі Метлинського до Костомарова від 28 березня 1847 р.: «Куліш просив збирать підпис на "Чорную раду" на малоросс[ійській] [мові], почав було збирать, а "Ради" нема» (*КМТ*, т. 1, с. 288). Про долю «Чорної ради» він запитав і Срезневського (у листі до нього від 9 травня 1847 р.): «Что сталося с "Чёрною радою" Кулеша, юже восхоте некогда издати?» (Харківська школа романтиків. – Х., 1930. – Т. 2. – С. 153).

3. Ці листи до Боровиковського та Білозерського невідомі.

4. Коли Куліш хотів отримати від Срезневського позичені йому пісні, той відповів, що рукопис «валяется где-то на чердаке». «Читатель мой поверит, – згадував він, – что у меня от этих слов учёного козакомана встали волосы дыбом на голове, как это сделалось бы с богобоязливым жидом, которому бы приятель объявил, что забросил в сорную кучу предковский Пентатевх» (*Воспоминания*, с. 122). Оскільки Метлинський довгий час не надсилав обіцяних пісень, то Куліш, очевидно, дорікнув йому тим же.

5. Список одного літопису, у якому було відображено події до 1734 року, Метлинський на початку 1848 року надіслав Товариству історії та старожитностей російських, про що повідомлялося в «Чтениях» (1848. – Год. III. – № 8. – Протокол заседания Общества 1848 года, 28-го дня. –

С. II). Цей літопис – «Описание краткое Малой России» (частину тексту переписано рукою Метлинського) – нині зберігається в архіві Бодянського (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 166. – 76 нумер. арк.). Помітка про його отримання: «Пол[учил] 26/II 48, в четв[ерг]».

6. Мова про замітку Івана Бецького «От издателя» (Молодик на 1843 год. – Х., 1843. – Ч. 2. – С. 153–154), у якій упорядник виклав вжиті в альманасі правила правопису, покликані, за його задумом, «согласить мнения и желания» усіх учасників видання. Основні риси цього правопису: український звук *и* передано відповідно до норм російського правопису трьома літерами – *і, и, ы*; звук *і* («острое» *и*) незалежно від походження – літерою *и́*, перед *й* – *і̂*; *е* йотоване («острое») та після м'яких приголосних так само позначалося гострим наголосом – *е́* (хоча в друці багато помилок, внаслідок яких *е* передано без штриха, як у російському правописі); дієслівні закінчення писалися етимологічно *-ться*, *-шся* (а не *-цьця*, *-сся*); послідовно, як того вимагала традиція, вживався ъ.

Метлинський, на відміну від Бецького, в «Южном русском зборнике» відмовився від літери *ы*, а для звука *и*, незалежно від походження, запровадив латинську *и*; істотна розбіжність між ними була й у передачі звука *і*, що походив з ѣ; на означення йотованого *о* та пом'якшення попереднього приголосного вжив буквосполучення *-йо*, *-ьо* (Бецький – *ё*); йотоване *е* передавав літерою *є*; ъ залишив у середині слова для означення роздільної вимови губних приголосних з йотованими. Всеволод Срезневський висловив припущення, що правописна система Бецького сформувалася під впливом Костомарова (*В. Срезневский.* И. Е. Бецкий – издатель «Молодика» // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900. – № 12. – С. 290). Ймовірно, у цьому питанні на видавця «Молодика» справили вплив також Срезневський та/або Метлинський, хоча до останнього він ставився не вельми поштиво (див.: *Ф. Савченко.* З «україніки» Погодінського архіву // ЗНТШ. – Л., 1929. – Т. CL. – С. 436), у той час як Метлинський цінував Бецького як одного «из самых хороших студентов» (Там само. – С. 440). Окремі думки Бецького в замітці «От издателя», спроба уніфікувати правопис шляхом «согласить мнения» – усе це суголосне думкам Метлинського, висловленим у листі до Куліша, а згодом у вступній статті до «Южного русского сборника».

7. Йдеться про видання «Енеїди» 1798, 1808, 1809 років.

8. Срезневський у двох випусках «Украинского сборника», що його він упорядкував, здійснив першодрук «Наталки Полтавки» (Х., 1838. – Кн. 1. – С. 7–71) і «Москаля Чарівника» (Х., 1841. – Кн. 2. – 46 с.) Котляревського. У першому випуску він вмістив «Послесловие», де, зокрема, сформулював основні засади свого правопису (с. 72–88). У його правописній системі звук *і* передавався трьома літерами: *и* з паерком (з давніх *о* та *е*), *і* з паерком (перед *й*) та ѣ; звук *и* – етимологічно літерами *і, и* та *ы*. Вживалися дієслівні закінчення *-шся*, *-ться* (*кланяешся, прозываеться*). Подвоєння м'яких приголосних у іменниках не відзначалося (*судья, похмѣлья*).

9. Йдеться про чеського реформатора Яна Гуса і його працю «De orthographia bohemica» (1406), у якій систематизовано правила чеського правопису з діякритичними знаками.

10. Бодянський у своїй книжці «Наськи українські казки. Передмова і три казки, переказані віршами» (М., 1835. – 67 с.) етимологічно вживав ѣ на означення звука *і*, у той час як цей звук будь-якого іншого походження пере-

давав літерами *и* та *і* (перед голосними та *й*). Літеру *ѣ* залишили у своїй абетці для передачі звука *і* також видавці «Русалки Дністрової».

11. Наведені далі приклади Метлинський доповнив у статті «Правописание южнорусского языка...». Свою аргументацію вчений побудував на явищах омонімії та паронімії. Порівнюючи слова, різні за значенням, він вказував на їхню графічну тотожність, і доводив, що коли не відзначати їхню етимології, це може призвести до семантичної плутанини.

12. Цей правопис, як відомо, спирався на етимологічні засади й максимально наслідував російське написання. Так, український звук *и* передавався, як і в російській мові, літерами *и, і* або *ы* (*великій, сынъ*); секундарний *і* – літерою *ѣ* (*лѣто*) або, коли він походив із голосних *е, о, у*, – цими ж літерами з паерками (*камѣнь, кôнь, за-мўжъ*); не відзначалося на письмі подвоєння м'яких приголосних в іменниках (*судья, коханье*) і т. д.

13. Основний принцип правопису Петра Гулака-Артемовського – писати так, як вимовляється, додержуючись в основному вимови літер російської абетки.

14. «Украинский вестник» – щомісячний журнал, що його в 1816–1819 роках у Харкові видавали Євфимій Філомафітський, Розумник Гонорський та Григорій Квітка. У ньому в 1818–1819 роках уперше було опубліковано низку поезій Гулака-Артемовського.

15. Метлинський у листі двічі посилається на «объявление» в «Молодику». У першому випадку можна ствердити, що йдеться про замітку Бецького, оскільки на неї прямо вказано в аналогічному контексті у статті «Правописание южнорусского языка...». Зміст другої вказівки викликає деякі труднощі у коментуванні: Гребінка в другому випуску «Молодика» своїх творів не публікував – отже, покликання на нього, що він був одним із тих, які «отреклись от этого писанья в "Молодике"», є незрозумілим. Окрім того, вибірковий перелік лише кількох учасників «Молодика» дає змогу думати, що, можливо, йдеться про якесь інше «объявление» (можливо, опубліковане в пресі).

16. Йдеться про підручник «Русская грамматика Алєксандра Востокова, по начертанию его же Сокращённой грамматики полнее изложенная» (СПб., 1831), що витримав понад десять видань.

17. Ніколай Ґрєч – автор низки підручників з російської граматики: «Пространная русская грамматика» (1827; 2-ге вид. – 1830), «Практическая русская грамматика» (1827; 2-ге вид. – 1837), «Начальные правила русской грамматики» (1828). Остання книжка була особливо популярною. З різними доповненнями й уточненнями, а з 1843 року під зміненою назвою «Краткая русская грамматика» вона витримала кільканадцять перевидань.

18. У «Запорожской старине» Срезневського звук *і* незалежно від походження передано літерою *û* (*усûхъ, козакûвъ, слûзьми*).

127. До Міхаїла Погодіна

Москва, 9 грудня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 25.

Першодрук: *Савченко*, с. 19.

128. До Міхаїла Погодіна

Москва, 10 грудня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 26–26 зв., 27 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 19.

129. До Міхаїла Погодіна

Москва, 10 грудня 1846 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 65. – Арк. 28–29 зв..

Першодрук: *Савченко*, с. 20.

1. Очевидно, йдеться про відкриття пам'ятника Єкатєрині II у Єкатеринославі, що відбулося у вересні 1846 року. Про яку статтю йдеться і хто її автор – невідомо. У «Москвитянине» виявити цю публікацію нам не вдалося. Найімовірніше, її там не було вміщено, оскільки перший номер за 1847 рік вийшов лише наприкінці червня і того року появилося тільки чотири числа.

2. Про що йдеться – невідомо.

3. До книгарні «Москвитянина» Куліш здав на продаж «Летопись Самовидца» і «Карманную книжку для помещиков». 11 грудня він отримав розписку. Лавка взяла таки 15% комісійних (*КМТ*, т. 2, с. 31).

Згадана в листі брошура на користь бідних – це «Карманная книжка для помещиков». На її останній, 32-й сторінці зазначено: «Почтенный читатель! Книжка эта издана в пользу крестьян, почему издатель просит тебя во имя человеколюбия, в какое бы время и кем бы она ни была тебе подарена, дай за неё какому-нибудь бедному крестьянину или крестьянке пятнадцать копеек серебром. Этим ты докажешь, что и твоей душе понятно чувство, одушевлявшее издателя». Це звернення до читача було надруковано і на 4-й сторінці обкладинки.

130. До Пєтра Плєтньова

Москва, 11 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 38–41 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 13 дек[абря] 1846; о[тветил] 14 дек[абря] 1846».

Друкується вперше.

Описані в листі до Плєтньова епізоди виїзду з Петербурга, зустрічей у дорозі та в Москві (від слів «Всё благоприятствовало» до «на публичной лекции Шевырёва») Куліш майже дослівно переписав до свого щоденника (запис 9 грудня). Що лист був джерелом тексту для щоденника, а не навпаки, свідчить наявна в листі правка і внесення до щоденника остаточного варіянту (втім, дещо зміненого). Див.: *Щоденник*, с. 47–49. Див. також преамбули в коментарях до листів 133, 136, 160, 163.

1. Села на Московському поштовому тракті. Іжори – перша станція на цьому шляху.

2. Перші два рядки з вірша Пушкіна «Подъезжая под Ижоры...» (1829).

3. «Словарь Академии российской» – тлумачний і нормативний словник російської мови у 6 частинах, появився в Петербурзі в 1789–1794 рр. У його складанні брали участь Дєніс Фонвізін, Гавріла Дєржавін та ін. Друге видання під назвою «Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный» вийшло у 1806–1822 рр. також у 6 частинах.

4. «Сугрéв» – «печное, избное тепло» (*В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. – М., 1882. – Т. IV. – С. 353).

5. Одна із вхідних брам до Софійського собору (XI ст.), виконана німецькими майстрами в XIII ст.

6. Цитата з «Евгения Онегина» Пушкіна (розділ 7, строфа XXXVI). 4-й рядок у Пушкіна: «Горят старинные главы». «Перед нами» (у Пушкіна «перед ними») виправлено, очевидно, задля змісту.

7. Мова про небогу Алєксандри Ішимової – Надю, яка навчалася в Патріотичному інституті. З нею Олександра Куліш часто спілкувалася взимку 1849 року під час своєї поїздки до Петербурга. Можливо, її прізвище Крівоногова. Про якусь Н. Н. Крівоногову Куліш занотував у щоденнику (31 жовтня 1846 р.): дівчина, втративши голос, цілий рік говорила пошепки; несподівано голос знову повернувся до неї (*Щоденник*, с. 42–43). Про те, що Наді, небозі Ішимової, раніше повернувся голос (це дає підстави вважати її та Н. Н. Крівоногову за одну й ту саму особу), згадувала Олександра Куліш у листі до чоловіка від 4–5 січня 1849 р. з Петербурга (див. № 265). Див. також прим. 3 до листа 133.

8. Див. прим. 1 до листа 56.

9. Порівняймо цей опис зовнішности Бодянського з характеристикою, яку подав його учень Алєксандр Кочубінський (щоправда, його враження стосуються пізнішого часу): «Небольшого роста, сутуловатый, с огромной головой на толстой и короткой шее, с испорченными болезнью врозь глядящими глазами, с прямыми "гетманскими" усами, и всё это на коротких ногах без пальцев. – Бодянский был некрасив» (*А. А. Кочубинский*. О. М. Бодянский в его дневнике // Исторический вестник. – 1887. – Кн. XII. – С. 507).

10. 7 грудня 1846 р. Шевирьов розпочав цикл публічних лекцій «Об истории всеобщей поэзии», що тривав до кінця квітня 1847 року. Відвідавши першу лекцію, Погодін занотував у своєму щоденнику: «Декламация ужасная, но конец украшен мыслями очень хорошими» (*Барсуков*, кн. VIII, с. 410). Загалом було прочитано 29 лекцій, надрукованих 1847 року в «Московском городском листке», а також у «Москвитянине». Раніше Шевирьов уже виступав з публічними лекціями на тему «Об истории русской словесности, преимущественно древней» (33 лекції, які він читав у 1844/1845 навчальному році; опубліковані 1846 року в Москві окремою книжкою).

11. Про будинок Юскевича-Красковського див. прим. 7 до листа 66. Церкву святої Ірини, споруджену в XI ст. (літописна згадка – 1037 року), було зруйновано під час монголо-татарської навали. Руїни церкви розібрали в 1840-х роках.

131. До Осипа Бодянського

Москва, 9 ... 11 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 111. – Арк. 25–27. Записка, написана олівцем.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 15. XII. 1846, воскр[есенье]».

Першодрук: *Шацька*, с. 224–225.

1. Йдеться про роман Олександра Кузьмича в п'яти частинах «Зиновий Богдан Хмельницкий. Эпоха первая. Молодость Зиновия» (СПб., 1846. – Ч. 1. – 290 с.; Ч. 2. – 279 с.; Ч. 3. – 260 с.; Ч. 4. – 241 с.; Ч. 5. – 243 с.). У Петербурзі Куліш особисто познайомився з Кузьмичем. У листі до Погодіна від 14 липня 1846 р. Кузьмич писав, що, за порадою Куліша, він надіслав для «Москвитянина» уривок зі свого нового роману («Зиновий Богдан Хмельницкий». – *Ред.*) під назвою «Морской набег запорожцев» (НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 64. – Арк. 4). Оскільки невдовзі – у жовтні–грудні 1846 року – роман появився друком, то цей уривок у журналі опубліковано не було.

132. Від Івана Вернадського

Санкт-Петербург, 13 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 32–33 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 68–69.

Із Вернадським Куліш познайомився ще в Києві, де той, закінчивши університет, у 1842–1843 рр. був учителем російської словесности в Другій гімназії. У 1843–1846 рр., за скеруванням Університету св. Володимира, він відбув відрядження до західноевропейських країн (Німеччина, Франція, Англія, Бельгія, Голандія), де вивчав політекономію. Повертаючись на батьківщину, він зупинився у Петербурзі, де мав намір здобути ступінь магістра політичної економії та статистики. Куліш зустрівся з ним 29 жовтня 1846 р. у Плєтньова, занотувавши цей факт до щоденника, куди вніс також декілька згадок про товариша, характеризуючи його як «нежную и благороднейшую душу» (див.: *Щоденник*, с. 42–45). Завдяки Кулішеві Вернадський ненадовго увійшов до плєтньовського гуртка. Про одну свою зустріч із ним Плєтньов оповів у листі до Ґрота від 6 листопада, згадавши, що Вернадський – «приятель Кулеша» (*Переписка*, т. 2, с. 851). Згодом, коли Куліш був на засланні, Вернадський декілька разів проїздом бував у нього. Вони підтримували стосунки й у 1850-х роках.

1. Етіопська грамота (етіопське письмо) – алфавіт етіопської мови (геез), включає 26 основних знаків, кожний з яких має по сім варіянтів. Літери пишуть зліва направо. Етіопська мова мертва, вимова букв відома з амхарської мови. З додатковими буквами етіопське письмо використовується для мов амхарської, тигре та ін. Походить етіопське письмо від південноарабського.

Глаголицька грамота, глаголиця – найдавніша відома слов'янська азбука. Була поширена в Македонії, Моравії, Чехії, Паннонії, Західній Болгарії та Хорватії. Відома і в Київській Русі. Глаголиця подібна до кирилиці,

відрізняється від неї складнішим накресленням літер. Питання про походження глаголиці в науці остаточно не розв'язано.

Етіопська абетка, яку надіслав Вернадський, дала підстави III відділові гадати, що за цими літерами ховається «гиероглифическая азбука славянистов». Відповідне запитання було поставлено Василеві Білозерському, оскільки його папери під час обшуку переплутали з Кулішевими (*КМТ*, т. 1, с. 411).

У Кулішевих нотатках, вилучених під час арешту, є запис: «В Оксфорде эфиопская рукопись сходн[ая] с глаголитск[ими] письменами» (Там само. – Т. 2. – С. 35).

2. Тут: перевірити.

3. Йдеться про доброчинну лотерею на користь сиротинців, що в ній періодично брали участь члени плєтньовського гуртка. У 1847 році розіграш відбувся 22 лютого у будинку Пашкова, по Літєйній вул., № 148. Виграші отримували в голови Ради сиротинців графині Юлії Строганової, яка організовувала лотереї. Перед розіграшем діяла виставка предметів. Її можна було оглянути щодня з 10^{00} до 18^{00} (Лотерея детских приютов в С. Петербурге // Звёздочка: Журнал для детей старшего возраста. – 1847. – Ч. XXI. – № 3. – С. 131–134). Речі, надані для лотереї, записували в окремо заведену для цього книгу. Куліш декілька років поспіль брав участь у лотереї, купуючи квитки (по 75 коп. ср.) або ж надсилаючи речі для неї. Підготування до лотереї на початку 1849 року Олександра Куліш детально описала своєму чоловікові у листах із Петербурга (див. листи 265, 267, 268, 270).

133. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 18 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 42–44.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] и О[тветил] 28 дек[абря] 1846».

Друкується вперше.

Окремі фрагменти цього листа, зокрема опис подорожі на батьківщину, відповідають записам у Кулішевому щоденнику: перший абзац – записові від 10 грудня; четвертий і п'ятий – від 14 і 15 грудня (*Щоденник*, с. 49). Див. також преамбули в коментарях до листів 130, 136, 160, 163.

1. Про кого йде мова – невідомо.

2. Другим виданням «Повесть об украинском народе» так і не вийшла. У 1860 році Куліш задумав її перевидати. 10 січня він звернувся до Санкт-Петербурзького цензурного комітету за дозволом, долучивши публікацію твору в «Звёздочке», однак невдовзі чомусь відмовився від свого наміру і 7 березня, не чекаючи на рішення цензури, попросив повернути твір (РДІА. – Ф. 777. – Оп. 1. – Спр. 1631. – Арк. 73–74).

3. У своєму нотатнику Куліш записав: «В Туле Костя Кривоногов» (*КМТ*, т. 2, с. 35). Ймовірно, саме цієї особи стосувався Кулішів лист до Ішимової. Про можливі родинні стосунки Крівоногових із Ішимовою див. прим. 7 до листа 130.

4. В автобіографії 1868 року Куліш про свою похресницю та її матір писав так: «Найлюбіща йому (Кулішеві. – *Ред.*) людина з простолюддя була

і є хрещениця його Оленка Вовківна, воронізька козачка, що христив він її, бувши ще у дяка в школі. Мати Кулішева дуже любила і стару Вовчиху, моторну говірку бабу, і її Оленку: в очу у Куліша на сій Оленці, що вже давно замужем і обсадила себе дітьми-козачатами, сіяє одсвіт матернього серця» (*Жизнь*, ч. 27, с. 323).

5. Про кого йдеться – невідомо.

6. Цитата з поезії Жуковського «Песня» («Минувших дней очарованье...») (1818).

7. Це повідомлення про Кулішеві заручини викликало в Плєтньова деяке занепокоєння. Проте воно розвіялося після того, як Плєтньов отримав від Куліша наступного листа, у якому вже йшлося про одруження. Своїм міркуванням адресат поділився з Ґротом у листі від 4 січня 1847 р.: «Из Малороссии Кулеш писал мне два раза: в первом письме объявил, что он уже помолвлен, а во втором (див. лист 136. – *Ред.*), что после крещенья будет и свадьба его. Пока я думал, что Кулеш уедет за границу женихом, то боялся за его успехи в славянских языках. Теперь полагаю, что он свои дела исполнит, потому что ему не нужно будет тратить время на страстную переписку» (*Переписка*, т. 3, с. 2).

Про відвідини Мотронівки й про своє успішне сватання до Лесі Куліш зробив запис у щоденнику 16 грудня: «Был в Мотроновке. Напрасно я уверял себя целый год, что не люблю Саши. Когда я простился с нею, возвращался из хутора, я почувствовал, что никто уже не даст моей душе таких ощущений. Мне жаль было потерять девушку столь кроткую, столь добрую, столь возвышенно чистую, и я решился удержать её за собою. Итак, я объяснился с матерью, и решено, чтобы по возвращению из-за границы я женился» (*Щоденник*, с. 56).

За спогадами Ганни Барвінок, сватання Куліша виглядало так: «Він прохав маму, щоб нас тільки заручили, бо він сам їде за гряницю, на два з половиною роки. Мама і я на се погодилися.

На другий день Куліш, вставши вранці, цілуючи мамі руку, каже: "Мамо! не можу їхати один... Вона тут нидітиме на хуторі, а я там: опріч того я там матиму усяку розвагу, бачитиму світ культурний, учитися всьому буду. А вона?"». Цей аргумент переконав матір, і вона погодилася на їхнє одруження (Українська хата. – 1911. – № 5/6. – С. 306).

134. До Надії Забіли

Київ, 21 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28844.
Друкується вперше.

Надія Забіла, дружина Миколи Миколайовича (брата поета Віктора Забіли), згодом – Матвія Симонова (Номиса), мати Надії Кибальчич (письменниці, що писала під псевдонімом Наталка Полтавка). Ні її перший шлюб, ні другий (невінчаний?) не був щасливий. Куліш мав із нею дружні стосунках, повіряючи їй свої переживання. Змалював її в образі Наді у автобіографічній поемі «Евгений Онегин нашего времени», назвавши «посредницей моей любви». За свідченням Миколи Михайловича Білозерського, рідна тітка Надії – Олена Василівна чинила спроби одружити її з Кулішем (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 24). Старша на півтора ро-

ку від Олександри, Надія була особливо зріднена з нею. Дітьми вони разом виховувалися у пансіоні полковниці Козакової на Полтавщині.

У нашому томі подано 19 листів Куліша до Надії Забіли (три з них адресовано також її чоловікові Миколі) й один лист-відповідь.

1. Про які книжки, позичені в Олександри, йдеться – невідомо.
2. Тобто в Мотронівку.

135. До Олександра Ханенка

Київ, 24 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. 315. – № 31.

Друкується вперше.

1. Листи Пилипа Орлика Куліш надіслав Бодянському 29 січня 1847 року. Їх було опубліковано того ж року (див. лист 147 і прим. 1 до нього).
2. Можливо, йдеться про Василя Білозерського. У листі до Олександра Навроцького (від 2 жовтня 1846 року) він писав: «Рукопись я давно отослал Кулишу. Отослано ли Ханенку?» (*КМТ*, т. 3, с. 100).

136. До Пєтра Плєтньова

Київ, 26–27 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 45–46.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] и О[тветил] 4 янв[аря] 1847».

Друкується вперше.

Фрагмент цього листа від слів «По возвращении моём из-за границы» до «главного средства к её осуществлению» відповідає запису в Кулішевому щоденнику від 26 грудня. У щоденнику далі: «Воображаю, как это огорчит Плетнёва, но он так добр, что, когда я в его мнении сделаюсь несчастным, он ещё более станет любить меня» (*Щоденник*, с. 56). Абзац від слів «Я много испытал в последние дни сладостных минут» (що являє собою фрагмент листа від 27 грудня) внесено до щоденника під 26 грудня (Там само. – С. 56). Див преамбули в коментарях до листів 130, 133, 160, 163.

1. Рядок із вірша Пушкіна «Стансы» («В надежде славы и добра...») (1826).
2. Василь Білозерський.
3. За спогадами Куліша в «Історичньому оповіданні», свій посаг («жемчуги, коралі, намиста, сережки й персні, що переховувалися у роду ще, може, з часів Великої Руїни польської, да три тисячи рублів готовими грошима») молода дружина вирішила віддати на поїздку Шевченка за кордон для поглиблення його художньої освіти (*П. Куліш*. Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 17).
4. Пор. Кулішеве судження (навіяне ображено-погірдливим настроєм від спогадів про неуспішне сватання) щодо ставлення чоловіка до жінки, яке

він висловив у щоденнику 20 серпня 1846 р.: «Человек, стремящийся к высшим целям, на женщину должен смотреть более как физиолог, нежели как поэт» (*Щоденник*, с. 22).

137. До Пєтра Плєтньова

Київ, 29 грудня 1846 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 47–49 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 7 янв[аря] 1847».

Частково опубліковано: *О. Дорошкевич.* Шевченко в приватному листуванні // ЗІФВ / УАН. – К., 1926. – Кн. VII/VIII. – С. 371–372, 373–374.

Повністю друкується вперше.

1. Куліш мешкав у Юскевичів-Красковських.

2. Тут ідеться про збори кирило-методіївців. Про одні з таких зборів, які відбулися наприкінці 1846 року, згадував у автобіографії Костомаров: «В первый день Рождества мы сошлись с ним (Миколою Савичем. – *Ред.*) у Гулака на Старом Городе в доме Андреевской церкви. Кроме него гостем Гулака был Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи; естественно выплыла на сцену заветная наша мысль о будущей федерации славянского племени. Мы разговаривали не стесняясь и не подозревая, чтобы наши речи кто-нибудь слушал за стеной с целью перетолковать их в дурную сторону, а между тем так и было. У того же священника квартировал студент по фамилии Петров; он слушал нашу беседу [...]» (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 479). На допиті Костомаров також свідчив, що у грудні він разом із Кулішем, Шевченком та Гулаком обговорював думку Марковича видавати журнал для простолюду українською мовою: «Поводом к этому были ещё два или три собрания, одно – у меня, другое – у Гулака и третье – на квартире Кулиша (в будинку Юскевича-Красковського. – *Ред.*)» (*КМТ*, т. 1, с. 277). Ясно, що свідчення Костомарова лише частково розкривають зміст розмов, які тоді велися.

В «Історичньому оповіданні» (а також у своїх спогадах про Костомарова) Куліш відмежував себе від створення та діяльности братства (пор. коментований фрагмент). Він твердив, що, приїхавши до Києва, «дочувсь глухо», що його «о Христі браттє зорганизувалось у якесь товариство Кирила та Мефодія, скомпонувало собі статут і навіть має свою цеху – з литого заліза персні, на котрих сяють літери К. М.». Приступивши до Василя Білозерського з «короткими гужами: чи сьому ж бо таки правда?», він начебто отримав відповідь, «що се була в них, на якийся час, хлоп'яча забавка, та вони, схаменувшись, той статут давно спалили, а персні позакидали в воду» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 27). За тим-таки спогадом, Куліша (і Шевченка) не прийняли до братства, щоб не наражати їх на небезпеку, – вони й без того працювали «для слов'янської і вкраїнської свободи» (Там само).

3. Куліш востаннє зустрічався з Шевченком понад півтора року тому: після 23 квітня – у травні 1845 року, коли той побував у Києві. Враження, що його справив Шевченко наприкінці грудня 1846 року, Куліш згодом у своїх спогадах передав так: «Сам Шевченко зробився не тим, яким я його покинув, їдучи з України. Се вже був не кобзар, а національний пророк. Восторженому щастєм, наукою і поезією, мені здавалось, мовби перед нами ста-

лося те, чого дознав на собі ветхозавітний посел Господень [...]». І далі наголосив: «Для мене ж сяєво духа його було чимся надприроднім» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 15).

4. Особу не встановлено. На думку Олександра Дорошкевича, «це, очевидно, псевдонім: такого серед переяславського панства не було»; він припускав, що, можливо, йшлося про поміщиків Степана Самойлова (с. В'юнище), Платона Лукашевича (с. Березань) або Аркадія Родзянка (с. Великий Поділ) (*О. Дорошкевич.* Шевченко в приватному листуванні // ЗІФВ / УАН. – К., 1926. – Кн. VII/VIII. – С. 374).

5. Цей анекдот в Україні був доволі поширений. Так, його розповіли того ж 1846 року Погодіну, коли той переїжджав Україну, повертаючись із закордонної подорожі (див.: *Барсуков*, кн. VIII, с. 437). Степан Руданський використав його в гумореску «Не мої ноги».

6. Микола Гулак ніколи не відвідував гімназії. З 1834 року його приватно навчав В. Лінденберґ, який викладав своєму учневі, крім звичайних предметів, давньогрецьку, латинську, французьку й німецьку мови. У червні 1837 року він помістив Гулака в приватний пансіон Карла Раупаха, лектора італійської мови у Дерптському університеті. 18 липня 1838 р. Раупах видав Гулакові шкільне свідоцтво, на підставі якого юнака було зараховано до Дерптського університету на юридичний факультет. Після його закінчення Гулак в 1843 році захистив дисертацію «Versuch einer Darstellung des Fremdenrechts nach französischem, preussischem, oesterreichischem und russischem Rechte», яка здобула найвищі оцінки рецензентів. 20 липня 1844 р. його затверджено в ступені кандидата прав (*Е. Бобров.* Из истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Варшава, 1909. – С. 22–28).

138. Від Міхала Ґрабовського

Олександрівка, 1846 рік

Подається за копією, що є перекладом із польської: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 175. Автограф невідомий. Переклад, очевидно, здійснив Куліш.

Першодрук (за копією): *Переписка*, т. 2, с. 923–925.

1. На початку 1840-х років Ґрабовський разом із групою шляхтичів-однодумців задумав випускати в Києві журнал під промовистою назвою «Słowianin», який виражав би погляди консервативного кола так званої «koterii petersburskiej». Сподіваючись отримати дозвіл на видання, Ґрабовський надіслав графові Юліушу Струтинському (ад'ютантові генерал-губернатора Бібікова) листа від 21 лютого 1843 р. з проєктом програми часопису. У листі, прагнучи увійти в довіру до російської влади, він висловився за єдність Росії та Польщі. Лист потрапив до польських опозиціонерів і викликав серед них хвилю обурення. 1844 року його опублікувала еміграційна преса. Автора було поставлено в умови, як він висловився, «złowieszczej negocjacji». У російських урядових колах, які насторожено сприймали будь-яку самодіяльність поляків в Україні, Ґрабовський також не отримав підтримки. Детальніше про цей епізод див.: *A. Bar.* Stanowisko polityczne Michała Grabowskego // Pracy historyczno-literackie ku czci Ignacego Chrzanowskiego. – Kraków, 1936. – S. 399–401; *M. Inglot.*

Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841–1843. – Wrocław, 1961. – S. 157–159, 175).

2. Оповідання Ігнация Головінського «Życie mojej matki» у Кулішевому (не підписаному) перекладі опубліковано в «Современнике» під назвою «Жизнь моей матери» (1846. – Т. XLIV. – № 10. – С. 13–39). Публікацію супроводила Кулішева передмова (підписана криптонімом «П. К.»). Автора оповідання зазначено не було. Про нього Куліш у передмові лише натякнув, що він займає суспільне місце, гідне його розумові й талантові.

Першодрук оповідання з'явився в газеті «Przyjaciel Ludu» (1844. – № 34–36); того самого року воно увійшло до збірника оповідань Головінського «Teky rozmaitości» (Wilno, 1844). Цей збірник у Куліша був (див.: *КМТ*, т. 2, с. 30).

Оповідання Головінського та його переклад у «Современнике» Ґрабовський високо оцінив у своєму огляді нових творів польських письменників (*M. Grabowski.* O nowych powieściach polskich // Tygodnik Petersburski. – 1847. – № 86. – 11 (23) list. – S. 541–542). Він, зокрема, детально переповів Кулішів вступ до перекладу, не назвавши, втім, імені автора (Куліша на той час було репресовано). Своє враження від оповідання критик передав так: «Kiedyśmy raz pierwszy a zupełnie niespodziewanie przeczytali ten tkliwy Pamiętnik, tę naiwnę autobiografię, uczuliśmy się podzileni między rozczuleniem nad pismem, a uwielbieniem dla autora» (Ibid. – S. 542).

Оцінка оповідання Головінського у плєтньовському колі узгоджувалася з Кулішевою характеристикою у згаданій передмові: «Простое, истинно-художественное изображение природы и человека». Розповідаючи у листі до Ґрота про літературний вечір у себе, що відбувся 29 вересня 1846 р., Плєтньов писав: «После обеда Кулеш прочитал вслух из 10 № "Современника" "Жизнь моей матери" Головинского, ректора С.-Петербургской католической академии, прелестно-трогательный рассказ, Кулешем же переведённый с польского» (*Переписка*, т. 2, с. 834). Однак, як слушно зауважив Ґрабовський, польського читача цей твір проймав не лише художністю, а й морально-виховним моментом, позаяк його написав визначний римо-католицький діяч, який оповів про злигодні свого дитинства. Біограф Головінського вирізняє його автобіографічний шкіц із-поміж інших творів як такий, що в ньому автор «z porywającą za serce prostotą i uczuciem opowiada żywot swojej matki, a zarazem ciężką biedę swoich lat dziecinnych» (Encyclopedja Kościelna. – Warszawa, 1875. – T. VII. – S. 394).

3. Повість Крашевського «Historia Sawki» є частиною чотиритомного роману «Latarnia czarnoksięska: Obrazy naszych czasów», що вийшов 1843 року у Варшаві. Її публікацію автор розпочав у шостому томі «Athenaeuma» за 1842 рік (s. 115–141), проте не завершив. Вона належить до типу так званих народних повістей, створених письменником у 1840-х роках. У цьому творі чи не вперше в польській літературі реалістично зображено моральну й суспільну кривду українського селянина, його протест і бунт проти пана. Намір Куліша перекласти повість українською чи російською не здійснився.

4. «Ulana. Powieść poleska» – повість Крашевського, написана в лютому 1841 року й опублікована 1843 року у Вільні. Вона, як і «Historia Sawki», також належить до циклу народних повістей, у яких автор співчуває селянам і, зображуючи їхній конфлікт із панським двором, стає на їхній бік.

5. Ґрабовський зацитував фрагмент свого листа до Крашевського від 28 березня 1843 р. з Олександрівки (див.: *A. Bar.* Michała Grabowskiego listy literackie. – Kraków, 1934. – S. 297–306). Ось він мовою оригіналу:

«W "Ulanie", a bardziej jeszcze w "Historji Sawki", malujesz cały żywot ludu wiejskiego, władzę dziedziców i los poddaństwa; przedmiot najżywotniejszego interesu we względzie społecznym, moralnym, a nawet duchowym, bo dla wieluż to z nas tu się tai największe niebezpieczeństwo wiecznego dusz naszych zbawienia! Powiem zaś ci, że nic nie mogło zastąpić twych wybornych obrazów, bo w nich widzimy jak w zwierciadle, to co nas otacza, lecz co właśnie w rzeczywistości dla powszedniości i oswojenia nie zwraca naszej uwagi. Trzeba więc było nam to okazać, a korzyść tego może być ogromna. Nic zaś nie mogło odpowiedzieć lepiej celowi, jak forma powieści, bo w powieści mamy przed sobą dramat ludzkich czynności i uczuć, bardzo więc jest pożyteczne, ażebyśmy wglądnęli w dusze tych bliźnich, których losem ciągle władamy, i żebyśmy poznali, jak też oni znoszą skutki naszej władzy, bo zbyt pospolita, że w tych tak ważnych stosunkach nie widzimy nic za zakres naszego pojedynczego interesu. Dziedzic, dzierżawca patrzy na swoją wioskę tylko jako na daną ilość dni roboczych, pośrodkiem jakowej otrzyma ten i ów rezultat; lecz obok owego głównego napozór celu, ileż to w tej samej wiosce jest w ciągu tego epizodów nędzy, cierpienia, wzajemnych powodów skargi, zgoła wszelkich wypadków życia każdej pojedynczej, duszą i czuciem obdarzonej istoty! Dlatego najpożądańszą jest rzeczą, żeby nam ciągle przypominano, że nasz lud jest tak samo czuły, jak i my, że w najuboższych lepiankach tleje życie nieobce ani namiętnościom, ani pojęciom, ażeby nakoniec nas zainteresowano do dramatu jego wewnętrznego bytu. – Oswojenie z tym poglądem wywrzećby mogło niewyrachowane skutki, bo doradziłoby wiele umiarkowania w samem zastosowaniu najbardziej godziłem i w wymaganiach najsprawiedliwszych; bo ileż razy rzecz drobna dla jednej strony dla drugiej jest głównym, stanowiącym o losie, może życiu i śmierci wypadkiem. Powiedziałem już raz, że zamiast rozczulać się urojonemi nieszczęściami bohaterów Balzaka i George Sand, lepiejby było zajrzeć do naszych chat, gdzie tyle jest prawdziwego cierpenia ("Liter[atura] i kryt[yka]", Wilno, 1838, str. 149–151. – *Прим. Адама Бара*); powiem teraz, że lepiej także popatrzyć na obrazy takie, które nas nauczą patrzeć w to, co się pod oczyma naszemi, a jednak niewidomie, dzieje, czego nieraz mimo wiedzy jesteśmy sami sprawcami, a przynajmniej na co w każdym razie najrzetelniej wpłynąć możemy. Masz zasługe że wprowadzasz ten ważny przedmiot w naszą literaturę. Nie jest to jednak łatwa sprawa; mamy mnóstwo powieści i poezyj w tym niby duchu, lecz grzeszą one tem, że malują nieprawdę, przesadzają umyślnie, czernią kogo nie lubią, wystawiają sceny i stosunki idealne, a więc żadnego wpływu mieć nie mogą. Domyślisz się, że mówię o Lucjanie Siemieńskim i całej szkole poetów i powieściopisarzy demagogicznych, których właśnie jest cechą, że nigdy stanu rzeczy krajowych pojąć gruntownie nie umieli.

Nie zdziwi się zapewnie, że rozwiodłem się naprzód o korzyściach moralnych twoich nowych powieści, nie zapoznaję przeto, że wszedłszy do malowania obyczajów i charakterów prostego naszego ludu, robisz pod względem także literackim rzecz ważną i ciekawą» (Ibid. – S. 299–301).

Далі в цьому листі до Крашевського Ґрабовський розвиває свої думки стосовно повістей «Ulana» й «Historia Sawki» (Ibid. – S. 301–302), на що в листі до Куліша вказують слова «и т. д.»

1847

139. До Пєтра Плєтньова

Київ, 4 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 50.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 26 янв[аря] 1847, а 27 писал о поездке в Берлин».

Першодрук: *О. Дорошкевич.* Шевченко в приватному листуванні // ЗІФВ / УАН. – К., 1926. – Кн. VII/VIII. – С. 374.

1. За рекомендацію Куліша Плєтньов узяв Гулака на службу до канцелярії Ради Санкт-Петербурзького університету.

140. До Осипа Бодянського

Борзна, 9 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 41–42 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 22/I 1847 г., в середу».

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 34–35.

1. Йдеться про брата Осипа Бодянського – Федора, який тоді працював учителем російської мови у Лохвиці. Після того, як він став старшим учителем у повітовому училищі в Прилуках, Осип Бодянський у листі до Юзефовича від 16 березня 1851 р. просив зробити його штатним наглядачем цього закладу (ЦДІА. – Ф. 873. – Оп. 1. – Спр. 2. – Арк. 9 зв.). Юзефович виконав прохання, про що довідуємося зі щоденника Осипа Бодянського (див.: *И. М. Остроглазов.* Книжные редкости // РА. – 1892. – Кн. 1. – С. 251). Місце якого вчителя мав би посісти Федір Бодянський – невідомо.

2. Про портрет військового інженера й автора «Летописного повествования о Малой России» Олександра Рігельмана Куліш написав Федорові Китченку. Про це він занотував у своїх записках: «Из Киева написать к Китченку о портрете Александра Ригельмана в 20 в[ерстах] от Чернигова (не тот, что в церкви, а в доме)» (*КМТ*, т. 2, с. 36).

Рігельманів портрет знадобився Бодянському у зв'язку з приготуванням до публікації в «Чтениях» «Летописного повествования...» (ЧОИДР. – М., 1847. – Год II. – № 5. – Отд. II. – С. III–V, 1–100; № 6. – С. 101–219; № 7. – С. 1–108; № 8. – С. 109–201; № 9. – С. 43–147, 1–102, I–XIV; М., 1848. – Год III. – № 6. – С. 1–50). Останню подачу цієї праці Бодянський супровів своєю розвідкою «Исторические сведения об Александре Ивановиче Ригельмане» (ЧОИДР. – М., 1848. – Год III. – № 6. – С. 1-6).

3. Кулішеві листи до Константия Свідзінського не збереглися. Після смерти Свідзінського його колекцію та архів було об'єднано з Бібліотекою Красінських, більша частина зібрання якої загинула 1944 року під час варшавського повстання проти нацистських окупантів.

У своїх пам'ятних записках Куліш під час виїзду за кордон занотував: «К Свидзинскому о Ерличе» (*КМТ*, т. 2, с. 37).

Про Свідзінського Куліш написав спогади, у яких високо оцінив особу польського колекціонера. Див.: *П. Кулиш.* Воспоминания русского о польском археологе Константине Свидзинском // Русский вестник. – 1857. – Т. 11. – Окт. – Кн. 2. – С. 229–233.

4. Йдеться про російське видання етнографічної праці Шафарика «Slovanský národopis» (1842) у перекладі Бодянського (*П. И. Шафарик.* Славянское народописание. – М., 1843. – VIII, IV, 176, [6] с.; 1 л. карт.).

5. Окрема відбитка «Истории русов» вийшла невеликим накладом і відразу стала бібліографічною рідкістю.

6. Костомаров дещо інакше поставився до пропозиції, щоб його колекцію пісень опублікував Бодянський. 18 березня 1847 у листі до Максимовича він радив «поспешить с песнями, ибо Кулеш, проезжая через Киев, известил меня, что он отдал свои песни вместе с частию моих Бодянскому, который хочет их напечатать в "Чтениях". Ради Бога, поспешите; употребим общие усилия, чтоб не допустить гордой Москвы возвыситься над престарелым нашим Киевом. На нашей стороне Шевченко, который, к сожалению, где-то пропадает, но скоро явится: мы его засадим малевать для сборника. Несмотря на измену Кулеша, отдавшегося под протекцию московскую, мы ещё можем одержать первенство быстротою. Зная, что вы открыли подписку и имеете уже часть суммы, я спешу вас просить. Что до меня лично, желаю только, чтоб изданы были песни; желаю этого, как любитель Украины; а как преданный вам, желаю, чтоб дело совершено было именно вами. Пусть кто начал, тот и кончает» (*В. Данилов.* Материалы для биографии Н. И. Костомарова // Україна. – 1907. – Ноябрь/дек. – С. 230–231).

7. Отримавши цього листа, Бодянський писав про Кулішеве одруження до Максимовича (у листі від 30 січня): «Вы спрашиваете о г. Кулеше? Он в половине декабря проехал через Москву на пути своём за границу, к славянам, но, как пишет недавно, спотыкнулся на Сейме и упал в объятия чернобрывкы якоїсь панночки, дуже, кажуть, гарної та моторної там, десь, коло Борзни: женився, і не без грошенят, та й досі вже, мабуть, за Дніпром, з жінкою, чухрає до родичей по той бік Руських Горбів, коли не за Віслу. Оттак-то наші садять мак: лучше жениться, яко же глаголет Павел, нежели разжигатися (1 Кор. 7:9. – *Ред.*). А ми з вами козакуємо на чию-то голову! Бодай вже нас...» (*В. Данилів.* О. М. Бодянський і його листування з М. О. Максимовичем // Україна. – 1927. – Кн. 6. – С. 88).

141. До Осипа Бодянського

Борзна, 10 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 43, 43а.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 16/I 47, в четв[ерг]».
У листі дописка Т. Шевченка: «Істинно
Т. Шевченко».
Першодрук (з пропуском адреси): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 35.

Це – рекомендаційний лист, що його дали Куліш і Шевченко Миколі Гулаку, який їхав через Москву до Петербурга. До Борзни Гулака супроводжував Шевченко.

1. Адреса Бодянського, позначена на другій сторінці обкладинки «Чтений»: «На Большой Никитской, против Арбатского Частного дома,

в доме Дица». Невдовзі Бодянський переїхав на нове мешкання (див. прим. 1 до листа 254).

142. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 10 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 52–53.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 18 янв[аря] 1847. О[тветил] 20 янв[аря] 1847».

Друкується вперше.

1. Тобто «замечание» в невідомому листі Плєтньова з приводу Кулішевого наміру дещо переробити «Повесть об украинском народе» для другого видання (див. лист 133 і прим. 2 до нього). Можна думати, це «замечание» відповідало думкам, висловленим у плєтньовській рецензії на «Повесть...» в «Современнике» (1846. – № 9. – С. 229–230), де, зокрема, йшлося: «Во время чтения повествований о бедствиях Малороссии, которые столько лет тяготели над нею от беспрерывных войн её с Литвою, Польшею, татарскими ордами и от самих в ней междуособий, нельзя не проникнуться убеждением, какое благо приняла эта страна в свои недра, опять слившись с Великороссией, её матерью, быв при начале своём нераздельно с нею под одним скипетром. Всего умилительнее тут зрелище содействия веры, даровавшей силу Малороссии защитить себя от иноплеменников и войти снова в храм спасения гражданского и церковного». Очевидно, рекомендація Плєтньова доопрацювати книжку в дусі офіційної імперської історіографії і викликала Кулішеву репліку: «Переправлять против своего убеждения не могу» (пор. коментар Олександра Дорошкевича: ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 184. – Арк. 63).

2. В «Неофициальной части Полтавских губернских ведомостей», що її редагував Павло Бодянський, опубліковано уривок із Кулішевої «Повести...» під назвою «Начало казачества» (1846. – № 46. – 16 нояб. – С. 566–568; № 47. – 23 нояб. – С. 582–584). Публікацію супроводжувала редакційна примітка: «Извлечен[ие] из недавно вышедшей книги г. Кулеша “Повесть об украинском народе”».

3. Куліш нумерував листи, надіслані Плєтньову після виїзду з Петербурга. Другий лист – від 18 грудня 1846 р. (у нашому виданні 133).

4. Див. лист 136.

5. Йдеться про роман Олівера Ґолдсміта «Vicar of Wakefield» (опубл. 1766), що його у другій половині 1840-х років Куліш високо цінував під впливом Плєтньова (див. також прим. 3 до листа 174).

6. Йдеться про Ольгу Плєтньову, до якої Куліш мав глибокі почуття, один час навіть гадаючи з нею одружитися. Про це він згадував в автобіографії: «Була в Плетньова дочка – молоденька дівчина тихої, любязної вдачи. З півтора року (насправді рік і місяць. – *Ред.*) прожив тоді Куліш у столиці. Дівчина на його очах доросла повного дівоцтва. Як з братом вона з ним дружила і – хто відає? – може була б инша його доля, коли б не одно слово, яке воно пробовкнула. Знайшовши сем'ю по своїй уподобі, по своїм звичаям, думав часом Куліш, що тут йому й вік вікувати. І в отця душа йому люба, і дочка до його простим дівочим серцем лицяється, і весело йому й тепло між їми.

Так уже думку був наладив, щоб не шукати щастя на Вкраїні; та раз, розговорившись про наші *думи* народні, про пишне українське слово, до панночки і каже: "Вот и вы со временем выучитесь по-украински". А вона йому: "*Никогда!*". Мов у серце ножем се слово йому вкололо, і з того часу перестав дивитись на неї як на суджену» (*Жизнь*, ч. 25, с. 297). У щоденнику (запис від 16 грудня 1846 р.), розмірковуючи над своїми почуттями до Плєтньової та Лесі Білозерської, зауважив: «О[льга] П[етровна] не малороссиянка, – иначе, может быть, она воспреобладала бы над моим сердцем. Я её нежно люблю. Но Саша, воспитанная матерью, будет лучшею женою» (*Щоденник*, с. 56). Перебуваючи на засланні в Тулі, Куліш регулярно листувався з Ольґою Плєтньовою (ці листи невідомі).

7. Йдеться про книжку Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (СПб., 1847).

143. До Пєтра Плєтньова

Борзна, 14 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 54–56.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 23 янв[аря] 1847. О[тветил] 23 янв[аря] 1847».

Друкується вперше.

1. Хресним батьком Олександри Білозерської був найстарший брат Віктор (хресною матір'ю – Пелагея Богун, у другому заміжжі генеральша Чинчик). Оскільки він не зміг прибути на весілля, то благословення похресниці надіслав листом, датованим 1 січня 1847 р.: «[...] Если бы тот, для кого ты оставляешь и мать, и братьев, и сестёр, для кого ты бросаешь родимый кров свой, а вместе с этим должна бросить все свои привычки, изменить желания, волю свою, одним словом, должна переродиться сообразно с его волею и желаниями, не имел таких прекрасных качеств, такой возвышенной благородной души, был менее достойным тебя, – то ты не дослушала бы никогда вечных упрёков моих за то, что оставляешь нас; но теперь да будет во всём воля Всеблагой судьбы, видимо избравшей тебя своею любимицею, которая, создав тебя прекрасною и милою и одарив душою кроткою, благородною, возвышенною, умом твёрдым и светлым, сердцем нежным и чувствительным, избрала для тебя и спутника в жизни, обладающего такими превосходными качествами. [...] Милый Ангелочек мой! Ты просишь моего благословения? Может ли существо, в такой степени погрязшее в суете мира, давать благословение Ангелам? Наверно такова воля Божия. Да перейдёт же на главу твою Его святое благословение чрез недостойные уста мои и да ниспошлёт он до конца дней твоих тебе всякое счастие и благополучие» (РДАЛМ. – Ф. 235. – Оп. 2. – Спр. 6. – Арк. 1 зв. – 2 зв.; рукописна копія початку XX ст.).

2. Йдеться про Надію Білозерську, яка вийшла заміж за Миколу Забілу.

3. Героїня однойменної опери (1828) французького композитора Даніеля Франсуа Еспрі Обера, що принесла йому світову славу (інша назва «Muette de Portici»). У Росії оперу з політичних міркувань уперше було поставлено 1857 року. У щоденнику Куліш описує, як на вечірці, що відбулася в середині жовтня 1846 року, Ольґа Плєтньова грала на фортепіяні увертю-

ру з цієї опери: «О[льга] П[етровна] в белом платьице была очень миловидна; очаровательно играла из оперы "Фенелла" увертюру, которую я называю "*видениями деревенского сторожа в полночь*". Я наслаждался глубоко» (*Щоденник*, с. 39; запис 16 жовтня).

4. Батько Олександри Куліш – Михайло Білозерський – був вихідцем із козацько-старшинського роду. Освіту здобув у Києво-Могилянській академії. У 1786–1793 рр. служив у лейб-гвардії Семьоновському полку; з 1796 року, у чині капітана, перейшов на цивільну службу. Був Домбровським, Волинської губернії, городничим, згодом – комісаром і Борзнянським повітовим суддею (*Г. Милорадович.* Родословная книга Черниговского дворянства. – СПб., 1901. – Т. 2. – Ч. 6. – Прибавление к 2-й части. – С. 288).

У листі до Омеляна Огоновського (кінець 1880-х років) батька своєї дружини Куліш характеризував так: «Ганнин отець учився у Київській духовній академії, почитував залюбки Вольтера, був повітовим комісаром, дворянським маршалом і стояв розумом у центрі всього повіту» (*М. Возняк.* П. Куліш як інформатор галицького історика літератури. (Його листування з Ом. Огоновським) // Життя й Революція. – 1927. – № 12. – С. 291). У родині Білозерських шанували українську мову, народні звичаї та пісні. За свідченням Олександри Куліш, «Папа на гуслях грав і багато пісень співав» (*Ганна Барвінок.* Спогади про знаємість Куліша з домом Білозерських // Будучність. – 1909. – № 3. – 1 лют. – С. 34).

5. Йдеться про переклад «Rukopisu Královédvorského», здійснений Алєксандром Шишковим: Рукопись Краледворская, собрание лирико-эпических народных песен. Перевод с древне-богемского подлинника, изд. в 1819 году в Праге. – СПб., 1820. – 2, 171 с.

6. Мова про тритомне «Полное собрание сочинений И. А. Крылова с биографией его, написанной П. А. Плетнёвым» (СПб., 1847), що вийшло друком у січні. Того ж року появився однотомник для дітей, куди увійшли тільки байки Крилова. Для цього видання Плєтньов написав адаптовану біографію поета-байкаря.

144. До Михайла Юзефовича

Борзна, 14 січня 1847 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/18}{504}$.
Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 310–311.

1. Кулішеве весілля відбулося не 19 січня, у понеділок, а 24-го – у п'ятницю.

145. До Миколи Костомарова

Мотронівка, 16 січня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. III. – Арк. 49–50.
Першодрук: *Міяковський*, с. 69.

1. На вимогу слідчих жандармів прокоментувати це речення Куліш відповів: «Когда я был за несколько времени до своей свадьбы в Киеве, мы

завели с Костомаровым учёный диспут о влиянии христианства на образование народов. Не могу теперь припомнить, в чём именно мы не соглашались, что утверждали и что отрицали. Выражение же моё: "если это будет дозволено комнатами" не значит, что мы хотели говорить по секрету, но всяк согласится, что заводить историческо-богословские прения на свадьбе, посреди множества людей для нас чужих, было бы странно» (*КМТ*, т. 2, с. 52). Ця дискусія відбилася в Кулішевому листуванні з Костомаровим (див. лист 89). Для історика вона була актуальна, зокрема, тому, що він саме готував для університетських «Записок» статтю «Рассуждение о том, когда русские приняли св. крещение и кто просветил народ русский светом истинной веры» (див.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира. – К., 1884. – С. 286; опублікована не була).

2. Костомаров і Ґрабовський на Кулішевому весіллі не були (див.: *КМТ*, т. 2, с. 52).

146. До Олександри Білозерської

Мотронівка, 18 січня 1847 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28757.

Частково опубліковано (з контамінованими абзацами): *В. Шенрок.* П. А. Кулиш: (Биографический очерк) // КС. – 1901. – Март. – Отд. I. – С. 486.

Повністю друкується вперше.

На арк. 2 пізніший коментар Олександри Куліш (напис олівцем): «Насчёт празднованья свадьбы мы как-то не сходились во мнениях. Он воскликнул: "ах, я несчастный!" Это меня поразило: что же я его несчастным сделаю. – У меня дороже его и нет никого, и я сделаю его несчастным. И возвратила обруч[альное] кольцо, – а 24 генв[аря] была под венцом». У своїх спогадах удова письменника цей епізод переповіла інакше: ніби непорозуміння, після якого Куліш вигукнув «ах! я нещасний», а наречена повернула заручений перстень, сталося внаслідок того, що вона рішуче відмовилася прочитати вголос вірш Пушкіна. Свою відмову вона пояснювала сором'язливістю, а Куліш її сприйняв як впертість. Книжку поезій Пушкіна, з її слів, прислав їм Плєтньов перед весіллям (Українська хата. – 1911. – № 5/6. – С. 308–309).

Олександра Білозерська, майбутня дружина Куліша і письменниця, що писала під псевдонімом Ганна Барвінок, познайомилася з Кулішем улітку 1843 року, коли той, здійснюючи етнографічно-археографічну подорож по Україні, завітав разом із її братом Василем до Мотронівки (*В. Шенрок.* П. А. Кулиш // КС. – 1901. – Март. – Отд. I. – С. 473). На різдвяні свята того ж року Куліш гостював у Мотронівці декілька тижнів, зронивши в душу панночки зерно любові. Незабаром він попросив руки Лесі, проте отримав від її матері відмову, яку та мотивувала його матеріяльною незабезпеченістю. Їдучи у грудні 1846 року за кордон, Куліш побував у Мотронівці з наміром заручитися з Лесею, але тоді ж було вирішено не відкладати весілля. Вінчання відбулося 24 січня, причому за старшого боярина був Шевченко, який у церкві тримав над молодим вінець. Після

весілля молоде подружжя вирушило за кордон, взявши із собою Василя Білозерського і наміряючись, за свідченням Куліша в «Історичньому оповіданні», взяти й Шевченка (його подорож мала оплатити молода дружина коштом свого віна). У Варшаві, де молоді люди затримались, очікуючи на виготовлення закордонних паспортів, Куліша й Білозерського було арештовано.

У нашому томі подано десять листів Куліша до дружини і 13 її листів до нього. Невідомим залишається їхнє листування за періоди, коли Олександра перебувала в Мотронівці й коли воно, судячи з усього, було регулярним (друга половина вересня – жовтень 1847 року й червень–липень 1850 року), а також за час Кулішевого ув'язнення (про один його лист до дружини від 22 квітня 1847 року маємо свідчення у журналі слідства: *КМТ*, т. 3, с. 356; про ще один, датований початком травня, Олександра Куліш згадала в листі до Надії Забіли: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30267. – Арк. 1 зв. – 2).

147. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 29 січня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 57, 58–59. Список – на арк. 58–59.

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 36–37.

1. Ці листи, які висвітлюють перебіг російсько-турецької війни 1710–1713 рр., Бодянський опублікував у «Чтениях» в супроводі власної передмови (датованої 25 вересня 1847 р.): Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Филипа Орлика и киевского воеводы, Иосифа Потоцкого, на латинском и польском языках // ЧОИДР. – М., 1847. – Год. III. – № 1: Заседание 31-го мая, 1847 года. – С. I–IV, I–II, 1–68. У передмові видавець зазначив: «Подлинник доставлен нам, через посредство П. А. Г[осподина] К., от потомков самого Ханенка, обладающих также, как слышим, в высокой степени занимательным дневником славного предка [...]. Надеемся, что и этот замечательный памятник не замедлит порадовать нас своим появлением на свет».

Після публікації виникло незначне непорозуміння з поверненням рукопису власникові, у зв'язку з чим Бодянський писав Олександрові Ханенку (у листі від 20 серпня 1848 р.): «*Переписку Орлика* в подлиннике непременно возвращу с прочими Вашими бумагами. П. А., пересылая её ко мне, ни слова не сказал о возвращении её к Вам, а то б она давно уже была у Вас. Если угодно, пожалуй, я Вышлю Вам её по первому Вашему требованию» (ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{524-2}{5}$).

2. Див. лист 140.

148. До Михайла Юзефовича

Мотронівка, 29 січня 1847 р.

Подається за автографом: ЧІМ. – Інв. № Ал $\frac{17-98/19}{504}$.

Першодрук: *Письма к Юзефовичу*, т. LXIV, с. 311.

1. Куліш виїхав з Мотронівки 14 лютого, у п'ятницю (у його листі до Бодянського від 13 лютого читаємо: «Завтра вже їду з сього зачарованого куточка!»), а до Києва прибув наступного дня, в суботу.

149. До Пєтра Плєтньова

Мотронівка, 4 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 57–58 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 12 февр[аля] 1847».

Частково опубліковано: *О. Дорошкевич.* Шевченко в приватному листуванні // ЗІФВ / УАН. – К., 1926. – Кн. VII/VIII. – С. 374–375.

Повністю друкується вперше.

Отримавши Кулішевого листа, Плєтньов того ж дня, 12 лютого, написав до Ґрота: «Кулеш описывает свою свадьбу. Шевченко (малороссийский поэт и живописец) был у него шафером. Я послал Кулешу книгу Гоголя, от которой он, жена его и её мать в восхищении» (*Переписка*, т. 3, с. 18).

1. Про присутність Шевченка на Кулішевому весіллі, де він був старшим боярином, див. у спогадах Олександри Куліш (Українська хата. – 1911. – № 5/6. – С. 310–311). Також див.: *В. Шенрок.* П. А. Кулиш // КС. – 1901. – Март. – Отд. I. – С. 486–488.

2. Згодом в «Історичньому оповіданні» Куліш так писав про це: «Прощаючись із Шевченком, вона подарувала йому на спомин один дорогий клейнот, найдорожший з усього добра, яке мала коли: свою вінчальну квітку. Сим задушевним подарунком вона, в мислях своїх, знаменувала на нім, і вітала єго грядуще величчє, котрого так гаряче жадала для щастя України» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 26). У спомині «Згадка про Т. Г. Шевченка (1847 р.)» Олександра Куліш відзначила: коли Шевченка «арештували на Дніпрі, то в чемодані і мій подарунок був» (Українська хата. – 1911. – № 2. – С. 65).

Надія Забіла оповіла цей факт як свого роду знамення: «Прощаючись, він (Шевченко. – *Ред.*) відізвався до молодої:

– А що ви мені дасте на пам'ять сього дня?

Молода дівчина, не довго думаючи, скоро зірвала квітку з свого миртового вінка і подала йому.

Усі баби так і ахнули: "Буде нещастя!" (Тобто, кажуть, не годиться з весільного вінка давати кому квітку)» ([*Н. Кибальчич*]. Споминки про Т. Шевченка // Зоря. – 1892. – № 5. – 1 (13) марця. – С. 82. – Підп.: Наталка Полтавка).

3. Йдеться про «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.

4. Розділ «Женщина в свете» з «Выбранных мест из переписки с друзьями» є фраґментом Гоголевого листа до Алєксандри Смірнової.

5. Своє враження від прочитання Гоголевої книжки, щойно отриманої від Плєтньова, Куліш занотував до щоденника (запис 3 лютого): «К увеличению наших духовных наслаждений П[ётр] А[лександрович] прислал нам "*Выбранные места из переписки с приятелями*" Гоголя с наказом – запереться ото всех с Сашею и зараз прочитать внимательно всю книгу. Голос сердечного убеждения, которым проникнута эта книга, поразил теперь меня самого, хотя в Петербурге первые места этой книги, тогда печатавшейся, показались мне ниже таланта Гоголя; а мой друг так восхищался некоторыми письмами (особенно

письмом "*Женщина в свете*"), что хотел переписать их для себя, но я подарил ему всю книгу, чем он остался, кажется, немало доволен. Да, судя по свойству наших характеров, мы будем, кажется, счастливы" (*Щоденник*, с. 57).

6. З Мотронівки Куліш виїхав 14 лютого, через три тижні після весілля. До Варшави молоді прибули 4 або 5 березня.

150. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 7 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 47–48 зв.
Помітка про отримання: «Діс[тав] у понед[ілок] 24/II 47 р.».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 37–38.

Відповідь Бодянського див. лист 161.

1. Йдеться, мабуть, про книжки «Чтений». Про отримання якихось двох випусків цього видання, призначених для Куліша, Сердюков сповіщав Бодянського в листі від 15 березня 1847 р. (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 83. – Арк. 1). Див. також лист 161.

2. Цей рукопис Бодянський отримав, про що повідомляв Куліша у листі від 28 лютого 1847 р. (місцеперебування рукопису нині невідоме).

3. Можливо, йдеться про генерала Василя Простоквашина, який у другій половині XVIII ст. був директором Шосткинського порохового заводу. Його донька Катерина одружилася з воронежцем прапорщиком Іллею Григоровичем Гудимою-Левковичем (див.: Воспоминания и стихотворения Н. А. Шрамченка. – К., 1900), який, імовірно, доводився братом Кулішевому кореспондентові Матвієві Гудимі-Левковичу.

4. Йдеться про Малоросійську колегію – найвищий адміністративний орган Гетьманщини, що утворила Єкатеріна II 1764 року (існував до 1786 року).

5. У своїй хроніці Йоахим Єрлич негативно висвітлює постать митрополита Петра Могили, наводить факти, які свідчать про його жорсткість, переповідає різні плітки про нього, що ходили серед київських міщан та духовенства. Зокрема, за Єрличем, Могила силоміць змусив Ісаю Копинського, що мав промосковські погляди, зректися митрополичого сану на свою користь. Згодом Куліш негативно оцінював діяльність Могили, передовсім на ниві української культури: «Могила придушив у Києві нам духа» («Слово до німців на появ "Позиченої кобзи"»; 1890).

6. У листопаді 1846 року князь Ширінський-Шихматов як голова Відділу російської мови та словесности надіслав Міністерству народної освіти на ім'я графа Уварова листа з пропозицією щодо оплати Кулішевого відрядження. У ньому, зокрема, йшлося: «имею честь испрашивать распоряжения о сношении *с Берлинским и Венским* нашими посольствами касательно производства содержания Кулешу в будущие сроки, пополугодно вперёд, заграничными банкирами, заимообразно, на счёт Отделения русского языка и словесности, именно: на второе полугодие в Берлине (*згори дописано*: "(в мае 1847)". – *Ред.*), на третье в Праге (*згори дописано*: "(в ноябре 1847)". – *Ред.*), а на четвёртое (*згори дописано*: "(в мае 1848)". – *Ред.*) и пятое (*згори дописано*: "(в ноябре 1848)". – *Ред.*) в Вене» (РДІА. – Ф. 733. – Оп. 13. – Спр. 76. – Арк. 20 зв.). 12 грудня з канцелярії міністерства вийшло подання за підписом графа Уварова про те, щоб у травні до Берлінської місії

надійшла для Куліша сума 571 руб. 84 коп. ср. (Там само. – Арк. 21–21 зв.). Ширінського-Шихматова з того-таки міністерства листом від 24 січня повідомили, що Куліш зможе отримати згадану суму в Берліні у травні (Там само. – Арк. 24).

7. Помпей Білозерський, поручик гусарського короля Нідерландського полку, розташованого в місті Бяли, перебував у Варшаві на лікуванні (хворів на епілепсію). Куліші в нього зупинилися (у будинку № 429, на Краківському передмісті).

8. Думу «Івась Коновченко» Василь Білозерський записав 16 вересня 1845 р. у Києві, від лірника Іллі Сербина з с. Гореничів Київського повіту (запис опублікувала з архіву Бодянського Катерина Грушевська у кн.: Українські народні думи. – Х.; К., 1931. – Т. 2 – С. 291–293; факсимільне видання: К., 2004).

151. До Пєтра Плєтньова

Мотронівка, 7 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 59–61.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 20 февр[аля] 1847; о[тветил] 7 мар[та] 1847».

Друкується вперше.

1. Уявлення про зміст листа Плєтньова можна скласти на підставі Кулішевого листа до Бодянського, написаного 7 лютого – того ж дня, що й коментований лист.

2. Тобто Платона Ширінського-Шихматова.

3. Текст інструкції див. у прим. 9 до листа 99.

4. Йдеться про Василя Білозерського. Див. прим. 2 до листа 86.

5. Закордонного паспорта Білозерський не отримав.

6. Йдеться про тритомник «Полное собрание сочинений И. А. Крылова с биографией его, написанной П. А. Плетнёвым».

7. Листування Куліша з Миколою Мурзакевичем невідоме. У Кулішевих нотатках зазначено адресу одеського історика – свідчення того, що під час закордонної подорожі письменник мав намір підтримувати з ним зв'язок (*КМТ*, т. 2, с. 34).

152. До Осипа Бодянського

Мотронівка, 13 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 45–45 зв.

Помітка про отримання: «Дос[тав] 24/II 47, у понед[ілок]». Відповідь Бодянського див. лист 161.

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 39.

У листі дописка Василя Білозерського:

«У Києві на риночку орел воду носить,
Ой там козак свого пана хорошенько просить:
Пусти мене, пане-отамане, з Києва додому –

Не вручив я дівчиноньки своєї нікому.
"Дай нам, Боже, панове-молодці, неділі дождати,
То буду вас щонеділі додому пускати".
Коли тая, пане-отамане, неділонька буде,
Що на мою дівчиноньку знаходяться люде
(...)
І дощ не йде, й хмари нема, а в сінечках слизько:
Одкланявся козак дівці у ніженьки низько.
Ой дав же він одкліного – коня вороного;
Вона йому одкліночку – шиту хустиночку:
"Ой на тобі хустиночку уста протирати,
Задля слави козацької сідельце вкривати".
Ой як гляну на сідельце – стишу своє серце,
Ой як гляну на хустину – згадаю дівчину.
Чи не дівчина, чи не рибчина сю хустину шила:
Вона мені, молодому, серденько всушила.

(Записав у Киевск[ому] п[овіті]
Вас. Білозерский. 1845).

Василь Білозерский засилає Осипу Максимовичу щирий поклон за його безцінні труди для коханої України».

1. Цей рукопис псалмів Бодянський отримав, про що сповіщав Куліша в листі від 28 лютого 1847 р. (№ 161).

2. Особа невідома.

3. «Literatura i krytyka» – збірник літературно-критичних праць Ґрабовського у двох томах (трьох частинах), що появився у 1837–1838 рр. у Вільні. У першій частині опубліковано статті «O poezyi XIX wieku», «Literatura francuzka», «Domówienie»; у другій – цикл статей, об'єднаних назвою «O pieśniach ukraińskich, z powodu wydanego pierwszego tomu zbioru gminnych pieśni ukraińskich, przez Pana Maxymowicza, w Moskwie, 1834 roku»; у третій – «O nowej literaturze francuzkiej, nazwanej literaturą szaloną». Який рукопис, що являв собою одну з названих статей або її частину, Куліш надіслав Бодянському – невідомо.

З «Literatury i krytyki» Куліш опублікував, у своєму перекладі російською і в супроводі власної передмови, фрагмент під назвою «Отзыв Грабовского о Пушкине» (Современник. – 1846. – Т. XLI. – № 2. – С. 234–244). Від'їжджаючи за кордон, він залишив на зберігання у Миколи Даниловича Білозерського брульйон якогось автографа з «Literatury i krytyki». Як свідчить опис, поданий до III відділу, це була «выписка на польском языке в четвертушках и осьмушках, не имеющие общего заглавия, которые перевязаны нитью и припечатаны печатью» (*КМТ*, т. 2, с. 65).

4. Від'їзд із Мотронівки уможливився після того, як Василь Білозерський 13 лютого отримав у Борзнянському земському суді білет (за № 984) на проїзд у Польське Королівство та проживання там до 1 січня 1848 р.

153. До Пєтра Плєтньова

Київ, 18 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 62–62 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 25 февр[аля] 1847».

Друкується вперше.

1. У Києві Куліш пробув з півтора тижня, виїхавши 25 лютого.

2. Костомаров заручився з Аліною Крагельською 13 лютого. Дівчину він знав з пансіону пані Де-Мельян, у якому викладав з 1845 року. Влітку 1846 року він їздив відпочивати до Одеси, де знову зустрівся з нею. Протягом осені–зими їхні зустрічі стали регулярними. Весілля було призначено на 30 березня, першу неділю після Великодня (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 480). Проте 28 березня Костомарова арештували.

3. Вірш Жуковського «Теон и Эсхин» (1814; у першодруці в «Вестнике Европы» 1815 року – «Теон и Есхин»). Вміщений у всіх прижиттєвих виданнях творів Жуковського.

4. Рядки з поезії «Теон и Эсхин».

5. У статті «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова», що супроводжувала видання творів поета-байкаря, Плєтньов писав про пристрасть Крилова до картярської гри, яка в певний час запанувала над ним. Вирок, що його виніс Плєтньов цій грі, містився у такій фразі, яка повністю резонувала з Кулішевим настроєм: «недостаток истинно-хорошего воспитания, отсутствие в душе правил строгой нравственности, привычка к развлечениям внешним, пример общества и его испорченные нравы незаметно роднят нас с этим унизительным препровождением времени и постепенно разжигают в нас другие страсти, удовлетворяемые выигрышем» (Сочинения и переписка П. А. Плетнёва. – СПб., 1885. – Т. 2. – С. 63).

154. Від Павла Максимовича

Санкт-Петербург, 18 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 49–49 зв.

Лист написано у відповідь на листи Куліша від 18 грудня і 16 січня з Борзни (*КМТ*, т. 2, с. 36; не збереглися).

Першодрук: *Міяковський*, с. 69–70. У публікації документів слідчої справи Кирило-Методіївського братства адресанта цього листа атрибутовано помилково: «М. Максимович» (*КМТ*, т. 2, с. 34–35).

У 1845–1846 рр. у Петербурзі Куліш зблизився з родиною Павла Максимовича, який належав до плєтньовського гуртка й, очевидно, дотримувався його літературно-громадських поглядів. Через декілька днів після Кулішевого переїзду до столиці Плєтньов писав до Ґрота в листі від 17 листопада 1845 р.: «Ещё вчера вечером отправил я Кулеша с визитом к Максимовичу, который знает его, видевшись с ним в Киеве, и любит, ибо и мне хвалил его» (*Переписка*, т. 2, с. 630). За словами Куліша, що їх Плєтньов переповів Ґротові, «Максимович страстен к Малороссии» (Там само. – С. 653).

У 1846–1847 рр. Максимович допомагав Кулішеві з продажем книжок. Так, у своїх нотатках Куліш зазначив, що лишив у Максимовича для передачі на комісію у травні 1846 року по 20 примірників «Михайла Чарнышенка...» і «України», у жовтні – 110 примірників «Михайла Чарнышенка...» (*КМТ*, т. 2, с. 26). У лютому 1847 року Максимович отримав 30 примірників «Літопису Самовидця» і мав отримати 170 «Украинских народных преданий».

Було принаймні два листи Куліша до Максимовича – від 18 грудня 1846 р. (адресований також до його дружини) та 16 січня 1847 р. (Там само. – С. 36; обидва нині невідомі).

1. Можливо, йдеться про Єлизавету Юскевич-Красковську. За свідченням Миколи Михайловича Білозерського, вона «славилась прекрасным пением украин[ских] песен» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 208).

2. Натяк на можливе знайомство когось із неодружених братів Білозерських із донькою Максимовича Євгенією.

3. Батько Павла Максимовича – Петро Дем'янович, протоієрей Києво-Подільської Успенської церкви, у 1847 році був за штатом (див.: За сто літ. – [К.], 1928. – Кн. 2. – С. 94; коментар Володимира Міяковського). Під час від'їзду за кордон Куліш занотував для пам'яті: «Быть два раза у отца Павла Петровича М[аксимовича]» (*КМТ*, т. 2, с. 37).

4. Очевидно, йдеться про Євгенію, дочку Павла Максимовича.

5. У своїх записках Куліш занотував: «Из Киева написать к П. Макс[имовичу] об 1 экз[емпляре] для Савича» (*КМТ*, т. 2, с. 35). З Олексою Савичем, свідомим українцем, Куліш зустрічався у Плєтньова. Згодом із ним познайомилася й Олександра Куліш, приїхавши на початку 1849 року до Петербурга. У 1860-х роках Савич зблизився з «основ'янами». Зосим Недоборовський про нього згадував як про «добродушного малороссиянина» (КС. – 1893. – Февр. – Отд. І. – С. 207).

6. Йдеться про «Краткую историю о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми, в царствование Владислава и Казимира, в продолжение двенадцати лет, начиная с 1647 года», опубліковану в «Чтениях» (1846. – Год II. – № 4. – Отд. III. – С. I–II, 1–56) і окремою відбиткою. Це переклад анонімного польського твору «Historya o buntach Chmielnickiego, o wojne z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za króla Władysława i Jana Kazimierza przez lat dwanaście krótko zebrana, ab anno 1647» (Wrocław, 1842), що є, своєю чергою, прозовою переробкою поеми Самуеля Твардовського «Wojna domowa».

7. Цей лист невідомий.

155. Від Петра Сердюкова

Санкт-Петербург, 21–22 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. XIII. – Арк. 6–6г зв.

Переклад російською: Ч. XIII. – Арк. 7–15 зв.

Першодрук: *Міяковський*, с. 70–75.

Цього листа Куліш не отримав, оскільки 25 лютого уже виїхав з Києва. Лист надійшов на адресу Костомарова; де під час обшуку в помешканні

історика його було вилучено. 17 травня Бібіков надіслав коментований лист разом із російським перекладом до III відділу (отримано 26 травня), де на Сердюкова завели справу. Слідчі звернули увагу на два місця у листі – відгук про поезію Шевченка («когда читаешь сочинение Шевченки, то чувствуешь какую-то высшую силу поэзии») та лайку на адресу «полоумной москальвы». Відтак за Сердюковим встановили таємний нагляд, що тривав протягом червня–серпня 1847 року.

Петро Сердюков – близький приятель Куліша з часів його навчання в Новгород-Сіверській гімназії. Про їхнє знайомство письменник згадував у автобіографії: «У трейтьому класі гимназиї, куди переведено його (Куліш. – *Ред.*) з повітового училища трохи чи не первим, спознався він ближче з товаришем Сердюковим – і сей товариш стався праведним його наставником. [...] Не мала міри прихильність його до Сердюкова, споглядав він на його як на сонце, і багацько високого і чесного впоїв у себе від його» (*Жизнь*, ч. 3, с. 34). Куліш і Сердюков разом читали Ґете, Шиллера, Пушкіна, й естетичні смаки Куліша у цей період певною мірою формувалися під впливом Сердюкова. Згодом їхні дороги розійшлися, проте Куліш не поривав контактів зі своїм товаришем. Його листи до Сердюкова невідомі.

1. Перефразовані рядки з «Енеїди» Котляревського: «Із Ганімедова пуздерка / Утер трохи не з піввідерка» (пісня 2, строфа 36).
2. Див. прим. 9 до листа 82.
3. Парафраза з Квітчиного оповідання «Салдацький патрет»: «Нічавоста; для хахлов і такий Бог брядє».
4. Цитата з «Сатир» Квінта Горація Флякка (I, 10): «Часто свій стиль повертай» (*латин.*).
5. Чикилдиха – «название плохой водки» (*Б. Грінченко.* Словарь української мови. – К., 1909. – Т. IV. – С. 462).
6. Сулія – «большая бутыль» (Там само. – С. 228).
7. Халяндра – «цыганский танец. *У вікон школярі співали, халяндри циганки скакали.* Котл[яревський]. Ен[еїда]. II. 14» (Там само. – С. 385).
8. Цьохля – «живая, проворная (в неодобрительном смысле) женщина» (Там само. – С. 439).
9. Галитися – «быть глажену галом»; гал – «стеклянный шар для глаженья» (Там само. – К., 1908. – Т. II. – С. 268).
10. Шерітвас – «чан» (Там само. – Т. IV. – С. 492).
11. Значення цього слова у XIX ст. – бруд (Там само. – Т. II. – С. 208–209).
12. Село в Калузькій губернії, відоме з часів війни 1812 року.
13. Петербурзька адреса Сердюкова: на Васільєвському Острові, на малому проспекті, між 9 і 10 лініями, у будинку Дьяконової (*КМТ*, т. 3, с. 171). У березні–квітні він переселився до будинку Алєксєєва.
14. Див. прим. 1 до листа 150.
15. Цей (очевидно, автобіографічний) твір, написаний у бурлескно-травестійній манері, невідомий.
16. Першу лекцію (зі вступним словом про Прейса) в Санкт-Петербурзькому університеті Срезневський прочитав 28 січня 1847 р.
17. Цитата з «Енеїди» Котляревського (пісня 1, строфа 33).
18. Йдеться про розвідку Сенковського «О происхождении имени Рус-

сов». З огляду на те, що автор через хворобу не був присутній на щорічному університетському Акті, його працю зачитав Вільям Діттель (див.: Годичный Акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 8 февраля 1847 года. – СПб., 1847. – С. [I]).

19. Цитата з «Енеїди» Котляревського (пісня 4, строфа 66).

20. Про те, що етноніми «русь» і «гот» означали одну й ту саму народність, Сердюков писав Бодянському в листі від 15 березня 1847 р.: «Один арабский писатель свидетельствует, что руссы приняли христианскую религию в *IV* веке: это могли быть одни только *готы*, которые действительно приняли в этом веке христианство от ариян, – одни они, потому что в местах их жительства Восточной империи существовала *русская* епископия, – (потому что у литовцев слова *русь* и *гот* имеют одно значение)» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 83. – Арк. 5 зв.). Можна думати, що в листі до Куліша Сердюков мав на увазі цю ж аргументацію.

21. Про плем'я будинів і дерев'яне місто Гелон, розташоване в місцевості, де вони мешкали (на північний схід від скитів), мовиться в четвертій книзі Геродотової «Історії» (пункти 21, 108, 109). За Геродотом, будини – велике плем'я кочовиків, зі світло-голубими очима й рудим волоссям. Мешканці Гелона – еліни.

22. У переліку книжок, які Куліш залишив у Миколи Даниловича Білозерського в Борзні, зазначено: «"Малороссийские повести" Грицька Основьяненка 1837–1841 г.» – дві книжки (*КМТ*, т. 2, с. 63). Йдеться про дві збірки Квітчиних повістей «Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком» (М., 1837; Х., 1841).

23. Найімовірніше, йдеться про видання «Чигиринський кобзар і Гайдамаки» Шевченка (СПб., 1844).

156. До Пєтра Плєтньова

Київ, 25 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 64–65 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 5 мар[та] 1847. О[тветил] 6 мар[та] 1847».

Друкується вперше.

1. Перед від'їздом за кордон Куліш улаштував у Києві прощальний вечір, на який запросив усіх своїх приятелів. Його дружина згадувала: «В Києві Куліш зробив вечірку. [...] Тут були: Костомарів, Шевченко (мемуаристка, треба думати, помилилася: у цей час поет перебував на Чернігівщині. – *Ред.*), брат Василь, Гулак, Опанас Маркович, Навроцький та багато инших, не менше 25 чоловік. Я була зачарована. Було ще гостей осіб з десять – сторонніх, непричасних до сього діла (кирило-методіївського. – *Ред.*) ідейно. Куліш безпрестанно підводив до мене з гуртка нових знайомих і знайомив мене зо всіма. Були любі щирі вітання, віншування...» (Українська хата. – 1911. – № 7/8. – С. 303–304).

2. Див. лист 137.

3. Про своє знайомство з Варварою Рєпніною Куліш занотував також у щоденнику (23 лютого): «На всяком благородном человеке лежит обязанность узнавать достойных людей и приобретать в них себе на всякий случай орудия для добрых дел. Это заставило меня познакомиться с княгинею

Варв[арою] Никол[аевною] Репниною, как с особою характера сильного и человеколюбивого» (*Щоденник*, с. 58–59).

У першій половині 1840-х років Юзефович як покровитель Куліша надіслав його роман «Михайло Чарнышенко...» князеві Миколі Рєпніну, прохаючи звернути на цей твір увагу княжни. «Имею честь при сем препроводить сочинение молодого литератора Кулеша, – писав він у листі, датованому 27 жовтня. – Рекомендуя его Вашему благосклонному вниманию, я вместе с тем прошу милостивого к нему снисхождения у княжны Варвары Николаевны. Особенно прошу полюбить запорожца Щербину (персонаж роману. – *Ред.*)» (РДІА. – Ф. 1035. – Оп. 1. – Спр. 40. – Арк. 1 зв.). Про княжну Куліш міг чути і від Пєтра Балабіна, з яким він зустрічався у Плєтньова (Балабін і Плєтньов були приятелями і часто навідували один одного; молодий Гоголь, з рекомендації Плєтньова, був репетитором доньки Балабіних Марії і зустрів у їхній оселі теплий прийом). Родинні зв'язки Рєпніних із Балабіними встановилися через Варвариного брата – Віктора, який одружився з донькою Пєтра Балабіна – Єлізавєтою. Куліш не міг не знати (можливо, від самого поета) і про взаємини Варвари Рєпніної з Шевченком, який присвятив їй поему «Тризна».

Кулішева характеристика княжни достовірна. У 1843 році Петро Селецький, побувавши в маєтку Рєпніних у Яготині, писав про княжну так: «[...] энергичная, легко увлекавшаяся девица зрелых лет, худая, тоненькая, с большими, живыми выразительными глазами [...] добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидением бедных и несчастных, раздавала что у ней было, и принимала самое тёплое участие во всех прибегавших к её помощи и совету» (Записки Петра Димитриевича Селецкого // КС. – 1884. – Авг. – Отд. I. – С. 619).

Чому Куліш назвав Балабіна Франкліном – невідомо.

4. Йдеться про родину польського письменника, фольклориста та етнографа Антонія Альберта Марцінковського (1823–1880). Про те, що Куліш спілкувався саме з цією родиною, свідчить Микола Білозерський: «В Киеве они (подружжя Кулішів під час проїзду за кордон. – *Ред.*) часто вид[елись] с сем[ейством] писат[еля] А. Марцин[ковского]» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 45). Відомо, що пані Марцінковська була знайома з Надією Забілою, через яку Куліш передавав їй вітання з Тули. У «Хуторской философии...» він згадував: «[...] в Киеве я был весьма дружески близок с прекрасным семейством Марцинковских. И там все научные и общественные вопросы были штудируемы нами» (*П.Кулиш.* Хуторская философия и удалённая от света поэзия. – СПб., 1879. – С. 95). З Марцінковськими контактували Василь Білозерський та Опанас Маркович. (див.: *КМТ*, т. 3, с. 97).

Про зустріч із Марцінковськими Куліш занотував у щоденнику: «Вчера вечером (24 лютого. – *Ред.*) собралось у меня несколько образованных людей и дам. Вечер прошёл в дельных толках между мущинами и женщинами и в любезностях между дамами. Семейство Марцинковских очень полюбило мою жену и дало ей понятие о том, что она может найти в туманной для неё Европе» (*Щоденник*, с. 59).

Марцінковські мешкали в Києві у власному будинку на Хрещатику, біля Університетського бульвару.

5. У щоденнику ця думка (із незначними відмінностями) має таке закінчення (запис 18 лютого): «Иногда молчать для меня – истинное удовольствие, особенно когда вспомнишь, что вступая в мелкие ссоры с женщинами, ставишь себя на одну с ними доску» (*Щоденник*, с. 58).

157. Від Миколи Рігельмана

Київ, 24 ... 25 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 57.

Датується на підставі листів Рігельмана до Штура (24 лютого) й Ганки (25 лютого), вручених Кулішеві для передачі цим адресатам.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 40. У публікації документ атрибутовано помилково як лист «П. О. Куліша до Кронбергера (?)».

Рігельман вручив свій лист Кулішеві у Києві разом із листами до Вацлава Ганки та Людовіта Штура. Їх знайдено в Куліша під час обшуку й долучено до слідчої справи. Через те Рігельман також потрапив під слідство. Його допитали в Києві, а протокол допиту передали до III відділу. Відтак за Рігельманом було встановлено таємний нагляд.

У листах до Ганки та Штура Рігельман позитивно рекомендував Куліша як перспективного й уже знаного літератора й ученого. Так, у листі до Штура (датованому 24 лютого) він писав: «Наш соотечественник, г-н Кулиш, уже известный своими замечательными заслугами в отношении Украины, которого просим вас принять с обычною вам братскою любовью; он вам сообщит обстоятельные известия о нашей словесности современной и о движении жизни нашего отечества» (*КМТ*, т. 2, с. 28). Приблизно те саме він писав і Ганці (Там само. – С. 41–42).

У листі до Куліша згадано ще одного адресата – Вука Караджича, якому Куліш мав передати від Рігельмана «Московский литературный и учёный сборник». Проте рекомендаційного листа Рігельмана до Караджича не виявлено.

Про знайомство з Кулішем Рігельман на допиті розповів так: «Когда Кулиш приехал в Киев, проездом за границу, в феврале месяце сего года, я с ним познакомился случайно. [...] Увидев из инструкции, данной ему от академии (которую он мне показал), что он послан на казённый счёт за границу по предмету изучения славянских языков, я вздумал облегчить ему знакомство с теми людьми, у которых он должен был учиться» (*КМТ*, т. 3, с. 156). Куліша він уперше зустрів у помешканні Костомарова, з яким познайомився наприкінці 1846 року на засіданні Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (Там само. – С. 158).

Куліш засвідчив, що він бачився з Рігельманом двічі (Там само. – Т. 2. – С. 57). Можна думати, саме після розмови з Рігельманом він занотував для пам'яті: «В Пресбурге отличный славянин словак Штур» (*КМТ*, т. 2, с. 35).

1. Ґартенштайн – купець у Бродах, через якого здійснювалася пересилка книжок до Росії. Його послугами користувався Денис Зубрицький, одержуючи книжки від російських колеґ, зокрема Погодіна та Бодянського.

2. Йдеться про монографію історика російської церкви, майбутнього Московського митрополита Макарія «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви» (СПб., 1846). Друге, виправлене видання появилося 1868 року в Петербурзі. Сучасне перевидання вийшло 1994 року в Москві як перша книжка його багатотомної «Истории русской церкви».

3. Можливо, йдеться про путівник Збройною палатою, що його склав помічник її директора Александр Вельтман: *А. Ф. Вельтман*. Московская Оружейная палата. – М., 1844. – VIII, 172, 74 с.: 35 л. ил.

4. Мова про видання: «Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» (СПб., 1846). З 1856 по 1889 рік воно витримало близько десяти перевидань.

5. «Московский литературный и учёный сборник» (див. прим. 5 до листа 49).

158. До Михайла Юзефовича

Київ, кінець грудня 1846 року ...
друга половина лютого 1847 року

Подається за автографом: ЦДІА. – Ф. 873. – Оп. 1. – Спр. 39. – Арк. 1.

Датується орієнтовно за змістом: Куліш написав записку, мабуть, під час проїзду через Київ наприкінці грудня 1846 року або у другій половині лютого 1847 року.

Друкується вперше.

159. До Осипа Бодянського

Київ, Рудненська станція (?), 20–26 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 44–44 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 10/III 47, в понед[ельник]».

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 40.

1. Цей лист невідомий. Серед решток архіву Юзефовича, що зберігаються в ЦДІА, його немає. Див. прим. 1 до листа 140.

2. Листи Свідзінського до Бодянського невідомі, й про те, що вони листувалися, відомостей немає.

3. Куліш познайомився з Рігельманом у Києві приблизно 18–20 лютого на квартирі у Костомарова (див. преамбулу в коментарі до листа 157).

4. Йдеться про перші чотири номери «Чтений» за 1846 рік. У чорнових записах, вилучених у Куліша під час обшуку, занотовано: «При свидании спросить у Ригельмана о 1, 2, 3 и 4 № «Чтений» первого года, посланных Судьенку по его требованию. Где они?» (*КМТ*, т. 2, с. 36).

5. Найімовірніше, йдеться про Рудненську станцію, де Куліші заночували. Про перебування на ній див. у подорожньому нарисі Олександри Куліш (*Анна Барвинок*. С Волыни: Отрывок // Основа. – 1861. – Янв. – С. 283–284). Зберігся автограф первісного варіянта, зміненого під час публікації (ЧЛМК. – Інв. № А–2642. – Арк. 2 зв. – 3). Також можливо, що в коментованому листі згадано першу станцію за Радомишлем – Березівку (бл. 115 верст од Києва). Про переїзд через неї див. у тому ж нарисі Олександри Куліш, розділ «Березенская станция» (ЧЛМК. – Інв. № А–2642. – Арк. 2). У публікації цей розділ подано в істотно зміненій редакції та без зазначення назви станції (с. 282–283).

6. Про кого йдеться – невідомо.

7. Закінчення листа немає (другий аркуш відірвано). Бодянський відіслав його Срезневському, долучивши до свого листа від 8 квітня 1847 р. Готуючи до видання свій пісенний збірник, Бодянський від імені Куліша звернувся до Срезневського за тими записами історичних пісень, що їх Куліш надіслав харківському професорові ще 1846 року (серед них була значна частина пісень, які Куліш

скопіював зі збірки Костомарова). «Посылаю Вам, почтеннейший Измаил Иванович, – писав Бодянський, – отрывок письма г. *Кулеша* ко мне, из которого Вы узнаете, что он просит меня написать к Вам, чтобы Вы прислали ко мне те из его песен, которые остались у Вас до сих пор. Начало этого отрывка находится на предыдущей странице, остающейся у меня; вот оно: "Ще прошу" и так далее. Высылая эти песни, прошу Вас приобщить к ним и этот отрывок письма» (РДАЛМ. – Ф. 436. – Оп. 1. – Спр. 1168. – Арк. 39). У наступному листі до Срезневського (від 29 квітня 1847 р.) Бодянський знову порушив це питання: «Прошу не запомнить о сборнике песен исторических г. Кулеша. [...] Что это я слышу о нём, Костомарове и Шевченке. Правда ли, что они теперь у Вас в Питере?» (Там само. – Арк. 41 зв.). Мабуть, зведене зібрання народних пісень Бодянський задумав опублікувати, як і «Украинские народные предания», у «Чтениях», у новому відділі «Материалы славянские» (див. прим. 16 до листа 99). Оскільки позитивної відповіді Срезневський не дав, то Куліш уже під час заслання в Тулі намагався повернути позичені пісні (безуспішно).

Своє зібрання пісень Бодянський за життя так і не видав. Його опубліковано: Українські народні пісні в записах Осипа та Федора Бодянських / Упоряд. та прим. А. Ю. Ясенчук; Заг. текстолог. ред. та вступ. ст. О. І. Дея. – К., 1978. – 326 с.

160. До Пєтра Плєтньова

Острог, 27 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 66–67 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 9 мар[та] 1847».

Друкується вперше.

Перші три абзаци цього листа Куліш дослівно переписав до свого щоденника під тим же числом – 27 лютого (*Щоденник*, с. 59–60). Що лист був джерелом тексту для щоденника (а не навпаки), свідчить наявна в листі правка і внесення до щоденника остаточного варіянта. Див. також преамбули в коментарях до листів 130, 133, 136, 163.

Подорож із Києва до Варшави, а саме переїзд через Рудненську поштову станцію, Житомир і Новоград-Волинський Олександра Куліш описала в подорожньому нарисі, опублікованому в «Основі» (*Анна Барвинок.* С Волыни: Отрывок // Основа. – 1861. – Янв. – С. 282–292). На арк. 1 зв. автографа нарису (див. прим. 5 до листа 159) – авторський напис: «Дорога нам стоила из Борз[ны] до Варшавы 130 р. с. с покупкою тарантаса при запряжке лишних лошадей, ломке экип[ажа] и мошенничестве жидов».

1. Йдеться про Семена Шаржинського, товариша Гоголя і Плєтньова. Про їхні стосунки промовляє такий факт: друкуючи в «Современнике» свою рецензію на «Мёртвые души», Плєтньов поставив під нею підпис: «С. Ш. 19 июня, 1842. Житомир». Прозорий натяк вводив в оману. Так, Микола Прокопович, сповіщаючи Гоголя про цю рецензію, запитував: «Ужели Шаржинский» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 110). Як припускає Ігорь Віноградов, Плєтньов цією містифікацією дав зрозуміти, що розгадав у Шаржинському прототип Чичикова (Неизданный Гоголь / Изд. подг. И. А. Виноградов. – М., 2001. – С. 524). Про ставлення Плєтньова до Шар-

жинського свідчить і те, що в кабінеті петербурзького академіка висів портрет житомирського поштмейстера (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 годах. – М., 1925. – С. 45).

2. Це свідчення Шаржинського Куліш використав у біографічній праці про Гоголя. Коментуючи лист Гоголя до Максимовича, у якому йдеться про Шаржинського, він зазначив: «Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для своего "Тараса Бульбы", например: степные пожары и лебеди, летящие в зареве по тёмному ночному небу, как красные платки» ([*П. Кулиш*]. Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. – СПб., 1854. – С. 21. – Подп.: Николай М.). Цю саму нотатку Куліш дослівно передрукував у своїх «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 145).

161. Від Осипа Бодянського

Москва, 28 лютого 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 64. – Арк. 46–47.
Першодрук: *Шацька*, с. 231–234.

Лист є відповіддю на Кулішеві листи від 7 та 13 лютого 1847 р. (№№ 150, 152). Чистовий автограф зберігається в архіві Бодянського, тому не можна з певністю ствердити, що листа було відіслано і Куліш його прочитав.

1. Можливо, Бодянський мав на увазі велику публікацію «Летописного повествования о Малой России...» Олександра Ріґельмана, що її розпочато в грудневій книжці «Чтений» (вийшла друком наприкінці лютого).

2. Йдеться про лист Метлинського до Куліша від 4 грудня 1846 р. з Харкова (№ 126).

3. Цей лист Матвія Гудими-Левковича до Куліша невідомий. Проте зберігся його супровідний лист до Бодянського від 30 січня 1847 р. (помітка про отримання: 6 лютого 1847 р.), де, зокрема, сказано: «[...] Пантелеймон Александрович Гª Кулеш, отправляясь за границу и желая иметь со мною переписку, удостоверил меня, чтобы я только адресовался, с посылкою на имя его, письма к Вам, то Вы, по известию Вашему об нём, препроводите оное к нему, что, надеюсь, и приймете труд исполнить отправить при сем вложенное и почтите меня, старика, уведомлением в город Чернигов [...]» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 95. – Арк. 68).

4. Див. Кулішів лист до Бодянського від 7 лютого 1847 р. (№ 150).

5. Бодянський був у тривалому закордонному відрядженні «для усовершенствования в истории и литературе славянских наречий» від 1837 до 1842 року. Спершу його офіційно відрядили лише на два роки. У червні 1839 року, після його клопотання, термін продовжили ще на півроку, а в листопаді 1839 року дозволили бути за кордоном до вересня 1840 року. Проте Бодянський через хворобу повернувся до Росії лише у травні 1842 року (Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. – М., 1855. – Ч. І. – С. 92–93).

6. Очевидно, у Москві Куліш радився з Бодянським щодо своєї поїздки до слов'янських країн і той порекомендував йому спершу відвідати Прагу й познайомитися з Шафариком. Бодянський і Шафарик перебували в тісних наукових контактах, що вилилися в регулярне листування, яке тривало від 1836 до 1857 року. 2 січня 1847 р. Бодянський попередив Шафарика про

приїзд Куліша й просив сприяти йому в усьому. Цей лист не зберігся, однак відома відповідь Шафарика від 5 лютого (помітка Бодянського про отримання: 10 лютого): «Kuleš nám bude vitán» (Korespondence Pavla Josefa Šafaříka / Vydal V. A. Francev. – Praha, 1927. – Část I. – S. 108).

У зв'язку зі зміною напрямку подорожі виникла колізія, про яку йдеться у листі. Куліш за інструкцією повинен був їхати з Варшави до Берліна (див. прим. 9 до листа 99, прим. 6 до листа 150). Натомість він задумав спершу відвідати Чехію і Словаччину (заручившись рекомендаціями до Шафарика, Ганки і Штура), але зрештою відмовився від цього наміру, вирішивши їхати таки до Берліна.

162. Від Петра Чуйкевича

Кам'янець-Подільський, 1 березня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 54–55.

Першодрук: *Міяковський*, с. 75–76.

Петро Чуйкевич – Кулішів товариш дитинства; знайомий Шевченка й Костомарова. В автобіографії Куліш зазначив, що «з ним ріс від семи літ і спав ув одній хаті» (*Жизнь*, ч. 3, с. 34). Згодом вони одночасно перебували у Києві, де Чуйкевич закінчив університет, й у Рівному, де той був учителем латинської мови у гімназії. Михайло Чалий, який познайомився з Кулішем на початку 1840-х років, про київський період згадував: «Неразлучные друзья-земляки жили на Графском переулке, позади известного в то время винного магазина Финке, над Провальем» (*М. Чалый.* Юные годы П. А. Кулиша // КС. – 1897. – Май. – Отд. I. – С. 296). За дорученням Куліша, Чуйкевич у 1846–1847 рр. перекладав з латини літопис Самійла Ґрондського «Historia belli Cosacco-Polonici». В «Украинских народных преданиях» Куліш вмістив переказ у запису Чуйкевича – «Степан Плаха» (М., 1847. – Кн. 1. – С. 8–10), згодом передрукувавши його в «Записках о Южной Руси» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 117–121). Про Кулішеві взаємини з Чуйкевичем див.: *В. Терлецький.* Штрихи до взаємин Пантелеймона Куліша із земляками // Пантелеймона Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк, 2000. – С. 85–88.

У нашому виданні подано один лист Чуйкевича до Куліша й Кулішеву відповідь. Невідомим залишається Кулішів лист до Чуйкевича з Тули, написаний у лютому 1849 року (див. лист 275). Відомостей про інші Кулішеві листи до нього за період 1840-х років немає.

1. Чуйкевич зустрічався з Костомаровим у Києві, де пробув близько трьох тижнів (див. його свідчення на допиті в Бібікова під час кирило-методіївського процесу: *Н. Є. Полонська.* П. О. Чуйкевич. (З кола знайомих Т. Шевченка) // Питання шевченкознавства. – К., 1978. – С. 27).

2. Шевченко після Кулішевого весілля, що відбулося 24 січня, мешкав на Чернігівщині, зокрема гостював у Седневі в Андрія Лизогуба та у с. Бігачах у Кейкуатових. 5 квітня він повернувся до Києва, але на переправі через Дніпро його заарештували.

3. Йдеться передовсім про етнографічні оповідання «О том, отчего высох Пешевцов став», «О том, что случилось с козаком Бурдюгом на Зелёной неделе» та «Огненный змей. (Повесть из народных преданий)», в основу

яких лягли воронезькі леґенди, та роман «Михайло Чарнышенко», де воронезькій старовині присвячено чимало сторінок.

163. До Пєтра Плєтньова

Бяла, Варшава, 3–5 (15–17) березня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 68–72 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 15 мар[та] 1847».

Друкується вперше.

Частину листа, написану в Бялі, Куліш із незначними змінами повністю переписав до щоденника; запис датовано 2 березня (*Щоденник*, с. 60–63). Що лист був джерелом тексту для щоденника (а не навпаки), свідчить наявна в листі правка і внесення до щоденника остаточного варіянта. Див.: *Щоденник*, с. 47–49. Див. також преамбули в коментарях до листів 130, 133, 136, 160.

У свою чергу, щоденник послугував джерелом для першого листа з циклу «Листи на Вкраїну із инших славянських сторон», що його задумав Куліш. Цей лист є вільним перекладом українською мовою записів у щоденнику від 27 лютого та 2 березня (які, своєю чергою, є похідними від листів до Плєтньова №№ 160 і 163). Його датовано: 28 лютого 1847 р., Остроґ. Чорновий автограф цього листа зберігається в ІР НБУВ (Ф. І. – Од. зб. 28550).

«Листами на Вкраїну...» Куліш мав на меті ознайомити земляків зі слов'янськими країнами, їхніми звичаями, культурою, наукою. Подорожні враження українською мовою, рефлексії з приводу слов'янського відродження, зіставлення демократичних процесів й аналогії з українською дійсністю – усе це мало стимулювати зростання національної свідомости в читача. Функції Кулішевих листів, отже, були ширші, ніж суто пізнавальні. Поширений у російській журналістиці жанр подорожніх листів в українській (Кулішевій) інтерпретації набував виразного національного змісту. Через відсутність україномовної періодики, «Листи на Вкраїну...», за Кулішевим задумом, мали поширюватися в списках. Перший лист циклу мав адресата – Костомарова. У листі до Марковича від 22 березня 1847 р. Василь Білозерський писав: «Той, хто вже, може, повінчався з своєю вірною дружиною, получить лист; ти постарайся переписать його і давай переписувать усякому, хто захоче сюю літературную статтю, щоб було кілька екземп[лярів], щоб часом не загубилась» (*КМТ*, т. 3, с. 207–208). На допиті Білозерський свідчив, що він «литературное письмо» Куліша послав Костомарову, причому вважав цей твір «достойным издания в свет» (Там само. – Т. 1. – С. 414). Див. також прим. 7.

«Лист на Вкраїну із инших славянських сторон» вперше було опубліковано у дещо скороченій (автором і, можливо, цензурою) редакції, в «Основі» під назвою «Знайдений на дорозі лист» (1861. – Февр. – С. 233–238 [1-ша пагін.]. – Підпис: П. Необачний).

3 березня Куліш перетнув російсько-польський кордон через митниці в Бересті й Тересполі, що було засвідчено позначками в паспорті (див.: *КМТ*, т. 2, с. 14).

1. Йдеться про замок XIV–XVIII ст. над річкою Корчиком у старовинному містечку Корці Новоград-Волинського повіту Волинської губернії. Збе-

реглися прямокутна в плані триярусна надбрамна вежа, а також руїни зовнішніх стін і будівель палацового комплексу. Наприкінці XVIII – у першій чверті XIX ст. власником Корця був князь Юзеф Чарторийський.

Корець описав також Василь Білозерський, який супроводжував молоде подружжя, – у листі до Марковича від 22 березня 1847 р. У ньому передано той-таки настрій, що й у Кулішевому листі до Плєтньова: «Ходили ми довго кругом і всередині того замку і дивились на річку, що тече у його підошви, на Корець, на села, що маячать у далі, та й думали: так колись гляділи давні жильці із своїх багатих покоїв у високі вікна замкових башт: і веселились, і мучились сердешними муками, і любились і ненавиділи; а тепер тільки руїни по собі зоставили: і на місці їх радостей поріс буз та трава пустиння, і де вони ходили і говорили, там тепер ходить шумний вітер!» (*КМТ*, т. 3, с. 207). Серед матеріялів, вилучених у Куліша під час обшуку, було знайдено клаптик паперу, на якому рукою Білозерського скопійовано цю частину листа до Марковича. У публікації документів слідчої справи Кирило-Методіївського братства цей текст помилково приписано Кулішеві (*КМТ*, т. 2, док. № 15).

2. Йдеться про церкву, збудовану у 30-х роках XVII ст. старанням останньої княгині з роду Острозьких Анни-Алоїзи (1600–1654), вдови гетьмана Великого князівства Литовського Яна-Карла Ходкєвіча (1571–1621). Наприкінці XVIII ст. церкву було перетворено на православний Преображенський монастир. У 1821 році вона згоріла.

3. Єзуїтський колегіум уфундувала 1624 року Анна-Алоїза з Острозьких. Наприкінці XVIII ст. у ньому було розташовано православну семінарію. Після кількох пожеж, остання з яких відбулася 1821 року, будівля перетворилася на руїни. Наприкінці XIX ст. її розібрали (див.: *В. Вечерський.* Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України. – К., 2002. – С. 412–414).

4. Йдеться про Круглу вежу (кінець XVI ст.).

5. Богоявленська церква (XV–XVII ст.), усипальниця князів Острозьких, розташована на Замковій горі. Після пожеж кінця XVIII – початку XIX ст. вона залишалася в руїнах. Наприкінці XIX ст. її відбудували зі зміною первісних архітектурних форм. Зберігся Кулішів малюнок пером, на якому зображено руїни церкви. Унизу підпис Куліша: «Церковь XV-го столетия в городе Остроге (*було*: Церковь князя Конст[антина] Острожского в Остроге. 1847, февр[аля] 28. – *Ред.*)» (ЧІМ. – Інв. № Ад $\frac{225-36}{1933}$. – Арк. 18).

6. Йдеться про Мурована вежу (XIV ст.).

7. Наприкінці жовтня 1844 року Костомаров, їдучи до Рівного, зробив зупинку в Острозі, де відвідав єзуїтський костел. Про своє враження він написав Кулішеві (лист не зберігся). Через два роки той згадував: «Ти, мій шановний пане-брате, був там у сорок четвертому року, проїздячи через Острог; ти писав тоді до мене, як повиворочували мертвців із домовин, инших порозривали надвоє і натроє, а котрі новіші домовини, позабирали на топливо у ті житла, що тут же споряджені у колишніх школьних мурах» (*[П. Куліш]*. Знайдений на дорозі лист // Основа. – 1861. – Февр. – С. 237 [1-ша пагін.]. – Підпис: П. Необачний).

Сходження в підземелля єзуїтського костелу також описав Костомаров у листі до Костянтина Сементовського (від 28 жовтня 1844 р. з Рівного): «Прошедши шагов тридцать, я почувствовал под ногами что-то сухое, нагнулся и увидел человеческий скелет, далее – другой, третий, далее целый труп, изсохший, – далее – скелеты, трупы, черепы, руки, ноги, рёбра, перетлелые доски гробов, железные крыши и охлопья одежд ксендзовских. Узнаю, что инвалиды растаскали гробы на топку и употребляли для этого и кости. Мы

пошли по бесчисленному множеству переходов, один другого теснее, с разными закоулками, наполненными человеческими остатками. В одном месте показали мне труп, вытащенный из стены, где он был замурован, на нём было много богатств и корона, но это всё похищено, и он лежал голый, сложа руки на грудь, как-будто просил сжалиться над ним. Видно, что он был стар, ибо сохранился нетленно. [...] Далее – в закоулке увидел я с полдюжины трупов в странных положениях, один имел ноги и туловище с руками, недоставало головы, у другого целая голова и левое плечо, у третьего одни ноги, у четвёртого голова и нога, у пятого одно туловище с одною рукою и так далее. Изумительно, как они не потлели. [...] Потом мы спустились в другое подземелье, погреб в погреб, где ходили с полчаса также по трупах и гробах [...]. Тут нам стали попадаться и женщины. Непотлелые, лежали они с открытыми признаками своего пола, и мне пришёл в голову гнусный рассказ Геродота: я невольно поглядывал на солдат (що супроводжували Костомарова. – *Ред.*). [...] Долго останется у меня в памяти это зрелище, оскорбляющее человечество. Мало того, что косцёл, бывший потом православным монастырём, стал городским нужником! Мало того! поругались над гробами» (*В. Міяковський.* Костомаров у Рівному // Україна. – 1925. – Кн. 3. – С. 44). Пор. в автобіографії Костомарова (*Н. И. Костомаров*. Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 463–464).

8. Цитата з Біблії (Дан. 9:27).

9. Йдеться про Миколу Даниловича Білозерського.

164. До Осипа Бодянського

Варшава, бл. 6 (18) березня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 49, 50 зв.

Дата на варшавському поштовому штемпелі: «18 3». Отже, лист написано не 19, а принаймні 18 березня за новим стилем.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 16/III 47, воскр[есенье]».

Першодрук (з пропуском адреси): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 40.

165. До Осипа Бодянського

Варшава, 17 (29) березня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 51–52 зв.

Дата на варшавському поштовому штемпелі: 29 3.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 27/III 47, в четв[ерг]».

Першодрук (з пропуском адреси): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 41.

1. Станіслав Мікуцький таки вступив до Московського університету. З рекомендації Куліша він став учнем Бодянського, який так характеризував його наукову працю в листі до Шафарика (від 14 вересня 1850 р.): «Что до рукописи Микуцкого о сравнении славянских корней с санскритским, то это мой ученик, ныне по 4-му году, родом поляк или шляхта польская, с дарованиями, но уже в больших летах (36-ой год) и, главное, помешан на корнесловии. Не зная из первых рук санскрита и зенда, нельзя доверять никакому сравнению славянского с ними [...]» (Korespondence Pavla Josefa Šafaříka / Vydal V. A. Francev. – Praha, 1927. – Část I. – S. 147). Фьодор Буслаєв, надси-

лаючи Шафарикові студентську працю Мікуцького з порівняльного мовознавства, про яку йшлося в цитованому вище листі Бодянського, відзначив, що «любовь к лингвистике и значительный запас сведений он принёс уже с собой в университет» (Ibid. – S. 202). У 1853–1855 рр. Мікуцький, за дорученням Академії наук і під керівництвом Срезневського, здійснив наукове відрядження до Литви й Білорусії, результати якого було опубліковано у звітах Відділу російської мови та словесности.

2. Із Вацлавом Алєксандром Мацейовським Куліш познайомився за порадою Бодянського (див.: *КМТ*, т. 2, с. 36). 18 листів Мацейовського до Бодянського 1847–1873 рр. зберігаються у ВР ІЛ, 10 листів-відповідей за цей період – у Літературному архіві Музею чеського письменства у Празі.

3. Свідз... – Константий Свідзінський.

4. Фабій Максим – давньоримський полководець, за властиву йому обережність у боротьбі з ворогом прозваний «кунктатором» (від *латин.* cunctator – повільний, обережний). Його ім'я стало символом уповільненої дії та інертности.

166. До Пєтра Плєтньова

Варшава, 18 (30) березня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 73–74.

Помітка про отримання: «П[олучил] 26 мар[та] 1847».

Друкується вперше.

1. Йдеться про закордонний паспорт Олександри Куліш, що його допоміг виготовити Плєтньов. Паспорт видано 6 березня 1847 р. (див.: *КМТ*, т. 2, с. 110–111).

167. До Осипа Бодянського

Варшава, 30 березня (11 квітня) 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 111. – Арк. 27–28.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 13. IV. 47, воск[ресенье]».

Першодрук: *Шацька*, с. 225–226.

1. Про який лист ідеться – невідомо. На ім'я Пєтра Очкіна від Бодянського надійшов пакунок (очевидно, книжки) для передачі Кулішеві. Проте Очкін був у від'їзді, через що не зміг його вчасно отримати, а коли отримав, то не знав, де перебуває Куліш. Тому він повернув пакунок назад, супровівши його таким листом, адресованим «в Общество истории и древностей российских»:

«На сих днях имел я честь получить пакет № 275, присланный на моё имя в Варшаву для передачи Пантелеймону Александровичу Кулешу.

Находясь несколько же месяцев в С. П. бурге, я, к сожаленью, был в невозможности выполнить поручение Общества. – Не зная же нынешнего местопребывания г. Кулеши, я вижу себя в необходимости возвратить Обществу пакет № 275, повторяя искреннее сожаление, что не мог сделать ему услуги». Лист датовано: 6 (18) травня 1847 р., Санкт-Петербург. По-

мітка Бодянського про отримання: «15/IV (V. – *Ред.*) 47» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 104. – Арк. 176).

2. Про Кулішеві стосунки з Дубровським (які після тульського заслання не мали продовження) є декілька епізодичних свідчень. Виїжджаючи за кордон, Куліш занотував «для пам'яті»: «В Варшаве, познакомившись с Петр[ом] Добровским, припомнить ему о Ладе-Заблоцком и его московской дружбе (під час навчання в Московському університеті. – *Ред.*)» (*КМТ*, т. 2, с. 37).

Очевидно, Тадеуш Лада-Заблоцький писав Кулішеві про Дубровського. Про те, що між ними колись існувала дружба і що Дубровський зберіг пам'ять про неї, засвідчує його рецензія на збірку Лади-Заблоцького «Poezye». У ній, зокрема, сказано: «Есть и для меня в этих стихотворениях заветная страница, напомнившая мне счастливую старину, первые лета молодости» (Письмо П. П. Дубровского к редактору: 3. Поляки // Москвитянин. – 1846. – Ч. I. – № 2. – С. 230).

Від Куліша Дубровський одержав лист Погодіна, якому писав у відповідь 27 березня (8 квітня) 1847 р.: «Приятное письмо Ваше, посланное Вами ещё в декабре прошлого года, я недавно получил от г. Кулеша, который теперь у нас в Варшаве. Это письмо передано ему г. Ригельманом; но книг, назначенных для меня, г. Кулеш не получил» (НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 11. – Од. зб. 42. – Арк. 29). Цікаво зауважити: після того, як Куліша заарештували, Дубровський запропонував, щоб його послали за кордон замість арештованого. «Я наверно знаю, – писав він у листі до Погодіна від 1 (13) травня 1847 р. з Варшави, – что г. Кулеш, по каким-то обстоятельствам, лично до него касающимся, возвратился в Петербург и уже не будет путешествовать, как мне кажется. Если б Академия послала меня вместо г. Кулеша, то я б ничего лучшего не желал и считал бы священным долгом оправдать её внимание» (Там само. – Арк. 31 зв.).

Бодянський і Дубровський листувалися: 14 листів Дубровського до українського науковця за 1842–1874 рр. зберігаються у ВР ІЛ.

3. Ці роботи не було завершено.

4. Із Варшави Куліші мали їхати до Берліна. Їхній шлях пролягав через Познань (див.: *КМТ*, т. 3, с. 207; див. також прим. 9 до листа 99).

168. До Петра Чуйкевича

Варшава, 31 березня (12 квітня) 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – № 81. – Ч. V. – Арк. 43–48 зв.

У листі дописка: «Земляк ваш, который вас щиро кохає і поважає, кланяє[ться] вам із чужої далекої сторони. Чи скоро я почую ваші пісні?

В[асиль] Б[ілозерський]».

Першодрук: *Міяковський*, с. 80–81.

1. Рядки з пісні «Подвиги Сави Чалого», опублікованої Срезневським у «Запорожской старине» (Х., 1833. – [Ч. I]. – Ч. [Кн.] I. – С. 60–73; 15-й куплет). Текст являє собою контамінацію чотирьох варіянтів пісні про Саву Чалого. Процитовані Кулішем рядки містяться у двох варіянтах, що їх записав Срезневський.

2. На допиті у III відділі Куліш цю фразу прокоментував так: «В письме, на которое я отвечал Чуйкевичу (див. лист 162. – *Ред.*), он пеняет мне за то, что я не пишу к нему; на что я ему отвечаю, что буду писать к Костомарову, а он, Чуйкевич, когда будет перемещён на службу в Киев (на что надежду он высказал в том же письме), то и прочтёт их, чтобы знать обо мне. [...] Что же касается до следующих слов моих: "в которых пространно и ясно и удивительно показано и явствует всё", то эти слова, отмеченные в письме вносными знаками, для шутки взяты из старинной летописи украинской под заглавием: "Действия о презельной (у публікації помилково: предельной. – *Ред.*) брани Хмельницкого с поляками". Эта летопись известна и под именем "Летописи Грабянки"» (*КМТ*, т. 2, с. 56).

3. На запитання слідчих жандармів: «Какое последнее сочинение ваше, о котором упоминаете, почему и в чём оно должно было иметь влияние на Чуйкевича?» Куліш відповів: «Здесь разумеется "Повесть об украинском народе", написанная в виду программы для обширного исторического труда». І додав: «Я надеялся, что она должна возбудить Чуйкевича к усерднейшему трудолюбию в переводе Гродского и других летописцев с латинского языка» (*КМТ*, т. 2, с. 56).

4. Це місце зацікавило жандармів, і на допиті Куліш прокоментував його так: «Он [Чуйкевич] погубил бы себя женитьбою потому, что он болен болезнью, требующею совершенного излечения до вступления в брак. [...] Он теперь именно занят переводом с латинского языка летописца Гродского, писавшего о войнах казаков с поляками. Женившись, он был бы озабочен домашними делами и перестал бы трудиться для истории» (*КМТ*, т. 2, с. 56). Недуга Чуйкевича, про яку згадує Куліш, – це сифіліс.

5. Серед вилучених під час обшуку паперів Куліша, що зберігалися в Миколи Даниловича Білозерського, була «черновая доверенность 9 генваря 1847 г., писанная на имя Семёна Гукова» (*КМТ*, т. 2, с. 65). Гуков був Кулішевим сусідом: їхні хутори перебували неподалік один від одного. Хутір Гукова був розташований за п'ять верст од Воронежа на шляху до с. Маківки (*І. С. Абрамов*. Розшуки про П. О. Куліша й його батьківщину // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. – К., 1931. – [Кн.] III. – С. 45).

6. Пс. 23:2 (Пс. 22:2).

7. Завершальні рядки поезії Пушкіна «Что в имени тебе моём?..» (1830). У Пушкіна: «Скажи: есть память обо мне».

8. Переклад «Одисеї», виконаний Жуковським, появився у другій половині 1848 року. За кордоном Куліш прагнув зустрітися з Жуковським (за його спогадом в «Історичньому оповіданні», він мав до нього рекомендаційного листа Плєтньова) і, можна думати, сподівався скористатися його перекладом ще в рукопису (на час, коли написано цього листа, Жуковський переклав тільки перші 12 пісень давньогрецької епопеї). Див. також прим. 1 до листа 255.

169. До Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 9 квітня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. І. – Арк. 148–149 зв.

Першодрук: *КМТ*, т. 1, с. 59.

Цього листа Олександра не отримала. Куліш написав його відразу після того, як прибув під конвоєм до Петербурга (до III відділу його привезли 9 квітня о 10 годині вечора). Наступного дня, 10 квітня, жандармський офіцер Яґмін (у своїх спогадах Куліш згадав його вдячним словом у зв'язку з тим, що той по-людяному ставився до арештанта під час шестиденної подорожі) повертався у Варшаву. Через нього було передано коментований лист разом із супровідним листом начальника III відділу графа Орлова до намісника Польського Королівства князя Паскєвіча (див.: *КМТ*, т. 1, с. 395–396; т. 2, с. 15). Проте Олександра Куліш на той час уже виїхала з Варшави: 16 квітня вона перетнула російсько-польський кордон (Там само. – Т. 2. – С. 85), а 19 квітня прибула до Петербурга (Там само. – С. 83).

Паскєвіч відповів Орлову, що не зміг передати листа за призначенням і повертає його назад. Водночас він сповістив графа, що йому не вдалося встановити, чи мають потаємний зміст фрази, які жандарми підкреслили в листі (Там само. – Т. 1. – С. 57–58). У Петербурзі Кулішів лист долучили до слідчої справи.

Приїзд Олександри Куліш до Петербурга спонукав жандармів поставити Кулішеві додаткове запитання: «От кого вы узнали, что супруга ваша приедет через два дня?», на яке той відповів: «Мне известно, когда его прев[осходительство] послал моё письмо к жене моей. В письме я пишу, чтоб она немедленно взяла место в дилижансе. Расчёт основан на предположении» (Там само. – Т. 2. – С. 46).

Куліша заарештували увечері 2 квітня. Про це він так писав у автобіографії: «Одного дня Стороженко, розговорившись із Паскевичем про козащину, і каже: "От, ваша світлость, коли хочете, у мене тепер є українець! – так уже чистої крові козак". – "Хто ж се такий?" – "Оттакий і такий Куліш". – "Е! так ти приведи його до мене", – каже Паскевич; а тут саме подають йому пакет із столиці. Розпечатав – глянув: "Гарний, – каже, – твій козак чистої крові! Ось велять під арешт узяти"» (*Жизнь*, ч. 25, с. 298). Цей спогад повторено в «Історичньому оповіданні» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 29–30).

Кулішів арешт описав у листі до Плєтньова (від 4 квітня) Василь Білозерський, прохаючи у нього допомоги: «Позавчера (2го Апреля) в 9 часов вечера, в то время как Пантел[еймона] Алекс[андровича] не было дома, генерал обер-полициймейстер города Варшавы явился с полицейскими чиновниками в нашу квартиру и требовал, чтобы указаны были вещи Кулиша. Все книги и бумаги его и мои были взяты, а мне велено было идти под арест за неявку в полицию. Сестра осталась с братом Помпеем в квартире. Через час Пант[елеймон] Ал[ександрович] возвратился от Г. управляющего комиссиею внутренних дел Царства Польского, Г. Стороженка и должен был тоже отправиться под арест вместе с полицейским чиновником, который во всё время находился в нашей квартире. В Ратуше Г. обер-полициймейстер объявил ему, что он взят под арест по приказанию Его Светлости Князя Варшавского (Паскєвіча. – *Ред.*). Вчера утром, по приказанию Его же Светлости, меня выпустили из-под ареста, сестре моей и нам позволено видаться с Пант[елеймоном] Ал[ександровичем]. Но ввечеру того же дня (3го А[преля]) в 7 ½ часов он должен был отправиться с жандармским офицером в Петербург для объяснения – со всеми вещами, которые были взяты и опечатаны. Он не чувствует себя виновным, ибо никогда не был ни в каких связях, всегда вёл себя самым скромным образом и в Варшаве знаком

из поляков с одним только учёным Мацеёвским. Посему он покорнейше просит Вас, как своего бывшего начальника, быть предстателем у Е. И. В. Цесаревича Наследника и просить Его всещедрой милости» (ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 60).

1. Текст від слів «узнать, едет ли» підкреслили слідчі жандарми.
2. Речення підкреслили слідчі жандарми.

170. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 13 квітня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 77.

Помітка Дубельта: «Исполнено».

Першодрук: *О. Дорошкевич.* Невідоме видання П. Куліша // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 2. – С. 76–77.

1. Кулішеві інкримінували, спираючись на його твори та приватну кореспонденцію, підбурювання до гайдамацького руху та реставрації Гетьманщини. Пункти вироку були такі: «Любя пламенно свою родину – Малороссию, он в напечатанных им книгах с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не заметнее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах; описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных» (*КМТ*, т. 1, с. 68). Причетність Куліша до братства жандарми не довели й карали його за «преступления, отдельные от Украйно-славянского общества», однак, як він писав у спогадах, «зосталось премудре правительство при своїй думці: що я, заколотивши миром, зумів загребати жар чужими руками» (*П. Куліш.* Хуторна поезія. – Л., 1882. – С. 37).

2. Куліш мусив наводити докази свого позитивного ставлення до росіян тому, що в жандармів склалася думка (зокрема, на підставі його листів до Костомарова, де росіян названо «кацапы» і де адресант заявляв: «Я не могу Вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем»), ніби він (як і Шевченко) був виразником «партии неумеренной». Так, під час очної ставки з Кулішем (15 травня 1847 р.) Георгій Андрузький свідчив: «Кулиш был неумеренным представителем малороссийской партии в Славянском обществе, которая имела целью восстановить гетманщину, если можно отдельно, а если нельзя, то в славянщине; на вечере у Костомарова говорил: "Эти мне кацапы" и ничего знать не хотел, кроме Малороссии» (*КМТ*, т. 2, с. 59). Це свідчення мало під собою підгрунтя. За спогадом Куліша, він та його товариші у 1840-х роках під впливом козацького епосу, лірики та «Истории русов» «поддавали их (росіян. – *Ред.*), так сказать, анафеме, под польскою кличкою москали. Нам было любо тогда выражать племенной антагонизм ещё более грубым словом. В анекдотических беседах мы называли соплеменников эстетического Пушкина кацапами, alias кацапнёю» (*П. Кулиш.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т. IV. – № 13. – С. 64).

171. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 22 квітня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 75–75 зв., 76 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 24 апр[еля] 1847. Виделся с ген[ералом] Дуб[ельтом] и Алек[сандрой] Мих[айловной] 24 апр[еля] 1847».

Друкується вперше.

1. Див. прим. 4 до листа 90.

2. Що 22 квітня Куліш передав лист до дружини (нині не відомий), відзначено у журналі слідства: «Кулиш подал два письма, написанные им к жене своей и к действительному статскому советнику Плетнёву, извещая их о надежде своей оправдаться и утешая первую в её положении. Письма сии переданы по назначению» (*КМТ*, т. 3, с. 356).

21 квітня Олександра Куліш у родинному колі відзначила свої уродини. Зберігся аркуш синього паперу формату візитівки, на якому рукою Віктора Білозерського написано:

«Ангелу – в день ангела.
Саше – Виктор.
21 апреля 1847 г.
Понедельник.
С. П. Б.»

Напис на звороті: «Мужайся юный друг, надейся и молись» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30013).

172. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 24 квітня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 78, 79.

Помітка Дубельта: «Иметь в виду».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 45–46.

У журналі слідства зреферовано зміст цього листа, після чого зазначено: «Объяснение это приказано не упускать из вида при составлении окончательного доклада» (*КМТ*, т. 3, с. 356).

1. Кулішеву «Повесть об украинском народе» жандарми розглядали як особливо небезпечний твір. У вироку за суспільно-національним значенням її поставлено на одному щаблі з поезією Шевченка: «Книги Кулиша (тут ідеться передовсім про "Повесть..."*.* – *Ред.*) могли бы производить почти то же впечатление на малороссиян, как и стихи Шевченко, тем более, что сочинены для детей старшего возраста» (*КМТ*, т. 1, с. 68). Те, як трактували цей твір слідчі, видно із запитання, що його поставили Кулішеві: «С какой целью в сочинениях ваших: "Украина", "Повесть об украинском народе" выразили вы либеральный образ мыслей, ожидание освобождения казаков и разные другие неблаговидные сказания, в одном и том же духе писанные?» (*КМТ*, т. 2, с. 58).

2. Тон цього листа зумовлено Кулішевим бажанням вплинути на жандармів, завуалювати свою провину з метою пом'якшення міри покарання.

Аналогічні думки він висловив під час допиту, відповідаючи на запитання, які стосувалися волелюбного духу його «Повести об украинском народе» та «України»: «Я могу ошибаться в своих суждениях и понимать ложно события исторические, особенно под влиянием пристрастной любви к своей родине Малороссии. Просматривая теперь эти сочинения, я вижу с ужасом, что в них многое кажется злонамеренным. Но беру Бога в свидетели, что я никогда не питал преступного желания возмущать умы своих земляков против законного их правительства. Любовь моя к Малороссии нисколько не ослабляет во мне благодарной любви к общему нашему отечеству России, от силы и благоденствия которой вполне зависит и благосостояние Малороссии» (*КМТ*, т. 2, с. 58). Такі судження врешті причинилися до того, що жандарми взяли до уваги Кулішеве каяття й, подаючи на розгляд Ніколая I пропозиції щодо міри його покарання, відзначили: «он сам с ужасом видит ныне тот вред, который мог произойти от его сочинений, и показывает искренное сожаление о прежнем своём заблуждении, происходившем от избытка любви к своей родине» (*КМТ*, т. 1, с. 69).

173. До Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 27 квітня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 81.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 46.

174. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 24 травня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 77–78 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 26 мая 1847».

Друкується вперше.

1. Олександра Куліш вчилася гри на фортепіяні.

2. Дикенсову повість «The Battle of Life» в перекладі Андрєя Кронеберга («Битва жизни») було надруковано в березневому числі «Современника» 1847 року у відділі «Словесность» (с. 161–238).

3. Переклад старої англійської повісти під назвою «Подарок на Новый Год. Из записок бедного Вильчерского священника» було опубліковано в 1820-х роках у «Литературных прибавлениях» до «Сына Отечества». Куліш під впливом Плєтньова високо цінував цей твір. Так, 28 грудня 1845 р. він занотував у своєму щоденнику (перший запис): «П. А. (Плєтньов. – *Ред.*) сказал, что это превосходная вещь, что он читает её ежегодно раза по три и никогда без слёз. Я начал читать. В самом деле это прекрасная вещь» (*Щоденник*, с. 12; порівняй також свідчення Плєтньова у його листі до Ґрота: «Есть пьесы, от которых я, сколько бы раз не перечитывал их, всегда плачу, в том числе “Вильчерский священник”» (*Переписка*, т. 2, с. 628)). У передмові до публікації в «Современнике» перекладу оповідання Головінського «Życie mojej matki» Куліш зіставив «Записки бедного Вильчерского священника» з романом Ежена Сю «Les mystères de Paris» («Паризькі таємниці»). Причому

зробив такий висновок: між цими творами «столько же разницы, сколько между масленичными представлениями и действительною драмою жизни» (Современник. – 1846. – № 10. – С. 14).

За твердженням Плєтньова, англійська повість, про яку йдеться, лягла в основу роману Ґолдсміта «Vicar of Wakefield» (*Переписка*, т. 1, с. 169).

175. До Алєксєя Орлова

Санкт-Петербург, 29 серпня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 253–254 зв.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 108–109.

1. Слідство над Кулішем (і над головними учасниками Кирило-Методіївського братства) формально було завершено 28 травня 1847 р., коли граф Орлов доповів імператорові про його результати, запропонувавши міру покарання для кожного з підслідних. Куліша засудили до чотирьох місяців ув'язнення в Алєксєєвському равеліні Петропавлівської фортеці, після чого мали направити на заслання у Вологду із забороною служити «по учёной части». 30 травня його ув'язнили в равеліні, де помістили в одиночну камеру.

2. Вирок Білозерському мав таке формулювання: «Белозерского за откровенность и во уважение того, что он, при искреннейшем раскаянии, дал точное и положительное сведение об Украйно-славянском обществе, определить на службу в Олонецкой губернии, не лишая его преимуществ, прежде приобретённых, но не по учёной части, и с учреждением за ним надзора» (*КМТ*, т. 3, с. 378). Крім того, Білозерському виділили 200 руб. ср. «на обмундирование и первоначальное обзаведение».

3. Кулішеві, з огляду на погіршення стану здоров'я, пом'якшили міру покарання. Спершу його перевели (2 липня) з камери в Алєксєєвському равеліні до арештантського відділу 2-го військово-сухопутного шпиталю, де помістили «в особо приготовленный покой, при ума-лишённом отделении, под строжайшим надзором» (РДІА. – Ф. 1280. – Оп. 5. – Спр. 63. – Арк. 6). Медичний огляд Куліша в середині серпня засвідчив, що подальше перебування у в'язниці і заслання до Вологди можуть зашкодити його здоров'ю. Тому 22 серпня граф Орлов, доповідаючи Ніколаю I, запропонував достроково припинити його ув'язнення й вислати не до Вологди, а до Тули (це місто як одне з альтернативних місць заслання назвала Олександра Куліш у своєму клопотанні про пом'якшення покарання). 27 серпня Куліша випислали зі шпиталю (Там само. – Арк. 7) і направили до III відділу, звідки 2 вересня, у супроводі жандармського офіцера, він вирушив до Тули. Перед тим Куліш висловив стурбованість щодо матеріяльного боку поїздки, про що Дубельт доповідав Орлову: «Кулеш, изъявляя живейшую благодарность за исходатайствование ему монаршей милости и за дозволение отправиться в Тулу с его женою, доставлен в величайшее затруднение тем, что жена его в С.-Петербурге от здешней дороговизны израсходовала все находившиеся у неё деньги, и они не имеют никаких средств снарядить для себя экипажа». Резолюція урядників III відділу була така: «Отправить в дилижансе. [Выдать] 100 р. ср.» (*КМТ*, т. 2, с. 105). Крім того, Олександра Куліш на час ув'язнення її чоловіка отримала суму, що становила його платню за чотири місяці.

176. До Осипа Бодянського

Санкт-Петербург, 1 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 55–56 зв.

Дописка адреси Бодянського рукою Віктора Білозерського: «На Малой Никитской против Старого Вознесенья в доме Кузнецова». Дописка іншим почерком олівцем: «Андр[ей] Павл[ович] Миклашевский, в канц[елярию] Тульского воен[ного] губ[ернатора]».

Першодрук: *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 299.

Цього листа Бодянський отримав близько 12 вересня, оскільки Білозерський, який мав його вручити, вже 14 вересня був у Тулі, звідки пізно ввечері того ж дня виїхав до Мотронівки разом із Олександрою Куліш (див. лист 181).

1. Йдеться про українську версію «Чорної ради» (див. також лист 120 і прим. 2 до нього).

2. Доповідаючи Ніколаю I про результати слідства у справі Кирило-Методіївського братства, граф Орлов запропонував для Куліша міру покарання, яка, крім іншого, передбачала, «чтобы цензура обращала строжайшее внимание на его сочинения, если он будет печатать их отдельно или в журналах» (*КМТ*, т. 1, с. 69). На доповідній записці Орлова імператор власноручно зазначив навпроти Кулішевого прізвища: «Запретить писать и на службу в Вологду» (Об Украйно-славянском обществе: (Из бумаг Д. П. Голохвастова) / [Сообщ.] П. Б[артенев] // РА. – 1892. – Кн. 2. – С. 345). Право друкувати твори на підставі загальної цензури Кулішеві надали щойно 4 квітня 1856 р.

3. Йдеться про видання: Книга, глаголемая Большой Чертёж, изданная по поручению Императорского Общества истории и древностей российских, действительным членом общества Г. И. Спаским. – М.: В унив. тип., 1846. – XXVII, 327 с.

«Книга Большого Чертежа» є покажчиком до карти Московської держави другої половини XV ст. (не збереглася), складеним, за різними оцінками, наприкінці XV – у першій половині XVII ст. Першодрук «Книги...» здійснив 1773 року Ніколай Новіков.

4. Цю дописку адресовано Вікторові Білозерському.

177. До Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 2 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 79, 80 зв.

Друкується вперше.

Записку написано того дня, коли Куліш разом із дружиною в супроводі жандармського офіцера вирушив до місця заслання (див.: *КМТ*, т. 2, с. 106). До Тули Куліш прибув 9 вересня (Там само. – С. 107–108).

1. Йдеться про російську версію «Чорної ради» (див. лист 120 і прим. 2 до нього).

178. До Ніколая Муравйова (Амурського)

Тула, 12 вересня 1847 р.

Подається за першодруком: *Павлушков*, с. 115–116. Автограф невідомий.

Дату визначено за Павлушковим. У його статті лист подано в уривках, які в нашій публікації контаміновано в три абзаци.

У зв'язку з цим поданням Муравйов 17 вересня зробив таке розпорядження: «Тульскому губернскому правлению. [...] Кулеш при прошении, представив ко мне формулярный о себе список, изъявил желание поступить на службу в число кан[целярских] чиновников моей канцелярии.

Вследствие сего, принимая чиновника 9 класса Кулеша на службу в мою канцелярию, предлагаю губернскому правлению сделать надлежащее о сем распоряжение» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11426. – Арк. 14; копія). На Куліша завели справу № 624 – «Дело Тульского губернского правления 1-го отделения 1-го стола. По предложению г. начальника губернии, об определении в канцелярию Его чиновника 9 класса Кулеша. Началось 22 сентября 1847 года. Окончено 9 генваря 1848 года». Справу закрили після того, як Куліш відмовився від запропонованої йому посади доглядача міської лікарні (див. прим. 1 до листа 208).

179. До Олександри Куліш

Тула, 14 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28758.

Друкується вперше.

У листі – дописка Олександри Куліш: «Друг мой, П. А., я вздумала прочитать эти строки через три года после того, как ты мне их написал, и в эту минуту почувствовала то самое почтение, любовь к тебе, как и прежде. Виктор был свидетель моих сладких, но горячих слёз любви, когда я неожиданно нашла дорогою в ридикуле эти строки. Мы тогда ехали к маме, я первый раз тебя в Туле оставила одного после долгой, долгой нашей разлуки в С. П. Ты теперь в Белёве рисуешь Жуковского домик, а я пересматриваю свои драгоценности. Пускай тебе легонько икнется, як сердце об сердце торкнется».

Дописку Куліш зробила в першій половині жовтня 1850 року. Про це свідчить її лист-щоденник до сестри Надії від 17 вересня – 5 жовтня 1850 р., у якому, зокрема, йдеться (запис стосується 5 жовтня): «П. А. собирался в путь [...]! В Белёве есть домик, в котором А. В. [так!] Жуковский провёл своё детство, и ещё другой домик, в котором покойная царица скончалась Елизавета Алексеевна. Это губернатор поручил ему срисовать, а главное – собрать статистические сведения о торговле, производящейся по реке Оке. Это вёрст 120 или 150 от Тулы. П. А. будет дня через $4^{\text{ре}}$, я так думаю» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30278. – Арк. 4).

Жуковський народився у с. Мішенському Бєльовського повіту; у Бєльові він провів дитинство. Єлізавєта Алєксєєвна, дружина імператора Алєксандра І, відома своєю доброчинністю, померла у Бєльові 4 травня 1826 р.

Записку написано в день від'їзду Олександри Куліш додому (повернулася до Тули наприкінці жовтня).

1. Рядки з поезії Пушкіна «Для берегов отчизны дальной...» (1830). У Пушкіна: «Томленья страшного разлуки / Мой стон молил не прерывать. / Но ты от горького лобзанья [...]».

180. До Осипа Бодянського

Тула, 15 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 53–53 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 19/IX 47, в пятн[ицу]».

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 5.

181. До Пєтра Плєтньова

Тула, 16 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 81–82.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 22 сент[ября] 1847. О[тветил] 7 ок[тября] 1847».

Друкується вперше.

182. До Пєтра Плєтньова

Тула, 27 вересня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 83–84.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 4 ок[тября] 1847. О[тветил] 7 о[ктября] 1847».

Друкується вперше.

1. Ці листи невідомі.
2. Захистивши в Петербурзі магістерську дисертацію «О теории потребностей», Вернадський повертався до Києва, де в університеті мав читати лекції з політекономії та статистики.
3. Віце-губернатором був Станіслав Барановіч.
4. Правитель канцелярії – Ніколай Міхайлов.
5. Цей лист невідомий. У матеріялах слідчої справи його немає.
6. Новий губернатор – Ніколай Крузенштерн.

183. До Пєтра Плєтньова

Тула, 2 жовтня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 85–86 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 11 окт[ября] 1847. О[тветил] 3 нояб[ря] 1847».

Друкується вперше.

1. Насправді Куліш належав до 12-го класу «табели о рангах», тобто мав цивільний чин губернського секретаря. Чиновником 9-го класу він назвав себе за посадою, а не за вислугою. Ця невідповідність з'ясувалася у середині 1849 року (див. лист 292 і коментар до нього).

2. Алюзія до поезії Пушкіна «Люблю Ваш сумрак неизвестный...» (1822): «Быть может, с ризой гробовой / Все чувства брошу я земные, / И чужд мне будет мир земной».

184. До Осипа Бодянського

Тула, 7 жовтня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 61–62 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 11/X 47, в суб[боту]».

Першодрук (фрагмента): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 299–300. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 42–43.

185. До Віктора Білозерського

Тула, 9 жовтня 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 90 зв. – 91. Автограф невідомий.

Усі листи Куліша до Віктора Білозерського, як і декілька листів до дружини (у нашому томі – №№ 264, 273–275, 277–279), збереглися в копіях. Їх вписано в зошит, на якому зазначено, що він надійшов до ІР НБУВ архіву Бориса Грінченка. Копії виготовлено чітким почерком, проте з численними помилками. Деякі очевидні помилки в нашій публікації виправлено без застереження; слова, відновлені наздогад, зазначено в коментарях. Усі абзаци, що стосуються звертання, закінчення, дати тощо, – редакторські (абзаців у копії немає).

Автографи цих листів невідомі. Олександр Дорошкевич, пишучи статтю «Куліш на засланні», також користувався копіями (див.: Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. – К., 1927. – С. 19).

У листі пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «я гостила у мами, а вони скривали од мене його листи – щоб я у їх погостьовала».

Друкується вперше.

Куліш познайомився з Віктором Білозерським, найвірогідніше, в 1845–1846 рр. у Петербурзі. Білозерський був хресним батьком своєї сестри Олександри і благословив її на одруження з Кулішем. Згодом він опікувався нею, коли Куліш перебував у в'язниці (у квітні–серпні 1847 року), а також під час її приїзду до столиці (взимку 1849 року) у справі клопотання про звільнення чоловіка із заслання.

У період тульського заслання Віктор Білозерський був одним з основних кореспондентів Куліша. З цього часу збереглося (у копіях) 18 листів Куліша до нього, які подано у нашому томі.

1. Слово прочитано здогадно.

2. Цю дописку адресовано, мабуть, Олександрі Куліш. У копії далі зазначено: «Написано по ошибке (фраза, очевидно, належить копіїстові. – *Ред.*): вы с нею не поедете, стало быть и не нужно. Да при том вы и сами это знаете».

186. До Пєтра Плєтньова

Тула, 15 жовтня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 87–88 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 21 окт[ября] 1847. О[тветил] 3 нояб[ря] 1847».

Друкується вперше.

1. «Не дивуйся, що жінка на свій смак організує моє життя, веде за собою чоловіка, спутаного її законами. Чи ти міг би собі уявити відбиток постійної знемоги на моєму чолі, позаяк неможливо ні розбити ті кандали, ні порвати пута? Кормчий віщує ліпше за будь-кого недалеку вже бурю, а рани вчать солдата страху. Адже я теж колись у юні роки любив нахвалятися. І нехай нині мій приклад навчить тебе триматися насторожі» (*франц.*).

2. Героїня поеми Жуковського «Наль и Дамаянти. Индейская повесть» (СПб., 1844), що є вільним перекладом уривка зі староіндійської поеми «Магабгарата»; втілення вірности в коханні.

3. Так звана екстра-пошта; лист невідомий.

4. Цей намір залишився незреалізованим. Див. також лист 194.

5. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

187. До Пєтра Плєтньова

Тула, 25 жовтня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 89–90 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 2 нояб[ря] 1847. О[тветил] 3 нояб[ря] 1847».

Друкується вперше.

Лист є відповіддю на лист Плєтньова від 20 жовтня, про який довідуємося з позначки Плєтньова на листі Віктора Білозерського (від 7 жовтня з Мотронівки): «П[олучил] 19 октября. 1847. О[тветил] 20 окт[ября] П-ну А-чу» (ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 61). Вдячність Куліша за дружнє ставлення Плєтньова до його рідних, висловлену в коментованому листі, очевидно, викликали рядки листа Плєтньова, навіяні листом Білозерського, де, зокрема, мовилося: «Я премного виноват пред Вами, не известив Вас до сих пор о сестре моей, в судьбе которой Вы принимаете такое родственное участие. По приезде в Малороссию беспрестанные посещения родных и знакомых, неизбежные визиты за десятки вёрст лишали нас возможности исполнить долг благодарности, которая неизгладимо напечатлена в сердцах наших. До Тулы, как Вам известно, сестра моя ехала с П[антелеймоном] А[лександровичем] и только несколько дней провела с ним, потому что 14 сентября я вместе с нею отправился в Ма-

лороссию и 17го мы приехали на родину для успокоения доброй матери нашей, которую несчастные семейные события страшно измучили. Присутствие наше оживило её. О, как она и всё семейство наше благодарно Вам за Ваше добродушие и отеческое участие в судьбе близких нам! Как все мы глубоко чувствуем благодеяния Ваши! – Чтобы изгладить следы тяжких впечатлений и скорой разлукой не расстроить драгоценного для нас здоровья маминьки, мы должны ещё недели две прожить с нею, а после того я отвезу сестру к мужу её; сам же поеду далее и в первых числах ноября буду в Петербурге. Бедный П[антелеймон] А[лександрович] крепко скучает и просит скорее привезти к нему жену, да что же делать: трудно и невозможно исполнить его желание сейчас же, потому что это огорчило бы и расстроило маминьку».

1. Плєтньов надіслав до Тульського губернського правління офіційного листа, датованого 15 жовтня, у якому підтвердив факт Кулішевої служби в Санкт-Петербурзькому університеті (помітка про отримання: 22 жовтня). У цьому листі, зокрема, йшлося: «Служащий в канцелярии Вашего Превосходительства чиновник 9 класса Пантелеймон Кулеш, изъясняя, что в выданной ему из 5[й] С. Петербургской гимназии копии с послужного списка его не включён факт о службе его преподавателем русского языка для студентов-инородцев в С. Петербургском университете, просит о содействии моём к помещению этого обстоятельства в формуляр его.

Вследствие сего имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что Кулеш с разрешения высшего начальства действительно определён был мною 14 ноября 1845 года временным преподавателем русского языка в С. Петербургском университете для практических занятий русским языком с казённокоштными студентами Царства Польского и Закавказского края с производством ему в виде платы по 350 рублей серебром в год, каковую должность он исправлял [...] до Высочайшего назначения его по ходатайству Академии наук в октябре 1846 года в путешествие за границу для изучения славянских наречий» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11426. – Арк. 18; копія).

Отже, Куліш надіслав Плєтньову два листи: один – офіційне клопотання на ім'я ректора університету з проханням підтвердити факт його праці в цьому закладі (цей лист невідомий); другий – приватний, від 2 жовтня, у якому Куліш просив називати його урядовцем 9-го класу (лист 183).

2. За попереднім досвідом (*латин.*).

3. Алюзія до поезії Міцкєвіча «Żeglarz» (1821): «Sąd nasz, prócz Boga, nie dany nikomu. / Chcąc mnie sądzić, nie ze mną trzeba być, lecz we mnie».

4. Цей лист невідомий. Серед матеріялів слідства його немає. Про нього Куліш згадував у листі до Плєтньова від 27 вересня (№ 182).

188. До Лєонтія Дубельта

Тула, 1 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 255–256 зв.

Помітка Дубельта (арк. 255): «Чувства хорошие, но рано, др[угое] возможное соображение».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 109–110.

1. Олександра Куліш повернулася до Тули наприкінці жовтня. Її привіз Віктор Білозерський, який повертався до Петербурга.

2. Йдеться про лист Дубельта від 26 вересня, написаний у відповідь на емоційний, сповнений вдячности лист Василя Білозерського до графа Орлова від 15 вересня (*КМТ*, т. 1, с. 424–425). Помітка про отримання листа Білозерського: 26 вересня. Лист Дубельта невідомий. Серед матеріялів III відділу його немає.

3. У другій половині жовтня Дубельт написав листа й Кулішеві у відповідь на його лист, написаний приблизно наприкінці вересня (невідомий). Дубельтів лист для Куліша був справжньою несподіванкою. Перед тульським засланцем відкрилася перспектива налагодити контакт із керівниками III відділу і спробувати домогтися полегшення в покаранні. Цей лист Дубельта також невідомий. Оскільки серед матеріялів слідства його немає, можна думати, що він мав переважно приватний характер.

189. До Пєтра Плєтньова

Тула, 1 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 91–92.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 19 нояб[ря] 1847. О[тветил] 17 нояб[ря] 1847».

Друкується вперше.

190. До Надії Забіли

Тула, 6 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28845.

Лист Куліша написано між рядками листа дружини, у якому йдеться про її душевний стан після приїзду з Мотронівки, обговорюються родинні справи. Подаємо ті витяги з нього, які характеризують життя подружжя Кулішів: «Знаешь ли ты, что теперь П[антелеймон] А[лександрович] делает? – Столярной работой занимается; так и его портрет нарисовали (впрочем, ещё не окончили); вот какой сюрприз он мне приготовил во время моего отсутствия; и мой скоро будут рисовать: будет представлено утро, как и чем мы занимаемся, даже в каких нарядах. [...] Я ещё тебе не хвалилась своей квартирой; у нас шесть комнат, четыре вместе и пятая – это рабочая и кабинет друга моего, в одной связи с домом, но особо, и кухня тоже особо. Из прислуги у меня Варвара, т. е. Варка [...], она и кухарка, и меня одевает, и стирает всё, что только вздумаешь; и удивительный Семен мартыновский для покупок держится; вообрази, его никто не понимает, как он говорит, и к тому же он и денег не умеет считать, ну не восторг ли».

Про їхнє тульське життя Олександра Михайлівна розповідала сестрі Надії і в наступному листі, від 20 листопада: «Хочется мне давно рассказать, как я живу с незаменимым другом своим, за которого тебе и Васюни я так много обязана. Мы ложимся в десять часов вечера, встаём в семь. Первое – Бози, а после П. А. идёт в свою столярную и там что-нибудь делает для моциона, а я в это время сама же кофе сварю в печке в спальной и потом отправлюсь звать своего дуся пить, и тут же подаётся что-нибудь для завтра-

ка; потом я иду и живописец рисует с меня, а П. А. нам читает из Пушкина или Крылова что-нибудь» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30268. – Арк. 1–2).

Друкується вперше.

1. Протягом усього періоду заслання (за винятком, може, останнього року) Куліш більш-менш регулярно займався художньою гальванопластикою. Особливо він захопився нею в листопаді–грудні 1847 року, коли це ремесло, як він писав, поглинало ледь не весь його час. Техніки гальванопластики Куліша навчив художник Акімов (див. лист 191 і прим. 1 до нього).

2. Наприкінці життя Олександра Куліш згадувала, що її чоловік навчався столярного ремесла ще наприкінці 1830-х років, коли у Києві «ходив усе до столяра розмовляти і научався і столярувати (що й пригодилось – заробляв іноді в 1847 р. на засланні собі на хліб)» (Будучність. – 1909. – № 3. – 1 лют. – С. 35). Сумнівно, проте, що Куліш цією працею «заробляв собі на хліб» 1847 року. Радше цей спогад стосується 1849 або 1850 року, коли Куліші справді перебували в скрутному матеріяльному становищі. Владімір Шенрок (очевидно, користуючись свідченнями Олександри Куліш) писав, що в Тулі «по целым часам работал Кулиш за столярным верстаком, трудясь над выделкой подставок для икон, так называемых "божников", чтобы продажей их выручить хоть какие-нибудь деньги» (КС. – 1901. – Апр. – Отд. І. – С. 137).

3. Семен – кріпак Білозерських із с. Мартинівки Борзнянського повіту, де були їхні маєтки. В іншому місці Олександра Куліш називала його «камердинером з Мотроновки» (див. прим. 3 до листа 202). В «Украинских народных преданиях» Куліш вмістив декілька оповідей, записаних від якогось Семена Юрченка з Мартинівки.

191. До Віктора Білозерського

Тула, 8 листопада 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 91–91 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Продовженням листа є лист Олександри Куліш.

Друкується вперше.

1. Йдеться про художника Акімова. Про нього Куліш занотував у щоденнику (запис 6 жовтня 1848 р., єдиний після арешту): «Знакомых мы не приобрели отчасти по своему стеснённому положению, отчасти потому, что не нашли людей по своим склонностям. Один только художник Акимов да его сестра у нас бывают. Акимов – здешний оружейник, учившийся в Москве живописи на счёт своей общины. Ему не дали доучиться, вызвали в Тулу, сделали в оружейницкой школе учителем рисования с 225 руб. асс[игнациями] жалованья, и он теперь ни доска ни подволока, как выразился о нём здешний кузнец Жучкин. Познакомясь с ним, я хотел было немножко образовать его, но он слишком закоренел в умственной праздности, и старания мои не имели успеха. Впрочем, он добродушный малый, и я, за неимением лучших, терплю его знакомство» (*Щоденник*, с. 63–64). Про нього ж писала Олександра Куліш у листі до сестри Надії від 11 липня 1848 р.: «Художник с сестрой своей Васютой бывает у нас каждое воскресение. Люди самые простые, но добрые и не грубые» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30271. – Арк. 2 зв.).

Акімов намалював портрети Куліша та його дружини (невідомі). Куліш підтримував стосунки з тульським художником принаймні до 1864 року.

2. Цей портрет невідомий. Куліш вислав його Василеві Білозерському (див. листи 199, 204).

3. Портрет Олександри Куліш, нині невідомий, Акімов закінчив малювати в середині грудня (див. лист 204).

4. У 1846–1848 рр. у Росії тривала епідемія холери, занесена восени 1846 року до Закавказзя з Персії. Протягом 1847 року від холери померло 116500 людей (*Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М., 1988. – С. 417).

5. Найімовірніше, йдеться про Авдотью Бакунову, матір Ульяни Білозерської (див. лист Тетяни Костомарової до Віктора Білозерського від 16 листопада 1849 року: Письма Н. И. Костомарова к В. М. и Н. М. Белозерским // КС. – 1897. – Окт. – Отд. I. – С. 137–138).

6. Невістка – Ульяна Павловна, дружина Віктора Білозерського (з 1848 року). Олександра Куліш згадувала про неї: «Эта девица тем только, кажется, и была хороша, что рукодельница, имела приятный голос, когда пела [...]. Но наружность её отталкивающая, бледная, долгоносая, и нос расплюснутый и вся в чернильных будто бы точках, потому что румянилась [...]». Вона приїхала до Петербурга разом із матір'ю, двома сестрами й двома братами з Архангельська, де їхній батько (з походження українець) перебував на службі й помер. Молодшого брата – Ваню Бакунова – Віктор допоміг влаштувати в Тульський кадетський корпус, і Куліші іноді на суботи забирали його до себе ([*А. Кулиш*]. Биография моих родителей и наша // ЧЛМК. – Інв. № А–2650. – Арк. 5). У спогадах, не називаючи її імені, Олександра Куліш зазначає її прізвисько – «Бабаша». «Ульяне Павловне, или Бабашеньке» (це подвійне звернення доводить, що йдеться про одну й ту саму особу) передає своє вітання Василь Білозерський у листі з Петрозаводська до брата Віктора, датованому 17 січня 1849 р. (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30002. – Арк. 2 зв.; лист адресовано також сестрі Олександрі, яка тоді перебувала в Петербурзі).

192. До Пєтра Плєтньова

Тула, 8 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 93–95 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 16 нояб[ря] 1847. О[тветил] 17 нояб[ря] 1847».

Друкується вперше.

1. Одна з перших згадок про те, що Олександра Куліш учиться малювати, – у листі Василя Білозерського до Опанаса Марковича від 22 березня з Варшави: «вона рисує і показує велику дотепність до малярства» (*КМТ*, т. 3, с. 207). Куліш у листах із Тули (листопад 1847 року – лютий 1848 року) часто відзначав її неабиякі успіхи в малюванні. Учителем був він сам, як випливає з його характерного листа від 15 грудня 1847 р. (лист 200). Це захоплення Олександри Куліш не було постійним (ми не маємо відомостей про те, що вона продовжувала малювати після тульського заслання). У Кулішевих листах тульського періоду після зими 1848 року лише один раз згадано, що «Саша начала опять постоянно заниматься рисованьем» (лист 317).

У «Тульском альбоме» Куліша вміщено цикл учнівських рисунків олівцем, підписаних криптонімом «А. К.». Немає сумніву, що їх виконала Олександра Куліш. Упевненим і досить енергійним рухом зображено різні частини людської голови і фрагменти обличчя (ЧІМ. – Інв. № Ад $\frac{225-35}{1933}$. – Арк. 14–22, 38). Рисунки датовано січнем 1848 року. Ще два її рисунки – стоячий собака та старець-скрипаль із дівчиною, яка тримає глечик, – датовано вереснем і груднем того ж року.

2. Йдеться про Акімова.

3. «Метода» Плєтньова у другій половині 1840-х років полягала в тому, що він уставав о шостій ранку й робив тривалі прогулянки, обливався водою. Цей спосіб життя він засвоїв після знайомства з Хрістіаном Нордстремом, який переконав його вставати рано (перед тим Плєтньов лягав спати о другій–третій ночі й прокидався о десятій–одинадцятій дня). У листі до Гоголя від 14 грудня 1850 р. Плєтньов, пропагуючи цю «методу», писав, що він став почувати себе набагато здоровішим (див.: Письма Плетнёва к Гоголю. 1844–1851 / Изд. Я. Грот // РВ. – 1890. – Ноябрь. – С. 62).

4. Закордонний паспорт Олександри Куліш, виданий 6 березня 1847 р., зберігся в архіві III відділу (див.: *КМТ*, т. 2, с. 110–111). Її листа до Дубельта у слідчій справі немає.

5. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

193. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 10 листопада 1847 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 260–260 зв.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 111.

Цей лист дав Кулішеві надію на публікацію його творів, і він заходився переписувати начисто свою нову поему (див. прим. 3 до листа 195), щоб подати її на розгляд III відділу. Про це писала Олександра Куліш сестрі Надії в листі від 20 листопада 1847 р.: «П. А. очень занят, он пишет, пишет дни целые. Недавно он получил письмо из Канцелярии Его Величества, чтобы он не оставлял литературных занятий и чтобы он прислал свои сочинения в канцелярию, и он теперь переписывает поэму в стихах: "Евгений Онегин нашего времени", недавно написанную» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30268. – Арк. 2).

194. До Віктора Білозерського

Тула, 15 листопада 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 101–102. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

1. Парафраза героїко-патріотичної пісні Осіпа Козловського на вірші Ґавріли Дєржавіна (1791): «Гром победы, раздавайся! / Веселися, храбрый росс, / Звучной славой украшайся – / Магомета ты потрёс!».

2. Кулішевий лист на 56 сторінках – це, можливо, якийсь його щоденник (невідомий); також можливо, що тут помилка копіїста – має бути: 5–6.

3. Див. прим. 2, 3 до листа 191.

195. До Пєтра Плєтньова

Тула, 22 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 96–97 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 28 нояб[ря] 1847. О[тветил] 10 дек[абря] 1847».

Друкується вперше.

1. 10 листопада 1847 р. Плєтньов – очевидно, з власної ініціативи – написав Дубельтові листа, у якому попросив його відрекомендувати Куліша новому Тульському губернаторові Крузенштерну, щоб той дав йому службове місце. 13 листопада Дубельт сповістив Плєтньова, що він доповідав про Куліша графові Орлову, який звернувся до Крузенштерна, «прося его оказать покровительство г-ну Кулишу и определить последнего на должность, соответственной его чину». Відношення Орлова до Тульського губернатора датовано тим же числом, 13 листопада (*КМТ*, т. 2, с. 112–113).

2. Лист від Дубельта, датований 10 листопада (див. № 193).

3. Автобіографічну поему «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах. Часть первая» Куліш написав восени 1847 року. Спершу письменник думав надрукувати її, проте Плєтньов поставився до цього прохолодно. Поему вперше опублікував Олександр Дорошкевич у кн.: Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. – К., 1927. – С. 171–199. Детальний аналіз цього твору див. у його вступній статті «Куліш – героєм роману» (Там само. – С. 157–170).

Як відомо, свого «Евгения Онегина» Пушкін присвятив Плєтньову.

4. Поему Куліш думав надіслати Дубельтові, щоб отримати дозвіл на її публікацію (див. листи 196, 197).

5. Другу частину поеми Куліш так і не написав.

6. Йдеться про художника Акімова.

7. Товариство заохочування художників було засновано 1820 року в Петербурзі з метою сприяння розвитку російського образотворчого мистецтва.

8. Йдеться, мабуть, про роман у листах «Julie, ou La nouvelle Héloïse» («Юлія, або Нова Елоїза», 1761) або «Les Confessions» («Сповідь», 1766–1769) – див. прим. 1 до листа 221.

9. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

196. До Лєонтія Дубельта

Тула, 25 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 173–173 зв. (конверт – арк. 175).

Друкується вперше.

Коментований лист Куліш надіслав Плєтньову разом зі своїм листом (див. № 197) і поемою «Евгений Онегин нашего времени», яку пропонував

на розгляд III відділу для одержання дозволу на публікацію. Лист не дійшов до адресата; зберігається в архіві Плєтньова.

1. Алєксєю Орлову.

2. Поемою «Евгений Онегин нашего времени» Куліш, окрім іншого, прагнув переконати керівництво III відділу у своїй політичній благонадійності. Йому було важливо довести, що, як він писав до Погодіна в листі від 7 березня 1848 р. (№ 219), «современные политические вопросы для меня, как для писателя, не существуют». Через те в творі немає сліду українофільських поглядів Куліша, натомість вихваляються царські чесноти (див.: розділ 1, строфа XII; розділ 5, строфа XX; розділ 6, строфа XVII), а авторове alter ego виступає як особа, що цілком належить російській культурі.

197. До Пєтра Плєтньова

Тула, 25 листопада 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 98–98 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «Получ[ил] 3 дек[абря] 1847. О[тветил] 10 дек[абря] 1847».

Друкується вперше.

198. До Віктора Білозерського

Тула, 6 грудня 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 100–101. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Продовженням листа є лист Олександри Куліш.

Останній абзац умонтовано в текст листа Олександри Куліш. Його авторство за змістом атрибутуємо як Кулішеве (найімовірніше, цей фрагмент було дописано на берегах і копіїст машинально відніс його до тексту листа Кулішевої дружини).

Друкується вперше.

1. Очевидно, Алєксандра Ішимова надіслала англомовні книжки. Коли Куліш мешкав у Петербурзі, вона давала йому уроки англійської мови.

2. У «Тульском альбоме» Куліша, що зберігається в ЧІМ, уміщено малюнок, на якому зображено арфоподібні п'яльці з головою ангелика угорі. Під малюнком підпис: «Пяльцы. Моей работы, П. А. Кулиша. 1847 г. Тула».

3. Англійський магазин у Петербурзі містився на Невському проспекті, на розі Великої Морської вулиці.

4. Слово прочитано здогадно.

5. Йдеться про двох наймолодших братів Олександри Куліш, які навчалися в кадетському корпусі в Петербурзі, – Миколу та Олександра Білозерських.

199. До Віктора Білозерського

Тула, 10 грудня 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 92–92 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

1. Можливо, це дружина або мати (див. лист 181) тульського господаря Кулішів Авєніра Саліщева-Жучкіна.

2. Це місце Олександра Куліш згодом прокоментувала: «Пяльцы на рисунке у Вас (у Шенрока? – *Ред.*), и я за ними сижу». Див. прим. 2 до листа 198.

3. Можливо, йдеться про полковника Віктора Половцова, який служив у штабі головного начальника військово-навчальних закладів.

4. Йдеться про брата Вікторової дружини Ваню Бакунова, якого Віктор прилаштував у тульський Александрівський кадетський корпус. Про це Олександра Куліш писала у спогадах, зазначаючи, що той «до болезненности страдал за матерью и особенно за Бабашей (сестрою Ульяною. – *Ред.*), как он её называл, так что мы стали по суб[ботах] их (його та Мішу Кучаєва. – *Ред.*) брать» ([*А. Кулиш*]. Биография моих родителей и наша // ЧЛМК. – Інв. № А–2650. – Арк. 5).

5. Миколу та Олександра Білозерських.

200. До Надії Забіли

Тула, 15 грудня 1847 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28846.

Друкується вперше.

1. Куліш мав на увазі підтримку, що її Надія Забіла надавала Кулішеві й Лесі у період перед їхнім шлюбом. Леся тоді знайшла в особі сестри надійного друга, якому повіряла свої сердечні переживання. Див., зокрема, промовисті рядки в Кулішевому «Евгении Онегине нашего времени» (розділ 1, строфа XXII; розділ 2, строфи I, XX, XXVI–XXVII).

2. Акімова.

3. Зберігся зшиток «Слова, записанные при чтении Мольера 1849. А. К.», у якому рукою Олександри Куліш виписано французькі слова із п'єси Мольєра «L'Avare» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28564. – 32 арк.).

201. До Надії Забіли

Тула, кінець листопада ... перша половина грудня 1847 року

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30265.

Датується орієнтовно на підставі згадки в листі Олександри Куліш про можливий намір її чоловіка опублікувати «Евгения Онегина нашего времени» (див. далі). Цю поему Куліш надіслав Плєтньову разом із листом від 25 листопада 1847 р. (див. лист 197), а в першій половині грудня отримав відповідь, у якій той радив йому поему не друкувати.

Кулішів лист є продовженням листа дружини. У ньому вона, зокрема, писала: «Посылаю тебе, мой друг, переписанную мною поэму (сочинения

П[антелеймона] А[лександровича]) (“Евгений Онегин нашего времени”. – *Ред.*); он долго не хотел этого, но, по неотступному моему надоеданию, он позволил; она теперь совсем не в таком виде, как будет, может быть, напечатана; он её переделал. С каким удовольствием я переписывала для тебя, моё сердце! сколько приятных воспоминаний! сколько правды! о Боже! но и.... Как это меня оживило! как поминутно представлялась ты мне, и Вася, и мама! Ты увидишь даже следы моих слёз в этой поэме!»

Друкується вперше.

1. Надія Забіла мешкала разом зі своїм чоловіком у Києві. У травні 1851 року їхня адреса була така: біля Володимирської церкви, на розі Загородного проспекту й Щербакового провулка, у будинку Костильової (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29141).

2. Про яку родину йдеться – невідомо.

202. До Віктора Білозерського

Тула, 16 грудня 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 92 зв. – 93. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Наприкінці листа дописка Олександри Куліш.

Друкується вперше.

1. Олександри Куліш та Любові Іванівни (див. лист 199 і прим. 1 до нього).

2. Художника Акімова.

3. Пізніша помітка Олександри Куліш: «Семен – наш камердинер из Мотроновки».

4. Після того, як на авдієнції в губернатора Куліш погодився обійняти посаду доглядача лікарні, той вніс кандидатуру Куліша на розгляд Тульського губернського правління. Про це довідуємося з особової справи Куліша, що її було заведено в канцелярії правління: «*Слушали*: Предложение г. начальника губернии, от 18 декабря № 17167, коим изъясняет, что по случаю перемещения смотрителя больницы Тульського приказа общественного призрения кол[лежского] секретаря Огоренко в приставы полиции Туль[ского] оружейного завода Его Пр^во назначает на его место поступающего на службу в канцелярию Его чиновника 9го класса Кулеша» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11426. – Арк. 1; копія).

20 грудня Крузенштерн поінформував графа Орлова про те, що він, порозумівшись із Кулішем, призначив його доглядачем лікарні і що «впоследствии же времени могущей открыться вакансии» надасть йому іншу посаду, «соответственную способностям и образованию его» (*КМТ*, т. 2, с. 115).

203. До Пєтра Плєтньова

Тула, 16 грудня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 100–101 зв.

Помітка про отримання: «П[олучил] 22 дек[абря] 1847».
Друкується вперше.

1. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

204. До Віктора Білозерського

Тула, 20 грудня 1847 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 93–94. Автограф невідомий.
Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.
Наприкінці листа дописка Олександри Куліш.
Друкується вперше.

1. До слова «батька» Олександра Куліш згодом зробила примітку олівцем: «вероятно, Николай Данилович Бел[озерский]». Насправді у листі йдеться про Лева Кармалеєва. «Мати» – його дружина, Наталья Алєксєєвна.
2. У лотереї на користь сиротинців, що відбулася на початку 1848 року, було розіграно також дві Кулішеві за́понки (про це див. у листі 268; див. також прим. 3 до листа 132).

205. До Осипа Бодянського

Тула, 22 грудня 1847 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 63–65 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 29/XII 1847, в понед[ельник]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 43–44.

1. Очевидно, цю Кулішеву репліку зумовлено повідомленням Бодянського про те, що Срезневський не відповів на його прохання надіслати свою збірку народних пісень, висловлене в листі від 29 квітня 1847 р. (див. прим. 7 до листа 159).
2. Див. прим. 2 до листа 17.
3. Алюзія до поезії Пушкіна «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»; 1821). У Пушкіна: «И в просвещении стать с веком наравне».
4. Особу не встановлено.

206. До Пєтра Плєтньова

Тула, 23 грудня 1847 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 265, 266.
Помітка про отримання: «29 дек[абря] 1847».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 114. У публікації адресата атрибутовано помилково: «П. О. Погодін».

Цього Кулішевого листа Плєтньов переслав до III відділу, де його долучили до слідчої справи. У супровідному листі, написаному наприкінці грудня

1847 року на ім'я Дубельта, Плєтньов висловив прохання, щоб той звернувся до Крузенштерна «партикулярным письмом», де рекомендував би Куліша губернаторові як здібну освічену людину, яку можна використати з більшою користю, ніж доглядачем лікарні. При тому Плєтньов характеризував Куліша як «существо образованное, благородное, бескорыстное, преданное высоким видам правительства – и вместе скромное» (*КМТ*, т. 2, с. 115). Дубельт відписав Плєтньову 6 січня 1848 р., що доповів графові Орлову про його клопотання і дістав таку відповідь: «Кулиш после оказанной ему Высочайшей милости не должен роптать, если назначенная ему на первый раз должность не вполне согласуется с его же знаниями» (Там само. – Док. № 116).

1. Доглядачем лікарні був якийсь Оґорєнко, який перейшов працювати в поліцію Тульського збройного заводу.
2. Білозерський, який мав чин 10 класу (зауважмо, що Куліш спершу фігурував як чиновник вищого рангу – 9 класу; див. лист 292 і коментар до нього), після приїзду до Петрозаводська розпочав службу на посаді старшого помічника правителя канцелярії Олонецького губернатора. У першій половині 1849 року його підвищили, призначивши асесором Олонецького губернського правління. Здібності Білозерського як службовця відзначив граф Орлов, доповідаючи наприкінці травня 1847 року Ніколаю I про результати слідства у справі Кирило-Методіївського братства: «Не могу умолчать, что Белозерский обладает большими способностями и потому следует иметь его в виду для употребления на службу там, где он может быть наиболее полезен, особенно когда будет в виду высшего начальства» (*КМТ*, т. 1, с. 69).
3. Див. прим. 1 до листа 195.
4. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

1848

207. До Лєонтія Дубельта

Тула, 3 січня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 273–273 зв.

Помітка про отримання: «10 января 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 117.

208. До Пєтра Плєтньова

Тула, 3 січня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 102–102 зв.

Помітка про отримання й відповідь: «П[олучил] 9 янв[аря] 1848. О[тветил] 12 янв[аря] 1848».

Друкується вперше.

Повідомлення про Кулішеву відставку Плєтньов зустрів з невдоволенням, яке висловив у листі до Ґрота (від 10 січня): «Мой приятель из Тулы вчера прислал мне письмо, которым уведомляет, что, не быв в состоянии ис-

полнять новой должности (смотрителя больницы), возложенной на него военным тамошним губернатором Крузенштерном, он подал ему прошение о чистой отставке, в намерении жить хоть бедно, но независимо. Мне это не понравилось, тем более, что едва ли выпустят его из службы, а думать будут о нём хуже. Такова логика юной России!» (*Переписка*, т. 3, с. 172).

1. Після того, як Куліш поінформував губернатора, що не може виконувати обов'язки доглядача лікарні, той зробив відповідне подання в Тульське губернське правління: «Ныне чиновник 9 класса Кулеш в поданном мне прошении объяснил, что он, по расстроенному здоровью, не может отправлять должность смотрителя больницы» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11426. – Арк. 2; копія). В особовій справі Куліша («Дело [...] по предложению г. начальника губернии, об определении в канцелярию Его чиновника 9 класса Кулеша») цю подію датовано 6 січня 1848 р. У зв'язку з відмовою Куліша служити його справу в канцелярії було закрито (остання дата у справі – 9 січня).
2. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

209. До Осипа Бодянського

Тула, 6 січня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 66–67.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 10/I 1848, в суб[боту]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 44–45.

1. Йдеться про четверту книжку «Чтений» 1847 року. У ній вміщено матеріяли засідання Товариства історії та старожитностей російських, що відбулося 29 листопада 1847 р. Серед публікацій Куліша могла зацікавити насамперед стаття Юрія Венеліна «О споре между южанами и северянами на счёт их россизма», а також праця Акіма Перлштейна «Описание города Острога».
2. Див. прим. 19 до листа 9.
3. Алюзія до «Слова о пълку Ігоревѣ». В оригіналі: «Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго» (Русские достопамятности. – М., 1843. – Часть 3: Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣснтворца стараго времени. – С. 19, 21). Видавець і коментатор «Слова» Дмітрій Дубєнський першу фразу переклав так: «Залегла в душе Князя дума о походе».
4. Див. прим. 7 до листа 159.

210. До Лєонтія Дубельта

Тула, 6 січня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 270.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 116.

211. До Пєтра Плєтньова

Тула, 7 січня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 106–107.

Помітка про отримання: «П[олучил] 12 янв[аря] 1848».
Друкується вперше.

1. У Тулі існував губернський статистичний комітет, який, не маючи окремого діловода, був бездіяльний. Губернатор задумав призначити Куліша старшим чиновником особливих доручень поза штатом, поклавши на нього обов'язок керувати справами статистичного комітету. Із цим проєктом Крузенштерн звернувся 9 січня 1848 р. до Міністерства внутрішніх справ, прохаючи затвердити Куліша на новій посаді (*Павлушков*, с. 119). Водночас Крузенштерн звернувся до Дубельта, інформуючи його про цю справу й прохаючи «употребить с своей стороны ходатайство», щоб міністерство погодилось на створення в Тулі додаткового робочого місця для Куліша (*КМТ*, т. 2, с. 118–119).

Проєкт Крузенштерна не здійснився. Лист губернатора пролежав у міністерстві з півроку, поки міністр не відписав, що, на його думку, недоречно «ходатайствовать о сем, имея в виду Высочайшее повеление не входить с представлениями, предполагающими сверхштатные расходы» (*Павлушков*, с. 119).

2. Див. лист 210.

212. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 14 січня 1848 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 274–275.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 118.

213. До Осипа Бодянського

Тула, 17 січня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 68–68 зв.
Помітка про отримання в реєстрі кореспонденції Бодянського: 22 січня (Там само. – Од. зб. 37. – Арк. 21 зв.).
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 242.

1. Мало користи з того, хто хоче, але не може (*латин.*). Сентенція Публія Сируса (46 до н. е. – 43).

214. До Пєтра Плєтньова

Тула, 17 січня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 104–105 зв.
Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 24 янв[аря] 1848. О[тветил] 9 мар[та] 1848».
Друкується вперше.

1. Див. преамбулу в коментарі до листа 206.

215. До Лєонтія Дубельта

Тула, 24 січня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 278, 279.

Помітка про отримання: «30 января 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 119–120.

216. До Надії Забіли

Тула, 2 лютого 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28847.

Друкується вперше.

1. Пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Это была белая голубка, и мы её назвали Надею. Моя дружина разрисовала её красиво».

217. До Міхаїла Погодіна

Тула, 2 лютого 1848 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 66. – Арк. 1–1 зв.

Першодрук (зі скороченням): *Барсуков*, кн. IX, с. 433–434. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 20–21.

1. У 1847 році вийшло тільки чотири книжки «Москвитянина» (замість дванадцяти). Цензурний дозвіл першої датовано 24 червня.

218. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 19 лютого 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28848.

Друкується вперше.

У листі обіграно історію народження голубки, яка потім жила в Кулішів. Опис пологів ввів Надію Забілу в оману: вона подумала, ніби дитина народилася в Олександри. Збереглася фотокопія малюнка, на якому зі спини (з поворотом у три чверті вліво) зображено жінку з дитиною на руках. Внизу підпис: «Рис. П. А. К. Тула». На звороті рукою Олександри: «Мой портрет и импровизированная дитинка. Мы её никогда не видали [...]» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28750. – Арк. 3, 7).

1. Алюзія до комедії Шекспіра «A Midsummer Night's Dream» («Сон літньої ночі»; дія 2, сцена 1).

2. Операції під наркозом за допомогою сірчаного етеру та хлороформу щойно почали застосовувати в медичній практиці. Про снодійні властивості цих речовин і те, як їх використовували під час різних операцій, ішлося в циклі спеціяльних статей у «Современнике» (відділ «Смесь»): «Серный

эфир как средство, уничтожающее боль при операциях» (1847. – № 2. – С. 133–134), «Новейшие опыты и исследования над действием серного эфира» (№ 3. – С. 35–38); «Ещё исследование о действии серного эфира» (№ 4. – С. 142–144), «Новые замечания о действии хлороформа и о его приготовлении» (1848. – № 3. – С. 55–57). Зокрема, у цих статтях описувалися й застосовування етеру при пологах. Хлороформ був простіший у застосуванні й не мав такого різкого неприємного запаху, як сірчаний етер (1847. – № 12. – С. 216–219). Автором статей, можливо, був Павєл Ільєнков.

3. Цитата з Біблії (Бут. 3:15).

4. Див. преамбули в коментарях до листів 179, 187.

219. До Міхаїла Погодіна

Тула, 7 березня 1848 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 66. – Арк. 2–3 зв.

Першодрук (зі скороченням): *Барсуков*, кн. IX, с. 434–435. Уперше опубліковано повністю: *Савченко*, с. 21–22.

1. У перших двох номерах «Москвитянина» за 1848 рік було, зокрема, надруковано рецензію Стєпана Шевирьова на Гоголеві «Выбранные места из переписки с друзьями», його ж огляд сучасної російської літератури та відповідь рецензентам на зауваження з приводу публікації його публічних лекцій «История русской словесности, преимущественно древней», повість Алєксандра Вєльтмана «Два майора» (усе – № 1), два оповідання Владіміра Даля з циклу «Картины из русского быта» (№ 2).

2. Цей історичний роман (врешті незакінчений) Куліш розпочав на засланні й доопрацьовував на початку 1850-х років у Петербурзі (у ранніх редакціях він мав назви: «Дружина Северяк», «Северяки»). Письменник опублікував його в «Современнике» під назвою «Алексей Однорог» за підписом «Николай М.» (1852. – № 12. – С. 61–140; 1853. – № 1. – С. 9–78; № 2. – С. 161–224). У 1853 році роман вийшов у Петербурзі окремим виданням (під тим-таки псевдонімом) і пізніше увійшов до другого тому чотиритомного зібрання «Повести П. А. Кулиша» (СПб., 1860. – [6], 357 с.).

До середини червня 1848 року Куліш написав першу частину роману, тоді відклав його, а потім спалив рукопис (як про це свідчив у листі до Бодянського від 11 червня 1849 р. – № 291). Розпочавши роман наново, Куліш на середину 1850 року вже мав завершену першу частину, яку подав на розгляд III відділу; проте граф Орлов відмовився передати його на рецензію, мотивуючи тим, що твір не завершено.

3. Цитата з «Евгения Онегина» Пушкіна (розділ 8, строфа XVI). У Пушкіна: «Но не могу перевести».

4. Див. прим. 11 до листа 9.

220. До Віктора Білозерського

Тула, січень ... 14 березня 1848 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 94–94 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. коментар до листа 185.

Датується орієнтовно за змістом. У листі йдеться про подарунки Плєтньовим, які вони отримали не пізніше 14 березня. Цим числом датовано Кулішів лист до Плєтньова, у якому висловлено радість, що подарунки їм сподобалися.

Продовженням листа є лист Олександри Куліш.

Друкується вперше.

1. Миколу та Олександра Білозерських.

2. Постскриптум, у якому йдеться про нібито задуману Віктором Білозерським подорож до Тули, дописано після листа Олександри Куліш. Повіривши в можливість приїзду свого брата, – хоча насправді це була гра, – вона, зокрема, писала: «Милый добрый друг мой Викторко. От всей души Вас благословляю на предпринятый Вами подвиг и желаю всех благ земных и небесных; да наградит Вас Бог по заслугам».

221. До Пєтра Плєтньова

Тула, 14 березня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 108–109.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 21 мар[та] 1848. О[тветил] 16 мая 1848».

Друкується вперше.

1. Свою лектуру протягом листопада 1847 року – травня 1848 року Куліш занотував у «Тульском альбоме». Записи дають можливість реконструювати інтелектуальну біографію Куліша періоду тульського заслання й свідчать, наскільки напружено працював він над собою. Подаємо їх без скорочення:

«*Книги, прочитанные нами вдвоём с ноября 1847 года до февраля 1848*:

1. “Айвенго”
2. “Антикварий”
3. “Квентин-Дорвард”
4. “Недоросль”, Фон-Визина
5. “Сказания современников о Дм[итрие] Самозв[анце]”, четыре книги
6. “Оттилия”, Гёте
7. “Каталина де Эрайсо”
8. Повести Ферри в “Современнике”
9. “Записки охотника”, Тургенева
10. Мелкие статьи в “Соврем[еннике]”
11. “La Nouvelle Héloïse” (1[a] часть)
12. “La Confession” de J. J. Rousseau (1[a] половина)

Февраля 16 кончили – 13. “Записки Бенвенуто Челлини”

17 – 14. “Много шуму из ничего”, комедия Шекспира

До 3 марта – 15. “Гей-Меннринг” В. Скотта

16. “L’Avare”, par Molière

17. Несколько глав из XII т[ома] Карамз[ина]

с 3 марта – 18. “Николай Никльби”, Диккенса (в “Б[иблиотеке] для ч[тения]” XXXVIII–IX, 1840)

19. “Конотопск[а] вѣдьма” Квитки
20. “Emile”, par J. J. Rouseau
21. Из записок артиста (“Совр[еменник]” 1847, № 1)
22. Учёные и другие статьи из “Москвит[янина]” 1848

Марта 5 — “Сон в Ивановскую ночь”, Шекспира
(в “Б[иблиотеке] для ч[тения]” 1841, L)
“Записки Пиквикского клуба”, Диккенса (только
1 часть. “Б[иблиотека] для ч[тения]” 1840, XL)
“Жизнь Гёте” (“От[ечественные] зап[иски]”
1842, XXX–II)
“Бернеби Радж”, роман Диккенса (4 главы)
(в “От[ечественных] зап[исках]” 1842, XXXI–III)
“Ист[ория] Петра В[еликого]” Бергманна (местами)

Марта 9 — “Борис Годунов”, Пушкина
“Полтава”, “Бахчисарайский фонтан”,
“Кавказск[ий] пленник”, Пушкина
“Орлеан[ская] Дева”, Шиллера, перевод Жуковского
“Каменный гость”, “Русалка” и прочие небольшие
пьесы и мелкие стихотворения Пушкина

Марта 14 — “Вевериль”, В. Скотта
“Роб-Рой”, В. Скотта
VIII, IX, X, XI и часть XII т[омов] “И[стории]
г[осударства] Р[оссийского]” Карамзина
“Монастырь”, В. Скотта
“Басурман”, Лажечникова
“Дева Озера”, В. Скотта
“Шотландские пуритане”, В. Скотта
“Шарлотта Кордэ”, Ламартина (отрывок из “Истории
Жирондистов”). “Совр[еменник]” 1847, № 5

Апр[еля] 18 — “L’Avare”, par Molière

Мая 1 — “Антоний и Клеопатра”, “Кариолан” } Шекспира
“Вудсток”, Вальтер-Скотта
“Домби и сын”, Диккенса
“Том Джонс”, Фильдинг»

(ЧІМ. – Інв. № Ад $\frac{225-35}{1933}$. – Арк. 38).

2. Ользі Плєтньовій та Алєксандрі Ішимовій.

3. Йдеться про лист Куліша до Плєтньова від 23 грудня 1847 р., що його Плєтньов разом зі своїм супровідним листом передав Дубельтові. Див. преамбулу в коментарі до листа 206.

222. До Осипа Бодянського

Тула, 21 квітня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 70–71 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 24/IV 48 г.».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 283–284.

Цей лист є відповіддю на лист Бодянського від 10 квітня, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 22 зв.).

1. Мова про Віктора Білозерського. Куліш просив його звернутися до Срезневського і забрати в нього позичені пісні (див. лист 224). Як згадував пізніше Куліш, він написав Срезневському «суровое требование моей собственности». Віктор Білозерський передав цей лист адресатові й отримав таку лаконічну відповідь: «Скажите Кулишу: зачем он наживает себе врагов?». «Легко вообразить, – оповів Куліш цей епізод у спогадах, – как это было почувствовано ссыльным в провинциальную глушь козакоманом от козакомана, благоденствующего в столице. Я написал ему ругательное письмо [...] и тем наши сношения кончились» (*Воспоминания*, с. 122–123). Див. також прим. 7 до листа 159.

2. Сам Костомаров був іншої думки про ставлення Срезневського до його матері. Згадавши в автобіографії про доброзичливість Срезневського як визначальну рису його характеру, він писав: «Это же добродушие проявилось в нём в отношении к моей покойной матери, когда она проживала в Петербурге, во время моего годичного заключения в крепости, за что я всегда был и буду ему благодарен» (*Н. И. Костомаров.* Исторические произведения. Автобиография. – К., 1989. – С. 562).

3. Йдеться про роман, в остаточній редакції названий «Алексей Однорог».

4. Йдеться про третє видання «Сказаний русского народа» у двох томах, що їх підготував Іван Сахаров. На час, коли написано коментованого листа, було видано тільки перший том, який складався з чотирьох книг (СПб., 1841; див. також прим. 18 до листа 326). Перше видання появилося в 1836–1837 рр. у Петербурзі.

5. Йдеться про видання: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегирёвым. С предисловием и дополнениями. – М.: В унив. тип., 1848. – XLV, 503 с.

223. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 26 квітня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30269.

Кулішів лист є продовженням листа дружини від 26 квітня 1848 р. і стосується такого його фрагмента: «Ты понимаешь, отчего я тебя не уведомила о *Надиньке*: ребячество ещё до сих [пор] не прошло ещё в меня; смешно сказать, что мне было стыдно. [...] *Надюня* здоровенька, уже смеётся, знает нас и мы очень нею в восторге!!!».

У листі Олександри, зокрема, йдеться про Кулішеве життя в Тулі: «Друг мой теперь очень много занимается чтением и писанием; я говорю тебе это по секрету, что он пишет *исторический роман из времён Дмитрия Самозванца*, и Вася тоже пишет какую-то повесть (про який твір ідеться – невідомо. – *Ред.*) [...]. Получаете ли Вы "Отечественные записки"? Мы сегодня получили "Современник" и ещё не успели прочитать из него ничего: всё пишем письма».

Друкується вперше.

224. До Віктора Білозерського

Тула, 27 квітня 1848 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 105 зв. – 106. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Кулішів лист є продовженням листа дружини від 27 квітня 1848 р. Помітка про отримання: «18 $\frac{V}{4}$ 48. 2 ч[аса] пополудни».

Друкується вперше.

1. Див. прим. 1 до листа 222.
2. Йдеться, очевидно, про Мішу Кучаєва, родича Плєтньова, який навчався в тульському Александрівському кадетському корпусі. Куліші іноді брали його (разом із Ванею Бакуновим) із корпусу на суботи до себе. У грудні 1849 року Олександра Куліш, їдучи до Петербурга, взяла його з собою, щоб відвезти додому. Див. також прим. 1 до листа 258.

225. До Лєонтія Дубельта

Тула, 12 травня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 280–281.

Помітка про отримання: «17 мая 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 120–121.

Відповідь: див. лист 227.

1. Мова про Мішу Кучаєва і Ваню Бакунова. У листі до Дубельта (від 5 листопада 1847 р.) Василь Білозерський зазначив, що в Тульському кадетському корпусі перебуває його молодший брат Олександр (*КМТ*, т. 1, с. 426). Олександр Білозерський закінчив (у середині 1850-х років) 2-й кадетський корпус у Петербурзі; у листах Кулішевої дружини з Петербурга 1849 року він фігурує серед петербуржців.

226. До Осипа Бодянського

Тула, 19 травня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 72–73.

Помітка Бодянського про отримання в реєстрі його кореспонденції: 27 травня (Там само. – Од. зб. 37. – Арк. 27).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 285–286.

Лист є відповіддю на лист Бодянського від 5 травня, який не зберігся. Інформацію про нього подано в реєстрі кореспонденції Бодянського: «Письмо в Тулу к Кулешу с “Сказ[аниями] русского народа”, изд. Сахарова» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 27).

1. Йдеться про Срезневського. Див. прим. 1 до листа 222.
2. Йдеться про роман, згодом названий «Алексей Однорог».
3. Неточна цитата з поеми Котляревського «Енеїда» (пісня 2, строфа 34). У Котляревського: «не скупала».

4. Йдеться про критичний відгук Бодянського на статтю Осіпа Сенковського «Манифест Дария, сына Истапова, и прочие каменописные памятники Древней Персии» (Библиотека для чтения. – 1848. – Кн. 1), опубліковану в «Москвитянине» (1848. – № 5. – Критика. – С. 30–39). Коректурний примірник рецензії Бодянського з авторськими правками див.: ВР РНБ. – Ф. 608. – Оп. 1. – Од. зб. 4672.

5. Двотомне зібрання джерел «Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących, z dodatkiem objasnień potrzebnych i krytycznych uwag» Сенковський видав у 1824–1825 рр. у Варшаві. На це видання Куліш, зокрема, посилався у примітках до «Чорної ради» (у ранній редакції російської версії).

6. Про яку книжку йдеться – невідомо.

227. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 20 травня 1848 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 285–285 зв.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 122.

Лист є відповіддю на Кулішів лист від 12 травня 1848 року (№ 225).

228. До Надії Забіли

Тула, 31 травня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30270.

Лист є продовженням листа дружини від 31 травня 1848 р., у якому описано поточні події тульського життя Кулішів.

Друкується вперше.

1. Отець Феофан – світське ім'я Пьотр Авсєнєв. 1844 року постригся в ченці. З 1845 року професор Київської духовної академії, з 1846 року архімандрит Братського монастиря в Києві. Користувався пошаною серед кирило-методіївців, мав на них певний вплив, підтримуючи в них християнський дух. Про взаємини Куліша з о. Феофаном відомостей немає. Чи відповів він на Кулішевого листа, також невідомо. У березні 1850 року о. Феофан через хворобу звільнився з академії та переїхав до Рима, де став настоятелем посольської церкви; там і помер.

2. Класичний роман Ж.-Ж. Русо «Emile, ou De l'éducation» («Еміль, або Про виховання»; 1762) спрямовано проти системи насильного виховання, що її диктує цивілізація й суспільство і яка не залишає простору для самореалізації дитини в її розвитку.

229. До Надії Забіли

Тула, 7 травня ... 16 червня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29486. Початок не зберігся. Два зацілілі останні аркуші мають нумерацію, яку проставив Куліш: 7 і 8.

Нижня хронологічна межа – вихід у світ 7 травня п'ятого числа «Современника» (див.: *В. Боград.* Журнал «Современник» 1847–1866: Указатель содержания. – М.; Л., 1959. – С. 92), про зміст якого йдеться у листі. Верхню межу встановлено на підставі згадки в листі Олександри Куліш (див. далі) про проїзд через Тулу до Москви Івана Вернадського, про якого Куліш запитував у листі до Бодянського від 16 червня (№ 230).

Продовженням Кулішевого листа є лист дружини: «П[антелеймон] А[лександрович] не на все пункты письма твоего отвечал, я продолжаю. Вернатский, переезжая через Орёл, узнал, что на двадцать восем миллионов сгорело пеньки по большей части и сала. Я знакомых в Туле имею мало, т. е. одно семейство офицера, но я у них не бываю, а при встрече только одно другому кланяемся. Дюсь мой предлагал мне сделать им визит, но я отказалась; она мне не нравиться, у ней нет искренности и сердце у ней должно быть холодно как лёд. Я же так избалована малороссийскими друзьями и С. П[етербургом], что я и не хочу войти с ней в дружбу. Олинька Плетнёва и Ишимова пишут к нам довольно часто и не иначе, как милые друзья мои П[антелеймон] А[лександрович] и А[лександра] М[ихайловна]. Серденько Надюнечко, пиши скорее, здорова ли ты? Я Васю обещаю нагонять. Мизко (Григорій. – *Ред.*) один раз писал к П[антелеймону] А[лександровичу] и так написал: где Вас[илий] М[ихайлович]? Я к нему писал, но он не отвечал. Бог с ним. – Когда он меня забыл, я ему дала нагоняйла. Думает ли Алина (Крагельська. – *Ред.*) о Кос....[томарове]? Попроси её, чтобы она сыграла тебе *étude favorite de Liste*, – это моё любимое; сколько мелодии, как эти звуки потрясали мою душу. Целую твои ручки, моё дорогое. Николаю Николаевичу скажи, что и я его от души благодарю за все удовольствия, какие только он для тебя делал».

Друкується вперше.

1. Йдеться про твір, що його згодом Куліш опублікував під назвою «Повесть о Борисе Годунове и Димитрии Самозванце. Чтение для молодых людей» (СПб., 1857. – VII, 330, VI). За первісним задумом він мав складатися з двох частин. Під час роботи над ним Куліш виокремив першу частину («Повесть...»), а другу планував доопрацювати, проте не завершив (див. його лист до Бодянського від 20 серпня 1848 року – № 238).

2. Микола та Олександр Білозерські.

3. Оповідання й нариси Ґабріеля Фері друкувалися в «Современнике» протягом 1847–1848 рр.: «Сальтеадор. Мексиканские сцены» (1847. – № 2), «Хозе Хуан, ловец раковин» (1847. – № 3), «Укротитель коней» (1847. – № 4). Три оповідання мали редакційну назву «Сцены из мексиканской жизни» (1847. – № 5; № 10; 1848. – № 4).

4. Переклад історичної праці Альфонса де Лямартіна «Histoire de Charlotte Corday. Un livre de *l'Histoire des Girondins*» (Bruxelles, 1847) опубліковано в травневому числі «Современника» за 1847 рік у відділі «Наука и художества» під назвою «Шарлотта Корде. Эпизод из IV тома "Истории жирондистов"».

5. Йдеться про автобіографічний твір Бенвенуто Челліні «La vita di Benvenuto di Mo Giovanni Cellini Fiorentino scritta (per lui medesimo) in Firenze», опублікований у додатку до перших двох чисел «Современника» за 1848 рік під назвою «Записки флорентийского золотых дел мастера и скульптора».

6. Переклад історичної повісти віконта Алєксіса (справжнє ім'я Марі Шарль Фердинан) де Вальона «Catalina de Erauso» було опублі-

ковано в квітневому числі «Современника» за 1847 рік у відділі «Словесность».

7. Надєжда Дурова, донька відставного гусарського ротмістра, служила у війську з 1806 до 1817 року спершу під іменем рядового Соколова, а з 1808 року під іменем корнета Алєксандрова. Свою історію вона розповіла у спогадах «Кавалерист-девица. Происшествие в России» (СПб., 1836, у 2 томах) і «Записки Александрова (Дуровой). Добавление к "Девице-кавалерист"» (М., 1839). Фрагмент із записок Дурової надрукував Пушкін у «Современнике» (1836, т. II).

8. Роман Ґете «Die Wahlverwandtschaften» (1809) у перекладі Андрєя Кронеберґа («Оттилия») було опубліковано у відділі «Словесность».

9. Цикл оповідань Івана Турґенєва «Записки охотника» друковано в «Современнике» протягом 1847–1851 рр. У коментованому листі Куліш має на увазі оповідання «Хорь и Калиныч» (1847. – № 1), «Ермолай и мельничиха», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсянников», «Льгов» (1847. – № 5), «Бурмистр», «Контора» (1847. – № 10), «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и её племянник», «Смерть» (1848. – № 2). Окреме видання «Записок охотника» появилося 1852 року в Петербурзі.

10. Новий роман Дикенса «Dealing with the Firm of Dombey and Son, wholesale, retail and for exportation» у перекладі Ірінарха Ввєдєнського («Домби и сын») було опубліковано в додатку до «Современника» 1847 року (№ 1–5) і 1848 року (№ 2, 3, 7, 8).

11. Наприкінці травня Гоголь ненадовго приїхав до Києва, повертаючись із поїздки до Святих місць, під час якої, зокрема, відвідав Єрусалим.

12. Інформацію про відкриття лікувального закладу при Царському саді (колишньому парку Софіївці) в Умані було вміщено наприкінці травневого числа «Современника» за 1848 рік під заголовком «Медицинская новость» (с. [1–4], без пагін.). Керівник закладу штаб-лікар колезький асесор Пассовер пропонував лікування методом гідропатії, зокрема обливанням холодною водою. У статті було подано перелік недуг, які можна лікувати таким чином. Лічниця приймала пацієнтів з 15 квітня до 15 листопада.

230. До Осипа Бодянського

Тула, 16 червня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 80–81 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 19/VI 48, суб[бота]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 19 червня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 28).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 286–287.

1. «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах, сочинённое оного же Троицкого монастыря келарем Аврамием Палицыным» (М., 1784. – [2], 281 с.; 2-е изд. – М., 1822. – [2], 324 с.) – пам'ятка російської історіографії початку XVII ст.

2. Повна назва цього видання: «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времён многих случаев по представлении царя Иоанна

Васильевича, а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учинённом исправлении книг в царствование царя благоверного государя Алексей Михайловича в 7163 (1655) году. Собрано из древних тех времён описаний» (2-е изд. – Москва, 1788. – [2], 386 с.). Перше видання появилося 1771 року в Петербурзі заходами Ніколая Новікова. Літопис складено у Москві близько 1658 року. У ньому описано події 1584–1655 рр. і подано відомості, яких немає в інших джерелах.

3. Йдеться про останню частину видання: «Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Императорской Академии наук» (СПб., 1792. – 18, 256 с.). У ній відображено події 1583–1630 рр.

4. У Московському університеті Іван Вернадський мав намір захищати дисертацію «Историко-критическое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века» на здобуття ступеня доктора історичних наук, політичної економії та статистики. Захист відбувся 15 березня 1849 р., а з червня 1850 року Вернадський посів у Московському університеті катедру політичної економії та статистики на історично-філологічному факультеті.

5. Російські народні пісні, що їх зібрав Пьотр Кірєєвський, Бодянський надрукував у дев'ятій книжці «Чтений» за 1848 рік (Отд. IV. – С. I–VIII, 145–226, [I–II]). Це була перша частина публікації, присвячена «русским народным стихам», або духовним пісням. За нею, як свідчив Бодянський у розмові з Гоголем, що відбулася 21 грудня 1849 р. і яку він занотував у щоденнику, «предполагалось поместить "Разноречия" к тем "Стихам", которых набралось столько, как и самих "Стихов"» (РС. – 1888. – № 11. – С. 402). Закриття «Чтений» завадило реалізувати цей намір. Публікацією пісень зі збірки Кірєєвського Бодянський прагнув застерегтися від пересудів, що їх могла спричинити набагато масштабніша публікація українських народних пісень, яку він саме тоді готував до друку. Як писав він у щоденнику, «начато было мною печатание "Галицких народных песен" (червонорусских), приобретённое от священника Галиции [...] Якова Фёдоровича Головацкого, отпечатано было не более 2-х листов, как буря приостановила и их вместе со многим другим» (Там само. – С. 401).

Народні пісні зі збірки Головацького Бодянському вдалося опублікувати в «Чтениях» щойно в 1863–1877 роках.

6. У восьмій книжці «Чтений» за 1848 рік опубліковано такі матеріяли з історії України: «Летопись монастыря Густынского», «Описание о Малой России и Украине. С приложениями. Сочинение Станислава Зарульского, служившего в российской армии капитаном» (обидві публікації супроводжували передмови Бодянського), листи Пєтра I до гетьмана Івана Скоропадського (подав Михайло Судієнко) та листування українських діячів періоду Хмельниччини з архіву Московської збройної палати.

231. До Надії Забіли

Тула, 22 червня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28849.

Продовженням Кулішевого листа є лист дружини. Ось витяги з нього, які характеризують життя Кулішів у Тулі: «Милый друг мой Надя, мне здесь очень весело. Ничего не хочется делать; мы все живем в саду и чай

пьём. У нашей хозяйки есть дочь 17 л[ет], хорошенькая *Marie* [...]. Я с ней гуляю в саду; ягод здесь довольно, нам предоставили полную свободу ими распоряжаться; я думаю даже сварить варенья для свого дуся, а то поеду, кто ему даст? [...] *Marie* эта играет немного на гитару и поёт, привесёлая. Дюсь думает нам устроить качел, это мне будет напоминать Крапивну. Ещё я тебе не похвалилась: у меня есть Тонер, только настоящий, чёрненький, маленький. Мы не успели переехать на квартиру, как мне *Marie* подарила двух собачек дворняг, но ужасно кудлатых. У них есть собака на цепи огромная и прекрасная, и вот целый день, глядя на наше порося, оно ему представляется каким-то диким зверем, она никогда поросят не видела. [...] Мы живём неподалёку от губер[натора] дачи и близ поля. Очень весело».

Друкується вперше.

1. Див. прим. 4 до листа 191.
2. «Русский инвалид» – офіційна газета спеціяльного комітету для опіки над пораненими, заснованого 1814 року при військовому відомстві (виходила з 1813 року). Барон Фьодор Корф став її редактором у червні 1848 року.
3. Йдеться про «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца».

232. До Осипа Бодянського

Тула, 4 липня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 74–75 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 6/VII 48». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 6 липня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 28).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 287–289.

1. Див. прим. 3 до листа 230.
2. У четвертому томі «Полного собрания русских летописей» (СПб., 1848) опубліковано Новгородські та Псковські літописи.
3. Йдеться про тритомну історичну працю Ніколая Арцибашева «Повествование о России» (М., 1838–1843), що висвітлює період від найдавніших часів до 1698 року. Критично оцінюючи факти й очищуючи історію від сумнівних переказів, Арцибашев прагнув до якомога точнішої передачі текстів джерел і виступав з критикою Карамзіна як історика.
4. Йдеться про тритомну історичну працю Дмітрія Бутурліна «История смутного времени в России в начале XVII века» (СПб., 1849). Кожний том її складався з двох частин і додатків. У додатках подано різні документи початку XVII ст.: грамоти, укази, універсали, листи. У додатку до третього тому вміщено «Дневник осады Смоленска польским королём Сигизмундом III в 1609, 1610 и 1611 годах» (с. 127–247).
5. Можливо, йдеться про велику працю Соловйова «Обзор событий русской истории от кончины Феодора Иоанновича до вступления на престол Романовых», що друкувалася «Современнике» у 1848–1849 і 1851 роках. На час написання коментованого листа Куліш міг прочитати перші чотири її розділи (1848. – № 1. – Отд. II. – С. 1–40; № 2. – С. 59–88; № 3. – С. 1–27; № 4. – С. 45–84).

6. Очевидно, Куліш мав на увазі книжку польського історика і публіциста Маврицця Ігнация Алєксандра Дзєдушицького «Krótki rys dziejów i spraw lisowczyków» (We Lwowie, 1843. – T. I. – VI, 372 s.; 1844. – T. II. – 593 s.).

Лісовчики – легка нерегулярна польська кавалерія, яку зорганізував на початку XVII ст. Алєксандр Юзеф Лісовський. Загони лісовчиків, зокрема, воювали в Московії на боці Лжедімітрія II.

7. У дев'ятій книжці «Чтений» 1848 року надруковано російські народні пісні, зібрані Пєтром Кірєєвським (див. прим. 5 до листа 230). Крім того, Куліша, з огляду на його працю над історичним романом з початку XVII ст., могла зацікавити велика публікація «Царствование Ивана Васильевича Грозного и Фёдора Ивановича (окончание Истории Российской В. Н. Татищева)» (с. 219–533).

8. Пьотр Плєтньов.

9. Цю записку, адресовану Срезневському, відіслано не було; вона залишилася в архіві Бодянського (див. лист 233).

10. Про які пісні йдеться – невідомо.

233. До Ізмаїла Срезневського

Тула, 5 липня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 76, 77.
Друкується вперше.

Записка залишилася в архіві Бодянського й до адресата не потрапила. Після неї Куліш адресував Срезневському принаймні ще одного листа (нині невідомого) з вимогою повернути позичені йому пісні, який був останнім у їхньому листуванні. Про цей лист Куліш згадував у спогадах: «Я написал ему ругательное письмо, которое до сих пор помню от слова до слова, но не хочу повторить, и тем наши сношения кончились» (*Воспоминания*, с. 123).

234. До Надії Забіли

Тула, 11 липня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28850.
Друкується вперше.

Того ж дня, 11 липня 1848 р., до Надії Забіли написала листа й Олександра Куліш. У ньому, зокрема, наведено епізод, який характеризує стосунки подружжя Кулішів із господарями квартири, що врешті погіршилися, спричинивши новий переїзд (про це йдеться в листі Куліша). «Теперь скажу тебе о нашей *Marie* [...], – писала вона сестрі. – [...] в один [день] был у нас дождь; я с П[антелеймоном] А[лександровичем], не обращая на это внимания, пошли и гуляли: так было свежо и хорошо. Мать Марии и она сама, глядя в окно, смеялись и удивлялись нам. На другой день опять идёт дождь; я выхожу на крыльцо и вижу Машу босую, с открытой шеей и довольно коротком платье без юбок (Варька говорит, что она даже и рубашку скинула), предлагает мне отправиться с нею в сад; я ей говорю, что она легко одета, что это опасно, а между тем предлагаю П. А., чтобы он поспешил в сад по-

смотреть на белые ножки, и думаю, что она скроется от него, но не тут-то было: она бегала, стряхывала на П. А. с груши капли дождя, но ещё, надо прибавить, поднявшись по колени. Мать её, глядя из окна, восхищалась резвостью своей дочери и кричит П. А.: "Да покатайте, покатайте её по траве"; я начала гоняться, но в этом не успела. После этого она побежала наверх к себе в комнату и, надевая другое платье, до половины вылезши, разговаривала с нами. Что ты на всё это скажешь? Она всегда ходит одна по улице и в церковь (но, впрочем, здесь и другие ходят). Мать её всегда нам говаривала: "Она у меня такая застенчивая", но эта застенчивость нисколько не мешает петь без всякой просьбы и играть на гитаре» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30271. – Арк. 1–1 зв.).

1. Цей лист невідомий.
2. Див. прим. 4 до листа 191.
3. Куліш, без сумніву, прочитав у «Современнике» (1847. – № 3. – Отд. III. – С. 59) нищівну рецензію на роман Поля Феваля «Le Fils du Diable», переклад якого під назвою «Сын тайны» вийшов 1847 року в Петербурзі у двох томах. Кулішева оцінка роману Феваля (що його Куліш міг і не читати) суголосна з оцінкою анонімного рецензента. У рецензії, зокрема, йшлося: «У г. Поля Феваля нет ни ума, ни воображения, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно рассказывать даже вздоры, которым так владеют французы и в котором больше всего заключается тайна успеха их нелепых романов. [...] "Сын тайн" – это нелепость на нелепости, вздор на вздоре». Автором рецензії був Віссаріон Бєлінський.
4. Йдеться, очевидно, про найвідомішу працю графа Жоржа-Люї Леклєра Бюфона «Histoire naturelle» («Історія природи») у 44 томах (вид.: 1749–1804).
5. Йдеться про «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца». Другого й третього тому Куліш не написав.

235. До Осипа Бодянського

Тула, 16 липня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 78–79 зв.

Помітка про отримання в реєстрі кореспонденції Бодянського: 22 липня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 28 зв.). Помітка про відповідь у тому ж реєстрі: 23 липня (Там само).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 290–292.

1. Ця казка невідома.
2. Цитата з Нового Завіту (Лук. 10:7).
3. Згаданий «пошкрибок» – це, очевидно, Кулішева стаття «Свадебные обычаи в Борзенском уезде». Її автограф зберігається в архіві Бодянського в одному конволюті з описом весілля, що його зробив о. Симеон Левицький (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 191. – Арк. 99–104 зв.).
4. Див. прим. 4 до листа 49.
5. Цей досі неопублікований реєстр полків та сотень Лівобережної України нині перебуває в архіві Бодянського. Він являє собою складений із багатьох рукописних списків фоліянт, з написом на корінці: «Ведомость о ма-

лороссийских полковых старшинах и выборных козаках и проч. 1741» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 148. – 696 арк.).

6. Див. прим. 6 до листа 232.

7. Як видно, Куліш мав намір подати «Орисю» в одній книжці з народними переказами (згодом він таки опублікував її в «Записках о Южной Руси», де передрукував більшість переказів). Про цей свій намір Куліш, очевидно, інформував і Миколу Даниловича Білозерського, в пам'яті якого виникла певна аберація. «В одной статье, – писав Білозерський до Бодянського 25 квітня 1858 р., – Вы высказались, что некоторые из прежних изданий Ваших были такие, что стоило их только подписать везде и пустить их в свет. Я совершенно знаю, что в числе подобных сочинений была "Чёрная рада", "Украинские предания" (или иначе?), "Орися", – два последние я собственными глазами видел!» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 101. – Арк. 80–81).

На Кулішеве прохання вислати надруковану «Орисю» Бодянський відповів, що він її не велів набирати, оскільки в рукопису були істотні похибки. Куліш спростував цю інформацію (в листі від 11 серпня 1848 р.): «Ні, пане-добродію, "Орися" моя була добре виправлена: не було в їй таких промахів, бо чи раз же то читав я її приятелям?». Проте з'ясувалося, що Бодянський мав рацію, бо йому було надано копію, у якій невідомий переписувач справді припустився істотних помилок, що завадили публікації тексту. Про своє читання «Орисі» на літературному вечорі в Полтаві писав Василь Білозерський Марковичу в грудні 1846 року (*КМТ*, т. 3, с. 92). Чорновий автограф «Орисі», який дещо відрізняється від першодруку й датований «1844, сент[ября] 7. Ходорков», зберігається в ІР НБУВ (Ф. І. – Од. зб. 3974). Інший автограф ідилії, який відповідає опублікованому тексту, перебуває в ЧІМ (Інв. № Ад $\frac{225-116}{1933}$).

8. Йдеться про видання: *Д. Зубрицкий.* Критико-историческая повесть временных лет Червоной, или Галицкой Руси. От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XV столетия / Пер. с польск. О. Бодянского. – М.: Изд. ОИДР; Тип. Моск. ун-та, 1845. – XLVI, 420, 47 с. Частину цієї праці Бодянський переклав за першодруком (що його автор виправив і доповнив): *D. Zubrycki.* Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchij cerkiewney w temże królewstwie. Zeszyt pierwszy. Od zaprowadzenia chrześciaństwa na Rusi aż do opanowania Rusi Czerwoney przez Kazimierza Wielkiego od roku 988 do roku 1340. – Lwów, 1837. – [IV], 67, 22 s. Однак більшу частину книжки перекладено за автографом і опубліковано вперше.

9. Йдеться про «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца».

236. До Осипа Бодянського

Тула, 11 серпня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 82–83 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 14го/VIII 48».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 292–293.

Лист є відповіддю на лист Бодянського від 3 серпня, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 28 зв.).

Після 16 липня Куліш написав Бодянському листа, нині невідомого. У реєстрі своєї кореспонденції Бодянський відзначив, що отримав його 3 серпня. Цей Кулішів лист був відповіддю на лист Бодянського від 23 липня, про який є запис у тому ж реєстрі (Там само. – Арк. 28 зв.). Невдовзі після 11 серпня Куліш написав ще одного листа до цього адресата, який також невідомий. У реєстрі кореспонденції Бодянський відзначив, що отримав його 16 серпня (Там само).

1. Куліш помилився: Костомаров мешкав у Саратові, де відбував заслання.

2. Див. прим. 7 до листа 235.

3. Роботу над другою частиною цього твору Куліш не завершив, і її автограф нині невідомий.

4. З проханням дозволити йому переїхати в рідний хутір Куліш звернувся до Дубельта й Орлова у листах від 28 серпня 1848 р. (№№ 239, 240). Дещо раніше, 18 серпня, аналогічне клопотання подала в листі до Дубельта Олександра Куліш, навівши, між іншим, такі аргументи, що мали б умилосердити урядовців: «Недавно умер старший брат его (Куліша. – *Ред.*) и оставил двух малолетних сирот, сына и дочь, обоих в таком возрасте, когда всего нужнее уроки доброй нравственности: сыну 14, а дочери 13 лет. Мы не имеем детей, и муж мой приложил бы все старания заменить этим сиротам отца». Помітка Дубельта на цьому листі: «Ожидать просьбы от Кулиша» (*КМТ*, т. 2, с. 121).

18 серпня Олександра Куліш надіслала листа до Олександра Кочубея, у якому просила сенатора поклопотатися, щоб їй та Кулішеві дозволили оселитися в родовому хуторі її чоловіка. Кочубей переслав цього листа до III відділу в супроводі свого. Серед опублікованих документів слідства у справі Кирило-Методіївського братства цих листів немає, проте Микола Павлушков лист Олександри Куліш до Кочубея навів, покликаючись саме на слідчі матеріяли Кирило-Методіївської справи (*Павлушков*, с. 125). У доповідній записці III відділу зазначалося: «о дозволении Кулишу отправиться на жительство в деревню ходатайствовал и сенатор Александр Кочубей» (*КМТ*, т. 2, с. 131).

5. Ілля Тимковський у 1825–1838 роках був директором Новгород-Сіверської гімназії (заснованої його заходами 1808 року). Він заступив на цій посаді свого тестя Івана Халанського. Постійно мешкав у родовому маєтку своєї дружини Софії – с. Туранівці у 18 верстах од Глухова. У 1803–1811 роках Тимковський був візитатором Харківської шкільної округи. На період директорства Тимковського припадає Кулішеве навчання в гімназії.

237. До Надії Забіли

Тула, 11 серпня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30272.

Кулішів лист є продовженням листа дружини від 11 серпня 1848 р. Примітка Куліша стосується такої фрази у її листі: «Надя, прочитала ли ты “Домби и сын” в “Соврем[еннике]” за м[есяц] июль? Как тебе понравилась последняя глава, т. е. то место, где Флоренса решительно объявила, что она хочет быть его, Волтеровою, женою? Прелесть, что это за

Диккенс! Много, я думаю, есть людей, которые под час, читая его книгу, считают себя блаженными!».

Друкується вперше.

1. Персонажі роману Дикенса «Dombey and Son».

238. До Осипа Бодянського

Тула, 20 серпня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 84–85 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 24/VIII 48 г.».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 293–294.

1. Кулішеве вибачення стосувалося доказів, які навів Бодянський у листі стосовно того, що список «Орисі», який автор надав для публікації в «Чтениях», мав істотні хиби (Куліш спершу заперечував це). Див. прим. 7 до листа 235.

2. Про що йдеться – невідомо.

3. «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца».

4. Про свій намір узятися до перекладу «Одисеї» українською мовою Куліш заявляв ще перед арештом, їдучи в закордонне відрядження (у листі до Чуйкевича від 31 березня 1847 р. – див. № 168). У 1880-х рр. він таки почав перекладати «Одисею», однак, за його ж свідченням, «залишив цю працю після пожежі, не маючи під рукою коментированого широко Гомера» (*М. Могилянський.* П. О. Куліш у 90-х роках: (Листи і документи) // Червоний шлях. – 1925. – № 8. – С. 189). Уривок із перекладу опублікував Іван Каманін у «Сочинениях и письмах П. А. Кулиша» (К., 1909. – Т. 3. – С. 517). У 1844 році Куліш на фабульній основі шостої пісні «Одисеї» написав оповідання «Орися».

239. До Лєонтія Дубельта

Тула, 28 серпня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 286–287.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 122–123.

1. Див. лист Дубельта до Куліша від 20 травня 1848 р. (№ 227).

2. Йдеться про «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца». Отримавши від Куліша рукопис цього твору, урядовці III відділу 25 вересня передали його разом із супровідним листом графа Орлова міністрові народної освіти (помітка про отримання – 28 вересня: РДІА. – Ф. 772. – Оп. 1. – Спр. 2154. – Арк. 1) «для рассмотрения и заключения, в какой степени книга эта важна в учёном отношении, может ли быть напечатана и заслуживает ли особого ходатайства» (*КМТ*, т. 2, с. 126). Товариш міністра князь Платон Ширінський-Шихматов відповів 9 жовтня (помітка про отримання 10 жовтня): «[...] я предлагал попечителю здешнего учебного округа о поручении рассмотреть оную прежде цензуры только в учёном отношении. Вследствие сего тайный советник Мусин-Пушкин представил

мне донесение рассматривавшего рукопись проф. Устрялова, присовокупляя, что за неодобрительным отзывом его о достоинстве сочинения не счёл нужным препровождать оное на рассмотрение цензора» (*КМТ*, т. 2, с. 127). До листа було додано копію негативної рецензії Устрялова (датованої 6 жовтня). Висновок Устрялова зводився до того, що праця Куліша в науковому плані «никакого достоинства не имеет, представляя множество недосказанных предположений, фантастических взглядов и ложных умствований» (Там само. – С. 128). Свої зауваження рецензент аргументував. Див. також лист 244 і прим. 2 до нього.

Текст від слів «имею честь представить» до слів «напечатать её» відкреслено на берегах.

240. До Алєксєя Орлова

Тула, 28 серпня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 288–289 зв.

Помітка про отримання: «17 сентября 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 123–124.

1. Див. лист 193.

241. До Міхаїла Погодіна

Тула, 1 вересня 1848 р.

Подається за автографом: НДВР РДБ. – Ф. 231. – Розд. II. – Карт. 17. – Од. зб. 66. – Арк. 4–4 зв.

Першодрук: *Савченко*, с. 22.

1. Див. прим. 3 до листа 209.

242. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 22 ... 30 вересня 1848 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 293–293 зв.

Помітка: «*На почтовой с бланком*».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 126.

1. З проханням надати Кулішеві оплачувану посаду граф Орлов звернувся до Тульського губернатора у листі від 22 вересня. «[...] не изволите ли изыскать, – писав він, – средства к поспешнейшему назначению г-ну Кулишу жалованья, в таком количестве, чтобы он мог прилично содержать себя с женою его и продолжать службу в Туле» (*КМТ*, т. 2, с. 124–125). Губернатор отримав цього листа 28 вересня (*Павлушков*, с. 125), а 30 жовтня відповів, що службової вакансії, яку міг би посісти Куліш, у Тулі наразі немає, окрім уже запропонованого місця доглядача лікарні (*КМТ*, т. 2, с. 133–134).

243. До Лєонтія Дубельта

Тула, 2 жовтня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 291.

Помітка про отримання: «8 октября 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 125.

244. Від канцелярії III відділу

Санкт-Петербург, 15 жовтня 1848 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 302–302 зв.

Помітка: «*На почтовой*».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 130.

1. Див. прим. 2 до листа 239.

2. Лист графа Орлова до князя Ширінського-Шихматова датовано тим самим днем, що і його лист до Куліша, – 15 жовтня. У ньому шеф жандармів писав, що у зв'язку з негативним висновком Устрялова вважає за недоцільне передавати Кулішів твір до загальної цензури і просить повернути його назад (РДІА. – Ф. 772. – Оп. 1. – Спр. 2154. – Арк. 7–7 зв.). 18 жовтня міністр народної освіти граф Уваров надіслав Кулішеву «Историю...» до III відділу разом зі своїм листом (помітка про отримання: 19 жовтня). Резолюція Дубельта на листі: «Возвратить Кулишу» (*КМТ*, т. 2, с. 130). Див. також лист 245.

245. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 20 жовтня 1848 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 304.

Помітка: «*На почт*[*овой*] *с бланк*[*ом*]».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 131.

1. Див. прим. 2 до листа 244.

246. До Осипа Бодянського

Тула, 23 жовтня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 86–87 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 28/X 48 г.». У реєстрі кореспонденції Бодянського позначено іншу дату отримання: 29 жовтня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24). Помітка про відповідь у тому-таки реєстрі, датована 30 жовтня: «Ответ Кулешу с экз[емпляром] "Славян[ских] древностей"» (Там само).

Першодрук (фрагмента): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 300. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 243–244.

Цей лист є відповіддю на лист Бодянського від 6 вересня, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 23).

1. Утікач від долі (*латин.*). Цитата з Вергілієвої «Енеїди» (книга 1, рядок 2).

2. Після закінчення Новгород-Сіверської гімназії (у 1838 році) Сердюков три роки навчався в Університеті св. Володимира, у 1841 році вступив до Санкт-Петербурзького університету на другий курс математичного відділу, через два роки перевівся на третій курс, перейшовши на казенний кошт, 1844 року став приватним слухачем; також навчався рік у Московському університеті; освіту завершив (до 1853 року) у рільничій школі в Горках Могильовської губернії (сільськогосподарський навчальний заклад із правами та структурою університетів), здобувши звання вченого агронома.

247. До Лєонтія Дубельта

Тула, 27 жовтня 1848 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 312–312 зв.

Помітка про отримання: «2 ноября 1848».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 134.

248. До Осипа Бодянського

Тула, 6 листопада 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 88–89.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 10/XI 48 г.». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 11 листопада (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 294–295.

1. Йдеться про першу книжку «Чтений» 1848 року, в якій опубліковано матеріяли засідання товариства, що відбулося 12 червня 1848 р. Саме в ній було вміщено Флетчерів твір «О государстве Русском» (див. прим. 4 до листа 251). Весь наклад її відразу було конфісковано; до читача потрапили лише окремі примірники. Твір Флетчера вилучили, вмістивши замість нього іншу працю – «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года, сочинение Фр. Аделунга». Бібліофільський опис окремого відбитка твору Флетчера, надрукованого накладом 51 примірник, див.: *И. М. Остроглазов.* Книжные редкости // РА. – 1892. – Кн. 1. – С. 248–251.

У цій книжці «Чтений», зокрема, було вміщено такі матеріяли до історії України: «Замечания, до Малой России принадлежащие» (підготована Бодянським публікація рукопису XVIII ст., що його надав Дмитро Бантиш-Каменський), листи до гетьмана Скоропадського (подав Михайло Судієнко), деякі історичні джерела з колекції Миколи Маркевича.

2. Див. прим. 2 до листа 239.

3. Про кого йдеться – невідомо.

249. До Віктора Білозерського

Тула, 13 листопада 1848 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 106. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

1. Ульяні Білозерській.

250. До Осипа Бодянського

Тула, 13 листопада 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 111. – Арк. 29.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 17. XI. 48». Помітка про отримання і відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 17 листопада (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24 зв.).

Першодрук: *Шацька*, с. 225–226.

1. Цитата з Біблії: Пс. 18:12 (Пс. 17:12).

251. До Осипа Бодянського

Тула, 17 листопада 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 90–92 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 20/XI 48, воскр[есенье] (20 листопада було субота. – *Ред.*)». Помітка про отримання і відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 20 листопада (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24 зв.).

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 300–302. Уперше опубліковано повністю: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 244–246.

Цей лист є відповіддю на лист Бодянського від 11 листопада, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24).

1. Йдеться про друге, виправлене видання перекладу праці Павла Шафарика «Slovenské starožitnosti», що його здійснив Бодянський. Книжка вийшла 1848 року в Москві в університетській друкарні, у двох томах, що становили п'ять книг (понад дві тисячі сторінок).
2. Рядки з поезії Жуковського «К К. М. С[оковнин]ой» (1803).
3. У жовтні–листопаді 1848 року Бодянського спіткало потрійне лихо: його було переміщено з Московського університету до Казанського, звільнено з посади секретаря Товариства історії та старожитностей російських, закрито його дітище – «Чтения ОИДР» (замість них почав виходити «Временник»). Приводом до цих подій стала публікація в черговій книжці «Чтений» перекладу твору Флетчера, сучасника Івана Ґрозного, «О государстве Русском» (книжка, що містила матеріяли засідання від 12 червня 1848 р., вийшла друком наприкінці вересня 1848 року).

Роздмухування «справи Флетчера» було спричинено боротьбою міністра освіти графа Сєргея Уварова з головою Товариства історії та старожитностей російських графом Сєргеєм Строґановим. «Эта история была делом мести (Уварова. – *Ред.*)», – так означив її Пьотр Бартєнєв, коментуючи публікацію документів, що призвели до звільнення Строґанова з посади куратора.

У зв'язку з процесом над Кирило-Методіївським братством Уваров надіслав усім університетам циркуляр із вимогою встановити контроль за студентами та викладачами, щоб не допустити поширення слов'янофільських ідей. Строґанов відмовився виконати наказ у тій формі, яку диктував Уваров, характеризуючи її як «странный и необычный у нас способ касаться двусмысленными и неопределёнными выражениями до столь важного и щекотливого вопроса» (Об Украйно-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // РА. – 1892. – Кн. 2. – С. 354). У полеміку втрутився граф Орлов, який надіслав Строґанову листа з вимогою підкоритися Уварову. До листа було додано копію доповіді Орлова Ніколаю I про Кирило-Методіївське братство з результатами слідства та пропозиціями щодо покарання винних. Уже після того, як Строґанов у листопаді 1847 року подав у відставку з посади куратора Московської шкільної округи та Московського університету, Уваров завдав йому ще одного удару – як голові Товариства історії та старожитностей, кваліфікуючи публікацію записок Флетчера як особливо шкідливу. Див. також: *А. В. Никитенко.* Дневник. – [Лг.], 1955. – Т. 1. – С. 313–314.

Бодянський, по суті, став жертвою боротьби цих впливових осіб. 28 жовтня, за розпорядженням міністра народної освіти, його було переведено до Казанського університету. Однак науковець, відмовившись переїхати до Казані, подав у відставку. 2 січня 1849 р. її було прийнято. З посади секретаря Товариства Бодянського звільнено на засіданні, що відбулося 27 листопада.

4. Бодянський вважав, що про публікацію записок Флетчера у «Чтениях» донесли графові Уварову у викривленому світлі Погодін та Шевирьов. Так, у листі до Максимовича (від 1 січня 1849 р.) він писав: «Не духовные стихи (Кірєєвського. – *Ред.*), не статья о Малороссии в 1-й книжке 4-го года ("Замечания, до Малой России принадлежащие"; див. прим. 1 до листа 248. – *Ред.*), а тем менее форма журнала погубила наши "Чтения", а погубили их наши общие друзья и приятели, которые навели на них даже министра, а тот, пользуясь случаем побороться с председателем, всё нам попортил сгоряча» (*В. Данилів.* О. М. Бодянський і його листування з М. О. Максимовичем // Україна. – 1926. – Кн. 6. – С. 92). Про «інтриги» Погодіна та Шевирьова Бодянський писав також Шафарикові (див.: Korespondence Pavla Josefa Šafaříka / Vydal V. A. Francev. – Praha, 1927. – Část I. – S. 134). Про «подвиги Шевырёва и Погодина», «как они подвизались против графа Строганова, как подали донос о печатании Флетчера», «чтобы выслужиться перед графом Строгановым», розповідав Нікітєнкові публікатор записок – князь Міхаїл Оболєнський (*А. В. Никитенко.* Дневник. – Т. 1. – С. 322–323).

5. Алюзія до Євангелії від Матвея (5:13).

252. До Осипа Бодянського

Тула, 24 листопада 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 93–94 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 26/XI 48, в пятн[ицу] в 3 п[о] п[олудни]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 30 листопада (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24 зв.).

Першодрук (зі скороченням): *А. Титов.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому // РА. – 1892. – Кн. 3. – С. 302–303. Уперше опубліковано повністю (з пропуском, зумовленим, мабуть, етичними міркуваннями): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 246–247.

1. Цитата з Біблії: Пс. 103:22 (Пс. 102:22).

253. До Осипа Бодянського

Тула, 24–26 листопада 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 95.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 30/XI 48, вторн[ик], в 5 веч[ера]».

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 5.

1. 24 листопада Куліш подав заяву на ім'я Тульського губернатора Ніколая Крузенштерна: «Ваше Превосходительство, Милостивый Государь. Жена моя имеет надобность отправиться в Петербург для совета с тамошними медиками об открывшейся у неё грудной болезни и для свидания с родными, почему честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство исходатайствовать ей у Высшего Начальства разрешение на эту поездку». Резолюція Крузенштерна на цій заяві: «Спросить разрешения у графа Орлова» (*Павлушков*, с. 128). 27 листопада з канцелярії губернатора було відправлено запит до графа Орлова, чи має право дружина Куліша «делать с постоянного места жительства отлучки» (*КМТ*, т. 2, с. 135). Цей лист у III відділі отримано 3 грудня, а вже 6 грудня дано відповідь, щоб виїзд дозволити. 15 грудня Олександра Куліш отримала проїзний білет (*Павлушков*, с. 128).

254. До Осипа Бодянського

Тула, 4 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 97–98 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 9го/XII 48, пятн[ица] (9 грудня було четвер. – *Ред.*)». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 10 грудня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 24 зв.).

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 6.

1. Неподалік од Нікітських воріт Бодянський мешкав: у 1847–1848 рр. – на вулиці Малій Нікітській, у будинку Кузнєцова (не зберігся; на його місці нині стоїть будинок № 10), з 1849 року – на Великій Нікітській, у будинку

Мєщерінова (не зберігся; на його місці – будинок № 31). Див.: *Б. С. Земенков.* Гоголь в Москве. – М., 1954. – С. 77, 84. – (Труды Музея истории и реконструкции Москвы. – Вып. 4).

255. Від Осипа Бодянського й Олександри Куліш

Москва, 17 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29597.
Лист Олександри Куліш дописано на арк. 2 зв.
Першодрук: Лист О. М. Бодянського до П. О. Куліша / Подав П. Рулін // Україна. – 1925. – Кн. 6. – С. 111–113.

У листі пізніша помітка Олександри Куліш: «Я ехала хлопотать в Петербург, хлопотать об освобождении нас из ссылки». На арк. 1 угорі її ж помітка олівцем: «Единств[енное] письмо Бодянского сохранилось, а то сгорели, и [Бестужева-]Рюмина нет писем».

1. Переклад «Одисеї», що його здійснив Жуковський з німецького підрядника, вийшов друком як другий і третій томи тритомового видання «Новые стихотворения В. Жуковского» (СПб., 1849. – Том второй: Одиссея. I–XII песни. – 453 с.; Том третий: Одиссея. XIII–XXIV песни. – 431 с.). Видання, датоване 1849 роком, появилося у другій половині 1848 року. Цей переклад увійшов також до восьмого і дев'ятого томів п'ятого видання «Стихотворений В. А. Жуковского» (1849).

256. До Осипа Бодянського

Тула, 18 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 99–100 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 22/XII 48».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 247–249.

1. Це є друге видання брошури (обсягом 32 сторінки). Перше вийшло 1845 року, також у Петербурзі. Про неї Куліш довідався, очевидно, з рецензійних нотаток, вміщених 1848 року в «Современнике» та «Отечественных записках», у червневих випусках. Книжка викликала у Куліша зацікавлення ще й тому, що в ній було порушено ту саму проблему поліпшення становища селян, що її ставив Куліш у «Карманной книжке для помещиков...» і яка була однією з наріжних в ідеології кирило-методіївців.

2. Серія дешевих видань творів англійських письменників, що її започаткував 1841 року ляйпцизький видавець Кристиян Бернгард фон Таухніц; виходить донині.

3. Популярний словник у чотирьох частинах. Повна назва його: «Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, в пользу русского юношества, по словарям Академии российской, Академии французской, Аделунга, Гейнсиуса, Джонсона, Вебстера, и по другим лексиконам составленный Филиппом Рейфом» (СПб., 1845–1850). Третя частина вийшла 1847 року: «Das Deutsche durch Russische, Französische und Englische verstand». До початку XX ст. появилося близько 20 перевидань цього словника.

257. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 22 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29708.

На арк. 1 пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Я из Тульского корпуса – везу Куч[аева] в Петербург. Сама еду хлопотать об освобождении».

Друкується вперше.

1. Йдеться про книжкову крамницю «Москвитянина», де Олександра Куліш довідалася адресу Бодянського.

2. Цар-колокол (1733–1735).

3. Йдеться про Храм Христа Спасителя, первісно закладений 1817 року на Воробйових горах; через ненадійність фундаменту роботи над його спорудженням було припинено. 1839 року заклали нову будівлю храму неподалік од Кремля. 1849 року спорудили великий купол; остаточно будівництво було завершено 1881 року. 1931 року храм зруйнували більшовики; у 1994–1999 рр. його наново відбудовано.

4. Ульяну Білозерську.

5. Особу не встановлено. Міша Кучаєв був круглим сиротою. Його мати померла восени 1844 р. від сухот (див.: *Переписка*, т. 2, с. 351), коли батька вже не було.

6. Див. лист 151.

7. Очевидно, Куліш потай поклав дружині записку, яку вона знайшла в дорозі (невідома; пор. лист 179 і преамбулу в коментарі до нього).

258. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 24–25 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29714. – Арк. 1–2.

На арк. 2 зв. лист Куліша до Мотрони Білозерської (див. лист 261).

Друкується вперше.

Відповідь: див. лист 264.

1. Пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Кучаева [из] Тулы из корпуса перевели в Петербург, а я ехала и взяла на себя».

2. Плєтньов одружився (вдруге; його першою дружиною була Стєпаніда Алєксандровна, уроджена Раєвська, яка померла 1839 року) з княжною Алєксандрою Щетініною 26 січня. Про те, як відбулося весілля, він сповіщав Жуковського (у листі від 28 лютого 1849 р.): «Принявши святое благословение ваше, я отпраздновал свою свадьбу 26 янв[аря] (7 февр[аля]). В. К. Наследник (майбутній імператор Алєксандр II. – *Ред.*) удостоил быть меня отцом посажёным, а Балабина (Варвара Осіповна. – *Ред.*) была посажёною матерью. Из начальников я пригласил только министра (графа Сєргея Уварова. – *Ред.*) да попечителя (Міхаїла Мусіна-Пушкіна. – *Ред.*). В числе немногих гостей был князь П. А. Вяземский с княгинею (Вєрою Фьодоровною. – *Ред.*)» (Сочинения и переписка П. А. Плетнёва. – СПб., 1885. – Т. 3. – С. 610).

Куліш зустрічався зі Щетініною на вечорах у Плєтньова, куди вона часто приходила разом зі своєю матір'ю Варварою Пущіною (див.: *Переписка*, т. 2, с. 853).

3. Йдеться про тижневик «Эконом: Хозяйственная общеполезная библиотека», що виходив у Петербурзі (52 зошити на рік). У ньому містилися різні практичні поради щодо ведення господарства.

4. Особу не встановлено. Відомо, що у 1850-х роках Куліші часто спілкувалися з Пушкарьовим у Петербурзі, де він мав приватну лікарську практику й консультував молоде подружжя та їхніх родичів.

5. Ульяни Білозерської.

6. Див. лист 257.

7. За гостинне прийняття дружини Куліш подякував Бодянському в листі від 5 січня (№ 263). Сама Олександра Куліш написала Бодянському листа щойно 6 лютого. У ньому, зокрема, йшлося: «Получив столько родственного внимания и ласки от Вас и превосходной сестрицы Вашей во время пребывания моего в доме Вашем, я считаю себя премного виноватою перед Вами в том, что не сообщила Вам об успехах моей поездки сюда. Не сбывшиеся надежды наводили на меня такую тоску, что даже грешно было огорчать Вас ею, зная, какое участие Вы принимаете в нас» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 92. – Арк. 271–271 зв.). Повертаючись до Тули, Олександра Куліш знову мала зупинитися в Бодянського. У цитованому листі вона писала про свій намір виїхати з Петербурга наприкінці наступного тижня (приблизно 18–20 лютого). Однак цей план змінився, про що вона повідомляла Бодянського 9 лютого: «Милостивый Государь Осип Максимович, по совету таких лиц, которые имеют большое влияние на судьбу нашу и принимают в нас искреннее участие, я намерена испытать ещё последнее средство – подать прошение *Государю* через Комиссию прошений, и потому предположение моё о выезде на днях из С. Петербурга не состоялось, и я должна буду пробыть здесь ещё недели две. Зная Ваше доброе сердце и бесценное внимание Ваше к нам, я считаю обязанностью известить Вас об этом, чтобы не заставить Вас, многоуважаемый Осип Максимович, и добрую сестрицу Вашу беспокоиться о моём замедлении» (Там само. – Арк. 269–269 зв.). Олександра виїхала з Петербурга лише 6 березня; як і передбачалося, в Москві її прийняв Бодянський, за що Куліш йому подякував (див. лист 280).

259. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 25–30 грудня 1848 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29717.
Друкується вперше.

1. Йдеться про лист, надісланий 18 грудня (невідомий; див. лист 261).

2. Цитата з поеми Міцкєвіча «Konrad Wallenrod» (1826), рядки 868–872.

3. Гіпс був потрібний Кулішеві для гальванопластики.

4. [*Чарльз Диккенс*]. Светлое Христово Воскресение // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1845. – Т. 56. – № 223. – С. 213–275; № 224. – С. 376–416. Оповідання подано без підпису автора й перекладача.

«Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» – літературний часопис для кадетів, який виходив у 1836–1862 рр. у Петербурзі.

5. Найімовірніше, йдеться про художника Акімова, тульського знайомого подружжя Кулішів (у листі № 277 згадано, що «Зивопуня» – художник; див. також лист № 278, у якому «Зивопуню» описано так, як Акімова в Кулішевому щоденнику). Див. також прим. 3 до листа 268.

6. Йдеться про старшого чиновника III відділу Міхаїла Попова. У нотатках Миколи Білозерського відзначено, що Куліш хвалив Попова «за то, что он давал советы, какие следует давать показания» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 128).

7. Рядки з поеми Пушкіна «Цыганы» (1824).

1849

260. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 30 грудня 1848 р. – 1 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29715.
Друкується вперше.

1. Йдеться про лист 259.

2. Неточна цитата з поезії Міцкєвіча «Pan Tadeusz» (1833) рядки 350–351. У Міцкєвіча: «uczuć w sercach».

3. Гімн Дмитра Бортнянського на слова російського поета й драматурга Міхаїла Хєраскова.

4. Венера Медицейська – римська копія з грецької статуї I ст. до н. е. Знайдена 1680 року поблизу Рима; її набула родина Медичі (звідси назва). Зберігається в ґалереї Уффіці у Флоренції (а не у Ватикані).

261. До Мотрони Білозерської

Тула, бл. 1–2 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29714. – Арк. 2 зв.
Лист написано на чистій сторінці листа Олександри Куліш до чоловіка (див. лист 258).
Друкується вперше.

1. Кулішів лист Олександра отримала таки 25 грудня (див. лист 259).

262. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 1–3 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29716.
Друкується вперше.

1. Йдеться, очевидно, про поему Жуковського «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованая из царственной книги Ирана (Шах-Наме)», що являє собою вільний переклад твору Фридриха Рюкерта «Roostem und Suhrab» (1838), який, своєю чергою, є перекладом одного епізоду поеми Фірдоусі «Шах-Наме». Поема увійшла до першого тому «Новых стихотворений Жуковского» у трьох томах (СПб., 1849. – 333 с.).

2. Олександр Кочубей, сенатор, дійсний таємний радник, мав великі маєтки у Борзнянському повіті. Протегував родині Білозерських у Петербурзі; на прохання Олександри та Віктора Білозерських клопотався перед графом Орловим та генералом Дубельтом про полегшення умов Кулішевого заслання. Згодом у 1850-х роках у Петербурзі Куліш неодноразово звертався до Кочубея за протекцією.

Прихильне ставлення Кочубея до Білозерських зумовлювалося, зокрема, тим, що Мотрона Василівна тривалий час перед одруженням (до 14 років) мешкала в родині Кочубеїв і була подругою Олени Василівни Кочубей (див. лист Олександри Куліш до Іллі Шрага від 6 грудня 1907 р.: ЧЛМК. – Інв. № А–3135).

3. Варвара Пущіна, дочка декабриста Ніколая Івановіча Пущіна. Куліш зустрічався з нею на вечорах у Плєтньова (див.: *Переписка*, т. 2, с. 853).

4. Весілля Плєтньова й княжни Алєксандри Щетініної відбулося 26 січня (див. прим. 2 до листа 258).

5. Дружині Плєтньова 12 лютого виповнилося 23 роки, тоді як сам він мав 57 років.

263. До Осипа Бодянського

Тула, 5 січня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 103–104 зв.

Помітка про отримання: «Получ[ил] 10/I 49». Помітка про отримання в реєстрі кореспонденції Бодянського: 11 січня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 25).

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 6–7.

Лист є відповіддю на лист Бодянського від 19 грудня, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 25).

Перед тим, як отримати цього листа, того ж дня, 10 січня, Бодянський написав Кулішеві (див.: Там само. – Арк. 25).

1. Лист від 17 грудня (№ 255).
2. Лист від 18 грудня (№ 256).
3. Вконтентувати – вдовольнити (від *франц.* contenter).
4. Персонаж «Чорної ради», запорожець.

264. До Олександри Куліш

Тула, 5 січня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 106–107 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

Лист є відповіддю на лист Олександри Куліш від 24–25 грудня 1846 р. (№ 258).

1. Можливо, йдеться про Ніколая Ждановського.

2. Йдеться, очевидно, про грудневий номер «Современника» за 1846 рік (перше число журналу за 1847 рік Олександра Куліш ще не могла бачити, оскільки цензурний дозвіл на його випуск було дано щойно 31 грудня). У ньому, зокрема, було опубліковано продовження роману Ніколая Нєкрасова й Авдотьї Панаєвої «Три страны света».

3. Див. прим. 3 до листа 258.

4. Художник Акімов.

5. Миколу та Олександра Білозерських.

6. Ця ж дата стоїть на початку листа. Очевидно, у котромусь із випадків копіїст помилився, переписавши одну дату двічі (можливо, її було дописано на берегах).

265. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 4–5 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29709.

Закінчення немає.

Друкується вперше.

1. Йдеться, мабуть, про Алєксандру Смірнову (уроджену Россет), яка приїхала до Петербурга з Калуги, де її чоловік у той час був губернатором. Вона товаришувала з Пушкіним, Жуковським, Гоголем. Збираючи у першій половині 1850-х років матеріяли для біографії Гоголя, Куліш декілька разів зустрічався з нею. Її спогади про письменника вміщено в «Записках о жизни Гоголя» (СПб., 1856. – Т. 1. – С. 1–6, 224–228).

2. Йдеться про роман Генрі Філдинґа «The History of Tom Jones, a Foundling» (1749), опублікований у 5–12 номерах «Современника» за 1848 рік у перекладі Андрєя Кронеберґа («Том Джонс»).

3. Йдеться про лотерею на користь сиротинців (див. прим. 3 до листа 132).

4. 1849 року «Звёздочка» вийшла з новою обкладинкою, в більшому форматі.

5. Йдеться про недільний інструментальний концерт у Санкт-Петербурзькому університеті. Протягом грудня 1848 року – лютого 1849 року відбулося десять таких концертів (останній – 6 лютого). Кожний концерт («музыкальное утро», як його було анонсовано у пресі) мав свою програму і розпочинався о першій годині пополудні. Олександра Куліш, як видно з її листів до чоловіка, була принаймні на трьох таких концертах – 9, 16 і 23 січня.

Університетські концерти, у яких брали участь головно студенти університету, відбувалися періодично неділями від 1842 року до 1850-х років. Постійним диригентом був Карл Шуберт.

6. Ульяна Білозерська.

7. Лист до графа Орлова Олександра Куліш написала того ж дня, 5 січня. Див. прим. 8 до листа 267.

266. До Осипа Бодянського

Тула, 12 січня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 101–102 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 15/I 49, суб[бота]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 16 січня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 25).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 295–296.

Кулішів лист, можливо, є відповіддю на лист Бодянського від 10 січня, який не зберігся (див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 25).

1. Йдеться про видання: Южный русский зборник / Издание Амвросия Метлинского. – Х., 1848. – 60, 108, 44, 72, 88, IV с.

Про надіслання цієї книжки Бодянському Метлинський інформував його в листі від 21 жовтня 1848 р. з Харкова (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 101. – Арк. 238–239).

2. Йдеться про «Одисею», що її переклав Жуковський (див. прим. 1 до листа 255). Куліш отримав це видання від Бодянського на початку січня (див. лист 263).

3. Натяк на близькість Жуковського до царського престолу: від 1817 року він був учителем російської мови Алєксандри Фьодоровни, майбутньої імператриці, а від 1826 року – вихователем майбутнього імператора Алєксандра II.

4. Алюзія до повісти Григорія Квітки «Маруся» («неначе шовковою хусточкою обітре смажниї вуста»). Смажні – запеклі.

267. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 8–12 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29710.

Друкується вперше.

1. Анну Нордстрем.

2. Неточність. Серед творів Вольфґанґа Амадея Моцарта симфонії f-moll немає.

3. П'ята симфонія Людвіґа ван Бетховена (1804–1808).

4. Очевидно, йдеться про куратора Санкт-Петербурзької шкільної округи Міхаїла Мусіна-Пушкіна.

5. Можливо – Франц Журковський, лікар у Петропавлівській лікарні. Ішимова могла його знати через його доброчинну діяльність: він був членом-розпорядником Товариства відвідування бідних у Петербурзі.

6. Олександра Максимович.

7. Цей лист, датований 5 січня, з проханням виклопотати Кулішеві дозвіл повернутися до Петербурга, зберігається в архіві III відділу (*КМТ*, т. 2, с. 136–37). Помітка про отримання: 12 січня. На листі резолюція Дубельта: «Граф приказал лично объявить г-же Кулиш, что и Белозерскому, в меньшей степени виновному, не разрешено; тем паче невозможно это сделать для Кулиша».

8. Лист невідомий.

268. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 12–14 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29711.
Закінчення немає.
Друкується вперше.

1. 1848 року в тульському Алєксандрівському кадетському корпусі, лікарем був Карл Морітц.
2. Ульяні Білозерській.
3. Художник Акімов. Пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Уменьшительное, нежное [от] живописец».
4. Надія – дочка Льва й Наталії Кармалеєвих (див.: ЧЛМК. – Інв. № А–5866).
5. Епізод із шостої пісні «Одисеї»; ліг в основу Кулішевої ідилії «Орися».

269. Від Льва Кармалеєва

Санкт-Петербург, 14 січня 1849 р.

Подається за автографом: ЧЛМК. – Інв. № А–5712.
На листі пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Дорогое письмо нашего двоюродного брата. Добрейшего и честнейшего».
Друкується вперше.

1. Йдеться про смерть сина Миколи (див. лист. 258).

270. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 18 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29712.
Друкується вперше.

1. Йдеться про кн.: Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые заметки Якова Грота. – СПб.: Тип. кн. маг. П. Крашенникова и К°, 1847. – XVIII, 242 с.: 6 илл.

Фраґменти майбутньої книжки Ґрот зачитував на зібраннях у Плєтньова. На одному з таких зібрань був присутній Куліш, який занотував у щоденнику (30 вересня 1846 р.): «Однажды Я[ков] К[арлович] читал нам описание своего путешествия на гору Ава-Сакса над Торнео и при этом рассказывал, как один англичанин, приехавший туда, чтоб видеть восходящее солнце в полночь, лёг спать и велел разбудить себя при появлении солнца, но когда слуга разбудил его, он сказал: "Хорошо, посмотри ты за меня". Мы жалели, что Я[ков] К[арлович] не поместил этого характеристического анекдота в своей книге» (*Щоденник*, с. 33).

2. Куліш зустрічався з Карлом Петерсоном в оселях Плєтньова й Павла Максимовича. Про який його твір ідеться – невідомо.

3. Йдеться про перший випуск книжкової серії «Природа с её таинствами и богатствами», що її редаґував Василій Вєрєщаґін. У ній популярно викладено основи фізики, хімії, астрономії, географії. Окрім Вєрєщаґіна, автором серії

був Матвєй Хотінський. Книжки виходили зошитами у кількох відділах протягом 1849–1853 рр. Перший випуск належав до відділу астрономії.

4. Йдеться, мабуть, про працю Якова Ґрота «Очерки финляндских походов 1808 и 1809 гг.», що її згодом – у середині квітня – було опубліковано в «Санкт-Петербургских губернских ведомостях» (1849. – № 79–82).

5. Вірш Фьодора Ґлінки «Чёрный лебедь. Дума» було опубліковано в першому, січневому, числі «Звёздочки» (для дітей старшого віку) за 1849 рік (с. 5–7). Дата під віршем: «5-го сентября 1848. Царское Село». Історію, що лягла в основу вірша і яку Олександра переповіла чоловікові, подано в редакційній примітці.

6. Марія Корсіні, дитяча та юнацька письменниця, тісно співпрацювала з Ішимовою, вміщуючи свої твори в «Звёздочке»; була ученицею Плєтньова в Єкатерининському інституті. У 1840-х роках відвідувала літературні вечори у Плєтньова; на одному з них (29 вересня 1846 р.) був і Куліш.

7. Йдеться, мабуть, про рецензію на «Любовь светских людей» Корсіні (що є третім томом із циклу її повістей «Очерки современной жизни»), опубліковану без підпису в січневому номері «Современника» за 1849 рік (Отд. III. – С. 24–37). Рецензію на перші два томи цього циклу – «Семья асессорши» – опубліковано в грудневому номері «Современника» за 1848 рік (Отд. III. – С. 171–183). Див. також прим. 12.

8. Див. прим. 2 до листа 258.

9. З Олексою Савичем Куліш зустрічався на вечорах у Плєтньова у 1846 році (див.: *Переписка*, т. 2, с. 716). Див. прим. 5 до листа 154.

10. У 1864 році в Івана Нордстрема було двоє доньок – Ольга і Міла та п'ятирічний син Хрістіан (див.: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28805).

11. Анна Нордстрем.

12. Повість Корсіні «Семья асессорши» (СПб., 1848. – Т. 1. – IX, [3], 157 с.; Т. 2. – [4], 164 с.) являє собою перші дві частини циклу «Очерки современной жизни», який появився у 1848–1851 рр. у Петербурзі у дев'яти частинах. Друге видання «Очерков...» вийшло 1853 року там само.

13. Алєксандр II; Плєтньов був одним із його вихователів.

14. Варвара Балабіна.

271. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 17–21 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29719.
У листі – дописка Віктора Білозерського.
Друкується вперше.

1. Фрагмент поезії «Цветок» зі збірки Якова Ґрота «Литературные опыты» (с. 74–75). Початок строфи: «Тому, кто чувствует достоинство в себе, / Не нужно ни красы, ни пышного убора. / Не привлекая взора, / В своей смиренной простоте».

2. Ульяна Білозерська.

3. Литературные опыты Якова Грота. Чтение для юношества. Книжка I. – Гельзингфорс: В тип. наследников вдовы Симелиус, 1848. – [VI], 160 с. Книжка являє собою збірник різних за жанром творів, раніше опублікованих у журналі «Звёздочка».

272. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, 24 січня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29713.

У листі – дописка Віктора Білозерського: «Цѣлую Вас, цѣлую и цѣлую по-братски от щирого сердца. Принимаемся штурмовать Графа, да слова не вяжутся».

Друкується вперше.

Відповідь: див. № 273.

1. У Тулі Олександра Куліш вела щоденник (його сучасне місцеперебування невідоме). Згадку про цей факт маємо в її листі до сестри Надії від 11 липня 1848 р.: «*Я недавно получила от Васи план, как должна я вести свой дневник. Нет и минуты свободной: всё надо вносить в дневник и посылать ему*» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30271. – Арк. 1 зв.). Натомість Куліш свій щоденник у Тулі занедбав (єдиний запис періоду заслання – 6 жовтня 1848 р.). Характер щоденника мають листи Олександри до сестри Надії другої половини 1850-х роках. Вести своєрідний щоденник у формі подорожніх нотаток Куліш спонукав свою дружину невдовзі після одруження, під час виїзду за кордон. За її спогадами, «як тільки ми виїхали із Києва, дав мені Куліш зшиток і олівець у руки і умовляв, щоб я записувала, що побачу і почую» (Українська хата. – 1911. – № 7/8. – С. 304).

2. Йшло приготування до весілля Плєтньова й княжни Алєксандри Щетініної. Див. прим. 2 до листа 258.

3. Анна Нордстрем.

4. Наприкінці життя Олександра Куліш згадувала, що Ольга Плєтньова «у знаменитого Гензельта брала уроки. Плетньов платив за одну годину по 25 рублів» (Українська хата. – 1911. – № 5/6. – С. 302).

5. Концерт, що проходив у Санкт-Петербурзькому університеті 23 січня у неділю, мав таку програму: «1) Симфония E-dur Гайдна. 2) Соло на скрипке, 1-й концерт Берио. 3) Увертюра Leonore – Бетговена» (Северная пчела. – 1849. – 22 янв.).

6. Оповідання опубліковано: *В. Верещагин.* Первая поездка Петра Великого в Соловетский монастырь // Звёздочка: Журнал для детей старшего возраста. – 1849. – Часть XXIX. – [№ 2]. – С. 67–80.

7. Цитата з «Евгения Онегина» Пушкіна (розділ 7, строфа L). Див. лист-відповідь Куліша від 30 січня – 1 лютого 1849 р. (№ 273).

8. Йдеться про вірш Дмітрія Вєнєвітінова «Поэт» (1826).

9. Рядки з поеми Михайла Макаровського «Наталя, або Дві долі разом» (з пісні першої – «Любощі»), яку вперше опублікував Метлинський у «Южном русском зборнике».

10. Цей лист від 17 січня 1849 р. з Петрозаводська, адресований Олександрі Куліш і братові Віктору, зберігся. У ньому Василь сповіщає про те, що завтра їде у службове відрядження до м. Вітегри (220 верст від Петрозаводська), про свої приготування до дороги. Інформує, що написав великого листа до Куліша (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30002).

11. Про яку книжку йдеться – невідомо.

12. Олександра Куліш процитувала поезію Фьодора Туманського «Птичка» (1827). У колі Плєтньова цей вірш здобув високу оцінку; він перегукувався з аналогічними за темою поезіями Пушкіна та Дельвіга. У своєму щоденнику Куліш занотував (8 жовтня 1846 р.): «Фёд[ора] Туманского П[ётр] А[лександрович] уважал как автора “Птички”» (*Щоденник*, с. 35).

273. До Олександри Куліш

Тула, 30 січня – 1 лютого 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 107 зв. – 109, 118 зв. – 119. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

Лист є відповіддю на лист Олександри Куліш від 24 січня (див. № 272).

1. Слово прочитано здогадно.
2. Цитата з Біблії: Пс. 51:19 (Пс. 50:19).
3. Особу не встановлено.
4. Неточна цитата із сонету Міцкєвіча «Przypomnienie» (1818). У Міцкєвіча: «oko ginie w oku».
5. Неточна цитата з «Енеїди» Котляревського (пісня VI). У Котляревського: «Ох, ви на смертних дуже ласі! / Як грек на ніжинські ковбаси».
6. Помилка. Мало бути: «января» (24 січня – річниця Кулішевого весілля).
7. Ми стаємо нещасні, щойно прагнемо бути щасливішими. Чому ми не затямимо собі, що єдино правдивим благом для нас є тиха втіха власної душі; що, примножуючи його [благо], ми ризикуємо його втратити; що чим менше ми прагнемо, тим більше маємо, і под. (*франц.*).
8. Рядок із поеми Михайла Макаровського «Наталя» (пісня III).
9. Слово прочитано здогадно.
10. Седрик, Бріан де Буагільбер, пріор Еймер – персонажі роману Волтера Скота «Ivanhoe» («Айвенго»). За романом, Седрик Сакс склав обітницю зустрічаючи гостей не наближатися до них більше, ніж на три кроки від свого помосту, якщо вони не належали до саксонського королівського роду (розділи III–IV).
11. Йдеться про два томи ґрунтовної бібліографії польської писемности XVI – першої третини XIX ст., що її уклав Адам Йохер: Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie, z pism Janockiego, Bentkowskiego, Ludwika Sobolewskiego, Ossolińskiego, Juszynskiego, Jana Winc. i Jerz. Sam. Bandtków i t. d. wystawiony przez Adama Jochera. – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1840. – T. I. – XXXII, [2], LXXXVI, 470, [4] s. Wilno, 1842. – T. II. – XVI, [1], 687 s. Третій том появився 1857 року там само.

274. До Олександри Куліш

Тула, 5–6 лютого 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 109–110 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

1. Рядки з «Евгения Онегина» Пушкіна (розділ 1, строфа XXIX).
2. Художник Акімов.

3. Цитата з поезії Міцкєвіча «Do przyjaciół posyłając im balladę "To lubię"» (1819).

4. Цитата з елегії Міцкєвіча «Godzina» (1825).

275. До Олександри Куліш

Тула, 7–9 лютого 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 110 зв. – 112. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Друкується вперше.

Після цього листа Куліш написав дружині ще одного, надісланого на адресу Бодянського, який отримав його 17 лютого (нині невідомий). Див. реєстр кореспонденції Бодянського: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 25 зв.

1. Листування Куліша з батьком та сином Чуйкевичами в цій справі невідоме. Кулішеві не вдалося зберегти за собою рідний хутір. Його виставили на продаж з аукціону за несплату боргу київській університетській друкарні (див. преамбулу в коментарі до листа 296). Продавши у 1850 році землю якомусь урядовцю Рябцову, Глухівський повітовий межовий суд не зміг затвердити купчу у вищій інстанції. Спираючись на це, петербурзький сенат, куди справа надійшла від Чернігівського губернатора, 17 жовтня 1852 р. скасував цей акт продажу з огляду на недотримання закону. Землю знову виставили на аукціон. Оголошення про її продаж «на уплату долга» було вміщено в пресі (див., наприклад: Черниговские губернские ведомости. – 1855. – № 9. – 28 февр. – С. 47). У 1856 році Кулішеву землю купив той-таки Рябцов, заплативши за неї 241 руб. ср., тобто на 7 руб. 1 ¾ коп. менше, ніж він заплатив першого разу (*Павлушков*, с. 134).

2. Цитата з комедії Мольєра «Les Femmes Savantes» («Учені жінки», акт II, сцена VI): «*Дружина*: Що ж, ви проженете її звідси геть? *Чоловік* (набік): Звісно. Її примху я не в змозі подолати. (Служниці) Слухай, не нервуй її, Мартіно, – йди геть! *Дружина*: Як! Нахабу образити боїтеся не на жарт? Але ж надто лагідно ви їй кажете! *Чоловік*: Я? Аж ніяк. (Твердо) (М'якше) Йди! Іди звідсіля, моє дитя» (*франц.*).

3. «Мольєр, щасливий зі своїх успіхів і зі своїх покровителів, зі своїх друзів і фортуни, не мав щастя у власній домівці. [*Далі у цитаті пропущено*: 1661 року він пошлюбив дівчину з дому пані Бежар і шляхтича Модена. Ходили чутки, що Мольєр був її батьком: наполегливість, з якою розповсюджували цей наклеп, привела до того, що багато осіб просили його позбутися тієї дівчини. Дістали свідчення про те, що Мольєр познайомився з її матір'ю лише по народженню тієї дівчини.] Вікова різниця й небезпеки, яким піддає себе молода і вродлива акторка, зробили цей шлюб нещасливим, і Мольєр, бувши до всього ще й філософом, спокутував у своєму приватному житті огиду, гіркоту, а подеколи й кумедність, що їх він так часто зображував на кону. <...> це правда, що люди, які перевершують інших своїми талантами, майже завжди мають спільні слабинки; бо ж навіщо ставити талант вище за людську вдачу?» (*франц.*).

4. Йдеться про біографічну студію Вольтера «Vie de Molière: Avec des jugemens sur ses ouvrages» (Amsterdam, 1739. – 92 p.).

276. Від Олександри Куліш

Санкт-Петербург, друга половина січня ... лютий 1849 року

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29718.
Друкується вперше.

277. До Олександри Куліш

Тула, 27 лютого – 2 березня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 115–116 зв. Автограф невідомий.
Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.
Друкується вперше.

Листи, що в нашому томі мають порядкові номери 271–273, Олександра Куліш читала вже після повернення з Петербурга, звідки вона виїхала 6 березня.

1. Див. прим. 5 до листа 229.
2. Особу не встановлено.
3. 1 березня був вівторок.
4. Художник Акімов.

278. До Олександри Куліш

Тула, 3–5 березня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 112–115. Автограф невідомий.
Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.
Друкується вперше.

1. 3 березня був четвер.
2. Лист невідомий.
3. Про якого з братів Ґротів ідеться – невідомо. «Л.» – мабуть, Лакієр.
4. Ольга Плєтньова вийшла заміж за Алєксандра Лакієра 7 січня 1851 р. Про її нареченого Плєтньов докладно писав Гоголю в листі від 14 грудня 1850 р. (Письма Плетнёва к Гоголю. 1844–1851 / Издал Я. Грот // РВ. – 1890. – № 11. – С. 64). Куліш зустрічався з Лакієром на вечорах у Плєтньова (наприклад, 23 березням 1846 р.; див. *Переписка*, т. 2, с. 712). Згодом відгукувався про нього, що той «не жадав і не вмів шанувати її (Ольґи Плєтньової. – *Ред.*) души святої» (*Жизнь*, ч. 25, с. 297).

279. До Олександри Куліш

Тула, 6–9 березня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 116 зв. – 118 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185. Друкується вперше.

1. Художник Акімов.
2. Слово прочитано здогадно.
3. Ульяну Білозерську.

280. До Осипа Бодянського

Тула, 16 березня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 105–106.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 19/III 49, в суб[боту]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 296–297.

1. Повертаючись із Петербурга, Олександра Куліш близько 8–9 березня прибула до Москви, де зупинилася в Бодянського. Див. також прим. 7 до листа 258.

2. Гоголь мешкав у Москві з вересня 1848 року. Про одну свою зустріч із письменником у грудні 1849 року Бодянський оповів у щоденнику (див.: Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. / Сообщ. И. Ф. Павловский // РС. – 1888. – Ноябрь. – С. 401). Зі слів Бодянського, Гоголь після повернення з Єрусалима понад півроку брав у нього уроки сербської мови ([*П. Кулиш*]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. – СПб., 1856. – Т. 2. – С. 209. – Подп.: Николай М.).

3. «Южный русский сборник».

4. Поему Макаровського «Гарасько, або Талан і в неволі. (Повість в стихах)» було вміщено в «Южном русском зборнике» Метлинського.

5. Про те, що Сердюков здобув у Дерптському університеті кандидатський ступінь, відомостей немає. Найімовірніше, йому це зробити не вдалося.

281. До Леонтія Дубельта

Тула, 16 березня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 342–342 зв.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 148.

282. До Алєксєя Орлова

Тула, 16 березня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 341–341 зв.
Помітка про отримання: «22 марта 1849».
Резолюція Дубельта: «Невозможно».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 147.

283. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 24 березня 1849 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 343.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 148.

284. До Віктора Білозерського

Тула, 29 березня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 337–338 зв.

Резолюція Дубельта: «Записку для доклада графу».

Першодрук: *Павлушков*, с. 129–130.

Цей лист Віктор Білозерський передав до III відділу і його долучили до слідчої справи Куліша. З приводу цього листа чиновники III відділу підготували доповідну записку, на яку Дубельт наклав резолюцію: «Губ[ернатора] оставить, а то ещё больше навредим» (*КМТ*, т. 2, с. 144–145).

1. Скопці – поширена в Росії у XIX ст. релігійна секта, що офіційно вважалася особливо шкідливою і переслідувалася царатом.

2. Йдеться про лист Дубельта до Олександри Куліш від 16 березня з відмовою графа Орлова порушувати клопотання про дозвіл Кулішеві переїхати до Петербурга або до Москви (*КМТ*, т. 2, с. 147). Відмова Орлова стосувалася великого листа Олександри Куліш від 5 березня, написаного на ім'я «всеавгустейшего монарха» – Ніколая I (Там само. – С. 142–144).

285. До Лєонтія Дубельта

Тула, 30 березня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 339–339 зв.

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 146.

286. До Алєксєя Орлова

Тула, 30 березня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 344–344 зв.

Помітка про отримання: «8 апреля 1849».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 148–149.

1. Свято Христового Воскресіння було 3 квітня.

287. До Надії Забіли

Тула, 14 квітня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30273.

Кулішів лист є продовженням (на окремому аркуші) листа дружини від 14 квітня 1849 р.

Друкується вперше.

288. До Віктора Білозерського

Тула, 20 квітня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 119–120 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

У листі – дописка Олександри Куліш.

Друкується вперше.

1. Слово прочитано здогадно.
2. Переклад повісти Чарлза Дикенса «The Haunted Man and the Ghost's Bargain» опубліковано під назвою «Духовидец и (*в оглавіе*: или. – *Ред.*) договор с привидением» (Москвитянин. – 1849. – Часть II. – № 5. – Март. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 1–31; № 6. – Март. – Кн. 2. – С. 45–96; № 7. – Апр. – Кн. 1. – С. 97–127). Автора перекладу не зазначено.

289. Від Пєтра Плєтньова

Спаська Миза, 27 травня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29253. – Арк. 1–2. Автограф невідомий.

Лист зберігся в зшитку під назвою «Отрывок из переписки П. Кулеша с П. Плетнёвым», куди рукою Куліша або його дружини виписано фрагменти трьох листів Плєтньова і одного листа Куліша (копії 1850-х років; див. листи 335, 337, 341).

Першодрук (із пропуском): *О. Дорошкевич*. Куліш на засланні // Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. – К., 1927. – С. 24. Повністю друкується вперше.

1. Кінцеві рядки поезії Пушкіна «Что в имени тебе моём?..» (1830).

290. До Віктора Білозерського

Тула, 20 квітня ... 11 червня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 103 зв. – 104 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Рік визначено за згадкою про Кулішеві листи до Дубельта й до графа Орлова (від 30 березня 1849 р.). Нижню хронологічну межу встановлено

на підставі згадки про Кулішів лист до Віктора Білозерського від 20 квітня 1849 р., де йшлося про зміну помешкання адресанта; верхню – за Кулішевою згадкою в листі до Бодянського (від 11 червня) про чергову зміну квартири: «испытал новые неприятности от подлости хозяев и на днях переменяю ещё раз квартиру».

У листі – дописка Олександри Куліш.

Друкується вперше.

1. Див. листи 285 і 286.
2. Цей лист невідомий.
3. Слово прочитано здогадно.
4. Слово прочитано здогадно.
5. У лютому–березні 1849 року Василя Білозерського, завдяки прихильному ставленню до нього губернатора, підвищили в посаді, призначивши асесором Олонецького губернського правління. Проте вже наступного року його стосунки з Пісарєвим істотно погіршилися. Про це детально див. у листі Білозерського до Дубельта від 20 січня 1851 р. (*КМТ*, т. 1, с. 445–451).

291. До Осипа Бодянського

Тула, 11 червня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 107–108 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 16/VI 49 г.». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського, датована 17 червня: «К П. А. Кулешу, в Тулу, с 5[ю] р. сер. обратно» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 29).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 249–251.

1. Йдеться про роман, в остаточній редакції названий «Алексей Однорог».
2. Куліш має на увазі «Историю Бориса Годунова и Димитрия Самозванца».
3. Тобто «Одисею» в перекладі Жуковського.

292. Від Станіслава Барановіча

Тула, 11 червня 1849 р.

Подається за першодруком: *Павлушков*, с. 132. Автограф невідомий.

Автора встановлено на підставі згадки в статті, що листа написав віцегубернатор Тули. Дату подано за публікацією.

За Павлушковим, справа зі з'ясуванням Кулішевого чину почалася у квітні 1849 року. Навколо цього питання виникло листування між Губернським правлінням, канцелярією губернатора, Академією наук і П'ятою петербурзькою гімназією. Листування тривало до початку червня. Справа закінчилася після того, як із гімназії надійшло роз'яснення, що Куліша в його документах називали «чиновником 9-го класса», зважаючи на ту посаду, яку він займав у гімназії, а насправді він є губернським секретарем (*Павлушков*, с. 131–132).

293. До Осипа Бодянського

Тула, 26 червня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 109–110 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 5/VII 49». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського, датована 6 липня: «К П. А. Кулешу, в Тулу, с 2мя книгами: Бок[к]аччо и Пел[л]ико» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 29 зв.).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 251–252.

1. Йдеться, очевидно, про справу петрашевців. Перші арешти відбулися в ніч на 23 квітня 1849 р.

2. Йдеться про «Сборник украинских песен, издаваемый Михайлом Максимовичем» (К., 1849. – Ч. 1. – 115 с.). Цензурний дозвіл: 23 травня 1845 р. Збірка складалася з двох частин: українські думи і колискові та «материнські» пісні. З двадцяти дум чотири було надруковано вперше. Книжка вийшла коштом Михайла Судієнка (див.: *Б. П. Кирдан.* Собиратели народной поэзии. – М., 1974. – С. 71; ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 104. – Арк. 109). Видання продовження не мало.

294. До Осипа Бодянського

Тула, бл. 26 червня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 18. – Од. зб. 31.

Датується на підставі помітки про отримання – тієї ж, що і в листі 293.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 5. VII. 1849, вторн[ик]».

Першодрук (із помилковим датуванням: перед 5 червня 1849 р.): *Шаць-ка*, с. 227.

Це супровідний лист до чорнового рукопису (автографа й авторизованого списку) роману «Чорна рада». Заголовок роману в рукопису, який уміщає «Часть першу» і «Часть другу»: «Чорна рада, або Нещаслива Старосвіщина. Написав П. Куліш, року Божого 1846». Лист написано на форзаці.

Очевидно, рукопис «Чорної ради» Куліш передав Бодянському тим же посланцем, що й лист від 26 червня – Конкордієм Івановим.

295. До Осипа Бодянського

Тула, 27 липня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 111–112 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 2/VIII 49, вторн[ик]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 5 серпня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 29 зв.).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 252–254.

1. Йдеться про автобіографічний твір Сільвіо Пелліко «Le mie prigioni» («Мої в'язниці»; 1832).

2. Переклад «Le mie prigioni» російською мовою («Мои темницы») було видано 1836 року в Петербурзі (у двох частинах). Про існування російського перекладу Бодянський Куліша поінформував (див. лист № 299).

3. «Алексей Однорог».

296. До Лєонтія Дубельта

Тула, 29 липня 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 351–351 зв.

Помітка Дубельта: «Напи[сать] по возвр[ащении] Гр[афа]».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 151–152.

Відповідь на цей лист Куліш отримав через дружину, яка 30 липня 1849 р. також звернулася до Дубельта, прохаючи звільнити її від поліційного нагляду і дозволити відвідати Україну (*КМТ*, т. 2, с. 153). Очевидно, ці листи – Куліша та його дружини – було відіслано водночас. Помітка про отримання листа Олександри Куліш: 6 серпня 1849 р. На нього Дубельт відповів, що коли граф Орлов повернеться до Петербурга, його відразу буде поінформують про її клопотання. При тому він додав: «Равным образом и о просьбе супруга вашего о доставлении ему средств к уплате долга киевской университетской типографии я в то же время употреблю всевозможное (у публікації надруковано, очевидно, помилково: невозможное. – *Ред.*) ходатайство» (Там само).

Кулішів лист до Дубельта зумовили такі події. 8 липня 1849 р. канцелярія Тульського губернатора отримала офіційного листа від Бібікова у справі боргу, що числився за Кулішем у друкарні Університету св. Володимира. Лист мав такі вихідні дані: «Управление Киевского военного Подольского и Волынского генерал-губернатора по Киевскому учебному округу, Канцелярия. Стол 2. Киев, 29 июня 1849 года, № 3883». У листі за підписом Бібікова йшлося: «Правление Университета Св. Владимира донесло мне, что на бывшем учителе Кулеше числится в долгу по типографии университета за напечатание его сочинений "Украина" и "Михайло Чарнышенко, или Малороссия за 80 лет назад", – 437 р. 81 к., о взыскании каковых денег Правление просит моего ходатайства». Відтак у листі подано прохання: «сделать распоряжение о взыскании с него (Куліша. – *Ред.*) означенных выше следующих типографии денег» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11381. – Арк. 2; копія). У зв'язку з цим листом на Куліша завели справу: «Дело канцелярии г. начальника Тульской губернии по отношению Киевского военного губернатора о взыскании с губернского секретаря Кулеша 437 р. 81 к. сер. за напечатание его сочинений». Справу розпочато 8 липня і закрито 25 вересня 1849 р.

11 липня тульській міській поліції було дано вказівку стягнути означену суму з Куліша. Про її виконання поліція рапортувала 15 вересня: «Кулеш требуемых от него за напечатание в типографии Университета Св. Владимира его сочинений денег 437 руб. 81 коп. серебр[ом], по несостоятельности своей, не заплатил» (Там само. – Арк. 4–4 зв.). 22 вересня рапорт завізували в канцелярії, а вже 25-го дано відповідь Київському генерал-губернаторові: «Г. Кулеш при требовании с него помянутых денег не внёс единственно по несостоятельности, что подтвердилось местным разысканием чрез сторонних людей». До відповіді було додано «дознание» поліції про неплатоспроможність Куліша, а також – «собственно его сведения, в котором он объясняет, что он теперь не в состоянии заплатить помянутых денег» (Там само. – Арк. 5).

Це власноручне свідчення Куліша розшукав у архіві Київського генерал-губернатора разом з іншими документами, що стосуються цієї справи, Микола Павлушков. Подаємо його повністю (дата в публікації відсутня): «На

предъявленное мне предписание начальника губернии и города Тулы от 11 июля за № 9085 и приложенное при оном отношение Киевского военного губернатора от 29 июня, за № 3883, дал я сие сведение в том, что требуемых с меня 437 рублей 81 копейки серебром, по не имению в наличности денег, уплатить немедленно я не могу, тем более, что, состоя на службе в Туле *около двух лет без жалованья*, я истощил всё своё состояние; но что я постараюсь, если будет возможность, в непродолжительном времени употребить все средства для уплаты требуемой с меня суммы. Имения же я здесь как движимого, так и недвижимого не имею, кроме принадлежавшего мне оставшегося после родителя моего недвижимого в Черниговской губернии, в Глуховском уезде, в местечке Воронеже, в каком количестве, мне ещё неизвестно» (*Павлушков*, с. 133).

Кулішеве повідомлення про землю, отриману в спадок, Київський генерал-губернатор перевірив за допомоги Чернігівського губернатора. З'ясувалося, що Куліш справді володів половиною тридцятьох десятин землі. Другу половину отримали, за заповітом, діти покійного брата Куліша – Миколи (помер 1848 року). Тоді ж було ухвалено рішення продати Кулішеву частину, щоб сплатити борг друкарні. Чернігівський губернатор доручив зробити це Глухівському повітовому межовому судові. Тільки 30 червня 1850 р. управа Університету св. Володимира повідомила управління шкільної округи про те, що друкарня дістала з Глухівського суду 248 руб. 1 ¾ коп. сріблом з продажу Кулішевої землі. Однак ця інформація була неостаточною: акт купівлі у вищій інстанції не було затверджено й гроші повернули покупцеві. Після повторного продажу землі в 1856 році друкарня отримала суму 241 руб. сріблом, тобто на 7 руб. 1 ¾ коп. ср. меншу, ніж раніше (Там само. – С. 133–134). Див. також прим. 1 до листа 275.

1. Йдеться про книжки «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» і «Україна».
2. Михайло Юзефович.

297. До Івана Славніцького

Тула, 5 серпня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29259. – Арк. 1–2. Автограф невідомий.

Помітка копіїста: «Отметка Славницкого карандашом: первое письмо ко мне, лично ещё не знакомому. Я был гимназистом в предпоследнем классе, а он в ссылке, в Туле».

Першодрук (без зазначення дати): *В. Шенрок*. П. А. Кулиш: (Биографический очерк) // КС. – 1901. – Апр. – Отд. I. – С. 140–141.

Надсилаючи Владіміру Шенрокові добірку Кулішевих листів для біографічного нарису про Куліша, Славніцький просив повернути лише чотири з них, а решту дозволив залишити в себе (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 31061. – Арк. 1). Листи, що підлягали поверненню (між ними і цей лист), Шенрок скопіював; їхні автографи невідомі. У тому ж листі до Шенрока Славніцький зазначив, що в нього зберігаються ще декілька записок Куліша, «слишк[ом] коротких и не имеющих никак[ого] значения», а два листи «давно подарены коллекционерам».

У спогадах про Куліша, написаних на прохання Шенрока, Славніцький так описував початок їхнього знайомства: «Я очень желал познакомиться с ним, но не представлялось случая: хотя они занимали [комнаты] в доме наших знакомых, на окраине города, но жили слишком замкнуто и буквально нигде не бывали и даже избегали знакомства с семьёю хозяина, военного топографа. [...] Раз понадобилось мне посоветоваться с ним по одному щекотливому для меня вопросу, и я, ещё не видав его лично, письмом просил его принять меня» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28699. – Арк. 1–1 зв.).

Після заслання Куліш продовжував підтримувати взаємини зі Славніцьким.

298. До Івана Славніцького

Тула, 16 серпня 1849 р.

Подається за автографом: ДАФ НХМУ. – Ф. 25. – Оп. 2. – Од. зб. 2а. Друкується вперше.

1. Можливо, йдеться про видання «Одисеї» однією з європейських мов.
2. Про який твір ідеться – невідомо.

299. До Осипа Бодянського

Тула, 1 вересня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 113–113 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 3/IX 49, суб[бота]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 5 вересня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 29 зв.).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 254–255.

1. Бодянський поінформував Куліша про існування російського перекладу «Le mie prigioni». Див. лист 295 і прим. 2 до нього.
2. Цей переклад невідомий. Очевидно, він не зберігся.
3. Пенати – у римській мітології боги-обереги дому.
4. Куліш помилився: в «Отечественных записках» було опубліковано переклад (під назвою «Завоевание Мексики») історичної праці Вільяма Гіклінґа Прескота у трьох книгах «History of the conquest of Mexico» (1843) (1848. – № 1. – Отд. II. – С. 1–70; № 2. – С. 107–177; № 3. – С. 28–70; № 4. – С. 147–216). Його «History of the conquest of Peru» (1847) у перекладі Матвєя Хотінського («История завоевания Перу») надруковано в «Современнике» (1848. – № 11. – Отд. IV. – С. 1–28; № 12. – С. 41–88; 1849. – № 1. – С. 1–50; № 2. – С. 51–82; № 3. – С. 1–44; № 5. – С. 1–28; № 6. – С. 29–66; № 7. – С. 1–26).
5. Пьотр Ґусєв був родичем Нордстремів, які рекомендували йому познайомитися з Кулішем. Про обставини цього знайомства Куліш так оповів у автобіографії: «На третій вже рік приїхав у Тулу жандарський капитан Гусев і зараз прийшов до Куліша. Куліш тоді саме вернувсь із Рогожного кладовища, которе любив за те, що на йому сила квіток росло. Ходили туди вони вдвох із жінкою і голубили там дітей сторожевих, а потім наривали полевих квіток і оберемками несли додому. З тих квіток плели вони гирлянди

і всю свою світлицю їми завішували. Оце ж вони собі втішаються чим мога (бо дітей Господь їм не дав), аж іде жандар. Вони думали, що знов якась напасть, – коли ж жандар той заговорив до них по-людські. Наказано йому було від родича, щоб притьмом спознався з Кулішем і йому сподобавсь. Питає: "Чим же мені, добродію, вам сподобатись?".

"Не чим иншим, – одказав йому Куліш, – як *правдою*. Чиніте суд по правді, безневинного обороняйте, хижакові злої волі вкорочуйте: то й буду вам приятелем, і синій ваш мундир буде у мене в очу найкращий"» (*Жизнь*, ч. 25, с. 299).

У Тулі Куліші здружилися з Ґусєвими. Після смерти Єкатєріни, дружини Пєтра Івановіча, влітку 1850 року вони переселилися в будинок Ґусєвих. У той час Олександра стала немов другою матір'ю дітей Ґусєва. Так, вона писала до Надії Забіли (у листі-щоденнику від 17 вересня – 5 жовтня 1850 р.): «Я очень люблю этих деток; они прекрасны; и так я хотя собственных не имею, но имею трое чужих и всех их люблю и забочусь, сколько могу или сколько можно» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30278. – Арк. 3 зв.). Про відносини з Ґусєвими див. також у її листі до Надії Забіли від 18 жовтня 1849 р. (див. коментар до Кулішевого листа до Забіли, датований тим самим числом). Восени 1850 року Куліш займався з Ґусєвим, навчаючи його французької, німецької, англійської та італійської мов (ІР НБУВ. – Од. зб. 30276. – Арк. 2).

Після тульського заслання, в 1850-х роках, Куліш продовжував підтримувати відносини з Ґусєвим, часто зупиняючись у нього під час переїздів через Тулу.

6. Алюзія до «Слова о пълку Игоревѣ» («**милыя хоти красныя Глѣбовны**»). «Хіть» – жінка.

7. Марфі Бодянській.

300. До Віктора Білозерського

Тула, 1 жовтня 1849 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 121–121 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Частково опубліковано: *В. Шенрок.* П. А. Кулиш: (Биографический очерк) // КС. – 1901. – Апр. – Отд. І. – С. 146.

Повністю друкується вперше.

1. Пєтру Ґусєву.

2. Ця картина невідома.

3. Парафраза з Квітчиного оповідання «Салдацький патрет» (див. прим. 3 до листа 155).

301. До Осипа Бодянського

Тула, 1 жовтня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 115–115а.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 4/X 1849, вторн[ик]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 14 жовтня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 30).

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 7–8.

1. Можливо, йдеться про Міхаїла Погодіна (див. прим. 5 до листа 251).
2. Цитата з поезії Жуковського «К К. М. С[оковнин]ой» (1803).
3. Ця фраза декілька разів повторюється в оповіданні Гоголя «Записки сумасшедшего» у такому, наприклад, контексті: «Я замечаю, однако же, что он [начальник] меня особенно любит. Если бы и дочка... эх канальство!.. Ничего, ничего, молчание!».

302. До Надії Забіли

Тула, 18 жовтня 1849 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30274.

Кулішів лист є продовженням листа дружини, у якому, зокрема, йшлося про життя Кулішів у Тулі. Ось витяги з цього листа: «Тебе, я думаю, хорошо известны Гусевы, о которых мы к маме так подробно писали? Это прекрасное семейство, у которых мы бываем довольно часто; если бы ты услышала, как Гусев Пётр Ив[анович] поёт *Бародушку*, это чудо! Я в семействе Гус[евых] мало очень говорю по-франц[узски], а когда приходит к нам madmoiselle Саблукова, то я просто не умолкаю или, лучше сказать, она не умолкает [...]. Елена Я. наша, которая иногда показывает мне на фортепиано, уехала в деревню в гувернантки и из деревни иногда к нам заезжает; но у меня теперь фортепиана нет, и я не играю. Гус[евы] меня просили, чтобы я у них играла, но мне совестно; у них отличное форт[епиано] и все – мать их, гувернантка, дочь и все хорошо играют, а я бринькаю». «Мы сегодня получили письма от Плетнёва и других, из которых мы узнали, что Виктор с невесткой зимой будут в Малорос[с]ию. [...] Вчера неожиданно посетил нас профессор Максимович, его жилище за Киевом 90 в. [...] П. А., когда путешествовал по Киевской губерн[ии], то описывал *Михайлову Гору* (это его имение так называется); его дом на горе над Днепром и имеет очаровательный вид. Он у нас пробыл часов 5ть и поехал дальше в Москву».

Друкується вперше.

303. До Осипа Бодянського

Тула, 1 листопада 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 116–116 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 6/XI 1849, воскр[есенье]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 7 листопада (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 30).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 255–256.

1. Міністр народної освіти граф Сєргей Уваров (який спричинив відставку Строганова, покровителя Бодянського, з посади куратора шкільної округи та голови Товариства історії та старожитностей російських – див. прим. 4 до листа 251) подав у відставку 20 жовтня 1849 р. Куратор Московської шкільної округи й куратор Московського університету

(обидві посади він обійняв у листопаді 1847 року, заступивши Строганова) Дмітрій Ґолохвастов подав у відставку 22 серпня 1849 р.

2. Посаду помічника редактора «Тульских губернских ведомостей» Куліш отримав не пізніше 19 жовтня (навесні 1850 року його призначили редактором неофіційної частини). Цим днем, 19 жовтня, датовано лист Крузенштерна до графа Орлова, у якому повідомляється, що Куліш погодився на нову посаду (*КМТ*, т. 2, с. 156).

Призначенню передувало клопотання Плєтньова, з яким він 12 липня та 4 жовтня 1849 р. звертався до керівництва III відділу. Останній його лист спонукав графа Орлова написати (8 жовтня) до Тульського губернатора, щоб той наказав «озаботиться, сколь возможно, поспешнейшим доставлением Кулишу такого места, которое обеспечило бы приличное содержание его с семейством, и вообще удостоивать сего чиновника вашим милостивым покровительством» (Там само. – С. 155–156). На цьому листі Крузенштерн наклав резолюцію: «Уведомить, что до сих пор места, которые я предложил г. Кулешу, им не были приняты, но что теперь он соглашается принять место помощника редактора Губ[ернских] Ведомостей с окладом жалованья в 180 р. сер.» (*Павлушков*, с. 136).

Кулішева служба була номінальною, як він сам свідчив у листах. Це потвердив і Микола Павлушков, який, переглянувши комплект газети, не знайшов там ні редакторського підпису Куліша, ні якоїсь його публікації (Там само. – С. 137). Дослідник також подав інформацію, яка в листуванні не відбита: з 24 жовтня Куліш отримував додатково 600 руб. ас. з запропонованої йому посади коректора губернської друкарні. Як було записано в протоколі губернського правління, призначання відбулося «согласно словесного представления г. начальника губернии» (Там само). У службовому формулярі Куліша зазначено, що виконувати обов'язки коректора Тульської губернської друкарні його призначено 24 жовтня (*М. Кордуба.* Причинки до урядничої служби Куліша. (Від губернського секретаря до надворного радника) // ЗНТШ. – Л., 1930. – Т. С. – С. 359).

3. Перевестися до Москви Кулішеві обіцяв допомогти (безрезультатно) Олександр Кочубей (див. лист 293).

4. Повна назва російського перекладу праці Кристофа Вільґельма Гуфелянда: «Enchiridion medicum, или Руководство к практической медицыне. Достояние пятидесятилетней опытности». Книжка, що появилася 1836 року в Бепліні, витримала декілька видань у Москві: перше – 1839 року, третє – 1845 року.

304. До Лєонтія Дубельта

Тула, 2 листопада 1849 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 361–361 зв.

Помітка про отримання: «12 ноября 1849».

Резолюція Дубельта: «Повременить, но иметь в виду».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 156–157.

1. Див. прим. 2 до листа 303.

305. До Віктора Білозерського

Тула, 19 жовтня ... початок листопада 1849 року

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 102 зв.–103. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Датується за згадкою про те, що губернатор запропонував Кулішеві місце помічника редактора губернських відомостей. Ця подія відбулася не пізніше 19 жовтня.

Друкується вперше.

1. Див. прим. 2 до листа 303.
2. Ця стаття невідома. Див. текстологічний коментар до листа 328.
3. Про яку «п'єску» йдеться – невідомо.
4. Див. лист 300 і прим. 2 до нього.

306. До Осипа Бодянського

Тула, 1 грудня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 118–119.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 3/XII 1849 г., в суб[боту]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 22 грудня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 30 зв.).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LX, с. 297–298.

307. До Пєтра Плєтньова

Тула, 1 грудня 1849 р.

Подається за автографом: ВР ІРЛІ. – Ф. 234. – Оп. 3. – Од. зб. 357. – Арк. 110–110 зв.

Помітка про отримання і відповідь: «П[олучил] 7 дек[абря] 1849. О[тветил] 23 дек[абря] 1849».

Друкується вперше.

1. Алєксандрі й Ользі Плєтньовим та Алєксандрі Ішимовій.

308. До Віктора Білозерського

Тула, друга половина жовтня ... грудень 1849 року

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 90. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Датується орієнтовно на підставі згадки у листі Олександри Куліш (див. далі) про те, що на посаді помічника редактора Куліша ще не затверджено.

Продовженням Кулішевого листа є недатований лист дружини, у якому вона сповіщає про Ґусєвих (їхній переїзд у власний будинок, облаштування житла тощо). Про чоловіка вона пише: «П. А. был у начальника, т. е. у редактора. П. А. ещё в должности не утверждён, на днях утвердят. Недавно к П. А.

являлся какой-то чиновник с предложением, не хочет ли он давать в домах уроки, но П. А. отказался, потому что здесь самая хорошая цена 2 р. с. за урок, а тем более он отказался, что это ребёнок десяти только лет; да за эти деньги, право, не стоит и с нашей улицы выбираться. Мы один раз опрокинулись в этой ужасной грязи, но всё прошло хорошо [...]» (арк. 90).

Друкується вперше.

1850

309. До Осипа Бодянського

Тула, 7 січня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 120–121 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 10/I 1850 г., вторн[ик], в 4 п[о] п[олудни]».

Першодрук (із пропуском): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 256–257.

1. У грудні 1849 року Бодянському дозволили повернутися в Московський університет, затвердивши його на тій самій посаді, яку він обіймав раніше, – виконувача обов'язків ординарного професора. «Высочайший наказ по гражданскому ведомству от 4 декабря» про призначення було опубліковано в газеті «Русский инвалид» за 15 грудня. Про нього Бодянський довідався про наказ 18 грудня, зробивши відповідний запис у своєму щоденнику (Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. / Сообщ. И. Ф. Павловский // РС. – 1888. – Ноябрь. – С. 397). У службовому формулярі Бодянського поновлення в університеті датовано 22 грудня (Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. – М., 1855. – Ч. I. – С. 94–95).

2. Йдеться про Миколу Білозерського, який мешкав у Кулішів до літа. Свої взаємини з Кулішем у цей період він характеризував так: «1. До 1850. Я его как челов[ека] не знаю; 2. 1850 – узнаю и расхожусь, тоже и с нею (Кулішевою дружиною. – *Ред.*); 3. 1850–3. В душе каюсь и мучусь [...]» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 207). За його свідченням, перший твір Куліша, який він прочитав (улітку 1849 року), була «Україна»: «Мало понял, но эпигр[аф] [...] сильно запал в мою голову» (Там само. – Арк. 179). У 1850-х роках вони налагодили співпрацю; зокрема, Куліш допоміг Білозерському підготувати до друку «Южнорусские летописи» (К., 1856. – Т. 1). Проте згодом їхні стосунки перервалися й перейшли у ворожнечу. Докладніше про це див. у коментарях до наступних томів. Білозерський мав намір написати Кулішеву біографію, для якої зібрав матеріали (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743).

310. Від Василя Білозерського

Петрозаводськ, 14 січня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29565.

Друкується вперше.

1. Алюзія до поеми Шевченка «Катерина» («Вміла мати брови дати, / Карі оченята, / Та не вміла на сім світі / Щастя-долі дати»).

2. У листі до Надії Забіли, написаному в травні–червні 1849 року, Олександра Куліш сповіщала про один лист Григорія Мізка до Василя Білозерського: «Мизко один раз писал к П[антелеймону] А[лександровичу] и так написал: где Вас[илий] М[ихайлович]? я к нему писал, но он не отвечал» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29486).

3. Особи не з'ясовані.

311. До Осипа Бодянського

Тула, 28 січня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 122–122 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 30/I 1850 г., понед[ельник]».

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 8.

1. Миколи Білозерського.

2. Йдеться про популярне видання «Руководство к всеобщей истории. Сочинение д-ра Фридриха Лоренца, орд. профессора Главного педагогического института и директора Главного немецкого училища при евангелической лютеранской церкви св. Петра» у трьох частинах, п'яти книгах (СПб., 1841–1849; четверта частина вийшла 1856 року). Книжка витримала два перевидання. У 1845 році в Петербурзі вийшла перша частина, у 1849 році – перший відділ другої частини другого видання (решта появилася у 1851–1855 рр.).

3. Маршалком тульської губернської шляхти був В. А. Норов. Про звернення до нього графа Орлова відомостей немає.

4. «Алексей Однорог» та «Искатели счастья». Другий роман спершу мав назву «Пётр Иванович Березин и его семейство, или Люди, решившиеся, во что б ни стало, быть счастливыми» (див. лист 313). Фрагменти з нього Куліш опублікував у 1850–1860-х роках: «Пан Мурло» (Искра. – 1859. – № 7. – С. 66–71; № 8. – С. 75–79; № 9. – С. 90–93), «Потомки заднепровских гайдамак» (Народное чтение. – 1860. – Кн. II. – С. 144–212 і окремою відбиткою; також у червертому томі «Повестей П.А. Кулиша», СПб., 1860). Скорочений автопереклад другої публікації Куліш 1868 року вмістив у львівській «Правді» (ч. 1–4). Повністю роман вийшов посмертно 1903 року в журналі «Ежемесячные сочинения» (№ 4–6. – С. 255–420).

5. Див. лист 312.

312. До Михайла Максимовича

Тула, 28 січня 1850 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 314. – Оп. 1. – Спр. 30. – Арк. 1.

Друкується вперше.

Цей лист Куліш надіслав Бодянському разом зі своїм листом до нього від 28 січня (див. № 311). Його було передано адресатові.

1. Йдеться про «Сборник украинских песен».

2. «Алексей Однорог» та «Искатели счастья».

313. До Осипа Бодянського

Тула, 15 лютого 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 124–124 зв.
Помітка про отримання: «Пол[учил] 18/II 1850 г., в суб[боту]».
Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 257–258.

1. Первісна назва роману «Искатели счастья».
2. Див. лист 309.

314. До Лєонтія Дубельта

Тула, 25 лютого 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 363–364 зв.
Помітка про отримання: «6 марта 1850 года».
Резолюція графа Орлова: «Справку об ней».
Помітка Дубельта: «Как просит, так и сделать. Граф не упускает из вида случая быть ему полезным».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 157–158.

Відповідь: див. лист 315.

315. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 8 березня 1850 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 366.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 159.

Відповідь на лист 314. Відповідь: див. лист 316.

1. Йдеться про лист графа Орлова до Тульського віце-губернатора Станіслава Барановіча від 8 березня 1850 р. (*КМТ*, т. 2, с. 159–160), у якому шеф жандармів дозволив видати Олександрі Куліш паспорт з тим, щоб, у разі виїзду її в Чернігівську губернію, не припиняти таємний нагляд за нею. Одержавши цього листа, губернатор Тульської губернії наклав резолюцію: «объявить Кулешу и вместе с выдачей билета отнестись к Черниговскому губернатору о учреждении секретного полицейского надзора и тогда же донести графу Орлову; равно и по прибытии обратно» (*Павлушков*, с. 139). 30 травня Олександра Куліш отримала проїзний документ, про що того самого дня поінформували Чернігівського губернатора.

316. До Лєонтія Дубельта

Тула, 18 березня 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 368–368 зв.
Помітка про отримання: «28 марта 1850 года».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 160.

Відповідь на лист 315.

317. До Віктора Білозерського

Тула, 15 вересня 1849 р. ... березень 1850 року

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 34140. – Арк. 103 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 185.

Датується орієнтовно на підставі згадки про те, що Куліші очікують на приїзд Василя Білозерського з Петрозаводська. Нижня хронологічна межа – дата листа Дубельта до Білозерського, у якому сповіщається про згоду графа Орлова на надання Білозерському відпустки (*КМТ*, т. 1, с. 435). Верхню межу окреслено періодом, коли Олонецький губернатор Ніколай Пісарєв, внаслідок загострення стосунків із Білозерським, заборонив йому йти у відпустку.

Друкується вперше.

318. До Мотрони Білозерської

Тула, березень ... квітень 1850 року

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29080.

Датується приблизно на підставі згадок про те, що у Кулішів мешкають Марія Боголюбцова (у листі Олександри Куліш – див. далі) та Микола Білозерський.

Продовженням Кулішевого листа є листи Олександри та її брата Миколи, у яких висловлюються особисті почуття, обговорюються родинні справи. На арк. 1 зв. пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: «Брата Ник[олая] исключили из корпуса, и он жил у нас в Туле».

Друкується вперше.

319. До Надії та Миколи Забіл

Тула, 1 травня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30275.

Кулішів лист є продовженням листа дружини, сповненого особистих почуттів. Зокрема, про життя подружжя йдеться у такому уривку: «Недавно мы читали "Битву жизни" Диккенса. [...] Муж мой творит великолепный шкап для платья, а во время отдохновения твердит итальянский и английский язык. Ишимова его часто наделяет романами Вальтера Скотта в подлиннике». На початку – дописка Куліша:

«1850, мая 1.
Тула.

Эпиграф

Саша. Тётя Надя и мама твоя часто обо мне вспоминали?

Маша. Нет, не часто.

Отрывок из разговора двух особ».

Після Кулішевого листа – дописка Миколи Білозерського.

Друкується вперше.

320. До Михайла Максимовича

Тула, 6 травня 1850 р.

Подається за автографом: РДАЛМ. – Ф. 314. – Оп. 1. – Спр. 30. – Арк. 2–3.

Помітка про відповідь: «Отв[етил] 3 июня».

Друкується вперше.

1. Йдеться про третій випуск «Киевлянина», що його Максимович видав у Москві 1850 року. У випуску взяли участь головно російські літературні й наукові сили: Іван Аксаков, Фьодор Ґлінка, Міхаїл Погодін, Сєргей Соловйов, Фьодор Тютчев та ін. Було вміщено шість літографованих ілюстрацій.

2. Цитата з поезії Пушкіна «Демон» (1823). У Пушкіна перший рядок: «В те дни, когда мне были новы».

3. Максимович повертався з Москви у червні 1850 року, їдучи разом із Гоголем. Через Тулу їхній шлях не пролягав.

4. Йдеться про «Сборник украинских песен».

5. Які брошури мав на увазі Куліш – не з'ясовано.

6. «Ще у 1847 році Максимович прохав председателя Географічного Товариства у Петербурзі адмірала Літке дати йому спроможність справити наукову подорож коштом Товариства. Мабуть, у 1850 році знов іде мова про це, але знов невдало, хоч Максимович вже прохав Куліша намалювати для нього, як ілюстрацію до будучої подорожі, одяг тульської жінки, який у 50-ті роки уявляє цікаву особливість. Опис убрання тульських селянок за ті часи, що зацікавило Максимовича, знаходимо у "Тульских Губернских Ведомостях", 1853 р. № 9, у статті доглядача Чернського Тульського губ. повітового училища А. Зеленецького: "Головной убор крестьянки состоит из кички, обшитой сверху кумачом с позументами под названием выводов, из шитой золотом сороки; по сороке повязывается небольшой красный шёлковый платок; ниже сороки, около всей головы, привязывается подзатылень, снизанный из разноцветного стекляруса. Прочая одежда состоит из шерстяной китайчатой панёвы, обшитой по подолу галуном, кумачом и лентами; также холстинной с рукавами занавески, по пиликам (оплечьям) и по подолу вышитой цветами и обшитой кумачом. Талию перетягивают шёлковым или суконным кушаком красного цвета. Ноги обувают в коты с напущенными шерстяными чулками".

Не дивно, що Куліш одмовився малювати це квітчате убрання для Максимовича, непевний в справжній спроможности літературного використування малюнка» (коментар Володимира Данилова до нездійсненої публікації Кулішевих листів до Максимовича: ІР НБУВ. – Ф. Х. – Од. зб. 14714. – Арк. 60).

Максимович був дійсним членом Російського географічного товариства з 1847 року.

321. До Осипа Бодянського

Тула, 10 травня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 126–127 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 14/V 1850, воскр[есенье]».

Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 18 травня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 32 зв.).

Першодрук (із пропуском): *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 258–259.

1. Див. листи 291, 293.
2. Очевидно, перед Великоднем, який 1850 року припав на 23 квітня.
3. Миколою Білозерським.
4. У автобіографії Куліш згадував, що Владімір Казадаєв після того, як його призначили губернатором Тули, «сам прийшов до Куліша, зазивав його до себе на обід, а далі зумів його ото й визволити» (*Жизнь*, ч. 25, с. 300). За Кулішем, Казадаєв («людина тяжко добра», як характеризував його письменник) причинився до звільнення тим, що доручив засланцеві виконати серію малюнків із тульської старовини, зокрема й пам'ятника Дмітрію Донському на Куліковому полі, для вручення великим князям під час їхнього переїзду через Тулу. Він же особисто відрекомендував їм Куліша. Див. також Кулішів лист до Бодянського від 6 вересня 1850 р. (№ 330) і прим. 2 до нього.
5. Марія Боголюбцова мешкала у Кулішів навесні й восени 1850 року. У першій половині 1850-х років у Петербурзі вона, навчаючись у пансіоні, бувала у них неділями. У 1860-х роках Куліші й Боголюбцова (у той час вона була вже одружена з Алєксандром Щербаковим) одночасно мешкали у Варшаві й нерідко зустрічалися.

322. До Осипа Бодянського

Тула, 14 травня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 98. – Арк. 235.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 17. V. 1850 г., середа». Помітка про отримання в реєстрі кореспонденції Бодянського, датована тим самим числом: «[от] Кулеша, через Гусева» (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 32 зв.). Помітка про відповідь там само: 18 травня.

Першодрук: *Шацька*, с. 227.

1. Після однієї зустрічі з Ґусєвим Бодянський занотував у своєму щоденнику (запис 7 червня 1850 р.): «Пётр Иванович Гусев, учившийся в горном корпусе, после служивший в уланах, а напоследок в жандармах, рассказывает, что нынешнее устройство жандармов совсем не то, что было первоначально». І далі навів його міркування на тему жандармської етики (Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. / Сообщ. И. Ф. Павловский // РС. – 1889. – Окт. – С. 125).

323. До Осипа Бодянського

Тула, 22 травня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 128–128 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 28/V 1850 г., воскр[есенье]». Помітка про відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 29 травня (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 32 зв.).

Першодрук: *Ф. Савченко.* Ненадруковані листи Куліша до Бодянського // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 8.

1. Цей аркуш із переліком чужомовних книжок невідомий.

324. До Лєонтія Дубельта

Тула, 7 червня 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 372–372 зв.
Помітка про отримання: «19 июня 1850 года».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 163.

Відповідь: див. лист 325.

1. Йдеться про роман, що в остаточній редакції отримав назву «Алексей Однорог».

325. Від Лєонтія Дубельта

Санкт-Петербург, 22 червня 1850 р.

Подається за автографом (відпуск): ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 374, 375.
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 165.

Відповідь на лист 324. Відповідь: див. лист 326.

326. До Лєонтія Дубельта

Тула, 1 липня 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 377–380. Список літератури на арк. 379–380.
Помітка про отримання: «8 июля 1850 г.».
Помітка Дубельта: «Он пишет исторический роман “Северяки”. 1[ю] часть написал. Оставить без ответа до 25 июля».
Помітка канцелярії: «Внесено в ведомость до 25 июля. Реестр отдан казначею».
Помітка Дубельта на аркуші зі списком літератури: «До графа».
Помітка наприкінці списку: «[349 р.] 63 к.».
Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 165–167.

Відповідь на лист 325.

1. «Полное собрание русских летописей» – багатотомне видання літописів, розпочате Археографічною комісією за редакції Якова Бєрєднікова. Після 1917 року його продовжила Російська АН. До 1921 року вийшло 24 томи. 1949 року видання відновлено і доведено до 42-го тому. У першому томі опубліковано Лаврентіївський та Троїцький літописи (СПб., 1846), у другому – Іпатіївський літопис (СПб., 1843), у третьому – Новгородські (СПб., 1841), у четвертому – Новгородські та Псковські літописи (СПб., 1848).

2. Очевидно, йдеться про чотиритомне видання «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Экспедициею Императорской Академии наук», що появилося у Петербурзі в 1835–1836 рр.

3. Йдеться про «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», видані в 1841–1843 рр. у Петербурзі в п'яти томах.

4. Іменний та географічний покажчики до «Актов...» появився 1843 року.

5. «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею» (СПб., 1846–1875. – Т. 1–12)

6. «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (СПб., 1846–1853. – Т. 1–5) – збірка документів з історії України, Білорусі, Литви за 1340–1699 рр.

7. Йдеться, мабуть, про двотомник за редакцією Алєксандра Востокова «Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек», виданий у 1841–1842 рр.

8. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. – СПб.: В тип. II-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1838. – VII, 465, 23, 8 с. У виданні вміщено грамоти, купчі, чолобитні, мирові та інші документи юридичного змісту XIV – початку XVIII ст. Іменний та географічний покажчики до актів видано 1840 року.

9. Выходы Государей Царей и Великих Князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). – М.: В тип. Августа Семена, 1844. – VI, 702, 109 с. Публікація «книг выходных» з архіву Московської збройної палати, що містять детальні записи про щоденне вбрання московських царів під час різних церемоній. Видання підготував Павєл Строєв.

10. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Кошихина. – СПб.: В тип. Э. Праца, 1840. – XI, 160 с. Твір виявлено в XIX ст. у шведських архівах і видано Археографічною комісією за редакції Якова Бєрєднікова; витримав декілька перевидань.

11. Повна назва книжки, що її видав Павєл Муханов: «Рукопись Жолкевского. (Начало и успех Московской войны в царствование е. в. короля Сигизмунда III-го, под начальством его милости, пана Станислава Жолкевского, воеводы Киевского, напольного коронного гетмана)» (М., 1835). Друге видання під назвою «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне» вийшло 1871 року в Петербурзі.

12. Дослідження етнографа Олександра Терещенка «Быт русского народа» появилося 1848 року в Петербурзі в семи частинах (томах). У виданні вміщено, зокрема, значний корпус українських обрядових пісень: купальських, колядок, щедрівок, весільних; подано описи українського весілля.

13. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные Временною комиссиею, Высочайше учреждённою при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – К.: В лито-типографич. заведении И. К. Вальнера, 1849. – Т. 1. – LII, XV, 335 с.; Т. 2. – XII, 364 с. Видання вийшло за редакції Миколи Іванишева і являє собою збірник актів та судових справ 1566–1618 рр. з луцьких і володимирських гродських та земських книг, а також із книги уряду Кременецького.

14. Йдеться про видання: Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учреждённою при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – К.: В лито-типографич. заведении И. К. Вальнера, 1845. – Т. 1. – IX, 274, 112, 473 с.; К., 1846. – Т. 2. – VIII, 371, 233, 162 с. Третій і четвертий томи появилися у 1852 і 1859 році. Друге

(виправлене) видання першого тому вийшло 1848 року. Перші три томи було перевидано, з доповненнями, 1898 року в Києві за редакції Ореста Левицького, який склав до них іменний та географічний покажчики. У виданні опубліковано документальні матеріяли Луцького хрестоздвиженського братства, акти, листи, грамоти, універсали доби Богдана Хмельницького, інші документи XV–XVIII ст. Частину матеріялів надав Константий Свідзінський.

15. Дворцовые разряды по Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб., 1850. – Т. 1: 1612–1628. – XXXVI с., 1223 стлб. Видання підготували Алєксандр Попов і Афанасій Бичков. Другий, третій і четвертий томи появилися у 1851–1855 рр. Вони охоплюють період до 1701 року. Доповнення вийшли 1854 року і 1882 року в першій книжці «Чтений». «Разрядные книги» – це своєрідний літопис державного управління й службової діяльности в Московії.

16. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым» (М.: В тип. Александра Семена, 1850. – Кн. 1). Видання являє собою збірник статей та матеріялів з історії, фольклористики, слов'янської мітології. Серед авторів, окрім Калачова, – Сєргей Соловйов, Міхаїл Погодін, Іван Бєляєв, Іван Забєлін, Вукол Ундольський та ін. У 1854–1861 рр. вийшли друга (у двох частинах) третя книжки «Архива» .

17. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Историческое исследование Виталия Шульгина. – К.: В тип. И. Вальнера, 1850. – Вып. 1: Состояние женщин в языческой Руси. – XXVIII, 106 с. Дослідження є магістерською дисертацією автора. Вийшов тільки перший випуск.

18. Йдеться про два томи третього видання «Сказаний русского народа», що їх підготував Іван Сахаров. Другий том, який містив чотири книги («Словари русского языка», «Русские народные свадьбы», «Русская народная годовщина», «Путешествия русских людей»), появився 1849 року в Петербурзі. Про перший том див. прим. 4 до листа 222.

19. Докторська дисертація Платона Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (М.: В унив. тип., 1850. – VI, 132 с.). Її друге видання, без змін і доповнень, появилося у Петербурзі 1863 року.

20. «Труды и летописи Общества истории и древностей российских» виходили в 1815–1837 рр. (назва видання у 1815–1824 рр. – «Записки и труды...», у 1826 році – «Труды и записки...»). Появилося вісім томів (третій і четвертий – у двох книгах).

21. Повна назва видання: «Русские достопамятности, издаваемые Императорским Обществом истории и древностей российских, учреждённым при Московском университете». Появилося три частини у 1815, 1843 і 1844 роках. Першу видав Константін Калайдович. Другу і третю підготував Дмітрій Дубєнський, вмістивши в них «Русскую правду» (Ч. 2. – XXII, 315 с.) і «Слово о пълку Игоревѣ» (Ч. 3. – LV, 326 с.); обидві публікації дослідник супровів вступними статтями і детальними коментарями.

22. «Русский исторический сборник» за редакції Погодіна виходив 1837–1844 рр. як видання Товариства історії та старожитностей російських при Московському університеті. Вийшло сім томів, кожний із яких (окрім т. 5 і 7) складався з чотирьох книг.

23. «Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских» виходив у 1848–1857 рр. замість «Чтений». Появилося 25 книг за редакції Івана Бєляєва.

24. Йдеться про видання: «Атлас географический, исторический и хронологический Российского государства, составленный И. Ахматовым» (СПб., 1845).

25. Багатотомне видання «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» підготував Алєксандр Вісковатов. Перші два томи появилися 1841–1842 рр. у Петербурзі.

26. Йдеться про видання «Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению» (М., 1849, 1851, 1853), що його підготували Фьодор Солнцев (малюнки, загальною кількістю понад 500) та Іван Снєгірьов (текст). Детальний опис див.: *В. И. Межов.* Русская историческая библиография: Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800–1854 вкл. – СПб., 1893. – Т. II. – С. 305–308 (№№ 19406–19696).

27. «Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы» – праця Івана Снєгірьова. Видання появлялося зошитами протягом 1842–1845 рр. у Москві й було ілюстроване кольоровими малюнками Солнцева.

28. Йдеться, імовірно, про видання «Достопамятности московского Кремля, сост. Ал. Вельтманом» (М.: В тип. Николая Степанова 1843. – IV, 79 с.).

29. «Достопамятности Москвы», що їх підготував Корнілій Тромонін, вийшли у 1843–1845 рр. у семи зошитах. Видання багато ілюстроване. Детальний його опис див.: *И. М. Остроглазов.* Книжные редкости // РА. – 1891. – Кн. 3. – С. 83–85.

30. Описание памятников древности церковного и гражданского быта русского музея П. Ф. Коробанова / Сост. Г. Филимонов. – М.: Унив. тип., 1849. – 28 с. У виданні вміщено 60 малюнків.

31. Друге видання «Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества», що його впорядкував Алєксєй Мартинов (текст написав Іван Снєгірьов), вийшло у 1848–1851 рр. у Москві в чотирнадцяти зошитах, у кожному з яких було вміщено по шість малюнків. Детальний опис цього видання з реєстром численних рецензій див.: *В. И. Межов.* Русская историческая библиография. – СПб., 1893. – Т. II. – С. 359–360 (№№ 21027–21078).

32. «Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Императорской Академии наук» вийшла у Петербурзі в 1767–1792 рр. у восьми частинах. У ній висвітлюються події XI–XVII ст. Сємьон Башилов допомагав Авґусту Шльоцеру підготувати першу частину (1767), а другу видав за участи історика та перекладача Алєксєя Полєнова (1768).

33. Див. прим. 2 до листа 230.

34. Класичне видання джерел до історії Росії у двадцяти томах. Його повна назва: «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведённое» (М., 1788–1791). Перше видання у десяти томах появилося в 1773–1775 рр. Детальний бібліографічний опис другого видання див.: «Древняя российская вивлиофика» (второе издание 1788–1791 гг.): Библиографическое описание / Сост. А. Н. Неустроев. – СПб., 1874. – 29 с. У 1786–1801 рр. у Петербурзі появилося також «Продолжение Древней российской вивлиофики» в одинадцяти частинах.

35. «Описание тринадцати старинных свадеб российских князей и государей» (1787) належить російському письменникові XVIII ст. Матвєю Комарову.

36. «Сборник Муханова» (М.: Унив. тип., 1836. – IV, X, 262, XXX с.) містить 194 документи кінця XIV – першої половини XVIII ст.: акти, записки, листи, грамоти (зокрема, Лжедімітрія). Публікацію супроводять коментарі. Друге (доповнене) видання збірника появилося 1866 року в Петербурзі.

37. Йдеться про покажчик імен до «Сборника Муханова», опублікований як окреме видання того ж року, що і сам «Сборник» (М.: Тип. Лазаревого ин-та восточ. языков, 1836. – 14 с.).

38. Каталог историческим памятникам, собранным и изданным Павлом Мухановым. – М.: Унив. тип., 1836. – [4], II, 34 с.

39. Йдеться про видання Сахарова «Путешествия русских людей в чужие земли» (2-е изд. – СПб., 1837. – Ч. 1. – III–XVI, 123 с.; Ч. 2. – 139 с.).

40. Видані Дмітрієм Язиковим «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709» (СПб., 1840. – IV, 134, [XXX] с.) – цінне історичне джерело, що містить великий фактичний матеріял про діяльність російського уряду.

327. До Миколи Даниловича Білозерського

Тула, 9 ... 24 липня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – № 30188.

Помітка про отримання олівцем: «в Ступнике, 24 июля [1]850».

Нижню хронологічну межу встановлено на підставі повідомлення Чернігівського губернатора Тульському губернаторові про виїзд Олександри Куліш до Тули 9 липня (див.: *Павлушков*, с. 139), верхню – на підставі помітки про отримання.

Кулішів лист є продовженням листа дружини до Білозерського, написаного відразу після повернення з Мотронівки. У ньому висловлено вдячність за допомогу й описано зустріч із Кулішем: «Теперь скажу Вам, как я нашла своего друга. В четверг в 12 часов ночи насилу мы добрались в драгоценнейшую свою Тулу. Не доезжая додому с полверсты, я с Машей (Боголюбцовою, яка приїхала до Тули разом з Олександрою Куліш. – *Ред.*) пошли пешком вперёд, а лошади ехали тихонько; проходя мимо дому, я внизу постучала в окно, не услышит ли кто из слуг; но вдруг на мезонине окошко хлопнуло, и раздался голос тот, которого я так давно желала слышать: "Саша, это ты?". Вы можете понять, что я испытала в эту минуту! Как я желала иметь крылья, чтобы подняться и взглянуть одной секундой раньше на того, кого я так люблю, так уважаю. Через несколько минут калитка отворилась и мы очутились в своей комнате, которая так мило украшена цветами на окнах и комоде, с таким вкусом они были расставлены». У листі – дописка Марії Боголюбцової.

Першодрук (із помилковим датуванням: 24 липня 1850 р., Ступник): *Листи*, с. 193.

328. Від Надії Забіли

Київ (?), 30–31 липня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 31032. – Арк. 2 зв.

Лист є продовженням листа Надії Забіли до Олександри Куліш, датованого 9–31 липня 1850 р. і присвяченого особистим справам. Лист до Куліша датовано вужче: 30–31 липня 1850 р. На арк. 1 помітка Надії Забіли: «1[е]». Там само дві пізніші помітки Олександри Куліш олівцем: 1) «Все разом получены 4 сент[ября]. Я эти письма расцеловала после моего отъезда из Малорос[сии] домой. Они были первые от Надюши»; 2) «Я из Тулы приежала». За змістом, ґатунком паперу та чорнила лист становить цілість з іншим листом Надії Забіли до сестри Олександри – від 4 серпня 1850 р. (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 31033). Їх можна розглядати як частини одного листа-щоденника, написаного в період від 9 липня до 4 серпня 1850 р., про що свідчить помітка Надії Забіли на другому листі: «2[е]», а також вказівка у наведені вище помітці Олександри Куліш, що ці листи «разом получены».

У частині листа, написаній 4 серпня, зокрема, йдеться (перші два речення звернено й до Куліша): «Однако ж я ещё не сказала, как я провела день ваших именин – очень неприятно: у нас был Илья Фёд[орович]. Я не имела ни одной минуты свободной, чтоб написать к вам хоть несколько слов, мои Бесценные Друзья. Я прочла "Ольгу Ивановну", мне нравится, только на меня произвело вот что тяжёлое и даже неприятное впечатление: то, что "Ольга Иван[овна]" ещё здоровая заказала для себя гроб и даже лежала в нём; согласись, что немножко неестественно, по крайней мере я ни за что б этого не делала; ещё как можно, чтоб Ольга Иван[овна] решилась отдать кому-нибудь сюртук своего дедушки? – Он должен быть для неё драгоценностью, она скорей бы сшила новый для Фомы Як[овича]. Знаешь ли, моя Саша, что если "Ольгу Иван[овну]" достанется прочесть Козаковым, они, мне кажется, будут недовольны. Ещё ошибочка: Фома Як[ович] не на одной недели умер с "Ольг[ой] Иван[овной]", а за год до её смерти. Отчего ты не придерживаешься истины; мне кажется, это было бы ещё лучше». На цьому аркуші пізніша помітка Олександри Куліш олівцем: "Ольга Иван[овна]" – это повесть П[антелеймона] К[улиша]».

Місце написання встановлено навздогад: того часу Надія Забіла мешкала в Києві.

Друкується вперше.

1. Див. текстологічний коментар до цього листа.

329. До Миколи Даниловича Білозерського

Тула, 9 липня ... 24 серпня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29062.

Нижню хронологічну межу встановлено за часом повернення Олександри Куліш до Тули (див. текстологічний коментар до листа 327), верхню – на підставі згадки в її листі до Надії Забіли від 24 серпня про те, що Куліш виїхав з Тули за дорученням губернатора (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30276).

Кулішів лист є продовженням листа дружини, в якому висловлено вдячність за сприяння в поверненні до Тули й описано життя подружжя: «Скажу Вам о своих занятиях: встаём в семь часов, в девять Маша пишет,

потом читает по-русски, после обеда – танцы и французский язык, спряжения и т. д., потом отправляемся вниз и гуляем с детьми Гусева, о которых я успела немного рассказать Елене Николаевне (дружина Миколи Білозерського. – *Ред.*), и как мне показалось, что они ей понравились. По вечерам Нарцис Мих[айлович] Гумболдт (особу не встановлено. – *Ред.*) нам превосходно играет. [...] Я теперь с П[антелеймоном] А[лександровичем] читаем "Одиссею", вторую часть».

Першодрук: *Листи*, с. 42.

330. До Осипа Бодянського

Тула, 6 вересня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 129–129 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 10го сент[ября] 1850 г., воскрес[енье]».

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 259–260.

1. Особу не встановлено.

2. Про Кулішеве відрядження, що розпочалося, мабуть, на початку останньої декади серпня, писала Олександра Куліш сестрі Надії в листі від 24 серпня: «Моего доброго бесценного друга нет дома: его посла[ли] на казённый счёт за сто вёрст на Куликово поле, чтобы он срисовал памятник Дмитрия Донского, который разбил Мамая 340 лет тому назад – для великих князей, которые намерены путешествовать в этих местах и видеть всё. Прежде этого ему поручили описать обозрение Тульской губернии, и он это исполнил» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30276. – Арк. 2 зв.).

Згодом своє звільнення з тульського заслання, яке формально було приурочене до 25-літнього ювілею царювання Ніколая І, Куліш пов'язував передовсім з цими подіями: «Описав Куліш тульську старовину й ілюстровав свій опис археологичними й иншими акварелями. Імператор Миколай звернув увагу на гарну роботу і спитав про артиста, а довідавшись, що се – Куліш, дозволив йому вернутись у столицю» (*Жизнь*, ч. 3, с. 33).

Як Куліш писав Віктору Білозерському в листі від 30 листопада 1850 р. (№ 335), його малюнки губернатор вручив великим князям, для яких вони призначалися. Проте князі ці малюнки з собою не забрали, а залишили в губернатора, щоб той показати їх і Ніколаю І. Малюнки сподобалися імператорові, який звернув увагу на засланця. Про те саме Куліш писав і до Плєтньова, який переповів новину Ґротові у листі від 7 жовтня 1850 р.: «Кулеш ко мне пишет, что тульский губернатор поручал ему срисовать памятник на Куликовом поле и что его рисунок был представлен Государю и Великим Князьям в их проезд через Тулу» (*Переписка*, т. 3, с. 521).

У «Северной пчеле» було опубліковано детальний опис того, як великі князі – Ніколай Ніколаєвіч та Міхаїл Ніколаєвіч, – повертаючись до Петербурга, відвідали Тулу. Приїхавши до міста проти ночі, 6 вересня вранці «ИХ ВЫСОЧЕСТВА изволили дать приём лицам высших чинов гражданского и военного ведомства; приём этот отличался особенною благосклонностью, с какою ИХ ВЫСОЧЕСТВА удостоивали своим вниманием каж-

дого, имевшего счастие представляться». Після молебня в соборі князі відвідали завод зброї, школу, в якій навчалися діти робітників-зброярів, кадетський корпус. Увечері губернське дворянство дало бал на честь гостей. «На другой день ИХ ВЫСОЧЕСТВА изволили отправиться за город, на место, где приготовлены были скачки, откуда Высокие Гости уже не возвращались в город, но прямо отправились в дальнейшее своё путешествие». Через декілька днів після того, як князі залишили Тулу, до міста прибув сам Ніколай I. Він приїхав 11 вересня вночі. Його перебування в Тулі обмежилося одним днем: після молебня у соборі він відвідав кадетський корпус та зброярний завод. «После этого ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил возвратиться домой и там, простившись приветливо с хозяевами дома, отправился благополучно в дальнейший путь» (*К. Андреевский-Александрович*. Письмо из Тулы, в Редакцию Северной Пчелы // Северная пчела. – 1850. – № 232. – 16 окт. – С. 925–926).

У художньому альбомі Куліша вміщено малюнок (акварель, чорна туш), на якому зображено каміння, на найбільшому камені – щит, меч і шолом, унизу – фігуру юнака, що присів і дивиться на цю зброю. Під малюнком напис рукою Куліша: «Памятник Дмитрию Донскому в саду у помещика Мясоедова, близ Куликова поля». На малюнку також Кулішів підпис і дата: «1850, сент[ября] 25» (ЧІМ. – Інв. № Ад $\frac{225-36}{1933}$. – Арк. 25). На звороті напис рукою, мабуть, Олександри Куліш: «Было нарисовано и поднесено Великим Князям, после чего нас освободили из ссылки». Малюнок датовано числом, коли імператор та великі князі уже покинули Тулу, і, можливо, він є алюзією до композицій, поданих їм.

331. До Надії Забіли

Тула, 11 вересня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30277.

Кулішів лист є продовженням листа дружини від 11 вересня 1850 р. – сповненої любові чуттєвої відповіді на зворушливий лист сестри. Про обставини життя Кулішів у Тулі в листі Олександри, зокрема, йшлося таке: «П[антелеймон] А[лександрович] совершил свою поездку на Куликово поле очень хорошо. Губернатор всеми его рисунками остался очень доволен. Во время проезда Великих Князей была великолепная иллюминация и бал. Все лавки и дома были украшены из дубовых листьев венками и в середине сделаны были из дерева звёздочки, и всё это было увешано плошками; ещё вензеля Великих Князей М. Н. тоже были украшены венками и плошками. Приём Великих К[нязей] стоил 6 тысяч сребром. Была устроена выставка, где было несколько очень хороших картин, старинных монет и крестов (которые Великие К[нязья] себе купили), самоваров, часов, яблок 1 ф. 1/1 весу, пряники и множество других вещей, одним словом, что было хорошего и замечательного в Туле. Была скачка [...]. Народу несколько тысяч было. Экипажей тьма». «Мы недавно познакомились с поэтом Хомяковым; он у нас был и приглашал приехать нас в свою деревню: он женат на сестре Языкова».

Друкується вперше.

332. До Надії Забіли

Тула, 11 жовтня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 30280.

Кулішів лист є продовженням листа дружини від 11 жовтня 1850 р., у якому, зокрема, повідомляється, що Ішимова купила собі будинок у Петербурзі, а Ольга Плєтньова виходить заміж за Алєксандра Лакієра («очень образованного человека. П[антелеймон] А[лександрович] и я его знаем»); згадано про те, що Куліші прочитали записки Шатобріана про війну Наполєона з Росією (йдеться про публікацію: Замогильные записки Шатобриана // Отечественные записки. – 1849. – Т. LXVII. – № 11. – Отд. II. – С. 1–18); «П. А. играет на Сашиной (син Ґусєва. – *Ред.*) маленькой скрипочке».

Друкується вперше.

333. До Віктора Білозерського

Тула, 13 листопада 1850 р.

Подається за рукописною копією Миколи Михайловича Білозерського: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 25743. – Арк. 140. Автограф невідомий.

Датується за нотаткою Миколи Білозерського, яка свідчить, що цей лист написано 13 листопада 1850 р.

Друкується вперше.

334. До Лєонтія Дубельта

Тула, 14 листопада 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 381–382.

Помітка про отримання: «22 ноября 1850 года».

Резолюція Дубельта: «Ожидать разрешения».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 168.

335. До Надії Забіли

Тула, жовтень ... листопад 1850 року

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 28886.

Датується орієнтовно на підставі згадки в листі Олександри Куліш до Надії Забіли від 11 вересня 1850 р. про знайомство з Хомяковим (див. коментар до листа 330).

Лист Куліша є продовженням листа дружини, присвяченого побутовим справам.

Друкується вперше.

1. Наприкінці життя Куліш у листі до князя Ніколая Шаховского вдячним словом згадав Алєксєя Хомякова, назвавши, щоправда, іншу дату їхнього знайомства – 1848 рік. «[...] я был знаком с 1848 г. с Хомяковым, – писав він, – который, будучи знаменитым, посетил меня, неведомого почти никому изгнанника, в Туле и старался рассеять мою тоску зимнею охотой у себя

в деревне» (*Кн. Н. Шаховской*. Памяти П. А. Кулиша // Русское обозрение. – 1897. – Март. – С. 202). Маєток Хомякова було розташовано в Тульській губернії, у с. Богучарово.

336. Від Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 30 листопада 1850 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29253. – Арк. 2–2 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 289.

Друкується вперше.

Відповідь: див. лист 337.

1. Цитата з поезії Жуковського «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу. Песня» (1813), що є перекладом вірша графа Ксав'є де Местра «Le prisonnier et le papillon» («В'язень і метелик»). Відсилаючи до цієї поезії, Плєтньов натякав Кулішеві на його швидке звільнення із заслання. Однак поезія Жуковського, попри загальний волелюбний мотив, має романтично-песимістичну пуанту, тож Куліш не зрозумів натяку. Див. лист 341.
2. Алєксандри та Ольги Плєтньових та Алєксандри Ішимової.

337. До Пєтра Плєтньова

Тула, 13 грудня 1850 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29253. – Арк. 2 зв. – 3. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 289.

Друкується вперше.

Відповідь на лист 336. Відповідь: див. лист 341.

338. До Осипа Бодянського

Тула, 16 грудня 1850 р.

Подається за автографом: ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 72. – Арк. 130–130 зв.

Помітка про отримання: «Пол[учил] 20го дек[абря] 1850 г., середа». Помітка про отримання і відповідь у реєстрі кореспонденції Бодянського: 21 грудня в Борзну (ВР ІЛ. – Ф. 99. – Од. зб. 37. – Арк. 34).

Першодрук: *Письма к Бодянскому*, т. LIX, с. 260.

1. 15 грудня 1850 р. до канцелярії Тульського губернатора надійшов лист із такими вихідними даними: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. Отделение II. Стол 2. 6 декабря 1850 г. № 471». У листі було зазначено, що «Государь Император Высочайше соизволил даровать милость» Кулішеві та ще одній особі, у зв'язку з чим у канцелярії завели справу: «По предписанию г. министра внутренних дел об освобождении от секретного надзора полиции губернского секретаря

Кулеша и чиновника 12 класса Голикова. № 496. Началось 15 декабря 1850 года. Окончено 20 декабря 1850 года» (ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 11422. – 6 арк; копія). Згідно з цим листом, Кулішеві було дозволено «жить и служить везде, не исключая Малороссии и столиц, но не определять по Министерству народного просвещения и иметь за ним до времени секретный надзор».

Про своє звільнення Куліш дізнався, мабуть, того ж дня – 15 грудня. 16 грудня він написав про це листа до Надії Забіли (див. № 339).

Пізніше Куліш згадував: «Об'явив йому свободу, прийшовши до його, полковник жандарський Шварц (чоловік добрий). Як почув про се Куліш, то подякував йому за добру звістку і зараз пішов до жінки – та й не зможе їй нічого сказати. Вона злякалась, глянувши на його. "Що таке, що таке склалось?". Він узяв піро і написав: "Волю нам вернули!"» (*Жизнь*, ч. 25, с. 300). За свідченням Владіміра Шенрока, який бачив цей клаптик паперу, що його Куліші зберігали як реліквію, на ньому було написано слово «Свобода» (*В. Шенрок.* П. А. Кулиш // КС. – 1901. – Апр. – Отд. І. – С. 148). У 1920-х роках він зберігався у Музеї українських діячів науки і мистецтва при ВУАН, який діяв до 1934 року (*Павлушков*, с. 141).

2. Куліш виїхав із Тули до Борзни 24 грудня (*Павлушков*, с. 142; дослідник покликається на повідомлення тульського поліцмейстера, яке зберігалося в архіві Тульського губернатора). 19 грудня він подав Тульському губернатору рапорт із проханням про відпустку терміном 28 днів, яка дала б Кулішеві змогу побувати в Петербурзі та на Чернігівщині (Там само).

До Мотронівки письменник прибув не пізніше 29 грудня (цим днем датовано його лист до Миколи Даниловича Білозерського; див.: *Листи*, с. 43) і виїхав звідти 17 січня, вирушивши до Петербурга, де мав намір влаштуватися на службу (Там само. – С. 46–47).

339. До Надії Забіли

Тула, 16 грудня 1850 р.

Подається за автографом: ІР НБУВ. – Од. зб. 28851. – Арк. 1–1 зв.

Продовженням листа є лист Олександри Куліш, сповнений особистих почуттів.

Частково опубліковано (з помилковою датою – 17 грудня): *О. Дорошкевич.* Куліш на засланні // Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. – К., 1927. – С. 71. Шенрок подає помилкову дату отримання першої звістки про звільнення 14 грудня, судячи зі змісту, саме за цим листом (*В. Шенрок.* П. А. Кулиш // КС. – 1901. – Апр. – Отд. І. – С. 147–148).

Повністю друкується вперше.

340. До Алєксєя Орлова

Тула, 19 грудня 1850 р.

Подається за автографом: ДАРФ. – Ф. 3. – Від. 1 експ. – Оп. 1847. – Спр. 81. – Ч. V. – Арк. 385.

Помітка про отримання: «29 декабря 1850 года».

Першодрук: *КМТ*, т. 2, с. 169.

341. Від Пєтра Плєтньова

Санкт-Петербург, 26 грудня 1850 р.

Подається за рукописною копією: ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 29253. – Арк. 3 зв. – 4 зв. Автограф невідомий.

Про характер копії див. текстологічний коментар до листа 289.

Друкується вперше.

1. Очевидно, Плєтньов уже наприкінці листопада знав, що на Куліша чекає звільнення із заслання (див. лист 336).

2. Завершальні рядки з поезії Жуковського «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (див. прим. 1 до листа 336).

ПОКАЖЧИК ІМЕН ТА НАЗВ ТВОРІВ

Абрамов, І. С. *499*

Абрамов див. Аврамов, П. О.

Авксентій (до постригу Афанасій Галинський; 1782–1844), намісник Києво-Печерської лаври; архімандрит Київського Пустинно-Микільського монастиря (з 1834) 39, *379*

Авраамій (до постригу Авєркій Івановіч Паліцин; ?–1627), келар Троїце-Сергієвого монастиря, хроніст
«Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря...» 223, 225, 229, 320, *531*

Аврамов (Абрамов), Петро Осипович, старший учитель математики Першої київської гімназії; директор Рівненської (1841–1848), Житомирської гімназій, начальник училищ Волинської губернії 51, 54–56, 79, *342*, *394*

Авсенєв, Петро Семенович див. о. Феофан

Аделунґ Ф. *541*

Айзеншток, І. Я. *332–334*, *370*, *385*, *389*, *391*, *393*, *401*, *402*, *404*, *408*, *410*, *411*, *413*, *418*, *431*, *444*, *453*, *457*, *458*

Акімов (прізвисько Зівопуня), художник, тульський знайомий Куліша 190, 191, 194, 198, 199, 200, 201, 252, 258, 263, 273, 277, 278, 280, 282, *512–515*, *517*, *518*, *548*, *550*, *552*, *555*, *557*, *558*

Аксаков, І. С. *394*, *574*

Аксаков, К. С. *394*

Александр Македонський (356–323 до Р. Х.) 88

Алєксандр I, імп. *506*

Алєксандр II (1818–1881), російський імператор (з 1855) 267, *546*, *551*, *553*

Алєксандра Ніколаєвна (1825–1844), велика княгиня, молодша дочка імп. Ніколая I; померла від пологів 266

Алєксандра Фьодоровна, імп. *551*

Алєксандров, А. див. Дурова, Н. А.

Алєксандровіч-Андрієвський, К. Ґ. *583*

Алєксєєв *486*

Алєксєй Міхайловіч (1629–1676), московський цар (з 1645) 35, 318, *448*, *456*, *532*, *577*

Алінство (Alińſtwo), польська родина в Києві, знайомі Куліша 199

Андрієвський, Олександр Федорович див. Олександр, о.

Андрузький, Г. Л. *442*, *501*

Антонович, В. Б. *382*

Антонович, М. Д. *334*

Априлов, В. Е. *440*

Артемовський див. Гулак-Артемовський, П. П.

Арцибашев, Ніколай Сєргеєвіч (1773–1841), російський історик; кореспондент Вільного товариства аматорів словесности, наук і мистецтв (1802–1824)
«Повествование о России» 225, 229, 230, 258, 319, *533*

Афанасьєв, Олександр Степанович (псевд. А. Чужбинський; 1817–1875), український та російський письменник, етнограф, перекладач; закінчив Гімназію вищих наук кн. Безбородька в Ніжині (1835); з 1836 на військовій службі, з 1843 у відставці в чині поручика 84, 105

Ахматов, Іван
«Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства...» 319, *579*

Базилевич, Д. І. див. Веніамін, архім.

Байрон (Byron), Джордж Гордон Ноел (1788–1824) 157, 158, *335*

Сторінки, позначені курсивом, вказують на імена, які зустрічаються в коментарях. Назви творів подано лише за текстами листів.

Бакунов, Ваня, вихованець Тульського кадетського корпусу; швагер Віктора Білозерського 197, 218, 219, 257, 277, *517*, *528*
Бакунова, Авдотья Матвєєвна, мати У. Білозерської 190, *513*
Бакунови, родина У. Білозерської 193, 267
Балабін, Пьотр Івановіч (1776–1855), генерал-лейтенант у відставці; брав участь у війнах із Наполеоном (1805, 1812, 1815), зі шведами (1808–1809); начальник 1-го округу Окремого корпусу жандармів (1826–1832); приятель П. Плєтньова 161, *488*
Балабіна, Є. П. див. Рєпніна Є. П.
Балабіна, М. П. *488*
Балабіна (уродж. Парі), Пауліна-Варвара Осіповна (1780-ті – після лютого 1849), дружина П. Балабіна 267, *546*, *553*
Бальзак (Balzac), Оноре де (1799–1850), французький письменник 141, *472*
Бантиш-Каменський, Дмитро Миколайович (1788–1850), історик України; Тобольський (1825), Віленський (1836–1838) губернатор 104, 118, *372*, *438*, *541*
«История Малой России» 15, 17, 24, 44, *351*, 384, *427*
Бар, А. *356–358*, *360*, *405*, *470*, *472*
Бараломський, тульський знайомий Куліша 270
Барановіч, Станіслав Міхайловіч, віцегубернатор Тули (у 1840-х – не пізніше 1854) 180, 181, 286, 293, 294, *507*, *561*, *572*
Барвінок, Ганна див. Куліш (Білозерська), О. М.
Барвінський, В. Г. *331*, *332*
Барвінський, О. Г. *332*, *432*
Барсуков, Н. П. *350*, *354*, *361*, *369*, *371*, *397*, *424*, *464*, *470*, *523*, *524*
Бартєнєв, П. І. *492*, *505*, *543*
Барщевський, Петро Гаврилович, учитель російської словесности (у середині 1840-х і 1857), латинської мови (у 1850–1851) в Немирівській гімназії 162
Басін, П. В. *417*
Батюшков, К. Н. *437*
Башилов, Сємьон (1740–1770), російський історик, видавець історичних джерел; з 1765 перекладач Імп. АН
«Русская летопись по Никонову списку» (упор.) 223, 225, 319, *532*, *579*
Бем, А. Л. *332*
Бергман В. *526*
Бержерак, С. де *368*
Беріо, Ш.-О. *554*
Бетговен (Beethoven), Людвиг ван (1770–1827) 261, 266, *551*, *554*
Бецький, Іван Єгорович (1818–1890), перекладач, колекціонер; навчався в Московському університеті (1833–1839), закінчив історично-філологічний факультет Харківського університету (1842); видавець альманаху «Молодик» (1843–1844, вип. 1–4); з 1852 в Італії 126, *461*, *462*
Бєклєшев, П. І., власник дачі, на якій мешкав П. Плетньов 106, *431*
Бєлінський, В. Г. *368*, *387*, *453*, *490*, *535*
Бєлявський, офіцер, петербурзький знайомий Л. Кармалеєва 249
Бєляєв, І. *578*
Бєрєдніков, Яков Івановіч (1793–1854), російський археограф; головний редактор видань Археографічної комісії (з 1838), ад'юнкт Відділу російської мови та словесности (1841), екстраординарний акад. (1845), ординарний акад. (1847) Імп. АН 76, 113, 225, *414*, *424*, *438*, *442*, *449*, *576*, *577*
Бєстужев-Рюмін, К. Н. *545*
Бичков, Афанасій Фьодоровіч (1818–1899), російський історик, археограф; член-кореспонд. (1855), ординарний акад. (1869) Імп. АН
«Дворцовые разряды...» (упор.) *318*, *578*
Бібіков, Дмітрій Ґавріловіч (1792–1870), Київський воєнний губернатор, Волинський і Подільський генерал-губернатор (1837–1852); міністр внутрішніх справ (1852–1855) 8–9, 153, *343*, *359*, *360*, *470*, *493*, *563*, *564*
Біднов, В. О. *352*
Білецький, Л. Т. *364*
Білозерська (уродж. Силевич), Мотрона Василівна (бл. 1793–1857), мати О. Куліш 42, 134–136, 145, 146, 151, 187, 188, 196, 212, 246, 251, 254, 255, 258, 264, 267, 268, 274, 280–282, 290, 300, 301, 303, 306, 307, 310, 312, 326, *380*, *382*, *388*, *396*, *397*, *420*, *467*, *476*, *478*, *480*, *546*, *510*, *518*, *548*, *549*, *573*
Білозерська, Н. О. *332*
Білозерська, О. В. *467*
Білозерська, О. М. див. Куліш, О. М.

[1] Рік смерти подано за спогадом О. Куліш, згідно з яким дружина Віктора Білозерського померла через два роки після того, як Куліша було заслано до Тули (ЧЛМК. – Інв. № А–2650. – Арк. 5).

Білозерська (уродж. Забіла), О. М. *373*, *582*
Білозерська (уродж. Бакунова), Ульяна Павловна (?–1850[1]), дружина (з 1847) Віктора Білозерського 190, 240, 248, 249, 259, 263, 267, 283, 311, *513*, *517*, *546*, *547*, *550*, *552*, *553*, *558*, *567*
Білозерський, Василь Михайлович (1825–1899), журналіст; співзасновник Кирило-Методіївського братства; закінчив Університет св. Володимира (1845); учитель історії та географії в Петровському кадетському корпусі в Полтаві (верес. 1846 – січ. 1847); 1847 його заслано до Петрозаводська; у 1861–1862 редактор «Основи»; брат О. Куліш 10, 34, 42, 47, 52, 55, 57, 58, 60, 70–72, 76, 79, 84–86, 88, 92, 126, 134, 136, 143, 145, 146, 152, 153, 171, 173, 177, 186, 193, 201, 203, 210, 222, 227, 228, 238, 250, 252–255, 263, 267, 269, 280, 281, 283, 290–292, 305–307, 309, 311, 312, *344*, *347*, *355*, *371*, *373*, *380–382*, *392*, *396*, *400*, *403*, *408*, *409*, *415*, *420*, *425–429*, *443*, *466*, *468*, *469*, *478*, *479*, *482*, *483*, *487*, *488*, *494*, *495*, *498*, *500*, *504*, *511*, *513*, *518*, *527*, *528*, *530*, *536*, *551*, *554*, *561*, *570*, *571*, *573*
Білозерський, Віктор Михайлович (1815–1872), у 1840-х службовець у Петербурзі, брат і хрещений батько О. Куліш 58, 145, 173, 177, 178, 183– 186, 190, 193, 196, 197, 199–201, 215– 218, 222, 240, 248–253, 255, 258–260, 262–264, 267, 270, 278, 283, 286, 287, 289–292, 299, 300, 303, 304, 306, 311, 312, 322, *390*, *396–398*, *476*, *502*, *505*, *506*, *508–514*, *516–519*, *524*, *525*, *527*, *528*, *542*, *549*, *553*, *554*, *559–561*, *566*, *567*, *569*, *573*, *582*, *584*
Білозерський, І. Д. *373*
Білозерський, Микола Данилович (1800–1870), колекціонер, поміщик; брат у перших О. Куліш 10, 34, 35, 38, 39, 52, 53, 124, 135, 137, 142, 143, 146, 147, 149–153, 169, 170, 268, 269, 307, 312, 320, *344*, *347*, *350*, *371–375*, *377*, *379*, *388*, *389*, *392*, *397*, *400*, *407*, *415*, *483*, *487*, *496*, *499*, *519*, *536*, *580–582*, *586*
Білозерський, Микола Михайлович (1833– 1896), фольклорист, історик; навчався у Петербурзькому кадетському корпусі (не закінчив); редактор «Черниговских губернских ведомостей» (1854–1855); брат О. Куліш 196, 197, 201, 215, 222, 249, 252, 258, 262, 267, 305, 306, 312, 314, *346*, *368*, *373*, *467*, *485*, *488*, *513*, *516*, *517*, *525*, *530*, *548–550*, *570*, *573*, *575*, *584*
Білозерський, Михайло Васильович (1772–1835), батько О. Куліш 145, *397*, *477*
Білозерський, Олександр Михайлович (1836–?), вихованець 2-го кадетського корпусу в Петербурзі (вип. 1855), поручик Чернігівського губернського дивізіону (серед. 1860-х); брат О. Куліш 196, 197, 201, 215, 222, 258, 267, *516*, *517*, *525*, *528*, *530*, *550*
Білозерський, Олімпій Михайлович (1831–1904[1]), вихованець 2-го кадетського корпусу в Петербурзі, з 1849 служив у артилерії, у 1857 вийшов у відставку в чині штабс-капітана; брат О. Куліш 201, 249, 252, 253, 255, 259, 262, 264, 267, 268, 290, 291, 306
Білозерський, Помпей Михайлович (1819 – після 1863), у 1840-х поручик гусарського короля Нідерландського полку в м. Бялах, через хворобу вийшов у відставку, мешкав у Мотронівці, у середині 1850-х лікувався у кирилівській психіятричній лікарні в Києві; брат О. Куліш 152, 153, 196, 197, 211, 249, 267, 290, 312, *482*, *500*
Білозерські, рід 268
Білозерські, родина 269, 295, *368*, *380*, *549*
Бобров, Є. А. *470*
Бобровіч, Ю. *443*
Бовгиря, А. М. *427*
Боголюбцев, Міша див. Боголюбцов, Міша
Боголюбцов, Ілля Федорович, у 1840-х служив у Петербурзі, прапорщик у Митавському драгунському полку 293, 312, *581*
Боголюбцов, Міша, син І. Боголюбцова; поручик артилерії 250, 253, 267
Боголюбцова (уродж. Білозерська), Любов Михайлівна (? – бл. 1886), сестра О. Куліш 221, 267
Боголюбцова (у заміжжі Щербакова), Марія Іллівна (1844–?), донька І. Боголюбцова, похресниця О. Куліш; у 1860-х у Варшаві; мати письменниці Л. Яновської 293, 314, *573*, *575*, *580*, *581*
Богун, П. див. Чинчик, П.

[1] Рік смерти подано за записом у щоденнику І. Троїцького (ЧЛМК. – Інв. № А–2713. – Арк. 647).

Богородський, Савва Осіповіч (1804–1857), декан юридичного факультету Університету св. Володимира; управитель дирекції 2-ї київської гімназії та училищ Київської губернії (1839–1848) 30
Боград, В. Е. *530*
Бодянська, Марфа Нікітічна (?–1881), дружина О. Бодянського 243, 244, 248, 256, 284, 293, 295, 299, 300, 304, 307, 309, 315, 326, *547*, *566*
Бодянський, М. Г., о. *431*
Бодянський, Осип Максимович (*рос.* Іосіф Максімовіч; 1808–1877), філолог-славіст, історик, фольклорист, письменник; у 1842–1848 і 1849–1868 в. о. ординарного професора, згодом професор на катедрі історії та літератури слов'янських наріч Московського університету; у 1837–1842 у науковому відрядженні; у 1845–1848 і 1858–1877 секретар московського Товариства історії та старожитностей російських і редактор його «Чтений»; приятель Куліша, Шевченка, Гоголя 43, 80, 83, 84, 86–88, 90, 93, 103–105, 107–112, 114–118, 120–126, 131–133, 135, 142, 143, 148, 149, 151, 152, 154, 155, 159, 162, 164, 165, 169–171, 177–180, 183, 202, 203, 205, 207, 216–220, 223–227, 229–233, 238–248, 250, 251, 256–258, 260–263, 269, 283, 284, 292–296, 298–305, 307–309, 314–316, 321, 325, 326, *331*, *333*, *337*, *339*, *345*, *353*, *362*, *368*, *372–374*, *382*, *384*, *385*, *389*, *394*, *401*, *408*, *411*, *413*, *415*, *416*, *418*, *419*, *421*, *426–429*, *431*, *437–439*, *442–448*, *450–459*, *461*, *464*, *465*, *468*, *473–475*, *479–483*, *487*, *489–493*, *496–498*, *505*, *507*, *508*, *519*, *521*, *522*, *524*, *526–538*, *540–547*, *549*, *551*, *556*, *558*, *561*, *562*, *565–567*, *569–572*, *574–576*, *582*, *585*
«Наськи українські казки...» 247, *461*
«О народной поэзии славянских племён» 16, 105, *352*
Бодянський, П. І. *475*
Бодянський, Федір Максимович (1812–1873), фольклорист; викладач російської мови у повітовому дворянському училищі в Лохвиці (з 1844), інспектор та штатний доглядач повітового училища в Прилуках (з 1852); брат О. Бодянського 142, 162, *473*, *491*
Боккаччо (Boccaccio), Джованні (1313–1375) 315, *562*
Болховітінов, Євфімій Алєксєєвіч див. Євгеній, митрополит
Боплян (Beauplan), Ґійом Левасер де (1600 – не раніше січ. 1675), військовий інженер, картограф; у 1643–1647 у Речі Посполитій; керував фортифікаційними роботами на українському пограниччі
«Description d'Ukranie...» («Описание Украйны») 15, *351*
Борісєнков, Є. П. *513*
Боровиковський, Лев Іванович (1806–1889), поет; учитель, згодом інспектор Полтавської гімназії (1838 – серед. 1850-х) 126, 149, 152, *460*
Бородін, В. С. *433*
Бортнянський, Дмитро Степанович (1751–1825), композитор, диригент
«Коль славен наш Господь» 253, *548*
Борщевський див. Барщевський, П. Г.
Брамбеус, Барон див. Сенковський, Ю. Ю.
Бруховецький див. Брюховецький, І. М.
Брюллов, Карл Павловіч (1799–1852), російський живописець; професор Імп. АМ (з 1836) 91, *406*, *416*
Ескізи розписів Ісакіївського собору 79, *417*
«Последний день Помпеи» 65, 78, 158, 262, *406*
Брюховецький, Іван Мартинович (?–1668), гетьман Лівобережної України (з 1663) 22, 49
Булґаков, Міхаїл Пєтровіч див. Макарій, митрополит
Булґарін, Фаддєй Вєнєдіктовіч (1789–1859), російський письменник 228
Бурченко, київський палітурник (у 1840-х) 19
Буслаєв, Ф. І. *496*
Бутков, П. Ґ *385*
Бутурлін, Дмітрій Пєтровіч (1790–1849), російський воєнний історик, генерал-майор; член Державної Ради (з 1840), директор Імп. Публічної бібліотеки (1843–1849)
«История смутного времени в России в начале XVII века» 225, 230, 319, *533*
Бюфон (Buffon), Жорж-Люї Леклєр, граф (1707–1788), французький учений-натураліст 228, 271, *535*

В-ский, В. *362*
Валіцький, А. О. *408*
Валуєв, Д. А. *456*
Вальнер, І. К. *577*, *578*
Вальон (Valon), Алексис де (справжні ім'я Марі Шарль Фердинан Алєксіс; 1818–1851), французький письменник
«Catalina de Erauso» («Каталина де Ерайсо») 222, *530*

Ванґейм, власник будинку в Петербурзі, де мешкав Куліш 81
Вацлав з Олеська див. Залеський, Вацлав
Ввєдєнський, І. І. *531*
Величко, Самійло (бл. 1670 – після 1728), козацький літописець *382*, *398*
Літопис 33, 58, 60, 66, 71, 78, 80, 83, *350*, *372*, *382*, *393*, *397*, *398*, *400*
Венелін (справжнє прізв. Гуца), Юрій Іванович (1802–1839), славіст; навчався у Львівському (1822–1823) та Московському (1825–1829) університетах; автор досліджень з історії Болгарії 124, *457*, *458*, *521*
Веніамін (до постригу Д. І. Базилевич), архім. *365*
Верґілій Марон, Публій *541*
Вересай, О. М. *331*
Вернадський, Іван Васильович (1821–1884), економіст; закінчив Університет св. Володимира (1841), викладав у ньому політичну економію (1847– 1850); у 1843–1846 у науковому відрядженні; професор на катедрі політичної економії Московського університету (з 1850); з 1856 на службі в Петербурзі, згодом у Харкові 132, 133, 155, 156, 181, 224, 226, 227, *465*, *466*, *507*, *530*, *532*
Верне (Vernet), Орас (1789–1863), французький художник, майстер історичного живопису; з 1836 декілька разів приїжджав до Росії
«Розбійники» 78, *416*
Вечерський, В. В. *495*
Вєльтман, Алєксандр Фоміч (1800–1870), російський письменник, історик, археолог; помічник директора (з 1842), директор Московської збройної палати (1852–1870) *524*
«Достопамятности московского Кремля» 319, *579*
«Московская Оружейная палата» 161, *489*
Вєнєвітінов, Дмітрій Владіміровіч (1805–1827), російський поет і критик; один із головних організаторів і дописувачів «Московского вестника», фактичний керівник гуртка «любомудрів»
«Поэт» 271, *554*
Вєрєщагін, Василій Пєтровіч (не раніше 1819 – 1851), російський письменник; учитель історії та географії в Архангельську, з вересня 1848 гімназійний учитель у Петербурзі; дописував до «Звёздочки» 262, 265, 266, 269
«Первая поездка Петра Великого в Соловетский монастырь» 269, *554*
«Природа с её таинствами и богатствами» 265, 269, *552*
Виговський, Іван Євстафійович (?–1664), гетьман України (1657–1659) 104, 219
Вигура, Іван Мартиніанович (1819–1856), виконувач обов'язків ад'юнкта на катедрі російських державних законів юридичного факультету Університету св. Володимира (з 1847) 66, 155, *406*, *407*
Віардо, Л. *366*
Віноградов, І. А. *491*
Вісковатов, Алєксандр Васільєвіч (1804–1858), російський військовий історик
«Историческое описание одежды и вооружения российских войск» 15, *319*, *351*, *579*
Владислав IV (1595–1648), польський король (з 1632) 155, *427*, *443*, *485*
Вовк, Олена (бл. 1829 – ?), козачка з міст. Воронежа Чернігівської губ., Кулішева похресниця 134, 172, 260, 261, *466*, *467*
Вовк, мати О. Вовк 134, 172, *466*, *467*
Вовчок, Марко *396*, *410*
Возняк, М. С. *331*, *332*, *358*, *456*, *477*
Волконський, Ґрігорій Пєтровіч, князь (1800–1882), куратор Санкт-Петербурзької шкільної округи (1842–1845) 30, *369*
Володимир Великий, кн., св. 30, *357*, *416*, *439*, *489*, *536*
Вольтер (Voltaire; справжні ім'я та прізв. Марі Франсуа Аруе, Arouet; 1694–1778), французький письменник і філософ *477*
«Vie de Molière...» 275, *556*
Воронов, Андрєй Стєпановіч (1819–1875), російський освітній діяч; після закінчення Петербурзького університету вчитель у Пскові; інспектор 5-ї петербурзької гімназії (з верес. 1845), викладач російської мови у Петербурзькому університеті (з 1846); згодом урядовець Міністерства народної освіти 62, 293, *402*
Востоков, Алєксандр Хрістофоровіч (1781–1864), російський філолог-славіст; помічник хранителя (з 1815), хранитель рукописів у Імп. Публічній бібліотеці (1828–1844); ординарний акад. Відділу російської мови та словесности Імп. АН (1841), член і головний редактор Археографічної комісії (1839) 127, *413*, *462*
«Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек» (упор.) 318, *577*
Вуйціцький, К. В. *377*
Вязємська, В. Ф., кн. *546*

Вяземський, Пьотр Андрєєвіч, князь (1792–1878), російський поет і критик; ординарний акад. Відділу російської мови та словесности Імп. АН (1841) 91, *394*, *546*

Гайдн (Haydn), Франц Йозеф (1732–1809), австрійський композитор 268, *554*
Гайне (Heine), Гайнрих (1797–1856) 157
Галинський, Афанасій див. Авксентій, архімандрит
Ганка (Hanka), Вацлав (1791–1861), чеський філолог, поет, діяч національного відродження; хранитель Чеського музею 82, 161, 171, *419*, *439*, *458*, *489*, *493*
«Rukopis Královédvorský» 146, *477*
Гартенштейн див. Ґартенштайн
Гензельт (Henselt), Ґеорґ Мартін Адольф фон (*рос.* Адольф Львовіч; 1814–1889), німецький піяніст, педагог, композитор; з 1838 у Петербурзі; директор Петербурзької консерваторії (1887–1889) 268, *554*
Геродот (між 490 і 480 – бл. 425 до Р. Х.), давньогрецький історик 496
«Історія» 159, *487*
Гесс (Hess), Петер фон (1792–1871), німецький живописець; писав батальні картини на тему війни 1812 року
«Переход через Березину» 78, *416*
Гессе див. Гесс, П. фон
Гіклінґ, В. *565*
Гіпократ (460 – 377 рр. до Р. Х.) 212
Гладкий, Йосип Михайлович (1789–1866), кошовий отаман Задунайської Січі (з 1827), після повернення козаків у російське підданство (з 1828) наказний отаман Азовського війська 68, 149, 229, *408*
Глібовський, Іван Пантелеймонович, доглядач Луцького повітового дворянського училища (на початку 1840-х) 7, 8, *342*
Глушко, С. В. *332*
Гнатюк, В. Я. *367*
Гнідич, Микола Іванович (*рос.* Ніколай Івановіч Гнєдіч; 1784–1833), російський поет, драматург українського походження; перекладач «Іліяди»; працівник Імп. Публічної бібліотеки (1811–1831) 91
Гоголь, Микола Васильович (1809–1852), письменник; у 1836–1848 (з перервами) за кордоном 16, 24–28, 59, 64, 66, 67, 150, 153, 164, 223, 261, 284, 301, 302, *344*, *353*, *354*, *356*, *365*, *366*, *368*, *369*, *398*, *399*, *406*, *407*, *421*, *430*, *443*, *480*, *491*, *492*, *514*, *524*, *531*, *545*, *550*, *557*, *558*, *545*, *550*, *557*, *558*, *567*, *574*
«Арабески» 105, *406*, *444*
«Выбранные места из переписки с друзьями» 144, 150, 153, *476*, *480*, *524*
«Майская ночь, или Утопленница» 261
«Мёртвые души» 44, *367*, *383*, *491*
«Невский проспект» 25, *367*
«Нос» 25, *367*
«Ночь перед Рождеством» 255
«Портрет» 25, *367*
«Рим (отрывок)» 25, *367*
«Сочинения Николая Гоголя» 15, 16, 19, 24–28, 44, *351*, *353*, *355*, *367*, *384*
«Старосветские помещики» 24, 26, 28, *366*, *367*, *370*
«Тарас Бульба» 16, 24, 26, 28, 164, *353*, *354*, *366*, *399*
«Шинель» 25, 27, *367*
Гоголь, М. І. *332*
Головатий, Антон Андрійович (1732, за ін. відомост. 1744 – 1797), один із ініціяторів створення Чорноморського козацького війська замість Запорозької Січі; курінний отаман (з 1762), військовий писар (не раніше 1764), наказний отаман (1797) 95, *428*, *432*
Головацький, Я. Ф. *331*, *532*
Головінський, Г. *360*, *405*
Головінський (Hołowiński), Ігнаций (*рос.* Ігнатій Пєтровіч; 1807–1855), польський письменник, перекладач; римокатолицький єпископ (з 1848), митрополит (з 1851); професор римо-католицького богослів'я й капелан в Університеті св. Володимира (1837–1842); ректор римо-католицької духовної академії в Петербурзі (з 1842) 64, 140, 149, *358*, *405*, *406*, *471*
«Życie mojej matki» («Жизнь моей матери») 140, *451*, *471*, *503*
Гомер 16, 22, 28, 65, 67, 258, 260, *358*, *362*, *538*
«Іліяда» 16, 25
«Одисея» 24, 50, 172, 233, 238, 245, 248, 255–258, 260, 263, 264, 298, *340*, *499*, *538*, *545*, *551*, *552*, *561*, *565*, *582*
Гонорський, Р. Т. *462*
Горацій Фляк (Horatius Flaccus), Квінт (65–8 до Р. Х.), римський поет 157, *486*
Горбань, М. В. *448*
Горкуша, поміщик Переяславського повіту 137, 138
Горленко, П. І. *427*
Грабянка, Григорій Іванович (?–1738), козацький літописець
Літопис («Действія о презѣльной

брани») 87, 103, 105, 122, 142, 164, *380*, *426–428*, *437*, *438*, *443*, *499*
Гребінка, Євген Павлович (*рос.* Євгеній Павлович Гребьонка; 1812–1848), письменник; з 1834 у Петербурзі, з 1838 учитель словесности в 2-му кадетському корпусі та ін. закладах 103, 126, 127, *347*, *386*, *462*
Григорович, Василь Іванович (1786–1865), конференц-секретар Імп. АМ (1829–1859), викладав у ній теорію мистецтв (з 1830) 65, 91
Грінченко, Б. Д. *376*, *486*, *508*
Грушевська, К. М. *482*
Грушевський, М. С. *360*, *373*, *382*, *456*
Грушевський, О. С. *363*, *407*
Грушка, Є.-З. Л. *342*
Гудим-Левкович, І. Г. *481*
Гудим-Левкович (уродж. Простоквашина), К. В. *481*
Гудим-Левкович, Матвій Григорович, мешканець Чернігова 164, *481*, *492*
Гуков, Микола Семенович, відставний штабс-капітан у Глухові 149
Гуков, Семен, власник хутора біля міст. Воронежа Чернігівської губ. 172, *499*
Гулак, Микола Іванович (1821–1899), педагог, учений, перекладач; співзасновник Кирило-Методіївського братства; після закінчення Дерптського університету, перекладач-археограф Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (1846–1847); після арешту 1847 його на три роки ув'язнено в Шліссельбурзькій фортеці, відтак заслано до Пермі 60, 61, 74, 75, 139, 142, 143, *381*, *383*, *396*, *400*, *412*, *429*, *469*, *470*, *473*, *474*, *488*
Гулак-Артемовський, Петро Петрович (1790–1865), поет; ректор Харківського університету (1841–1849) 127, *454*, *462*
Гумілевський див. Філарет (Гумілевський), архієп.
Гус (Hus), Ян (1371–1415), чеський мислитель, діяч національно-визвольного руху 126, *422*, *461*
Гусаковський, мешканець міст. Воронежа Чернігівської губ. або його околиці 165
Гуфелянд (Hufeland), Кристоф Вільгельм (1762–1836), німецький лікар, практикував у Ваймарі, читав лекції в Єні, Берліні
«Enchiridion medicum, или Руководство к практической медицыне» 302, *568*
Гюго (Hugo), Віктор Марі (1802–1885), французький письменник 157, 158
Ґавріїл (до постригу Василій Фьодоровіч Розанов; 1781–1858), історик; єпископ (з 1828), архієпископ (з 1832/1833) Єкатеринославський, Херсонський і Таврійський; архієпископ Херсонський і Таврійський (з 1837), Тверський і Кашинський (1848–1857) *352*
«Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки Никиты Леонтьевича Коржа» (упор.) 16, 17, 22, *352*, *434*
Ґалаґан, Г. П. *331*
Ґартенштайн, купець у м. Бродах 161, *489*
Ґергард, В. *433*
Ґете (Goethe), Йоганн Вольфганг фон (1749–1832) 157, 158, 200, *486*, *526*
«Die Wahlverwandtschaften» («Оттилия») 223, *525*, *531*
Ґлінка (уродж. Ґолєніщева-Кутузова), Авдотья Павловна (1795–1880), російська письменниця; дружина Ф. Ґлінки (з 1831) 269
Ґлінка, Міхаїл Іванович (1804–1857), російський композитор 272
Ґлінка, Фьодор Ніколаєвіч (1786–1880), російський поет, прозаїк, публіцист; декабрист; у 1840–1850-х мешкав у Москві, у 1848 – першій пол. 1849 – у Петербурзі; понеділками влаштовував у себе літературні вечори 102, 266, 269, *436*, *574*
«Чёрный лебедь» 266, *553*,
Ґодунов, Боріс (1552–1605), московський цар (з 1598) 231, 235–239, 319, *526*, *530*, *533*, *535*, *536*, *538*, *561*, *578*
Ґолдсміт (Goldsmith), Олівер (1728–1774), англійський письменник *430*
«Vicar of Wakefield» («Вакфильдский священник») 144, 246, *430*, *475*, *504*
Ґоліков *585*
Ґолохвастов, Дмітрій Павловіч (1796–1849), помічник куратора (1831–1847), куратор Московської шкільної округи й Московського університету (1847–1849) 301, *505*, *543*, *568*
Ґондіус, В. *443*
Ґорбунов, власник будинку в Тулі, де мешкали Куліші 299
Ґрабовський (Grabowski), Міхал Йоахім Ян (псевд. Едвард Тарша; *укр.* Михайло Антонович; *рос.* Міхаїл Антоновіч; 1804–1863), польський письменник, критик, видавець історичних джерел; навчався в Уманській повітовій школі оо. Василіян, Ришельєвському ліцеї в Одесі (1818–1820); у 1830–1840-х пере-

важно мешкав у своєму маєтку в Олександрівці; у 1861–1863 на урядовій службі у Варшаві 19–22, 24–28, 34, 37, 46, 59, 64, 66, 67, 101, 102, 105, 106, 117, 139–141, 147, 148, 151, 154, *331*, *333*, *336*, *345*, *353*, 355–*363*, *365–368*, *372*, *378*, *379*, *385*, *386*, *388*, *393*, *399*, *404–407*, *412*, *436*, *447*, *450*, *451*, *470–472*, *478*, *483*
«Literatura i krytyka» 154, *404*, *472*, *483*
«Pan starosta Kaniowski» («Пан Канёвский») 46, *359*, *366*, *388*, *436*
Ґренберґ, Фьодор Хрістіановіч, знайомий Куліша в Каневі 149
Ґрефе (Gräfe), Кристіан Фридрих (*рос.* Фьодор Богдановіч; 1780–1851), німецький учений; професор грецької літератури Петербурзького університету; член-кореспонд. (1818), ординарний акад. з грецької та римської словесности (1820) Імп. АН 159
Ґрєч, Ніколай Івановіч (1787–1867), російський журналіст, філолог, педагог; редактор «Сына отечества» (1812–1839), співредактор «Северной пчелы» (1825–1860) 127, *462*
Ґрігоровіч, В. І. *413*
Ґрімаре, Ж. Л. *368*
Ґрондський (Grondski), Самуель (? – бл. 1672), польський хроніст, посол
«Historia belli Cosacco-Polonici» 104, 142, *442*, *493*, *499*
Ґрот, Константін Карловіч (1815–1897), російський державний діяч; Самарський губернатор (1853–1861); член Державної Ради (з 1870); брат Я. Ґрота 262, 269, 281, *402*, *557*
Ґрот, Р. К. *402*
Ґрот, Яков Карловіч (1812–1893), російський філолог, історик літератури; професор катедри російської мови й літератури Александрівського університету в Гельсинґфорсі (з 1840); член-кореспонд. Відділу російської мови та словесности (1852), ординарний акад. (1858), віце-президент (1889–1893) Імп. АН; близький друг П. Плєтньова; брат К. Ґрота 74, 133, 261, 262, 266, 267, 269, 281, *348–350*, *387*, *391*, *395*, *398*, *399*, *401*, *402*, *404*, *407*, *411–413*, *418*, *423–426*, *430*, *431*, *434–437*, *451–453*, *456*, *458*, *465*, *467*, *471*, *480*, *484*, *503*, *504*, *514*, *520*, *521*, *546*, *552*, *557*, *582*
«Литературные опыты Якова Грота» 267, *553*
«Очерки финляндских походов...» 266, *553*
«Переезды по Финляндии...» 265, *552*
Ґроціанські, сестри, знайомі О. Плєтньової 266, 268
Ґубкін, купець у Москві 15
Ґудзій, М. К. *334*
Ґумбольдт, Н. М. *582*
Ґусєв, А. П. *584*
Ґусєв, Пьотр Івановіч, поручик 1-го кадетського корпусу, з 1849 жандармський офіцер (капітан) у Тулі, згодом комендант Динабурзької фортеці; приятель Куліша 299, 315, *565–567*, *575*, *584*
Ґусєва, Є. *566*
Ґусєви, родина 299–301, *566*, *567*, *569*

Давид, цар 88, 172, *422*
Давиденко, Іван Кузьмович, на початку 1840-х скарбник в Луцькому повітовому суді 8, *343*
Давидов, Сєргей Івановіч (1790–1878), Мінський губернатор (1835–1838); у 1840-х куратор Київської шкільної округи; віце-президент Імп. АН (1852–1863) 16, *342*, *343*, *353*, *359*, *360*
Даїнко, П. *441*
Даль, В. І. *432*, *464*, *524*
Данилов, В. В. *332*, *341*, *372*, *474*, *543*, *574*
Данте Аліґ'єрі (Dante Alighieri; 1265–1321) 65, 67
«La Divina Commedia» («Божественная комедия») 110
Дарій, цар *529*
Дей, О. І. *410*, *491*, *410*
Де-Мельян, Л. *484*
Дельвіґ, Антон Антоновіч (1798–1831), російський поет, видавець; ліцейський друг Пушкіна 91, *554*
Дершау, Фьодор Карловіч (1821 [?] – бл. 1862), редактор-видавець «Финского вестника» (з 1848 – «Северное обозрение») 119, *453*
Дєржавін, Ґ. Р. *464*, *514*
Дзєдушицький, М. І. А. *534*
Дзира, Я. І. *403*, *448*
Дикенс (Dickens), Чарлз (1812–1870), англійський письменник 198, 228, 252, 290, *525*, *526*, *538*, *573*
«The Battle of Life» («Битва жизни») 176, *503*
«Dealing with the Firm of Dombey and Son...» («Домби и сын») 223, *531*, *538*
«The Haunted Man and the Ghost's Bargain» («Духовидец») 290, *560*
«Светлое Христово Воскресение» 252, *547*

Димковський, І. (І. Довготелесий) *347*
Дівович, Семен (роки нар. і см. невід.), письменник серед. XVIII ст.
«Разговор Великороссии с Малороссиею» 111, *448*
Дімітрій Донської, кн. *416*, *582*, *583*
Діттель, В. *488*
Добровський див. Дубровський П. П.
Довготелесий, І. див. Димковський, І.
Долгоруков, Н. А. *454*
Доленґа-Ходаковський (Dołęga-Chodakowski), Зоріан (справжні ім'я та прізв. Адам Чарноцький, Czarnocki; 1784–1825), польський фольклорист, етнограф 85, *425*
Домонтович, Ф. *427*
Дорошенко, Д. І. *382*
Дорошкевич, В. О. *334*
Дорошкевич, О. К. *332–335*, *349*, *387*, *391*, *435*, *469*, *470*, *473*, *475*, *480*, *501*, *508*, *515*, *560*, *586*
Драгоманов, М. П. *332*
Дроздовський, В. В. (В. Чорноморець) *371*
Дубельт, Леонтій Васильєвіч (1792–1862), начальник штабу Окремого корпусу жандармів (з 1835), керівник III відділу (1839–1856) 173–175, 181, 186–188, 191, 192, 194, 195, 203–209, 216, 218–221, 233–237, 239, 260, 262, 263, 284–287, 291, 297, 302, 306, 309–311, 316–318, 322, 323, *333*, *349*, *351*, *430*, *501–504*, *510*, *511*, *514*, *515*, *520–423*, *426*, *528–511*, *514*, *514*, *520–523*, *526*, *528*, *529*, *537–541*, *549*, *551*, *558–561*, *563*, *568*, *572*, *573*, *576*, *584*
Дубєнський, Дмітрій Нікітіч (?–1863), російський історик; магістр Московського університету; член Товариства історії та старожитностей російських (з 1840) *521*
«Русские достопамятности» (упор.) 319, *521*, *578*
Дубровський, Пьотр Павловіч (1813–1882), славіст; у 1840-х у Варшаві учитель російської мови, помічник начальника канцелярії цензурного комітету; член-кореспонд. московського Товариства історії та старожитностей російських (з 1840); член-кореспонд. Відділу російської мови та словесності (1853), ад'юнкт (1855), екстраординарний акад. (1858) Імп. АН *64*, 171, *405*, *498*
Дурова (у заміжжі Чернова), Надєжда Андрєєвна (1783–1866), учасниця воєн 1807–1814, дівчина-кавалерист, письменниця (літ. псевдонім «А. Александров») 222, *531*
Душан Стефан, цар *441*
Дьяконова, власниця будинку в Петербурзі, де мешкав Куліш 158–160, *486*

Ейнерлінґ, І. *383*
Елькан, [Алєксандр Львовіч (1786– 1868), театральний критик і перекладач] 155

Євгеній (до постригу Євфімій Алєксєєвіч Болховітінов; 1767–1837), митрополит Київський та Галицький (з 1822), історик, археограф 84
Євгеньєв-Максімов, В. Е. *453*
Єкатєріна II (1729–1796), російська імператриця (з 1762) 37, 91, 129, *463*, *481*
Єлізавєта Алєксєєвна, імп. *506*
Єрлич, Йоахим (1598 – після 1673), мемуарист, шляхтич, ворожо налаштований до повстання під проводом Б. Хмельницького 40, *481*
«Latopisiec, albo Kroniczka różnych spraw...» 38, 40, 142, 151, 162, 164, *377*, *473*, *481*
Єфремов, С. О. *332*

Ждановський, Ніколай, тульський знайомий Куліша 257, 258, *550*
Жевуський (Rzewuski), Генрік, граф (1791–1866), польський письменник і публіцист; маршалок житомирської шляхти (1841–1844); у 1844–1849 у Петербурзі 64, *406*
Желябужський, Іван Афанасьєвіч (1638 – після 1709), російський державний діяч, дипломат 320, *580*
Житецький, І. [Г.] П. *332*, *403*
Жовтобрюх, М. А. *460*
Жулкєвський (Żółkiewski), Станіслав (1547–1620), великий гетьман і канцлер коронний 318, *577*
Жуковський, Василій Андрєєвіч (1783–1852), російський поет, перекладач; з 1817 у Петербурзі, викладав російську мову великій княгині (згодом імператриці) Алєксандрі Фьодоровні; вихователь наслідника Алєксандра Ніколаєвіча (з 1826); з 1841 у Німеччині 50, 77, 80, 102, 109, 134, 145, 153, 154, 164, 172, 260, 266, 324, 327, *349*, *391*, *417*, *430*, *437*, *447*, *467*, *499*, *506*, *509*, *526*, *542*, *546*, *550*, *551*, *567*, *585*, *587*
«Новые стихотворения Жуковского» 293, *545*, *548*
«Одиссея» (пер.) 50, 172, 245, 248, 255–258, 260, 263, 264, *499*, *545*, *551*, *561*, *582*
«Рустем и Зораб» («Шах-Наме», пересп., фрагмент) 255, *548*
«Теон и Эсхин» 154, *484*

Журба, О. І. *352*, *360*
Журковський, Франц Осіповіч, наприкінці 1840-х лікар у Петропавлівській лікарні у Петербурзі, член-розпорядник Товариства відвідування бідних 262, *551*
Жучкін див. Саліщев-Жучкін, А. Я.

Забєлін, І. Є. *578*
Забіла, Віктор Миколайович (1808–1869), поет; навчався в Гімназії вищих наук кн. Безбородька у Ніжині (1822–1825; не закінчив), служив у війську (1825–1834), після виходу у відставку в чині поручика мешкав на своєму хуторі Забілівщині біля Борзни; дядько у перших по матері О. Куліш 35, 53, 147, *364*, *373*, *467*
Забіла, Микола Миколайович (? – після 1873), полковник, перший чоловік Надії Білозерської 189, 199, 210–213, 218, 221–223, 228, 288, 301, 312, 320, 322, 323, 326, *410*, *467*, *468*, *476*, *518*, *523*, *527*, *530*, *573*
Забіла (уродж. Білозерська), Надія Михайлівна (1826–1912), сестра О. Куліш 71, 135, 145, 189, 197–199, 210–213, 218, 221–225, 227–228, 232, 267, 283, 288, 290, 301, 307, 312, 320–323, 326, *396*, *410*, *467*, *468*, *476*, *479*, *480*, *489*, *506*, *511*, *512*, *517*, *518*, *523*, *527*, *529*, *530*, *532*, *534*, *537*, *554*, *560*, *566*, *567*, *571*, *573*, *581–584*, *586*
Забіла, О. М. див. Білозерська (Забіла), О. М.
Завадський, Адам (1814–1875), друкар і книгопродавець у Вільні 230
Загоскін, Міхаїл Ніколаєвіч (1789–1852), російський письменник-романіст; директор Московської збройної палати (1842–1852) 24, *398*
Зайцев, П. І. *332*
Закревський, В. О. *420*
Залізняк, Максим (поч. 1740-х – ?), ватажок гайдамацького повстання (1768) 97, *368*
Залєський (псевд. Вацлав з Олеська; Zaleski), Вацлав (1800–1849), польський фольклорист
«Pieśni polskie i ruskie...» 105 *418*, *444*
Занд (Sand), Жорж (справжні ім'я та прізв. Орор Дюпен, Dupin; 1804–1876), французька письменниця 28, 63, 141, 306, *472*
Зарульський, С. *438*, *532*
Захаркін, С. А. *333*, *334*
Зейп, тульський знайомий Куліша 277, 283
Зеновіч (Zenowicz), Стефан (*рос.* Стєпан Фьодоровіч; 1779–1856), з 1814 учитель хімії, мінералогії та геогнозії у Волинській гімназії (згодом – ліцей, м. Кременець); з 1834 ординарний професор хімії Університету св. Володимира, у 1837 декан II відділу філософського факультету, з 1839 у відставці; мешкав у Луцьку, Києві 8, *341*, *343*
Зелєнєцький, А. *574*
Земєнков, Б. С. *545*
Зигмунд III, кор. *533*, *577*
Зівопуня див. Акімов
Зубрицький, Денис Іванович (1777–1862), львівський історик; почесний член Товариства історії та старожитностей російських (з 1845) 162, *441*, *490*, *536*, *542*

Іван (Іоанн) IV Васільєвіч Ґрозний (1530–1584), московський цар (з 1547) 66, 205, 207, 217, *532*, *534*, *542*
Іван Підкова (?–1578), козацький ватажок; молдавський господар 95, *432*
Іванишев, Микола Дмитрович (1811–1874), професор права Університету св. Володимира (з 1840); діловод (1843–1859), головний редактор (1861–1863) Тимчасової комісії для розгляду давніх актів 91, *385*
«Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского...» (упор.) 91, 318, *577*
Іванишев, Осип Дмитрович, штатний доглядач Києво-Подільського повітового дворянського училища (1841–?); брат М. Іванишева 44, 46, 63, *385*
Іванов, Конкордій Міхайловіч, учитель російської мови в тульському Александрівському кадетському корпусі; випусник Московського університету 294, 295, *562*
Іванова, М. *533–535*
Іванова, Параскєвія, власниця будинку в Тулі, де мешкали Куліші 225, 227, *534*, *535*
Івановський, І. І. *407*
Івашків, В. М. *358*, *359*, *367*, *451*
Ігор Святославич, кн. *439*, *521*, *566*, *578*
Ізопольський (Izopolski), Еразм (бл. 1812 – після 1862), польський літератор і фольклорист; з 1841 у Білій Церкві римо-католицький вікарій, згодом священик 149, *361*
Ільєнков, П. А. *524*
Іоанн Васільєвіч див. Іван IV Васільєвіч Ґрозний, цар
Ірвінґ (Irving), Вошинґтон (1783–1859), американський письменник 81, *451*
Істап *529*
Ісус Навін *450*

Ісус Христос (Бого-Чоловік, Спаситель) 14, 270, *350*, *416*, *417*
«История русов, или Малой России» 10, 40, 66, 77, 78, 80, 143, 241, 247, *344*, *345*, *361*, *363*, *368*, *407*, *415*, *445*, *456*, *474*
Ішимова, Алєксандра Осіповна (1804–1881), російська дитяча письменниця; редактор-видавець дитячих журналів «Звёздочка» і «Лучи» 73, 91, 99–101, 106, 109, 118, 134, 144, 150, 151, 155, 174, 178, 180, 182, 185, 186, 189, 192, 194–196, 201, 203, 205, 216, 249, 250, 253–256, 248, 259, 261, 262, 265, 266, 268, 269, 273, 276, 303, 304, 324, 398, *407*, *410*, *434*, *435*, *447*, *453*, *464*, *466*, *509*, *514–516*, *519–521*, *526*, *530*, *551*, *553*, *569*, *573*, *584*, *585*
Ішимова, мати А. Ішимової 255, 259

Йоан, св. ап. *453*
Йоан Богослов, св. *417*
Йоан Хреститель *417*
Йордан, І. П. *439*
Йохер (Jocher), Адам (1791–1860), польський бібліограф, бібліотекар
«Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce...» 272, *555*

Казадаєв, Владімір Алєксандровіч, Тульський (1850), Костромський (1850–1853) воєнний губернатор 313, 314, 321, 322, *349*, *575*, *581–583*, *586*
Казимир див. Ян Казімєж, кор.
Калайдовіч, Константін Фьодоровіч (1792–1832), російський історик, археограф; член-кореспонд. Імп. АН (з 1825)
«Русские достопамятности» (упор.) 319, *578*
Калам див. Калям, А.
Калачов, Ніколай Васільєвіч (1819–1885), російський археограф, архівіст, сенатор; член-кореспонд. Історично-філологічного відділення (1858), ординарний акад. (1883) Імп. АН 319, *578*
Калям (Calame), Алєксандр (1810–1864), швейцарський живописець і графік, майстер альпійського гірського пейзажу; член Імп. АМ
«Каскад в швейцарській долині» («Швейцарські гори») 78, *416*
Каманін, І. М. *332*, *335*, *380*, *538*
Каменецький, Д. С. *331*
Кандиба, Ф. *456*
Капніст, Іван Васильович (1783–1865), Московський цивільний губернатор (1844–1855); син поета В. Капніста 295
Капніст, П. В. *334*
Капустянський, І. Н. *332*
Карабанов, Павєл Фьодоровіч (1767–1851), московський колекціонер старожитностей, монет, рукописів, ґравюр 319, *579*
Караваєв, Владімір Афанасьєвіч (1811–1892), хірург і офтальмолог; з 1841 професор Університету св. Володимира; декан медичного факультету (1843–1847); завідував хірургічною клінікою університету (з 1840) 52, *392*, *408*
Караджич (Караџић), Вук Стефанович (1787–1864), сербський філолог, історик, фольклорист і етнограф 162, *394*, *411*, *439*, *490*
«Српске народне пјесме» (упор.) 44, 74, *384*, *411*
«Српски рјечник» («Сербский словарь») 44, *384*
Карамзін, Ніколай Міхайловіч (1766–1826), російський письменник, історик *434*, *437*, *533*
«История государства Российского» 15, 44, 215, *351*, *383*, *384*, *525*, *526*
Карл XII, кор. *479*
Кармалеєв, Лев Семенович (?–1863[1]), статський радник, у 1850-х працівник комісаріятського департаменту Військового міністерства; родич Білозерських 173, 174, 190, 193, 197, 201, 218, 248–253, 255, 256, 258, 261–265, 269, 281, 283, *519*, *552*
Кармалеєв, Микола Львович, син Л. Кармалеєва 249, *552*
Кармалеєва, Надія, дочка Льва Кармалеєва 263, *552*
Кармалєєва (уродж. Нєручева), Наталія Алєксєєвна (? – після 1863), дружина Л. Кармалеєва 190, 193, 197, 201, 218, 248, 249, 261, 263–265, 272, 281, 282, *519*, *552*
Карпов, Ґ. Ф. *382*
Кастомаров див. Костомаров, М. І.
Кащенко, Василь, козак, мешканець міст. Воронежа Чернігівської губ. або його околиці 165
Квітка (уродж. Вульф), Ганна Григорівна (1800–1852), класна дама Харківського інститута шляхетних панянок; дружина Г. Квітки 62, *402*

[1] Рік смерти подано за листом Надії Кармалєєвої до Олександри Куліш (ЧЛМК. – Інв. № А–5866.

Квітка, Григорій Федорович (літ. псевдонім Грицько Основ'яненко; 1778–1843), письменник; один із ініціяторів видання альманахів «Утренняя звезда» (1833), «Молодик» (1843); дописував до «Современника» 12, 13, 62, 95, 105, 117, 123, 126, 127, 157, 300, *347*, *348*, *369*, *402*, *428*, *432*, *443*, *462*, *486*, *526*, *551*
«Малороссийские повести» 160, *487*
Кейкуатови *493*
Кеппен, П. І. *441*
Кетчер, Ніколай Хрістофоровіч (1806–1886), лікар, перекладач Шекспіра російською мовою; навчався в Московській медико-хірургічній академії; начальник Московського лікарського управління 44
«Шекспир» (пер.) 16, 17, 43, *351*, *354*, *383*
Кибальчич, Н. М. (Наталка Полтавка) *467*, *480*
Кирдан, Б. П. *562*
Кирилюк, Є. П. *332*, *333*
Китченко (Кітченко), Федір Андрійович (1811–1899)[1], літературний критик; викладач російської словесности і логіки у Чернігівській (1830–1832), Кам'янець-Подільській (1832–1835) та Новгород-Сіверській (1835–1843) гімназіях; інспектор Чернігівської гімназії (1843–1850); директор Житомирської гімназії, народних училищ Волинської губернії (у 1850–1860-х); співробітник Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1844) 117, 149, *473*
Кірєєвський, І. В. *345*, *415*
Кірєєвський, Пьор Васільєвіч (1808–1856), російський фольклорист, слов'янофіл; неофіційний редактор «Москвитянина» (1845, № 1–3)
«Русские народные песни» (упор.) 224, 226, *532*, *534*, *543*
Кістяківський, О. Ф. *331*, *353*
Кітченко див. Китченко, Ф. А.
Клепацький, П. Г. *382*
Клименова, власниця будинку в Києві, де мешкав Костомаров 160
Клодт фон Юргенсбург, Пьотр Карловіч, барон (1805–1867), російський скульптор; акад. Імп. АМ (1838), член-кореспонд. Французької АМ (1859)
«Приборкувачі коней» 65, *406*
Коженевський, В. *393*
Козакова *468*
Козакови, родина *581*
Козачковський, Андрій Осипович (1812–1889), лікар; з 1844 мешкав у Переяславі; приятель Шевченка та Бодянського 87, *428*
Козлов, Микола Іларіонович (1814–1889), професор медичного факультету Університету св. Володимира 52
Козловський О. *514*
Козодаєв див. Казадаєв, В. А.
Коломийцев, Филип Михайлович, у 1840-х завідувач друкарні Університету св. Володимира 15, 21, 30, 31, 79, *351*
Колосова, Г. І. *404*
Кольцов, Алєксєй Васільєвіч (1809–1842), російський поет
«Стихотворения Кольцова...» 161, *490*
Комаров, Матвєй (1730-ті – 1812), російський лубочний письменник; автор популярних романів «Ванька-Каин» і «Милорд Георг»
«Описание тринадцати старинных российских государей» 320, *580*
Кониський, Георгій (світське ім'я Григорій Осипович; 1717–1795), письменник, церковний і громадський діяч; професор (з 1745), ректор (1751–1755) Києво-Могилянської академії; єпископ (з 1755), архієпископ (з 1783) Могилівський і Білоруський; йому приписували авторство «Истории русов» 10, 40, 66, 77, 78, 80, 143, 247, *344*, *361*, *368*, *415*, *445*
Кониський, О. Я. *332*
Коньяр, віолончеліст 261
Копинський, І., митр. *481*
Копітар, Е. *384*
Коппі, К. *442*
Корабльов, Стєпан Пєтровіч, управитель книжковою крамницею «Москвитянина» 16, 17, 43, 44, *354*, *383*
Корде, Ш. *530*
Кордуба, М. *369*, *393*, *398*, *417*, *456*, *568*
Корж, Микита Леонтійович (бл. 1731 – 1835), запорожець, мешканець с. Михайлівки Єкатеринославського пов. 16, 17, 22, *352*, *434*
Корицька, поміщиця Зіньківського пов. Полтавської губ. 48, *389*
Корицький, сотн. *389*
Коробанов див. Карабанов, П. Ф.
Короваєв див. Караваєв, В. А.
Корсаков, П. А. *432*

[1] Роки життя подано за кн.: *Р. Кондратюк.* Некрополь старого Житомира: Біограф. довідник. – К., 2001. – С. 49.

Корсіні (уродж. Бистроглазова), Марія Антоновна (1815–1859), російська дитяча й підліткова письменниця, постійна авторка «Звёздочки»; учениця П. Плетньова з Єкатерининського інституту 266, *553*
«Семья асессорши» 267, 268, *553*
Корсун, Олександр Олексійович (1818–1891), поет; 1842 закінчив юридичний факультет Харківського університету; у 1847–1860 чиновник особливих доручень при Дербентському воєнному губернаторі 126
Корф, дружина Ф. Корфа 269
Корф, Модест Андрєєвіч, барон (з 1872 граф; 1800–1876), державний діяч, історик; член Державної Ради (з 1843), директор Імп. Публічної бібліотеки (1849–1861) 66, *407*
«История России от смерти Грозного до Петра» 66
Корф, Фьодор Фьодоровіч, барон (1803–1853), письменник, дипломат; редактор «Русского инвалида» (з другої пол. 1848) 225, 269, *533*
Косачевська, Є. М. *438*
Косов *420*
Коссовіч К. А. *452*
Костильова *518*
Костомаров І. П. *421*
Костомаров (Кастомаров), Микола Іванович (псевд. Ієремія Галка; 1817– 1885), історик, письменник, співзасновник Кирило-Методіївського братства; з серпня 1846 до арешту ад'юнкт на катедрі російської історії Університету св. Володимира, член-співробітник Тимчасової комісії для розгляду давніх актів; після річного ув'язнення (1847–1848) засланий до Саратова; з 1859 у Петербурзі 43, 45, 53, 55, 56, 61, 62, 68, 69, 73, 82–86, 88–92, 98, 103, 104, 107, 108, 111–115, 118, 122–126, 137, 142, 143, 147, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 165, 166, 168, 171, 172, 205, 217, 227, 231, 307, *337*, *340*, *341*, *345*, *349*, *352*, *363*, *371*, *381–386*, *390*, *393*, *394*, *398*, *401–403*, *408*, *418–422*, *425*, *426*, *428*, *429*, *433*, *437*, *442*, *447–449*, *457*, *459–461*, *469*, *474*, *477*, *478*, *484*, *487*, *489*, *490*, *493–496*, *499*, *501*, *527*, *530*, *537*
«Богдан Хмельницкий» 83, *420*
Костомарова (уродж. Мельник), Тетяна Петрівна (1798–1875), мати М. Костомарова 83, 217, *421*, *513*, *527*
Котляревський, Іван Петрович (1769–1838), поет 126, 220
«Енеїда» 126, 271, *461*, *486*, *487*, *528*, *555*
«Наталка Полтавка» 126, *461*
«Москаль-Чарівник» 126, *461*
Котошихін (Кошихін), Грігорій Карповіч (бл. 1630 – 1667), піддячий Посольського приказу, мемуарист
«О России в царствование Алексея Михайловича» 318, *577*
Коховський (Kochowski), Веспазіан Гієронім (1633–1700), польський поет, історик; посол сойму
«Annalium Poloniae» 104, *443*
Кочубей Василь Леонтійович (1640–1708), державний діяч 77, *415*
Кочубей, Олександр Васильович (1788–1866), сенатор, дійсний таємний радник, кавалер; член Державної Ради; покровитель Білозерських у Петербурзі 256, 258, 260, 262, 291, 292, 295, 299, *537*, *549*, *568*
Кочубей, Олена Василівна *549*
Кочубінський, А. А. *464*
Кошихін див. Котошихін, Г. К.
Крагельська (у першому заміжжі Кисіль, у другому – Костомарова), Аліна Леонтіївна (1830–1908), наречена Костомарова (зима 1846 – 1847), від 1875 його дружина 154, *403*, *484*, *494*, *530*
Краєвський, А. А. *414*
Красковський див. Юскевич-Красковський, І. Д.
Крашевський (Kraszewski), Юзеф Ігнаций (1812–1887), польський письменник; редактор журналу «Athenaeum» (1841–1852) 20, 140, 141, *331*, *355–358*, *361*, *366*, *368*, *386*, *406*, *472*
«Historia Sawki» («История Савки») 140, 141, *471*, *472*
«Ulana» («Ульяна») 141, *471*, *472*
Крашенніков, П. *552*
Крилов, Іван Андрєєвіч (1769, за ін. відомост. 1766 або 1768 – 1844), російський поет-байкар, журналіст; член Імп. АН (1811), ординарний акад. (1841); працівник Імп. Публічної бібліотеки (1812–1841) 154, 266, *477*, *484*, *512*
«Полное собрание сочинений...» 146, 153, *477*, *482*, *484*
Крип'якевич, І. П. *382*
Крисп, Г. С. *376*
Крівоногов, К. *466*
Крівоногова, Надєжда, небога А. Ішимової 131, 255, 259, 265, 266, *464*
Крівоногови *466*
Кронбергер *490*
Кронеберг, А. І. *504*, *531*, *550*
Крузенштерн, Ніколай Івановіч, генерал-лейтенант, воєнний губернатор Тульської (з осені 1847 до 1850), Орлов-

ської (1852–1854) губерній, воєнний губернатор Одеси (1854–1856) 180, 181, 186, 187, 192, 199, 200, 202–209, 214, 215, 219, 222, 234, 236, 244, 286, 302, 303, 309, *507*, *515*, *518*, *520–522*, *533*, *539*, *544*, *559*, *564*, *572*, *580*, *568*, *569*
Крутікова, Н. Є. *334*
Кузнєцов *505*, *544*
Кузьмич, Олександр Петрович (1806 – після лютого 1868), письменник; закінчив Харківський університет (1826), мешкав у Петербурзі 24, *365*, *465*
«Зиновий Богдан Хмельницкий» 132, *465*
«Казаки» 24, *365*
Куккук (Koekkoek), Баренд Корнеліс (1803–1862), голандський художник-пейзажист
«Ліс» 78, *416*
Кукольник, Н. В. *344*
Кулєш (Kulesz), М. *368*
Куліш, Григорій Миколайович, небіж Куліша 149, *537*, *564*
Куліш, Микола Олександрович, брат Куліша 165, *537*, *564*
Куліш, Олександр Андрійович (1781–1847), батько Куліша 90, 92, 134, 165, 235
Куліш (уродж. Білозерська), Олександра Михайлівна (1828–1911), письменниця (літ. псевдонім Ганна Барвінок), дружина Куліша (з січня 1847) 71, 134–136, 143–153, 155, 161, 166, 170, 172–177, 179–203, 205, 208–210, 212, 213, 215, 216, 219, 221–225, 228, 232–234, 236, 242–290, 292, 293, 295–301, 303, 304, 306–311, 314, 320–324, 326, 327, *335*, *340*, *344*, *367*, *370*, *371*, *373*, *380–382*, *388*, *396*, *397*, *403*, *420*, *422*, *449*, *464*, *466–468*, *474*, *476–481*, *485*, *487*, *488*, *490*, *491*, *497*, *499*, *500*, *502–506*, *508–514*, *516–519*, *523*, *525*, *527–530*, *532*, *534*, *537*, *544–557*, *560*, *561*, *563*, 565–*567*, *569–573*, *580–584*, 586
Куліш, Пантелеймон Олександрович
«Алексей Однорог» («Северяки», «Дружина Сіверяк») 217, 220, 222, 223, 235, 293, 296, 307, 308, 316–318, *524*, *527*, *561*, *562*, *571*, *576*
«Евгений Онегин нашего времени» 194, 195, 200, 225, *349*, *382*, *410*, *430*, *434*, *467*, *514–518*
«Искатели счастья» («Пётр Иванович Березин и его семейство...») 307, 308, 313, *571*, *572*
«Карманная книжка для помещиков...» 101, 106, 118, 173, *429*, *434*, *435*, *463*, *545*
«Коваль Захарко» 11, *346*, *386*
«Кочубей, генеральный судья» М. Сементовського (рец.) 77, *415*
«Михайло Чарнышенко...» 12, 13, 15, 18, 20, 23, 24, 29–31, 36, 39, 42, 43, 44, 50, 54, 71, 79, 116, *346–348*, *352*, *353*, *355*, *356*, *358*, *360*, *369*, *372*, *376*, *386*, *387*, *391*, *404*, *406*, *409*, *417*, *423*, *433*, *485*, *489*, *494*, *563*, *564*
«Объявление о составлении книги под заглавием: История малороссийских фамилий» 11, 14, *346*, *348*, *374*
«Огненный змей» 20, *341*, *493*
«Ольга Ивановна» 303, *581*
«Орися» 230, 231, *337*, *421*, *536*, *538*
«Очаковская беда» 116, *450*, *451*
«Повести П. Кулеша» 45, 49, *386*
«Повесть о Борисе Годунове и Димитрии Самозванце» («История Бориса Годунова и Димитрия Самозванца», «Московская трагедия») 222, 223, 225, 230, 231, 235–239, 293, *530*, *533*, *535*, *536*, *538*, *561*
«Повесть о старых временах и обычаях малороссийских» 31–34, *370*, *372*, *404*
«Повесть об украинском народе» 66, 83, 90, 93, 94, 106, 114, 133, 134, 144, 174, 175, *407*, *430*, *431*, *449*, *466*, *475*, *499*, *502*, *503*
«Поездка в Украину» 32, 34, *370*
«Путешествие по другому свету» (публ.) 110, 116, *447*
«Самое обыкновенное происшествие» 45, *370*
«Украинские народные предания» («Малороссийские предания, легенды, поверья и разные заметки, касающиеся местных примечательностей народного быта...») (упор.) 22, 23, 29, 32, 33, 41, 61, 94, 104, 105, 110, 112, 116–118, 152, 154, 164, 171, 202, 230, 293, 294, *337*, *362*, *391*, *408*, *421*, *450*, *451*, *485*, *493*, *512*, *536*
«Україна» («Украина») 20, 22–24, 26, 29–31, 33, 34, 39, 45, *337*, *353*, *358*, *362–370*, *372*, *381*, *389*, *485*, *503*, *564*, *564*, *570*
«Чорна рада» («Чёрная рада», «Сотник Шрамко и его сыновья») 17, 18, 21, 22, 31–33, 45–47, 49, 50, 54, 56, 59, 60, 62, 64, 66, 67, 70, 71, 75, 82–84, 94, 105, 107, 112, 116–118, 120, 122–124, 126, 128, 154, 164, 170, 171, 177, 178, 187–189, 195, *337–340*, *348*, *353*, *354*, *374*, *375*, *383*, *387*, *389*, *392*, *399–403*, *409*, *416–421*, *423*, *430*, *443*, *446*, *457*, *460*, *505*, *529*, *536*, *549*, *562*
Кульжинський, І. Г. *342*

Кульнєв, Яков Пєтровіч (1763–1812), генерал-майор, герой шведської (1808–1809) та російської (1812) воєн 266
Кунік, А. А. *424*
Кунктатор див. Фабій Максим Кунктатор, Квінт
Курбський, Андрєй Міхайловіч, князь (1528–1583), російський політичний і військовий діяч, письменник-публіцист; емігрував до Речі Посполитої (1564) 16, 205, 318, *351*, *352*, *577*
Куторга, Міхаїл Сємьоновіч (1809–1886), професор історії Петербурзького (1835–1869) та Московського (1869–1874) університетів; член-кореспонд. Історично-філологічного відділу Імп. АН (з 1848) 119, *424*
Куторга, С. С. *407*, *424*, *435*
Кучаєв, Міхаїл Ніколаєвіч (?–1893), таємний радник; навчався в Александрівському кадетському корпусі в Тулі; родич Плєтньова 218, 219, 245, 247–250, 255–257, *517*, *528*, *546*

Л., А. див. Лазаревський, О. М.
Лада-Заблоцький (Łada Zabłocki), Тадеуш (*білорус.* Тадеуш Лада-Заблоцкі; *рос.* Фаддей Ілларіоновіч; 1811–1847), польський поет білоруського походження, навчався в Московському університеті (з 1831), за належність до польського літературного товариства його виключили з університету (1833), 1838 заслали на Кавказ, де він помер 105–107, 111, 119, *389*, *446*, *498*
Лажечніков, І. І. *526*
Лазаревська, К. О. *389*
Лазаревський, О. М. (А. Л.) *373*, *388*, *389*, *427*
Лакієр, Алєксандр Борісовіч (1825–1870), юрист, письменник, історик; закінчив юридичний факультет Московського університету, з 1848 магістр; у 1850 в. о. начальника IV відділу департаменту Міністерства юстиції; чоловік О. Плєтньової (з 1851) 269, 281, *557*, *584*
Ламартін див. Лямартін, А. М. Л. де.
Ланге, ймовірно, викладач історії та географії у Києво-Подільському повітовому дворянському училищі 21
Ланський, Алєксандр Дмітровіч, граф (1754–1784), ад'ютант Єкатєріни II 91
Лашкарьов, Г. С. *343*
Левицький, І. С. (Іван Нечуй) *455*
Левицький, Симеон Стефанович див. Симеон, о.
Левицький, О. І. *382*, *578*
Левченко, М. З. *332*
Лєрмонтов, Міхаїл Юрьєвіч (1814–1841) 102
Лєщинський, Станіслав, кор. *479*
Лжедімітрій див. Отрєп'єв, Ґ. Б.
Лжедімітрій II *534*
Лизогуб, А. І. *493*
Линниченко, А. І. *406*
Липинський, В. К. *382*
Лінденберґ, В. *470*
Ліновський, Ярослав Альбєртовіч (1818–1846), вихованець Університету св. Володимира (вип. 1836), екстраординарний професор на катедрі сільського господарства Московського університету (з 1844); з походження поляк 118, *394*, *452*
Лісовський, А. Ю. *534*
Літке, Ф. П. *574*
Літов, Степан Іванович (?–1877), власник книжкового магазину в Києві (з 1830) 15, 23, 43
Лободовський, М. Ф. *333*
Лоренц, Фрідріх Карлович (1803–1861), професор Головного педагогічного інституту
«Руководство к всеобщей истории» 44, 307, 308, *384*, *571*
Лотоцький, О. Г. *332*
Лукашевич, Платон Якимович (1806–1887), фольклорист, етнограф; навчався в ніжинській Гімназії вищих наук кн. Безбородька, закінчив одеський Ришельєвський ліцей (1828) 107, *470*
«Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (упор.) 82, 105, *444*
Лукіянович, С. С. *408*
Лукомський, В. К. *375*
Луцький, Ю. О. *334*
Любі, Сергій Петрович, штатний доглядач Києво-Печерського повітового дворянського училища (у 1844) 149
Любомирський, кн. *406*
Лямартін (Lamartine), Альфонс Марі Люї де (1790–1869), французький поет і державний діяч
«Histoire de Charlotte Corday...» («Шарлотта Корде...») 222, *526*, *530*
Льонрот, Е. *412*

М., Н. див. Молчановський, Н. В.
Магомет 218
Мазепа, Іван Степанович (1639–1709), гетьман України (з 1687) 23, *362*, *364*, *450*
Макарій (до постригу Міхаїл Пєтровіч Булгаков; 1816–1882), історик церкви, богослов; з 1842 на катедрі богословія, у 1850–1857 ректор Петербурзької ду-

ховної академії; ординарний акад. Імп. АН (1854); митрополит Московський (з 1879)
«История христианства в России...» 161, *489*
Макаров, М. Я. *333*
Макаровський, Михайло Михайлович (1783–1846), поет; з 1818 викладав історію, географію, російську та латинську мови у Гадяцькому повітовому училищі, згодом доглядач у ньому 284
«Гарасько, або Талан і в неволі» 284, *558*
«Наталя, або Дві долі разом» 269, 271, 284, *554*, *555*
Максимович, Євгенія Павлівна, дочка П. Максимовича 155, *485*
Максимович, Михайло Олександрович (1804–1873), історик, філолог, фольклорист; ректор Університету св. Володимира (1834–1835), професор на кафедрі російської словесности (1834–1841, 1843–1845); дійсний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1843); перебуваючи у відставці, мешкав на хут. Михайловій Горі біля с. Прохорівки Київської губ. 7–8, 33, 82, 94, 104, 107, 127, 162, 295, 302, 307, 308, 313, *331*, *334*, *337*, *341*, *345*, *353*, *357*, *361*, *371*, *372*, *382*, *394*, *401*, *403*, *420*, *425*, *444*, *457*, *474*, *492*, *543*, *567*, *571*, *574*
«Малороссийские песни» (упор.) 82, 105
«Сборник украинских песен» (упор.) 308, 313, *562*, *571*, *574*
Максимович, Олександра Олександрівна, дружина П. Максимовича 155, 262, *485*, *551*
Максимович, Петро Дем'янович, протоієрей Києво-Подільської Успенської церкви, батько П. Максимовича 155, *485*
Максимович, Павло Петрович (1795–1888), письменник; таємний радник; закінчив Київську духовну академію і Петербурзький університет; інспектор Петербурзької шкільної округи; член Вченого комітету Міністерства освіти; автор хрестоматії для шкіл «Друг детей» (19 перевидань) 46, 105, 117, 132, 142, 146, 148, 155, 156, *387*, *484*, *485*, *552*
Малавський, Євген Касьянович, закінчив І відділ філософського факультету Університету св. Володимира (1844), учитель історії та географії в Рівненській гімназії (1844–1849), російської мови (з 1850 – не раніше 1857) у Подільській гімназії 59, 63, 229, *398*
Малєїн, А. І. *348*
Мамай, хан *416*, *582*
Мандзоні (Manzoni), Алессандро (1785–1873), італійський письменник 315
Манцоні див. Мандзоні, А.
Марія Богородиця (Мати Божа) *416*, *417*
Маркевич, Микола Андрійович (1804–1860), історик; вихованець Благородного пансіону при Петербурзькому університеті (1817–1820); мешкав у своєму маєтку в Турівці Прилуцького пов. Полтавської губ. 49, 87, *427*, *371*, *372*, *438*, *541*
«История Малороссии» 15, 17, 22–24, 103, 193, *351*, *355*
Маркович, Василь Васильович (1815–1865), у 1840-х переяславський лісничий; офіцер Лісового корпусу; згодом служив у с. Локітках біля Шостки; старший брат О. Марковича, батько письменника Дмитра Марковича 70, *408*
Маркович, М. О. див. Вовчок, Марко
Маркович, Опанас Васильович (1822–1867), фольклорист, етнограф; закінчив І відділ філософського факультету Університету св. Володимира (1846), після арешту в справі Кирило-Мефодіївського братства його вислано 1847 до Орла, де він працював молодшим помічником канцелярії губернатора; з 1861 на службі в Чернігові 57, 70–73, 76, 77, 84, 85, 162, *381*, *395*, *396*, *398*, *408–410*, *414*, *415*, *420*, *422*, *442*, *469*, *487*, *488*, *494*, *495*, *513*, *536*
Мартинов, Алєксєй Алєксєєвіч (1820–1895), московський археолог й історик мистецтва
«Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» 319, *579*
Марцінковська (Marcinkowska), київська знайома Куліша 232
Марцінковські, родина польського письменника, критика і фольклориста Антонія Марцінковського (1823–1880) у Києві 161, 199, 232, *488*
Матвей, св. ап. *397*, *417*, *542*
Мацейовський (Maciejowski), Вацлав Алєксандр (1793–1883), польський історик права і літератор; почесний член московського Товариства історії та старожитностей російських (з 1846) 170, 171, *497*, *501*
«Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku...» 17, *354*
Мезьєр, А. В. *372*
Местр (Maistre), Ксав'є де, граф (1763–1852), французький письменник; під

час французької революції емігрував до Росії, де був на військовій службі 324, *585*
Метелко, Ф. С. *441*
Метлинський, Амвросій Лук'янович (псевд. Амвросій Могила; 1814–1870), поет-романтик, фольклорист, видавець; ад'юнкт (1839–1850), професор (1854–1858) Харківського університету; професор на катедрі російської словесности Університету св. Володимира (1850–1854) 45, 49, 54, 62, 69, 73–75, 81, 83, 84, 104, 107, 108, 117, 125–128, 149, 164, 260, 271, 284, *337*, *341*, *345*, *385*, *394*, *401*, *402*, *443*, *458–462*, *492*, *551*, *554*, *558*
Мєжов, В. І. *579*
Мєншиков, А. Д., кн. *373*
Мєщерінов *544*
Мєщерські, князі 248
Мізко, Григорій Тимофійович (1782–1867), великий землевласник на Катеринославщині, уродженець Борзни; куратор у товаристві ізраїльських християн (1817–1833), відомий своєю доброчинною діяльністю для Церкви, статський радник 38, 52, 117, 306, *377*, *530*, *571*
Мізко, Н. див. Риндовська, Н.
Мізко, Т. *377*
Міклашевський, А. П. *505*
Мікуцький (Mikucki), Станіслав Ян Канти (*рос.* Станіслав Павлович; 1814–1890), польський філолог; працівник варшавської бібліотеки (1861–?); доцент на катедрі порівняльного мовознавства у Варшавському університеті (1873–1888) 169, 170, *496*, *497*
Міллер (Müller), Гергард Фридрих (*рос.* Фьодор Івановіч; 1705–1783), російський історик німецького походження; з 1725 в Росії; ад'юнкт (з 1725), конференц-секретар (1728–1730, 1754–1765) Імп. АН 229
Мілутіновіч Сарайлія (Милутиновић Сарајлија), Сіма (1791–1847), сербський поет, історик, фольклорист; вихователь чорногорського владики Петара II Нєгоша 116, *451*
Міхаїл Ніколаєвіч (1832–1909), великий князь, четвертий син Ніколая I 321, 322, *349*, *371*, *575*, *582*, *583*
Міхаїл Фьодоровіч (1596–1645), московський цар (з 1613), засновник династії Романових 318, *577*
Міхайлов, Ніколай Андрєєвіч, правитель канцелярії Тульського губернатора (1840-ві – не раніше 1855) 181–183, 208, 215, 286, *507*
Міхеєва, власниця будинку в Києві, де мешкав Куліш 13
Міцис, цар *376*
Міцкєвіч (Mickiewicz), Адам Бернард (1798–1855) 157, 158, 251, 273, 274, *363*, *380*, *430*, *451*, *510*, *548*, *555*, *556*
«Konrad Wallenrod» 252, *547*
«Sonety» («Сонети») 271, *555*
Міяковський, В. В. *332*, *360*, *373*, *392–394*, *396*, *400*, *404*, *408–410*, *412*, *414*, *419*, *422*, *428*, *448*, *449*, *465*, *477*, *484*, *485*, *493*, *496*, *498*
Могила, Петро Симеонович (1596/1597–1647), Київський митрополит (з 1633) 151, *481*
Могилянський, М. М. *332*, *333*, *538*
Модзалевський, В. Л. *350*, *375*, *389*, *456*
Мокрицький, А. М. *344*
Молчановський, Н. В. (Н. М.) *400*, *412*
Мольєр (Molière; справжні ім'я та прізв. Жан Батіст Поклєн, Poquelin; 1622–1673) 199, 228, 275, *368*, *517*, *525*, *526*, *556*
«Les Femmes Savantes» 275, *556*
Мордовець, Д. Л. (Д. Сліпченко-Мордовець) *331*, *446*, *447*
Морітц, Карл Фьодоровіч, наприкінці 1840-х лікар у тульському Александрівському кадетському корпусі 263, 276, *552*
Моцарт (Mozart), Вольфганг Амадей (1756–1791) 261, *551*
Муравйов, Міхаїл Нікітіч (1757–1807), письменник і державний діяч; вихователь дітей Єкатєріни II 102, *436*, *437*
Муравйов, Ніколай Ніколаєвіч, граф Амурський (з 1858) (1809–1881), Тульський воєнний губернатор (1846–1847), губернатор Східного Сибіру (1847–1861), член Державної Ради (з 1861) 178–182, 292, *506*
Мурзакевич, Микола Никифорович (1806–1883), історик та археолог; один із засновників Одеського товариства історії та старожитностей (1839), його секретар (1839–1875) і віце-президент (1875–1883) 153, *482*
Мурко, А. *441*
Мусін-Пушкін, Міхаїл Ніколаєвіч (1795–1862), куратор Казанської (1829–1845) та Петербурзької (1845–1856) шкільних округ 51, 53, 59, 79, 261, *398*, *411*, *417*, *538*, *546*, *551*
Муханов, Павєл Алєксандровіч (1798–1871), російський збирач і видавець історичних джерел
«Каталог исторических памятников» (упор.) 320, *580*
«Рукопись Жолкевского. (Начало и

успех Московской войны...)» (упор.) 318, *577*
«Сборник Муханова» (упор.) 320, *580*
«Указатель к сборнику» (укл.) 320, *580*
Мясоєдов *583*

Навроцький, О. О. *433*, *468*, *487*
Наливайко, С. *368*
Наполєон I (Napoléon) Бонапарт (1769–1821) 27, 88, *584*
Нарбут, Г. І. *375*
Наріжний, С. П. *427*
Населевець, Н. Д. *367*, *446*
Нахлік, Є. К. *335*, *349*, *364*, *367*
Недоборовський, З. Ф. *485*
Неофіт, Б. *440*
Неронов, мешканець Переяслава 38
Нестор (XI – поч. XII), давньоруський літописець 76, *368*, *414*
Нєкрасов, Н. А. *387*, *453*, *550*
Нєручев, Алєксєй Алєксєєвіч (1809–1853), полковник артилерії; брат Н. Кармалеєвої 272, 281, 282, 289, 290
Нєустроєв, А. Н. *579*
Нєчаєв, Іван Міхайловіч, власник будинку в Тулі, де мешкали Куліші 242, 257, 289
Нєчаєва, дружина І. Нєчаєва 242, 257
Нікітєнко, Алєксандр Васільєвіч (1804–1877), літературний критик, журналіст українського походження; викладач (з 1832), екстраординарний (з 1834), ординарний професор (1850–1864) на кафедрі російської словесности Петербурзького університету; петербурзький цензор (з 1833); член-кореспонд. Відділу російської мови та словесности (1853), ординарний акад. (1855) Імп. АН; номінальний редактор нєкрасовського «Современника» (1847) 63, 70, 81, 110, 115, 116, *370*, *395*, *404*, *417*, *418*, *424*, *443*, *447*, *453*, *543*
Ніколай I (1796–1855), російський імператор (з 1825) 120, 130, 164, 175, 177, 204, 234, 235, 266, 322, 326, *349*, *371*, *398*, *403*, *406*, *407*, *426*, *452*, *503–505*, *520*, *543*, *547*, *559*, *575*, *582*, *583*,
Ніколай Ніколаєвіч (1831–1891), великий князь, третій син імп. Ніколая I 321, 322, *349*, *371*, *575*, *582*, *583*
Ніс, С. Д. *331*
Ністрем, К. *397*
Новицький, М. М. *363*, *365*, *375*, *376*, *384*, *420*, *432*
Новицький, Орест Маркович (1806–1884), професор психології та філософії Університету св. Володимира (1834–1850), київський цензор (1837–1869) 91, *372*, *386*
Новіков, Ніколай Івановіч (1744–1818), російський просвітитель, письменник-сатирик, журналіст *505*, *579*
«Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» (упор.) 223, 225, 229, 319, *531–532*
Нордстрем, Анна Хрістіановна, дружина І. Нордстрема 261, 266, 268, *551*, *553*, *554*
Нордстрем, Іван Андрєєвіч (Йоган Фридрих фон Нордштрем; 1814–1878), надвірний радник, урядовець III відділу 253, 261, 262, 266, 299, 324, 325, *553*
Нордстрем, М. І. *553*
Нордстрем, О. І. *553*
Нордстрем, Хрістіан Андрєєвіч (Хрістіан фон Нордштрем; 1817–1885), лікар, у 1840–1850-х петербурзький знайомий Куліша й П. Плєтньова, згодом власник популярної водолічниці біля Дубельна в Ліфляндії 101, 256, 259, 262, 266, *436*, *514*
Нордстрем, Х. І. *553*
Нордстреми, родина *565*
Норов, В. А. 307, *571*

О., П. В., генерал-лейтенант (особу не встановлено) 14
Обер, Д. Ф. Е. *476*
Оболєнський, М. А., кн. *543*
Овербек (Overbeck), Йоганн Фридрих (1789–1869), німецький живописець 102
Огій, пророк *416*
Огоновський, О. М. *477*
Огорєнко, доглядач лікарні в Тулі 203, *518*, *520*
Одоєвський, Владімір Фьодоровіч, князь (1804–1869), російський письменник, літературний критик, журналіст і суспільний діяч; помічник директора Імп. Публічної бібліотеки (з 1846), директор Румянцевського музею (1846–1861); редактор «Сельского чтения» (1843–1848) 91, *370*
Окольський, Симон (1530–1653), отець-домініканин, польський історик
«Dyaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem...» 40, *379*
Олександр, о. (до постригу Олександр Федорович Андрієвський), священик, у 1840-х учитель Закону Божого в Канівському повітовому дворянському училищі; батько Олексія та Митрофана Андрієвських 118, 121, *455*
Олєзар див. Олізар, Н.

Олізар, Г. *342*
Олізар (Olizar), Нарциз (1794–1864), польський магнат, публіцист; учасник листопадового повстання (1831), діяч польської еміграції у Франції 7, *342*
Ольхін, М. Д. *376*
Орлик, Пилип Степанович (1672–1742), гетьман України на еміграції (з 1710) 35, 42, 92, 135, 142, 148, 151, *468*, *479*
Орлов, Алєксєй Фьодоровіч, граф (1825; з 1857 князь) (1786–1861), генерал-ад'ютант, шеф жандармів і начальник III відділу імператорської канцелярії (з 1844); член Державної Ради (з 1836), голова Державної Ради та Комітету міністрів (з 1856); керував слідством і розправою над учасниками Кирило-Методіївського братства 174, 176, 177, 192, 194, 206, 207, 216, 219, 220, 233–237, 239, 244, 255, 256, 260, 262, 263, 284, 285, 287, 288, 291, 297, 299, 302, 307, 310, 311, 316, 317, 322, *349*, *500*, *504*, *505*, *511*, *515*, *516*, *518*, *520*, *524*, *537–540*, *543*, *544*, *549–551*, *554*, *558–560*, *563*, *568*, *571–573*, *586*
Основ'яненко див. Квітка, Г. Ф.
Остроглазов, І. М. *473*, *541*, *579*
Острозька, А.-А., кн. *495*
Острозький, Василь-Костянтин Костянтинович, князь (1526–1608) 167, *495*
Острозькі, рід *495*
Остряниця (Острянин), Яків (?–1641), ватажок козацького повстання (1638) 20, 52, *358*, *393*
Отрепьєв, Ґрігорій Богдановіч, імовірно, Лжедімітрій I (?–1606), московський цар-самозванець (з 1605), оголосив себе сином Івана IV Грозного 15, 214, 217, 222, 230, 231, 235–239, *351*, *525*, *527*, *530*, *533*, *535*, *536*, *538*, *561*, *580*
Очкін, Пьотр Ніколаєвіч (1806–1884), помічник головного директора і голова урядової комісії фінансів та казначейства у Царстві Польському (з 1845); з 1878 у відставці в чині статського радника; брат петербурзького цензора (1841–1848) Амплія Очкіна 151, 152, 171, *497*

Павлик, М. І. *331*, *363*
Павло, св. ап. 79, *417*, *474*
Павлов, Платон Васільєвіч (1823–1895), історик і громадський діяч; ад'юнкт на катедрі російської історії (з 1847), ординарний професор (з 1852) Університету св. Володимира; один із організаторів перших недільних шкіл у Києві (1859), професор Петербурзького університету (1861–1862)
«Об историческом значении царствования Бориса Годунова» 319, *578*
Павловський, І. Ф. *558*, *570*, *575*
Павлушков, М. П. *506*, *522*, *537*, *539*, *544*, *556*, *559*, *561*, *563*, *564*, *568*, *572*, *580*, *586*
Павлюк (Бут), Пало Міхнович (?–1638), гетьман нереєстрового козацтва, ватажок козацького повстання (1637) 40
Палацький, Ф. *439*
Паліїха, Феодосія, дружина С. Палія 47, *388*, *389*
Палій, Семен (справжнє прізв. Гурко; 1640–1710), фастівський (білоцерківський) полковник; ватажок козацького повстання (1702) 115, *362*, *364*, *388*, *389*, *450*
Паліцин, Аврамій див. Аврамій
Пальчевський, Іван Филипович, на поч. 1840-х учитель історії та географії в Луцькому дворянському повітовому училищі 7, *342*
Пальчовський (Palczowski), Кшиштоф (бл. 1568 – 1627), писар освєнцімський «O kozakach, jesli ich znieść czy nie» («О козаках, должно ли их истребить или нет») 40, *379*
Панаєв, І. І. *387*, *453*
Панаєва, А. Я. *550*
Панов, В. А. *394*
Панченко, В. Є. *353*
Пасєцький, В. М. *513*
Пассовер *531*
Пасторій (Pastorius; справжнє прізв. Гіртенберґ, Hirtenberg), Йоахім (1611—1682), польський історик, поет, педагог «Bellum Scythico-Cosacicum...» 104, *442*
Пасек (Pasek), Ян Хризостом (бл. 1636 – 1701), польський мемуарист, жовнір «Pamiętniki» 27, *368*
Паскєвіч, І. Ф., кн. *500*
Паулі, Ж. І. *418*
Пашков *466*
Педерсон див. Петерсон, К. А.
Пелліко (Pellico), Сільвіо (1789–1854), італійський письменник, публіцист; 1820 арештований за належність до революційної організації карбонаріїв, провів 10 років в ув'язненні
«Le mie prigioni» («Темничные сиденья», «Мои темницы») 295, 296, 298, *562*
«Opere Complete di Silvio Pellico da Salluzzo» 314
Перікл (бл. 490 – 429 до Р. Х.), давньогрецький державний діяч 88
Перлштейн, А. Я. *521*
Петерсон, Карл Алєксандровіч (1811–1890), службовець канцелярії Кабінету

міністрів (з 1832), у 1850-х помічник наглядача студентів Московського університету – вихідців із Кавказу, з 1863 у відставці в чині дійсного статського радника; дописував до плєтньовського «Современника» і «Звёздочки» 265, *552*
Петров, В. П. *332*, *334*, *344*, *381*
Петров, М. І. *448*
Петровський, М. Н. *382*, *456*
Пєтров *423*
Пєтров, власник будинку у Тулі, де мешкали Куліші 313, 315
Пєтров, А. М. *433*, *469*
Пжездзєцький, А. *360*
Пжецлавський (Przecławski), Юзеф Емануель (псевд. Cyprynus; *рос.*: Осіп Антоновіч; 1799–1879), видавець «Tygodnika Petersburskiego», мемуарист 64, *406*
Пильчиков, Д. П. *414*
Пілат, Понтій *350*
Пінчук, Ю. А. *426*
Пірожкова, Т. Ф. *394*, *430*
Пісарєв, Ніколай Еварєстовіч (1805–1884), управитель канцелярії Київського воєнного губернатора, Волинського і Подільського генерал-губернатора (1838–1848), голова Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (1843–1848), Олонецький губернатор (1848–1851) 29, 84, 137, 292, *345*, *352*, *402*, *561*, *573*
Плаха, Степан див. Палій, Семен
Плєтньов, Пьотр Алєксандровіч (1792–1865), ординарний професор на катедрі російської словесности (з 1832), ректор (1840–1861) Петербурзького університету; ординарний акад. Відділу російської мови та словесности Імп. АН (1841); редактор-видавець «Современника» (1838–1846); з 1828 викладав словесність наслідникy Алєксандру Ніколаєвічу та його сестрам; друг Пушкіна, Жуковського, Гоголя 13, 46, 49–53, 55–57, 59, 60, 63, 64, 69–73, 75, 79–80, 86, 91–93, 98, 101–103, 105, 106, 109, 113, 114, 118–120, 123, 129–139, 142, 144–146, 150–155, 160–164, 166–170, 173–176, 178, 180–182, 184–186, 188, 189, 191–195, 200–201, 203–206, 208, 209, 215, 216, 231, 249, 259, 261–263, 265–269, 271, 290, 291, 304, 324, 325, 327, *333*, *334*, *336*, *348–350*, *359*, *367*, *382*, *386*, *387*, *391–393*, *395*, *396*, *398–402*, *405*, *409–414*, *417*, *418*, *423–426*, *430*, *431*, *433–438*, *444*, *446–449*, *451–454*, *456–458*, *463*, *465–469*, *471*, *473*, *475–478*, *480*, *482*, *484*, *487*, *488*, *491*, *494*, *495*, *497*, *499*, *500*, *502–505*, *507*, *509–511*, *513–522*, *525*, *526*, *528*, *534*, *546*, *549*, *552–554*, *557*, *560*, *567–569*, *582*, *585*, *587*
Плєтньова (уродж. Щетініна), Алєксандра Васільєвна, княжна (1826–1901), друга дружина Плєтньова (з 26.I 1849) 256, 261, 262, 266, 268, 271, *546*, *549*, *554*, *569*
Плєтньова (у заміжжі Лакієр, з 1851), Ольга Пєтровна (1830–1852), дочка П. Плєтньова від першого шлюбу 91, 144, 150, 151, 155, 173, 178, 180, 182, 185, 186, 189, 192, 194, 195, 201, 203, 205, 216, 226, 249, 256, 259, 261, 262, 265, 266, 268, 269, 281, 304, *435*, *475–477*, *509*, *514*, *515*, *519–521*, *526*, *530*, *554*, *557*, *569*, *584*, *585*
Плєтньова (Раєвська), С. А. *546*
Плєтньови, родина 215, *436*
Плиска, Максим Никифорович, ієромонах Фролівського монастиря в Києві (друга пол. XVIII ст.) 87, 103, 104, *426*, *427*, *438*
Побєдоносцев, С. П. *436*
Погодін, Міхаїл Пєтровіч (1800–1875), російський історик, журналіст; редактор-видавець «Москвитянина» (1841–1856); професор Московського університету (з 1833); секретар Товариства історії та старожитностей російських (1836–1838, 1839–1845); член-кореспонд. (1826), ординарний акад. Відділу російської мови та словесности (1841) Імп. АН 12–18, 21–24, 31, 33–34, 43, 58–60, 66, 67, 71, 77, 78, 80, 81, 87, 124, 128, 129, 132, 138, 211, 214, 215, 217, 235, 236, 241, 313, 319, *345–347*, *350*, *354*, *355*, *361*, *365*, *369*, *370*, *371*, *382*, *383*, *397*, *399*, *400*, *407*, *409*, *415–419*, *424*, *459*, *461–465*, *470*, *489*, *498*, *516*, *523*, *524*, *539*, *543*, *567*, *574*, *578*
Погодіна, Є. В. *397*
«Подарок на Новый Год. Из записок бедного Вильчерского священника» 176, *503*
Подбереський див. Подбереський-Друцький, Р.
Подбереський-Друцький (Podbereskyj-Drucki), Ромуальд (*білорус.* Рамуальд Падбяреський-Друцький; *рос.* Ромуальд Андрєєвіч; 1812 або 1813 – 1856), польський та білоруський перекладач, публіцист, видавець; у 1840-х мешкав у Петербурзі, де видав 3 томи «Roczника Literackiego» (4-й том вийшов 1849 у Вільні); у 1851 його арештували і заслали до Архангельська 45, *356*, *358*, *386*
Покорська 47, *389*

Покорські, рід *389*
Покорські-Жоравки, рід *389*
Полєвой, Ніколай Алєксєєвіч (1796–1846), російський письменник, критик, журналіст, історик; редактор-видавець «Московского телеграфа» (1825–1834); з 1837 у Петербурзі, фактичний редактор «Сына отечества» (1838–1840), редактор «Русского вестника» (1841–1844), «Литературной газеты» (1846) 63
«История русского народа» 44, 223, *384*
Полєнов, Алєксєй Яковіч (1738–1816), російський юрист, історик, перекладач; служив у Петербурзькій АН, Сенаті, комісії для складання законів Російської імперії
«Русская летопись по Никонову списку» (упор.) 223, 225, 319, *572*, *579*
Полівка, Ї. *419*
Половцов, Віктор Андрєєвіч (1803–1866), генерал-майор; наприкінці 1840-х – на початку 1850-х полковник штабу головного начальника військово-навчальних закладів; діяч жіночої освіти 197, *517*
Полонська, Н. Є. *414*, *493*
Полотай, А. М. *428*
Полтавка, Наталка див. Кибальчич, Н. М.
Полуботок, П. *374*, *383*
Пономарьов, С. І. *382*
Попельницький, О. З. *391*
Попов, А. Н. *393*
Попов, Алєксандр Ніколаєвіч (1820–1877), російський історик, слов'янофіл; член-кореспонд. Імп. АН (1873)
«Дворцовые разряды...» (упор.) 318, *578*
Попов, Міхаїл Максімовіч (1801–1871), педагог; викладач історії в Пензенській гімназії (учитель В. Бєлінського); з 1830-х працівник III відділу: у 1840-х старший чиновник, у другій пол. 1850-х чиновник особливих доручень 252, 261, 322, *548*
Посяда, І. Я. *442*
Потоцький, Й. *479*
Потьомкін, Ґрігорій Алєксандровіч, князь (1739–1791), державний діяч 116, *450*, *451*
Похила, Л. С. *363*
Прац, Е. *577*
Прейс, Пьотр Івановіч (1810–1846), російський славіст; професор на катедрі слов'янських наріч Петербурзького університету (з 1843); у 1839–1842 перебував у науковому відрядженні за кордоном задля вивчення слов'янських мов та літератур 75, 82, 85, 114, 119, 159, *413*, *419*, *425*, *446*, *454*, *459*, *486*
Прескот (Prescott), Вільям Гіклінг (1796–1856), американський історик
«History of the conquest of Peru» («История завоевания Перу») 299, *565*
Прокопович, М. Я. *491*
Простоквашин, Василь, у другій пол. XVIII ст. директор Шосткинського порохового заводу, комендант Глухова 151, *481*
Простоквашина, К. В. див. Гудим-Левкович (Простоквашина), К. В.
Птолемей Клавдій (бл. 100 – бл. 147, за ін. відом. 178), грецький астроном, математик 159
Пушкарьов, [Іван Петрович, лікар-психіатр], петербурзький знайомий Кулішів 249
Пушкін, Алєксандр Сєргєєвіч (1799–1837) 46, 64, 77, 91, 95, 96, 153, 157, 164, 179, 228, 266, *349*, *364*, *366*, *387*, *391*, *404*, *417*, *430*, *432–434*, *437*, *458*, *464*, *468*, *478*, *483*, *486*, *492*, *499*, *501*, *507*, *508*, *512*, *515*, *519*, *526*, *531*, *550*, *554*, *560*, *574*
«Евгений Онегин» 271, *349*, *464*, *515*, *524*, *554*, *555*
«Сочинения Александра Пушкина» 15, 44, *351*, *384*
«Цыганы» 271, *548*
Пущін, Н. І. *549*
Пущіна, Варвара Ніколаєвна, мати А. Плєтньової 256, *546*, *549*
Пшеславський див. Пжецлавський Ю. Е.
Пьотр I Великий (1672–1725), російський цар (з 1686) 34, 37, 66, 89, 115, 187, 189, *351*, *373*, *374*, *501*, *526*, *532*, *554*, *578*

Раєвська, С. А. див. Плєтньова (Раєвська), С. А.
Райф (Reiff), Карл Филип (*рос.* Філіпп Івановіч; 1792–1872), лексикограф родом зі Швейцарії; довго мешкав у Петербурзі, викладав мови 247, 260, 314, *545*
Ракушка-Романовський, Роман (1623–1703), генеральний підскарбій 121, 122, *429*, *456*
«Літопис Самовидця» 66, 78, 83, 87, 90, 93, 103, 107, 110, 117, 155, *353*, *403*, *408*, *415*, *416*, *421*, *422*, *429*, *437*, *445*, *448*, *452*, *453*, *455*, *456*, *463*, *485*
Раупах, К. *470*
Рачинський, Е., гр. *368*, *439*
Рейф див. Райф, К. Ф.

Рєпнін, В. М. *488*
Рєпнін, М. Г., кн. *363*, *488*
Рєпніна, Варвара Миколаївна, княжна (1808–1891), письменниця; близький друг Шевченка 161, *376*, *487*, *488*
Рєпніна (Балабіна), Є. П. *488*
Рєпніни, родина *488*
Ржевуський див. Жевуський, Г.
Риндовська (Мізко), Н. *377*
Риндовський, Федір Семенович (? – після 1874), борзнянський повітовий лікар, син священика з Борзни 38, *377*
Ріґельман, Микола Аркадійович (1817–1888), археограф, письменник; вихованець Московського університету; у 1843–1845 за кордоном; працівник канцелярії Київського генерал-губернатора (1846–1848); дійсний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1848); директор 2-ї київської гімназії (1850–1854); проходив по справі кирило-методіївців, перебував під поліційним наглядом (до 1850) 132, 142, 161, 162, *340*, *383*, *394*, *419*, *489*, *490*, *498*
Ріґельман, Олександр Іванович (1720–1789), історик, військовий інженер, генерал-майор російської армії; у 1741–1743 служив на Запорожжі (займався розмежуванням земель); збирав матеріяли до історії українського козацтва 142, 229, *492*, *473*
Рісс, Франц Ніколаєвіч (1804–1886), художник (портретист і баталіст); художню освіту здобув у Парижі; акад. Імп. АМ (1846)
Ескізи для Ісакієвського собору 79, *416*
Родзянко, А. Г. *470*
Розанов, Василій див. Ґаврііл, архієпископ
Розенберґ, доглядач на поштовій станції у Москві 247
Розковшенко, Іван Васильович (1809–1889), письменник; один із видавців «Украинского альманаха» (1831); помічник редактора «Журнала Министерства народного просвещения» (1837–1839); інспектор Тифліської гімназії (1839–1848); директор училищ Подільської губ. (1848–1853), Рівненської гімназії (1853–1855); цензор (з 1859), голова (1866–1879) Московського цензурного комітету 105, 107, 148
Розумовський, Кирило Григорович, граф (1728–1803) гетьман України (1750–1764) 151, *383*
Рождествєнський, Ніколай Фьодоровіч (1800–1872), викладач філософії (1823–1832) і цивільного права (1839–1852; з 1842 екстраординарний професор) Петербурзького університету 159
Романови, царська династія 533
Романовський, В. О. *456*
Романовський див. Ракушка-Романовський, Р.
Рудавський (Rudawski), Вавжинєц Ян (1617–1674), польський історик, канонік вармінський і оломунецький
«Historiarum Poloniae...» 104, *443*
Руданський, С. В. *470*
Рудовський див. Рудавський, В. Я.
Рулін, П. І. *332*, *545*
Русо (Rousseau), Жан-Жак (1712–1778), французький письменник і філософ 194, 199, 201, 221, 228, *525*
«Emile, ou De l'éducation» 221, *526*, *529*
Рюкерт, Ф. *548*
Рябцов *556*

С-ко, Н. В. див. Стороженко, М. В.
Саблукова *567*
Савич, М. І. *469*
Савич, Олексій Миколайович (1811–1883), професор (з 1839) на катедрі астрономії Петербурзького університету; член-кореспонд. Відділу фізико-математичних наук (1852), ординарний акад. (1868) Імп. АН 155, 266, *485*, *553*
Савченко, Ф. Я. *332*, *345–347*, *350*, *354*, *361*, *365*, *370*, *371*, *397*, *399*, *409*, *415*, *417*, *428*, *459*, *461–463*, *507*, *523*, *524*, *539*, *544*, *549*, *567*, *571*, *576*
Сагайдачний (Конашевич-Сагайдачний), Петро (?–1622), гетьман українських козаків 49, 115, *391*
Салимін див. Соломон, цар
Саліщев-Жучкін, Авєнір Яковіч, зброяр; власник будинку в Тулі, де мешкали Куліші 179, 180, 183, 184, 186, 215, 216, 286, *512*, *517*
Саллюстій Крисп (Sallustius Crispus), Ґай (86–35 до Р. Х.), римський історик 37, *376*
Самко див. Сомко, Я. С.
Самойлов, С. Н. *422*, *470*
Самчевський, І. О. *383*, *427*
Санд, Жорж див. Занд, Жорж
Сахаров, Іван Пєтровіч (1807–1863), російський фольклорист, етнограф, палеограф; закінчив медичний факультет Московського університету (1835); член-кореспонд. Імп. АН (з 1854) *345*
«Путешествия русских людей в чужие земли» (упор.) 320, *580*
«Сказания русского народа» (упор.) 217, 220, 319, *527*, *528*, *578*

Свідзінський (Świdziński), Константий (1793–1855), польський поміщик, із 1833 жив у м. Ходоркові, з 1850 у Києві; власник однієї з найбільших в Україні колекцій польських рукописів, стародруків, монет, картин; почесний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1843) 38, 40, 142, 162, 170, *340*, *343*, *360*, *367*, *368*, *406*, *473*, *490*, *497*, *578*
Селецький, П. Д. *488*
Семен, А. *577*, *578*
Сементовський, Костянтин Максимович (1823–1902), етнограф, збирач фольклору; у 1840-ві приятель Срезневського, Метлинського, Костомарова, служив у Харкові; з 1847 старший чиновник особливих доручень при Орловському губернаторі, з 1849 правитель канцелярії Таганроського градоначальника, з 1855 на службі в Петербурзі 81, *394*, *418*, *419*, *495*
Сементовський, Микола Максимович (1819–1879), історик, письменник; брат К. Сементовського *418*
«Кочубей, генеральный судья» 77, *415*
Сементовський О. М. *418*
Сенчило-Стефановський, Олекса Фролович (1808–1866), учитель малювання в Києво-Подільському повітовому дворянському училищі, інституті шляхетних панянок 44, 45, *364*, *384*, *385*
Сенковський (Sękowski), Юзеф Юліан (псевд. Барон Брамбеус; *рос.* Осіп Іванович Сєнковський; 1800–1858), журналіст; редактор журналу «Библиотека для чтения»; з 1822 ординарний професор на катедрі арабської словесности Петербурзького університету 18, 63, 140, 159, *355*
«О происхождении имени Руссов» 159, *486*
«Collectanea z dziejopisów tureckich...» (упор.) 220, *529*
Сербин, І. *482*
Сервантес Сааведра (Servantes Saavedra), Мігель де (1547–1616)
«El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha» («Дон Кихот») 294
Сергій Радонєжський, св. *416*
Сердюков, Петро Якович (1817 – не раніше 1857), товариш Куліша з Новгород-Сіверської гімназії (зак. 1838); був студентом Київського та Петербурзького університетів, освіту завершив у рільничій школі в Горах-Горках Могильовської губ. (сільськогосподарський навчальний заклад з правами і структурою університетів), у 1850-х приватний учитель 121, 132, 151, 156–160, 164, 226, 230, 238, 240, 284, *426*, *456*, *481*, *485–487*, *541*, *558*
«Походженія батуринського Одиссея» 159
Сємєнський (Siemieński), Люціан (1809–1877), польський письменник, поет, критик 141, *472*
Сємінський див. Сємєнський, Л.
Сєнковський О. І. див. Сенковський Ю. Ю.
Силевич див. Білозерська, М. В.
Симеон, о. (до постригу Симеон Стефанович Левицький; 1814–1872), священик у Стеблеві, батько письменника Івана Нечуя 54, 118, 120, 149, 229, *394*, *411*, *455*, *535*
Симонов, М. Т. (Номис) *447*
Сиповський, В. В. *383*
Сирус Публій *522*
Ситий, І. М. *446*
Сичев, А. *376*
Сігізмунд див. Зигмунд III, кор.
Скальковський, Аполлон Олександрович (1808–1898/1899), археограф; член Одеського товариства історії та старожитностей (з 1839); чиновник з особливих доручень при Новоросійському і Бесарабському генерал-губернаторі (1841–1844); редактор (з 1843), в. о. директора (з 1845) Головного статистичного комітету Новоросійського краю 19, 64, *352*, *359*, *360*, *368*, *405*, *434*
«Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII в. 1733–1768» 20, *358*, *359*
«История Новой-Сечи» 98, *352*, *359*, *433*, *434*
Скоропадський, Іван Ілліч (1646–1722), гетьман України (з 1708) 35, *373*, *374*, *532*, *541*
Скот (Scott), Волтер (1771–1832), шотландський письменник 7, 15, 41, 44, 81, 145, 153, 265, 315, *341*, *360*, *369*, *383*, *399*, *403*, *406*, *409*, *414*, *525*, *526*, *555*, *573*
«The Antiquary» («Антикварий») 246, 294, *525*
«Guy Mannering» («Гей Меннринг») 294
«Ivanhoe» («Айвенго») 77, 246, 247, 294, *414*, 555
«Old mortality» («Пуритане») 20, *526*
«Quentin Durward» («Квентин Дорвард») 246, 294
«Wawerley» («Ваверлей») 20, 246, 294, *526*

Славніцький, Іван Петрович (бл. 1831 – не раніше 1898), тульський знайомий Куліша, згодом лікар у Петербурзі 297, 298, *564*, *565*
Сліпченко-Мордовець, Д. Л. див. Мордовець, Д. Л.
Смірнов, Н. М. *550*
Смірнова (уродж. Россеті), Алєксандра Осіповна (1809–1882), фрейлина імператриці (1826–1831); учениця П. Плєтньова з Єкатерининського інституту; у другій пол. 1840-х переважно мешкала в Калузькій губернії, де її чоловік у 1845–1851 був губернатором; приятелька Пушкіна, Жуковського, Гоголя 259, *480*, *550*
Снєгірьов, Іван Михайлович (1793–1868), російський етнограф, фольклорист; ординарний професор латинської словесности Московського університету (1826–1836); цензор Московського цензурного комітету (1828–1855)
«Древности Российского государства» 319, *579*
«Памятники московской древности...» 319, *579*
«Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» 319, *579*
«Русские народные пословицы и притчи» (упор.) 217, *527*
Соковніна, К. М. *542*, *567*
Соколов, Іван Яковлєвіч, ад'юнкт грецької мови Петербурзького університету 159
Соколов, знайомий Куліша в Тулі, випускник Харківського університету 321
Сократ (470/469–399 до Р. Х.) 88, 91, 161
Солнцев, Фьодор Грігорьєвіч (1801–1892), російський художник та археолог; акад. Імп. АМ; у 1843–1853 у Києві; відкрив фрески XI ст. у Софійському соборі; почесний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1843)
«Древности Российского государства» 319, *579*
Соловйов, Сєргей Міхайловіч (1820–1879), російський історик; екстраординарний (з 1845), ординарний (з 1855) професор на катедрі російської історії Московського університету, декан історично-філологічного факультету (1855–1869); ординарний акад. Відділу російської мови та словесности Імп. АН (1872) 226, *533*, *574*, *578*
Соломон, цар 37, 158, *448*
Солонина, Іван Григорович (1785–?), поміщик сіл Чемерів та Коптева; підсудок Козелецького повітового земського суду (1818–1821) 14, *350*
Солонини, рід 14, *350*
Солтановський, А. І. *394*
Сомко, Яким Семенович (?–1663), наказний гетьман Лівобережної України (з 1662) 22, 49
Сорокін, Іван Якович, учитель російської словесности в Немирівській гімназії (у 1840-х – не раніше 1857) 162
Сорокін, Федір Артамонович, костоправ; родич Білозерських у Москві 305
Спасовіч В. *443*
Спасський, Грігорій Івановіч (1783–1864), російський історик, археограф; член-кореспонд. Імп. АН (з 1810)
«Книга, глаголемая Большой Чертёж» 178, *505*
Сребдольський, Григорій Григорович (1811–?), брат у перших (по матері) Мотрони Білозерської; службовець у Петербурзі (у 1848 скарбник I відділу) 190, 201, 218, 252, 253, 255, 264
Срезневський, В. І. *348*, *402*, *461*
Срезневський, Ізмаїл Іванович (1812–1880), філолог-славіст; ад'юнкт-професор (1837–1839), в. о. екстраординарного професора (1843–1847) Харківського університету; у 1839–1842 перебував у науковому відрядженні; з 1847 професор на катедрі слов'янських наріч Петербурзького університету; ад'юнкт Відділу російської мови та словесности (з 1849), екстраординарний акад. (1851), ординарний акад. (1854) Імп. АН 45, 48, 49, 53, 54, 61, 62, 67–69, 73–76, 81–83, 94, 104–108, 111, 118, 119, 123–126, 128, 159, 202, 205, 216–220, 226, 227, 229–232, 283, *334*, *337*, *341*, *345*, *348*, *362*, *363*, *368*, *376*, *385*, *386*, *389–391*, *393*, *394*, *401*, *402*, *408*, *410*, *411*, *413*, *414*, *418*, *420*, *431*, *437*, *443–446*, *448*, *453*, *454*, *457–462*, *486*, *490*, *497*, *498*, *519*, *527*, *528*, *534*
Старовольський (Starowolski), Шимон (Симон) (бл. 1588 – 1656), письменник, краківський канонік
«Pobudka, albo rada na zniesienie tatarów perekopskich» («Совет об истреблении татар») 40, *379*
Стєпанов, Н. С. *352*, *579*
Стороженко, Андрій Якович (1790–1857), літератор, шанувальник української старовини; сенатор, таємний радник, з 1832 на службі в Польському Королівстві, де в 1843–1850 був головним директором урядової комісії внутрішніх і духовних справ 104, *385*, *442*, *500*

Стороженко, М. В. (Н. В. С-ко) *332*, *364*, *376*, *384*, *432*, *442*
Страшкевич, Кіндрат Федорович (1815–1868), ад'юнкт на катедрі грецької та римської словесности Університету св. Володимира (з 1839), магістр класичної словесности (1845); у 1846/1847 навчальному році викладав в університеті чеську мову; уклав чеську граматику з хрестоматією і словником (1847) 66, *406*
Строганов, Алєксандр Сєргеєвіч, граф (1733–1811), дипломат, суспільний діяч 100, *435*
Строганов С. Ґ., гр. *543*, *567*, *568*
Строганова (уродж. д'Альмейда-Оейнгаузен), Юлія Пєтровна, графиня (1782–1864), кавалерствена дама, відома своєю доброчинною діяльністю; дружина графа Ґ. А. Строганова 259, *466*
Строєв, Павєл Міхайловіч (1796–1876), російський археограф; член-кореспонд. (1826), адюнкт (1841), ординарний акад. (1849) Імп. АН *365*
«Выходы Государей Царей и Великих Князей...» (упор.) 318, *577*
«Ключ, или алфавитный указатель к Истории государства Российского...» (укл.) 44, *351*, *383*, *384*
Струтинський, Ю., гр. *470*
Студинський, К. Й. *332*, *333*
Студітський, А. Є. *399*
Судденко див. Судієнко, М. Й.
Судієнко, Михайло Осипович (1802–1874), археограф; Новгород-Сіверський повітовий маршалок (1835–1841), куратор Новгород-Сіверської та Чернігівської гімназій; голова Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (1848–1857) 162, *393*, *427*, *490*, *532*, *541*, *562*
Сумароков Алєксандр Пєтровіч (1717–1761), російський поет, драматург 100
Сю, Е. *503*

Танський, А. *388*
Танський, Н. І., власник портрету полковниці Паліїхи 47, *389*
Танські, рід *388*
Тарновська, Л. В. *390*
Тарновський, В. В. (батько) *331*, *385*, *390*
Тарновський, В. В. (син) *331*, *367*, *388*
Тарша, Едвард див. Ґрабовський, М.
Татіщев, В. Н. *534*
Таухніц (Tauchnitz), Кристиян Бернгард фон (1816–1895), німецький видавець 246, 315, *545*
Тацит Публій Корнелій *403*
Твардовський, С. *485*
Твартиковіч *441*
Терлецький, В. В. *493*
Терещенко, Олександр Власович (1806–1865), етнограф і археолог
«Быт русского народа» (упор.) 318, *577*
Тємятов, Алєксандр (? – не пізніше 1847), поміщик Тульської губернії 193
Тимковська (Халанська), С. І. *537*
Тимковський, Ілля Федорович (1773–1853), письменник, педагог, освітній діяч; директор Новгород-Сіверської гімназії (1825–1838); дядько М. Максимовича 231, *537*
Тиранов, Алєксєй Васільєвіч (1808–1859), російський художник, учень Брюллова, акад. Імп. АМ (1839)
«Венера» 78, *416*
Тиронов див. Тиранов, А. В.
Тітов, А. А. *331*, *373*, *374*, *418*, *421*, *426*, *431*, *437*, *445*, *450*, *454*, *505*, *508*, *540*, *542*, *544*
Тодійчук, О. В. *415*, *416*
Топчибашев (Тобчибашев; Топчи-Баши, Torpczy-Baszy), Мірза Джафар (1791–1871), перекладач, поет; за національністю перс; у 1819–1849 викладач (учитель, ад'юнкт, ординарний професор) перської мови Петербурзького університету; перекладач Азійської Колегії; товариш О. Сенковського 159
Трейтяковський див. Трєдіяковський, В. К.
Трєдіаковський (Трєдьяковський), Василій Кіріллович (1703–1768), російський поет; акад. Імп. АН (1745–1759) 109, 111, 159
Трєй Я. *552*
Трєтьяков *429*
Тромонін, Корнілій Яковлєвіч (?–1847), російський палеограф, літограф; автор книжки «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге...» (М., 1844)
«Достопамятности Москвы» 319, *579*
Трубєцькой, Ю. П., кн. *456*
Туманський, Федір Антонович (1799–1853), поет, дипломат; з 1828 у російському консульстві у Молдавії, в останні роки життя генеральний консул у Белграді
«Птичка» 269, *554*
Туманський Ф. В. *426*
Тургенєв, Іван Сєргеєвіч (1818–1883), російський письменник, критик, публіцист; закінчив Петербурзький університет (1837); у 1838–1841 і 1847–1850 за кордоном; дописував до некрасовського «Современника» *366*
«Записки охотника» 223, *525*, *531*

Туровський, К. Ю. *379*, *380*
Тутковський, Платон Лукич (1820–1849), в. о. ад'юнкта на катедрі всенародного права юридичного факультету Університету св. Володимира (з 1846), у 1843–1846 у науковому відрядженні за кордоном 66, *406*
Тютчев, Ф. І. *574*

Уваров, Сєргей Сємьоновіч, граф (1786–1855), державний діяч, міністр народної освіти (1833–1849); почесний член (з 1811), президент (1818–1855) Імп. АН 86, 238, 301, *414*, *425*, *452*, *481*, *540*, *543*, *546*, *567*
Ундольський, В. М. *578*
Устрялов, Ніколай Герасімовіч (1805–1870), російський історик; екстраординарний (з 1834), ординарний професор (з 1837) на катедрі російської історії, декан (з 1844) І відділу філософського факультету Петербурзького університету; ад'юнкт (1837), екстраординарний акад. Відділу історичних наук і філології (1842), ординарний акад. Історично-філологічного відділу (1844) Імп. АН 10, *345*, *539*, *540*
«Описание Украйны» Боплана (пер.) 15, *351*
«Русская история» 15, 44, *351*
«Сказания князя Курбского» (упор.) 16, 205, *351*, *352*
«Сказания современников о Димитрии Самозванце» (упор.) 15, 225, *351*, *525*

Фабій Максим Кунктатор (Quintus Fabius Cunctator), Квінт (275–203 до Р. Х.), римський полководець 170, *497*
Феваль (Féval), Поль, французький романіст, майстер сюжетної інтриги
«Le Fils du Diable» («Сын тайны») 228, *535*
Федорук, О. О. *334*, *336*, *344*, *458*, *459*
Феофан, о. (до постригу Петро Семенович Авсенєв; 1810–1852), ад'юнкт на катедрі філософії в Університеті св. Володимира (1838–1844); архімандрит Братського монастиря у Києві (1846–1850) 221, *529*
Фері де Балєрм (Ferry de Ballerme), Люї Габріель (1809–1852), французький письменник 222, *525*, *530*
Фєдотов-Чеховський, А. А. *346*, *372*, *386*
Філарет (Гумілевський), архім. *377*
Філдинг (Fielding), Генрі (1707–1754), англійський письменник
«The History of Tom Jones, a Foundling» («Том Джонс») 259, *526*, *550*
Філімонов, Ґеоргій Дмітрієвіч (1829–1898), російський археолог та історик мистецтва; з 1856 працівник Московської збройної палати: завідувач архіву, помічник директора, хранитель музею; хранитель відділу старожитностей Румянцевського музею (1870–1898)
«Описание памятников древности церковного и гражданского быта русского музея П. Ф. Коробанова» 319, *579*
Філомафітський, Є. М. *462*
Фіш, З. *360*
Фішер, Є. *376*
Фірдоусі, Абулькасим (бл. 940–1020 або 1030), перський і таджицький поет
«Шах-наме» 255, *548*
Флетчер, Д. *450*, *541–543*
Фомін, Іван Єгоровіч, пічник; власник будинку в Тулі, де мешкали Куліші 289
Фонвізін, Д. І. *464*, *525*
Франко, І. Я. *419*, *460*
Францев, В. А. *419*
Фундуклей, Іван Іванович (1804–1880), Київський цивільний губернатор (1838–1852), почесний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1843); з 1852 в адміністрації Польського Королівства; член Державної Ради (з 1867) 38, 137, *375*, *376*, *378*, *379*
Фьодор Алєксєєвіч (1661–1682), московський цар (з 1676) 318, *577*
Фьодор Іоанновіч, цар *532–534*

Х., Г. *377*
Халанська, С. І. див. Тимковська (Халанська), С. І.
Халанський, І. І. *537*
Ханенки, родина *373–375*, *431*
Ханенко, Василь Миколайович, син М. Д. Ханенка 35, *375*
Ханенко, Данило (?–1695), наказний лубенський полковник; батько М. Д. Ханенка 36, *375*
Ханенко, Микола Данилович (1693–1760), політичний і державний діяч, мемуарист; стародубський полковий суддя, обозний Стародубського полку (1727–1738), генеральний бунчуковий (з 1738), член Генерального суду (1740), генеральний хорунжий (з 1741) 42, 148, *372*, *374*, *383*, *479*
«Діаріушъ...» 34–36, 43, 92, *372–375*
Ханенко, Михайло Іванович (1818–1852), відставний поручик гвардії; у 1840-х Новгород-Сіверський повітовий маршалок; з 1848 почесний куратор Новгород-Сіверської гімназії;

правнук М. Д. Ханенка, брат О. Ханенка 34, 92, 120, 135, 143, 148, 171, *372–375*, *383*
Ханенко, Михайло Степанович (бл. 1620 – 1680), гетьман Правобережної України (1669–1674)
Ханенко, О. І., дядько О. і М. Ханенків *372*
Ханенко, Олександр Іванович (1816–1895), історик, публіцист; автор праць з історії Гетьманщини; правнук М. Д. Ханенка, брат М. І. Ханенка 35, 36, 42, 43, 47, 48, 92, 93, 120, 135, *372–375*, *382*, *383*, *388*, *389*, *431*, *468*, *479*
Ханенко, Стефан, запорожець початку XVII ст., засновник роду Ханенків 36
Херасков, Міхаїл Матвєєвіч (1733–1807), російський письменник
«Коль славен наш Господь» 253, *548*
Хильчевський, Іван Пилипович (1809–1899), уродженець міст. Воронежа Чернігівської губ.; на початку 1840-х бібліотекар Луцького повітового дворянського училища, згодом учитель географії у Фундуклеївській жіночій гімназії в Києві; близький приятель Куліша 79, 92, 149, *331*, *342*
Хмарський, В. М. *360*
Хмельницький, Богдан-Зиновій Михайлович (бл. 1595 – 1657) 20, 22, 23, 37, 40, 43, 58, 78, 83, 87, 105, 107, 113, 115, 118, 155, 166, *354*, *356*, *357*, *358*, *361*, *362*, *364*, *376*, *382*, *415*, *416*, *420*, *421*, *423*, *427*, *442*, *443*, *448*, *452*, *465*, *485*, *499*, *532*, *578*
Ходаковський див. Доленґа-Ходаковський, З.
Ходкєвіч, Я.-К., вел. гетьм. *495*
Холовінський див. Головінський, І.
Хомяков, Алєксєй Стєпановіч (1804–1860), російський поет, публіцист-слов'янофіл, богослов; закінчив фізико-математичний відділу Московського університету (1822); член-кореспонд. Імп. АН (1856) 323, *369*, *394*, *583–585*
Хомякова (Язикова), К. М. *583*
Хотінський, М. С. *553*, *565*
Хохлова, Н. А. *336*

Цертелєв, Ніколай Андрєєвіч, князь (1790–1869), фольклорист, освітній діяч; з 1823 директор училищ Тамбовської, Полтавської губ.; помічник куратора Харківської шкільної округи (1839–1859)
«Опыт собрания старинных малороссийских песен» 82
Цицерон (Cicero), Марк Тулій (106–43 до Р. Х.) 100
Чалий, М. К. *342*, *343*, *398*, *493*
Чарнєцький, Алєксандр Ніколаєвіч, наприкінці 1840-х капітан е тульському Александрівському кадетському корпусі, знайомий Куліша 257, 263, 272
Чарторийський, Ю., кн. *495*
Чарторийські, князівський рід 166
Челліні (Cellini), Бенвенуто (1500–1571), італійський скульптор
«La vita di Benvenuto di Mo Givanni Cellini...» («Записки Бенвенуто Челлини») 222, 277, *525*, *530*
Чернишевський, Н. Г. *453*
Чернєцови, російські художники, брати: Грігорій Грігорьєвіч (1802–1865), пейзажист і портретист та Ніканор Грігорьєвіч (1805–1879), пейзажист
«Краєвиди Палестини» 78, *416*
Черняков, Б. І. *379*
Чижов, Фьодор Васільєвіч (1811–1877), російський публіцист, фінансист; закінчив фізико-математичний факультет Петербурзького університету (1832); у 1840–1847 за кордоном, переважно в Італії (1846 у Росії); був заарештований у справі Кирило-Методіївського братства 90, 171, *394*, *430*, *436*
Чинчик (Богун), П. *476*
Чистов, К. В. *412*
Чорноморець, В. див. Дроздовський, В. В.
Чужбинський див. Афанасьєв, О. С.
Чуйкевич, Петро Омелянович (1818 – бл. 1874), уродженець міст. Воронежа Чернігівської губ.; після закінчення І відділу філософського факультету Університету св. Володимира (1843) працював молодшим учителем латинської мови у Рівненській (1843–1846), географії у Кам'янець-Подільській (VI 1846 – 1853) гімназіях; близький приятель Куліша з дитинства 21, 77, 82, 85, 86, 92, 165, 166, 171, 172, 274, 290, *340*, *414*, *419*, *420*, *442*, *450*, *493*, *498*, *499*, *538*, *556*
Чуйкевич, Омелян, батько П. Чуйкевича 165, 274, *556*

Шаманський, тульський знайомий Куліша 203, 257, 281
Шамрай, А. П. *386*
Шандра, В. С. *342*, *343*, *345*
Шатобріан (Châteaubriand) Франсуа Рене де 298, *594*
Шаховській, Н. В., кн. *332*, *333*, *584*, *585*
Шаржинський, Семен Данилович (1786–

1859)[1], губернський поштмейстер у Житомирі (у 1840–1850-х), статський радник; знайомий Пушкіна, Гоголя і Плєтньова 163, 164, *491*, *492*
Шафарик (Šafařík), Павел Йозеф (1795–1861), словацький філолог, археолог, етнограф і поет; з 1833 у Празі 165, 171, 241, *422*, *439*, *443*, *492*, *493*, *496*, *497*, *543*
«Slovenské starožitnosti» («Славянские древности») 44, 241, *384*, *542*
«Slovanský národopis» («Славянское народописание») 143, *439*, *474*
Шафонський, Афанасій Филимонович (1740–1811), історик, економіст, етнограф; вихованець Лейденського і Страсбурзького університетів; автор «Топографического описания Черниговского наместничества»
«Записки о Малой России» 111, *447*, *448*
Шацька, А. О. *334*, *429*, *465*, *497*, *542*, *562*
Шварц, у 1840-х полковник жандармського корпусу в Тулі (з 1850 генерал) 326, *586*
Шебуєв, Василій Кузьміч (1776–1855), російський історичний живописець; акад. Імп. АМ
«Взятие на небо Божией Матери» 65, *406*
Шевалдишев, Ніколай, купець, власник готелю у Москві 58, 131
Шевелів, Б. М. *332*, *374*, *375*, *382*, *388*, *431*
Шевельов, Ю. В. *334*
Шевирьов, Стєпан Пєтровіч (1806–1864), письменник, критик, історик літератури; секретар Товариства історії та старожитностей російських (1833–1836); ад'юнкт (з 1833), ординарний професор (з 1840) Московського університету; декан історично-філологічного відділу філософського факультету (1850–1855); ад'юнкт Відділу російської мови та словесности (1841), екстраординарний акад. (1847), ординарний акад. (1852) Імп. АН; у 1840-х вів відділ літературної критики в «Москвитянине» 22, 29, 34, 132, 133, *345*, *346*, *369*, *463*, *464*, *524*, *543*
Шевченко, Тарас Григорович (1814–1861), закінчив Імп. АМ (V 1838 – III 1845) зі званням некласного художника; член-співробітник Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з XII 1845); у 1840-х в Україні: V 1843 – II 1844 і IV 1845 – IV 1847; у 1847–1857 на засланні 23, 30, 37, 44, 45, 65, 83, 84, 88, 94–98, 105, 137, 147, 150, 153, 156–158, 165, 172, *331*, *340*, *344*, *363*, *364*, *375–377*, *381*, *384–386*, *396*, *409*, *414*, *420–422*, *428*, *432*, *433*, *447*, *468–470*, *473*, *474*, *478–480*, *486*, *487*, *493*, *501*, *502*
«Гайдамаки» 37, 94–98, 156, *376*, *432*, *433*
«Гамалія» 37, 95, *376*
«До Основ'яненка» 95, *428*, *432*
«Думка» 95
«Єретик» («Іоанн Гусс») 84
«Іван Підкова» 95, *432*
«Живописная Украина» 44, 45, *376*, *385*
«Катерина» 95, 96, *432*, *570*
«Кобзар» 37, 45, 94, 95, 98, 160, *376*, *422*, *428*, *432*, *433*
«Перебендя» 95
«Псалми Давидові» 84, 88, *422*
«Тарасова ніч» 95, *432*
«Тополя» 95
«Тризна» 37, *376*, *489*
Шевченко, Ф. П. *427*
Шекспір (Shakespeare), Вільям (1564–1616) 16, 17, 43, 63, 65, 67, 96, 97, 157, 212, 221, 315, *335*, *351*, *354*, *383*, *523–526*
Шенрок, В. І. *333*, *372*, *380*, *381*, *478*, *480*, *512*, *564–566*, *586*
Шиллер (Schiller), Йоганн Христоф Фридрих (1759–1805) 18, 79, 157, 158, 315, 316, *486*, *526*
Ширінський-Шихматов, Платон Алєксандровіч, князь (1790–1853), товариш міністра народної освіти (з 1842), міністр (з 1850); ординарний акад. Імп. АН (1841); голова Археографічної комісії (1834–1850) 85, 113, 151, 152, 237, 239, 240, *411*, *414*, *423–425*, *449*, *452*, *454*, *481*, *482*, *538*, *540*
Шльоцер (Schlözer), Август Людвіг (1735–1809), німецький історик, публіцист; у 1761–1767 на російській службі; ад'юнкт (з 1762), іноземний почесний член Імп. АН (з 1769); професор Гетингенського університету (1768– 1809)
«Русская летопись по Никонову списку» (упор.) 223, 225, 319, *532*, *579*
Шодуар, Станіслав Іванович (Станісляс де), барон (1792–1858), нумізмат,

[1] Роки життя подано за кн.: *Р. Кондратюк.* Некрополь старого Житомира: Біограф. довідник. – К., 2001. – С. 119.

бібліофіл; віце-голова Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (1843–1858), почесний доглядач Києво-Подільського повітового дворянського училища (з 1841); член-кореспонд. Імп. АН (з 1836) 32, *344*
Шольте, ученица А. Гензельта 268
Шраг, І. Л. *549*
Штейбен (Steuben), Шарль барон де (1788–1856), французький живописець; у 1843–1854 у Росії, працював над ескізами для Ісакіївського собору 79, *417*
Штирмер (Sztyrmer), Людвік (1809–1886), польський письменник, свої повісті підписував іменем дружини – Елеонори Штирмер 64, *406*
Штур (Štúr), Людовіт (1815–1856), словацький філолог, поет, діяч національного відродження; у 1845–1858 редактор політичного часопису «Slovenskie národnie noviny» з літературним додатком «Orol tatránsky»; у 1847 посол угорського сейму; учасник Слов'янського з'їзду в Празі (1848) 161, *490*, *493*
Шуберт (Schubert), Карл Едуард (*рос.* Карл Богдановіч; 1811–1863), німецький віолончеліст, композитор, диригент; з 1835 у Петербурзі; у 1840–1850-х керував студентським оркестром в університеті 261, *550*
Шульгін, Віталій Яковлєвіч (1822–1878), історик, публіцист; учитель історії 2-ї київської гімназії (1842–1846); ад'юнкт на катедрі всесвітньої історії (з 1849), в. о. екстраординарного професора (1858–1862) Університету св. Володимира; редактор «Киевлянина» (з 1864)
«О состоянии женщин в России до Петра Великого» 319, *578*
Шумський, Т. *332*
Шурков, Іван Алєксандровіч, петербурзький знайомий Л. Кармалеєва 251, 253, 258

Щербаков, А. С. *575*
Щербакова див. Боголюбцова (Щербакова), М. І.
Щетініна див. Плєтньова (Щетініна), А. В.
Щоголів, Яків Іванович (1824–1898), поет; закінчив Харківський університет (1848); працював урядовцем у Харкові 126
Щурат, В. Г. *360*, *386*

Юзефович, Ганна Максимівна, дружина М. Юзефовича 66, 79, 85, 146, 149, *353*
Юзефович, Михайло Володимирович (1802–1889), вихованець Благородного пансіону при Московському університеті (вип. 1819), учасник російсько-турецької війни (1828–1829); інспектор казенних училищ Київської губернії (з 1840), помічник куратора Київської шкільної округи (1843–1858); почесний член (з 1844), голова (1857–1889) Тимчасової комісії для розгляду давніх актів 7, 10, 16, 18–21, 29–32, 38–42, 44, 51, 53–56, 58, 59, 63, 65, 66, 78, 79, 85, 86, 90–92, 103, 105, 116, 117, 118, 129, 142, 143, 146, 148–151, 162, 171, 297, *331*, *333*, *334*, *341*, *344*, *345*, *352–355*, *358*, *360*, *361*, *363*, *369–371*, *375–377*, *379*, *383*, *387*, *390*, *394*, *397*, *402–404*, *406*, *407*, *416*, *422*, *425*, *427*, *430*, *437*, *442*, *448*, *473*, *477*, *479*, *488*, *490*, *564*
Юнґман (Jungman), Йозеф (1773–1847), чеський лінгвіст, історик і теоретик літератури, поет 170, *439*
Юркевич, А. *332*
Юровська, О. *358*
Юрченко, С. *512*
Юскевич-Красковська, Є. І. *407*, *485*
Юскевич-Красковський, Іван Данилович (1807–1887), учитель латинської мови в Новгород-Сіверській (1834–1837) та 2-й київській (1837–1860) гімназіях; приятель Куліша 66, 70, 79, 85, 92, 132, 159, *407*, *409*, *464*, *469*
Юскевич-Красковські, родина 66, 70, 72, 76, *396*, *409*, *469*

Ягмін *500*
Язиков, Дмітрій Івановіч (1773–1845), історик, почесний член Петербурзького університету
«Записки Желябужского» (упор.) 320, *580*
Язиков, Н. М. *334*, *583*
Язикова див. Хомякова (Язикова), К. М.
Ямпольський, І. Г. *332*, *333*, *370*
Ян Казімєж, (Jan Kazimierz; 1609–1672), польський король (1648–1668) 155, *368*, *427*, *442*, *443*, *485*
Ярнік, У. *441*
Ясенчук, О. І. *491*
Яцюк, В. М. *364*

Balzak, О. див. Бальзак, О. де
Bar, A. див. Бар, А.
Baty *357*
Cellini, G. див. Челліні, Д.
Chmielnicki, B. див. Хмельницький, Б.-З. М.
Chrzanowski, I. *405*, *470*
Daszkiewicz, O. *357*, *361*
Eggers *354*

Francev, V. A. *443*, *493*, *496*, *543*
Giedymin, w. ks. *357*
Goldsmith, O. див. Ґолдсміт, О.
Gogol, M. див. Гоголь, М. В.
Grabowski, M. див. Ґрабовський, М.
Grimarest, J. L. див. Ґрімаре, Ж. Л.
Hleb-Koszańska, H. *367*
Hohol, M. див. Гоголь, М. В.
Homer див. Гомер
Inglot, M. *405*, *470*
Irwing, W. див. Ірвінґ, В. *451*
Jan III, car *368*
Jan Kazimierz див. Ян Казімєж, кор.
Jocher, A. див. Йохер, А.
Jordan, J. P. див. Йордан, І. П.
Kazimierz Wielki, kr. *536*
Kiszka, S. *357*
Koniski див. Конiський, Г.
Korybut, M. *368*
Kraszewski, J. I. див. Крашевський, Ю. І.
Kulesz, M. див. Кулєш, М.
Lackoroński див. Lanckoroński P.
Lanckoroński P., hetm. *357*
Liste, F. *530*
Maciejowski, W. A. див. Мацейовський, В. А.
Maksymowicz, M. див. Максимович, М. О.
Matlak, D. *405*, *406*
Maxymowicz, M. див. Максимович, М. О.
Mazepa, I. див. Мазепа, І. С.
Mindowsz, ks. *357*, *358*
Molière див. Мольєр
Mucha, B. *405*
Nestor див. Нестор
Olizar, N. див. Олізар, Н.
Ostranica див. Остряниця, Я.
Palczowski, K. Пальчовський, К.
Palej, S. див. Палій, С.
Pasek, J. Ch. див. Пасек, Я. Х.
«Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznanego autora» 17, *354*
Pellico, S. див. Пелліко, С.
Podkowa див. Іван Підкова
Potocki, M., hetm. kor. *379*
Radziszewski, F. *342*
Roszkowska-Sykałowa, W. *361*
Rousseau, J.-J. див. Русо, Ж.-Ж.
Rożyński див. Różyński, B.
Różyński, B., hetm. *357*, *363*
Sand, George див. Занд, Жорж
Sennewald, G. *354*
Siemeński, L. див. Сємєнський, Л.
Skalski див. Скальковський, А. О.
Straszewska, M. *405*
Świdziński див. Свідзінський, К.
Świrgowski, J. *357*, *361*
Tadeusewicz, H. *342*
Tauchnitz див. Таухніц, К. Б.
Vladislav IV див. Владислав IV, кор.
Witold, w. ks. *358*
Władysław IV див. Владислав IV, кор.
Włodzimierz див. Володимир Великий, кн., св.
Zäwadski, J. *555*
Zilynskyj, O. *419*
Zubrycki, D. див. Зубрицький, Д. І.
Żelezniak, M. див. Залізняк, М

ПОКАЖЧИК НЕПОВНИХ ІМЕН

Александр Васильевич див. Кочубей, Олександр Васильович
Александр Васильевич див. Нікітєнко, Алєксандр Васільєвіч
Александра Александровна див. Максимович, Олександра Олександрівна
Александра Михайловна див. Куліш, Олександра Михайлівна
Александра Осиповна див. Ішимова, Алєксандра Осіповна
Алексей Алексеевич див. Нєручев, Алєксей Алексєєвіч
Амвросий Лукьянович див. Метлинський, Амвросій Лук'янович
Анинька, петербурзька знайома Плєтньових й А. Ішимової 265
Анна Максимовна див. Юзефович, Ганна Максимівна
Боря, петербурзький знайомий О. Куліш 249
Варвара, прислуга Кулішів, кріпачка 243, 252, 255, 253, 270, 273, 275, 276, 281, 282, 303, *511*
Ваня див. Бакунов, Ваня
Василий Михайлович див. Білозерський, Василь Михайлович
Василь Кирилович див. Трєдіяковський, Василій Кірілловіч
Васюта, сестра художника Акімова *512*
Вася див. Білозерський, Василь Михайлович
Виктор див. Білозерський, Віктор Михайлович
Виктор Михайлович див. Білозерський, Віктор Михайлович
Виктор Николаевич див. Забіла, Віктор Миколайович
Григорий Григорьевич див. Сребдольський, Григорій Григорович
Григорий Тимофеевич див. Мізко, Григорій Тимофійович
Доминик, слуга Михайла Максимовича 8
Дуничка, знайома А. Ішимової 259, 261, 265, 268
Елена Я., знайома Кулішів у Тулі *567*
Иван (прізвисько Кужу), слуга 267
Иван Александрович див. Шурков, Іван Алєксандровіч
Иван Андреевич див. Нордстрем, Іван Андрєєвіч
Иван Иванович див. Фундуклей, Іван Іванович
Иван Михайлович див. Нєчаєв, Іван Міхайловіч
Ивга див. Максимович, Євгенія Павлівна
Измаил Иванович див. Срезневський, Ізмаїл Іванович
Илья Фёдорович див. Боголюбцов, Ілля Федорович
Клавдий Игнатьевич, петербурзький знайомий Віктора Білозерського 190, 201, 218, 248, 249, 251–253, 258, 263, 289
Коля див. Білозерський, Микола Михайлович
Коля, знайомий А. Ішимової 259
Лев Семёнович див. Кармалеєв, Лев Семенович
Леонтий Васильевич див. Дубельт, Леонтій Васільєвіч
Люба див. Боголюбцова, Любов Михайлівна
Любовь Ивановна, знайома Кулішів у Тулі 197, 199, *517*, *518*
Михайло Александрович див. Максимович, Михайло Олександрович
Михайло Антонович див. Ґрабовський, Міхал
Михайло Владимирович див. Юзефович, Михайло Володимирович
Михайло Иванович див. Ханенко, Михайло Іванович
Михайло Петрович див. Погодін, Міхаїл Пєтровіч
Миша див. Кучаєв, Міша
Надя див. Крівоногова, Надєжда
Наталья Алексеевна див. Кармалєєва, Наталья Алєксєєвна

Николай Данилович див. Білозерський, Микола Данилович
Николай Иванович див. Гулак, Микола Іванович
Николай Иванович див. Костомаров, Микола Іванович
Николай Николаевич див. Забіла, Микола Миколайович
Николай Эваристьевич див. Пісарєв, Ніколай Еварєстовіч
Олимпий див. Білозерський, Олімпій Михайлович
Оля див. Плєтньова, Ольга Пєтровна
Ольга Ивановна, знайома Козакової, в пансіоні якої навчалися Олександра Куліш та Надія Забіла 303, *581*
Ольга Петровна див. Плєтньова, Ольга Пєтровна
Осип Максимович див. Бодянський, Осип Максимович
Павел Петрович див. Максимович, Павло Петрович
Пётр Александрович див. Плєтньов, Пьотр Алєксандровіч
Помпей див. Білозерський, Помпей Михайлович
Савелий, слуга 263
Саша, знайомий Л. Кармалеєва 218, 249
Саша див. Білозерський, Олександр Михайлович
Саша див. Куліш, Олександра Михайлівна
Семен, слуга Кулішів у Тулі, кріпак 189, 190, 193, 199, 211, 267, 275, 276, 290, *511*, *512*
Ульяна Павловна див. Білозерська, Ульяна Павловна
Фёдор Семёнович див. Риндовський, Федір Семенович
Фома Якович, знайомий Козакової, в пансіоні якої навчалися Олександра Куліш та Надія Забіла *581*
Христиан Андреевич див. Нордстрем, Хрістіан Андрєєвіч
Яков Карлович див. Ґрот, Яков Карловіч

ПОКАЖЧИК ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

Ава-Сакс, гора *552*
Австрія див. Австро-Угорщина
Австро-Угорщина *331*, *452*
Александровка див. Олександрівка, міст.
Адріятичне море *439*, *440*
Азов 68
Англія *465*
Архангельськ, м. *513*
Балкани *440*
Батурин, м. 47, 159
Белград, м. *441*, *451*
Бельгія *465*
Бердичів, м. 326
Бердянськ, м. 149
Березань, с. *470*
Березівка, с. *486*
Березіна, р. 78, *416*
Березова Рудка, с. *420*
Берестя, м. *494*
Берлін, м. 85, 119, 133, 151, 152, 164, 165, *340*, *406*, *439*, *473*, *481*, *482*, *493*, *498*
Бессарабія 164
Беч див. Відень, м.
Бєльов, м. *506*
Бєльовський пов. *506*
Бігачі, с. *493*
Біла Церква, м. 86, 149
Білорусія *497*, *577*
Богемія *439*
Богуслав, м. 117, 149
Богуславщина *396*, *411*
Богучарово, с. 323, *585*
Болгарія *439*, *440*, *465*
Борзенський див. Борзнянський пов.
Борзна, м. 47, 53, 57, 58, 77, 101, 124, 133, 135–137, 142–144, 146–150, 160, 165, 172, 269, 326, *373*, *377*, *380*, *388*, *393*, *396*, *397*, *400*, *415*, *431*, *435*, *466*, *473–477*, *483*, *484*, *488*, *491*, *585*, *586*
Борзнянський пов. 293, *394*, *477*, *512*, *535*, *549*
Броди, м. *489*
Бяла, м. 152, 153, 166, 169, *482*, *494*
Варва, м. *431*
Варшава (Warszawa), м. 27, 64, 85, 104, 119, 136, 149–153, 156, 162–166, 169–171, 173, 226, *335*, *342*, *344*, *354*, *360*, *361*, *366–368*, *377*, *381*, *405*, *408*, *419*, *439*, *442*, *470*, *471*, *473*, *479*, *481*, *482*, *491*, *493*, *494*, *496–498*, *500*, *513*, *529*, *575*
Краківське передм. 173, *482*
Ватикан 253, *548*
Великий Поділ, с. *470*
Великоросія див. Росія
Вена див. Відень, м.
Венеція, м. 85, *416*
Венгрія *439*
Вифлеєм, м. *396*, *416*
Відень (Вена, Віна, Беч), м. 74, 85, 119, 143, 161, 165, 213, *384*, *411*, *430*, *439*, *441*, *481*
Вільно (Wilno), м. *345*, *358–362*, *366*, *367*, *436*, *447*, *450*, *471*, *472*, *483*, *555*
Віна див. Відень, м.
Вісла, р. *474*
Вітегра, м. 269, *554*
Волга, р. 159
Волинська губ. 43, 53, 54, *342*, *343*, *359*, *423*, *477*, *494*, *563*, *577*
Волинь 159, 163, 172, 318, *425*, *490*, *491*, *577*
Вологда, м. 322, *504*, *505*
Воронезька губ. 296, *401*
Вороніж (Woroneż), міст. 92, 109, 134, 165, 166, 172, 231, 235, 260, *341*, *386*, *431*, *446*, *467*, *481*, *494*, *499*, *564*
В'юнище, с. *422*, *470*

До покажчика не включено географічні назви, які є компонентами бібліографічних описів: Київ (Kijów), Львів (Lwów), Одеса, Харків, Москва, Санкт-Петербург (Ленинград, Петроград, Petersburg).

Гадяч, м. 49, *427*
Гайдельберґ, м. *406*
Галич див. Галичина
Галичина (Галич, Галіція, Галицька Русь) 230, *331*, *332*, *340*, *425*, *439*, *441*, *459*, *532*, *536*, *542*
Галіція див. Галичина
Гелон, м. 159, *487*
Гельсинґфорс, м. 74, *414*
Глухів, м. 111, 149, 151, *537*
Глухівський пов. 235, *556*, *564*
Гоголівська волость 246
Голандія *465*
Гореничі, с. *482*
Гори-Горки, міст. *541*
Городище, с. *374*, *383*
Ґданськ (Gdańsk), м. *361*, *366*, *405*, *442*, *443*
Ґрадець, м. *441*
Далмація *413*, *440*
Дашкович, с. *383*
Дерпт, м. 60, 61, 74, 139, 284, 300, *400*, *412*, *414*, *470*, *558*
Десна, р. 313
Дніпро, р. 21, 38, 88, *364*, *374*, *428*, *449*, *474*, *480*, *493*, *567*
Дніпропетровськ, м. *352*
Дрезден, м. *443*
Дубровник, м. *440*, *441*
Дунай, р. 158, *440*
Европа 64, 105, 107, 115, 177, 199, *354*, *389*, *407*, *430*, *489*
Єкатеринослав, м. 52, 117, *372*, *463*
Єкатеринославська губ. *352*, *408*
Єрусалим, м. 78, *416*, *531*, *568*
Житомир, м. 162, 163, *342*, *491*
Загреб, м. *441*
Закавказзя *513*
Закавказький край *510*
Запоріжжя 58, *423*
Західна Европа див. Европа
Зіньків, м. 47
Зіньківський пов. 48, *389*
Іжори, с. 130, *464*
Іллірія *439–441*
Істрія *413*
Йордан, р. 78, *416*
Казань, м. 305, *542*, *543*
Каїр, м. *416*
  Табанія вул. *416*
Калуга, м. *550*
Калузька губ. *487*
Кам'янець-Подільський, м. 165, *493*
Канів (Kaniów), м. 46, 118, 149, *359*, *366*, *388*, *436*
Капернаум, м. *416*
Карпати, гори 127, *441*
Київ (Kijów), м. 8, 10–24, 29–40, 42–58, 61, 63, 65, 66, 69, 73, 75, 76, 81, 84, 85, 87, 89, 90, 92, 100, 103–105, 109–111, 114, 117, 124, 125, 129–130, 132, 134–138, 142, 146–149, 151–155, 160–163, 165, 166, 171, 172, 199, 205, 223, 232, 291, 295, 297, 318, 320, *335*, *338*, *341–348*, *350*, *352–355*, *357*, *359–365*, *367–372*, *374–379*, *381–393*, *395*, *396*, *400–403*, *407–409*, *413*, *414*, *418–420*, *422*, *423*, *425–427*, *429*, *431*, *432*, *437*, *442*, *446*, *457*, *465*, *467–470*, *473*, *474*, *477*, *479–482*, *484–491*, *493*, *495*, *499*, *507*, *512*, *518*, *529*, *531*, *554*, *556*, *563*, *564*, *567*, *577*, *578*
  Графський пров. *493*
  Житомирська вул. 13
  Загородний пр-т *518*
  Іринінська вул. *409*
  Михайлівський пров. *409*
  Паторжинська вул. *409*
  Печерськ, р-н 104, *438*
  Університетський бульв. *488*
  Хрещатик, вул. *488*
  Щербаковий пров. *518*
Київська губ. 36, 39, 54, 117, 149, 291, *343*, *359*, *361*, *364*, *366*, *372*, *375*, *376*, *378–380*, *394*, *423*, *567*
Київська Русь *465*
Київський пов. *482*, *483*
Київщина *398*
Кинь-Горе див. Кукуріківщина, хут.
Кіровоградська обл. *377*
Козелець, м. 14, *350*
Козелецький пов. *350*
Коптев, с. *350*
Корець, м. 166, *494*, *495*
Корсунь, м. 21, *456*
Корчик, р. *494*
Крайна *439*, *440*
Краків (Kraków), м. *342*, *358*, *361*, *366*, *379*, *380*, *405*, *470*, *472*
Кременець, м. *398*, *577*
Кремник, м. *441*
Кривщиця, м. *440*
Крим, п-о 103, 107, 213
Кукуріківщина (Кинь-Горе), хут. *373*
Куликове поле 321, *349*, *582*, *583*
Ладозьке оз. *552*
Лауенбурґ, м. *439*
Леба, м. *439*
Лейпциґ див. Ляйпциґ, м.
Литва (Litwa) 230, 318, *358*, *368*, *475*, *497*, *531*, *577*
Ліверпуль, м. 27
Лондон, м. 90
Лохвиця, м. *347*, *473*
Лохвицький пов. *431*
Лузація *439*
Лузація Пруська *439*
Лузація Саксонська *439*
Луцьк, м. 7–9, *341–343*, *350*, *352*, *577*, *578*
Любич, м. 101

Ляйпциг (Leipzig), м. 74, *365*, *384*, *411*, *433*, *439*, *443*
Львів, м. 85, 161, *406*, *441*
Македонія *465*
Маківка, с. *499*
Мала Русь див. Україна
Малоросія див. Україна
Манчестер, м. 27
Мар'янське, с. *422*
Мартинівка, с. *511*, *512*
Мексика *530*, *565*
Миколаїв, хут. 147, *373*, *397*
Михайлівка, с. *352*
Михайлова Гора, хут. *567*
Міські Млини, с. 48, *389*
Мішенське, с. *506*
Млини див. Міські Млини, с.
Могильовська губ. *541*
Мокіївка, с. *388*
Моравія *439*, *465*
Москва (Moskwa), м. 22, 30, 31, 33, 34, 43, 57, 58, 74, 75, 80, 81, 87, 90, 103, 104, 107, 109, 111, 114, 116, 117, 120–122, 124, 125, 127–130, 132, 133, 135, 155, 160, 162, 164, 165, 169, 170, 178, 193, 199, 201, 202, 205, 212, 214, 222, 225, 236, 238, 240, 243–247, 257, 258, 260, 275, 283, 289, 293–295, 300–302, 304–306, 313, 318, 319, 321, 323, 325, 326, *332*, *341*, *345*, *351*, *352*, *369*, *370*, *372*, *374*, *382*, *383*, *389*, *397*, *398*, *407*, *409*, *412*, *415*, *418*, *419*, *421*, *429*, *431*, *440*, *451*, *452*, *456–458*, *462–465*, *474*, *483*, *489*, *491*, *492*, *496*, *498*, *512*, *524*, *530*, *532*, *541–543*, *545*, *547*, *558*, *559*, *567*, *568*, *570*, *574*, *577–579*
  Велика Нікітська вул. *474*, *544*
  Мала Нікітська вул. *505*, *544*
  Тверська вул. *397*
Московія 15, *534*, *578*
Московська держава 223, 319, *505*, *531*
Московська земля 223
Мотронівка, хут. 42, 57, 147–152, 154, 225, 264, 281, 303, *335*, *344*, *371*, *380*, *396*, *397*, *420*, *426*, *467*, *468*, *477–483*, *505*, *509*, *511*, *512*, *518*, *580*, *586*
Наддніпрянщина *425*
Нева, р. 160
Немирів, м. 162, *342*
Ніжин, м. 47, 66, *349*, *555*
Німеччина 108, 143, *349*, *465*
Новгород, м. 127, 130, 351, *383*, *533*, *576*
Новгород-Сіверський, м. 47, 148, 149, 217, 231, 313, *341*, *379*, *389*, *407*, *487*, *537*, *541*
Новоград-Волинський, м. 166, *491*
Новоград-Волинський пов. *494*
Новоросійський край *352*
Новоспасівська станиця *408*
Нью-Йорк, м. *334*
Одеса, м. 16, 52, 199, 291, 300, *352*, *359*, *360*, *396*, *405*, *433*, *437*, *440*, *482*, *484*
Ока, р. *506*
Оксфорд, м. *466*
Олександрівка (Aleksandrówka), міст. 19, 20, 24, 28, 64, 139, *355*, *363*, *365*, *366*, *404*, *470*, *472*
Олександрівський пов. *408*
Олександрівський р-н *377*
Оленівка, с. 397
Олонецька губ. *504*, *520*, *561*, *573*
Опішня, міст. 48, *389*
Орел, м. *396*, *530*
Орловська губ. 184
Осота (Osota, Стара Осота), с. 38, *377–379*
Остер, м. *350*
Остерський пов. *350*
Острог, м. 163, 166–168, *491*, *494*, *495*, *521*
Острогозький пов. *401*
Очаків (Oczaków) 116, *450*, *451*
Палестина 78
Паналюрище, с. *440*
Паннонія *465*
Париж (Paris), м. 15, 48, 85, 105, 107, *366*, *368*, *451*, *503*, *504*
Пензенська губ. *435*
Перегон, с. *383*
Переяслав, м. 38, 47, 70, 137, *377*, *408*, *422*, *427*, *428*, *470*
Перм, м. *400*
Пермська губ. 100, *435*
Персія *513*
Перу (Peru) *565*
Пест див. Пешт, м.
Петровський посад *408*
Петрозаводськ, м. 230, 238, *305–307*, *309*, *412*, *513*, *520*, *554*, *570*, *573*
Пешт (Пест), м. *441*, *442*
Пирятин, м. 70
Пирятинський пов. *409*, *420*
Плімут, м. 27
Погар, міст. 43, *383*
Поділ, р-н 14, 55, 104, 138, *438*
Поділля *425*
Подільська губ. 229, *359*, *398*, *423*, *563*, *577*
Познань, м. 152, 171, *368*, *439*, *498*
Познаньське герцогство 152, *439*
Полісся *425*
Полтава, м. 86, 126, 149, 152, 153, *408*, *426*, *526*, *536*
Полтавська губ. 48, *345*, *347*, *422*, *431*, *444*, *454*
Полтавщина *364*, *420*, *468*
Польське Королівство див. Польща
Польща (Польське Королівство, Реч Посполита, Królewstwo Polskie, Polska, Regnum Poloniae, Polonia) 20, 26, 27,

120, 152, 153, *335*, *354*, *368*, *405*, *438*, *439*, *442*, *443*, *449*, *455*, *470*, *475*, *483*, *500*, *510*
Помпей, м. 65, 78, 158, 262, *406*
Прага (Praha, Prag), м. 65, 85, 119, 143, 152, 161, 164, 165, 171, 172, *332*, *352*, *413*, *419*, *427*, *439*, *443*, *477*, *481*, *492*, *493*, *496*, *543*
Пресбург, м. 161, *441*, *489*
Прибалтійська Прусія див. Прусія Прибалтійська
Прилуки, м. *473*
Прусія 171, *452*
Прусія Прибалтійська *439*
Пруська Лузація див. Лузація Пруська
Псков, м. *383*, *402*, *533*, *576*
Рагуза *439–441*
Радомисль, м. 162, 163, *490*
Радомисльський пов. 379
Рафалівка, міст. *342*
Рим, м. 25, 90, 184, *367*, *384*, *406*, *529*, *548*
Рівне, м. 43, 53–57, 59, 63, 79, 82, 92, *350*, *385*, *393–396*, *398*, *419*, *493*, *495*, *496*
Ровно див. Рівне, м.
Російська держава (Російська імперія) 15, 44, 99, 319, *351*, *383*, *384*, *541*, *542*, *577*, *579*
Російська імперія див. Російська держава
Росія (Великоросія, Russia) 11, 40, 41, 66, 161, 187, 189, 228, 318, 319, *331*, *351*, *373*, *407*, *420*, *429*, *434*, *438*, *439*, *442*, *448*, *450*, *451*, *455*, *470*, *475*, *476*, *489*, *492*, *503*, *513*, *521*, *531*, *533*, *534*, *541*, *559*, *577–579*, *584*
Ростов, м. 231
Рось, р. *405*
Рудненська станц. *490*, *491*
Русь (Ruś) 11, 15, 24, 27, 114, 159, *335*, *343*, *354*, *421*, *440*, *536*, *578*, *354*
Русь Галицька див. Галичина
Русь Червона (Ruś Czerwona) 230, *536*, *542*
Саксонія *452*
Саксонська Лузація див. Лузація Саксонська
Сан-Франциско, м. 334
Санкт-Петербург (Petersburg), м. 23, 30, 32, 35, 49–53, 55–68, 70, 71, 73–88, 90–94, 98, 99, 101–103, 105, 106, 108–110, 112–115, 117–125, 130, 132, 134, 137, 139, 145, 147–151, 155, 156, 158–160, 165, 173–179, 181, 185, 192, 195, 206, 219, 220, 224–226, 236, 237, 243–249, 251–256, 258, 259, 261–268, 270, 272, 275, 276, 282, 283, 285–288, 293, 295, 299, 300, 302, 307, 309, 310, 315, 317, 324, 326, 327, *332*, *335*, *340*, *344*, *345*, *348*, *351–354*, *357*, *361*, *369*, *371*, *374*, *380–383*, *385–387*, *390*, *391*, *395–426*, *428*, *431–438*, *444*, *446–458*, *463–466*, *471*, *473–475*, *480*, *484–488*, *490*, *492*, *497–505*, *507*, *508*, *510*, *511*, *513–516*, *522*, *524*, *527–532*, *535*, *539–541*, *544–554*, *556–580*, *582*, *584–587*
Васільєвський Остров, р-н 69, 105, 117, 148, 174, *486*
Велика Морська вул. *516*
Коломна, р-н 81, *418*
Літєйна вул. *466*
Невський пр-т 25, 82, 181, 259, 264, *367*, *516*
Нова Дєрєвня, передм. 88, 90, 92, 93, *428*, *430*, *431*
Спаська Миза, передм. 106, 290, *431*, *560*
Спілки Друкарів вул. *418*
Торгова вул. 81, *418*
Саратов, м. *420*, *537*
Седнів, м. *345*, *493*
Сейм, р. *474*
Сербія 85, 116, *439*, *440*
Славонія *439*, *440*
Словаччина *493*
Случ, р. 166
Смоленськ, м. *533*
Софія, м. *440*
Стара Осота див. Осота, с.
Стародуб, м. *372*, *429*
Стародубський пов. *374*, *383*
Стеблів, міст. 118, 149, 229, *394*, *405*, *411*
Тиверіадське оз. *416*
Таврическая губ. див. Таврійська губ.
Таврійська губ. 149
Тарутин, с. 158
Теофіполь, м. 149
Тересполь, м. *494*
Тирнов, м. *440*
Тифин див. Тихвин, м.
Тифліс, м. 105–107, 148, *416*
Тихвин, м. 113
Томськ, м. *404*
Торнео, р. *552*
Торонто, м. *334*
Тула, м. 134, 177–191, 193–197, 199–212, 214–216, 218–221, 223–225, 227–241, 243–246, 248, 254, 256–258, 260, 262, 267, 268, 270, 272–274, 276–278, 281–305, 307–318, 320–327, *335*, *344*, *349*, *351*, *371*, *378*, *390*, *391*, *421*, *431*, *434*, *435*, *466*, *476*, *486*, *488*, *493*, *498*, *504–542*, *544–549*, *551*, *552*, *554–576*, *580–586*
Горо́хова вул. 173, 174
Київська вул. 181
Нова Дворянська вул. 225, 227
Посольська вул. 179, 183, 184
Рубцова вул. 313, 315
Садовникова вул. 313, 315
Стара Воронезька вул. 242, 289
Стара Дворянська вул. 299

Тульська губ. 310, 312, *580*
Туранівка, с. 231, *537*
Уваровка, с. 193
Україна (Малоросія, Южна Русь, Ukraina), 11, 12, 14, 15, 17–20, 22–24, 26, 29–35, 39–42, 44, 45, 47, 50, 54, 56, 66, 68, 71, 74, 75, 77–79, 81, 83, 84, 88, 90, 92–96, 107, 109–111, 114, 115, 124, 128, 132, 134, 135, 137, 144, 161, 164, 180, 183, 185–188, 190, 201, 206, 213, 214, 224, 225, 231, 244, 245, 247, 252, 253, 284, 296, 299, 300, 313, 314, 325–327, *335*, *337*, *344–348*, *351–353*, *355*, *356*, *358–370*, *372–374*, *376*, *378*, *380*, *381*, *384–386*, *388–390*, *393*, *402*, *403*, *415*, *416*, *420*, *421*, *423*, *426–428*, *432*, *438*, *442*, *443*, *447–451*, *452*, *459*, *461*, *467*, *469*, *470*, *473–475*, *478*, *480*, *483–485*, *490*, *492*, *493*, *495*, *501–503*, *509*, *510*, *532*, *535*, *536*, *541*, *543*, *563*, *564*, *567*, *570*, *577*, *581*, *586*
Умань, м. 20, 21, 223, *360*, *531*
Фастів, м. *384*
Фінляндія 265, 266, *552*, *553*
Флоренція (Firenze), м. *530*, *548*
Харків, м. 45, 56, 67, 68, 69, 73, 75, 104, 105, 111, 116, 117, 125, 149, 291, 300, 321, *333*, *390*, *408*, *414*, *429*, *446*, *448*, *454*, *458*, *462*, *486*, *492*, *537*, *551*
Харківська губ. 291, *454*
Херсонська губ. 291
Ходорків, с. *536*
Хорватія *465*
Царство Польське див. Польща
Царське Село 266, *553*
Чемері, с. *350*
Черкаси, м. *433*
Чернігів, м. 66, 101, 117, 127, 142, 149, 164, 217, *350*, *367*, *377*, *388*, *446*, *447*, *473*, *492*
Чернігівська губ. 43, 54, 120, 124, 135, 137, 143, 172, 235, 236, 246, 291, 293, 310, *372*, *373*, *380*, *435*, *454*, *492*, *556*, *564*, *572*, *580*
Чернігівщина *488*, *493*, *586*
Чернь, м. *574*
Чехія *465*, *493*
Чигирин, м. 23, 37, 105, 117, 148, *356*, *378*, *379*, *385*
Чигиринський пов. 38
Чорне море 52
Чорногорія *413*
Чотири Руки, с. 130
Чуднів, міст. *406*
Швейцарія 78, *416*
Швеція (Suecia) *442*
Шостка, м. *481*
Шотландія 81, *526*
Южна Русь див. Україна
Юрасівка, слоб. *401*
Яготин, міст. *488*

Aleksandrówka див. Олександрівка, міст.
Amsterdam *556*
Bruxelles, v. *530*
Czehryn див. Чигирин, м.
Firenze див. Флоренція, м.
Gałacz, m. *357*
Gdańsk див. Ґданськ, м.
Kaniów див. Канів, м.
Kijów див. Київ, м.
Kraków див. Краків, м.
Królewstwo Polskie див. Польща
Leipzig див. Ляйпциґ, м.
Litwa див. Литва
Łódź, m. *342*
Mexico див. Мексика
Mohylew, m. *443*
Moskwa див. Москва, м.
Oczaków див. Очаків, м.
Osota див. Осота, с.
Osotianka, rz. *378*
Oświecim, m. *379*
Paris див. Париж, м.
Peru див. Перу
Petersburg див. Санкт-Петербург, м.
Polska див. Польща
Polonia див. Польща
Prag див. Прага, м.
Praha див. Прага, м.
Regnum Poloniae див. Польща
Ruś див. Русь
Ruś Czerwona див. Русь Червона
Rzeszów, m. *358*, *367*
Suecia див. Швеція
Taśmin, rz. *378*
Trebizond, m. *357*
Ukraina див. Україна
Warszawa див. Варшава, м.
Wilno див. Вільно, м.
Woroneż див. Вороніж, міст.
Wrocław, m. *354*, *361*, *366*, *405*, *471*, *485*
Zamość, m. *379*
Zatorsk, m. *379*
Żółty Wody, rz. *362*

ПОКАЖЧИК АЛЬМАНАХІВ, ЗБІРНИКІВ, ПЕРІОДИЧНИХ І ПРОДОВЖУВАНИХ ВИДАНЬ

«Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек» (СПб.) 318, *577*

«Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (СПб.) 318, *577*

«Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (СПб.) 318, *577*

«Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Экспедициею Императорской Академии наук» (СПб.) 318, *577*

«Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства» (СПб.) 318, *577*

«Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (СПб.) 319, *578*

«Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских» (М.) 319, *542*, *578*

«Денница = Jutrzenka» (Варшава) 64, *405*

«Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею» (СПб.) 318, *577*

«Древняя российская вивлиофика» (М./СПб.) 319, *579*

«Жизнь малороссийского народа» (нездійсн.) 42

«Журнал для чтения воспитанников Военного учебного заведения» (СПб.) 252, *547*

«Журнал Министерства народного просвещения (СПб.) 34, *352*, *371*, *372*, *418*, *444*, *461*

«Записки о Южной Руси» (нездійсн.) 45

«Запорожская старина» (Х.) 49, 87, 128, *362*, *363*, *368*, *376*, *389–391*, *427*, *448*, *462*, *498*

«Звѣздочка» (СПб.) 66, 175, 259, 266, 276, *340*, *402*, *407*, *434*, *466*, *550*, *553*, *554*

«Киевлянин» (К./М.) 7, 20, 33, 45, 313, *337*, *341*, *347*, *355*, *356*, *371*, *372*, *386*, *574*

«Киевский сборник» (нездійсн.) 48

«Киевский собеседник» (нездійсн.) 33, *371*

«Молодик» (Х./СПб) 126, 127, *418*, *461*, *462*

«Москвитянин» (М.) 11, 14, 15, 21, 24, 31, 33, 34, 48, 59, 60, 62, 67, 71, 77, 78, 80, 81, 117, 129, 149, 178, 211, 214, 235, 283, 290, 313, *345–347*, *354*, *355*, *362*, *365*, *369*, *375*, *386*, *389*, *399*, *400*, *409*, *415*, *416*, *418*, *436*, *447*, *450*, *463–465*, *498*, *523*, *524*, *526*, *529*, *546*, *560*, *579*

«Московский литературный и учёный сборник» (М.) 54, 161, *394*, *489*, *490*

«Новороссийский календарь» (О.) 57, *396*

«Отечественные записки» (СПб.) 54, 81, *345*, *432*, *526*, *527*, *545*, *565*, *584*

«Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе» (К.) 318, *577*

«Полное собрание русских летописей» (СПб.) 15, 44, 225, 318, *351*, *354*, *414*, *533*, *576*

«Полтавские губернские ведомости» 144, *475*

«Русские достопамятности» (М.) 319, *521*, *578*

«Русский инвалид» (СПб.) 225, *533*

«Русский исторический сборник» (М.) 319, *578*

«Сборник Муханова» (М.) 320, *580*

«Северная пчела» (СПб.) 155, *385*, *411*, *416*, *554*, *582*, *583*

До покажчика включено тільки назви, які зустрічаються в текстах листів.

«Синбирский сборник» (М.) 121, *456*
«Сніп» (Х.) 121
«Современник» (СПб.) 46, 49, 56, 59, 62, 64, 66, 67, 69, 74, 75, 81, 101–103, 106, 118, 139, 140, 176, 190, 222, 223, 257, 259, *340*, *346*, *348*, *354*, *365–367*, *370*, *386–388*, *392*, *398–402*, *404*, *408*, *410*, *413*, *418*, *419*, *433–436*, *444*, *452*, *453*, *471*, *475*, *483*, *491*, *503*, *504*, *523–527*, *530*, *531*, *533*, *535*, *537*, *545*, *550*, *553*, *565*
«Труды и летописи Императорского Общества истории и древностей российских» (М.) 319, *578*
«Тульские губернские ведомости» 301–303, 314, *568*, *569*, *574*
«Украинский вестник» (Х.) 127, *462*
«Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских» (М.) 77, 90, 104, 105, 107, 116–118, 120–124, 132, 135, 143, 162, 177–179, 183, 202, 205, 207, 215, 217, 223, 224, 226, 231, 238, 239, 247, 293, *345*, *362*, *369*, *373*, *374*, *391*, *415*, *416*, *421*, *429*, *437*, *438*, *442*, *443*, *445*, *450*, *452*, *454*, *455*, *457*, *460*, *473*, *474*, *479*, *481*, *485*, *489*, *491*, *492*, *521*, *532*, *534*, *538*, *541–543*, *553*, *578*
«Эконом» (СПб.) 249, 251, 252, 258, *547*
«Южный русский зборник» (Х.) 260, 269, 271, 284, *443*, *460*, *461*, *551*, *554*, *558*
«Athenaeum» (Вільно) 20, *356–358*, *361*, *366*, *386*, *471*
«Illustration» (Париж) 82

ПОКАЖЧИК ЛИСТІВ ЗА АДРЕСАТАМИ

о. Александр (Андрієвський)
Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р. 121 *455*

Андрієвський, Олександр див. о. Александр

Барановіч, Станіслав
Тула, 11 червня 1849 р. 293 *561*

Бібіков, Дмітрій
Луцьк, 6 травня 1841 р. 8 *343*

Білозерська, Мотрона
Тула, бл. 1–2 січня 1849 р. 254 *548*
Тула, березень ... квітень 1850 року 312 *573*

Білозерська, Олександра див. Куліш, Олександра

Білозерський, Василь
Мотронівка, 11 червня ... вересень 1844 року 42 *380*
Київ, 11 червня 1845 р. 52 *392*
Петрозаводськ, 14 січня 1850 р. 306 *570*

Білозерський, Віктор
Тула, 9 жовтня 1847 р. 183 *508*
Тула, 8 листопада 1847 р. 190 *512*
Тула, 15 листопада 1847 р. 193 *514*
Тула, 6 грудня 1847 р. 196 *516*
Тула, 10 грудня 1847 р. 197 *517*
Тула, 16 грудня 1847 р. 199 *518*
Тула, 20 грудня 1847 р. 201 *519*
Тула, січень ... 14 березня 1848 р. 215 *524*
Тула, 27 квітня 1848 р. 218 *528*
Тула, 13 листопада 1848 р. 240 *542*
Тула, 29 березня 1849 р. 286 *559*
Тула, 20 квітня 1849 р. 289 *560*
Тула, 20 квітня ... 11 червня 1849 р. 291 *560*

Прямим шрифтом позначено листи Куліша, курсивом – листи до нього

Тула, 1 жовтня 1849 р. ... 299 *566*
Тула, 19 жовтня ... початок листопада 1849 року ... 303 *569*
Тула, друга половина жовтня ... грудень 1849 року ... 304 *569*
Тула, 15 вересня 1849 р. ... березень 1850 року ... 311 *573*
Тула, 13 листопада 1850 р. ... 322 *584*

Білозерський, Микола Данилович
Київ, 14 вересня 1842 р. ... 10 *344*
Київ, 24 березня 1844 р. ... 34 *372*
Переяслав, 11 липня 1844 р. ... 38 *377*
Київ, 24 серпня 1844 р. ... 39 *379*
Київ, 17 червня 1845 р. ... 52 *392*
Тула, 9 ... 24 липня 1850 р. ... 320 *580*
Тула, 9 липня ... 24 серпня 1850 р. ... 320 *581*

Бодянський, Осип
Санкт-Петербург, 23 травня 1846 р. ... 83 *421*
Санкт-Петербург, 26 червня 1846 р. ... 86 *426*
Санкт-Петербург, бл. 26 червня 1846 р. ... 87 *428*
Нова Дерєвня, 16 липня 1846 р. ... 93 *431*
Санкт-Петербург, 21 серпня 1846 р. ... 103 *437*
Санкт-Петербург, 31 серпня – 1 вересня 1846 р. ... 110 *447*
Санкт-Петербург, 16 вересня 1846 р. ... 115 *450*
Санкт-Петербург, 8 жовтня 1846 р. ... 117 *451*
Санкт-Петербург, 18 жовтня 1846 р. ... 120 *454*
Санкт-Петербург, 21 жовтня 1846 р. ... 121 *455*
Санкт-Петербург, 22 жовтня 1846 р. ... 121 *455*
Санкт-Петербург, 28 жовтня 1846 р. ... 122 *456*
Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р. ... 123 *457*
Санкт-Петербург, 7 листопада 1846 р. ... 124 *457*
Москва, 9 ... 11 грудня 1846 р. ... 132 *465*
Борзна, 9 січня 1847 р. ... 142 *473*
Борзна, 10 січня 1847 р. ... 143 *474*
Мотронівка, 29 січня 1847 р. ... 148 *479*
Мотронівка, 7 лютого 1847 р. ... 151 *481*
Мотронівка, 13 лютого 1847 р. ... 154 *482*
Київ, Рудненська станція (?), 20–26 лютого 1847 р. ... 162 *490*
Москва, 28 лютого 1847 р. ... 164 *492*
Варшава, бл. 6 (18) березня 1847 р. ... 169 *496*
Варшава, 17 (29) березня 1847 р. ... 169 *496*
Варшава, 30 березня (11 квітня) 1847 р. ... 171 *497*
Санкт-Петербург, 1 вересня 1847 р. ... 177 *505*
Тула, 15 вересня 1847 р. ... 179 *507*
Тула, 7 жовтня 1847 р. ... 183 *508*
Тула, 22 грудня 1847 р. ... 202 *519*
Тула, 6 січня 1848 р. ... 205 *521*
Тула, 17 січня 1848 р. ... 207 *522*
Тула, 21 квітня 1848 р. ... 216 *526*
Тула, 19 травня 1848 р. ... 219 *528*
Тула, 16 червня 1848 р. ... 223 *531*
Тула, 4 липня 1848 р. ... 225 *533*
Тула, 16 липня 1848 р. ... 229 *535*

Тула, 11 серпня 1848 р. ... 230 *536*
Тула, 20 серпня 1848 р. ... 232 *538*
Тула, 23 жовтня 1848 р. ... 238 *540*
Тула, 6 листопада 1848 р. ... 239 *541*
Тула, 13 листопада 1848 р. ... 240 *542*
Тула, 17 листопада 1848 р. ... 241 *542*
Тула, 24 листопада 1848 р. ... 243 *544*
Тула, 24–26 листопада 1848 р. ... 244 *544*
Тула, 4 грудня 1848 р. ... 244 *544*
Москва, 17 грудня 1848 р. ... 245 *545*
Тула, 18 грудня 1848 р. ... 246 *545*
Тула, 5 січня 1849 р. ... 256 *549*
Тула, 12 січня 1849 р. ... 260 *551*
Тула, 16 березня 1849 р. ... 283 *558*
Тула, 11 червня 1849 р. ... 292 *561*
Тула, 26 червня 1849 р. ... 294 *562*
Тула, бл. 26 червня 1849 р. ... 295 *562*
Тула, 27 липня 1849 р. ... 295 *562*
Тула, 1 вересня 1849 р. ... 298 *565*
Тула, 1 жовтня 1849 р. ... 300 *566*
Тула, 1 листопада 1849 р. ... 301 *567*
Тула, 1 грудня 1849 р. ... 303 *569*
Тула, 7 січня 1850 р. ... 305 *570*
Тула, 28 січня 1850 р. ... 307 *571*
Тула, 15 лютого 1850 р. ... 308 *572*
Тула, 10 травня 1850 р. ... 314 *574*
Тула, 14 травня 1850 р. ... 315 *575*
Тула, 22 травня 1850 р. ... 315 *575*
Тула, 6 вересня 1850 р. ... 321 *582*
Тула, 16 грудня 1850 р. ... 325 *585*

Вернадський, Іван
Санкт-Петербург, 13 грудня 1846 р. ... 132 *465*

Ганка, Вацлав
Санкт-Петербург, 28 квітня 1846 р. ... 82 *419*

Гулак, Микола
Санкт-Петербург, 8 грудня 1845 р. ... 60 *400*
Санкт-Петербург, 4 березня 1846 р. ... 74 *412*

Ґрабовський Міхал
Олександрівка, 17 листопада 1843 р. ... 24 *365*
Олександрівка, 24 грудня 1845 р. ... 64 *404*
Олександрівка, 1846 рік ... 139 *470*

Дубельт, Лєонтій
Санкт-Петербург, 13 квітня 1847 р. ... 173 *501*
Санкт-Петербург, 24 квітня 1847 р. ... 174 *502*
Санкт-Петербург, 27 квітня 1847 р. ... 175 *503*
Тула, 1 листопада 1847 р. ... 186 *510*
Санкт-Петербург, 10 листопада 1847 р. ... 192 *514*

Тула, 25 листопада 1847 р. ... 194 *515*
Тула, 3 січня 1848 р. ... 204 *520*
Тула, 6 січня 1848 р. ... 205 *521*
Санкт-Петербург, 14 січня 1848 р. ... 206 *522*
Тула, 24 січня 1848 р. ... 209 *523*
Тула, 12 травня 1848 р. ... 218 *528*
Санкт-Петербург, 20 травня 1848 р. ... 220 *529*
Тула, 28 серпня 1848 р. ... 233 *538*
Санкт-Петербург, 22 ... 30 вересня 1848 р. ... 236 *539*
Тула, 2 жовтня 1848 р. ... 236 *540*
Санкт-Петербург, 20 жовтня 1848 р. ... 237 *540*
Тула, 27 жовтня 1848 р. ... 239 *541*
Тула, 16 березня 1849 р. ... 284 *558*
Санкт-Петербург, 24 березня 1849 р. ... 285 *559*
Тула, 30 березня 1849 р. ... 287 *559*
Тула, 29 липня 1849 р. ... 297 *563*
Тула, 2 листопада 1849 р. ... 302 *568*
Тула, 25 лютого 1850 р. ... 309 *572*
Санкт-Петербург, 8 березня 1850 р. ... 310 *572*
Тула, 18 березня 1850 р. ... 311 *572*
Тула, 7 червня 1850 р. ... 316 *576*
Санкт-Петербург, 22 червня 1850 р. ... 317 *576*
Тула, 1 липня 1850 р. ... 317 *576*
Тула, 14 листопада 1850 р. ... 322 *584*

Забіла, Микола
Тула, 19 лютого 1848 р. ... 211 *523*
Тула, 26 квітня 1848 р. ... 218 *527*
Тула, 1 травня 1850 р. ... 312 *573*

Забіла, Надія
Київ, 21 грудня 1846 р. ... 135 *467*
Тула, 6 листопада 1847 р. ... 189 *511*
Тула, 15 грудня 1847 р. ... 197 *517*
Тула, кінець листопада ... перша половина грудня 1847 року ... 199 *517*
Тула, 2 лютого 1848 р. ... 210 *523*
Тула, 19 лютого 1848 р. ... 211 *523*
Тула, 26 квітня 1848 р. ... 218 *527*
Тула, 31 травня 1848 р. ... 221 *529*
Тула, 7 травня ... 16 червня 1848 р. ... 221 *529*
Тула, 22 червня 1848 р. ... 224 *532*
Тула, 11 липня 1848 р. ... 227 *534*
Тула, 11 серпня 1848 р. ... 232 *537*
Тула, 14 квітня 1849 р. ... 288 *560*
Тула, 18 жовтня 1849 р. ... 301 *567*
Тула, 1 травня 1850 р. ... 312 *573*
Київ (?), 30–31 липня 1850 р. ... 320 *581*
Тула, 11 вересня 1850 р. ... 321 *583*
Тула, 11 жовтня 1850 р. ... 322 *584*
Тула, жовтень ... листопад 1850 року ... 323 *584*
Тула, 16 грудня 1850 р. ... 326 *586*

Ішимова, Алєксандра
Санкт-Петербург, 14 серпня 1846 р. ... 99 *434*

Канцелярія III відділу
Санкт-Петербург, 15 жовтня 1848 р. ... 237 *540*

Кармалеєв, Лев
Санкт-Петербург, 14 січня 1849 р. ... 264 *552*

Квітка, Григорій
Київ, 25 січня 1843 р. ... 12 *347*

Київські «братці»
Санкт-Петербург, 28 травня ... серпень 1846 року ... 109 *446*

Корабльов, Стєпан
Київ, 22 квітня 1843 р. ... 16 *354*
Київ, 28 жовтня 1844 р. ... 43 *383*

Костомаров, Микола
Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р. ... 62 *402*
Санкт-Петербург, 2 травня 1846 р. ... 82 *419*
Нова Дєрєвня, 27 червня 1846 р. ... 88 *428*
Санкт-Петербург, 4 вересня 1846 р. ... 112 *448*
Санкт-Петербург, 11 вересня 1846 р. ... 114 *449*
Мотронівка, 16 січня 1847 р. ... 147 *477*

Куліш, Олександра
Мотронівка, 18 січня 1847 р. ... 147 *478*
Санкт-Петербург, 9 квітня 1847 р. ... 173 *499*
Тула, 14 вересня 1847 р. ... 179 *506*
Москва, 17 грудня 1848 р. ... 245 *545*
Санкт-Петербург, 22 грудня 1848 р. ... 247 *546*
Санкт-Петербург, 24–25 грудня 1848 р. ... 249 *546*
Санкт-Петербург, 25–30 грудня 1848 р. ... 251 *547*
Санкт-Петербург, 30 грудня 1848 р. – 1 січня 1849 р. ... 253 *548*
Санкт-Петербург, 1–3 січня 1849 р. ... 255 *548*
Тула, 5 січня 1849 р. ... 257 *549*
Санкт-Петербург, 4–5 січня 1849 р. ... 258 *550*
Санкт-Петербург, 8–12 січня 1849 р. ... 261 *551*
Санкт-Петербург, 12–14 січня 1849 р. ... 262 *552*
Санкт-Петербург, 18 січня 1849 р. ... 265 *552*
Санкт-Петербург, 17–21 січня 1849 р. ... 267 *553*
Санкт-Петербург, 24 січня 1849 р. ... 268 *554*
Тула, 30 січня – 1 лютого 1849 р. ... 270 *555*
Тула, 5–6 лютого 1849 р. ... 272 *555*
Тула, 7–9 лютого 1849 р. ... 274 *556*
Санкт-Петербург, друга половина січня ... лютий 1849 року ... 276 *557*
Тула, 27 лютого – 2 березня 1849 р. ... 277 *557*
Тула, 3–5 березня 1849 р. ... 278 *557*
Тула, 6–9 березня 1849 р. ... 281 *557*

Левицький, Симеон див. о. Симеон (Левицький)

Максимович, Михайло
Луцьк, 25 березня 1841 р. ... 7 *341*
Тула, 28 січня 1850 р. ... 308 *571*
Тула, 6 травня 1850 р. ... 313 *574*

Максимович, Павло
Санкт-Петербург, 18 лютого 1847 р. ... 155 *484*

Маркович, Опанас
Київ, 15 ... 18 жовтня 1845 р. ... 57 *395*
Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р. ... 70 *408*
Санкт-Петербург, 25 січня 1846 р. ... 71 *410*
Санкт-Петербург, 14 березня 1846 р. ... 76 *414*
Санкт-Петербург, 28 травня 1846 р. ... 84 *422*

Метлинський, Амвросій
Харків, 4 грудня 1846 р. ... 125 *458*

«Москвитянин» див. редакція «Москвитянина»

Муравйов (Амурський), Ніколай
Тула, 12 вересня 1847 р. ... 178 *506*

Невстановлені особи
Київ, 29 січня 1845 р. ... 47 *388*
Санкт-Петербург, 28 серпня 1846 р. ... 108 *446*

Орлов, Алєксєй
Санкт-Петербург, 29 серпня 1847 р. ... 176 *504*
Тула, 28 серпня 1848 р. ... 234 *539*
Тула, 16 березня 1849 р. ... 285 *558*
Тула, 30 березня 1849 р. ... 287 *559*
Тула, 19 грудня 1850 р. ... 326 *586*

Плєтньов, Пьотр
Київ, 25 січня 1843 р. ... 13 *348*
Київ, 28 січня 1845 р. ... 46 *387*
Київ, 20 березня 1845 р. ... 49 *391*
Київ, 5 травня 1845 р. ... 50 *391*
Київ, 10 червня 1845 р. ... 51 *392*
Борзна, 2 серпня 1845 р. ... 53 *393*
Рівне, 9 жовтня 1845 р. ... 55 *395*
Рівне, 9 жовтня 1845 р. ... 56 *395*
Київ, 15 жовтня 1845 р. ... 56 *395*
Борзна, 26 жовтня 1845 р. ... 57 *396*
Санкт-Петербург, 9 лютого 1846 р. ... 73 *410*
Санкт-Петербург, 31 березня 1846 р. ... 79 *417*
Санкт-Петербург, 5 березня ... липень 1846 року ... 98 *433*
Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р. ... 101 *435*

Санкт-Петербург, 20 серпня 1846 р. ... 102 *436*
Санкт-Петербург, 22 серпня 1846 р. ... 106 *444*
Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р. ... 106 *444*
Санкт-Петербург, травень ... серпень 1846 року ... 109 *447*
Санкт-Петербург, 5 вересня 1846 р. ... 113 *448*
Санкт-Петербург, 7 вересня 1846 р. ... 114 *449*
Санкт-Петербург, 11 жовтня 1846 р. ... 118 *453*
Москва, 11 грудня 1846 р. ... 129 *463*
Борзна, 18 грудня 1846 р. ... 133 *466*
Київ, 26–27 грудня 1846 р. ... 136 *468*
Київ, 29 грудня 1846 р. ... 137 *469*
Київ, 4 січня 1847 р. ... 142 *473*
Борзна, 10 січня 1847 р. ... 144 *475*
Борзна, 14 січня 1847 р. ... 144 *476*
Мотронівка, 4 лютого 1847 р. ... 150 *480*
Мотронівка, 7 лютого 1847 р. ... 152 *482*
Київ, 18 лютого 1847 р. ... 154 *484*
Київ, 25 лютого 1847 р. ... 160 *487*
Острог, 27 лютого 1847 р. ... 163 *491*
Бяла, Варшава, 3–5 (15–17) березня 1847 р. ... 166 *494*
Варшава, 18 (30) березня 1847 р. ... 170 *497*
Санкт-Петербург, 22 квітня 1847 р. ... 174 *502*
Санкт-Петербург, 24 травня 1847 р. ... 175 *503*
Санкт-Петербург, 2 вересня 1847 р. ... 178 *505*
Тула, 16 вересня 1847 р. ... 180 *507*
Тула, 27 вересня 1847 р. ... 181 *507*
Тула, 2 жовтня 1847 р. ... 182 *507*
Тула, 15 жовтня 1847 р. ... 184 *509*
Тула, 25 жовтня 1847 р. ... 185 *509*
Тула, 1 листопада 1847 р. ... 188 *511*
Тула, 8 листопада 1847 р. ... 191 *513*
Тула, 22 листопада 1847 р. ... 193 *515*
Тула, 25 листопада 1847 р. ... 195 *516*
Тула, 16 грудня 1847 р. ... 200 *518*
Тула, 23 грудня 1847 р. ... 203 *519*
Тула, 3 січня 1848 р. ... 204 *520*
Тула, 7 січня 1848 р. ... 206 *521*
Тула, 17 січня 1848 р. ... 208 *522*
Тула, 14 березня 1848 р. ... 215 *525*
Спаська Миза, 27 травня 1849 р. ... 290 *560*
Тула, 1 грудня 1849 р. ... 304 *569*
Санкт-Петербург, 30 листопада 1850 р. ... 324 *585*
Тула, 13 грудня 1850 р. ... 324 *585*
Санкт-Петербург, 26 грудня 1850 р. ... 327 *587*

Погодін, Міхаїл
Київ, 25 січня 1843 р. ... 12 *346*
Київ, 2 березня 1843 р. ... 13 *350*
Київ, 27 квітня 1843 р. ... 17 *354*
Київ, 15 жовтня 1843 р. ... 21 *361*
Київ, 2 листопада 1843 р. ... 24 *365*

Київ, 28 листопада 1843 р. ... 31 *370*
Київ, 4 лютого 1844 р. ... 33 *371*
Москва, 4 листопада 1845 р. ... 58 *397*
Санкт-Петербург, 24 листопада 1845 р. ... 59 *399*
Санкт-Петербург, 17 січня 1846 р. ... 71 *409*
Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р. ... 77 *415*
Санкт-Петербург, 13 квітня 1846 р. ... 80 *417*
Москва, 9 грудня 1846 р. ... 128 *462*
Москва, 10 грудня 1846 р. ... 128 *463*
Москва, 10 грудня 1846 р. ... 129 *463*
Тула, 2 лютого 1848 р. ... 211 *523*
Тула, 7 березня 1848 р. ... 214 *524*
Тула, 1 вересня 1848 р. ... 235 *539*

Редакція «Москвитянина»
Київ, 29 травня 1842 р. ... 11 *345*
Київ, 9 жовтня 1842 р. ... 11 *346*

Рігельман, Микола
Київ, 24 ... 25 лютого 1847 р. ... 161 *489*

Сердюков, Петро
Санкт-Петербург, 21–22 лютого 1847 р. ... 156 *485*

о. Симеон (Левицький)
Санкт-Петербург, 20 жовтня 1846 р. ... 120 *455*

Славніцький, Іван
Тула, 5 серпня 1849 р. ... 297 *564*
Тула, 16 серпня 1849 р. ... 298 *565*

Срезневський, Ізмаїл
Київ, 13 лютого 1845 р. ... 48 *389*
Київ, 13 березня 1845 р. ... 49 *391*
Київ, 21 вересня 1845 р. ... 53 *393*
Санкт-Петербург, 10 грудня 1845 р. ... 61 *401*
Санкт-Петербург, 10 січня 1846 р. ... 67 *408*
Санкт-Петербург, 29 січня 1846 р. ... 73 *410*
Санкт-Петербург, 29 січня ... 27 лютого 1846 р. ... 74 *411*
Санкт-Петербург, 28 лютого 1846 р. ... 74 *411*
Санкт-Петербург, 7 березня 1846 р. ... 75 *413*
Санкт-Петербург, 21 квітня 1846 р. ... 81 *418*
Санкт-Петербург, 20 липня 1846 р. ... 94 *431*
Санкт-Петербург, 24 серпня 1846 р. ... 106 *444*
Санкт-Петербург, 12 жовтня 1846 р. ... 119 *453*
Санкт-Петербург, 2 листопада 1846 р. ... 123 *457*
Санкт-Петербург, 8 листопада 1846 р. ... 124 *458*
Санкт-Петербург, 17 листопада 1846 р. ... 125 *458*
Тула, 5 липня 1848 р. ... 227 *534*

III відділ, канцелярія див. канцелярія III відділу

Ханенко, Олександр
Київ, кінець 1843 року ... березень 1844 року 35 *374*
Київ, 20 квітня 1844 р. 36 *375*
Київ, 20 жовтня 1844 р. 42 *382*
Київ, 6 лютого 1845 р. 47 *388*
Нова Дерєвня, 10 липня 1846 р. 92 *431*
Київ, 24 грудня 1846 р. 135 *468*

Чуйкевич, Петро
Кам'янець-Подільський, 1 березня 1847 р. 165 *493*
Варшава, 31 березня (12 квітня) 1847 р. 171 *498*

Шевирьов, Стєпан
Київ, 20 листопада 1843 р. 29 *369*

Шевченко, Тарас
Київ, 20 жовтня 1843 р. 23 *363*
Київ, 5 червня 1844 р. 37 *375*
Київ, 31 грудня 1844 р. 44 *384*
Санкт-Петербург, 25 липня 1846 р. 94 *432*

Юзефович, Михайло
Київ, 15 квітня 1843 р. 16 *352*
Київ, 27 квітня 1843 р. 18 *355*
Олександрівка, 31 липня 1843 р. 19 *355*
Умань, 14 серпня 1843 р. 20 *360*
Київ, 7 жовтня 1843 р. 21 *361*
Київ, 23 листопада 1843 р. 29 *369*
Київ, 10 грудня 1843 р. 31 *370*
Київ, 22 серпня 1844 р. 38 *377*
Сквира, 10 вересня 1844 р. 40 *379*
Рівне, 6 жовтня 1845 р. 54 *394*
Санкт-Петербург, 13 листопада 1845 р. 58 *397*
Санкт-Петербург, 20 грудня 1845 р. 63 *404*
Санкт-Петербург, 25 грудня 1845 р. 65 *406*
Санкт-Петербург, 23 березня 1846 р. 78 *416*
Санкт-Петербург, 30 травня 1846 р. 85 *422*
Санкт-Петербург, 22 червня 1846 р. 86 *425*
Нова Дерєвня, 8 липня 1846 р. 90 *430*
Борзна, 14 січня 1847 р. 146 *477*
Мотронівка, 29 січня 1847 р. 149 *479*
Київ, кінець грудня 1846 року ... друга половина лютого 1847 року ... 162 *490*

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

ВПД ДІМ	Відділ письмових джерел Державного історичного музею, Москва
ВР ІЛ	Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України
ВР ІРЛІ	Відділ рукописів Інституту російської літератури (Пушкінський Дім), Санкт-Петербург
ВР РНБ	Відділ рукописів Російської національної бібліотеки, Санкт-Петербург
ДАРФ	Державний архів Російської Федерації, Москва
ДАФ НХМУ	Документально-архівний фонд Національного художнього музею України
ДМЛУ	Державний музей літератури України
ІМФЕ	Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України
НДВР РДБ	Науково-дослідний відділ рукописів Російської державної бібліотеки, Москва
РДІА	Російський державний історичний архів, Санкт-Петербург
РДАЛМ	Російський державний архів літератури й мистецтва, Москва
ЦДІА	Центральний державний історичний архів України, м. Київ
ЧІМ	Чернігівський історичний музей ім. В. В. Тарновського
ЧЛМК	Чернігівський літературно-меморіяльний музей-заповідник М. М. Коцюбинського

Айзеншток 1929	*І. Айзеншток.* До етнографічних планів 1840-х рр. // За сто літ. – [К.], 1929. – Кн. 4. – С. 11–24. – (Записки колишньої Історичної секції Українського наукового товариства в Київі. – Т. XXVII).
Айзеншток 1930	*І. Айзеншток.* Листи П. Куліша до Ізм. Срезнєвського // Літературний архів. – Х., 1930. – Кн. 1/2. – С. 196–221.
Барсуков	*Н. Барсуков.* Жизнь и труды М. П. Погодина. – СПб., 1893. – Кн. VII. – 603 с.; СПб., 1894. – Кн. VIII. – 629 с.; СПб., 1895. – Кн. IX. – 498 с.
Воспоминания	*П. Кулиш.* Около полустолетия назад: Литературные воспоминания / Упор. тексту, комент. Є. Нахліка, О. Федорука // Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк: Вид-во М. П. Коць, 2000. – С. 110–156.
Жизнь	[*П. Куліш*]. Жизнь Куліша // Правда. – 1868. – Ч. 3. – 22 січ. – С. 32–34; Ч. 24. – 30 черв. – С. 283–286; Ч. 25. – 8 лип. – С. 296–300; Ч. 27. – 22 лип. – С. 322–324.

КМТ — Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. / Упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко. – К.: Наук. думка, 1990. – Т. 1. – 542 с.: іл.; Т. 2. – 694 с.: іл.; Т. 3. – 435 с.: іл.

Листи — *П. Куліш.* Листи до М. Д. Білозерського / Упор., вступ. стат. і комент. О. Федорука. – Л.; Нью-Йорк: В-во М. П. Коць, 1997. – 219 с.

Міяковський — *В. Міяковський.* Люди сорокових років. (Кирило-методіївці в їх листуванні) // За сто літ / Історична секція УАН. – [К.], 1928. – Кн. 2. – С. 33–98. – (Записки колишньої Історичної секції Українського наукукового товариства в Київі. – Т. XXV).

Павлушков — *М. П. Павлушков.* Куліш у Тулі на засланні // Записки історично-філологічного відділу / УАН. – К., 1927. – Кн. XIII/XIV. – С. 111–143. – (Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ятдесятих роковин наукової діяльности. – Част. II).

Переписка — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым / Изд. под ред. К. Я. Грота. – СПб., 1896. – Т. 1. – 704 с.; Т. 2. – 968 с.; Т. 3. – 854 с.

Письма к Бодянскому — Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому / Сообщ. А. Титов // Киевская старина. – 1897. – Т. LVIII. – Сент. – Отд. I. – С. 394–408; Т. LIX. – Окт. – С. 27–45; Нояб. – С. 242–280; 1898. – Т. LX. – Февр. – С. 283–313.

Письма к Юзефовичу — Письма П. А. Кулиша к М. В. Юзефовичу (1843–1861 г.г.) // Киевская старина. – 1899. – Т. LXIV. – Февр. – Отд. I. – С. 185–208; Март. – С. 303–324.

Савченко — *Ф. Савченко.* Листи П. Куліша до М. Погодіна (1842–1851) // П. О. Куліш: (Матеріяли і розвідки). – Л., 1929. – Част. I. – С. 1–26. – (Збірник Філологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка. – Т. XXII).

Шацька — *А. Шацька.* Недруковане листування П. О. Куліша з О. М. Бодянським. (До проблеми відтворення тексту) // Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Л.; Нью-Йорк, 2000. – С. 213–234.

Шевелів — *Б. Шевелев.* Сторінки з життя П. Куліша за 40-их р.р. (Листи П. Куліша до О. Ханенка) // Життя й Революція. – 1928. – Кн. X. – Жовт. – С. 146–151.

Щоденник — *П. Куліш.* Щоденник / Упор. тексту, прим. С. М. Кіржаєва. – К., 1993. – 87 с. – (Серія книжкових пам'яток «Українські пропілеї»).

ЗІФВ / УАН — Записки Історично-філологічного відділу / Українська академія наук

ЗНТШ — Записки Наукового товариства імени Шевченка = Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка

ЛА — Літературний архів

ЛНВ — Літературно-науковий вістник

КС — Киевская старина

РА — Русский архив

РВ — Русский вестник

РЛ — Радянське літературознавство

РС — Русская старина

ЗМІСТ

Листи 5

1841

1. До Михайла Максимовича. *Луцьк, 25 березня* 7 *341*
2. До Дмітрія Бібікова. *Луцьк, 6 травня* 8 *343*

1842

3. До Миколи Даниловича Білозерського. *Київ, 14 вересня* 10 *344*
4. До редакції «Москвитянина». *Київ, 29 травня* 11 *345*
5. До редакції «Москвитянина». *Київ, 9 жовтня* 11 *346*

1843

6. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 25 січня* 12 *346*
7. До Григорія Квітки. *Київ, 25 січня* 12 *347*
8. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 25 січня* 13 *348*
9. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 2 березня* 13 *350*
10. До Михайла Юзефовича. *Київ, 15 квітня* 16 *352*
11. До Стєпана Корабльова. *Київ, 22 квітня* 16 *354*
12. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 27 квітня* 17 *354*
13. До Михайла Юзефовича. *Київ, 27 квітня* 18 *355*
14. До Михайла Юзефовича. *Олександрівка, 31 липня* 19 *355*
15. До Михайла Юзефовича. *Умань, 14 серпня* 20 *360*
16. До Михайла Юзефовича. *Київ, 7 жовтня* 21 *361*
17. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 15 жовтня* 21 *361*
18. До Тараса Шевченка. *Київ, 20 жовтня* 23 *363*
19. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 2 листопада* 24 *365*
20. *Від Міхала Ґрабовського. Олександрівка, 17 листопада* 24 *365*
21. До Стєпана Шевирьова. *Київ, 20 листопада* 29 *369*
22. До Михайла Юзефовича. *Київ, 23 листопада* 29 *369*
23. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 28 листопада* 31 *370*
24. До Михайла Юзефовича. *Київ, 10 грудня* 31 *370*

1844

25. До Міхаїла Погодіна. *Київ, 4 лютого* 33 *371*
26. До Миколи Даниловича Білозерського. *Київ, 24 березня* 34 *372*

27. До Олександра Ханенка. *Київ, кінець 1843 року ... березень* 35 *374*
28. До Олександра Ханенка. *Київ, 20 квітня* 36 *375*
29. До Тараса Шевченка. *Київ, 5 червня* 37 *375*
30. До Миколи Даниловича Білозерського. *Переяслав, 11 липня* 38 *377*
31. До Михайла Юзефовича. *Київ, 22 серпня* 38 *377*
32. До Миколи Даниловича Білозерського. *Київ, 24 серпня* 39 *379*
33. До Михайла Юзефовича. *Сквира, 10 вересня* 40 *379*
34. До Василя Білозерського. *Мотронівка, 11 червня ... вересень* 42 *380*
35. До Олександра Ханенка. *Київ, 20 жовтня* 42 *382*
36. До Стєпана Корабльова. *Київ, 28 жовтня* 43 *383*
37. До Тараса Шевченка. *Київ, 31 грудня* 44 *384*

1845

38. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 28 січня* 46 *387*
39. До невстановленої особи. *Київ, 29 січня* 47 *388*
40. До Олександра Ханенка. *Київ, 6 лютого* 47 *388*
41. До Ізмаїла Срезневського. *Київ, 13 лютого* 48 *389*
42. До Ізмаїла Срезневського. *Київ, 13 березня* 49 *391*
43. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 20 березня* 49 *391*
44. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 5 травня* 50 *391*
45. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 10 червня* 51 *392*
46. До Василя Білозерського. *Київ, 11 червня* 52 *392*
47. До Миколи Даниловича Білозерського. *Київ, 17 червня* 52 *392*
48. До Пєтра Плєтньова. *Борзна, 2 серпня* 53 *393*
49. До Ізмаїла Срезневського. *Київ, 21 вересня* 53 *393*
50. До Михайла Юзефовича. *Рівне, 6 жовтня* 54 *394*
51. До Пєтра Плєтньова. *Рівне, 9 жовтня* 55 *395*
52. До Пєтра Плєтньова. *Рівне, 9 жовтня* 56 *395*
53. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 15 жовтня* 56 *395*
54. До Опанаса Марковича. *Київ, 15 ... 18 жовтня* 57 *395*
55. До Пєтра Плєтньова. *Борзна, 26 жовтня* 57 *396*
56. До Міхаїла Погодіна. *Москва, 4 листопада* 58 *397*
57. До Михайла Юзефовича.*Санкт-Петербург, 13 листопада* 58 *397*
58. До Міхаїла Погодіна. *Санкт-Петербург, 24 листопада* 59 *399*
59. До Миколи Гулака. *Санкт-Петербург, 8 грудня* 60 *400*
60. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 10 грудня* 61 *401*
61. До Миколи Костомарова. *Санкт-Петербург, 10 грудня* 62 *402*
62. До Михайла Юзефовича. *Санкт-Петербург, 20 грудня* 63 *404*
63. *Від Міхала Грабовського. Олександрівка, 24 грудня* 64 *404*
64. До Михайла Юзефовича. *Санкт-Петербург, 25 грудня* 65 *406*

1846

65. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 10 січня* 67 *408*
66. До Опанаса Марковича. *Санкт-Петербург, 17 січня* 70 *408*
67. До Міхаїла Погодіна. *Санкт-Петербург, 17 січня* 71 *409*
68. До Опанаса Марковича. *Санкт-Петербург, 25 січня* 71 *410*

69. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 29 січня* 73 *410*
70. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 9 лютого* 73 *410*
71. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 29 січня ... 27 лютого* 74 *411*
72. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 28 лютого* 74 *411*
73. До Миколи Гулака. *Санкт-Петербург, 4 березня* 74 *412*
74. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 7 березня* 75 *413*
75. До Опанаса Марковича. *Санкт-Петербург, 14 березня* 76 *414*
76. До Міхаїла Погодіна. *Санкт-Петербург, 23 березня* 77 *415*
77. До Михайла Юзефовича. *Санкт-Петербург, 23 березня* 78 *416*
78. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 31 березня* 79 *417*
79. До Міхаїла Погодіна. *Санкт-Петербург, 13 квітня* 80 *417*
80. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 21 квітня* 81 *418*
81. До Вацлава Ганки. *Санкт-Петербург, 28 квітня* 82 *419*
82. До Миколи Костомарова. *Санкт-Петербург, 2 травня* 82 *419*
83. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 23 травня* 83 *421*
84. До Опанаса Марковича. *Санкт-Петербург, 28 травня* 84 *422*
85. До Михайла Юзефовича. *Санкт-Петербург, 30 травня* 85 *422*
86. До Михайла Юзефовича. *Санкт-Петербург, 22 червня* 86 *425*
87. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 26 червня* 86 *426*
88. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, бл. 26 червня* 87 *428*
89. До Миколи Костомарова. *Нова Дєрєвня, 27 червня* 88 *428*
90. До Михайла Юзефовича. *Нова Дєрєвня, 8 липня* 90 *430*
91. До Олександра Ханенка. *Нова Дєрєвня, 10 липня* 92 *431*
92. До Осипа Бодянського. *Нова Дєрєвня, 16 липня* 93 *431*
93. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 20 липня* 94 *431*
94. До Тараса Шевченка. *Санкт-Петербург, 25 липня* 94 *432*
95. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 5 березня ... липень* 98 *433*
96. До Алєксандри Ішимової. *Санкт-Петербург, 14 серпня* 99 *434*
97. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 20 серпня* 101 *435*
98. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 20 серпня* 102 *436*
99. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 21 серпня* 103 *437*
100. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 22 серпня* 106 *444*
101. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 24 серпня* 106 *444*
102. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 24 серпня* 106 *444*
103. До невстановленої особи. *Санкт-Петербург, 28 серпня* 108 *446*
104. До київських «братців». *Санкт-Петербург, 28 травня ... серпень* 109 *446*
105. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, травень ... серпень* 109 *447*
106. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 31 серпня – 1 вересня* 110 *447*
107. До Миколи Костомарова. *Санкт-Петербург, 4 вересня* 112 *448*
108. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 5 вересня* 113 *448*
109. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 7 вересня* 114 *449*
110. До Миколи Костомарова. *Санкт-Петербург, 11 вересня* 114 *449*
111. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 16 вересня* 115 *450*
112. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 8 жовтня* 117 *451*
113. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 11 жовтня* 118 *453*
114. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 12 жовтня* 119 *453*

115. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 18 жовтня* 120 *454*
116. До о. Симеона (Левицького). *Санкт-Петербург, 20 жовтня* 120 *455*
117. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 21 жовтня* 121 *455*
118. До о. Олександра (Андрієвського).
Санкт-Петербург, 22 жовтня 121 *455*
119. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 22 жовтня* 121 *455*
120. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 28 жовтня* 122 *456*
121. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 2 листопада* 123 *457*
122. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 2 листопада* 123 *457*
123. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 7 листопада* 124 *457*
124. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 8 листопада* 124 *458*
125. До Ізмаїла Срезневського. *Санкт-Петербург, 17 листопада* 125 *458*
126. *Від Амвросія Метлинського. Харків, 4 грудня* 125 *458*
127. До Міхаїла Погодіна. *Москва, 9 грудня* 128 *462*
128. До Міхаїла Погодіна. *Москва, 10 грудня* 128 *463*
129. До Міхаїла Погодіна. *Москва, 10 грудня* 129 *463*
130. До Пєтра Плєтньова. *Москва, 11 грудня* 130 *463*
131. До Осипа Бодянського. *Москва, 9 ... 11 грудня* 132 *465*
132. *Від Івана Вернадського. Санкт-Петербург, 13 грудня* 132 *465*
133. До Пєтра Плєтньова. *Борзна, 18 грудня* 133 *466*
134. До Надії Забіли. *Київ, 21 грудня* 135 *467*
135. До Олександра Ханенка. *Київ, 24 грудня* 135 *468*
136. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 26–27 грудня* 136 *468*
137. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 29 грудня* 137 *469*
138. *Від Міхала Ґрабовського. Олександрівка, 1846 рік* 139 *470*

1847

139. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 4 січня* 142 *473*
140. До Осипа Бодянського. *Борзна, 9 січня* 142 *473*
141. До Осипа Бодянського. *Борзна, 10 січня* 143 *474*
142. До Пєтра Плєтньова. *Борзна, 10 січня* 144 *475*
143. До Пєтра Плєтньова. *Борзна, 14 січня* 144 *476*
144. До Михайла Юзефовича. *Борзна, 14 січня* 146 *477*
145. До Миколи Костомарова. *Мотронівка, 16 січня* 147 *477*
146. До Олександри Білозерської. *Мотронівка, 18 січня* 147 *478*
147. До Осипа Бодянського. *Мотронівка, 29 січня* 148 *479*
148. До Михайла Юзефовича. *Мотронівка, 29 січня* 149 *479*
149. До Пєтра Плєтньова. *Мотронівка, 4 лютого* 150 *480*
150. До Осипа Бодянського. *Мотронівка, 7 лютого* 151 *481*
151. До Пєтра Плєтньова. *Мотронівка, 7 лютого* 152 *482*
152. До Осипа Бодянського. *Мотронівка, 13 лютого* 154 *482*
153. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 18 лютого* 154 *484*
154. *Від Павла Максимовича. Санкт-Петербург, 18 лютого* 155 *484*
155. *Від Петра Сердюкова. Санкт-Петербург, 22 лютого* 156 *485*
156. До Пєтра Плєтньова. *Київ, 25 лютого* 160 *487*

157. *Від Миколи Рігельмана. Київ, 24 ... 25 лютого* 161 *489*
158. До Михайла Юзефовича.
Київ, кінець грудня 1846 року ... друга половина лютого 162 *490*
159. До Осипа Бодянського.
Київ, Рудненська станція (?), 20–26 лютого 162 *490*
160. До Пєтра Плєтньова. *Острог, 27 лютого* 163 *491*
161. *Від Осипа Бодянського. Москва, 28 лютого* 164 *492*
162. *Від Петра Чуйкевича. Кам'янець-Подільський, 1 березня* 165 *493*
163. До Пєтра Плєтньова. *Бяла, Варшава, 3–5 (15–17) березня* 166 *494*
164. До Осипа Бодянського. *Варшава, бл. 6 (18) березня* 169 *496*
165. До Осипа Бодянського. *Варшава, 17 (29) березня* 169 *496*
166. До Пєтра Плєтньова. *Варшава, 18 (30) березня* 170 *497*
167. До Осипа Бодянського. *Варшава, 30 березня (11 квітня)* 171 *497*
168. До Петра Чуйкевича. *Варшава, 31 березня (12 квітня)* 171 *498*
169. До Олександри Куліш. *Санкт-Петербург, 9 квітня* 173 *499*
170. До Лєонтія Дубельта. *Санкт-Петербург, 13 квітня* 173 *501*
171. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 22 квітня* 174 *502*
172. До Лєонтія Дубельта. *Санкт-Петербург, 24 квітня* 174 *502*
173. До Лєонтія Дубельта. *Санкт-Петербург, 27 квітня* 175 *503*
174. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 24 травня* 175 *503*
175. До Алєксєя Орлова. *Санкт-Петербург, 29 серпня* 176 *504*
176. До Осипа Бодянського. *Санкт-Петербург, 1 вересня* 177 *505*
177. До Пєтра Плєтньова. *Санкт-Петербург, 2 вересня* 178 *505*
178. До Ніколая Муравйова (Амурського). *Тула, 12 вересня* 178 *506*
179. До Олександри Куліш. *Тула, 14 вересня* 179 *506*
180. До Осипа Бодянського. *Тула, 15 вересня* 179 *507*
181. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 16 вересня* 180 *507*
182. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 27 вересня* 181 *507*
183. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 2 жовтня* 182 *507*
184. До Осипа Бодянського. *Тула, 7 жовтня* 183 *508*
185. До Віктора Білозерського. *Тула, 9 жовтня* 183 *508*
186. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 15 жовтня* 184 *509*
187. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 25 жовтня* 185 *509*
188. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 1 листопада* 186 *510*
189. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 1 листопада* 188 *511*
190. До Надії Забіли. *Тула, 6 листопада* 189 *511*
191. До Віктора Білозерського. *Тула, 8 листопада* 190 *512*
192. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 8 листопада* 191 *513*
193. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 10 листопада* 192 *514*
194. До Віктора Білозерського. *Тула, 15 листопада* 193 *514*
195. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 22 листопада* 193 *515*
196. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 25 листопада* 194 *515*
197. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 25 листопада* 195 *516*
198. До Віктора Білозерського. *Тула, 6 грудня* 196 *516*
199. До Віктора Білозерського. *Тула, 10 грудня* 197 *517*

200. До Надії Забіли. *Тула, 15 грудня* ... 197 *517*
201. До Надії Забіли. *Тула, кінець листопада ... перша половина грудня* ... 199 *517*
202. До Віктора Білозерського. *Тула, 16 грудня* ... 199 *518*
203. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 16 грудня* ... 200 *518*
204. До Віктора Білозерського. *Тула, 20 грудня* ... 201 *519*
205. До Осипа Бодянського. *Тула, 22 грудня* ... 202 *519*
206. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 23 грудня* ... 203 *519*

1848

207. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 3 січня* ... 204 *520*
208. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 3 січня* ... 204 *520*
209. До Осипа Бодянського. *Тула, 6 січня* ... 205 *521*
210. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 6 січня* ... 205 *521*
211. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 7 січня* ... 206 *521*
212. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 14 січня* ... 206 *522*
213. До Осипа Бодянського. *Тула, 17 січня* ... 207 *522*
214. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 17 січня* ... 208 *522*
215. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 24 січня* ... 209 *523*
216. До Надії Забіли. *Тула, 2 лютого* ... 210 *523*
217. До Міхаїла Погодіна. *Тула, 2 лютого* ... 211 *523*
218. До Надії та Миколи Забіл. *Тула, 19 лютого* ... 211 *523*
219. До Міхаїла Погодіна. *Тула, 7 березня* ... 214 *524*
220. До Віктора Білозерського. *Тула, січень ... 14 березня* ... 215 *524*
221. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 14 березня* ... 215 *525*
222. До Осипа Бодянського. *Тула, 21 квітня* ... 216 *526*
223. До Надії та Миколи Забіл. *Тула, 26 квітня* ... 218 *527*
224. До Віктора Білозерського. *Тула, 27 квітня* ... 218 *528*
225. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 12 травня* ... 218 *528*
226. До Осипа Бодянського. *Тула, 19 травня* ... 219 *528*
227. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 20 травня* ... 220 *529*
228. До Надії Забіли. *Тула, 31 травня* ... 221 *529*
229. До Надії Забіли. *Тула, 7 травня ... 16 червня* ... 221 *529*
230. До Осипа Бодянського. *Тула, 16 червня* ... 223 *531*
231. До Надії Забіли. *Тула, 22 червня* ... 224 *532*
232. До Осипа Бодянського. *Тула, 4 липня* ... 225 *533*
233. До Ізмаїла Срезневського. *Тула, 5 липня* ... 227 *534*
234. До Надії Забіли. *Тула, 11 липня* ... 227 *534*
235. До Осипа Бодянського. *Тула, 16 липня* ... 229 *535*
236. До Осипа Бодянського. *Тула, 11 серпня* ... 230 *536*
237. До Надії Забіли. *Тула, 11 серпня* ... 232 *537*
238. До Осипа Бодянського. *Тула, 20 серпня* ... 232 *538*
239. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 28 серпня* ... 233 *538*
240. До Алєксєя Орлова. *Тула, 28 серпня* ... 234 *539*
241. До Міхаїла Погодіна. *Тула, 1 вересня* ... 235 *539*
242. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 22 ... 30 вересня* ... 236 *539*

243. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 2 жовтня* ... 236 *540*
244. *Від канцелярії III відділу. Санкт-Петербург, 15 жовтня* ... 237 *540*
245. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 20 жовтня* ... 237 *540*
246. До Осипа Бодянського. *Тула, 23 жовтня* ... 238 *540*
247. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 27 жовтня* ... 239 *541*
248. До Осипа Бодянського. *Тула, 6 листопада* ... 239 *541*
249. До Віктора Білозерського. *Тула, 13 листопада* ... 240 *542*
250. До Осипа Бодянського. *Тула, 13 листопада* ... 240 *542*
251. До Осипа Бодянського. *Тула, 17 листопада* ... 241 *542*
252. До Осипа Бодянського. *Тула, 24 листопада* ... 243 *544*
253. До Осипа Бодянського. *Тула, 24–26 листопада* ... 244 *544*
254. До Осипа Бодянського. *Тула, 4 грудня* ... 244 *544*
255. *Від Осипа Бодянського й Олександри Куліш. Москва, 17 грудня* ... 245 *545*
256. До Осипа Бодянського. *Тула, 18 грудня* ... 246 *545*
257. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 22 грудня* ... 247 *546*
258. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 24–25 грудня* ... 249 *546*
259. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 25–30 грудня* ... 251 *548*

1849

260. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 30 грудня 1848 р. – 1 січня* ... 253 *548*
261. До Мотрони Білозерської. *Тула, бл. 1–2 січня* ... 254 *548*
262. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 1–3 січня* ... 255 *548*
263. До Осипа Бодянського. *Тула, 5 січня* ... 256 *549*
264. До Олександри Куліш. *Тула, 5 січня* ... 257 *549*
265. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 4–5 січня* ... 258 *550*
266. До Осипа Бодянського. *Тула, 12 січня* ... 260 *551*
267. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 8–12 січня* ... 261 *551*
268. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 12–14 січня* ... 262 *552*
269. *Від Льва Кармалеєва. Санкт-Петербург, 14 січня* ... 264 *552*
270. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 18 січня* ... 265 *552*
271. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 17–21 січня* ... 267 *553*
272. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, 24 січня* ... 268 *554*
273. До Олександри Куліш. *Тула, 30 січня – 1 лютого* ... 270 *555*
274. До Олександри Куліш. *Тула, 5–6 лютого* ... 272 *555*
275. До Олександри Куліш. *Тула, 7–9 лютого* ... 274 *556*
276. *Від Олександри Куліш. Санкт-Петербург, друга половина січня ... лютий* ... 276 *557*
277. До Олександри Куліш. *Тула, 27 лютого – 2 березня* ... 277 *557*
278. До Олександри Куліш. *Тула, 3–5 березня* ... 278 *557*
279. До Олександри Куліш. *Тула, 6–9 березня* ... 281 *557*
280. До Осипа Бодянського. *Тула, 16 березня* ... 283 *558*
281. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 16 березня* ... 284 *558*
282. До Алєксєя Орлова. *Тула, 16 березня* ... 285 *558*
283. *Від Лєонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 24 березня* ... 285 *559*

284. До Віктора Білозерського. *Тула, 29 березня* ... 286 *559*
285. До Леонтія Дубельта. *Тула, 30 березня* ... 287 *559*
286. До Алєксєя Орлова. *Тула, 30 березня* ... 287 *559*
287. До Надії Забіли. *Тула, 14 квітня* ... 288 *560*
288. До Віктора Білозерського. *Тула, 20 квітня* ... 289 *560*
289. *Від Пєтра Плєтньова. Спаська Миза, 27 травня* ... 290 *560*
290. До Віктора Білозерського. *Тула, 20 квітня ... 11 червня* ... 291 *560*
291. До Осипа Бодянського. *Тула, 11 червня* ... 292 *561*
292. *Від Станіслава Барановіча. Тула, 11 червня* ... 293 *561*
293. До Осипа Бодянського. *Тула, 26 червня* ... 294 *562*
294. До Осипа Бодянського. *Тула, бл. 26 червня* ... 295 *562*
295. До Осипа Бодянського. *Тула, 27 липня* ... 295 *562*
296. До Леонтія Дубельта. *Тула, 29 липня* ... 297 *563*
297. До Івана Славніцького *Тула, 5 серпня* ... 297 *564*
298. До Івана Славніцького. *Тула, 16 серпня* ... 298 *565*
299. До Осипа Бодянського. *Тула, 1 вересня* ... 298 *565*
300. До Віктора Білозерського. *Тула, 1 жовтня* ... 299 *566*
301. До Осипа Бодянського. *Тула, 1 жовтня* ... 300 *566*
302. До Надії Забіли. *Тула, 18 жовтня* ... 301 *567*
303. До Осипа Бодянського. *Тула, 1 листопада* ... 301 *567*
304. До Леонтія Дубельта. *Тула, 2 листопада* ... 302 *568*
305. До Віктора Білозерського. *Тула, 19 жовтня ... початок листопада* ... 303 *569*
306. До Осипа Бодянського. *Тула, 1 грудня* ... 303 *569*
307. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 1 грудня* ... 304 *569*
308. До Віктора Білозерського.
Тула, друга половина жовтня ... грудень ... 304 *569*

1850

309. До Осипа Бодянського. *Тула, 7 січня* ... 305 *570*
310. *Від Василя Білозерського. Петрозаводськ, 14 січня* ... 306 *570*
311. До Осипа Бодянського. *Тула, 28 січня* ... 307 *571*
312. До Михайла Максимовича. *Тула, 28 січня* ... 308 *571*
313. До Осипа Бодянського. *Тула, 15 лютого* ... 308 *572*
314. До Леонтія Дубельта. *Тула, 25 лютого* ... 309 *572*
315. *Від Леонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 8 березня* ... 310 *572*
316. До Леонтія Дубельта. *Тула, 18 березня* ... 311 *572*
317. До Віктора Білозерського. *Тула, 15 вересня 1849 р. ... березень* ... 311 *573*
318. До Мотрони Білозерської. *Тула, березень ... квітень* ... 312 *573*
319. До Надії та Миколи Забіл. *Тула, 1 травня* ... 312 *573*
320. До Михайла Максимовича. *Тула, 6 травня* ... 313 *574*
321. До Осипа Бодянського. *Тула, 10 травня* ... 314 *574*
322. До Осипа Бодянського. *Тула, 14 травня* ... 315 *575*
323. До Осипа Бодянського. *Тула, 22 травня* ... 315 *575*
324. До Леонтія Дубельта. *Тула, 7 червня* ... 316 *576*
325. *Від Леонтія Дубельта. Санкт-Петербург, 22 червня* ... 317 *576*

326. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 1 липня* ... 317 *576*
327. До Миколи Даниловича Білозерського. *Тула, 9 ... 24 липня* ... 320 *580*
328. *Від Надії Забіли. Київ (?), 30–31 липня* ... 320 *581*
329. До Миколи Даниловича Білозерського. *Тула, 9 липня ... 24 серпня* 320 *581*
330. До Осипа Бодянського. *Тула, 6 вересня* ... 321 *582*
331. До Надії Забіли. *Тула, 11 вересня* ... 321 *583*
332. До Надії Забіли. *Тула, 11 жовтня* ... 322 *584*
333. До Віктора Білозерського. *Тула, 13 листопада* ... 322 *584*
334. До Лєонтія Дубельта. *Тула, 14 листопада* ... 322 *584*
335. До Надії Забіли. *Тула, жовтень ... листопад* ... 323 *584*
336. *Від Пєтра Плєтньова. Санкт-Петербург, 30 листопада* ... 324 *585*
337. До Пєтра Плєтньова. *Тула, 13 грудня* ... 324 *585*
338. До Осипа Бодянського. *Тула, 16 грудня* ... 325 *585*
339. До Надії Забіли. *Тула, 16 грудня* ... 326 *586*
340. До Алєксєя Орлова. *Тула, 19 грудня* ... 326 *586*
341. *Від Пєтра Плєтньова. Санкт-Петербург, 26 грудня* ... 327 *587*

Коментарі ... 329

Покажчик імен та назв творів ... 588

Покажчик неповних імен ... 618

Покажчик географічних назв ... 620

Покажчик альманахів, збірників, періодичних і продовжуваних видань ... 625

Покажчик листів за адресатами ... 627

Умовні скорочення ... 636

Літературно-наукове видання

Пантелеймон Куліш

Повне зібрання творів

ЛИСТИ

Том I
1841–1850

Технічний редактор *Майя Притикіна*
Дизайн та верстка *Володимира Романишина*
Коректор *Світлана Гайдук*

Підписано до друку 1.06.2005. Формат 70x100 1/16 зменшений.
Умовн. друк. арк. 48,6. Умовн. фарбо-відб. 48,6.
Обл.-вид. арк. 49,78. Зам. 5-1126.

СП «Часопис "Критика"». 01001, Київ-1, а/с 255.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ДК № 2189 від 18.05.2005.

Надруковано у ЗАТ «ВІПОЛ»
03151, Київ-151, вул. Волинська, 60.

Пантелеймон Куліш. Повне зібрання творів. Листи. –
К 90 К.: Критика, 2005. – Т. І: 1841–1850 / Упоряд., комент. Олесь Федорук; підгот. текстів Олесь Федорук, Наталья Хохлова; відп. ред. Степан Захаркін. – 648 с.

ISBN 966-7679-69-1
ISBN 966-7679-70-5 (т. І)

ББК 84.4УКР1